БРЭМ

СТОКЕР

ГРАФ ДРАКУЛА, ВАМПИР

БРЭМ
СТОКЕР
Граф Дракула,
вампир

Дракула

•

Сокровище семи звезд

•

Логово белого червя

•

В гостях у Дракулы

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ

БРЭМ

СТОКЕР

Граф Дракула, вампир

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

УДК 820
ББК 84(4 Ирл)
С 81

Bram STOKER

DRACULA
THE JEWEL OF SEVEN STARS
THE LAIR OF THE WHITE WORM
DRACULA'S GUEST AND OTHER WEIRD STORIES

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Стокер Б.

С 81 Граф Дракула, вампир: Романы, рассказы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2006. — 928 с. (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-04958-4

Эта мистическая вселенная была создана почти сто лет назад.

Ее границы простираются от египетских пирамид и старинного замка в горах Трансильвании до туманного Лондона. Населяющих ее людей обуревают тайные страсти и гложут скрытые пороки.

В этом мире обитают граф Дракула, самый знаменитый вампир всех времен и народов, и злобные доисторические чудовища.

В этой вселенной пытаются оживить египетскую мумию и открыть законы, правящие миром Богов и людей.

УДК 820
ББК 84(4 Ирл)

© **Перевод. Н. Докучаева, О. Васант, В. Смирнов, 2004**
© **Изменения и дополнения к тексту романа «Дракула». Е. Гуляева, 2004**
© **Примечания. В. Иванов, 2004**
© **Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2004**

ISBN 5-699-04958-4

ДРАКУЛА

Моему дорогому другу Хомми-Бегу

Последовательность, в которой представлены эти бумаги, станет понятна по мере их прочтения. Все ненужное опущено, чтобы эта история, сколь бы невероятной она ни казалась по современным меркам, выглядела как бесспорный факт. В изложении происшедших событий нет никаких ошибок памяти, поскольку все отобранные свидетельства зафиксированы по горячим следам и отражают точку зрения и меру понимания участников событий.

Глава I

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Стенографическая запись)

3 мая. Бистрица.

Выехал из Мюнхена 1 мая в 8.35 вечера и прибыл в Вену рано утром на следующий день; должен был приехать в 6.46, но поезд опоздал на час. По тому, что я мельком видел из окна поезда, а также прогуливаясь по улицам, я решил, что Будапешт на редкость красивый город. Я боялся забираться слишком далеко от вокзала, так как наш поезд опаздывал и должен был вскоре отправиться дальше. У меня было такое чувство, точно мы покинули Запад и оказались на Востоке, а самый западный из великолепных мостов, перекинутых через Дунай, достигающий здесь громадной ширины и глубины, напомнил мне о временах турецкого владычества.

Выехали мы своевременно и к сумеркам прибыли в Клаузенбург. Здесь я остановился на ночь в гостинице «Отель Ройял». Мне подали к обеду или, вернее, к ужину цыпленка, приготовленного каким-то оригинальным способом с красным перцем — прекрасное блюдо, но возбуждающее сильную жажду. (*Прим.:* взять рецепт для Мины.) На мой вопрос официант ответил, что оно называется паприка гендл и что в Прикарпатье его можно получить, пожалуй, везде, поскольку это нацио-

нальное блюдо. Я пришел к заключению, что, как ни скудны мои познания в немецком языке, все же они оказали мне большую услугу. Я, право, не знаю, как бы обходился без них.

Еще будучи в Лондоне, я выкроил время для посещения Британского музея, где рылся в атласах и книгах о Трансильвании; мне казалось, что всякая мелочь, любые знания об этой стране окажутся полезными в общении с тамошним аристократом.

Я выяснил, что местность, о которой он писал, лежит на крайнем востоке страны, как раз на границах трех областей — Трансильвании, Молдавии и Буковины, посреди Карпатских гор; это один из самых диких и малоизвестных уголков Европы. Мне не попалось под руку ни книги, ни атласа, указывавших точное расположение замка Дракулы, поскольку карт этих мест, сравнимых хотя бы с нашими военно-топографическими, не существует; но я обнаружил, что Бистрица — имеющий собственное почтовое отделение город, упомянутый графом Дракулой,— весьма известна. Здесь я добавлю кое-какие подробности, дабы впоследствии, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии и пребывании в этих местах, восстановить в памяти все виденное.

В Трансильвании живут четыре различные народности: на юге — саксонцы вперемешку с валахами, происходящими от даков; на западе — мадьяры, а на востоке и севере — секеи. Последние (к ним и лежит мой путь) утверждают, что ведут свой род от Аттилы и гуннов. Возможно, так оно и есть, ибо в XI веке, когда мадьяры завоевали страну, она была сплошь заселена гуннами. Я где-то вычитал, что Карпаты, словно подкова магнита, притягивают к себе все мыслимые в мире суеверия, они как будто в центре странного водоворота фантазии; если так, то мое пребывание здесь обещает быть чрезвычайно интересным. (*Прим.:* надо расспросить обо всем графа.)

Я плохо спал, хотя постель была довольно удобной; мне снились какие-то странные сны. Ночь напролет под окном завывала собака, что, может быть, и повлияло на эти сны, а может быть, виновата паприка, так как, хотя я выпил всю воду в графине, я не смог утолить жажду. Под утро я, кажется, крепко заснул, ведь, чтобы меня добудиться, пришлось долго и неистово колотить в дверь. К завтраку подали опять паприку, затем

особую кашу из кукурузной муки, ее называют здесь мамалыга, и баклажаны, начиненные мясным фаршем,— превосходное блюдо; называется оно имплетата. (*Прим.:* надо раздобыть и этот рецепт.) Я вынужден был поторопиться с завтраком: поезд отходил без нескольких минут восемь, вернее, должен был отойти, потому что, примчавшись на станцию в 7.30, я больше часа просидел в вагоне, прежде чем мы тронулись с места. Мне кажется, чем дальше на восток, тем менее точны поезда. Что же творится тогда в Китае?

Весь день мы как бы нехотя тащились по местности, изобилующей разнообразными красотами. Нашему взору представали то маленькие городки или замки на вершинах крутых холмов, подобные тем, что встречаются в старинных молитвенниках; то речные потоки, грозящие наводнением, если судить по широким каменистым закраинам по обеим их сторонам. Половодье должно быть бурным, чтобы начисто сметать все с берегов. На каждой станции толпилось множество людей в разнообразных нарядах. Некоторые напомнили мне крестьян моей собственной страны или тех, что я видел, проезжая через Францию и Германию, в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах; другие были очень живописны. Женщины представлялись красивыми только издали, вблизи у всех оказывались нескладные фигуры. На них одежда с белыми пышными рукавами разных фасонов, и многие подпоясаны широкими поясами со свисающими кусками ткани, которые колышутся вокруг тела, подобно балетным платьям, но под этим, конечно, были нижние юбки. Наиболее странное зрелище из-за своего довольно-таки варварского вида представляли словаки в их огромных пастушеских шляпах, широких бесформенных штанах грязно-белого цвета, белых холщовых рубахах и непомерно тяжелых кожаных поясах почти в фут шириной, густо усаженных медными гвоздями. Обуты они в высокие сапоги, куда заправляются и штаны; у них длинные черные волосы и густые черные усы. Они очень живописны, но нельзя сказать, чтобы очень располагали к себе. Выпусти их на сцену, их бы тут же приняли за матерых восточных разбойников. Однако мне говорили — они совершенно безобидны и скорее от природы лишены уверенности в себе.

Уже ближе к ночи мы добрались наконец до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным городком. Находясь практически на границе — через ущелье Борго отсюда попадаешь прямо в Буковину,— он пережил немало бурных событий, оставивших о себе заметную память. Около пятидесяти лет назад разразившиеся один за другим грандиозные пожары пятикратно производили ужасное опустошение. В самом начале семнадцатого века город выдержал трехнедельную осаду, потеряв тринадцать тысяч человек, унесенных войной, голодом и болезнями.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая корона», которая, к моему восторгу, оказалась выдержанной в старинном стиле, ибо я, конечно же, хотел как можно лучше постигнуть эту страну. По-видимому, моего приезда здесь ожидали: в дверях меня встретила бодрая на вид пожилая женщина в обычном крестьянском костюме — белой рубахе и длинном цветном фартуке из двух полотен, впереди и сзади, едва ли не чересчур облегающем, если говорить о приличиях. Когда я подошел, она, поклонившись, спросила:

— Господин — англичанин?

— Да,— ответил я.— Джонатан Харкер.

Она улыбнулась и что-то сказала человеку в белой рубахе, вслед за ней вышедшему к дверям. Удалившись, он тотчас вернулся с письмом:

«Мой друг,

добро пожаловать в Карпаты! С нетерпением жду вас. Эту ночь спите спокойно. Завтра в три часа дилижанс отправится в Буковину; одно место предназначается вам. В ущелье Борго будет ожидать коляска, которая и доставит вас в замок. Надеюсь, вы благополучно добрались из Лондона и вам доставит удовольствие пребывание в моей прекрасной стране.

Ваш друг *Дракула*».

4 мая.

Я узнал, что хозяин гостиницы получил от графа письмо с распоряжением оставить для меня лучшее место в экипаже; но в ответ на более подробные расспросы он почему-то отмалчивался, притворяясь, что не понимает моего немецкого языка.

Это выглядело неправдоподобным, ведь до сих пор он прекрасно его понимал — во всяком случае, отвечал именно так, как нужно. Переглядываясь как-то испуганно со своей женой, пожилой особой, встречавшей меня, он наконец промямлил, что деньги были посланы в письме и что больше ему ничего не известно. Когда я спросил, знает ли он графа Дракулу и не может ли что-нибудь сообщить о замке, они с женой перекрестились и, сказав, что они ровным счетом ничего не знают, просто-напросто отказались от дальнейших разговоров. До отъезда оставалось так мало времени, что расспросить никого другого я не успел; все это было очень таинственно и ни в малой степени не успокаивало.

Перед самым отъездом ко мне поднялась старая хозяйка и заговорила почти в истерике:

— Вам нужно ехать? Ах! Молодой господин, вам обязательно надо ехать?

Она была так взволнована, что, по-видимому, растеряла даже тот малый запас немецких слов, которым владела, и потому примешивала к немецкому языку какой-то другой, мне совершенно незнакомый. Я едва был способен улавливать смысл и постоянно переспрашивал. Когда я сказал, что должен ехать сейчас же, что меня призывает туда важное дело, она снова спросила:

— Известно ли вам, какой сегодня день?

Я ответил, что сегодня 4 мая; она покачала головой, говоря:

— Да я знаю, знаю! А вы-то знаете, что за день сегодня?

Видя, что я понятия не имею, о чем речь, она продолжала:

— Сегодня канун Святого Георгия. Нынче ночью, едва лишь пробьет двенадцать, вся нечисть, какая только есть на земле, войдет в полную силу. Да знаете ли вы, куда едете и что вас там ожидает?

Отчаяние ее было настолько явным, что я попытался ее утешить, но безуспешно. Под конец она упала передо мной на колени и умоляла меня не ездить; по крайней мере, обождать день или два. Все это было весьма забавно, однако мне сделалось не по себе. Тем не менее меня ждали дела, и я не потерпел бы никакого вмешательства. Поэтому я стал поднимать ее с колен и как можно строже сказал, что благодарю за предупреждение, но обязанности призывают меня и я должен ехать. Тогда она

встала, утерла глаза и, сняв со своей шеи крест, протянула мне. Я не знал, как поступить: принадлежа к англиканской церкви, я с детства привык смотреть на такие вещи как на своего рода идолопоклонство, но отказать старой даме, которая столь явно желала мне добра и к тому же пребывала в таком душевном состоянии, было бы слишком неблагодарно. Думаю, она по выражению моего лица распознала мою нерешительность, так как просто надела мне крест на шею, прибавив: «Во имя вашей матери», и вышла из комнаты. Вношу это в дневник, дожидаясь кареты, которая, конечно, запаздывает; а крест так и остался на мне. Из-за страхов ли старой дамы или из-за многочисленных здешних преданий о призраках, а может, из-за самого креста — не знаю, только на душе у меня далеко не так спокойно, как прежде. Если этим запискам суждено увидеть Мину раньше меня, пусть они передадут ей мой привет. Вот и карета едет.

5 мая. В замке.

Предрассветная мгла рассеялась, солнце стоит в вышине над далеким горизонтом, линия которого кажется изломанной; не знаю, деревья или холмы придают ей такой вид — все так далеко, что большое неотличимо от малого. Мне не хочется спать, и поскольку меня не должны будить, пока я сам не проснусь, то стану писать, покуда не сморит сон. Предстоит рассказать о многих странных вещах, но, дабы не вообразили читающие, что я слишком плотно пообедал перед отъездом из Бистрицы, я подробно опишу свой обед. Мне подали блюдо, которое здесь называется «разбойничье жаркое»: это куски бекона, говядины и лук, приправленные красным перцем,— все нанизывается на палочки и жарится прямо на углях, так же как в Лондоне мясные обрезки. Вино подали «Золотой Медиаш», странно щиплющее язык, но в общем приятное на вкус; я выпил всего пару бокалов этого напитка и больше ничего.

Когда я садился в карету, кучер еще не занял своего места, и я видел, как он беседовал с хозяйкой. Они, наверное, говорили обо мне, так как то и дело поглядывали в мою сторону; некоторые из тех, что сидели снаружи у двери на скамейке — они называют ее словом, означающим что-то вроде «площадки для разговора»,— подходили, прислушивались и тоже поглядывали на меня, все больше с сожалением. Я расслышал немало слов,

часто повторявшихся, слов странных, так как в толпе были люди различных национальностей; я незаметно вытащил из сумки свой многоязычный словарь и начал листать. Нельзя сказать, чтобы найденные слова звучали особенно ободряюще; вот значение большинства из них: «Ordog» — дьявол, «pokol» — ад, «stregoica» — ведьма, «vrolok» и «vlkoslak» — оба этих слова, одно по-словацки, а другое по-сербски, обозначают нечто среднее между оборотнем и вампиром. (*Прим.:* я должен подробно узнать у графа об этих суевериях.)

Когда мы наконец поехали, в толпе у дверей, разросшейся к этому времени до значительных размеров, все перекрестились и наставили на меня два растопыренных пальца. Не без труда я добился от одного из моих спутников объяснения, что все это значит; сначала он не хотел отвечать, но, узнав, что я англичанин, сказал, что жест служит как бы амулетом и защитой от дурного глаза. Мне это было не особенно приятно, ведь я отправлялся к неизвестному человеку в незнакомое место; но все были так добросердечны, так сокрушались и выказывали столько расположения, что это не могло не растрогать. Никогда не забуду гостиничный двор, каким он предстал мне в тот последний миг: толпа живописных персонажей, стоя под аркой широких ворот на фоне пышных крон олеандровых и апельсиновых деревьев, выставленных в зеленых кадках посредине двора, крестится. Потом наш кучер, закрыв все козлы своими широченными холщовыми штанами — их называют готца,— щелкнул длинным бичом над четверкой своих лошадей, и мы тронулись в путь.

Вскоре я забыл о своих неясных опасениях, залюбовавшись открывающейся картиной, однако понимай я язык или, вернее, языки, на каких говорили мои спутники, я, пожалуй, не смог бы отбросить их с такой легкостью. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая лесами и рощами местность; то здесь, то там высились большие холмы, увенчанные купами деревьев или крестьянскими домами, повернутыми к дороге глухой стеной. Везде по пути в изобилии встречались всевозможные фруктовые деревья в цвету — груши, яблони, сливы, вишни, и, проезжая мимо, я прекрасно видел траву под ними, сплошь усеянную опавшими лепестками.

Между зелеными холмами этой «срединной земли», как тут ее называют, шла дорога, вдруг пропадая из виду, когда огибала поросший травой участок или когда ее закрывали отдельные группы сосен, языками пламени сбегавших вниз по склонам. Дорога была неровная, но мы неслись по ней с какой-то лихорадочной быстротой. Мне была непонятна причина такой поспешности, однако кучер явно не собирался терять ни минуты по пути к ущелью Борго. Мне говорили, что летом состояние этой дороги превосходное, но сейчас ее не привели еще в порядок после зимних снегопадов. В этом отношении она отличается от прочих карпатских дорог, ибо их не поддерживают в слишком хорошем состоянии — такова старая традиция. В давние времена господари не стали бы их подправлять, чтобы турки не подумали, будто они готовятся ввести чужеземные войска, и не поспешили бы начать войну, до которой, в сущности, всегда был только шаг.

За зелеными волнистыми холмами виднелись цепи Карпатских гор, покрытых могучими лесами. Они возвышались по обе стороны ущелья Борго, ярко озаренные заходящим солнцем, отливая всеми цветами радуги: густо-синими и лиловыми были тени, падавшие от вершин, зеленое и коричневое виднелось там, где на скалах пробивалась трава, и бесконечная череда зубчатых скал и острых утесов терялась вдали, где величественно вздымались снежные вершины. Здесь и там в скалах зияли мощные расселины, и сквозь них, по мере того как солнце садилось все ниже, мы то и дело видели серебряный блеск водопадов. Когда мы обогнули подножие холма и нам предстала вознесенная в небеса, покрытая снежной шапкой вершина, которая, казалось, стояла прямо на нашем пути, змеей извивавшемся вверх, один из спутников коснулся моей руки:

— Смотрите! Isten szek! Престол Божий! — и благоговейно перекрестился.

Мы продолжали наше бесконечное путешествие, а солнце за спиной спускалось все ниже и ниже, и вечерние тени начали сгущаться вокруг. Это состояние усиливалось тем, что снежные вершины еще удерживали предзакатный свет и, казалось, испускали слабое розовое сияние. По дороге нам встречались чехи и словаки, всегда в живописной одежде, но я заметил, что у многих из них болезненно большой зоб. По обочинам стояло

множество крестов, минуя которые мои спутники неизменно крестились. Здесь и там деревенский житель или жительница преклоняли колени у святого образа, нисколько не обращая внимания на наше приближение, забывшись в молитве, слепые и глухие ко всему внешнему миру. Многое мне было в новинку — например, скирды сена на деревьях и дивные рощи плакучих берез, их белоснежные стволы, серебристо просвечивающие сквозь нежную зелень листвы. Время от времени нам попадался leiter-wagon — обычная деревенская повозка с длинной, состоящей как бы из отдельных звеньев оглоблей, приспособленной к неровностям дороги. В повозках располагались живописные группы возвращающихся домой крестьян — чехи в своих белых, а словаки в крашеных овчинах; последние вооружены посохами с топориком на конце, которые они носят на манер копья. По мере того как вечерело, становилось все холоднее, и в сгущающихся сумерках мрачные купы деревьев — буки, дубы и сосны сливались в единую темную мглу, хотя в долинах, глубоко утопавших между отрогами гор, на фоне все еще не стаявшего снега, то тут, то там выделялись сумрачные ели. Временами, когда дорога шла через сосновые леса, в темноте готовые поглотить нас, какие-то плотные сгустки мглы между деревьями нагоняли некую особую темную, потустороннюю жуть, которая возбуждала зловещие фантазии и мысли, порожденные еще раньше причудливой формой подсвеченных гаснущим закатом облаков, подобно призракам неустанно несущихся над карпатскими горными долинами.

Местами холмы были до того круты, что лошади, сколько ни погонял их кучер, могли двигаться только шагом. Я хотел, как это принято у нас дома, сойти и помочь лошадям, но кучер и слышать не желал об этом.

— Нет-нет,— говорил он,— вы не должны здесь ходить, тут бродят слишком свирепые собаки.— И затем добавил, явно намереваясь зловеще пошутить: — Вы еще тут и не такого насмотритесь, прежде чем отойдете ко сну.

Он только раз остановился, и то лишь для того, чтобы зажечь фонари.

Когда стало темнеть, пассажиры как будто заволновались и один за другим стали просить кучера ехать быстрее. Безжалостными ударами своего длинного кнута и дикими выкриками ку-

чер заставил лошадей буквально лететь. Потом я увидел в темноте впереди нас какое-то мутное пятно света, будто холмы расступились. Волнение среди пассажиров все увеличивалось; шаткая наша повозка подскакивала на своих больших кожаных рессорах и раскачивалась во все стороны, как лодка в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, и мы словно полетели по ней. Теперь горы подступили к нам ближе с обеих сторон, хмуро нависая над нами,— мы въезжали в ущелье Борго. Некоторые мои спутники по очереди стали одаривать меня, вручая подарки с такой глубокой серьезностью, которая просто не допускала отказа; подарки, надо сказать, были причудливые и разнообразные, но каждый давался в простоте душевной, сопровождался добрым словом, благословением и той странной смесью выдающих страх жестов, которые я видел в Бистрице: люди крестились и выставляли два пальца от дурного глаза. Потом, несясь в повозке все дальше, кучер подался всем телом вперед, а пассажиры перегнулись через борта и нетерпеливо всматривались в окружающую мглу. Ясно было, что впереди происходило или ожидалось что-то необыкновенное, хотя, сколько я ни расспрашивал пассажиров, никто мне не дал ни малейшего объяснения. Это всеобщее волнение продолжалось еще некоторое время, пока наконец мы не увидели перед собой выезд из ущелья. Над головой клубились черные тучи, тяжелый, душный воздух предвещал грозу. Казалось, горная цепь разделила атмосферу надвое и теперь мы попали в грозовую. Я внимательно смотрел на дорогу в ожидании экипажа, который повезет меня к графу. Каждую минуту я ожидал увидеть во мраке свет фонарей; но всюду было темно. Единственным светом были дрожащие лучи наших собственных фонарей, в которых белым облаком над взмыленными лошадьми поднимался пар. Теперь стала явственно видна белевшая перед нами песчаная дорога, но на всем ее протяжении даже и намека не было на какой-либо экипаж. Пассажиры, точно в насмешку над моим разочарованием, облегченно вздохнув, откинулись на сиденьях. Я задумался над тем, что предпринять, когда кучер, взглянув на часы, сказал другим что-то таким тихим приглушенным голосом, что я едва расслышал; кажется, это было: «На час раньше времени». Затем он повер-

нулся ко мне и сказал на отвратительном немецком языке, еще хуже моего:

— Нет никакой кареты. По-видимому, господина не ждут. Лучше пусть он сейчас поедет с нами в Буковину, а завтра или на следующий день вернется обратно — даже лучше на следующий день.

Пока он говорил, лошади начали ржать, фыркать и дико рыть землю, так что кучеру пришлось сдерживать их.

Пассажиры дружно вопили и крестились, а тем временем позади показалась запряженная четверкой лошадей коляска, которая, догнав нас, остановилась возле дилижанса. Когда лучи от наших фонарей упали на коляску, я увидел великолепных породистых лошадей, черных как уголь. На козлах сидел человек с длинной каштановой бородой, в широкой черной шляпе, которая скрывала его лицо. Я мог разглядеть лишь блеск пылающих глаз, показавшихся красными в свете фонарей, когда он повернулся и обратился к кучеру:

— Ты что-то рано сегодня приехал, друг мой.

Возница, заикаясь, ответил:

— Господин англичанин очень торопил.

На что незнакомец возразил:

— Видно, поэтому ты и посоветовал ему ехать в Буковину! Ты меня не обманешь, друг мой; я слишком многое знаю, да и лошади у меня быстрые.

При этом он улыбнулся, и луч фонаря осветил его резко очерченный рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновая кость. Один из моих спутников прошептал своему соседу строку из «Леноры» Бюргера:

— «Denn die Todten reiten schnell»*.

Незнакомец, очевидно, расслышал эти слова и, сверкнув улыбкой, посмотрел на говорившего. Пассажир отвернулся, перекрестившись и выставив два пальца.

— Подай мне багаж господина,— сказал незнакомец.

С необычайной быстротой мои вещи были вынуты из дилижанса и положены в коляску. Потом я перешагнул через борт дилижанса, поскольку коляска стояла бок о бок с нами; кучер, помогая мне, подхватил меня под руку — хватка была у него

* «Ибо скор у мертвых шаг» (*нем.*).

стальная, должно быть, он обладал чудовищной силой. Он молча дернул вожжами, лошади повернули, и мы понеслись во мрак ущелья. Оглянувшись, я увидел при свете фонарей поднимавшийся над лошадьми пар и чернеющие на этом фоне силуэты моих недавних спутников, которые крестились. Потом их кучер щелкнул бичом, гикнул, и вот уже лошади мчат своей дорогой в Буковину.

Как только они канули во мрак, меня охватило чувство одиночества и странный озноб; но мне на плечи сейчас же был накинут плащ, колени укрыты пледом, и кучер обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

— Ночь холодна, mein Herr*, а господин мой, граф, приказывал окружить вас особым вниманием. Под сиденьем приготовлена для вас, если захотите, фляжка сливовицы.

Я не прикоснулся к ней, но приятно было сознавать, что она под рукой. Я чувствовал себя странновато и был немало напуган. Думаю, будь у меня хоть какая-нибудь возможность выбора, я бы ею воспользовался, вместо того чтобы пускаться в это неведомое ночное путешествие. Коляска с бешеной скоростью неслась прямо вперед, потом мы сделали полный разворот и снова понеслись, никуда не сворачивая. Мне сдавалось, что мы снова и снова колесим по одним и тем же местам; тогда я выбрал себе ориентир и обнаружил, что так оно и есть. Мне очень хотелось спросить возницу, что это значит, но я определенно боялся так поступить, полагая, что, если задержка была предумышленной, в моих обстоятельствах никакие протесты ни к чему бы не привели. Вскоре, однако, желая узнать, который час, я чиркнул спичкой и при свете ее взглянул на часы; до полуночи оставалось нескольких минут. Это было для меня своего рода ударом,— полагаю, недавние мои впечатления усугубили всеобщий суеверный страх перед полуночью. Я ждал с болезненным ощущением неизвестности.

Вдруг где-то вдалеке, на крестьянском дворе, завыла собака — долгий тягучий жалобный вой, словно в агонии ужаса. Ее поддержала другая собака, потом еще одна и еще, пока, подхваченный ветром, проснувшимся в ущелье, их вой не слился в дикую какофонию, разносимую, казалось, по всей окрестности,

* Мой господин (*нем.*).

насколько хватало воображения представить ее в ночной мгле. При первых этих звуках лошади стали беситься и вставать на дыбы, но возница заговорил с ними, успокаивая, и они притихли, однако дрожали и роняли капли пота, как будто избежав неожиданной угрозы. Потом в отдалении, с гор, по обе стороны от нас раздался вой еще громче и пронзительней — на этот раз уже вой волков, который повлиял одинаково как на меня, так и на лошадей, ибо я был склонен выпрыгнуть из коляски и удрать, между тем как лошади опять взвились на дыбы и бешено бросались вперед, и кучеру пришлось употребить всю свою громадную силу, чтобы сдержать их и не дать понести. Через несколько минут, однако, мое ухо привыкло к вою, а лошади настолько успокоились, что возница имел возможность сойти и встать перед ними. Он гладил их, успокаивал и шептал что-то им на ухо, как делают, я слышал, объездчики лошадей, причем успех был необычайный: лошади под его ласками опять стали смирными, хотя и продолжали дрожать. Возница снова уселся на козлы и, взяв вожжи, тронулся в путь крупной рысью. Наконец, миновав ущелье, он внезапно свернул на узкую темную дорогу, которая резко поворачивала направо.

Вскоре нас окружили деревья, которые местами образовывали свод, так что мы ехали как бы сквозь туннель; а потом опять с двух сторон открылись перед нами мрачные утесы. Хотя мы были под их защитой, но все же слышали завывание ветра, который со стоном и свистом проносился по утесам, ломая ветви деревьев. Становилось все холоднее и холоднее, и наконец пошел редкий, крупный снег, который вскоре укрыл и нас, и все окружающее белой пеленой. Резкий ветер доносил до нас лай собак, который, однако, становился все слабее по мере того, как мы удалялись. Зато вой волков раздавался ближе и ближе, и казалось, что мы окружены ими со всех сторон. Мне стало необычайно страшно, и лошади разделяли мой испуг. Возница не выказывал ни малейшей тревоги; он постоянно поглядывал то направо, то налево, я же не мог ничего различить во мраке.

Вдруг слева показался слабый мерцающий голубой огонек. Возница в тот же миг заметил его; он сейчас же придержал лошадей и, спрыгнув на землю, исчез во мраке. Я не знал, что делать, тем более что волчий вой приближался, но, пока я недоумевал, возница неожиданно возник снова и, ни слова не

говоря, уселся на место, и наше путешествие продолжилось. Я, должно быть, заснул и во сне вновь и вновь обращался к этому эпизоду, потому что он, похоже, повторялся бесконечно и, если теперь оглянуться назад, больше напоминал жуткий ночной кошмар. Как-то раз огонек показался так близко от дороги, что, несмотря на полный мрак, окружавший нас, я мог совершенно ясно различить все движения кучера. Он быстро направился к месту, где появился голубой огонек, и, набрав немного камней, выложил из них какую-то фигуру (огонек, должно быть, был очень слаб, он нисколько не освещал пространство вокруг себя). Один раз возник странный оптический феномен: оказавшись между мной и огоньком, возница не загородил его собой, и я все так же различал призрачное мерцание. Это явление поразило меня, но так как это продолжалось лишь одно мгновение, то я решил, что это обман утомленного зрения, уставшего от напряжения в абсолютной тьме. Потом на время мерцание синего пламени прекратилось, и мы поспешно двинулись вперед сквозь мрак, под удручающий аккомпанемент воя волков, которые, как бы держась полукругом, преследовали нас.

Наконец наступил момент, когда возница отошел дальше, чем прежде, и в его отсутствие лошади начали дрожать, как никогда, храпеть и пронзительно ржать от ужаса. Я никак не мог понять причины этого — вой волков совершенно прекратился; но в этот самый миг луна, выплыв из темных туч, появилась над изорванным гребнем нависающей, поросшей соснами скалы, и в ее свете я увидел вокруг нас кольцо волков с белыми зубами, высунутыми красными языками и длинными мускулистыми ногами, поросшими грубой шерстью. Они были во сто раз страшнее теперь, в охватившем их ужасном молчании, даже страшнее, чем тогда, когда выли. Что касается меня, то я от страха не мог пошевелить ни рукой ни ногой и потерял голос. Лишь очутившись лицом к лицу с подобным ужасом, может человек постичь его подлинную сущность.

Вдруг волки разом снова пронзительно завыли, как будто лунный свет производил на них какое-то особое действие. Лошади вскидывались на дыбы, брыкались и беспомощно поводили глазами, так что больно было смотреть, но живое кольцо

ужаса окружало их со всех сторон и поневоле заставляло оставаться в центре его. Я начал звать возницу; мне казалось, что единственным спасением было прорваться сквозь кольцо и помочь ему добраться до нас. Я кричал и стучал, надеясь этим шумом отпугнуть волков с этой стороны и дать ему таким образом возможность подойти к дверце.

Откуда он вдруг появился — не знаю, но я услышал его голос, который прозвучал повелительным приказом, и, повернувшись на звук, я увидел его на дороге. Он протянул свои длинные руки, как бы отстраняя неосязаемое препятствие, и волки начали медленно отступать, но тут большое облако заволокло лик луны, и мы опять очутились во мраке.

Когда луна выглянула снова, я увидел возницу, взбиравшегося на сиденье, а волков и след простыл. Все это было так странно и жутко, что я почувствовал безумный страх и боялся пошевелиться или заговорить. Время тянулось бесконечно. Мы продолжали путешествие уже почти в совершенной тьме, так как проносившиеся облака совсем закрывали луну. Мы все время поднимались в гору; только изредка попадался крутой спуск, а потом вновь начинался подъем. Я не помню, сколько времени это продолжалось... Неожиданно я осознал, что возница останавливает лошадей во дворе необъятного полуразрушенного замка, из чьих высоких слепых окон не пробивалось ни единого лучика света, а разбитые крепостные стены рваной линией рисовались на залитом лунным светом небе.

Глава II

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Продолжение)

5 мая.

Я, должно быть, задремал, иначе, наверное, заметил бы приближение к столь замечательному месту. Во мраке представлялось, что двор внушительных размеров, но поскольку несколько темных проходов уходили из него под высокие своды арок, он, возможно, казался больше, чем был на самом деле. Я и до сих пор еще не видел его при дневном свете.

Когда коляска остановилась, возница соскочил с козел и протянул мне руку, чтобы помочь сойти. Тут я опять невольно обратил внимание на его чудовищную силу. Его рука положительно казалась стальными клещами, которыми при желании он мог раздавить мою руку. Затем он извлек мои пожитки и положил их возле меня; я же стоял у величественной двери, древней и усаженной крупными железными гвоздями, с выступающим массивным каменным порталом. Даже при тусклом свете мне было видно, что камень портала густо покрыт резьбой, наполовину стершейся от времени и непогоды. Пока я стоял, кучер опять взобрался на козлы, тронул вожжи, лошади дернули и скрылись вместе с экипажем под одним из темных сводов.

Я остался на месте, не зная, что предпринять. У дверей не видно было даже намека на звонок или молоток; не было также и надежды на то, что мой голос может проникнуть сквозь мрачные стены и темные отверстия окон. Мне стало казаться, что я жду здесь бесконечно долго, и меня начали одолевать сомнения и страх. Куда я попал? К каким людям? В какую ужасную историю я впутался? Было ли это обыкновенным рядовым эпизодом из жизни помощника адвоката, посланного к иностранцу для разъяснений по поводу приобретаемого им в Лондоне недвижимого имущества? Помощник адвоката! Мне бы это не понравилось. Ведь перед самым отъездом из Лондона я узнал, что мои экзамены прошли успешно; так что, в сущности, я теперь адвокат, а не помощник адвоката... Я начал тереть глаза и щипать себя, чтобы убедиться, что не сплю. Все это продолжало казаться мне каким-то ужасным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома, а в окно будут литься солнечные лучи,— временами я так себя чувствовал наутро после целого дня интеллектуального перенапряжения. Но, к сожалению, мое тело отчетливо чувствовало щипки, а глаза не обманывали меня. Я действительно не спал, а находился в Карпатах. Мне оставалось только запастись терпением и ждать наступления утра.

Как раз когда я пришел к этому заключению, я услышал за большой дверью приближающиеся тяжелые шаги и увидел сквозь щель мерцание света. Потом раздалось громыханье цепей, шум отодвигаемых массивных засовов. С громким скрежетом после долгого бездействия повернулся ключ, и большая дверь медленно распахнулась.

В дверях стоял высокий старик с начисто выбритым подбородком и длинными седыми усами; одет он был с головы до ног в черное, без единого цветного пятнышка. В руке он держал старинную серебряную лампу, в которой пламя свободно горело без какого бы то ни было стекла или абажура и бросало длинные, трепещущие тени, колеблемые сквозняком. Изысканным жестом правой руки старик пригласил меня войти и сказал на прекрасном английском языке, но с непривычной интонацией:

— Добро пожаловать в мой дом. Войдите в него свободно и по доброй воле.

Он не сделал ни единого движения, чтобы шагнуть мне навстречу, а стоял неподвижно, как статуя, будто жест приветствия превратил его в камень; но не успел я переступить порог, как он сделал движение вперед и, протянув мне руку, сжал мою с такой силой, что заставил меня поморщиться, и конечно же то, что она была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, чем живого человека, только усугубляло впечатление. Он снова сказал:

— Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, идите без страха и оставьте нам здесь немного из принесенного вами счастья.

Крепость его рукопожатия была настолько сродни той, что и у возницы, лица которого я так и не видел, что меня одолело сомнение, не один ли и тот же человек и кучер, и господин, с которым я в данный момент разговариваю; чтобы рассеять сомнения, я спросил:

— Граф Дракула?

Он ответил с вежливым поклоном:

— Я — Дракула. Приветствую вас, мистер Харкер, в моем доме. Войдите; ночь холодна, а вам необходимо отдохнуть и поесть.

Говоря это, он повесил лампу на крюк в стене и, шагнув вперед, взял мой багаж; он проделал это так быстро, что я не успел его опередить. Я тщетно пытался протестовать.

— Нет, сударь, вы мой гость. Теперь поздно, и поэтому на моих людей рассчитывать нечего. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Он настоял на том, чтобы отнести мои пожитки по коридору, потом вверх по большой винтовой лестнице, с которой мы

попали в другой большой коридор, где наши шаги гулко раздавались благодаря каменному полу. В конце коридора он толкнул тяжелую дверь, и я с радостью увидел ярко освещенную комнату, где стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине пылали и потрескивали только что подброшенные поленья.

Граф остановился, поставил мои вещи, закрыл за нами дверь и, пройдя через комнату, распахнул другую дверь, которая вела в маленькую восьмиугольную комнату, освещенную одной лампой и, по-видимому, вовсе лишенную окон. Миновав ее, он снова открыл дверь в следующую комнату, куда и пригласил меня войти. Это было приятное зрелище: комната оказалась большой спальней, прекрасно освещенной, также обогревавшейся горящим камином — дрова в него подкладывали совсем недавно, верхние поленья еще не разгорелись, но в широком дымоходе гулко ревело. Положив собственноручно принесенные им мои вещи, граф удалился, сказав перед тем, как закрыть дверь:

— Вы после дороги захотите, конечно, освежиться и переодеться. Надеюсь, вы найдете здесь все необходимое. Когда будете готовы, пройдите в ту комнату, где ждет накрытый для вас ужин.

Свет и тепло, а также изысканное обращение графа совершенно рассеяли мои сомнения и страхи. Придя благодаря всему этому в свое обычное состояние, я почувствовал, что положительно умираю с голоду, поэтому, наскоро переодевшись, поспешил в первую комнату.

Ужин был уже подан. Мой хозяин, который стоял у камина, грациозным жестом пригласил меня к столу.

— Прошу вас, садитесь и ешьте, как вам угодно. Надеюсь, вы меня извините, если я вам не составлю компании; но я уже отобедал и никогда не ужинаю.

Я вручил ему запечатанное письмо, переданное мне мистером Хокинсом. Граф распечатал его, сосредоточенно прочел, затем с очаровательной улыбкой передал его мне. Одно место в нем мне в особенности польстило:

«Я очень сожалею, что приступ подагры, которой я давно подвержен, лишает меня возможности предпринимать какие бы то ни было путешествия; и я счастлив, что могу послать своего заместителя, которому я вполне доверяю. Это энергичный и талантливый молодой человек, абсолютно достойный доверия. Он благоразумен, умеет молчать и вошел в зрелый возраст, находясь у меня на службе. Во все время своего пребывания у вас он будет к вашим услугам и в полном вашем распоряжении».

Граф подошел к столу, сам снял крышку с блюда — и я накинулся на прекрасно зажаренного цыпленка. Это плюс сыр и салат да еще бутылка старого токайского вина, которого я выпил бокала два-три, и составило мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о моем путешествии, и я рассказал ему по порядку все пережитое мной.

К тому времени я кончил ужинать, по настоянию хозяина придвинул свой стул к огню и закурил сигару, предложенную мне графом, который тут же извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его, и я нашел, что его наружность достойна внимания.

У него был резкий орлиный профиль, тонко очерченный нос с горбинкой и особенным вырезом ноздрей; высокий выпуклый лоб и грива волос, лишь слегка редеющих на висках. Его тяжелые кустистые брови почти сходились на переносице. Рот, насколько я мог разглядеть под густыми усами, был решительный, даже на вид жестокий, а необыкновенно острые белые зубы выдавались вперед между губами, чья примечательная краснота свидетельствовала об удивительной для человека его возраста жизненной силе. Что до остального, у него были бледные, крайне острые уши, широкий сильный подбородок и тугие, хотя и худые, щеки. Но сильнее всего поражала необыкновенная бледность лица.

До сих пор мне удалось издали заметить только тыльную сторону его рук, когда он держал их на коленях; при свете горящего камина они производили впечатление белых и тонких; но, увидев их теперь вблизи, ладонями кверху, я заметил, что они были скорее грубы — широкие, с короткими пальцами. Особенно странно было то, что в центре ладони росли волосы. Ногти были длинные, но изящные, с заостренными концами. Когда граф наклонился ко мне и его рука дотронулась до меня, я не смог удержаться от содрогания. Возможно, его дыхание было тлетворным, потому что мной овладело какое-то ужасное чувство тошноты, которое, как я ни старался, не мог скрыть. Граф, очевидно, заметил это и сейчас же отодвинулся; с какой-то

угрюмой улыбкой, обнажившей больше прежнего его выпирающие зубы, он опять сел на свое место у камина. Мы оба молчали некоторое время, и когда я посмотрел в окно, то увидел первый проблеск наступающего рассвета.

Какая-то странная тишина царила всюду; но, прислушавшись, я уловил где-то вдалеке, как будто внизу в долине, вой волков. Глаза графа засверкали, и он сказал:

— Прислушайтесь к ним, к детям ночи! Что за музыку они заводят!

Заметив странное, должно быть, для него выражение моего лица, он прибавил:

— Ах, сударь, вы, городские жители, не можете понять чувств охотника! — Тут он поднялся со словами: — Но вы, наверное, устали? Ваша постель совершенно готова, и завтра вы можете спать сколько хотите. Я буду отсутствовать до полудня; спите же спокойно — и приятных сновидений!

С изысканным поклоном он сам открыл дверь в восьмиугольную комнату, и я вошел в мою спальню...

Меня окружают чудеса. Я полон сомнений, страхов; на ум мне приходят странные вещи, в которых я не посмею признаться и себе самому. Храни меня, Боже, хотя бы ради тех, кто дорог мне!

7 мая.

Опять раннее утро, но я отдохнул и хорошо провел последние сутки. Я спал до вечера и сам проснулся. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, и нашел там холодный завтрак и кофе, который подогревался, стоя на огне в камине. На столе лежала карточка с надписью:

«Я должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня. Д».

Я уселся за стол и с удовольствием плотно поел. Покончив с едой, я стал искать звонок, чтобы дать знать прислуге, что я окончил трапезу; но звонка нигде не оказалось — довольно странный недостаток для замка, особенно если принять во внимание чрезмерное богатство, окружающее меня. Столовая сервировка вся из золота, да такой великолепной работы, что стоит, наверное, громадных денег. Занавеси, обивка стульев и кушетки — все это поразительной выделки и стоило, без сомнения, баснословных денег даже тогда, когда все это было изготовлено,

так как этим вещам много сотен лет, хотя все в великолепном порядке. Я видел нечто подобное в Хэмптон-корте, но там все было порвано, вытерто и побито молью. Но странно, что ни в одной комнате нет зеркала. Нет даже туалетного зеркала на моем столике, и мне пришлось вынуть мое маленькое зеркало для бритья из несессера, чтобы побриться и причесаться. Кроме того, я не видал ни одного слуги и не слышал ни единого звука около замка, за исключением волчьего воя. Покончив с едой — не знаю, назвать ли ее завтраком или обедом, по времени это было между 5 и 6 часами,— я начал искать что-нибудь для чтения, так как без разрешения графа не хотел отправляться осматривать замок. В столовой я ровным счетом ничего не нашел — полное отсутствие книг, газет, даже каких-либо письменных принадлежностей; тогда я открыл другую дверь в этой комнате и вошел в библиотеку. Попробовав открыть дверь напротив моей, я обнаружил, что она заперта.

В библиотеке я обнаружил, к моей великой радости, большое количество английских книг — целые полки были заставлены ими и переплетенными комплектами журналов и газет за многие годы. Стол посредине комнаты был завален английскими журналами, газетами, но все это были старые номера. Книги были самые разнообразные: по истории, географии, политике, политической экономии, ботанике, геологии, законоведению — все относящееся к Англии и английской жизни, обычаям и нравам. Были здесь даже справочники — Лондонская адресная книга, «Красная» и «Синяя» книги, «Уитакер», реестры — Армейский и Флотский, но более всего порадовалось мое сердце «Своду законов».

Пока я рассматривал книги, дверь открылась и вошел граф. Он радушно меня приветствовал, выразив надежду, что я хорошо спал этой ночью. Затем продолжал:

— Я очень рад, что вы сюда попали, так как убежден, что здесь вы найдете много интересного для вас материала. Эти спутники,— и он коснулся некоторых книг,— были мне преданными друзьями и за долгие годы, с тех самых пор как я задумал отправиться в Лондон, доставили мне много приятных часов. Благодаря им я познакомился с вашей великой Англией; а знать ее — значит ее любить. Я жажду попасть на переполненные народом улицы вашего громадного Лондона, проникнуть в

самый круговорот, гущу и суету человечества, участвовать в этой жизни, ее переменах, ее смерти — словом, во всем том, что делает эту страну тем, что она есть. Но, увы! Покуда я знаком с вашим языком только по книгам. Надеюсь, мой друг, что с вашей помощью я научусь изъясняться по-английски как следует.

— Помилуйте, граф, ведь вы же великолепно владеете английским языком!

Он с достоинством поклонился:

— Благодарю вас, друг мой, за ваше слишком лестное мнение обо мне, но все же боюсь, что в знании языка нахожусь еще только на полпути. Правда, я знаю грамматику и слова, но еще не знаю, как их произносить и когда какое слово употреблять.

— Уверяю вас, вы прекрасно говорите.

— Все это не то... Я знаю, что, появись я в вашем Лондоне и заговори, всякий тотчас же узнает во мне иностранца. Этого мне мало. Здесь я знатен; я — боярин; простолюдины знают, кто я, и я здесь хозяин. Но чужестранец на чужбине — ничто; люди его не знают, а не знать человека — значит не принимать его в расчет. В таком случае я предпочитаю ничем не выделяться из толпы, чтобы люди, завидев меня или услышав мою английскую речь, не останавливались и не указывали на меня пальцами. Я привык быть господином и хочу им остаться навсегда или, по крайней мере, устроиться так, чтобы никто уже не мог быть господином надо мной. Вы приехали сюда не только для того, чтобы разъяснить мне все относительно моего нового владения в Лондоне; я надеюсь, вы пробудете со мною еще некоторое время независимо от этого, для того чтобы, беседуя с вами, я освоил интонацию английской речи. Поэтому я прошу вас и даже настаиваю, чтобы вы исправляли мои ошибки в произношении самым строгим образом. Сожалею, что мне пришлось столь долго сегодня отсутствовать, но вы, я уверен, простите того, кого обременяет такое множество неотложных дел.

Я, конечно, сказал, что прошу его не стесняться из-за меня, а затем спросил, не разрешит ли он мне пользоваться библиотекой по своему усмотрению.

— Да, конечно,— ответил он и добавил: — В замке вы можете войти в любую дверь, в какую пожелаете, кроме тех, которые заперты, а туда вам и не захочется входить. Есть причины

для того, чтобы все было так, как оно есть, и если бы вы видели то, что вижу я, и знали то, что ведомо мне, возможно, вам бы все стало понятней.

Я заверил его в том, что понимаю его, после чего он продолжил:

— Мы в Трансильвании, а Трансильвания — это не Англия. Наши обычаи не те, что у вас, и многое здесь вам покажется странным. По тому, что вы мне уже рассказали о своих приключениях, вы кое-что знаете о странностях, которые здесь происходят.

Это послужило началом долгого разговора, и, поскольку ему определенно хотелось побеседовать, пусть просто ради самой беседы, я засыпал его вопросами относительно того, что со мной происходило или чему я был свидетелем. Иногда он уклонялся от темы разговора или переводил речь на другое, притворно не понимая, но в целом отвечал мне вполне откровенно. Потом, по прошествии некоторого времени, чуть осмелев, я стал его расспрашивать о странных событиях минувшей ночи: почему, к примеру, возница шел туда, где замечал голубые огоньки. Он объяснил мне, что существует поверье, по которому в определенную ночь, раз в году, кстати как раз в прошлую ночь, когда якобы силы зла царят безраздельно, на тех местах, где скрыты клады, видны голубые огоньки.

— Не стоит и сомневаться, что там, где вы вчера проезжали, скрыты клады,— продолжал он.— На этой земле столетия воевали саксонцы, валахи и турки — здесь едва ли найдется клочок земли, не политый человеческой кровью, и защитников и захватчиков. В прошлом бывали бурные времена, когда австрийцы и мадьяры налетали как саранча и патриоты вставали, чтобы отразить их,— мужчины и женщины, дряхлые старики и дети поджидали их в горах над ущельями, чтобы смести специально вызванными лавинами. Не многое мог обрести и торжествующий завоеватель — все было схоронено в родной земле.

— Но как же это оставалось там, когда место точно указано и нужно только дать себе труд посмотреть? — спросил я.

Граф улыбнулся, растягивая губы, и его длинные, острые волчьи зубы странно обнажились; он ответил:

— Это потому, что наш крестьянин глуп и труслив в душе! Огоньки появляются только раз в году, но в эту ночь ни один

человек в здешнем краю шага не сделает за порог, если это в его воле; к тому же, сударь мой, он бы все равно не знал, как действовать. Да что там, даже тот крестьянин, о котором вы мне рассказывали, будто он делал отметки возле огоньков, даже он при свете дня не будет знать, где искать свои собственные заметы. Смею поклясться, и вы не сумели бы отыскать эти места.

— Вы правы,— сказал я,— я не больше других знаю, где их искать.— И разговор перешел на другое.

— Ну же,— наконец попросил граф,— расскажите мне о Лондоне и о том доме, который вы нашли для меня.

Извинившись за свою нерадивость, я пошел в комнату за своими бумагами. Пока я их разбирал, до меня донесся звон фарфоровой и серебряной посуды в соседней комнате, и, проходя через нее, я обнаружил убранный стол и зажженную лампу, поскольку к этому времени совершенно стемнело. Лампы зажжены были и в кабинете, или библиотеке, а граф лежал на софе — из всех книг, которые можно представить, со справочником «Брадшо» в руках. Когда я вошел, он освободил стол от книг и бумаг, и вместе с ним мы погрузились во всевозможнейшие планы и вычисления. Его интересовало все, он задавал мне бездну вопросов о самом поместье и о его окрестностях. Он явно заблаговременно проштудировал все, что мог, относительно прилегающей округи, ибо под конец оказалось, что он знает неизмеримо больше, чем я. На мое замечание относительно этого он ответил:

— Но, друг мой, разве в том нет нужды? Перебравшись туда, я буду совершенно один, и мой друг Харкер Джонатан — простите, не так, я ставлю фамилию вперед по обычаю моей страны,— и мой друг Джонатан Харкер не сможет помочь мне советом. Он будет в Эксетере, за много миль оттуда, возможно склонившись над бумагами вместе с другим моим другом, Питером Хокинсом. Что ж!

Входя во все мелочи, мы обсудили покупку поместья в Парфлите. Когда я рассказал, как обстоят дела, и он скрепил своей подписью все нужные документы, подготовленные мною для отправки мистеру Хокинсу, граф принялся расспрашивать, как я натолкнулся на столь подходящую усадьбу. Я прочитал ему записи, которые вел в то время и которые привожу здесь.

«В Парфлите, по проселочной дороге, я набрел, кажется, на то, что нужно. Было там и ветхое объявление, что усадьба продается. Она окружена высокой стеной старинной кладки, сложенной из массивных камней, и не ремонтировалась в течение многих лет. Тяжелые ворота из старого дуба и железа, изъеденного ржавчиной, закрыты.

...Поместье называется Карфакс, без сомнения, искаженное старинное Quatre Faces*, поскольку дом ориентирован на четыре стороны в соответствии с четырьмя сторонами света. Поместье представляет собой участок около двадцати акров, со всех сторон обнесенный упомянутой выше глухой стеной. Там много деревьев, порой придающих этому поместью мрачный вид, затем имеется еще глубокий темный пруд или, вернее, маленькое озеро, питающееся, вероятно, подземными ключами, так как вода в нем необыкновенно прозрачна, а кроме того, оно служит истоком довольно порядочной речки. Дом очень просторный и, судя по типу постройки, восходит, я бы сказал, к средним векам, поскольку часть его имеет неимоверно толстые каменные стены с небольшим числом забранных тяжелыми решетками окон на самом верху и напоминает башню замка. Она примыкает к какой-то старой часовне или церкви. Я не мог осмотреть ее, так как ключа от двери, ведущей из дома в часовню, не оказалось. Но я снял своим "кодаком" несколько видов с разных сторон. Впоследствии дом по частям перестраивался, но самым беспорядочным образом, так что вычислить точно, какую площадь дом занимает, немыслимо; она, должно быть, чрезвычайно велика. Других домов поблизости весьма немного, один из них, очень большой, недавно надстроен и превращен в частную клинику для душевнобольных. Впрочем, из усадьбы он не виден».

Когда я закончил, граф сказал:

— Я рад, что дом старинный и просторный; я сам из старинной семьи, и необходимость жить в новом доме убила бы меня. Дом не может сделаться сразу жилым; и, в сущности, как мало дней составляют столетие... Меня радует также и то, что я найду там старинную часовню. Мы, дворяне Трансильвании, с неприязнью думаем о том, что наши кости могут покоиться

---

* «Четыре фасада» *(англ.)*.

среди простых смертных. Я не ищу ни веселья, ни радости, ни изобилия солнечных лучей и сверкающих вод, столь любимых молодыми и веселыми людьми. Я уже немолод, а мое сердце, измученное годами печали, не способно больше к радости. К тому же стены моего замка разрушены, он полон теней, ветер свободно доносит свои холодные дуновения сквозь разбитые стены и пустые окна. Я люблю тень и тьму и хотел бы оставаться наедине со своими мыслями, насколько это возможно.

Его взгляд некоторым образом противоречил словам, но, вероятно, сам тип лица делал злобной и угрюмой его улыбку.

Какое-то время спустя он извинился и покинул меня, попросив собрать все мои бумаги.

В его отсутствие я стал подробно знакомиться с библиотекой. Я наткнулся на атлас, конечно открытый на карте Англии; видно было, что им много пользовались. Разглядывая внимательно карту, я заметил, что определенные пункты на ней были обведены кружками, и, присмотревшись, увидел, что один из них находился около Лондона с восточной его стороны, как раз там, где находилось вновь приобретенное им поместье; два других были Эксетер и Уитби на Йоркширском побережье.

Через полчаса граф вернулся.

— Ах! — сказал он.— Вы все еще за книгами! Вам не следует так много работать. Пойдемте, ваш ужин готов и подан.

Он взял меня под руку, и мы вышли в столовую, где меня действительно ожидал великолепный ужин. Граф опять извинился, что уже пообедал вне дома. Но так же, как и накануне, он уселся у камина и болтал, покуда я ел. После ужина я закурил сигару, как и в прошлую ночь, и граф просидел со мной несколько часов, болтая и задавая вопросы на различные темы. Хотя я и чувствовал, что уже очень поздно, но ничего не сказал, так как решил, что должен быть к услугам хозяина и выполнять его малейшие желания. Спать же мне не хотелось, так как вчерашний продолжительный сон подкрепил меня; но это тем не менее не помешало мне вдруг почувствовать то ощущение озноба, которое всегда овладевает людьми на рассвете или во время прилива. Говорят, что люди, стоящие на пороге смерти, умирают обычно на рассвете или во время прилива; любой, кто, будучи усталым, ощущал перемену в воздухе, без труда в это

поверит. Вдруг мы услышали крик петуха, прорезавший со сверхъестественной пронзительностью чистый утренний воздух. Граф Дракула моментально вскочил и сказал:

— Как, уже снова утро! Сколь непростительно с моей стороны, что я заставляю вас так долго бодрствовать!.. Вам придется сделать менее занимательными свои рассказы о моей дорогой новой стране — Англии, а то они заставляют меня забыть о том, как быстро летит время.

И, изысканно поклонившись, он оставил меня.

Я пришел к себе в комнату и раздвинул шторы, но глаз было не на чем остановить: мое окно выходило во двор, и все, что я увидел, это небо, занимающееся зарей. Тогда я снова закрыл шторы и записал все, что произошло за этот день.

8 мая.

Когда я начал заносить в эту тетрадь свои заметки, то боялся, что пишу чересчур подробно, но теперь я счастлив, что записал все мельчайшие подробности с самого начала, так как здесь происходит много необычного,— это тревожит меня; я думаю только о том, как бы выйти отсюда целым и невредимым, и начинаю жалеть, что приехал сюда; возможно, что это ночные бодрствования так отзываются на мне, но если бы это было все! Если бы здесь было с кем поговорить, мне было бы легче, но, к сожалению, не с кем. Только с графом, а он... Я начинаю думать, что я здесь единственная живая душа. Буду прозаичным, поскольку этого требуют факты; это поможет мне разобраться во всем, сохранить свой здравый смысл и уйти из-под власти все более и более овладевающих мной фантазий. Иначе я погиб! Дайте мне рассказать все, как оно есть...

Я проспал всего несколько часов и, чувствуя, что больше не засну, поднялся. Поставив свое зеркало для бритья на окно, я начал бриться. Внезапно я почувствовал руку на своем плече и услышал голос графа. «С добрым утром»,— сказал он мне. Я вздрогнул, так как меня изумило, что я не увидел его в зеркале, хотя мне была видна вся комната. Вздрогнув, я слегка порезался, но сразу не обратил на это внимания. Ответив на приветствие графа, я опять повернулся к зеркалу, чтобы посмотреть, как это я так ошибся. На сей раз не могло быть никаких сомнений, так как граф стоял почти вплотную за мной и я мог видеть

его через плечо. Но все-таки его отражения в зеркале не было!.. Там отражалась вся комната за моей спиной, но в ней и признака не было никого другого, кроме меня. Это пугало и, довершая множество странностей, усилило то неопределенное чувство тревоги, которое охватывает меня каждый раз, когда граф находится рядом. В этот самый миг я заметил, что мой порез кровоточит и по подбородку течет тонкая струйка крови. Я отложил в сторону бритву и повернулся при этом вполоборота к графу в поисках пластыря. Когда граф увидел мое лицо, его глаза сверкнули демоническим бешенством, и он внезапно схватил меня за горло. Я подался назад, и его рука коснулась шнурка, на котором висел крест. Это сразу вызвало в нем перемену, причем его бешенство прошло так быстро, что я даже усомнился, а было ли это вообще.

— Смотрите, будьте осторожны,— сказал он,— будьте осторожны, когда бреетесь. В нашей стране это гораздо опаснее, чем вы думаете.

Схватив зеркало, он продолжал:

— Вот эта злополучная вещь все и натворила! Это не что иное, как глупая игрушка человеческого тщеславия. Долой ее!

Одним взмахом своей страшной руки он распахнул тяжелое окно и вышвырнул зеркало; упав на камни, которыми был выложен двор, оно разлетелось на тысячи осколков. Затем, не говоря ни слова, граф удалился. Это ужасно неприятно, так как я определенно не знаю, как я теперь буду бриться, разве что перед металлическим корпусом часов или перед крышкой моего бритвенного прибора, которая, к счастью, сделана из полированного металла.

Когда я вошел в столовую, то завтрак был уже на столе, но графа я нигде не мог найти. Так и позавтракал в одиночестве. Как странно, что я до сих пор не видел графа ни за едой, ни за питьем. Он, вероятно, совершенно необыкновенный человек. После завтрака я совершил короткую прогулку по замку; поднявшись по лестнице, я обнаружил комнату, смотрящую на юг. Из нее открывается великолепный вид, и там, где я стоял, имелась полная возможность его созерцать. Замок высится на самом краю жуткой бездны. Камень, брошенный из окна, пролетит не меньше тысячи футов, прежде чем коснется земли! Всюду, куда хватает глаз, расстилается зеленое море деревьев, с

редкими просветами там, где открываются пропасти. Кое-где вьются серебряные нити рек.

Но у меня не лежит сердце описывать красоты, ибо, полюбовавшись видом, я продолжил исследование: двери, двери, всюду двери, и все заперто и загорожено. Нигде нет никакой возможности покинуть замок, разве только через окно!

Замок этот — настоящая тюрьма, а я — пленник!

Глава III

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Продолжение)

Когда я убедился, что нахожусь в плену, меня охватило бешенство. Я стал стремительно спускаться и подниматься по лестницам, пробуя каждую дверь, высовываясь в каждое окно, какое только мне попадалось по пути; но вскоре сознание полной беспомощности заглушило все остальные чувства. Когда позднее я припоминал свое тогдашнее состояние, то оно показалось мне близким к сумасшествию, так как я вел себя словно крыса в мышеловке. Но едва я пришел к выводу, что положение мое безнадежно, то стал хладнокровно — столь хладнокровно я не делал еще ничего в своей жизни — обдумывать, как лучше всего выйти из создавшегося положения. Я и теперь еще думаю об этом и до сих пор не пришел ни к какому решению. Мне ясно только то, что нет никакого смысла сообщать графу о моих мыслях. Он ведь отлично знает, что я пленник, а так как он сам это устроил и, без сомнения, имеет на то свои причины, то лишь солжет мне, если я откровенно поведаю ему свои мысли. Насколько я понимаю, единственный выход — хранить свои догадки и страхи при себе и наблюдать. Знаю: или я, как ребенок, дал себя обмануть собственным страхам, или я в отчаянно сложном положении; если со мною приключилось последнее, то я нуждаюсь и буду нуждаться в том, чтобы сохранить всю ясность мышления.

Едва я успел прийти к такому заключению, как услышал, что хлопнула большая входная дверь внизу; я понял, что граф вернулся. Так как он не прошел в библиотеку, то я на цыпочках

направился в свою комнату и застал там графа, приготовлявшего мне постель. Это было странно, но только подтвердило мое предположение, что в доме совсем нет прислуги. Когда же позже я заметил сквозь щели в дверях столовой графа, накрывающего на стол, то окончательно убедился в правильности своих предположений: раз он сам выполняет обязанности челяди, это уже явное доказательство того, что больше выполнять их некому. Этот вывод меня испугал, так как если тут в замке нет больше никого, то, значит, граф сам был кучером кареты, которая привезла меня сюда. Какая ужасная мысль: ведь если это так, что же означает его способность усмирять волков одним движением руки, как делал он в ночь моего приезда в замок? Почему все люди и в Бистрице, и в дилижансе так за меня боялись? Что означали подаренные мне распятия, чеснок, шиповник и рябина? Да благословит Господь ту добрую, милую старушку, которая повесила мне крест на шею: каждый раз, когда я до него дотрагиваюсь, я чувствую отраду и новую силу. Как странно, что именно то, к чему я привык относиться враждебно и на что я привык смотреть как на идолопоклонство, в дни одиночества и тревоги является моей единственной помощью и утешением. Заключено ли нечто в нем самом или он лишь посредник, вещественный помощник для передачи приязни и утешения? Когда-нибудь, если удастся, я должен изучить этот вопрос и постараться для себя что-то решить. Сейчас же я должен узнать все относительно графа Дракулы, так как только это может помочь мне отыскать разгадку. Сегодня же вечером я постараюсь заставить его рассказать о себе, если только мне удастся перевести разговор на эту тему. Но мне придется быть при том очень осторожным, дабы не возбудить его подозрений.

Полночь.

У меня был долгий разговор с графом. Я задал ему несколько вопросов, касающихся истории Трансильвании, и он живо и горячо заговорил на эту тему. Он с таким оживлением говорил о событиях, о народах и в особенности о битвах, будто сам присутствовал всюду. Он это объясняет тем, что для боярина честь его родины, дома и рода — его личная честь, что их победы — его слава, их судьба — его участь.

Говоря о своем роде, он неизменно говорил «мы», практически всегда употреблял множественное число, подобно королям. Хотел бы я записать дословно все, что он рассказывал: меня это глубоко захватило. Казалось, разворачивается история целой страны. Рассказ привел его в возбуждение, он расхаживал по комнате, дергая свой пышный седой ус и хватаясь за все, что подворачивалось под руку, как будто желая сокрушить этой самой рукой. Одно из поведанного им я постараюсь передать с елико возможной точностью, ибо это была рассказанная по-своему история его народа.

— Мы, секеи, имеем право гордиться, так как в наших жилах течет кровь многих храбрых племен, которые дрались как львы за превосходство в мире. Здесь, в смешении европейских народностей, выделилось племя угров, наследовавшее от исландцев воинственный дух, которым их наделили Тор и Один, и берсеркеры их прославились на морских берегах Европы, Азии и даже Африки такой свирепостью, что народы думали, будто явились оборотни. Да к тому же когда они добрались сюда, то нашли здесь гуннов, бешеная страсть которых к войнам опустошала страну подобно жаркому пламени, и те, на кого они нападали, думали, что в их жилах течет кровь старых ведьм, которые, изгнанные из Скифии, сочетались браком с дьяволами пустыни. Глупцы! Глупцы! Какая ведьма или дьявол могли сравниться с великим Аттилой, чья кровь течет в этих жилах? — Он воздел руки.— Разве удивительно, что мы — племя победителей? Что мы надменны? Что когда мадьяры, ломбардцы, авары, болгары или турки посылали на наши границы тысячные армии, мы теснили их? Разве странно, что Арпад, передвигаясь со своими легионами по родине мадьяров, застал нас на границе и что Гонфоглалас закончился здесь? И когда поток мадьяров двинулся на восток, то притязания секеев как родственного племени были признаны победителями-мадьярами; и уже целые столетия как нам поручено охранять границы с Турцией, ибо, как турки говорят: «Спит и вода, но враг никогда не смыкает глаз». Кто из Четырех Наций радостнее, чем мы, бросался в кровавый бой с превосходящими силами врага или на военный клич собирался быстрее под знамена короля? Впоследствии, когда пришлось искупать великий позор моего народа — позор Косова, когда знамена валахов и мадьяров склонились перед полумеся-

цем, кто же, как не один из моих предков, переправился через Дунай и участвовал в разгроме турок на их же земле? То был настоящий Дракула! Какое горе, что его недостойный родной брат продал туркам свой народ, навлекши на него позор рабства! А разве не носил имя Дракула другой его одноплеменник, который в более поздние времена, вдохновленный предком, снова и снова переправлялся со своим войском за реку на турецкую землю; который, будучи разбит, выступал снова и снова, хотя и возвращался один с кровавого поля битвы, где полегло его воинство,— ибо он знал, что лишь он восторжествует в конце концов! Говорят, он не думал ни о ком, кроме себя. Ба! Чего стоят крестьяне без вожака? Куда поведет война, не направленная умом и доблестной рукой? А когда после битвы при Мохаче мы свергли венгерское иго, то вождями оказались опять-таки мы, Дракулы, так как наш свободный дух не переносит никаких притеснений! Ах, юноша! Дракулы — сердце, бьющееся в груди секеев, их мозг и меч — могут похвастаться такой древностью рода, на которую эти выскочки Габсбурги и Романовы никогда не смогут и претендовать. Военные дни прошли... Кровь теперь, в эти дни бесчестного мира, является слишком драгоценной; и слава великих племен теперь уже не более чем древняя сказка!

При этих словах как раз рассвело, и мы разошлись спать. (*Прим.:* этот дневник страшно напоминает начало «Тысячи и одной ночи», поскольку каждый должен уйти, когда раздастся крик петуха; можно вспомнить и призрак отца Гамлета.)

12 мая.

Начну я с фактов, сухих и голых фактов, подтверждаемых книгами и цифрами, в которых нет и не может быть сомнения. Не следует смешивать их с событиями, в которых я могу опираться лишь на свидетельство собственных чувств и памяти. Вчера вечером, когда граф пришел из своей комнаты, он задал мне ряд вопросов относительно юридической стороны своих дел. День я провел над книгами и, просто чтобы занять чем-нибудь мысли, вспоминал кое-что из того, что мне довелось узнать во время обучения в «Линкольнз инн». Граф задавал мне вопросы, как бы руководствуясь определенной системой, и я

тоже попробую передать их по порядку; эти сведения, быть может, когда-нибудь пригодятся мне.

Прежде всего он спросил, можно ли в Англии иметь двух и более поверенных. Я ему на это ответил, что можно иметь их хоть дюжину, но неумно иметь больше одного адвоката для каждого дела, так как все равно одновременно может действовать только один, а смена адвокатов всегда невыгодна для клиента. Он, по-видимому, все понял и спросил, трудно ли осуществить практически, чтобы один поверенный занимался, ну скажем, делами, связанными с банком, а другой следил за грузоперевозками, на случай если придется действовать далеко от дома первого поверенного. Я попросил его объяснить подробнее, чтобы мой совет не ввел его случайно в заблуждение, и он сказал:

— Поясню на примере. Ваш и мой друг, мистер Питер Хокинс, живущий рядом с великолепным собором в Эксетере, вдали от Лондона, купил для меня при вашем посредничестве дом в Лондоне. Прекрасно! Теперь позвольте говорить с вами откровенно, дабы вам не показалось странным, что вместо того, чтобы поручить покупку имущества жителю самого Лондона, я обратился к человеку, обитающему далеко от города. Я стремился к тому, чтобы ничьи местные интересы не помешали моим личным. А так как живущий в Лондоне всегда будет учитывать как свои интересы, так и интересы своих друзей, то я и постарался отыскать агента, который посвятил бы все усилия исключительно мне. Допустим далее, что мне, человеку деловому, необходимо отправить товар, скажем, в Ньюкасл, или Дарем, или Харидж, или Дувр, так разве не легче мне будет обратиться по этому поводу к кому-нибудь из тех мест?

Я согласился с ним, но объяснил, что мы, адвокаты, имеем повсюду своих агентов и всякое поручение будет исполнено местными агентами по инструкции любого поверенного.

— Но,— возразил он,— я ведь мог бы при желании сам управлять всеми делами? Не так ли?

— Конечно. Это принято у деловых людей, которые никого не хотят посвящать в свои дела целиком.

— Прекрасно! — сказал он и перешел затем к форме и изложению поручительства и ко всем возможным при том затруднениям, желая таким образом заранее охранить себя от всяких случайностей.

Я объяснил ему все как можно точнее, и он в конце концов оставил меня под впечатлением, что сам мог бы быть великолепным юристом, ибо не было ни единого пункта, которого бы он не предвидел. Для человека, никогда не бывавшего в стране и, по всей видимости, мало занятого ведением дел, его познания и проницательность были удивительны. Когда он вполне удовлетворился всеми сведениями и выслушал объяснения по интересующим его вопросам, он встал и сказал:

— Писали ли вы после вашего первого письма мистеру Питеру Хокинсу или кому-нибудь другому?

С горьким чувством я ответил, что до сих пор еще не имел возможности отослать письма кому бы то ни было.

— Ну так напишите сейчас же, мой дорогой друг,— сказал он, положив свою тяжелую руку мне на плечо,— и сообщите, что вы пробудете со мной еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если это доставит вам удовольствие.

— Разве вы собираетесь меня задержать еще на столь продолжительный срок? — спросил я, ибо холодел от одной этой мысли.

— Я бы очень этого хотел. Нет, я не приму отказа! Когда ваш патрон или, если угодно, хозяин сообщил мне, что отправит ко мне своего заместителя, то мы условились при этом, что приниматься во внимание будут только мои интересы. Я не оговаривал срока. Не так ли?

Что же мне оставалось делать, как не поклониться в знак согласия? Ведь все это было не в моих интересах, а в интересах мистера Хокинса, и я должен был думать прежде всего о патроне, а не о себе; и кроме того, в глазах графа Дракулы и во всем его поведении было нечто такое, что сразу напомнило мне о моем положении пленника. Граф разглядел свою победу в моем утвердительном поклоне и свою власть надо мной в тревоге, отразившейся на моем лице, и сейчас же воспользовался этим, конечно, в присущей ему хотя и вежливой, но не допускающей возражений манере.

— Но прошу вас, мой добрый, дорогой друг, в ваших письмах не касаться ничего иного, кроме дела. Без сомнения, вашим друзьям доставит удовольствие узнать, что вы здоровы и надеетесь скоро вернуться домой. Не так ли?

При этом он протянул мне три листка тончайшей бумаги непривычного формата и три конверта, и, посмотрев на него, заметив его спокойную улыбку, которая обнажила острые клыки, упершиеся в красную нижнюю губу, я сразу понял так же отчетливо, как если бы он мне об этом сказал, что должен быть очень осторожным в своих письмах, ибо, по всему, он способен их прочесть. Поэтому я решил написать при нем только официальные письма, а после — уже тайком — написать все подробно мистеру Хокинсу, а также Мине, которой, к слову сказать, я могу писать, используя стенографию, что поставит в затруднение графа, если он только это увидит. Написав два письма, я спокойно уселся и начал читать книгу, пока граф делал несколько заметок, справляясь в книгах, лежащих на столе. Затем он забрал оба письма, положил их вместе со своими возле письменного прибора и вышел из комнаты. Я немедленно воспользовался его отсутствием, чтобы рассмотреть письма, которые лежали на столе адресами вниз. Я не испытывал при этом никаких угрызений совести, так как находил, что в данных условиях должен защищать себя любыми возможными средствами.

Одно из писем было адресовано Сэмюэлу Ф. Биллингтону, № 7, Кресент, Уитби; другое Herr* Лейтнеру, Варна; третье — в Каутс и К°, Лондон; четвертое Herren** Клопштоку и Бильрейту, банкирам, Будапешт. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил движение дверной ручки. Я еле успел разложить письма на столе в прежнем порядке, усесться в кресло и вновь приняться за книгу, как вошел граф, держа в руке еще одно письмо. Он забрал со стола письма и, запечатав их, повернулся ко мне:

— Надеюсь, вы мне простите, что я отлучусь на весь вечер, ибо у меня много личных дел. Думаю, вы найдете все по своему вкусу.

В дверях он еще раз повернулся и сказал после минутной паузы:

— Позвольте посоветовать вам, мой милый друг, вернее, предупредить вас наисерьезнейшим образом, что если вы по-

* Господину *(нем.)*.

** Господам *(нем.)*.

кинете эти комнаты, то ни при каких обстоятельствах вам не следует отдаваться сну ни в одном другом месте замка. Замок старинный, хранит в своих стенах много воспоминаний, и плохо приходится тому, кто отдается сну безрассудно. Итак, вы предупреждены! Как только вы почувствуете, что вас одолевает сон, спешите к себе в спальню или в одну из этих комнат, и тогда ваш покой будет гарантирован. Но при малейшей неосторожности...— Он завершил свою речь зловещим движением, показывая, что умывает руки.

Я отлично понял его, но усомнился в возможности существования более жуткого сна, чем та неестественная, отвратительная паутина из мрака и таинственности, которая постепенно опутывает меня.

Позднее.

Я подтверждаю правильность последних написанных мной слов, но о сомнениях уже не может быть и речи. Я не побоюсь спать в любом месте, лишь бы там не было графа. Я повесил крест в изголовье моей кровати и думаю, что таким образом мой покой обойдется без снов. Здесь крест навсегда и останется...

Когда граф ушел, я удалился в свою комнату. Немного погодя, не слыша ни звука, я вышел и пошел по каменной лестнице туда, откуда можно наблюдать за местностью с южной стороны. Обширные, хотя и недоступные мне пространства давали все же некоторое ощущение свободы по сравнению с мрачным колодцем двора. Озираясь вокруг, я лишний раз убедился, что действительно нахожусь в тюрьме; казалось, мне не хватает воздуха. Ночной образ жизни, я чувствую, начинает сказываться на мне. Нервы мои приходят в расстройство. Я пугаюсь собственной тени, и меня одолевают ужаснейшие фантазии. Видит бог, в этом проклятом месте есть причины для ужаса! Я взирал на просторы, залитые мягким лунным светом, пока не стало светло как днем. Нежный свет смягчал очертания далеких холмов, а тени в долинах и узких проходах покрылись бархатным мраком. Казалось, сама красота природы ободрила меня; с каждым дыханием я как бы вбирал мир и покой. Когда я высунулся в окно, то заметил, как что-то зашевелилось этажом ниже, налево от меня, именно там, где, по моим предположениям, находилось окно комнаты графа. Высокое и большое окно, у которого я стоял, было заключено в каменную амбразуру, которая, несмотря на то что была источена временем, уцелела. Я спрятался за амбразуру и осторожно выглянул.

И вот я заметил, как из окна высунулась голова графа. Лица его я не разглядел, но сразу узнал его по затылку и движениям плеч и рук. Я никак не мог ошибиться, так как много раз внимательно присматривался к его рукам. Вначале я очень заинтересовался этим явлением, да и вообще, много ли нужно, чтобы заинтересовать человека, чувствующего себя пленником! Но мое любопытство перешло в ужас и омерзение, когда я увидел, что он начал ползти по стене над жуткой пропастью, *головой вниз*, причем его плащ развевался, как большие крылья. Я не верил своим глазам! Вначале мне показалось, что это отражение лунного света или игра капризно брошенной тени; но, продолжая смотреть, я отказался от своих сомнений, так как ясно увидел, что пальцы цеплялись за выступы камней, штукатурка у которых выветрилась от непогоды; пользуясь каждым выступом и малейшей неровностью, граф, как ящерица, с невероятной быстротой полз вниз по стене.

Что это за человек или что это за существо в обличье человека? Я чувствую, что царящий здесь ужас завладевает мной; я боюсь, ужасно боюсь, и нет мне спасения! Я охвачен таким страхом, что не смею даже думать о...

15 мая.

Я опять видел графа ползущим, как ящерица. Он опустился на несколько сотен футов наискось влево. Затем он исчез в какой-то дыре или окне. Когда голова его пропала из виду, я высунулся в окно, стараясь проследить за ним дальше, но безуспешно, так как расстояние было слишком велико. Я знал теперь, что он удалился из замка, и поэтому решил воспользоваться удобным случаем, чтобы осмотреть все то, чего не успел осмотреть раньше. Я вернулся к себе в комнату и, взяв лампу, пошел пробовать все двери. Все они оказались запертыми, как я и ожидал, причем замки были совершенно новыми; тогда я спустился по каменной лестнице в тот зал, откуда впервые попал внутрь. Я убедился, что засовы довольно легко отодвинуть и что нетрудно снять с крюка и большие цепи; но дверь оказалась

запертой, а ключ был унесен. Ключ, должно быть, в комнате графа; придется дождаться случая, когда дверь его комнаты будет открыта, чтобы иметь возможность забраться туда и уйти незаметно. Я продолжал осматривать различные лестницы и проходы и пробовать все двери. Одна или две маленькие комнатки поблизости от зала оказались незапертыми, только там ничего не нашлось интересного, кроме старинной мебели, покрытой слоем пыли и побитой молью. В конце концов на самой верхушке одной лестницы я все-таки нашел какую-то дверь, которая хотя и была закрыта, но при первом же легком толчке поддалась. При более сильном толчке я почувствовал, что на самом деле она не заперта, а сопротивление возникает оттого, что тяжелая дверь просела на петлях. Тут мне представился случай, который вряд ли вторично подвернется; поэтому я напряг все свои силы, и мне удалось настолько приоткрыть дверь, что я смог войти в комнату. Я находился в правом крыле замка и этажом ниже, чем расположены мои комнаты. По расположению окон я понял, что анфилада комнат находится на южной стороне замка, а окна замыкающей комнаты выходят на запад и юг. С той и с другой стороны была большая пропасть.

Замок был построен на краю большого утеса, так что с трех сторон он был совершенно недоступен, и поэтому здесь, куда было не достать ни из лука, ни из пращи, ни из кулеврины, имелись большие окна и, соответственно, было светлей и удобней. На западе виднелась большая долина, а за ней, вдали, возвышались большие зубчатые горы, расположенные одна за другой; крутые утесы были покрыты горными цветами и терновником, корни которого цеплялись за трещины и расселины в камне. В этой части замка, по-видимому, когда-то были женские покои, так как обстановка была уютнее, чем в остальных частях. Занавеси на окнах отсутствовали, и желтый свет луны, проникавший сквозь ромбики оконных стекол, позволял видеть даже цвета и одновременно повсюду смягчал и скрывал изъяны, вызванные временем. Моя лампа мало помогала мне при блеске лунного света, но я был счастлив, что она была со мной, потому что ужасное одиночество заставляло холодеть мое сердце и расстраивало нервы. Во всяком случае, мне здесь было лучше, чем в тех комнатах, которые я возненавидел благодаря присутствию в них графа; я постарался успокоить свои нервы, и постепенно

меня охватило тихое спокойствие. Вот я сижу за дубовым столиком,— возможно, в прежние времена прекрасная дама в мучительных раздумьях, но почти не краснея, сочиняла за ним страдающее дурной орфографией послание любви,— и стенографирую в своем дневнике все, что произошло со мной за то время, когда я последний раз его открывал. Чертовски современно — и все же, если только мои чувства не обманывают меня, у прежних веков была и есть сила, которую простая «современность» не может одолеть.

Позднее, утром 16 мая.

Боже, сохрани мой рассудок! Безопасность и уверенность в безопасности — дело прошлого! Пока я здесь живу, у меня только одно стремление: как бы не сойти с ума, если только это уже не произошло. Но коли рассудок еще при мне, то действительно безумие думать, будто из всех мерзостей, какими я окружен в этом ненавистном мне месте, менее всего мне страшен граф и будто только с его стороны я еще могу надеяться на помощь, пусть даже лишь до тех пор, пока он во мне нуждается! Великий Боже! Боже милосердный! Не лишай меня моего хладнокровия, так как иначе сумасшествие и впрямь неизбежно!.. Пролился свет на некоторые вещи, которые прежде вызывали недоумение. До сих пор я как-то не понимал, чего хотел Шекспир, когда Гамлет у него говорит:

> Мои таблички,— надо записать,
> Что можно жить с улыбкой...

по теперь, чувствуя, что мой рассудок на грани помешательства или что он не выдержит пережитого потрясения, я обращаюсь к своему дневнику за отдохновением. Привычка старательно вести его поможет мне успокоиться.

Таинственное предостережение графа испугало меня; когда я думаю об этом теперь, то еще сильнее боюсь, так как чувствую, что в будущем стану жить под страхом его власти надо мной. Я буду бояться даже усомниться в каждом его слове...

Кончив писать и убрав благополучно дневник и ручку, я стал погружаться в дрему. Мне вспомнилось предостережение графа, но возможность ослушаться его доставляла мне удовольствие. Сон реял надо мной, мягкий лунный свет успокаивал, а

широкий простор за окном рождал освежающее чувство свободы. Я решил не возвращаться этой ночью в мрачные комнаты, а спать здесь, где в былые времена сиживали дамы и напевали, и жизнь их была сладка, а нежную грудь теснило от грусти по мужьям, находящимся вдалеке, в самой гуще жестоких боев. Я вытащил из угла какую-то кушетку, поставил ее так, что мог лежа свободно наслаждаться видом, открывающимся на запад и на юг, и, не обращая внимания на густую, все покрывающую здесь пыль, собрался спать.

Мне кажется вероятнее всего, что я и заснул; надеюсь, что так и было, но все-таки страшно боюсь, как бы все, что затем последовало, не оказалось ошеломительной реальностью, ведь все это было столь явственно, что теперь, сидя здесь при ярком солнечном свете, я никак не могу представить себе, что это был сон.

Я был не один. Комната была та же, она нисколько не изменилась с тех пор, как я в нее вошел. Благодаря лунному свету я мог различить собственные следы там, где я потревожил многолетние скопления пыли. В лунном свете против меня стояли три молодые женщины, судя по их одеждам и манерам — настоящие леди. Тогда я подумал, что вижу их сквозь сон, так как, несмотря на то что свет луны находился у них за спиной, от них не было никакой тени на полу. Они приблизились ко мне вплотную и, взглянув на меня, стали шептаться между собой. Две из них были брюнетками, с тонкими орлиными носами, как у графа, с большими темными пронзительными глазами, казавшимися совершенно красными при желтовато-бледном свете луны. Третья леди была белокура — самая светлая блондинка, какая только может существовать, с вьющимися густыми золотистыми волосами и с глазами цвета бледного сапфира. Мне показалось знакомым это лицо, узнаваемость его связывалась с какими-то страхами на грани яви и сна, но я никак не мог вспомнить, как и когда именно. У всех трех были великолепные белые зубы, сверкавшие жемчугом между рубиново-красных сладострастных губ. В них было нечто такое, что сразу заставило меня почувствовать какую-то тревогу, некое томление и одновременно смертельный ужас. В душе моей пробудилось омерзительное желание, чтобы они меня поцеловали

своими красными чувственными губами. Нехорошо об этом писать, ведь когда-нибудь это может попасться на глаза Мине и причинить ей боль; но сие есть правда.

Они пошептались между собой и потом все три рассмеялись — серебристым мелодичным смехом, но жалкая плоть человеческих уст не смогла бы, казалось, исторгнуть столь пронзительный звук, подобный невыносимому тончайшему звону, который извлекает изощренная рука, водя по краю стеклянного бокала. Блондинка кокетливо покачивала головкой, а две другие подзадоривали ее. Одна из них сказала:

— Начинай! Ты первая, а мы последуем твоему примеру. Твое право начать.

Другая прибавила:

— Он молод и здоров; тут хватит поцелуев на всех нас.

Я замер и лежал, чуть прикрыв глаза и изнемогая от предвкушаемого наслаждения. Светлая дева подошла и склонилась надо мною так низко, что я почувствовал ее дыхание. Оно было сладостным, сладковатым, но в то же время действовало на нервы так же своеобразно, как и ее голос: в этой сладости чувствовалась какая-то горечь, какая-то отвратительная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся окончательно открыть глаза, но прекрасно все видел сквозь ресницы. Блондинка встала на колени и склонилась надо мной в вожделении. Осмысленное сладострастие, и возбуждающее, и отталкивающее, было в том, как, изгибая шею, она склонялась все ниже и ниже, облизывая при этом рот, словно зверь; при свете луны я заметил ее влажные алые губы и кончик языка, которым она облизывала белые острые зубы. Ее голова опускалась все ниже, и губы ее, как мне показалось, прошли мимо моего рта и подбородка и остановились над самым горлом. Она замерла — я слышал влажный звук, рождаемый ее быстро снующим язычком, и ощущал жгучее дыхание на своей шее. Потом кожу стало покалывать и пощипывать. Тогда я почувствовал мягкое прикосновение трепещущих губ к обостренно чувствительной коже у горла и два острых укола. Я закрыл глаза в томном восторге и ждал, и ждал с замирающим сердцем.

Но в то же мгновение меня с быстротою молнии пронзило другое ощущение. Я почувствовал присутствие графа; он был в

бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как граф своей мощной рукой схватил женщину за тонкую шею и изо всей силы отшвырнул в сторону, причем синие глаза ее сверкали бешенством, белые зубы скрежетали от злости, а бледные щеки вспыхнули гневом. Но что было с графом! Не думаю, что даже демоны могут быть охвачены такой свирепостью, бешенством и яростью! Его глаза определенно метали молнии. Красный оттенок их сделался еще ярче, как будто в них пылало пламя адского огня. Лицо было мертвенно-бледным, а все черты лица застыли, будто окаменев; густые брови, и без того сходившиеся у переносицы, теперь напоминали тяжелую прямую полосу добела раскаленного металла. Свирепо отбросив женщину от себя, он сделал движение по направлению к двум другим, как бы желая и их отбросить назад. Движение это было похоже на то, которым он укрощал волков. Низким голосом, который был чуть громче шепота, но при этом словно раскалывал воздух и гулко отдавался по комнате, он сказал:

— Как вы смели его трогать? Как вы смели поднять глаза на него, если я вам это запретил? Назад, говорю вам! Ступайте прочь! Этот человек принадлежит мне! Посмейте только коснуться его, и вы будете иметь дело со мной!

Белокурая дева, смеясь с грубой игривостью, обратилась к нему:

— Вы никогда никого не любили и никогда никого не полюбите.

Две другие подхватили, и раздался столь безрадостный, резкий и бездушный смех, что я чуть не лишился чувств, услышав его; в нем было злобное торжество. Граф повернулся ко мне и, пристально глядя мне в лицо, нежно прошептал:

— Нет, я тоже способен любить; в прошлом вы сами могли убедиться в этом. Я обещаю вам, что, как только с ним покончу, я позволю вам целовать его, сколько пожелаете. А теперь уходите. Я должен его разбудить, так как предстоит еще одно дело.

— А разве сегодня ночью мы ничего не получим? — сдерживая смех, спросила одна из дев, указав на мешок, который он бросил на пол и который шевелился, как будто в нем находилось что-то живое.

Граф утвердительно кивнул головой. Одна из женщин мигом кинулась и раскрыла мешок. Если только слух меня не обманывал, то оттуда раздались придушенные вздохи и плач ребенка. Женщины обступили то место, тогда как я был весь охвачен ужасом; но когда я вгляделся пристально, то оказалось, что они уже исчезли, а вместе с ними исчез и ужасный мешок. Другой двери в комнате не было, а мимо меня они не проходили. Казалось, они просто исчезли, растворившись в лунных лучах, ибо я видел, как их слабые очертания постепенно истаивают в окне.

Ужас охватил меня с такой силой, что я упал в обморок.

Глава IV

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

(Продолжение)

Проснулся я в своей постели. Если только ночное приключение не приснилось мне, то, значит, сюда меня перенес граф. Целый ряд мелких признаков говорил за это. Мое платье было сложено не так, как я это обыкновенно делаю. Мои часы стояли, а я их всегда завожу на ночь, и много еще таких же мелочей. Но все это, конечно, не может служить доказательством, а лишь подтверждает то, что мой рассудок не был в обычном состоянии; и я действительно пережил сильнейшее смятение, какова бы ни была его причина. Я должен найти другие доказательства. Чему, однако, я несказанно рад, так это тому, что мои карманы остались нетронутыми, граф, очевидно, очень спешил (если только он перенес меня сюда и раздел). Я уверен, что мой дневник был бы для него загадкой, которую он не смог бы разгадать. Он, наверное, взял бы его себе и, может быть, уничтожил. Теперь моя комната, которая всегда казалась мне отвратительной, является как бы моим святилищем, так как нет ничего страшнее тех ужасных женщин, которые ждали и будут ждать случая высосать мою кровь.

18 мая.

При свете дня я опять пошел в ту комнату, так как должен же я, наконец, узнать всю правду. Когда я добрался до двери на верхней площадке лестницы, то нашел ее запертой. Ее закрыли

с такою силой, что часть ее оказалась разбитой. Я увидел, что засов не был задвинут, а дверь закрыта изнутри. Я боюсь, что все это не сон. И я должен соответственно действовать.

19 мая.

Я, без сомнения, в западне. Прошлою ночью граф сладким голосом попросил меня написать три письма: в первом сообщить, что мое дело здесь уже близится к концу и что через несколько дней я отправляюсь домой; во втором — что я выезжаю на следующий день после того, как написано письмо, а в третьем — что я уже покинул замок и приехал в Бистрицу. Мне страшно хотелось протестовать, но я понял, что в моем положении открыто ссориться с графом — безумие, так как я нахожусь в его власти, а отказаться писать эти письма значило бы возбудить его подозрение и навлечь на себя его гнев. Он понял бы, что я слишком многое знаю и что я не должен оставаться в живых, так как я опасен ему; единственным моим выходом было искать и ждать случая. Может быть, и подвернется случай бежать. В его глазах я снова заметил нечто похожее на тот гнев, с которым он отшвырнул от себя белокурую женщину. Он объяснил мне, что почта ходит здесь редко и ненадежно, поэтому сейчас написанные мной письма обеспечат спокойствие моим друзьям, и он столь внушительно заверил меня, что сможет отменить распоряжение об отправке двух последних и задержать их в Бистрице, на случай если возникнет необходимость продлить мое пребывание, что противоречить ему значило бы вызвать у него новое подозрение. Я сделал вид, что совершенно с ним согласен, и только спросил, какие числа поставить в письмах. Он на минуту задумался, потом сказал:

— Первое пометьте 12 июня, второе — 19 июня и третье — 29 июня.

Теперь я знаю, сколько мне отпущено дней. Да поможет мне Бог!

28 мая.

Есть возможность сбежать или, по крайней мере, послать домой весточку: к замку пришел цыганский табор и расположился во дворе. В этом краю цыгане отличаются некоторыми особенностями, хотя и сродни другим цыганам. В Венгрии и Трансильвании их тысячи, практически поставленных вне закона. Они, как правило, отдаются под покровительство какого-нибудь крупного аристократа или боярина и зовутся его именем. Они бесстрашны и лишены иной веры, кроме суеверия, а говорят на собственной разновидности романских языков.

Я напишу домой несколько писем и постараюсь добиться, чтобы цыгане отнесли их на почту. Я уже завязал с ними знакомство через окошко. Они сняли при этом шляпы и делали мне какие-то знаки, столь же малопонятные, как и их язык...

Я написал письма. Мине написал, используя стенографию, а мистера Хокинса просто попросил списаться с нею. Ей я сообщил о своем положении, умалчивая, однако, об ужасах, в которых я сам еще не вполне разобрался. Если бы я открыл ей всю душу, она испугалась бы до смерти. Если письма каким-нибудь образом все-таки дойдут до графа, он все же не будет знать моей тайны или, вернее, насколько я проник в его тайны...

Я отдал письма, бросив их сквозь решетку моего окна вместе с золотой монетой, и как мог знаками показал, что нужно опустить их в почтовый ящик. Взявший письма прижал их к сердцу и затем вложил в свою шляпу. Больше я ничего не мог сделать. Я пробрался в библиотеку и начал читать.

Наконец граф пришел. Он сел против меня и сказал своим вкрадчивым голосом, вскрывая два письма:

— Цыгане передали мне эти письма, и хотя я не знаю, откуда они взялись, мне придется о них позаботиться. Посмотрим! Одно из них от вас к моему другу Питеру Хокинсу; другое...— Тут, вскрыв письмо, он увидел странные знаки, и его лицо омрачилось, а в глазах сверкнуло бешенство.— Другое — гадкий поступок, злоупотребление дружбой и гостеприимством. Оно не подписано. Прекрасно! Значит, оно не имеет к нам отношения.

И он хладнокровно взял письмо и конверт и держал их над лампой до тех пор, пока они не превратились в пепел. Затем он продолжал:

— Письмо, адресованное Хокинсу, я, конечно, отправлю, раз оно от вас. Ваши письма для меня святы. Вы, друг мой, простите меня, конечно, что, не зная этого, я его распечатал. Не запечатаете ли вы снова?

Он протянул мне письмо и с учтивым поклоном передал чистый конверт. Мне оставалось только надписать адрес и молча вручить ему письмо. Затем он вышел из комнаты, и я услышал, как ключ мягко повернулся в замке. Подождав минуту, я подошел к двери — она оказалась запертой.

Час или два спустя граф спокойно вошел в комнату; он разбудил меня своим приходом, так как я заснул тут же на диване. Он был очень любезен и дружелюбен и, видя, что я спал, сказал:

— Вы устали, друг мой? Ложитесь в постель. Там удобнее всего отдыхать. Я лишен удовольствия беседовать с вами нынешней ночью, так как очень занят; но вы будете спать, я в этом уверен!

Я прошел к себе в комнату и — странно признаться — спал без сновидений. И отчаянию свойственны минуты покоя.

31 мая.

Когда я сегодня утром проснулся, то решил запастись бумагой и конвертами из своего чемодана и хранить их в кармане, дабы иметь возможность записывать то, что нужно в случае необходимости. Но меня ожидал новый сюрприз, новый удар: из чемодана исчезла вся бумага и конверты вместе со всеми заметками, расписанием железных дорог, подробными описаниями моих путешествий; пропало и письмо с аккредитивом — словом, все, что могло бы мне пригодиться, будь я на воле. Мой дорожный костюм исчез; мой сюртук и плед также. Я нигде не мог найти и следа их. Должно быть, новая злодейская затея...

17 июня.

Сегодня утром, сидя на краю постели и ломая голову над происходящим, я вдруг услышал на дворе щелканье хлыста и стук лошадиных копыт по мощеной дороге. Я бросился к окну и увидел два больших фургона, каждый запряженный восьмеркою лошадей; у каждой пары стоял словак в белой шляпе, поясе, усеянном громадными гвоздями, грязных овчинах и высоких сапогах. В руках у них были длинные посохи. Я бросился к двери, чтобы скорее спуститься вниз и пробраться к ним через входную дверь, которая, по моему мнению, была не заперта. Опять поражение: моя дверь оказалась запертой снаружи. Тогда я бросился к окну и окликнул их. Они тупо взглянули наверх и показали на меня; тут как раз к ним подошел цыганский гетман; увидев, что они указывают на меня, он сказал им что-то, над чем они рассмеялись. После этого никакие мои усилия, жалобные крики и отчаянные мольбы не могли заставить их взглянуть на мое окно. Они окончательно отвернулись от меня. В фургоны были погружены большие ящики с толстыми веревочными ручками; они, без сомнения, были пустыми, судя по легкости, с которой их несли словаки. Ящики выгрузили и сложили в кучу в углу на дворе, затем словаки получили от цыган деньги, поплевали на них на счастье и лениво вернулись к своим лошадям. Вскоре я услышал скрип колес, затихающий в отдалении.

24 июня, на рассвете.

Прошлой ночью граф рано покинул меня и заперся на ключ у себя в комнате. Со всех ног я опять помчался по винтовой лестнице наверх, взглянуть в окно, выходящее на юг. Я думал, что подстерегу здесь графа,— кажется, что-то готовится. Цыгане находятся где-то в замке и заняты какой-то работой. Я это знаю, так как порой слышу далекий и глухой звук не то мотыги, не то заступа; что бы они ни делали, это, должно быть, конец какого-нибудь жестокого злодеяния.

Я стоял у окна почти полчаса, когда заметил, как что-то появилось из окна комнаты графа. Я подался назад и осторожно наблюдал. Наконец я разглядел всего человека. Совершенно новым ударом для меня было то, что я увидел на нем мой дорожный костюм; через плечо у него висел тот самый ужасный мешок, который, как я помнил, женщины забрали с собой. Тут уже больше не оставалось сомнений, за чем он отправился и для чего ему моя одежда. Вот, значит, его новая злая затея. Он хочет, чтобы другие приняли его за меня; чтобы, таким образом, в городе и деревне знали, что я сам относил свои письма на почту, и чтобы всякое злодеяние, которое он совершит в моей одежде, местные жители приписали мне. Я думал, что дождусь возвращения графа, и поэтому долго и упорно сидел у окна. Затем я стал замечать в лучах лунного света мелькание каких-то маленьких точек; крошечные, словно микроскопические пылинки, они кружились очень своеобразно. Я наблюдал за ними с чувством отдохновения, и они навеяли на меня какое-то спо-

койствие. Я расположился поудобнее в амбразуре окна, с тем чтобы полнее насладиться эфирным кружением.

Что-то заставило меня вздрогнуть — тихий, жалобный вой собак далеко внизу, в долине, скрытой от моих взоров. Громче и громче звучал он как будто у меня в ушах, и все новые формы принимали в ответ витающие атомы пылинок, танцуя в лунном свете. Я словно боролся с самим собой, чтобы восстать на зов природных инстинктов,— нет, боролась моя душа, а полузабытые чувства рвались ответить на зов. Я подпадал под гипноз. Быстрей и быстрей кружились пылинки, струи лунного света, казалось, колыхались, падая в плотный мрак за моей спиной. Сгущаясь все более и более, они сложились наконец в неясные призрачные формы. Лишь тогда, стряхнув морок, вновь овладев своими чувствами, я вскочил и с воплем бросился прочь. В призрачных фигурах, постепенно обретающих плоть в лунных лучах, я узнал очертания тех трех женщин, в жертву которым был обречен. Я убежал в свою комнату, где не было лунного света и где ярко горела лампа; мне казалось, что здесь я в безопасности.

Спустя несколько часов из комнаты графа до меня донесся шум — пронзительный плач, тотчас задушенный; затем наступило молчание, столь глубокое и ужасное, что я невольно содрогнулся. С колотящимся сердцем я старался открыть дверь, но снова был заперт в своей тюрьме и ничего не мог поделать. Я просто сидел и плакал.

Тут вдруг на дворе раздался душераздирающий женский крик. Я подскочил к окну и взглянул сквозь решетку на двор. Там, опираясь на створку ворот, действительно стояла женщина. Волосы ее спутались, руками она держалась за грудь, словно задохнувшись от бега. Увидев мое лицо в окне, она бросилась вперед и угрожающим голосом крикнула:

— Изверг, отдай моего ребенка!

Она упала на колени и, простирая руки, продолжала выкрикивать те самые слова, надрывавшие мне сердце. Она рвала на себе волосы, била себя в грудь и приходила все в большее и большее отчаяние. Наконец, продолжая неистовствовать, она кинулась вперед. Я уже не мог ее видеть, но слышал, как она стучала кулаками по входной двери.

Где-то высоко надо мной, возможно на башне, раздался металлически резкий приглушенный голос графа, звучавший призывом. В ответ ему из ближних и дальних мест послышался волчий вой. Не прошло и нескольких минут, как целая их стая, точно прорвавшая плотину вода, затопила двор.

Женский крик прекратился, а вой волков внезапно затих. Вслед за тем волки, облизываясь, удалились поодиночке.

Я не мог о ней сожалеть, ибо знал теперь участь ее ребенка. Умереть для нее было лучше.

Но что делать мне? Что я могу сделать? Как ускользнуть от этого жуткого порождения ночи, мрака и ужаса?

25 июня, утром.

Не пережившему мук ночи неведомо, как сладостно и дорого сердцу и очам бывает утро. Когда в это утро солнце поднялось так высоко, что осветило верхнюю часть гигантских ворот напротив моего окна, мне показалось, словно голубь ковчега сел туда, куда упал луч. Мой страх свалился с меня, как некий туманный покров, растаявший в горячих лучах. Я должен что-то предпринять, пока день внушает мне мужество. Вчера вечером ушло мое письмо, первое в той роковой череде, которая должна стереть даже след моего пребывания на этой земле.

Не думать об этом. К делу!

Грозящие мне опасности и страхи всегда преследуют меня по ночам. Я до сих пор ни разу не видел графа при свете дня. Неужели он спит, когда другие бодрствуют, и бодрствует, когда другие спят? Если б я только мог попасть в его комнату! Но нет никакой возможности. Дверь всегда заперта, я никак не смогу пробраться туда.

Нет, попасть туда возможно, лишь бы хватило храбрости. Раз попадает он, почему и другому не попытаться? Я собственными глазами видел, как он полз по стене; почему бы и мне не последовать его примеру и не пробраться туда через окно? Шансов у меня мало, но и положение мое отчаянное. Рискну! В худшем случае может быть только смерть; смерть человека не смерть теленка, и загробная жизнь, может быть, еще для меня не потеряна. Да поможет мне Бог в моем предприятии! Прощай, Мина, если я потерплю неудачу! Прощайте, верный мой друг, мой второй отец! Прощайте все, и еще раз последний привет Мине!

В тот же день, позднее.

Я рискнул и, благодаря Создателю, вернулся опять в свою комнату. Нужно все записать по порядку. Пока мужество не изменило мне, я прямиком отправился к окну, выходящему на юг, и выбрался на узкий каменный карниз, опоясывающий здание с этой стороны. Стена выстроена из больших, грубо отесанных камней, и известка между ними выветрилась от времени. Я снял сапоги и отправился на свою отчаянную вылазку. Единожды я взглянул вниз, чтобы удостовериться, что случайный взгляд в жуткую бездну не парализует меня страхом, но впредь отводил от нее свой взор. Я знал довольно хорошо направление и расстояние до окна графа и продвигался туда, используя любую благоприятную возможность. Я совсем не чувствовал головокружения — вероятно, был чересчур взволнован. До смешного быстро я обнаружил, что уже стою на подоконнике и стараюсь поднять окно в комнату графа. Однако когда я наклонился и спускал ноги в окно, мной овладело смятение. Я огляделся, нет ли графа, и с удивлением и радостью обнаружил — комната пуста! Она была кое-как обставлена разрозненными предметами, которыми, казалось, никогда не пользовались; мебель, по стилю напоминавшую мебель в южных комнатах, покрывал слой пыли. Я стал искать ключ; в замке его не было, и я его нигде не нашел. Единственное, что я обнаружил, это целая куча золота в углу, золота самого разного: романские, британские, австрийские, греческие и турецкие монеты, покрытые тонким налетом, как будто долго лежали в земле. Я не заметил среди них ни одной, которой было бы меньше трехсот лет. Там были еще цепочки, украшения, некоторые с драгоценными камнями, но все старое и покрытое пятнами.

В одном углу комнаты находилась массивная дверь. Я попробовал ее открыть, так как, не найдя ключа от комнаты или входной двери, что было основной целью моих поисков, должен был продолжать осмотр, чтобы все мои труды не пропали даром. Дверь оказалась незапертой и вела под каменным сводом к винтовой лестнице, круто уходящей вниз. Я спустился, внимательно следя за тем, куда ступаю, так как лестница была освещена лишь редкими отверстиями в толстой каменной стене. На дне я наткнулся на темный проход туннеля, откуда несся

тошнотворный, убийственный запах — запах свежей, только что разрытой земли; по мере моего приближения запах становился удушливее и тяжелее. Наконец я толчком распахнул какую-то маленькую полуоткрытую дверь и очутился в старой развалившейся часовне, служившей, как видно, усыпальницей. Крыша ее была проломлена, и какие-то ступени вели в три склепа. Земля была здесь недавно разрыта и насыпана в большие деревянные ящики, очевидно те самые, что привезли словаки. Я попытался найти еще какой-нибудь выход, но нигде ничего не оказалось. Тогда я обыскал каждый вершок пола, чтобы не пропустить какой-нибудь мелочи. Я даже спустился в склепы, куда с трудом проникал тусклый свет; спускался я туда с чувством страха. В двух склепах ничего не оказалось, кроме обломков старых гробов и кучи пыли. В третьем я все-таки сделал открытие.

Там в одном из больших ящиков, которых было всего пятьдесят штук, на груде свежей земли лежал граф! Он или был мертв, или спал, я не мог понять: открытые застывшие глаза, но без стеклянного мертвенного блеска, в щеках, несмотря на всю их бледность, угадывалось живое тепло, а губы рдели, как всегда. Но лежал он неподвижно, ни пульса, ни дыхания, ни биения сердца. Я наклонился к нему, стараясь найти какой-нибудь признак жизни, но тщетно. Он, должно быть, недавно лежал здесь, так как земля была еще свежа. Около ящика находилась крышка от него с просверленными в ней дырами. Я подумал, что ключи, вероятно, находятся у графа, но, когда стал их искать, глаза мои случайно встретились с мертвыми глазами графа, и в них я прочел такую ненависть, хотя и безотчетную, что в ужасе попятился и поспешно двинулся обратно, выбрался через окно из комнаты графа и, взобравшись по стене замка, вернулся к себе. Я бросился, задыхаясь, в постель и постарался собраться с мыслями...

29 июня.

Сегодня день, которым датировано мое последнее письмо, и граф предпринял шаги, чтобы доказать его подлинность, ибо я опять видел, как он покидает замок через то самое окно и в моей одежде. Когда он, подобно ящерице, сползал по стене, я пожалел, что у меня нет ружья или иного смертоносного ору-

жия, которым я мог бы его уничтожить; но боюсь, что любое оружие, сделанное рукой человека, будет бессильно против него. Я не рискнул дожидаться его возвращения из страха увидеть зловещих сестер. Вернувшись в библиотеку, я читал, пока не уснул.

Разбудил меня граф и с бесконечно мрачным видом обратился ко мне:

— Завтра, мой друг, нам предстоит расстаться. Вы вернетесь в вашу прекрасную Англию, я же — к занятиям, следствием которых может быть то, что мы больше не встретимся. Ваше письмо уже отослано; завтра меня здесь не будет, но все уже приготовлено к вашему отъезду. Утром сюда придут цыгане и несколько словаков. Когда они уйдут, за вами приедет моя коляска, которая отвезет вас в ущелье Борго, где вы пересядете в дилижанс, идущий из Буковины в Бистрицу. Но я надеюсь, что увижу вас еще раз в замке Дракулы.

Не доверяя ему, я решил испытать его искренность (искренность! не странно ли применять само это слово к подобному исчадию?) и спросил напрямик:

— Почему я не могу выехать сегодня вечером?

— Потому, дорогой друг, что мой кучер и лошади отосланы по делу.

— Но я с удовольствием пойду пешком, я сейчас же готов уйти.

Он улыбнулся так мягко, вкрадчиво и в то же время такой демонической улыбкой, что я понял: за его уступчивостью таится подвох. Он спросил:

— А ваш багаж?

— Я могу прислать за ним. Он мне сейчас не нужен.

Граф поднялся и сказал с такой поразительной любезностью, что я глазам и ушам не поверил, до того это прозвучало искренне:

— У вас, англичан, есть одна пословица, которая близка моему сердцу, так как ею руководствуемся и мы, бояре: «Добро пожаловать, приходящий гость, и поспеши — уходящий». Пойдемте со мной, дорогой мой друг, я и часу не хочу оставлять вас против вашей воли, как бы ни печалил меня ваш отъезд и ваше столь внезапное желание уехать. Идемте же!

С величавым достоинством, держа в руке лампу, граф спустился со мной по лестнице, освещая мне дорогу. Но вдруг он остановился:

— Слышите?

Точно по мановению его руки, раздался близкий вой волков, подобно тому как симфонический оркестр взрывается музыкой, послушный дирижерской палочке. Помедлив минуту, своей величественной поступью он прошествовал к двери, отодвинул внушительные засовы, снял тяжелые цепи и начал открывать дверь.

К моему несказанному удивлению, дверь не была заперта на ключ. Я недоверчиво огляделся, но не заметил и подобия ключа.

По мере того как открывалась дверь, вой волков становился громче и яростней, их красные пасти с щелкающими зубами и лапы с тупыми когтями начали просовываться в щель. Тогда я понял, что противоборствовать графу в эту минуту бесполезно. Против таких его пособников я был бессилен. Но дверь продолжала медленно распахиваться; граф стоял в дверях один. У меня на мгновение мелькнула мысль, что вот, вероятно, моя участь: он бросит меня волкам — и я же сам помог ему сделать это.

Затея своей дьявольской злобностью была как раз по нему; хватаясь за последнюю надежду, я крикнул:

— Закройте дверь; я лучше дождусь утра! — и закрыл лицо руками, чтобы скрыть горькие слезы разочарования.

Одним мощным движением граф захлопнул дверь, засовы лязгнули, погружаясь опять в свои гнезда, и эхо отдалось через весь зал.

Молча мы вернулись в библиотеку, а через минуту-другую я ушел в свою комнату. Последнее, что я видел,— граф Дракула, посылающий мне воздушный поцелуй; в глазах красный огонь торжества и на губах улыбка, которой мог бы гордиться сам Иуда в аду.

Когда я уже был у себя в комнате и собирался лечь, мне послышался шепот у моей двери. Я тихо подошел к ней, прислушался и услышал голос графа:

— Назад, назад, на свои места! Ваше время еще не настало. Подождите! Имейте терпение! Эта ночь моя! А завтрашняя ночь ваша!

Вслед за этим раздалось тихое мелодичное журчание смеха; я в бешенстве распахнул дверь и увидел трех этих ужасных женщин, облизывающих губы. Как только я показался, они разразились диким смехом и убежали.

Я вернулся в свою комнату и бросился на колени. Неужели же мой конец так близок? Завтра! Завтра! Создатель, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 июня, утром.

Быть может, это последние строки в моем дневнике. Я спал до рассвета; проснувшись, я опять бросился на колени, так как решил, что, если придет смерть, она не застанет меня врасплох.

Наконец я ощутил эту едва уловимую перемену в воздухе и понял, что настало утро. Раздался долгожданный крик петуха, и я почувствовал себя в безопасности. С легким сердцем распахнув дверь, я сбежал в нижний холл. Я видел, что дверь незаперта, и теперь меня ждало избавление. Дрожащими от нетерпения руками я снял цепи и отодвинул массивные засовы.

Но дверь не поддалась. Отчаяние охватило меня. Я налегал и налегал на дверь, сотрясая ее до тех пор, пока, несмотря на свою массивность, она не заходила в дверном проеме. Стало ясно, что дверь на замке, она была заперта после того, как я расстался с графом.

Дикое желание раздобыть ключи овладело мной, и я решил снова вскарабкаться по стене и пробраться в комнату графа. Пусть он убьет меня, смерть теперь казалась мне лучшим выходом из всех бед. Не задумываясь, я ринулся вверх по лестнице к восточному окну и, как и раньше, пополз вниз по стене в комнату графа. Она пустовала, как я и ожидал. Ключа я нигде не заметил, но груда золота находилась на прежнем месте. Я отправился через дверь в углу вниз по винтовой лестнице и по темному проходу в старую часовню. Я знал теперь, где найду чудовище.

Большой ящик стоял все на том же месте, у самой темной стены, но на сей раз крышка лежала на нем, не приделанная еще, но с приготовленными гвоздями, так что оставалось лишь вколотить их. Мне нужно было его проклятое тело из-за ключа, так что я снял крышку и приставил ее к стене. И тут я увидел нечто, что пронзило меня ужасом до глубины души. Предо

мной лежал граф, но наполовину помолодевший, седые волосы его и усы потемнели. Щеки казались полнее, а на белой коже светился румянец; губы его были ярче обыкновенного, так как на них еще виднелись свежие капли крови, капавшие из углов рта и стекавшие по подбородку на шею. Даже его пылающие, глубоко посаженные глаза будто заплыли, так раздулись веки и мешки под глазами. Казалось, чудовище просто налито кровью; он лежал как омерзительная пиявка, лопающаяся от пресыщения. Дрожь пробежала по моему телу, когда я наклонился к нему, все во мне зашлось от отвращения; но я должен был найти ключ, иначе я погиб. Быть может, следующей ночью мое тело пойдет на угощение для той страшной троицы.

Я обыскал все тело, но не нашел никаких ключей. Тогда я остановился и посмотрел на графа. По его окровавленному лицу блуждала ироническая улыбка, которая, казалось, сведет меня с ума. И этому отродью я помог перебраться в Лондон, где в течение будущих столетий он станет упиваться кровью, а число безнаказанно жиреющих, подобных ему, будет все множиться! Сама эта мысль сводила меня с ума. Мной овладело дикое желание избавить мир от этого чудовища.

У меня не было под рукой никакого смертоносного оружия, тогда я схватил лопату, которой рабочие наполняли ящики землей, и замахнулся, чтобы нанести удар прямо в презренное лицо. Но тут голова повернулась в мою сторону, и глаза взглянули на меня, напомнив мне взгляд василиска. Взгляд этот парализовал меня, лопата вывернулась у меня в руке и скользнула по лицу графа, оставив лишь глубокий шрам на лбу. Лопата вывалилась у меня из рук и, когда я со злостью отшвырнул ее, задела краем крышку, которая упала, скрыв от моих взоров ужасное существо. Последнее, что я видел, было вздутое, запятнанное кровью, исполненное злорадства лицо, которое появилось, казалось бы, из самой преисподней.

Я ломал голову, что же мне делать дальше, но мой мозг как будто пылал, и я ждал с чувством все возрастающего отчаяния.

Стоя в ожидании, я услышал приближающуюся веселую цыганскую песню и одновременно с этим шум колес и щелканье кнута. То приближались цыгане и словаки, о которых говорил граф. Взглянув в последний раз на ящик, содержавший мерзкое тело, я убежал оттуда и поднялся в комнаты графа, ре-

шив броситься прочь, едва откроется дверь. С напряженным вниманием я прислушивался, но услышал только, как внизу заскрипел ключ в замке и там же открылась тяжелая дверь; это был какой-то новый вход, или, может быть, у кого-то был свой ключ от какой-нибудь закрытой двери. Затем послышались шаги в проходе. Я повернулся и хотел снова сбежать вниз, к склепам, предполагая, что новый вход находится именно там; но в это мгновение сильный ветер, неизвестно откуда ворвавшийся, захлопнул дверь, ведущую к винтовой лестнице, с такой силой, что поднял всю пыль в комнате. Когда я подбежал к двери, чтобы открыть ее, то все мои усилия ни к чему не привели. Я снова был пленником, и петля судьбы затягивалась на моей шее все туже и туже.

В то время как я записываю эти строки, в проходе слышен шум топочущих ног и грохот бросаемых на пол тяжелых предметов, должно быть ящиков, нагруженных землей. Вот раздался стук молотка — это ящики забивают гвоздями. Вот я слышу в передней тяжелые шаги.

Вот закрылась дверь, зазвенели цепи, заскрипел ключ в замке; я слышу, как вынули ключ, затем открылась и закрылась еще какая-то дверь; послышался скрип болтов.

Что это? Во дворе и на каменистой дороге раздается шум тяжелых колес, щелканье кнутов и пение удаляющихся цыган.

Я теперь один в замке, наедине с этими чудовищными женщинами. Да это и не женщины. Вот Мина — женщина, а между ней и теми нет ничего общего — это дьяволы из преисподней!

Я не останусь с ними один на один; я постараюсь сползти по стене замка дальше, чем до сих пор. Возьму с собой немного золота — вдруг оно мне потом понадобится; ведь может случиться, что мне все-таки удастся найти способ, как выбраться из этого ужасного места.

А там — домой! Скорей выбраться отсюда и попасть на ближайший поезд! Прочь из этого проклятого места, из этой проклятой земли, где дьявол со своим отродьем еще ходит в телесной оболочке!

В любом случае лучше отдаться на милость Божью, чем на милость этих чудовищ. Бездна глубока. На дне ее человек обретет покой — как человек! Прощайте, все! Мина!

Глава V

ПИСЬМО МИСС МИНЫ МЮРРЕЙ МИСС ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

9 мая.

Моя дорогая Люси!

Прости мне мое продолжительное молчание, но я не писала потому, что была завалена работой. Жизнь учительницы очень утомительна. Я соскучилась по тебе и по морю, на берегу которого мы так свободно можем болтать и строить наши воздушные замки. Я изо всех сил занимаюсь, потому что не хочу отставать от Джонатана.

Я усердно осваиваю стенографию. Когда мы поженимся, я смогу помогать Джонатану и, если сумею прилично стенографировать, смогу записывать все, что он будет излагать, и потом перепечатывать для него на пишущей машинке, которую я тоже усердно осваиваю. Мы с ним иногда переписываемся, используя стенографию, и весь дневник о своей поездке за границу он тоже ведет, используя стенографию. Когда я буду у тебя, я тоже начну вести такой дневник. Не этот, знаешь, одна или две страницы в неделю плюс уголок для воскресенья, а нечто вроде тетради, куда я буду писать, когда придет настроение. Не думаю, чтобы он представлял интерес для других, да он и не предназначен для этого. Может быть, я когда-нибудь покажу его Джонатану, если там будет чем поделиться, но, в сущности, это тетрадь для упражнений. Я попытаюсь сделать то, что, я видела, делают дамы-журналисты: брать интервью, давать описания, стараться запоминать разговоры. Мне говорили, что, немного потренировавшись, можно запомнить все, что делалось и говорилось за день. Ну, там посмотрим. Расскажу тебе о своих затеях, когда увидимся. Только что получила несколько торопливых строчек от Джонатана из Трансильвании. Он, слава богу, здоров и вернется приблизительно через неделю. Я жажду узнать от него все новости. Это, должно быть, очень интересно — видеть чужие страны. Любопытно, удастся ли нам — я хочу сказать, Джонатану и мне,— удастся ли когда-нибудь увидеть их. Вот часы бьют десять. До свидания!

Любящая тебя

Мина.

P. S. Пиши мне обо всех новостях. Ты мне уже давно ничего не сообщала. Ходят слухи, и особенно о каком-то высоком красавце с кудрявыми волосами???

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА МИНЕ МЮРРЕЙ

17 Чатем-стрит, среда.

Моя дорогая Мина!

Ты несправедлива, обвиняя меня и называя неаккуратной корреспонденткой: я *дважды* писала тебе с тех пор, как мы расстались, а твое последнее письмо было только *вторым* по счету. Кроме того, мне нечего тебе сообщить. Право, ничего нет такого, что могло бы тебя заинтересовать. В городе как раз сейчас довольно приятно. Мы ходим то в картинные галереи, то гулять в парк или кататься верхом. Что до высокого господина с вьющимися волосами, думаю, речь о том, с кем меня видели последний раз! Кто-то явно рассказывает небылицы. Это был мистер Холмвуд. Он у нас частый гость, они чудесно поладили с мамой; между ними много общего, и поэтому они находят множество тем для разговоров... Кстати, недавно мы встретились с одним господином, который был бы для тебя подходящей партией, если бы, конечно, ты не была уже невестой Джонатана. Он мог бы составить блестящую parti* — красив, богат и знатен. Он на редкость умен, по профессии врач. Как странно, что ему всего 29 лет, а между тем под его личным надзором находится уже громадная лечебница для сумасшедших. Нам его представил мистер Холмвуд; он теперь часто бывает у нас. Мне кажется, что это чрезвычайно решительный человек с необыкновенным самообладанием. Он производит впечатление человека абсолютно невозмутимого. Представляю, какую власть он должен иметь над своими пациентами. Он обладает странной привычкой смотреть на другого в упор, словно стараясь прочесть чужие мысли. Он без конца проделывает это со мной, но тешу себя мыслью — ему попался крепкий орешек. Я это узнала, глядя на себя в зеркало. Пробовала ли ты хоть раз прочесть что-

* Выгодная партия (*фр.*).

нибудь по собственному лицу? Я пробовала, и, уверяю тебя, это неплохое упражнение, и совсем не такое простенькое, как можно подумать, если никогда этим не занималась. Доктор нашел, что я представляю любопытный для него психологический тип; смиренно полагаю, что он прав. Я, как ты знаешь, не слишком увлечена нарядами и не в состоянии описывать последние моды. Наряжаться — помрешь с тоски. Опять жаргон, ну и пусть, Артур всегда так говорит. Ну вот я и проговорилась. Мина! Мы с детства поверяли друг другу все наши секреты; мы вместе спали, вместе ели, вместе плакали и смеялись; и теперь, раз уж я заговорила, то хочу открыть тебе свою тайну. Мина! Неужели ты не догадываешься? Я люблю его! Я краснею, когда пишу это, хотя думаю, что и он меня любит; но он мне этого еще не говорил. Но, Мина, я-то люблю его! Я люблю его! Ну вот, теперь мне стало легче. Как бы хотелось быть сейчас с тобой, дорогая моя, сидеть у камина, одетой по-домашнему, как мы, бывало, сидели; вот когда бы я подробно рассказала тебе о своих переживаниях. Не понимаю, как я об этом пишу, даже тебе. Боюсь остановиться, а то как бы мне не пришлось порвать письмо, да и не хочу останавливаться, потому что ведь собираюсь рассказать тебе все. Ответь мне сейчас же и скажи, что ты об этом думаешь! Спокойной ночи, Мина! Помяни меня в твоих молитвах. Помолись, Мина, за мое счастье.

Люси.

P. S. Надо ли говорить, что это тайна. Еще раз доброй ночи.

Л.

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА МИНЕ МЮРРЕЙ

24 мая.

Моя дорогая Мина!

Благодарю, благодарю, бесконечно благодарю за твое милое письмо! Так было приятно, что я посвятила тебя в свои переживания и что ты так сердечно отнеслась ко мне. Дорогая моя, а ведь правду говорит старая пословица: «Утром облачка — вечером ливень!» В сентябре мне исполнится двадцать лет, и до сегодняшнего дня никто не делал мне предложения, и вдруг сра-

зу три. Подумай только! Три предложения в один день. Не ужас ли? И двоих бедняжек мне так жаль, правда, по-настоящему жаль. О Мина, я так счастлива, что не знаю, что с собой делать. Да еще три предложения! Но, ради всего святого, не говори никому из девочек, чтобы они не выдумывали всяких экстравагантных фантазий и не воображали себя задетыми и униженными, если в первый же день своего пребывания дома не получат по меньшей мере шести предложений руки и сердца. Некоторые девицы так тщеславны! Мы с тобой, Мина, дорогая, уже помолвлены и скоро превратимся в степенных пожилых матрон, мы можем пренебречь тщеславием. Итак, я расскажу тебе обо всех троих, но ты должна держать это в секрете, дорогая моя, от всех, кроме Джонатана. Ему ты, конечно, скажешь, так как если бы я была на твоем месте, то, наверное, все говорила бы Артуру. Женщине полагается все рассказывать своему мужу — не так ли, дорогая? Я должна быть честной. Мужчинам нравится, когда женщины, и особенно жены, столь же честны, как они сами, а женщины, боюсь, не всегда столь честны, как им следовало бы. Итак, дорогая моя, слушай: первый пришел как раз перед обедом. Я говорила тебе о нем, доктор Джон Сьюард, тот, у которого лечебница для душевнобольных. С мужественным подбородком и прекрасным лбом. Внешне само спокойствие. Тем не менее он очень нервничал. Он явно вымуштрован даже в мелочах и не забывал о них, но умудрился едва не сесть на свой цилиндр, чего в спокойном состоянии люди обычно не делают. Потом, желая казаться непринужденным, он принялся поигрывать своим скальпелем с таким видом, что еще немножко — и я бы закричала. Он заговорил со мной напрямик, Мина. Сказал, как я ему дорога, хотя он так недолго меня знает. Какой была бы его жизнь, будь я рядом, чтобы помогать и поддерживать его. Видимо, он собрался сказать, как будет несчастлив, если он мне безразличен, но заметил, что я плачу. Назвав себя грубым животным, сказал, что не станет усугублять моего состояния. Прервав свои излияния, он спросил меня, не смогу ли я его полюбить в будущем. В ответ на это я отрицательно покачала головой. Руки его задрожали. После некоторого колебания он спросил меня, не люблю ли я кого-нибудь другого Он высказал это с большим тактом, добавив, что хочет не вырвать у меня признание, а просто знать, ибо если сердце мое свободно, то он может надеяться. Я решила, что мой

долг сказать ему правду. Услышав мой ответ, он встал и, взяв обе мои руки в свои, сказал очень торжественным и серьезным тоном, что он надеется, что я буду счастлива. Кроме того, просил меня запомнить, что если бы мне понадобился друг, то он при любых обстоятельствах будет к моим услугам. О дорогая Мина, я не могу удержаться от слез, и ты должна простить мне, что это письмо испорчено пятнами. Конечно, очень приятно выслушивать предложения, все это чрезвычайно мило, но ужасно горько видеть несчастного человека, который искренне тебя любит и уходит от тебя с разбитым сердцем, и знать: что бы он в эту минуту ни говорил, он уходит навсегда из твоей жизни. Дорогая моя, я должна прервать письмо, так как чувствую себя отвратительно, даже несмотря на то, что бесконечно счастлива.

Вечером.

Только что ушел Артур, и теперь я чувствую себя спокойнее, чем тогда, когда утром прервала это письмо; так что могу продолжать рассказывать тебе о дальнейшем. Итак, дорогая моя, номер два пришел после завтрака. Это американец из Техаса, очень славный малый, причем он до того молодо и свежо выглядит, что просто не верится его рассказам о путешествиях по стольким странам и о пережитых им приключениях.

Я вполне сочувствую бедняжке Дездемоне, когда в ее слух проникли столь опасные речи, пусть даже и мавра. Думаю, мы, женщины, очень робки и выходим замуж в надежде, что мужчина избавит нас от страхов. Теперь я знаю, будь я на месте мужчины, как заставить девушку полюбить. Нет, я заблуждаюсь, вот мистер Моррис все рассказывал нам свои истории, а Артур не рассказал ни одной, и все же... Однако я несколько забегаю вперед. Мистер Квинси П. Моррис застал меня одну. Сдается, мужчина всегда застает девицу одну. Нет, не всегда; Артур дважды пытался, будто случайно, и я помогала как только могла; теперь я не стыжусь признаться. Прежде всего я должна предупредить тебя, что мистер Моррис не всегда говорит на жаргоне — то есть никогда не говорит так с чужими или при посторонних, он прекрасно образован и умеет безупречно держаться, но он обнаружил, что меня забавляет слушать его болтовню на американском жаргоне, и, как только поблизости никого нет, кто мог быть шокирован, он говорит ужасно смешные вещи. Однако боюсь, дорогая, он их сам и выдумывает, потому

что это всегда абсолютно подходит к тому, о чем идет речь. Но жаргон и обладает подобным свойством. Не знаю, буду ли я сама когда-нибудь говорить на жаргоне; не знаю, нравится ли это Артуру, я ни разу не слышала, чтобы он воспользовался каким-нибудь словечком. Итак, мистер Моррис уселся возле меня и держался весельчаком насколько мог, но заметно было, что он нервничает. Он взял мою руку и заговорил необыкновенно ласково:

«Мисс Люси, я прекрасно знаю, что недостоин завязывать шнурки на ваших башмачках, но я убежден: если вы будете ждать, пока найдете достойного вас мужа, вам придется присоединиться к семерым евангельским невестам со светильниками. А не впрячься ли вам в упряжку вместе со мной и не пуститься ли нам в путь-дорогу парой?»

Знаешь, он говорил с таким юмором, казался таким развеселым, что отказать ему было как будто вдвое проще, чем бедному доктору Сьюарду; вот я и ответила как можно легкомысленней, что и в упряжках совсем не разбираюсь, да и в паре ходить еще не обучена. Тогда он сказал, что просто высказался в шутливом тоне и надеется получить прощение, если допустил ошибку, заговорив в такой манере при столь серьезных, столь значительных для него обстоятельствах. И он действительно не шутил, когда говорил это, и мне уже сделалось не до шуток. Знаю, Мина, ты сочтешь меня ужасной кокеткой, но я все-таки была вне себя от счастья, что он уже второй за день. И потом, не успела я и слова сказать, он разразился целым потоком любовных излияний, слагая душу и сердце к моим ногам. И в этом было такое глубокое чувство, что я больше не думаю, будто человек только и может дурачиться, ничего не принимая всерьез, если порой ему случается быть веселым. Мне кажется, он прочитал на моем лице что-то такое, что его задело за живое, так как он с минуту молчал, а потом заговорил с еще большим жаром, с таким рыцарственным жаром, что за это одно я могла бы его полюбить, если бы мое сердце было свободно:

«Люси, вы девушка с чистым сердцем, я это знаю. Я не был бы здесь и не говорил бы с вами о том, о чем говорю сейчас, если бы не знал, что вы прямая, смелая и правдивая до глубины души. Поэтому прошу вас сказать мне прямо, как честный человек сказал бы своему другу: есть ли у вас кто-нибудь на сердце, кого вы любите? Если таковой есть, то даю вам слово никогда

больше не касаться этого вопроса и остаться, если вы позволите, только вашим искренним другом».

Дорогая Мина, почему так благородны мужчины, а мы, женщины, так мало их стоим? А я-то, я едва на смех не подняла этого великодушного, истинно благородного человека. Я ударилась в слезы — боюсь, дорогая, что это письмо покажется тебе подмоченным во многих смыслах, но мне и впрямь было страшно тяжело. Почему непозволительно девице соединиться браком с троими или со всеми, кто хочет ее, чтобы избежать всех этих мучений? Но это еретические мысли, я не должна такого говорить. С радостью могу сказать, что, хотя и в слезах, я сумела, глядя в ясные глаза мистера Морриса, прямо ему ответить:

«Да, я люблю другого, хотя он до сих пор еще не признался мне в любви...»

Я поступила правильно, что сказала ему все откровенно, так как после моего признания его лицо просветлело, он взял мои руки в свои — кажется, я сама протянула ему их — и очень сердечно произнес:

«Вот это молодчина. Лучше опоздать сделать предложение вам, чем вовремя выиграть сердце всякой другой девушки. Не плачьте, дорогая! Не стоит из-за меня волноваться, меня просто так не сломаешь, я встречу судьбу лицом к лицу. Но если тот малый, и не подозревающий о своем счастье, не скоро о нем догадается, он будет иметь дело со мной. Деточка, ваша искренность и честность сделали меня вашим другом; имейте в виду, что это встречается реже, чем возлюбленный; во всяком случае, друг менее эгоистичен. Дорогая! Мне предстоит пройти довольно одинокий путь, пока я не отправлюсь к праотцам, поэтому очень прошу вас подарить мне один поцелуй — это озарит мою мрачную жизнь; вы имеете право осчастливить меня им, если, конечно, захотите. Ведь тот прекрасный малый — он должен быть прекрасным, иначе вы бы его не любили — еще не сделал вам предложения».

Этим он меня окончательно победил, Мина; ведь это было мужественно, и нежно, и благородно для соперника — не правда ли? И притом он был так опечален; я нагнулась и поцеловала его. Он поднялся, держа мои руки в своих, и, когда он посмотрел мне прямо в лицо, я ужасно покраснела; затем он сказал:

«Деточка, вот я держу вашу руку, вы меня поцеловали; если после всего этого мы с вами не стали закадычными друзьями,

то больше случая для этого не будет. Благодарю вас за вашу нежность и честность по отношению ко мне, и до свидания».

Он выпустил мои руки, взял свою шляпу и, ни разу не оглянувшись, ушел, без слез, без колебаний, а я вот плачу как ребенок. О, почему такой человек должен страдать, когда столько девушек благословили бы землю, по которой он ступал? Я сама благословила бы — будь я свободна, только я не хочу свободы. Дорогая, это так расстроило меня, что чувствую — не могу сразу же писать о своем счастье после того, что тебе сообщила. Не хочу говорить о номере третьем, пока не будет полного счастья.

Вечно любящая тебя

Люси.

P. S. О номере третьем мне, верно, не нужно тебе и сообщать? Все получилось так бестолково; мне показалось, что не успел он войти в комнату, как я очутилась в его объятиях и он осыпал меня поцелуями. Я очень, очень счастлива и положительно не знаю, чем заслужила это счастье.

Просто я в будущем должна показать, как благодарна Господу, пославшему мне такого возлюбленного, такого мужа, такого друга, за Его милость ко мне.

До свидания.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

(Надиктовано на фонограф)

25 мая.

Полное отсутствие аппетита. Не могу есть, не могу отдыхать, так что вместо всего — дневник. После вчерашнего отказа чувствую какую-то пустоту; кажется, нет на свете ничего столь важного, чем бы стоило заняться; в моем нынешнем состоянии единственное облегчение — работа, поэтому я и отправился к своим больным. Особенно долго провозился я с одним пациентом, который представляет глубокий интерес для изучения. Он так не вписывается в общие рамки, что я намерен разобраться в его случае, насколько это возможно. Сегодня мне удалось подойти ближе, чем когда-либо, к сути его тайны.

Я положительно забросал его вопросами, расспрашивал самым подробным образом обо всем, желая разузнать обо всех

причинах его галлюцинаций; конечно, это было жестоко с моей стороны. Теперь я это вижу. Я как будто старался постоянно возвращать его к факту его безумия — то, чего с другими пациентами я избегаю, как адского пламени. (*Прим.:* при каких обстоятельствах я бы не убоялся преисподней?) Omnia Romae venalia sunt*. И ад имеет свою цену! Verb. sap.** Если за этим что-то стоит, может оказаться полезным впоследствии это тщательно проследить, так что я, пожалуй, начну.

Р. М. Ренфилд, 59 лет. Сангвинический темперамент: огромная физическая сила; болезненно возбуждающийся; периоды мрачного настроения, порождаемые какой-то навязчивой идеей, которую я не могу определить. Допускаю, что сангвинический темперамент сам по себе, а также всякие раздражители приведут к окончательному душевному расстройству; человек, возможно, представляющий опасность и, по всей вероятности, опасный, если он не эгоцентричен. В эгоцентричных людях осторожность является надежной защитой и для них самих, и для их врагов. Вот что я думаю на этот счет: когда точкой, где все фокусируется, является эгоизм, центростремительная сила уравновешивается центробежной; если же точкой фокуса становятся долг, избранная миссия и т. п., то центробежная сила возобладает и только случайность или ряд случайностей может ее уравновесить.

ПИСЬМО КВИНСИ П. МОРРИСА ДОСТОПОЧТЕННОМУ АРТУРУ ХОЛМВУДУ

25 мая.

Мой дорогой Арт!

Мы рассказывали друг другу истории на бивуаке в прериях, расположившись у костра, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизских островах и пили за наше общее здоровье на берегах Титикаки. Теперь у нас найдется еще больше материала для рассказов да и другие раны, кото-

---

* Все римляне продажны (*лат.*).

** Verbum sapienti (*лат.*) — умному достаточно одного слова.

рые нужно залечивать, но есть за чье здоровье выпить. Не собраться ли нам на моем бивуаке завтра вечером? Приглашаю вас, потому что знаю наверняка, что завтра вы свободны, ибо мне известно, что некая леди приглашена назавтра к обеду. К нам присоединится только одно лицо — наш старый товарищ еще по Корее, Джек Сьюард. Он тоже придет, мы хотим смешать свои слезы над чарой вина и оба станем пить за здоровье счастливейшего из смертных, который любим благороднейшим и достойнейшим сердцем. Мы обещаем вам сердечный прием и любовь и будем пить только за ваше здоровье, ручаюсь вам. Кроме того, мы готовы поклясться, что доставим вас домой, если окажется, что вы слишком много выпили за некую известную вам пару глаз. Итак, ждем!

Вечно и неизменно ваш

Квинси П. Моррис.

ТЕЛЕГРАММА АРТУРА ХОЛМВУДА КВИНСИ П. МОРРИСУ

26 мая.

Рассчитывайте на меня в любом случае. У меня есть такая новость, что берегите уши.

Арт.

Глава VI

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

24 июля. Уитби.

Люси, еще милей и прелестней, чем раньше, встретила меня на вокзале, оттуда мы поехали прямо к ним домой, в Кресент. Прелестная живописная местность. Маленькая речушка Эск протекает здесь по глубокой долине, расширяющейся вблизи гавани. Долина утопает в зелени, а склоны ее так круты, что, стоя наверху одного из них, видишь лишь противоположный, а чтобы взглянуть вниз, нужно встать на самом краю. Дома в старом городе крыты красными крышами и нагромождены один

на другом, как на видах Нюрнберга. Прямо над городом виднеются руины аббатства Уитби, которое разорили датчане и где разворачивается действие той части «Мармиона», где замуровывают в стену девушку. Руины необычайно величественны и полны прелестных романтических местечек; существует легенда о Белой даме, появляющейся в одном из окон. Между руинами и городом виднеется приходская церковь, окруженная большим кладбищем со множеством надгробных памятников. Я нахожу, что это самое красивое место во всем Уитби, оно расположено как раз над городом, и отсюда прекрасный вид на гавань до самой бухты, где мыс под названием Кетленесс далеко выдается в море. Обрыв здесь такой крутой, что часть берега обрушилась и некоторые могилы уничтожены. В одном месте надгробная плита нависает над песчаной тропинкой далеко внизу. В кладбищенской ограде расположены скамьи; здесь гуляет множество людей и просиживает целыми днями, любуясь живописным видом и наслаждаясь прекрасным воздухом. Я сама буду очень часто приходить сюда и работать. Вот и сейчас я сижу здесь, держа свою тетрадь на коленях и прислушиваясь к разговору трех стариков, сидящих поблизости. Они, кажется, целыми днями ничего не делают, сидят здесь и болтают.

Гавань расположена прямо подо мною, причем дальняя ее сторона — это длинная гранитная стена, выступающая далеко в море и загибающаяся на конце. В центре этой стены находится маяк, а вдоль нее тянется массивный волнолом. С ближней стороны гавани волнолом загибается в другую сторону, и на конце его тоже стоит маяк. Между двумя пирсами узкий проход в гавань, который потом неожиданно расширяется.

Во время прилива все прекрасно; но, когда вода уходит, остается лишь речушка Эск, бегущая между песчаными берегами, и кое-где торчащие скалы.

С наружной стороны гавани тянется, почти на всем ее протяжении, большой утес длиной около полумили, острый край которого далеко выступает из-за южного маяка. Под самым утесом находится бакен с колоколом, заунывные звуки которого разносит в дурную погоду ветер. Здесь существует легенда, что, когда в открытом море гибнет корабль, с моря доносится колокольный звон. Надо спросить об этом у старичка; он направляется сюда...

Это чудной старик. Он, вероятно, страшно стар, все его лицо избороздили морщины, словно кору дерева. Он сказал мне, что ему почти сто лет и что он плавал на рыболовных судах в Гренландии во времена битвы при Ватерлоо. Подозреваю, что он большой скептик. Когда я спросила его о звучащих в море колоколах и о Белой даме, он отрезал:

«Меня это не волнует, мисс. Такие штуки давно отошли в прошлое. Но учтите, я не скажу, будто этого не было. Я скажу так: не было в мое время. Распускать подобные слухи к лицу тем, кто шатается без толку, но не подобает замечательной молодой леди вроде вас. Эти бездельники из Йорка, которым только и дела, что есть копченую селедку, да пить чай, да высматривать, где бы купить подешевле черный янтарь, вот они бы поверили. Не знаю, кто сболтнул им такую глупость, этого не встретишь даже в газетах, в которых полным-полно ерунды».

Я решила, что от него можно будет узнать много интересного, поэтому спросила его, не расскажет ли он мне что-нибудь о ловле китов в старые годы. Только он уселся, чтобы начать рассказ, как часы пробили шесть и он немедленно поднялся, чтобы уйти, сказав:

«Мне нужно идти домой, мисс. Моя внучка не любит ждать, когда у нее уже готов чай, а ведь мне надо много времени, чтобы прохромать по ступеням — вон их тут сколько; и я люблю поесть вовремя, мисс».

Он заковылял прочь, и я видела, что он поспешно, насколько позволяли силы, начал спускаться по ступенькам.

Лестница эта — здешняя достопримечательность, в ней несколько сотен ступеней. Она поднимается плавной дугой, настолько полого, что лошадь может легко пройти по ней вверх и вниз. Думаю, изначально лестница имела отношение к аббатству.

Я тоже пойду сейчас домой. Люси с матерью наносят визиты, а так как это все визиты чистой вежливости, то я с ними не пошла. Теперь-то они, я думаю, дома.

1 августа.

Сегодня мы с Люси опять сидели на нашей любимой скамейке на кладбище. Вскоре к нам присоединился и старик. Он оказался большим скептиком и рассказал нам, что под могильными плитами кладбища вряд ли похоронены те, чьи имена

высечены на плитах, так как моряки гибнут по большей части на море. Люси очень расстроилась при мысли об этом пустом кладбище. Мы скоро ушли домой.

В тот же день.

Я вернулась сюда одна, так как мне очень грустно. Нет никаких писем. Надеюсь, что с Джонатаном ничего не случилось. Только что пробило девять. Я вижу, как весь город сверкает огнями. Иногда эти огоньки выстраиваются вдоль улиц, а иногда горят поодиночке. Огоньки бегут прямо вдоль реки Эск и по изгибу долины. По левую руку от меня вид как бы скрыт черной линией — крышей соседнего с аббатством дома. Позади меня, в полях, слышно блеяние овец и ягнят, а внизу, на мощеной дороге, раздается топот ослиных копыт. Оркестр на пирсе играет какой-то быстрый оглушительный вальс, а дальше по набережной на одной из окраинных улочек собрались члены Армии спасения. Я вижу и слышу оба оркестра, а они не слышат друг друга. Не имею понятия, где может быть Джонатан и думает ли он обо мне. Как бы я хотела, чтобы он был здесь!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

5 июня.

Случай Ренфилда представляется все более интересным, по мере того как я приближаюсь к пониманию пациента. Он имеет некоторые чрезвычайно развитые черты: эгоистичность, скрытность и целеустремленность. Хотел бы я докопаться, на каком объекте сконцентрирована последняя. У него как будто есть свой собственный, определенный план, но какой — еще не знаю. Его подкупающие качества — это любовь к животным, хотя, в сущности, она у него так странно выражается, что иногда мне кажется, будто он просто ненормально жесток. Любимцы его весьма странного свойства. Теперь, например, его конек — ловля мух. У него их сейчас такая масса, что мне пришлось сделать ему выговор. К моему изумлению, он не разразился гневом, как я того ожидал, а посмотрел на дело просто и серьезно. Немного подумав, он сказал:

— Дайте мне сроку три дня — и я их уберу.

Я согласился. Надо за ним наблюдать.

18 июня.

Теперь его страсть перешла на пауков; у него в коробке несколько очень крупных пауков. Он кормит их мухами, и число последних заметно уменьшилось, несмотря на то что половину своей пищи он перевел на приманку мух со двора.

1 июля.

Пауки его становятся такой же напастью, какой были мухи, и сегодня я ему сказал, что он должен расстаться с пауками. Так как это его очень огорчило, то я предложил ему уничтожить хотя бы часть их. Он радостно согласился с этим, и я дал ему на это опять такой же срок. Пока я был с ним, он вызвал у меня сильнейшее отвращение одним своим поступком. К нему с жужжанием влетела отвратительная синяя муха, раздувшаяся от какой-нибудь падали, и он, поймав ее и мгновение еще восторженно подержав, сунул в рот и съел, прежде чем я успел сообразить, что он собирается сделать. Я начал его бранить за это, но он преспокойно возразил, что это очень вкусно и полезно, что в ней было много жизненной силы, и теперь эта жизнь в нем. У меня возникла некая догадка, пока, правда, еще не оформившаяся. Я должен проследить, каким образом он избавляется от своих пауков. Он, очевидно, занят какой-то сложной задачей, так как всегда держит при себе маленькую записную книжечку, куда то и дело вносит разные заметки. Целые страницы заполнены множеством чисел, по большей части однозначных, которые затем складываются, а суммы их складываются снова, будто он подводит какой-то итог.

8 июля.

В его безумии есть последовательность; зародыш моей мысли продолжает развиваться. Скоро мысль целиком оформится, и тогда, о мыслящее подсознание, тебе придется дать дорогу своему брату — сознанию! На пару дней я отвлекся от своего подопечного, чтобы тем вернее отметить все перемены, которые за это время произошли. Все осталось как было, кроме разве того, что он отделался от некоторых своих питомцев, но зато пристрастился к новым. Он как-то умудрился поймать воробья и отчасти уже приручил его. Его способы приручения просты: пауков стало меньше. Оставшиеся, однако, хорошо откормлены, так как он все еще добывает мух, заманивая их к себе.

19 июля.

Мы прогрессируем. У моего «приятеля» теперь целая колония воробьев, а от пауков и мух почти и следов не осталось. Когда я вошел в комнату, он подбежал ко мне и сказал, что у него ко мне большая просьба, «очень, очень большая просьба», при этом он ласкался ко мне, как собака. Я спросил его, в чем дело. Тогда он с каким-то упоением промолвил:

— Котенка, маленького, прелестного, гладкого, живого, с которым можно играть, и учить его, и кормить.

Не могу сказать, что я не был готов к такой просьбе, ибо, как я уже заметил, его любимцы быстро вырастали в размерах, но меня не воодушевила перспектива, что стайку милых ручных воробьев изведут так же, как пауков и мух; я обещал ему поискать котенка и спросил, может, он хочет не котенка, а кошку. Пылкое нетерпение выдало его:

— Да, конечно, я хотел бы кошку, а попросил котенка, боясь, что, если попрошу кошку, мне откажут. Ведь котенка мне правда дадут?

Я покачал головой и сказал, что сейчас, пожалуй, невозможно достать кошку, но я поищу. Тут его лицо омрачилось, а в глазах появилось опасное выражение — это был внезапно вспыхнувший гнев, косой взгляд горел жаждой убийства. Этот человек — потенциальный убийца-маньяк. Я буду изучать его теперешнее влечение и посмотрю, как оно будет развиваться; тогда мне станет известно больше.

10 часов вечера.

Снова заходил к нему и нашел его погруженным в мрачные раздумья. При виде меня он бросился на колени, умоляя позволить ему держать кошку; от этого зависело якобы его спасение. Я, однако, проявил непреклонность и заявил, что кошку ему нельзя; не сказав на это ни слова, он отошел в прежний угол и снова сел, кусая пальцы. Зайду к нему пораньше утром.

20 июля.

Посетил Ренфилда очень рано, еще до того как служитель совершил обход. Застал его уже на ногах, мурлыкающим какую-то песенку. Он сыпал сбереженные им сахарные крошки на окошко, явно заново принимаясь за ловлю мух, причем

принимаясь весело и охотно. Я огляделся, ища его птиц, но нигде не нашел и спросил, где они. Он ответил, не оборачиваясь, что они улетели. В комнате валялось несколько птичьих перьев, а на подушке виднелось пятно крови. Я ничего не сказал, но, уходя, поручил служителю известить меня, если с Ренфилдом произойдет что-нибудь странное.

11 часов утра.

Только что пришел служитель и сообщил, что Ренфилд очень плох и его рвало перьями.

— По-моему, доктор,— сказал он,— он съел своих птиц — просто брал их и глотал живьем.

11 часов вечера.

Я дал Ренфилду большую дозу снотворного и забрал у него записную книжку, чтобы изучить ее. Мысль, которая в последнее время сверлила мой мозг, оформилась, и теория нашла подтверждение. Мой убийца-маньяк — маньяк особого рода. Мне придется придумать новую классификацию и назвать его зоофагом (пожирателем живого), он жаждет поглотить как можно больше жизни и решил выполнить это в восходящем порядке. Он дал нескольких мух на съедение одному пауку, нескольких пауков одной птице и потом захотел кошку, чтобы та съела птиц. Какие бы шаги он еще предпринял? Может быть, продолжить опыт?! Вивисекцию порицали, а взгляните сегодня на ее результаты! Почему бы не продвинуть науку в одной из самых жизненно важных ее областей — в познании мозга? Познай я тайну даже одного такого рассудка, подбери я ключ к фантазиям лишь одного душевнобольного, я бы смог возвести науку в своей области на такую высоту, что физиология Бердон-Сандерсона и учение о мозге Феррьера показались бы детскими игрушками. Если б были на то основания! Но не следует часто предаваться подобным мечтам, иначе искушение будет слишком сильно; благие побуждения могут победить во мне здравый смысл, так как, вполне возможно, я человек с особым типом сознания.

Как четко рассуждает этот человек; впрочем, все душевнобольные действуют строго внутри своих собственных рамок.

Интересно, во сколько жизней он оценивает человека? Лишь в одну? Итог он подвел в высшей степени аккуратно и с сегодняшнего дня открыл новый счет. Многие ли из нас ежедневно открывают новый счет в своей жизни?

Только вчера мне казалось, что, если надежда умерла, все кончено и пора начинать с нуля. Так оно и будет, пока Великий Регистратор не подсчитает мои прибыли и убытки и не подведет баланс моей жизни. О Люси, Люси, я не могу на тебя сердиться, как не могу сердиться и на своего друга, чье счастье составляет твое; я же должен пребывать без надежды и работать. Работать, работать!

Имей я дело, которому мог бы служить, столь же определенное, как у моего несчастного безумца, высокое, бескорыстное дело — это было бы истинным счастьем.

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

26 июля.

Я очень обеспокоена, и единственное, что на меня благотворно действует,— это возможность высказаться в своем дневнике. В нем я как будто изливаю самой себе душу и одновременно слушаю саму себя. Даже в стенографических значках есть что-то, что делает их не похожими на письмо. Я подавлена из-за Люси и Джонатана. Не имея никаких вестей от Джонатана, я очень тревожилась; но вчера милый мистер Хокинс — он всегда так добр ко мне — переслал мне письмо. Оно помечено «Замок Дракулы» и состоит из одной-единственной строки: Джонатан только что выехал домой. Это не похоже на Джонатана. Я не понимаю подобной краткости, и она меня беспокоит. Да тут еще Люси, несмотря на совершенно здоровый вид, снова вернулась к своей прежней привычке ходить во сне. Мы с ее матерью обсудили этот вопрос и решили, что отныне я на ночь буду закрывать дверь нашей спальни на ключ. Миссис Вестенра вообразила, что лунатики всегда ходят по крыше дома или по краю утеса, а затем внезапно просыпаются и с раздирающим душу криком, который эхом разносится по всей окрестности, падают вниз. Бедняжка, она, конечно, тревожится из-за Люси; она говорила мне, что ее супруг, отец Люси, имел ту же

привычку: ночью он вставал, одевался и, если его не удерживали, выходил из дому. Осенью свадьба Люси, и она уже теперь прикидывает, какие у нее будут наряды и как она все устроит у себя в доме. Я понимаю ее, поскольку я думаю о том же, но только нам с Джонатаном придется вести очень скромную жизнь и стараться сводить концы с концами. Мистер Холмвуд, вернее, высокочтимый сэр Артур Холмвуд — единственный сын лорда Годалминга — приедет сюда, как только сможет оставить город. Задерживает его лишь болезнь отца. Милая Люси, наверное, считает дни до его приезда. Ей хочется отвести его к морю, к нашей скамейке на кладбищенской скале, чтобы показать ему, до чего живописен Уитби. Я убеждена, что из-за этого ожидания она так и волнуется. Она, наверное, совершенно поправится, как только он приедет.

27 июля.

Никаких известий о Джонатане. Очень беспокоюсь о нем, хотя, собственно, не знаю почему; хорошо было бы, если б он написал хоть строчку. Люси страдает лунатизмом сильнее, чем когда-либо, и я каждую ночь просыпаюсь оттого, что она ходит по комнате. К счастью, так жарко, что она не может простудиться, и все же мое беспокойство и вынужденная бессонница дают себя знать. Я стала нервной и плохо сплю. Слава богу, что здоровье Люси в прежнем состоянии. Мистера Холмвуда неожиданно вызвали в Ринг навестить отца, тот тяжко захворал. Люси мучается из-за отсрочки свидания с ним, но на внешности ее это нисколько не отражается; она чуть-чуть окрепла, на щеках играет чудесный румянец. Она утратила свою анемичность. Дай бог, чтобы так и продолжалось.

3 августа.

Прошла еще неделя, но от Джонатана никаких известий, и даже мистер Хокинс ничего не знает. Но я надеюсь, что он не болен, иначе он, наверное, написал бы. Я перечитываю его последнее письмо, но оно меня не удовлетворяет. Как-то это не похоже на Джонатана, хотя почерк его. В этом не может быть никакого сомнения. Люси не слишком много разгуливала по ночам последнюю неделю, но она будто сосредоточена непонятно на чем; она словно следит за мной даже во сне; пробует двери и, когда находит их запертыми, ищет по всей комнате ключи.

6 августа.

Прошло еще три дня, но никаких новостей. Неопределенность становится ужасающей. Если бы я только знала, куда написать или куда поехать, я бы чувствовала себя гораздо лучше; но никто ничего не слышал о Джонатане со времени его последнего письма. Я должна только молить Бога о терпении. Люси еще более возбуждена, чем раньше, но в общем здорова. Прошлая ночь была очень неспокойной, и рыбаки говорят, ожидается шторм. Я стараюсь быть наблюдательной и запоминать приметы, связанные с погодой. Сегодня пасмурно, и небо заволокло большими тучами, высоко стоящими над Кетленессом. Все серое, кроме зеленой травы, кажущейся изумрудной на этом фоне; серые скалы, нависающие над серым морем; серые тучи, из-за верхней кромки которых пробивается солнце; и песчаные косы, что тянутся в море, как серые пальцы. Море, окутанное надвигающимся туманом, перекидывается с ревом через отмели и прибрежные камни. Горизонт теряется в серой мгле. Впечатление чего-то громадного; тучи висят, словно исполинские скалы, и в природе слышится голос надвигающегося рока. На морском берегу тут и там виднеются наполовину скрытые в тумане черные фигуры. Рыбачьи лодки спешат домой — в гавань, они то появляются, то вновь исчезают в волнах бешеного прибоя. Вот идет старый мистер Сволс. Он направляется прямо ко мне, и по тому, как он мне кланяется, я вижу, что он хочет со мною поговорить...

Меня тронула перемена, произошедшая в старике. Сев возле меня, он очень ласково заговорил:

— Мне хочется вам кое-что сказать, мисс.

Я видела, что ему как-то не по себе, поэтому я взяла его руку, старческую и морщинистую, и ласково попросила высказаться. Не отнимая руки, он сказал:

— Боюсь, дорогая моя, что оскорбил вас всеми теми ужасами, которые наговорил, рассказывая о покойниках и тому подобном на прошлой неделе. Но у меня такого и не было на уме,

вот что я пришел вам сказать, пока не умер. Старикам вроде нас, которые уже одной ногой в могиле, как-то не по нутру думать об этом и неохота страх на себя нагонять. Вот я и решил: дай-ка, думаю, устрою потеху — сердце себе порадую. Нет, я не боюсь смерти, видит бог, не боюсь, да только не стал бы помирать, будь на то моя воля. Срок мой, должно быть, уже подходит, старый я, сто лет — другой бы и не мечтал. Я уж близко, костлявая старуха точит свою косу. Глядите-ка, никак не отвыкну молоть языком, язык мелет и мелет, как раньше. Скоро уж Ангел Смерти протрубит надо мной в свою трубу. Не нужно грустить и плакать, моя дорогая,— перебил он сам себя, заметив, что я плачу.— Если она явится ко мне нынче ночью, то я не побоюсь откликнуться на ее зов, ведь жизнь, она не что иное, как ожидание чего-то большего, чем здешняя суета, а смерть — единственное, на что мы и впрямь надеемся. Я все-таки доволен, дорогая моя, что она ко мне приближается, да еще так быстро. Она может настигнуть меня вот сейчас, пока мы здесь сидим и любуемся. Глядите, глядите,— закричал он внезапно,— должно быть, этот ветер с моря уже несет судьбу, и гибель, и страшное горе, и сердечную тоску. Смертью пахнет! Чую ее приближение! Дай-то мне бог откликнуться на ее зов с легким сердцем!

Он в благоговении простер руки и снял шапку. Губы его шевелились — будто шептали молитву. После нескольких минут молчания он встал, пожал мне руку и благословил меня. Затем попрощался и, прихрамывая, пошел домой. Это меня тронуло и потрясло.

Я обрадовалась, когда увидела подходившего ко мне охранника береговой службы с подзорной трубой под мышкой. Он, как всегда, остановился поговорить со мною и при этом все время не сводил глаз с какого-то странного корабля.

— Не могу разобрать, какой это корабль; должно быть, русский. Глядите, как его страшно бросает во все стороны! Он совершенно не ведает, что ему делать; он, кажется, видит приближение шторма, а не может решить — пойти на север и держаться открытого моря или войти сюда. Глядите, вот опять! Он будто и вовсе не слушается руля, меняет курс с каждым порывом ветра. И дня не пройдет, как придут вести о нем.

Глава VII

ВЫРЕЗКА ИЗ «ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ» ОТ 8 АВГУСТА

(Вклеено в дневник Мины Мюррей)

От собственного корреспондента.

Уитби.

На днях здесь неожиданно разразился ужасный шторм со странными и единственными в своем роде последствиями. Было довольно жарко, что вполне естественно для августа. В субботу вечером была чудеснейшая погода; все окрестные леса и островки были переполнены гуляющими. Пароходы «Эмма» и «Скарборо» делали многочисленные рейсы вдоль побережья. Пассажиров было непривычно много. Весь день до самого вечера продержалась хорошая погода; вечером поднялся легкий ветерок, обозначаемый на языке барометра «№ 2: легкий бриз». Охранник береговой службы, находившийся на своем посту, немедленно послал сводку, и старый рыбак, наблюдавший более полувека с Восточного утеса за переменами погоды, важным тоном заявил, что это предзнаменование внезапного шторма. Приближающийся закат солнца был столь чудесен и столь величествен в этой массе великолепно окрашенных туч, что целая толпа собралась на дороге к утесу, на кладбище, чтобы любоваться красотой природы. Пока солнце еще не совсем зашло за черной массой Кетленесса, гордо вздымающегося над морскими волнами, путь его к закату был отмечен мириадами облаков, окрашенных лучами заходящего солнца в самые разнообразные цвета — алый, багровый, розовый, зеленый, фиолетовый и во все оттенки золота. Местами обозначились сгустки черноты, небольшие, но абсолютно непроницаемые, всевозможнейших очертаний, с резко обозначенными границами. Подобные световые эффекты не могли кануть втуне для живописцев, и, конечно же, этюды «Перед грозой» украсят собою стены галерей в будущем мае. Многие капитаны решили тогда оставить свои пароходы в гавани, пока шторм не утихнет. Вечером ветер окончательно стих, а к полуночи всюду воцарились мертвый штиль, знойная жара и та непреодолимая напряженность, ко-

торая, в приближении грозы, так странно действует на всякого впечатлительного человека. На море виднелось очень мало судов: местный пароход, обычно придерживающийся берега, несколько рыбачьих лодок да еще иностранная шхуна, шедшая на запад под всеми парусами.

Безумная отвага или полное невежество ее моряков послужили благодатной темой для пересудов. Были предприняты попытки подать ей сигнал спустить паруса ввиду приближающейся опасности. Но до самого наступления ночи она продолжала мягко покачиваться на вольной поверхности моря с праздно развевающимися парусами.

Иль нарисован океан и нарисован бриг?

Около десяти часов штиль стал положительно угнетающим, и воцарилась такая тишина, что слышны были блеяние овец в поле и лай собак в городе. Оркестр на пирсе с его живыми французскими мелодиями, казалось, вносил диссонанс в великую гармонию природной тишины. Чуть позже полуночи раздался какой-то странный звук со стороны моря, и высоко в небе стал разноситься странный, неясный, гулкий рокот.

Затем без всяких предупреждений разразилась буря. С быстротой, казавшейся сначала невероятной, а затем уже невозможной, весь лик природы как-то вдруг исказился. Волны вздымались с нарастающей яростью, причем каждая следующая превосходила свою предшественницу, пока наконец в какие-нибудь несколько минут море, бывшее только что гладким как зеркало, не уподобилось ревущему и все поглощающему чудовищу. Волны, украшенные белыми гребнями, бешено бились о прибрежный песок и взбегали по крутым скалам; иные, перевалив через мол, своей пеной омывали фонари маяков, которые поднимались на конце каждого мола гавани Уитби. Грохотавший громом ветер дул с такой силой, что даже крепкому человеку с трудом удавалось держаться на ногах, и то лишь уцепившись за железные перила. Пришлось очистить всю пристань от толпы собравшихся зрителей, иначе ужасы ночи были бы еще значительнее.

Вдобавок ко всем затруднениям и опасностям этой минуты с моря на берег двинулся туман — белые мокрые клубы, плывшие как привидения, такие промозглые, влажные и холодные, что достаточно было даже скудной фантазии, чтобы вообразить, будто это духи погибших на море обнимают своих живых братьев липкими руками мертвеца. Многие содрогались, когда пелена морского тумана настигала их. Временами туман рассеивался, и в некотором отдалении виднелось море при ослепительном блеске молний; их вспышки следовали одна за другой и сопровождались такими внезапными ударами грома, что все небо, казалось, дрожало, сотрясаемое поступью бури.

Картины, таким образом явленные, были бесконечно величественными и захватывающими: море, вздымавшееся будто горы, швыряло в небо огромные клочья пены, а буря разметывала их повсюду. Вот бешено несется, с лохмотьями вместо паруса, рыбачья лодка в поисках приюта. Вот мелькают крылья птицы, гонимой бурей.

На вершине Восточного утеса давно уже был установлен новый прожектор, но все не выдавалось случая его использовать. Теперь офицеры, которым он был поручен, привели его в действие и в просветах вторгающегося тумана освещали его лучами поверхность моря. Труды их были не напрасны. Какую-то полузатопленную рыбачью лодку несло к гавани, и лишь благодаря спасительному свету прожектора ей удалось избегнуть несчастья и не разбиться о мол. Всякий раз, как какая-нибудь лодка оказывалась в укрытии гавани, толпа на пирсе разражалась ликующим криком, который на мгновение даже перекрывал завывание бури и затем уносился вместе с новым ее порывом.

Вскоре прожектор обнаружил вдали корабль с распущенными парусами, очевидно ту самую шхуну, которая была замечена чуть раньше, вечером. За это время ветер повернул к востоку, и дрожь охватила зрителей на утесе, когда они осознали ужасную опасность, в которой теперь оказалась шхуна. Между шхуной и портом находился тот большой, плоский риф, из-за которого пострадало так много кораблей; и при ветре, дувшем в том же направлении, что и сейчас, шхуне не было никакой возможности войти в гавань. Был уже час, когда прилив достиг высшей точки, волны были так высоки, что в провалах между ними почти открывалось дно, а шхуна неслась на всех парусах с

такой быстротой, что, по словам одного старого морского волка, «где-то она да окажется, уж по крайности хоть в аду». Потом снова пополз туман гуще прежнего; промозглая муть, окутавшая все серым покровом, из пяти чувств оставила людям только слух, ибо рев урагана, раскаты грома и мощный рокот морских валов даже громче звучали в сырой пелене. Лучи прожектора были теперь направлены через Восточный мол на вход в гавань, на то место, где должно было произойти крушение. Толпа ждала, затаив дыхание.

Ветер внезапно повернул к северо-востоку, и остатки морского тумана рассеялись порывом ветра. И тогда между молами появилась странная шхуна и, перескакивая с волны на волну, с головокружительной быстротой, на всех парусах, вошла в безопасную гавань. Прожектор ярко осветил ее, и ужас охватил всех ее увидевших, ибо оказалось, что к рулевому колесу привязан труп, голова которого страшно болталась из стороны в сторону при каждом движении корабля. На палубе больше никого не было видно. Благоговейный трепет овладел всеми, когда сделалось ясно, что корабль вошел в гавань чудом, ведомый лишь рукой мертвеца. Все произошло гораздо скорее, чем пишутся эти строки. Шхуна, не останавливаясь, пронеслась по гавани и врезалась в гору песка и гальки, намытую многими приливами и штормами в юго-восточном углу пирса, находящегося под Восточным утесом и известного здесь как пирс у холма Тейт.

Когда шхуна врезалась в песок, произошло, естественно, сильное сотрясение. Весь рангоут и прочие снасти с треском полетели вниз. Но самое странное было то, что, едва шхуна коснулась берега, на палубу выскочила громадная собака, словно сотрясение вытолкнуло ее из недр корабля, и, пробежав по палубе, соскочила на берег. Бросившись прямо к крутому утесу, на котором возвышалось кладбище, собака исчезла в густом тумане.

Как-то случилось, что в это время на пирсе у холма Тейт никого не было: все, чьи дома располагались по соседству, или спали, или находились на утесах. Таким образом, охранник береговой службы на восточной стороне гавани, тотчас же спустившийся и прибежавший к малому пирсу, оказался первым, кто взошел на борт. Человек, управлявший прожектором, осветил вход в гавань и, ничего не обнаружив, направил луч на шхуну. Охранник побежал на корму, подошел к рулевому колесу и наклонился, чтобы присмотреться, но сразу попятился назад, словно внезапно чем-то потрясенный. Это обстоятельство вызвало всеобщее любопытство, и целая толпа народу устремилась туда. От Западного утеса до пирса у холма Тейт порядочный путь, но ваш корреспондент неплохой бегун и потому добрался намного раньше своих спутников. Тем не менее, когда я появился, там стояла уже целая толпа, собравшаяся на пирсе, потому что охранник и полиция не разрешали взойти на борт. Благодаря любезности властей мне, вашему корреспонденту, позволили подняться на палубу, и я стал одним из тех немногих, кто видел мертвого моряка еще привязанным к рулевому колесу.

Нет ничего удивительного в том, что охранника охватило удивление, если не ужас, ибо подобную картину увидишь нечасто. Моряк был привязан к рулевому колесу за руки, сложенные крест-накрест. Между рукой и деревом находился крест, а четки, к которым крест приделан, были обмотаны вокруг кисти и колеса, и все вместе связано веревкой. Возможно, бедняга раньше находился в сидячем положении, но хлопавшие и бившиеся паруса, очевидно, повредили рулевое колесо, и тогда его стало кидать из стороны в сторону, так что веревка, которой он был привязан, врезалась в мясо до самых костей. Все подробности были тщательно зафиксированы, и доктор, хирург Дж. М. Кеффин, прибывший тотчас же вслед за мной, после краткого осмотра заявил, что этот человек мертв по крайней мере двое суток. В кармане его была плотно закупоренная бутылка, внутри которой содержалась скатанная в трубочку бумага — как оказалось, дополнение к судовому журналу. Охранник сказал, что моряк, должно быть, связал себе руки сам, а узлы затянул зубами.

Тот факт, что охранник береговой службы был первым, кто поднялся на палубу, способен избавить в дальнейшем от некоторых осложнений в суде Адмиралтейства, ибо береговая охрана не может претендовать на спасенное корабельное имущество; это является правом первого гражданского лица, вступившего на борт потерпевшего крушение судна. Законники тем не менее уже пустили в ход языки, а некий молодой юрист

во всеуслышание заявляет, что права владельца полностью попраны, а его право собственности входит в противоречие с правом «мертвой руки», поскольку румпель, как символ, если и не как доказательство принадлежности имущества, держит рука мертвеца. Надо ли говорить, что покойный рулевой был почтительно снят оттуда, где он до самой смерти стоял на своей благородной вахте — рыцарская твердость духа, под стать юному Касабьянке,— и помещен в морг до начала расследования.

Внезапно налетевший шторм уже проходил, его свирепость стихала; толпа разбрелась по домам, а небо зазолело над йоркширскими полями. В следующий номер я вышлю новые подробности о потерпевшей крушение шхуне, чудом нашедшей спасение от бури.

Уитби.

9 августа.

Обстоятельства, открывшиеся после вчерашнего странного прибытия шхуны в порт, еще ужасней, нежели сам факт прибытия. Это оказалась русская шхуна из Варны, называющаяся «Деметра», практически без какого бы то ни было полезного груза; единственный ее груз — некоторое количество больших деревянных ящиков, наполненных землей. Груз этот предназначался адвокату мистеру С. Ф. Биллингтону в Уитби, приехавшему сегодня утром на борт и официально принявшему в свое распоряжение предназначавшееся ему имущество. Русский консул по обязанности принял в свое владение шхуну и заплатил все портовые расходы.

Большой интерес вызывает собака, выскочившая на берег, когда шхуна уткнулась в песок, и множество членов общества друзей животных, весьма крепкой организации, пытались позаботиться о собаке. Ко всеобщему разочарованию, ее нигде не смогли найти — похоже, она исчезла из города. Возможно, ее напугали, и она сбежала в болото, где теперь еще прячется от страха.

Есть и такие, кто с ужасом думает о подобной возможности, дабы впоследствии она сама не превратилась в угрозу, поскольку ясно, что это свирепая зверюга. Сегодня утром огромного пса, полукровку-мастифа, принадлежавшего торговцу углем,

нашли мертвым прямо на дороге против двора его хозяина. Он с кем-то подрался, и, по-видимому, противник попался яростный, так как горло пса было разорвано, а брюхо распорото как будто громадными когтями.

Позднее.

Благодаря любезности инспектора министерства торговли мне было разрешено просмотреть судовой журнал «Деметры», который аккуратно заполняли, за исключением трех последних дней, но там не оказалось ничего особо интересного, кроме факта пропажи людей. Гораздо больший интерес представляет клочок бумаги, найденный в бутылке и предъявленный сегодня следствию. Более загадочного повествования мне не доводилось прежде слышать. Так как нет причин скрывать случившееся, мне разрешили воспользоваться бумагами. Посылаю вам копии. По всему кажется, будто капитаном перед выходом в море владела какая-то навязчивая идея и что эта мысль последовательно развивалась в нем в течение всего путешествия. Утверждение мое, конечно, надо принимать cum grano*, поскольку я пишу под диктовку секретаря русского консула, который был так любезен, что перевел для меня записи из журнала.

СУДОВОЙ ЖУРНАЛ «ДЕМЕТРЫ»

Варна — Уитби

Записано 18 июля.

Происходят такие странные вещи, что отныне я буду писать все как можно точнее до тех пор, пока не прибудем на место.

6 июля мы кончили принимать груз — серебряный песок и ящики с землей. В полдень подняли паруса. Ветер восточный, свежий. Экипаж — пять матросов... два помощника, кок и я (капитан).

11 июля на рассвете вошли в Босфор. Приняли на борт турецких таможенных офицеров. Бакшиш. Все в порядке. Вышли в 4 часа дня.

---

* Cum grano salis (*лат.*) — с крупинкой соли (с известной осторожностью).

12 июля прошли Дарданеллы. Еще больше таможенных офицеров и шлюпок охраны. Опять бакшиш. Офицеры осматривают тщательно, но быстро. Хотят, чтобы мы поскорее убрались. В темноте прошли архипелаг.

13 июля прошли мыс Матапан. Экипаж чем-то недоволен. Будто напуганы, но не говорят, в чем дело.

14 июля что-то неладное творилось с экипажем. Люди все крепкие парни, плававшие со мной прежде. Помощник никак не мог добиться, что случилось; говорили только: «что-то нечисто» — и крестились. Потеряв терпение, помощник ударил одного из них. Ждал дикой свалки, но все обошлось тихо.

Утром 16 июля помощник доложил, что пропал один из матросов, Петровский. Ничем не могу это объяснить. Прошлой ночью нес вахту на левом борту до восьми склянок; его сменил Абрамов, но в кубрик тот не пошел. Люди подавлены сильнее, чем когда-нибудь. Говорят, этого и ждали, но кроме того, что на корабле «что-то нечисто», больше ни слова. Помощник все чаще выходит из себя; боюсь какой-нибудь беды впереди.

Вчера, 17 июля, один матрос, Олгарен, вошел ко мне в каюту и с испуганным видом сказал, что, по его мнению, на корабле находится чужак. Он сказал, что, когда стоял на вахте, была страшная непогода, лил сильный дождь и он спрятался за рубкой. Вдруг он увидел, как высокий, худой человек, не похожий ни на кого из экипажа, вышел на палубу, прошел по ней и затем исчез. Он осторожно пошел за ним следом, но когда дошел до самого борта, то никого не нашел, а все люки были задраены. Панический суеверный страх овладел им, и я боюсь, что паника распространится. Чтобы ее предотвратить, велю завтра хорошенько обыскать шхуну от носа до кормы.

Позже днем я собрал экипаж и сказал, что, так как они думают, будто на шхуне кто-то есть, мы обыщем ее от носа до кормы. Помощник рассердился, сказал, что это глупость и что потакать таким глупостям — значит деморализовать людей; заявил, что берется рассеять все их тревоги при помощи гандшпуга. Но я приказал ему взяться за руль, а остальные устроили основательный обыск. Все шли рядом, с фонарями в руках; мы не пропустили ни одного уголка. Так как в трюме стояли только деревянные ящики, то и не оказалось никаких подозрительных углов, где бы человек мог спрятаться. Люди после обыска

сразу успокоились и снова мирно принялись за работу. Первый помощник хмурился, но ничего не сказал.

22 июля.

Последние три дня штормит, все заняты снастями — бояться некогда. Команда, кажется, забыла про свои страхи. Помощник повеселел, все ладят. Хвалил команду за хорошую работу во время шторма. Прошли Гибралтар. Все в порядке.

24 июля.

Какой-то злой рок будто преследует шхуну. И без того уже одним человеком меньше, впереди Бискайский залив, предвидится ужасная погода, а тут вчера еще один человек исчез. Как и первый, сменился с вахты, и больше его не видели. Люди охвачены паническим страхом; опросил всех, надо ли удвоить вахту, потому что они боятся оставаться поодиночке. Помощник рассвирепел. Быть беде: или он взбунтуется, или команда.

28 июля.

Четыре дня в аду; кружимся все время в каком-то водовороте, а буря не стихает. Ни у кого нет времени поспать. Люди выбились из сил. Не знаю, кого поставить на вахту, никто не способен выдержать. Второй помощник вызвался нести вахту у руля и позволил людям урвать несколько часов для сна. Ветер стихает, волны еще люты, но меньше, чем прежде, так как чувствую, что шхуна держится устойчивей.

29 июля.

Новая трагедия. Ночью на вахте был всего один матрос, так как экипаж слишком утомлен, чтобы ее удваивать. Когда утренняя вахта пришла на смену, то никого не нашла, кроме рулевого. Снова тщательный обыск, но никого не нашли. Теперь я уже и без второго помощника, и в экипаже снова паника. Помощник и я решили постоянно держать при себе заряженные револьверы в ожидании объяснения этой тайны.

30 июля.

Последняя ночь. Рады, что Англия близко. Погода чудесная, все паруса подняты. От усталости совершенно измочален; креп-

ко спал; разбудил помощник, сообщивший, что оба вахтенных матроса и рулевой исчезли. На шхуне только я, помощник и два матроса.

1 августа.

Второй день туман, и ни одного паруса в пределах видимости. Надеялся, что в Ла-Манше смогу подать сигнал о помощи или зайти куда-нибудь. Из-за нехватки рук не можем управлять парусами, плывем по ветру. Спустить паруса не решаемся, так как не сможем поднять их снова. Похоже, что мы находимся во власти какого-то ужасного рока. Помощник теперь сильнее деморализован, чем остальные. Его более сильная натура, кажется, подспудно работала против него. Люди по ту сторону страха, работают механически, терпеливо, готовые к самому худшему. Они русские, он румын.

2 августа, полночь.

Проснулся после пятиминутного сна от крика, раздавшегося как будто за моим иллюминатором. В тумане ничего не видно. Бросился на палубу, налетел на помощника. Говорит, что прибежал, услышав крик, но на вахте ни души. Еще один. Господи, помоги! Помощник говорит, что мы, должно быть, миновали Па-де-Кале: когда на минуту туман разошелся, он видел мыс Норт-Форленд. Если так, мы теперь в Северном море, и лишь Господь сможет вывести нас из тумана, который будто движется вместе с нами; Господь же отвернулся от нас.

3 августа.

В полночь я пошел сменить рулевого, но никого не оказалось у руля. Ветер был сильный, и так как мы шли по ветру, то зевать было нечего. Я не посмел оставить руль и лишь потому окликнул помощника. Через несколько секунд он выбежал на палубу в нижнем белье. Он осунулся, в глазах сверкало безумие, я боюсь за его рассудок. Он подошел ко мне и глухо шепнул в самое ухо, будто боясь, как бы ветер его не услышал: «*Это* здесь; теперь я знаю. Я видел *это* вчера ночью на вахте, *это* — в образе высокого, худого и призрачно-бледного человека. *Это* было на корме и выглядывало снизу. Я подкрался и ударил *это*

ножом, только нож прошел сквозь *это* как сквозь воздух». Говоря, он вытащил нож и яростно вонзил его в пустоту. Потом продолжил: «Но *это* здесь, и я найду. *Это* может быть в одном из тех ящиков. Я открою их один за другим и посмотрю. А вы управляйте шхуной». Прижав палец к губам и всем своим видом выражая предостережение, он направился вниз. Поднялся резкий ветер, так что я не мог отойти от руля. Я видел, как он снова поднялся на палубу с ящиком для инструментов и фонарем и как спустился в передний люк. Он окончательно сошел с ума, и незачем пытаться его остановить. Он не испортит эти ящики; они значатся в накладной как «земля», и передвигать их — самая безопасная вещь, какую только можно себе представить. Так что я остаюсь здесь, слежу за курсом и делаю эти записи. Мне приходится только уповать на Бога и ждать, пока рассеется туман. Тогда, если я не смогу зайти ни в одну гавань, двигаясь по ветру, я обрежу снасти, лягу в дрейф и подам сигнал о помощи...

Конец теперь уже близок. Я только начал надеяться, что помощник вернется более спокойным, так как я слышал, как он стучит в трюме,— а работа ему полезна,— как вдруг из люка раздался страшный крик, от которого вся кровь ударила мне в голову, и на палубу вылетел разъяренный безумец с выкатившимися глазами и лицом, перекошенным от страха. «Спасите меня, спасите меня!» — кричал он, потом уставился на пелену тумана. Его ужас сменился отчаянием, и он твердо сказал: «Давайте со мной, капитан, пока не поздно. Он там! Теперь я знаю, в чем секрет. Море спасет меня! Да поможет мне Бог!» И прежде чем я успел сказать ему хоть слово или сделать движение, чтобы его схватить, он бросился в море. Мне кажется, теперь я знаю, в чем секрет: это он, этот сумасшедший, уничтожал людей одного за другим, а теперь и сам последовал за ними. Да поможет мне Бог! Как я отвечу за весь этот ужас, когда приду в порт? А когда я приду в порт?.. И будет ли это когда-нибудь?..

4 августа.

Повсюду туман, сквозь который не может проникнуть восходящее солнце. Я узнаю восход солнца только инстинктом, как всякий моряк. Я не осмелился сойти вниз — не рискнул оста-

вить руль; так и провел здесь всю ночь — и во мраке ночи увидал *это... его!..* Да простит меня Бог! Помощник был прав, бросившись за борт. Лучше умереть, как подобает мужчине, умереть, как подобает моряку, в пучине. Но я капитан, и мне нельзя покинуть свой корабль. Я воспрепятствую этому чудовищу: когда силы станут меня покидать, я привяжу руки к рулевому колесу и еще привяжу то, чего *он — это!* — не посмеет коснуться; и тогда, солнце или ненастье, я спасу свою душу и свое доброе имя. Я делаюсь все слабее, а ночь приближается. Если *он* снова посмотрит мне в глаза, у меня может не хватить сил действовать... Если мы погибнем, то, может быть, кто-нибудь найдет эту бутылку и поймет. Если же нет... ладно, пусть тогда весь мир знает, что я остался верен долгу. Да помогут Бог, и Святая Дева, и все святые бедной, невинной душе, старавшейся исполнить свой долг...

Конечно, суд не смог вынести свой вердикт. Ничего определенного не выяснено, и кто убийца — сам ли капитан или нет, сказать теперь некому. Здесь почти все считают капитана прямо героем, и ему устроят торжественные похороны. Все уже устроено, и решено, что тело его повезут в целом каравane лодок сначала вверх по Эску, затем назад к пирсу у холма Тейт, и по лестнице аббатства его поднимут на утес, где на кладбище он и будет похоронен. Уже более ста владельцев лодок записались в качестве желающих проводить его до могилы.

Никаких следов огромной собаки; это сильно огорчает, ибо общественное мнение сейчас находится в таком состоянии, что, полагаю, город взял бы собаку на содержание. Завтра похороны, чем и завершится еще одна «тайна моря».

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

8 августа.

Всю ночь Люси была очень неспокойна, и я тоже не могла уснуть. Шторм был ужасный, и при каждом завывании ветра в трубе я содрогалась. Иногда были такие резкие удары, что казалось, будто где-то вдалеке стреляют из пушек. Довольно странно: Люси не просыпалась, но она дважды вставала и начинала

одеваться. К счастью, я всякий раз вовремя просыпалась и укладывала ее обратно в постель.

Мы встали рано утром и отправились в гавань. Там было очень мало народу, и, несмотря на то что солнце было ясно, а воздух чист и свеж, большие суровые волны, казавшиеся черными в сравнении с белой как снег пеной на их гребнях, протискивались сквозь узкий проход в гавань, напоминая человека, протискивающегося сквозь толпу. Я была счастлива при мысли, что Джонатан вчера был не на море, а на суше. Но на суше ли он? Может быть, он на море? Где он и каково ему? Я продолжаю страшно беспокоиться за него. Если бы я только знала, что предпринять, я бы сделала все!

10 августа.

Похороны бедного капитана были очень трогательны. Кажется, присутствовали все портовые лодки, а капитаны несли гроб всю дорогу от пирса у холма Тейт до самого кладбища. Мы вместе с Люси рано отправились к нашему старому месту, в то время как процессия лодок поднималась вверх по реке. Отсюда было великолепно видно, так что мы видели почти всю процессию. Беднягу капитана опустили в могилу совсем близко от нас. Бедная Люси казалась очень взволнованной. Она все время была беспокойна, и мне кажется, что это на ней так отзывается сон прошлой ночи. Но она ни за что не хочет сознаться, что является причиной ее беспокойства... В том, что мистер Сволс был найден сегодня утром на нашей скамье мертвым со сломанной шеей, кроется что-то странное. Он, должно быть, в испуге упал со скамьи навзничь, как сказал врач; на лице его замерло выражение страха и ужаса, так что люди говорили, что при виде его дрожь пробегает по телу. Бедный, славный старик! Может быть, он увидел перед собой смерть! Люси так чувствительна, что всякая вещь отражается на ней гораздо сильнее, чем на других. Она только что страшно взволновалась из-за сущего пустяка, на который я совершенно не обратила внимания, хотя и сама очень люблю собак: пришел какой-то господин, который и раньше часто приходил сюда за лодкой, в сопровождении своей собаки. Они оба очень спокойные существа: мне никогда не приходилось видеть этого человека сердитым, а собаку лающей. Во время панихиды собака ни за что не хотела подойти к

своему хозяину, сидевшему вместе с нами на скамье, а стояла в нескольких ярдах от нас и выла. Хозяин ее говорил с ней сначала ласково, затем резко и наконец сердито; но она все не подходила и не переставала рычать. Она была в каком-то бешенстве; глаза ее дико сверкали, шерсть стояла дыбом. В конце концов хозяин разозлился, вскочил и ударил собаку ногой, затем, схватив ее за шиворот, потащил и швырнул на надгробную плиту, на которой стояла наша скамейка. Едва бедное животное коснулось камня, как тотчас притихло и задрожало. Собака даже и не пыталась сойти, а как-то присела, дрожа и ежась, и пребывала в таком ужасном состоянии, что я всячески старалась успокоить ее, но безуспешно. Все эти сцены так взволновали Люси, что я решила заставить ее проделать перед сном длинную прогулку, чтобы она крепче спала.

Глава VIII

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

В тот же день, 11 часов вечера.

Ну и устала же я! Если бы не твердое решение делать записи ежедневно, сегодня ночью я и не раскрыла бы дневник. Мы совершили чудесную продолжительную прогулку. Люси вскоре развеселилась, благодаря, я думаю, симпатичным коровам, которые обступили нас в поле неподалеку от маяка и напугали до полусмерти. По-моему, мы позабыли обо всем на свете, кроме своего страха, конечно, и это помогло нам как будто все начать с чистой страницы. В Робин-Гуд-Бэй мы выпили крепчайшего чая в прелестной маленькой старинной гостинице с окнами-эркерами, выходящими прямо на заросшие водорослями скалы. Думаю, наш аппетит поверг бы в ужас «новых женщин». Мужчины, слава богу, куда снисходительней! Потом мы отправились домой, время от времени — а вернее, то и дело — присаживаясь отдохнуть и ни на минуту не переставая бояться диких быков. Люси страшно устала, и мы решили как можно раньше лечь спать. Как раз пришел молодой викарий, и миссис Вестенра пригласила его остаться на ужин, так что нам с Люси пришлось бороться со сном; я знаю, что для меня эта борьба

была ужасна,— я определенно чувствую себя героиней. Думаю, епископам следовало бы однажды собраться и позаботиться о том, чтобы вывести новую породу викариев, которые не ужинают, как бы на них ни наседали, и понимают, когда девушки устают. Люси заснула и дышит спокойно, у нее щеки горят сильнее обычного, и как же она прелестна. Если мистер Холмвуд влюбился в нее, видя ее только в гостиной, интересно, что бы он сказал, увидев ее сейчас. Кто-нибудь из «новых женщин» рано или поздно выдвинет идею, чтобы мужчине и женщине было позволено увидеть друг друга спящими, прежде чем сделать или принять предложение. Думаю, правда, что в будущем «новая женщина» не унизится до того, чтобы принимать предложение; она станет предлагать себя сама. Ну и натворит же она дел! В этом есть некоторое утешение. Я так счастлива сегодня: милой Люси, кажется, лучше. Я, по правде, думаю, что опасность для нее миновала и тревоги из-за ее снов позади. Я была бы вполне счастлива, если бы только знала, что с Джонатаном... Да благословит и хранит его Бог!

11 августа, 3 часа утра.

Снова за дневником. Не могу спать, лучше уж буду писать. Я слишком взволнована, чтобы спать. С нами приключилось нечто невероятное, нечто кошмарное. Ночью не успела я закрыть свой дневник, как тотчас же уснула. Вдруг я неожиданно проснулась и села на кровати. Меня охватило ужасное чувство страха — я почувствовала какую-то пустоту вокруг себя. В темноте я не могла видеть постель Люси и потому на цыпочках пересекла комнату и нащупала кровать. Она была пуста. Я зажгла спичку и увидела, что Люси в комнате нет. Дверь закрыта, но не заперта, хотя я заперла ее. Я побоялась разбудить ее мать, так как последнее время она чувствовала себя хуже обыкновенного, так что оделась и решила сама пойти разыскивать Люси. Собираясь выйти из комнаты, я догадалась посмотреть, в чем она вышла, чтобы иметь представление о ее планах. Если в платье, значит, ее надо искать дома, если в костюме, значит, вне дома. Платье и костюм оказались на своих местах. «Слава богу,— подумала я,— она не могла далеко уйти, ведь она в одной ночной рубашке». Я спустилась по лестнице и посмотрела в гостиной — ее нет. Тогда я стала искать ее по всем комнатам, а

страх в сердце постепенно возрастал; таким образом я добралась до входной двери в передней, та оказалась открытой, но не настежь, а чуть приотворенной, замок не был защелкнут. Обычно прислуга на ночь тщательно запирает эту дверь, поэтому я начала бояться, что Люси вышла на улицу в чем была. Но раздумывать было некогда, тем более что охвативший меня страх совершенно лишил меня способности разбираться в мелочах. Я закуталась в большую теплую шаль и выбежала на двор. Часы пробили час, когда я пробежала по Кресенту; не было видно ни единой души. Я побежала вдоль Северной террасы, но белую фигуру, которую я искала, не нашла. С края Западного утеса над пирсом я посмотрела через гавань на Восточный утес, колеблясь между надеждой и страхом увидеть Люси на нашем любимом месте. Круглая луна ярко освещала местность, а окружающие ее облака превратили всю сцену в море света и теней. Одно время я ничего не видела, так как церковь Святой Марии и местность, примыкавшая к ней, оставались в тени. Затем луна высвободилась из облака, и я прежде всего увидела руины аббатства; а когда узкая полоса света двинулась дальше, то стали видны церковь и кладбище. Мое предположение оправдалось: луна осветила белую как снег фигуру, сидевшую на нашей любимой скамейке. Но тут новое облако погрузило все снова во мрак, и я больше ничего не успела разглядеть; мне лишь показалось, что позади скамейки, на которой сидела белая фигура, стояла наклонившаяся над ней какая-то черная тень. Трудно было определить, человек это или животное. Я не стала ждать, пока снова прояснится, а бросилась бежать по ступеням к пирсу и пролетела мимо рыбного ряда прямо к мосту — единственному пути, который вел к Восточному утесу. Город казался вымершим, на улицах никого не было. Я была очень этому рада, ибо совсем не хотела, чтобы ужасное состояние бедной Люси видел хоть кто-нибудь. Время и расстояние казались мне бесконечными, колени мои дрожали, и я задыхалась, взбираясь по бесчисленным ступенькам к аббатству. Я, должно быть, шла очень быстро, и все же у меня было такое чувство, словно ноги налиты свинцом, а все суставы окаменели. Когда я дошла почти до верха, то уже могла различить скамейку и белую фигуру, несмотря на то что было темно. Оказывается — я не ошиблась,— какая-то длинная, черная тень стояла, нагнувшись над полулежащей белой фигурой. Я крикнула в испуге: «Люси! Люси!» Тень подняла голову, и со своего места я ясно различила бледное лицо с красными сверкающими глазами. Люси не отвечала, и я побежала к воротам кладбища. Когда я вошла, то церковь пришлась между мной и скамейкой, так что на мгновение я потеряла Люси из виду. Когда я вышла из-за церкви, луна, высвободившись из облака, ярко светила, и я ясно увидела, что Люси полулежит, запрокинув голову на спинку скамьи. Она была теперь совершенно одна. Около нее не было даже признака живого существа.

Наклонившись к ней, я увидела, что она все еще спит. Рот у нее был полуоткрыт, но дышала она не так ровно, как всегда, а как-то затрудненно, будто пытаясь ухватить побольше воздуха. Когда я подошла к ней, она бессознательно подняла руку и крепко стянула воротник ночной рубашки у горла, вздрогнув при этом, будто почувствовала холод. Я закутала Люси в свою теплую шаль, плотно запахнув ее у шеи, так как боялась, что она простудится, разгуливая ночью в одной рубашке, налегке. Я боялась разбудить ее сразу и, желая оставить свободными руки, чтобы поддержать ее, у шеи закрепила ей шаль английской булавкой. Но в своей поспешности я, должно быть, неосторожно оцарапала или задела ее булавкой, так как, после того как она начала спокойнее дышать, она все время хваталась рукой за горло и стонала. Закутав ее хорошенько и обув в свои туфли, я принялась ее осторожно будить. Вначале она не отзывалась; потом сон ее стал тревожнее, и временами она стонала и вздыхала; так как время быстро проходило, да еще по многим другим причинам, я хотела как можно скорее доставить ее домой. Я затормошила ее сильнее, и наконец она открыла глаза. Она как будто не удивилась, увидев меня, ибо, конечно, не сразу сообразила, где находится. Люси всегда пробуждается так мило, что и теперь, когда ее тело, должно быть, продрогло от холода, а рассудок был в смятении оттого, что пробуждение наступило на кладбище ночью, она не утратила своей прелести. Содрогнувшись, она прильнула ко мне.

Когда я ей сказала, чтобы она сейчас же шла со мной домой, она моментально встала и послушно, как дитя, за мной последовала. Мы шли, но гравий ранил мне ноги, и Люси заметила, что я морщусь. Остановившись, она стала требовать, чтобы я

взяла свои туфли, чего я не сделала. Однако когда мы вышли с кладбища, где на дороге оставалась еще лужа после грозы, я окунула ступни в грязь, чтобы какой-нибудь случайный прохожий не заметил моих босых ног.

Нам посчастливилось, и мы добрались до дому, никого не встретив. У меня все время сердце так сильно билось, что мне казалось, будто я теряю сознание. Я безумно перепугалась за Люси, не только за ее здоровье, которое могло пострадать после этого ночного случая, но также и за ее репутацию, если эта история получит огласку. Добравшись наконец домой, мы прежде всего отогрели ноги и вместе помолились Богу в благодарность за спасение, затем я уложила Люси в постель. Перед тем как заснуть, она просила и заклинала меня никому, даже матери, не говорить ни слова о ее приключении. Сначала я колебалась, дать ли подобное обещание, но, вспомнив о состоянии здоровья ее матери и зная, как сильно такая вещь может напугать ее, я решила, что умнее будет промолчать об этом. Надеюсь, я правильно рассудила. Я заперла дверь на ключ и привязала ключ к запястью, так что теперь, надеюсь, меня больше не будут беспокоить. Люси спокойно спит.

В тот же день, в полдень.

Все идет хорошо. Люси спала, пока я ее не разбудила, и даже ни разу не шелохнулась во сне. Ночное приключение ей, кажется, не повредило, а наоборот, пошло на пользу: с утра сегодня она выглядит лучше, чем в последние недели. Я расстроилась, заметив, что из-за своей неловкости поранила ее булавкой. И должно быть, сильно: кожа у нее на шее поранена. Вероятно, я прихватила булавкой кусочек кожи и, застегивая, проколола ее насквозь, так как на горле два маленьких отверстия, точно от иголки; кроме того, на ночной рубашке виднелось пятнышко крови. Когда я, напуганная этим, извинилась перед нею, она рассмеялась и приласкала меня, сказав, что ничего не чувствует. К счастью, ранки очень маленькие и шрама не останется.

В тот же день вечером.

Мы чудесно провели день. Стояла ясная погода, светило солнце, дул прохладный ветерок. Мы устроили пикник в Мулгрейв-Вудз, миссис Вестенра отправилась туда в коляске, мы же с

Люси прошли тропинкой между скалами и встретили ее у ворот. Мне немножко взгрустнулось, я не могла удержаться от мысли, что это было бы абсолютное счастье, будь со мной Джонатан. Ну что ж! Надо лишь набраться терпения. Вечером мы гуляли по Казино-Террас, слушали хорошую музыку Шпора и Маккензи и рано легли спать. Люси кажется более спокойной, чем все это время, она сразу же заснула. Я запру дверь и снова привяжу ключ к запястью, хоть и не жду сегодня никаких волнений.

12 августа.

Мои предположения о спокойной ночи не оправдались, так как ночью я дважды просыпалась оттого, что Люси старалась уйти. Даже во сне она казалась возмущенной тем, что дверь заперта, и очень недовольная легла обратно в постель. Я проснулась на рассвете и услышала чириканье птичек под окном. Люси тоже проснулась, и мне было приятно, что она чувствовала себя лучше, чем в предыдущее утро. К ней опять вернулась вся ее прежняя, беззаботная веселость, она забралась ко мне в постель и рассказала мне все об Артуре. Я же поведала ей свои опасения относительно Джонатана, и она старалась меня успокоить.

Что ж, в какой-то мере это ей удалось. Сочувствие хоть и не может изменить обстоятельств, зато может их сделать более сносными.

13 августа.

Снова спокойный день, и снова сон с ключом на запястье. Ночью я опять проснулась и увидела: спящая Люси сидит на постели, обратясь к окну. Я встала с постели и, отодвинув штору, выглянула в окно. Луна ярко светила; под мягкими лунными лучами небо и море, как будто слившиеся в одну глубокую тихую тайну, определенно были исполнены невыразимой красоты. У окна, беспрестанно кружа, носилась большая летучая мышь; озаренная лунным светом, она то появлялась, то вновь исчезала; раз или два она подлетала к самому окну, но затем, должно быть испугавшись меня, полетела через гавань к аббатству. Когда я отошла от окна, Люси уже спокойно лежала и спала. Больше она ни разу не поднималась за всю ночь.

14 августа.

Сидела на Восточном утесе, целый день читала и писала. Люси, кажется, так же влюбилась в это место, как я. Ее трудно зазвать отсюда домой к завтраку, к чаю или к обеду. Сегодня днем она сделала очень странное замечание: мы возвращались домой к обеду и, когда были на самом верху лестницы, остановились, чтобы, как всегда, полюбоваться видом. Красные лучи заходящего солнца озаряли Восточный утес и старое аббатство; казалось, будто все окружающее купалось в великолепном розовом свете. Мы молча стояли и любовались, как вдруг Люси прошептала как бы про себя:

— Опять его красные глаза! Они совсем такие.

Это странное выражение, сорвавшееся ни с того ни с сего с ее уст, положительно испугало меня. Я осторожно оглянулась, чтобы хорошенько посмотреть на Люси, так, чтобы она не заметила этого, и увидела, что она была в каком-то полузабытьи с очень странным, непонятным мне выражением лица; я ничего не сказала, но проследила за ее взглядом. Она смотрела на нашу любимую скамейку, на которой одиноко сидела какая-то темная фигура. Я сама немного испугалась, так как мне показалось, что у незнакомца были громадные, горящие как угли глаза; но, когда я посмотрела вторично, иллюзия рассеялась. Это просто красный свет солнца отражался в окнах церкви Святой Марии. Я обратила внимание Люси на это явление, она вздрогнула и пришла в себя, но все-таки была печальна; возможно, она вспомнила приключение той ужасной ночи. Мы никогда не вспоминаем об этом, так что и теперь я ничего не сказала, и мы пошли домой обедать. У Люси заболела голова, и она рано отправилась спать. Я же прогулялась немного по утесам и была полна сладкой грусти, так как все думала о Джонатане. Когда я возвращалась домой, луна так ярко светила, что, за исключением передней части начинающегося около нас квартала Кресент, все остальное было ясно видно. Я взглянула на наше окно и заметила выглядывающую из него Люси. Я подумала, что она, вероятно, смотрит на меня, поэтому вынула носовой платок и стала махать ей. Она не обратила на это никакого внимания, даже не шелохнулась. Тут по углу дома как раз пополз свет луны и упал на окно, и тут я ясно увидела, что Люси сидит на подоконнике с запрокинутой головой и закрытыми глазами, а

около нее что-то вроде большой птицы. Боясь, как бы она не простудилась, я быстро побежала наверх по лестнице, но, когда я вошла в спальню, Люси, с трудом переводя дыхание, в глубоком сне двигалась к постели; руку она держала у горла, словно защищая его от холода.

Я не будила ее, а только закутала потеплее и позаботилась о том, чтобы двери и окно были хорошенько заперты.

Люси выглядит во сне такой прелестной, хотя и немного бледнее обычного, а под глазами у нее какая-то странная тень, которая мне вовсе не понравилась. Боюсь, ее что-то мучит. Хотела бы я знать что.

15 августа.

Встала позже обыкновенного. Люси была утомлена и продолжала спать до того момента, как нас позвали к столу. За завтраком нас ожидал приятный сюрприз. Отцу Артура стало лучше, и он торопит свадьбу. Люси полна безмятежного счастья, а мать ее одновременно и рада, и огорчена. Чуть позже в тот же день она разъяснила мне причину этого. Она очень опечалена, что приходится расстаться с Люси, но довольна, что за Люси скоро будут присматривать. Бедная, милая леди! Она поведала мне, что у нее порок сердца. Она не говорила об этом Люси и просила меня держать это в секрете; врач сказал, что ей осталось жить самое большее несколько месяцев, так как ее сердце ослабело. В любой момент неожиданное потрясение может убить ее. Ах, правы мы были, скрыв от нее историю той жуткой ночи.

17 августа.

Не вела дневник целых два дня. У меня не хватало духу вести его. Какая-то черная тень как будто обволакивает наше счастье. Никаких известий о Джонатане. Люси становится все слабее и слабее, а дни ее матери сочтены. Я не понимаю, отчего Люси тает на глазах. Она хорошо ест и спит, бывает на воздухе, но, несмотря на это, румянец у нее на щеках все бледнеет, и она с каждым днем слабеет и делается более вялой. Я слышу, как по ночам она задыхается, будто ей не хватает воздуха. Ключ от дверей у меня каждую ночь на руке, но она встает и ходит по комнате или сидит у открытого окна. Прошлой ночью, когда я про-

снулась, я снова застала ее у открытого окна и хотела разбудить, но не смогла; она была в обмороке. Когда мне наконец удалось привести ее в сознание, она была невероятно слаба и тихо плакала, стараясь отдышаться. На мой вопрос, как это она очутилась у окна, она покачала головой и отвернулась от меня. Надеюсь, ее болезнь не вызвана этим несчастным уколом булавки. Пока она спала, я осмотрела ее шею. Оказалось, что маленькие ранки еще не зажили, они все еще открыты и как будто расширились, а края их побледнели. Они напоминают маленькие белые кружочки с красной точкой посредине; если они не заживут через несколько дней, я настойчиво буду требовать, чтоб врач их осмотрел.

ПИСЬМО СЭМЮЭЛЯ Ф. БИЛЛИНГТОНА И СЫНА, СТРЯПЧИХ, УИТБИ, ГГ. КАРТЕРУ, ПАТЕРСОНУ И К°, ЛОНДОН

17 августа.

Уважаемые господа!

При сем прилагаю накладную на товар, отправленный по Великой Северной железной дороге. Он должен быть доставлен в Карфакс близ Парфлита немедленно по получении на станции Кингз-Кросс. Дом в настоящее время необитаем, ключи прилагаю при сем; все они занумерованы.

Прошу сложить ящики, количеством пятьдесят, составляющие эту кладь, в разрушенной части дома, помеченной буквой «А» на плане, который при сем прилагается. Вашему агенту нетрудно будет отыскать нужное место, так как это старая домовая часовня. Товар отправят сегодня вечером в 9.30, и он должен быть в Кингз-Кросс завтра в 4.30 утра. Так как наш клиент желал бы получить кладь возможно скорее, то вам придется к назначенному времени приготовить повозки, чтобы тотчас доставить ящики по назначению. Чтобы избежать возможных задержек из-за платежей в вашем отделении, прилагаю при сем чек на десять фунтов (10 ф.), в получении которого прошу выдать квитанцию. Если расходов будет меньше, то можете вернуть остаток, если больше, то мы вам немедленно вышлем чек

на израсходованный излишек. Когда вы окончите дело, то оставьте ключи в доме, где владелец сам их возьмет. От входной двери у него есть свой ключ. Просим вас не быть на нас в претензии за то, что мы нарушаем правила вежливости, настаивая поторопиться с доставкой.

С уважением,

искренне ваши
Сэмюэль Ф. Биллингтон и сын.

ПИСЬМО ГГ. КАРТЕРА, ПАТЕРСОНА И К°, ЛОНДОН, ГГ. БИЛЛИНГТОНУ И СЫНУ, УИТБИ

21 августа.

Уважаемые господа,

10 ф. мы получили, просим прислать чек еще на 1 ф. 17 ш. 9 п., которые с вас следуют, как это видно из прилагаемого счета. Товар доставлен согласно инструкциям, а связка ключей оставлена, как было указано, в передней.

С уважением,

За Картера, Патерсона и К°.

ДНЕВНИК МИНЫ МЮРРЕЙ

18 августа.

Сегодня я счастлива и снова пишу, сидя на нашей скамейке на кладбище. Люси опять гораздо лучше. Прошлую ночь она спала великолепно и ни разу меня не потревожила. Румянец постепенно возвращается к ней, хотя она все еще очень бледна и плохо выглядит. Если бы она была малокровной, ее состояние было бы понятно, но ведь этого нет. Она оживлена, весела и мила. Вся ее болезненная скрытность пропала, и только что она напомнила мне о *той* ночи (будто я нуждаюсь в напоминании) и о том, что именно здесь, на этой самой скамейке, я нашла ее спящей. Говоря это, она шутливо постучала каблуком по каменной плите:

— Бедные мои ножки тогда бы не смогли наделать столько шума! Несчастный мистер Сволс, пожалуй бы, сказал, что это оттого, что я не хотела будить Джорди.

Воспользовавшись ее разговорчивостью, я спросила, снилось ли ей что-нибудь в ту ночь. Не сразу ответив, она нахмурила брови тем милым движением, которое очень любит Артур,— я переняла привычку звать его Артуром у Люси. Потом, словно грезя наяву, она попыталась вызвать в памяти ту ночь.

— Я как будто не совсем спала; мне даже казалось, что все это было наяву. Мне почему-то вдруг захотелось прийти сюда, но почему, я не знаю; я чего-то боялась, но чего? Тоже не знаю. Помню сквозь сон, что шла по улицам и перешла мост. Когда поднималась по лестнице, я услышала такой собачий вой, что казалось, будто весь город полон собак, которые воют все сразу. Затем мне смутно помнится что-то высокое, черное, с красными глазами, как раз такими, как тот закат, потом что-то нежное и горькое вдруг охватило меня; потом мне казалось, будто я погружаюсь в глубокую зеленую воду и слышу какое-то пение, как, говорят, это бывает с утопающими; затем все закружилось передо мной, и моя душа будто покинула мое тело и витала где-то в воздухе. Еще помню, что Западный маяк на миг был как раз подо мной, потом я почувствовала что-то мучительное, будто происходит землетрясение. Я пришла в себя и обнаружила, что ты тормошишь меня. Я прежде увидела, как ты это делаешь, чем почувствовала.

Она засмеялась. Мне все это показалось жутким, я слушала, не смея вздохнуть. Не очень-то мне это нравится. Я решила, что лучше не давать ей об этом задумываться, и перешла на другую тему. Люси снова сделалась прежней. По дороге домой свежий ветерок подбодрил ее, и щеки у нее порозовели. Мать Люси очень обрадовалась, когда увидела ее, и мы все провели прелестный вечер.

19 августа.

Счастье, счастье, счастье! Хотя и не только счастье. Наконец известие о Джонатане. Бедняжка был болен, вот почему он и не писал. Я не боюсь уже об этом думать или говорить теперь, когда все узнала. Мистер Хокинс переслал мне письмо и сам приписал пару трогательных строк. Сегодня же утром я еду к Джонатану — помочь, если будет нужно, ухаживать за ним и привезти его домой. Мистер Хокинс пишет, что было бы вовсе не плохо, если бы мы вскоре поженились. Я плакала над письмом этой славной сестры милосердия, пока оно не промокло насквозь. План моего путешествия уже намечен, и багаж уложен. Я беру только одну смену платья; Люси привезет все остальное в Лондон и оставит у себя, пока я не пришлю за ним, так как может случиться, что... но больше мне не следует писать, расскажу все Джонатану, моему мужу. Письмо, которое он видел и которого касался, должно утешать меня, пока мы с ним не встретимся.

ПИСЬМО СЕСТРЫ АГАТЫ, БОЛЬНИЦА СВ. ИОСИФА И СВ. МАРИИ, МИСС ВИЛЬГЕЛЬМИНЕ МЮРРЕЙ

Будапешт, 12 августа.

Милостивая государыня!

Пишу по желанию мистера Джонатана Харкера, который еще недостаточно окреп, чтобы писать самому, хотя ему уже гораздо лучше, благодаря Богу, и святому Иосифу, и святой Марии. Он пролежал у нас около шести недель в сильнейшей горячке. Он просит меня успокоить свою невесту и передать ей, кроме того, что с этой же почтой он посылает письмо мистеру Питеру Хокинсу, которому просит передать с глубоким почтением, что он очень огорчен своей задержкой и что дело его закончено. Он пробудет еще пару недель в нашем санатории, расположенном в горах, а затем отправится домой. Кроме того, он просит меня сообщить вам, что у него не хватает денег, чтобы расплатиться, а он желал бы заплатить за свое пребывание здесь, дабы другие страждущие не оказались без помощи.

Примите уверение в полном моем уважении, и да благословит вас Бог.

Сестра Агата.

P. S. Мой пациент уснул, я вскрыла это письмо, чтобы сообщить вам еще кое-что. Он мне все рассказал о вас и о том, что вы скоро будете его женой. Да благословит вас обоих Создатель. У него было, по-видимому, какое-то потрясение — так говорит наш доктор,— и в своей горячке он все бредит всевозможными ужасами: волками, ядом и кровью, призраками и

злыми духами и я боюсь даже сказать чем еще. Будьте с ним осторожны и следите за тем, чтобы его ничто не тревожило; следы такой болезни, как его, не скоро исчезнут. Мы уже давно написали бы, да ничего не знали о его друзьях, а из его рассказов мы ничего не могли понять. Он приехал поездом из Клаузенбурга, и начальник станции рассказывал служащему, что на станции он кричал, чтобы ему дали билет домой. Видя по его буйному поведению, что он англичанин, ему выдали билет до конечной станции этой железной дороги.

Не беспокойтесь о нем, так как за ним заботливый уход. Своей добротой и благовоспитанностью он победил наши сердца. Теперь ему действительно гораздо лучше, и я не сомневаюсь, что через несколько недель он совершенно поправится, но ради его же спасения будьте с ним очень осторожны. Я буду молиться за ваше долгое счастье Господу Богу, и святому Иосифу, и святой Марии.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

19 августа.

Вчера вечером в Ренфилде произошла странная и неожиданная перемена. Около восьми часов его охватило возбуждение, и он начал рыскать повсюду, словно собака, берущая след. Служитель был этим поражен и, зная, как я им интересуюсь, постарался, чтобы Ренфилд разговорился. Обычно Ренфилд относится к служителю с уважением, порой даже с раболепством, но сегодня, по словам служителя, он держался с ним надменно. Ни за что не захотел снизойти до разговора с ним. Вот все, что тот от него добился:

— Я не желаю с вами говорить; вы теперь для меня не существуете. Господин уже близко.

Служитель думает, что у Ренфилда внезапный приступ религиозной мании. Если так, надо быть начеку: физически сильный человек с навязчивой религиозной идеей и склонностью к убийству может быть опасен. Это страшное сочетание. В девять часов я зашел к нему сам. Отношение его ко мне примерно такое же, как и к служителю; с его завышенной самооценкой разница между мной и служителем показалась ему ничтожной.

Это похоже на религиозную манию, и скоро он, вероятно, вообразит себя Богом. Мелкие различия между людьми слишком незначительны для того, кто является Всемогущим. Как эти маньяки себя выдают! Ни одна малая птица не упадет на землю без воли Бога Истинного; но бог, порожденный людским тщеславием, не видит разницы между воробьем и орлом. О люди...

На протяжении получаса или даже больше Ренфилд все сильней и сильней возбуждался. Я не подал и виду, что слежу за ним, но все-таки очень внимательно его наблюдал: в его глазах внезапно появилось то хитрое выражение, которое мы замечаем обычно у сумасшедшего, когда он занят какой-нибудь определенной мыслью. Затем он сразу успокоился и обреченно уселся на краю кровати, уставившись в пространство тусклыми глазами. Я решил узнать, представляется ли он апатичным или на самом деле таков, и завел с ним разговор о его любимцах — тема, которая никогда не оставляла его равнодушным. Сначала он ничего мне не отвечал, потом сказал брезгливо:

— Да ну их всех! Я нисколько ими не интересуюсь.

— Что? — переспросил я.— Не хотите ли вы этим сказать, что не интересуетесь пауками? — Теперь пауки — его слабость, и его записная книжка заполняется столбиками цифр.

На это он загадочно ответил:

— Подружки невесты радуют взоры тех, кто ожидает невесту, но, когда невеста появится, они перестают их замечать.

Он не хотел объяснить значения своих слов и все время, что я у него пробыл, молча просидел на постели.

Я сегодня утомлен и подавлен. Думаю только о Люси и о том, как все могло быть иначе. Если сейчас же не усну, хлорал, современный Морфей,— $C_2HCl_3O \cdot H_2O$! Надо поостеречься, чтобы это не вошло в привычку. Нет, не стану ничего принимать сегодня! Я думал о Люси и не буду ее пятнать, смешивая две эти вещи. Бессонница — значит бессонница...

Рад, что дал себе это обещание, того больше рад, что сдержал его. Я ворочался в постели с боку на бок, когда услышал, что часы бьют еще только два,— тогда и пришел дежурный, посланный из палаты с сообщением, что Ренфилд сбежал. Я наскоро оделся и тотчас же спустился вниз; мой пациент слишком опасный человек, чтобы оставлять его на свободе. Его идеи могут плохо отразиться на посторонних. Служитель ждал меня. Он

сказал мне, что всего десять минут назад видел Ренфилда в дверной глазок спящим. Затем его внимание привлек звон разбитого стекла. Когда он бросился в комнату к Ренфилду, то увидел в окне только пятки и тотчас же послал за мной. Больной в одной ночной рубашке и, наверное, не успел убежать далеко. Дежурный решил, что лучше посмотреть и проследить, куда он пойдет, а то можно, выйдя из дому через дверь, потерять его из виду. Дежурный был слишком толст, чтобы пролезть в окно, а поскольку я худощав, то с его помощью легко пролез ногами вперед и спрыгнул на землю, так как окно не очень высоко. Служитель сказал мне, что пациент свернул налево, потом пустился напрямик, так что я побежал как можно быстрее вслед за ним. Миновав деревья, я увидел белую фигуру, карабкающуюся по высокой стене, которая отделяет наше владение от соседей. Я сейчас же вернулся и приказал дежурному немедленно позвать четырех служителей на тот случай, если больной в припадке буйства, и последовать за ним в Карфакс. Сам же я достал лестницу и перелез через стену вслед за беглецом. Я как раз увидел Ренфилда, исчезающего за углом дома, и погнался за ним. Он был уже далеко, и я увидел, как он прижался к обитой железом дубовой двери часовни. Он разговаривал с кем-то, а я боялся подойти, чтобы его не напугать, иначе он мог бы убежать. Гнаться за пчелиным роем — ничто в сравнении с погоней за полуголым сумасшедшим, когда ему взбредет в голову убежать. Вскоре я, однако, убедился в том, что он совершенно не обращает внимания на окружающее, и стал подходить к нему ближе, тем более что мои люди тоже уже перелезли через стену и окружили его. Я слышал, как он говорил: «Я здесь, господин мой, чтобы выслушать ваше приказание. Я ваш раб, и вы вознаградите меня, так как я буду вам верен. Я давно уже вас ожидаю. Теперь вы здесь, и я жду ваших приказаний и надеюсь, что вы меня не обойдете, дорогой мой господин, и наделите вашим добром».

Как бы там ни было, а он все-таки старый жадный нищий. Он думает о хлебах и рыбах, когда убежден, что перед ним Бог. Его мания представляет собой какой-то странный конгломерат. Когда мы его захватили, он боролся, как тигр. Он невероятно силен и больше походил на дикого зверя, чем на человека. Я никогда не видал сумасшедшего в таком припадке бешенства

и, надеюсь, больше никогда не увижу. Счастье еще, что мы захватили его вовремя. С его силой и решительностью он мог бы натворить много бед, прежде чем удалось бы его усмирить. Теперь он, во всяком случае, безопасен. Сам Джек Шеппард не смог бы освободиться от той смирительной рубашки, которой мы связали его, и он прикован к стене в комнате, обитой войлоком. Крики его по временам чудовищны, но еще страшнее молчание, ибо каждая его минута чревата мыслями об убийстве.

Только сейчас он произнес первые связные слова:

— Я буду терпеть, господин мой. Это грядет — грядет — грядет!

Сначала я был слишком возбужден, чтобы заснуть, но дневник успокоил меня, и я чувствую, что сегодня буду спать.

Глава IX

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

Будапешт, 24 августа.

Моя дорогая Люси!

Я знаю, что тебе очень хочется знать все, что произошло со мною с тех пор, как мы с тобой расстались на вокзале Уитби. Дороги я не заметила, так как страшно волновалась при мысли, каким-то я застану Джонатана, и, кроме того, зная, что мне предстоит ухаживать за ним, заранее выспалась... Вид, в котором я застала бедняжку, был ужасен: исхудалый, бледный, страшно ослабевший. Его глаза совершенно утратили свойственное Джонатану выражение решительности, а то поразительное спокойствие, которым, как я часто говорила тебе, дышало его лицо, теперь исчезло. От него осталась одна лишь тень, и он ничего не помнит из того, что с ним произошло за последнее время. Во всяком случае, он хочет, чтобы я так думала. Видно, он пережил страшное нравственное потрясение, и я боюсь, если он станет вспоминать о нем, это отразится на его рассудке. Сестра Агата — доброе существо и прирожденная сиделка — рассказывала мне, что в бреду он говорил об ужасных вещах. Я просила ее сказать мне, о каких именно, но она только перекрестилась и ответила, что никогда не в состоянии будет это передать, что

бред больного — тайна ото всех и если сестре милосердия и приходится услышать какую-нибудь тайну во время исполнения своих обязанностей, она не имеет права ее выдавать. Ласковая добрая душа, она на следующий день, видя мою тревогу, вернулась к прежней теме разговора. Снова отказавшись открыть то, о чем бредил бедняжка, сестра Агата добавила: «Хочу вас уверить, дорогая: речь не идет о каком-либо дурном поступке, и вы, которой предстоит стать его женой, можете ни о чем не беспокоиться. Он не забыл вас и своих обязанностей по отношению к вам. Его страх порожден столь великими и ужасными вещами, что ни один смертный не может о них рассуждать». Мне кажется, добрая душа думает, я буду ревновать, если узнаю, что мой бедняжка влюбился в какую-нибудь девушку. Ну и мысль — я ревную Джонатана! Хотя, дорогая, позволь признаться: сердце прыгает у меня в груди от радости, когда я узнала, что дело не в другой женщине. Он спит... Я сижу у его постели и смотрю на него. Вот он просыпается... Проснувшись, он попросил, чтобы подали его костюм, так как ему нужно было что-то достать из кармана. Я попросила сестру Агату, и она принесла все вещи Джонатана. Среди них я увидела его записную книжку. Мне очень хотелось попросить дать ее мне, так как я догадалась, что в ней найду разгадку всех его тревог. Вероятно, он прочел это желание на моем лице, так как вдруг попросил меня отойти к окну, сказав, что ему хочется остаться одному на короткое время. Чуть позже он позвал меня; когда я подошла, он с очень серьезным видом, держа свою записную книжку в руках, обратился ко мне со следующими словами:

«Вильгельмина,— я поняла, что он чертовски серьезен, ведь он не называл меня этим именем с тех пор, как сделал мне предложение,— ты знаешь, дорогая, мой взгляд на откровенность, которая должна царить в отношениях между мужем и женой: между ними не должно быть никаких тайн, никаких недомолвок. Я пережил сильное нравственное потрясение; когда я вспоминаю о случившемся, то чувствую, что у меня голова идет кругом, и я определенно не знаю, случилось ли все это со мной в действительности или же это бред сумасшедшего. Ты знаешь, что я перенес воспаление мозга, знаешь, что я был близок к тому, чтобы сойти с ума. Моя тайна здесь, в тетрадке, но я не хочу ее знать. Я хочу привести свою жизнь в порядок здесь —

при помощи нашего брака. Затем я хочу напомнить тебе, моя дорогая, что мы решили пожениться, как только все формальности будут выполнены. Хочешь ли ты, Вильгельмина, разделить со мной мое незнание? Вот моя тетрадь. Сохрани ее у себя, прочти ее, если хочешь, но никогда не говори со мной об этом; иначе, воистину, некий священный долг, о котором здесь написано, заставит меня — спящим или бодрствующим, в здравом рассудке или в безумии — вернуться к тем зловещим часам». Тут он в изнеможении упал на кровать, я же положила тетрадку ему под подушку и поцеловала его. Я попросила сестру Агату пойти к директору за разрешением назначить нашу свадьбу на сегодняшний вечер, и вот я сижу и жду ответа...

Она только что вернулась и сказала мне, что послали за священником Английской миссии. Мы венчаемся через час, то есть как только Джонатан проснется...

Милая Люси, вот и свершилось! Я настроена очень торжественно, но я очень, очень счастлива. Джонатан проснулся через час, даже чуть позже, когда все уже было приготовлено; его усадили на постели и обложили подушками, он произнес очень твердо и решительно свое «да, я согласен», я же едва была в состоянии говорить; мое сердце было так переполнено, что я еле выговорила несколько этих слов. Сестры были так добры ко мне. Господи! Я никогда, никогда не забуду ни их, ни торжественные и сладостные обязательства, принятые мною. Я должна тебе сообщить о своем свадебном подарке. Когда священник и сестрица оставили нас с мужем наедине,— о Люси, в первый раз пишу я это слово «муж»,— оставили нас с мужем наедине, я взяла из-под подушки дневник, завернула его в белую бумагу, перевязала кусочком бледно-голубой ленты, которую носила на шее, и запечатала узел воском, использовав в качестве печатки обручальное кольцо. Потом я поцеловала его и, показав мужу, сказала, что этот дневник послужит залогом нашей веры друг в друга; что я никогда не распечатаю его, разве только это придется сделать ради его собственного спасения или для исполнения какого-нибудь непреложного долга. Потом он взял мои руки и — Люси, ведь в первый раз он взял руки своей жены — сказал, что это самое дорогое в необъятном мире и что если бы пришлось, он был бы готов снова пережить прошлое, дабы получить такую награду. Бедняжка хотел ска-

зать — часть прошлого, однако он не мог еще говорить о времени, и я бы не удивилась, спутай он поначалу не только месяц, но и год.

Ну, дорогая, что я могла сказать? Я могла только говорить ему, что я счастливейшая женщина в необъятном мире и что мне нечего дать ему, кроме самой себя, своей жизни, своего доверия, а с ними любви и долга до конца моих дней. Тогда он поцеловал и обнял меня своими слабыми руками, и это было как бы торжественным залогом нашей будущей жизни...

Знаешь ли ты, дорогая Люси, почему я это тебе рассказываю? Не только потому, что все это мне столь близко, но потому, что ты всегда была мне дорога. Для меня было великой честью считаться твоим другом и советчиком тогда, когда ты, едва со школьной скамьи, вступила в жизнь. Я хочу поскорее увидеть тебя теперь, когда я так счастлива замужем. Я хочу, чтобы ты была так же счастлива, как я. Дорогая моя, да пошлет тебе Всемогущий Бог такое же счастье на всю жизнь, да протечет вся твоя жизнь безоблачно, полная безмятежного счастья! Не в моих силах пожелать тебе не испытывать горестей, потому что так не бывает; но в моих силах надеяться, что ты *всегда* будешь так же счастлива, как я *теперь*. До свидания, моя дорогая. Я отправлю письмо сейчас же и, возможно, очень скоро напишу снова. Я заканчиваю: Джонатан просыпается — я должна позаботиться о своем муже!

Вечно любящая тебя

Мина Харкер.

ПИСЬМО ЛЮСИ ВЕСТЕНРА МИНЕ ХАРКЕР

Уитби, 30 августа.

Моя дорогая Мина,

океаны любви и миллионы поцелуев и пожелание тебе оказаться скорее в собственном доме с мужем. Добраться быстрее домой и остаться здесь с нами. Живительный воздух скоро восстановит силы Джонатана, как почти восстановил мои. У меня аппетит, как у баклана, я полна любви, сон — здоровый. Тебе будет приятно узнать, что я почти избавилась от своих прогулок во сне. По-моему, я уже неделю не покидала постель, то

есть когда забиралась в нее вечером. По словам Артура, я толстею. Кстати, я забыла сказать, что Артур здесь. У нас такие прогулки, поездки в экипаже и верхом, катание на лодке, и теннис, и рыбалка; и я люблю его более, чем когда-либо. Он говорит мне, что любит меня еще больше, но я сомневаюсь, поскольку прежде он говорил, что не сможет любить меня больше, чем уже любит. А это — чепуха. Вот он зовет меня. И в данный момент более ничего от любящей тебя

Люси.

P. S. Матушка передает приветы. Бедняжка, она чувствует себя лучше.

P. P. S. Мы намереваемся венчаться 28 сентября.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

20 августа.

Болезнь Ренфилда протекает все интереснее. Он теперь настолько успокоился, что даже его одержимость на время отступила. Первую неделю после того ужасного припадка он пребывал в невероятно буйном состоянии. В конце недели, ночью, как раз в полнолуние, он вдруг успокоился и начал бормотать про себя:

— Теперь я могу ждать; теперь я могу ждать.

Служитель пришел доложить об этом, и я немедленно зашел к пациенту; он все еще был в смирительной рубашке и находился в обитой войлоком комнате буйного отделения, но выражение лица его стало спокойнее, а в глазах появилось прежнее выражение извиняющейся, я бы даже сказал — льстивой ласковости. Я остался вполне доволен его видом и тотчас же распорядился, чтобы его освободили. Служители колебались, но в конце концов исполнили мое приказание. Удивительнее всего то, что у пациента оказалось достаточно юмора, чтобы заметить их колебания. Он подошел ко мне вплотную и прошептал, глядя на них украдкой:

— Они боятся, что я вас ударю! Подумайте только: чтобы я ударил вас! Глупцы!

Моему тщеславию, конечно же, льстило, что даже бедный безумец отличает меня от остальных, но тем не менее я не мог

проникнуть в его мысли. Следовало ли это понимать так, что меня с ним соединяет некая общность и мы должны держаться вместе, или блага, которые он рассчитывал получить от меня, представлялись ему столь изумительными, что мое благополучие ему было прямо-таки необходимо? Позднее я в этом обязательно разберусь.

Больше он сегодня вечером не пожелал разговаривать. Даже предложение котенка или большой кошки не могло его соблазнить. Он ответил:

— Я не признаю взяток в виде кошек; у меня есть многое другое, о чем нужно подумать, и я могу подождать; да, я могу подождать.

Чуть позже я его покинул. Служитель говорит, что он был спокоен до рассвета, потом вдруг начал волноваться и наконец впал в буйство, которое закончилось конвульсиями, после чего он погрузился в своего рода кому.

Три ночи повторяется с ним то же самое: буйное состояние в течение всего дня, потом спокойствие с восхода луны до восхода солнца. Как бы мне хотелось иметь ключ к разгадке этого явления! Кажется, будто что-то систематически влияет на его состояние... Удачная мысль! Сегодня ночью мы устроим ловушку нашему сумасшедшему. Раньше он убежал против нашей воли; теперь же мы ему сами подстроим побег. Мы дадим ему возможность убежать, но люди будут следовать за ним по пятам на случай несчастья.

23 августа.

«Всегда случается то, чего меньше всего ожидаешь». Как замечательно Дизраэли знал жизнь! Наша птичка, найдя свою клетку открытой, не захотела улетать, так что все наши хитроумные планы разлетелись в пух и прах. Во всяком случае, одно нам стало ясно, а именно что беспокойный период у него вполне определенный. И мы поэтому сможем в будущем освобождать его на несколько часов каждый день. Я отдал дежурному служителю распоряжение водворять Ренфилда за час до восхода солнца в обитую войлоком комнату: пусть хоть тело этой бедной больной души наслаждается покоем, которым не может пользоваться дух его... И вот новая неожиданность! Меня зовут: больной опять сбежал!

Позднее.

Еще одно ночное приключение. Ренфилд дождался того момента, когда дежурный отвернулся, и, улучив минуту, незаметно ускользнул. Я велел служителям разыскать его. Мы застали его на прежнем месте, у дубовой двери старой церкви. Увидев меня, он пришел в бешенство. Не схвати его служители вовремя, он, наверное, убил бы меня. В то время, когда мы его схватили, случилось нечто странное. Он удвоил сопротивление, желая освободиться, но вдруг совершенно затих. Я инстинктивно оглянулся, но ничего не заметил. Тогда я проследил за взором больного: оказалось, он пристально глядел на освещенное луной небо; я не заметил ничего подозрительного, разве только большую летучую мышь, молчаливо, словно призрак, летевшую на запад. Летучие мыши обычно покружатся и улетают, а эта двигалась строго в одном направлении, будто стремилась к цели или имела какое-то особое намерение. Больной наш становился все спокойнее и наконец произнес:

— Вам незачем связывать меня; я и так не стану вырываться.

Мы дошли домой совершенно спокойно. Я чувствую, что в этом спокойствии таится что-то зловещее, и не забуду этой ночи...

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

Гиллингем, 24 августа.

Мне надо последовать примеру Мины и записывать все, а потом, при встрече, мы сможем вдосталь наговориться. Желала бы я знать, когда же это наконец будет. Хотелось бы, чтобы она опять была со мною! Чувствую я себя очень несчастной. Прошлой ночью мне снилось опять то же, что и тогда в Уитби. Быть может, это следствие перемены климата, или же возвращение домой так на меня подействовало, что все в моей голове смутно, мысли перепутались, я ничего не могу припомнить, но чувствую непонятный страх и страшную слабость. Артур пришел к завтраку и, увидев меня, ужаснулся, а у меня не хватило силы воли притвориться веселой. Может быть, мне удастся лечь спать сегодня в спальне мамы; я извинюсь и попробую ее уговорить.

25 августа.

Опять плохая ночь. Мама не согласилась на мою просьбу. Ей самой очень плохо, и она, без сомнения, боялась, что помешает мне спать. Я старалась бодрствовать, и некоторое время мне удавалось не засыпать; но в полночь с боем часов я заснула. За окном кто-то шумел — слышался точно шелест больших крыльев; насколько я помню, я не обратила на это внимания и вскоре, кажется, заснула. Снова кошмары. Хоть бы вспомнить какие! Сегодня я очень слаба. Мое лицо бледно, как у призрака. Кроме того, у меня болит шея. По-видимому, что-то неладное случилось с моими легкими, так как мне не хватает воздуха. Я все-таки постараюсь как-нибудь скрыть мое состояние от Артура, а то мой вид его огорчит.

ПИСЬМО АРТУРА ХОЛМВУДА ДОКТОРУ СЬЮАРДУ

Гостиница «Албемарль», 31 августа.

Дорогой Джек!

Очень прошу вас оказать мне услугу. Люси нездорова. Ничего определенного нет, но выглядит она ужасно и с каждым днем все хуже. Я расспрашивал ее о том, что с ней; с ее матерью я не решаюсь говорить об этом, так как тревожить ее, при ее состоянии здоровья, нельзя. Это может иметь для нее роковые последствия. Миссис Вестенра призналась мне, что ее участь решена: у нее сильнейший порок сердца, хотя бедняжка Люси об этом еще не знает. А между тем я чувствую, как что-то угрожает рассудку моей девочки. Я схожу с ума, когда думаю о ней; мне больно даже взглянуть на нее. Я сказал ей, что попрошу вас ее осмотреть. Сначала она ни за что не хотела,— я догадываюсь почему, старый дружище,— но в конце концов все-таки согласилась. Я понимаю, друг мой, как тяжело вам это будет делать, но во имя ее спасения я без колебаний прошу вас, и вы должны взять на себя ее лечение. Приезжайте в Гиллингем завтра на обед, к двум часам, чтобы не возбудить подозрения миссис Вестенра; после обеда Люси найдет какой-нибудь предлог остаться с вами наедине. Я приду к чаю, а затем мы можем вместе уйти. Я очень взволнован ее болезнью и хочу знать всю правду от вас, после того как вы проведете осмотр. Не подведите!

ТЕЛЕГРАММА АРТУРА ХОЛМВУДА СЬЮАРДУ

1 сентября.

Отцу плохо. Вызван к нему. Подробности письмом. Напишите подробнее и отправьте письмо ночной почтой в Ринг. Если необходимо, телеграфируйте.

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮАРДА АРТУРУ ХОЛМВУДУ

2 сентября.

Мой дорогой друг!

Что касается здоровья мисс Вестенра, спешу уведомить, что я не нашел ничего угрожающего, не нашел даже намека на какую-либо известную мне болезнь. Но в то же время я чрезвычайно недоволен ее видом; она очень переменилась к худшему с момента нашей последней встречи. Конечно, вы должны учесть, что мне не удалось осмотреть ее так, как следовало бы,— этому мешают наши дружеские и светские отношения. Поэтому я решил подробно описать вам то, что происходило, предоставляя вам сделать собственные выводы и принять надлежащие меры. Итак, слушайте, что я предпринял и что полагаю предпринять сделать.

Мисс Вестенра, когда я пришел, выглядела веселой. Мать ее была тут же, и через несколько мгновений я понял, что она всячески старалась обмануть свою мать, желая уберечь ее от волнений. Без сомнения, она догадывается или даже знает, зачем нужны подобные предосторожности. Мы обедали одни и поскольку совершенно выбивались из сил, чтобы казаться беззаботными, в награду позабыли о своих заботах. После завтрака миссис Вестенра отправилась отдохнуть, и мы остались с Люси

наедине. Мы направились в ее комнату, и, пока мы шли, она продолжала представляться веселой, так как прислуга сновала туда и сюда. Как только дверь закрылась, она сбросила с себя маску веселья, упала в изнеможении в кресло и закрыла лицо руками. Когда я увидел, что все ее веселье исчезло, я тотчас же воспользовался этим, чтобы заняться обследованием. Она очень ласково сказала: «Я не могу выразить, как мне противно распространяться о себе». Я напомнил ей, что для врача все тайны, какие ему доверены, святы, но что вы очень беспокоитесь о ней. Она поняла, на что я намекаю, и разом разрешила все затруднения: «Расскажите Артуру все, что сочтете нужным. Я забочусь не о себе, а только о нем!» Так что я свободен от обязательств.

Мне нетрудно было убедиться в том, что она малокровна, хотя это и поразило меня, потому что обычных признаков малокровия не было. Кроме того, мне совершенно случайно удалось исследовать состав ее крови, так как Люси, стараясь открыть окно, слегка порезала себе руку разбившимся стеклом. Порез сам по себе был совершенно незначителен, но это дало мне возможность собрать несколько капель крови для анализа — состав крови оказался нормальным; я бы сказал, что, судя по составу крови, ее здоровье великолепно. Физическим состоянием Люси я остался доволен, так что с этой стороны опасаться нечего, но так как причина ее нездоровья должна же где-нибудь крыться, то я пришел к убеждению, что тут все дело в нравственном самочувствии. Люси жалуется на затрудненное дыхание, которое, к счастью, мучает ее лишь временами; кроме того, на тяжелый, как бы летаргический сон с кошмарными сновидениями, которые ее пугают, но которых она никогда не помнит. Она говорит, что, будучи ребенком, она ходила во сне и что в Уитби эта привычка снова вернулась. Так, однажды она даже взобралась на Восточный утес, где мисс Мюррей ее и нашла; но она уверяет меня, что это с ней больше не повторяется. Я в полном недоумении, поэтому решился на следующий шаг: я списался с моим старым учителем и добрым другом профессором Ван Хелсингом из Амстердама, который великолепно разбирается в сомнительных случаях, и просил его приехать. А так как вы меня предупредили, что берете все на себя, то я нашел нужным посвятить его в ваши отношения с мисс Вестенра. Сде-

лал я это, исключительно покоряясь вашему желанию, мой дорогой, так как я сам был бы горд и счастлив сделать для нее все. Ван Хелсинг из личного ко мне расположения готов прийти к нам на помощь и сделать все возможное. Но независимо от причины, по которой он согласился приехать, мы заранее должны быть готовы подчиниться его требованиям. Он очень самоуверенный человек, но вызвано это только тем фактом, что он действительно необыкновенный врач. Он философ и метафизик и вместе с тем выдающийся ученый. Кроме того, это человек большого ума. У него железные нервы, спокойствие духа впору айсбергу, невероятно решительная натура, великая сила воли и терпение, исчерпываемое из добродетели молитвы, добрейшее и преданнейшее сердце, какое билось когда-либо,— вот что составляет его снаряжение в благородном деле, которое он вершит на благо человечества и в теории, и на практике, потому что его воззрения столь же широки, как и его всеобъемлющая доброжелательность. Я пишу вам об этом для того, чтобы стало понятно, почему я так ему доверяю. Я попросил его приехать сейчас же. Завтра я опять увижусь с мисс Вестенра. Она встретит меня у торговых рядов, так что мне не придется вновь беспокоить ее мать своим визитом.

Вечно ваш

Джон Сьюард.

ПИСЬМО АБРАХАМА ВАН ХЕЛСИНГА, Д. М., Д. Ф., Д. Л., И Т. Д., И Т. П., ДОКТОРУ СЬЮАРДУ

2 сентября.

Мой добрый друг!

Получив ваше письмо, я тотчас же собрался в дорогу. К счастью, мне удастся выехать, не причиняя этим никакого ущерба тем, кто мне доверился. В противном случае я все равно оставил бы их, потому что еду к другу, чтобы помочь тем, кто ему дорог. Объясните вашему приятелю, что, высосав трупный яд из моей раны, образовавшейся от случайного удара ножом нашего общего чересчур нервного друга, вы сделали для него огромное

дело. Если ему нужна моя помощь и вы об этом просите, мне ваш зов дороже, чем все его состояние. Помочь вашему приятелю доставит мне удовольствие, но дополнительное: еду я все-таки к вам. Окажите любезность приготовить для меня комнату в «Большой Восточной гостинице», чтобы я находился поблизости от больной; кроме того, устройте так, чтобы я мог увидеть юную леди завтра же, так как очень может быть, мне придется вернуться домой в ту же ночь. Если будет нужно, я смогу приехать снова через три дня и тогда пробуду у вас больше, а пока — до свидания, друг мой Джон.

Ван Хелсинг.

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮАРДА ДОСТОПОЧТЕННОМУ АРТУРУ ХОЛМВУДУ

3 сентября.

Мой дорогой Арт!

Ван Хелсинг уже был здесь и уехал. Он вместе со мной отправился в Гиллингем. Благодаря предосторожности Люси мать ее завтракала вне дома, и мы застали ее одну. Ван Хелсинг очень внимательно и подробно обследовал пациентку, потом он подробно все передал мне, а я докладываю вам, ибо, разумеется, не все время присутствовал при обследовании больной. После осмотра пациентки он был очень озабочен и сказал, что должен подумать. Когда я ему сообщил о той большой дружбе, которая связывает нас с вами, и о вашем доверии ко мне, он ответил: «Вы должны сказать ему все, что думаете по этому поводу; передайте ему также и мое мнение, если сочтете нужным. Нет, я не шучу. Это не шутка, а вопрос жизни и смерти, если не больше». Я спросил его, что он этим хочет сказать, так как видел, что он говорит очень серьезно. Разговор происходил, когда мы уже вернулись в город и он пил чай, прежде чем отправиться в Амстердам. Он не дал мне никакого ключа к разгадке; но вы не должны на него сердиться, Арт, так как его молчание служит лишь признаком того, что его мозг деятельно работает, желая разобраться в этом случае и помочь Люси. Он достаточно подробно все разъяснит, когда настанет время, уж будьте

уверены. Поэтому я ответил ему, что опишу наш визит во всех деталях, как если бы сочинял специальную статью для «Дейли телеграф». Он сделал вид, что не понял, но отметил, что непристойности в Лондоне не столь дурны, как в те времена, когда он здесь учился. Отчет был бы у меня завтра, если бы Ван Хелсинг имел возможность его составить. Как бы то ни было, пишу письмо.

Вот подробный отчет о нашем посещении. Люси была жизнерадостней, чем тогда, когда я увидел ее впервые, и выглядела, безусловно, лучше. Нет того ужасного вида, который вас так взволновал, да и дыхание стало нормальным. Она была очень мила с профессором (по всегдашнему обыкновению) и старалась делать все, что в ее силах, чтобы профессор чувствовал себя свободно и хорошо, хотя это удавалось ей с большим трудом. Мне кажется, Ван Хелсинг это заметил, ибо его выдал знакомый мне быстрый взгляд из-под густых бровей. Затем он начал болтать о посторонних вещах,— вообще он говорил обо всем, кроме нас самих и болезней, и так искусно развлекал ее, что ее притворное веселье вскоре сделалось искренним. Понемногу, совершенно незаметно он сменил тему, перевел разговор на причину своего приезда и сказал нежно и ласково:

«Дорогая моя юная мисс, мне чрезвычайно приятно видеть, что вас так любят. Это очень много значит в жизни. Они сказали мне, что у вас плохое настроение и вы невероятно бледны. Я говорю им: "Ну нет!" — Он прищелкнул пальцами и продолжал: — И мы с вами покажем, как они не правы. Но где же ему,— и он взглянул на меня тем же взглядом и с тем же жестом, каким когда-то указывал на меня в аудитории и, чуть позже, в том особом случае, о котором не переставал мне напоминать,— где ж ему знать молодых леди! Он занят своими сумасшедшими, возвращает им по возможности здоровье, а значит, и счастье тем, кому они дороги. Тут требуется много труда, но зато мы испытываем и радость, и удовлетворение от мысли, что можем дать такое счастье. Ну а в молодых леди он ничего не понимает; у него нет ни жены, ни дочери, да и не дело молодежи судить молодежь, это дело таких стариков, как я, который так заботится о них и тревожится. Итак, моя дорогая, пошлем-ка его в сад покурить, а сами поболтаем наедине». Я понял намек и пошел прогуляться; чуть позже профессор подошел к окну и

позвал меня. Вид у него был очень суровый; он сказал: «Я ее хорошенько прослушал и осмотрел, но не обнаружил никаких болезненных процессов. Я с вами согласен, она потеряла много крови, но это было раньше; во всяком случае, она отнюдь не малокровна. Я попросил ее позвать служанку, мне хочется задать ей несколько вопросов, чтобы кое-что для себя уяснить, так как в данном случае важно знать все. Я прекрасно знаю, что она скажет, но ведь должна же существовать какая-нибудь причина; без причины ничего не бывает. Мне придется дома все хорошенько обдумать. Прошу ежедневно посылать мне телеграммы; если будет необходимо, я приеду снова. Болезнь — потому что быть не в порядке значит болеть — меня очень интересует; эта очаровательная юная леди меня также интересует. Она меня просто очаровала, и я непременно приеду ради нее, даже если не ради тебя и не ради болезни».

Как я уже говорил, больше он не сказал бы ни слова, даже если бы мы были совершенно наедине. Теперь, Арт, вам известно столько же, сколько мне. Я буду зорко следить за нашей пациенткой. Надеюсь, ваш отец поправляется. Я понимаю, старый друг, каково вам теперь: больны два человека, которые вам одинаково дороги. Я знаю ваш взгляд на сыновний долг — вы правы, исполняя его; но все же, если понадобится, я немедленно вам напишу, чтобы вы приехали к Люси; так что вам незачем очень волноваться, если я вас не вызываю.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

4 сентября.

Пациент зоофаг все еще продолжает меня интересовать. У него был всего один припадок; это случилось вчера в необычное время. Как раз перед восходом солнца им начало овладевать беспокойство. Служитель был знаком с этими симптомами и сейчас же позвал на помощь. К счастью, люди прибежали вовремя, так как с восходом солнца он стал настолько буйным, что им пришлось употребить все свои силы, чтобы его удержать. Но через пять минут он стал постепенно успокаиваться и в конце концов впал в какую-то меланхолию, в которой пребывает и посейчас. Служитель говорит мне, что его вопли во время конвульсий были действительно пугающими; когда я обслуживал других пациентов, у меня оказалось полно забот с теми, кто был им напуган. На самом деле я вполне понимаю этот эффект, потому что вопли вызывали беспокойство даже у меня, хотя я находился в некотором удалении. Сейчас уже прошло время послеобеденного отдыха, а пациент все еще сидит в углу, погруженный в молчаливые размышления, с тупым, угрюмым, горестно-блуждающим выражением на лице, которое скорее на что-то намекает, чем показывает прямо. Я не могу вполне понять это.

Позднее.

Новая перемена в моем больном. В пять часов я заглянул к нему, и он казался таким же счастливым и довольным, как всегда. Он снова ловил мух и глотал их, делая каждый раз отметку ногтем на двери. Увидев меня, он подошел и извинился за свое дурное поведение; потом очень покорно, льстиво попросил меня перевести его обратно в его комнату и вернуть ему записную книжку. Я решил, что следует подбодрить его, поэтому перевел его обратно в комнату с открытым окном. Он снова насыпал сахар на подоконник и наловил целый рой мух.

Он их больше не ест, а собирает в коробку, как раньше, и уже осматривает углы комнаты в поисках пауков. Я старался заставить его поговорить о последних нескольких днях, потому что любой ключ к его мыслям сослужил бы мне неизмеримую пользу, но он не поднимался. Одну или две секунды он смотрел очень печально, а затем произнес голосом как бы отдаленным, словно обращаясь скорее к себе, чем ко мне:

— Все кончено! Все кончено! Он оставил меня. Не на кого мне теперь надеяться, кроме себя самого!

Потом, неожиданно повернувшись ко мне с решительным видом, он сказал:

— Доктор, не будете ли вы так любезны и не дадите ли еще немного сахара? Думаю, он бы пригодился мне.

— И мухам? — спросил я.

— Да! Мухи тоже любят его, а я люблю мух; поэтому я люблю его.

А ведь есть люди столь невежественные, что отрицают у сумасшедших способность аргументированно рассуждать! Я выдал ему двойную порцию и оставил таким счастливым, каких, полагаю, не много людей на свете. Хотелось бы мне проследить ход его рассуждений.

Полночь.

Снова перемена в нем. Я навестил Люси, которую застал в хорошем состоянии, и, вернувшись назад, остановился у нашей калитки, чтобы полюбоваться на закат, как вдруг опять услышал его вопль. Так как его комната выходит именно на эту сторону, я слышал все яснее, чем утром. Это больно ударило меня по нервам, этот переход от восхищения великолепным лондонским закатом с его яркими цветами и роскошными красками, оживляющими мрачные тучи и темную воду,— к ужасной суровой действительности моего холодного каменного здания, полного трепещущего горя и всего того, что так тяготит мою душу. Я попал к нему, как раз когда солнце садилось. Из его окна был виден красный диск солнца. По мере того как солнце заходило, бешенство Ренфилда постепенно уменьшалось; как только солнце совсем зашло, больной выскользнул из рук тех, кто его держал, на пол — инертной массой. Удивительно, однако, какой сильной бывает реакция у сумасшедших: через каких-нибудь пять минут он опять спокойно стоял на ногах и озирался вокруг. Я сделал служителям знак не держать его, так как мне было интересно видеть, что он предпримет. Он подошел к окну и выбросил остатки сахара, затем взял коробку с мухами, выпустил пленниц и выкинул коробку в окно, после чего закрыл окно и сел на кровать. Все это удивило меня, и я спросил:

— Разве вы больше не будете разводить мух?

— Нет,— ответил он,— вся эта дрянь мне надоела!

Вот поразительный тип! Хотелось бы мне разобраться в складе его ума или же постичь причину его внезапных перемен... Стойте! Разгадка, кажется, уже найдена,— если бы только узнать, почему его били конвульсии в полдень и при заходе солнца. Неужели солнце в определенные периоды дурно или, вернее, возбуждающе влияет на некоторые натуры, подобно луне? Посмотрим!

ТЕЛЕГРАММА СЬЮАРДА, ЛОНДОН, ВАН ХЕЛСИНГУ, АМСТЕРДАМ

4 сентября.

Пациентке сегодня значительно лучше.

ТЕЛЕГРАММА СЬЮАРДА, ЛОНДОН, ВАН ХЕЛСИНГУ, АМСТЕРДАМ

5 сентября.

Пациентке гораздо лучше. Хороший аппетит, спокойный сон. Весела. Румянец возвращается.

ТЕЛЕГРАММА СЬЮАРДА, ЛОНДОН, ВАН ХЕЛСИНГУ, АМСТЕРДАМ

6 сентября.

Ужасная перемена к худшему. Приезжайте немедленно. Я не стану телеграфировать Холмвуду, пока не увижусь с вами.

Глава X

ПИСЬМО ДОКТОРА СЬЮАРДА ДОСТОПОЧТЕННОМУ АРТУРУ ХОЛМВУДУ

6 сентября.

Мой дорогой Арт!

Мои сегодняшние новости не особенно хороши. Нынешним утром Люси выглядела заметно осунувшейся. С одной стороны, это оказалось неплохо, а именно: испуганная видом Люси, миссис Вестенра обратилась ко мне за советом. Я воспользовался этим и сказал, что Ван Хелсинг, мой старый учитель, знаменитый диагност, как раз приезжает ко мне в гости и я совместно с ним займусь здоровьем ее дочери. Так что теперь мы можем свободно действовать, не возбуждая ее подозрений, что, при ее

болезни, могло бы вызвать ее смерть. Нас окружают трудности, всех нас, дорогой друг, но с Божьей помощью мы их преодолеем, а для Люси, при ее болезни, это было бы гибельным. Если случится что-нибудь непредвиденное, я сейчас же напишу вам, так что мое молчание примите как знак того, что все в порядке и что я жду новостей. В спешке вечно ваш,

Джон Сьюард.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

7 сентября.

Ван Хелсинг приехал снова. Прежде всего он спросил, сообщил ли я Артуру все симптомы болезни Люси. Я ответил отрицательно:

— Я ждал, пока не увижусь с вами, как и сообщал в телеграмме. Я только написал ему, что вы прибываете, поскольку мисс Вестенра нездоровится, и что в случае необходимости я дам ему знать.

— Правильно, мой друг,— сказал Ван Хелсинг,— очень правильно! Лучше, чтобы он пока не знал; возможно, он и никогда не узнает. Я молюсь об этом, но, если понадобится, он узнает все. И, дорогой Джон, позвольте предостеречь вас. Вы имеете дело с безумцами. Все люди безумны на тот или иной манер, и как вы поступаете со своими безумцами, так поступайте и с остальным Божьим миром. Вы ведь не говорите, что у вас на уме. Значит, вы храните знания в подобающем месте, там, где они могут пребывать, набирать силу и давать приплод. То, что мы знаем, нам до времени придется хранить здесь и здесь.— Сначала он прикоснулся к моим сердцу и лбу, а потом к своим.— Сейчас я придержу мои соображения при себе, а позже изложу их вам.

— Почему же не теперь? — спросил я.— Это может принести пользу: мы бы пришли к какому-нибудь заключению.

Он остановился, взглянул на меня и сказал:

— Друг мой Джон, когда зерно еще только растет и не успело созреть, когда оно еще полно млеком матери-земли и солнце не разукрасило его своей золотой краской, то и тогда хороший хозяин сорвет колос, потрет его в грубых руках, вы-

бросит зеленую мякину и скажет: «Взгляни! Это хорошее зерно, и, когда приспеет время, оно даст добрый урожай».

Я признался, что не понял иносказания. Вместо ответа он приблизился, взял меня за ухо, шутя подергал, точь-в-точь как когда-то на занятиях, и сказал:

— Хороший хозяин говорит так, когда знает, но не раньше. Однако вы не увидите, как хороший хозяин выкапывает посеянное, чтобы посмотреть, прорастает ли оно; это занятие для детей, которые играют в крестьян, а не для настоящих крестьян. Теперь понятно, дорогой Джон? Я посеял зерно, и природа принялась его взращивать; есть надежда, что оно вырастет; а я подожду, пока колос начнет наливаться.

Он прервался, воочию убедившись, что я понял. Потом продолжил, причем очень торжественно:

— Вы всегда были старательным учеником, и ваш книжный шкаф был полон. Вы были только учеником, а теперь вы — мэтр, но, надеюсь, вы не изменили доброй привычке. Помните, друг, знания надежнее памяти, и нам не следует полагаться на то, что слабее. Даже если у вас не было соответствующей практики, поверьте мне, случай с Люси, может быть,— обратите внимание, я говорю, может быть,— явится одним из наиболее интересных в мировой медицине. Записывайте дальнейший ход болезни самым тщательным образом. Незначительных деталей здесь нет. Советую фиксировать даже сомнения и догадки. Потом, возможно, вам будет интересно посмотреть, правильно ли вы угадали. Мы учимся не на успехах, а на неудачах!

Когда я описывал симптомы болезни Люси — те же, что и прежде, но нам куда более заметные,— он помрачнел, но ничего не сказал. С собой у него была сумка со множеством инструментов и снадобий, «ужасными пожитками нашего благодетельного ремесла», как он назвал на одном занятии снаряжение мастера врачебного дела.

Когда мы пришли, миссис Вестенра вышла тотчас же к нам навстречу. Она была встревожена, но не до такой степени, как я ожидал. Природа, будучи в благодетельном настроении, заставила смерть таить в себе самой противоядие против собственных ужасов. Теперь, когда любое потрясение могло оказаться роковым, так получилось, что по той или иной причине все, не касавшееся ее лично,— даже ужасная перемена в дочери, к ко-

торой она была столь привязана,— казалось, не доходило до нее. Словно бы Госпожа Природа обернула отчужденное тело в нечувствительную ткань, предохраняющую от повреждений, которые иначе появились бы при непосредственном соприкосновении. Если эта забота о себе предустановлена, нам не следует опрометчиво обвинять кого-либо в пороке эгоизма, потому что в данном случае причины могут быть куда глубже, чем мы себе представляем.

Использовав свои познания об этой ступени душевной патологии, я заключил, что миссис Вестенра не будет сидеть с Люси или думать о ее болезни сверх необходимого. Она смирилась, причем смирилась с такой готовностью, что тут было нетрудно распознать длань Природы, сражавшейся за жизнь. Нас с Ван Хелсингом провели в комнату Люси. Если вчера ее вид потряс меня, то сегодня привел в ужас. Она была бледна как призрак; краска сошла даже с губ и десен, щеки ввалились, а скулы сильно выдавались; мучительно было смотреть и слушать, с каким трудом она дышит. Лицо Ван Хелсинга окаменело, а брови сошлись на переносице. Люси лежала без движения и, по-видимому, была не в силах говорить, так что некоторое время мы все молчали. Затем мы осторожно вышли из комнаты. Как только дверь за нами закрылась, Ван Хелсинг быстро прошел по коридору к следующей двери, которая оказалась открытой. Мы вошли туда. Он торопливо закрыл дверь и воскликнул:

— Боже мой, это ужасно! Нельзя терять ни минуты. Она умрет! У нее так мало крови, что нужно немедленно сделать переливание. Кто из нас подойдет, вы или я?

— Я моложе и здоровее, профессор. Мне нужно это сделать.

— В таком случае сейчас же приготовьтесь; я принесу свою сумку и приму надлежащие меры.

Я пошел вместе с ним, и, спускаясь вниз по лестнице, мы услышали стук в дверь; когда мы дошли до передней, то увидели, как служанка открыла дверь и впустила Артура. Он бросился ко мне и сказал нетерпеливо:

— Джон, я очень беспокоился. Я читал между строками вашего письма и словно бился в агонии; а так как отцу лучше, то я и примчался сюда, чтобы самому увидеть, в чем дело. Этот джентльмен — доктор Ван Хелсинг? Я так благодарен вам, сэр.

Сначала профессор рассердился, что в такой момент ему помешали; но затем, приглядевшись к Артуру и увидев, каким крепким сложением и великолепным здоровьем тот обладает, он переменил гнев на милость и, держа его руки в своих, обратился к нему с чрезвычайно серьезным видом:

— Сэр! Вы приехали как раз вовремя. Вы жених нашей дорогой мисс? Она плоха, очень, очень плоха... Нет, дитя мое, так нельзя,— прервал сам себя профессор, заметив, что тот внезапно побледнел и, близкий к обмороку, упал в кресло.— Вы должны ей помочь. Вы можете сделать больше, чем кто-либо из нас, и ваше мужество — ваша лучшая помощь.

— Что же я могу сделать? Скажите, и я исполню,— хрипло произнес Артур.— Моя жизнь принадлежит ей, и я готов отдать ей свою кровь до последней капли.

— Мой юный сэр, я не требую от вас так много,— возразил профессор, иронически улыбнувшись, и я, давно его зная, распознал причину этой иронии в его ответе: — Не до последней!

— Что я должен делать? — В глазах Артура пылал огонь, а ноздри дрожали от возбуждения.

Ван Хелсинг ударил его по плечу.

— Пойдемте,— сказал он.— Вы молодой и, слава богу, очень здоровый человек. Вы здоровее меня, здоровее моего друга Джона.— Артур явно ничего не понимал, и профессор продолжил свои объяснения: — Юная мисс плоха, ей нужна кровь, иначе она умрет. Мы с Джоном только что посоветовались и решили произвести так называемую трансфузию крови — перелить кровь из полных вен в пустые, которые без нее чахнут. Джон собирался дать свою кровь, так как он моложе и сильнее меня,— тут Артур взял мою руку и молча пожал ее,— но теперь вы здесь. Вы лучше нас, старых и молодых, которым приходится заниматься умственным трудом. Наши нервы не так крепки, а кровь не так ярка, как ваша.

Артур повернулся и ответил ему:

— Если б вы только знали, с какой охотой я отдал бы за нее жизнь, вы бы поняли...

Он замолчал, так как голос его от волнения сорвался.

— Милый мальчик,— сказал Ван Хелсинг,— в скором времени вы будете счастливы, что сделали все для спасения той, которую любите. Идем же и успокойтесь. Вы можете перед тем

еще раз ее поцеловать, но потом вам придется уйти — я дам вам знак. Не говорите мадам ни слова: вы знаете, как с ней обстоит дело! Тут даже потрясения не потребуется — хватит одного известия об этом. Идемте!

Мы направились наверх к Люси. Артур остался за дверью. Люси посмотрела на нас, но ничего не сказала. Она не спала, но просто была слишком слаба. Только глаза ее говорили. Ван Хелсинг вынул несколько предметов из своего чемодана и положил их подальше на столик. Затем он приготовил снотворное и, подойдя к кровати, ласково сказал:

— Вот, маленькая мисс, ваше лекарство. Выпейте это, будьте хорошей девочкой. Я помогу вам сесть, чтобы легче было его проглотить. Ну вот!

Она с трудом проглотила лекарство, которое долго не действовало. Причиной тому, в сущности, была ее чрезмерная слабость. Время тянулось бесконечно долго, пока сон все-таки не стал ее одолевать. В конце концов снотворное подействовало, и Люси заснула глубоким сном. Профессор был вполне удовлетворен и, позвав Артура в комнату, попросил его снять сюртук. Затем он добавил:

— Вы можете ее поцеловать, пока я переставлю стол на место. Джон, дружок, помогите мне.

Таким образом, никто не подсматривал, как Артур наклонился к ней.

Ван Хелсинг, повернувшись ко мне, сказал:

— Он так молод и силен и кровь столь чиста, что даже нет надобности ее обрабатывать.

Затем Ван Хелсинг приступил к операции и сделал ее с невероятной быстротой. Во время трансфузии казалось, будто жизнь снова возвращается к бедной Люси, лицо же Артура становилось все бледнее, хотя оно и сияло от невыразимой радости. Позднее я стал волноваться, потому что потеря крови сказывалась на Артуре, хотя он и был сильным мужчиной.

Но какой ужасный надлом, должно быть, произошел в здоровье Люси, ибо то, что вконец ослабило Артура, принесло ей лишь незначительное облегчение. Лицо профессора было серьезно, он чрезвычайно внимательно и зорко следил за Люси и Артуром. Я слышал удары своего собственного сердца. Чуть позже профессор тихо проговорил:

— Заканчивайте! Достаточно! Помогите ему, а я займусь ею.

Когда все кончилось, я увидел, насколько ослабел Артур. Я перевязал рану и взял его под руку, чтобы увести. Тут Ван Хелсинг, не поворачиваясь к нам, сказал (у этого человека глаза, кажется, есть и на затылке):

— Храбрый юноша! По-моему, он заслужил еще поцелуй, который сейчас же и получит.

Покончив с операцией, он поправил под головой пациентки подушки. При этом черная бархотка, которую Люси постоянно носила на шее, закалывая ее бриллиантовой застежкой — подарком жениха, чуть сдвинулась и стала видна маленькая красная метка на шее девушки. Артур ничего не заметил, но я услышал тяжелый вздох Ван Хелсинга, который обычно выдавал его переживания. В первый момент он не проронил ни слова, потом, обернувшись, сказал:

— Теперь уведите нашего храброго юношу, дайте ему портвейну, и пусть он немного отдохнет. А потом пускай отправляется домой и хорошенько поест и поспит, чтобы восстановить силы после жертвы, которую он принес своей невесте. Ему не следует больше тут оставаться... Стойте, еще одну минуту! Вы, сэр, вероятно, беспокоитесь о результатах, так знайте, операция была успешной. На этот раз вы спасли ей жизнь и можете идти домой и немного отдохнуть с сознанием того, что все, что в наших силах, сделано. Я расскажу ей все, когда она поправится; она вас еще больше полюбит за то, что вы для нее сделали. Прощайте!

Когда Артур ушел, я вернулся в комнату. Люси тихо спала, но дыхание ее стало глубже: видно было движение покрывала, когда ее грудь вздымалась. Ван Хелсинг сидел возле кровати и не сводил с нее глаз. Бархотка снова прикрыла красную метку. Я шепотом спросил профессора:

— Что вы будете делать с этой меткой?

— А что бы сделали вы?

— Я ее еще не осмотрел,— ответил я и сдвинул бархотку в сторону.

Как раз над яремной веной находились две маленькие дырочки, вид которых вызывал тревогу. Болезненного процесса, очевидно, в них не шло, но края их были бледными и тонкими, словно их перетерли. Сначала мне пришло в голову, что ранки и

являются причиной большой потери крови; но я тотчас же отбросил эту мысль как абсолютно невозможную. Судя по бледности Люси до операции, она, наверное, потеряла столько крови, что вся постель должна быть ею пропитана.

— Ну? — спросил Ван Хелсинг.

— Нет,— ответил я.— Я ничего не могу сделать.

Профессор встал.

— Мне необходимо сегодня же вернуться в Амстердам,— сказал он.— Там мои книги и вещи, которые мне необходимы. Вам придется провести здесь всю ночь, не спуская с нее глаз.

— Сиделка не нужна? — спросил я.

— Мы с вами самые лучшие сиделки. Наблюдайте всю ночь. Следите за тем, чтобы она хорошо питалась и чтобы ничто ее не тревожило. Вам придется просидеть целую ночь. Выспимся мы с вами после. Я вернусь, как только успею, и тогда можно будет начать.

— Начать? — сказал я.— Что именно начать?

— Увидите,— ответил он, поспешно уходя.

Несколько секунд спустя он вернулся, просунул голову в дверь и, грозя мне пальцем, сказал:

— Помните, она на вашем попечении. Если вы хоть на минуту ее оставите и с ней что-нибудь случится, вы никогда больше не сможете спать спокойно!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

(Продолжение)

8 сентября.

Я всю ночь просидел у Люси. К сумеркам действие снотворного прекратилось, и она проснулась; после операции она казалась совершенно другим существом. Даже настроение ее стало прекрасным. Она была полна жизни, но я видел признаки абсолютного изнеможения, в котором она находилась. Я сказал миссис Вестенра, что доктор Ван Хелсинг велел мне просидеть всю ночь около ее дочери. Она возражала против этого и доказывала, что ее дочь уже достаточно окрепла и даже весела. Но я не сдался и подготовил все, что было необходимо для долгого ночного бдения. Пока прислуга приготовляла все для сна, я отпра-

вился ужинать, а затем вернулся и сел возле кровати. Люси нисколько не протестовала, наоборот, всякий раз, когда я перехватывал ее взгляд, он был исполнен благодарности. Затем сон начал одолевать ее, но она как-то вздрагивала, точно боролась с ним. Это повторилось несколько раз, причем вздрагивала она все сильней и все чаще. Ясно было, что она почему-то не хотела засыпать, и я заговорил с ней:

— Вам не хочется спать?

— Я боюсь уснуть!

— Боитесь уснуть? Отчего? Ведь это благо, которого все мы жаждем.

— Да, но если бы вы оказались на моем месте, если бы он был для вас предвестником ужаса...

— Предвестником ужаса? Не понимаю, что вы этим хотите сказать.

— Не знаю, сама не знаю! Это и есть самое страшное. Ведь слабость у меня исключительно от этих снов; до сих пор я боюсь даже подумать о них.

— Но, дорогая моя, сегодня вы можете уснуть спокойно! Я буду вас охранять и обещаю вам, что ничего не случится.

— О, я знаю, что на вас я могу положиться!

Я воспользовался случаем и сказал:

— Я обещаю вам, что, как только замечу какие-либо признаки кошмара, немедленно разбужу вас.

— Вы это сделаете? Обязательно сделаете? Как вы добры ко мне! Ну тогда я буду спать!

При этих словах она с облегчением вздохнула, откинулась назад и заснула.

Я продежурил возле нее всю ночь. Она не шевелилась и крепко спала глубоким, спокойным, дарующим силы и здоровье сном. Губы Люси были чуть приоткрыты, а грудь поднималась и опускалась с ритмичностью маятника. Лицо освещала улыбка, и было очевидно, что никакие дурные сны не тревожат покой ее сознания. Рано утром явилась служанка, я уступил ей свое место, а сам пошел домой, так как у меня было много других дел. Я послал короткую весточку и сообщил о хорошем результате операции. Мои многообразные занятия отняли у меня целый день, и было уже темно, когда мне удалось справиться насчет моего пациента-зоофага. Сведения были хорошие: он совершенно спокоен на протяжении последнего дня и ночи. Во

время обеда я получил телеграмму от Ван Хелсинга из Амстердама с просьбой приехать вечером в Гиллингем, так как я могу там понадобиться; он же выедет ночью на почтовых и будет рано утром.

9 сентября.

Я приехал в Гиллингем усталый и утомленный. Две ночи я почти совершенно не спал, мозг мой начинал уже цепенеть, что всегда сопутствует умственному истощению. Люси проснулась, настроение у нее было веселое: здороваясь со мною, она посмотрела на меня серьезно и сказала:

— Сегодня вам нельзя дежурить. Вы утомлены. Мне опять совсем хорошо. Серьезно, я совсем здорова, и если кому-нибудь из нас непременно нужно бодрствовать, то это я постерегу ваш сон.

Я не хотел с нею спорить и пошел ужинать. Люси составила мне компанию, и, очарованный ее воодушевляющим присутствием, я прекрасно отужинал и выпил две рюмки более чем превосходного портвейна. Затем Люси повела меня в комнату, которая была рядом с ее комнатой; там топился камин.

— Теперь,— сказала она,— вы останетесь здесь. Эту дверь я оставляю открытой. Вы ляжете тут на кушетке, так как я все равно знаю, что во время дежурства ничто не заставит вас, врачей, лечь в постель, раз рядом находится ваш пациент. Если мне что-нибудь понадобится, я вас позову и вы тотчас же сможете прийти ко мне.

Мне оставалось только подчиниться, тем более что я устал как собака и не смог бы сидеть дольше, даже при всем желании. Она еще раз повторила, что позовет меня, если ей что-либо понадобится; я лег на кушетку и забыл обо всем на свете.

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

9 сентября.

Сегодня вечером я чувствую себя совершенно счастливой. Все это время я была очень слаба, сегодня же я в состоянии двигаться, разговаривать и думать; у меня на душе точно солнышко выглянуло после пасмурных дней. Мне кажется, что Артур где-то очень, очень близко от меня,— я чувствую его присутствие. Болезнь и слабость эгоистичны и обращают все наши помыслы и симпатии на самих себя, а здоровье и силы приношривают любовь, и в мыслях, и в чувствах ты тогда можешь бродить где заблагорассудится. Я знаю, где мои мысли. Если бы только Артур знал! Мой милый, милый! О благодатный покой прошлой ночи! Как хорошо мне спалось, когда этот славный доктор Сьюард дежурил возле меня; сегодня мне тоже не страшно будет спать, раз он так близко; ведь я каждую минуту могу позвать его. Бесконечное спасибо всем за доброту ко мне. Благодарю тебя, Создатель мой! Спокойной ночи, Артур!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

10 сентября.

Едва почувствовав, как профессор прикоснулся к моей голове, я моментально проснулся и вскочил. Мы к этому привыкли в больнице.

— Ну, что с нашей пациенткой?

— Ей было хорошо, когда я ее оставил или, вернее, когда она меня оставила,— ответил я.

— Пойдем посмотрим,— сказал он, и мы вместе вошли в ее комнату.

Штора была опущена; я пошел поднять ее, между тем как Ван Хелсинг тихо, по-кошачьи приблизился к кровати.

Когда я поднял штору и солнечный свет залил комнату, послышался глубокий вздох профессора. Я знал уже значение этого вздоха, и меня охватил ужас. Когда я подошел, он подался назад, и восклицание «Gott in Himmel»* вырвалось из перекошенного страданием рта. Он показал на постель; его суровое лицо исказилось и побледнело. Я чувствовал, как задрожали колени.

Бедная Люси лежала в постели, по-видимому, в глубоком обмороке, еще более бледная и безжизненная, чем раньше. Даже губы ее побелели, десны как бы сошли с зубов, как иногда случается после долгой болезни. Ван Хелсинг хотел уже в гневе топнуть ногой, но интуиция, основанная на жизненном опыте, и долгие годы привычки удержали его.

---

* Царь Небесный *(нем.)*.

— Скорее,— сказал Ван Хелсинг,— принесите бренди.

Я помчался в столовую и вернулся с графином. Мы смочили бренди ее губы и натерли ей ладони, запястья и область сердца. Он прослушал ее и после нескольких тревожных минут сказал:

— Еще не поздно. Сердце бьется, хотя и слабо. Весь наш прежний труд пропал; придется начать сызнова. Юноши Артура здесь, к сожалению, нет; на этот раз мне придется обратиться к вам, дружище Джон.

Сказав это, он начал рыться в своем чемодане и вынул оттуда инструменты для трансфузии. Я снял сюртук и засучил рукав рубашки. Не было никакой возможности прибегнуть к снотворному, да, в сущности, и незачем было прибегать к нему; поэтому мы принялись за операцию, не теряя ни минуты. Через некоторое время — кстати, продолжительное, потому что переливать кровь, даже когда ее отдают добровольно, занятие отвратительное,— Ван Хелсинг поднял палец, чтобы предостеречь меня.

— Тихо, не шевелитесь,— прошептал он,— я боюсь, что благодаря притоку сил и жизни она с минуты на минуту может прийти в себя, и это может быть очень опасно, чрезвычайно опасно. Впрочем, я приму меры предосторожности. Я сделаю ей подкожное впрыскивание морфия.

И он принялся ловко и быстро выполнять задуманное. Морфий хорошо подействовал на Люси; благодаря ему обморок медленно перешел в наркотический сон. Чувство гордости охватило меня, когда я увидел, как нежная краска возвращается к ее бледным щекам и губам. Ни один мужчина не знает, пока не испытает на опыте, что это за ощущение, когда его кровь перелита в вены женщины, которую он любит. Профессор внимательно следил за мной.

— Довольно! — сказал он.

— Уже? — удивился я.— У Арта вы взяли гораздо больше!

Он грустно улыбнулся в ответ и сказал:

— Он ее возлюбленный, ее fiancé!* А вам придется немало жертвовать своей жизнью, как для нее, так и для других, а пока — довольно.

Когда операция закончилась, он занялся Люси, а я прижал к ранке тампон, чтобы кровь не текла. Дожидаясь, пока он освободится, чтобы помочь мне, я прилег на кушетку, так как чувствовал слабость и даже дурноту. Вскоре он сделал мне перевязку и отправил меня вниз выпить бокал вина. Когда я выходил из комнаты, он нагнал меня и прошептал:

— Помните, никому об этом ни слова. Даже если Артур неожиданно придет сюда, как тогда, ни слова и ему. Это может его напугать и вместе с тем возбудить в нем ревность. Ни того ни другого быть не должно. Пока — все.

Когда я вернулся, он взглянул на меня внимательно и сказал:

— Вы не в самом плохом состоянии. Идите в комнату, ложитесь на софу и отдохните немного; потом позавтракайте и приходите сюда ко мне.

Я подчинился его приказам, потому что знал, насколько они правильны и мудры. Я сыграл свою роль, и теперь моим долгом было восстановить силы. Я чувствовал, что очень ослабел, и даже не испытывал удовлетворения от сделанного. Продолжая недоумевать, как Люси смогла так быстро поправиться и как ей удалось потерять столько крови без каких-либо следов, я заснул на софе. Должно быть, я продолжал недоумевать во сне, так как, засыпая и просыпаясь, мысленно все возвращался к небольшим точкам у нее на шее и к их рваным бескровным краям.

Днем Люси великолепно спала, а когда проснулась, выглядела хорошо, она казалась окрепшей, хотя все-таки не такой бодрой, как накануне. Но вид ее удовлетворил Ван Хелсинга, и он пошел прогуляться, строго наказав мне не спускать с нее глаз. Я слышал, что он в передней спрашивал, как ближе всего пройти к телеграфу.

Люси мило болтала со мной и, казалось, понятия не имела о том, что с ней произошло. Я старался ее занимать и забавлять. Когда миссис Вестенра пришла ее навестить, то, по-видимому, не заметила в дочери никакой перемены и сказала мне с благодарностью:

— Мы так страшно обязаны вам, доктор Сьюард, за все, что вы для нас сделали, но очень прошу вас не переутомляться. Вы сами осунулись и бледны. Вам нужна жена, которая бы поухаживала за вами; это вам необходимо.

При этих словах Люси покраснела, хотя всего только на одну секунду, так как ее бедные истощенные вены не могли долго выдержать столь неожиданного и непривычного прилива крови к голове. Реакция наступила мгновенно: Люси невероятно побледнела, обратив ко мне умоляющий взгляд. Я улыбнулся и кив-

* Жених (*фр.*).

нул, приложив палец к губам; со вздохом она снова утонула в своих подушках. Ван Хелсинг вернулся часа через два и сказал мне:

— Теперь — скорей домой, поешьте, выпейте вина и подкрепите силы сном. Я тут останусь на ночь и сам посижу с маленькой мисс. Мы с вами должны следить за болезнью — другим не к чему об этом знать. У меня на это есть свои причины. Не спрашивайте о них; думайте что хотите. Можете даже вообразить самое невозможное. Спокойной ночи!

В передней две служанки подошли ко мне и спросили, не нужно ли кому-нибудь из них посидеть около мисс Люси. Они умоляли меня позволить им это. Когда же я им сказал, что доктор Ван Хелсинг желает, чтобы только он и я сидели у кровати больной, они начали просить меня поговорить с иностранцем. Я был тронут их любезностью. Моя ли слабость, забота ли о Люси вызвали в них такую преданность — не знаю, но время от времени мне приходилось выслушивать их просьбы. Я вернулся в лечебницу к позднему обеду; совершил обход — все благополучно; перед сном все это записал. Безумно хочется спать.

11 сентября.

Сегодня вечером я снова был в Гиллингеме. Ван Хелсинга я застал в хорошем расположении духа. Люси гораздо лучше. Вскоре после моего приезда принесли какую-то большую посылку из-за границы, адресованную профессору. Он раскрыл ее с нетерпением — напускным, разумеется,— и показал нам огромную связку белых цветов.

— Это вам, мисс Люси,— сказал он.

— Ах, доктор, как вы любезны!

— Да, моя дорогая, вам, но не для забавы. Это лекарство.

У Люси на лице отразилось неудовольствие.

— Нет, не беспокойтесь. Вам не придется пить отвар из них или что-нибудь в том же роде, и потому вам незачем морщить свой очаровательный носик; а не то я расскажу своему другу Артуру, насколько он будет огорчен, когда ему придется увидеть ту красоту, которую он так любит, искаженной. Ага, моя дорогая мисс! Вы больше не морщите носик. Итак, цветы — целебное средство, но вы не понимаете какое. Я положу их на ваше окно, я сделаю прелестный венок и надену его вам на шею, чтобы вы хорошо спали. О да, они, как цветы лотоса, заставят вас позабыть все ваши горести. Они пахнут, как воды Леты и

фонтаны юности; конкистадоры искали их во Флориде и нашли, но, к сожалению, слишком поздно.

Пока он говорил, Люси разглядывала цветы и вдыхала их аромат. Затем, отбросив их, наполовину улыбаясь, наполовину досадуя, сказала:

— Профессор, надеюсь, это милая шутка с вашей стороны. Ведь это обыкновенный чеснок!

К моему удивлению, Ван Хелсинг встал и сказал ей совершенно серьезно, сжав свои железные челюсти и насупив густые брови:

— Прошу со мной не шутить. Я никогда ни над кем не насмехаюсь. Я ничего не делаю без причины и прошу вас не возражать. Будьте осторожны, если не ради себя лично, то ради других.

Затем, увидев, что Люси испугалась, что было вполне понятно, он продолжал уже более ласково:

— О моя дорогая маленькая мисс, не бойтесь. Я ведь желаю вам только добра; в этих простых цветах почти все ваше спасение. Вот взгляните — я сам разложу их в вашей комнате. Я сам сделаю вам венок, чтобы вы его носили. Но только никому ни слова, дабы не возбуждать ненужного любопытства. Итак, дитя мое, вы должны беспрекословно подчиняться, молчание — часть этого повиновения, а оно должно вернуть вас сильной и здоровой в объятия того, кто вас любит и ждет. Теперь посидите немного смирно. Идемте со мной, дружок Джон, и помогите мне посыпать комнату чесноком, присланным из Гарлема. Мой друг Вандерпул разводит там в парниках эти цветы круглый год. Мне пришлось вчера телеграфировать ему — здесь нечего было и мечтать достать их.

Мы пошли в комнату и взяли с собой цветы. Поступки профессора были, конечно, чрезвычайно странными; я этого не нашел бы ни в какой медицинской книге. Сначала он закрыл все окна и запер; затем, взяв полную горсть цветов, он натер ими все щели, дабы малейшее дуновение ветра было пропитано их запахом. После этого взял целую связку этих цветов и натер ею косяк двери и притолоку. То же самое сделал он и с камином. Мне все это казалось неестественным, и я обратился к нему:

— Я привык верить, профессор, что вы ничего не делаете без причины, и все же хорошо, что здесь нет скептика, а то он сказал бы, что вы колдуете против нечистой силы.

— Очень может быть, что так оно и есть,— спокойно ответил он и принялся за венок, который Люси должна носить на шее.

Мы подождали, пока Люси приготовится ко сну; когда же она была готова, профессор надел ей на шею венок. Последние слова, сказанные им, были:

— Смотрите не разорвите его и не открывайте ни окна, ни двери, даже если в комнате будет душно.

— Обещаю вам это,— сказала Люси,— и бесконечно благодарю вас обоих за вашу ласку. Чем я заслужила дружбу таких людей?

Затем мы уехали в моей карете, которая меня ожидала. Ван Хелсинг сказал:

— Сегодня я могу спать спокойно, я в этом очень нуждаюсь: две ночи в дороге, в промежутке днем — много книг, а на следующий — много тревог. Ночью снова пришлось дежурить не смыкая глаз. Завтра рано утром зайдите за мной, и мы вместе отправимся к нашей милой мисс, которая, надеюсь, окрепнет благодаря тому «колдовству», которое я использовал. О-хо-хо!

Он так безгранично верил, что мною овладел непреодолимый страх, ибо я вспомнил, как я сам был исполнен веры в благоприятный исход и сколь печальными оказались результаты. Моя слабость не позволила мне сознаться в этом моему другу, но из-за этого я в глубине души еще сильнее страдал, как страдаешь, не позволяя себе выплакаться.

Глава XI

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

12 сентября.

Как добры они ко мне! Я почти влюблена в милого доктора Ван Хелсинга. Удивляюсь, почему он так беспокоился из-за этих цветов. Он определенно напугал меня — так горячился. Впрочем, он, должно быть, прав: от цветов мне стало как-то лучше. Как бы там ни было, меня теперь уже не страшит одиночество, и я могу без страха пойти спать. Я не стану обращать внимания на хлопанье крыльев за окном. А какой ужасной борьбы мне стоил сон в последнее время! Как счастливы те, жизнь которых проходит без страха, без ужасов, для которых сон является благословением ночи и ничего не доставляет им, кроме сладких сновидений! Вот я лежу в ожидании сна, лежу, как Офелия в пьесе, с венком на голове и вся в цветах. Раньше я не любила запах чеснока, но сегодня этот запах мне приятен! Что-то мирное в его запахе; я чувствую, что меня уже клонит ко сну. Спокойной ночи всем!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

13 сентября.

Посетил Беркли и застал Ван Хелсинга, который уже поднялся — как всегда вовремя. Экипаж, заказанный в гостинице, тоже ожидал у дверей. Профессор забрал с собой свой чемодан, с которым теперь не расстается.

Пусть все будет точно зафиксировано. Мы приехали в Гиллингем в восемь часов. Было чудесное утро; яркое солнце и вся свежесть осени, казалось, венчали годовой труд Природы. Листья окрасились в разнообразные цвета, но еще не начали опадать. Войдя, мы встретили на пороге комнаты миссис Вестенра, которая всегда поднималась рано. Она сердечно приветствовала нас и сказала:

— Вы будете очень рады, так как Люси лучше. Милое дитя все еще спит! Я заглянула к ней в комнату и видела ее, но не вошла, боясь ее потревожить.

Профессор улыбнулся и взглянул с торжеством. Он потер руки и сказал:

— Ага! Мне кажется, что я поставил верный диагноз. Мое лекарство действует.

Она ответила:

— Вы не должны все приписывать себе, доктор. Своим утренним покоем Люси отчасти обязана и мне.

— Что вы этим хотите сказать, сударыня? — спросил профессор.

— Я беспокоилась о милом ребенке и ночью вошла к ней в комнату. Она крепко спала, так крепко, что даже мой приход не разбудил ее. Но в комнате было ужасно душно. Там повсюду

лежало так много этих ужасных, сильно пахнущих цветов, даже вокруг шеи у нее был обмотан целый пучок; и я решила, что этот тяжелый запах слишком вреден для милой девочки при ее слабости, так что я убрала цветы и приоткрыла окно, чтобы проветрить комнату. Вы будете очень довольны, я убеждена.

Она ушла в будуар, где обыкновенно завтракала. Я следил за лицом профессора и увидел, что оно стало пепельно-серого цвета. Он старался владеть собой в присутствии бедной леди, так как знал о ее болезни и сколь ужасно было бы потрясение,— он даже улыбался, когда распахнул перед ней дверь в комнату, но, едва она вышла, он резко втолкнул меня в столовую и запер за нами дверь.

Тут я впервые увидел Ван Хелсинга в отчаянии. В немом ужасе он поднял руки над головой и всплеснул ладонями самым безнадежным образом. Наконец он сел в кресло и, закрыв лицо руками, громко зарыдал без слез, и казалось, мучительные рыдания вырывались из самого его сердца. Потом он снова воздел руки, словно взывая ко всей вселенной:

— Господи, господи, господи! Что мы такого сделали, чем провинился этот бедный ребенок, что у нас столько горя? Неужели над нами тяготеет древний рок, раз происходят такие вещи, да еще подобным образом? Эта бедная мать совершенно неосознанно, думая все обратить к лучшему, совершает поступки, которые губят душу и тело ее дочери! А мы не вправе открыться ей, не вправе даже предупредить ее, иначе она умрет и тогда умрут обе. О, сколько горя! Все дьявольские силы ополчились против нас!

Неожиданно он поднялся.

— Идем,— заговорил он после минутной паузы,— идем, мы должны думать и действовать. Есть ли дьяволы, нет их или их множество — безразлично; мы все равно победим.

Он бросился в переднюю за чемоданом, а затем мы вместе поднялись в комнату Люси.

Я снова раздвинул шторы, пока Ван Хелсинг приближался к кровати. На этот раз он не был поражен, когда взглянул на это несчастное лицо, покрытое той же самой ужасной восковой бледностью. Его взгляд выражал суровую печаль и бесконечную жалость.

— Как я и предполагал,— пробормотал он со вздохом, который так много значил.

Затем, не говоря ни слова, он закрыл дверь и начал выкладывать инструменты для новой операции — переливания крови. Я уже давно понял, что это необходимо, и потому начал снимать сюртук, но он остановил меня движением руки.

— Нет,— сказал он.— Сегодня вы станете делать операцию. Я буду объектом. Вы потеряли слишком много крови.— Говоря это, он снял сюртук и засучил рукав рубашки.

Опять операция; опять снотворное; опять краска окрашивает пепельно-серые щеки и восстанавливается ритмичное дыхание здорового сна. На этот раз я караулил, пока Ван Хелсинг подкреплялся и отдыхал.

Он воспользовался первым представившимся удобным случаем и сказал миссис Вестенра, чтобы она ничего не выносила из комнаты Люси, не посоветовавшись предварительно с ним; что цветы имеют ценность как лекарство и что вдыхание их аромата входит в план лечения. Затем он взялся сам следить за ходом дела, сказав, что проведет эту и следующую ночи у постели больной и что сообщит мне, когда прийти.

После двухчасового сна Люси проснулась свежая и веселая, нисколько не чувствуя себя хуже после ужасного испытания.

Что все это значит? Я уже начинаю бояться, не отражается ли на моем мозгу долгое пребывание среди сумасшедших.

ДНЕВНИК ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

17 сентября.

Четыре спокойных дня и ночи. Я становлюсь такой сильной, что едва узнаю себя. Мне кажется, я пробуждаюсь после долгого кошмара. Я только что проснулась, увидела чудесное солнце и почувствовала свежий утренний воздух. Мне смутно припоминается долгое, тоскливое время ожиданий и страха, мрак, в котором не было ни малейшей надежды на то, что гнет хотя бы разрешится кризисом, а затем — бесконечное забвение и возвращение к жизни, как у водолаза, подымающегося из глубин воды на свет Божий. С тех пор как доктор Ван Хелсинг со мной, все эти ужасные сны, кажется, прошли; звуки, которые обычно

сводили меня с ума: удары крыльев об окна, отдаленные голоса, которые казались мне такими близкими, резкий звук, который исходил неведомо откуда и требовал от меня сама не знаю чего,— все это вдруг прекратилось. Теперь я нисколько не боюсь засыпать. Я даже не стараюсь не спать. Теперь я стала любить чеснок, и мне присылают каждый день из Гарлема целые корзины его. Сегодня доктор Ван Хелсинг уезжает, так как ему нужно на несколько дней в Амстердам. Но ведь за мной не надо присматривать; я достаточно хорошо себя чувствую, чтобы остаться одной. Благодарю Бога за мою мать, за дорогого Артура и за всех наших друзей, которые столь добры. Я даже не почувствую перемены, так как вчера ночью Ван Хелсинг долгое время спал в своем кресле. Я дважды заставляла его уснуть, несмотря на то что ветви, или летучие мыши, или что-то другое почти со злобой бились об оконную раму.

«ПЭЛЛ-МЭЛЛ ГАЗЕТТ» ОТ 18 СЕНТЯБРЯ

СБЕЖАВШИЙ ВОЛК

Опасное приключение нашего интервьюера
Интервью со смотрителем Зоологического сада

После долгих расспросов, отказов и бесконечного повторения слов «Пэлл-Мэлл газетт» мне наконец удалось найти смотрителя того отделения Зоологического сада, где содержатся волки. Томас Билдер живет в одном из домиков, находящихся в ограде за слоновником, и как раз садился пить чай, когда я постучался к нему. Томас и его жена очень гостеприимные люди, пожилые, бездетные. И если гостеприимство, с которым они меня приняли, обычно для них, жизнь их, должно быть, довольно комфортабельно устроена. Сторож отказался ввязываться в какие-либо, как он выражается, «штуки», пока не поужинает, против чего я не протестовал. Затем, когда стол был прибран, он закурил свою трубку и сказал:

— Теперь, сэр, пожалуйста, выспрашивайте, чего ни пожелаете. Я, конечно, прошу прощения, что не стал болтать на пустой желудок. Я и сам у себя сначала даю волкам, шакалам и гиенам их десерт, а потом уж расспрашиваю.

— В каком смысле расспрашиваете? — поинтересовался я, стараясь завязать разговор.

— А так. Дубинкой по голове — это один разговор, а за ухом почесать — совсем другой. Разговор с дубинкой мне не сильно нравится, покуда не раздам обед, а вот выпьют они свой херес да кофе, как говорится, можно и почесать за ухом. Наверно, замечали,— философски добавил он,— и в людях есть много общего со зверьем. Вот явились вы, все вынюхиваете, а я, такой-сякой, за ваши собственные паршивые полсоверена хотел бы увидеть, как вы отсюда вылетите, даже рот не успевши раскрыть. Даже после того как вы этак хитро спросили, мол, не стоит ли вам обратиться к надзирателю, чтобы он сам разрешил вам меня расспрашивать. Разве, уж не обижайтесь, я не ответил, чтобы вы лучше к черту катились?

— Да, ответили.

— А еще вы грозились, что меня к ответственности призовете за мою ругань, так будто меня самого по башке дубиной ударили. Но получил ваши полсоверена, и все как рукой сняло. А я ведь не хотел воевать, это я так рычал, дожидаясь ужина, как рычат волки, львы и тигры. Зато теперь, храни Бог вашу душу, когда старая баба запихнула в меня свой кекс да прополоскала из старого чайника, вот я раскурил трубку и жду, когда вы меня почешете за ухом, а больше вам и не положено, и ни звука от меня не добьетесь. Катитесь вы со своими вопросами! Вы ведь из-за сбежавшего волка явились, я-то знаю.

— Совершенно верно! Я хочу знать ваше мнение об этом. Скажите мне только, как это случилось; а когда я услышу факты, уж я заставлю вас рассказать, почему, по вашему мнению, это произошло и чем, вы думаете, это кончится.

— Хорошо, папаша! Вот почти вся история. Волк этот, его зовут Берсикер, из тех трех серых волков, что привезли из Норвегии, мы его купили четыре года тому назад. Это был славный, послушный волк, никаких с ним тебе забот. Я очень удивляюсь, чего это именно он сбежал, а не какой другой зверь. Так что теперь, выходит, волкам можно верить меньше, чем бабам.

— Не обращайте на него внимания, сэр,— вмешалась тут миссис Билдер с милой улыбкой.— Он так долго возился со зверями! Я беспрестанно Бога благодарю, что он сам не превратил-

ся в старого волчину. А вообще-то он совсем неплохой, да и не злой вовсе.

— Это было вчера, сэр. Вчера, часа через два после кормежки, вдруг слышу шум. Я устраивал подстилку в обезьяннике для молодой пумы, которая заболела. Но как услышал тявканье и вой, я сейчас же побежал и вижу Берсикера, он как бешеный кидается на решетку, точно на свободу рвется. В этот день было немного народу, и около клетки стоял только один господин, высокого роста, с крючковатым носом и острой бородкой с маленькой проседью. У него были ледяные красные глаза. Он мне не понравился: показалось, это он так зверей раздражает. Руки у него в белых лайковых перчатках; он показывает на зверей и говорит: «Сторож, эти волки, кажется, чем-то взволнованы». «Наверно, вами»,— ответил я: очень мне не понравилось, как он со мной разговаривает. А он не рассердился, хотя я на это рассчитывал, а улыбнулся нахально, раскрыв при этом рот, полный белых острых зубов. «О нет,— говорит,— я бы им понравился». «О да,— возражаю я, передразнивая его.— Они любят за чаем поточить свои зубы о косточки, которых у вас полон ящик». И вот странность: как только звери заметили, что мы разговариваем, так прилегли, а когда я подошел к Берсикеру, то он позволил мне, как всегда, погладить себя по голове. Этот господин также подошел к нему и, представьте, просунул руку сквозь решетку и тоже погладил старика за ушами. «Берегитесь,— сказал я,— Берсикер ловок!» Он ответил: «Ничего, я к ним привык». «Так вы профессионал?» — спросил я, снимая шляпу перед человеком, промышляющим волками: ведь укротитель всегда приятель сторожу. «Нет,— сказал он,— не то чтобы профессионал, но я с ними немного баловался». При этом он снял шляпу так вежливо, что твой лорд, и удалился. Старый Берсикер глядел ему вслед, пока тот не скрылся из виду, затем пошел, улегся в углу и не захотел выходить весь вечер. А ночью, только луна взошла, завыли все волки. Кажется, не из-за чего было им выть. Вблизи никого не было, за исключением субъекта, который звал какую-то собаку, находившуюся, по-видимому, далеко в парке. Я несколько раз выходил смотреть, все ли в порядке, и ничего особенного не находил; потом вой прекратился. Около полуночи я снова вышел осмотреть сад, прежде

чем идти ложиться спать. Но когда я подошел к клетке Берсикера, то увидел — решетка сломана, а клетка пустая стоит. Вот я и выложил вам все до капельки.

— Никто больше ничего не видел?

— Один из сторожей возвращался около того времени домой с вечеринки и видел какую-то большую серую собаку, перескочившую через забор сада. По крайней мере, он так говорил, но я этому мало верю. Он ни словечком не обмолвился своей женушке, как добрался до дому, а, видишь ты, вспомнил, когда о Берсикере уже знали и проискали его в парке всю ночь. А я так думаю, это хмель ему в голову стукнул.

— Скажите, мистер Билдер, вы можете объяснить побег волка?

— Ну, сэр,— сказал он с подозрительной сдержанностью,— думаю, да, но вот не знаю, как вам моя теория глянется.

— Я, конечно же, буду удовлетворен. Если уж человек, так знающий зверей, как вы, не может рискнуть, по крайней мере, предложить свою догадку, кто тогда может?

— Ну, сэр, я вот как думаю, думаю я, что волчище этот сбежал, потому что ему приперло.

По тому, как радостно засмеялись Томас с женой, я понял, что они приготовились заранее и все объяснение — просто припасенный трюк. Я не мог состязаться с достойнейшим Томасом в остроумии, но, по-моему, я избрал не менее надежный путь к его сердцу, сказав:

— Теперь, мистер Билдер, сойдемся на том, что первые полсоверена вы отработали, а вот еще такая же монетка, только и ждет, как бы оказаться у вас. Помогите ей, сообщите, что вы думаете о случившемся.

— Сойдемся, сэр,— быстро сказал он.— Уж простите великодушно, я-то вижу, что вы насмехаетесь, да старуха подмигивает мне, приказывает, значит, продолжать.

— Опять ты! — воскликнула миссис Билдер.

— По-моему, волк скрывается где-нибудь поблизости. Один садовник сказал, что какой-то волк мчался галопом к северу быстрее лошади: но я не верю, вы сами знаете, что волки не могут мчаться галопом, так же, как и собаки,— не так они устроены. Это только в сказках волк такой роскошный зверь; там он,

когда приходит в ярость или что-нибудь грызет, кажется страшнее, чем на самом деле,— он способен производить дьявольский шум и уничтожать все, что ему попадется. На самом деле волк, слава богу, так себе тварь; собака, например, умнее и смелее его в два раза, а воинственней вчетверо. А этот тем более не способен ни подраться, ни себя защитить; больше похоже на то, что он скрывается теперь где-нибудь за парком и дрожит от страха, а если о чем и думает, так только о том, где бы ему позавтракать; или, может быть, он попал в какой-нибудь двор и сидит теперь в подвале для угля. С места мне не сойти, и глотнет же рома кухарка, которая увидит в темноте его горящие зеленые глаза! Если у него нет еды, то ему придется пойти ее искать, и возможно, что он наткнется на лавку мясника. Если же он не найдет мясной лавки, а какая нянька, прогуливаясь со своим солдатом, оставит ребенка без надзора в коляске — ну, тогда я не удивлюсь, если и станет одним ребеночком меньше. Вот и все.

Я протянул ему полсоверена, и в этот момент что-то метнулось к окну и лицо мистера Билдера от удивления вытянулось.

— Господи! — воскликнул он.— Не старый ли Берсикер вернулся домой?

Он подошел к двери и распахнул ее; этот жест мне показался совершенно лишним. Я всегда считал, что дикий зверь выглядит хорошо только тогда, когда между ним и нами находится какое-нибудь очень прочное препятствие; жизненный опыт скорее усилил, чем ослабил эту мысль.

А все-таки главное — привычка, так как Билдера и его жену присутствие волка столь же не волновало, как меня присутствие собаки. Зверь сам по себе был мирным и благовоспитанным, словно прародитель всех волков из книжек с картинками — бывший приятель Красной Шапочки, когда он, нарядившись бабушкой, завоевывал ее доверие.

Сцена эта была невыразимой смесью комедии и драмы. Свирепый волк, который на целых полдня парализовал весь Лондон, заставляя детей дрожать от страха, стоял перед нами, точно кающийся грешник, и его приняли и приласкали, как лукавого блудного сына. Старый Билдер внимательно, с нежной заботливостью осмотрел его; когда он закончил осмотр, то сказал:

— Ну, вот, так я и знал, что старый приятель попадет в какую-нибудь историю; разве я не твердил это, как попугай? Посмотрите, голова у него вся поранена и стекла торчат. Понастроили чертовы стены! Безобразие, позволяют кому ни попадя вмуровывать в ограды битые бутылки! А вот что из этого выходит! Поди сюда, Берсикер.

Он запер волка в клетку, дав ему кусок мяса величиной с доброго теленка, и закончил свой рассказ.

Я тоже кончаю свое повествование. Вот и все сведения о странном побеге волка из Зоологического сада, которые мне удалось получить.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

17 сентября.

После обеда я занимался приборкой книг, которые из-за того, что я был завален посторонними делами и мне часто приходилось навещать Люси, пришли в ужасный беспорядок. Вдруг дверь открылась, и в комнату ворвался мой пациент с лицом, совершенно искаженным от гнева и возбуждения. Я был поражен как громом, так как это небывалый случай, чтобы пациент по собственной воле приходил в комнату врача без сторожей. Он шел прямо на меня, не произнося ни слова. У него в руке был столовый нож. Сообразив, какой я подвергаюсь опасности, я старался, чтобы стол все время находился между нами. Но он оказался более ловким и сильным, чем я ожидал, и довольно серьезно порезал мне левую руку. Однако прежде, чем он успел ударить меня вторично, я воспользовался правой, и он растянулся на полу. Из моей руки ручьем текла кровь, и на ковре образовалась маленькая лужа. Видя, что больной не склонен к дальнейшим действиям, я принялся перевязывать руку, причем все время зорко наблюдал за распростертой фигурой. Когда прибежали служители, им стало дурно. Пациент лежал на животе и вылизывал, как собака, кровь, натекшую из моей руки. Его легко усмирили, и он, к моему удивлению, совершенно спокойно пошел со служителями, повторяя при этом без конца: «Кровь — это жизнь, кровь — это жизнь...»

Я слишком много крови потерял за последнее время, да и болезнь Люси с ее ужасными перепадами сильно отразилась на мне. Я чересчур взволнован и устал, и мне нужен покой, покой, покой. К счастью, Ван Хелсинг не звал меня сегодня, так что я могу отдохнуть; мне трудно было бы обойтись без этого.

ТЕЛЕГРАММА ВАН ХЕЛСИНГА, АНТВЕРПЕН, СЬЮАРДУ, КАРФАКС

(Из-за того, что Карфакс, Сассекс, указано не было, вручена на двадцать два часа позже)

17 сентября.

Ночуйте в Гиллингеме. Если не можете все время сторожить, часто навещайте, следите, чтобы цветы были на месте. Будьте внимательны. Появлюсь у вас, как только приеду.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

18 сентября.

Выехал в Лондон. Полученная от Ван Хелсинга телеграмма приводит меня в отчаяние. Целая ночь потеряна, а я по горькому опыту знаю, что за ночь может случиться. Конечно, возможно, все сошло хорошо, но одному богу известно, что могло произойти. Должно быть, какой-то ужасный рок властвует над нами, ибо все вооружились против нас и чинят препятствия, несмотря на любые наши старания. Возьму с собой этот валик, тогда смогу закончить запись на фонографе Люси.

ЗАПИСКА, ОСТАВЛЕННАЯ ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

17 сентября, ночью.

Я пишу это и кладу на заметное место, чтобы никто обо мне не беспокоился. Вот точная запись того, что в эту ночь случилось. Я чувствую, что умираю от слабости, у меня едва хватает сил, чтобы написать, но это надо сделать, даже если бы я при том умерла.

Я легла спать, как обычно, предварительно позаботившись о том, чтобы цветы лежали там, куда доктор Ван Хелсинг велел их положить,— и вскоре уснула.

Меня разбудило то хлопанье крыльев об окно, которое началось после того, как я ходила во сне на утесы в Уитби, когда Мина спасла меня, и которое теперь мне столь хорошо знакомо. Я не испугалась, но мне очень хотелось, чтобы доктор Сьюард был в соседней комнате. Доктор Ван Хелсинг говорил, что он будет,— тогда я смогла бы позвать его. Я старалась заснуть, но не могла. Тут мной снова овладел прежний страх перед сном, и я решила бодрствовать. Строптивая сонливость нападала на меня именно тогда, когда я боялась заснуть, так что, испугавшись одиночества, я открыла дверь и крикнула:

— Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не было. Я боялась разбудить мать, поэтому снова закрыла дверь. Затем я услышала в кустах какой-то вой, точно собачий, но только более резкий и глухой. Я подошла к окну и взглянула, но ничего не увидела, кроме большой летучей мыши, которая, должно быть, билась своими крыльями об окно. Тогда я снова легла в постель, но решила не спать. Вскоре дверь открылась, ко мне заглянула мать; видя по моим движениям, что я не сплю, она вошла, подсела ко мне и нежно сказала:

— Я очень беспокоюсь о тебе, дорогая, и пришла узнать, как твое здоровье.

Я боялась, что она простудится, сидя так, и сказала ей, чтобы она легла со мной спать, и она легла ко мне в постель; она не сняла халат, потому что решила недолго пробыть у меня и пойти спать к себе. Когда мы лежали обнявшись, снова раздался шум крыльев, ударяющихся в окно. Она вздрогнула от испуга и воскликнула:

— Что это такое?

Я старалась ее успокоить; наконец мне это удалось, и она тихо лежала, но я слышала, как страшно бьется ее бедное сердечко. Чуть позже снова послышался глухой вой в кустах, и вскоре вслед за этим в окно что-то ударило и множество осколков стекла посыпалось на пол. Шторы распахнулись от ворвавшегося ветра, и в оконном проеме показалась голова худого крупного волка. Мать закричала от страха и приподнялась на кровати, цепляясь за все, что попадется под руку. Ненароком

она схватилась и за венок из цветов, который доктор Ван Хелсинг велел мне носить на шее, и сорвала его с меня. В течение нескольких секунд она сидела и, дрожа от страха, указывала на волка, затем в горле у нее странно и страшно забулькало, она упала навзничь, как пораженная молнией, и, падая, так ударила меня по голове, что голова у меня на лшювение закружилась. Комната и все остальное завертелось перед моими глазами. Я уставилась в окно, волк вдруг исчез, и мне показалось, что целые мириады мошек вместе с ветром ворвались в комнату через разбитое окно и закружились-завертелись, как песчаный столб, который, по описанию путешественников, образуется в пустыне при самуме. Я пробовала пошевелить рукой, но находилась под влиянием какого-то колдовства, а кроме того, тело моей несчастной, дорогой матери — которое, казалось, уже холодело, так как ее сердце перестало биться,— давило меня своею тяжестью, и я на некоторое время потеряла сознание.

Было очень страшно; наконец я снова пришла в себя. Где-то поблизости раздался звон колокольчика на проезжей дороге; все собаки по соседству завыли; и в кустах, как будто совсем близко, запел соловей. Я чувствовала себя совершенно ошеломленной и разбитой от переживаний, страха и слабости, но голос соловья казался мне голосом моей покойной матери, вернувшейся, чтобы утешить меня. Звуки, должно быть, разбудили и служанок, так как я слышала шлепанье их босых ног у двери. Я позвала, они вошли и, когда увидели, что случилось и кто лежит на моей постели, громко закричали. Ветер ворвался сквозь разбитое окно, и дверь распахнулась. Они сняли с меня тело моей дорогой матери и положили его, накрыв простыней, на постель, как только я сошла с нее. Все они были до такой степени перепуганы и расстроены, что я велела им пойти в столовую и выпить по бокалу вина. Дверь на мгновение распахнулась и затем снова закрылась. Девушки пронзительно завизжали и все разом побежали в столовую; а я положила все цветы, какие только у меня были, на грудь моей дорогой матери. Тут я вспомнила, что говорил мне доктор Ван Хелсинг, но мне не хотелось их больше трогать, да и, кроме того, я решила, что одна из служанок посидит теперь со мной. Я была очень удивлена, почему девушки так долго не возвращаются. Я позвала, но они не ответили, и я пошла в столовую посмотреть, что с ними.

Сердце у меня оборвалось, когда я увидела, что случилось. Все четыре девушки беспомощно лежали на полу и тяжело дышали. Наполовину пустой графин с хересом стоял на столе, и оттуда исходил какой-то странный, дикий запах. Мне это показалось подозрительным, и я проверила графин — пахнет лауданумом; взглянув на буфет, я увидела, что бутылка, из которой врач давал лекарство моей матери, была пуста. Что мне делать? Что мне делать? Я не могу ее оставить, а я одна, потому что прислуга спит, кем-то одурманенная. Одна со смертью! Я боюсь войти туда, так как слышу сквозь разбитое окно глухой волчий вой-

Воздух полон кружащимися и вертящимися мошками, и светильники горят синим тусклым светом. Что мне делать? Да хранит меня Бог от всякого несчастья в эту ночь! Я спрячу эту бумагу у себя на груди, где ее найдут, если меня придется переносить. Моя мать умерла! Пора и мне! Прощай, дорогой Артур, если я не переживу этой ночи! Да хранит тебя Бог, дорогой, да поможет Он мне!

Глава XII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

18 сентября.

Получив телеграмму, я немедленно отправился в Гиллингем и прибыл туда рано утром. Оставив свой экипаж у ворот, я пошел по дорожке. Я осторожно постучался и позвонил как можно тише, так как боялся потревожить Аюси или ее мать и надеялся, что разбужу только прислугу. Но никто не вышел, и я вновь постучался и позвонил — снова никакого ответа. Я проклинал лень прислуги, в столь поздний час еще валявшейся в постели, так как было уже десять часов, и нетерпеливо стучался и звонил еще несколько раз, однако ответа все не было. До сих пор я винил прислугу, а теперь мною начал овладевать ужасный страх. Я не знал, чем вызвано это странное молчание: отчаянием ли перед неумолимостью рока, замкнувшего нас в кольцо, или тем, что передо мной дом смерти, куда я пришел слишком поздно. Я знал, что минута и даже секунда опоздания

равняется часам страдания для Люси, если с нею вновь повторится один из ее ужасных припадков; и я обошел вокруг дома в надежде найти какой-нибудь вход.

Я нигде не нашел даже намека на вход. Все окна и двери были закрыты, и, расстроенный, я снова вернулся к дверям. Тут вдруг послышался топот быстро мчавшейся лошади. Топот стих у ворот, и через несколько секунд я увидел бегущего по дорожке доктора Ван Хелсинга. Увидев меня, он воскликнул:

— Так это вы! И вы только что приехали? Как она? Мы опоздали? Вы получили мою телеграмму?

Я ответил ему так быстро и связно, как только мог, что получил его телеграмму рано утром и что не потерял ни секунды, чтобы сюда прийти, но что мне никак не удается дозвониться. Он помедлил и, сняв шляпу, торжественно произнес:

— Ну, тогда я боюсь, мы опоздали. Да свершится Божья воля! — С обычной для него энергией он произнес: — Пойдемте. И если нигде не отыщем входа, нам придется проделать его своими руками. Время теперь дороже всего.

Мы подошли к задней стороне дома, куда выходило кухонное окно. Профессор вынул из чемодана хирургическую пилу и передал ее мне, показав на железную решетку окна. Я принялся за дело, и вскоре три прута были распилены. Затем с помощью длинного тонкого ножа мы вытащили решетку и открыли окно. Я помог профессору влезть, а затем сам последовал за ним. В кухне и людской никого не оказалось. Мы осмотрели все комнаты и когда наконец пришли в столовую, скудно освещенную лучами солнца, проникавшими сквозь ставни, то нашли четырех служанок лежащими на полу. Ясно было, что они живы, так как их тяжелое дыхание и едкий запах опия в комнате объясняли все. Мы с Ван Хелсингом обменялись взглядами, и он, направляясь дальше, сказал:

— Мы можем к ним вернуться позже.

Затем мы подошли к комнате Люси и на секунду остановились у двери, прислушиваясь, но ничего не услышали. Дрожа и побледнев, мы тихо открыли дверь и вошли.

Смогу ли я описать открывшуюся картину! На постели лежали две женщины, Люси и ее мать. Мать лежала дальше от нас, прикрытая белой простыней, край которой отогнул ворвавшийся через разбитое окно ветер и открылось бледное лицо, искаженное отпечатком пережитого страха. Рядом лежала Люси, тоже бледная, с лицом еще более искаженным. Цветы с ее шеи теперь лежали на груди ее матери, а сама шея была открыта, и на ней виднелись две крошечные ранки, такие же, как прежде, но только края их были рваными и ужасно белыми. Не говоря ни слова, профессор склонился над постелью, почти касаясь груди бедной Люси; затем быстро повернул голову в сторону, как будто прислушался к чему-то, и, вскочив на ноги, крикнул мне:

— Еще не поздно! Скорей! Скорей! Принесите бренди!

Я помчался вниз и вернулся с бутылкой бренди, причем попробовал и понюхал его из предосторожности, боясь, что бутылка может оказаться отравленной, как тот графин хереса, который я нашел на столе. Служанки все еще спали, но дыхание их стало тревожнее, так что, по моему мнению, действие снотворного заканчивалось. Я не останавливался, чтобы убедиться в этом, а вернулся к Ван Хелсингу. Он натер губы, десны, запястья и ладони Люси бренди, как и в прошлый раз, и сказал мне:

— Ничего больше здесь пока сделать нельзя! Ступайте и приведите в чувство служанок. Похлещите их по лицу мокрым полотенцем, и похлещите как следует. Пусть они разведут огонь и приготовят горячую ванну. Бедняжка почти так же холодна, как и ее мать. Ее нужно согреть, прежде чем приниматься за что-то другое.

Я тотчас же спустился, и мне нетрудно было разбудить трех из них. Четвертая была еще очень молода, и снотворное подействовало на нее сильнее, чем на остальных, так что я положил ее на диван и дал ей выспаться. Другие, когда сознание к ним вернулось, стали плакать и биться в истерике. Но я строго остановил их и сказал, что достаточно одной погибшей жизни; если же они станут медлить, то погубят и Люси. Рыдая и плача, они как были, полуодетые, принялись за работу, развели огонь и вскипятили воду. К счастью, огонь в очаге и под котлом еще теплился, и в горячей воде недостатка не было. Мы приготовили ванну, вынесли Люси на руках и посадили ее туда. В то время как мы растирали ее, раздался стук в парадную дверь. Одна из

служанок накинула на себя какую-то одежду и выбежала открыть. Затем вернулась и шепотом сказала нам, что какой-то господин пришел с поручением от мистера Холмвуда. Я велел ей сказать, чтобы он подождал, так как сейчас мы очень заняты. Она ушла с поручением, и, погруженный в свою работу, я совершенно о нем забыл.

Впервые я видел, чтобы профессор работал столь серьезно. Я знал не хуже его, что идет решительный бой со смертью, и в паузе сказал ему об этом. Он ответил мне так, что я ничего не понял, но с самым строгим выражением лица, какое только могло быть:

— Если бы вы были правы, я бы остановился там, где мы теперь, и позволил бы ей отойти с миром, потому что не вижу света жизни на ее горизонте.— И он принялся за работу с новой, безумной энергией, если это только возможно.

Наконец мы заметили, что тепло начинает оказывать на Люси некоторое действие. При помощи стетоскопа удары ее сердца слышались уже яснее, а дыхание ощущалось чуть лучше. Лицо Ван Хелсинга почти сияло, и, когда мы вынули ее из ванной и завернули в теплую сухую простыню, он сказал мне:

— Начало игры за нами! Шах королю!

Мы понесли Люси в другую комнату, которую за это время приготовили, и положили ее на кровать, затем влили ей несколько капель бренди в рот. Я заметил, что Ван Хелсинг повязал ей вокруг шеи мягкий шелковый платок. Она все еще находилась без сознания, и ей было очень плохо, чуть ли не хуже, чем когда-либо.

Ван Хелсинг позвал одну из служанок и велел ей остаться возле Люси и не сводить с нее глаз, пока мы не вернемся, затем вышел со мной из комнаты.

— Нужно обсудить дальнейшие действия! — сказал он, когда мы спускались по лестнице.

Из передней мы прошли в столовую, где и остановились, закрыв за собою дверь. Ставни были распахнуты, но шторы уже опустили с тем уважением к смерти, которое столь свойственно британской женщине из низших сословий. Поэтому в комнате царил полумрак. Тем не менее для нас она была достаточно светла. Обычно суровое лицо Ван Хелсинга выражало какое-то

смущение. Его, очевидно, что-то тревожило; после небольшой паузы он сказал:

— Что нам теперь делать? Куда нам обратиться за помощью? Необходимо сделать ей новое переливание крови, и как можно скорее, потому что жизнь бедняжки висит на волоске: она не выдержит больше и часу. Вы для этой цели не годитесь. Я тоже. Этим женщинам я боюсь довериться, даже если у них и хватит храбрости подвергнуться операции. Как нам найти кого-нибудь, кто согласится ради нее открыть свои вены?

— Не могу ли я вам служить?

Голос раздался с кушетки в другом конце комнаты, и звуки эти принесли облегчение и радость моему сердцу, так как это был голос Квинси Морриса. При первых звуках этого голоса Ван Хелсинг разозлился, но выражение его лица смягчилось, и глаза его смотрели уже ласково, когда я воскликнул: «Квинси Моррис!» — и бросился к нему с объятиями.

— Как вас сюда занесло? — крикнул я ему, когда наши руки встретились.

— Думаю, Арт — причина.

Он вручил мне телеграмму:

«Вот уже три дня, как от Сьюарда ничего нет. Страшно беспокоюсь. Не могу уехать. Отец все еще в том же положении. Напишите, здорова ли Люси. Не медлите. Холмвуд».

— Мне кажется, что я пришел как раз вовремя. Вы ведь знаете, вам стоит только сказать слово, чтобы я сделал все.

Ван Хелсинг шагнул вперед, взял его за руку и, взглянув ему прямо в глаза, сказал:

— Кровь храброго человека — самая чудесная вещь на свете, когда женщина в беде. Вы настоящий мужчина, в этом нет сомнений. Прекрасно, пусть дьявол работает изо всех сил, но Бог шлет нам людей, когда они нужны.

И снова мы провели эту тяжелую операцию. У меня не хватит сил описать ее подробно. Люси, по-видимому, перенесла ужасное потрясение, и оно отразилось на ней сильнее, чем раньше, так как, несмотря на то что в ее вены было влито много крови, тело ее уже не поддавалось так хорошо лечению, как прежде. Тяжело было слышать и смотреть на ее возвращение к жизни. Но как бы там ни было, работа сердца и легких улучшалась. Ван Хелсинг сделал ей подкожную инъекцию, как и раньше

ше, и снова с успехом. Ее обморок перешел в глубокий сон. Профессор остался сторожить, пока я спустился вниз с Квинси Моррисом и послал одну из служанок отпустить ожидавшего извозчика. Я оставил Квинси отдохнуть, заставил его выпить бокал вина, а кухарке велел приготовить солидный завтрак. Тут вдруг мне пришла в голову одна мысль, и я пошел в комнату, где лежала Люси. Когда я тихо вошел, то застал там Ван Хелсинга с несколькими листочками бумаги в руках. Он, очевидно, уже прочел их и теперь сидел, подпирая голову рукой, в глубокой задумчивости. На лице его видно было выражение мрачного удовлетворения, словно он удачно разрешил какое-то сомнение. Он передал мне листочки со словами:

— Это упало у Люси с груди, когда я нес ее в ванну.

Прочтя их, я взглянул на профессора и после некоторого молчания сказал ему:

— Ради бога, скажите, что же все это значит? Была ли она и прежде безумной, или теперь сошла с ума, или то, что написано, правда и в этом кроется какая-то ужасная опасность?

Я был сбит с толку и не знал, что еще сказать. Ван Хелсинг протянул руку, взял обратно листочки и ответил:

— Не думайте теперь об этом. Забудьте — пока! Вы узнаете и поймете все в свое время; но это будет позже. А теперь скажите, о чем вы собирались мне рассказать?

Это вернуло меня к реальности, и я снова взял себя в руки.

— Я пришел сказать вам, что надо написать заключение о смерти миссис Вестенра. Если мы не поступим должным образом и предусмотрительно, то будет расследование, и тогда эти листочки придется предъявить. Надеюсь, в расследовании нет никакой надобности, потому что оно наверняка убьет бедную Люси. Опустим лишние подробности. Я, вы и доктор, который лечил миссис Вестенра, знают о ее больном сердце, и мы можем составить соответствующее заключение. Давайте сразу это сделаем, и я сам отнесу его зарегистрировать, а потом — к гробовщику.

— Хорошо, мой дорогой Джон! Здорово придумано! Воистину мисс Люси не имеет недостатка не только во врагах, но и в друзьях, которые ее любят. Первый, второй, третий открыли ей свои вены, не считая еще одного старика. Да, дружище Джон, я понимаю: я не слепец! И за это люблю вас еще больше. А теперь идите.

Я снова спустился и в передней встретил Квинси Морриса с телеграммой, которую он собирался послать Артуру. В ней он сообщал о смерти миссис Вестенра и о том, что Люси также была больна, но что ей теперь лучше и что Ван Хелсинг и я с нею. Я объяснил, куда направляюсь, и он поторопил меня, а когда я уже уходил, спросил:

— Мы поговорим с вами, Джек, когда вы вернетесь?

Я кивнул ему в ответ головой и вышел. Я не встретил никаких затруднений при занесении в реестр и велел местному гробовщику прийти вечером снять мерку для гроба и взять на себя устройство похорон.

Когда я вернулся, Квинси уже ждал меня. Я сказал ему, что поговорю с ним, как только узнаю, что с Люси, и вошел к ней в комнату. Она все еще спала, а профессор, по-видимому, так и не двигался с места. Он приложил палец к губам, и я понял, что он в скором времени ждет ее пробуждения и не желает упреждать природу. Я вернулся к Квинси, и мы пошли в столовую, в которой ставни не были закрыты и которая была приятней или, вернее, не столь неприятна, как другие комнаты.

Когда мы остались одни, он сказал:

— Я не люблю бывать там, где у меня нет на это права, но здесь случай исключительный. Вы знаете, как я любил эту девушку; и, несмотря на то что это все уже в прошлом, я все же не могу не беспокоиться о ней. Скажите, что с нею случилось? Голландец — очень славный старик; это он, видно, сказал, когда вы вошли в комнату, что необходима новая трансфузия крови и что вы оба, и вы и он, истощены. Я, конечно, понимаю, что это вами, медиками, говорилось *при закрытых дверях* и что простой смертный не вправе ждать отчета о ваших частных консультациях. Но случай далеко не ординарный, и, как бы то ни было, я тоже сыграл свою роль. Не так ли?

— Так,— подтвердил я, а он продолжал:

— Я догадываюсь, что вы оба с Ван Хелсингом уже проделали над собой то, что я сегодня сделал. Не так ли?

— Да, так.

— И я догадываюсь, что Артур тоже приносил себя в жертву. Когда я встретился с ним четыре дня тому назад, он очень плохо выглядел. Я никогда не видел, чтобы так быстро ослабевали, с тех пор как однажды в пампасах пустил свою любимую

кобылу попастись ночью. Одна из тех больших летучих мышей, которых там называют вампирами, напала на несчастную лошадь, высосала у нее из горла и открытых ран столько крови, что она уже не в силах была оправиться, и мне пришлось пристрелить ее из сострадания. Скажите мне совершенно откровенно, Джек: Артур был первым, не так ли?

Говоря, бедняга ужасно волновался. Он мучительно переживал за женщину, которую любил, и его полное неведение об ужасной тайне, окружавшей ее, казалось, усиливало страдания. Само его сердце кровоточило, и ему потребовалось все мужество — львиная доля по крайней мере, чтобы удержаться от срыва. Я задумался, так как сознавал, что не следует выдавать того, что профессор держит в секрете, но Моррис знал уже слишком много и о многом догадывался, и потому не было причины ему не отвечать — поэтому я и ответил ему:

— Да, так.

— И как долго это продолжается?

— Дней десять.

— Десять дней! Значит, Джек Сьюард, в вены этого бедного создания, которое мы все так любим, за это время вкачали кровь четырех здоровых людей. Помилуй господи, да все ее тело не вместило бы этого! — Подойдя ко мне вплотную, он горячо прошептал: — Куда же она девалась, эта кровь?

Я покачал головой.

— Куда? — повторил я.— В этом-то вся загадка. Ван Хелсинг едва не сходит с ума, да и я тоже. Я определенно ничего не соображаю, да и представить себе не могу. Множество мелких случайностей спутали все наши распоряжения, касающиеся охраны Люси. Но больше такого не случится. Мы тут останемся, пока все это не кончится,— хорошо ли, дурно ли, как будет угодно Богу!

Квинси протянул мне руку.

— Рассчитывайте на меня,— сказал он.— Вы и голландец говорите только, что делать, а я сделаю.

Когда Люси поздно днем проснулась, то, к моему удивлению, нашла те листки, которые Ван Хелсинг давал мне прочесть. Осторожный профессор положил их обратно, чтобы, проснувшись, она не встревожилась. Без сомнения, ее взгляд натолкнулся на нас с Ван Хелсингом, и в нем засветилась радость. Затем она огляделась и, заметив, где находится, вздрогнула, громко вскрикнула и закрыла свое бледное лицо бледными, худыми руками.

Мы оба поняли значение всего этого: она вспомнила о смерти матери — и приложили все старания, чтобы ее успокоить. Без сомнения, от нашего сочувствия ей стало немного легче, но она очень пала духом и долгое время тихо и слабо плакала. Мы сказали, что один из нас или оба останутся дежурить на всю ночь, и это, казалось, успокоило ее. Когда стемнело, она вновь задрожала. Но тут произошло нечто странное. Во сне она выхватила листки и порвала их. Ван Хелсинг встал и отобрал их у нее, а она все-таки продолжала рвать воображаемую бумагу; наконец она подняла руки и развела их, будто разбрасывая оставшиеся клочки. Ван Хелсинг был поражен и нахмурился, что-то соображая, но ничего не сказал.

19 сентября.

Прошлую ночь она спала очень неспокойно, все боялась заснуть, а когда проснулась, чувствовала себя намного слабее. Профессор и я по очереди сторожили и ни на минуту не оставляли ее. Квинси Моррис ничего не говорил о своих намерениях, но я знаю, что он всю ночь бродил вокруг дома и сторожил. На следующий день при дневном свете мы увидели, насколько ослабела наша бедная Люси. Она с трудом поворачивала голову, и то ничтожное количество пищи, которое она в состоянии была принять, нисколько не помогло ей. Временами она засыпала, и оба мы, Ван Хелсинг и я, заметили, как отличалось ее состояние, когда она спала, по сравнению с ее состоянием после сна. Во сне она выглядела более сильной, хотя была бледнее, и дышала ровнее; открытый рот обнажал бледные, бескровные десны, причем зубы казались как-то длиннее и острее, чем обычно; когда же она бодрствовала, мягкий взгляд ее глаз менял выражение лица — она снова становилась похожей на себя, хотя очень изменилась от истощения, и казалось, что она вот-вот умрет. Вечером она спросила об Артуре, и мы вызвали его телеграммой. Квинси поехал на вокзал его встречать.

Артур приехал около шести часов вечера. Когда он увидел ее, то его охватило чувство умиления, и никто из нас не мог произнести ни слова. В течение дня припадки сонливости стали учащаться, так что возможности поговорить с ней почти не было. Все-таки присутствие Артура подействовало на нее возбуждающе: она немного посмеялась и разговаривала с ним веселее, чем с нами до его приезда. Он сам тоже чуть-чуть ободрился.

Теперь около часа ночи, он и Ван Хелсинг все еще сидят возле нее. Через четверть часа я должен их сменить. Я сейчас записываю все это на фонографе Люси. До шести часов они могут отдохнуть. Я боюсь, что завтра конец нашим заботам, так как потрясение было слишком сильным и бедное дитя может не выдержать. Да поможет нам всем Бог!

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

(Не распечатанное ею)

17 сентября.

Моя дорогая Люси!

Кажется, целый век, как я ничего не слышала от тебя или, вернее, как я тебе ничего не писала. Я знаю, что ты простишь мне мой грех, когда узнаешь все мои новости. Мой муж благополучно вернулся. Когда мы приехали в Эксетер, коляска уже ждала нас; в ней сидел мистер Хокинс, приехавший нас встречать, несмотря на то что снова сильно страдает от подагры. Он повез нас к себе, где для нас были приготовлены удобные и уютные комнаты, и мы все вместе пообедали. После обеда мистер Хокинс сказал:

«Мои дорогие, пью за ваше здоровье и благополучие и желаю вам обоим бесконечного счастья. Я знаю вас с детства, с любовью и гордостью наблюдал за тем, как вы росли. Я хочу, чтобы вы жили здесь со мной. У меня нет никого на свете, и я решил оставить все вам».

Дорогая Люси, я плакала, когда Джонатан и этот старик пожимали друг другу руки... Это был очень, очень счастливый вечер для нас.

Итак, мы устроились теперь в этом чудном, старом доме. Из спальной и гостиной я вижу величественные вязы у недействующего собора: их величавые черные стволы высятся на фоне старого желтого соборного камня, и над головой грачи кричат, и болтают, и сплетничают на манер грачей — и людей. Я страшно занята устройством квартиры и хозяйством. Джонатан и мистер Хокинс заняты целыми днями, ибо, взяв Джонатана в компаньоны, мистер Хокинс хочет посвятить его во все дела своих клиентов.

Как поживает твоя милая матушка? Хотелось бы мне приехать к вам в город на день или на два, увидеть вас, дорогие мои, но я не смею, так как у меня слишком много дел, а за Джонатаном нужно очень и очень ухаживать. Он уже начинает полнеть, но все же страшно ослабел после своей долгой болезни. Даже теперь он порой внезапно просыпается и весь дрожит, пока я ласково не успокою его. Однако, слава богу, дни идут, и эти припадки становятся все реже и, я надеюсь, вскоре совсем пройдут.

Теперь я рассказала тебе все свои новости, послушаю твои. Когда твоя свадьба? Где и кто будет вас венчать, и что ты наденешь, и будет ли это торжественная или скромная свадьба?

Расскажи мне обо всем, дорогая, так как нет ничего, что касалось бы тебя и не интересовало бы меня и не было бы мне дорого.

Джонатан передает тебе свое «почтение», что, я думаю, еще слишком милостиво для младшего компаньона солидной фирмы «Хокинс и Харкер», а посему, поскольку ты любишь меня, и он любит меня, и я люблю тебя во всех наклонениях и временах этого глагола, я передаю тебе лишь его простое «с любовью». Прощай, моя дорогая, да благословит тебя Бог.

Твоя *Мина Харкер.*

ОТЧЕТ ПАТРИКА ХЕННЕССИ, Д. М., И Т. Д., И Т. Д., ДЖОНУ СЬЮАРДУ, Д. М.

20 сентября.

Любезный сэр,

Согласно вашему желанию при сем прилагаю отчет обо всех делах, порученных мне... Что касается пациента Ренфилда, то о нем много новостей. С ним был новый припадок, который мог бы кончиться очень плохо, но который, к счастью, не имел никаких печальных последствий. Вчера после обеда двухколесная повозка подвезла двух господ к пустому дому, который граничит с нашим,— к тому самому дому, куда, помните, пациент дважды убегал. Эти господа остановились у наших ворот, чтобы спросить, как им туда пройти; они, очевидно, иностранцы. Я стоял у окна кабинета и курил после обеда и видел, как один из них приближался к дому. Когда он проходил мимо окна Ренфилда,

то пациент начал обзывать его по-всякому, кричал, что тот хочет его убить, но что он ему помешает, если тот только вздумает это сделать. Я открыл окно и сделал господину знак, чтобы он не обращал внимания на слова больного. Он ограничился тем, что огляделся, как будто желая вспомнить, куда он попал, и сказал: «Боже меня сохрани обращать внимание на то, что мне кричат из несчастного сумасшедшего дома. Мне очень жаль вас и управляющего, которым приходится жить под одной крышей с таким диким зверем, как этот субъект». Затем он очень любезно спросил меня, как ему пройти в пустой дом, и я показал калитку; он ушел, а вслед ему сыпались угрозы, проклятия и ругань Ренфилда. Я пошел к нему, чтобы узнать причину его злости, так как он всегда вел себя прилично и ничего подобного с ним не случалось, когда у него не было припадка буйства. К моему великому удивлению, я застал его совершенно успокоившимся и даже веселым. Я старался навести его на разговор об этом инциденте, но он коротко начал расспрашивать меня, что я этим хотел сказать, и заставил меня поверить тому, что он тут совершенно ни при чем. И все-таки, сколь ни печально, это оказалось не что иное, как хитрость с его стороны, ибо не прошло и получаса, как я снова услышал о нем. На этот раз он опять разбил окно в своей комнате и, выскочив через него, помчался по дорожке. Я крикнул сторожу, чтобы он следовал за мной, а сам побежал за Ренфилдом, так как опасался какой-нибудь беды. Мои опасения оправдались: около повозки с несколькими большими деревянными ящиками, которая раньше уже проезжала, стояли несколько вспотевших человек с багровыми лицами и утирали потные от тяжелой работы лбы; прежде чем я успел подойти, наш пациент бросился к ним, столкнул одного из них с повозки и начал колотить его головою о землю. Если бы я не схватил его вовремя, Ренфилд убил бы его на месте. Его товарищ схватил тяжелый кнут и стал бить Ренфилда по голове рукояткой кнута. Это были ужасные удары, но Ренфилд, казалось, не чувствовал — бросился на него и боролся сразу с тремя, хотя я довольно грузен и те два тоже дюжие молодцы. Сначала он вел себя в свалке довольно спокойно, но как только заметил, что мы его осилили и сторожа надевают на него смирительную рубашку, начал кричать: «Я хочу их уничтожить! Они не смеют меня грабить! Они не смеют убивать меня постепенно! Я сражаюсь за своего господина и хозяина!» и прочие бессмыслен-

ные фразы. Порядочного труда стоило нам вернуть его домой и водворить в его обитую войлоком комнату. Один из сторожей, Гарди, сломал себе при этом палец, но я сделал ему перевязку, и он уже поправляется.

Два носильщика вначале громко требовали возмещения ущерба и обещали обрушить на нас потоки законных взысканий. В их требованиях, однако, сквозило некоторое чувство неудобства из-за поражения, нанесенного двум из них слабым безумцем. Они намекали, что если бы не устали, перетаскивая тяжелые ящики и грузя их на повозку, то быстро сладили бы с ним. В качестве другой причины поражения выдвигалась необыкновенная жажда, возникающая вследствие пыльной природы их работы, и достойная порицания удаленность места их трудов от общественных увеселительных точек. Я вполне понял маневр, и вскоре, после стаканчика-другого крепкого грога, зажав каждый по монете в руке, они ослабили натиск и поклялись, что готовы повстречаться с вовсе психом ради удовольствия пообщаться с таким «дьявольски приятным парнем», как ваш покорный слуга. Я записал их имена и адреса на случай, если они понадобятся. Вот они: Джек Смоллет, квартиры Даддинга, Кинг-Джордж-роуд, Грейт-Уолворт, и Томас Снеллинг, дома Питера Фарлея, Гайд-Корт, Бетнал-Грин. Оба состоят на службе в компании «Харрис и сыновья, сухопутный и водный транспорт», Оранж-Мастерс-Ярд, Сохо.

Я поставлю вас в известность обо всем представляющем интерес и немедленно дам знать, если случится нечто важное...

Поверьте, любезный сэр, искренне ваш

Патрик Хеннесси.

ПИСЬМО МИНЫ ХАРКЕР ЛЮСИ ВЕСТЕНРА

(Не распечатанное ею)

18 сентября.

Моя дорогая Люси!

Какой удар! Мистер Хокинс внезапно умер! Многие подумают, что это вовсе не столь печалит нас, но мы оба так полюбили его, что нам определенно кажется, будто мы потеряли отца. Для меня, никогда не знавшей родителей, смерть милого мистера

Хокинса — настоящий удар. Джонатан сильно сокрушается: он опечален, глубоко опечален, не только тем, что потерял этого доброго старика, всю жизнь так хорошо относившегося к нему, заботившегося о нем как о родном сыне и в конце концов оставившего ему такое состояние, которое нам, скромным людям, обыкновенно кажется несбыточной мечтой,— но чувствует эту утрату и в другом отношении. Он говорит, что ответственность, которая теперь целиком ложится на него, заставляет его нервничать. Он стал сомневаться в себе. Я стараюсь его подбодрить, и моя вера в него поддерживает его веру в себя. А то сильное потрясение, которое он недавно перенес, отражается теперь на нем еще больше. О-о! Так ужасно, что его чудесная, простая, честная и твердая натура, давшая ему возможность с помощью нашего дорогого друга пройти за несколько лет путь от простого клерка до хозяина, уязвлена настолько, что сама твердость ее утрачена. Прости, дорогая, что беспокою тебя своими горестями в те дни, когда ты так счастлива. Но, дорогая Люси, мне приходится быть мужественной и веселой при Джонатане, а это мне стоит большого труда, и не с кем отвести душу. Послезавтра мне придется быть в Лондоне, так как мистер Хокинс перед смертью выразил желание быть похороненным рядом со своим отцом. Поскольку у него нет никаких родственников, Джонатан должен принять на себя все хлопоты по погребению. Я постараюсь забежать к тебе, дорогая, хоть на несколько минут. Прости, что потревожила тебя. Да благословит тебя Бог!

Любящая тебя

Мина Харкер.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

20 сентября.

Только решительность и привычка смогли заставить меня начать сегодняшнюю запись. Я слишком печален и подавлен, настолько устал от всего в этом мире, включая саму жизнь, что мне было бы безразлично, услышь я в эту самую минуту шум крыльев ангела смерти. И он не без успеха взмахивал зловещими крыльями: мать Люси, отец Артура, а теперь... Но вернусь к своим обязанностям.

Я сменил Ван Хелсинга возле Люси. Мы хотели, чтобы Артур также пошел отдохнуть, но он отказывался и согласился уйти лишь тогда, когда я сказал ему, что он понадобится нам днем и будет плохо, если мы все устанем, так как от этого может пострадать Люси.

Ван Хелсинг был с ним очень внимателен и заботлив.

— Пойдемте, мой мальчик,— сказал он Артуру,— пойдемте со мной. Вы ослабли и устали, ваше отчаяние и душевная боль, мы знаем, также легли тяжким бременем на душу. Вам не надо оставаться в одиночестве, одиночество исполнено страха и тревоги. Пойдемте в столовую, там много света и две софы. Вы ляжете на одну, а я на другую, и наша взаимная приязнь благотворно подействует на нас обоих, даже если мы не будем разговаривать, даже если мы заснем.

Артур ушел вместе с Ван Хелсингом, бросив пристальный взгляд на бледное лицо Люси — оно было белее полотна подушки, на которой покоилась ее голова. Люси лежала совершенно спокойно, и я мельком оглядел комнату, желая убедиться, что все в ней так, как должно быть. Профессор снова развесил тут повсюду цветы чеснока. Дыру в разбитом окне он заткнул чесноком, да и на шее Люси, над шелковым платочком, который Ван Хелсинг заставил ее повязать, был густой венок из тех же самых ароматных цветов. Люси как-то тяжело дышала и выглядела гораздо хуже, чем раньше, так как полуоткрытый рот обнажал бледные десны. Зубы ее в сумерках казались еще длиннее, чем утром. Благодаря игре света чудилось даже, будто у нее появились длинные и острые клыки. Я присел к ней на кровать, и она шевельнулась, словно почувствовала себя неловко. В это время раздался глухой звук, точно кто-то постучал чем-то мягким в окно. Я осторожно подошел к нему и выглянул за край отогнутой шторы. Светила полная луна, и я увидел, что шум производила большая летучая мышь, которая кружилась у самого окна , очевидно притянутая светом, хотя и тусклым, постоянно ударяясь крыльями об окно. Когда я вернулся на свое место, то заметил, что Люси слегка подвинулась и сорвала со своей шеи венок из чеснока. Я положил его обратно и продолжал сторожить.

Затем она проснулась, и я дал ей поесть, как это предписал Ван Хелсинг. Она поела нехотя и очень мало. В ней не было боль-

ше заметно той бессознательной борьбы за жизнь, которая до сих пор служила доказательством крепости ее организма. Меня поразило, что, едва придя в себя, она тотчас же лихорадочным движением прижала к груди цветы. Необычайно странно было то, что, как только она впадала в свой странный, как бы летаргический сон с его тревожным движением, она сбрасывала с себя цветы, а как только просыпалась, снова прижимала их к себе. Я не допускал, что явление это случайно, ибо на протяжении долгих ночных часов, которые я провел, оберегая ее сон, она постоянно то засыпала, то просыпалась и всякий раз повторяла те же движения.

В шесть часов Ван Хелсинг сменил меня. Артур задремал, и доктор, пожалев, не стал его будить. Когда он увидел лицо Люси, он испуганно вздрогнул и сказал резким шепотом: «Отодвиньте штору, мне нужен свет!» Затем он наклонился и, почти касаясь лицом Люси, осторожно осмотрел ее. Сдвинув цветы и сняв шелковый платок с шеи, он осмотрел шею и пошатнулся. «Боже мой!» — воскликнул он сдавленным голосом. Я тоже наклонился и взглянул; то, что я увидел, и меня поразило: раны на шее совершенно затянулись.

Целых пять минут Ван Хелсинг молча стоял и сурово глядел на нее. Затем он обернулся ко мне и спокойно сказал:

— Она умирает. Теперь это недолго протянется. Заметьте: будет иметь громадное значение, умрет ли она в сознании или во сне. Разбудите нашего несчастного друга, пусть он придет и взглянет на нее в последний раз; он доверял нам, а мы ему это обещали.

Я пошел в столовую и разбудил Артура. В первую минуту он был как в дурмане, но когда увидел солнечный луч, пробившийся сквозь щель ставни, то испугался, что опоздал. Я уверил его, что Люси все время спала, но намекнул ему, насколько мог осторожно, на то, что мы с Ван Хелсингом боимся, как бы это не было ее последним сном. Он закрыл лицо руками, опустился на колени возле кушетки и оставался в таком положении несколько минут, молясь. Плечи его содрогались от беззвучных рыданий. Я взял его за руку и заставил подняться.

— Пойдемте, мой дорогой друг,— сказал я ему,— укрепитесь духом: так будет лучше и легче для нее.

Когда мы вошли в комнату Люси, я заметил, что Ван Хелсинг, со свойственной ему предусмотрительностью, решил идти

напрямик и постарался обставить и устроить все как можно лучше. Он даже причесал Люси, так что волосы ее лежали на подушке светлыми прядями. Когда она увидала Артура, то тихо прошептала:

— Артур! О моя любовь, я так рада, что ты пришел.

Он нагнулся, чтобы поцеловать ее, но Ван Хелсинг быстро оттащил его.

— Нет,— прошептал он ему на ухо,— не теперь! Возьмите ее за руку, это больше успокоит ее.

Артур взял ее руку и встал перед ней на колени, а она ласково посмотрела на него своими добрыми, чудными, ангельскими глазами. Затем она медленно закрыла глаза и задремала. Грудь ее тяжело поднималась, и она дышала, как уставшее дитя.

Тут с нею снова произошла та перемена, которую я не раз наблюдал ночью. Ее дыхание стало тяжелее, губа вздернулась и открыла бледные десны, благодаря чему зубы казались длиннее и острее, чем раньше; она в полусне бессознательно открыла глаза, ставшие вдруг мутными и суровыми, и сказала таким странным и сладострастным тоном, какого никто из нас никогда у нее не слышал:

— Артур, любовь моя, я так рада, что ты пришел! Поцелуй меня!

Артур быстро наклонился к ней; но тут Ван Хелсинг, пораженный, как и я, ее тоном, бросился к нему, схватил его обеими руками за шиворот и со страшной, невероятной силой отшвырнул от нее.

— Ради вашей жизни,— сказал он,— ради спасения вашей и ее души! — И встал между ними, как лев, попавший в западню.

Артур сначала не знал, что ему делать и что сказать, но, прежде чем приступ злобы успел охватить его, он сообразил, в каких условиях находится, и молча остался стоять в углу.

Ван Хелсинг и я взглянули на Люси и увидели, как на лице ее мелькнула тень бешеной ярости, а острые зубы щелкнули от досады.

Вскоре после того она вновь открыла глаза и, протянув свою бледную, худую руку, взяла Ван Хелсинга за его большую загорелую руку, притянула ее к себе и поцеловала.

— Мой верный, дорогой друг,— произнесла она слабым голосом.— Мой и его верный друг! Берегите его и дайте мне надежду на покой!

— Клянусь вам,— ответил он торжественно, подняв вытянутую руку, точно клялся в суде. Затем он повернулся к Артуру и сказал ему: — Подойдите сюда, дитя мое, возьмите ее за обе руки и поцелуйте в лоб, но только один раз.

И встретились их глаза, а не губы; так они и расстались.

Глаза Люси закрылись; Ван Хелсинг, стоявший рядом с ней, взял Артура под руку и отвел его в сторону.

Затем дыхание Люси сделалось вновь тревожным и вдруг совсем прекратилось.

— Все кончено,— сказал Ван Хелсинг,— она умерла.

Я взял Артура под руку и увел в гостиную, где он принялся так рыдать, что я не в силах был на него глядеть. Я вернулся в комнату усопшей и застал Ван Хелсинга глядящим на Люси необычайно серьезным взглядом. С ней произошла какая-то перемена: смерть вернула ей часть былой красоты, черты ее лица смягчились; даже губы не были больше так бледны. Как будто вся ее кровь, в которой сердце уже больше не нуждалось, прилила к лицу и старалась, по мере возможности, смягчить неприглядную работу смерти.

Уснула — и кажется нам, умерла;
Скончалась — мы думали, спит.

Я подошел к Ван Хелсингу и сказал ему:

— Ну вот, наконец-то бедняжка нашла покой! Все кончено!

Он повернулся ко мне и торжественно произнес:

— Нет, увы! Еще далеко не все! Это только начало.

Когда я спросил его, что он этим хотел сказать, он лишь покачал головой и ответил:

— Пока что мы ничего не можем сделать. Подождем и посмотрим.

Глава XIII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

(Продолжение)

Похороны были назначены на следующий день, так чтобы Люси была похоронена вместе с матерью.

Я позаботился обо всех ужасных формальностях, и агент городской похоронной фирмы доказал, что его персонал стра-

дает — или одарен — некоторой подобострастной обходительностью. Даже женщина, обряжающая покойников, заметила мне в конфиденциальной, родственно-профессиональной манере, выходя из мертвецкой: «Из нее получился прекрасный труп, сэр. Просто удовольствие ею заниматься. Не будет преувеличением сказать, сэр, она окажет честь нашему заведению».

Я заметил, что Ван Хелсинг все время держался поблизости. Возможно, причиной тому был господствовавший в доме беспорядок. Никаких родственников не осталось, так что мы с Ван Хелсингом решили сами просмотреть все бумаги, тем более что Артуру пришлось уехать на следующий день на похороны отца. Ван Хелсингу захотелось непременно самому просмотреть бумаги Люси. Я боялся, что он, как иностранец, не сумеет разобраться в том, что законно и что незаконно, и спросил его, почему он настаивает на этом. Он ответил:

— Не надо забывать, я не только врач, но и юрист. Хотя в данном случае нельзя считаться только с тем, чего требует закон. Тут, вероятно, найдутся и другие бумаги, в которые никто не должен быть посвящен.

При этом он вынул из своего бумажника записки, которые были у Люси на груди и которые она разорвала во сне.

— Если в бумагах отыщется что-нибудь о поверенном миссис Вестенра,— продолжал он,— то запечатайте все бумаги и напишите ему сегодня же. А я останусь на всю ночь сторожить здесь, в комнате Люси, так как хочу кое-что поискать. Нехорошо, если кто-то чужой узнает ее сокровенные мысли.

Я продолжал свою работу и вскоре нашел имя и адрес поверенного миссис Вестенра и написал ему. Все бумаги были в порядке, там было даже точно указано, где хоронить усопших. Только я запечатал письмо, как, к моему великому удивлению, вошел Ван Хелсинг, говоря:

— Не могу ли я помочь вам, Джон? Я свободен и весь к вашим услугам.

— Ну как, нашли вы наконец, что искали? — спросил я.

Он ответил:

— Я не искал ничего определенного. Я нашел то, что и надеялся найти: несколько писем, заметок и начатый недавно дневник. Вот они, но мы о них никому не скажем. Завтра я увижу

нашего бедного друга и с его согласия воспользуюсь кое-какими из отысканных бумаг.

Закончив работу, он обратился ко мне:

— А теперь, мой друг, думаю, можно идти спать. И вы, и я — мы оба должны выспаться и отдохнуть, чтобы восстановить силы. Завтра нам предстоит многое сделать, а ночью, увы... в нас нет нужды.

Прежде чем отправиться спать к себе, мы еще раз пошли посмотреть на бедную Люси. Агент, право, все хорошо устроил, он превратил комнату в маленькую chapelle ardente*. Все утопало в роскошных белых цветах, и смерть уже не производила отталкивающего впечатления. Лицо усопшей было покрыто краем покрывала. Профессор подошел и приподнял его; мы были поражены той красотой, которая представилась нашим взорам. Хотя восковые свечи довольно плохо освещали комнату, но все-таки было достаточно светло, чтобы разглядеть, что вся прежняя прелесть вернулась к Люси и что смерть, вместо того чтобы разрушить, восстановила всю красоту жизни до такой степени, что мне стало казаться, будто Люси и не умирала, а только спала.

У профессора был очень суровый вид. Он не любил ее так, как я; вполне естественно, что плакать ему было нечего. Он сказал мне:

— Побудьте здесь до моего возвращения,— и вышел.

Вскоре он вернулся с массой цветов белого чеснока; он вынул их из ящика, стоявшего до сих пор нераскрытым, и рассыпал среди других цветов по всей комнате и возле кровати. Затем он снял у себя с шеи маленький золотой крест, положил его на губы Люси, прикрыл ее вновь покрывалом, и мы ушли.

Я как раз раздевался в своей комнате, когда Ван Хелсинг, постучав предварительно, вошел и сказал:

— Прошу вас завтра еще до вечера принести мне пару ножей для вскрытия.

— Разве нужно будет производить вскрытие? — спросил я.

— И да и нет. Я хочу провести операцию, но не такую, как вы думаете. Я сейчас расскажу, в чем дело, но смотрите, другим ни слова! Я хочу отрезать ей голову и вынуть сердце. Ай! ай! ай!

* Часовня *(фр.)*.

вы врач — и настолько ошеломлены! Я видел, как вы без колебаний решались на операции, от которых другие хирурги отказывались. Да, конечно, милый друг, я должен помнить, что вы ее любили; я и не забыл этого; наконец, я решил сам провести операцию, вам же придется лишь помогать мне. Мне хотелось бы сделать это сегодня, но ради Артура придется подождать; он освободится только завтра после похорон отца, и ему, наверное, захочется еще раз на нее взглянуть. Затем, после того как ее положат в гроб, мы придем сюда, когда все будут спать, отвинтим крышку гроба и проведем операцию, а потом вернем все на место, чтобы никто, кроме нас, ничего не знал.

— Но к чему это вообще делать? — спросил я.— Девушка умерла. К чему резать напрасно ее бедное тело? И если мы этим не вернем ей жизнь, если это не принесет никакой пользы ни ей, ни нам, ни науке, ни человечеству, то к чему это делать? И без того все это так ужасно!

В ответ на мои слова он положил мне руки на плечи и ласково сказал:

— Мне жаль, Джон, ваше сердце, обливающееся кровью, и я еще больше люблю вас за это. Если бы я мог, то взял бы на себя всю тяжесть с вашей души. Но есть вещи, которые вам неизвестны, но которые вы, несомненно, узнаете; радуйтесь, что пока знаю их только я, так как они не слишком приятны. Джон, дитя мое, мы дружим уже много лет. Подумайте, вспомните и ответьте: делал ли я что-нибудь без оснований? Возможно, я ошибаюсь, я ведь только человек, но я верю во все то, что делаю. Не потому ли вы прислали за мной, когда случилось это великое горе? Ведь потому, не правда ли? Разве вас не удивило, не возмутило то, что я не позволил Артуру поцеловать его возлюбленную, отшвырнул его, несмотря на то что она умирала? Разумеется, так! А между тем вы ведь видели, как она меня потом благодарила своим ласковым взором, своим слабым голосом, как она поцеловала мою старую, грубую руку и как меня благословила. Да? Разве вы не слышали, как я поклялся ей исполнить ее просьбу, и она спокойно закрыла глаза? Да? Так вот, у меня довольно причин для всего того, что я делаю. Вы в течение многих лет верили мне; верили мне тогда, когда несколько недель тому назад произошли странные вещи, которых вы никак не могли понять. Доверьтесь мне еще ненадолго, Джон. Если вы мне не

доверяете, придется сказать вам то, что я думаю, а это может плохо кончиться. Но если мне придется работать, когда мне не доверяет мой друг, я буду чувствовать себя одиноким, а это очень тяжело; между тем помощь и поддержка могут мне понадобиться!

Я взял его за руку и обещал помочь ему.

Когда он вышел, я оставил дверь открытой и видел, как он вошел в свою комнату и закрыл за собою дверь. Стоя неподвижно у двери, я увидел также, как одна из служанок прошла тихонько по коридору и вошла в комнату, где лежала Люси.

Увиденное тронуло меня. Преданность столь редка, и мы так признательны тем, кто проявляет ее сам в отношении людей, которых мы любим. И вот здесь, передо мной, бедная девушка, преодолев естественный ужас, который испытывают в присутствии смерти, пришла одна к смертному одру любимой госпожи, чтобы прах ее не чувствовал одиночества перед вечным упокоением...

Я, должно быть, долго и крепко спал, потому что было уже поздно, когда приход Ван Хелсинга разбудил меня. Он подошел к моей кровати и сказал мне:

— Можете не беспокоиться о ножах: мы этого не будем делать.

— Почему? — спросил я, так как его торжественность накануне ночью поразила меня.

— Потому что слишком поздно,— ответил он,— или слишком рано. Взгляните,— он показал мне свой золотой крестик,— это было украдено ночью!

— Как украдено,— спросил я удивленно,— раз он теперь у вас?

— А так! Я отобрал его у недостойной служанки, укравшей его, у женщины, обкрадывавшей мертвых и живых. Она, конечно, будет достойно наказана, но не мной, так как не ведала, что творит, и благодаря неведению виновна лишь в краже. Теперь нам придется подождать.

И он ушел, задав мне новую загадку, снова перепутав все мои мысли.

День прошел тоскливо; вечером пришел адвокат, мистер Маркан. Это был общительный и понимающий человек; он взял на себя все наши мелкие заботы.

Во время завтрака он рассказал нам, что миссис Вестенра уже с некоторых пор ожидала смерти из-за болезни сердца и поэтому привела свои дела в полный порядок; далее он сообщил нам, что за исключением имущества отца Люси, которое теперь, за отсутствием прямых наследников, перейдет к побочной фамильной линии, все состояние, как движимое, так и недвижимое, завещано Артуру Холмвуду.

Сообщив нам столь многое, он продолжал:

— Откровенно говоря, мы сделали все, что было в наших силах, чтобы воспрепятствовать такому завещательному распоряжению, и указали некоторые непредвиденные обстоятельства, которые могут либо оставить ее дочь вообще без средств, либо ограничить свободу ее действий согласно брачному контракту. И действительно, мы настаивали столь упорно, что почти разразился конфликт, а миссис Вестенра спросила, готовы ли мы исполнить ее желание. Естественно, у нас не было иного выхода, и мы смирились. Мы были в принципе правы и в девяноста девяти случаях из ста смогли бы, по логике событий, доказать справедливость нашего заключения. Однако, сказать по чести, следует признать, что в этом случае любая другая форма распоряжения сделала бы невозможным выполнение ее пожеланий. В случае если бы она скончалась раньше дочери, последняя вступала бы во владение собственностью, и, даже переживи она свою мать на пять минут, ее достояние, в случае отсутствия завещания (а завещание в таком случае было бы практически невозможным), рассматривалось бы после ее кончины как оставшееся без распоряжений. В таком случае лорд Годалминг, при всей моей к нему приязни, не смог бы ни на что претендовать. А наследники не оказались бы обойденными в правах, по сентиментальным причинам переданных чужому. Уверяю вас, мои дорогие, я обрадован результатом, истинно обрадован.

Он был добрым малым, но его радость по поводу небольшой подробности (в которой он был официально заинтересован) огромной трагедии являла собой наглядный урок, сколь ограниченно сочувственное понимание.

Он не остался надолго, а предупредил, что заглянет попозже днем, чтобы повидать лорда Годалминга. Приход его тем не менее был некоторой поддержкой для нас, так как он уверил нас

(укрепил нас в мысли), что не все наши действия будут встречаться в штыки. Артура ожидали к пяти часам, так что до тех пор мы свободно могли успеть сходить в покойницкую. В данном случае комната вполне оправдывала свое назначение, так как там лежали теперь и мать, и дочь.

Агент похоронной фирмы, верный своему ремеслу, устроил все самым наилучшим образом, и дух смерти, казалось, витал над этим местом. Наше настроение совсем испортилось. Ван Хелсинг приказал оставить все как было, объяснив, что прибывающему вскоре лорду Годалмингу было бы менее мучительно видеть совершенно нетронутым все, что осталось от его fiancée*. Агент, казалось, был шокирован собственным тупоумием и лез из кожи, стараясь расставить вещи в том порядке, в котором мы оставили их предыдущей ночью, так что приехавший Артур был избавлен от удара, чего мы и добивались.

Бедный Артур! Он был невероятно грустен и, казалось, впал в отчаяние; даже его удивительное мужество будто исчезло после столь тяжких переживаний. Он, я знаю, был искренне предан своему отцу, и утратить отца, да еще в такое время, было для него тяжелым ударом. Со мной он был, как всегда, очень сердечен, а с Ван Хелсингом изысканно любезен; мне было тяжело видеть, как он страдает. Профессор это также заметил и сделал мне знак, чтобы я повел его наверх. Я так и сделал и оставил его у дверей комнаты, так как чувствовал, что ему хотелось побыть с нею наедине, но он взял меня под руку, повел в комнату и сипло проговорил:

— Вы тоже любили ее, мой старый друг, она мне все рассказала, и у нее не было лучшего друга, чем вы. Я не знаю, как мне благодарить вас за все, что вы сделали для нее, даже не могу и придумать...

Тут силы ему изменили, он обнял меня, опустил голову на мое плечо и заплакал:

— О Джон! Джон! Что мне делать? Мне кажется, жизнь потеряла смысл и жить больше незачем!

Я утешил его как мог. В таких случаях мужчины мало нуждаются в словах. Пожатие руки, объятие, совместные тихие слезы — вот выражения чувства, дорогие мужчине. Я просто стоял и ждал, пока он овладеет собой и перестанет плакать, затем ласково сказал ему:

— Пойдем посмотрим на нее.

Мы вместе подошли к кровати, и я поднял покрывало с ее лица. Господи! Как она была хороша! С каждым часом, казалось, ее красота расцветала. Это пугало и поражало меня. Что же касается Артура, он дрожал, как в лихорадке, и сомнение закралось в его душу. Наконец после долгого молчания он тихим шепотом произнес:

— Джон, она действительно умерла?

Я с грустью сказал ему, что это так, и продолжал убеждать его, так как находил, что необходимо развеять эти ужасные сомнения. Я объяснил ему довольно частое явление, когда после смерти лица становятся мягче и даже расцветают своеобразной красотой; так бывает особенно тогда, когда смерти предшествовали сильная боль или продолжительные страдания. Это, казалось, развеяло все сомнения, и, постояв недолго на коленях перед гробом, Артур посмотрел на нее долгим любящим взглядом и отошел. Затем я сказал ему, что надо проститься с ней, так как нужно начать приготовления к похоронам; он снова вернулся, взял ее мертвую руку и поцеловал ее, затем наклонился и поцеловал ее в лоб. Уходя, он поглядел на нее так же долго и проницательно, как и тогда, когда пришел.

Я оставил его в гостиной и сказал Ван Хелсингу, что Артур уже простился с ней; Ван Хелсинг пошел в кухню сказать агенту, чтобы тот поспешил с приготовлениями. Когда Артур вышел из комнаты, я передал Ван Хелсингу, о чем спрашивал меня Артур, и он ответил:

— Ничего удивительного, я только что сам в этом усомнился.

Мы обедали все вместе, и я заметил, что бедный Артур в страшном волнении. Ван Хелсинг все время молчал: он заговорил лишь тогда, когда мы закурили сигары.

— Лорд,— начал он.

Но Артур перебил его:

— Нет, нет, только не так, ради бога! Во всяком случае, не теперь. Простите, сэр, я не хотел обидеть вас, но я не могу слышать этот титул, моя рана еще слишком свежа.

---

* Невеста (*фр.*).

Профессор очень ласково ответил ему:

— Я назвал вас так только потому, что колебался, как обратиться к вам. Я не могу называть вас мистером, я полюбил вас — да, мой дорогой мальчик, я полюбил вас как Артура.

Артур тепло пожал руку старика.

— Называйте меня как хотите,— сказал он.— Я надеюсь, что с гордостью буду носить звание вашего друга. Позвольте мне сказать вам: я не нахожу слов, чтобы выразить вам свою благодарность за все, что вы сделали для моей бедной, дорогой Люси. Если я был резок или недоволен — помните, когда вы так странно поступили,— то прошу меня простить.

Профессор ответил тем же тоном:

— Я знаю, как вам трудно было тогда вполне довериться мне, ведь, чтобы поверить в необходимость такого поведения, необходимо понимание; по-моему, даже и теперь вы не вполне мне верите, да и не можете верить, так как пока не понимаете, в чем дело. Но придет время, когда вы вполне доверитесь, и когда вам все станет ясно, тогда вы будете благодарить меня и за себя, и за других, и за нее, за ту, которую я поклялся защищать.

— Да, конечно, сэр,— горячо заговорил Артур,— я во всем доверюсь вам. Я знаю и верю, что у вас благородная душа, вы ведь друг Джона и были ее другом. Делайте все, что хотите!

— Мне хотелось бы задать вам кое-какие вопросы.

— Пожалуйста.

— Вам известно, что миссис Вестенра оставила вам все свое состояние?

— Нет. Я никогда об этом не думал.

— Так как теперь все принадлежит вам, то вы имеете право располагать всем по своему усмотрению. Мне хочется, чтобы вы разрешили мне прочесть бумаги и письма Люси. Поверьте, это не праздное любопытство. И поверьте, что у меня имеются на это очень важные причины. Вот все бумаги. Я взял их прежде, чем мне стало известно, что все это ваше, для того чтобы чужие взоры не проникли в ее душу. Я их приберегу, если вы ничего не имеете против; даже вам не стоило бы видеть их, но я буду их хорошенько беречь. Ни одно слово не пропадет, а когда настанет время, я их вам верну. Я прошу у вас почти невозможного, но вы это сделаете. Ведь правда? Ради Люси.

— Делайте все, что хотите, доктор. Я чувствую, что, отвечая так, я исполняю желание Люси. Я не стану вас тревожить вопросами, пока не настанет время.

— И будете правы,— ответил профессор.— Нам всем предстоит еще пережить немало горя. Не следует падать духом, не надо быть эгоистичным, нас зовет долг, и все кончится благополучно!

В эту ночь я спал на диване в комнате Артура. Ван Хелсинг совсем не ложился. Он ходил взад и вперед, точно карауля дом, и все время следил за комнатой, где Люси лежала в гробу, осыпанная белыми цветами чеснока, запах которых смешивался в ночном воздухе с ароматом роз и лилий.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

22 сентября.

В поезде по дороге в Эксетер. Джонатан спит.

Кажется, только вчера был сделан последний шаг, но как много лежит между «тогда» — в Уитби, весь мир предо мной, Джонатана нет и нет новостей от него,— и «сейчас» — замужество, Джонатан — адвокат, супруг, богач, хозяин собственного дела, мистер Хокинс мертв и похоронен, и — новый удар, выпавший на долю Джонатана, столь болезненный для него. Однажды он может задать мне вопрос об этом, а все так легко забывается. Я небрежна в ведении своих стенографических записей — что делает с нами неожиданное богатство! — так что стоило бы вновь освежить все это...

Похороны были очень простые, но все было торжественно. За гробом шли мы, прислуга, пара друзей из Эксетера, лондонский агент и один господин, заместитель сэра Джона Пакстона, президента Общества юристов. Джонатан и я стояли рука об руку и чувствовали, что потеряли дорогого и близкого человека. Мы медленно вернулись в город, доехав автобусом до Гайд-парка. Джонатан думал, что мне будет интересно прогуляться в Роу, поэтому мы присели на скамью, однако было очень малолюдно и грустно и одиноко стояли многочисленные пустые скамьи. Это напомнило нам пустое кресло дома; мы встали и ушли. Затем шли по Пиккадилли пешком. Джонатан

держал меня под руку, как в былые времена, до того как я поступила в школу. Я чувствовала себя очень неловко, так как годы преподавания этикета и правил поведения не могли пройти даром — они и на меня наложили отпечаток чопорности,— но рядом был Джонатан, мой муж, и мы не знали никого из тех, кто мог нас видеть, и нам было это совершенно безразлично — мы гуляли. Я засмотрелась на очень красивую барышню в большой круглой шляпе, сидевшую в коляске, как вдруг Джонатан схватил меня за руку так сильно, что даже причинил мне боль, и воскликнул: «Господи!»

Я нахожусь в постоянном страхе за Джонатана, так как все время боюсь, что у него опять повторится нервный припадок, поэтому я моментально повернулась к нему и спросила, что случилось.

Он был очень бледен, и его вытаращенные глаза, полные ужаса, смотрели на какого-то высокого, тонкого господина с крючковатым носом, черными усами и остроконечной бородой, глядевшего на ту же хорошенькую барышню, что и я. Он так пристально на нее смотрел, что совсем нас не замечал, и мне удалось хорошо его разглядеть. Выражение его лица нельзя было назвать добрым, оно было суровым, жестоким и чувственным, а его крупные белые зубы, казавшиеся еще белее на фоне ярко-пунцовых губ, походили больше на клыки зверя, чем на зубы человека. Джонатан не спускал с него глаз, так что я боялась, как бы он этого не заметил. Я боялась, что он рассердится, ибо вид у него был отвратительный и злой. Я спросила Джонатана, почему он так взволнован, и он ответил, явно считая, что мне известно столько же, сколько и ему:

— Ты видишь, кто это?

— Нет, дорогой,— ответила я,— я его не знаю. Кто это?

Ответ его поразил меня, так как он, казалось, совершенно забыл, что разговаривает со мною, с Миной.

— Это он и есть!

Бедняжка! Его, как видно, что-то очень взволновало; я убеждена, что, не поддержи я его, он, наверное, упал бы. Он продолжал смотреть на этого господина, не спуская глаз; из магазина вышел какой-то господин с пакетом, передал его леди в коляске, и они оба тотчас же уехали. Мрачный господин не сводил с нее глаз; когда она уехала, он долго глядел ей вслед, затем нанял

экипаж и поехал вслед за ними. Джонатан все время следил за ним и наконец сказал как бы про себя:

— Мне кажется, что это граф, но он как будто помолодел. Господи, если это правда! О боже! Боже мой! Если б я только знал! Если б я только знал!

Он был так встревожен, что я боялась его даже расспрашивать, стараясь не напоминать ему об этом. Я слегка потянула его за рукав, и он пошел со мной дальше. Мы немного прошлись, затем зашли в Грин-парк и посидели там. Был жаркий осенний день, так что приятно было отдохнуть в тени. Джонатан долго глядел в пространство, затем глаза его закрылись, и он заснул, опустив голову мне на плечо. Я не тревожила его, ведь сон для него лучшее лекарство. Минут через двадцать он проснулся и ласково сказал мне:

— Что это, Мина, неужели я спал? О, прости, что я так груб. Зайдем куда-нибудь выпить чашку чаю.

Он, как видно, совершенно забыл о том мрачном господине, так же как и во время своей болезни он ничего не помнил о том, что случилось раньше. Мне не нравится такая забывчивость, это может плохо отразиться на его мозге. Я не стану его расспрашивать, опасаясь, что это принесет ему больше вреда, нежели пользы, но все-таки нужно будет узнать, что с ним приключилось во время путешествия. Боюсь, что настало время распечатать тот пакет и посмотреть, что там написано. О Джонатан, ты простишь меня, если я так поступлю, но я это делаю лишь для твоей же пользы!

Позднее.

Во всех отношениях печально возвращаться домой: дом опустел, нет там больше нашего друга; Джонатан все еще бледен и слаб после припадка, хотя тот и был лишь в очень легкой форме. А тут еще телеграмма от Ван Хелсинга; что бы это могло быть?

«Вам, наверное, грустно будет узнать, что миссис Вестенра умерла пять дней тому назад и что Люси умерла третьего дня. Сегодня хороним их обеих».

О, сколько горя в нескольких словах! Бедная миссис Вестенра! Бедная Люси! Их больше нет, и никогда больше не вернутся они к нам! Бедный Артур утратил самое дорогое в жизни. Да поможет нам Господь пережить все эти горести!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

22 сентября.

Все кончено. Артур уехал в Ринг и взял с собой Квинси Морриса. Чудесный парень этот Квинси! В глубине души я уверен, что он переживал смерть Люси так же, как любой из нас, но вел он себя как какой-нибудь викинг. Если Америка и дальше сможет производить таких парней, она и вправду станет мировой силой. Ван Хелсинг отдыхает, так как ему предстоит длинная дорога. Сегодня вечером он едет в Амстердам; говорит, что завтра вечером он вернется, так как ему хочется кое-что сделать, то есть то, что только он один и может сделать. Он остановился у меня, так как, по его словам, у него дела в Лондоне, на которые придется потратить порядочно времени. Бедный старик! Боюсь, работа за последнее время и его лишила сил. Во время похорон было видно, как он себя сдерживает. Когда все закончилось, мы стояли рядом с Артуром, и он, бедный мальчик, твердил о своем участии в операции, когда его кровь влилась в жилы его Люси; я видел, как лицо Ван Хелсинга то бледнело, то краснело. Артур все повторял, что он чувствовал с тех пор, как будто они и вправду женаты и Люси — его жена перед Богом. Ни один из нас не заикнулся о другой операции да и не заикнется... Артур и Квинси отправились вместе на станцию, и мы с Ван Хелсингом пошли туда же. Когда мы наконец остались вдвоем в вагоне, с Ван Хелсингом случилась настоящая истерика. Потом, в беседе со мной, он отрицал это и настаивал на том, что так проявился его юмор в тогдашних столь тяжелых обстоятельствах. Он смеялся до тех пор, пока не зарыдал, и я был вынужден опустить шторы, чтобы кто-нибудь не увидел нас и не подумал бы что-нибудь не так. Он рыдал, пока не начинал вновь смеяться, и смеялся, и плакал одновременно, совсем как женщина. Я пытался быть суровым с ним, как бываешь по обстоятельствам суров с женщиной, но это не помогло. Мужчины и женщины весьма отличаются друг от друга в проявлениях слабости или выдержки, при нервных кризах. Поэтому, когда его лицо вновь затвердело, я спросил его, чему он радуется и почему в такой момент. Ответ был типично в его духе — логичный, энергичный и таинственный. Он сказал:

— О, вы не поняли, мой друг Джон. Не думайте, что мне не грустно, хотя я и смеюсь. Да, я плакал, даже когда смех душил

меня. Но неверно думать, что я — весь скорбь, когда я плачу, потому что смех все равно приходит. Навсегда запомните, что смех, постучавший в твою дверь с вопросом: «Можно войти?», не есть настоящий смех. Нет, настоящий смех — это король, и он приходит, когда и как ему нравится. Он никого не спрашивает, он не выбирает подходящего времени. Он говорит: «Я здесь». Вот, например, я скорблю душой по поводу смерти этой юной прекрасной девушки; я отдал ей свою кровь, хотя я стар и утомлен; я отдал ей свое время, свой сон, свое умение; я оставил моих пациентов, чтобы полностью посвятить ей себя. И тем не менее я могу смеяться над ее свежей могилой, смеяться, когда комья земли с лопаты могильщика падают на ее гроб и стук их отдается в моем сердце, когда кровь отливает от щек. Мое сердце болит за бедного мальчика, этого милого мальчика, которому столько же лет, сколько было бы моему сыну, если бы на мне лежало благословение и он существовал! С такими же глазами, с такими же волосами! Теперь вы знаете, почему я так полюбил его. И даже когда он произнес слова, заставившие мое сердце мужа биться быстрей, заставившие мое отцовское сердце тосковать по нему сильнее, чем по кому-либо, включая и вас, старина Джон,— ведь наши отношения не отношения отца и сына, они другого рода,— и даже в такой момент Король Смех приходит ко мне, и кричит, и ревет мне в ухо: «Я здесь! Я здесь!» — пока кровь не затанцует в венах и не засияет кусочек солнца, который он всегда носит с собой, чтобы мои щеки зарумянились. О, дружище, это странный мир, это грустный мир, мир, полный жалости, бед, скорби; но когда Король Смех приходит, он заставляет их танцевать под свою дудку. И сердца, истекающие кровью, и сухие кости на кладбище, и горючие слезы — все танцует вместе под музыку, раздающуюся из его неулыбчивого рта. И поверьте, дружище Джон, что приходит он с добром и к лучшему. Все мы, и мужчины и женщины, как канатами, туго опутавшими нас, окованы разными трудностями. Затем приходят слезы и сначала дают облегчение, но потом напряжение становится слишком сильным, и мы срываемся. Но вот, как солнечный луч, является Король Смех, он облегчает и снимает напряжение, и мы потихоньку возвращаемся к нашим повседневным заботам.

Мне не хотелось обижать его признанием, что мне непонятны его слова, но так как я все еще не знал причины его смеха,

пришлось задать этот вопрос. Его лицо стало суровым, и он ответил мне совершенно иным тоном:

— О-о! Есть мрачная ирония во всем этом: прекрасная юная леди, украшенная цветами, выглядела столь же дивной, как сама жизнь, пока мы, один за другим, не убеждались с удивлением, что она действительно мертва; она лежала в этом красивом мраморном доме, на этом пустынном кладбище, где обрели покой ее многочисленные родственники, лежала там со своей матерью, которая любила ее и которую любила она; и этот священный колокол звонил «Дон! дон! дон!» так медленно и грустно; и эти святые люди в белых ангельских облачениях, делающие вид, что читают книги, но за все время ни разу не опустившие глаз на страницы; и все мы, понурые, с глазами, опущенными долу. И почему, зачем? Она мертва! Так? Разве не так?

— Ну, что касается меня, профессор,— ответил я,— то не вижу во всем этом ничего смешного. Более того, ваше объяснение запутывает все еще больше. Даже если панихида выглядела смешной, что вы скажете про бедного Арта и его горе? Ведь его сердце попросту разбито!

— Воистину так. А не говорил ли он, что переливание крови сделало Люси его невестой по-настоящему?

— Да, и это трогательная и утешительная мысль для него.

— Верно. Но есть одно затруднение, дружище Джон. Если это так, как быть с остальными? Ха-ха! Выходит, у прелестной девы множество мужей. И я, для которого моя бедная жена мертва, хотя жива по законам церкви, даже я, честнейший муж этой не вполне существующей жены, оказываюсь двоеженцем.

— Не понимаю, как можно шутить по этому поводу! — воскликнул я. Мне не особенно понравилось, что он говорит такие вещи.

Ван Хелсинг положил ладонь мне на руку и сказал:

— Дорогой Джон, простите, если я причинил вам боль. Когда мне плохо, я не показываю своих чувств другим, но вам, мой старый друг, я могу довериться. Если бы вы заглянули в мою душу в тот миг, когда мне хотелось смеяться; если бы вы могли сделать это, когда раздался мой смех; если бы вы сделали это сейчас, когда Король Смех снял с себя все свои регалии и покинул меня очень-очень надолго,— тогда, быть может, вы пожалели бы меня, как никого на свете.

Тронутый прозвучавшим в его голосе чувством, я спросил, почему его нужно жалеть.

— Потому что я знаю!

И вот теперь мы все разошлись в разные стороны, и надолго. Люси лежит в своем фамильном склепе, в роскошном доме смерти, вдали от шумного Лондона, на уединенном кладбище, где воздух свеж, где солнце светит над Хэмпстед-Хилл и где растут полевые цветы.

Итак, я могу покончить со своим дневником, и один бог знает, примусь ли я за него снова. Если мне придется это сделать или если я когда-нибудь открою его, то лишь для того, чтобы поделиться записанным в нем с другими, ибо роман моей жизни закончен, я возвращаюсь к своей работе и с грустью, потеряв всякую надежду, скажу:

«FINIS».

«ВЕСТМИНСТЕР ГАЗЕТТ» ОТ 25 СЕНТЯБРЯ

ТАЙНА ХЭМПСТЕДА

В окрестностях Хэмпстеда произошел целый ряд событий, похожих на те, что известны авторам «Кенсингтонского ужаса», «Женщины с ножом» или «Женщины в черном». В течение двух или трех последних дней маленькие дети стали исчезать из дому или же не возвращались домой после игр на пустоши. Дети были настолько малы, что не могли дать себе отчета в том, что с ними приключалось; все они отвечали, что были с «леди-привидением». Они исчезали обычно по вечерам, и двоих из них нашли только на следующее утро. Предполагают, что дети подхватили фразу первого исчезнувшего ребенка, будто «леди-привидение» звала его погулять, и воспользовались ею в качестве примера. Это кое-что разъясняет, так как любимая игра детей заключается в том, что они хитростью заманивают друг друга. Один корреспондент пишет, что необычайно смешно видеть этих малышей, изображающих «леди-привидение». Наши карикатуристы, говорил он, могли бы тут поучиться и сравнить действительность с фантазией. Наш корреспондент наивно го-

ворит, что даже Эллен Терри не столь очаровательна, как эти малыши, изображающие «леди-привидение».

И все-таки возможно, что проблема намного серьезнее, так как у некоторых малышей на шее обнаружены ранки. Ранки такие, какие бывают после укуса крысы или маленькой собаки: опасного в них ничего нет, но видно, что у этого животного своя определенная система. Полиции приказано разыскивать заблудившихся детей и собак в Хэмпстед-Хит и окрестностях.

«ВЕСТМИНСТЕР ГАЗЕТТ» ОТ 25 СЕНТЯБРЯ

Экстренный выпуск

ХЭМПСТЕДСКИЙ УЖАС
ЕЩЕ ОДИН РЕБЕНОК РАНЕН

«Леди-привидение»

Нам только что сообщили, что пропал еще один ребенок. Его нашли утром в кустах вереска у Шутер-Хилла, в самой глухой части местности. У него такие же ранки на шее, какие раньше уже наблюдались у других детей. Ребенок был истощен и слаб. Чуть-чуть оправившись, он рассказал ту же самую историю о том, как «леди-привидение» заманила его к себе.

Глава XIV

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

23 сентября.

Джонатан немного оправился после ночного недомогания. Я так рада, что он загружен работой, отвлекающей его мысли от этих ужасных вещей. О! Я радуюсь, что новое положение его не тяготит. Я знала, что он уверен в себе, и теперь горжусь, видя моего Джонатана на вершине успеха, прекрасно справляющегося со своими многочисленными обязанностями. Его не будет сегодня допоздна, так как он предупредил, что не сможет вернуться к обеду домой. Вся работа по дому сделана, так что я возьму его заграничный дневник, закроюсь в своей комнате и прочту его...

24 сентября.

Не было сил писать прошлой ночью, так меня расстроили ужасные страницы дневника Джонатана. Бедняжка! Как он страдал, ломая голову, было ли все происходящее правдой или его фантазиями! Интересно, есть ли хоть капля правды во всем этом. Была ли у него лихорадка и он написал это в горячечном бреду, или были тому другие причины? Думаю, я никогда этого не узнаю, потому что не осмелюсь обсуждать с ним эти вещи... Да еще этот человек, которого мы видели вчера. Кажется, Джонатан определенно знает его... Бедный мальчик! Наверное, похороны сильно подействовали на него и придали его мыслям определенный настрой... Сам он во все это верит. Помню, как в день нашей свадьбы он сказал: «О, если бы священный долг не заставлял меня мысленно возвращаться к тем зловещим часам — спящего или бодрствующего, в здравом рассудке или в безумии».

И этим пронизано все наше существование... Страшный граф приближается к Лондону... Если это случится и он появится там вместе со своими несметными миллионами... Может, это и есть тот самый священный долг; и мы не станем уклоняться от него... Я должна подготовиться. Я немедленно беру пишущую машинку и расшифровываю. Тогда, если потребуется, это смогут прочесть другие. И если понадобится и я буду в силах, не придется беспокоить бедного Джонатана — я скажу за него и сумею оградить его от забот и тревог. А если Джонатан придет в себя и захочет рассказать мне все, я узнаю наконец, в чем дело, и пойму, как ему помочь.

ПИСЬМО ВАН ХЕЛСИНГА МИССИС ХАРКЕР

(Лично)

24 сентября.

Дорогая мадам!

Умоляю вас простить мне это письмо, в котором я, не будучи вашим близким другом, сообщаю вам печальную новость о смерти мисс Люси Вестенра. Благодаря любезности лорда Годалминга я уполномочен читать ее письма и бумаги, поскольку

меня глубоко волнуют ее некие жизненно важные обстоятельства. Среди бумаг я нашел несколько ваших писем, показывающих, какими близкими подругами вы были и насколько она была вам дорога. О мадам Мина, во имя этой любви умоляю вас помочь мне! Выполнив мою просьбу, вы избавите многих от великого зла, предотвратите серьезные неприятности, которые более существенны, чем вы предполагаете. Можем ли мы увидеться? Доверьтесь мне. Я друг доктора Джона Сьюарда и лорда Годалминга (Артура, жениха мисс Люси). В настоящее время я вынужден хранить тайну. Если вы окажете мне честь, согласившись встретиться, я немедленно прибуду в Эксетер, сообщите только куда и когда. Умоляю вас, мадам, простить меня! Прочитав ваши письма к Люси, я узнал, сколь вы добры, узнал о страданиях вашего мужа и потому умоляю вас не посвящать его во все это, дабы не причинить ему боль. Еще раз простите и извините меня.

Ван Хелсинг.

ТЕЛЕГРАММА МИССИС ХАРКЕР ВАН ХЕЛСИНГУ

25 сентября.

Приезжайте сегодня поездом 10.15, если успеете. Встретимся в удобное для вас время.

Вильгельмина Харкер.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

25 сентября.

Не могу сдержать волнения перед приездом доктора Ван Хелсинга. Думаю, эта встреча прольет свет на ужасное приключение Джонатана, а поскольку доктор ухаживал за Люси во время ее смертельной болезни, он мне все об этом расскажет. Истинная причина его приезда не Джонатан, а Люси и ее прогулки во сне. Значит, я не узнаю сейчас правды! Какая же я глупая! Все мои мысли заняты этим ужасным дневником, и потому все окрашено в мрачные тона. Конечно, все дело в Люси.

После той ужасной ночи на утесе болезнь вернулась к ней, и ее ночные прогулки возобновились. Погрузившись в свои заботы, я почти забыла о недуге Люси. Должно быть, сама Люси рассказала Ван Хелсингу о той ночи на утесе и что я все знаю об этом. Надеюсь, я поступила правильно, ничего не сказав миссис Вестенра. Если бы хоть одним действием я повредила несчастной Люси, то никогда бы себе не простила. Надеюсь также, доктор Ван Хелсинг не осудит меня; у меня было столько переживаний и запоздалых сожалений, что больше я не выдержу.

Я думаю, слезы приносят порой облегчение — так свежеет после дождя. Наверное, меня расстроило вчерашнее чтение дневника и то, что впервые после свадьбы Джонатана не было рядом целые сутки. Хочу надеяться, мой дорогой будет осторожен и с ним ничего не случится. Уже два часа дня, и доктор скоро будет здесь.

Я ничего не скажу ему о дневнике, пока он сам не спросит. Я так рада, что мой дневник переписан на пишущей машинке, так что, если он спросит о Люси, я просто передам ему дневник, и это избавит меня от лишних расспросов.

Позднее.

Он был и ушел. Какая странная встреча и какая путаница у меня в голове! Мне кажется, все это сон. Но неужели это правда? Не прочти я дневник Джонатана, никогда бы не поверила, что это возможно. Мой бедный, милый Джонатан! Как он, должно быть, страдал! Даст бог, он совсем успокоится. Я буду его беречь от всего. Если он наверняка будет знать, что слух и зрение не обманывали его, это станет ему утешением и поддержкой. Возможно, его мучают сомнения, так что, если удастся их рассеять, он будет удовлетворен и ему легче будет пережить этот удар. Доктор Ван Хелсинг, должно быть, очень милый и умный господин, раз он друг Артура и доктора Сьюарда и раз его пригласили из Голландии для лечения Люси. На меня он произвел впечатление человека доброго, сердечного и благородного. Завтра он снова придет, я спрошу его насчет Джонатана, и, бог даст, всем этим тревогам настанет конец.

А пока воспользуюсь отсутствием Джонатана, чтобы подробно описать наше сегодняшнее свидание.

В половине второго раздался звонок. Мэри открыла дверь и доложила, что пришел доктор Ван Хелсинг.

Это человек среднего роста, здоровый, широкоплечий, с быстрыми движениями. Видно, что он очень умен и обладает большой силой воли; у него благородная голова, достаточно крупная. Лицо чисто выбритое, с резким, квадратным подбородком, большим, решительным, подвижным ртом, большим, довольно прямым носом. У него широкий благородный лоб, вверху совершенно гладкий, но с выдающимися надбровными дугами. Большие темно-синие глаза широко расставлены, и выражение этих живых глаз то ласковое, то суровое.

— Миссис Харкер, не так ли?

Я утвердительно кивнула ему.

— Бывшая мисс Мина Мюррей?

Я снова кивнула.

— Я пришел к Мине Мюррей, бывшей подруге Люси Вестенра, побеседовать об умершей.

— Сэр,— сказала я,— я рада видеть друга Люси Вестенра,— и протянула ему руку.

Он взял и ласково произнес:

— О мадам Мина, я знал, что у бедной девушки должны быть хорошие друзья, но все-таки то, с чем мне пришлось встретиться...

Он заключил свои слова глубоким поклоном. Я спросила, почему он желал меня видеть, и он сразу начал:

— Я читал ваши письма к мисс Люси. Я хотел кое-что разузнать, но было не у кого. Я знаю, что вы были с нею в Уитби. Она иногда вела дневник — вас это не должно удивлять, мадам Мина; она начала его после вашего отъезда, по вашему примеру; в нем она упоминает о некоторых событиях своей жизни и говорит, что вы ее спасли. Это навело меня на кое-какие предположения, и я пришел просить вас любезно рассказать мне все, что вы помните.

— Я думаю, доктор, что смогу рассказать вам все.

— Ах вот как! У вас хорошая память на факты и на детали? Это не всегда встречается у молодых дам.

— Нет, доктор, дело не в памяти, но я тогда все записывала. Могу вам показать, если хотите.

— Буду вам очень благодарен; вы окажете мне большую услугу.

Я не могла удержаться от соблазна поразить его — мне кажется, это врожденное женское чувство — и подала ему свой дневник, написанный при помощи стенографии. Он взял его с благодарностью, поклонился и сказал:

— Разрешите мне его прочесть?

— Если хотите,— ответила я, смутившись.

Он открыл тетрадь, и выражение лица его сразу изменилось.

— Я знал, что Джонатан — очень образованный человек, но и жена у него тоже оказалась умницей на редкость. Но не будете ли вы так любезны, чтобы прочесть его мне? Увы, я не знаю стенографии.

Тут я поняла, что моя шутка окончена, и мне стало неловко. Я вынула из моего рабочего ящика копию, переписанную на пишущей машинке, и передала ему.

— Простите,— сказала я,— но этого не нужно. Я так и думала, что вы захотите спросить меня относительно Люси, и, чтобы вам не ждать — для меня это не важно, но ваше время, я знаю, дорого,— я могу дать вам свой дневник, переписанный для вас на пишущей машинке.

Он взял дневник, и глаза его блеснули.

— Вы так добры,— произнес он.— Разрешите прочесть его сейчас? Может быть, мне придется вас кое о чем спросить.

— Да, пожалуйста,— ответила я,— прочтите его сейчас, а я пока распоряжусь о завтраке; за столом можете расспрашивать меня сколько хотите.

Он поклонился, затем, усевшись в кресло спиной к свету, углубился в чтение, а я ушла заботиться о завтраке, главным же образом для того, чтобы его не беспокоить. Вернувшись, я застала его ходящим взад и вперед по комнате; на лице его отражалась тревога.

Он бросился ко мне и обеими руками сжал мою ладонь.

— Если бы вы знали, как я вам обязан,— сказал он.— Эти записки как луч солнца. Они мне все объяснили. Я ослеплен, столько света! Но за светом виднеются еще и тучи. Впрочем, этого вы не поймете, не можете понять. Ах, как я вам благодарен, какая вы умница. Сударыня, если Абрахам Ван Хелсинг когда-либо сможет оказать вам услугу, надеюсь, вы дадите мне

знать. Я сочту за радость и счастье быть полезным другом. Все, что в моих силах, я сделаю для вас и для тех, кого вы любите. Вы один из светочей среди окружающего нас мрака. Ваша жизнь будет счастлива и светла, и ваш муж будет счастлив благодаря вам.

— Но, доктор, вы слишком превозносите меня, а ведь вы меня не знаете.

— Не знаю вас? Я, старик, изучивший стольких мужчин и женщин; я, который избрал своей специальностью мозг и все, что к нему относится? Я прочел ваш дневник, который вы так любезно переписали для меня и в котором каждая строка дышит истиной. Я, который прочел ваше милое письмо к бедной Люси о вашей свадьбе и о вашем доверии, и я не знаю вас? О, вы несправедливы и к себе, и ко мне... Добродетельные женщины рассказывают истории своих судеб день за днем, час за часом, минута за минутой; такие вещи могут прочесть только ангелы; и мы, мужчины, которые стремимся к пониманию, хотим, чтобы в нас была частица ангельской проницательности. Ваш муж — честнейшая, благородная душа, и вы — благородная душа, поэтому я, доверяя душе, доверяю вам. Кстати, расскажите мне о муже. Ушла ли лихорадка? Выздоровел ли он, окреп ли он?

Я воспользовалась случаем поговорить с ним о Джонатане.

— Он почти совсем поправился, но смерть мистера Хокинса очень его взволновала.

— О да, я знаю, знаю; я читал два последних ваших письма.

— Я думаю, это его встревожило, так как в прошлый четверг, когда мы были в городе, у него снова был припадок.

— Припадок, так скоро после воспаления мозга? Это нехорошо. Какой же припадок у него был?

— Ему казалось, что он видел кого-то, напоминавшего ему нечто ужасное, нечто, что было причиной его болезни.

Теперь уж я больше не могла выдержать. Мне стало жаль Джонатана; ужас, который ему пришлось пережить, страшная таинственность его дневника и тот страх, который меня с тех пор не покидал,— все это живо предстало предо мною. Я, наверное, была болезненно расстроена, так как бросилась на колени и, протягивая руки к Ван Хелсингу, умоляла вылечить моего мужа. Он взял меня за руки, поднял, усадил на диван и сам

сел рядом. Затем, держа мои руки в своих, он бесконечно ласково сказал:

— Моя жизнь одинока, и я всегда был так занят своими делами, что у меня оставалось очень мало времени для дружбы; но с тех пор как мой друг Джон Сьюард вызвал меня сюда, я узнал столько хороших людей, что теперь я больше, чем когда-либо, чувствую свое одиночество, все усиливающееся с годами. Уверяю вас в своей бесконечной преданности, благодарю вас за то, что вы доказали мне существование милых женщин, которые услаждают жизнь и жизнь и вера которых служит хорошим примером для детей. Я рад, очень рад, что могу быть вам полезным. Болезнь вашего мужа, наверное, находится в области моих познаний. Обещаю вам сделать все, что в моих силах, чтобы он был здоров и мужествен и чтобы ваша жизнь была счастлива. А теперь съешьте что-нибудь. Вы слишком измучены и слишком взволнованы. Джонатану тяжело будет видеть вас такой бледной, вы должны пожалеть его, поэтому вы должны есть и смеяться. Вы все уже рассказали мне о Люси, и больше не будем говорить об этом, а то все это уж слишком грустно. Я переночую в Эксетере, так как хочу обдумать все то, что вы мне говорили, а затем, если позволите, задать вам еще несколько вопросов. Тогда вы расскажете мне все о болезни Джонатана, а сейчас вы должны поесть. Потом все расскажете.

После завтрака мы вернулись в гостиную, и он сказал:

— А теперь расскажите мне все о нем.

Вначале я боялась, что этот ученый примет меня за дурочку, а Джонатана за сумасшедшего — ведь его дневник такой странный,— и я не решалась начать. Но он был очень любезен, обещал мне помочь, я поверила ему и начала свое повествование:

— Мой рассказ будет очень странным, но вы не должны смеяться ни надо мною, ни над моим мужем. Со вчерашнего дня меня охватило какое-то сомнение, но вы должны быть серьезны и не считать меня дурочкой из-за того, что я смогла поверить некоторым странным вещам.

— О моя дорогая,— ответил он,— если б вы только знали, из-за каких странных явлений я здесь, то сами рассмеялись бы. Я научился уважать чужие убеждения, каковы бы они ни были. У меня широкие взгляды, и изменить это может лишь нечто из ряда вон выходящее.

— Благодарю вас, бесконечно благодарю вас! Вы облегчили мою душу. Если позволите, я дам вам прочесть одну тетрадь. Она очень длинная, но я переписала ее на пишущей машинке. Это копия заграничного дневника Джонатана; там описано все то, что с ним произошло. Я не решусь вам ничего о ней сказать, пока вы сами не прочтете ее. Затем, когда я снова вас увижу, быть может, вы будете так любезны и скажете мне, что вы думаете по этому поводу.

— Обещаю,— сказал он, когда я протягивала тетрадь.— Я зайду, если позволите, к вам завтра утром, пораньше, навестить вас и вашего мужа.

— Джонатан будет дома в половине одиннадцатого, приходите к завтраку — и тогда увидите его; вы можете успеть на скорый в 3.34 и будете в Паддингтоне раньше восьми.

Он взял с собой бумаги и ушел, а я сижу здесь и думаю — думаю, сама не знаю о чем.

ПИСЬМО ВАН ХЕЛСИНГА МИССИС ХАРКЕР

(Лично в руки)

25 сентября, 6 часов.

Дорогая мадам Мина!

Я прочел удивительный дневник вашего мужа.

Можете спать спокойно! Как это ни страшно и ни ужасно, но все это правда! Ручаюсь своей головой! Может быть, другим от этого хуже, но для вас и для него во всем этом нет ничего страшного. Ваш муж — очень смелый человек, и смею вас уверить (а я хорошо знаю людей), тот, кто может спуститься по стене, как он это проделал, да еще найти в себе мужество вторично проделать то же самое, у того потрясение не может быть продолжительным. Мозг и сердце его здоровы, за это я ручаюсь, даже его не обследуя, а потому будьте спокойны. Мне придется о многом его расспросить. Я очень рад, что сегодня повидался с вами, ибо я сразу узнал так много нового, что положительно озадачен, озадачен более, чем когда-либо.

Преданный вам

Абрахам Ван Хелсинг.

ПИСЬМО МИССИС ХАРКЕР ВАН ХЕЛСИНГУ

25 сентября, 6.30 вечера.

Милый доктор Ван Хелсинг!

Бесконечно благодарна вам за ваше любезное письмо, так облегчившее мне душу. Но неужели это правда и такие ужасные вещи происходят на самом деле? Какой ужас, если этот господин, это чудовище, действительно в Лондоне! Мне страшно даже подумать! Я только что получила телеграмму от Джонатана, он выезжает сегодня вечером в 6.25 из Лонсестона и будет здесь в 10.18, так что сегодня вечером я уже не буду волноваться. Поэтому прошу вас пожаловать на завтрак к восьми часам, если это не слишком рано для вас; при желании вы можете уехать в 10.30 и тогда будете в Паддингтоне в 2.35.

Ваш преданный и благодарный друг

Мина Харкер.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

26 сентября.

Я надеялся, что мне больше нечего будет вносить в этот дневник, но ошибся.

Когда я вчера вернулся домой, у Мины был уже приготовлен ужин; после ужина она рассказала мне о визите Ван Хелсинга, о том, что она дала ему оба дневника, и о том, как она за меня беспокоилась.

Она показала мне письмо доктора, в котором он говорил, что все это правда. Это меня сразу поставило на ноги. Я сомневался в реальности всего этого, что меня и убивало. Но теперь, когда я знаю наверняка, я ничего не боюсь, даже самого графа. Он, как видно, все же решился приехать в Лондон, и тот, кого я видел, был, несомненно, он. Он помолодел. Ван Хелсинг — тот человек, кому суждено сорвать с него маску и разыскать его,— если только он таков, как говорит Мина. Мы сидели допоздна и беседовали об этом. Мина одевается, а я сейчас отправлюсь в гостиницу за Ван Хелсингом...

Мне кажется, что он удивился, увидев меня.

Когда я вошел в его комнату и представился, он взял меня за плечо, повернул к свету и сказал, предварительно разглядев меня хорошенько:

— Но ведь мадам Мина говорила, что вы больны, что у вас было потрясение.

Мне было странно слышать, как этот добрый, серьезный старик называет мою жену мадам Миной. Я улыбнулся и ответил:

— Я был болен, у меня было потрясение, но вы меня вылечили.

— Каким образом?

— Я прочел ваше вчерашнее письмо к Мине. Я мучился в сомнениях, все казалось мне неестественным, я не знал, чему верить, и не верил даже собственным чувствам. Не зная, чему верить, я не знал, что делать, и все продолжал трудиться над тем, что меня губило. Гибель казалась неминуемой, так как я перестал себе доверять. Вы понятия не имеете, что значит сомневаться во всем, даже в самом себе. Сужу по вашим бровям.

— О,— сказал он, улыбнувшись,— да вы физиономист. Каждый час здесь для меня наука. Я с удовольствием пришел к вам. Простите меня, старика, но должен сказать, что вы на редкость счастливый человек, так как у вас необыкновенная жена.

Я мог бы слушать, как он превозносит Мину, целый день, поэтому я просто кивал и молчал.

— Она — одна из женщин, которых отличил Бог, отмеченная Его собственным перстом, дабы показывать нам, мужчинам, и другим женщинам, что существует идеал, к которому мы можем стремиться, и что его сияние доступно и здесь, на земле. Столь правдива, столь добра, столь честна, столь мало склонна к эгоизму — и это в ее юном возрасте, как правило скептичном и самовлюбленном. А вы, сэр... Я читал все ее письма к бедной Люси, и в некоторых из них говорится о вас так, что, хотя я вас знаю всего лишь несколько дней, да и то по рассказам других, все же предлагаю вам свою дружбу.

Мы пожали друг другу руки.

— А теперь,— продолжал он,— позвольте попросить вас прийти мне еще немного на помощь. Мне предстоит трудная задача, но я не знаю, с чего начать. Вы можете мне помочь. Не расскажете ли, что было до вашего отъезда в Трансильванию?

Впоследствии мне понадобится еще кое о чем спросить, но пока довольно и этого.

— Послушайте, сэр,— сказал я,— то, о чем вы говорите, касается графа?

— Да,— ответил он.

— Тогда я весь к вашим услугам. Так как вы уезжаете поездом в 10.30, у вас не будет времени прочесть сейчас все, но я вам дам имеющиеся у меня бумаги, можете взять их с собой и прочесть в поезде.

После завтрака я проводил его на вокзал. Прощаясь, он сказал:

— Вы сможете приехать в город с женой, если я попрошу вас?

— Мы приедем к вам, когда пожелаете,— ответил я.

Я купил ему местные утренние газеты и вчерашние лондонские; пока мы стояли у окна вагона в ожидании отхода поезда, он перелистывал и просматривал их. Вдруг глаза его остановились на чем-то в «Вестминстер газетт». Я узнал ее по цвету бумаги. Он побледнел, внимательно прочел и тихо простонал:

— Боже мой! Боже мой! Так скоро! Так скоро!

Мне кажется, он совершенно забыл обо мне. Тут раздался свисток, и поезд тронулся. Это заставило его опомниться, он высунулся в окно, замахал мне рукой и крикнул:

— Привет мадам Мине, напишу вам, как только успею!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

26 сентября.

Действительно, нет ничего труднее конца. Не прошло и недели, как я сказал себе «Finis», а вот уже снова приходится начинать или, вернее, продолжать свои записки. До сегодняшнего вечера не было причин обдумывать то, что произошло. Благодаря нашим заботам Ренфилд сделался чрезвычайно здравомыслящим, он покончил с мухами и принялся за пауков, так что не доставляет мне никаких хлопот. Я получил от Артура письмо, написанное в воскресенье, из которого видно, что ему намного лучше; Квинси Моррис с ним, а это для него большое утешение. Квинси также написал мне пару строк и утверждает, что к Ар-

туру возвращается его прежняя беспечность, так что за них я больше не беспокоюсь. Что же касается меня, я снова с прежним восторгом принялся за работу и теперь могу сказать, что рана, нанесенная мне Люси, начинает затягиваться. Теперь все началось сначала, и одному Творцу известно, чем все это кончится. Мне сдается, что Ван Хелсинг думает, будто ему это тоже известно, но он хочет разжечь любопытство. Вчера он ездил в Эксетер и ночевал там. Сегодня он вернулся в половине пятого, стремглав влетел в мою комнату и сунул мне в руки вчерашнюю «Вестминстер газетт».

— Что вы по этому поводу скажете? — спросил он, заложив руки за спину.

Я вопросительно взглянул на газету, так как не понимал, что он имел в виду. Он взял у меня газету и показал статью о детях, похищенных в Хэмпстеде. Меня это мало интересовало, пока наконец я не прочел описание маленьких, как точки, ранок от укола на шее. Какая-то мысль блеснула у меня, и я посмотрел на него.

— Ну? — спросил он.

— Это вроде ранок бедной Люси?

— Что же это значит?

— Только то, что причина одна и та же. Что ранило ее, также ранило их...

Его ответ был мне не совсем понятен:

— Косвенно это так, но в прямом смысле — нет.

— То есть как, профессор? — спросил я.

Его серьезность меня забавляла, ибо четыре дня полного отдыха после того вечного страха воскресили во мне бодрость духа, но, взглянув на него, я смутился. Я никогда еще не видел его таким суровым, даже тогда, когда мы пали духом из-за состояния бедной Люси.

— Объясните мне! — попросил я.— Я ничего не понимаю. Я не знаю, что думать, и у меня нет никаких данных, по которым я мог бы догадаться, в чем дело.

— Ведь не станете вы утверждать, Джон, что не имеете понятия, отчего умерла Люси, несмотря на факты, которые вы могли наблюдать, несмотря на мои намеки?

— Из-за нервного потрясения, вследствие большой потери крови?

— А откуда потеря крови?

Я покачал головой. Он подошел ко мне, сел и продолжал:

— Вы очень умны, Джон, вы хорошо рассуждаете, ваш дух смел, но вы слишком рассудочны. Вы не желаете ни видеть, ни слышать ничего неестественного, и все, что не касается вашей обычной жизни, вас не трогает. Вы не думаете, что существуют вещи, которых вы не понимаете, но которые тем не менее существуют, что есть люди, которые видят то, чего другой не может видеть; но имейте в виду, существуют вещи, которых просто так не увидишь. В том-то и ошибка нашей науки, она все хочет разъяснить, а если это не удается, утверждает, что это вообще не поддается объяснению. И все-таки каждый день рядом с нами заявляют о возникновении новых религий, вернее, считающихся новыми; но в основе своей они стары и только притворяются юными, как светские дамы в опере. Надеюсь, в настоящее время вы верите в преобразование тел? Нет? А в материализацию? Нет? А в астральные тела? Нет? А в чтение мыслей? Нет? А в гипноз?

— Да,— сказал я.— Шарко это довольно убедительно доказал.

Он улыбнулся и продолжил:

— Значит, вы этим удовлетворены и можете проследить за мыслью великого Шарко — мир праху его! — проникающей в самую душу пациента? Да? Но может быть, вы в таком случае довольствуетесь одними фактами и не ищете их объяснения? Нет? Тогда ответьте мне — как же вы верите в гипнотизм и отрицаете чтение мыслей? Позвольте обратить ваше внимание, мой друг, на то, что в области электричества теперь сделаны такие открытия, которые посчитали бы дьявольскими происками даже те, кто открыл само электричество, и, между прочим, происходи это чуть раньше, их самих сожгли бы как колдунов. В жизни всегда есть тайны. Почему это Мафусаил прожил девятьсот лет, старый Парр — сто шестьдесят девять, между тем как бедная Люси, в венах которой струилась кровь четырех человек, не смогла прожить и дня? Ибо, проживи она еще хотя бы день, мы бы ее спасли. Знаете ли вы тайну жизни и смерти? Знаете ли вы сравнительную анатомию и можете ли с ее помощью сказать, почему в некоторых людях сидит зверь, в других его нет? Не можете ли вы мне сказать, почему все пауки умира-

ют в молодости и смерть их быстра, а ведь нашелся один большой паук, который жил сотни лет в башне древней испанской церкви, и рос, рос до тех пор, пока наконец не оказался в состоянии выпить все масло из церковных лампад? Не можете ли вы мне сказать, почему в пампасах, да и в других местах, живут летучие мыши, которые прилетают ночью, прокусывают вены у коров и лошадей и высасывают у них кровь? Почему на некоторых островах западных морей существуют летучие мыши, которые целыми днями висят на дереве; видевшие их говорят, что они величиной с гигантский орех или гроздь; ночью же, когда матросы спят на палубе из-за духоты, они набрасываются на них, а затем... а затем на следующее утро находят мертвецов, таких же бледных, как Люси?

— Помилуй бог, профессор! — воскликнул я, вскочив.— Не хотите ли вы сказать, что такая летучая мышь укусила Люси и что подобная вещь возможна в Лондоне, в девятнадцатом веке?

Он остановил меня движением руки и продолжал:

— Не объясните ли вы мне, почему черепаха живет дольше, чем целые поколения людей; почему слон способен пережить целые династии и почему попугай умирает лишь от укуса кошки или собаки и ни от каких других болезней? Не объясните ли вы мне, почему люди разного возраста, живущие в разных местах, верят, что существуют такие люди, которые могли бы жить вечно, если бы их существование не прекращалось насильственно, что существуют мужчины и женщины, которые не могут умереть? Нам известно — ибо наука подтверждает эти факты,— что жабы жили тысячи лет замурованными в скалах. Не можете ли вы мне сказать, как это индийский факир приказывает похоронить себя живым; на его могиле сеют рожь; рожь созревает, ее жнут, она снова созревает, и снова ее жнут, затем раскапывают могилу, вскрывают гроб и из него выходит живой факир и продолжает жить по-прежнему среди людей?

Тут я прервал его. Я окончательно сбился с толку, он засыпал меня целым градом причудливых явлений природы и всевозможных невозможностей, так что мозг мой попросту воспалился.

У меня было смутное ощущение, что вновь, как когда-то давно в Амстердаме, он давал мне урок; но тогда он говорил об определенных вещах, поэтому у меня всегда был конкретный предмет для размышлений. Теперь же, не имея опоры, мне едва удавалось следить за ходом его рассуждений.

— Профессор, я готов снова быть вашим прилежным учеником. Скажите ваш тезис, чтобы я мог применить полученные от вас знания, когда вы станете продолжать. До сих пор я бросался из стороны в сторону, следовал за вашей фантазией как безумец, а не как здравомыслящий человек. Я чувствую себя новичком, заблудившимся на болоте в тумане, он скачет с кочки на кочку в надежде выбраться, шагает, сам не зная куда.

— Очень наглядно,— ответил он.— Хорошо, я вам скажу. Тезис следующий: я хочу, чтобы вы уверовали.

— Во что?

— Уверовали в то, во что верить не можете. Приведу пример. Мне пришлось слышать от одного американца такое определение веры: это то, что дает нам возможность поверить в то, что мы считаем невероятным. В одном отношении я с ним согласен. Он этим хотел сказать, что на жизнь надо смотреть широко и не следует допускать, чтобы маленькая ничтожная истина подавляла бы великую истину, как маленький утес — вагонетку железной дороги. Нам для начала нужна небольшая истина. Господи! Мы храним и ценим ее, но не следует верить, что это всемирная истина.

— Так значит, вы боитесь, что преждевременное раскрытие может вызвать во мне предубеждение в отношении некоторых странных явлений? Я правильно понял вашу мысль?

— Ах, вы все же мой любимый ученик! Вас стоит учить. Так как вам хочется понять, то вы уже сделали к истине первый шаг. Значит, вы полагаете, что ранки на шее у детей того же происхождения, что и у мисс Люси?

— Я так полагаю,— ответил я.

— Вы ошибаетесь. О, если б так оно было! Но, увы! Нет! Хуже, гораздо, гораздо хуже!

— Во имя Господа Бога, Ван Хелсинг, что вы хотите сказать?! — воскликнул я.

В отчаянии взмахнув руками, он упал в кресло, поставил локти на стол и, закрыв лицо руками, произнес:

— Эти ранки нанесла сама Люси!

Глава XV

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

(Продолжение)

На мгновение мной овладела страшная злоба; у меня возникло такое чувство, будто он дал пощечину живой Люси. Я резким движением отодвинул стул, встал и сказал:

— Вы с ума сошли, Ван Хелсинг.

Он поднял голову и грустно и бесконечно ласково посмотрел на меня, отчего я сразу успокоился.

— Хотелось бы мне, чтобы так было на самом деле,— сказал он.— Сумасшествие легче перенести, чем такую действительность. О мой друг, подумайте, почему я шел окольными путями и так долго не говорил вам столь простой вещи. Потому ли, что я презираю вас и презирал всю жизнь? Оттого ли, что хотел доставить вам страдания? Оттого ли, что я теперь захотел отплатить за то, что вы когда-то спасли мне жизнь, избавив от столь ужасной смерти? О нет!

— Простите меня,— пробормотал я.

Он продолжал:

— Милый друг, все это оттого, что я жалел вас, не хотел вас сразить одним махом, так как знаю, что вы любили эту милую девушку. Но я знаю, что даже и теперь вы не верите. Столь трудно поверить в истину, отвергаемую нашими убеждениями, что мы неизбежно колеблемся, тем более когда истина касается такого существа, как мисс Люси. Сегодня ночью я хочу убедиться! Хватит ли у вас мужества пойти со мной?

Меня это потрясло. Человек не любит убеждаться в подобной правде. Только Байрон был исключением из правила, когда речь шла о ревности:

> И убедиться в том, чего страшишься знать.

Он заметил мои колебания и добавил:

— Моя логика очень проста, на сей раз не логика безумца, прыгающего наугад с кочки на кочку в туманном болоте. Если это неправда, то доказательство принесет облегчение; во всяком случае, оно не повредит. Но если это правда!.. Вот в том-то весь ужас; но даже ужас поможет мне, потому что в нем я обрету уверенность! Пойдемте, я изложу вам свой план. Сначала навестим того ребенка в больнице. Доктор Винсент из «Северной больницы», где, судя по газетам, находится ребенок, мой большой друг. Он разрешит ознакомиться с этим случаем двум ученым. Мы ему скажем, что хотим поучиться. А потом...

Он вынул из кармана ключ и показал его мне.

— А потом мы проведем ночь на кладбище, где похоронена Люси. Вот ключ от ее склепа. Мне дал его кладбищенский служащий, поручив передать Артуру.

Сердце мое оборвалось, я чувствовал, что нам предстоит ужасное испытание. И все-таки я не мог отказаться... Я собрал все свое мужество и сказал, что нам следует торопиться, так как время близится к полудню.

Ребенок уже проснулся. Он выспался, поел и в общем чувствовал себя хорошо. Доктор Винсент снял с его шеи повязку и показал нам ранки. Не было сомнения, что они тождественны тем, которые были у Люси. Они были только чуть поменьше, а края у них — свежие, вот и вся разница. Мы спросили у Винсента, каково его мнение; он ответил, что это, должно быть, укус животного, быть может, крысы; но лично он склонен думать, что это укус одной из тех летучих мышей, которых так много в северной части Лондона.

— Вполне вероятно,— сказал он,— что среди множества безвредных есть опасные, дикие летучие мыши с юга. Возможно, моряк привез такую мышь с собой, а она улетела, или молодая летучая мышь улетела из Зоологического сада, или, наконец, какая-нибудь из них вскормлена вампиром. Такие вещи, знаете ли, случаются. Десять дней назад убежал волк, и его видели в этих местах. Поэтому всю следующую неделю дети играли в «Красную Шапочку», пока не появилась новая страшная игра «леди-привидение», которой все отдались с восторгом. Даже этот бедный малыш, проснувшись сегодня, спросил у сестры, не отпустит ли она его домой. Когда она спросила его, почему он мечтает покинуть больницу, тот ответил, что хочет поиграть с «леди-привидением».

— Надеюсь,— сказал Ван Хелсинг,— отправляя ребенка домой, вы не забудете предупредить родителей, чтобы те глаз с него не спускали. Его навязчивое желание убегать из дому чрезвычайно опасно: если он проведет вне дома еще одну ночь, это

может кончиться самым роковым образом. Но в любом случае, полагаю, вы продержите его у себя еще несколько дней?

— Разумеется. По меньшей мере еще неделю, а может быть, и дольше, пока ранка совсем не затянется.

Посещение больницы отняло больше времени, чем мы рассчитывали, и солнце село еще до того, как мы вышли из больницы. Когда Ван Хелсинг увидел, что стемнело, он сказал:

— Ну, теперь нам нечего спешить. Сейчас куда позже, чем я думал. Пойдем поищем, где бы нам поесть, затем отправимся дальше.

Мы поужинали в «Джек-Стро-Касл» в компании велосипедистов и прочих веселых и шумных людей. Около десяти часов мы покинули кабачок. Было очень темно, и редкие фонари только подчеркивали мрак, когда мы покидали освещенное место. Профессор, очевидно, уже обдумал дорогу, так как шел уверенно; что же до меня, я совсем не мог ориентироваться. Чем дальше мы шли, тем меньше попадалось нам людей навстречу, так что мы даже поразились, когда нам встретился конный ночной патруль, объезжавший свой участок. Наконец мы пришли к кладбищенской стене, через которую и перелезли с некоторым трудом, так как было страшно темно и местность казалась незнакомой. Мы с трудом добрались до склепа Вестенра. Профессор достал ключ, открыл дверь склепа и, отступив, любезно, но совершенно бессознательно жестом предложил мне пройти вперед. Какая-то странная ирония заключалась в этом предложении, в этой любезной уступчивости в столь ужасный момент. Мой спутник тотчас же последовал за мной и осторожно притворил дверь, предварительно убедившись, что замок у нее простой, а не пружинный. Затем он пошарил в своей сумке и, вынув оттуда спички, зажег свечу. В склепе и днем было мрачно и ужасно, несмотря на цветы, усыпавшие могилу, а теперь, при слабом мерцании свечи, он производил настолько жуткое и тяжелое впечатление, что невозможно даже представить себе, не увидев: цветы поблекли, завяли, они порыжели и слились с превратившейся в коричневую зеленью; в огромном количестве появились пауки и жуки и чувствовали себя как дома; время обесцветило камень, известняк пропитался пылью, железо заржавело и покрылось плесенью, медь потускнела, и

потемнела серебряная доска. Невольно рождалась мысль, что не только жизнь — физическая жизнь — недолговечна.

Ван Хелсинг продолжал методично работать. Он поднес свечу совсем близко к надписи на плите и убедился в том, что перед ним могила Люси. Капли воска застывали на металле светлыми пятнами. Затем он снова порылся в сумке и вынул оттуда отвертку.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Открою гроб. Я сейчас докажу, что я прав.

И он начал отвинчивать винты, снял крышку, и мы увидели поверхность свинцового гроба. Подобное зрелище оказалось мне не по силам. Это было такое же оскорбление покойной, как если бы ее, еще живую, раздели во сне! Я невольно схватил его за руку, желая остановить. Он же только сказал:

— Убедитесь сами!

И, порывшись опять в сумке, вынул оттуда маленькую пилу. Сильным ударом он отверткой пробил в свинце дыру, достаточно большую, чтобы конец пилы мог в нее пройти. Я невольно сделал шаг назад, ожидая обычного тошнотворного запаха от пролежавшего целую неделю тела. Мы, врачи, знаем, чего следует опасаться и к чему надо привыкнуть. Но профессор даже не помедлил: он пропилил пару футов вдоль края гроба, затем обогнул его и перешел на другую сторону. Потом, захватив свободный конец, отогнул крышку гроба и, держа свечку в открытом отверстии, предложил мне подойти и посмотреть.

Я подошел и взглянул... Гроб был пуст! Меня это поразило и страшно ошеломило, но Ван Хелсинг даже не дрогнул. Сейчас более, чем когда-либо, он был уверен в своей правоте, и это придавало ему решимости.

— Ну, теперь вы довольны, мой друг? — спросил он.

Страшное упорство заговорило во мне, и я ответил:

— Я вижу, что тела Люси нет в гробу, но это доказывает только одно.

— Что именно, Джон?

— Что его там нет.

— Недурная логика. Но почему, по-вашему, его здесь нет?

— Может быть, это дело рук похитителя трупов,— сказал я.— Может быть, его украл кто-нибудь из могильщиков!

Я чувствовал, что говорю глупость, и все же ничего больше не мог придумать. Профессор вздохнул.

— Ну хорошо,— сказал он.— Вам нужны еще доказательства? Пойдемте со мной!

Он опустил крышку на место, собрал свои вещи, положил их обратно в сумку, потушил свечу и положил ее туда же. Мы открыли дверь и вышли. Он запер дверь на ключ. Затем передал его мне и сказал:

— Оставьте у себя, вам будет спокойнее.

Я засмеялся — сознаюсь, это был не слишком умный смех — и хотел вернуть ему ключ.

— Дело не в ключе,— сказал я.— Может существовать дубликат, и, кроме того, такой замок ничего не стоит открыть.

Он не возразил, только положил ключ в карман. Затем он сказал, чтобы я караулил на одном конце кладбища, а он будет караулить на другом. Заняв свое место под тисом, я видел, как его темная фигура удалялась, пока наконец не скрылась за памятниками и деревьями.

Ожидание в одиночестве! Сразу после того, как я занял свое место, я услышал — часы в отдалении бьют двенадцать, а со временем час и два. Я продрог, начал нервничать да еще злился на профессора за то, что он увлек меня в такое странствование, а на себя за то, что согласился пойти. Я слишком устал и слишком хотел спать, чтобы иметь возможность следить во все глаза, но одновременно я был не настолько сонным, чтобы позабыть о своей надежде,— в общем, было скучно и неприятно.

Вдруг, повернувшись случайно, я увидел какую-то белую фигуру, двигающуюся между тисами в конце кладбища, далеко за могилами; одновременно с той стороны, где караулил профессор, от земли отделилась темная масса и поспешно двинулась ей навстречу. Тогда двинулся и я, но мне пришлось обходить памятники и могильные ограды, и я несколько раз падал, спотыкаясь о могилы. Небо было затянуто тучами, где-то вдали запел петух. Поблизости, за кустами можжевельника, которыми была обсажена дорога к церкви, в сторону склепа двигалась какая-то смутная фигура. Могила была скрыта за деревьями, и я не мог видеть, куда фигура девалась. Я услышал шум там, где сначала увидел белую фигуру, и, когда подошел, обнаружил профессора, который держал на руках худенького ребенка. Увидев меня, он протянул ребенка мне и спросил:

— Теперь вы довольны?

— Нет,— ответил я и сам почувствовал, что в голосе прозвучала враждебность.

— Разве вы не видите ребенка?

— Да, вижу, но кто же его принес сюда? Он ранен? — спросил я.

— Посмотрим,— сказал профессор и направился к выходу с кладбища, неся на руках спящего ребенка.

Подойдя к зарослям деревьев, при свете спички мы осмотрели ребенка. На нем не оказалось ни царапин, ни порезов.

— Ну что, я прав? — спросил я торжествующим тоном.

— Мы появились вовремя,— сказал профессор задумчиво.

Нам нужно было решить, как поступить с ребенком. Если его отнести в полицию, придется давать отчет о наших ночных похождениях; во всяком случае, официально заявить, как мы его нашли. В конце концов мы решили отнести его на пустошь, если заметим какого-нибудь полисмена, и спрятать ребенка так, чтобы тот его непременно нашел, а самим отправиться как можно скорее домой. Все обошлось благополучно. Возле самого Хэмпстед-Гита мы услышали тяжелые шаги полисмена и положили ребенка у самой дороги. Полисмен посветил вокруг себя фонарем и нашел его. Мы услышали его удивленный возглас и ушли. К счастью, мы скоро встретили кеб и поехали в город.

Не могу заснуть, поэтому записываю. Но все-таки нужно будет поспать, так как Ван Хелсинг зайдет за мною в полдень. Он настаивает на том, чтобы я с ним опять отправился в экспедицию.

27 сентября.

Только после двух часов нам представилась возможность предпринять новую попытку. Закончились чьи-то похороны, тянувшиеся с полудня, и последние провожатые уже удалились с кладбища. Выбрав укрытием две ольхи, сросшиеся стволами, мы видели, как могильщик закрыл за последним из них ворота. Мы знали, что до самого утра нас никто больше не потревожит, но профессор сказал, что нам понадобится самое большее час. Снова я почувствовал весь ужас действительности, более фантастич-

ной, чем сказка; я отчетливо понимал, какой опасности мы себя подвергаем перед лицом закона, занимаясь своим нечестивым делом. Кроме того, мне казалось, что все это бесполезно. Возмутительно было уже то, что мы открыли свинцовый гроб, желая убедиться в том, что женщина, умершая неделю тому назад, действительно была мертва. Теперь же было верхом безумия вновь открывать могилу, раз мы уже знали, собственными глазами убедились, что она пуста. Меня коробило при одной мысли об этом. Но я молчал, так как против Ван Хелсинга любые уговоры бессильны, у него собственная манера действовать. Он взял ключ, открыл склеп и снова любезно дал мне пройти вперед. На сей раз место не казалось таким ужасным, но впечатление, которое оно производило при свете солнца, было все-таки отвратительным. Ван Хелсинг подошел к гробу Люси, я последовал за ним. Он наклонился и опять отогнул свинцовую крышку. И тут мою душу наполнили удивление и негодование.

В гробу лежала Люси, точь-в-точь такая, какой мы видели ее накануне погребения. Она казалась еще прекрасней, и мне никак не верилось, что она умерла. Ее пунцовые губы были даже ярче прежнего, а щеки покрывал нежный румянец.

— Что это, колдовство? — спросил я.

— Теперь вы убедились? — сказал профессор в ответ. При этом он протянул руку, раздвинул мертвые губы и показал мне белые клыки.

Я содрогнулся.

— Взгляните,— сказал он,— видите, они стали еще острей. Этим и этим,— и он указал сначала на один из верхних клыков, а затем на нижний,— она может кусать детей. Теперь, Джон, вы верите?

И снова дух противоречия проснулся во мне.

— Может быть, ее сюда положили только вчера!

— Неужели? И кто это сделал?

— Не знаю. Кто-нибудь!

— Но ведь она умерла неделю тому назад. Большинство людей через такое время выглядели бы иначе.

На это у меня не нашлось возражений. Ван Хелсинг, казалось, не замечал моего молчания; во всяком случае, он не выразил ни разочарования, ни торжества. Он внимательно вглядывался

в лицо мертвой женщины, поднимал ей веки, чтобы взглянуть в глаза, еще раз отогнул губы и осмотрел клыки. Потом, обернувшись ко мне, сказал:

— Тут есть одна вещь, не вмещающаяся в привычные рамки. Это двойная жизнь, которая так не похожа на обыкновенную. Ее укусил вампир, когда она была в трансе и бродила во сне. О, вы содрогнулись, вы покуда ничего не знаете, Джон, но вы все это узнаете позже, потом... Пока она пребывала в трансе, ему было очень удобно сосать ее кровь. В трансе она умерла, в трансе она и пребывает «не-мертвой». Именно этим она отличается от других. Обычно, когда «не-мертвые» спят дома,— он сделал выразительный жест, показывая, что́ является «домом» для вампира,— по их лицам видно, кто они; и это столь привлекательно, тогда как, не будь она «не-мертвой», началось бы тление, как у обыкновенных мертвецов. Это не злодеяние, и, пусть тяжело, я должен убить ее во сне.

Мне сделалось жутко, я стал уже верить словам Ван Хелсинга, но ведь, если она действительно была мертва, какой смысл в том, чтобы убивать ее снова? Он взглянул на меня и, очевидно, заметил перемену в лице, так как с торжеством спросил:

— А теперь вы верите?

— Не слишком торопите меня. Я готов это допустить. Но как вы исполните свой кровавый долг?

— Я отрублю ей голову, набью рот чесноком и вобью кол в ее тело.

Я содрогнулся при мысли, что так изуродуют тело женщины, которую я любил. И все-таки чувство не было столь сильным, как я того ожидал. В сущности, я уже начинал содрогаться от присутствия этого существа, этого «не-мертвого», как называл его Ван Хелсинг, и еще я чувствовал омерзение. Возможно ли, чтобы любовь была полностью объективной или субъективной?

Ван Хелсинг долго размышлял о чем-то, наконец закрыл свою сумку и сказал:

— Я передумал. Если бы я решил исполнить свое намерение, я сделал бы это тотчас же, но может возникнуть множество осложнений, которые оказались бы гораздо неприятнее, чем мы способны представить. И вот почему. Она еще не погу-

била ни одной жизни, хотя времени было достаточно, и, если бы я сейчас это сделал, то обезвредил бы ее навсегда. Но для этого нам нужен Артур, а как мы ему обо всем расскажем? Уж если вы не поверили мне, вы, кто видел ранки на шее Люси, а затем такие же ранки у ребенка в госпитале; вы, кто вчера ночью видел пустой гроб, а сегодня в нем была эта женщина, которая не только не изменилась, а даже порозовела и похорошела, хотя прошла целая неделя со дня ее смерти; вы, кто видел белую фигуру, которая вчера принесла на кладбище ребенка,— так чего ждать от Артура, который ничего не знает и ничего не видел? Он усомнился во мне, когда я не позволил ему поцеловать ее перед смертью. Он простил меня, хотя я лишил его возможности попрощаться с ней так, как он должен был бы сделать, но теперь, по незнанию, он решил бы, что мы похоронили ее живой, а после, чтобы скрыть нашу величайшую ошибку, убили ее. Он станет ненавидеть нас за то, что мы по ошибке ее убили, и будет несчастен всю жизнь. Но самое ужасное, что он никогда не обретет уверенности. Сегодня он будет думать, что его возлюбленную похоронили живой, и ему станут рисоваться страшные картины ее мучений; а завтра он будет думать, что, возможно, мы правы и его возлюбленная была, в конце концов, «не-мертвой». Нет! Однажды я ему уже говорил это, но с тех пор я так много нового узнал сам. Теперь же, когда я твердо знаю, что все это правда, я тысячу раз уверен: он должен прийти через страдания к радости. Он, бедняга, должен пережить час, когда небеса для него покроются мраком; потом мы устроим все наилучшим образом, и он обретет покой. Поэтому я решил сделать это в его присутствии. Идемте. Вы возвращайтесь в больницу и посмотрите, все ли в порядке. А я проведу ночь по-своему, здесь, на кладбище. Завтра в десять часов вечера приходите ко мне в гостиницу «Беркли». Тогда я пошлю за Артуром и за тем американцем, который тоже отдал ей свою кровь. Впоследствии нам всем придется много работать. Я дойду с вами до Пиккадилли и там пообедаю, ведь мне нужно вернуться сюда еще раз до захода солнца.

Мы закрыли склеп, перелезли через кладбищенскую ограду, что было не слишком трудно, и поехали обратно на Пиккадилли.

ЗАПИСКА ВАН ХЕЛСИНГА, ОСТАВЛЕННАЯ ИМ В ЧЕМОДАНЕ В ГОСТИНИЦЕ «БЕРКЛИ» И АДРЕСОВАННАЯ ДЖОНУ СЬЮАРДУ, Д. М.

(Не вручена)

27 сентября.

Дружище Джон!

Пишу это на случай, если произойдет нечто непредвиденное. Иду один на кладбище. Меня радует, что сегодня ночью «не-мертвой», мисс Люси, не удастся выйти, так что завтра ночью ее страсть проявится еще определеннее. Я прикреплю к склепу кое-что, чего она не любит,— чеснок и крест, и таким образом запечатаю дверь в гробницу. Она как «не-мертвая» еще молода и будет осторожна. Кроме того, ведь это лишь воспрепятствует ей, но не отвратит ее от желания выйти; когда «не-мертвая» в отчаянии, то идет по пути наименьшего сопротивления. Я буду находиться поблизости от заката и до восхода и, может, что-нибудь разузнаю. Люси я не боюсь, но остерегаюсь того, из-за кого она стала «не-мертвой»; у него теперь есть и право, и власть искать ее могилу, и у него она может обрести защиту. Он хитер, судя по словам Джонатана и по тому, как водил нас за нос, играя жизнью Люси; да и вообще он во многих отношениях очень силен. У него сила двадцати человек; даже та сила, которую мы вчетвером вливали в кровь Люси, пошла исключительно ему на пользу. Кроме того, он может сзывать волков и сам не знаю, право, кого еще. Так что, если он ночью туда придет, он застанет меня; но больше уж никто не должен присутствовать при этом, а не то будет скверно. Хотя, возможно, он не станет покушаться на это место. У него, наверное, есть на примете нечто более интересное, чем кладбище, где спит «не-мертвая» и караулит старик.

Пишу это на случай, если... Возьмите все бумаги, которые тут же находятся, дневник Харкера и остальное, и прочтите их, затем отыщите «не-мертвого», отрубите ему голову, сожгите его сердце, вбейте в него кол, чтобы мир наконец вздохнул свободно.

Итак, прощайте.

Ван Хелсинг.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

28 сентября.

Прямо удивительно, до чего благотворен сон. Вчера я почти готов был поверить ужасным идеям Ван Хелсинга, теперь же они мне кажутся дикими и лишенными всякого смысла. Не может быть, чтобы он сошел с ума. Ведь должно существовать какое-нибудь объяснение этим таинственным событиям. Возможно, все дело рук самого профессора. Он необычайно умен и, даже если сошел с ума, обязательно отыщет, пусть необыкновенный, способ воплотить свои идеи. Впрочем, не хочется так думать, да и сумасшествие Ван Хелсинга — вещь маловероятная. Постараюсь найти разгадку тайны.

29 сентября, утром.

Артур и Квинси зашли вчера вечером около десяти часов к Ван Хелсингу. Он объяснил все, что нам нужно делать, обращаясь главным образом к Артуру, словно все наши желания сконцентрированы в нем одном. Он говорил, что надеется на нашу общую помощь, так как нам предстоит исполнить тяжкий долг. Затем спросил Артура, удивился ли он его письму.

— Я? Да! Оно меня порядком встревожило. В последнее время я испытал столько невзгод, что у меня нет больше сил. Мне было бы интересно знать, что случилось. Мы обсуждали это с Квинси, но в результате пришли в еще большее замешательство. Я совершенно перестал понимать, что происходит.

— Я тоже,— кратко заметил Квинси Моррис.

— В таком случае,— сказал профессор,— вы оба стоите в начале пути, а вот нашему другу Джону предстоит возвратиться назад, чтобы обрести способность опять двигаться вперед.

Значит, от него не укрылось, что ко мне вернулся мой прежний скептицизм, хотя я и не произнес ни слова. Обращаясь к Артуру и Квинси, Ван Хелсинг сказал очень серьезно:

— Мне нужно ваше согласие на то, что я собираюсь сделать сегодня ночью. Знаю, я требую многого, и только тогда, когда вы поймете, в чем дело, вы поймете, что это стоит того. Поэтому я хотел бы, чтобы вы прямо сейчас дали мне согласие и потом бы не упрекали себя ни в чем. Вы будете некоторое время сердиться на меня — мне уж придется примириться.

— Мне нравится откровенность,— вставил Квинси,— я ручаюсь за профессора. Не вполне понимаю, куда он клонит, но, клянусь, он честный человек, и мне этого довольно.

— Благодарю вас, сэр,— с достоинством произнес Ван Хелсинг,— считаю за честь числить вас среди своих друзей и ценю вашу поддержку.

И он протянул Квинси руку.

— Я вовсе не желаю,— возразил Артур,— покупать свинью в мешке, как говорят в Шотландии, и если тут будут затронуты моя честь джентльмена или моя вера христианина, то не могу дать подобных обещаний. Если вы поклянетесь, что ваше намерение не затрагивает ни того ни другого, я сейчас же даю на все свое согласие: хотя, клянусь жизнью, никак не могу понять, к чему вы клоните.

— Принимаю ваши условия,— сказал Ван Хелсинг,— но прошу вас об одном: прежде чем будете осуждать меня, хорошенько взвесьте свое решение и уверьтесь, что мои поступки не нарушают ваших условий.

— Решено! — сказал Артур.— Итак, переговоры завершены. Могу я теперь спросить у вас, в чем дело?

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной на кладбище в Кингстед, но об этом никто не должен знать.

Артур изумился.

— Туда, где похоронена Люси? — спросил он.

Профессор кивнул. Артур продолжал:

— Зачем?

— Чтобы войти в склеп.

Артур вскочил:

— Профессор, вы говорите серьезно или жестоко шутите?.. Простите, я вижу, это серьезно.

Он снова сел, гордо выпрямившись, как человек, чье достоинство оскорблено.

Наступила долгая пауза. Наконец он спросил:

— И что же мы будем там делать?

— Откроем гроб.

— Это уж слишком,— сердито сказал Артур, вставая.— Я согласен на все, в разумных пределах, но такое... такое осквернение гроба той, которую...

Дальше он не мог говорить от негодования. Профессор с состраданием смотрел на него.

— О, если бы я мог уберечь вас от мучений, мой дорогой друг, клянусь, я сделал бы это,— сказал он.— Но в эту ночь вам придется пройти по тернистой дороге, иначе вам суждено потом, быть может даже на веки вечные, ходить по адским тропинкам!

Артур побледнел и вскричал:

— Осторожней, сэр, осторожней!

— Не лучше ли будет, если вы послушаете меня? — спросил Ван Хелсинг.— Тогда, по крайней мере, вы будете знать, что я предлагаю. Могу я начать?

— Да, разумеется,— вставил Моррис.

После некоторого молчания, сделав над собой видимое усилие, Ван Хелсинг продолжил:

— Мисс Люси умерла, не так ли? Да? Следовательно, все в порядке. Но если она не умерла?

Артур подскочил.

— Господи! — воскликнул он.— Что вы хотите этим сказать? Разве произошла какая-то ошибка? Разве ее похоронили живой? — Он был в таком отчаянии, что тяжело было на него смотреть.

— Я не сказал, что она жива, дитя мое, я не то хотел сказать. Я хотел сказать только, что она не мертва.

— Не мертва! Не жива! Что вы имеете в виду? Это кошмар или что-то другое, еще более ужасное?

— Бывают тайны, о которых мы можем только догадываться, разгадка их приходит годами и по частям. Поверьте мне, перед нами только часть тайны. Но я ничего еще не сделал. Вы разрешите мне отрубить голову умершей Люси?

— Клянусь небом и землей, нет! — воскликнул Артур с негодованием.— Я ни за что на свете не соглашусь, чтобы тело ее подверглось поруганию. Ван Хелсинг, вы слишком испытываете меня! Что я вам сделал дурного, за что вы меня так терзаете? Что сделала вам эта бедная девушка, что вы так издеваетесь над ее могилой? Или вы помешались, что говорите подобные вещи, или я сошел с ума, что слушаю их! Не смейте и думать о таком святотатстве, я ни за что не дам своего согласия! Я пойду защищать ее могилу от поругания, и, клянусь Богом, я это сделаю!

Ван Хелсинг встал со своего места и сказал сурово и серьезно:

— Лорд Годалминг, у меня тоже есть долг, долг по отношению к другим, к вам, к покойной, и, клянусь Богом, я это сделаю. Я прошу вас лишь об одном: пойдемте со мной, посмотрите, послушайте, и если потом я предложу вам то же самое, не беритесь за это дело более ревностно, чем я, ибо тогда — тогда я исполню свой долг по собственному усмотрению. Тогда я исполню ваше желание и буду готов дать вам отчет, когда и где захотите.

Тут голос его дрогнул, и он продолжал гораздо мягче:

— Но, умоляю вас, не смотрите на меня так гневно. В моей жизни было много тяжелых минут, терзавших душу, но столь трудная задача впервые выпала на мою долю. Поверьте, когда придет время и вы перемените ваше мнение обо мне, один ваш взгляд искупит эти печальные часы, ибо я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы уберечь вас от горя. Подумайте только, чего ради стал бы я так стараться и так горевать? Я пришел сюда, чтобы сделать то, что должен: прежде всего, чтобы оказать услугу моему другу Джону, затем помочь милой молодой девушке, которую я, как и вы, очень любил. Ей — мне даже стыдно сказать, но я говорю просто — я отдал то, что и вы,— кровь из моих вен, отдал ей, хотя я вовсе не ее возлюбленный, а только врач и друг. Если смерть моя в состоянии ей что-нибудь дать теперь, когда она и мертвая и «не-мертвая», пусть свободно возьмет мою жизнь.

Он сказал это с какой-то благородной, мягкой гордостью, и Артур был очень тронут. Он взял старика за руку и произнес дрожащим голосом:

— О, так ужасно об этом думать, и я никак не могу понять, в чем дело, но обещаю пойти с вами и подождать.

Глава XVI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

(Продолжение)

Ровно без четверти двенадцать мы перелезли через низкую ограду кладбища. Ночь была темна, луна лишь изредка выглядывала из-за туч, тянувшихся по небу. Мы старались держаться

как можно ближе друг к другу. Ван Хелсинг шел впереди, показывая дорогу. Когда мы ближе подошли к могиле, я стал внимательно следить за Артуром, так как близость мест, связанных со столькими печальными воспоминаниями, могла его взволновать; но он держался молодцом. Должно быть, таинственность приключения увлекала его. Профессор открыл дверь склепа и, заметив нашу нерешительность, подбодрил нас тем, что сам прошел вперед. Мы последовали за ним, и он закрыл за нами дверь. Затем он зажег тусклый фонарь и указал на гроб. Артур, сильно волнуясь, двинулся вперед. Ван Хелсинг обратился ко мне:

— Вы вчера были здесь со мной. Тело Люси лежало тогда тут, в гробу?

— Да, лежало.

Профессор обратился к остальным со словами:

— Слышите? И все-таки тут есть кое-кто еще, кто мне не верит.

Он взял отвертку и снова снял крышку с гроба. Артур, бледный и молчаливый, глядел на это; когда крышку сняли, он вышел вперед. Он, очевидно, не подозревал или забыл о свинцовом гробе. Когда он увидел в нем дыры, кровь бросилась ему в лицо, потом мгновенно отхлынула, и он, мертвенно-бледный, стоял и молчал.

Ван Хелсинг отогнул свинцовую крышку, мы заглянули в гроб и попятились.

Гроб был пуст!

В течение нескольких минут никто не произнес ни слова. Молчание прервал Квинси Моррис:

— Профессор, я за вас поручился. Я поверил вашему слову. Я никогда бы не оскорбил вас подозрением, но эта тайна заставляет поступиться вопросами чести. Это дело ваших рук?

— Клянусь всем, что мне свято, я не прикасался к ней и не убирал ее тела. Произошло же вот что. Два дня тому назад я пришел сюда с Сьюардом и открыл гроб; и мы нашли его, как и сейчас, пустым. Затем мы остались ждать и увидели нечто белое, двигавшееся между деревьями. На следующий день мы пришли сюда днем и нашли Люси в гробу. Не правда ли, Джон?

— Да.

— В ту ночь мы подоспели как раз вовремя. Пропал еще один ребенок, и мы нашли его, благодаря богу, невредимым среди могил. Вчера я пришел сюда до заката, так как на закате «не-мертвые» оживают. Я прождал тут всю ночь до восхода солнца, но ничего не увидел. Должно быть, потому, что привесил к дверям чеснок, которого «не-мертвые» не выносят, и другие вещи, которых они избегают. Сегодня вечером, еще до захода солнца, я убрал чеснок и остальное. Вот почему мы нашли гроб пустым. Подождите вместе со мной. До сих пор тут происходило много странного. Постоим вне склепа, спрячемся где-нибудь потихоньку, и вы увидите еще более странные вещи.

Один за другим мы покинули склеп. Ван Хелсинг вышел последним и закрыл дверь.

О, сколь приятен и чист ночной воздух после душного склепа! Как приятно было видеть бегущие по небу облака, а в просветах мерцание лунного света — не так ли чередуются радости и горести в человеческой жизни? Каким наслаждением было вдыхать свежий воздух, в котором отсутствуют запахи смерти и разложения! Как успокаивал вид алеющего неба вдалеке и приглушенный шум — верные спутники жизни большого города! Все были серьезны и подавлены. Артур молчал, и видно было, что он тщетно пытается постичь тайный смысл происходящего. Я терпеливо ждал развязки и снова был готов отбросить сомнения и поверить Ван Хелсингу. Квинси Моррис был невозмутим, как человек, привыкший принимать вещи такими, какие они есть, а если надо, то и рискнуть всем со спокойной храбростью. Курить было нельзя, и потому он отрезал кусок от плитки табака и начал его жевать. Ван Хелсинг же принялся за работу. Сначала он вынул из своей сумки пачку чего-то вроде тонких вафельных бисквитов, аккуратно завернутых в белую салфетку, затем вынул полную пригоршню беловатого вещества вроде теста. Он мелко накрошил вафли и замесил в тесто. Затем, сделав из этой массы тонкие полоски, он замазал щели дверей склепа. Меня это озадачило, и, стоя поблизости от него, я спросил, что он делает. Артур и Квинси тоже подошли, так как оба были очень заинтересованы. Он ответил:

— Я закрываю вход, чтобы «не-мертвая» не могла войти.

— Вот этой штукой? — спросил Квинси.— Черт подери! И это сработает?

— Наилучшим образом.

— Что это у вас? — спросил Артур.

Ван Хелсинг благоговейно снял шляпу и сказал:

— Святые дары. Я привез их из Амстердама. У меня есть индульгенция.

Ответ мог устрашить самого большого скептика, и каждый из нас почувствовал, что при таких серьезных шагах профессора, шагах, при которых он решался употребить самое священное для него, невозможно ему не верить. Мы тихо и покорно заняли указанные нам места возле склепа, стараясь разместиться так, чтобы никто из прохожих не мог нас заметить. Я жалел других, в особенности Артура. Мне-то весь этот ужас был знаком по предыдущему визиту.

Еще час назад я все отвергал, но теперь и у меня похолодело сердце. Никогда еще могилы не казались такими призрачно-белыми, а тисы и кипарисы не были столь исполнены погребального мрака; никогда еще трава и деревья не шелестели так зловеще, а сучья не потрескивали столь таинственно; и никогда еще далекий собачий вой не казался столь дурным предзнаменованием. Наступило долгое молчание, бесконечная, томительная тишина, затем послышался резкий и тихий свист профессора. Он указал вдаль: там в тисовой аллее показалась белая фигура, прижимавшая что-то темное к своей груди. Она приближалась. Вдруг фигура остановилась, и в ту же минуту луна выглянула из-за мчавшихся туч и осветила с поразительной ясностью темноволосую женщину, одетую в саван. Лица не было видно, ибо она склонилась над белокурым ребенком. Было тихо, затем раздался резкий, короткий вскрик — так кричат иногда дети во сне. Мы хотели броситься вперед, но профессор, стоявший за деревом, сделал предостерегающий жест, и мы увидели, что белая фигура двинулась дальше. Теперь она была очень близко от нас, и мы могли ее хорошо разглядеть, тем более что продолжала светить луна. Дрожь пробежала у меня по телу, и я услышал тяжелое дыхание Артура, когда мы узнали Люси Вестенра; но до чего она изменилась! Мягкое выражение ее лица сменилось на каменную бессердечную жестокость, а непорочность уступила место сладострастной похотливости. Ван Хелсинг выступил вперед, и, повинуясь его жесту, мы четверо, вытянувшись в цепочку, приблизились к склепу. Ван Хелсинг поднял фонарь и вытянул вперед руку с облаткой; при свете, падавшем на лицо Люси, мы увидели, что губы ее алые от крови и свежая кровь сочится по подбородку, пятная белизну савана.

Нам сделалось жутко. При трепетном свете я заметил, что даже железные нервы Ван Хелсинга ему изменили. Артур стоял возле меня, и, если бы я не схватил его за руку и не поддержал, он, вероятно, упал бы.

Увидев нас, Люси — я называю фигуру, стоявшую перед нами, Люси, потому что она была на нее похожа,— отступила назад, шипя, словно кошка, застигнутая врасплох, и посмотрела на нас. Это были глаза Люси по форме и по цвету, это были, несомненно, ее глаза, но не ясные, а полные адского огня вместо чистых, знакомых нам, ласковых очей. В тот момент остаток моей любви к ней перешел в ненависть и омерзение; если бы нужно было ее убить, я сделал бы это с диким удовольствием. Когда она взглянула на нас, глаза ее пылали адским пламенем, а лицо искажалось сладострастной улыбкой. О господи, сколь ужасным было это зрелище! Она опустилась на землю, бесчувственная, как дьявол, и продолжала ревностно прижимать к груди ребенка; она рычала, как собака над костью. Ребенок вдруг резко вскрикнул и застонал. При этом из груди Артура вырвался стон; она же, поднявшись, двинулась к нему с раскрытыми объятиями и сладострастной улыбкой. Артур отшатнулся и закрыл лицо руками.

Она приблизилась к нему с томной, сладострастной грацией и сказала:

— Приди ко мне, Артур! Оставь остальных и приди ко мне. Мои объятия жаждут тебя, приди, мы отдохнем вместе с тобой. Приди ко мне, супруг мой, приди ко мне.

В голосе ее слышалась какая-то дьявольская сладость, он звучал, как серебряный колокольчик, и слова ее, хотя и относились к другому, завораживали нас. Что же касается Артура, он находился будто под каким-то очарованием,— он широко раскрыл ей свои объятия. Она была уже готова кинуться к нему, но Ван Хелсинг бросился вперед, держа перед ней свой золотой крестик. Она отшатнулась и с искаженным, исполненным злобы лицом бросилась мимо него ко входу в склеп.

В нескольких шагах от дверей она остановилась, точно задержанная какой-то непреодолимой силой. Затем она обернулась к нам, и яркий свет луны и фонаря Ван Хелсинга осветил ее лицо. Мне никогда еще не приходилось видеть такого злобного выражения лица, и, надеюсь, ни один смертный его не увидит. Роскошные краски превратились в багрово-синие; глаза, казалось, метали искры адского огня, брови насупились, изгибы тела напоминали кольца змей Медузы, очаровательный рот стал квадратным, словно у маски страсти греков или японцев.

Так она простояла несколько минут, показавшихся нам целой вечностью, между поднятым крестом и запечатанным входом в склеп. Ван Хелсинг нарушил тишину, спросив Артура:

— Ответьте, друг мой, продолжать мне свою работу?

Артур, закрыв лицо руками, ответил:

— Делайте что хотите, делайте что хотите. Таких ужасов больше быть не должно.

Ему сделалось дурно. Квинси и я одновременно подскочили к нему и взяли под руки. Мы слышали, как Ван Хелсинг подошел к дверям и принялся вынимать из щелей освященные предметы, которые туда поместил. Мы были поражены, когда увидели, что, после того как Ван Хелсинг сделал шаг назад, женщина с таким же телом, как наше собственное, проскользнула в промежуток, сквозь который едва ли могло протиснуться даже лезвие ножа. Какое-то радостное чувство овладело нами, когда мы увидели, как Ван Хелсинг снова спокойно заткнул щели замазкой.

Покончив с этим, он поднял ребенка и сказал:

— Идемте, друзья мои, до завтра нам тут нечего делать. В полдень здесь похороны; сразу же после этого мы придем сюда. Все друзья покойного уйдут раньше двух часов. Когда могильщик закроет ворота, мы останемся, так как тут еще кое-что нужно сделать, но не то, что мы делали нынешней ночью. Что же до малютки, то у него нет ничего опасного и к завтрашнему дню он будет здоров. Мы положим его так, чтобы полиция его нашла, как в ту ночь, а затем отправимся домой.

Подойдя вплотную к Артуру, он сказал:

— Вы, мой друг Артур, выдержали тяжкое испытание, но впоследствии, когда вы оглянетесь, то увидите, сколь оно было

необходимо. Теперь вам плохо, дитя мое. Завтра в это время, бог даст, все уже будет кончено, так что возьмите себя в руки.

Мы оставили ребенка в безопасном месте и отправились домой.

29 сентября, ночью.

Около двенадцати часов мы трое — Артур, Квинси Моррис и я — отправились к профессору. Странно вышло, но все мы совершенно инстинктивно надели черные костюмы. В половине второго мы были уже на кладбище и бродили там, читая надписи на плитах. Когда же могильщики кончили свою работу и сторож, убежденный, что все ушли, закрыл ворота, каждый из нас занял свое место. На сей раз у Ван Хелсинга вместо маленькой черной сумки была длинная кожаная, напоминающая крикетную и, должно быть, порядочно весившая.

Когда на дороге замолкли шаги посетителей, мы тихо последовали за профессором к склепу. Профессор вынул из сумки фонарь, две восковые свечи и осветил склеп. Когда мы вновь подняли крышку гроба Люси, то увидели тело во всей его красе. Но у меня любовь исчезла, осталось лишь отвращение к тому, что приняло образ Люси, не приняв ее души. Даже лицо Артура сделалось каким-то жестоким, когда он на нее взглянул. Он обратился к Ван Хелсингу и сказал:

— Это тело Люси или дьявол в ее оболочке?

— Это ее тело и в то же время не ее. Но подождите немного, и вы увидите ее такой, какая она была и есть.

То лежала не она: так могла выглядеть Люси, привидевшаяся в кошмарном сне: острые зубы, окровавленные, сладострастные губы, на которые страшно было даже взглянуть,— это плотское, бездушное существо казалось дьявольской насмешкой над непорочностью Люси. Ван Хелсинг со своей обычной обстоятельностью начал вынимать из сумки разные вещи и раскладывать их в определенном порядке. Сначала он вынул маленькую масляную паяльную лампу, затем скальпели, которые оставил под рукой, и наконец крутлый деревянный кол толщиной в два с половиной или три дюйма и около трех футов длины, с одного конца заостренный и обожженный. Потом он вынул тяжелый молот. Меня врачебные приготовления возбуждают и

подбадривают, но Артура и Квинси они повергли в смущение. И все-таки они крепились и терпеливо ждали.

Когда все было приготовлено, Ван Хелсинг сказал:

— Прежде чем приняться за дело, объясню вам, что это такое. Это из области знаний и опыта древних народов и всех тех, кто изучал власть «не-мертвых». Становясь таковыми, они обретают бессмертие; они не могут умереть, им приходится продолжать жить год за годом, увеличивая количество жертв и приумножая мирское зло, ибо все умершие от укуса «не-мертвого» сами делаются «не-мертвыми» и в свою очередь губят других. Таким образом, их круг расширяется, словно круги по воде от брошенного камня. Друг Артур, если бы Люси вас поцеловала, помните, тогда, перед ее смертью, или вчера ночью, когда вы раскрыли ей свои объятия, то и вы со временем, после смерти, стали бы nosferatu*, как зовут их в Восточной Европе, и увеличили бы число «не-мертвых». Карьера несчастной милой леди только лишь началась. Дети, кровь которых она высасывала, еще не в опасности, но если она будет продолжать жить «не-мертвой», они во все большем количестве станут терять кровь; ее власть заставит их приходить к ней, и она высосет у них всю кровь своим отвратительным ртом. Но если она и вправду умрет, все прекратится. Крошечные ранки на шее исчезнут, и они вернутся к своим играм, даже не зная, что с ними произошло. Самое главное тут то, что, если вернуть эту «не-мертвую» к настоящей смерти, душа бедной Люси станет свободной. Вместо того чтобы творить зло по ночам и с каждым днем все больше делаться подобием дьявола, она сможет спокойно занять свое место среди ангелов. Так что, друг мой, рука, которая нанесет ей удар освобождения, будет для нее благословенной. Я сам готов это сделать, но, может быть, среди нас найдется кто-нибудь, у кого на это больше прав? Наградой ему будет право думать в бессонные ночи: «Это моя рука отворила ей путь в небеса — рука того, кто любил ее больше других, рука, которую избрала бы она сама». Найдется ли среди нас такой человек?

Мы все смотрели на Артура. Он понимал так же, как мы, что бесконечная любовь к нему призывала его исполнить этот долг, дабы память Люси осталась для нас святой, а не проклятой; он

* Не-мертвый (*румын.*).

шагнул вперед и смело сказал, хотя руки его дрожали, а лицо было бело как снег:

— Верные друзья мои, благодарю вас от глубины своей разбитой души! Скажите, что нужно сделать, и я не отступлю.

Ван Хелсинг положил ему руку на плечо и сказал:

— Молодец! Чуточку храбрости, и все кончено. Этот кол надо вбить ей в сердце. Ужасное испытание, я понимаю, но это ненадолго, и потом вы будете радоваться больше, чем теперь горевать, и выйдете отсюда с легкой душой. Но не следует колебаться, если решились. Думайте лишь о том, что мы, ваши верные друзья, с вами и молимся за вас все время.

— Начинайте,— хрипло сказал Артур.— Скажите, что нужно делать.

— Возьмите кол в левую руку, а молот в правую. Мы начнем читать заупокойные молитвы — я принес с собой молитвенник,— и остальные будут мне вторить. Вы же бейте с Божьей помощью, чтобы та, которую мы любили, успокоилась, а «не-мертвая» исчезла.

Артур взял кол и молот. А раз он на что-нибудь решился, рука его уже не дрогнет.

Ван Хелсинг раскрыл молитвенник и начал читать молитву, а Квинси и я повторяли за ним слова как могли. Артур приставил кол заостренным концом к ее сердцу, и я видел, как тот впился в мясо. Затем он ударил изо всех сил.

Люси стала корчиться в гробу, и какой-то гнусный, отвратительный, леденящий кровь крик сорвался с ее красных губ. Тело вздрагивало, корчилось и кривлялось; белые острые зубы стучали и кусали губы, а изо рта била пена. Но Артур не дрогнул. Он был подобен Тору, когда твердой рукой все глубже и глубже вгонял в тело кол, несущий избавление, а из пронзенного сердца била фонтаном кровь. Его лицо окаменело, но в глазах светилось осознание высокого долга; его вид придавал нам мужество, и голоса наши звенели под сводами небольшого склепа.

Затем извивавшееся и дрожащее тело стало постепенно затихать, зубы перестали стучать, а лицо перестало искажаться. Наконец оно совсем успокоилось. Ужасная работа была кончена.

Молот выпал из рук Артура. Он зашатался и упал бы, если бы мы его не поддержали. Пот градом катился у него со лба, и он задыхался.

Нечеловеческая сила воли и желание спасти ее душу помогли ему исполнить эту работу, иначе у него никогда не хватило бы сил. В течение нескольких минут мы были так погружены в заботы о нем, что и не смотрели на гроб; когда же взглянули, раздался шепот испуга и удивления. Мы так внимательно смотрели, что даже Артур поднялся с земли, на которую он в изнеможении опустился, и подошел взглянуть. Лицо его изменилось, мрачное выражение исчезло и сменилось радостью.

В гробу уже больше не было того ужасного существа, которого мы так боялись и которое презирали так, что убить его считалось среди нас привилегией. Там лежала Люси такой, какой мы видели ее при жизни, выражение лица ее было удивительно чисто и мило. Хотя горе и страдания оставили на нем следы, но даже эти следы были нам дороги, ибо такой мы привыкли видеть ее в последнее время. Мы чувствовали, что спокойствие, отразившееся на ее лице, было не чем иным, как символом вечного грядущего покоя. Ван Хелсинг подошел, положил руку на плечо Артура и сказал:

— Ну что, Артур, друг мой, дорогое дитя мое, теперь вы меня простили?

Артур взял руку старика, поднял ее и, поцеловав, сказал:

— Простил! Да благословит вас Бог за то, что вы вернули моей возлюбленной душу, а мне покой!

Он обнял профессора и беззвучно зарыдал у него на груди. Мы же стояли неподвижно. Когда Артур поднял голову, профессор сказал:

— Теперь, дитя мое, можете ее поцеловать. Поцелуйте ее в мертвые губы, если хотите. Ибо теперь она уже не злой насмешливый дьявол и не погибшее навек существо. Она больше не данница сатаны, «не-мертвая». Она верная покойница Бога, душа которой вместе с Ним.

Артур наклонился и поцеловал ее, а затем мы отослали его и Квинси из склепа; мы с профессором отпилили кол, оставив конец его в теле.

Затем мы отрезали ей голову и набили рот чесноком. Мы запаяли свинцовый гроб, привинтили крышку деревянного гроба и, собрав наши вещи, ушли. Закрыв дверь, профессор передал ключ Артуру. Воздух был напоен свежестью, сияло солнце, и пели птицы, казалось, вся природа настроилась на новый

лад. Всюду царили мир и спокойствие, и мы были покойны и довольны и тихо радовались.

Прежде чем двинуться дальше, Ван Хелсинг сказал:

— Теперь, мой друг, первый шаг уже сделан, а он был самым трудным для нас. Но остается еще одно огромное дело: надо найти виновника наших несчастий и уничтожить его. У меня есть нить, и мы по ней доберемся и до него, но это долгая и трудная задача, тут и опасность, и огромный риск. Не поможете ли вы мне все? Мы все научились верить, не так ли? А если так, не наш ли это долг! Да? И не поклялись ли мы идти до самого конца, пусть он будет горек?

Мы по очереди пожали его руку, и клятва была принесена. Затем профессор сказал:

— Через два дня прошу вас всех ко мне обедать к семи часам. Я представлю вам двух других, которых вы еще не знаете; я приготовлю все для нашей совместной работы и раскрою вам свои планы. Джон, пойдемте ко мне, я должен с вами еще о многом посоветоваться, и вы можете мне помочь. Сегодня я еду в Амстердам, но завтра вечером вернусь. Затем начнется великая борьба. Но сначала мне хочется еще многое рассказать вам, чтобы вы знали, что делать и чего следует остерегаться. Потом мы дадим последнюю клятву друг другу: ведь нам предстоят ужасные испытания, и мы не должны отступить.

Глава XVII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

(Продолжение)

Когда мы прибыли в гостиницу «Беркли», Ван Хелсинг нашел ожидавшую его телеграмму:

«Приеду поездом. Джонатан в Уитби. Важные новости. *Мина Харкер*».

Профессор был в восторге.

— О эта чудная мадам Мина,— сказал он.— Это жемчужина, не женщина! Она едет, но я не могу остаться. Она заедет к вам, Джон. Вы должны встретить ее на станции. Телеграфируйте ей в поезд, чтобы предупредить ее об этом.

Когда депеша была отправлена, он выпил чашку чаю; одновременно он сообщил мне о дневнике, который вел Джонатан Харкер за границей, и дал мне его копию, перепечатанную на пишущей машинке, вместе с копией дневника госпожи Харкер в Уитби.

— Возьмите,— сказал он,— и ознакомьтесь хорошенько с их содержанием. Когда я вернусь, в ваших руках будут все нити, и тогда нам легче будет приступить к нашим расследованиям. Берегите их — тут много ценного. Вам нужна будет вся ваша вера в меня, даже после сегодняшнего опыта. То, что здесь сказано, может послужить началом конца для вас, для меня и для многих других; или же может прозвучать погребальным звоном по «не-мертвым», которые ходят по земле. Прочтите все внимательно и, если можете что-либо добавить к этой повести, сделайте это, потому что это крайне важно. Вы ведь тоже вели дневник, куда вносили замечания о разных странных вещах, не так ли? Да? Тогда мы все это обсудим вместе, при встрече.

После этого он уложился и вскоре поехал на Ливерпул-стрит. Я направился к Паддингтону, куда и приехал приблизительно за пятнадцать минут до прихода поезда.

Толпа поредела после беспорядочной суеты, свойственной всем платформам в момент прибытия поезда, и я уже начал беспокоиться, боясь пропустить свою гостью, когда изящная хорошенькая девушка подошла ко мне и, окинув меня быстрым взглядом, сказала:

— Доктор Сьюард, не правда ли?

— А вы — миссис Харкер? — ответил я тотчас же.

Она протянула мне руку:

— Я узнала вас по описанию милой, бедной Люси.

Она запнулась и покраснела. Мое лицо тоже покрылось краской. И это нас сблизило и успокоило.

Я взял ее чемодан, в котором была пишущая машинка, и мы отправились на Фенчерч-стрит по подземной железной дороге, после того как я послал депешу моей экономке, чтобы она немедленно приготовила гостиную и спальню для миссис Харкер.

Вскоре мы приехали. Она знала, конечно, что моя квартира помещалась в сумасшедшем доме; но, когда мы вошли, я увидел, что она не в силах сдержать легкую дрожь.

Она сказала, что, если можно, она сейчас же придет ко мне в кабинет, так как многое должна мне сообщить. Поэтому я заканчиваю предисловие к моему надиктованному на фонограф дневнику в ожидании ее прихода. До сих пор у меня еще не было случая просмотреть бумаги, которые мне оставил Ван Хелсинг, хотя, раскрытые, они лежат передо мной. Я должен ее чем-нибудь занять, чтобы иметь возможность прочесть их. Она не знает ни того, как дорого время, ни того, какая нас ждет работа. Я должен быть осторожным, чтобы не напугать ее. Вот и она!

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

29 сентября.

Приведя себя в порядок, я спустилась в кабинет доктора Сьюарда. У дверей я на минуту остановилась, так как мне показалось, что он с кем-то разговаривает. Но ввиду того что он просил меня поторопиться, я постучалась и после его приглашения вошла.

К моему величайшему изумлению, у него никого не было. Он был совершенно один, а перед ним на столе стояла машина, в которой я сейчас же по описанию узнала фонограф. Я никогда его не видела и была очень заинтересована.

— Надеюсь, что не задержала вас,— сказала я,— но я остановилась у дверей, услышав, что вы разговариваете: я думала, вы не один.

— О,— ответил он, улыбнувшись,— я только заносил записи в свой дневник.

— Дневник? — переспросила я удивленно.

— Да,— ответил он.— Я храню его здесь.

Говоря это, он положил руку на фонограф. Меня это страшно взволновало, и я выпалила:

— Да ведь это побьет даже стенографию! Можно мне послушать, как он говорит?

— Конечно,— ответил он быстро и встал, чтобы его завести. Затем он остановился, и на лице его отразилась озабоченность.— Дело в том,— начал он, испытывая неловкость,— что у меня записан только дневник, а так как в нем исключительно —

почти исключительно — факты, относящиеся ко мне, может быть, неудобно, то есть я хочу сказать...

Он остановился, и я попыталась вывести его из затруднения:

— Вы помогали ухаживать за умирающей Люси. Позвольте мне услышать, как она умерла; я буду очень благодарна. Она была мне очень, очень дорога.

К моему удивлению, на его лице отразился ужас:

— Рассказать вам о ее смерти? Ни за что на свете!

— Почему же? — спросила я, ибо меня стало охватывать какое-то жуткое, ужасное чувство.

Он опять замолчал, и я видела, что он старался придумать предлог. Наконец он пробормотал:

— Видите ли, я затрудняюсь выбрать какое-нибудь определенное место из дневника.

В то время как он это говорил, его осенила мысль, и он сказал с неосознанным простодушием, изменившимся голосом и с детской наивностью:

— Это совершенная правда, клянусь честью.

Я не могла сдержать улыбку, на которую он ответил гримасой.

— Представьте себе, хотя я уже много месяцев веду дневник, мне никогда не приходило в голову, как найти какое-нибудь определенное место в том случае, если бы мне захотелось его просмотреть.

К концу этой фразы я окончательно решилась, уверенная в том, что дневник врача, лечившего Люси, может многое прибавить к нашим сведениям о том ужасном существе, и я смело сказала:

— В таком случае, доктор Сьюард, лучше разрешите мне переписать его на пишущей машинке.

Он побледнел как мертвец и почти закричал:

— Нет! Нет! Нет! Ни за что на свете я не дал бы вам узнать эту ужасную историю!

Тогда я почувствовала, что меня охватывает ужас: значит, мое предчувствие оказалось верным!

Я задумалась и машинально переводила глаза с одного предмета на другой, бессознательно ища какой-нибудь благовидный предлог, чтобы дать ему понять, что я догадываюсь, в чем дело. Вдруг мои глаза остановились на огромной кипе бумаг,

напечатанных на пишущей машинке, лежавшей на столе. Его глаза встретили мой взгляд и бессознательно последовали в том же направлении. Увидав пакет, он понял мое намерение.

— Вы не знаете меня,— сказала я,— но, когда вы прочтете эти бумаги — мой собственный дневник и дневник моего мужа, который я переписала,— вы узнаете меня лучше. Я не утаила ни единой мысли своего сердца, но, конечно, вы меня еще не знаете — пока; и я не вправе рассчитывать на такую же степень вашего доверия.

Он, несомненно, благородный человек. Несчастная Люси была права.

Он встал, открыл дверцу шкафа, в котором были расставлены в определенном порядке полые металлические цилиндры, покрытые темным воском, и сказал:

— Вы совершенно правы: я не доверял вам, потому что не знал вас. Но теперь я вас знаю. И позвольте сказать, я должен был бы знать вас с давних пор. Я знаю, что Люси говорила вам обо мне, также она говорила и мне о вас. Позвольте мне искупить свой невежливый поступок. Возьмите эти валики и прослушайте их. Первые шесть штук относятся лично ко мне, и, если они не ужаснут вас, тогда вы меня узнаете ближе. К тому времени будет готов обед. Между тем я перечитаю некоторые из этих документов и смогу лучше понять некоторые вещи.

Он сам отнес фонограф в мою гостиную и завел его. Теперь я узнаю что-нибудь приятное, потому что он познакомит меня с другой стороной любовного эпизода, одну сторону которого я уже знаю...

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

29 сентября.

Я был так поглощен удивительными дневниками Джонатана Харкера и его жены, что не замечал времени. Миссис Харкер не спустилась вниз, когда горничная позвала к обеду, и я сказал: «Она, наверное, устала: пусть обед подождет еще час». И я вернулся к своей работе.

Как раз когда я кончил чтение дневника, вошла миссис Харкер. Она была прелестна, но очень печальна, и в ее глазах стояли

слезы. Это меня глубоко тронуло. Видит бог, у меня самого были причины для слез, но мне не дано облегчать душу слезами; и теперь вид ее прекрасных, блестевших влагой глаз поразил меня в самое сердце.

— Я чрезвычайно боюсь, что огорчил вас,— сказал я возможно мягче.

— О нет, не огорчили,— ответила она,— но ваше горе бесконечно меня тронуло. Это удивительная машина, но она до жестокости правдива. Она передала мне мучения вашего сердца с болезненной точностью. Никто не должен больше услышать их повторение! Видите, я старалась быть полезной; я переписала слова на пишущей машинке, и никому больше не придется подслушивать биение вашего сердца, как сделала это я.

— Никому не нужно больше знать об этом, и никто не узнает,— сказал я мягким голосом.

Она положила свою руку на мою и сказала очень серьезно:

— Да, но ведь они же должны!

— Должны? Почему? — спросил я.

— Потому что часть этой ужасной истории касается смерти бедной дорогой Люси и всего, что вызвало ее, потому что для борьбы, которая нам предстоит, для избавления земли от этого ужасного чудовища мы должны владеть всеми знаниями и всеми средствами, какие только возможны. Я думаю, валики, которые вы мне дали, содержали больше, чем мне следовало бы знать, но я вижу, что ваши записки проливают яркий свет на эту мрачную тайну. Вы позволите помочь вам, не правда ли? Мне известно все до определенного пункта, и я уже вижу, хотя ваш дневник довел меня только до 7 сентября, в каком состоянии была бедная Люси и как подготавливалась ее ужасная гибель. Джонатан и я работали день и ночь с тех пор, как нас видел профессор Ван Хелсинг. Джонатан поехал в Уитби, чтобы раздобыть еще сведения, а завтра он приедет сюда, чтобы нам помочь. Нам незачем таиться друг от друга. Работая сообща, при абсолютном доверии, мы, безусловно, будем сильнее, чем если бы некоторые из нас блуждали впотьмах.

Она посмотрела на меня с такой мольбой и в то же время проявила столько мужества и решимости, что я сейчас же согласился с ее пожеланием.

— Вы будете,— сказал я,— поступать в этом доме, как вам угодно. Вам еще предстоит узнать ужасные вещи; но раз вы прошли такой большой путь по дороге к кончине бедной Люси, то не согласитесь, я знаю, оставаться в неведении. Конец — самый конец — может дать вам проблеск успокоения... Но пойдемте обедать, так как нам надо поддерживать силы для работы, которая нам предстоит: перед нами жестокий и ужасный путь. После обеда вы узнаете остальное, и я отвечу на все вопросы, если вам попадется что-нибудь непонятное, тем более что для нас, присутствовавших при этом, нет ничего непонятного.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

29 сентября.

После обеда я прошла с доктором Сьюардом в его кабинет. Он принес из моей комнаты фонограф, а я взяла свою пишущую машинку. Он усадил меня на удобный стул и поставил фонограф так, чтобы я могла достать его, не вставая с места, и показал, как его остановить, если я захочу сделать паузу. Затем он взял стул, повернул его спинкой ко мне, так чтобы я чувствовала себя как можно свободнее, и углубился в чтение. Я взяла металлический вилкообразный наушник и стала слушать.

Когда ужасная повесть о смерти Люси и обо всем последующем была окончена, я лежала беспомощно в кресле. По счастью, я не склонна к обморокам. Увидев мое состояние, доктор Сьюард вскочил с испуганным криком, торопливо достал из буфета бутылку и налил мне немного бренди, которое через минуту вернуло мне силы. В моей голове все смешалось, и, если бы не святой луч света, проникший в эту бездну ужасов при мысли, что моя милая, славная Люси наконец обрела покой, не думаю, чтобы я вынесла эту муку без истерики. Все это было до того дико, таинственно и странно, что, не знай я приключений Джонатана в Трансильвании, я не могла бы поверить в случившееся. Я решила попытаться рассеяться, занявшись чем-нибудь другим, поэтому сняла футляр с пишущей машинки и сказала доктору Сьюарду:

— Дайте мне теперь все это переписать. Мы должны быть готовы к приезду доктора Ван Хелсинга и Джонатана. В подоб-

ных случаях порядок — всё; и я думаю, что, если мы подготовим весь материал и каждая статья будет помещена в хронологическом порядке, мы сделаем многое.

Исполняя мое желание, он включил фонограф на малую скорость, и я стала писать, начиная с седьмого валика. Я сняла три копии с дневника и со всего остального. Было поздно, когда я закончила; доктор Сьюард в это время совершал обход; когда он освободился, он вернулся, сел рядом со мной и стал читать, так что я не чувствовала себя одинокой за работой.

Как он добр и внимателен! Все-таки в мире много хороших людей, даже если в нем есть и чудовища. Прежде чем уйти к себе, я вспомнила, что Джонатан писал в дневнике о профессоре, о его смятении, когда он прочитал что-то в вечерней газете на станции в Эксетере. Увидев, что доктор Сьюард хранит старые газеты, я попросила у него подшивку «Вестминстер газетт» и «Пэлл-Мэлл газетт» и взяла их к себе в комнату. Я помню, как мои вырезки из «Дейлиграф» и «Уитби газетт» помогли нам многое понять в страшных событиях в Уитби, куда приезжал граф Дракула, поэтому я просмотрю вечерние газеты и, может быть, найду что-нибудь новое. Мне не хочется спать, и работа поможет мне успокоиться.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

30 сентября.

Мистер Харкер приехал в 9 часов. Он получил телеграмму от жены перед самым своим отъездом. Насколько можно судить по лицу человека, он необыкновенно умен и полон энергии. Если его дневник правдив (а исходя из собственного опыта, можно сказать, так оно и есть), это человек огромной выдержки. Его второе посещение склепа — пример необычайного мужества. Прочитав его отчет, я ожидал встретить дюжего молодца, а никак не тихого джентльмена, похожего на торговца, а именно такой сегодня сюда и явился.

Позднее.

После завтрака он с женой отправился к себе в комнату, и когда я некоторое время тому назад проходил мимо, то услышал стук пишущей машинки. Они, по-видимому, очень заняты этим делом. Миссис Харкер говорит, что они стараются расположить в хронологическом порядке каждый клочок того, что у них имеется. У Харкера в руках переписка между принимавшими ящики в Уитби и посыльными в Лондоне, которым они были поручены. Теперь он читает мой дневник, переписанный его женой. Мне интересно, что они из него извлекают. Вот он...

Странно, как мне никогда не приходило в голову, что соседний дом может быть убежищем графа! А между тем поведение пациента Ренфилда давало достаточно указаний на это. О, если бы мы догадались раньше, то могли бы спасти бедную Люси! Харкер обещает к обеду продемонстрировать целую связную повесть. Он думает, что тем временем мне следует повидать Ренфилда, так как он до сих пор служил известным указанием на приход и уход графа. Пока я с трудом это вижу, но, когда разберусь в числах, вероятно, соглашусь с этим. Как хорошо, что миссис Харкер перепечатала мой звуковой дневник. Мы никогда не сумели бы разобраться в датах.

Когда я вошел, Ренфилд спокойно сидел в своей комнате, сложив руки и кротко улыбаясь. В эту минуту он казался совершенно нормальным. Я сел и принялся беседовать с ним на самые разнообразные темы, и он отвечал вполне рассудительно. Затем он сам заговорил о возвращении домой — вопрос, который, насколько я помню, еще не поднимался им за все время пребывания здесь. Он совершенно уверенно говорил о своем немедленном освобождении. Думаю, что, не поговори я с Харкером и не сверь по числам время его припадков, я был бы готов отпустить его после недолгих наблюдений. Но теперь я крайне подозрительно отношусь к нему. Все эти припадки были каким-то непонятным образом связаны с близостью графа. Он — плотоядный и во время своих диких рысканий у дверей часовни пустынного дома всегда говорил о «хозяине». Все это, похоже, подтверждает нашу мысль... Однако я недолго оставался у него; он до некоторой степени даже чересчур нормален в настоящее время, так что нельзя слишком упорно испытывать его вопросами. Он может задуматься, и тогда... Я не доверяю его спокойному настроению и приказал служителям, чтобы те получше присматривали за ним и имели наготове, на случай надобности, смирительную рубашку.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

29 сентября, в поезде по дороге к Лондону.

Когда я получил любезное извещение мистера Биллингтона, что он даст мне все возможные справки, я решил, что лучше всего поехать в Уитби и на месте раздобыть необходимые сведения. Моей целью было теперь проследить жуткий груз графа до его местонахождения в Лондоне. Позднее мы можем заняться самим графом. Мистер Биллингтон-младший, прелестный юноша, встретил меня на станции и привез в дом своего отца, где я и остался ночевать. Они по-йоркширски гостеприимны: обеспечивают гостя всем необходимым и дают полную свободу действий. Они знали, что я очень занят и визит мой краток. Мистер Биллингтон приготовил в своей конторе все бумаги относительно отправки ящиков. Меня передернуло, когда на глаза мне попалось одно из тех писем, что я видел на письменном столе графа еще до того, как узнал о его дьявольских планах. Все было им тщательно продумано, и его распоряжения выполнялись аккуратно и точно. Казалось, он подготовился к преодолению любых препятствий, которые случай мог воздвигнуть на пути его намерений. Он ничем не рисковал, и абсолютная точность, с которой выполнялись его приказы, была логическим следствием его предусмотрительности. Тут оказались: накладная на «Пятьдесят ящиков простой земли, предназначенной для опытов», копия с письма Картеру и Патерсону и их ответ; я снял копию со всех документов. Вот все сведения, которые мне мог предоставить мистер Биллингтон, так что я спустился к порту и повидался с береговой охраной, таможенными чиновниками порта. У всех нашлось что сказать мне по поводу странного прибытия корабля, которое уже начинает мало-помалу изглаживаться из людской памяти, но никто не мог добавить что-либо к несложному описанию «пятидесяти ящиков простой земли». Затем я повидался с начальником станции, который дал мне возможность побеседовать с рабочими, принявшими ящики. Их квитанции совершенно сходились со списком, им нечего было добавить, кроме того, что ящики были «огромные и ужасно тяжелые» и что перемещение их вызвало дикую жажду. Один из них добавил: особенно неприятным было то, что рядом не оказалось «джентльмена вроде вас, сэр», который оценил бы их

труды и вознаградил выпивкой. Другой добавил, что жажда, вызванная работой, была столь сильна, что и сейчас, по прошествии времени, еще дает о себе знать. Уходя, я, естественно, постарался удовлетворить их жалобы.

30 сентября.

Начальник станции был настолько добр, что дал мне рекомендацию к своему товарищу, начальнику станции Кингз-Кросс, так что, приехав туда утром, я мог расспросить его о прибытии ящиков. Он сейчас же познакомил меня с нужными служащими, и я увидел, что их квитанция сходилась с исходной накладной.

Оттуда я прошел в центральную контору Картера и Патерсона, где меня встретили чрезвычайно любезно. Патерсон просмотрел дело в своей конторской книге, приказав снять копии, и сейчас же протелефонировал в свою контору в Кингз-Кросс за дополнительными сведениями. К счастью, люди, перевозившие вещи, оказались там, и чиновник сейчас же прислал их ко мне, послав с одним из них накладную и все бумаги, имеющие отношение к отправке ящиков в Карфакс. Здесь я опять увидел полную согласованность с квитанцией; посыльные смогли дополнить краткость написанных слов некоторыми подробностями. Эти последние, как я вскоре увидел, относились почти исключительно к большому количеству пыли во время работы и, соответственно, к вызванной в действующих лицах жажде. После того как при посредстве государственного денежного знака я предоставил им возможность облегчить оную, один из рабочих заметил:

— Это был, сударь, самый ветхий дом, какой я когда-либо видел. Черт возьми! Да его не трогали лет сто. Там было столько пыли, что вы могли бы спокойно спать на ней, не повредив ваших костей. Ну а старая часовня — от нее пробегал мороз по коже! Господи, да я бы ни минуты не остался там, после того как стемнеет.

Побывав там сам, я вполне поверил ему; но если бы он знал тогда то, что знаю я, думаю, он потребовал бы гораздо бóльшую плату за свою работу.

Одной вещью я теперь доволен: тем, что все ящики, прибывшие в Уитби из Варны на «Деметре», были в целости перенесе-

ны в старую часовню Карфакса. Их должно быть там пятьдесят, если только некоторые из них с тех пор не сменили место, как, к сожалению, следует из дневника доктора Сьюарда.

Я постараюсь найти возчика, который увез ящики из Карфакса, когда Ренфилд напал на них. Держась за эту нить, мы можем многое узнать.

Позднее.

Мина и я работали весь вечер и теперь привели все бумаги в полный порядок.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 сентября.

Я так рада, что едва сдерживаю себя. Думаю, это реакция на преследовавший меня все время страх, что это ужасное дело, разбередившее старые раны, повредит Джонатану. Я провожала его в Уитби, изо всех сил стараясь выглядеть храброй, но меня мутило от дурных предчувствий. Мои усилия, однако, принесли пользу. Никогда еще не был он таким решительным, сильным, полным вулканической энергии, как сейчас. Как сказал дорогой профессор Ван Хелсинг, он тверд и только тверже становится в обстоятельствах, губительных для более слабых натур. Джонатан вернулся полный жизни, надежды и решимости; к вечеру мы привели все в порядок. Я чувствую, что нахожусь в ужасном возбуждении. Собственно говоря, следует пожалеть всякое существо, которое так неустанно преследуют, как графа. Ведь по сути, это именно существо, а не человек и даже не зверь. Достаточно прочесть отчет доктора Сьюарда о смерти бедной Люси и обо всем, что последовало, чтобы иссушить источники жалости в сердце.

Позднее.

Лорд Годалминг и мистер Моррис приехали раньше, чем мы их ожидали. Доктор Сьюард отсутствовал по делу и взял с собой Джонатана, так что мне пришлось их принять. Встреча была слишком мучительна, так как напоминала нам надежды бедной Люси несколько месяцев тому назад. Конечно, они слы-

шали от Люси обо мне, и, кажется, доктор Ван Хелсинг тоже поет мне дифирамбы, как выразился мистер Моррис. Бедные ребята, ни один из них не знал, что мне известно все о предложениях, которые они делали Люси. Они не знали хорошенько, что говорить или делать, потому что не знали, насколько я посвящена в то, что происходило; так что им пришлось придерживаться нейтральных тем. Как бы то ни было, я обдумала дело и пришла к заключению, что лучшее, что я могу сделать,— это ввести их всех в курс дела, обратив их внимание на хронологию событий. Я знала из дневника доктора Сьюарда, что они присутствовали при смерти Люси — ее настоящей смерти — и что мне нечего бояться выдать преждевременно какую-либо тайну. Так что я сказала им, как умела, что прочитала все бумаги и дневники и мы с мужем, перепечатав все на машинке, только что привели их в порядок. Я дала каждому из них по копии для чтения в библиотеке. Когда лорд Годалминг получил свою стопку листов и перечитал все — а стопка получилась весьма солидная,— он сказал:

— Вы переписали все это, миссис Харкер?

Я кивнула головой, и он продолжил:

— Я не совсем понимаю цель, но вы все такие хорошие люди и работали так усердно и энергично, что мне остается лишь с закрытыми глазами принять ваши выводы и постараться помочь вам. Я уже получил урок, и такой урок, который может сделать человека скромным до последнего часа его жизни. Кроме того, я знаю, что вы любили мою бедную Люси.

Он отвернулся и закрыл лицо руками. Я услышала слезы в его голосе. Мистер Моррис с врожденной деликатностью прикоснулся к его плечу, а затем спокойно вышел из комнаты. Я думаю, есть что-то такое в женской природе, что позволяет мужчинам раскрывать перед нами свои чувства и эмоции, не опасаясь, что это бросает тень на их мужественность. Когда мы остались одни с лордом Годалмингом, он бросился на диван и открыто отдался обуревавшим его чувствам. Я села рядом с ним и взяла его руку. Мне кажется, он не мог подумать обо мне плохо — он настоящий джентльмен. Я видела, что сердце его разрывается, и сказала ему:

— Я любила Люси и знаю, кем она была для вас и кем вы были для нее. Мы с ней были как сестры. Теперь, когда ее нет,

позвольте же мне быть вам сестрой в вашем несчастье. Я знаю вашу печаль, хотя и не могу наверняка постичь всю глубину ее. Если сочувствие и сострадание помогут вам в беде, позвольте мне помочь вам ради Люси.

Горе захлестнуло несчастного. Мне казалось, что все доселе тайно переживаемое страдание вырвалось наружу. В порыве отчаяния он всплеснул руками. Он вскочил и сел опять, слезы текли по его лицу. Я почувствовала к нему бесконечную жалость и, ни о чем не думая, обняла его. Всхлипывая, он положил голову мне на плечо и плакал, сотрясаясь от переживаний, как маленький изможденный ребенок.

В каждой женщине, вероятно, живет материнское чувство, которое позволяет духу возвыситься над мелочами. Я чувствовала голову этого большого горюющего человека на своем плече, гладила его волосы, будто это была голова моего собственного ребенка. Наверное, странно, но я о том не думала. Постепенно его рыдания прекратились, он встал с извинениями, не скрывая своих чувств. Он сказал, что за последние дни и ночи — томительные дни и бессонные ночи — ему не с кем было даже поговорить так, как говорят с людьми в беде. Не было рядом женщины, чье сочувствие придало бы ему силы, с которой он мог бы говорить свободно.

— Теперь я знаю, как я страдал,— сказал он, вытирая глаза.— Но я еще не могу постичь, чем было для меня ваше сострадание. Со временем я пойму это лучше, и поверьте, хоть я и сейчас полон благодарности, она будет еще больше, когда я лучше пойму, что произошло. Позвольте мне быть вам братом на всю жизнь — ради нашей дорогой Люси.

— Ради нашей дорогой Люси,— произнесла я, и мы пожали друг другу руки.

— И ради вас самой,— добавил он.— Ибо если уважение и благодарность мужчины чего-то стоят, вы их действительно заслуживаете. Если вдруг в будущем вам понадобятся помощь и поддержка мужчины, поверьте, вам не придется долго ждать. Дай вам Бог, однако, чтобы никогда не настал в вашей жизни черный день. Но если что-то случится, обещайте дать мне знать немедленно.

Он был так серьезен, а его печаль столь искренней, что я сказала:

— Обещаю.

Проходя по коридору, я увидела мистера Морриса, смотревшего в окно. Он обернулся, услышав мои шаги.

— Как Артур? — спросил он. Потом, заметив мои покрасневшие глаза, продолжал: — А, вижу, вы его утешали! Бедный малый, ему это необходимо. Никто, кроме женщины, не может помочь мужчине, когда у него сердечное горе; а его некому было утешить.

Он переносил свое собственное горе так мужественно, что мое сердце истекало за него кровью. Я видела рукопись в его руках и знала, что, прочитав ее, он поймет, как много я знала, поэтому сказала ему:

— Я бы хотела иметь возможность утешить всех, чьи сердца страдают. Разрешите мне быть и вашим другом и приходите ко мне за утешением, когда вам будет нужно. Вы узнаете потом, почему я так говорю.

Он увидел, что я говорю серьезно, и, подойдя ко мне, взял мою руку и поднес ее к своим губам. Это показалось мне жалким утешением для такой мужественной и бескорыстной души; инстинктивно я наклонилась и поцеловала его. Слезы подступили к его глазам, но заговорил он совершенно спокойным голосом:

— Деточка, вы никогда не раскаетесь в этой искренней доброте!

Затем он прошел в кабинет к своему товарищу.

«Деточка» — это то самое слово, с которым он обращался к Люси,— ей он доказал свою дружбу!

Глава XVIII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

30 сентября.

Я вернулся домой в пять часов и узнал, что Годалминг и Моррис не только приехали, но уже успели проштудировать копии различных дневников и писем, составленных и написанных Харкером и его женой. Харкер еще не вернулся из своей экспедиции. Миссис Харкер дала нам по чашке чаю, и я откровенно

признаюсь, что первый раз с тех пор, как я живу в этом старом здании, оно напоминает то, что называют домом. Когда мы кончили чаепитие, миссис Харкер обратилась ко мне:

— Доктор Сьюард, могу ли я попросить вас об одолжении? Я хочу видеть вашего пациента мистера Ренфилда. Позвольте мне повидаться с ним. Написанное о нем в вашем дневнике меня страшно интересует!

Не было никакого основания для отказа, поэтому я взял ее с собой. Когда я вошел в комнату Ренфилда, то сказал ему, что его хочет видеть одна дама, на что он ответил только:

— Зачем?

— Она обходит весь дом и хочет видеть всех его обитателей,— ответил я.

— Прекрасно,— сказал он,— пустите ее, но подождите минутку, пока я приведу все в порядок.

У него был своеобразный способ уборки: он попросту проглотил всех мух и пауков, заключенных в коробках, прежде чем я имел возможность остановить его. Было ясно, что он боялся или подозревал какое-то вмешательство. Окончив свое мерзкое занятие, он весело сказал:

— Пусть дама войдет,— и сел на край постели, опустив голову, но поглядывая исподлобья, так чтобы видеть ее, когда она войдет.

На минуту я подумал, что у него могло быть какое-нибудь преступное намерение: я вспомнил, как он был спокоен прямо перед своим нападением на меня в моем кабинете, и я постарался встать так, чтобы сразу схватить его, если бы он попытался броситься к ней. Она вошла в комнату с непринужденной грацией, подошла к нему с милой улыбкой и протянула руку.

— Добрый вечер, мистер Ренфилд,— сказала она.— Как видите, я знаю вас по рассказам доктора Сьюарда.

Он долго ничего не отвечал, но глаза его внимательно оглядели ее с ног до головы, а лицо было сосредоточенно нахмурено. Постепенно это выражение сменилось удивлением, перешедшим в сомнение; затем, к моему великому изумлению, он сказал:

— Ведь вы не та девушка, на которой доктор хотел жениться, не так ли? Впрочем, вы не можете быть ею, потому что она умерла.

Миссис Харкер ответила с прелестной улыбкой:

— О нет! У меня есть муж, за которого я вышла прежде, чем мы встретились с доктором Сьюардом. Я — миссис Харкер.

— Что же вы здесь в таком случае делаете?

— Мы с мужем гостим у доктора Сьюарда.

— Ну так не оставайтесь тут больше.

— Почему же?

Я подумал, что такого рода разговор столь же малоприятен миссис Харкер, как и мне, поэтому сменил тему:

— Откуда вы знаете, что я собирался на ком-то жениться?

Его ответ раздался после паузы, во время которой он на секунду перевел глаза с миссис Харкер на меня и сейчас же стал снова смотреть исключительно на нее:

— Что за дурацкий вопрос!

— Я вовсе этого не нахожу, мистер Ренфилд,— поспешила мне на помощь миссис Харкер.

Он ответил, выказывая ей столько же почтительности и вежливости, сколько презрения мне:

— Вы, конечно, понимаете, миссис Харкер: когда человек так любим и уважаем, как наш хозяин, все касающееся его интересует наш маленький круг. Доктор Сьюард любим не только своими домашними и друзьями, но также и своими пациентами, из коих некоторые почти лишены душевного равновесия и способны искажать причины и следствия. Так как я сам являюсь пациентом сумасшедшего дома, не могу не заметить, что ущербность рассуждений многих больных сводится к ошибкам non causa* и ignoratio elenchi**.

Я просто глаза раскрыл, услышав это. Вот сидит мой собственный сумасшедший пациент, типичный случай в своем роде, и философствует с видом утонченного джентльмена! Мне интересно было узнать, не затронуло ли присутствие миссис Харкер какую-нибудь струну у него в памяти. Если эта новая фаза была самопроизвольной или вызвана ее бессознательным влиянием, у нее должен быть какой-нибудь редкий дар или сила.

---

* Отсутствие основания (*лат.*).

** Незнание указателя (*лат.*).

Мы продолжали некоторое время наш разговор; видя, что он рассуждает вполне здраво, она осмелилась с моего молчаливого согласия навести его на любимую тему. Я опять был поражен, ибо он отнесся к вопросу спокойно и рассудительно и даже приводил в пример самого себя, когда это было уместно.

— Я принадлежу к людям со странными убеждениями. Неудивительно, что мои друзья были встревожены и настояли на том, чтобы поместить меня сюда на обследование. Мне приходило в голову, что все виды жизни взаимосвязаны, и, питаясь живыми существами, сколь бы низким ни был уровень их развития, можно, безусловно, продлить собственную жизнь. Временами я верил в это так сильно, что даже покушался на жизнь человека. Доктор может подтвердить, что однажды я пытался убить его, чтобы укрепить свои жизненные силы, впитав силу доктора при помощи крови, ибо, как сказано в Библии, «кровь есть жизнь». Не так ли, доктор?

Я молча кивнул. Я был так поражен, что не знал, как реагировать. Трудно было представить, что не далее как пять минут назад он глотал пауков и мух.

Посмотрев на часы, я увидел, что время ехать на вокзал встречать Ван Хелсинга, и сказал миссис Харкер, что надо уходить. Она тотчас же собралась, сказав любезно Ренфилду:

— До свидания. Надеюсь видеться с вами часто при более благоприятных для вас обстоятельствах.

На это, к моему глубокому удивлению, он ответил:

— Прощайте, милая! Молю Бога, чтобы мне больше никогда не пришлось увидеть ваше прекрасное лицо. Благослови и храни Он вас.

Отправляясь на вокзал навстречу Ван Хелсингу, я оставил всех дома. Бедный Артур выглядит веселее, чем я привык его видеть с тех пор, как Люси заболела, а Квинси куда больше похож на жизнерадостного человека, чего уже давно не бывало. Ван Хелсинг выскочил из вагона с юношеской живостью. Он сразу заметил меня и бросился ко мне со словами:

— Ну, Джон, как дела? Хороши? Так! Я был очень занят, ибо решил приехать сюда и остаться здесь сколько понадобится. Все мои дела устроены, и мне о многом надо рассказать вам. Мадам Мина у вас? Да? А ее муж? А Артур и мой друг Квинси, они тоже у вас? Прекрасно!

По дороге домой я рассказал ему о происшедшем и о том, что мой дневник до некоторой степени пригодился благодаря сообразительности миссис Харкер. Профессор прервал меня:

— Ах, эта удивительная мадам Мина! У нее мужской ум и женское сердце. Милосердный Бог предназначил ее для определенной цели, устроив такое чудесное сочетание. До сих пор судьба делала из этой женщины нашу помощницу, но после сегодняшней ночи она не должна больше принимать участие в этом ужасном деле. Нехорошо, что ей приходится так сильно рисковать жизнью. Мы, мужчины, намерены уничтожить чудовище, но это не женское дело. Даже если это ей и не повредит, все же ее сердце может не выдержать подобных ужасов, а после она может страдать наяву от нервных припадков, а во сне от кошмаров. К тому же она молодая женщина и недавно замужем; надо подумать и о других вещах, если не сейчас, то через некоторое время. Вы говорите, она все переписала? Тогда она должна присутствовать при нашем разговоре; но завтра пусть она простится со своей работой, а мы будем продолжать.

Я с радостью согласился с ним и затем рассказал о том, что мы обнаружили в его отсутствие: дом, который купил Дракула, находится рядом с моим. Он был поражен и, мне показалось, сильно встревожился.

— О, если бы мы это знали прежде,— сказал он,— тогда мы могли бы схватить его раньше и спасти нашу бедную Люси. Однако чего причитать, когда молоко убежало. Не будем думать о том и доведем дело до конца.

Затем он глубоко задумался; его молчание длилось до тех пор, пока мы не въехали в ворота моего дома. Прежде чем разойтись, чтобы переодеться к обеду, он сказал миссис Харкер:

— Я узнал, мадам Мина, от моего друга Джона, что вы с мужем привели в полный порядок бумаги, касающиеся того, что произошло до настоящего момента.

— Не до настоящего момента, профессор,— возразила она,— а до сегодняшнего утра.

— Но почему же не до этой минуты? Мы уже видели, сколь много света могут пролить даже незначительные вещи. Мы все поведали свои тайны, однако никому из рассказавших не стало хуже.

Миссис Харкер покраснела и, вынув из кармана бумагу, сказала:

— Будьте добры прочитать и ответить, следует ли это включить. Это зафиксированные мной события сегодняшнего дня. Я тоже вижу необходимость заносить теперь все, даже пустяки, но здесь мало материала, за исключением имеющего сугубо личное значение. Надо ли это вписать?

Профессор серьезно прочитал написанное и отдал ей обратно со словами:

— Это можно и не включать, если хотите, но я очень прошу вас все же включить. Это только заставит вашего мужа еще сильнее полюбить вас, а всех нас, ваших друзей, еще больше чтить вас, а также больше уважать и любить.

Снова зардевшись, она взяла бумагу. Таким образом, все отчеты, имеющиеся в наших руках, полны и приведены в порядок. Профессор взял одну копию, чтобы ознакомиться с ней после обеда до общей беседы, которая назначена на 9 часов. Остальные уже все прочитали; так что, когда мы встретимся в кабинете, мы будем осведомлены относительно фактов и сможем обсудить план борьбы с ужасным и таинственным врагом.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 сентября.

Сойдясь вечером после обеда в кабинете доктора Сьюарда, мы, сами того не сознавая, устроили что-то вроде совещания. Профессор Ван Хелсинг был председателем, как его о том попросил доктор Сьюард, едва лишь он вошел в комнату. Меня он посадил рядом с собой и просил быть секретарем.

— Надеюсь, я могу принять за основу, что мы все знакомы с фактами, изложенными в этих бумагах.

Мы ответили утвердительно, и он продолжал:

— В таком случае, полагаю, полезно будет сообщить вам кое-что о том, с какого рода врагом нам приходится иметь дело. Потом я посвящу вас в историю жизни этого человека, которая была мною тщательно изучена. Затем мы сможем обсудить, как нам следует действовать, и принять соответствующие меры. На свете существуют вампиры, и некоторые из нас воочию убедились в их существовании. Даже если бы у нас не было собственного несчастного опыта, учения и свидетельства прежних времен достаточно доказательны для здравомыслящих людей. Сознаюсь, сначала я был скептиком. Увы, знай я тогда, что знаю теперь, догадайся я раньше — одна драгоценная для всех нас жизнь была бы спасена, на радость всем любившим ее. Но это, к сожалению, необратимо; и мы должны работать, чтобы не дать погибнуть другим душам, пока еще есть возможность их спасти. Носферату не умирает, как пчела, после того как ужалит. Он только крепнет и, делаясь сильнее, приобретает способность творить еще больше зла. Этот вампир, живущий среди нас, сам по себе обладает силой двадцати человек; он хитрее смерти, потому что его хитрость — плод веков; все люди, к которым он может приблизиться, в его власти; он — зверь, даже больше чем зверь, так как он дьявол во плоти; он может в доступных ему пределах появляться где и когда угодно и в свойственной ему форме управлять стихиями: бурей, туманом, громом. Он может повелевать низшими существами: крысами, совами, летучими мышами, молью, лисицами, волками. Он может увеличиваться и уменьшаться в размерах. Он может временами исчезать и неожиданно появляться. Каким же образом мы способны бороться с ним и как приступить к делу? Как мы обнаружим его местопребывание? И, найдя его, как сможем его уничтожить? Друзья мои, это очень трудно; перед нами стоит ужасная задача, и могут встретиться явления, которые заставят нас страшно содрогнуться. Если мы хоть на минуту растеряемся, он наверняка победит, и тогда что станется с нами? Жизнь — пустяки, но быть побежденными в данном случае — не только вопрос жизни или смерти. Дело в том, что мы уподобимся ему и с момента его победы превратимся в таких же бездушных существ, как и он, без сердца и совести, питающихся телами и душами тех, кого мы больше всего любим. Перед нами навеки будут закрыты райские двери, ибо кто их вновь откроет для нас? Мы будем вести существование всеми отвергнутых; мы сделаемся темным пятном на фоне божественного сияющего солнца, стрелой, летящей в Того, кто умер за нас всех. Но сейчас мы должны выполнить священную обязанность, а разве в таком положении можно отступать? За себя я скажу — нет, но я стар, и жизнь с ее солнечным светом, с ее сияющими

днями, с пением птиц, музыкой и любовью осталась далеко позади. Вы же все молоды. Некоторые из вас близко познали печаль, но вам предстоит еще немало прекрасных дней. Что же вы мне ответите?

Пока он говорил, Джонатан взял мою руку. Увидев, как его рука тянется к моей, я испугалась, что чувство ужасной опасности сломило его. Но его прикосновение вернуло мне уверенность — рука смелого человека говорит сама за себя. Не нужно даже любить человека, чтобы почувствовать эту силу.

Когда профессор закончил, муж посмотрел мне прямо в глаза, я ответила тем же. Нам не нужно было слов.

— Я отвечаю за Мину и за себя,— сказал он.

— Рассчитывайте на меня, профессор,— сказал коротко мистер Квинси Моррис.

— Я с вами,— сказал лорд Годалминг,— ради Люси, даже если другой причины и нет.

Доктор Сьюард просто кивнул головой. Профессор встал и, положив на стол золотое распятие, протянул руки. Мы все взяли друг друга за руки. Таким образом был заключен наш торжественный союз. Я чувствовала, что сердце мое холодеет, но мне и в голову не пришло отступить.

Мы сели вновь на свои места, и Ван Хелсинг продолжал:

— Итак, вы знаете, с чем нам предстоит бороться, но мы также не бессильны. На нашей стороне власть единения — власть, которой порода вампиров лишена; в наших руках научные источники; мы можем свободно мыслить и действовать, и все часы дня и ночи — совершенно одинаково — принадлежат нам. В общем, поскольку наши силы в нашей власти, мы можем свободно пустить их в ход. Мы преданы делу и стремимся к цели не из корысти. Это немало. Теперь давайте посмотрим, что может препятствовать выступившим против нас силам и отдельным их проявлениям. Короче, рассмотрим, каковы границы возможностей вампиров вообще и данного вампира в частности. Все, на что мы можем опираться,— это верования и суеверия. На первый взгляд не так-то много, когда речь идет о большем, чем о жизни и смерти. Тем не менее мы должны довольствоваться этим, во-первых, просто потому, что другими средствами мы не располагаем, а во-вторых, потому, что верования и суеверие — это, в сущности, все. Разве для всех, кроме — увы! — нас, не на том основана вера в вампиров? Кто из нас, живущих в век науки и скепсиса, еще год назад допустил бы подобную возможность? Мы не поверили даже в то, что происходило на наших глазах. Итак, договоримся, что знание о вампире и его свойствах надежно сохранилось в суевериях. Ибо, позвольте вам заметить, вампир известен повсюду, где жили люди. Он появлялся в Древней Греции и Древнем Риме, в Германии, во Франции, в Индии... И даже в Китае, столь далеком от нас во всех отношениях,— даже там по сей день боятся вампира. Он следовал по пятам за исландцем-берсеркером, за дьяволами-гуннами, славянами, саксонцами, мадьярами. Пока, стало быть, мы располагаем всем, чтобы действовать; и, позвольте заметить, изрядное количество этих воззрений нашло подтверждение в нашем столь горестном опыте. Вампир продолжает жить. Просто от старости он не умрет; он будет процветать там, где сможет упиваться кровью живых. Более того, мы видели, что он способен возвращать себе молодость, что его жизненные функции восстанавливаются и словно обновляются, когда он в изобилии обеспечен своей особой пищей. Но он может существовать лишь на этой диете, иная пища не по нему. Даже наш друг Джонатан, живший с ним бок о бок, ни разу не видел, чтобы он ел. Ни разу! Он не отбрасывает тени; его не отражают зеркала — опять же по наблюдениям Джонатана. Сила его руки равняется силе многих, свидетельствует Джонатан, которому он помогал спуститься из дилижанса и на чьих глазах удержал дверь против стаи волков. Он умеет превращаться в волка, как мы можем заключить на основании фактов о его прибытии в Уитби, где он выпустил кишки собаке; он может обратиться в летучую мышь — таким его наблюдала через окно мадам Мина в Уитби, и друг мой Джон в доме по соседству, и друг мой Квинси у окна мисс Люси. Он может облекать себя туманом, который сам и создает,— достойный капитан тому свидетель,— но, насколько нам известно, туман он может создавать только вокруг себя. Он ходит с лунными лучами, как мириады пылинок,— опять же Джонатан видел тех сестер в замке Дракулы. Он способен уменьшаться в размерах — мы сами видели, как мисс Люси, пока она не обрела покой, проскальзывала в приоткрытую на волос дверь склепа. Однажды проникнув куда-нибудь, как бы плотно это ни было замкнуто

или пусть даже там полыхает огонь, он может входить и выходить беспрепятственно. Он видит в темноте — немаловажная способность в мире, наполовину погруженном во мрак. Да, но слушайте дальше. Он все это может — и все же не свободен. О нет, он в оковах куда более, чем раб на галерах или безумец в карцере. Он не может идти, куда вздумает; порождение иной реальности, он все же связан некоторыми законами нашей жизни — почему так, мы не знаем. Поначалу он не может войти никуда, разве что по зову кого-то из домочадцев, но потом волен приходить, когда пожелает. Сила его, как и прочей нежити, оставляет его с наступлением дня. Лишь в определенные моменты он обладает ограниченной свободой. Находясь не в том месте, с которым он связан, превращаться он способен только в полдень или на рассвете и закате. Так говорят, и в наших записях есть подтверждение. Таким образом, хоть и может он творить свою волю у себя в пределе: в доме-гробу, адском доме, нечистом месте (как мы знаем, он ходил к могиле самоубийцы в Уитби), но в другое время он может превращаться лишь в определенные моменты. Также говорят, он может переходить проточную воду лишь во время прилива или отлива. Есть предметы, которые лишают его силы: уже известный нам чеснок, а также освященные предметы, например это распятие, находящееся все время с нами. Они гонят его прочь и заставляют умолкнуть. Есть и другие, о которых я вам расскажу, поскольку они нам могут понадобиться в дальнейших поисках. Ветка шиповника на гробе не даст ему вылезти; если выстрелить в гроб освященной пулей, это убьет его и он будет мертв по-настоящему; кол и отделение головы тоже приносят покой, что мы видели своими глазами. Таким образом, когда мы найдем убежище того, кто некогда был человеком, то сможем заточить его в гроб и уничтожить, если будем следовать известным нам правилам. Однако он умен. Я просил моего друга Арминия из Будапештского университета выписать все, что известно о его прошлом. И Арминий, изучив источники, рассказал, кем тот был. Это действительно воевода Дракула, прославившийся в борьбе с турками на границе владений султана. Коль так, он необычный человек, потому что и столетие спустя о нем говорили как об умнейшем, коварнейшем и храбрейшем из сынов Трансильвании. Могучий ум и железная воля ушли с ним в могилу, а теперь они направлены против нас. Дракулы, как сообщает Арминий, большой и знатный род. По мнению современников, кое-кто из этого рода имел дело с нечистым. Многие тайны узнали они в школе дьявола — Шоломанче, среди гор, где каждого десятого ученика дьявол делает своим помощником. В выписках были такие слова, как «stregoica» — «ведьма», «ordog» и «pokol» — «Сатана» и «ад». А в одной рукописи об этом самом Дракуле говорилось, что он вампир, о чем нам уже хорошо известно. Он плоть от плоти великих мужей и добрых жен своего рода, и лишь на земле, освященной их могилами, могла родиться такая мерзость. Ведь самое ужасное то, что зло глубоко коренится в добре — в земле неосвященной его останки не упокоились бы.

Во время этой речи мистер Моррис пристально смотрел в окно. Затем он тихо встал и вышел из комнаты. После небольшой паузы Ван Хелсинг продолжал:

— А теперь мы должны продумать, как действовать дальше. У нас много фактов, и нужно разработать план кампании. Благодаря Джонатану мы знаем, что из замка в Уитби прибыло пятьдесят ящиков с землей, которые доставлены в Карфакс; мы также знаем, что несколько ящиков потом перевезли. Мне кажется, прежде всего мы должны установить, остались ли другие ящики в доме за стеной, которая граничит с нашим домом.

В эту минуту нас неожиданно прервали. На улице раздался звук револьверного выстрела; окно было разбито пулей, которая, отлетев рикошетом от верха оконного проема, ударилась в противоположную стену комнаты. Боюсь, я в душе трусливa, потому что я вскрикнула. Мужчины вскочили на ноги, лорд Годалминг бросился к окну и открыл его. В это время мы услышали с улицы голос мистера Морриса:

— Простите! Сожалею, что испугал вас. Сейчас я вернусь и объясню, в чем дело.

Через минуту он вошел и сказал:

— Это было очень глупо с моей стороны. Извините, миссис Харкер, боюсь, я вас страшно испугал. Но дело в том, что, пока профессор говорил, прилетела огромная летучая мышь и уселась на подоконник. Под влиянием последних событий я питаю такое отвращение к этим проклятым тварям, что не вы-

ношу их вида, и потому я пошел и выстрелил, как поступаю теперь всегда, видя их вечером или ночью. Вы смеялись надо мной по этому поводу, Арт!

— Вы попали в нее? — спросил Ван Хелсинг.

— Не знаю. Наверное, нет, раз она улетела в лес.

Не сказав больше ни слова, он сел на место, а профессор закончил свой доклад:

— Мы должны выяснить местонахождение каждого ящика и, когда с этим покончим, взять в плен либо убить чудовище в его логове. Или, так сказать, «стерилизовать» землю, чтобы он не мог больше укрыться в ней. Тогда в конечном счете мы сможем отыскать его в человеческом образе в период между полуднем и заходом солнца и справиться с ним тогда, когда он слабее всего. Что же касается вас, мадам Мина, нынешняя ночь будет последняя, когда вы участвуете в этом деле. Вы слишком всем нам дороги, чтобы позволить вам подвергаться риску; вы не должны нас больше ни о чем расспрашивать. Мы все расскажем вам в свое время. Мы, мужчины, выносливы, а вы должны быть нашей путеводной звездой и надеждой; чем больше мы будем уверены, что вы вне опасности, которая угрожает нам, тем свободнее станем действовать.

Все мужчины, даже Джонатан, похоже, почувствовали облегчение, но мне показалось, что нехорошо, если они будут подвергаться опасности и, может быть даже во вред себе, заботиться обо мне, ибо потратят часть сил, необходимых для борьбы. Однако они твердо это решили, и, хотя пилюля показалась мне слишком горькой, я ничего не могла возразить — оставалось только принять их рыцарскую заботу.

Мистер Моррис прекратил прения:

— Времени терять нельзя, поэтому предлагаю сейчас же хорошенько осмотреть дом. В подобном деле время — все, и от быстроты наших действий, может быть, зависит судьба очередной жертвы.

Сознаюсь, у меня оборвалось сердце, когда настал момент приниматься за дело, но я промолчала, боясь больше всего стать им в тягость, быть помехой в работе, чтобы они не отстранили меня даже от участия в совещаниях.

Итак, они решились направиться к Карфаксу, чтобы пробраться в дом.

Как истинные мужчины, они предложили мне лечь спать, точно женщина может заснуть, когда тому, кого она любит, угрожает опасность! Я лягу и притворюсь спящей, чтобы Джонатан не волновался, когда вернется.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

1 октября, 4 часа дня.

Мы только что собрались выйти из дому, как мне принесли спешное послание от Ренфилда, спрашивавшего, не может ли он меня повидать сейчас же, так как ему надо сообщить нечто чрезвычайно важное. Я поручил посланному передать ему, что в настоящую минуту я очень занят. Служитель настаивал:

— Он, по-видимому, необыкновенно нуждается в этом, сэр. Я никогда еще не видел его в таком нетерпении. Не берусь предсказывать, что будет, но полагаю, если вы с ним не повидаетесь, с ним опять сделается один из его страшных припадков.

Я знал, что он не сказал бы такого без оснований, поэтому ответил:

— Хорошо, я сейчас приду,— и попросил остальных подождать несколько минут, так как мне надо навестить пациента.

— Возьмите нас с собой, Джон,— сказал профессор.— Его случай, сужу по описанию в вашем дневнике, сильно заинтересовал меня и к тому же имеет некоторое отношение к нашему случаю. Я очень хотел бы повидать его, особенно тогда, когда его душевное равновесие нарушено.

— Можно нам тоже пойти? — спросили лорд Годалминг и мистер Моррис.

Я кивнул, и мы все вместе проследовали по коридору.

Мы нашли Ренфилда в состоянии возбуждения, но речь его и поведение были гораздо разумнее, чем мне приходилось наблюдать раньше.

Его требование заключалось в том, чтобы я немедленно выпустил его из больницы и отправил домой. Он подкреплял свое требование аргументами, доказывавшими, по его мнению, его полное выздоровление, и обращал внимание на свою полную нормальность.

— Я взываю к вашим друзьям,— добавил он,— может быть, они не откажутся высказать свое мнение, хотя, к слову сказать, вы забыли нас познакомить.

Я был удивлен настолько, что странная претензия безумца, находящегося в сумасшедшем доме, чтобы ему представили посетителей, не поразила меня в ту минуту, и к тому же в его манере держаться было известного рода достоинство, как у человека, привыкшего к обращению с равными, так что я сейчас же представил их друг другу.

— Лорд Годалминг, профессор Ван Хелсинг, мистер Квинси Моррис из Техаса — мистер Ренфилд.

Он пожал всем руки, говоря каждому по очереди:

— Лорд Годалминг, я имел честь быть одно время помощником вашего отца в Виндхеме и чрезвычайно огорчен тем, что, судя по вашему титулу, его уже нет в живых. Все знавшие любили и уважали его; в молодости он изобрел, как я слышал, пунш из рома, который пользуется огромной популярностью в ночь перед дерби. Мистер Моррис, вы должны гордиться своим штатом. Признание его Соединенными Штатами является прецедентом, могущим иметь большие последствия, когда полюс и тропики присягнут в верности звездам, то есть национальному американскому флагу. О, как мне выразить свое удовольствие при встрече с профессором Ван Хелсингом? Сэр, я не приношу извинений за то, что не произнес в честь вас приличных случаю слов. Когда человек произвел революцию в области терапии, открыв бесконечную эволюцию в материи мозга, обычные формы обращения неуместны, как слишком незначительные. Вас, джентльмены, которые национальностью, наследственностью или врожденными дарованиями предназначены для высокого положения в этом мире, я призываю в свидетели, что я нормален настолько, по крайней мере, насколько нормально большинство людей, пользующихся полной свободой. И я уверен, что вы, доктор Сьюард, гуманный и образованный врач с познаниями в юрисдикции, сочтете своим нравственным долгом обращаться со мною как с человеком, который заслуживает, чтобы просьбу его исполнили...

Думаю, все мы опешили. Я, по крайней мере, был убежден, несмотря на мое знакомство с характером и историей болезни этого человека, что к нему вернулся рассудок, и у меня было

сильное желание сказать ему, что я удовлетворен состоянием его здоровья и позабочусь о формальностях, необходимых для его освобождения на следующее утро. Но все же я подумал, что лучше подождать с решением столь важного вопроса, ибо на основании прежнего опыта я знал о внезапных переменах, которым был подвержен этот больной. Поэтому я ограничился тем, что констатировал быстрое выздоровление, и сказал, что об остальном побеседую с ним утром и тогда посмотрю, можно ли удовлетворить его желание. Это его совсем не устроило, и он быстро сказал:

— Боюсь, доктор Сьюард, вы едва ли поняли меня как следует. Я хочу уехать сейчас — немедленно — в этот час — в эту минуту, если можно. Время не терпит. Я уверен, стоит только высказать такому великолепному практику, доктор Сьюард, столь простое и в то же время столь важное желание, чтобы оно было исполнено.

Он зорко посмотрел на меня и, заметив, что я отношусь к этому отрицательно, обвел взглядом остальных, словно их испытывая. Не получив удовлетворительного ответа, он продолжал:

— Неужели я ошибся в своем предположении?

— Да, ошиблись,— сказал я откровенно, но почувствовал, что прозвучало это грубо.

Наступило продолжительное молчание, после чего он медленно произнес:

— В таком случае разрешите мне изложить вам причины моей просьбы. Позвольте просить о такой уступке, о милости, о привилегии — как хотите. В данном случае я прошу не ради себя, а ради других. Я не вправе сообщать вам все причины, но вы смело можете мне поверить, что это хорошие, честные и бескорыстные причины, основанные на высочайшем чувстве долга. Если бы вы могли, сэр, заглянуть в мое сердце, вы бы вполне одобрили чувства, которые мной движут. Даже больше, вы стали бы считать меня своим лучшим и преданнейшим другом.

Он опять испытующе посмотрел на нас. У меня росло убеждение, что эта внезапная перемена в его манере выражаться была лишь новой формой или стадией сумасшествия, и поэтому я решил не прерывать его еще некоторое время, зная по опыту, что в конце концов, как все сумасшедшие, он выдаст себя. Ван Хелсинг смотрел на него с крайне сосредоточенным видом, его

пушистые брови почти сошлись, до того он нахмурился. Он сказал Ренфилду тоном, на который я не обратил внимания в тот момент, но которому немало удивлялся впоследствии, когда припоминал его, потому что это вполне походило на обращение к равному себе:

— Можете ли вы мне откровенно сообщить настоящую причину вашего пожелания быть освобожденным именно сегодня? Ручаюсь, если со свойственной вам откровенностью вы удовлетворите меня — незнакомца без предрассудков, доктор Сьюард предоставит вам на собственный страх и ответственность привилегию, которой вы добиваетесь.

Ренфилд грустно покачал головой с выражением глубокого сожаления на лице. Профессор продолжал:

— Послушайте, сэр, образумьтесь! Вы требуете, чтобы к вам относились как ко вполне здоровому человеку, вы стараетесь импонировать нам своей полной нормальностью. И это делаете вы, в выздоровлении которого мы имеем основания сомневаться, так как вы еще не освобождены от медицинского ухода, продиктованного вашей болезнью. Если вы не поможете нам определить правильный образ действий, то как сможем мы выполнить те обязанности, которые вы на нас же возлагаете? Будьте благоразумны и помогите нам, и, если это окажется в наших силах, мы поможем вам исполнить ваше желание.

Продолжая качать головой, Ренфилд ответил:

— Мне нечего сказать, профессор. Ваши аргументы чрезвычайно убедительны, и я не колебался бы ни минуты, если бы имел право, но в данном случае я не свободен. Я могу только просить вас поверить мне. Если мне откажут, ответственность за то, что случится, будет лежать не на мне.

Я решил, что пора прекратить эту сцену, которая становится излишне трагикомической, и поэтому направился к двери со словами:

— Идемте, друзья мои, у нас есть дела. Спокойной ночи, Ренфилд.

Но когда я приблизился к двери, с пациентом произошла новая перемена. Он так быстро подошел ко мне, что у меня моментально зародилось подозрение, не собирается ли он вторично попытаться напасть на меня. Опасения мои, однако, были

неосновательны, так как он умоляюще протянул ко мне руки и теперь жестами выражал ту же просьбу об освобождении. Хотя он заметил, что эти движения вредили ему в наших глазах, так как наводили на мысль о новом припадке, он все-таки продолжал умолять меня. Я взглянул на Ван Хелсинга и увидел в его глазах подтверждение собственного мнения, поэтому я сделался чуть сдержаннее, продолжая оставаться настороже, и сказал Ренфилду, что все его усилия напрасны. Я и раньше замечал у него нечто похожее на это растущее волнение именно в тех случаях, когда он добивался выполнения какого-нибудь из своих многочисленных фантастических требований, например в том случае, когда ему нужна была кошка; я полагал, что после категорического отказа он впадет в ту же угрюмую покорность, что и прежде. Мои ожидания не оправдались: убедившись, что просьба его не будет исполнена, он впал в неистовство. Он бросился на колени, протягивая ко мне руки и ломая их в жалобной мольбе, по щекам его катились слезы, а лицо и фигура выражали глубочайшее волнение.

— Позвольте умолять вас, доктор Сьюард, о, позвольте взывать к вам, чтобы вы сейчас же выпустили меня из этого дома. Отправьте меня куда и как хотите; пошлите со мной сторожей с кнутами и цепями, пусть они увезут меня в смирительной рубашке со связанными руками и ногами, закованными в железо, хоть в тюрьму, но выпустите меня отсюда! Я говорю от всего сердца и от всей души. Вы не знаете, кому и как вы вредите, а я не могу вам сказать! Горе мне! Я не могу сказать! Но во имя всего для вас святого, дорогого, в память вашей разбитой любви, во имя еще живущей в вас надежды, ради Всемогущего, возьмите меня отсюда и спасите от зла мою душу! Неужели вы не слышите меня, человек? Неужели не понимаете? Неужели никогда и не поймете? Разве вы не видите, что я теперь здоровый, нормальный человек, борющийся за спасение своей души? О, послушайте меня! Послушайте! Отпустите! Отпустите!

Я решил, что чем дольше это будет продолжаться, тем он больше будет неистовствовать и дело дойдет до припадка, поэтому взял его за руку и поднял с колен.

— Довольно,— сказал я строго,— довольно, я достаточно насмотрелся. Ложитесь в постель и постарайтесь вести себя прилично.

Он неожиданно затих и внимательно взглянул мне прямо в глаза. Потом, не говоря ни слова, встал, медленно пошел и сел на край кровати. Покорность явилась так же неожиданно, как и в предыдущих случаях.

Когда я покидал комнату последним из нашей компании, он сказал мне спокойным голосом благовоспитанного человека:

— Со временем, доктор Сьюард, вы отдадите мне справедливость: сегодня я сделал все, что в моих силах, чтобы убедить вас.

Глава XIX

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

1 октября, 5 часов вечера.

Мы с легким сердцем отправились на поиски, потому что оставили Мину в прекрасном расположении духа. Я так рад, что она согласилась остаться и предоставить заботы нам, мужчинам. Мне страшно становилось от мысли, что она вообще участвует в этом ужасном деле. Но теперь, когда ее работа кончена и когда благодаря ее энергии, сообразительности и предусмотрительности вся история увязана в единое целое, она чувствует, что ее дело сделано и с этого момента остальное она может предоставить нам. Все мы были несколько взволнованы сценой с Ренфилдом. Выйдя от него, мы до самого возвращения в кабинет не обмолвились ни единым словом. Затем мистер Моррис сказал доктору Сьюарду:

— Послушайте, Джон, мне кажется, что если этот человек не замышляет какой-нибудь выходки, то он самый нормальный из сумасшедших, которых я когда-либо встречал. Я не вполне уверен, но мне сильно кажется, у него была какая-то серьезная цель, и, если это верно, пожалуй, жаль, что вышло вопреки его желанию.

Мы с лордом Годалмингом молчали, но доктор Ван Хелсинг добавил:

— Вы лучше меня знаете сумасшедших, Джон, и я рад этому, так как боюсь, что, если бы мне пришлось решать вопрос о его освобождении, я бы, несомненно, освободил его до того истерического припадка, который мы наблюдали в конце вечера.

Но век живи — век учись, и в данном случае не надо было давать потачки, как выразился бы мой друг Квинси. Что ни делается — все к лучшему.

Доктор Сьюард ответил:

— Не знаю. Но я, пожалуй, согласен с вами. Если бы этот человек был обычным сумасшедшим, я бы решился ему поверить, но он, по-видимому, связан с графом каким-то непонятным образом, и я боюсь повредить нашему предприятию, потакая его выходкам. Не могу забыть, как он молил о кошке, а затем почти с такой же страстностью пытался перегрызть мне зубами горло. Кроме того, он называл графа господином и повелителем. Он хочет выйти, чтобы помочь ему каким-нибудь дьявольским способом. Наш отвратительный вампир имеет в своем распоряжении волков, крыс и прочую братию; думаю, он не побрезгует обратиться и к помощи почтенного безумца. Хотя, по правде говоря, он казался очень искренним. Остается надеяться, что мы поступили наилучшим образом. Подобные вещи заодно с предстоящей нам дикой работой способны измучить человека.

— Не волнуйтесь, дружище Джон,— ответил профессор.— Мы все стараемся исполнить свой долг в этом печальном и ужасном деле, и каждый из нас поступает так, как ему кажется наиболее правильным. Но что же нам остается еще, кроме надежды на милосердие всемилостивого Бога?

Лорд Годалминг ненадолго вышел из комнаты и вернулся с маленьким серебряным свистком в руках.

— Эта старая дыра,— сказал он,— вероятно, полна крыс. На всякий случай я захватил с собой волшебную дудочку.

Обогнув стену, мы направились к дому, стараясь держаться в тени деревьев. Когда мы подошли к подъезду, профессор открыл свой мешок и вынул множество предметов, которые разложил на ступеньках, рассортировав их на четыре небольшие кучки, предназначавшиеся, по-видимому, каждому из нас. Затем он сказал:

— Друзья мои, мы отправляемся на очень рискованное предприятие, и нам необходимо самое разное оружие. Наш враг силен не только как дух. Помните, он обладает силой двадцати человек и, в то время как наши глотки и шеи совершенно обычные и, следовательно, их можно сломать или свернуть, его

горло неподвластно обычной силе. Очень сильный человек или группа людей, которые вместе сильнее его, способны на некоторое время его удержать, но все же они не могут так повредить ему, как он им. Поэтому мы должны остерегаться его прикосновения. Храните это у вашего сердца,— сказал он, подняв небольшое распятие и протянув его мне, так как я был к нему ближе других.— Наденьте эти цветы себе на шею,— протянул он мне венок из увядших цветов чеснока,— а для других, земных врагов возьмите револьвер и нож, и на всякий случай вот вам маленькие электрические фонарики, которые можете прикрепить себе на грудь. Но важнее и превыше всего оружие, которое мы не должны расточать понапрасну.

Это был кусочек освященной облатки, которую он положил в конверт и передал мне.

— А теперь,— добавил он,— скажите-ка, Джон, где отмычки? Если нам не удастся отпереть дверь, придется вламываться в дом через окно, как было однажды у мисс Люси.

Доктор Сьюард попробовал несколько отмычек, причем его хирургическая практика сослужила ему немалую службу, и он быстро нашел подходящую. После нескольких движений отмычки вперед-назад замок поддался и со ржавым скрипом открылся. Мы надавили, заскрипели петли, и дверь распахнулась. Это поразительно напомнило мне описание в дневнике доктора Сьюарда того, как он открывал склеп мисс Вестенра. Думаю, подобная мысль пришла в голову и остальным, потому что все разом подались назад. Первым шагнул профессор.

— In manus tuas, Domine![*] — сказал он, осенив себя крестом, и переступил порог.

Мы закрыли за собой дверь, чтобы не привлекать внимания, когда зажжем фонарики. Профессор осторожно попробовал замок, чтобы узнать, сможем ли мы без осложнений открыть его, если будем торопиться к выходу. После этого мы все зажгли фонарики и приступили к поискам. Свет фонариков рождал причудливые и странные тени вокруг нас. Я никак не мог отделаться от ощущения, что с нами был еще кто-то. Вероятно, это было связано с воспоминаниями, неотвязно жившими в моей душе, воспоминаниями о жуткой обстановке, в которой

* Предаем себя в руки твои, Господи! *(лат.)*

произошли эти ужасные события в Трансильвании. Мне кажется, это чувство разделяли все, так как я заметил, что и остальные, подобно мне, то и дело оглядывались при каждом звуке, каждой новой тени, при каждом шорохе.

Все вокруг было покрыто густым слоем пыли. Пол, казалось, зарос ею на несколько вершков, кроме тех мест, где виднелись свежие следы, и, освещая слежавшуюся пыль своим фонариком, я мог различить отпечатки гвоздей с широкими шляпками. Стены были также покрыты слоем пыли, а по углам скопилась паутина, которая свисала, будто рваные тряпки. В зале на столе лежала большая связка ключей с пожелтевшими от времени ярлыками на каждом из них. По-видимому, ими пользовались, потому что на пыльной поверхности стола было несколько одинаковых следов, подобно тому, что образовался, когда профессор поднял их. Он повернулся ко мне и сказал:

— Вам знакомо это место, Джонатан. Вы снимали копию с его плана и знаете его, во всяком случае, лучше, чем мы. Где дорога к часовне?

Я имел некоторое представление о том, где находится часовня, хотя в предыдущее свое посещение так и не смог до нее добраться. В конце концов после нескольких неверных поворотов я нашел дорогу и очутился перед низкой дубовой дверью, обитой железными полосами.

— Вот это где,— сказал профессор, осветив фонариком маленький план дома, скопированный из моей переписки относительно его найма.

С небольшим затруднением мы отыскали в связке нужный нам ключ и отперли дверь. Мы готовились к чему-то неприятному, потому что, когда отпирали дверь, сквозь щели сочился слабый отвратительный запах, но никто из нас не ожидал той вони, которая ударила в нос. Никто из нас не встречал близко графа в закрытом помещении, а когда я видел его, он либо находился в своих комнатах, но постился, либо, если был напитан свежей кровью, пребывал в разрушенных зданиях на сквозняке; здесь же помещение было небольшое и запертое, кроме того, здесь десятилетиями никто не жил, и воздух стал затхлым, распространял зловоние. В нем плавал землистый запах какой-то гнили. Но как мне описать этот запах? Не просто тление и едкий, острый запах крови, но казалось, будто само разложение

разлагается! Фу! Тошно подумать. Дыхание чудовища как будто навсегда впиталось здесь и сделало это место еще отвратительнее.

При обычных условиях такое зловоние заставило бы нас отказаться от предприятия, но нынешний случай был не из обыкновенных, а высокая и ужасная цель, к которой мы стремились, вливала в нас поднимавшую нас ввысь силу, которая была сильнее простых физических неудобств. После невольного содрогания, которое мы испытали, первый раз вдохнув отвратительный запах, мы все как один принялись за работу, словно это гадкое место было розовым садом. Мы подробно осмотрели местность, а перед этим профессор сказал:

— Нам предстоит прежде всего проверить, сколько осталось ящиков; затем мы должны исследовать каждую дыру, каждую щель, каждый угол и посмотреть, не отыщется ли какой-нибудь отгадки, что произошло с остальными ящиками.

Хватило одного взгляда, чтобы узнать, сколько их оставалось, потому что ящики с землей были огромными и их нельзя было не заметить.

Из пятидесяти осталось лишь двадцать девять!

Неожиданно меня охватил ужас, потому что, заметив, как лорд Годалминг внезапно обернулся и посмотрел в конец темнеющего прохода, я также взглянул туда — и на миг у меня замерло сердце. Мне показалось, я вижу силуэт графа, вырисовывающийся в тени; я отчетливо увидел зловещее, мертвенно-бледное лицо, часть горбатого носа, красные глаза, красные губы. Это продолжалось всего мгновение, потому что, когда лорд Годалминг сказал: «Мне показалось, я видел чье-то лицо, но это только игра теней» — и возобновил свои поиски, я направил свет лампы в указанную сторону и зашагал по проходу. Я не нашел и следа кого бы то ни было; а так как там не было ни углов, ни дверей, ни малейшей скважины, только толстые капитальные стены, значит, ему некуда было и скрыться. Я решил, что страх сыграл на руку воображению, и не сказал ничего своим спутникам.

Через несколько минут я увидел, как Моррис внезапно попятился от угла, который изучал. Мы все инстинктивно повернули головы в его сторону, так как нервы у нас, несомненно, были взвинчены, и увидели множество фосфоресцирующих точек, мерцавших, как звезды. Мы невольно подались назад: угол буквально затопили крысы.

Минуту или две мы стояли словно окаменев, но лорд Годалминг, который, по-видимому, приготовился к такого рода встрече, подошел к огромной, обитой железом дубовой двери, наружную сторону которой доктор Сьюард описал в своем дневнике, повернул ключ в замке, отодвинул огромные засовы и распахнул дверь настежь. Затем, вытащив из кармана маленький серебряный свисток, он резко и пронзительно свистнул. Ему ответил собачий лай из-за дома доктора Сьюарда, и через минуту из-за угла примчались три фокстерьера. Мы бессознательно придвинулись к двери, и тут я случайно заметил, что в этом месте пыль была сильно прибита,— по-видимому, недостающие ящики несли этим путем. С каждой минутой количество крыс возрастало. Казалось, само помещение зашевелилось. В свете фонарей светящиеся глаза крыс были подобны целому рою светлячков, усеявших землю. Собаки бросились к нам, но на пороге дома вдруг остановились, зарычали, затем, одновременно задрав носы, принялись выть самым зловещим образом.

Лорд Годалминг взял одну из собак, внес ее и опустил на пол. Как только ее ноги коснулись земли, к ней вернулась ее природная храбрость и она кинулась на своих извечных врагов. Прежде чем она успела загрызть хотя бы одну крысу, те так быстро обратились в бегство, что другим собакам, которых внесли таким же образом, почти не осталось добычи. Крысы исчезли столь стремительно, сколь и появились.

После того как крысы исчезли, мы почувствовали облегчение, точно избавились от чьего-то лукавого присутствия. К нам вернулось бодрое настроение. Было ли оно вызвано тем, что открыли дверь часовни, или облегчением, которое мы почувствовали, очутившись на открытом воздухе,— не знаю, но тень ужаса, казалось, соскользнула с нас, словно одежда, и даже цель нашего прихода потеряла отчасти свое ужасное значение, хотя мы ни на йоту не колебались, какое принять решение. Закрыв наружную дверь, мы заперли ее на ключ, задвинули засов и, захватив собак, возобновили поиски в доме. Мы ничего не нашли, кроме огромного количества пыли; все оставалось нетронутым, даже следы моих ног с момента первого моего посещения. Ни разу

собаки не проявляли признаков какой-либо боязни, и даже когда мы вернулись к часовне, они прыгали вокруг нас, словно только что вернулись из лесу, с летней охоты на зайцев.

На востоке уже алела заря, когда мы вышли из подъезда. Доктор Ван Хелсинг отыскал в связке ключ от двери дома, запер ее, как обычно, и затем положил ключ к себе в карман.

— До сего момента,— сказал он,— ночь была очень удачной. Мы не причинили себе никакого вреда, чего я очень опасался, и в то же время узнали, сколько недостает ящиков. Больше всего я рад тому, что наш первый — и, может быть, труднейший и опаснейший — шаг совершен без участия нашей прелестной мадам Мины и ее сон или бодрствование не омрачатся образами, звуками, запахами и тому подобными ужасами, которые она никогда бы не смогла забыть. Мы также кое-чему научились: эти ужасные создания, которых граф заставляет служить себе, не обладают его зловещей духовной силой. Ибо, взгляните, эти крысы, явившиеся на его зов подобно тем волкам, которых он призывал с вершины башни, когда вы хотели уйти из замка или когда женщина требовала отдать ее ребенка,— эти крысы бросились врассыпную, завидев собачек нашего друга Артура. Нас ждет впереди еще много ужасов и опасностей — этот жестокий негодяй не в последний раз демонстрирует свою силу. Похоже, он куда-то убрался. Хорошо! Мы имели случай объявить «шах» в той шахматной игре, что ведем за спасение человеческих душ. А теперь — домой. Заря приближается, у нас же есть основания быть довольными своей работой в первую ночь.

Когда мы вернулись, все было тихо, только в дальней палате причитал какой-то несчастный, а из комнаты Ренфилда доносился низкий стон. Несомненно, беднягу преследовали кошмары.

Я на цыпочках вошел в нашу комнату и нашел Мину спящей. Она дышала столь тихо, что мне пришлось близко нагнуться к ней, чтобы расслышать ее дыхание. Она выглядит бледнее обыкновенного. Надеюсь, ей не повредили сегодняшние разговоры. Я действительно очень признателен профессору за то, что он освободил ее от нашей будущей работы и даже от наших совещаний. Некоторые вещи растревожили бы ее слух; и в то же время скрывать их от нее было бы хуже, чем сказать ей, в случае если б она заподозрила, что от нее что-то скрывают. Теперь эта работа должна стать для нее запретной книгой, по крайней мере до того момента, когда мы сможем сказать ей, что все кончено и земля освободилась от чудовища из преисподней. Да, трудно будет хранить молчание после того, как столько было сказано откровенно. Но я должен хранить решимость и завтра ничего не скажу о наших ночных приключениях. Я лег на диван, чтобы не беспокоить ее.

1 октября, позднее.

Вполне естественно, что мы проспали, ибо весь вчерашний день мы трудились, а ночь не принесла нам покоя. Изнурение после вчерашнего дня, должно быть, сказалось даже на Мине, и хотя я сам проспал чуть ли не до полудня, но все же проснулся раньше ее и будил ее два или три раза, пока она наконец не проснулась. Она спала так крепко, что, пробудившись, в течение нескольких секунд не узнавала меня и смотрела с невыразимым ужасом, как бывает после кошмара. Она пожаловалась на легкую усталость, и я оставил ее отдыхать. Теперь нам известно, что двадцать один ящик перевезли в другое место, и, если ящики перевозили партиями, нетрудно будет их выследить. Это облегчило бы дело, и чем раньше мы возьмемся за него, тем лучше. Я должен сегодня повидаться с Томасом Снеллингом.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

1 октября.

Было около полудня, когда профессор разбудил меня. Он был веселее и радостнее, чем обычно,— по-видимому, результаты прошлой ночи прояснили для него кое-какие вопросы и сняли с его души тяжесть. Коснувшись ночных происшествий, он вдруг сказал:

— Меня чрезвычайно интересует ваш больной. Нельзя ли посетить его сегодня утром вместе с вами? Однако если вы очень заняты и ничего не имеете против, я могу пойти один. Для меня новость — сумасшедший, разговаривающий как философ и рассуждающий так здраво.

У меня была срочная работа, и я сказал, что буду рад, если он отправится один, так как тогда ему не придется меня дожи-

даться; затем я позвал служителя и дал ему необходимые инструкции.

Прежде чем профессор ушел, я предостерег его от неверных суждений о моем пациенте.

— Но,— ответил он,— я хочу, чтобы он рассказал о себе и о том, почему им владеет мания поедать живых существ. Как я узнал из вашего дневника, он говорил мадам Мине, что однажды подобные идеи приходили ему в голову. Однако почему вы улыбаетесь, дружище Джон?

— Простите меня,— сказал я,— но ответ здесь.— Я положил руку на стопку исписанных листов.— Когда наш разумный и ученый друг рассуждал о том, как он *когда-то* поедал живое, рот его еще был полон мухами и пауками, которых он засунул туда перед самым приходом миссис Харкер!

Ван Хелсинг в ответ улыбнулся.

— Хорошо,— сказал он.— Память вас не подводит, мне следовало бы помнить об этом. И все же именно самые причудливые идеи и делают душевные болезни столь интересными для изучения. Думаю, безумие этого сумасшедшего может научить большему, чем разговор с мудрецом. Кто знает?

Я продолжал свою работу и скоро ее окончил. По-видимому, время прошло в самом деле очень быстро, так как Ван Хелсинг успел вернуться.

— Я не помешаю? — вежливо спросил он, стоя у двери.

— Нисколько,— ответил я.— Войдите. Работа окончена, и я свободен. Теперь я могу пойти с вами, если хотите.

— Это лишнее: я его видел!

— Ну?

— Боюсь, он не слишком высокого мнения обо мне. Наше свидание было кратким; когда я вошел в комнату, он сидел на стуле, упершись локтями в колени, и лицо его выражало мрачное недовольство. Я обратился к нему возможно веселее и насколько мог почтительно. Он ничего не ответил. «Разве вы не знаете меня?» — спросил я. Ответ был малоутешителен: «Я прекрасно вас знаю, вы старый дурак Ван Хелсинг. Я хотел бы, чтобы вы с вашими идиотскими теориями убрались куда-нибудь подальше. Будь прокляты толстокожие голландцы». Больше он не сказал ни слова, а сидел с невозмутимой мрачностью и таким равнодушием ко мне, будто меня вовсе не было в комнате.

Итак, на сей раз я упустил случай поучиться чему-нибудь у этого мудрого безумца, поэтому я решился пойти и, если можно, развеселить себя приятной беседой с нашей прелестной мадам Миной. Меня бесконечно радует, что она не станет больше волноваться из-за этих ужасов. Хотя нам и будет сильно недоставать ее общества, но так лучше.

— Всем сердцем с вами согласен,— ответил я серьезно, ибо хотел поддержать его намерения.— Хорошо, что она уже непричастна к этому. Даже нам, видавшим виды мужчинам, приходится туго. Это совсем не женское дело, и, если бы она продолжала участвовать в нашей работе, со временем это кончилось бы катастрофой.

Итак, Ван Хелсинг ушел совещаться с Харкерами. Квинси и Артур заняты поисками следов исчезнувших ящиков. Сейчас я закончу свою работу, а вечером все мы встретимся.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

1 октября.

Странно находиться в потемках, как сегодня, после стольких лет полного доверия Джонатана, видеть, как он умышленно избегает разговора на определенные темы, особенно на интересующие меня. После вчерашнего утомительного дня я долго спала нынешним утром, и, хотя Джонатан также проспал, он все-таки встал раньше меня. Перед тем как уйти, он говорил со мной так нежно и ласково, как никогда, но не проронил ни слова о том, что произошло с ними во время посещения графского дома. А между тем он должен знать, как ужасно я волновалась. Милый, бедный мальчик! Вероятно, это расстроило его еще больше, чем меня. Все они сошлись на том, что мне лучше быть подальше от этой ужасной работы, и я согласилась с ними. Но каково мне знать, что он от меня что-то скрывает! И вот сейчас я плачу, как дурочка, думая, что это продиктовано огромной любовью ко мне моего мужа и чистыми, самыми благородными намерениями этих сильных мужчин.

Мне стало лучше. Что же делать, когда-нибудь Джонатан все мне расскажет; а я во избежание того, чтобы он когда-нибудь не подумал, будто я от него что-то скрываю, по-прежнему буду

вести свой дневник. Если он усомнится во мне, я покажу ему этот дневник, где записано каждое движение моего сердца, чтобы его дорогие глаза все прочитали. Сегодня я чувствую себя странно грустной, и у меня упадок духа. Вероятно, это последствия ужасного волнения.

Прошлой ночью я отправилась спать, когда все ушли, просто потому, что они так велели. Спать не хотелось, и я сгорала от нетерпения узнать, что с ними. Я продолжала думать обо всем, что произошло с тех самых пор, как Джонатан приехал повидаться со мной в Лондон, и все это представляется мне ужасной игрой рока, ведущего нас неумолимо к какому-то концу. Любой, казалось бы самый правильный, поступок имеет ужасные последствия. Если бы я не приехала в Уитби, милая, бедная Люси была бы теперь с нами. У нее не было никакого желания идти на кладбище, пока я не приехала; если бы она не пошла туда днем со мной, ее не влекло бы туда сонную, а если бы она не попала туда ночью во сне, чудовище не повредило бы ей. О, зачем я поехала в Уитби!.. Ну вот, я опять расплакалась! Не знаю, что со мной сегодня. Джонатану больно будет узнать, что я дважды за утро плакала. Я ведь не имею обыкновения лить слезы, и он ни разу не заставил меня плакать. Я должна набраться мужества и не подавать виду. Нельзя, чтобы он заметил, какой плаксой я стала. Это, по-моему, одна из главных заповедей, которые мы, бедные женщины, должны твердо усвоить.

Не помню хорошо, как я заснула прошлой ночью. Помню только, что услышала внезапно лай собак и множество странных звуков, словно в комнате мистера Ренфилда, которая находится где-то под моей, громко играют гаммы. Затем вокруг наступило полнейшее молчание, молчание до того глубокое, что оно поразило меня; я встала и выглянула в окно. Все темно и безмолвно, черные тени, отбрасываемые деревьями, озаренными лунным светом, были как будто наполнены собственной молчаливой тайной. Все выглядело неподвижным, мрачным и застывшим, так что тонкая змейка белого тумана, которая медленно ползла по траве к дому, представлялась единственной живой частью природы. Думаю, смена темы для раздумий была мне полезна, потому что, когда я вернулась в постель, я почувствовала, что меня одолевает сонливость.

Я лежала какое-то время спокойно, но все не могла заснуть, поэтому снова встала и опять выглянула в окно. Туман расстилался теперь около самого дома, и я видела, как он лежал у самых стен, точно подкрадывался к окнам. Несчастный Ренфилд шумел в своей комнате сильнее прежнего, и, хотя невозможно было различить ни единого слова в его разговоре, в звуках его голоса я улавливала странную угрозу в чей-то адрес. Затем я услышала шум борьбы и поняла, что служители борются с ним. Я очень испугалась, бросилась в кровать, натянула на голову одеяло и заткнула пальцами уши. Тогда мне нисколько не хотелось спать — так, по крайней мере, я думала,— но я, должно быть, тут же заснула, потому что не помню ничего, кроме снов, до самого утра, когда Джонатан разбудил меня. Мне пришлось сделать огромное усилие, и прошло некоторое время, пока я сообразила, где я и что надо мной наклонился Джонатан. Мне приснился очень страшный сон. Странно, что в нем необычным образом отразилось то, о чем я слышала и о чем думала в последнее время.

Мне казалось, я сплю и жду Джонатана. Я боялась за него, но была не в силах действовать, так как мои ноги, руки и мозг страшно отяжелели. Итак, я спала неспокойно и думала. Затем мне стало казаться, будто воздух тяжелый, сырой и холодный. Я откинула с лица одеяло и, к своему удивлению, увидела, что вокруг меня все было тускло. Газовый рожок, который я оставила гореть ради Джонатана, привернув его слегка, казался крошечной красной искрой в сплошном тумане, который, по-видимому, сделался гуще и пробрался в комнату. Тогда мне пришло в голову, что я не закрыла окно, перед тем как лечь спать. Я хотела подойти, чтобы удостовериться в этом, но какой-то свинцовый летаргический сон, казалось, сковал и тело, и волю. Я закрыла глаза, но видела сквозь веки. (Удивительно, какие шутки разыгрывают над нами сны и как мы можем, соответственно, фантазировать.) Туман становился все гуще и гуще, и я теперь знала, как он проникал в комнату, потому что видела его в виде дыма или паров кипятка, просачивавшихся не через окно, а через замочную скважину. Он делался все гуще, пока наконец не представился сконцентрированным, вроде облачного столба, сквозь вершину которого я могла разглядеть свет газового рожка, горевшего, как красный глаз. В голове у меня

все закружилось, а облачная колонна тоже кружилась по комнате, и вдруг во мне зазвучали слова Писания: «столп облачный днем, и столп огненный ночью». Может, это было духовное прозрение во сне? Но в этом столбе слились день и ночь, и огонь был заключен в красном глазу, который все сильней притягивал меня. И вдруг у меня на глазах пламя раздвоилось и засверкало, как мне показалось сквозь туман, двумя красными глазами, подобно тому, что мне рассказывала Люси в одну из наших совместных прогулок, когда на утесе заходящая заря осветила окна церкви Св. Марии. Я с ужасом сообразила, что Джонатан точно так же видел этих ужасных женщин, превращавшихся из кружащегося в лунном свете тумана в реальных существ, и, должно быть, во сне мне сделалось дурно, потому что все превратилось в беспросветный туман. Последним проблеском сознания было фантастическое видение багрово-белого лица, склонявшегося ко мне из тумана. Надо быть осторожной с подобными снами, потому что они могут повредить рассудку, если будут часто повторяться. Я бы могла попросить доктора Ван Хелсинга или Сьюарда прописать мне что-нибудь от бессонницы, но боюсь напугать их, в настоящее время они и так немало волнуются из-за меня. Постараюсь сегодня выспаться как следует. Если это не удастся, попрошу их дать мне хлорала; он не может причинить вред, если им не злоупотреблять, но даст мне хороший ночной сон. Прошлая ночь утомила меня сильнее, чем утомляет бессонница.

2 октября, 10 часов вечера.

В прошлую ночь я спала, но без снов. Я, должно быть, спала крепко, даже не проснулась, когда вернулся Джонатан; но сон не освежил меня, и сегодня я чувствую страшную слабость и упадок духа. Весь вчерашний день я лежала и дремала, изредка пытаясь читать. Днем мистер Ренфилд попросил разрешения меня видеть. Бедняга, он был очень кроток, а когда я уходила, поцеловал мою руку и призвал на меня Божье благословение. Меня это сильно тронуло, и я плачу, когда вспоминаю о нем. Новая слабость; Джонатан страшно огорчился бы, если б узнал, что я плакала. До обеда Джонатан и все остальные отсутствовали и вернулись усталыми. Я сделала все, что могла, чтобы подбодрить их, и, вероятно, мои старания принесли мне пользу: я

забыла о собственной усталости. После обеда они отослали меня спать, а сами пошли покурить, как сказали мне, но я-то знала, они хотели поделиться друг с другом своими дневными впечатлениями; я видела по поведению Джонатана, что он собирается сообщить нечто важное. Мне совсем не хотелось спать, поэтому я попросила доктора Сьюарда дать мне какое-нибудь снотворное, так как я плохо спала прошлую ночь. Он был настолько добр, что сам приготовил для меня порошок и велел принять, сказав, что это мне не повредит. Я приняла его и жду сна, которого все нет. Надеюсь, я не поступаю неправильно, ведь когда мною начинает овладевать сон, мною овладевает и чувство страха: мне начинает казаться, что я совершаю глупость, лишая себя возможности проснуться. У меня все время такое чувство, точно это может понадобиться... Но меня начинает клонить ко сну. Спокойной ночи.

Глава XX

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

1 октября, вечером.

Я застал Томаса Снеллинга у него дома в Бетнал-Грине, но, к несчастью, он был не в состоянии что-либо вспомнить. Перспектива выпить со мной кружку пива показалась столь привлекательной, что он слишком рано приступил к долгожданной пирушке. Все-таки я узнал от его жены, что он был только помощником Смоллета, который из них двоих был главным, так что я решил поехать в Уолворт. Мистера Джозефа Смоллета я застал дома. Он пил чай, одетый по-домашнему. Это очень скромный и умный малый, совершенный тип хорошего, добросовестного работника, очень притом толкового. Он ясно помнил весь эпизод с ящиками и, вынув откуда-то из штанов записную книжку — на страничках, углы которых загибались, оказались похожие на иероглифы полустершиеся карандашные пометки,— сообщил мне, куда доставлены ящики. Их было шесть, сказал он, на той повозке, которую он принял в Карфаксе и сдал в доме номер сто девяносто семь, Чиксенд-стрит, Мил-Энд-Нью-Таун, и кроме того, еще шесть штук, которые он сдал

по адресу: Джамайка-лейн, Бермондси. Если граф намеревался рассредоточить свои омерзительные укрытия по всему Лондону, эти два места наверняка были выбраны им как перевалочные пункты, чтобы позднее иметь возможность обосноваться более тщательно. Он действовал по определенной системе и, разумеется, двумя районами Лондона ограничиваться не собирался. Сейчас он обосновался на крайнем востоке северного берега, на востоке южного берега и на юге города. Вряд ли он не учел в своей дьявольской схеме север и запад, не говоря о Сити и самых фешенебельных районах Лондона на западе и юго-западе.

Я дал Смоллету полсоверена и спросил, брали ли еще ящики из Карфакса.

Он ответил:

— Вы были так добры ко мне, и я вам расскажу все, что знаю. Несколько дней тому назад я слышал, как некий Блоксем рассказывал, что он со своим помощником обделывал темное дельце в каком-то старом доме в Парфлите. Такие дела выпадают не столь часто, и, возможно, Сэм Блоксем вам расскажет кое-что интересное.

Я сказал, что если он достанет мне его адрес, то получит еще полсоверена. Тут он наскоро допил чай и встал, сказав, что пойдет разыскивать его повсюду. У дверей он остановился и сказал:

— Знаете, дяденька, вам нет никакого смысла тут оставаться. Скоро я найду Сэма или нет, сегодня, во всяком случае, он вам ничего не скажет. Сэм странноват, когда выпьет. Если вы дадите мне конверт с маркой и надпишете на нем свой адрес, я отыщу Сэма и напишу вам сегодня же вечером. Но вам придется отправиться к нему пораньше, иначе вы его не поймаете, так как Сэм встает очень рано и сразу уходит из дому, как бы ни был пьян вечером.

Я написал адрес, наклеил марку и, отдав конверт Смоллету, отправился домой. Как бы там ни было, а мы идем по следам. Я сегодня устал, и мне хочется спать. Мина крепко уснула, она что-то слишком бледна, и у нее такой вид, будто она плакала. Бедняжка, я убежден, ее терзает неведение, и она, должно быть, волнуется за меня и других. Но самое лучшее — так, как оно есть. В данном случае мне легче видеть ее разочарованной и обеспокоенной подобным образом, чем страдающей нервным

расстройством. Врачи были правы, предупреждая, чтобы ее не вовлекали в это ужасное предприятие. Я должен с твердостью хранить обет молчания. Никогда ни при каких обстоятельствах не стану говорить с ней на эту тему. Возможно, это и не столь уж трудно. С тех пор как мы объявили ей о своем решении, она сама избегает разговоров о графе и его делах.

2 октября, вечером.

Долгий, томительный, тревожный день. С первой же почтой я получил адресованное мне письмо, в конверт был вложен грязный клочок бумаги, на котором карандашом нетвердой рукой было написано:

«Сэм Блоксем, Коркранс, 4, Потерс-Корт, Бартел-стрит, Уолворт. Спросить перевозчика».

Письмо принесли, когда я еще лежал в постели, и я поднялся, не будя Мину. Она казалась усталой, сонной, бледной и не совсем здоровой. Я решил не будить ее, а, вернувшись после очередных поисков, отправить ее в Эксетер. Мне кажется, дома, занимаясь повседневными делами, она будет чувствовать себя лучше, чем здесь, среди нас, да еще пребывая в полном неведении, что происходит. Я встретил доктора Сьюарда и сообщил ему, куда иду, пообещав вскоре вернуться и рассказать ему и остальным, если что-нибудь разузнаю. Я поехал в Уолворт и с некоторыми затруднениями нашел Потерс-Корт. Когда я спросил человека, открывшего дверь, где живет перевозчик, то всего за полсоверена узнал, что мистер Блоксем, проспавшись после выпитого накануне в Коркрансе пива, уже в пять часов утра отправился на работу в Поплар. Человек этот не знал точно, где его искать, но он помнил, что это какой-то новый товарный склад. С такими жалкими сведениями я и отправился в Поплар. Было около двенадцати часов, когда, ничего не найдя, я зашел в кофейню, где обедали несколько рабочих. Один из них утверждал, что на Кросс-Энджел-стрит возводят новый холодный склад. Это вполне могло оказаться новым товарным складом. И я туда немедленно отправился. Беседа со сторожем и десятником — я наградил обоих звонкой монетой — навела меня на след Блоксема; я обещал ему уплатить его поденную плату, и он пошел к начальнику за разрешением побеседовать со мною. Он был довольно сообразительный малый, хотя грубоватый и в раз-

говоре, и в обхождении. Когда я дал ему задаток, пообещав заплатить за полученные сведения, он сказал, что дважды ездил из Карфакса в какой-то дом на Пиккадилли и отвез туда девять больших ящиков, «страшно тяжелых», на специально нанятой подводе. Я спросил его номер дома на Пиккадилли, на что он мне ответил:

— Номер-то, дяденька, я позабыл, но это всего в нескольких шагах от большой, недавно выстроенной белой церкви или чего-то вроде того. Дом старый и пыльный, хотя в сравнении с тем проклятым домом, откуда ящики взяты, это царский дворец.

— Как же вы попадали в эти дома, раз они пустые?

— В доме в Парфлите меня встретил старый господин, он и ящики помог мне поднять и поставить на подводу. Черт его подери, это самый здоровый парень, какого я встречал, а ведь старый, усы седые и такой тощий, что и тени не отбрасывал.

Его слова поразили меня как громом.

— Представляете, он поднял свой конец ящика с такой легкостью, точно фунтик чаю, когда я, задыхаясь и обливаясь потом, с трудом поднял свой, а ведь я тоже не цыпленок.

— Как же вы вошли в дом на Пиккадилли? — спросил я.

— А он и там был. Он, должно быть, вышел и пришел туда раньше. Сам открыл мне дверь и помог внести ящики в переднюю.

— Все девять? — спросил я.

— Да, на первой повозке пять, а на второй четыре. Тяжкий труд, и я даже не помню, как я домой попал.

— И что же, ящики вы оставили в передней?

— Да, большая передняя, совершенно пустая.

Я предпринял еще одну попытку разузнать, что происходило дальше.

— А никаких ключей у вас не было?

— Мне не нужно было ни ключей, ни чего другого. Старик сам открыл дверь и сам закрыл ее за мной, когда я перенес все на место. Точнее не помню — все это проклятое пиво!

— И не можете вспомнить номер дома?

— Нет, сэр, но вы и так легко его найдете. Такой высокий дом с каменным фасадом и аркой наверху и с высокими ступенями перед дверью. Ступени я хорошо помню, я по ним таскал

наверх ящики вместе с тремя бродягами, мечтавшими получить на чай. Старик дал им по шиллингу; они увидели, что им так много дают, и стали требовать еще больше, тогда старик схватил одного из них за плечо и хотел спустить его с лестницы, только тогда они и ушли ругаясь.

Я решил, что узнал достаточно, чтобы найти дом, и, заплатив своему приятелю за его сведения, поехал на Пиккадилли. Тут мне пришла в голову новая мысль: ведь граф сам мог убрать ящики. Если так, то время дорого, теперь он в достаточной степени рассредоточил ящики и, оставаясь незамеченным, в любое время способен выполнить свое намерение.

У площади Пиккадилли я отпустил свой кеб и пошел пешком. Недалеко от белой церкви я увидел дом, похожий на тот, что описывал Блоксем, и убедился — передо мной очередное логово Дракулы. У дома был такой запущенный вид, словно здесь давно никто не жил. Ставни были распахнуты, и окна покрыты толстым слоем пыли. Балки почернели от старости, а с железа облупилась краска. До недавнего времени на передней части балкона, по-видимому, располагалась большая доска для объявлений, но потом ее грубо сорвали, и сохранились только подпорки. За балконной решеткой я разглядел несколько досок с еще не потемневшими торцами. Я бы многое дал, чтобы увидеть эту доску объявлений целой: ведь она могла привести к владельцу дома. Мой опыт расследования в Карфаксе подсказывал, что, если отыскать прежнего владельца, возможно, найдутся и способы проникнуть в дом.

Сейчас на Пиккадилли мне больше нечего было делать, так что я обошел дом с обратной стороны, надеясь раздобыть какие-нибудь сведения в соседнем квартале. Там были извозчичьи дворы. Я порасспрашивал встретившихся мне конюхов и их помощников, не могут ли они что-нибудь рассказать о пустом доме. Один из них сказал, что слышал, будто дом недавно заняли, но неизвестно кто. Он сказал еще, что раньше тут висела доска с объявлением о продаже дома, и, может быть, «Митчел, сыновья и Кенди», агенты, которым была поручена продажа дома, что-нибудь и смогут сказать по этому поводу, так как, насколько ему помнится, он, кажется, видел название этой фирмы на объявлении. Я старался не показывать виду, что мне это очень важно; и затем, поблагодарив его и, как обычно, дав

полсоверена, я отправился дальше. Сгущались сумерки, близился осенний вечер, так что я не хотел терять времени. Разыскав адрес фирмы «Митчел, сыновья и Кенди» в адресной книге, я немедленно отправился в их контору на Секвилл-стрит.

Господин, встретивший меня, был невероятно любезен, но столь же и необщителен. Сказав мне, что дом на Пиккадилли продан, он считал вопрос исчерпанным. Когда я спросил, кто его купил, он широко раскрыл глаза и, немного помолчав, ответил:

— Он продан, сэр.

— Прошу прощения,— сказал я так же любезно,— но по чрезвычайно важным причинам мне необходимо знать, кто купил этот дом.

Он снова помолчал, затем, подняв брови еще выше, лаконично повторил:

— Он продан, сэр.

— Неужели вы больше ничего не скажете?

— Ничего,— ответил он.— Дела клиентов фирмы «Митчел, сыновья и Кенди» находятся в надежных руках.

Он меня как холодной водой окатил, и спорить с ним не было никакого смысла, так что, решив все же разойтись по-хорошему, я сказал:

— Счастливы клиенты, у которых такой хороший поверенный, столь ревностно стоящий на страже их интересов. Я сам юрист.— Тут я подал ему свою визитную карточку.— В данном случае я действую не из простого любопытства, а по поручению лорда Годалминга, желающего узнать кое-какие подробности относительно имущества, которое, насколько он понял, еще недавно предлагалось к продаже.

Эти слова изменили дело, и он ответил:

— Если бы я мог, то охотно оказал бы услугу вам, а в особенности его светлости. Мы выполняли его поручения и, между прочим, сняли для него несколько комнат, когда он еще был достопочтенным Артуром Холмвудом. Если хотите, оставьте его адрес, я проконсультируюсь с представителями фирмы по этому поводу и при любом решении напишу лорду сегодня же. Если возможно, я с удовольствием отступлю от наших правил и сообщу сведения, необходимые его светлости.

Мне нужно было заручиться другом, а не врагом, так что я дал ему адрес доктора Сьюарда и ушел. Было уже темно; я порядком устал и проголодался. В «Эйрейтид брэд компани» я выпил чашку чаю и следующим поездом поехал в Парфлит.

Все были дома. Мина выглядела усталой и бледной, но старалась казаться веселой и ласковой; мне было больно, что приходится от нее все скрывать и тем причинять ей беспокойство. Слава богу, это последняя ночь, когда она будет знать о наших совещаниях и чувствовать болезненные уколы из-за нашего недоверия. Мне потребовалась вся моя воля, чтобы вывести ее из-под удара. Кажется, она с этим уже примирилась, или, может быть, сам предмет наших усилий внушает ей отвращение, ибо, когда мы проговариваемся при ней о каких-то деталях дела, она содрогается. Я рад, что мы вовремя приняли наше решение, так как с подобными чувствами это было бы для нее пыткой.

Я не мог рассказать остальным о сегодняшнем открытии, пока Мина оставалась с нами. После обеда мы немного помузицировали, чтобы отвлечься от окружавшего нас ужаса, а затем я проводил Мину в спальню и попросил ее лечь спать. В этот вечер Мина была особенно ласкова и сердечна и ни за что не хотела меня отпускать, но мне следовало еще о многом переговорить с друзьями, и я ушел. Слава богу, наши отношения нисколько не изменились от того, что мы друг друга не во все посвящаем.

Вернувшись, я застал своих друзей у камина в кабинете. В поезде я все точно записал в дневник, так что мне пришлось только прочесть им запись; когда я кончил, Ван Хелсинг сказал:

— Немало, однако, вам пришлось потрудиться, дружище Джонатан. Но зато мы теперь почти наверняка напали на след пропавших ящиков. Если все они отыщутся в том доме, то и делу скоро конец. Но если части из них не окажется, придется снова отправляться на поиски, пока мы не найдем все ящики, после чего нам останется лишь одно — заставить негодяя умереть естественной смертью.

Все молчали, когда мистер Моррис вдруг спросил:

— Скажите, а как мы попадем в этот дом?

— Но ведь в первый мы попали,— быстро ответил лорд Годалминг.

— Нет, Артур, здесь большая разница. Мы взломали дом в Карфаксе, но ведь тогда мы находились под защитой ночи и обнесенного стеною парка. А на Пиккадилли будет гораздо труднее совершить взлом, безразлично, днем или ночью. Я не уверен, что нам удастся туда попасть, если только агент не достанет ключи; может быть, завтра мы получим от него письмо, тогда все разъяснится.

Лорд Годалминг насупился и мрачно зашагал по комнате. Затем, постепенно замедляя шаги, он остановился и, обращаясь к каждому из нас по очереди, сказал:

— У Квинси голова хорошо соображает. Взлом помещения — вещь слишком серьезная. Один раз все сошло великолепно, но в данном случае будет куда трудней, разве только мы найдем ключи от дома у графа.

Так как до утра мы ничего не могли предпринять и приходилось ждать письма от Митчела, мы решили устроить передышку до завтрака. Мы довольно долго сидели, курили, обсуждая проблему со всех сторон, и наконец разошлись. Я воспользовался случаем и записал все в дневнике. Ужасно хочется спать. Пойду лягу в кровать.

Еще несколько строк. Мина крепко спит, ровно дыша. Ее лоб слегка нахмурен, будто и во сне мысли не отпускают ее. Она немного бледна, но не выглядит уже такой изможденной, как сегодня утром. Завтрашний день все изменит, ей будет лучше дома, в Эксетере. Но как же я хочу спать!

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

1 октября.

Ренфилд меня опять беспокоит: его настроения так быстро меняются, что его положительно трудно понять. Не знаю даже, как это объяснить, и чувствую огромный интерес. Когда я вошел к нему сегодня утром, после того как он не принял Ван Хелсинга, у него был такой вид, точно он повелевал судьбами мира; и он действительно повелевал судьбами, но очень своеобразно. Его определенно не интересовало ничего на свете; он пребывал точно в тумане и глядел свысока на слабости и желания смертных. Я решил воспользоваться случаем и кое-что разузнать, а потому спросил:

— Как в этот раз насчет мух?

Он улыбнулся с чувством превосходства — улыбкой Мальволио — и ответил:

— У мух, любезный сэр, есть одна удивительная черта: в их крылышках заключена огромная духовная сила. Древние были правы, когда изображали душу в виде бабочки!

Мне захотелось, чтобы он развил аналогию, и я сказал быстро:

— А, значит, вы охотитесь за душой?

Его безумие победило рассудок, на лице появилось озадаченное выражение, потом с решительностью, которую я редко в нем замечал, он сказал:

— Нет-нет, мне не нужна душа. Жизнь — вот все, что мне нужно.— Тут лицо его просветлело.— В данный момент мне это совершенно безразлично. У меня есть все необходимое. Вам следовало бы подыскать другого пациента, если вы вознамерились изучать зоофагию.

Это меня слегка удивило. Я опять подступил к нему:

— Значит, вы имеете власть над жизнью, верно? Вы чувствуете себя Богом?

Он улыбнулся с явным превосходством:

— О нет, я далек от мысли равняться с Богом. Я даже не задумываюсь о Его духовных деяниях. Если говорить о моем образе мыслей, я определил бы его как земное воплощение духовного состояния Еноха.

Это оказалось для меня слишком трудным, я не смог сразу вспомнить, к чему тут упомянут Енох. Поэтому пришлось задать вопрос, хотя я и понимал, что теряю в глазах этого безумца.

— Почему — Енох?

— Потому что он вел чистую, религиозную жизнь.

Я не понял аналогии, но не захотел признаться в этом и вернулся к его прежним словам:

— Значит, вы не думаете о жизни и не покушаетесь на души. Но разве это так?

Я задал вопрос быстро и решительно, полагая застать его врасплох. И преуспел: он мгновенно вернулся к своей подобострастной манере, низко склонился передо мной и заискивающе ответил:

— Конечно, мне не нужны души, нет! Как бы я ими пользовался, что бы с ними делал? Я ведь не могу их съесть или...— Он

вдруг остановился, и обычное хитрое выражение мелькнуло на его лице, будто рябь прошла по воде.— А что касается жизни, доктор, то что это такое, в конце концов? Когда у вас появляется все, что вам угодно, и больше желать становится нечего, наступает конец. А у меня есть друзья, хорошие друзья, вроде вас, доктор Сьюард,— это было произнесено с непередаваемым лукавством,— и я знаю, у меня всегда будет то, что необходимо для жизни.

Полагаю, сквозь туман своего безумия он видел мое неприятие его идей и использовал единственный выход для людей его типа — замкнулся в полном молчании. Я понял, что пытаться продолжать с ним разговор бесполезно. Он обиженно надулся, и я предпочел покинуть его.

Позднее днем он сам прислал за мной. В иной раз я бы ни за что не пошел без особого повода, но сейчас он был так мне интересен, что я с удовольствием откликнулся. Кроме того, я рад, это поможет убить время. Харкера нет в доме, он занят своим расследованием; так же лорд Годалминг и Квинси; Ван Хелсинг сидит в моем кабинете, погруженный в записи, сделанные Харкером,— кажется, он считает, что если изучит мельчайшие детали, то найдет разгадку тайны. И он не любит, когда его отрывают от работы по пустякам. Я мог бы взять его с собой к больному, но он вряд ли ищет повторной встречи после неудачи с Ренфилдом. Была и еще одна причина: Ренфилд мог и не захотеть говорить откровенно в присутствии третьего лица.

Когда я вошел, он сидел на табурете посреди комнаты в той позе, которая у него означала крайнее умственное напряжение. Он немедленно задал вопрос, который, наверное, сильно его мучил:

— Так что же души?

Очевидно, мои предположения оправдались: подсознание продолжает работать даже у сумасшедших. Я решил выяснить все до конца.

— А что вы сами об этом думаете? — спросил я.

Он стал озираться по сторонам, будто ища вдохновения, и не сразу ответил.

— Мне не нужны души,— сказал он слабым, извиняющимся голосом.

Какая-то мысль терзала его, и я решил использовать это, быть «жестоким во благо». Поэтому я спросил:

— Вы любите живое, это именно то, что вам необходимо?

— Да! Но все хорошо, вам не следует волноваться.

— Однако,— заметил я,— как можно забрать жизнь, не забрав при этом и душу?

Вопрос озадачил его, а я поторопился развить свою мысль:

— Веселая жизнь начнется у вас, когда вы покинете клинику в сопровождении роящихся вокруг вас, щелкающих, жужжащих, мяукающих душ мух, пауков, птиц и кошек. Вы отняли у них жизнь, теперь вам придется иметь дело с их душами.

Это затронуло его воображение; он обхватил голову руками и крепко зажмурился, как маленький мальчик, которому намыливают голову. В этом было нечто патетическое и потому тронуло меня. Я также понял, что передо мной всего лишь ребенок, хоть и со взрослым грубоватым лицом, заросшим к тому же седой щетиной. Было ясно, что в его сознании происходит какая-то работа, и, зная, как тяжело ему справляться с мыслями, которые не были его собственными, я решил пройти этот путь вместе с ним. Главное — восстановить между нами доверие, и я сказал довольно громко, чтобы он услышал сквозь зажатые руками уши:

— Может, вам нужен еще сахар, чтобы приманить побольше мух?

Ренфилд сразу очнулся, покачал головой и со смехом сказал:

— Совсем немного! Несчастные создания эти мухи, в конце концов.

После паузы он добавил:

— Но я совсем не хочу, чтобы их души жужжали вокруг меня!

— Или души пауков,— сказал я.

— К черту пауков! Какой прок от пауков? В них совсем нечего есть или...— Он оборвал себя, будто вспомнив о каком-то запрете.

«Так-так,— подумал я.— Вот уже во второй раз он спотыкается о слово "пить". Что бы это значило?»

Ренфилд понял, что допустил оплошность, и торопливо заговорил, стараясь отвлечь мое внимание:

— Я не могу делать припасы, всяких там, как говорил Шекспир, «мышек, крыс и прочей живности» — я уже прошел через это. Пытаться отвлечь меня всякой мелочью, когда я вижу то,

что находится прямо передо мной,— все равно что заставлять человека поддевать на вилку отдельные молекулы!

— Понимаю,— сказал я.— Вы хотите чего-нибудь побольше, во что можно вонзить зубы. Что бы вы сказали о слоне на завтрак?

— Какие глупости вы говорите!

Он совсем пришел в себя, и я решил усилить давление.

— Интересно,— сказал я задумчиво,— на что похожа душа слона?

Я добился нужного эффекта: Ренфилд мгновенно растерял свою заносчивость и снова превратился в маленького ребенка.

— Мне не нужна душа слона и вообще никакая душа! — сказал он.

На мгновение он впал в уныние. Но внезапно вскочил на ноги, сверкая глазами и выказывая все признаки мозгового возбуждения.

— К черту вас с вашими душами! — закричал он.— Что вы надоедаете мне со своими душами! Неужели вы думаете, что мне мало своих забот и огорчений, чтобы еще и о душах думать!

Он был так враждебен, что я испугался, не пришло ли ему в голову опять напасть на меня. Я дунул в свисток. В то же мгновение он успокоился и сказал примирительно:

— Простите, доктор, я забылся. Вам не нужно звать на помощь. Мой ум в смятении, и я бываю раздражительным. Если б вы только знали, с чем мне пришлось столкнуться и какие заботы одолевают меня, вы простили бы и пожалели меня. Умоляю, не надевайте на меня смирительной рубашки. Я хочу думать, но я не могу думать, когда тело мое скована. Я уверен, что вы меня поймете!

Очевидно, он вполне овладел собой; поэтому, когда явились служители, я отослал их обратно. Ренфилд проводил их глазами, а когда дверь закрылась, мягко сказал:

— Доктор Сьюард, вы были внимательны ко мне. Поверьте, я очень вам благодарен.

Я решил оставить его и на том покинул палату.

Есть что-то в состоянии этого человека, что надлежит как следует проанализировать. Попробую привести наблюдения в порядок. Итак:

он остерегается употреблять слово «пить»;

боится думать о душе;

считает нормальным и впредь питаться «жизнями»;

презирает «малые» формы жизни, хотя и боится, что их души будут преследовать его.

По логике вещей все это указывает только на одно: он уверен, что он может, питаясь живыми существами, обрести какую-то иную, более высокую форму жизни. И боится последствий — мысли о душе тяготят его. Значит, его цель — человеческая жизнь? Но откуда его уверенность? Бог мой! Здесь чувствуется влияние графа, и неизвестно, какие еще ужасы он замыслил.

Позднее.

После обхода я пошел к Ван Хелсингу и рассказал ему о своих подозрениях. Он очень серьезно отнесся к моим словам и, подумав немного, попросил меня взять его с собой к Ренфилду. Когда мы вошли, то были поражены зрелищем: он снова рассыпал свой сахар; сонные осенние мухи жужжа влетали в комнату. Мы старались навести его на прежний разговор, но он не обращал на нас никакого внимания. Продолжая петь, будто нас совсем нет в комнате, он достал лист бумаги и смастерил записную книжку. Мы так и ушли ни с чем.

По-видимому, это действительно исключительный случай; надо будет сегодня тщательно следить за ним.

ПИСЬМО ФИРМЫ «МИТЧЕЛ, СЫНОВЬЯ И КЕНДИ» ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ

1 октября.

Ваша светлость!

Мы счастливы в любой момент пойти навстречу вашим желаниям. Из этого письма ваша светлость узнает, согласно его пожеланиям, переданным нам мистером Харкером, подробности о покупке и продаже дома № 347 на Пиккадилли. Продавцами были поверенные мистера Арчибальда Винтер-Саффилда. Покупатель — знатный иностранец граф де Виль, который произвел покупку лично, заплатив всю сумму наличными деньгами. Вот все, что нам известно.

Остаемся покорными слугами вашей светлости

«Митчел, сыновья и Кенди».

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

2 октября.

Вчера ночью я поставил человека в коридоре и велел следить за каждым звуком, исходящим из палаты Ренфилда; я приказал немедленно послать за мной, если произойдет что-нибудь странное. После того как миссис Харкер отправилась спать, мы долго еще обсуждали предпринятые нами шаги и открытия, сделанные в течение этого дня. Один лишь Харкер узнал кое-что новое, и мы надеемся, что его открытие окажется важным.

Перед сном я еще раз подошел к палате Ренфилда и посмотрел в дверной глазок. Он крепко спал; грудь его спокойно и ровно вздымалась и опускалась. Сегодня утром дежурный доложил мне, что вскоре после полуночи сон Ренфилда стал тревожным и пациент все время громко бормотал молитвы. Я спросил, все ли это. Он ответил, что больше ничего не слышал. Его ответ показался мне чем-то подозрительным, и я прямо спросил, не спал ли он на дежурстве. Вначале он это отрицал, но затем сознался, что немного вздремнул. Грустно, что никому нельзя доверять без того, чтобы самому за ним не следить.

Сегодня Харкер отправился продолжать свои поиски, а Артур и Квинси ищут лошадей. Годалминг говорит, что лошади всегда должны быть наготове, ибо, когда мы получим нужные сведения, будет слишком поздно искать их. Нам нужно стерилизовать всю привезенную землю между восходом и заходом солнца; таким образом, мы сможем напасть на графа, воспользовавшись его самой слабой стороной, и будем меньше рисковать жизнью. Ван Хелсинг пошел в Британский музей посмотреть кое-какие книги по старинной медицине.

В древности врачи обращали внимание на такие вещи, каких их последователи не признают, и профессор ищет средство против ведьм и бесов, которое нам впоследствии может пригодиться.

Порой мне кажется, что все мы сошли с ума и нас вылечит только смирительная рубашка.

Позднее.

Мы снова собрались; кажется, мы напали наконец на след, и завтрашняя работа, может быть, будет началом конца. Хотел бы я знать, имеет ли спокойствие Ренфилда что-нибудь общее с

этим. Его настроения так явно соотносились с действиями графа, что уничтожение этого чудовища может оказаться для него благом. Если бы мы имели хоть малейшее представление о том, что происходит у него в мозгу, мы получили бы важные данные. Теперь он, как видно, на время успокоился...

Так ли?.. Этот вой, кажется, раздался из его комнаты... Сторож влетел ко мне и сказал, что с Ренфилдом что-то случилось. Он слышал, как тот завыл, и, войдя в комнату, обнаружил его лежащим лицом вниз на полу в луже крови. Иду к нему.

Глава XXI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

3 октября.

Позвольте мне с точностью изложить, насколько я помню, все происшедшее со времени последней записи. Я придаю громадное значение тому, чтобы эти факты были зафиксированы с необыкновенной, прямо-таки педантичной точностью.

Когда я вошел в комнату Ренфилда, он лежал на полу на левом боку в луже яркой крови. Подойдя к нему, чтобы поднять его, я сразу заметил, что он получил тяжкие повреждения. Взглянув на голову, я увидел, что лицо его так разбито, словно Ренфилда колотили лицом об пол; действительно, лужа крови натекла из ран на лице. Служитель, стоявший на коленях рядом с телом, сказал, когда мы перевернули раненого:

— Мне кажется, у него сломан хребет. Смотрите, правая рука, нога и вся правая сторона лица парализованы.

Служитель совершенно не представлял, как это могло случиться. Он озадаченно хмурил брови, рассуждая вслух:

— Не пойму двух вещей. Он мог разбить себе лицо, если б бился головой об пол. Я видел, как делала это одна молодая женщина в Эверсфилдском сумасшедшем доме, прежде чем ее успели схватить. Думаю, он мог сломать хребет, свалившись с кровати, если с ним неожиданно случился опасный припадок. Но если б даже от этого зависело спасение моей души, я не сумел бы понять, как могло произойти и то и другое сразу. Если хребет у него сломан, он не мог биться головой об пол; а если

лицо разбито до того, как он свалился с кровати, на постели должны остаться пятна.

Я приказал ему:

— Бегите к доктору Ван Хелсингу и попросите его немедленно прийти сюда. Он мне нужен сейчас же.

Служитель убежал, и через несколько минут появился профессор в халате и туфлях. Увидев Ренфилда на полу, он проницательно взглянул на него, а затем обернулся ко мне. Полагаю, он по глазам прочел мои мысли, потому что спокойно сказал, очевидно имея в виду присутствие сторожа:

— Печальный случай! Потребуются весьма тщательный уход и большая забота. Я побуду с вами, но сперва оденусь. Подождите меня здесь, я вернусь через несколько минут.

Пациент хрипло дышал, видно было, что он испытывает невероятные страдания. Ван Хелсинг вернулся необычайно быстро с набором хирургических инструментов. Он, видимо, успел все обдумать и принял какое-то решение, потому что, не взглянув на пациента, шепнул мне:

— Отошлите служителя. Мы должны остаться с ним наедине к тому моменту, когда к нему вернется сознание после операции.

Я сказал:

— Пока довольно, Симмонс. Вы сделали все, что могли. Можете идти к себе, а доктор Ван Хелсинг приступит к операции. Дайте немедленно знать, если случится что-нибудь необычное.

Служитель удалился, а мы приступили к тщательному осмотру пациента. Раны на лице были неглубокими; опасным было повреждение черепа с правой стороны черепной коробки. Профессор задумался на минуту и сказал:

— Надо постараться уменьшить давление костей на мозг и привести его в нормальное состояние, насколько это возможно. Быстрота, с которой произошло излияние, указывает на опасный характер повреждения. Кажется, затронут весь двигательный аппарат. Кровоизлияние в мозг быстро усиливается, необходимо приступить к операции немедленно, иначе будет поздно.

Пока он говорил, раздался легкий стук в дверь. Я открыл и увидел в коридоре Артура и Квинси в пижамах и ночных туфлях; первый сказал:

— Я слышал, как ваш человек позвал доктора Ван Хелсинга и сообщил ему о печальном инциденте. Я разбудил Квинси, вернее сказать, позвал его, так как он не спал. Необычайные события происходят теперь слишком быстро, чтобы мы могли наслаждаться здоровым сном. Мне приходило в голову, что завтрашняя ночь все изменит. Мы должны смотреть в будущее гораздо внимательнее, нежели до сих пор. Можно нам войти?

Я молча кивнул и держал дверь открытой, пока они входили, затем снова запер ее. Когда Квинси увидел положение и состояние пациента и заметил страшную лужу на полу, он тихо спросил:

— Боже мой! Что с ним произошло? Бедняга, бедняга!

Я коротко рассказал ему о случившемся и объяснил, почему мы надеемся, что к пациенту вернется сознание после операции, во всяком случае на короткое время. Он сел на край постели рядом с Годалмингом. Что ж, будем ждать, пока не станет ясно, в каком месте надо делать трепанацию, чтобы удалить тромб. Несомненно, кровотечение усиливается.

Минуты нашего ожидания текли с ужасающей медлительностью. У меня замирало сердце, и я видел по лицу Ван Хелсинга, что и он немало волнуется относительно будущего. Я боялся тех слов, которые мог произнести Ренфилд. И определенно боялся думать; угнетало предчувствие того неотразимого бедствия, которое надвигалось на нас, как море в часы прилива. Бедняга Ренфилд дышал отрывисто, спазматически. Каждую минуту казалось, что он откроет глаза и заговорит, но снова звучало хриплое дыхание, и обморок делался все глубже. Как я ни привык к виду болезней и смерти, это ожидание все сильней действовало мне на нервы. Я почти слышал удары собственного сердца; кровь, приливавшая к вискам, отдавалась в моем мозгу как удары молота. Молчание делалось мучительным. Я поглядел на своих товарищей и по их пылающим лицам и влажным лбам понял, что они испытывают ту же муку. Наши нервы были взвинчены, словно вот-вот раздастся звон страшного колокола, который захватит нас врасплох.

Наконец настал момент, когда стало ясно, что пациент быстро слабеет; он мог умереть с минуты на минуту. Я посмот-

рел на профессора и увидел его пристальный взгляд, обращенный ко мне. Он сказал:

— Нельзя терять времени. От его слов зависит жизнь многих людей; я думал о том, пока стоял рядом. Быть может, ставкой здесь служат души. Мы сделаем трепанацию как раз над ухом.

Не сказав больше ни слова, он приступил к операции. Несколько минут дыхание оставалось хриплым. Затем последовал такой долгий вздох, что казалось, грудь должна распахнуться. Глаза Ренфилда вдруг открылись и уставились на нас с диким, бессмысленным выражением. Это продолжалось несколько минут; потом взгляд его смягчился, в нем отразилось приятное удивление, и вздох облегчения сорвался с губ. Он судорожно задвигался и сказал:

— Я буду спокоен, доктор. Велите им снять смирительную рубашку. Я видел страшный сон, и он так истощил мои силы, что я не могу сдвинуться с места. Что с моим лицом? Оно словно опухло и ужасно саднит.

Он хотел повернуть голову, но при этом усилии глаза его снова остекленели, и я тихонько поддержал его голову. Тогда Ван Хелсинг сказал спокойным, серьезным тоном:

— Расскажите нам ваш сон, мистер Ренфилд!

При звуках этого голоса на разбитом лице Ренфилда появилась радостная улыбка, и он ответил:

— Это доктор Ван Хелсинг? Как вы добры, что пришли сюда. Дайте воды, у меня губы пересохли; и я постараюсь рассказать вам. Мне снилось...— Он замолк, будто потерял сознание.

Я поспешно сказал Квинси:

— Бренди у меня в кабинете, быстрей!

Он убежал и скоро вернулся со стаканами и графинами бренди и воды. Мы смочили потрескавшиеся губы пациента, и он ожил. Но было очевидно, что его бедный поврежденный мозг работал в это время, потому что когда он совершенно пришел в себя, то пристально взглянул на меня с мучительным смятением, которого мне никогда не забыть, и сказал:

— Я не должен обманывать самого себя; это был не сон, а жестокая действительность.

Его взгляд блуждал по комнате; когда он остановился на двух фигурах, терпеливо сидевших на краю постели, Ренфилд продолжил:

— Если бы я не был в этом уверен, все равно понял бы по их присутствию.

На секунду его глаза закрылись — не от боли или сонливости, а по доброй воле, будто он хотел собрать свои мысли; когда он открыл глаза, то заговорил торопливо и более энергично, чем до сих пор.

— Скорее, доктор, скорее! Я умираю. Чувствую, что мне осталось жить всего несколько минут, и затем я снова вернусь к смерти... или к тому, что хуже смерти. Смочите опять мои губы бренди. Я должен сказать что-то прежде, чем умру, или прежде, чем замрет мой бедный убитый мозг... Благодарю вас... Это произошло ночью, после того как вы покинули меня, хотя я умолял вас меня выпустить. Я не мог тогда говорить, я чувствовал, что язык мой связан; но за исключением этого я был тогда так же здоров, как теперь. Я долго оставался в мучительном отчаянии, после того как вы оставили меня. Мне казалось, прошли целые годы. И вдруг неожиданный мир снизошел на меня. Мой мозг снова успокоился, и я понял, где я нахожусь. Я слышал, как лаяли собаки за нашим домом, но не там, где был *он*.

Ван Хелсинг ничем себя не выдал. Он только нашел мою руку и крепко сжал ее. Затем с легким кивком сказал:

— Рассказывайте дальше.

Ренфилд продолжал:

— Он подошел к окну в тумане, как я это часто видел и прежде; но на этот раз он был не духом, а человеком, и глаза его сверкали, словно он сердился. Я видел, как его красный рот злобно ухмылялся; острые белые зубы блестели при свете луны, когда он оглянулся на заросли деревьев, за которыми лаяли собаки. Поначалу я не хотел звать его, хотя знал, что ему хотелось войти ко мне, как и всегда. Тогда он соблазнил меня, пообещав множество вещей — не на словах только, но их создавая.

Его прервал профессор:

— Каким образом?

— Заставляя их возникать точно так же, как он создавал мух при свете солнца. Громадные, жирные мухи с крыльями, которые блистали сапфирами и сталью; а ночью — громадные бабочки с черепами и скрещенными костями на спинах.

Ван Хелсинг кивнул и пробормотал, обращаясь ко мне:

— Acherontia atropos — так называется бабочка «мертвая голова».

Больной продолжал говорить без остановки:

— Он начал шептать: крысы, крысы, крысы. Появились сотни, тысячи, миллионы крыс, все живые; и собаки, уничтожавшие их, и кошки. Все живые, с красной кровью, многолетней красной кровью; не простые, обыкновенные мухи... Я засмеялся над ним, потому что мне хотелось посмотреть, что он в состоянии сделать. Тогда завыли собаки за темными деревьями в его доме. Он подозвал меня к окну. Я встал и подошел, а он поднял руки и, казалось, призывал кого-то, не произнося ни единого звука. Темная масса насела на траву, появившись, словно огненное пламя; и когда он движением рук раздвинул туман вправо и влево, я увидел, что тут кишмя кишели тысячи крыс с такими же огненными красными глазами, и они все замерли: и мне казалось, что он говорит: «Все эти жизни я подарю тебе, и еще больше, на множество веков, если ты на коленях поклонишься мне». Красное облако цвета крови спустилось на мои глаза, и, прежде чем я сообразил, что делаю, я открыл окно и сказал ему: «Войдите, господин и учитель». Крысы исчезли, а он проскользнул в комнату сквозь окно, хотя я приоткрыл его всего лишь на дюйм,— подобно тому как луна проскальзывает сквозь малейшую щель,— и явился предо мной во всей своей красоте и величии.

Его голос делался все слабее, так что я снова смочил ему губы бренди, и он продолжал, но его память будто утомилась за это время, и, возобновляя рассказ, он шагнул далеко вперед. Я хотел остановить его, но Ван Хелсинг шепнул:

— Не мешайте, пусть продолжает. Не прерывайте его; он не может вернуться назад и, пожалуй, не сможет продолжить, если потеряет нить рассказа.

Ренфилд продолжал:

— Весь день я ждал вести от него, но он ничего не прислал мне, даже ни одной синей мухи, так что, когда взошла луна, я был порядочно зол на него. Когда он, даже не постучавшись предварительно, вновь проскользнул в окно, хотя оно и было закрыто, я был вне себя. Он издевался надо мной, и его бледное лицо проступало в тумане с красными, сверкающими глазами, и у него был такой вид, точно это место принадлежало ему, а я был ничто. И даже прежнего запаха не было от него, когда он

прошел мимо. Я не мог удержать его. Мне только показалось, будто в комнату вошла миссис Харкер.

Мужчины, сидевшие на постели, поднялись и встали позади Ренфилда, так что он не мог их видеть, зато они могли лучше слышать. Они молчали, но профессор вздрогнул; его лицо стало еще суровее. Ренфилд продолжал, ничего не заметив:

— Когда миссис Харкер пришла ко мне сегодня днем, она была не такая, как прежде; знаете, бывает чай, сильно разбавленный водой.

Тут мы пошевелились, но никто не сказал ни слова. Он продолжал:

— Я не догадывался, что она здесь, пока она не заговорила: она была не такая, как прежде. Мне не нравятся бледные люди; я люблю людей, в которых много крови, а ее кровь, казалось, вытекла. Я не думал об этом тогда; но, едва она ушла, я стал думать об этом, и меня сводила с ума мысль, что он отнимает у нее жизнь!

Я почувствовал, как все содрогнулись, содрогнулся и я; но мы молчали.

— Итак, когда он явился сегодня ночью, я был готов принять его. Я видел, как скользил туман, и я схватил его крепко. Я слышал, что сумасшедшие обладают сверхъестественной силой, а так как я знал, что временами я сумасшедший, то и решил использовать свою силу. И он тоже почувствовал это, потому что должен был выступить из тумана, чтобы бороться со мной. Я стойко держался; и я думал, будто начинаю одолевать, так как не хотел, чтобы он отнимал у нее жизнь, но, когда я увидел его глаза, они прожгли меня и моя сила стала подобна воде. Он осилил меня и, когда я цеплялся за него, поднял меня и бросил наземь. Красное облако застлало мне глаза, я услышал звук, подобный грому, и туман стал просачиваться под дверь.

Его голос делался все слабее, а дыхание становилось все более хриплым. Ван Хелсинг машинально выпрямился.

— Мы знаем теперь самое худшее,— сказал он.— Чудовище здесь, и нам известно, с какой целью. Может быть, еще не поздно. Вооружимся, как в ту ночь, но не будем терять времени, каждая секунда дорога.

Не надо было вовсе напоминать нам об этом, и без того мы понимали, в чем дело. Мы поспешили в свои комнаты за теми

предметами, с которыми ходили в дом графа. У профессора вещи были наготове, и, когда мы встретились с ним в коридоре, он сказал, многозначительно показывая на них:

— Эти вещи никогда не покидают меня и не покинут, пока это приключение не завершится. Будьте благоразумны, друзья мои. Мы имеем дело не с обыкновенным врагом. Увы! Увы! Подумать только, что дорогая мадам Мина должна страдать.

Он замолчал: у него перехватило дыхание. Я не отдавал себе отчета, что преобладало в моем сердце — бешенство или ужас.

У двери миссис Харкер мы остановились. Арт и Квинси стояли сзади, и Квинси промолвил:

— Неужели мы потревожим ее?

— Мы обязаны это сделать,— мрачно ответил Ван Хелсинг.— Если дверь заперта, я ее сломаю.

— Ведь это может страшно напугать ее. Не принято насильно врываться в комнату леди.

Ван Хелсинг жестко произнес:

— Вы, как всегда, правы, но тут речь о жизни и смерти. Все комнаты одинаковы для врача; даже если это и не всегда так, сегодня они таковы для меня. Джон, когда я поверну ручку и дверь не откроется, нажмите плечом изо всех сил; вы также, друзья мои. Ну...

Говоря это, он повернул ручку, но дверь не поддалась. Мы навалились, она с треском раскрылась, и мы чуть не влетели в комнату головой вперед. Профессор действительно упал, и, пока он поднимался с колен, я бросил взгляд поверх его головы. Меня ужаснуло то, что я увидел. Я почувствовал, как волосы встали у меня дыбом, а сердце остановилось.

Луна была такая яркая, что, несмотря на плотную желтую штору, в комнате было достаточно светло, чтобы видеть. Джонатан Харкер лежал на постели с воспаленным лицом и тяжело дышал, он был в оцепенении. У того края кровати, который был ближе к окну, виднелась стоящая на коленях фигура его жены в белом ночном одеянии. Около нее стоял высокий стройный мужчина в черном. Сначала его лица не было видно, но, как только мы получили возможность рассмотреть его, все узнали графа. В левой руке он держал обе кисти рук миссис Харкер, сильно оттянув их; его правая рука сжимала ее затылок, прижав ее лицо к своей груди. Ее белое ночное одеяние было перепачкано кровью, которая тонкой струйкой стекала по обнаженной груди мужчины, видневшейся сквозь разорванную одежду. Поза их страшным образом напоминала картину, когда ребенок тычет котенка носом в блюдце с молоком, заставляя его пить. Когда мы ворвались в комнату, граф обернулся, и адский взор, который мне так часто описывали, мелькнул перед нами. Его глаза пылали дьявольской страстью; широкие ноздри бледного орлиного носа раздувались и трепетали, а острые белые зубы за толстыми губами окровавленного рта щелкали, как зубы дикого зверя. Отбросив сильным толчком свою жертву, которая упала на постель, словно сброшенная с высоты, он повернулся и бросился на нас. Но к этому времени профессор был уже на ногах и держал перед собой освященную облатку. Граф вдруг остановился точно так же, как остановилась бедняжка Люси у могилы, и попятился назад. Все дальше и дальше пятился он, когда мы, подняв наши распятия, начали наступать. Луна внезапно скрылась за черной тучей, повисшей в небе; и, когда вспыхнул газ, зажженный Квинси, мы увидели лишь легкий туман. Этот туман пополз под дверь, которая, после того как мы ворвались через нее, с размаху отскочила от стены и захлопнулась сама по себе. Ван Хелсинг, Арт и я бросились к миссис Харкер, которая в этот момент глубоко вздохнула и крикнула столь дико, пронзительно и отчаянно, что, кажется, этот крик будет звенеть в ушах до самого дня моей смерти. Несколько секунд она продолжала лежать беспомощно, не обращая внимания на беспорядок в своей одежде. Ее лицо было страшно, и бледность подчеркивали кровавые пятна на ее губах, щеках и подбородке; с шеи у нее стекала тонкая струйка крови. В глазах ее был безумный ужас. Она приложила к лицу свои бедные полураздавленные руки, на которых пунцовыми пятнами проступали следы страшного графского пожатия; затем мы услышали тихий, жалобный плач, который потряс нас не меньше, чем ее страшный крик, который был лишь первым проявлением проснувшегося сознания. Ван Хелсинг подошел к кровати и прикрыл ее одеялом, между тем как Арт, с минуту поглядев в отчаянии на ее лицо, выбежал из комнаты. Ван Хелсинг шепнул мне:

— Джонатан находится в состоянии оцепенения, которое, как нам известно, может вызывать вампир. Мы ничем не мо-

жем помочь бедной мадам Мине, пока она не придет в себя; я должен разбудить его.

Он намочил кончик полотенца холодной водой и стал тереть его лицо; жена же его продолжала закрывать лицо руками, рыдая так, что сердца у нас разрывались. Я поднял штору и поглядел в окно. Полянка была залита лунным светом, и я увидел, как Квинси Моррис пробежал по ней и исчез за стволом большого тиса. Меня удивило, зачем он это делает, но в эту минуту мое внимание было привлечено коротким восклицанием Харкера, который почти пришел в себя и повернулся в постели. На его лице, как и следовало ожидать, была написана растерянность. Несколько секунд он пробыл в полубессознательном состоянии, затем к нему разом вдруг вернулось сознание, и он задрожал. Его жена услышала это быстрое движение и простерла к нему руки как бы для того, чтобы обнять его; однако она тотчас же отдернула их и, закрыв руками лицо, забилась, точно в приступе сильнейшей лихорадки.

— Ради бога, что это значит? — воскликнул Харкер.— Доктор Сьюард, доктор Ван Хелсинг, что это такое? Что произошло? Какое несчастье? Мина, дорогая, что случилось? Откуда эта кровь? Боже мой! Боже мой! Неужели дошло до этого! — И, приподнявшись, он вытянул руки в мольбе.— Боже милосердный, помоги нам, помоги ей! О, помоги ей!

Одним рывком он спрыгнул с постели и стал одеваться; в нем пробудился мужчина с его потребностью немедленного действия.

— Что случилось? Расскажите мне все! — воскликнул он после паузы.— Доктор Ван Хелсинг, вы, я знаю, любите Мину. О, спасите ее как-нибудь! Это не могло зайти слишком далеко! Охраняйте ее, пока я побегу искать его.

Его жена в своем страхе, ужасе и горе почувствовала грозившую ему опасность; тотчас же позабыв свое собственное горе, она обняла его и закричала:

— Нет! Нет! Джонатан, ты не должен оставлять меня! Я так настрадалась сегодня ночью, что не в силах буду пережить новые страхи. Ты должен остаться со мной. Оставайся с нашими друзьями, которые побережут тебя!

Когда она говорила, ее лицо выражало безумие; он уступил ей, и она страстно к нему прижалась.

Ван Хелсинг и я старались успокоить их обоих. Профессор поднял свое маленькое золотое распятие и произнес с удивительным спокойствием:

— Не бойтесь, дорогая. Мы здесь; и пока вот это возле вас, нечистое не может приблизиться. Вы в безопасности на сегодня; а мы должны сохранять спокойствие и посоветоваться, что нам делать дальше.

Миссис Харкер задрожала и умолкла, опустив голову на грудь мужа. Когда она подняла голову, его белая ночная одежда была запятнана кровью там, где прикоснулись ее губы и куда скатились капли из маленькой ранки на шее. Едва увидев это, она отодвинулась с тихим плачем и прошептала, заглушая рыдания:

— Нечистая, нечистая! Я не должна больше прикасаться к нему или целовать его! О, откуда этот ужас! Ведь теперь я его злейший враг, прикосновения которого он имеет полное основание бояться!

На это он ответил решительным тоном:

— Глупости, Мина! Мне стыдно слышать подобные слова. Я не желаю слышать этого от тебя и не стану. Да осудит меня Господь по делам моим, да накажет меня еще более горьким страданием, чем нынешнее, если когда-либо по моей вине или воле что-нибудь встанет между нами!

Он раскрыл объятия и прижал ее к своей груди; и она оставалась так некоторое время, тяжело вздыхая. Он глядел на нас поверх ее опущенной головы грустными, полными слез глазами; на губах его мелькала горькая усмешка. Постепенно ее вздохи стали реже и слабее; тогда он сказал мне с вынужденным спокойствием, которое, как я почувствовал, давалось ему с большим трудом и страшно напрягало его нервы:

— А теперь, доктор Сьюард, расскажите мне подробно обо всем, что произошло. Я слишком хорошо знаю суть; расскажите мне подробности.

Я точно передал ему все случившееся, и он слушал с кажущимся бесстрастием; однако ноздри его вздрагивали, а глаза засверкали, когда я рассказал, как безжалостные руки графа удерживали его жену в том ужасном положении, со ртом, прижатым к открытой ране на его груди. Даже в ту минуту меня

поразило, что, хотя его бледное лицо над склоненной головой жены исказилось, руки его продолжали нежно, с любовью гладить ее растрепавшиеся волосы. Как только я кончил рассказ, Квинси и Годалминг постучали в дверь и вошли, получив разрешение. Ван Хелсинг вопросительно поглядел на меня. Он как бы спрашивал, воспользоваться ли нам их приходом, чтобы отвлечь мысли несчастных супругов; после моего утвердительного кивка он спросил, что они видели и слышали. Лорд Годалминг ответил:

— Я не нашел его ни в коридоре, ни в одной из комнат. Я заглянул в кабинет, но он уже ушел оттуда, хотя и побывал там. Однако...

Он вдруг замолчал, глядя на поникшую фигуру, сидевшую на постели. Ван Хелсинг торжественно произнес:

— Продолжайте, дружище Артур. Теперь в тайнах больше нет нужды. Наша надежда на то, что мы все будем знать всё. Говорите свободно.

Артур продолжал:

— Он побывал там и, хотя провел там всего несколько секунд, успел все уничтожить. Рукописи сожжены — голубые огоньки еще вспыхивали среди белой золы; валики от вашего фонографа тоже брошены в огонь, и воск помог пламени.

Тут я прервал его:

— Слава богу, у нас есть копия в несгораемом шкафу.

Лицо Артура посветлело на минуту, но потом снова омрачилось. Он продолжал:

— Я сбежал вниз, но не нашел даже его следов. Я заглянул в комнату Ренфилда; там тоже никаких следов, кроме...

Он снова замолчал.

— Продолжайте,— хрипло сказал Харкер.

Тот опустил голову и, облизав кончиком языка губы, добавил:

— Кроме того, что бедняга умер!

Миссис Харкер подняла голову и, обведя всех нас взглядом, торжественно произнесла:

— Да исполнится Божья воля!

Мне казалось, Арт что-то скрывает; но так как я подумал, что это сделано с определенной целью, то ничего не сказал. Ван Хелсинг обратился к Моррису:

— А вы, друг Квинси, имеете что-нибудь сообщить?

— Не много,— ответил тот.— Возможно, случайность, но я не могу этого сказать с уверенностью. Мне казалось нелишним узнать, куда направился граф, когда покинул дом. Я не нашел его, но я видел, как летучая мышь вылетела из окна Ренфилда и полетела на запад. Я ожидал, что он вернется в каком-нибудь виде в Карфакс, но, очевидно, он отыскал другую берлогу. Он и не вернется сегодня ночью: небо уже заалело на востоке, и рассвет близок. Мы должны действовать завтра.

Последние слова он произнес сквозь стиснутые зубы. Минуты две длилось молчание, и мне казалось, что я слышу удары наших сердец; затем Ван Хелсинг сказал очень нежно, положив руку на голову миссис Харкер:

— А теперь, мадам Мина, бедная, дорогая мадам Мина, расскажите нам подробно, что случилось. Видит бог, я не желаю расстраивать вас; но нам необходимо все знать. Теперь более, чем когда-либо, следует действовать быстро и решительно. Близится день, когда все должно закончиться, если это возможно; а теперь есть шансы на то, что мы останемся в живых и узнаем его тайну.

Бедная, милая мадам Мина задрожала, и я заметил, как напряжены ее нервы, когда она сильнее прижала к себе своего мужа, все ниже и ниже опуская голову ему на грудь. Затем она гордо подняла голову и протянула Ван Хелсингу руку, которую тот, почтительно поклонившись, поцеловал; другую руку сжимал муж, обняв ее за плечи. После паузы, во время которой она, по-видимому, собиралась с силами, она заговорила:

— Я приняла снотворное, которое вы так любезно мне дали, но оно долго не действовало. Бессонница была как будто сильнее лекарства, и мириады страшных мыслей кружились в моей голове... связанные со смертью и вампирами, с кровью, болью и горем!

Ее муж невольно простонал, когда она обернулась к нему и любовно сказала:

— Не тревожься, дорогой! Ты должен быть смелым и твердым и помочь мне перенести страшное испытание. Если бы ты только знал, как трудно мне рассказывать об этом ужасе, ты бы понял, насколько мне нужна ваша общая помощь. Ну, я поня-

ла, что моя воля должна помочь лекарству, раз оно полезно для меня, и решила заснуть во что бы то ни стало. После этого сон, должно быть, скоро пришел, потому что я не помню больше ничего. Приход Джонатана не разбудил меня, ибо, когда ко мне вернулась память, он уже лежал возле меня. В комнате был тот самый легкий, белый туман, который я прежде замечала. Я не помню, известно ли это вам; вы найдете заметку об этом в моем дневнике, который я покажу потом. Я почувствовала тот же смутный страх, охватывавший меня и раньше, и то же ощущение чужого присутствия. Я повернулась, чтобы разбудить Джонатана, но он спал так крепко, точно это он принял снотворное, а не я. Как ни старалась, я не могла разбудить его. Это сильно меня напугало, и я в ужасе огляделась. Сердце мое замерло: у постели стоял высокий стройный мужчина в черном, словно он выступил из тумана или, вернее, словно туман превратился в его фигуру. Я сейчас же узнала его по описаниям других. Восковое лицо, резкий, орлиный нос, на который свет падал тонкой белой линией, приоткрытые красные губы с острыми белыми зубами между ними и красные глаза, какие, насколько мне помнится, я видела при закате солнца в окнах церкви Св. Марии в Уитби. Я узнала даже красный шрам на его лбу, след от удара Джонатана. С минуту мое сердце не билось; я бы закричала, но я была точно парализована. Он заговорил резким, язвительным шепотом, показывая на Джонатана: «Молчать! Если вы издадите хоть один звук, я схвачу его и вытащу из него мозг на ваших же глазах». Я была поражена и слишком испугана, чтобы действовать или говорить. Он с насмешливой улыбкой положил руку мне на плечо и, крепко держа меня, обнажил другой рукой мое горло, говоря при этом: «Сначала легкое прохладительное в награду за мои труды. Пора вам привыкнуть; не в первый и не во второй раз ваши жилы утоляют мою жажду». Я была растеряна и, что довольно странно, не желала препятствовать ему. Я думаю, это следствие того проклятия, которое возникает после того, как он прикоснулся к своей жертве. О Боже мой, Боже, сжалься надо мной! Он прикоснулся своими ужасными губами к моему горлу.

Ее муж снова застонал. Она сильнее сжала его руку и, с состраданием глядя на него, будто это он жертва, продолжала:

— Я чувствовала, как силы меня покидали, и впала в полуобморочное состояние. Как долго продолжался этот ужас, не знаю; но мне казалось, что прошло много времени, прежде чем он убрал от моего горла свой безобразный, ухмыляющийся рот. Я видела, как с него капала свежая красная кровь...

Воспоминание, казалось, на время лишило ее сил, она поникла и упала бы, если бы ее не поддерживала рука мужа. Усилием воли она овладела собой и продолжала:

— Затем он стал издеваться надо мной: «Итак, вы, подобно другим, хотите бороться со мной. Вы желаете помочь этим людям поймать меня и помешать мне исполнить задуманное. Вы знаете теперь и они тоже знают отчасти и скоро узнают вполне, что значит встать мне поперек дороги. Им следовало бы беречь свою энергию для самозащиты. В то время как они действовали хитростью против меня — меня, который властвовал над народами и повелевал ими, когда ваших друзей не было еще на свете,— я разрушал все их планы. И вы, самая дорогая для них, вы сделались плотью от моей плоти, кровью от моей крови; родная мне, мой живительный источник на время, вы будете потом моим товарищем и помощником. Вы будете отмщены; ведь никто из них не окажет вам помощи. Но пока вы должны быть наказаны за то, что вы сделали. Вы помогали вредить мне — теперь вы будете являться на мой зов. Когда мой мозг прикажет "приди", вы поспешите через моря и земли на мой зов; для этой цели я сделаю вот что». Он распахнул при этом рубашку и длинными ногтями вскрыл жилу на своей груди; когда кровь брызнула, он крепко зажал в одну руку обе мои руки, другой рукой схватил меня за шею и прижал мой рот к ране, так что я должна была задохнуться или проглотить немного... О Боже мой, Боже мой, что я сделала? Что сделала я такого, чтобы заслужить этот ужас? Ведь я всегда старалась быть кроткой и честной. Господи, смилуйся надо мной! Сжалься над бедной душой, которой грозит более чем смертельная опасность; яви милосердие и пожалей тех, кому я дорога!

Затем она стала тереть губы, как бы желая очистить их от осквернения.

Пока она рассказывала свою страшную историю, восток алел и делался все светлее. Харкер был молчалив и спокоен; но

на его лицо, по мере того как продолжался страшный рассказ, надвинулась серая тень, которая все более и более темнела при утреннем свете, и, когда блеснула красная полоска утренней зари, лицо казалось совсем темным под побелевшими волосами...

Мы решили, что один из нас должен оставаться поблизости от несчастных супругов до тех пор, пока нам можно будет собраться и обсудить дальнейшие действия.

В одном я уверен: на своем дневном пути солнце не встретит сегодня более несчастного дома.

Глава XXII

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

3 октября.

Я пишу эти строки, потому что должен что-нибудь делать, не то сойду с ума. Только что пробило шесть, и мы через полчаса должны собраться в кабинете и позавтракать, так как доктор Ван Хелсинг и доктор Сьюард решили, что если мы будем голодны, то не сможем исполнить наш план. Да, сегодня наши силы будут страшно напряжены. Я должен писать во что бы то ни стало, потому что не могу думать.

Я должен описать не только основные факты, но и каждую мелочь. Быть может, эти-то самые мелочи и объяснят нам все скорее, чем основные факты. Знание прошлого не может ухудшить моего положения или положения Мины.

Но мы должны верить и надеяться. Бедная Мина сейчас, рыдая, сказала мне, что вера проверяется невзгодами и лишениями и что мы не должны ее терять, тогда Господь в конце концов не отвернется от нас. В конце концов! О господи! Какой же суждён конец?.. К делу! К делу!

Когда доктор Ван Хелсинг и доктор Сьюард, осмотрев беднягу Ренфилда, вернулись, мы стали решать, как действовать дальше. Доктор Сьюард рассказал, что, когда они с доктором Ван Хелсингом спустились вниз, они увидели Ренфилда, распростертого на полу. Лицо его было все в кровоподтеках, а шейные позвонки сломаны.

Доктор Сьюард справился у служителя, который дежурил ночью, слышал ли тот что-нибудь. Тот признался, что задремал и проснулся, услышав в комнате громкие голоса, а затем Ренфилд воскликнул: «Боже! Боже мой!», после чего как будто что-то упало, и когда служитель вошел в комнату, то увидел Ренфилда, лежащего ничком на полу как раз в той позе, в которой увидели его господа врачи. На вопрос Ван Хелсинга, слышал ли он один голос или несколько голосов, точно ответить не смог; сначала ему показалось, что голосов было два, но, так как в палате никого больше не оказалось, возможно, голос был только один. Он мог поклясться, что слово «Боже!» было произнесено пациентом. Доктор Сьюард, когда мы остались одни, сказал, что не хочет широко обсуждать случившееся и, ввиду возможного расследования, не нужно раскрывать правду, так как этому никто не поверит. Он счел возможным на основании показаний служителя написать свидетельство о смерти, последовавшей вследствие падения с кровати. Расследование может быть проведено по настоянию коронера, но и тогда они, по-видимому, придут к тем же выводам.

Перед тем как приступить к обсуждению наших дальнейших действий, мы решили, что Мина должна быть в курсе дела, что ни одно происшествие, сколь бы страшно оно ни было, не должно быть скрыто от нее. Она с нами согласилась. Но как же было тяжело смотреть на нее, такую храбрую и в то же время такую печальную, исполненную отчаяния.

— Отныне мы ничего не должны скрывать друг от друга,— сказала она,— к сожалению, мы слишком много скрывали. И кроме того, я не думаю, чтобы что-нибудь могло причинить мне бóльшие страдания, чем те, которые я испытала и которые я сейчас испытываю. Что бы ни случилось, это должно придать мне новое мужество, возбудить новую надежду.

Пока она говорила, Ван Хелсинг пристально смотрел на нее, а затем произнес спокойным голосом:

— Дорогая мадам Мина, разве вы не боитесь не только за себя, но и за других после всего, что произошло?

Лицо ее опечалилось, но глаза сияли, как у мученицы, и она ответила:

— Ах нет! Потому что я готова на все!

— На что? — спросил он ласково, тогда как все мы сидели молча, потому что каждый из нас имел смутное представление о том, что она подразумевала.

Ответ ее отличался прямолинейной простотой, будто она констатировала самый обыденный факт:

— Потому что, как только увижу, что причиняю горе тому, кого люблю,— и буду зорко за этим следить,— я умру.

— Неужели вы хотите покончить с собою? — спросил он хриплым голосом.

— Да, я сделала бы это, если бы у меня не было друга, который меня любит и который избавит от такого горя, такого отчаянного поступка.

Она бросила на него многозначительный взгляд. Когда она закончила, он встал, положил ей на голову руку и произнес торжественным тоном:

— Дитя мое, если это вам может помочь, имейте в виду, что такой друг у вас есть. И если бы в том была необходимость, я сам нашел бы для вас средство без страдания покинуть этот мир. Но, дитя мое, здесь есть несколько человек, которые встанут между вами и смертью. Вы не должны умереть. Вы не должны пасть ни от чьей руки, а меньше всего от вашей собственной. Пока еще не мертв тот, кто исковеркал вашу счастливую жизнь, вы не должны умирать: пока он все еще обладает своим лукавым бессмертием, ваша смерть сделает вас подобной ему... Нет, вы обязаны жить! Вы обязаны бороться и стараться жить, хотя бы смерть казалась вам невыразимым благодеянием. Вы должны бороться с самою смертью, придет ли она к вам в момент печали или радости, ночью или днем, в безопасности или в опасности! Итак, ради спасения вашей души вы не должны умереть — и не должны даже думать о смерти, пока не пройдет это ужасное несчастье.

Моя бедная Мина побледнела как смерть и задрожала всем телом. Мы все молчали, не будучи в состоянии помочь ей чем-нибудь. Наконец она успокоилась и, обратившись к нему, сказала необыкновенно ласково, но вместе с тем и печально, протягивая вперед руку:

— Даю вам слово, доротой друг, что, если Господь оставит меня в живых, я постараюсь поступать так, как вы советуете, пока не освобожусь от ужаса.

Она была так прекрасна, так смела, что в то мгновение мы почувствовали, как наши сердца переполняет решимость, желание помочь ей во что бы то ни стало.

Затем мы приступили к выработке плана действий. Я сообщил ей, что ее обязанностью будет хранение всех бумаг, дневников и валиков фонографа, которыми мы впоследствии, быть может, воспользуемся,— словом, что она будет заведовать нашим архивом, как она и делала до сих пор. Она с радостью приняла предложение, если только радость может сопутствовать такому мрачному мероприятию.

Ван Хелсинг, как обычно, все предусмотрел и был готов определить каждому его участок работы.

— Быть может, к лучшему,— сказал он,— что на нашем совещании после посещения Карфакса мы решили оставить в покое ящики, зарытые там. Если бы мы поступили иначе, граф узнал бы о нашем намерении и, без сомнения, принял бы меры, чтобы с другими убежищами нам это сделать не удалось; теперь же он ничего не знает о наших планах. По всей видимости, он не знает и того, что мы можем обезвредить его укрытия, чтобы он не мог ими больше пользоваться. Мы уже так много знаем об их расположении, что, обыскав его дом на Пиккадилли, должно быть, найдем последнее. Сегодняшний день в нашем распоряжении: сегодня наш план должен быть окончательно приведен в исполнение. Восходящее солнце осветило нашу печаль: оно будет нас сегодня охранять. Прежде чем оно зайдет, чудовище должно быть побеждено, в кого бы оно ни превратилось. Днем оно связано со своей земной оболочкой. Оно не может растаять в воздухе, не может пройти сквозь замочные скважины и щели. Если оно хочет пройти через дверь, оно должно ее открыть, как и всякий смертный. Итак, сегодня нам надо отыскать все его убежища и обезвредить их. Если же нам не удастся схватить его и уничтожить, мы должны его загнать в такое место, где могли бы впоследствии наверняка стереть с лица земли.

Тут я вскочил, не будучи в состоянии сдерживаться при мысли, что, пока мы даром тратим время на разговоры, уходят драгоценные минуты, от которых зависят жизнь и счастье Мины. Но Ван Хелсинг, предостерегая, поднял руку и сказал:

— Нет, любезнейший Джонатан, не забывайте старой истины: спешить надо медленно. Мы все будем действовать, и

действовать сообща, притом с необыкновенной быстротой, когда настанет время. Полагаю, ключ к тайне находится в доме на Пиккадилли. Граф, наверное, приобрел для себя несколько домов. Он там хранил, конечно, документы, удостоверяющие покупку, ключи и прочие вещи. У него там имеется бумага, на которой он пишет, и чековая книжка. Там у него много нужных предметов, потому что этот дом он может посещать спокойно в любое время, не привлекая к себе внимания среди огромной толпы, движущейся по этой улице. Мы отправимся туда сейчас и обыщем дом; когда мы узнаем, что в нем заключено, тогда и начнем, по выражению нашего общего друга Артура, гнать лису. Согласны?

— Так пойдем немедленно! — закричал я.— Мы ведь даром теряем драгоценное время.

Профессор не двинулся с места и спокойно сказал:

— А каким образом вы думаете проникнуть в дом на Пиккадилли?

— Все равно! — воскликнул я в ответ.— Если окажется нужным, мы вломимся силой.

— А про полицию вы забыли? Что она скажет по этому поводу?

Я был поражен, но понял, что если он откладывает поход, то имеет к тому веские основания. Поэтому я ответил как можно спокойней:

— Не медлите больше, чем надо. Надеюсь, вы сами знаете, какие страшные мучения я испытываю.

— Да, дитя мое, знаю и вовсе не хочу увеличивать ваших страданий. Но надо хорошенько обдумать то, что мы, в сущности, можем сделать, пока все еще на ногах. Настанет и наше время. Я долго раздумывал и решил наконец, что простейший путь будет в то же время и самым лучшим. Мы желаем войти в дом, но у нас нет ключа, не так ли?

Я молча кивнул головой.

— Теперь представьте себе, что вы хозяин дома и не можете в него попасть; что бы вы сделали, чтобы не походить на взломщика?

— Я пригласил бы слесаря и приказал ему открыть дверь.

— И неужели полиция не помешает вам?

— О нет! Если она знает, что слесаря пригласил хозяин.

— Значит, по вашему мнению,— сказал он, пристально глядя на меня,— недоразумение может быть только в том случае, если слесарь или полиция усомнятся, имеют ли дело с настоящим владельцем или нет. Ваши полицейские, должно быть, очень старательные и способные — настолько способные, что читают в сердцах людей. Нет, нет, дорогой Джонатан, вы можете пробраться в сотню пустых домов Лондона или какого-нибудь другого города, и если вы поступите умно и притом будете действовать в подходящее время, то никто и не подумает помешать вам. Я читал об одном джентльмене, у которого был прекрасный дом в Лондоне. Однажды, когда он отправился на лето в Швейцарию, какой-то мошенник пробрался в дом через окно с задней стороны. Затем он открыл ставни на окнах, выходящих на улицу, и с тех пор прямо на глазах у полиции стал пользоваться парадным входом. Затем, широко оповестив публику, устроил в доме аукцион и продал все вещи домовладельца. Затем он обратился в строительную фирму и продал ей этот дом при условии, что дом снесут и место расчистят. Ваша полиция и власти помогали ему как могли. Когда же настоящий владелец вернулся из Швейцарии, там, где раньше был дом, он обнаружил пустое место. Все это было сделано en règle*. И мы в своей работе тоже будем действовать en règle. Мы не пойдем настолько рано, что полицейскому это покажется подозрительным; мы отправимся после десяти часов, когда на улице множество людей, и все будут думать, что мы на самом деле хозяева дома.

Я вполне согласился с ним, и лицо Мины утратило прежнее выражение отчаяния: его совет пробудил в нас надежду. Ван Хелсинг продолжал:

— Очутившись в доме, мы отыщем нити, ведущие к разгадке тайны. Кто-то из нас может остаться там на всякий случай, остальные же отправятся в другие места — Бермондси и Мил-Энд, разыскивать остальные ящики.

Лорд Годалминг вскочил.

---

* Последовательно *(фр.)*.

— Я могу немного помочь вам,— сказал он.— Я сейчас протелеграфирую моим людям, чтобы они в определенных местах держали наготове экипажи и лошадей.

— Послушайте, дружище! — воскликнул Моррис.— Вас осенила блестящая мысль, потому что нам, пожалуй, и в самом деле придется ехать на лошадях; но разве вы не боитесь, что ваши экипажи, украшенные фамильным гербом, обратят на себя слишком большое внимание на проселочных дорогах Уолворта или Мил-Энда? Полагаю, если мы отправимся на юг или на восток, надо пользоваться кебами и, кроме того, оставлять их поблизости от того места, куда мы пойдем.

— Дружище Квинси прав! — сказал профессор.— Наше предприятие чревато многими трудностями, и нам следует по возможности меньше обращать на себя внимание посторонних.

Интерес Мины к нашему делу все возрастал, и я с радостью видел, что благодаря этому она на время забыла свое ужасное ночное приключение. Она была бледна, мертвенно-бледна, и притом так худа, что почти не видно было ее губ, поэтому виднелись зубы. Я ничего не сказал ей об этом, боясь огорчить, но вздрагивал от страха при мысли о том, что произошло с бедной Люси, когда граф высосал ее кровь. Хотя пока еще незаметно было, чтобы зубы стали острее, но ведь все случилось совсем недавно, и можно было опасаться самого худшего.

Когда мы стали подробно обсуждать порядок выполнения нашего плана и решать, как расставить наши силы, возникли новые сомнения. В конце концов было решено перед отправлением на Пиккадилли разрушить ближайшее логово графа. Если бы он и узнал об этом раньше времени, все-таки мы опередили бы его, и тогда его присутствие в чисто материальном, самом уязвимом виде дало бы нам в руки новые нити.

Что же касается расположения наших сил, профессор решил, что после посещения Карфакса мы все проникнем в дом на Пиккадилли; затем я и оба доктора останутся там, в то время как лорд Годалминг и Квинси отыщут и разрушат убежище графа в Уолворте и Мил-Энде. Было, конечно, возможно и даже вероятней всего, как сказал профессор, что граф явится днем в свой дом на Пиккадилли, и тогда мы сможем там схватить его.

Во всяком случае, мы можем последовать за ним. Я упорно возражал против такого плана, то есть, собственно, против того, чтобы отправляться с другими, настаивая, что должен остаться для защиты Мины.

Я полагал, что смогу это сделать, но Мина не хотела и слышать об этом. Она сказала, что там от меня больше пользы, ведь среди бумаг графа могут оказаться полезные указания, которые я пойму легче, чем другие, после моего приключения в Трансильвании, и что, наконец, для борьбы с необыкновенным могуществом графа надо собрать все наши силы. Я вынужден был уступить, потому что решение Мины было непоколебимо; она сказала — ее последняя надежда в том, что мы станем работать все вместе.

— Что же касается меня,— прибавила она,— я его не боюсь. Я испытала уже самое худшее и, что бы ни случилось, найду хоть какое-нибудь успокоение. Ступай же, друг мой. Бог защитит меня, если такова Его воля, и без вас.

Тогда я встал и воскликнул:

— Итак, с богом! Пойдем, не теряя больше времени. Граф может прийти на Пиккадилли раньше, чем мы предполагаем.

— Нет, этого не случится,— произнес Ван Хелсинг, подняв руку.

— Почему? — спросил я его.

— Разве вы забыли,— ответил он, пытаясь улыбнуться,— что в прошлую ночь он пировал и поэтому встанет позже?

Разве я мог это забыть? Разве я когда-нибудь это забуду? Забудет ли кто-нибудь из нас ужасную сцену? Мина собрала все свои силы, чтобы сохранить спокойствие. Но страдание оказалось сильней, и, закрыв лицо руками, она задрожала и жалобно застонала.

Ван Хелсинг вовсе не желал напомнить ей о ужасном происшествии. Он просто по своей рассеянности забыл о ее присутствии и упустил из виду ее участие в этом деле. Увидев, какое действие произвели его слова, он сам испугался и попытался ее успокоить.

— Мадам Мина,— говорил он,— милая, милая мадам Мина! Увы! Как же я, при всем моем уважении к вам, мог так забыться! Простите меня, старого глупца! Вы забудете это, правда?

Говоря это, он склонился над ней, а она, взяв его за руку и глядя на него сквозь слезы, хрипло сказала:

— Нет, не забуду! Лучше мне это помнить. У меня много прекрасных воспоминаний о вас, я буду помнить обо всех вместе. Но вам пора! Завтрак готов, нам надо поддержать силы.

Наш завтрак не походил на обычный завтрак. Мы пытались казаться веселыми и подбадривали друг друга, но самой любезной и веселой из нас была Мина. По окончании завтрака Ван Хелсинг встал и сказал:

— Теперь, друзья мои, приступим к исполнению нашего ужасного плана. Скажите, все ли вооружены так, как в ту ночь, когда мы впервые проникли в логово нашего врага? Вооружены ли против нападения духов и против нападения смертных людей? Если да, то все в порядке. Мадам Мина, вы, во всяком случае, здесь в полной безопасности — до захода солнца, а до этого времени мы вернемся... если нам вообще суждено вернуться! Но прежде чем уйти, я хочу удостовериться в том, что вы вооружены против его личного нападения. Пока вы были внизу, я сам все приготовил в вашей комнате и оставил там некоторые предметы, при виде которых, как вы знаете, он не войдет. Теперь позвольте мне защитить вас лично. Этой освященной облаткой я касаюсь вашего чела во имя Отца и Сына и...

Послышался страшный стон, от которого у нас замерло сердце. Когда он коснулся облаткой чела Мины, то она обожгла ей кожу, будто ее лба коснулись куском раскаленного добела железа. Как только она почувствовала боль, она сейчас же все поняла, ее измученные нервы не выдержали, и она испустила этот ужасный стон. Но дар речи скоро вернулся к ней; не успел заглохнуть отголосок стона, как наступила реакция, и она в отчаянии упала на колени, закрыв лицо своими чудесными волосами, точно скрывая струпья проказы на лице. Она заговорила сквозь рыдания:

— Нечистая! Нечистая! Даже сам Всемогущий избегает меня. Я должна буду носить это позорное клеймо до дня Страшного Суда!

Все умолкли. Я бросился перед ней на колени, чувствуя свою беспомощность, и крепко обнял ее. Несколько минут наши печальные сердца бились вместе, в то время как друзья плакали,

отвернувшись, чтобы скрыть слезы. Наконец Ван Хелсинг обернулся к нам и произнес таким необыкновенно серьезным тоном, что я понял: на него нашло в некотором роде вдохновение:

— Быть может, вам и придется нести это клеймо, пока в день Страшного Суда сам Бог не разберет, в чем ваша вина. Он это сделает, так как все преступления, совершенные на земле, совершены его детьми, которых он там поселил. О мадам Мина, если бы мы только могли оказаться там в то время, когда это красное клеймо, знак всезнания Господа, исчезнет и ваше чело будет таким же ясным, как и ваша душа! Клянусь вечностью, клеймо исчезнет, когда Богу угодно будет снять с нас тяжелый крест, который мы несем. До этого же будем послушны Его воле и будем нести свой крест, как это делал Его Сын. Кто знает, быть может, мы избраны Его доброй волей и должны следовать Его приказанию, несмотря на удары и стыд, несмотря на кровь и слезы, сомнение и страх и все остальное, чем человек разнится от Бога.

В его словах звучала надежда и успокоение, они призывали нас к смирению. И Мина, и я почувствовали это и, одновременно склонившись к его рукам, поцеловали их. Затем мы все молча опустились на колени и, взявшись за руки, дали друг другу клятву верности. Мы, мужчины, дали обет не отступать, пока не избавим от горя ту, которую каждый из нас по-своему любит. Мы молили Господа помогать нам и направлять нас в том ужасном деле, которое нам предстояло выполнить.

Пора было уходить. Я распрощался с Миной, и этого прощания мы не забудем до самой смерти. Наконец мы вышли.

Я приготовился к одному: если окажется, что Мина до конца жизни останется вампиром, она не уйдет одна в неведомую страну, полную ужасов.

Думаю, именно так, в давние времена один вампир плодил множество. Как тела этих чудовищ лежат в освященной земле, так и чистая святая любовь становилась сержантом, набирающим рекрутов в полки этих мерзких тварей.

Мы без всяких приключений добрались до Карфакса и нашли все в том же положении, как при нашем первом визите. Трудно было поверить, что среди столь обыденной обстановки, свидетельствовавшей о небрежении и упадке, могло быть не-

что возбуждающее такой невыразимый ужас, какой мы уже испытали. Если бы мы не были к этому подготовлены и если бы у нас не осталось ужасных воспоминаний, мы вряд ли продолжили бы борьбу. В доме не нашлось ни бумаг, ни полезных указаний, а ящики в старой часовне казались точно такими, какими мы их видели в последний раз. Когда мы остановились перед доктором Ван Хелсингом, он сказал торжественно:

— Мы должны обезвредить эту землю, освященную памятью святых, которую он привез из отдаленного края для такой бесчеловечной цели. Он взял эту землю, потому что она была освящена. Получается, что мы его победим его же оружием, так как сделаем ее еще более освященной. Она была освящена для людей, теперь мы ее освятим Богу.

Говоря это, он вынул стамеску и отвертку, и через несколько минут крышка одного из ящиков с грохотом отскочила.

Земля пахла сыростью и плесенью, но мы не обращали на это внимания, потому что пристально следили за профессором. Взяв из коробочки освященную облатку, он благоговейно положил ее на землю, накрыл ящик крышкой и завинтил ее с нашей помощью.

Мы проделали так со всеми ящиками и оставили их по виду такими же, какими они были раньше, однако в каждом находилась облатка.

Когда мы заперли за собой дверь, профессор сказал:

— Многое уже сделано. Если все остальное будет исполнено так же легко и удачно, то еще до захода солнца чело мадам Мины засияет в своей прежней чистоте; с нее исчезнет позорное клеймо.

Проходя по дороге к станции через луг, мы могли видеть фасад нашего убежища. Я приглядеся и увидел в окне моей комнаты Мину. Я помахал ей рукой и кивком головы показал, что наша работа выполнена удачно. Она кивнула в знак того, что поняла меня.

Я с глубокой грустью смотрел, как она махала рукой на прощание. Мы с тяжелым сердцем добрались до станции и едва не пропустили поезд, который подходил к станции, когда мы выходили на платформу.

Эти строки записаны мною в поезде.

Пиккадилли, 12 часов 30 минут.

Перед тем как мы добрались до Фенчерч-стрит, лорд Годалминг сказал мне:

— Мы с Квинси пойдем за слесарем. Лучше, если вы не пойдете с нами, так как могут возникнуть некоторые затруднения, а при таких обстоятельствах нам, может быть, не удастся прорваться в покинутый дом. Но вы принадлежите к сословию адвокатов, и против вас могут выдвинуть обвинение, что вы отлично знали, на что шли.

Я возразил, что не обращаю внимания на опасность и даже на свою репутацию, но он продолжил:

— К тому же чем меньше нас будет, тем меньше мы привлечем внимания. Мой титул поможет нам в переговорах со слесарем и при вмешательстве какого-нибудь полисмена. Будет лучше, если вы пойдете с Джеком и с профессором в Грин-парк, откуда сможете наблюдать за домом. Когда увидите, что дверь открыта и слесарь ушел, тогда идите все. Мы будем ждать и впустим вас в дом.

— Совет хорош! — сказал Ван Хелсинг.

И мы не возражали. Годалминг и Моррис поехали в одном кебе, а мы в другом. На углу Арлингтон-стрит мы оставили кебы и вошли в Грин-парк. Сердце мое забилось при виде дома, в котором заключалась наша последняя надежда. Он стоял мрачный и всеми покинутый, выделяясь среди своих веселых и нарядных соседей. Мы сели на скамейку, не спуская глаз с входных дверей, и закурили сигары, стараясь не обращать на себя внимания прохожих. Минуты в ожидании наших друзей текли страшно медленно.

Наконец мы увидели экипаж, из которого вышли лорд Годалминг и Моррис, а с козел слез толстый коренастый человек с ящиком для инструментов. Моррис заплатил кучеру, который ему поклонился и уехал. Оба поднялись по ступенькам лестницы, и лорд Годалминг показал, что надо сделать. Слесарь снял свой пиджак и повесил его на забор, сказав что-то проходившему мимо полисмену. Полисмен утвердительно кивнул головой, слесарь встал на колени и придвинул к себе инструменты. Порывшись в ящике, он выбрал несколько инструментов, которые положил рядом с собой. Затем он поднялся, посмотрел в

замочную скважину, подул в нее и, обратившись к предполагаемым хозяевам, сказал что-то, на что лорд Годалминг ответил с улыбкой. Слесарь взял большую связку ключей, выбрал один ключ и попробовал открыть замок. Повертев немного ключом, он попробовал второй, затем — третий. Вдруг дверь широко распахнулась, и они, все трое, вошли в дом. Мы сидели молча, моя сигара непрерывно дымилась, а сигара Ван Хелсинга, наоборот, потухла. Мы успокоились и стали ждать с большим терпением, когда увидали, что рабочий со своими инструментами вышел. Он притворил дверь и придерживал ее коленями, пока прилаживал к замку ключ, который он в конце концов и вручил лорду Годалмингу. Тот вынул кошелек и расплатился. Слесарь приподнял шляпу, взял ящик с инструментами, надел пиджак и ушел. Ни одна душа не обратила на это ни малейшего внимания.

Когда слесарь скрылся из виду, мы перешли через дорогу и постучали в дверь; Квинси Моррис сейчас же открыл ее. Рядом с ним стоял и лорд Годалминг, куря сигару.

— Здесь очень скверно пахнет,— сказал лорд, когда мы вошли.

Действительно, пахло очень скверно, точно в старой часовне Карфакса. На основании уже имеющегося опыта мы поняли, что граф часто пользуется этим убежищем. Мы отправились изучать дом, держась, на случай нападения, вместе, так как мы знали, что имеем дело с сильным врагом; к тому же мы не ведали, в доме граф или нет. В столовой, располагавшейся за передней, мы обнаружили восемь ящиков с землей. Только восемь из девяти, которые мы разыскивали! Наше предприятие не закончено и никогда не будет доведено до конца, если мы не найдем недостающего ящика. Сначала мы открыли ставни окна, выходившего на маленький, вымощенный камнями двор. Прямо против окна находилась конюшня, похожая на крошечный домик. Там не было окон, и нам нечего было бояться нескромных взглядов. Мы не теряли времени и принялись за ящики. С помощью принесенных с собой инструментов мы открыли их один за другим и поступили с ними так же, как с остальными, находившимися в старой часовне. Было ясно, что графа нет дома, и мы стали искать его вещи.

Осмотрев внимательно прочие помещения, мы пришли к выводу, что в столовой находятся некоторые предметы, принадлежащие, вероятно, графу. Мы подвергли их тщательному осмотру. Они были разложены на большом обеденном столе в каком-то беспорядке, напоминавшем, однако, порядок. Там лежала связка документов, подтверждавших покупку дома на Пиккадилли: бумаги, удостоверявшие продажу домов в Мил-Энде и Бермондси; кроме того, конверты, бумага, перья, чернила. Все они были защищены от пыли оберточной бумагой. Затем мы нашли еще платяную щетку, гребенку и умывальник с грязной водой, красной от крови. Под конец мы наткнулись на связку разных ключей, по-видимому от других домов. После того как мы осмотрели эту последнюю находку, лорд Годалминг и Моррис записали точные адреса домов на востоке и юге города, захватили с собой ключи и отправились на поиски. Мы же, остальные, должны были остаться и терпеливо дожидаться их возвращения или прихода графа.

Глава XXIII

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

3 октября.

В ожидании возвращения Годалминга и Морриса время тянулось страшно долго. Профессор всячески старался поддерживать в нас бодрость духа, но Харкер был так подавлен горем, что страшно было на него смотреть. Еще в прошлую ночь это был веселый, жизнерадостный человек, полный энергии, со здоровым моложавым лицом и темно-русыми волосами. Теперь же он превратился в угрюмого старика с седыми волосами, вполне гармонирующими с его впалыми щеками, горящими глазами и глубокими морщинами — следами перенесенных страданий. Но все же он еще не совсем утратил энергию. Этому обстоятельству он, вероятно, и будет обязан своим спасением, потому что, если все пойдет хорошо, он переживет период отчаяния, а после этого как-нибудь вернется к деятельной жизни. Бедный малый, я думал, что мое собственное горе было достаточно велико, но его!..

Профессор знает это очень хорошо и всячески старается, чтобы его мозг работал. То, что он говорил нам тогда, было чрезвычайно интересно.

Вот его слова, насколько я их помню:

— Я основательно изучил все попавшие в мои руки бумаги, которые имели какое-либо отношение к этому чудовищу, и чем больше я в них вникал, тем больше приходил к убеждению, что его необходимо уничтожить. Везде в них говорится о его успехах; кроме того, видно, что он хорошо сознает свое могущество. На основании сведений, полученных мною от моего друга Арминия из Будапешта, я пришел к заключению, что это был удивительнейший человек. Он был в одно и то же время и солдатом, и государственным деятелем, и даже алхимиком — эта последняя наука была высшей степенью знаний того времени. Он обладал большим умом и необыкновенными способностями. К сожалению, сердце его не знало страха и угрызений совести. Он изучал даже схоластические науки, и, кажется, вообще не было такой области знания, с которой он не был бы знаком. Как нам известно, после его физической смерти его умственные способности сохранились, хотя, по-видимому, воспоминания о былом не полностью сохранились в его мозгу. По некоторым свойствам ума он был и остается ребенком. Однако он продолжает развиваться, и поэтому многое, что прежде было детским, теперь возмужало. Он производил удачные опыты; и если бы мы не встали на его пути, то он сделался бы — и сделается, если наши планы не воплотятся,— родоначальником новых существ, которые будут существовать «в смерти», а не в жизни.

Харкер тяжело вздохнул и сказал:

— И все это направлено против моей любимой! Но какие же опыты он производит? Зная это, мы сможем расстроить его планы.

— С момента появления он испытывал свое могущество; его ум большого ребенка работал, продвигаясь вперед медленно, зато уверенно. Но если бы он осмелился с самого начала приняться за некоторые тайные науки, то мы уже давно были бы бессильны против него. Впрочем, он надеется достичь успеха, а человек, у которого впереди столетия, может спокойно ждать и не торопиться. «Festina lente»* — вот его девиз.

— Не понимаю,— печально сказал Харкер.— Прошу вас растолковать все яснее. Быть может, горе и беспокойство затемняют мой разум.

---

* Спеши медленно (*лат.*).

Профессор с нежностью положил ему руку на плечо и произнес:

— Хорошо, дитя мое, я постараюсь быть ясным. Разве вы не заметили, как это чудовище постепенно приобретало свои знания на основании своих опытов, как оно воспользовалось пациентом, чтобы войти в дом нашего Джона, потому что вампир хотя и может входить в жилище человека, когда и как ему угодно, однако не раньше, чем его позовет туда кто-то из живущих в доме? Но это не главные его опыты. Разве мы не видели, как вначале эти большие ящики перетаскивали другие? Тогда он и не знал, что может быть иначе. Но все время, пока его младенческий разум развивался, он обдумывал, нельзя ли ему самому передвинуть ящик. Таким образом, он начал помогать: когда же он увидел, что все идет хорошо, то и сам, без посторонней помощи, перенес некоторые ящики. И теперь никто, кроме него одного, не знает, где они укрыты. Он, вероятно, зарыл их глубоко в землю, так что пользуется ими только ночью или в то время, когда может изменить свой облик; и никто не подозревает, что он в них скрывается. Но, дитя мое, не предавайтесь отчаянию! Это знание он приобрел слишком поздно! Теперь уже все его убежища уничтожены, за исключением одного, да и это последнее будет нами отыскано до захода солнца. Тогда у него не останется места, где бы он мог скрыться. Я медлил утром, чтобы мы могли действовать наверняка. Ведь мы рискуем не меньше его, так почему же нам не быть осторожнее его? На моих часах теперь ровно час, и, если все обошлось благополучно, Артур и Квинси на обратном пути. Сегодняшний день — наш, и мы должны действовать уверенно, хотя и не опрометчиво, не упуская ни одного шанса: ведь когда отсутствующие вернутся, нас будет пятеро против одного.

Вдруг при его последних словах мы вздрогнули, потому что раздался стук в дверь. Мы все бросились в переднюю, но Ван Хелсинг, знаком приказав хранить молчание, пошел к двери и осторожно открыл ее. Рассыльный подал ему телеграмму. Профессор снова запер дверь, открыл депешу и громко прочел:

— «Ожидайте Д. Он только что, в 12.45, поспешно из Карфакса отправился в сторону юга. Он, по-видимому, совершает обход и хочет вас поймать врасплох. Мина».

Наступило продолжительное молчание. Наконец послышался голос Харкера:

— Итак, слава богу, мы скоро встретимся!

Ван Хелсинг быстро повернулся к нему и сказал:

— Все случится по Божьей воле и когда Он этого пожелает. Не бойтесь, но и не радуйтесь преждевременно: быть может, именно то, чего мы хотим, будет причиною нашей гибели.

— Я теперь думаю только о том,— воскликнул Харкер с горячностью,— чтобы стереть этого зверя с лица земли. Для этого я готов даже продать душу!

— Тише, тише, дитя мое! — быстро перебил его Ван Хелсинг.— Бог не покупает души, а дьявол если и покупает, то никогда не держит своего обещания. Но Бог милостив и справедлив, и он знает ваши страдания и вашу любовь к Мине. Подумайте о том, как увеличилось бы ее горе, услышь она ваши слова. Доверьтесь нам, мы все преданы этому делу, и сегодня все должно кончиться. Настало время действовать. Днем вампир не сильнее остальных людей и до заката солнца не изменит своего образа. Ему необходимо время, чтобы прибыть сюда,— посмотрите, уже двадцать минут второго,— и, как бы он ни торопился, все же у нас есть в запасе время, прежде чем он явится. Будем надеяться, лорд Артур и Квинси прибудут раньше его.

Приблизительно через полчаса после того, как мы получили телеграмму от миссис Харкер, раздался решительный стук в дверь. Это был самый обыкновенный стук, так стучат ежеминутно тысячи людей; однако, когда его услышали мы, наши сердца забились сильнее. Мы посмотрели друг на друга и все вместе вышли в переднюю. Каждый из нас держал наготове свое оружие: в левой руке оружие против духов, в правой — против людей. Ван Хелсинг отодвинул задвижку, приоткрыл немного дверь и отскочил, приготовившись к нападению. Но наши лица повеселели, когда мы увидели на пороге лорда Годалминга и Квинси Морриса. Они торопливо вошли, закрыв за собой дверь, и первый сказал, проходя через переднюю:

— Все в порядке. Мы нашли оба логова: в каждом было по шесть ящиков, которые мы и уничтожили.

— Уничтожили? — переспросил профессор.

— Да, он ими не сможет воспользоваться!

Наступила небольшая пауза, которую первым нарушил Квинси, сказав:

— Теперь нам остается только одно — ждать здесь. Если до пяти часов он не придет, мы должны уйти, потому что было бы неблагоразумно оставить миссис Харкер после захода солнца одну.

— Он теперь скоро должен прийти,— сказал мне Ван Хелсинг, глядя в свою записную книжку.— Nota bene*, по телеграмме Мины видно, что он направился из Карфакса на юг, значит, ему придется переправиться через реку, что он может сделать только во время отлива, то есть немного раньше часа. То обстоятельство, что он направился на юг, имеет для нас большое значение. Он теперь только подозревает о нашем присутствии, а мы отправились из Карфакса сперва туда, где он меньше всего мог ожидать нашего появления. Мы были в Бермондси за несколько минут до его прихода. То обстоятельство, что здесь его еще нет, доказывает — он отправился в Мил-Энд. Это заняло некоторое время, так как ему надо было переправиться через реку. Поверьте, друзья мои, нам не придется долго ждать. Мы должны были бы составить какой-нибудь план нападения, чтобы не упустить чего-либо. Но тише, нет больше времени для разговоров. Приготовьте свое оружие.

При этих словах он поднял руку, предлагая нам быть настороже, и мы все услышали, как кто-то осторожно пытается открыть ключом входную дверь.

Даже в этот страшный момент я мог лишь восхищаться тем, как властный характер выказывает себя. Когда мы вместе с Квинси Моррисом и Артуром охотились или просто шатались по всему свету, ища приключений, Моррис всегда был нашим заводилой, составляя план действий, мы же с Артуром привыкли без возражений повиноваться ему. Теперь, казалось, мы опять инстинктивно вернулись к старой привычке. Окинув быстрым взглядом комнату, он тотчас же наметил наш план нападения и затем, не говоря ни слова, жестами указал каждому его место. Ван Хелсинг, Харкер и я встали за дверью так, чтобы, когда ее откроют, профессор мог охранять ее, пока мы вдвоем загородили бы выход. Годалминг и Квинси стояли друг

---

* *Здесь:* заметьте *(лат.).*

за другом, так что их нельзя было видеть, готовые преградить путь к окну. Мы ждали с таким напряжением, что секунды казались целой вечностью. Тихие осторожные шаги послышались в передней: граф, по-видимому, ожидал нападения, по крайней мере боялся его.

Вдруг одним прыжком он очутился посреди комнаты, прежде чем кто-нибудь из нас мог поднять руку и преградить дорогу. В движениях было столько хищного, столько нечеловеческого, что мы не сразу оправились от шока, вызванного его появлением. Харкер первым быстро бросился к двери, которая вела в комнату, выходившую на улицу. Граф при виде нас дико зарычал, оскалив свои длинные острые зубы; но злая усмешка быстро исчезла, и холодный взгляд его выражал лишь гордое презрение.

Однако выражение его лица снова изменилось, когда мы все, словно по внушению, двинулись на него. Как жаль, что мы не составили подробного плана нападения, так как и в этот момент я недоумевал, что нам делать.

Я сам не знал, поможет ли нам наше смертоносное оружие или нет. Харкер, по-видимому, хотел это испытать, так как он приготовил свой длинный нож «кукри» и в бешенстве замахнулся на него. Удар был страшный, и граф спасся от смерти только благодаря той дьявольской ловкости, с которой он отпрыгнул назад. Опоздай он на секунду, острие ножа пронзило бы его сердце. Теперь же кончик ножа разрезал лишь его сюртук, и из разреза выпала пачка банкнот, а затем на пол полился целый дождь золотых монет. Лицо графа приняло такое дьявольское выражение, что я сперва опасался за Харкера, хотя и видел, что он поднял страшный нож и приготовился ударить вторично. Я инстинктивно двинулся вперед, держа в поднятой правой руке распятие, а в левой — освященную облатку. Я чувствовал, что к моей руке прилила могучая сила, и без удивления заметил, что чудовище прижалось к стене, так как остальные последовали моему примеру. Никакое перо не в состоянии описать то выражение дикой ненависти и коварной злобы, то дьявольское бешенство, которое исказило лицо графа. Восковой цвет его лица сделался зеленовато-желтым, глаза запылали адским пламенем, а красный шрам выделялся на бледном лбу,

как кровавая рана. В одно мгновение граф ловким движением проскользнул под рукой Харкера, прежде чем тот успел его ударить, и, схватив с пола горсть монет, бросился через комнату и выпрыгнул в окно. Стекла со звоном разлетелись вдребезги, и он рухнул на двор, выложенный каменными плитами. Сквозь звон разбитого стекла я слышал, как несколько золотых монет, звеня, упали на плиты.

Мы кинулись за ним и увидели, как он вскочил невредимый и, перебежав через двор, открыл дверь конюшни. Затем он остановился и закричал нам:

— Вы думаете победить меня? Да ведь вы с вашими бледными лицами похожи на стадо баранов перед мясником! Никто из вас не обрадуется, что возбудил мой гнев. Вы думаете, я остался без всякого убежища, а между тем у меня их много. Мщение мое только начинается! Оно будет продолжаться столетия, и время будет моим верным союзником. Женщины, которых вы любите, уже все мои, через них и вы будете моими — моими тварями, исполняющими мои приказания, и моими шакалами, вот!

Презрительно засмеявшись, он быстро вошел в дверь, и мы ясно слышали скрип заржавевшей задвижки.

Вдали послышался шум отворяемой двери, которую сейчас же захлопнули. Поняв невозможность следовать за ним через конюшню, мы все бросились в переднюю. Первым заговорил профессор:

— Мы кое-что сейчас узнали, и даже очень многое! Несмотря на свои гордые слова, он нас боится. Он боится времени, боится и бедности! Если бы это было не так, то зачем же он так торопился? Сам тон выдал его, или же мой слух обманул меня. Зачем он подобрал эти деньги? Следуйте за ним скорее. Думайте, что вы охотитесь за хищным зверем. Я сделаю так, что он не найдет здесь ничего нужного для себя, если ему вздумается вернуться.

Говоря это, он положил оставшиеся деньги в карман, взял связку документов, которую бросил Харкер, и, собрав все остальные предметы, швырнул в камин и поджег.

Годалминг и Моррис выбежали во двор. Харкер пустился в погоню за графом через окно. Но тот успел захлопнуть дверь

конюшни; пока они ее открывали, его и след простыл. Я и Ван Хелсинг принялись искать за домом, но птичка улетела, и никто не видел, как и куда.

Было поздно, и до захода солнца оставалось немного времени. Мы вынуждены были признать, что наша кампания на сегодняшний день закончена, и нам пришлось с тяжелым сердцем согласиться с профессором, который сказал:

— Вернемся к мадам Мине! Мы сделали все, что можно было сделать: там же мы сможем, по крайней мере, защитить ее. Но не следует приходить в отчаяние. Остался всего один ящик, и нам надо его найти во что бы то ни стало. Когда это будет сделано, все еще может окончиться хорошо.

Я видел, что он говорил так смело для того, чтобы успокоить Харкера, который был совсем подавлен. Из груди его то и дело вырывались стоны, которые он был не в силах сдержать,— он думал о своей жене.

С тяжелым сердцем вернулись мы домой, где нашли миссис Харкер, ожидавшую нас с напускным спокойствием, делавшим честь ее храбрости и самоотверженности. Увидев наши печальные лица, она побледнела как смерть. На несколько мгновений она закрыла глаза, как бы молясь про себя, а затем сказала бодрым голосом:

— Я не знаю, как вас всех благодарить! Бедный мой друг! — Говоря это, она обхватила руками седую голову своего мужа и поцеловала его.— Все еще образуется, дорогой мой! Господь защитит нас, если на это будет Его благая воля.

Несчастный зарыдал. Его печаль была невыразима словами.

Мы поужинали все вместе и немного повеселели. Возможно, это было только физическое воздействие пищи на голодных людей — ведь ни один из нас не ел ничего с утра,— или же нас поддерживало чувство товарищества, но мы чувствовали себя увереннее и в завтрашний день смотрели не без надежды. Исполняя свое обещание, мы рассказали Мине все, что произошло. Она слушала спокойно, без всякого страха, и только когда говорили о том, какая опасность угрожала ее мужу, она снова побледнела. Когда мы дошли до того места, как Харкер отважно бросился на графа, она крепко схватила мужа за руку, как будто защищая его от несчастья. Однако она ничего не сказала, пока мы не кончили нашего повествования и не остановились

на нынешнем положении дел. Тогда, не выпуская руки своего мужа, она встала и заговорила.

Могу ли я описать вид этой добрейшей женщины, которая сияла всей красотой молодости, в то время как на лбу ее багровел алый шрам, о существовании которого она помнила все время и на который мы не могли взглянуть без зубовного скрежета, памятуя о том, откуда и как он появился? Ее исполненная любви доброта — и наша угрюмая ненависть, ее трогательная вера — и наши страхи и сомнения,— как описать их? И все мы знали, что, если верить законам, она была отринута Богом.

— Джонатан,— сказала она, и слово это звучало музыкой в ее устах, столько она вложила в него любви и нежности.— Джонатан и все вы, верные мои друзья, я знаю, что вы должны бороться — что вы должны его уничтожить так же, как вы уничтожили ту, чужую Люси, чтобы настоящая Люси потом перестала страдать. Но это не ненависть. Та бедная душа, которая является виновником этого несчастья, достойна сама величайшего сожаления. Подумайте, как она обрадуется, если ее худшая половина будет уничтожена, чтобы лучшая половина достигла бессмертия. Вы должны испытать жалость и к графу, хотя это чувство не должно вас удержать от его уничтожения.

Пока она говорила, я наблюдал за тем, как мрачнело и напрягалось лицо ее мужа,— казалось, какая-то страсть терзала все его существо. Он инстинктивно сжимал руку жены все сильнее, так что даже костяшки пальцев побелели. Она же переносила боль, которую, безусловно, испытывала, не дрогнув, и смотрела на него все более умоляющими глазами. Когда же она кончила говорить, он вскочил и, резко отняв свою руку, воскликнул:

— Дай бог, чтобы он попался в мои руки и я мог уничтожить его земную жизнь и тем самым достичь нашей цели. И если бы я затем мог послать его душу навеки в ад, я это охотно сделал бы!

— Тише! Тише! Ради бога, замолчи! Не говори таких вещей, дорогой Джонатан, ты меня пугаешь. Подожди, дорогой, я думала в течение всего этого долгого, бесконечного дня... быть может... когда-нибудь и я буду нуждаться в подобном сострадании и кто-нибудь, как теперь ты, откажет мне в этом. Я бы тебе не говорила о том, если бы могла. Но я молю Бога, чтобы он при-

нял твои безумные слова лишь за вспышку сильно любящего человека, сердце которого разбито и омрачено горем. Господи! Прими эту седину как свидетельство страданий того, кто за всю жизнь не совершил ничего дурного и на чью долю выпало столько несчастий!

Все мы были в слезах. Мы не могли их сдержать и рыдали открыто. Она тоже плакала, видя, как воздействуют ее увещевания. Ее муж бросился перед ней на колени и, обняв ее, спрятал лицо в складках ее платья. Ван Хелсинг кивнул нам, и мы тихо вышли из комнаты, оставив эти два любящих сердца наедине с Богом.

Прежде чем они пошли спать, профессор загородил вход в их комнату, чтобы вампир не мог проникнуть туда, и уверил миссис Харкер в ее полной безопасности. Она сама пыталась приучить себя к этой мысли и, видимо ради своего мужа, старалась казаться довольной. Это было смелое усилие, и, я думаю, она была вполне вознаграждена. Ван Хелсинг оставил им колокольчик, чтобы они могли в случае надобности позвонить. Когда они ушли, Квинси, Годалминг и я решили бодрствовать поочередно всю ночь напролет и охранять бедную, убитую горем женщину. Первым выпало сторожить Квинси, остальные же постараются по возможности скорее лечь в постель. Годалминг уже спит, так как должен сторожить следующим. Теперь и я, окончив свою работу, последую его примеру.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

Полночь с 3 на 4 октября.

Я думал, вчерашний день никогда не кончится. Я стремился поскорее заснуть, почему-то слепо веря, что, проснувшись, обнаружу какую-то перемену, а всякая перемена в нашем положении будет к лучшему. Прежде чем уйти спать, мы еще обсуждали наши дальнейшие планы, но не пришли к единому мнению. Мы знаем только, что у графа остался единственный ящик и что лишь ему известно, где этот ящик находится. Если он пожелает в нем спрятаться, то в течение многих лет мы ничего не сможем предпринять; и между тем даже мне от этой мысли страшно, я не смею о том и подумать. Знаю одно: если и

может быть на свете женщина, являющая собой само совершенство, то это она, моя опозоренная бедняжка! Рядом с ее состраданием, которое она выказала вчера вечером и за которое я люблю ее в тысячу раз больше, моя ненависть к этому чудовищу достойна презрения. Господь не допустит, чтобы мир потерял столь благородное создание. В этом моя надежда! Мы несемся на подводные скалы, и Бог — наш единственный якорь спасения. Слава Богу! Мина спит спокойно, без сновидений. Я боялся, что сны ее будут такие же страшные, как и действительность, вызывающая их. После захода солнца я впервые вижу ее такой умиротворенной. Лицо ее засияло тихим спокойствием, как будто его освежило дуновение весеннего ветерка. Сначала мне показалось, что это отблеск заката на ее лице, но теперь я вижу в этом нечто более важное. Я не сплю, хотя и устал, устал до смерти. Но я должен уснуть, потому что завтра надо все обдумать, я не успокоюсь, пока...

Позднее.

Я все-таки, по-видимому, заснул, так как Мина разбудила меня. Она сидела в постели с искаженным от ужаса лицом. Я все видел, так как мы не гасили света. Она закрыла мой рот рукой и прошептала на ухо:

— Тише! В коридоре кто-то есть!

Я тихо встал и, пройдя через комнату, осторожно отворил дверь.

Передо мной с открытыми глазами лежал мистер Моррис, вытянувшись на матрасе. Увидев меня, он сделал рукой предупреждающий жест и прошептал:

— Тише! Идите спать, все в порядке. Мы будем по очереди здесь сторожить. Мы приняли меры предосторожности.

Решительность в его взгляде не допускала дальнейших возражений, так что я опять вернулся к Мине и сообщил ей обо всем. Она вздохнула, и на ее бледном лице мелькнула едва заметная улыбка, когда она, обняв меня, нежно промолвила:

— Да поможет Бог этим добрым смелым людям!

С тяжелым вздохом она опустилась на кровать и вскоре снова заснула. Я не сплю и записываю все это, но надо попытаться опять уснуть.

4 октября, утром.

В течение этой ночи я еще раз был разбужен Миной. На этот раз мы успели хорошо выспаться, так как серое утро уже глядело в продолговатые окна и язычок пламени на лампе казался лишь бледным пятнышком.

— Скорее позови профессора! — сказала она торопливо.— Мне нужно его немедленно видеть.

— Зачем? — спросил я.

— У меня появилась одна мысль. Думаю, она зародилась и развилась ночью, так что я этого не знала. Мне пришло в голову, что профессор должен загипнотизировать меня до восхода солнца, и тогда я сумею многое рассказать. Иди скорее, дорогой мой. Времени осталось мало.

Я направился к двери. Доктор Сьюард лежал на матрасе и при моем появлении быстро вскочил.

— Что-нибудь случилось? — спросил он в тревоге.

— Нет,— ответил я,— но Мина хочет сейчас же видеть Ван Хелсинга.

— Я схожу за ним,— сказал он, бросаясь в комнату профессора.

Минуты через две-три Ван Хелсинг стоял уже совершенно одетый в нашей комнате, в то время как Моррис и Годалминг у дверей расспрашивали доктора Сьюарда. Увидев Мину, профессор улыбнулся, чтобы скрыть свое беспокойство, потер руки и сказал:

— О дорогая мадам Мина, это действительно перемена к лучшему. Посмотрите-ка, Джонатан, мы вернули себе нашу Мину, она точно такая же, какой была всегда.

Затем, повернувшись к ней, он бодро сказал:

— Ну, чего вы от меня хотите? Ведь недаром же вы меня позвали в такой неурочный час.

— Я хочу, чтобы вы меня загипнотизировали,— ответила она,— и притом до восхода солнца, так как я чувствую, что смогу говорить свободно. Торопитесь, время не терпит!

Не говоря ни слова, он заставил ее сесть в постели.

Затем, устремив на нее пристальный взгляд, он стал делать пассы, водя руками сверху вниз. Мина неотрывно смотрела на него несколько минут. Пока это продолжалось, сердце мое стучало как отбойный молоток — я чувствовал, что наступил ре-

шающий момент. Постепенно глаза Мины начали смыкаться. Она замерла. Лишь по едва заметному колыханию груди можно было понять, что она жива. Профессор сделал еще несколько пассов и затем остановился; я видел, что с его лба струится пот. Мина открыла глаза, но теперь она казалась совсем другой женщиной. Глаза ее глядели куда-то вдаль, а голос звучал как-то мечтательно, чего я прежде никогда не слышал. Профессор поднял руку, призывая к молчанию, и приказал мне позвать остальных. Они вошли на цыпочках, заперли за собой дверь и встали в ногах постели. Мина их, видимо, не замечала. Наконец Ван Хелсинг нарушил молчание, говоря тихим голосом, чтобы не прервать течение ее мыслей.

— Где вы?

— Не знаю,— раздалось в ответ.— У меня нет места.

На несколько минут опять воцарилась тишина. Мина сидела без движения перед профессором, вонзившим в нее свой взор, остальные едва осмеливались дышать. В комнате стало светлей. Все еще не сводя глаз с лица Мины, профессор приказал мне поднять шторы. Я исполнил его желание, и розовые лучи солнца расплылись по комнате. Профессор сейчас же продолжил:

— Где вы теперь?

Ответ прозвучал как бы во сне, но в то же время осмысленно. Казалось, она пытается что-то уяснить себе. Я слышал раньше, как она тем же голосом читала свои стенографические записи.

— Я не знаю. Все мне чуждо!

— Что вы видите?

— Я ничего не могу различить, вокруг меня темно.

— Что вы слышите? — В терпеливом голосе профессора было заметно напряжение.

— Плеск воды; она журчит и волнуется, точно вздымая маленькие волны. Я слышу их снаружи.

— Значит, вы находитесь на корабле?

Мы переглянулись, пытаясь прочесть что-либо на лицах друг у друга. Мы боялись даже думать. Ответ последовал быстро:

— О да!

— Что вы еще слышите?

— Шаги людей, бегающих над моей головой; кроме того, лязг цепей и грохот якоря.

— Что вы делаете?

— Я лежу спокойно, да, спокойно, будто я уже умерла!

Голос ее умолк, и она задышала, как во сне, глаза закрылись.

Между тем солнце поднялось высоко, и наступил день. Ван Хелсинг положил руки на плечи Мины и осторожно опустил ее голову на подушку. Она лежала несколько минут, как спящее дитя, затем глубоко вздохнула и с удивлением посмотрела на нас.

— Я говорила во сне? — спросила она.

Она это, по-видимому, и так знала; но ей хотелось услышать, что она говорила. Профессор повторил ей весь разговор, и она сказала:

— Итак, нельзя терять ни минуты; быть может, еще не поздно!

Мистер Моррис и лорд Годалминг направились к дверям, но профессор позвал их спокойным голосом:

— Подождите, друзья! Судно это поднимало якорь в то время, когда она говорила. В огромном порту Лондона сейчас многие суда готовятся к отплытию. Какое из них наше? Слава богу, у нас опять есть нить, хотя мы и не знаем, куда она нас приведет. Мы были слепы, слепы относительно повадок людей. Ведь когда мы оглядываемся назад, мы ясно видим то, что могли бы разглядеть еще тогда, если бы понимали, что́ именно должны увидеть. Увы! Впрочем, я вас совсем запутал, не так ли? Мы теперь знаем, о чем думал граф, захватывая с собой деньги, хотя ему и угрожал страшный нож Джонатана, так что даже он испугался. Он хотел убежать, вы слышите, убежать! Но, зная, что у него остался всего один ящик и ему не укрыться в Лондоне, где его преследуют пять человек, словно собаки, гоняющие лису, он сел на судно, захватив с собой ящик, и покинул страну. Он думает убежать, но нет, мы последуем за ним. Наша лиса хитра, о как хитра! И мы должны за нею ловко следить. Я также хитер и, думаю, хитрее его. А пока мы можем быть спокойны, потому что между ним и нами лежит вода и он не может сюда явиться, пока судно не пристанет к земле. Посмотрите, солнце уже высоко, и день принадлежит нам до захода солнца. Примем ванну, оденемся и позавтракаем, в чем мы все нуждаемся и что мы можем спокойно сделать, так как его нет больше в этой стране.

Мина умоляюще взглянула на него и спросила:

— Но зачем нам его искать, раз он уехал?

Ван Хелсинг погладил ее по руке.

— Не расспрашивайте меня пока ни о чем, после завтрака я вам все расскажу.

Он замолчал, и мы разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться.

После завтрака Мина повторила свой вопрос. Ван Хелсинг посмотрел на нее серьезно и затем ответил печальным голосом:

— Потому, дорогая мадам Мина, что теперь мы больше, чем когда-либо, должны найти его, если бы даже нам пришлось проникнуть в самый ад!

Она побледнела и спросила едва слышно:

— Почему?

— Потому что,— ответил профессор торжественно,— он может прожить сотни лет, а вы только смертная женщина! Теперь надо бояться времени, раз он наложил на вас свое клеймо.

Я вовремя успел подхватить ее, когда она упала как подкошенная.

Глава XXIV

НАДИКТОВАННОЕ НА ФОНОГРАФ ДОКТОРА СЬЮАРДА ОБРАЩЕНИЕ ВАН ХЕЛСИНГА

Это адресуется Джонатану Харкеру.

Вы останетесь здесь с вашей дорогой мадам Миной, в то время как мы продолжим свои изыскания, если это можно так назвать, ведь мы уже все знаем и ищем лишь подтверждение. Но вы останетесь здесь и будете сегодня с ней. Это для вас самое лучшее и благородное дело. Сегодня он ни в коем случае не явится сюда. Позвольте вам теперь сообщить то, что я уже рассказал другим. Наш враг бежал; он отправился в свой трансильванский замок. Я уверен в этом, словно видел, как чья-то рука начертала огнем слова на стене. Он давно готовился к этому, на всякий случай, потому-то и держал наготове последний ящик, чтобы отправить его на корабль. Потому он и взял деньги; потому и торопился так, чтобы мы не могли его схватить до захода

солнца. Это была его последняя надежда, разве что он мог еще скрыться в склепе, который, по его мнению, держит для него открытым бедная Люси,— ведь он считает, что она такая же, как он. Но у него не оставалось на это времени. Потерпев поражение, он обратился к последнему средству спасения, последнему земному пристанищу.

Он умен, да, очень умен. Он знает, что здесь его игра проиграна, и решил вернуться домой. Он нашел судно, которое следует по тому маршруту, по которому он приехал сюда, и он сел на него.

Нам теперь надо отправиться и узнать, какое это судно, а также и пункт его назначения. Узнав это, мы вернемся и расскажем обо всем. Таким образом мы окончательно успокоим вас и бедную мадам Мину, возбудив в ваших душах новую надежду. Ведь вся ваша надежда в мысли, что не все еще потеряно. Чудовищу, которое мы преследуем, понадобилось несколько сотен лет, чтобы добраться до Лондона; а мы теперь изгнали его за один день, так как изучили, где лежат пределы его власти. Он загнан в рамки, хотя все еще способен причинить много зла и страдает далеко не так, как мы. Но и мы сильны, каждый по-своему, а все вместе еще сильнее. Воспряньте же духом! Борьба только начинается, и в конце концов мы победим, в этом я так же уверен, как в том, что Бог на небесах охраняет своих детей. Поэтому будьте спокойны и ждите нашего возвращения.

Ван Хелсинг.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

4 октября.

Когда я прочел Мине послание Ван Хелсинга, надиктованное на фонограф, бедняжка значительно повеселела. Уже одно известие о том, что граф покинул страну, успокоило ее; а спокойствие придало ей силы. Что касается меня, теперь, когда эта страшная опасность не угрожает нам непосредственно, мне почти кажется, что этому нельзя поверить. Даже мои собственные ужасные приключения в замке Дракулы представляются какими-то давно позабытыми сновидениями. Здесь, на свежем

осеннем воздухе, в ярких лучах солнца... Увы! Разве я смею не верить? Во время этих мечтаний взгляд мой упал на красное клеймо на белом лбу моей дорогой жены. Пока оно не исчезнет, я не могу не верить. А после — тогда сама память об этом будет залогом моей непоколебимой преданности. Мина и я избегаем безделья, поэтому постоянно ведем наши записи. Как ни странно, хотя реальность все время становится все более жестокой, боль и страх уменьшаются. Во всем просматривается конечная цель, и это успокаивает. Мина говорит, что мы являемся орудием высшего блага. Может быть. Я попытаюсь думать так, как она. О будущем мы еще не говорим. Лучше подождать, пока не вернулись профессор и все остальные. Я не думал, что дни опять будут идти так быстро, как этот. Сейчас уже три часа.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

5 октября, 5 часов дня.

Наша встреча для отчета. Присутствовали: профессор Ван Хелсинг, лорд Годалминг, доктор Сьюард, мистер Квинси Моррис, Джонатан Харкер, Мина Харкер.

Профессор Ван Хелсинг описал, какие шаги были предприняты для того, чтобы узнать, на каком корабле и куда бежал граф Дракула.

— Так как я знал, что он хочет вернуться в Трансильванию, то был уверен: он проедет через устье Дуная или, во всяком случае, через Черное море, так как он прибыл сюда этим путем. Нам предстояло заполнить этот пробел. Omne ignotum pro magnifico*, и с тяжестью на сердце мы принялись наводить справки, какие корабли отплыли в порты Черного моря. Нам было известно, что он находится на парусном судне, потому что мадам Мина сказала, что слышала, как поднимают паруса. Обычно эти суда не попадают в список отправлений кораблей, и потому по совету лорда Годалминга мы навели справки в конторе Ллойда; здесь имеются сведения обо всех судах, как бы малы они ни были. Там мы узнали, что только одно судно отплыло с приливом от Дулитлской пристани, следуя в Черное

* Все неизвестное представляется величественным (*лат.*).

море. Это была «Царица Екатерина», которая направлялась в Варну, а оттуда в другие порты и вверх по Дунаю. «Ага,— сказал я,— на этом-то судне и находится граф». Мы отправились все к Дулитлской пристани и нашли там в крошечной конторе одного господина, у которого осведомились о «Царице Екатерине» Он непрерывно бранится, у него багровое лицо и слишком громкий голос, но все же он оказался славным малым, а когда Квинси дал ему новенькую кредитку, он стал еще лучше и всячески старается нам услужить. Он пошел с нами, расспрашивая встречных, не отличавшихся особой вежливостью, но и они оказались славными ребятами, когда их не мучит жажда. Они-то и сообщили нам все, что мы хотели узнать. Из их разговоров известно, что около пяти часов прибежал какой-то человек. Высокий, худощавый и бледный мужчина, с горбатым носом, ослепительно белыми зубами и сверкающими глазами. Одет он был во все черное, только шляпа на нем была соломенная и не подходила к сезону. Он не жалел денег, чтобы узнать скорее, какое судно отправляется в гавани Черного моря. Кто-то указал ему контору, а затем и корабль, однако он отказался взойти на последний и остановился у трапа, попросив капитана спуститься к нему. Капитан вышел, узнав предварительно, что ему хорошо заплатят, и хотя он вначале и ругался, но все-таки сделку заключил. Затем худощавый господин спросил, где можно нанять лошадь и подводу. Он ушел, но вскоре опять вернулся, управляя подводой, на которой находился большой ящик. Господин сам снял его с подводы, хотя, чтобы поднять его на судно, понадобилось несколько человек. Он долго объяснял капитану, куда надо поставить ящик, но тому это не нравилось, и он ругался на всех языках, говоря, чтобы господин поднялся и сам посмотрел, где будет стоять ящик. Но тот отказался, сказав, что у него много дел. На это капитан ему ответил, что будет лучше, если он поторопится, черт подери, так как судно отчалит от этой пристани, черт бы ее драл, до начала прилива, черт подери. Тогда худощавый господин улыбнулся и сказал, что судно должно отправляться тогда, когда капитан найдет нужным, но господин будет очень удивлен, если это случится так скоро. Капитан снова принялся ругаться на всех языках, а худощавый господин поклонился ему, поблагодарил и сказал, что не станет злоупотреблять его добротой и явится на судно как раз перед отходом. Тогда капитан покраснел еще больше и сказал, что ему не надо французов, черт бы их побрал, на своем корабле, чтобы его тоже черт побрал. Господин спросил, где поблизости находится лавка, и ушел. Никто не поинтересовался, куда он пошел, так как пришлось думать совсем о другом, потому что скоро всем стало ясно: «Царица Екатерина» не снимется с якоря так рано, как предполагали. С реки поднялся легкий туман, который вскоре настолько сгустился, что скрыл судно и все вокруг него. Капитан ругался на всех языках — призывал небо и ад, но ничего не мог поделать. А вода все поднималась и поднималась, и он боялся упустить прилив. Он был в очень плохом настроении, когда вдруг появился худощавый господин и попросил показать ему, куда поставили его ящик. На это капитан ответил ему, что желал бы, чтобы и он, и его ящик отправились ко всем чертям в ад. Но господин, нисколько не обидевшись, спустился вниз с помощником капитана посмотреть, где стоит ящик, затем поднялся на палубу и остался там, окутанный туманом. Никто не обращал на него внимания. В самом деле, теперь было не до него, так как туман вскоре стал редеть и воздух прояснился. Мои новые знакомые, любители крепких напитков и крепкого словца, со смехом рассказали, какой совсем уж цветистой стала многоязычная брань капитана, когда, расспросив других моряков, которые в то же время проходили по реке, он обнаружил, что лишь немногие заметили туман, да и то у самого причала. Как бы там ни было, но судно вышло с отливом и утром находилось уже в устье реки, и, когда мы расспрашивали о нем, оно плыло по волнам океана. Итак, дорогая Мина, мы можем некоторое время отдохнуть, потому что наш враг в море и плывет, властвуя над туманами, к устью Дуная. На этот переход парусному судну надо немало времени, и если мы теперь отправимся туда по суше, то опередим его и встретим там. Для нас лучше всего будет найти его в гробу между восходом и закатом солнца: тогда он не в состоянии бороться и мы можем поступить с ним как нужно. До этого у нас достаточно времени, чтобы составить план. Мы знаем, куда он направляется, так как видели хозяина корабля и тот показал нам все судовые бумаги. Ящик, который мы ищем, будет выгружен в Варне и передан агенту, некоему Ристиксу, тот должен представить доверенность. Итак, наш приятель-торговец помог нам. Он спросил, не случилось ли

чего неладного с ящиком, и хотел даже в таком случае телеграфировать в Варну, чтобы там все расследовали, но мы его успокоили, потому что в этом деле вмешательство полиции или таможни вовсе нежелательно. Мы должны исполнить все сами.

Когда Ван Хелсинг закончил, я спросила его, уверен ли он в том, что граф остался на корабле. Он ответил:

— У нас имеется самое достоверное доказательство — ваши собственные слова во время гипнотического сна.

Я спросила опять, неужели так необходимо преследовать графа, так как я боюсь оставаться без Джонатана, а я знаю, что он наверняка пойдет туда же, куда пойдут другие.

Ван Хелсинг отвечал поначалу спокойно, но потом голос его делался все более и более страстным и достиг наконец такого возбуждения и силы, что мы поняли, в чем заключалась та власть, которая подавляла нас всех.

— Да, это необходимо, необходимо, необходимо! Для нашего блага и для блага всего человечества. Это чудовище и так причинило много вреда в той ограниченной оболочке, в которой оно находилось, и за то непродолжительное время, когда оно было телом и только на ощупь, без знаний, действовало в темноте. Обо всем этом я уже рассказал другим; вы, мадам Мина, узнаете все, прослушав фонограф Джона или вашего мужа. Я им рассказал, как ему понадобились сотни лет, чтобы оставить свою малонаселенную страну и отправиться в новую землю, где столько людей, сколько в поле колосьев. Если бы другие «не-мертвые» попытались сделать то же, что и он, никакие силы минувших столетий не помогли бы им. В его же случае все сокровенные силы природы, темные и могущественные, действовали особенным образом. Даже местность, где в течение всех этих столетий жил «не-мертвый», представляет собой престранное нагромождение географических несообразностей. Есть там пещеры и расщелины, которые неизвестно где кончаются, есть вулканы, некоторые из них до сих пор извергают потоки воды со странными свойствами, и газы, которые убивают или оживляют. Без сомнения, сочетание этих оккультных сил, так странно влияющее на физическую жизнь, обладает специфическими магнитными и электрическими свойствами. В графе самом были заложены неординарные качества. В тяжелые времена, когда он еще жил настоящей жизнью, он славился

тем, что ни у кого другого не было таких железных нервов, такого изворотливого ума и такой храбрости. В нем некоторые жизненные силы дошли до крайней точки своего развития; вместе с телом развился и ум. Все это происходило помимо дьявольского влияния, которое, однако, в нем несомненно есть, но оно должно уступать силам, идущим из источника добра, и их символам. Потому-то он в нашей власти. Он вас заразил... простите меня, дорогая, но я так говорю для вашего блага. Он заразил вас таким образом, что, даже если он этого больше не сделает, вы все-таки будете жить, жить по-старому; а затем, после смерти, являющейся по Божьей воле уделом всех людей, вы сделаетесь подобной ему. Но этого не должно быть! Мы все поклялись, что этого не будет. Таким образом, мы исполняем лишь волю Бога, который не желает, чтобы мир и люди, за которых пострадал Его Сын, были отданы во власть чудовищам, существование которых оскорбило бы его. Он уже позволил нам вернуть в лоно истины одну душу, и мы отправляемся теперь за другими, подобно древним крестоносцам. Как и они, мы пойдем на восток, и если погибнем, то погибнем, как они, за святое дело.

Он остановился; я воспользовалась этим, чтобы сказать:

— Но не отступит ли граф перед опасностью из благоразумия? Быть может, с тех пор как вы его изгнали из Англии, он станет избегать этой страны, подобно тигру, отогнанному туземцами от деревни.

— Ага! — сказал он.— Ваше сравнение с тигром очень удачно, я им воспользуюсь. Людоеды — как в Индии зовут тигров, раз попробовавших человеческую кровь,— не желают иной пищи, кроме человечины, и бродят вокруг деревень, пока им не удастся ею полакомиться. Тот, кого мы прогнали от нашей деревни, такой же тигр-людоед, и он не перестанет рыскать по соседству с нами. Да и не в его характере отступать. Еще во время своей настоящей жизни он переходил турецкую границу и нападал на врага на его территории. Он потерпел поражение, но остановило ли это его? Нет! Он возвращался снова и снова! Что за настойчивость! Что за упорство! В своем детском разуме он давно уже решил отправиться в большой город. Что же он сделал? Он подыскал самое подходящее для себя место на свете и затем занялся приготовлениями. Он постепенно открыл, какая в нем сила, каково его могущество. Он изучил новые языки.

Он изучил новую социальную жизнь, политику, законы, финансы, науки и обычаи новых стран и новых народов, появившихся с тех пор, как он жил. Все это только раздразнило его аппетит и усилило его желание. Это же помогло развиться его разуму, так как все доказывало, что он прав в своих предположениях. Все это он проделал совершенно самостоятельно! Из разрушенной гробницы в забытой земле! Чего только он еще не предпримет, когда все сокровища мысли станут его достоянием! Он может смеяться над смертью, он может жить среди болезней, убивающих целые народы, не заражаясь ими. Будь он посланцем Бога, а не дьявола, какой добрый пример явил бы он миру! На нас лежит обязанность освободить от него мир. Мы должны работать скрытно и держать наши действия в тайне, потому что в наш просвещенный век, когда люди не верят даже тому, что сами видят, сомнение ученых будет его главной силой. Оно же будет и его защитой, и оружием, которым он уничтожит нас, своих врагов, готовых подвергнуть опасности даже свои души, чтобы спасти ту, которую любили, и принести пользу человечеству во имя славы Вечного Бога.

На общем совещании было решено сегодня вечером окончательных выводов не делать, еще раз хорошенько все обдумать и попытаться сделать правильные умозаключения. За завтраком мы опять все обсудили и составили окончательный план действий.

Я чувствую себя сегодня ночью удивительно спокойной, будто я освободилась от постороннего присутствия. Кто знает...

Я не закончила фразу... не могла ее закончить, так как, подняв глаза, увидела в зеркале красное клеймо на лбу — и поняла, что еще не очистилась от скверны.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

5 октября.

Мы все проснулись очень рано, и я думаю, что сон оказал на всех нас крайне благотворное влияние. Когда мы встретились за завтраком, то удивились, насколько мы все весело настроены. Поразительно, как свойственно человеку быстро обретать утраченный покой! Стоит препятствию исчезнуть (пусть даже смерть будет причиной), и мы вновь обретаем надежду и способность радоваться. Не раз удивлялся я, когда мы сидели за столом, не были ли прошедшие дни всего лишь ночным кошмаром. Только алый рубец на лбу миссис Харкер возвращал меня к действительности. Но и сейчас, когда я вполне серьезно обдумываю происходящее, я с трудом верю в то, что причина наших опасений все еще существует. Даже миссис Харкер, по-видимому, забыла о своих страданиях и вспоминает о страшном знаке только время от времени, когда что-нибудь ей об этом напоминает. Мы решили собраться через полчаса здесь, в кабинете, и окончательно установить план действий. Я предвижу лишь одно затруднение, которое я чувствую инстинктивно: все мы должны говорить откровенно, но, боюсь, по какой-то таинственной причине язык миссис Харкер будет связан. Я знаю, она делает свои выводы, и на основании того, что произошло, я могу угадать, как они правильны и близки к истине, но она не сможет или не захочет сообщить их нам. Я говорил об этом Ван Хелсингу, и, когда останемся наедине, обсудим это. Я предполагаю, что ужасный яд, попавший в ее кровь, начинает оказывать свое действие. У графа, видимо, был определенный план, когда он дал ей то, что Ван Хелсинг называет кровавым крещением вампира. Должно быть, существует яд, получаемый из безвредных веществ; в нашем веке осталось еще много таинственного, и поэтому нам нечего удивляться. Я знаю одно, а именно: если меня не обманывает инстинкт, в молчании миссис Харкер заключается новая страшная опасность, которая нам грозит в будущем. Но быть может, та самая сила, которая заставляет ее молчать, заставит ее говорить. Я не смею больше об этом думать, потому что боюсь даже мысленно оскорбить эту благородную женщину!

Ван Хелсинг пришел в мой кабинет раньше других. Я постараюсь с его помощью раскрыть истину.

Позднее.

Мы еще раз обсудили с профессором ситуацию. Я видел, что он хочет что-то сказать, но не решается. Наконец, слегка помявшись, он вдруг сказал:

— Джон, нам надо во что бы то ни стало переговорить кое о чем до прихода остальных, а впоследствии мы можем это сообщить и им.— Он помедлил еще немного и продолжил: — Мина, наша бедная, дорогая Мина становится другой!

Меня бросило в дрожь, ибо он заговорил о том, что мне самому внушало наибольшие опасения.

— На основании прежних опытов с мисс Люси нам надо остерегаться, чтобы помощь не пришла слишком поздно. Наша задача стала теперь сложнее, чем когда-либо; ввиду этого нового несчастья нам дорог каждый час. Я вижу, как на ее лице постоянно появляются все характерные признаки вампира. Правда, они пока едва заметны, но все же их можно разглядеть, если всмотреться внимательно и без предвзятости. Ее зубы стали острее, а выражение глаз суровее. Но это не все; она теперь часто молчит, как это делала и Люси. Она даже не говорила, когда писала то, что хотела сообщить. Я боюсь теперь вот чего. Если она может во сне, вызванном нами, сказать, что делает граф, то ведь, вполне вероятно, тот, кто ее загипнотизировал первый и пил ее кровь, заставив ее выпить и свою, может заставить ее открыть ему то, что она знает о нас.

Я кивнул, и он заговорил опять:

— Нам надо во что бы то ни стало предупредить это; мы должны от нее скрывать наши намерения, тогда она не сможет рассказать ему то, чего сама не знает. О! Это грустная задача! Такая грустная, что у меня разрывается сердце, едва подумаю об этом; но иначе нельзя. Когда мы ее сегодня увидим, я скажу ей, что по некоторым причинам она не должна больше присутствовать на наших совещаниях, оставаясь, однако, под нашей охраной.

Он вытер испарину, которая покрыла его лоб при мысли о том, какую боль он причинит этой несчастной, уже и так измучившейся душе. Я знал, что некоторым утешением ему будет, если я скажу, что и сам пришел к тем же выводам,— по крайней мере, это освободит его от сомнений. Я ответил, что разделяю его мнение, и это его очень поддержало.

Сейчас мы все соберемся. Ван Хелсинг ушел, чтобы приготовиться к исполнению своей печальной миссии. Я думаю, он хочет также помолиться в одиночестве.

Позднее.

Перед самым началом нашего совещания мы с Ван Хелсингом испытали большое облегчение: миссис Харкер послала своего мужа сказать, что она не присоединится к нам, так как думает, что мы станем чувствовать себя свободнее, если не будем стеснены ее присутствием при обсуждении наших планов. Я и профессор посмотрели друг на друга и оба с облегчением вздохнули. Я, со своей стороны, подумал: раз мадам Мина сама поняла опасность, то тем самым мы избавлены от многих страданий и неприятностей. Переглянувшись, мы с профессором знаками дали друг другу понять, что, пока не переговорили еще раз между собой, будем хранить наши подозрения в тайне.

Итак, мы приступили к составлению плана нашей кампании. Сперва Ван Хелсинг сжато изложил нам следующие факты:

— «Царица Екатерина» вышла вчера утром из Темзы. Чтобы добраться до Варны, ей понадобится по крайней мере три недели; мы же потратим всего три дня, если отправимся в Варну по суше. Допустив также, что благодаря влиянию погоды, которая может быть вызвана графом, судно выиграет два дня и что мы случайно задержимся на целые сутки, все же у нас впереди около двух недель. Таким образом, чтобы быть вполне спокойными, мы должны отправиться самое позднее семнадцатого. Тогда мы в любом случае прибудем в Варну на день раньше судна и успеем сделать все необходимые приготовления. Конечно, мы должны как следует вооружиться против зла телесного и бестелесного.

После этого Квинси Моррис прибавил:

— Я знаю, что граф родом из страны волков, и, быть может, он появится там раньше нас. Предлагаю дополнить наше вооружение винчестерами. Я во всех затруднительных обстоятельствах крепко надеюсь на карабин. Помнишь, Арт, как нас преследовала стая волков под Тобольском? Дорого бы мы дали тогда за карабин для каждого!

— Хорошо! — сказал Ван Хелсинг.— Возьмем с собой и карабины. Но нам здесь, в сущности, нечего делать, а так как я думаю, что Варна никому из нас не знакома, то не отправиться ли уже завтра? Все равно, где ждать, здесь или там. Сегодня ночью и завтра мы успеем подготовиться и, если все будет в порядке, мы вчетвером тронемся в путь.

— Вчетвером? — спросил удивленно Харкер, бросая на нас недоумевающий взгляд.

— Конечно! Вы должны остаться и заботиться о вашей дорогой жене! — поспешил ответить профессор.

Харкер помолчал несколько минут и сказал затем глухим голосом:

— Поговорим об этом еще завтра утром. Мне надо посоветоваться с Миной.

Я подумал, что Ван Хелсингу пора предупредить его, чтобы он не открывал ей наши планы, но он не обратил на это внимания. Я бросил на него многозначительный взгляд и кашлянул, однако вместо ответа он приложил палец к губам и отвернулся.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

5 октября, после полудня.

Когда наше совещание закончилось, я долгое время не мог ни о чем думать. Новый поворот дел настолько поразил мой мозг, что я не в силах мыслить. Решение Мины не принимать никакого участия в обсуждении заставляет меня задуматься, а так как я не смею сказать ей об этом, то могу лишь высказать свои предположения. Я теперь дальше от истины, чем когда-либо. Поведение остальных при этом известии также поразило меня: ведь в последнее время мы часто обсуждали этот вопрос и решили, чтобы между нами не было никаких тайн. Теперь Мина спит тихо и спокойно, как маленькое дитя. Губы ее полуоткрыты, и лицо сияет счастьем. Слава богу, что это так.

Позднее.

Как это странно! Я сидел, охраняя счастливый сон Мины, и считал себя таким счастливым, как, пожалуй, никогда. Когда настал вечер и земля покрылась тенью, в комнате стало еще тише и торжественнее. Вдруг Мина открыла глаза и сказала:

— Джонатан, дай мне честное слово, что исполнишь мою просьбу. Дай мне это обещание перед Богом, чтобы ты не нарушил его, даже если я буду умолять тебя об этом на коленях, заливаясь горькими слезами. Скорее исполни мою просьбу — сейчас же.

— Мина,— сказал я,— могу ли я дать такое обещание, не подумав? Имею ли я право на это?

— Но, дорогой мой,— возразила она с такой убежденностью, что глаза ее засияли, как звезды,— я же сама прошу тебя

об этом. Прошу не для себя. Спроси у доктора Ван Хелсинга, права ли я. Если он скажет, что нет, поступай, как пожелаешь. Более того, если вы все так решите, позже ты сможешь считать себя свободным от этого обещания.

— Обещаю,— ответил я, и одно мгновение она казалась счастливой, для меня же счастья не было, так как красное клеймо по-прежнему горело у нее на лбу.

Она сказала:

— Обещай, что ни слова не скажешь мне о плане, разработанном против графа. Ни словами, ни намеками, ни поступками, пока это не исчезнет! — И она указала на клеймо.

Я увидел, что она говорит серьезно, и повторил:

— Обещаю!

После ее слов я понял, что с этого мгновения между нами выросла стена.

Позднее, полночь.

Весь вечер Мина была весела и бодра, так что и остальные приободрились, как бы заразившись ее весельем; и даже я сам почувствовал, что печальный покров, давивший на нас, как бы немного приподнялся. Мы разошлись рано. Мина спит безмятежно, словно дитя. Удивительно, как сохранилась у нее способность спать спокойно, несмотря на все невзгоды. Слава богу, хоть в эти моменты она забывает тревоги. Быть может, на меня повлияет ее пример, как ее веселость передалась мне сегодня вечером. Попробую заснуть, и пусть это будет сон без сновидений.

6 октября, утро.

Новая неожиданность! Мина разбудила меня так же рано, как и вчера, и попросила пригласить Ван Хелсинга. Я подумал, что она хочет, чтобы он опять ее загипнотизировал, и сейчас же пошел за профессором. Он, по-видимому, ожидал этого приглашения, так как был уже одет. Дверь его стояла полуоткрытой, и он мог слышать, как хлопнула наша дверь. Войдя в комнату, он спросил Мину, могут ли войти остальные.

— Нет,— ответила она,— в этом нет необходимости. Вы можете сами все рассказать им потом. Я должна сопровождать вас в пути!

Ван Хелсинг был поражен не меньше моего. После некоторой паузы он спросил ее опять:

— Но почему?

— Вы должны взять меня с собой. Я с вами буду в большей безопасности, да и вы также.

— Но почему же, дорогая госпожа Мина? Вы знаете, что забота о вашей безопасности является нашей святой обязанностью. Мы идем навстречу опасностям, которым вы подвергаетесь больше, чем кто-либо из нас, вследствие разных обстоятельств...— Он остановился в замешательстве.

Она указала пальцем на свой лоб и ответила:

— Я знаю. Вот почему я должна отправиться с вами. Я могу сказать это сейчас, пока солнце встает, а потом буду не в состоянии. Я знаю, что, если граф захочет, я должна буду пойти вместе с ним. Я знаю, что, если он мне прикажет уйти тайком, я употреблю хитрость, обману даже Джонатана.

Господь свидетель того взгляда, которым она посмотрела на меня, и если есть ангел, записывающий наши добрые дела и грехи, то взгляд этот навеки останется примером ее добродетели.

— Вы сильны и храбры. Вы сильны своим числом, так как можете презирать то, что сломило бы одного человека. Кроме того, я, пожалуй, смогу вам быть полезной, если вы сможете меня загипнотизировать и узнать таким образом то, чего я не знаю сама.

Тогда Ван Хелсинг сказал серьезно:

— Мадам Мина, вы говорите умно, как всегда. Вы отправитесь вместе с нами, и мы все вместе исполним нашу обязанность.

Долгое молчание Мины заставило меня взглянуть в ее сторону. Она лежала, откинувшись на подушку, и крепко спала. Ее не разбудил даже поток света, заливший комнату, когда я поднял штору.

Ван Хелсинг пригласил меня последовать скорее за ним. Мы вошли в комнату, где к нам присоединились Годалминг, доктор Сьюард и Моррис. Он рассказал им все, что сообщила ему Мина, и затем продолжал:

— Утром мы отправимся в Варну. Нам теперь надо считаться с новым фактором — Миной. Но она предана нам. Ей стоило

больших страданий рассказать нам так много, однако она очень хорошо сделала, и теперь мы вовремя предупреждены. Не надо упускать ни одного шанса, и в Варне мы должны быть готовы действовать немедленно после прибытия судна.

— Что же нам там делать? — спросил лаконично Моррис.

Профессор подумал немного и ответил:

— Мы первым делом войдем на судно, а затем, когда найдем ящик, положим на него ветку шиповника; пока она там, граф не сможет выйти — так, по крайней мере, гласит поверье. Поначалу мы должны полагаться только на это. В давние времена это было для человека истинной верой — вот откуда наши поверья. Далее, когда мы дождемся удачного стечения обстоятельств и никого не окажется поблизости, мы откроем ящик, и все будет прекрасно.

— Я не стану ждать удобного случая,— сказал Моррис.— Когда я найду ящик, я открою его и уничтожу чудовище, хотя бы тысячи людей видели это и хотя бы меня сейчас же после этого казнили.

Я инстинктивно схватил его за руку и обнаружил, что она тверда как сталь. Думаю, он правильно понял мой взгляд,— надеюсь на это.

— Вы славный малый,— сказал доктор Ван Хелсинг.— Храбрый Квинси — настоящий мужчина, да благословит его за это Бог. Дитя мое, поверьте, никто из нас не отстанет из страха. Я только говорю, что мы все поступим так, как надо. Хотя на самом деле, мы, пожалуй, не можем сейчас сказать, как поступим. До того времени многое может случиться. Мы все будем вооружены, и, когда наступит критический момент, наши силы не ослабнут. Сегодня же приведем в порядок наши дела, особенно те, которые касаются близких и зависящих от нас людей, потому что никто из нас не может сказать, каков будет конец. Мои дела уже устроены, а так как мне больше нечего делать, я пойду приготовить все для путешествия. Я приобрету билеты и прочее.

Нам больше нечего было обсуждать, и мы разошлись. Я сейчас тоже устрою свои земные дела и тогда буду готов ко всему, что бы ни случилось.

Позднее.

Все сделано, завещание написано. Мина — моя единственная наследница, если она выживет. Если же нет, все получат остальные, которые были так добры к нам. Солнце близится к закату. Недомогание Мины привлекает мое внимание. Я уверен, она о чем-то думает, мы видим это после захода солнца. Мы со страхом ждем каждый раз восхода и заката, потому что каждый раз узнаем о новой опасности, новом горе, но дай бог, чтобы все кончилось благополучно. Я пишу это в дневнике, потому что моя дорогая не должна сейчас обо всем этом слышать, но, если случится так, что ей можно будет узнать, она прочтет эти записи.

Она зовет меня.

Глава XXV

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

11 октября, вечер.

Харкер просил меня записать это, так как сам он не способен, а точная запись нужна ему.

Думаю, никто из нас не был удивлен, когда незадолго до заката нас пригласили к миссис Харкер. Мы все заметили, что за последние дни время восхода и заката солнца является для нее периодом особенной свободы, когда ее прежняя личность может вырваться из-под влияния контролирующей силы, угнетающей ее или побуждающей к странным поступкам. Состояние это наступает приблизительно за полчаса до восхода или заката солнца и продолжается до тех пор, пока солнце не поднимется высоко или пока облака еще пылают в лучах скрывающегося за горизонтом дневного светила. Сначала ее состояние становится каким-то колеблющимся, словно некие узы начинают ослабевать, затем внезапно наступает чувство абсолютной свободы; когда же свободное состояние прекращается, быстро наступает реакция, которой предшествует предостерегающее молчание.

Когда мы сегодня встретились, она была несколько сдержанна и проявляла признаки внутренней борьбы. Думаю, она со-

биралась с духом, чтобы сделать над собой усилие. Всего за несколько минут ей удалось овладеть собой. Она указала мужу место возле себя, а мы пододвинули стулья к дивану, на котором она полулежала. Взяв мужа за руку, она заговорила:

— Быть может, мы собрались вместе так свободно в последний раз. Да-да, дорогой! Я знаю, что ты будешь со мной до конца.— Это она сказала мужу, который, мы заметили, еще крепче сжал ее руку.— Утром мы приступим к исполнению нашей задачи, и только Богу известно, что ожидает каждого из нас в дальнейшем. Вы будете так добры, что возьмете меня с собой. Я знаю, на что способны пойти отважные, стойкие люди, чтобы помочь бедной слабой женщине, душа которой, может быть, погибла, во всяком случае — в опасности. Но вы должны помнить: я не такая, как вы. В моей крови, в моей душе — яд, и он может убить меня и должен убить меня, если мне не будет оказана помощь. О друзья мои, вы знаете так же хорошо, как и я, что моя душа в опасности, и, хотя я так же, как и вы, знаю, что для меня есть один только путь, но мы не должны по нему идти.

Она обвела нас всех умоляющим взглядом.

— Какой путь? — спросил хриплым голосом Ван Хелсинг.— Какой это путь, который мы не должны, не можем избрать?

— Этот путь — моя смерть сейчас же, от своей руки или от руки другого, но во всяком случае прежде, чем разразится величайшее бедствие. Я знаю, и вы тоже знаете: умри я сейчас, вы в состоянии будете спасти мою бессмертную душу, как вы это сделали с бедной Люси. Если бы только смерть или страх смерти стояли единственным препятствием на моем пути, я не задумалась бы умереть здесь, теперь, среди любящих меня друзей. Но смерть не есть конец. Я не могу допустить мысли, что была на то Божья воля, что я должна умереть, в то время как мы имеем надежду спастись. Итак, я, со своей стороны, отказываюсь от вечного упокоения и добровольно вступаю в тот мрак, в котором может быть заключено величайшее зло, какое только встречается в мире или в преисподней.

Мы молчали, инстинктивно чувствуя — это лишь прелюдия. Лица у всех застыли, а Харкер просто посерел: возможно, он лучше нас догадывался, о чем пойдет речь. Она продолжала:

— Вот таков мой вклад в общее дело.

Я не мог не заметить необычность этой фразы, прозвучавшей со всей серьезностью.

— Но что даст каждый из вас? Знаю, ваши жизни,— быстро продолжала она,— это естественно для храбрых людей! Ваши жизни принадлежат Богу, и вы должны вернуть их ему. Но что дадите вы мне?

Она поглядела на нас вопросительно, избегая смотреть на мужа. Квинси как будто понял, кивнул головой, и лицо ее просияло.

— Я вам прямо скажу, что мне надо, ибо между нами не должно быть в этом отношении ничего утаенного. Вы должны обещать мне, все как один — и даже ты, мой любимый супруг,— что, когда наступит час, вы убьете меня.

— Какой час? — спросил Квинси глухим, сдавленным голосом.

— Когда вы увидите по происшедшей в моей внешности перемене, что мне лучше умереть, чем жить. Когда мое тело будет мертвым, вы должны, не медля ни минуты, проткнуть меня колом и отрезать мне голову, вообще исполнить все, что понадобится, для успокоения моей души.

Квинси первым опомнился после продолжительной паузы. Он опустился перед ней на колени, взял ее руку в свою и торжественно произнес:

— Я грубый человек, который, пожалуй, жил далеко не так, чтобы заслужить подобное отличие, но клянусь вам всем святым и дорогим для меня: если когда-нибудь наступит такое время, я не уклонюсь от долга, который вы возложили на нас. Обещаю вам сделать это наверняка, и как только у меня появятся подозрения, я сочту, что час настал.

— Вы мой истинный друг! — вот все, что она могла проговорить, заливаясь слезами.

— Клянусь сделать то же самое, моя дорогая мадам Мина! — сказал Ван Хелсинг.

— И я! — произнес лорд Годалминг.

Каждый из них по очереди опускался на колени, давая клятву. То же сделал и я. Ее муж с блуждающим взором обернулся к ней и спросил:

— Должен ли я тоже дать такое обещание, жена моя?

— Конечно, милый,— сказала она с бесконечным сочувствием в голосе и взгляде.— Ты не должен отказываться. Ты самый близкий и дорогой для меня человек, в тебе весь мой мир: наши души спаяны на всю жизнь и на всю вечность. Подумай, дорогой, о том, что были времена, когда храбрые мужья убивали своих жен и близких женщин, чтобы они не могли попасть в руки врагов. Ни у одного из них не дрогнула рука — ведь те, кого они любили, сами призывали лишить их жизни. Это обязанность мужчин перед теми, кого они любят, во время тяжких испытаний. О дорогой мой, если суждено, что я должна принять смерть от чьей-либо руки, то пусть это будет рука того, кто любит меня сильнее всех. Доктор Ван Хелсинг! Я не забыла, как, когда дело касалось Люси, вы сострадали тому, кто любил,— она запнулась и изменила фразу,— тому, кто имел большее право даровать ей покой. Надеюсь, что, если это время опять настанет, вы сделаете все, чтобы и муж мой без горести вспоминал, что именно его любящая рука избавила меня от тяготевшего надо мной проклятия.

— Клянусь вам! — глухо прозвучал голос профессора.

Миссис Харкер облегченно улыбнулась, откинулась на подушки и сказала:

— Еще одно предостережение, предостережение, которое вам не следует забывать: если это время должно наступить когда-либо, оно наступит скоро и неожиданно, и в таком случае вы должны не теряя времени воспользоватьсяэтой возможностью, потому что в то время я могу быть... нет, если оно наступит, то я уже буду... связана с вашим врагом и против вас. И еще просьба,— добавила она после минутной паузы.— Не такая существенная и необходимая, как первая, но я желаю, чтобы вы сделали одну вещь для меня. Я прошу вас согласиться.

Мы все молча кивнули.

— Я желаю, чтобы вы прочли надо мной погребальную молитву.

Ее речь прервал громкий стон ее мужа; взяв его руку в свою, она приложила ее к своему сердцу и продолжала:

— Ты должен здесь, сейчас прочесть ее надо мной. Чем бы ни завершился этот кошмар, для всех нас наступит облегчение. Ты, дорогой мой, надеюсь, прочтешь так, что она запечатлеется

в моей памяти навеки отзвуками твоего голоса... что бы ни случилось.

— Но, дорогая моя,— молил он,— смерть далеко от тебя.

— Нет,— ответила она,— я ближе к смерти в настоящую минуту, чем если бы лежала под тяжестью могильного холма.

— Жена моя, неужели я должен это прочесть? — спросил он, не в силах начать.

— Это успокоит меня, муж мой.

Больше она ничего не сказала, только подала ему книгу, и он начал читать.

Могу ли я, да и вообще кто-нибудь, описать эту странную сцену, торжественную, печальную, мрачную и в то же время дающую утешение? Даже скептик, видящий одну лишь пародию на горькую истину во всякой святыне и во всяком волнении, был бы растроган до глубины сердца, если б увидел маленькую группу любящих и преданных людей на коленях около осужденной и тоскующей женщины или услышал бы страстную нежность в голосе супруга, когда он прерывающимся от волнения голосом, так что ему приходилось порой умолкать, читал простую и прекрасную погребальную молитву.

— Я... не могу продолжать... слова... и... у меня не хватает голоса...

Она была права в своем инстинктивном требовании. Как это ни было странно, какой бы причудливой ни казалась нам эта сцена,— нам, которые в то время находились под сильным влиянием ее,— впоследствии она доставила большое утешение, и молчание, которое доказывало скорый конец свободы души миссис Харкер, не было для нас полно отчаяния, как мы того опасались.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

15 октября. Варна.

Мы покинули Чаринг-Кросс 12-го утром, приехали в Париж в ту же ночь и заняли приготовленные для нас места в Восточном экспрессе. Мы ехали день и ночь и прибыли сюда около пяти часов вечера. Лорд Годалминг отправился в консульство справиться, нет ли телеграммы на его имя, а мы расположились

в гостинице. В пути, вероятно, были какие-то происшествия, но я был слишком поглощен желанием уехать, чтобы обращать на них внимание. Пока «Царица Екатерина» не придет в порт, для меня не может быть ничего интересного на всем земном шаре. Слава богу, Мина здорова и как будто окрепла, возвращается румянец. Она много спит, дорогой она спала почти все время. Перед восходом и закатом солнца она, впрочем, бодрствует и тревожна. У Ван Хелсинга вошло в привычку гипнотизировать ее в это время. Сначала требовалось некоторое усилие, но теперь она вдруг поддалась, точно привыкла подчиняться. Кажется, в эти моменты ему достаточно лишь пожелать, и мысли ее становятся ему послушны. Он всегда спрашивает ее, что она видит и что слышит. На первый вопрос она отвечает:

— Ничего, все темно.— А на второй: — Я слышу, как волны ударяют в борта и как вода бурлит. Паруса и снасти натягиваются, мачты и реи скрипят. Ветер сильный, я слышу, как гудят снасти, а нос корабля рассекает пенящиеся волны.

Очевидно, что «Царица Екатерина» все еще в море, она спешно направляется в Варну. Лорд Годалминг только что вернулся. Получил четыре телеграммы, по одной в день со времени нашего отъезда, и все одинакового содержания: Ллойд не имеет известий о «Царице Екатерине». Перед отъездом из Лондона он договорился, что агент будет ежедневно отправлять ему телеграмму со сведениями о «Царице Екатерине» или сообщающую об отсутствии таковых, чтобы он был уверен, что в Лондоне по-прежнему исполняют его поручение.

Мы пообедали и рано легли спать. Завтра нам надо повидать вице-консула и устроиться, если возможно, так, чтобы прибыть на пароход, едва он придет. Ван Хелсинг говорит, что для нас важно попасть на судно между восходом и закатом солнца. Граф, превратись он даже в летучую мышь, не может силой своей воли преодолеть воду и поэтому не может покинуть пароход. Так как он не посмеет обернуться человеком, не возбуждая подозрений, чего он, очевидно, желает избегнуть, он должен оставаться в ящике. Следовательно, если мы попадем на пароход после восхода солнца, он будет в нашей власти, потому что мы можем открыть ящик и поразить его, как поразили бедную Люси, прежде чем он проснется. Пощады от нас ему ждать не-

чего. Мы надеемся, что с чиновниками и моряками не будет затруднений. Слава богу, это такая страна, где подкупом все можно сделать, а мы запаслись достаточным количеством денег. Нам надо только похлопотать, чтобы судно не вошло в порт неведомо для нас, между закатом и восходом солнца, и мы будем спасены. Думаю, госпожа Взятка нам поможет.

16 октября.

Ответ Мины все тот же: удары волн о борт корабля и бурлящая вода, темнота и благоприятные ветры. Мы, очевидно, в полосе удачи и при первом известии о «Царице Екатерине» будем готовы. Поскольку она должна пройти через Дарданеллы, мы уверены, что своевременно все узнаем.

17 октября.

Теперь, кажется, все хорошо устроено для встречи графа при его возвращении из путешествия. Годалминг сказал судовладельцам, что он подозревает, будто в ящике на пароходе могут быть вещи, украденные у его приятеля, и получил полусогласие на вскрытие ящика под его ответственность. Владелец корабля дал ему письмо, приказывающее капитану предоставить ему полную свободу действий на пароходе, и такое же разрешение дал на имя своего агента в Варне. Мы повидали агента, на которого очень сильно подействовало ласковое обращение с ним Годалминга, и мы спокойны: с его стороны будет сделано все, что может содействовать исполнению наших желаний. Мы уже сговорились, что делать, когда ящик будет вскрыт. Если граф окажется в ящике, Ван Хелсинг и Сьюард отрубят ему голову и воткнут кол в сердце. Моррис, Годалминг и я будем на страже, чтобы предупредить вмешательство даже с оружием в руках, если это понадобится. Профессор говорит, что, если мы так обойдемся с графом, он скоро превратится в прах. Тогда не будет никаких улик против нас, если возникнет подозрение в убийстве. Но даже если этого не произойдет, мы победим или падем, и, может быть, когда-нибудь эти записки явятся доказательством нашей правоты и встанут стеной между некоторыми из нас и виселицей. Сам я приму такой исход, если это будет суждено, лишь с благодарностью. Мы решили не оставлять камня на камне, лишь бы только привести наш план в исполнение. Мы условились с некоторыми чиновниками, что, как только «Царица Екатерина» покажется, нас тотчас же уведомят.

24 октября.

Целая неделя ожидания. Ежедневные телеграммы Годалмингу, но все то же: «Нет известий». Утренний и вечерний ответ Мины под гипнозом: неизменные удары волн, бурливая вода, скрипучие мачты.

ТЕЛЕГРАММА. РУФУС СМИТ, ЛЛОЙД, ЛОНДОН, ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ, ЧЕРЕЗ ВИЦЕ-КОНСУЛА, ВАРНА

24 октября.

Сегодня утром получено известие о «Царице Екатерине» из Дарданелл.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

24 октября.

Как мне не хватает моего фонографа! Писать дневник пером страшно утомительно, но Ван Хелсинг говорит, что я должен записывать все. Вчера, когда Годалминг получил телеграмму от Ллойда, мы все были в страшном волнении. Теперь я знаю, что чувствуют люди в сражении, когда раздается приказ начинать атаку. Одна лишь миссис Харкер не проявила никаких признаков волнения. Впрочем, в этом нет ничего странного, потому что мы приняли все меры, чтобы она ничего не знала, скрывали наше волнение, когда были в ее обществе. Раньше она обязательно бы это заметила, как бы мы ни старались, но она очень переменилась за последние три недели. Сонливость все более одолевает ее, и, хотя у нее здоровый вид и к ней вернулся прежний румянец, Ван Хелсинг и я недовольны ею. Мы часто говорили о ней, пусть ни словом не обмолвились другим. Нервы бедняги Харкера не выдержали бы, если б он знал о наших по-

дозрениях. Ван Хелсинг внимательно осматривает ее зубы во время гипноза и говорит, что, пока они не начинают заостряться, можно не опасаться перемены в ней. Когда эта перемена наступит, будет необходимо принять меры... Мы оба знаем, каковы эти меры, хотя не поверяем друг другу своих мыслей. Ни один из нас не уклонится от обязанности... страшной обязанности.

Какое прекрасное, успокаивающее слово «эвтаназия». Я благодарен тому, кто его придумал.

Только 24 часа пути от Дарданелл сюда при той скорости, с какой шла «Царица Екатерина» из Лондона. Она придет, следовательно, утром; так как она раньше никак не может прибыть, то мы рано разойдемся. И поднимемся в час ночи, чтобы быть наготове.

25 октября, полдень.

До сих пор нет никаких известий о прибытии судна. Гипнотический ответ миссис Харкер сегодня утром был тот же, что всегда, так что, возможно, мы еще получим известие. Мужчины в лихорадочном возбуждении, кроме Харкера, который на вид совершенно спокоен. Но руки его холодны как лед, а час назад я видел, как он точит свой нож, с которым теперь не расстается. Не поздоровится графу, если лезвие, направляемое этой твердой ледяной рукой, когда-нибудь коснется его глотки.

Ван Хелсинг и я немного тревожимся сегодня о миссис Харкер. Около полудня она погрузилась в сон, который нам не понравился. Хотя мы ничего не говорили другим, но нам обоим было не по себе. Она была беспокойна все утро, так что мы сперва обрадовались, что она заснула. Однако когда ее муж случайно сказал, что не может ее разбудить, настолько крепко она спит, мы пошли в ее комнату взглянуть. Она дышала и выглядела так хорошо и спокойно, что мы согласились — сон для нее полезнее всего. Бедняжка! Ей надо так много забыть; неудивительно, что сон, приносящий забвение, полезен ей.

Позднее.

Наше предположение оправдалось, так как после освежающего сна, продолжавшегося несколько часов, она стала веселее

и бодрее, нежели была в последние дни. На закате солнца она дала обычный гипнотический ответ. На каком бы месте Черного моря граф ни был, верно лишь то, что он спешит к месту назначения. К месту своей погибели, надеюсь я!

26 октября.

Вот уже второй день как нет известий о «Царице Екатерине». Она должна была бы теперь находиться здесь. Что она все еще плывет где-нибудь — очевидно, так как ответ миссис Харкер под гипнозом, на восходе солнца, был обычный. Возможно, корабль стоит время от времени на якоре из-за тумана; некоторые корабли, прибывшие вчера вечером, сообщили, что густой туман лежит на севере и юге от порта. Мы должны оставаться на посту, так как судно может прибыть каждую минуту.

27 октября, полдень.

Очень странно, но все еще нет известий о корабле, который мы ожидаем. Миссис Харкер отвечала прошлой ночью и сегодня утром, как всегда: удары волн и бурлящая вода, хотя она прибавила, что «волны слабые». Телеграммы из Лондона те же: «Нет известий». Ван Хелсинг страшно встревожен и только что сказал мне — он боится, как бы граф не ускользнул от нас. И прибавил многозначительно:

— Мне не нравится сонливость мадам Мины. Душа и память проделывают странные шутки во время транса.

Я хотел подробнее расспросить его, но вошел Харкер, и профессор сделал предостерегающий жест. Мы должны постараться сегодня на закате солнца заставить ее разговориться во время гипноза.

ТЕЛЕГРАММА ОТ РУФУСА СМИТА, ЛОНДОН, ЛОРДУ ГОДАЛМИНГУ, ЧЕРЕЗ ВИЦЕ-КОНСУЛА, ВАРНА

28 октября.

«Царица Екатерина» вошла в Галац сегодня в час дня.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

28 октября.

Когда пришла телеграмма о прибытии судна в Галац, это не стало ударом для нас, как можно было бы ожидать. Правда, мы не знали, откуда, как и когда разразится гроза, но все мы ждали, что случится что-то странное. Задержка прибытия в Варну подготовила нас всех к тому, что обстоятельства складываются не так, как мы предполагали, и мы только выжидали, где произойдет эта перемена. Тем не менее мы были поражены. Полагаю, природа наша основана на надежде — помимо нашей воли мы верим в то, что произойдет так, как должно, а не так, как, мы знаем, суждено. Трансцендентализм — это путеводная звезда для ангелов, хотя для людей это может быть блуждающим огоньком. Каждый из нас по-разному воспринял известие. Ван Хелсинг поднял руку, будто хотел возразить Всевышнему, но не произнес ни слова и стоял некоторое время с окаменевшим лицом. Лорд Годалминг сильно побледнел и тяжело дышал. Сам я был настолько ошеломлен, что лишь переводил удивленный взгляд с одного на другого. Квинси Моррис затянул ремень тем самым движением, которое во время наших путешествий означало сигнал «к бою!». Миссис Харкер побледнела так, что шрам на ее лбу, казалось, запылал, но лишь сложила смиренно руки и молитвенно возвела глаза к небу. Харкер же улыбнулся — да-да, улыбнулся, и это была улыбка потерявшего надежду. Руки его инстинктивно потянулись к рукоятке ножа и застыли там.

— Когда отправляется следующий поезд в Галац? — спросил Ван Хелсинг, обращаясь к нам всем.

— Завтра в шесть тридцать утра.

Мы с удивлением переглянулись, так как ответ исходил от миссис Харкер.

— Откуда вы знаете? — спросил Арт.

— Вы забыли... или, быть может, не ведали, хотя Джонатан и доктор Хелсинг должны бы это знать, что я знаток по части расписания поездов. Дома в Эксетере я всегда составляла расписание поездов, чтобы помочь мужу. Я нахожу это настолько полезным, что теперь всегда изучаю расписание тех стран, по которым путешествую. Я знала, что, если нам нужно будет побывать в замке Дракулы, мы поедем через Галац или, во всяком случае, через Бухарест, и я тщательно запоминала поезда. К несчастью, немного пришлось запомнить, так как завтра идет только один поезд.

— Удивительная женщина,— прошептал профессор.

— Нельзя ли нам заказать экстренный? — спросил лорд Годалминг..

Ван Хелсинг покачал головой:

— Нет, думаю, вряд ли. Страна эта не похожа на вашу или мою; если бы мы даже и получили экстренный поезд, он, вероятно, пришел бы позже обыкновенного. К тому же нам надо еще собраться. Мы должны обдумать и организовать нашу погоню. Вы, Артур, ступайте на станцию, возьмите билеты и устройте все, чтобы мы могли ехать завтра. Вы, Джонатан, идите к судовому агенту и достаньте от него письмо к агенту в Галаце с разрешением произвести такой же обыск на корабле, как здесь. Вы, Квинси Моррис, повидайте вице-консула и заручитесь его помощью и помощью его коллеги в Галаце, чтобы он все устроил для облегчения нашего путешествия и нам не пришлось даром терять время на Дунае. Джон останется с мадам Миной и со мной, и мы будем держать совет. Вы можете запоздать, но это не важно, так как, когда зайдет солнце, я буду здесь с мадам Миной, ожидая ответа.

— А я,— сказала миссис Харкер оживленным тоном, более похожим на ее прежнюю манеру, чем ее тон за последнее время,— постараюсь быть всячески полезной, буду думать и писать для вас, как привыкла делать до сих пор. Я чувствую, будто мне что-то помогает, точно спадает какая-то тяжесть; я чувствую себя свободнее, чем была последнее время.

Трое молодых людей просияли в эту минуту, так как по-своему поняли значение ее слов, но Ван Хелсинг и я, повернувшись друг к другу, обменялись серьезными, озабоченными взглядами, хотя ничего и не сказали.

Когда трое мужчин ушли исполнять свои поручения, Ван Хелсинг попросил миссис Харкер достать дневник и отобрать для него записи Харкера, сделанные в замке. Она отправилась за ними; когда дверь закрылась, он сказал мне:

— Мы думаем об одном и том же. Говорите.

— Произошла какая-то перемена. Но эта хрупкая надежда может обмануть нас.

— Именно так. Знаете, зачем я попросил ее принести рукопись?

— Нет,— ответил я,— впрочем, может быть, чтобы иметь случай переговорить со мной наедине.

— Отчасти вы правы, Джон, но только отчасти. Мне надо вам сказать кое-что. О мой друг, я сильно, страшно рискую, но считаю это справедливым. В ту самую минуту, когда мадам Мина сказала те слова, что остановили наше внимание, на меня снизошло вдохновение. Во время транса, три дня тому назад, граф послал свой дух, чтобы прочесть ее мысли, или, что вероятнее, заставил ее дух явиться к нему в ящик на корабле, так как он свободен на восходе и закате солнца. Итак, он узнал, что мы здесь, потому что у нее больше материала для рассказов, ведь она ведет открытый образ жизни, с видящими глазами и слышащими ушами, а он в ящике-гробу. Теперь он делает величайшее усилие, чтобы скрыться от нас. Теперь она ему не нужна. Благодаря своим обширным познаниям он уверен, что она явится на его призыв, но он гонит ее — ставит ее, насколько для него возможно, вне его власти, чтобы она не могла явиться к нему. Вот тут-то я надеюсь, что наш мужской ум, который так долго был умом взрослого человека и не утратил Божьего милосердия, окажется сильнее, чем его детский мозг, пролежавший целые века в могиле, который не дорос до нашей зрелости и исполняет лишь эгоистическую и, следовательно, ничтожную работу. Вот идет мадам Мина, ни слова при ней о трансе. Она ни о чем не подозревает, а это лишь ошеломит ее и ввергнет в отчаяние как раз сейчас, когда нам нужны ее надежда и смелость, когда нам нужен ее ум, развитой, как ум мужчины, но обладающий преимуществами ума женского. Кроме того, она наделена властью, которую дал ей граф и которую он не может до конца отнять, хотя сам так не считает. Тсс! Предоставьте мне говорить, и вы поймете мой план. Мы в ужасном положении, Джон. Я боюсь, как никогда не боялся прежде. Мы можем надеяться лишь на милосердие Бога. Молчание. Она идет.

Я думал, что с профессором случится истерика, как было, когда умерла Люси, но огромным усилием воли он овладел собой, и, когда счастливая и радостная миссис Харкер, забыв за делами о своем несчастье, вошла в комнату, профессор выглядел превосходно. Войдя, она подала Ван Хелсингу несколько страниц, отпечатанных на машинке. Он начал сосредоточенно читать их, и лицо его оживлялось по мере чтения. Затем, придерживая страницы указательным и большим пальцами, он сказал:

— Вот вам урок, друзья мои,— и вам, мой многоопытный Джон, и вам, дорогая мадам Мина, не имеющая по молодости такого опыта: никогда не бойтесь думать! Какая-то неясная мысль часто блуждала у меня в мозгу, но я боялся дать ей окрепнуть. А теперь, обогатив свой ум познаниями, я снова возвращаюсь к тому источнику, где зародилась эта полумысль, и прихожу к заключению, что это вовсе не полумысль, а целая мысль, хотя столь юная, что не может еще пользоваться своими маленькими крылышками. Нет, подобно тому как происходит дело в «Гадком утенке» моего приятеля Ганса Андерсена, это вовсе не утиная мысль, но лебединая, которая гордо поплыла на широко расправленных крыльях, когда пришло время испробовать их. Слушайте, я прочту то, что Джонатан записал здесь: «Другой его одноплеменник, который в более поздние времена снова и снова переправлялся со своим войском за реку на турецкую землю; который, будучи разбит, выступал снова и снова, хотя и возвращался один с кровавого поля битвы, где полегло его воинство,— ибо он знал, что лишь он восторжествует в конце концов!» Какое мы можем вынести из этого заключение? Вы думаете, никакого? Посмотрим. Детская мысль графа не видит тут ничего, поэтому он и говорит об этом так свободно. Ваша мужская мысль тоже не видит ничего, и моя мужская мысль не видит ничего, вернее, не видела до сих пор. Но вот начинается речь той, которая говорит не думая, потому что она также не знает, что это значит... что это могло бы значить. Это совершенно подобно тем элементам, которые кажутся неподвижными, но это не мешает им совершать свой путь в системе мироздания и доходить до своей цели. Вдруг блеснет свет, раскроется небо, и что-то ослепляет, убивает и уничтожает, и земля открывает свои недра на большие глубины. Разве не так? Вы не понимаете? Хорошо, я объясню. Изучали вы когда-нибудь философию преступления? Да и нет. Вы, Джон, разумеется, так как это изучение безумия. Вы, мадам Мина, вряд ли, потому что преступление далеко от вас... только однажды оно вас коснулось. Все же ваш ум работает правильно и не оспаривает принципа «a particulari ad universale»*. Во всяком преступлении есть своя особенность, что совершенно очевидно, и даже полиция, незна-

* От частного к общему (*лат.*).

комая с философией, знает это. Преступник всегда работает над одним преступлением, то есть настоящий преступник, у которого предрасположение к определенному роду преступлений и который не способен на другое преступление. Такой преступник не обладает мозгом зрелого человека. Он умен, хитер и находчив, но что до его мозга, это не мозг зрелого человека. Во многом у него детский мозг. Наш преступник также предрасположен к преступлению, у него также детский мозг, и то, что он сделал,— детская работа. Птичка, рыбка, зверек — все они учатся на своем опыте. Научившись что-то делать, они учатся дальше. «Dos pou sto», сказал Архимед. «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир!» Что-то однажды совершенное становится для детского ума точкой опоры, благодаря которой он взрослеет. Пока ему не нужно нечто новое, он делает так, как делал раньше. О моя дорогая, я вижу, глаза ваши широко открыты, и блеснувший свет показал вам всю глубину,— прервал он ход своих рассуждений, когда миссис Харкер всплеснула руками и глаза у нее заблестели.

Затем он продолжил:

— Теперь настала ваша очередь говорить. Скажите нам, сухим людям науки, что вы видите вашими чудесными глазами.

Он взял ее за руку и крепко держал. Его указательный и большой пальцы инстинктивно и невольно, как мне показалось, щупали ее пульс, пока она говорила:

— Граф — типичный преступник. Так бы определили его Нордау и Ломброзо, и действительно, ум его неправильно сформирован. Так, в затруднении он обращается к привычному способу. Его прошлое может служить путеводной нитью для будущего. Одна страница из этого прошлого, которое мы знаем по его рассказам, содержит описание того момента, когда граф, находясь, как сказал бы мистер Моррис, в рискованном положении, вернулся в свою страну из той земли, которою хотел овладеть, только затем, чтобы приготовиться к новому походу. Он возвратился на поле брани лучше подготовленный для достижения своей цели и победил. Точно так же он прибыл в Лондон, чтобы овладеть новой страной. Он потерпел поражение и, когда последняя надежда на успех была потеряна и даже само его существование оказалось в опасности, бежал за море к себе домой, как раньше бежал за Дунай из турецкой земли.

— Прекрасно! Прекрасно! Что вы за умница! — восторженно воскликнул Ван Хелсинг и поцеловал ей руку. Через мгновение он обратился ко мне приглушенным тоном, каким говорят на консилиуме у постели больного: — Всего семьдесят два, и это несмотря на возбуждение. У меня есть надежда.— Вновь обернувшись к ней, он крайне заинтересованно попросил: — Продолжайте! Вы можете сказать больше. Не бойтесь. Джон и я все знаем. Я — во всяком случае и скажу вам, правы ли вы. Не бойтесь, говорите!

— Попробую, но вы уж извините меня, если я покажусь вам слишком заинтересованной своими проблемами.

— Не бойтесь! Это и хорошо, ведь мы думаем именно о вас.

— Как все преступники, он эгоистичен, а поскольку его разум ограничен и все его действия основаны на эгоизме, то он руководствуется одним принципом. Этот принцип — безжалостность. Как раньше он бежал за Дунай, бросив свое войско во власти врага, так и теперь он хочет спастись, забыв обо всем остальном. Итак, его собственный эгоизм освобождает мою душу от ужасной власти, которую он приобрел надо мной в ту страшную ночь. Я почувствовала это, о как почувствовала! Благодарение Господу за его великое милосердие. Моя душа стала такой свободной, какой не была с того самого ужасного часа. Меня мучит только страх, что во время сеанса или сна он может, пользуясь моей близостью к вам, выведать от меня ваши планы.

Профессор поднялся:

— Он использовал ваш мозг, поэтому и сумел задержать нас здесь, в Варне, пока корабль, на котором он находился, незаметно пронесся, окутанный туманом, в Галац, где, несомненно, все им приготовлено, чтобы спастись от нас. Но его детский ум не пошел дальше этого, и, может быть по Божьему Промыслу, то самое, чем хотел воспользоваться злодей для собственной пользы, окажется для него величайшим вредом. Охотник попался в собственную ловушку, как говорит великий псалмопевец. Именно теперь, когда граф думает, что скрыл от нас все следы, что опередил нас на много часов, его детский мозг внушает ему, что он вне опасности. Он думает также, что так как он отказался от чтения ваших мыслей, то и вы не будете знать о

нем. Вот тут-то он и попадется. Страшное крещение кровью, которое он совершил над вами, дает вам возможность мысленно явиться к нему, как вы это делали во времена вашей свободы, в момент восхода и заката солнца. Тогда вы перенесетесь к нему по моей воле, а не его, и эту полезную для вас и для других способность вы приобрели от него же ценою вашего страдания и мук. Это тем более ценно теперь, что он не знает этого, так как, чтобы спастись, он сам отказался от знания нашего местопребывания. Мы, однако, не столь себялюбивы и верим, что Господь с нами среди всего этого ужаса и в эти мрачные часы. Мы последуем за ним, мы не сдадимся и, даже если погибнем, все же не будем походить на него. Джон, это был великий час, он далеко подвинул нас вперед на нашем пути! Вы должны записать все и, когда прочие вернутся по окончании своих дел, дать им прочесть это, чтобы они знали столько же, сколько и мы.

Я записал это, пока мы ждали их возвращения, а миссис Харкер перепечатала мою запись на своей машинке.

Глава XXVI

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

29 октября.

Это записано в поезде по дороге из Варны в Галац. Вчера вечером перед самым закатом мы снова собрались вместе. Каждый из нас исполнил свой долг как нельзя лучше. Мы запаслись на весь день нашего странствия и на предстоящую работу в Галаце тем, что могли дать наша изобретательность, усердие и случай. Когда настало время, миссис Харкер приготовилась к сеансу гипноза; на этот раз Ван Хелсингу пришлось потратить больше усилий, чем всегда, чтобы заставить ее впасть в транс. Обычно она сама говорила, достаточно было дать лишь маленький толчок, но на этот раз профессору пришлось ставить ей вопросы довольно решительным тоном, чтобы узнать хоть что-нибудь. Наконец она все-таки заговорила:

— Я ничего не вижу, мы стоим на месте, нет никаких волн, вода лишь мягко журчит вдоль борта. Я слышу человеческие голоса вдали и вблизи и скрип и шум весел в уключинах. Откуда-то раздался выстрел из ружья, эхо его кажется далеким. Вот слышится топот над моей головой — тащат какие-то веревки и цепи. Что такое? Откуда-то луч света, я чувствую дуновение ветерка.

Наступило молчание. Она приподнялась с дивана, где лежала, точно ее кто-то принуждал к тому, и простерла обе руки ладонями вверх, словно подымая какую-то тяжесть. Ван Хелсинг и я обменялись взглядами — нам все было ясно. Квинси пристально посмотрел на нее, а рука Харкера инстинктивно сжала рукоять ножа. Молчание длилось довольно долго.

Было ясно, что ее время прошло и она больше ничего нам не скажет, но мы чувствовали, что не было никакого смысла говорить.

Внезапно она села на диване и, открыв глаза, мило спросила:

— Не хотите ли чаю? Вы, должно быть, очень устали.

Нам всем хотелось сделать ей приятное, и мы согласились. Она ушла готовить чай, и тогда Ван Хелсинг сказал:

— Видите, друзья мои? Он у нас в руках: он покинул свой ящик с землей. Но ему еще нужно попасть на берег. Ночью он, может быть, где-нибудь спрячется, но, если его не перенесут на берег или если корабль не причалит, он не сможет попасть на сушу. Он может только изменить свой облик и прыгнуть или полететь на берег, как он сделал в Уитби. Но если он не попадет на берег до наступления дня, значит, не сможет сбежать, разве что его перенесут. А если его будут переносить, возможно, таможенные чиновники захотят осмотреть содержимое ящика. Таким образом, если он не попадет сегодня еще до рассвета на берег, то весь следующий день для него уже пропал. В таком случае мы появимся как раз вовремя, и, если он ночью не уйдет, мы нападем на него днем, выгрузим его, и он будет в нашей власти. Ведь он не может показаться таким, какой он на самом деле,— проснувшимся и в образе человека, так как тогда его узнают...

Сказать больше было нечего, и мы стали терпеливо дожидаться рассвета — тогда можно будет узнать что-то еще от миссис Харкер.

Сегодня рано утром мы снова с трепетом прислушивались к ее словам во сне. На этот раз она еще дольше не засыпала, а

когда заснула, оставалось очень мало времени до рассвета, и мы начали уже отчаиваться.

Ван Хелсинг, казалось, вложил всю душу в свои старания, и в конце концов, повинуясь его воле, она ответила:

— Всюду мрак. Слышу журчание воды наравне с моим ухом и какой-то треск, точно дерево трется по дереву.

Она умолкла, и солнце взошло... Придется ждать до вечера. И вот мы едем в Галац и сгораем от нетерпения. Мы должны были приехать между двумя и тремя часами утра, но уже в Бухарест мы прибыли с опозданием на три часа, так что раньше чем после восхода солнца никак не сможем быть на месте. Значит, у нас будет еще два гипнотических сеанса с миссис Харкер, тот или другой могут пролить больше света на происходящее.

Позднее.

Солнце взошло и зашло. К счастью, это происходило в такое время, когда нас ничто не смущало, а случись это на станции, у нас не было бы необходимого покоя и уединения. Миссис Харкер еще хуже поддалась гипнозу, чем сегодня утром. Боюсь, ее способность читать мысли графа исчезнет как раз тогда, когда мы в этом больше всего будем нуждаться. Мне кажется, начинает работать главным образом ее собственная фантазия. Раньше, находясь в трансе, она упоминала лишь о самых простых вещах. Если будет так продолжаться, это может сбить нас с правильного пути. Как бы я был счастлив думать, что власть графа над ней уменьшается по мере уменьшения ее способности знать о нем! Боюсь, однако, это не так. Когда она заговорила, слова ее звучали загадочно:

— Что-то выходит; оно проходит мимо меня, точно холодный ветер. Вдали слышатся какие-то глухие звуки — словно люди говорят на каких-то странных языках, сильный шум воды и вой волков.

Она замолчала, по телу ее вдруг пробежала дрожь, которая через несколько мгновений стала походить на паралитическую. Когда это прекратилось, она перестала отвечать даже на требовательные вопросы профессора. От транса очнулась очень утомленной, продрогшей и вялой, но ум ее был ясен. Она ничего не

могла вспомнить из того, что говорила, и рассказ о происшедшем надолго поверг ее в молчаливое раздумье.

30 октября, 7 часов утра.

Мы близко от Галаца, потом мне некогда будет писать. Сегодня мы все нетерпеливо ждали восхода солнца. Зная, что с каждым днем становится все труднее усыплять миссис Харкер, Ван Хелсинг принялся за это гораздо раньше, чем обычно. Его усилия не производили никакого действия, и лишь за минуту до восхода солнца она заговорила. Профессор не терял драгоценного времени и осыпал ее вопросами, она так же быстро отвечала:

— Всюду мрак. Слышу шум воды и стук дерева о дерево. Где-то мычат коровы. Вот еще какой-то звук, очень странный, точно...

Она умолкла.

— Дальше, дальше! Говорите, я приказываю,— сказал Ван Хелсинг, волнуясь.

Взгляд его был полон отчаяния — восходящее солнце уже бросало свои розовые лучи на бледное лицо миссис Харкер. Она открыла глаза, и мы с удивлением услышали, как она произнесла самым беспечным тоном:

— Ах, профессор, зачем вы просите меня делать то, чего, вы сами знаете, я не могу? Я ничего не помню.

Потом, заметив наши удивленные лица, она встревожилась и, переводя свой взгляд с одного на другого, сказала:

— Что я говорила? Что я делала? Я ничего не помню, кроме того, что лежала тут в полусне и слышала, как вы мне говорили: «Дальше, дальше! Говорите, я приказываю!» И странно было мне слышать, как вы мне приказываете, точно я какое-то непослушное дитя!

— О мадам Мина,— сказал Ван Хелсинг с грустью,— это доказательство того — если вообще доказательства нужны,— что я люблю и уважаю вас, раз слово, сказанное мною более суровым тоном для вашего же добра, могло вам показаться таким странным, потому что я приказывал той, которой я считаю счастьем повиноваться.

Раздаются свистки: мы приближаемся к Галацу.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 октября.

Мистер Моррис повел меня в гостиницу, где для нас, по нашему заказу, были приготовлены комнаты; он один не был занят, так как не говорил ни на одном иностранном языке. Силы были распределены приблизительно так, как было в Варне, кроме того что лорд Годалминг отправился к вице-консулу. Так как приходится торопиться, мы надеемся, его титул произведет на чиновников соответствующее впечатление. Джонатан отправился с обоими докторами к агенту пароходства узнать подробности о прибытии «Царицы Екатерины».

Позднее.

Лорд Годалминг вернулся. Консул в отъезде, а вице-консул болен, так что все было сделано простым письмоводителем. Он был очень любезен и обещал сделать все, что в его власти.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

30 октября.

В девять часов доктор Ван Хелсинг, доктор Сьюард и я отправились к господам Маккензи и Штейнкоффу, агентам лондонской фирмы «Хепгуд». Им была послана из Лондона телеграмма с просьбой оказать нам всевозможные услуги. Они тотчас же повели нас на борт «Царицы Екатерины», стоявшей в гавани на якоре. Тут мы увиделись с капитаном Донельсоном, который рассказал нам, что он еще никогда в жизни не совершал такого удачного рейса.

— Слушайте,— сказал он,— мы даже боялись, что такое счастье нам даром не пройдет. Неудивительно, что мы так скоро прибыли из Лондона в Черное море, раз ветер с тылу, точно сам дьявол, дул в паруса. И за все время мы ровным счетом ничего не видели. Как только мы приближались к какому-нибудь кораблю, порту или мысу, подымался туман, сопровождавший нас, пока мы не проходили мимо них. У Гибралтара нам даже не удалось подать сигнала, и до самых Дарданелл, где нам при-

шлось ждать пропуска, мы никого не встретили. Сначала я хотел спустить паруса и постоять, пока туман не сойдет, но затем я подумал, что, если сатана решил нас поскорее вогнать в Черное море, он все равно это сделает: ведь если мы раньше придем, от этого владельцам не будет никакого убытка и не повредит также и нашему сообщению, а старый черт, старавшийся из своих личных интересов, был бы только благодарен нам за то, что мы ему не мешали.

Такая смесь простоты и хитрости, предрассудка и коммерческих расчетов расшевелила Ван Хелсинга, и он ответил:

— Мой друг, этот дьявол гораздо умнее, чем кажется, и он знает, когда встречается с достойным соперником.

Капитан остался доволен комплиментом и продолжил:

— Когда мы прошли Босфор, люди стали ворчать: некоторые из них, румыны, пришли ко мне и просили выкинуть за борт тот большой ящик, который какой-то странный господин погрузил на корабль перед самым отходом из Лондона. Сам видел, как они глазели на этого парня и два пальца скрещивали — от злого глаза. Ну до чего эти иностранцы суеверны! Я их живо осадил, но когда туман нас снова окутал, я решил, может быть, они и правы, хотя им ничего не сказал. Итак, мы пошли дальше, и, после того как туман простоял целых пять дней, я решил — пусть ветер нас несет куда хочет, все равно против дьявола не пойдешь, он настоит на своем. Как бы там ни было, путь у нас был прекрасный и вода все время глубокая, и два дня тому назад, когда восходящее солнце показалось сквозь туман, мы уже находились на реке против Галаца. Румыны взбунтовались и потребовали, чтобы я во что бы то ни стало выкинул ящик в реку. Мне пришлось продолжать беседу с гандшпугом в руках, и только когда последний из них поднялся с палубы, держась за голову, тогда мне удалось их убедить, что дурной там или не дурной глаз, а имущество моих владельцев в моих руках, а не в Дунае. Они, подумайте только, чуть не схватили ящик и не выбросили за борт, но так как на нем помечено было «В Галац через Варну», я решил выгрузить его в ближайшем порту. Туман не проходил, и мы всю ночь простояли на якоре. Но на следующее утро, до восхода солнца, на борт пришел человек и сказал, что получил из Англии письменное поручение взять

ящик, предназначенный графу Дракуле. Ящик, конечно, был готов к его услугам. Он представил все бумаги, и я был рад отделаться от этой проклятой штуки, так как она уже начинала меня беспокоить. Если у дьявола и был какой-нибудь багаж на борту корабля, то это мог быть только тот самый ящик.

— Как звали того господина, который его взял? — спросил Ван Хелсинг.

— Сейчас вам скажу! — ответил капитан.

Он спустился в свою каюту и, вернувшись оттуда, представил расписку: «Эммануил Хильдесхайм, Бургенштрассе, 16». Убедившись, что он больше ничего не знает, мы его поблагодарили и ушли.

Мы застали Хильдесхайма в конторе. Это был старый еврей с большим горбатым носом, в ермолке. Он руководствовался аргументами особого рода и, немного поторговавшись, сказал нам все, что знал. Знания его были скудны, но очень ценны для нас. Он получил письмо от мистера де Виля из Лондона с просьбой взять, если можно, еще до восхода солнца (во избежание таможенных неприятностей) ящик с корабля «Царица Екатерина», прибывающего в Галац. Ящик этот он должен был передать некоему Петру Чинскому, который имел дело со словаками, занимающимися сплавом грузов вниз по реке. За труд ему было уплачено английскими кредитными билетами, которые, в свою очередь, были обменены на золото в Дунайском международном банке. Когда Чинский пришел, он, чтобы сэкономить на перевозке, сразу повел его к кораблю и передал ему ящик. Вот все, что он знал.

Тогда мы пошли искать Чинского, но нигде не могли найти. Один из его соседей, как видно не слишком его любивший, сказал, что тот ушел из дому уже два дня тому назад неизвестно куда. То же самое подтвердил и его домохозяин, получивший через посыльного ключи от дома вместе с квартирной платой английскими кредитками. Все это происходило вчера вечером, между десятью и одиннадцатью часами. Мы снова оказались в тупике.

Пока мы разговаривали, к нам, задыхаясь, подбежал какой-то человек и сказал, что в ограде церкви Святого Петра нашли тело Чинского и что шея у него истерзана точно каким-то зве-

рем. Те, с кем мы разговаривали, тотчас же побежали туда смотреть. Женщины кричали: «Это дело рук словаков!» Мы поспешили удалиться, дабы не попасть в историю.

Дома мы не могли прийти ни к какому заключению. Мы убедились, что ящик находится в пути и куда-то плывет, но куда — только предстояло узнать. Подавленные и разочарованные, мы вернулись в гостиницу к Мине.

Собравшись снова вместе, мы первым делом обсудили вопрос, не сказать ли нам все Мине. Дела в отчаянном положении, и это было последней надеждой, хотя и слабой. Для начала я был освобожден от обещания, данного мною Мине.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

30 октября, вечером.

Они вернулись такие усталые, осунувшиеся и удрученные, что я предложила им прилечь хотя бы на полчаса, пока я буду записывать все, что до сих пор произошло.

Как я благодарна изобретателю пишущей машинки и мистеру Моррису тоже за то, что он мне ее достал! Я бы совсем выбилась из сил, если бы пришлось вести записи от руки...

Все готово. Бедный, бедный Джонатан! Что он пережил! Сейчас он лежит на диване, дыхание его едва слышно. Брови насуплены, лицо искажено гримасой боли. Бедняга, наверное, думает, что я сочту это за выражение раздумья на его лице. О, если бы только я могла помочь! Но я сделаю все, что смогу.

По моей просьбе доктор Ван Хелсинг достал все те бумаги, которых я еще не видела. Пока вернувшиеся отдыхают, я их хорошенько просмотрю и, может быть, приду к какому-нибудь заключению. Попробую последовать примеру профессора и обдумаю данные факты без предвзятости...

Я верю, что с Божьей помощью мне удалось сделать открытие! Мне нужно просмотреть карты...

Теперь я более чем убеждена, что я права. Мое новое заключение готово, так что я перепишу все начисто и прочту его мужчинам. Пусть они его обсудят. Надо быть точными, каждая минута дорога.

ЗАМЕТКА МИНЫ ХАРКЕР

(Внесенная в дневник)

Тема исследования. Задача графа Дракулы — вернуться к себе в замок.

Его должны *перенести.* Это ясно, так как если бы он был в состоянии передвигаться по своему усмотрению, то явился бы в виде человека, или волка, или летучей мыши, или в каком-нибудь другом виде. Он, очевидно, боится, что его откроют или узнают, а в том беспомощном состоянии, в котором он находится, заключенный от восхода до захода солнца в деревянный ящик, это для него небезопасно.

Где его искать и поймать? Тут нужно идти путем исключений.

1. На дороге. Тут масса затруднений, в особенности при выезде из города.

а) Могут встречаться люди, а люди любопытны и пронырливы. Какой-нибудь намек, предположение о том, что могло бы заключаться в ящике, может его погубить.

б) Может проехать пограничная стража или таможенные чиновники.

в) Его преследователи могут за ним погнаться. Это ему страшнее всего: боясь выдать себя, он даже отрекся от своих жертв — от меня!

2. В поезде. Никто не сопровождает ящик. Доставка ящика может случайно замедлиться, а замедление может для него быть роковым, раз враги гонятся за ним по пятам. Ночью он, конечно, может и сбежать, но что с ним тогда будет, если у него не окажется убежища? Это его, конечно, не устраивает, а рисковать он не намерен.

3. На воде. Это самый верный путь в одном отношении, но масса опасностей в другом. На воде он беспомощен, за исключением ночного времени, и то тогда он может повелевать только туманами и бурей, снегом и волками. Но, упади он в воду, она поглотит его и он непременно погибнет. Он мог бы пригнать корабль к берегу, но если это враждебная ему страна, где он не может чувствовать себя свободным, то его положение будет еще хуже.

Известно, что он на воде, значит, нам придется теперь выяснить, где именно.

Первым делом нужно точно определить, что им до сих пор сделано, тогда мы поймем его дальнейшую цель.

Во-первых, нужно узнать, что он делал в Лондоне, когда ему приходилось выкручиваться из затруднительного положения.

Во-вторых, нужно посмотреть, что он сделал тут, о чем мы можем судить по известным нам данным.

Что касается первого, то ясно, что он собирался приехать в Галац и отправить накладную в Варну, чтобы сбить нас с толку, если мы обнаружим, каким путем он выбрался из Англии; тогда его единственной и неотложной целью был побег.

Доказательством этому служит его письмо к Эммануилу Хильдесхайму с просьбой взять ящик *до восхода солнца.* Затем еще инструкция, данная Петру Чинскому. Здесь можно только догадываться, но какое-то письмо или сообщение должно было быть, раз Чинский явился к Хильдесхайму.

Что его планы до сих пор были удачно приведены в исполнение, нам известно: «Царица Екатерина» феноменально быстро проделала свой рейс. Настолько быстро, что это вызвало подозрение у капитана Донельсона, чьи предубеждения вкупе с осторожностью были только на руку графу и он мчался со своим подручным ветром через все туманы, пока наконец не остановил судно близ Галаца. Что граф все хорошо обдумал и умно устроил, уже доказано. Хильдесхайм принял ящик и передал его Чинскому. Чинский взял его — и тут след пропадает. Нам известно лишь то, что ящик находится где-то на воде и передвигается. Таможню и пограничную стражу, если таковые были, благополучно миновали.

Теперь разберем то, что граф делал после своей высадки.

Ящик был взят Чинским до восхода солнца. После восхода граф мог появиться в своем настоящем виде. Теперь спрашивается, почему Чинский выбран для исполнения этих работ. В дневнике моего мужа говорится, что Чинский имел дела со словаками, занимающимися перевозкой клади по реке в порт, а мнение человека, сказавшего, что это убийство — дело рук словаков, доказывает общее отношение к этому народу.

Граф желал уединения. Вот мое предположение: граф решил поехать из Лондона в свой замок по воде, так как считал это

самым спокойным и незаметным путем. Из замка его вынесли цыгане, и они же, должно быть, передали груз словакам, которые перевезли ящики в Варну, а оттуда отправили их на корабле в Лондон. Значит, граф знал, кому поручит это дело. Когда его ящик прибыл на сушу, то граф до восхода или после захода солнца вышел из ящика, встретил Чинского и объяснил ему, как отправить ящик дальше по реке. Сделав это и убедившись в том, что все идет как надо, он замел следы, убив своего агента.

Я посмотрела карту и нашла, что самые подходящие для словаков реки — это Прут или Сирет. Я прочла то, что говорила в трансе: там сказано о том, что я слышала глухое мычание коров, шум воды и треск дерева. Граф находился в своем ящике на реке в открытой лодке, передвигающейся при помощи весел или шестов,— ведь берег близко, а судно идет против течения, иначе звуки были бы другими.

Возможно, эта река не Сирет и не Прут, но можно продолжить расследование. Из этих двух рек Прут более пригоден для судоходства, но зато Сирет у Фунду соединяется с Бистрицей, которая огибает ущелье Борго.

Петля, которую она делает, проходит близко от замка Дракулы — это ближайшая до него река.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

(Продолжение)

Когда я кончила читать, Джонатан подошел ко мне, обнял меня и поцеловал. Остальные пожали мне руку, а доктор Ван Хелсинг сказал:

— Наша дорогая Мина опять стала нашей учительницей. Она оказалась зрячей там, где мы были слепцами. Теперь мы снова напали на след, и на сей раз, надеюсь, нас ожидает успех. Враг теперь почти беспомощен, и если нам удастся напасть на него днем на воде, наша задача будет выполнена. Он начал движение, но не может его ускорить, так как не в состоянии покинуть ящик, не вызвав подозрений у тех, кто его везет; а если у них возникнут подозрения, они способны выкинуть его в воду, где он и погибнет. Он это знает. Теперь, господа, приступим к

нашему военному совету, так как необходимо сейчас же решить, что кому делать.

— Я достану паровой катер и пущусь вслед за ним,— сказал лорд Годалминг.

— А я — лошадей, чтобы следовать за ним по берегу на тот случай, если он вздумает высадиться,— сказал мистер Моррис.

— Хорошо! — сказал профессор.— И то и другое прекрасно. Но никто из вас не должен идти один. Нужна сила, чтобы покорить силу в случае надобности. Словак силен и груб, и он постоянно носит при себе страшное оружие.

Все мужчины засмеялись, так как у каждого из них был маленький арсенал. Мистер Моррис сказал:

— Я привез с собою несколько винчестеров, они очень удобны в толпе, с ними не страшно и среди волков. Граф, как вы помните, принял и другие меры предосторожности: он поставил какие-то условия, которые миссис Харкер не смогла вполне расслышать и понять. Мы должны быть готовы по всем статьям.

Доктор Сьюард сказал:

— Я думаю, что пойду с Квинси. Мы привыкли вместе охотиться и вдвоем готовы выйти против кого угодно. И вам, Артур, не следует быть одному. Вдруг придется сразиться со словаками, и, если вас постигнет неудача, все наши планы погибнут, хотя не думаю, чтобы они носили оружие. На этот раз нужно избегать всяких случайностей. Мы не успокоимся, пока не отрубим графу голову и не убедимся, что он уже больше не может жить.

Говоря это, он глядел на Джонатана, а Джонатан на меня. Я понимала, что мой бедный муж разрывается на части. Конечно, он хотел остаться со мной, но, находясь на катере, он, вероятно, имел шанс уничтожить... уничтожить... вампира. (Почему я никак не могла решиться написать это слово?) Он молчал, и тут заговорил доктор Ван Хелсинг:

— Это относится к вам, Джонатан, по двум причинам. Во-первых, вы молоды и храбры, а во-вторых, вам принадлежит право уничтожить того, кто причинил столько зла лично вам и вашим близким. Не бойтесь за мадам Мину, я позабочусь о ней, если позволите. Я стар. Мои ноги уже устали, а верхом я не привык ездить так далеко и не в состоянии сражаться со смертоносным оружием в руках. Но я могу оказать вам другую услугу:

я могу сражаться иначе и могу умереть, если понадобится, так же храбро, как и молодые. В то время как вы, лорд Годалминг, и вы, Джонатан, пойдете на вашем быстром пароходике против течения, а Джон и Квинси будут следить за тем, чтобы граф случайно не высадился, я повезу мадам Мину в самое сердце неприятельской страны. Пока старая лиса находится взаперти в своем ящике, качаясь на утлой лодке, не будучи в состоянии сбежать на сушу и не осмеливаясь поднять крышки своего гроба-ящика из боязни, как бы словаки не бросили его на погибель,— мы пойдем по старым следам Джонатана и найдем дорогу к замку Дракулы. С помощью ясновидения мадам Мины мы наверняка найдем дорогу и после первого захода солнца уже будем находиться вблизи того рокового места. Нам еще многое остается сделать и многие места придется освятить, чтобы уничтожить это змеиное гнездо.

Тут Джонатан резко перебил его:

— Не хотите ли вы сказать, профессор Ван Хелсинг, что поведете Мину в том ужасном состоянии, в котором она находится, зараженную этой дьявольской болезнью, в самую пасть убийственного капкана? Ни за что на свете! Ни за какие блага! Знаете ли вы, что это за местность? Видели ли вы гнездо адского проклятия при лунном сиянии, со страшными привидениями, где каждая крошечная пылинка кружится и вертится в воздухе и носит в себе зародыши пожирающего чудовища? Чувствовали ли вы губы вампира на своей шее?

Тут он обернулся ко мне, и, когда взор его коснулся моего лба, он воздел руки к небу и вскричал: «Господи! За что ты наслал на нас этот ужас?» — а затем, обессилев, упал на диван.

Голос профессора, ясный и отчетливый, успокоил нас всех:

— О мой друг, я сделаю все, чтобы уберечь мадам Мину от того ужасного места, куда я хочу пойти. Упаси меня бог брать ее в замок! Мне предстоит еще масса работы, при которой она не должна присутствовать. Мы все, кроме Джонатана, видели собственными глазами, что надо сделать, чтобы очистить это место. Помните, что мы в ужасном положении. Если граф на этот раз ускользнет от нас,— а он силен, ловок и хитер,— то он будет спать еще целые столетия, а тогда, со временем, наша дорогая Мина пойдет и составит ему компанию и будет такой же,

как и те, которых вы, Джонатан, видели. Вы рассказывали нам об их жадных губах, вы слышали их сладострастный смех, когда они хватали тот шевелящийся мешок, который швырнул им граф. Вы содрогаетесь, а ведь это может случиться. Простите, что я причиняю вам боль, но это неизбежно. Друг мой, разве не из жестокой необходимости я готов отдать все, возможно даже жизнь? Если кому-то пришлось бы отправиться туда, именно я должен был бы сопровождать его.

— Делайте как хотите,— сказал Джонатан, рыдая,— мы все находимся в руках Божьих!

Позднее.

Как мне приятно смотреть на этих самоотверженных людей, когда они работают! Женщины не могут не любить мужчин — верных, преданных, смелых! А еще я подумала о великой силе денег! Чего только они не делают, если их правильно применить, и какого только зла не причинят, если намерения дурны. Я так рада, что лорд Годалминг богат, что он и мистер Моррис, у которого также масса денег, готовы их так щедро тратить. Так как если бы они этого не захотели делать, то наша маленькая экспедиция не могла бы осуществиться, во всяком случае не так скоро, и она не была бы так хорошо экипирована, как это случится через час. Не прошло и трех часов с того времени, как было решено, что каждому из нас предстоит делать, а у лорда Годалминга и Джонатана был уже прелестный катер, готовый отплыть по первому приказу. У доктора Сьюарда и мистера Морриса шестерка великолепных лошадей в полной сбруе. У нас самые лучшие карты и всевозможные путеводители. Профессор и я выезжаем сегодня в 11.40 вечерним поездом до Верешти, где мы достанем экипаж, чтобы поехать в ущелье Борго. Мы берем с собой много денег, на случай если нам придется купить экипаж и лошадь. Мы сами будем править, так как в данном случае никому нельзя довериться. Профессор знает много языков, и мы великолепно справимся. У всех нас есть оружие, даже у меня небольшой револьвер; Джонатан очень беспокоился бы, если бы я не была так же вооружена, как и остальные. Увы! Я не могу пользоваться тем оружием, которое есть у остальных, мой шрам на лбу мешает мне.

Милый доктор Ван Хелсинг успокаивает меня, говоря, что я вооружена полностью,— ведь там могут быть волки. С каждым часом погода становится все холоднее. Все чаще налетают порывы ветра со снегом.

Позднее.

Я собрала остатки мужества и попрощалась с моим любимым. Мы можем не встретиться больше. Крепись, Мина! Профессор глядит на меня проницательно, как бы предупреждая. С этого момента — никаких слез, если это не будут волей Божьей слезы радости.

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

30 октября, ночью.

Пишу это перед топкой парового катера. Лорд Годалминг разводит пары; он очень опытен в этом деле, ведь у него был собственный катер на Темзе, а кроме того, еще один в Норфолк-Бродс. Мы решили, что предположения Мины верны и граф выбрал водный путь для того, чтобы вернуться в свой замок, и что единственное подходящее для него место там, где Бистрица впадает в Сирет. Нам нетрудно даже ночью идти полным ходом: здесь глубоко, река широкая, поэтому даже в темноте опасности нет. Лорд Годалминг говорит, чтобы я пошел отдохнуть, так как вполне достаточно, если один из нас находится на вахте. Но я не могу заснуть: как спать, когда я знаю, какая опасность грозит моей дорогой Мине, раз она едет в те ужасные места! Я утешаюсь лишь тем, что мы все находимся в руках Божьих. Лишь ради этой веры будет легче умереть, чем жить, и так избавиться от несчастий. Мистер Моррис и доктор Сьюард выехали верхом гораздо раньше нас. Они едут по правому берегу по возвышенностям, откуда им хорошо видна река, и таким образом могут сократить путь, не подчиняясь всем ее изгибам. Поначалу, чтобы не возбуждать любопытства, их будут сопровождать два всадника со сменными лошадями. Однако вскоре они отпустят сопровождающих и сами поведут лошадей. Возможно, нам придется объединить наши силы, тогда для каждого будет по лошади. Одно седло, если понадобится, можно сделать дамским для Мины.

Мы взялись за безумное предприятие. Вот мы несемся во мраке, холод от реки заставляет нас содрогаться; какие-то таинственные звуки ночи окружают нас. Мы несемся по незнакомым местам, в мир мрака и ужасов. Годалминг закрывает дверцу топки...

31 октября.

Все еще несемся вдаль. Наступило утро, и Годалминг спит. Я на вахте. Утро невероятно холодное! До сих пор мы встретили только несколько лодок, но ни на одной из них не видно было никаких ящиков, никакого багажа таких габаритов, как мы ищем. Всякий раз, как мы наводили на них свет электрического прожектора, люди пугались, падали на колени и молились.

1 ноября, вечером.

Никаких новостей; за целый день мы не нашли ничего подходящего. Мы уже вошли в Бистрицу, и, если в наших предположениях была ошибка, все пропало. Мы обогнали массу лодок, больших и малых. Сегодня рано утром одна команда приняла нас за казенный катер и салютовала нам.

Мы решили, что это может нам помочь, поэтому у Фунду, там, где Бистрица впадает в Сирет, мы вывесили румынский флаг. С тех пор на каждой лодке, которую мы обходили, нам выказывали всяческое почтение и наши расспросы и действия воспринимались как должное.

Несколько словаков говорили нам, что какая-то большая лодка проходила мимо них; она шла с необыкновенной быстротой, и на борту у нее была двойная команда. Это было еще до их прибытия в Фунду, поэтому они не могли нам сказать, завернула ли она по Бистрице или же пошла прямо по Сирету. В Фунду мы ничего не слышали о такой лодке, так что возможно, что она прошла ночью.

Чувствую удивительную сонливость. Возможно, сказывается холод, а я так устал за последнее время. Годалминг настаивает на том, что он будет стоять первую вахту. Да благословит его Господь за его доброту к Мине и ко мне!

2 ноября, утром.

Уже день настал! Мой добрый друг не хотел меня будить. Он сказал, что никакого греха нет в том, чтобы я отдохнул и хоть на время забыл о своих несчастьях. С моей стороны было очень жестоко проспать всю ночь, тогда как он стоял на вахте, но он на меня не в обиде. Сегодня я набрался сил и, сидя тут и наблюдая за тем, как он спит, делаю все необходимое: слежу за машиной, управляю и сторожу... Я чувствую, что моя сила и энергия вернулись ко мне. Хотелось бы мне знать, где теперь Мина и Ван Хелсинг! Они должны приехать в Верешти в среду около полудня. Им понадобится некоторое время, чтобы найти экипаж и лошадей, но, если они выехали и ехали быстро, они теперь уже должны быть в ущелье Борго. Да поможет им Господь! Я даже боюсь и думать о том, что с ними может случиться. Если бы только мы могли прибавить скорость! Но мотор и так работает на полную мощность. Интересно, как дела доктора Сьюарда и мистера Морриса? Такое впечатление, что в реку с гор течет бесконечное количество ручейков, но среди них нет слишком заметных, хотя зимой и по весне, когда тает снег, они наверняка очень глубоки, так что, надеюсь, всадники не встретят больших препятствий. Надеюсь также, что под Страсба мы их увидим, так как, если мы до тех пор не догоним графа, нам необходимо будет снова посоветоваться, что делать.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

2 ноября.

Три дня в пути. Никаких новостей, и нет времени их записывать, если бы даже они были; каждая минута дорога. Мы сделали лишь вынужденную остановку, чтобы лошади отдохнули, но мы сами чувствуем себя прекрасно. Эти дни, полные приключений, нам очень полезны. Нужно поторопиться, мы не успокоимся, пока снова не увидим катер.

3 ноября.

В Фунду мы узнали, что катер пошел вверх по Бистрице. Хоть бы потеплело! Кажется, начинает идти снег; если будет сильный снегопад, это нас остановит. В таком случае нам придется взять сани и продолжать свой путь по-русски.

4 ноября.

Сегодня мы узнали, что катер что-то задержало у порогов на Бистрице. Лодки словаков при умелом управлении благополучно проходят с помощью веревки. Несколько часов тому назад их прошло тут порядочно. Годалминг — прекрасный рулевой и, должно быть, сумел провести катер, несмотря на трудности. Наконец они прошли пороги с помощью местных жителей и теперь уже снова в погоне. Боюсь только, что катер от этого приключения пострадал, крестьяне говорят, что после этого он все время останавливался, пока наконец не скрылся из виду. Надо торопиться; наша помощь может понадобиться.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

31 октября.

В Верешти мы приехали в полдень. Профессор сказал, что и сегодня утром он меня совсем не мог загипнотизировать и все, что я ему сказала, было: «Темно и сыро». Теперь он пошел покупать экипаж и лошадей. Он сказал, что позже купит еще лошадей, чтобы мы смогли менять их в дороге. Нам предстоит сделать семьдесят миль с лишним. Страна чудная и очень интересная; если бы все это происходило в других условиях, видеть все это доставило бы нам страшное удовольствие. Какое наслаждение было бы путешествовать тут с Джонатаном! Останавливаться в пути, встречать новых людей, узнавать про их жизнь, набираться впечатлений среди этой дикой, живописной и прекрасной страны и ее необычных жителей. Но, увы!..

Позднее.

Доктор Ван Хелсинг вернулся; он достал лошадей и экипаж; мы пообедаем и через час отправляемся в путь. Хозяйка приготовила нам целую корзинку провизии, столько, что ее хватило бы на отряд солдат. Профессор поощряет ее и шепчет мне на ухо, что мы, может быть, целую неделю не достанем хорошей пищи. Он сделал еще кое-какие покупки и приобрел массу пальто, одеял и других теплых вещей. В дороге мы, наверно, не будем мерзнуть.

Скоро выезжаем. Боюсь даже подумать о том, что с нами может случиться. В руках Божьих мы спокойны. Одному Ему известно, что будет. Молю Его из глубины своей истерзанной души, чтобы Он хранил моего дорогого мужа. Пусть Джонатан знает: я любила его сильнее, чем могу выразить, и мои последние и лучшие мысли обращены к нему...

Глава XXVII

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

1 ноября.

Весь день в дороге, причем мы очень спешили; лошади точно чувствуют, что к ним хорошо относятся, и охотно бегут во весь опор. Обстановка однообразна, но обстоятельства хорошо складываются, и мы уже начинаем надеяться, что наше путешествие пройдет благополучно. Доктор Ван Хелсинг лаконичен; он объявляет крестьянам, что торопится в Бистрицу, платит им хорошие деньги и меняет лошадей. Страна замечательная, полная самых немыслимых красот, народ простой, смелый, сильный. Но все они очень, очень суеверны. В первом доме, где мы остановились, женщина, прислуживавшая нам, заметив шрам у меня на лбу, перекрестилась и подняла два пальца, чтобы уберечь себя от дурного глаза. Мне кажется, она даже положила двойную порцию чеснока в нашу еду, а я его совсем не переношу. С тех пор я старалась больше не снимать шляпы и вуали, чтобы предупредить всякие неприятности. Мы невероятно быстро едем, и так как во избежание лишней болтовни обходимся без кучера, то у нас и нет никаких скандалов, но все-таки боязнь дурного глаза будет преследовать нас всю дорогу. Профессор, кажется, неутомим; за весь день он ни разу не отдохнул, меня же он заставляет спать. На закате он меня загипнотизировал и говорит, что я ему ответила опять то же самое: «Мрак, журчание воды и треск дерева», так что наш враг все еще на воде. Я стараюсь не думать о Джонатане, и вместе с тем я как-то не боюсь ни за него, ни за себя. Пишу это в крестьянском доме, в ожидании лошадей. Доктор Ван Хелсинг спит. Бедняжка, он выглядит очень уставшим, седой и старый, но рот его твердо очерчен, как у завоевателя, и даже во сне он полон решимости. Когда мы тронемся в путь, я заставлю его поспать, а сама буду править. Я скажу ему, что нам предстоит еще много дней пути и он должен приберечь свои силы, они могут понадобиться... Все готово, скоро отправляемся.

2 ноября, утром.

Мы всю ночь правили по очереди; день наступает ясный, но холодный. В воздухе чувствуется какая-то странная тяжесть. Я пишу «тяжесть», потому что не могу подобрать лучшего слова. Это действует на нас обоих. Ужасно холодно, и нас спасает от полного замерзания только теплая одежда.

На рассвете Ван Хелсинг загипнотизировал меня. Он сказал, что я отвечала: «Мрак, треск дерева, рев воды», значит, река меняется, пока они идут вверх. Надеюсь, мой дорогой избежит опасности, но все в руках Божьих.

2 ноября, ночью.

Круглые сутки стремительной езды, страна становится все более дикой, громады Карпатских гор, казавшиеся в Верешти такими далекими и так низко стоящими на горизонте, теперь как будто окружили нас. У нас обоих прекрасное настроение, мне кажется, мы стараемся друг друга развлекать. Доктор Ван Хелсинг утверждает, что утром мы уже будем в ущелье Борго. Дома тут стали реже встречаться, и профессор говорит, что наши последние лошади пойдут с нами до конца, так как больше негде их будет сменить. Он взял еще двух лошадей, кроме тех, которых сменял, и теперь у нас четверка. Лошади терпеливы и послушны, не доставляют хлопот. Другие путешественники не встречаются, так что даже я могу править. К ущелью Борго мы доберемся днем, чтобы пройти его без труда, по очереди отдыхая. О, что-то даст нам завтрашний день! Мы едем на поиски того самого места, где мой Джонатан столько вытерпел. Да поможет нам Бог, да хранит Он моего мужа и тех, кто нам обоим дорог и кто теперь в опасности. Что касается меня, то я Его недостойна. Увы! Для Него я нечистая и останусь таковой, пока Он не удостоит меня Своей милостью.

ЗАПИСКИ АБРАХАМА ВАН ХЕЛСИНГА

4 ноября.

Предназначаются моему старому и верному другу Джону Сьюарду, д. м., Парфлит, Лондон, в случае, если я его не увижу. Это все разъяснит. Утро, пишу при огне, который я всю ночь поддерживал,— мадам Мина мне помогает. Невероятно холодно, настолько, что серое, набухшее небо переполнено снегом, который, если уж упадет, пролежит всю зиму, поскольку земля насквозь промерзла. Кажется, это повлияло на мадам Мину, она весь день была в очень плохом настроении, совсем не похожая на себя. Она все спит, и спит, и спит! Всегда такая энергичная, сегодня положительно ничего не делала; у нее даже пропал аппетит. Она и дневник забросила — она, которая регулярно все записывала. Чувствую, что-то неладно. Хотя сегодня она все-таки лучше. Сон ее подбодрил, и теперь она мила и весела. После захода солнца я попробовал ее загипнотизировать, но, увы! Никаких результатов! Влияние мое, постепенно уменьшаясь, сегодня и вовсе сошло на нет. Ну что же, да будет воля Божья — что бы там ни случилось и к чему бы это нас ни привело!

А теперь к фактам! Так как мадам Мина больше не использует стенографию, придется вернуться к старому неуклюжему способу, ведь нужно зафиксировать каждый день нашего путешествия.

К ущелью Борго мы приехали вчера утром, сразу после восхода солнца. Заметив признаки рассвета, я начал готовиться к сеансу гипноза. Мы остановили экипаж и сошли, чтобы нам ничего не мешало. Я соорудил меховое ложе, и мадам Мина легла и, как всегда, поддалась гипнозу, хотя и медленнее и на более короткое время. Как и раньше, она ответила: «Мрак и журчание воды». Затем она проснулась, веселая и радостная, и мы продолжили наш путь и вскоре добрались до ущелья. Тут она заволновалась и сказала:

— Вот дорога.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— Как же мне не знать? — ответила она и, помедлив, добавила: — Разве Джонатан тут не ездил и не писал об этом?

Сначала мне это показалось странным, но вскоре я заметил, что других дорог не было. Дорога не разъезжена и совсем не

похожа на ту, что ведет из Буковины в Бистрицу: та гораздо шире, и ею чаще пользуются.

Мы поехали этой дорогой. Когда нам попадались другие дороги, вовсе заброшенные и припорошенные свежим снегом, мы предоставляли выбор лошадям: они сами знают путь. Я бросал вожжи, и лошади терпеливо шли дальше. Постепенно мы увидели все то, о чем говорилось в дневнике Джонатана, а наш путь все длился и длился. Я сказал мадам Мине, чтобы она поспала, и она вскоре уснула. Она все время спит, пока я наконец не начинаю тревожиться и бужу ее. Но она продолжает спать, и, несмотря на все свои старания, я не могу разбудить ее. Я боялся переусердствовать из опасения причинить ей вред. Ведь я знал, как она страдала, а сон в таких случаях идет на пользу. Мне показалось, что я на минуту задремал, и неожиданно я почувствовал вину, как будто сделал что-то дурное. Я очнулся с вожжами в руках и увидел бегущих передо мной добрых лошадок. Обернувшись я увидел, что мадам Мина еще спит. Солнце уже начало садиться. Золотая дорожка от него заливала снег желтым потоком, и мы отбрасывали огромную длинную тень. Мы взбирались все выше и выше среди диких скал, как будто приближались к концу света.

Я стал будить мадам Мину энергичнее. На этот раз она скоро проснулась, и я снова попробовал загипнотизировать ее. Но она не засыпала. Я не прекращал своих попыток, пока наконец она и я не очутились во мраке. Я огляделся и увидел, что солнце зашло. Мадам Мина засмеялась, я обернулся и поглядел на нее. Теперь она совсем пробудилась и прекрасно выглядела, как тогда, когда мы впервые вошли в дом графа в Карфаксе. Я был поражен и чувствовал себя неловко, но она была так мила, так ласкова и предупредительна, что я забыл свой страх. Я развел огонь (мы везем с собой запас дров), и она приготовила еду, пока я распрягал лошадей, чтобы их накормить. Когда я вернулся к огню, ужин был уже готов. Я хотел ее позвать, но она засмеялась и сказала, что уже поела. По ее словам, она так проголодалась, что больше не могла ждать. Мне это не понравилось, и я ей не поверил, но мне не хотелось ее пугать, так что я промолчал. Я поел один, затем мы закутались в шубы и легли у огня. Я стал уговаривать ее поспать и обещал караулить. Я несколько раз ловил себя на том, что засыпал, но, проснувшись, видел ее: она

лежала тихо, но не спала, а все глядела на меня горящими глазами. Это повторялось несколько раз, и к утру я смог немного выспаться. Проснувшись, я снова попробовал ее загипнотизировать, но, увы! Она, хотя и закрывала покорно глаза, все-таки не засыпала. Когда солнце взошло, она заснула, хоть с запозданием, да так крепко, что я никак не мог ее разбудить. Пришлось поднять ее и положить в экипаж. Во сне она выглядела как-то здоровее и румянее. Мне это не понравилось, ведь я боюсь, боюсь, боюсь. Я всего боюсь — даже думать, но я должен исполнить свой долг. Это борьба не на жизнь, а на смерть, и мы не смеем отступить.

5 ноября, утром.

Хочу записать все по порядку, так как в противном случае могут сказать, что я, Ван Хелсинг, сошел с ума и что пережитые ужасы и нервное расстройство столь жестоко отразились на моем мозгу.

Вчера мы ехали целый день, все время приближаясь к горам, дальше и дальше забираясь в дикую, пустынную страну. Мадам Мина спит и спит; я проголодался, утолил свой голод и попытался разбудить ее, чтобы она поела, но она все спит. Я начал бояться, не роковые ли чары этой местности сказываются на ней, запятнанной прикосновением вампира. «Ладно,— подумал я,— если так суждено, чтобы она спала целыми днями, мне нельзя спать по ночам». Дорога была плохая, как все примитивные, построенные давным-давно дороги в той местности; я опустил голову и заснул. Когда же проснулся и взглянул на мадам Мину, то увидел, что она все еще спит, а солнце садится. Все совершенно изменилось. Крутые скалы ушли куда-то вдаль, и перед нами на высокой крутой горе стоял замок, о котором Джонатан рассказывал в своем дневнике. Меня охватило чувство торжества с примесью страха, так как теперь, к добру или нет, конец уже близок. Я разбудил мадам Мину и попробовал ее загипнотизировать, но, увы, бесполезно. Стемнело, я распряг лошадей и накормил их, затем развел огонь, устроился и посадил мадам Мину как можно удобнее; она бодрствовала и была очаровательна, как никогда; я приготовил еду, но она отказалась есть, сказав, что не голодна. Я не настаивал, ибо знал — уговоры тщетны. Но сам я поел, так как мне нужно было набраться сил

за всех. Затем я начертил круг, в центре которого оказалась мадам Мина, раскрошил облатку и положил крошки на этот круг, так что всякий доступ в середину был невозможен. Она сидела тихо, беззвучная, как покойник, делаясь все бледнее, бледнее, под стать снегу, но не проронила ни слова. Когда я подошел к ней, она прижалась ко мне, и я почувствовал, что она дрожит от страха. Мне было тяжело. Когда она чуть успокоилась, я сказал:

— Пойдемте к огню.

Я хотел посмотреть, что она в состоянии сделать. Она покорно встала, но, шагнув, тут же остановилась как вкопанная.

— Что же вы не идете? — спросил я.

Но она покачала головой, вернулась назад и села на прежнее место. Затем, взглянув на меня, сказала просто: «Не могу». И замолчала. Я обрадовался, ибо знал: то, чего не может она, не мог ни один из тех, кого мы боялись.

Тут лошади принялись фыркать и рваться на привязи, и мне пришлось успокоить их. Почувствовав мою руку, они заржали от радости, начали ее лизать и на время затихли. За ночь я несколько раз подходил к ним и каждый раз возвращал им спокойствие. В самое холодное время огонь стал затухать, и я приложил все старания, чтобы его поддержать, потому что снег падал большими хлопьями, а холодный туман окружил нас. Во мраке виднелись какие-то огоньки, каких никогда не бывает на снегу, и казалось, снежные хлопья и туман превращаются в женщин, а это их длинные одежды со шлейфами. Гробовую тишину изредка нарушало ржание и фырканье лошадей; казалось, они чего-то страшно боятся. Страх начал овладевать и мной, но, защищенный кругом, я был совершенно спокоен. Я уже думал, что мои видения — порождение ночи, мрака, усталости и тревог. Мне казалось, я переживаю то же, что пережил Джонатан. Снежные пушинки и туман вертелись и кружились передо мною, пока наконец не приняли образ тех женщин, которые хотели его поцеловать. Затем лошади, дрожавшие все больше и больше, принялись стонать, как человек, страдающий от боли. Я боялся за мою дорогую мадам Мину, когда эти фигуры приблизились и окружили ее. Я взглянул — она спокойно сидела и улыбалась мне. Когда я собрался пойти к костру, чтобы поддержать огонь, она схватила меня за рукав и глубоким голосом, точно во сне, зашептала:

— Нет, нет! Не ходите! Тут вы в безопасности.

Я повернулся к ней и, глядя прямо в глаза, сказал:

— А вы? Ведь это за вас я боюсь!

Но она как-то неестественно засмеялась и ответила:

— Боитесь? Вы за меня боитесь? Но что они могут сделать мне?

Ее слова поразили меня. В этот момент дунул резкий ветер и раздул пламя, при свете которого я увидел красный шрам у нее на лбу. И, увы, я понял все! Если бы я этого и не знал, то, во всяком случае, вскоре узнал бы, так как кружившиеся фигуры подходили все ближе и ближе, однако не переступали круг. Затем они начали материализоваться, пока наконец, если только Бог не лишил меня рассудка, я не увидел перед собою тех трех женщин, которых Джонатан видел у себя в комнате, когда они собирались поцеловать его. Я узнал их гибкие полные фигуры, их блестящие глаза, белые зубы, узнал их сладострастные губы и цвет их волос. Они уже улыбались Мине, и смех их резко звучал в ночной тишине; они простерли к ней руки и заговорили:

— Приди, сестрица! Приди к нам! Приди, приди!

Я в страхе взглянул на Мину, и сердце мое забилось от радости: в ее глазах я читал только ужас, страх и отвращение. Слава богу, она еще не принадлежала им. Я выхватил из огня находившийся поблизости кол и, держа перед собою облатку, начал подходить к ним, приближаясь в то же время к костру. Они смеялись своим ужасным смехом, но отступали. Я поддерживал огонь, и они мне были не страшны, так как я знал, что они нас не тронут. Они не могли приблизиться ни ко мне, вооруженному святыми дарами, ни к мадам Мине, пока она оставалась в кругу, из которого не могла выйти. Лошади перестали стонать и застыли, снег мягко падал на них, и они сделались белыми. Я знал, что бедным животным больше не грозит опасность.

Так мы дождались рассвета. Я испытывал отчаяние, был напуган, полон горя и страха, но при виде восходящего солнца я снова ожил. При первом движении рассвета фигуры начали растворяться, лишь облачка полупрозрачного тумана летели в сторону замка, пока не пропали совсем.

На рассвете я машинально повернулся к мадам Мине, намереваясь ее загипнотизировать, но она спала так крепко, что я

никак не мог ее разбудить. Я попробовал загипнотизировать ее во сне — она не откликалась, а день уже настал. Я боялся двинуться с места, но все же развел огонь и осмотрел лошадей — они были мертвы. Сегодня мне предстоит много работы, и я подожду, пока солнце совсем не взойдет; может статься, мы попадем в такое место, где солнечный свет защитит меня вопреки туману и снегу.

Я позавтракаю, а потом примусь за свою ужасную работу. Мадам Мина все еще спит, да будет благословен Господь! Сон ее спокоен...

ДНЕВНИК ДЖОНАТАНА ХАРКЕРА

4 ноября, вечером.

Если бы не происшествие с катером, мы давно догнали бы лодку и сейчас моя дорогая Мина была бы уже свободна. Боюсь даже и думать о ней, находящейся вдали, в тех ужасных местах. Мы достали лошадей и следуем за ними по дороге. Записываю это, пока Годалминг готовит все нужное для поездки. Оружие с нами. Плохо придется цыганам, если они вздумают сопротивляться. О, если бы Моррис и Сьюард были сейчас с нами! Будем надеяться! Может, мне больше не придется писать, тогда прощай, Мина! Да благословит и сохранит тебя Бог.

ДНЕВНИК ДОКТОРА СЬЮАРДА

5 ноября.

На рассвете мы увидели, как цыгане удаляются от реки со своим фургоном. Они окружили его со всех сторон и спешили, точно их преследовали. Падает легкий снег, в воздухе разлито какое-то странное беспокойство, возможно, это всего лишь наша мнительность, но мы подавлены. Вдали слышится волчий вой, он несется с гор вместе со снегом; нас окружает опасность; лошади почти готовы, и скоро мы двинемся в путь. Мы мчимся навстречу смерти. Одному Богу известно, кто или где либо что или когда и как это будет...

ЗАПИСКИ ДОКТОРА ВАН ХЕЛСИНГА

5 ноября, днем.

Я, по крайней мере, в здравом уме. Благодарю Бога хотя бы и за эту мысль, и за эту милость, хотя испытание было ужасно. Оставив Мину спящей в священном круге, я направился к замку. Кузнечный молот, который я взял из экипажа в Верешти, мне пригодился, хотя двери и были открыты. Я все-таки снял их с петель, чтобы по какой-нибудь роковой случайности они не захлопнулись и я не очутился бы взаперти. Горький опыт Джонатана оказал мне услугу. Благодаря его записям я нашел дорогу к старой часовне, так как знал, что тут-то мне и предстоит работа. Воздух был удушлив, казалось, будто исходивший откуда-то запах серы кружит мне голову. Мне послышался вой волков, но возможно, просто шумело в ушах. Тут я вспомнил о своей дорогой мадам Мине, и положение мое показалось мне ужасным. Передо мной стояла дилемма. Я не рискнул ее взять сюда с собой и оставил в священном круге. Вампир там не мог причинить ей никакого вреда, но волк все-таки мог подойти. Я пришел к заключению, что работать мне предстоит именно здесь, а что до волков, будем уповать на Бога. В конце концов, что может быть с ней, кроме смерти, несущей освобождение? Так я решил за нее. Будь у меня выбор, я предпочел бы покоиться в желудке волка, чем в могиле вампира. Поэтому я продолжил свою работу.

Я знал, что найду по крайней мере три гроба, три обитаемых гроба, и стал искать, пока наконец не обнаружил один из них. Она спала крепким сном вампира. Она была полна жизни и сладострастной красоты, и я даже вздрогнул, ибо пришел убить ее. О, я не сомневаюсь, что в давние времена, когда случались такие вещи, многие пробовали делать то же самое, что и я, но затем убеждались — это им не по силам, и они все медлили, все откладывали, пока наконец красота и соблазнительность порочного «не-мертвого» не очаровывала их и они пребывали в нерешительности, пока не садилось солнце и вампир не восставал ото сна. Открывались чудесные глаза белокурых женщин и смотрели с любовью, а сладострастные губы тянулись в поцелуе, и человек ослабевал. Тогда в объятиях вампира оказывалась новая жертва и пополнялись ряды «не-мертвых».

Соблазн, должно быть, очень велик, если даже меня волнует присутствие такого существа, лежащего тут, в пыли, столетия напролет, распространяя такой же запах, как был в жилищах графа. Да, меня это взволновало — меня, Ван Хелсинга. А как же мои взгляды, имеющиеся у меня основания их презирать? Меня это так тронуло, что я почувствовал себя парализованным. Возможно, это было следствием того, что я устал и не выспался. Я сознавал, что сон одолевает меня. Я засыпал, не закрывая глаз, был как завороженный, когда вдруг в морозном воздухе раздался долгий протяжный крик, такой горестный и жалобный, что я очнулся. Это был голос нашей дорогой мадам Мины.

Я овладел собой и принялся за свою ужасную работу. Подняв гробовые крышки, я нашел еще одну из сестер, брюнетку. Я не решился на нее взглянуть, чтобы не впасть в соблазн, и продолжал свои поиски, пока наконец не отыскал в большом высоком гробу, точно сделанном для кого-то близкого и дорогого, ту белокурую сестру, которую я, как и Джонатан, видел появляющейся из частиц тумана. Она была так прелестна, так удивительно сладострастна, что во мне проснулся инстинкт мужчины. Но, слава богу, голос моей дорогой Мины все еще продолжал звенеть у меня в ушах, и прежде, чем колдовство меня коснулось, я уже ревностно принялся за работу. Таким образом, я нашел все гробы в часовне, а поскольку ночью нас окружило всего три зловещих призрака, я решил, что больше «не-мертвых» нет. Там был еще один гроб, величественней остальных, колоссальных размеров и благородной формы. На нем было написано одно слово:

ДРАКУЛА

Вот оно, логово «не-мертвого», короля вампиров, которому столь многие обязаны погибелью своей души! Пустота могилы красноречиво подтверждала то, что я знал. Прежде чем вернуть этих женщин своею ужасной работой к их естественной смерти, я положил несколько облаток в гроб Дракулы и таким образом изгнал «не-мертвого» оттуда навсегда.

Затем я с отвращением принялся за выполнение своего ужасного долга. Если бы нужно было сделать это единожды, это было бы не так трудно. Но трижды! Опять приниматься за это отвратительное дело, едва закончив предыдущее! Это было ужасно с прелестной мисс Люси, а каково с этими незнакомка-

ми, которые пережили века и которые, если б могли, боролись за свои призрачные жизни...

О Джон, то была действительно работа мясника! Если бы не забота о других — и о мертвых, и о живущих, которые теперь находятся в большой опасности, я не смог бы продолжать.

Я дрожу, я дрожу еще и теперь, хотя, слава богу, мои нервы выдержали. Если бы я не видел того спокойствия на лице первой женщины и той радости, которая на нем отразилась перед самым его разрушением, будучи доказательством того, что душа спасена, я бы не смог продолжать это кровопролитие. Как только я выдержал все: хруст, с которым кол проходит сквозь тело, их страшные корчи, кровавую пену на губах! Мне хотелось бежать в ужасе и бросить все так, как было. Но теперь свершилось! Мне жаль эти бедные души, достаточно вспомнить, какой ужас им пришлось пережить; но зато теперь они наслаждаются сном естественной смерти. Ибо, едва мой нож отсек голову каждой из них, как тела их тотчас начали рассыпаться и превратились в пыль, словно смерть, которая должна была прийти столетия тому назад, теперь наконец утвердилась в своих правах и громко заявила: «Вот и я!»

Перед тем как покинуть замок, я так закрыл все входы, что граф уже больше никогда не сможет войти туда «не-мертвым».

Когда я вошел в круг, где спала мадам Мина, она проснулась и, увидев меня, вскрикнула:

— Пойдемте! Уйдемте прочь от этого ужасного места! Пойдемте встречать моего мужа. Я знаю, он идет сюда.

Она была худа, бледна и слаба, но глаза ее были чисты и пылали огнем. Я был рад видеть ее бледной и больной, так как еще помнил ужас, который испытывал перед румяным сном вампира.

Итак, с надеждой в груди, хотя все еще полные страха, мы идем на восток, навстречу нашим друзьям и тому, который — как говорит мадам Мина — сам идет к нам навстречу.

ДНЕВНИК МИНЫ ХАРКЕР

6 ноября.

Было уже очень поздно, когда профессор и я направились на восток навстречу Джонатану. Мы шли медленно, так как, хотя дорога и вела круто вниз под гору, нам приходилось тащить с

собой тяжелые одеяла и теплые вещи, без которых мы боялись остаться в такой холод среди снегов. Мы несли с собой и провизию, так как местность вокруг была совершенно пустынная и необитаемая. Пройдя около мили, я устала и села отдохнуть. Оглянувшись, мы увидели вырисовывавшийся на горизонте замок Дракулы. Он предстал перед нами во всей своей красоте, построенный на высоте в тысячу футов на крутом утесе, окруженном глубокой пропастью, отделявшей от него со всех сторон обступившие горы. Что-то дикое и таинственное было в этой местности. Вдали слышался вой волков. Судя по тому, как доктор Ван Хелсинг выбирал место, я поняла: он ищет стратегический пункт, где на нас никто не сможет напасть.

Через некоторое время профессор позвал меня. Он нашел прелестное место, что-то вроде природной пещеры в скале. Профессор взял меня за руку и втащил туда.

— Смотрите! — сказал он.— Здесь вы будете под защитой, а если волки придут, я убью одного за другим.

Он принес наши одеяла и приготовил мне удобное ложе, вынул провизию и заставил меня поесть. Я не хотела есть, мне даже противно было прикоснуться к еде и, несмотря на то что мне хотелось угодить ему, я никак не могла себя пересилить. Это его очень огорчило, но упрекать меня он не стал. Вынув из чемодана подзорную трубу, он встал на вершине утеса и начал изучать горизонт. Вдруг он воскликнул:

— Взгляните! Мадам Мина, взгляните! Взгляните!

Я вскочила и встала рядом с ним. Он передал мне трубу и начал показывать. С высоты, на которой мы стояли, был хороший обзор, и далеко за белой снежной пеленой виднелась черная лента реки. Прямо перед нами, невдалеке — так близко, что я удивляюсь, как это мы раньше не замечали,— скакала группа всадников. Она окружала несущуюся повозку, которая покачивалась с боку на бок на неровной дороге. Судя по одежде, это были или крестьяне, или цыгане. На повозке стоял большой четырехугольный ящик. Сердце мое забилось сильнее, когда я это увидела, так как я чувствовала — развязка приближается. Близился вечер, и я прекрасно знала, что при заходе солнца существо, которое сейчас бессильно, снова оживет и, приняв одно из своих многочисленных обличий, сможет спастись от нашего преследования. В страхе я повернулась к профессору, но, к мое-

му удивлению, его там не было. Вскоре я увидела его внизу. Он нарисовал круг вокруг скалы, точно такой, в каком мы прошлой ночью нашли убежище. Покончив с этим, он вернулся ко мне и сказал:

— По крайней мере, здесь он вам не опасен.

Он взял у меня подзорную трубу, но вскоре пошел снег, и почти ничего не стало видно.

— Взгляните! — сказал профессор.— Они торопятся, они погоняют своих лошадей и мчатся изо всех сил.

Он помолчал и затем продолжил глухим голосом:

— Они торопятся к заходу солнца. Мы можем опоздать. Да будет воля Божья!

Тут снова повалил густой снег и закрыл всю картину. Но вскоре развиднелось. Ван Хелсинг опять навел свою подзорную трубу на долину и воскликнул:

— Смотрите! Смотрите! Смотрите! Два всадника несутся с юга вслед за ними. Это, должно быть, Квинси и Джон. Возьмите трубу. Посмотрите, прежде чем снегопад все скроет!

Я взяла трубу и взглянула. Это могли быть доктор Сьюард и мистер Моррис. Во всяком случае, Джонатана там быть не могло. В то же время я знала, что Джонатан близко. Оглядевшись, я заметила на севере еще двух всадников, они быстро приближались. В одном из них я узнала Джонатана, а другого, конечно, приняла за лорда Годалминга. Они тоже преследовали повозку! Когда я сказала это профессору, он обрадовался как школьник и внимательно всматривался вдаль, пока снова не повалил снег. Профессор приготовил свой винчестер и положил его на скалу у входа в наше убежище.

— Они все направляются к одному месту,— сказал он.— Еще немного, и мы будем окружены цыганами.

Когда снежная буря на время утихла, мы снова поглядели в трубу. Было странно видеть, как вокруг нас сыплются хлопья снега, а невдалеке солнце, спускаясь за вершины гор, разгорается все сильнее. Направляя трубу в разные стороны, я увидела на снегу пятна, двигавшиеся то в одиночку, то маленькими, то большими группами,— волки почуяли добычу. Минуты ожидания казались нам вечностью, ветер теперь дул сильными порывами и, с яростью кружа снег, гнал его на нас. Мы то не видели

ничего на расстоянии вытянутой руки, то вдруг порыв ветра отклонялся в сторону и тогда пространство вокруг нас прояснялось и мы могли обозревать все, что было далеко внизу. За последнее время мы так привыкли следить за восходом и заходом солнца, что с точностью могли его определить и знали, что солнце скоро зайдет.

Трудно даже поверить, что не прошло и часа с того момента, как мы сидели в нашем убежище на скале и не ведали, кто приближается к нам с разных сторон. С севера подул упорный, холодный и резкий ветер. Он, как видно, отогнал снеговые тучи, снег теперь шел лишь время от времени. Мы теперь ясно могли различить и преследуемых, и преследователей. Казалось, преследуемые не замечали погони или не обращали на нее внимания. Но все-таки они все больше торопились по мере того, как солнце ниже и ниже спускалось к вершинам гор.

Они приближались. Профессор и я спрятались за скалой и приготовили ружья; я видела, что он решил не пропустить цыган. Никто понятия не имел о нашем присутствии.

Вдруг сразу два голоса крикнули:

— Стой!

Один голос, сильно взволнованный, был голосом Джонатана, а другой, в котором слышалась решительность спокойного приказа, принадлежал мистеру Моррису. Цыгане, как видно, не знали этого языка, но поняли все по тону. Они инстинктивно натянули поводья, и в ту же минуту с одной стороны к ним подскакали лорд Годалминг и Джонатан, а с другой — доктор Сьюард и мистер Моррис. Вожак цыган, юноша величественного вида, сидевший на лошади, как кентавр, резким голосом приказал своим товарищам не останавливаться. Они ударили лошадей, которые рванулись вперед, но четверо наших подняли карабины и заставили их остановиться. В тот же момент доктор Ван Хелсинг и я выступили из-за скалы и направили на них свое оружие. Видя, что они со всех сторон окружены, они натянули поводья и остановились. Вожак что-то сказал, после чего они вытащили ножи и револьверы и приготовились защищаться. Все это было делом минуты.

Вожак, натянув поводья, выдвинулся вперед и, указав сначала на заходящее солнце, а затем на замок, сказал им что-то, чего

я не поняла. Тут все четверо из нашей партии соскочили с лошадей и бросились к повозке. Опасность, которой подвергался Джонатан, должна была меня испугать, но обстановка, наверно, подействовала на меня так же, как на них; я не чувствовала страха, я чувствовала лишь дикое, безумное желание что-нибудь предпринять. Заметив наши передвижения, вожак цыган отдал приказ, и его люди тотчас бросились к повозке и, толкая друг друга, рьяно принялись выполнять приказание.

В этой сутолоке я увидела, как Джонатан с одной, а Квинси с другой стороны пробили себе дорогу к повозке; видно было, что они старались добраться до ящика до захода солнца. Ничто не могло ни удержать их, ни помешать им: ни сверкающие вокруг ножи цыган, ни волчий вой, раздавшийся за спиной и отвлекающий внимание. Стремительность Джонатана и непреклонность, с которой он шел к цели, казалось, укротили непокорных: они инстинктивно отступили назад и дали ему пройти. В один миг он вскочил на повозку, с невероятным усилием поднял ящик и, перекинув его через колесо, швырнул на землю. В то же время мистер Моррис напрягал все свои силы, стараясь прорвать цепь цыган; я все время зорко следила за Джонатаном, но краем глаза видела, как мистер Моррис в отчаянии пробивался вперед, видела, как ножи цыган сверкнули над ним, когда он прорвался в самую середину, и как они на него замахивались. Он ловко отражал удары своим большим ножом, и сначала мне показалось, что он добрался благополучно, но, когда он подскочил к Джонатану, который только что спрыгнул с повозки, я увидела, что он держится рукой за левый бок и кровь сочится у него сквозь пальцы. Несмотря на это, он все-таки бросился помогать Джонатану. Джонатан схватил один конец ящика, стараясь сорвать с него крышку своим ножом, а с другой стороны своим большим ножом ее поддел мистер Моррис. Благодаря общим усилиям крышка стала поддаваться, гвозди со скрипом выскочили, и крышка упала.

Сознавая свое бессилие, цыгане наконец отступили и больше не сопротивлялись. Солнце было уже совсем низко, на самых вершинах гор. Я увидела графа, лежащего в ящике на земле, которая отчасти его даже засыпала, когда ящик упал. Он был смертельно бледен, точно восковая фигура, а красные глаза его

сверкали яростью и местью — взгляд, столь знакомый мне. Я видела, как глаза его смотрели на заходящее солнце, и ненависть в них переходила в торжество.

Но в ту же минуту мелькнул нож Джонатана. Я вздрогнула, увидев, как нож перерезал горло графа, тогда как нож мистера Морриса проткнул ему сердце.

Большое чудо произошло на наших глазах: в одно мгновение тело графа распалось в прах и исчезло.

Я буду всю жизнь с радостью вспоминать, что в последний миг лицо его обрело выражение мирного покоя, который, я думала, никогда не сойдет на него.

Замок Дракулы выделялся теперь на фоне багровеющего неба, и каждый камень этого возвышенного строения был озарен светом заходящего солнца.

Цыгане, считавшие нас причиной сверхъестественного исчезновения мертвеца, ни слова не говоря повернулись и уехали, точно опасаясь за собственную жизнь. Те, у кого не было лошадей, вскочили в повозку и крикнули всадникам, чтобы те их не бросали. Волки, стоявшие на порядочном расстоянии от нас, тоже умчались. Мы остались одни.

Мистер Моррис опустился на землю, продолжая держаться за бок; кровь все еще сочилась у него сквозь пальцы. Я рванулась к нему, ибо священный круг меня больше не удерживал. За мной поспешили и оба доктора. Джонатан опустился рядом с ним на колени, и раненый положил ему голову на плечо. Он со вздохом взял мою руку. Очевидно, он заметил тревогу на моем лице, ибо, улыбнувшись, сказал:

— Я счастлив, что мог быть вам полезным! О господи! — внезапно воскликнул он, показывая на меня.— Ради нее стоило умереть. Смотрите! Смотрите!

Солнце теперь находилось как раз на вершине горы, и красный отсвет его падал мне на лицо, так что оно окрасилось розовым. Все сразу опустились на колени, и мрачное и грустное «аминь» вырвалось из уст у всех следивших за рукой умирающего, который, указывая на меня, произнес:

— Слава богу, что все это было не напрасно! Смотрите, ее лоб белее снега. Шрам исчез!

И к нашему великому горю, с улыбкою на устах этот благородный человек тихо умер.

Эпилог

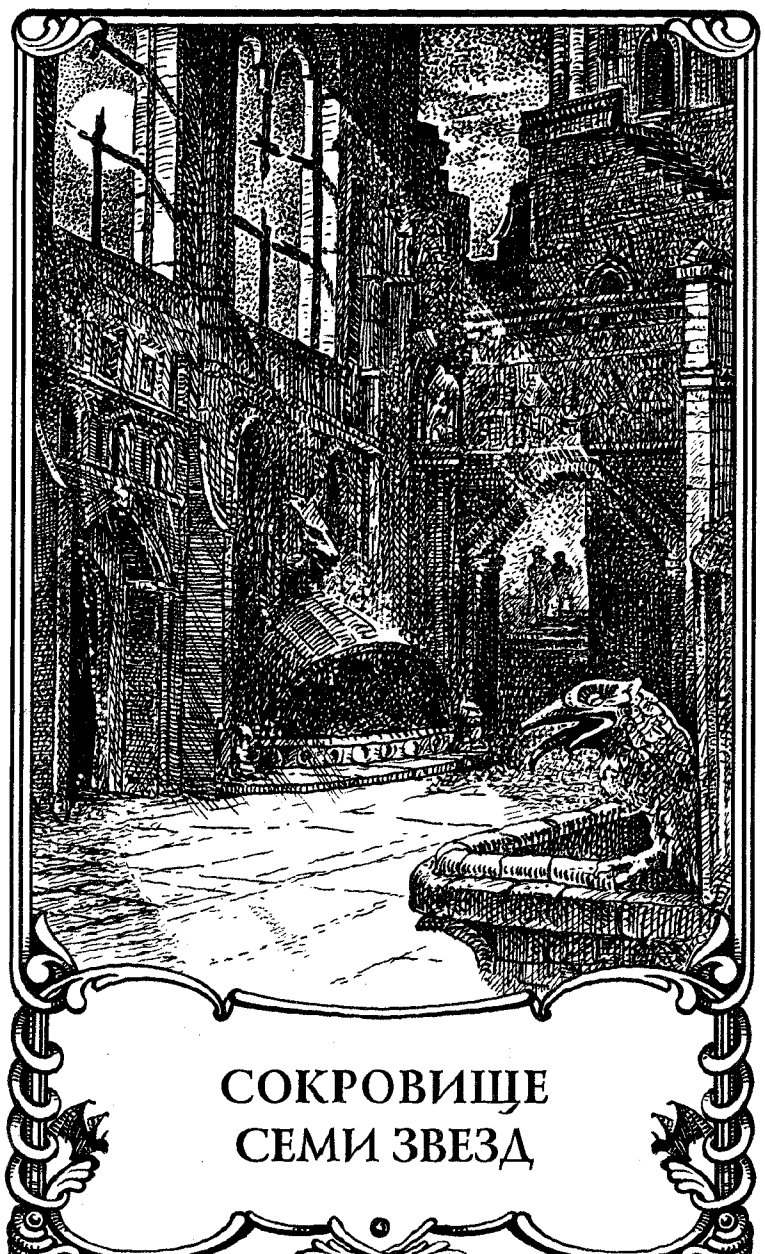
Семь лет тому назад мы все прошли сквозь огонь и воду, и благополучие некоторых из нас, я думаю, стоит тех страданий, которые мы испытали. Для меня и для Мины великое счастье, что наш сын родился в годовщину смерти Квинси Морриса. Его мать, я знаю, убеждена, что он унаследовал часть достоинств нашего храброго друга. Он назван именами всех наших друзей, но мы называем его Квинси.

В этом году мы совершили путешествие в Трансильванию и проезжали по тем местам, с которыми у нас связаны яркие, но ужасные воспоминания. Трудно поверить, будто то, что мы видели собственными глазами и слышали собственными ушами, было правдой. Все следы былого уничтожены. Но замок возвышается, как и раньше, над огромным пустым пространством.

Вернувшись домой, мы стали вспоминать о прошлом, и память о нем не вызвала ни в ком из нас сожалений, ибо Годалминг и Сьюард оба женаты и счастливы. Я вынул бумаги из сейфа, где они пребывали с тех пор, как мы вернулись. Нас поразил тот факт, что среди множества материалов едва ли найдется хоть один подлинный документ. В основном это перепечатанные на машинке выдержки из дневников Мины, Сьюарда и моего собственного, а также заметки Ван Хелсинга. При всем желании едва ли кто-нибудь согласился бы принять их как доказательство подлинности столь дикой истории. Ван Хелсинг все это взвесил и, посадив нашего сына к себе на колени, сказал:

— Нам не нужно доказательств, мы не требуем, чтобы нам поверили. Настанет день, и этот мальчик узнает, какая благородная женщина его мать. Ему уже известны ее доброта и любовь, а со временем он поймет, за что она была столь любима многими и почему они ради нее решились на такое.

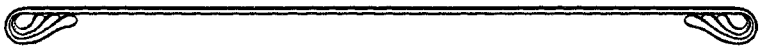
Джонатан Харкер

СОКРОВИЩЕ СЕМИ ЗВЕЗД

Посвящаю Элеоноре и Констанции Хойт

Глава I

НОЧНОЙ ЗОВ

Происходящее казалось настолько реальным, что я не мог поверить, будто все это уже случилось. И все же события, сменявшие друг друга, были не новыми, незнакомыми, а вполне известными и даже ожидаемыми. Подобным образом с нами шутит память — к добру или злу, радости или боли, счастью или беде. Вот почему наша жизнь сладостно-горькая на вкус и то, что свершилось, переходит в разряд вечности.

И вновь легкий ялик скользил по ленивым водам, пытаясь скрыться от жгучего июльского солнца в прохладную тень плакучих ив. С блестящих весел стекала вода, а она то наклоняла голову, то проворными пальцами отводила от себя упругие ветви.

И опять вода казалась золотисто-коричневой под шатром из прозрачной зелени, а берег радовал глаз изумрудной травой.

И снова мы сидели в прохладной тени, и великий мир с его волнениями, бедами и радостями — еще более тревожащими — перестал для нас существовать.

Вновь в этом блаженном уединении юная красавица, отринув условности своего чопорного и сурового воспитания, рассказала мне об одиночестве своей новой жизни. В голосе девушки звучала легкая грусть, когда она говорила о величественном особняке и молчаливо-почтительных слугах,— в этом простор-

ном доме не нашлось места доверию и сочувствию в отношениях между дочерью и отцом.

И снова летящие секунды бесконечно множились, потому что в таинстве снов реальности соединяются, стремясь к изменению и обновлению, но остаются прежними,— словно душа музыканта, вложенная в фугу. Так же и память замирает, в который раз погружаясь в сон.

Похоже, совершенный покой никогда не наступит. Тишина бессонной ночи нарушается грохотом лавины, бурлящим ревом внезапного наводнения, звоном колокола, сопровождающим бег паровоза через сонный городок, шлепаньем лопастей колесного парохода.

Что бы это ни было, оно разрушает чары моего Эдема. Шатер зелени, усеянный алмазными бликами света, подрагивает над нами, подобно опахалу, а неугомонный колокол звонит, не собираясь умолкнуть...

Пробуждение оказалось достаточно прозаичным: на улице кто-то стучал и звонил в одну из дверей дома. Я уже сумел привыкнуть к посторонним звукам, проникавшим в мою квартиру на Джермин-стрит; обычно меня не волновали ни во сне, ни наяву любые, даже шумные, занятия моих соседей. Но этот стук был слишком долгим, настойчивым и в достаточной степени властным, чтобы его можно было игнорировать.

Я не считал себя абсолютным эгоистом и при мысли о чьей-то необходимости поспешно покинул постель. Стрелки на циферблате настенных часов застыли на цифрах «12» и «3»; через просветы в зеленых жалюзи в комнату проникало раннее серое утро. Набросив халат и сунув ноги в шлепанцы, я спустился вниз в холл. Когда я открыл входную дверь, то увидел перед собой щеголеватого грума: одной рукой он нажимал на электрический звонок, а другой непрерывно грохотал в дверь колотушкой. Рядом с ним стоял полисмен с зажженным фонарем на поясе, очевидно привлеченный шумом. Едва заметив меня, грум сразу прекратил свое шумное занятие и, почтительно коснувшись полей шляпы, извлек из кармана письмо. За его спиной виднелась изящная карета; лошади тяжело дышали, словно проделали большой путь.

— Сэр, прошу прощения за беспокойство, но я получил срочный приказ и должен был стучать и звонить до тех пор, пока кто-нибудь не появится. Могу я спросить, сэр, не здесь ли живет мистер Малькольм Росс?

— Я Малькольм Росс.

— В таком случае письмо предназначено вам, сэр, и карета тоже!

Обуреваемый странным чувством, я взял у него письмо. Конечно, должность барристера время от времени преподносила мне сюрпризы, включая срочные вызовы, но подобного еще не было. Отступив в холл, я прикрыл дверь, но не до конца, и включил свет под сводчатым потолком. Письмо было написано незнакомым женским почерком. Оно начиналось сразу, без обращений «дорогой сэр» или что-нибудь в этом роде.

«Вы обещали помочь мне, если возникнет необходимость. Хотелось бы верить, что это не была лишь вежливая, ничего не значащая фраза. Я в ужасной беде и не знаю, куда и к кому обратиться. Есть все основания полагать, что на жизнь моего отца покушались. Слава богу, он еще жив, но без сознания. Я вызвала врачей, полицию, однако среди окружающих меня людей нет тех, на кого я могла бы положиться. Приезжайте немедленно, если сможете, и простите меня. Одолжение слишком велико, и моя отчаянная просьба ко многому обязывает, но пока я не в силах об этом думать.

Приезжайте! Приезжайте немедленно!

Маргарет Трелони».

Боль и радость боролись во мне, пока я читал это письмо. Она в отчаянии и позвала меня — меня! Значит, этот сон не был случайным и предвещал встречу. Распахнув дверь, я кивнул груму:

— Погодите! Через минуту я вернусь! — и бросился наверх.

На то, чтобы привести себя в порядок, мне понадобилось несколько минут, и вскоре мы мчались по улицам так быстро, как могли выдержать лошади. Когда мы пересекали Пиккадилли, я попросил грума пересесть ко мне в карету и рассказать о том, что произошло в доме Трелони. Краснея от смущения, он

пристроился напротив меня, положил шляпу на колени и, откашлявшись, заговорил:

— Мисс Трелони, сэр, прислала слугу с просьбой немедленно приготовить карету, а затем пришла сама, подала мне письмо и приказала Моргану — вознице, сэр,— гнать что есть мочи. Она велела мне непрерывно стучать и звонить в дверь, пока кто-нибудь не придет.

— Да, это понятно! Но я хочу знать, почему она послала за мной. Что случилось?

— Я и сам толком ничего не знаю, сэр; кроме того, что окровавленного хозяина нашли в его комнате без чувств. Он до сих пор не пришел в себя. Вот и все, что мне известно.

Поскольку он больше ничего не мог сказать, я приказал остановить карету, чтобы он вернулся на козлы, и, оставшись в одиночестве, принялся размышлять о случившемся. Можно было расспросить грума подробнее, и некоторое время я даже злился на себя за то, что не использовал эту возможность. Но с другой стороны, в данной ситуации лучше задавать вопросы самой мисс Трелони, нежели ее слугам.

Мы быстро пересекли Найтсбридж, затем экипаж свернул на улицу Кенсингтон-Палас-Гарденз и вскоре остановился напротив большого дома. Насколько я мог судить, особняк стоял ближе к Ноттинг-Хиллу, чем к Кенсингтонскому дворцу. Здание даже в сером полумраке утра выглядело величественным.

В огромном холле находилось около десятка слуг: мужчины расположились полукругом у лестницы, а женщины неподалеку от них испуганно перешептывались. С мисс Трелони, стоявшей на ступенях лестницы, разговаривал старший офицер полиции, а еще один мужчина в мундире внимательно слушал их беседу. Увидев меня в дверях, девушка радостно улыбнулась и поспешила мне навстречу.

— Я знала, что вы придете!

Порывисто вздохнув, она сжала мою руку, и я почувствовал нежное прикосновение длинных гибких пальцев. Волнение охватило меня, но я старался не подавать виду. Маргарет Трелони обернулась и сообщила старшему офицеру:

— Это Малькольм Росс.

Полицейский вежливо отдал честь и произнес:

— Я знаю мистера Малькольма Росса, мисс. Возможно, он помнит дело фальшивомонетчиков в Брикстоне.

Признаться честно, я не узнал его с первого взгляда, вероятно потому, что все мое внимание было сосредоточено на мисс Трелони.

— Ну конечно, старший офицер Долан, я прекрасно помню вас! — бодро воскликнул я и пожал ему руку, заметив при этом, что наше знакомство несколько успокоило Маргарет. От моего взгляда не ускользнуло и некоторое замешательство в ее поведении. Почему-то мне показалось, что девушка хочет поговорить со мной наедине, и я сказал офицеру: — Мне хотелось бы задать мисс Трелони несколько вопросов без свидетелей. Затем мы обсудим это дело с вами, если вы не возражаете.

— Буду рад услужить вам, чем могу, сэр,— дружелюбным тоном ответил он.

Проследовав за хозяйкой дома, я оказался в изящно меблированной комнате, окна которой выходили в сад. Я закрыл дверь, и мисс Трелони опустилась на стул, жестом указав мне на кресло напротив:

— Прошу вас, садитесь. Я должна сообщить вам все обстоятельства этого странного происшествия.

— Расскажите все, что знаете, и не упускайте подробностей, сколь незначительными они бы ни казались вам сейчас.

Девушка медленно продолжала:

— Меня разбудил какой-то странный звук. Могу сказать только, что он пришел из моего сна, хотя что мне снилось, я не помню. Я сразу же проснулась, села на постели — сердце громко стучало в груди — и начала прислушиваться, не доносятся ли какие-нибудь звуки из отцовской комнаты. Моя спальня находится рядом с нею, и я часто слышу, как он ходит из угла в угол перед тем, как заснуть. Он работает до поздней ночи, иногда до утра, и поэтому, просыпаясь рано, как со мной иногда происходит, или же в рассветных сумерках, я слышу его шаги. Однажды я пыталась воспрепятствовать этому — такой режим вряд ли на пользу его здоровью,— но отец в достаточно резкой форме отказался слушать мои доводы. Вам известно из моего рассказа, каким суровым может быть мистер Трелони. Его гнев пугает меня меньше, чем неторопливый и педантичный тон голоса; он кривит верхнюю губу, обнажая зубы... Боже, какое у

него злое в такие моменты бывает лицо! Итак, этой ночью я осторожно прокралась к двери, боясь потревожить его. Из комнаты отца доносился странный тягучий шум и чье-то медленное, тяжелое дыхание. Это было так ужасно — стоять в темноте и, прислушиваясь к тишине, бояться неизвестно чего! Наконец я собралась с духом и, как можно осторожнее повернув ручку, чуть приоткрыла дверь. Внутри было довольно темно, и я различила лишь очертания окон. Но тяжелое дыхание теперь слышалось громче и, разумеется, вызывало еще больший страх. Некоторое время я прислушивалась к нему, но других звуков не последовало, и тогда я резко распахнула дверь, так как боялась открывать ее медленно, опасаясь, что за нею может быть нечто страшное, готовое на меня броситься. Переступив порог комнаты, я включила свет и сразу посмотрела в сторону письменного стола. В этот момент кто-то опять медленно вздохнул, и мой взгляд устремился на звук. На полу перед большим сейфом лежал на правом боку, подогнув под себя руку, мой отец. Кровавый след тянулся через комнату к письменному столу, и когда я склонилась над отцом, то заметила вокруг него лужу крови, красную и блестящую. Он лежал в бархатной куртке, ее левый рукав был оторван, обнажая его руку, вытянутую по направлению к сейфу. Она — о, это ужасно! — была вся в крови, а вокруг золотого браслета на его кисти шла рваная рана. Я не знала, что он носит подобное украшение!

Девушка на минуту смолкла, и я, желая отвлечь ее хоть на миг, сказал:

— Чему тут удивляться! Сейчас браслеты носят мужчины, о которых никогда не подумаешь, что их интересуют подобные вещи. Я знаю даже одного судью.

Казалось, ее не слишком заинтересовало мое замечание, но короткая пауза немного успокоила мисс Трелони, и теперь она говорила более твердым голосом:

— Я позвонила, а затем вышла в коридор и позвала на помощь громко, как смогла. Должно быть, довольно скоро — хотя для меня время тянулось неимоверно медленно — прибежало несколько слуг, затем комнату заполнили все обитатели этого дома с вытаращенными глазами, всклокоченными шевелюрами и во всевозможных ночных одеяниях. Отца положили на

диван, и экономка, миссис Грант, сохранившая самообладание в большей степени, чем остальные, принялась отыскивать источник кровотечения. Я уже говорила, что на руке отца, ближе к кисти, была глубокая, с рваными краями, рана, которая, по-видимому, задела артерию. Миссис Грант наложила жгут из платка, крепко затянув его серебряным ножом для вскрытия конвертов, и поток крови немедленно прекратился. К этому времени я уже пришла в себя — насколько смогла — и послала слуг за врачом и в полицию. Мне было так страшно... и ужасно захотелось, чтобы рядом оказался кто-нибудь небезразличный к моей участи. Я подумала о вас, о вашем обещании в лодке под ивами — и, написав записку, не раздумывая отправила ее вам.

Она замолчала. Мне не хотелось ничего говорить, и я посмотрел на нее; очевидно, мой взгляд был достаточно красноречив, потому что ее веки, дрогнув, опустились, а щеки заалели, словно розы. С явным усилием она продолжала свой рассказ:

— Доктор прибыл невероятно быстро и, сделав перевязку, отправился домой за некоторыми инструментами. Надеюсь, он скоро вернется. Потом пришел полисмен, а спустя некоторое время — старший офицер. А теперь и вы...

Последовало долгое молчание, и я осмелился взять ее за руку. Затем мы молча поднялись и направились в холл. Офицер бросился нам навстречу.

— Я уже отправил донесение в Скотленд-Ярд. Знаете, мистер Росс, в этом деле столько странностей, что без специалиста из Департамента по уголовным расследованиям в них не разобраться. Поэтому в записке я попросил немедленно прислать сюда сержанта Доу. Вы, наверное, помните его, сэр, по делу об отравлении американца в Хокстоне.

— Еще бы! Не раз убеждался в его ловкости и проницательности. Это самый здравомыслящий человек из всех, кого я знаю. Выполняя роль защитника в том деле и веря, что мой подзащитный невиновен, я был рад ему в качестве обвинителя!

— Весьма высокая оценка, сэр,— с благодарностью произнес старший офицер.— Я рад, что вы одобрили мой выбор.

— Не сомневаюсь, что с его и вашей помощью мы разрешим все загадки,— искренне заметил я.

Мы направились в комнату мистера Трелони и нашли все в том же виде, как описывала его дочь.

Из холла донесся звонок колокольчика, и через минуту в комнату вошел молодой человек с проницательными серыми глазами и широким, квадратным лбом — такой бывает у мыслителей. Мисс Трелони представила нас друг другу:

— Доктор Уинчестер, мистер Росс, старший офицер Долан.

Мы обменялись поклонами, и доктор без промедления принялся обрабатывать раны мистера Трелони. Врач то и дело обращал внимание офицера на некоторые особенности повреждений, и Долан быстро заносил факты в свой блокнот.

— Смотрите, несколько параллельных порезов или царапин, идущих с внутренней стороны кисти и в некоторых местах подвергающих опасности радиальную артерию... глубокая круговая рваная рана, похоже, сделана тупым инструментом...

Повернувшись к Маргарет, доктор Уинчестер неожиданно спросил:

— Как вы полагаете, мы можем снять браслет? Особой необходимости в этом, правда, нет, но для удобства больного...

Покраснев, девушка тихо ответила:

— Я лишь недавно переехала к отцу, и мне мало что известно о его жизни и привычках... Я не смею судить о подобных вещах.

Внимательно поглядев на нее, доктор сказал:

— Простите меня, я не знал об этом. Пока что трогать браслет не обязательно, в противном случае я взял бы ответственность на себя. В дальнейшем, если понадобится, мы легко снимем его с помощью напильника. Несомненно, у вашего отца были свои причины на то, чтобы носить...

Он неожиданно умолк и склонился ниже, затем подал мне знак держать свечу таким образом, чтобы браслет был хорошо освещен. Вынув из кармана увеличительное стекло, доктор осмотрел украшение, потом выпрямился и протянул лупу Долану.

— Лучше осмотрите браслет сами. Он не совсем обычен. К нему прикреплена стальная цепочка с ключом, а золотые звенья сплетены со стальными, и обычным напильником здесь не обойдешься.

Офицер опустился рядом с диваном на колени, внимательно обследовал браслет, медленно поворачивая его, чтобы не упустить ни единой, даже мелкой детали. Затем Долан поднялся и передал увеличительное стекло мне.

— Любопытная вещь! Дайте потом взглянуть и мисс Трелони,— сказал он и принялся делать пометки в своем блокноте.

Я не последовал его совету и, обратившись к Маргарет, предложил ей осмотреть браслет первой. Она отшатнулась:

— Ах, нет! Отец, несомненно, показал бы его мне, если бы хотел, чтобы я его увидела. Незачем делать это без его согласия! — Смутившись, девушка добавила, словно желая сгладить резкость своих слов: — Ну конечно, вам нужно осмотреть его и все принять во внимание... право же, я очень вам благодарна.

Мисс Трелони отвернулась, и я увидел, как дрожат ее плечи: она тихо плакала. Оказавшись в трудной ситуации, девушка несколько досадовала на то, что столь мало знала о своем отце и не могла скрыть этого от чужих людей. Слабым утешением могло послужить только то, что все они — мужчины. Пытаясь разобраться в ее чувствах, я не мог не подумать о том, что Маргарет, пожалуй, рада, что в этот час на нее не устремлены проницательные глаза женщины.

Осматривая браслет, я убедился в правильных выводах доктора. Когда я затем отошел в сторону, тот вновь занял свое место у дивана. Бросив взгляд в сторону Уинчестера, старший офицер Долан сказал мне шепотом:

— Думаю, нам повезло с доктором!

Я кивнул, соглашаясь, и в свою очередь намеревался сделать комплимент наблюдательности Долана, как в дверь тихо постучали.

Глава II

СТРАННЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Долан тихо подошел к двери; с нашего молчаливого общего согласия он взял на себя функции старшего. Мы с волнением следили за происходящим. Полицейский слегка приоткрыл дверь, затем с явным облегчением распахнул ее, и в комнату вошел молодой человек — высокий, худощавый, с хищным лицом и яркими, живыми проницательными глазами. При виде его старший офицер протянул руку, и они обменялись крепким рукопожатием.

— Я получил ваше послание и рад, что по-прежнему пользуюсь вашим доверием,— сказал молодой человек.

— Разве можно забыть дни на Боу-стрит, сержант Доу! — ответил старший офицер, а потом перешел к делу и подробно рассказал об обстоятельствах загадочного происшествия.

Сержант Доу в это время осматривал комнату и лежавшего на диване раненого, а затем задал Долану несколько вопросов. Когда старший офицер ответил на них, сержант повернулся ко мне:

— Возможно, вы помните меня, сэр. Мы встречались с вами в суде по делу об отравлении в Хокстоне.

— Разумеется, я не забыл вас,— протянул ему руку я.

Снова заговорил Долан:

— Сержант Доу, поручаю вам это дело.

— Надеюсь, под вашим руководством, сэр,— перебил тот.

Офицер покачал головой и с улыбкой возразил:

— Меня ждет другая работа, но я крайне заинтересован в этом происшествии и рад буду оказать вам любую помощь.

— Хорошо, сэр,— коротко козырнул сержант.

Вначале Доу подошел к доктору и, выяснив его имя и адрес, попросил написать полный отчет, которым можно будет воспользоваться. Доктор Уинчестер с мрачным видом кивнул в знак согласия. Затем сержант обратился к мисс Трелони:

— Пожалуйста, меня интересуют любые подробности о вашем отце: его житейские привычки, увлечения...

Я хотел было сказать ему, что девушка уже сообщила нам о своей неосведомленности в делах отца, но Маргарет, жестом остановив меня, с грустной улыбкой ответила:

— Увы! Старший офицер Долан и мистер Росс знают, насколько скудными сведениями я располагаю.

— Что ж, удовлетворимся тем, что имеем,— вежливо согласился сержант.— Вы говорите, что были за дверью, когда услышали шум?

— Я была у себя, когда услышала странный звук, и немедленно покинула комнату. Дверь отца была закрыта, и я могла видеть лестничную площадку и лестницу. Никто не вышел бы через дверь незамеченным, если вас это интересует.

— Именно так, мисс. Кроме того, я хочу знать, передвигали ли вещи в комнате?

— Насколько я знаю, нет,— покачала головой девушка.— Но я спрошу у миссис Грант, экономки,— добавила она, звоня в колокольчик.

Вскоре раздались шаги и осторожный стук в дверь.

— Войдите,— пригласила Маргарет.— Миссис Грант, эти джентльмены хотят знать, не трогал ли кто-нибудь вещи в комнате.

— Только не я, мэм.

— Тогда,— девушка повернулась к сержанту,— этого никто не мог сделать, так как либо миссис Грант, либо я находились здесь все время и видели всех появившихся на мой зов. Отец лежал на полу перед большим сейфом, и все столпились вокруг него. Мы очень быстро отослали слуг.

Когда миссис Грант ушла, Доу принялся осматривать пол с помощью увеличительного стекла. Стоя на коленях, сержант дюйм за дюймом изучил кровавые пятна на полу вокруг того места, где лежало тело, стараясь не касаться их. Этот участок пола он осмотрел в радиусе нескольких ярдов, но, очевидно, не нашел ничего особенно интересного. После этого Доу подошел к окнам, которые закрывали ставни, державшиеся внизу на защелках.

— Ставни были закрыты? — спросил он мисс Трелони небрежно, словно заранее зная, какой ответ получит.

Потом настал черед сейфа: внимание Доу привлек замок.

Все это время доктор Уинчестер занимался пациентом, тщательно осматривая его голову, шею и грудь. Не один раз он касался носом губ бесчувственной жертвы и принюхивался. Каждый раз после этого доктор оглядывал комнату, словно что-то отыскивая.

Затянувшуюся тишину прервал низкий голос сержанта:

— Насколько я могу судить, потерпевший хотел открыть сейф ключом, прикрепленным к браслету. Похоже, в механизме есть какой-то секрет, суть которого мне не ясна, хотя у меня имеется по этой части некоторый опыт — я приобрел его до того, как поступил в полицию. Видимо, этот замок каким-то образом заблокирован. Сейф сделан в фирме Четвуд; я зайду к ним и наведу справки об этой модели.

Он повернулся к Уинчестеру:

— Как дела, доктор? Если есть сомнения, я могу подождать, но чем скорее получу более-менее определенные сведения, тем лучше.

Ответ доктора последовал немедленно:

— Конечно, я напишу полный отчет. А пока... расскажу вам все, что узнал, хотя фактов не слишком много, и поделюсь всеми своими мыслями по этому поводу — а их еще меньше. Повреждения головы, которые могли бы вызвать ступор, отсутствуют. Поэтому могу предположить, что его подвергли гипнозу или действию неизвестного мне наркотического препарата. Смею надеяться, что вы уловили в этой комнате характерные египетские ароматы — битума, нарда, смолы, специй. Возможно, где-то в комнате, среди диковин, находится вещество или жидкость, свидетелями действия которых мы являемся. Возможно, больной принял препарат и в состоянии наркотического опьянения ранил себя...

Доктора перебил сержант Доу:

— Это возможно, но в таком случае мы должны были найти оружие со следами крови.

— Он мог убрать его в сейф перед тем, как окончательно потерять сознание,— эта мысль только что пришла мне в голову,— сказал я.

— Это невозможно! — с жаром возразил Уинчестер.— По крайней мере, вряд ли,— осторожно добавил он, коротко поклонившись мне.— Видите, его левая рука покрыта кровью, но на сейфе нигде нет следов крови.

— Совершенно верно! — кивнул я.

Последовало долгое молчание, первым нарушил его доктор:

— Следует как можно быстрее вызвать сюда сиделку, я знаю одну, которая бы меня полностью устроила. Немедленно приглашу ее, если она свободна. Должен попросить вас постоянно быть с больным до моего возвращения. Позже может возникнуть необходимость перенести его в другую комнату, но пока пусть остается здесь. Мисс Трелони, можно рассчитывать, что вы или миссис Грант побудете здесь — не только в комнате, но и рядом с больным,— пока я не вернусь?

Маргарет кивнула в ответ и расположилась в кресле рядом с диваном. Доктор склонился к ней, и она внимательно выслушала его указания на тот случай, если ее отец придет в себя до возвращения Уинчестера. Когда доктор ушел, старший офицер Долан обратился к сержанту Доу:

— Пожалуй, мне лучше отправиться в участок. Конечно, если вы не желаете, чтобы я побыл здесь еще немного.

Сержант вместо ответа спросил:

— А Джонни Райт все еще служит в вашем подразделении?

— Да. Хотите, чтобы он к вам присоединился?

Доу кивнул в ответ.

— Тогда я пришлю его сюда, как только смогу это оформить. И строго прикажу ему выполнять все ваши инструкции.

Он направился к двери, сопровождаемый сержантом, говорившим на ходу:

— Благодарю вас, сэр. Вы всегда заботитесь о людях, с которыми работаете. Мне очень приятно снова быть с вами. Я вернусь в Скотленд-Ярд и доложу об этом деле моему начальству. Потом зайду в фирму «Четвуд» и вернусь сюда как можно быстрее.— Затем сержант обратился к мисс Трелони: — Могу ли я рассчитывать, мисс, что вы останетесь в доме до тех пор, пока мы не распутаем эту тайну?

— Конечно,— ответила Маргарет.

Доу задержал на ней проницательный взгляд и продолжал:

— Прежде чем я уйду, вы позволите осмотреть письменный стол и бюро вашего отца? Не исключено, что там имеется ключ к разгадке всех этих событий.

Ее ответ не заставил себя ждать.

— Поступайте так, как считаете нужным. Надеюсь, ваши действия помогут нам узнать, что случилось с отцом.

Сержант медленно и методично обследовал письменный стол, затем перешел к бюро. В одном из ящиков его внимание привлек запечатанный конверт, и он тут же вручил его мисс Трелони.

— Письмо адресовано мне и написано почерком отца! — воскликнула девушка, нетерпеливо вскрывая его.

Я следил за ее лицом, пока она читала, но, заметив, как пристально смотрит на нее сержант Доу, ловя малейшие изменения в лице девушки, переключил внимание на него. Когда Маргарет прочла письмо до конца, я пришел к определенному выводу, но предпочел спрятать его в сердце: у детектива явно зародилось подозрение по отношению к самой мисс Трелони.

Несколько минут она держала письмо в руке, опустив глаза и раздумывая. Затем снова внимательно прочла его; на этот раз смена чувств на лице была яснее. Закончив повторное чтение, она, несколько помедлив, передала письмо детективу. Тот не-

терпеливо прочел его, сохраняя бесстрастное выражение лица. Пробежав еще раз взглядом по строчкам, Доу с поклоном вернул листок Маргарет, которая протянула его мне. При этом она на миг подняла на меня умоляющие глаза; ее бледные щеки и лоб зарделись.

Я взял письмо, обуреваемый противоречивыми чувствами, но в целом был рад. Она не выразила никакого волнения, дав его сыщику, и вряд ли... У меня не хватило решимости развить эту мысль дальше, и я принялся читать, чувствуя пристальный взгляд детектива.

«Дорогая моя дочь,

я хочу, чтобы ты приняла это послание в качестве инструкции — абсолютной и обязательной, не позволяющей ни малейших отклонений — в случае, если со мной произойдет нечто неожиданное для тебя и других. Если я буду внезапно и таинственно сражен болезнью, несчастным случаем или нападением, ты должна точно следовать этим инструкциям. Если я не окажусь в моем кабинете, меня следует перенести туда как можно быстрее. Даже в случае моей смерти мое тело должно быть помещено туда. С этого момента и до того, как я приду в сознание и смогу сам дать указания или же буду похоронен, меня нельзя оставлять одного — ни на один миг. С наступления ночи до рассвета не менее двух человек должны находиться в комнате. Желательно, чтобы время от времени в комнате появлялась квалифицированная сиделка и записывала любые постоянные или меняющиеся симптомы, показавшиеся ей необычными. Мои поверенные, Марвин и Джукс из "Линкольнз инн", получили подробные наставления на случай моей смерти, и мистер Марвин лично проследит за выполнением моих желаний. Я посоветовал бы тебе, дочь моя, поскольку у тебя нет родственника, к которому можно обратиться, найти себе друга, которому можно доверять, и пусть он либо находится в нашем доме, где с ним мгновенно можно связаться, либо приходит еженощно для помощи по наблюдению. Этот друг может быть как мужчиной, так и женщиной, но в любом случае следует добавить еще одного наблюдателя или помощника противоположного пола. Пойми, в этом суть моего желания — наличие бодрствующих, помогающих моей цели мужчины и женщины. Еще раз напо-

минаю, дорогая Маргарет, о необходимости вести наблюдения и на их основании делать выводы, какими бы странными они ни показались. Если я заболею или буду ранен, обстоятельства будут необычными, поэтому хочу предупредить тебя, чтобы ты была максимально осторожной.

Ни единого предмета в моей комнате не должно быть убрано или передвинуто. У меня особые причины и цели в размещении каждой вещи, поэтому перестановка может нарушить мои планы.

Если тебе понадобятся деньги или совет по любому вопросу, мистер Марвин выполнит твои пожелания, на что у него есть мои исчерпывающие инструкции.

Абель Трелони».

Я прочел письмо дважды, прежде чем высказаться, потому что боялся выдать себя. У меня были основания надеяться стать ее другом, поскольку она просила меня о помощи, едва пришла беда... но у любви свои сомнения. Разумеется, не следует предлагать себя на эту роль, хотя в ее взгляде был явный намек. Впрочем, когда у Маргарет появилась необходимость в чьей-то помощи, разве не послала она за мной, человеком почти незнакомым, если не считать встречи на званом вечере и короткой дневной прогулки на лодке по реке?! Возможно, самолюбие Маргарет будет задето, если она станет просить меня дважды? Нет, в любом случае ее следует от этого избавить. Поэтому, возвращая ей письмо, я сказал:

— Знаю, что вы простите меня, мисс Трелони, если я окажусь чересчур смелым. Несмотря на грустный повод, буду счастлив получить привилегию стать вашим другом.

Вопреки мучительным попыткам девушки сохранить самообладание краска залила ее лицо и шею; спустя минуту, которая показалась мне вечностью, она тихо ответила:

— Я очень благодарна вам за помощь! — и почти сразу добавила: — Но вы не должны позволять мне проявлять при этом эгоистичность! Я знаю, что у вас много дел, и было бы нечестно распоряжаться вашим временем.

— Не беспокойтесь,— поспешил ответить я,— мое время принадлежит вам. Сегодня, после того как улажу все свои дела, я приду сюда и останусь до утра. Впоследствии, если потребуется, постараюсь, чтобы у меня было еще больше времени.

Маргарет смущенно молчала. Я заметил слезы в ее глазах, и она отвернулась. Заговорил детектив:

— Я рад, что вы поможете, мистер Росс. С разрешения мисс Трелони я тоже буду в доме, если позволит начальство в Скотленд-Ярде. Сейчас я отправлюсь в управление, а затем — к изготовителям сейфов. Когда я вернусь, вы, мистер Росс, сможете уйти с легкой совестью.

Когда за Доу закрылась дверь, Маргарет подняла глаза и на миг задержала их на мне; после этого я не поменялся бы местами и с королем. Потом она, попросив меня не сводить с отца глаз, поспешила прочь из комнаты.

Через несколько минут девушка вернулась с миссис Грант и двумя слугами, которые несли легкую железную кровать и постельные принадлежности. Маргарет сказала мне:

— Хорошо, если все будет готово к возвращению доктора. Подходящая постель окажется для отца удобней, чем диван.— Затем она придвинула стул поближе к отцу и уселась, наблюдая за ним.

Я обошел комнату, стараясь запомнить все, что увидел. И верно, в комнате хватало вещиц, вызывающих любопытство у любого человека даже при менее странных обстоятельствах. Это были восхитительные диковины, большей частью египетские. Комната была огромна, и в ней размещалось большое количество предметов, некоторые из них весьма внушительных размеров. Я все еще осматривал коллекцию, когда внизу зашуршал гравий под колесами. Послышался звонок, и через минуту, постучав в дверь и услышав «войдите!», появился доктор Уинчестер в сопровождении молодой женщины в темном платье.

— Мне повезло! — объявил он.— Я быстро нашел ее, и она свободна. Мисс Трелони, это сиделка Кеннети.

Глава III

НАБЛЮДАТЕЛИ

Меня поразило то, как обе молодые женщины посмотрели друг на друга. По-видимому, я настолько привык мысленно оценивать личности свидетелей и делать выводы, исходя из их

поступков и манеры поведения, что эта привычка стала частью моей жизни. В данный момент меня волновало все, что касалось мисс Трелони, и, поскольку гостья явно заинтересовала ее, я принялся внимательно рассматривать сиделку. Сравнивая их обеих, я каким-то образом больше узнал о той, что занимала мои мысли. У Маргарет была прекрасная фигура, смуглая кожа и тонкие черты лица. Ее глаза просто завораживали: большие, широко открытые, черные и мягкие, как бархат, они обладали таинственной глубиной, напоминая черное зеркало, в которое заглядывал доктор Ди, совершая свои колдовские обряды. Во время пикника один старый джентльмен, известный путешественник по Востоку, сравнил их с сиянием ламп мечети, видимым через открытую дверь. Изогнутые черные брови подчеркивали красоту глаз. Волосы у нее тоже были черными, тонкими как шелк — обычно такой цвет волос говорит о большой энергии, отображает стихию сильной натуры, но в данном случае об этом не могло быть и речи. В Маргарет чувствовались утонченность и хорошее воспитание. В ней не было намека на слабость, но сила ее была скорее духовного, чем физического происхождения. Она была само совершенство и гармония. Осанка, фигура, волосы, глаза, полный рот, словно освещавший своими алыми губами и белыми зубами нижнюю часть лица, подобно тому как глаза освещали верхнюю, длинные изящные пальцы и рука с необычайно гибкой кистью — все это создавало женщину, поражавшую своей грацией, душевностью, красотой и очарованием. Она никоим образом не была застенчивой. Она управляла домом уверенно и спокойно, как подобает высокородным особам, и это было тем более удивительно, если иметь в виду ее нынешнее состояние.

Сиделка Кеннети, напротив, была невысока ростом, плотного телосложения, с полными руками и ногами. Желто-каштановые густые волосы своим цветом напоминали осеннюю листву, а золотисто-карие глаза весело искрились на веснушчатом загорелом лице. Курносый нос и крупный рот с широкими белыми зубами говорили о добродушной, неутомимой натуре.

Очевидно, по пути сюда доктор Уинчестер сообщил ей все необходимые подробности, и мисс Кеннети без единого слова занялась больным. Осмотрев постель и встряхнув подушки, она обратилась с каким-то вопросом к доктору, и тот дал ей указа-

ния; а затем мы вчетвером перенесли Абеля Трелони с дивана на кровать.

Сразу после полудня, когда возвратился сержант Доу, я поспешил в свое жилище на Джермин-стрит и отправил в дом Трелони с нарочным кое-что из одежды, книг и документов, которые могли мне понадобиться в ближайшие дни, затем поехал на службу.

В тот день суд заседал до вечера, и, когда я оказался у ворот дома на Кенсингтон-Палас-Гарденз, уже стемнело, пробило шесть вечера.

Меня поместили в большой комнате рядом с кабинетом мистера Трелони. Мы еще не распределили очередность наблюдения в эту ночь, и поэтому ранним вечером дежурства были неравномерными. Сиделка Кеннети, продежурившая весь день, легла отдохнуть, договорившись прийти снова в комнату больного поздно вечером. Ее сменили миссис Грант и сержант Доу, пожелавший завершить тщательный осмотр комнаты и прилегающих помещений. Доктор Уинчестер, столующийся у мисс Трелони, после ужина заменил их. В девять часов настал наш черед. Мисс Трелони заверила меня, что спала днем, а ночью намерена не сомкнуть глаз и наблюдать. Мы вошли в кабинет на цыпочках, так тихо, что склонившийся над кроватью доктор не услышал нас и заметно вздрогнул, когда поднял глаза и встретился с нами взглядом. Мне показалось, что Уинчестер несколько сердит на себя за мимолетный испуг, потому что он торопливо заговорил, пытаясь преодолеть свое смущение:

— Я абсолютно не в силах найти малейшую причину для ступора. Похоже, все его жизненные органы не повреждены, нет также наружных признаков какой-либо травмы мозга. Я давал больному пищу, и это пошло на пользу. Дыхание у мистера Трелони сильное и ровное, а пульс стал медленнее, но усилился по сравнению с утренним. Я не могу найти следов каких-то известных препаратов, и его бессознательное состояние не напоминает ни один из случаев гипнотического сна, виденных мною в клинике Шарко в Париже. Что касается этих ран,— он осторожно коснулся забинтованной кисти, лежавшей поверх покрывала,— не знаю, как их объяснить. Пределы вероятности допускают, что всему виной было дикое животное, при условии,

что оно имело возможность заточить себе когти. Правда, на мой взгляд, это абсурдно. Но кстати, нет ли здесь в доме каких-либо необычных домашних животных, наподобие выдры?

Мисс Трелони улыбнулась печальной улыбкой, при виде которой у меня сжалось сердце, и ответила:

— Ах, нет! Отец не любит животных, разве что мертвых, то есть превращенных в мумии.— В ее словах прозвучал оттенок горечи или ревности.— Даже мой бедный кот отнюдь не желанный гость в этом доме, и, хотя он самое милое и послушное существо на свете, ему не позволено находиться в этой комнате.

В то время как она говорила, послышался слабый звук: кто-то дергал дверную ручку. Лицо Маргарет мгновенно просветлело, девушка метнулась к двери, сообщив на ходу:

— Это он! Это мой Сильвио. Представляете, он встает на задние лапы и теребит дверную ручку, когда хочет войти в комнату.— Она открыла дверь и обратилась к коту, словно к ребенку: — Хочешь сюда, малыш?

Никогда не видел более красивого «перса», да еще такого редкого шиншиллового окраса! Взяв кота на руки, мисс Трелони вернулась к нам. Это был огромный зверь с надменными манерами и могучими лапами, цепко стоящими на земле. Маргарет стала ласкать его, но Сильвио, завертевшись ужом, вдруг выскользнул из ее рук. Перебежав через комнату, он встал напротив низкого стола, на котором находился саркофаг с мумией кошки, и начал мяукать и рычать. Маргарет поспешила к коту и вновь взяла его на руки, несмотря на попытки «перса» вырваться. Впрочем, он не кусался и не царапался, очевидно, не желая причинить боль прекрасной хозяйке, и даже прекратил громко мяукать.

— Что за несносный Сильвио! Разве можно так себя вести? Пожелай доброй ночи джентльменам и отправляйся ко мне в комнату!

С этими словами она протянула мне кошачью лапу для пожатия. Я не мог не восхититься ее величиной:

— Эта лапа напоминает боксерскую перчатку с когтями.

Девушка улыбнулась.

— Смотрите, у моего Сильвио семь пальцев!

Она раскрыла лапу кота. И в самом деле, на ней было семь когтей. Я осторожно погладил лапу, но один из когтей случай-

но — потому что кот отнюдь не сердился, а дружелюбно мурлыкал — вонзился мне в руку. У меня невольно вырвалось:

— Э, да у него когти как бритвы!

Услышав мое восклицание, доктор подошел к нам поближе, наклонился и внимательно осмотрел кошачьи когти. От моего внимания не ускользнул его тихий возглас изумления. Уинчестер достал из кармана блокнот, вырвал оттуда лист бумаги и положил его себе на ладонь. Коротко извинившись перед мисс Трелони, он поместил на него кошачью лапу и прижал ее сверху другой рукой. Похоже, коту не понравилась эта фамильярность, и он попытался убрать лапу, проделав несколько прорезей в мягкой бумаге, чего, собственно, доктор от него и добивался. Затем мисс Трелони унесла своего любимца и вернулась через несколько минут.

— Странно! Когда Сильвио оказался в этой комнате впервые,— я принесла его показать отцу,— он, вспрыгнув на стол, также попытался поцарапать или укусить мумию кошки. Отец рассердился и запретил бедняге Сильвио здесь появляться.

Тем временем Уинчестер снял повязку с кисти Абеля Трелони; порезы расчертили ее ярко-красными линиями. Доктор приложил к ним бумагу с разрывами, сделанными кошачьими когтями. Прорези в бумаге соответствовали ранам на кисти! Объяснение было излишним. Долгую минуту в комнате царило молчание, которое неожиданно прервала мисс Трелони:

— Но Сильвио не был здесь прошлой ночью!

— Вы уверены? И смогли бы доказать это?

Девушка, помедлив, ответила:

— Я уверена в этом, но, боюсь, это трудно доказать. Сильвио спит в корзине в моей комнате. Хорошо помню, как положила его туда прошлой ночью, укрыла одеяльцем и подоткнула края. А сегодня утром я сама вынула его из корзины. И конечно, я не заметила его здесь, потому что на самом деле мне было не до того, чтобы уделять внимание Сильвио.

Покачав головой, доктор печальным тоном произнес:

— Во всяком случае, доказать что-либо нельзя. Любой кот на свете уже очистил бы следы крови со своих лап, причем сделал бы это не меньше сотни раз за истекшее время.

Мы снова замолчали, и вновь первой заговорила Маргарет:

— Но по-моему, Сильвио все же никак не мог поранить отца. Моя дверь была закрыта, когда я впервые услышала шум, и дверь отца — тоже, когда я оказалась рядом с ней. А когда я вошла, отец уже был ранен, значит, это произошло до того, как туда мог попасть Сильвио.

Подобное рассуждение, если рассматривать его с точки зрения барристера, вполне могло удовлетворить присяжных. Хозяйка Сильвио явно обрадовалась моим словам: «Вердикт: не виновен!» Я тоже получил откровенное удовольствие, произнося это, возможно потому, что кот был любимцем мисс Трелони. Счастливчик!

Уинчестер, помолчав, произнес:

— Приношу извинения Сильвио, но я все же озадачен его гневом. А к другим мумиям в этом доме он относится так же? У входа в холле я видел три штуки.

— Здесь их множество,— ответила Маргарет.— Иногда я не знаю, где нахожусь — в частном доме или в Британском музее. Но Сильвио не интересуется ни одной из них — полагаю, из-за того, что это не мумии животных.

— Согласен,— кивнул доктор.— Взгляните, как хороша эта мумия кошки. Не будь она любимицей некой важной особы, ее никогда не удостоили бы такой чести. Она помещена в раскрашенный саркофаг, и у нее обсидиановые глаза — в точности как у человеческой мумии. Но что интересно: мертвой кошке, по-видимому, четыре или пять тысяч лет, и кот, родившийся практически в другом мире, готов наброситься на нее, словно на живую. Мисс Трелони, если вы не возражаете, мне хотелось бы немного поэкспериментировать с этой мумией.

Чуть помедлив, Маргарет ответила:

— Конечно, делайте все, что сочтете нужным, но, надеюсь, это не причинит вреда или беспокойства моему бедному Сильвио.

— О, с ним все будет в порядке.

— Поясните подробнее.

— Просто раздобуду мумию-кошку наподобие этой — полагаю, на Музейной улице их предостаточно — и поставлю здесь. Надеюсь, вы не посчитаете это нарушением инструкций вашего отца. И тогда мы сможем, по крайней мере, узнать, пи-

тает ли Сильвио неприязнь ко всем мумиям-кошкам или же именно к этой.

— Не знаю,— неуверенно пожала плечами мисс Трелони.— Инструкции отца не допускают никаких компромиссов. Однако обстоятельства требуют, чтобы было сделано все для его пользы. Полагаю, с этой мумией не может быть связано ничего особенного.

Доктор Уинчестер промолчал. Он застыл на стуле с таким мрачным видом, что в какой-то степени его настроение передалось мне, и я только сейчас начал осознавать необычность дела, в котором принял столь глубокое участие. Надо сказать, окружающая обстановка порождала странные мысли. Диковинные предметы невольно заставляли задуматься о древних государствах и давно прошедших временах. Комната была слабо освещена, поэтому ее углы заполняли причудливые тени. Ощущение чьего-то незримого присутствия порой овладевало мною с такой силой, что я непроизвольно и испуганно оглядывался, и в такие минуты меня не могло полностью успокоить даже присутствие доктора и мисс Трелони.

Стоит ли объяснять, какое облегчение я испытал, когда к нам присоединилась сиделка Кеннети. Несомненно, эта уверенная в себе и такая земная женщина сразу же вернула нас в настоящее из мира иллюзий, принеся с собой ощущение безопасности, едва она только переступила порог таинственной комнаты. Вплоть до этой минуты я так окружил больного своими фантазиями, что в конечном итоге все относящееся к нему потеряло связь с настоящим. Но появление рыжеволосой женщины вновь сделало мистера Трелони ее пациентом, комната стала палатой для больного, а тени перестали пугать. Единственное, что не поддавалось устранению, это необычный запах. Можете поместить мумию в стеклянный футляр и герметично запечатать его, но она по-прежнему будет источать свой аромат. Может показаться, что четыре или пять тысячелетий истощают действующие на обоняние свойства любого предмета, тем не менее эти запахи живут и тайны их нам неизвестны.

И все-таки, неужели ароматы египетских древностей так подействовали на мои нервы, мою память — и на саму волю? Тогда... могло ли случиться, что Абель Трелони, проживший полжизни или больше в этой атмосфере, медленно, но постоянно

допускает в свой организм нечто насыщающее его до такой степени, что это превращается в какую-то неведомую силу или власть над ним?

Мне следовало быть осторожным, чтобы не заснуть, и не мешало бы освободиться от погружавших в транс мыслей. Прошлой ночью я проспал лишь часа четыре и в эту ночь также должен не сомкнуть глаз. Не объявляя о своем намерении, так как это могло добавить огорчения и смущения Маргарет, я поспешно покинул дом. Вскоре я нашел лавку аптекаря, купил там респиратор и вернулся. Было десять часов, и доктор как раз покидал нас. Сиделка провожала его до дверей особняка, выслушивая последние наставления. Я вошел в комнату. Мисс Трелони неподвижно сидела возле постели, неподалеку от нее находился сержант Доу.

Когда к нам присоединилась сиделка Кеннети, мы решили, что она с сержантом подежурит до двух, а затем их сменим мы с Маргарет. Итак, согласно инструкциям мистера Трелони, в комнате всегда будут находиться мужчина и женщина, и каждый из них покинет ее, только дождавшись своей смены.

Я лег на диван в отведенной мне комнате, договорившись с одним из слуг, чтобы он разбудил меня около двенадцати. Через минуту-другую я заснул, а когда проснулся, то несколько секунд приходил в себя, с трудом вспоминая, где нахожусь. Впрочем, даже короткий сон пошел мне на пользу, и теперь ситуация казалась мне не такой затруднительной, нежели раньше вечером. Умывшись холодной водой, я направился в спальню мистера Трелони. Сиделка с невозмутимым видом находилась возле постели, а детектив расположился в кресле на другом конце комнаты, в полутьме. Он не пошевелился, пока я не подошел к нему, и затем глухо произнес:

— Все в порядке, я не спал!

Попробуем поверить, подумал я и сказал сержанту, что его дежурство закончено и он может идти спать, пока я не разбужу его в шесть. Казалось, Доу обрадовался и живо направился к выходу, но у двери замешкался и, обернувшись ко мне, тихо произнес:

— Я сплю чутко и буду держать под рукой свои пистолеты. Надеюсь, тяжесть в голове исчезнет, когда я освобожусь от этого запаха мумий.

На мой вопрос, не нужно ли ей чего, сиделка отрицательно покачала головой. От моего внимания не ускользнул флакон с нюхательной солью на коленях у женщины. Несомненно, и она ощущала воздействие запаха. Мне не хотелось, чтобы она заметила респиратор, поэтому я направился к креслу в углу за ее спиной. Здесь я спокойно надел его и устроился поудобнее.

Некоторое время я сидел, размышляя о странном запахе; кстати, сама мысль о том, что я, благодаря респиратору, не чувствую его, доставляла мне большое удовольствие. Отсутствие тревоги успокоило мой мозг, и случилось так, что во сне или наяву ко мне пришло видение.

Я по-прежнему находился в комнате и сидел в кресле. На мне был надет респиратор, и я знал, что дышу свободно. Сиделка располагалась спиной ко мне; Абель Трелони лежал неподвижно, словно мертвый. Откуда-то издалека доносились звуки города: частый стук колес, выкрики загулявшего кутилы, дальнее эхо свистков. В комнате имелся только один источник света — лампа с зеленым абажуром, поэтому помещение опять наполнили таинственные тени. Спустя некоторое время послышалось слабое мяуканье кошки, затем шорох штор и металлический звон, как при слабом ударе металла о металл. Я сидел как зачарованный, не в силах двинуть рукой или ногой, постепенно погружаясь в трясину кошмарного сна.

И вдруг — возвращение к реальности! Яркий свет на мгновение ослепил меня, в ушах зазвенел отчаянный крик. Послышались пистолетные выстрелы — один, другой... Когда зрение мое полностью восстановилось, я едва не вскрикнул от ужаса при виде того, что предстало моим глазам.

Глава IV

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Тени исчезли под ярким светом многих ламп, и каждая вещь приобрела четкий и реальный облик. У пустой кровати по-прежнему сидела Кеннети, всем своим видом напоминая каменное изваяние. На лице у нее не было ни страха, ни ужаса, в глазах — ни удивления, ни интереса, женщина превратилась в существо,

абсолютно безразличное к окружающему миру. Постельное белье было разбросано, будто больного вытащили из-под простынь, на полу валялись бинты. Что касается мистера Трелони, то он оказался почти на том же месте, где его нашли предыдущей ночью,— у огромного сейфа. На него опять напали, причем опять попытались отрезать руку — очевидно, чтобы снять браслет. Со стены был снят тяжелый нож «кукри» — такое оружие используют горные племена Индии, и теперь он валялся рядом с неподвижным телом. Сбоку от мистера Трелони стояла на коленях Маргарет, и ее белую ночную рубашку покрывали пятна крови. Посредине комнаты полуодетый сержант Доу с ошеломленным видом перезаряжал свой револьвер. Судя по всему, он не совсем проснулся и не отдавал себе отчет в том, что происходит. Несколько слуг со всевозможными светильниками в руках теснились в дверях.

Когда я поднялся с кресла и шагнул вперед, Маргарет, взглянув на меня, пронзительно закричала и вскочила на ноги. Насколько я понял, мое лицо, которое все еще прикрывал респиратор, и взъерошенные после сна волосы подействовали на нее устрашающе. Кстати сказать, сама девушка в белой рубашке, испачканной в крови, стекавшей на ее босые ноги, тоже вызывала невольную дрожь. Так как я всего лишь спал и к тому же был в респираторе, меня не коснулось странное воздействие, поразившее мистера Трелони, сиделку Кеннети и в меньшей степени сержанта Доу. Поэтому я успел предотвратить другую катастрофу, потому что полуневменяемый детектив уже целился в меня. Он действовал машинально, и в его красных полусонных глазах не было даже намека на осознанное действие. Но я успел сорвать респиратор и криком предупредить его. Как ни странно, напряжение этой ситуации было снято довольно простым способом: миссис Грант, видя, что на юной леди надета одна лишь ночная рубашка, отправилась за халатом и, принеся его, набросила ей на плечи. Этот обычный жест вернул нас в реальность, и все как один занялись самым безотлагательным делом, а именно остановкой кровотечения из руки раненого. Урок прошлой ночи не был потерян даром: теперь мы знали, что делать в подобном случае. После перевязки мистер Трелони был поднят на диван, где он лежал вчера, и затем наше внимание переключилось на сиделку. Во время всей этой суматохи

она ни разу не шевельнулась и продолжала сидеть на стуле, сохраняя спокойное, естественное дыхание и безмятежную улыбку. Поскольку предпринимать что-либо до прихода доктора было явно неразумно, мы с Доу принялись делиться своими соображениями по поводу положения в целом.

Тем временем миссис Грант увела с собой юную хозяйку дома и помогла ей переодеться. Когда Маргарет вернулась, она выглядела немного спокойнее, хотя ее руки мелко дрожали, а лицо было белым как мел. Я видел, как девушка прежде всего посмотрела на отца, а затем ее взгляд обежал комнату, то и дело останавливаясь на каждом из присутствующих, как будто в поисках утешения. Для меня было очевидным, что Маргарет не знала, с чего начать и кому довериться, и, чтобы ее успокоить, я сказал:

— Со мной уже все в порядке, я просто заснул.

Чуть задыхаясь, мисс Трелони тихо ответила:

— Просто заснул! Но мой отец оказался в опасности! А ведь я доверилась вам!

Я ощутил укол правды в ее упреке, но тем не менее продолжал:

— Да, просто заснул. Это весьма плохо, я знаю, но дело обстоит не так уж просто. Не прими я определенных предосторожностей, то сейчас напоминал бы нашу сиделку.

Маргарет живо глянула на зловещую фигуру, похожую на раскрашенную статую, и черты ее лица смягчились. С обычной своей прямотой она извинилась:

— Простите меня! Не хотела быть грубой, но я так расстроена и напугана... Едва понимаю, что говорю. Ах, как это ужасно — каждую минуту опасаться новой беды!

Эти слова болью отозвались в моем сердце, и я попытался ее утешить:

— Возможно, когда-нибудь эти события будут нам понятны, но сейчас давайте попытаемся хоть как-то объяснить случившееся. Расскажите мне все, что помните!

Пожалуй, мое предложение несколько оживило девушку. Немного успокоившись, Маргарет заговорила:

— Я спала и внезапно проснулась из-за ужасного чувства, что отцу грозит большая опасность. Вскочив с постели, я даже не набросила на себя халат и побежала в его комнату. Там была

кромешная тьма, но, когда я открыла дверь, света оказалось достаточно, чтобы я увидела белевшую ночную рубашку отца и поняла, что он лежит возле сейфа, на том же месте, где и в первую ужасную ночь. Затем я, кажется, на миг обезумела.— Маргарет вздрогнула.

Я встретился взглядом с сержантом Доу, все еще крутившим в руках револьвер, и спокойно предложил ему:

— А теперь расскажите нам, куда вы стреляли?

Полицейский некоторое время собирался с мыслями, и в этом ему помогла привычка подчиняться приказам, затем, оглядев оставшихся в комнате слуг, сказал с важностью, присущей представителю закона:

— Вам не кажется, сэр, что мы должны позволить слугам уйти?

Я одобрительно кивнул, слуги поняли намек и удалились, хотя и неохотно. Когда последний из них закрыл за собой дверь, сержант продолжил:

— Пожалуй, я лучше расскажу вам о своих впечатлениях, сэр, чем просто перечислю мои действия, насколько я помню их.

В его манерах появилось глубокое почтение, вероятно возникшее из-за того, что собственное положение казалось ему довольно неловким.

— Я, не раздеваясь, лег спать, положив револьвер под подушку. Не знаю, как долго я проспал,— меня разбудил крик, хотя я не уверен в этом, потому что чувствовал тяжесть в голове. Первое, о чем я подумал, был револьвер. Схватив его, я выскочил в коридор, где теперь уже действительно услышал вопль или, скорее, зов о помощи, и вбежал в эту комнату. Здесь было темно, и единственный свет проникал из коридора через открытую дверь. Мисс Трелони — это она кричала — стояла на коленях возле своего отца. Мне показалось, будто кто-то движется между мною и окном, и я выстрелил. Нечто немного продвинулось вправо и оказалось между окнами — я снова нажал на курок. Затем вы поднялись с кресла и... Мне показалось — ведь я с трудом соображал, наполовину проснувшись, поэтому, сэр, непременно примите это в расчет,— показалось, будто вы и есть это самое существо, в которое я стрелял. Так что я собрался выстрелить снова, но вы сняли респиратор.

Я постарался как можно точнее сформулировать вопрос:

— Вы говорите, я показался вам тем существом, в которое вы стреляли. Каким существом?

Сержант озадаченно почесал в затылке, но не ответил.

— Продолжайте,— настаивал я.— Что это за существо и как оно выглядело?

— Не знаю. Мне показалось, будто там кто-то был, но кто это и на кого похоже это существо, я не имею ни малейшего понятия. Наверное, всему виной мои мысли о пистолете перед тем, как заснуть, а также то, что я примчался сюда, ничего не соображая, едва проснувшись,— обратите на это внимание, сэр.— Он цеплялся за свое объяснение, словно за спасательный круг.

Мне не хотелось портить с ним отношения; напротив, такой союзник вовсе не оказался бы лишним. К тому же не следовало забывать и о собственном промахе, поэтому я обратился к нему как можно более мягким тоном:

— Не волнуйтесь, сержант! Вы действовали правильно, поэтому давайте, пока события свежи, вернемся на то место, где вы стояли, и проследим траекторию ваших пуль.

Сразу за креслом, в котором совсем недавно сидел я, чуть позади стоял высокий инкрустированный перламутром шкафчик. Стеклянная дверца была разбита, и я спросил:

— Сюда угодила ваша первая пуля или вторая?

Ответ последовал немедленно:

— Вторая. Первая направилась вон туда!

Он указал чуть левее, поближе к стене, где стоял огромный сейф. Проследив направление его руки, я подошел к низенькому столу, на котором среди прочих диковин находилась мумия кошки, вызвавшая гнев Сильвио. Пуля разбила стеклянную вазочку и тацца из черного базальта с изящной гравировкой.

Что касается шкафчика, в который угодила вторая пуля, он, очевидно, служил для хранения ценных диковин, потому что в нем находились несколько золотых скарабеев и изящных поделок из зеленой яшмы, аметиста, лазурита, опала и сине-зеленого фарфора. К счастью, ни одна из этих вещиц не пострадала. Мое внимание привлекли фигурки павиана, шакала, сокола и человека около изящной золотой фигурки бога с головой сокола; эти древние диковины обладали тем же странным запахом, и на меня через разбитое стекло повеяло специями, смолой и

битумом, причем сильнее, чем от других предметов, находившихся в комнате.

Я настолько утратил чувство времени, что удивился, заметив, как посветлело снаружи, и в этот момент миссис Грант подошла к окнам и подняла жалюзи.

Трудно было представить себе нечто более призрачное, нежели эта комната, когда в нее проник слабый свет раннего утра — без розоватого оттенка, появлявшегося на рассвете в восточной части неба, поскольку окна выходили на север. Электрические лампы казались тусклыми, однако каждая тень обрела особую четкость и насыщенность. Все было резким и невыразимо унылым; лицо бесчувственного человека на диване приобрело желтоватый оттенок, а лицо сиделки — зеленый из-за колпака находившейся рядом лампы. Фарфоровая бледность мисс Трелони заставила мое сердце болезненно сжаться. Неужели сюда никогда не вернутся краски жизни и счастье?..

Не сомневаюсь, что присутствующие испытали самое настоящее облегчение, когда в комнате появился задыхающийся от бега доктор. Уинчестер задал лишь один вопрос:

— Кто-нибудь может сказать, каким образом была получена эта рана?

Видя, как все качают головами под его взглядом, он с мрачным видом склонился над искалеченной рукой Абеля Трелони. Всего лишь на секунду доктор поднял глаза на неподвижно сидевшую женщину, но тут же вновь занялся раной, и хмурые морщинки прорезали его лоб. В комнате царило молчание, прерываемое отрывистыми просьбами Уинчестера о помощи в тех случаях, когда ему нужен был какой-то инструмент. Наконец закончив свою работу, он спросил у Маргарет:

— Что случилось с мисс Кеннети?

— Не знаю. Я обнаружила ее, войдя в комнату в половине третьего, сидящей точь-в-точь как сейчас. Мы не трогали ее и не меняли ее положения. Она так и не просыпалась. Даже пистолетные выстрелы сержанта Доу не разбудили ее.

— Пистолетные выстрелы? Так значит, вы обнаружили нападавшего?

Все молчали, и я решил ответить:

— Мы никого не обнаружили. Я находился в комнате, дежуря вместе с сиделкой. Еще в начале вечера мне показалось,

будто запахи в комнате действуют на меня усыпляюще, и поэтому я решил воспользоваться респиратором. Я надел его, когда пришел на дежурство, но все равно заснул. Очнувшись, я увидел, что комната полна людьми: здесь были мисс Трелони, сержант Доу и слуги. Мисс Кеннети сидела на своем стуле в той же позе, что и раньше. Сержант Доу, находясь под действием запаха, или гипноза, или... словом, я не знаю, как определить это влияние, вообразил, что видит нечто движущееся в полутьме комнаты, и дважды выстрелил. Он, кстати, собрался стрелять и третий раз, так как не узнал меня в респираторе, но, к счастью, я успел назвать себя. Мистер Трелони лежал на том же самом месте, что и прошлой ночью,— на полу рядом с сейфом, и из новой раны на его кисти струилась кровь. Мы подняли его на диван и наложили жгут. До ножа никто не дотрагивался, он так и лежит в луже крови.

Доктор Уинчестер погрузился в размышления, затем сказал:

— Происшествия нынешней ночи так же таинственны, как и те, что случились прошлой ночью...

— Верно,— кивнул я.

Он помолчал, затем повернулся к Маргарет и добавил:

— Пожалуй, лучше перенести сиделку Кеннети в другую комнату. Полагаю, для этого нет никаких препятствий?

— Конечно! Пожалуйста, миссис Грант, подготовьте комнату и распорядитесь отнести туда сиделку.

Экономка немедленно покинула нас и, вернувшись через несколько минут, объявила:

— Комната готова, и люди уже здесь.

Двое слуг вошли в комнату и, подняв одеревенелое тело женщины, вынесли ее из комнаты под бдительным присмотром доктора. Маргарет оставалась со мной, а миссис Грант отправилась с доктором в комнату, предназначенную сиделке. Едва за ними закрылась дверь, девушка подошла ко мне и, взяв мои руки в свои, сказала:

— Надеюсь, вы забудете о моих словах. Я не хотела обидеть вас, а просто была очень расстроена.

Я ничего не ответил, но поднес ее руки к губам и почтительно поцеловал их. Затем мы подошли к дивану. Рассвет уже заметно набрал силу, и, глядя на неподвижное лицо мистера Трелони, напоминавшее при свете утра маску, я еще раз утвердился в мысли, что за событиями последних двадцати шести ча-

сов кроется тайна. Знал ли о ней этот обладатель широкого лба, кустистых бровей и массивной челюсти? Пока я со вниманием настоящего физиономиста изучал застывшие черты лица Абеля Трелони, мною вновь овладело ощущение надвигавшегося сна, как это случилось прошлой ночью. Однако я твердо держался за настоящее, чему в немалой степени способствовало то, что Маргарет, прижавшись к моему плечу, тихо заплакала. Какие-либо слова здесь не имели значения, мы поняли друг друга, и девушка не отстранилась, когда я положил ей руку на плечо, словно старший брат, утешающий младшую сестру в ее детских обидах. То, что я взял на себя роль защитника, усилило мою решительность и, похоже, очистило мозг от смутных мыслей. Кстати, у меня хватило сообразительности убрать руку с ее плеча, когда у двери послышались шаги доктора.

Войдя в комнату, Уинчестер пристально посмотрел на больного, прежде чем заговорить. Брови его были нахмурены, а губы плотно сжаты. Наконец он медленно, точно размышляя, произнес:

— Мне кажется, что ваш отец и сиделка подверглись одному и тому же воздействию. Правда, в случае с мисс Кеннети кома не столь выражена, поэтому мы сможем добиться успеха быстрее. Я поместил ее на сквозняке, и уже заметны признаки обычного обморока, хотя и весьма слабые. Одеревенение уменьшилось, и кожа кажется более чувствительной — или, скорее, менее нечувствительной к боли.

— Как вы думаете,— спросил я,— почему тело мистера Трелони не было одеревенелым?

— На ваш вопрос я не могу ответить. Но рано или поздно мы узнаем диагноз. Это полезный урок нам и, возможно, тем, кто придет после нас! — добавил он с искренним жаром человека увлекающегося.

На протяжении утра доктор постоянно курсировал между двумя комнатами, наблюдая за обоими своими пациентами. Миссис Грант он приказал приглядывать за сиделкой, а с хозяином дома постоянно была его дочь или я, чаще мы оба. Тем не менее мы смогли помыться, переодеться и даже позавтракать, пока доктор с миссис Грант заменяли нас у постели мистера Трелони.

Сержант Доу отправился в Скотленд-Ярд доложить о событиях прошлой ночи, а затем в ближайший участок для того,

чтобы встретиться там с Джонни Райтом, о котором говорил старший офицер Долан. Когда он вернулся, я по его несколько смущенному виду предположил, что ему здорово досталось за стрельбу в комнате без надлежащего повода. Его фраза несколько прояснила для меня этот вопрос:

— Хороший характер кое-чего стоит, сэр, что бы там ни говорили. Вот, посмотрите, у меня не отобрали оружие!

День выдался напряженным, на его исходе сиделке стало заметно лучше. Мисс Кеннети по-прежнему дышала спокойно и ровно и не пугала неподвижностью статуи, а всем своим обликом напоминала спокойно спящего человека. Поздним вечером явились приглашенные доктором две сиделки, одна из которых должна была оставаться с Кеннети, а другая — разделить ночное наблюдение с Маргарет, отказавшейся покинуть отца. Готовясь к дежурству, девушка проспала несколько часов днем. Мы договорились о дежурстве в комнате мистера Трелони. Миссис Грант должна была оставаться с ним до двенадцати, после чего ее сменит мисс Трелони. Новая сиделка должна была находиться в комнате Маргарет и навещать своего подопечного каждые четверть часа. Доктор останется до двенадцати, а затем его сменю я. Детектив на протяжении ночи должен быть неподалеку от комнаты и периодически заходить в нее, проверяя, все ли в порядке. Таким образом, организовав двойное наблюдение, мы предполагали избежать повторения событий прошлой ночи.

Когда зашло солнце, всех охватило странное угрюмое волнение, и каждый по-своему приготовился к бодрствованию, причем по совету доктора все без исключения обзавелись респираторами.

Глава V

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Придя на дежурство в половине двенадцатого, я обнаружил в комнате образцовый порядок. Новая сиделка со строгим видом расположилась на том же стуле у постели мистера Трелони, что и мисс Кеннети прошлой ночью. Чуть поодаль, между

кроватью и сейфом, расхаживал доктор Уинчестер, он на редкость комично выглядел в закрывавшем нос и рот респираторе. Задержавшись на пороге, я услышал тихий звук, оглянулся и увидел нового детектива. Джонни Райт кивнул, приложил палец к губам и тихо удалился. Я, ощущая себя часовым на страже, занял стул снаружи у двери, пока что не испытывая желания попасть под таинственное воздействие, как это случилось прошлой ночью. Разумеется, мои мысли вращались вокруг недавних событий, я то и дело приходил к странным заключениям, выводам и догадкам, однако чувство реальности не покидало меня. Казалось, прошло совсем немного времени, когда совершенно неожиданно для меня дверь из комнаты распахнулась и в коридор шагнул доктор Уинчестер, снимая на ходу респиратор.

— Я ухожу,— произнес он,— и приду рано утром, разумеется если за мной не пошлют раньше.

Сержант Доу не заставил себя ждать (он сменил доктора), а я по-прежнему оставался снаружи, через каждые десять минут заглядывая в комнату. Пустая формальность, надо сказать, так как в темноте ничего не было видно.

Ближе к полуночи ко мне присоединилась Маргарет. Она спросила меня, не случилось ли что-нибудь особенное, и была вполне удовлетворена отрицательным ответом. Прежде чем пойти к отцу, девушка навестила мисс Кеннети, и мне показалось, что после визита к спящей сиделке она, если можно было так сказать, слегка повеселела. Надев респираторы, мы вошли в комнату. Детектив и сиделка поднялись нам навстречу, и мы заняли их места.

Комнату освещала единственная лампа, она отбрасывала белый круг на потолок, окрашивая в изумрудный цвет нижние края абажура. Черные силуэты теней, как и прошлой ночью, заполняли углы. Ночные звуки, доносившиеся с улицы, усиливали таинственность, царившую в словно окутанной черным покровом комнате. Я не чувствовал ни малейшей сонливости и, тихо приближаясь раз в десять минут к постели мистера Трелони, видел, что его дочь не спускает с него глаз. Каждые четверть часа то один, то другой полисмен заглядывал через приоткрытую дверь.

Время шло, и круг света по-прежнему оставался на потолке, но был уже не столь ярким, а края колпака лампы напоминали скорее нефрит, нежели изумруд. Из коридора послышался серебряный перезвон часов: они пробили дважды, и почти сразу меня охватило странное ощущение. Судя по движению Маргарет — она настороженно оглядывалась по сторонам — девушка испытывала похожее чувство. Детектив только что заглядывал, таким образом, мы остались с нею вдвоем у бесчувственного Абеля Трелони на четверть часа.

Мое сердце сильно заколотилось, и тело сковал страх: мне показалось, что кто-то, неслышно ступая, вошел в комнату и его присутствие теперь ощущалось рядом. Что-то задело мою ногу. Преодолевая оцепенение, я торопливо опустил руку — и коснулся шелковистой спины кота. Со слабым, еле слышным рычанием животное провело когтистой лапой по моей руке. Тихо поднявшись, я подошел к постели больного. Мисс Трелони вскочила при моем приближении, глаза ее обезумели, и она тяжело дышала, будто от нехватки воздуха. Когда я коснулся ее, она едва ли почувствовала это, продолжая двигать руками перед собой, словно отгоняя что-то невидимое.

Нельзя было терять ни минуты: схватив ее на руки, я бросился к двери, широко распахнул ее и шагнул в коридор с громким криком:

— Помогите! Помогите!

На мой призыв почти мгновенно откликнулись двое детективов, миссис Грант и сиделка. Следом за ними прибежали несколько слуг, женщин и мужчин. Я положил девушку на диван в соседней комнате, предоставив заботиться о ней миссис Грант, и бросился назад, в кабинет хозяина дома. Сержант Доу и сиделка последовали за мной.

Мы успели как раз вовремя. Рядом с большим сейфом, как и в предыдущие две ночи, лежал мистер Трелони, вытянув левую, забинтованную руку. Сбоку от него я заметил воткнувшийся в паркет египетский нож в форме листа — раньше оружие находилось среди диковин в разбитом шкафчике. В комнате все оставалось на своих местах, никаких признаков кого-либо или чего-либо необычного. Мы с полисменом тщательно обыскали ее, а тем временем сиделка и двое слуг снова уложили раненого

на кровать. Вскоре Маргарет вернулась в комнату. Она была бледной, но, судя по всему, самообладание вернулось к ней. Подойдя ко мне, девушка тихо сказала:

— Я почувствовала, что теряю сознание и... Вы ранены! Посмотрите, ваша рука в крови!

Мисс Трелони схватила меня за руку и поднесла ее к глазам. Увидев параллельные линии царапин, она не смогла сдержать крик:

— Это та же рана, что и у отца! — Затем осторожно, но быстро опустив мою руку, она обратилась ко мне и сержанту Доу: — Идемте в мою комнату! Сильвио там, он в своей корзине.

Мы последовали за ней и обнаружили кота сидящим в корзине и тщательно облизывающим лапы. Маргарет наклонилась и взяла одну из его передних лап в ладонь, но Сильвио это явно не понравилось, и он зарычал. Тут в комнату вошла миссис Грант. Увидев, что мы смотрим на кота, она сказала:

— Сиделка — сестра Дорис — утверждает, что Сильвио спал на постели Кеннети, он явился туда сразу после того, как вы вошли в комнату хозяина. Еще она говорит, что женщина стонет и бормочет во сне, словно ей приснился кошмар. Думаю, пора пригласить доктора Уинчестера.

— Пошлите за ним немедленно! — попросила Маргарет, и мы вернулись в комнату Абеля Трелони.

Девушка некоторое время стояла молча, сдвинув брови, затем, очевидно приняв решение, обратилась ко мне:

— Вам не кажется, что нам следует созвать консилиум? Конечно, я полностью доверяю доктору Уинчестеру; похоже, у этого человека острый ум. Но все же он молод, а нам нужны те, кто обладают большим количеством знаний и опытом,— именно эти качества помогут им определить, что случилось с моим бедным отцом. Ах! Все это так ужасно!

На ее глазах показались слезы, и я, как мог, постарался утешить ее.

Снизу донесся голос доктора — Уинчестер прибыл, как всегда, быстро. Прежде всего он намеревался посетить хозяина дома, но, узнав, что тот не получил новых ран, сперва отправился к сиделке Кеннети. Увидев ее, доктор облегченно вздохнул. Взяв полотенце, Уинчестер окунул его кончик в холодную воду и лег-

ко провел им по ее лицу. Спящая чуть пошевелилась. Тогда новой сиделке, сестре Дорис, были даны следующие указания:

— Она проснется самое большее через несколько часов. Может быть, вначале у нее будет кружиться голова или с ней приключится истерика. В таком случае...— Дальше доктор перешел на медицинскую терминологию.

— Да, сэр! — послушно кивнула Дорис, и мы пошли к мистеру Трелони.

Едва мы вошли, миссис Грант вместе с сиделкой покинули комнату, оставив нас наедине с хозяином дома. Когда дверь за ними закрылась, доктор попросил меня рассказать о недавних событиях. Я постарался не пропустить ни единой мелочи. Мое не слишком долгое повествование прерывалось его вопросами о том, кто при этом присутствовал и в каком порядке каждый из нас приходил в комнату. Он спросил и о других вещах, но они показались мне не слишком важными и такие подробности не удержались в моей памяти. По окончании нашего разговора он весьма решительно обратился к Маргарет:

— Полагаю, мисс Трелони, только моими знаниями здесь не обойтись. Давайте соберем консилиум.

Она ответила сразу же:

— Рада, что вы пришли к такому выводу, и полностью согласна с вами. Кого вы можете предложить?

— А вы? — спросил он.— Кого-нибудь, кто знает вашего отца? Его никто не консультировал?

— Мне об этом неизвестно. Но я надеюсь на вас — выберите того, кого считаете лучшим. Моему дорогому отцу необходимо срочно оказать помощь, и я буду глубоко признательна вам.

— Есть несколько хороших специалистов, но все они рассеяны по всему свету. Как ни странно, специалистами по мозгу рождаются, а не становятся, хотя для окончательного совершенствования в этой работе необходим тяжелый труд. Самый смелый исследователь на сегодняшний день — японец Чиуни, но он скорее хирургический экспериментатор, нежели практик. Кроме него есть Цаммерфест из Упсалы, Фенелон из Парижского университета и Морфесси из Милана. Но на первое место я бы поставил Фрере из Королевского колледжа. Он лучше всех названных сочетает теорию и практику, обладает

огромным опытом. Для всех нас, кто восхищается им, большая жалость, что столь стойкие нервы и проворные руки подвержены влиянию времени. Со своей стороны я предпочел бы Фрере любому другому.

— В таком случае,— решительно произнесла мисс Трелони,— давайте пригласим доктора Фрере и сделаем это как можно скорее!

Казалось, с плеч доктора Уинчестера упал груз, он заметно повеселел и заговорил с легкостью и живостью, которых не проявлял прежде:

— Я отправляюсь к нему рано утром и попрошу немедленно приехать сюда.— Затем он повернулся ко мне и добавил: — Позвольте-ка забинтовать вам руку.

— Просто царапина,— я пожал плечами.

— Тем не менее ее следует обработать. Царапина, нанесенная любым животным, может представлять опасность, лучше не рисковать.

Я подчинился, и он с помощью увеличительного стекла осмотрел несколько параллельных царапин и сравнил их с отметинами когтей Сильвио на листе бумаги, который извлек из своей записной книжки. Затем он убрал бумагу, коротко заметив:

— Этот Сильвио способен проскользнуть, куда ему не следует, и вовремя убраться.

Утро тянулось медленно. К десяти часам сиделке Кеннети стало настолько лучше, что она смогла сесть на постели и пробормотать несколько фраз. Но мысли ее путались, и она не знала, что с ней произошло, и не интересовалась происходящим.

Около одиннадцати вернулся доктор Уинчестер вместе с сэром Джеймсом Фрере. Итак, мисс Трелони придется вновь испытать боль, объясняя очередному незнакомцу, насколько она не осведомлена в том, что касалось образа жизни ее отца.

Сэр Джеймс Фрере был человеком, привлекавшим к себе внимание прежде всего неординарной внешностью: пронзительные глаза, упрямый решительный рот. Казалось, стоит ему нахмурить широкие кустистые брови — и немедленное повиновение его желаниям обеспечено. Впрочем, когда мы познакомились ближе, вся эта таинственность и суровость куда-то исчезла.

Оба доктора оставались в комнате мистера Трелони достаточно долго и один раз посылали за сестрой Дорис для непродолжительной беседы с ней. Затем оба они задали несколько вопросов сиделке Кеннети. Позже Уинчестер рассказал мне, что эта женщина дала полные и исчерпывающие ответы на все вопросы доктора Фрере, касавшиеся Абеля Трелони до того момента, как она потеряла сознание. Затем доктора отправились в кабинет хозяина дома, откуда вскоре донеслись их громкие голоса: судя по всему, спор был таким бурным, что я почувствовал себя неловко. Маргарет находилась на грани нервного срыва. Бедная девушка! На ее долю выдалось столько печальных волнений, что нервные силы ее почти истощились.

Наконец они вышли — сэр Джеймс первым, с суровым и загадочным видом, словно сфинкс. Доктор Уинчестер следовал за ним по пятам, лицо его было бледным и выдавало сильное волнение. Сэр Джеймс предложил мне и мисс Трелони уединиться с ним и доктором Уинчестером в одной из комнат. Как только мы сели в кресла, он обратился ко мне:

— Доктор Уинчестер объяснил мне, что вы друг мисс Трелони и уже довольно много знаете об этом деле. Возможно, ваше присутствие пойдет нам на пользу. Я слышал о вас самые лестные отзывы, мистер Росс, жаль, что не имел удовольствия с вами раньше познакомиться. Доктор Уинчестер уверяет меня, что некоторые события этого дела озадачили его и особенно интересуют вас, поэтому сообщу вам свои соображения по этому поводу. Что касается меня, я не слишком верю в чудеса, не считая научных, и могу сказать, что наемным убийцам или грабителям не помешали бы элементарные уроки анатомии перед следующей попыткой, поскольку они показали себя полными невеждами. Если их целью было только ограбление, они, похоже, провели его с изумительной беспомощностью. Впрочем, это не мое дело.

Повернувшись к мисс Трелони, сэр Джеймс продолжал:

— А теперь о вашем отце. Оставляя в стороне его болезни, на данный момент мы можем лишь сказать, что он страдает от сильного приступа каталепсии. Сейчас помочь ничем нельзя, за исключением поддержания его сил. В основном я одобряю лечение, предпринятое моим другом, и уверен, что с любым незначительным изменением состояния больного он справится

достойно. Случай интересен, крайне интересен, и, если последует нечто особенное, счастлив буду приехать в любое время. Хочу обратить ваше внимание лишь на одно обстоятельство. Доктор Уинчестер сообщил мне, что вы скованы инструкцией, данной вашим отцом на случай подобных событий. Я же настоятельно советую, чтобы мистера Трелони переместили в другую комнату или же убрали оттуда все эти мумии и прочие вещицы. Право, не годится держать больного человека в подобном окружении, заставляя его дышать исходящими от этих предметов запахами. У вас уже есть доказательства того, как могут действовать подобные миазмы. Эта сиделка — кажется, Кеннети? — все еще не полностью вышла из состояния каталепсии, и вы, мистер Росс, как мне сказали, испытали такое же воздействие. Итак,— тут его брови сдвинулись к переносице,— будь я здесь главным, я настаивал бы на смене обстановки для больного — или же бросил бы это дело. Во всяком случае, мои дальнейшие консультации можно получить лишь после выполнения этого условия. Я верю, что вы поступите, как хорошая дочь, и сделаете то, что поможет ему сохранить здоровье или разум, нежели последуете его причудам, будь они поддержаны неминуемыми страхами или же любым числом «ужасных» тайн. Пока еще не настал день, когда Британский музей поменяется функциями с больницей Святого Фомы. До свиданья, мисс Трелони. Искренне надеюсь вскоре увидеть вашего отца в добром здравии. Повторяю, если элементарные условия, предложенные мною, будут выполнены, я к вашим услугам в любое время дня и ночи. До свиданья, мистер Росс. Надеюсь, вы вскоре поставите меня в известность, доктор Уинчестер.

Он удалился, и мы стояли молча, пока не затих грохот колес его кареты. Первым заговорил доктор:

— Думаю, как врач сэр Джеймс совершенно прав. Сознаюсь, я готов был наброситься на него, когда он выставил свое условие, но в то же время... Он не понимает странных особенностей этого случая и узла, завязанного вокруг нас инструкциями мистера Трелони. Разумеется...

Маргарет перебила его:

— Доктор Уинчестер, не желаете ли вы тоже бросить это дело — или предпочтете продолжать его на условиях вам известных?

— Бросить его! Я никогда не бросаю своего пациента, пока в нем теплится жизнь!

Она промолчала, но протянула руку, и он бережно пожал ее.

— Что ж,— продолжала девушка,— сэр Джеймс знает немного больше вас о состоянии моего отца, и, будь он хоть на сотую часть заинтересован в этом, как вы, то не выставил бы подобных притязаний. Но конечно, я слишком волнуюсь о бедном отце, и, если появится возможность выполнить некоторые из условий доктора Фрере, я это сделаю. Сегодня попрошу прийти сюда мистера Марвина и попытаюсь получить от него совет — можно ли отступать от пожеланий отца. Если он полагает, что я могу действовать на свой страх и риск, то не поколеблюсь сделать это.

Вскоре доктор Уинчестер откланялся, а мисс Трелони не без моей помощи написала письмо мистеру Марвину, в котором она сообщала о ситуации в доме и просила его нанести визит. Письмо было отправлено с каретой, предназначенной для поверенного, а нам осталось только вооружиться терпением и ждать.

Путь от Кенсингтон-Палас-Гарденз до «Линкольнз инн» не слишком далек, и менее чем через час мистер Марвин был с нами. Понимая нетерпение Маргарет, он едва ли не с порога спросил у нее:

— Когда вам угодно обсудить со мною детали, касающиеся желаний вашего отца?

— В любое время,— ответила она, очевидно не понимая его намека.

— Почему бы не сейчас? Но...— Он посмотрел на меня как на конкурента и выпалил: — Мы не одни.

— Я специально пригласила сюда мистера Росса,— успокоила она поверенного.— Он уже столько знает, поэтому я хочу, чтобы он узнал еще больше.

Мистер Марвин казался несколько смущенным. Те, кто знал его по выступлениям в суде, вряд ли поверили бы в это.

— Но, любезная юная леди, пожелания вашего отца! Конфиденциальность...

Мисс Трелони перебила его с выступившим на бледных щеках румянцем:

— Вы действительно полагаете, что это соответствует настоящим обстоятельствам, мистер Марвин? Отец никогда не был

откровенен со мной, а теперь я должна узнать о его пожеланиях от чужого мне джентльмена, о котором понятия не имела до того, как вскрыла письмо отца, написанное на случай такой крайности... Я полностью доверяю мистеру Россу и хочу, чтобы он присутствовал здесь. Разумеется,— добавила она,— лишь в том случае, если это не запрещено моим отцом. Ах! Простите меня, мистер Марвин, если я кажусь вам резкой, но мне так трудно...

Маргарет на несколько секунд закрыла рукой глаза, а мы с мистером Марвином, обменявшись взглядами, пытались казаться бесстрастными. Она продолжала, на этот раз более твердым голосом:

— Пожалуйста, не думайте, мистер Марвин, что я не благодарна вам за вашу доброту и за то, что вы быстро приехали. Если вы настаиваете, мы можем остаться одни.

Я поднялся, но поверенный сделал протестующий жест. Очевидно, ему понравились ее слова, и он отвечал с сочувствием в голосе:

— Что вы, никоим образом! Ваш отец не сделал никаких указаний по поводу чьего-либо участия, а я со своей стороны с радостью пойду вам навстречу. Из ваших разъяснений о болезни мистера Трелони и прочих происшествий следует, что возможность зловещего развития событий должна управляться непререкаемыми инструкциями вашего отца. Ибо, пожалуйста, поймите меня, его требования неоспоримы. Они настолько жестки, что он наделил меня властью, позволяющей мне надзирать за их выполнением. Пока он жив, он должен оставаться в своей комнате, где ничего нельзя двигать, ни в коем случае! Он даже предоставил список предметов, которые должны оставаться на своих местах.

Маргарет молчала. Она казалась опечаленной, и, полагая, что знаю причину этого, я спросил:

— Можно посмотреть этот список?

Лицо девушки мгновенно просветлело, но снова омрачилось грустью при быстром ответе поверенного,— а он явно был готов к этому вопросу.

— Только не в случае, если я принужден применить власть поверенного. Я захватил этот документ с собой. Убедитесь, мистер Росс,— он протянул мне документ,— как грамотно он со-

ставлен и насколько исчерпывающе доверитель высказывает свои пожелания, исключая любые уловки. Таковы его собственные слова, не считая некоторых формальностей, и я заверяю вас, что редко видел более надежный документ. Даже я не имею права позволить малейшее послабление его инструкциям без явного нарушения доверия. А это, сами понимаете, невозможно.— Очевидно, последние слова он добавил, чтобы предотвратить обращения к его сочувствию. Впрочем, ему явно не понравилась жесткость собственных слов, и он миролюбиво продолжил: — Надеюсь, мисс Трелони, вам понятно мое искреннее и однозначное желание сделать все, что могу в пределах своей власти, для облегчения вашей беды. Но в поступках вашего отца были собственные цели, которые он не раскрывал мне. Насколько я понимаю, в его наставлениях нет ни единого необдуманного слова.— Он тяжело вздохнул.— Наверняка я опечалил вас и искренне переживаю по этому поводу, поскольку вижу, что вам многое довелось перенести. Но выбора у меня нет. Если хотите посоветоваться со мной по любому поводу, я обещаю прийти, не задерживаясь ни на минуту, в любой час дня и ночи. Вам известен мой адрес, а вот — адрес клуба, где меня обычно можно найти по вечерам.

С этими словами он протянул ей листок из своей записной книжки, затем с вежливым поклоном удалился. Едва закрылась дверь в холле, как в кабинет вошла экономка. На лице ее читалось такое горе, что Маргарет, побледнев, поднялась ей навстречу и спросила:

— В чем дело, миссис Грант? Случилось еще что-нибудь?

— С горечью сообщаю, мисс, что все слуги, за исключением двух, уведомили меня, что желают покинуть дом сегодня. Они уже обсудили это дело между собой, и теперь дворецкий высказался за всех. Он говорит, что, хотя им очень жаль терять жалованье, но они готовы даже выплатить неустойку, лишь бы уйти сегодня же.

— Какую причину они называют?

— Никакой, мисс. Я спросила Джейн, горничную с верхнего этажа, которая держится особняком от них, и девушка по секрету сказала мне, что они вбили в свои глупые головы, будто дом населяют привидения!

Глава VI

ПОДОЗРЕНИЯ

Первой пришла в себя мисс Трелони. Гордо выпрямившись, она высокомерным тоном произнесла:

— Прекрасно, миссис Грант, пусть они уходят! Заплатите им сегодня месячное жалованье. До сих пор они были очень хорошими слугами, однако нельзя ожидать большой преданности от тех, кого обуревают страхи. Те, кто останется в доме, получат жалованье в двойном размере.

Экономка с трудом сдерживала негодование:

— Подумать только, уйти от такой хорошей хозяйки! В жизни не видела, чтобы кто-либо так по-доброму обращался со слугами. А едва беда на пороге — полюбуйтесь, как они поступают! Это наглость, другого слова не подобрать!

Миссис Грант в течение нескольких минут продолжала рассуждать по поводу «неблагодарных людей», затем удалилась, недовольно бурча себе под нос. Вскоре она вернулась — совершенно в другом настроении, чтобы осведомиться, не угодно ли хозяйке нанять полный штат новых слуг.

— Вы же знаете, мэм,— с порога начала она,— как только в доме поселяется страх, избавиться от него почти невозможно. Слуги придут, но быстро уйдут, наслушавшись рассказов, и их ничем не удержишь.

— Полагаю, миссис Грант, нам следует обойтись теми, что остались,— спокойным тоном заметила Маргарет.— Пока мой дорогой отец болеет, гостей у нас не предвидится. Если желающих остаться слишком мало, наймите нескольких горничных — из тех, кого вы знаете. Пожалуйста, имейте в виду, что вновь нанятые, хорошо зарекомендовав себя, должны получать точно такое же жалованье. И разумеется, хотя я никоим образом не ставлю вас в один ряд с ними, правило двойной оплаты распространяется и на вас.

Я не мог не восхититься великодушием девушки по отношению к слугам и мысленно согласился с экономкой:

— Наша хозяйка — настоящая принцесса!

«Принцесса!» — именно это слово пришло мне в голову, когда я впервые увидел Маргарет на балу. Высокая, стройная, по-

хожая на лилию, гибко покачивающуюся на стебле, или на цветок лотоса — ей так шло платье из тончайшей черной ткани с золотым шитьем. В темных волосах отсвечивало лунным блеском украшение из крупного жемчуга и драгоценных камней, обрамленное вырезанными из лазурита страусиными перьями. Запястье украшал широкий браслет в виде двух крыльев из золота, между которыми был укреплен круглый желтый самоцвет, обвитый серебряными змеями. Нас представили друг другу, и, несмотря на ее чарующую любезность, я чувствовал себя неловко в обществе этой красавицы. Лишь несколько недель спустя, во время пикника, когда у меня появилась возможность познакомиться с ней поближе, моя робость перешла в иное чувство.

Следующая сцена, в которой мне пришлось принять участие, оказалась несравненно более волнующей и болезненной. Около трех часов дня в дверь кабинета, где я находился, осторожно постучал сержант Доу. Переступив порог, он внимательно оглядел комнату.

— В чем дело? — спросил я.— Кажется, вы хотите поговорить со мной наедине?

— Совершенно верно, сэр. Могу я рассчитывать на полную конфиденциальность?

— Вне всякого сомнения.

Он помедлил, затем ответил:

— Вы знаете меня достаточно, чтобы предположить, что я человек долга. Я полицейский, детектив, и моя обязанность — расследовать любое дело, которое мне поручено, никого не боясь и никого не покрывая.

— Ну конечно, конечно! — машинально кивнул я, и сердце мое почему-то болезненно сжалось.— Будьте откровенны, я обещаю, что любая информация, которую вы мне сообщите, не выйдет за пределы этого кабинета.

— Спасибо, сэр. Полагаю, то, что я скажу, не должно быть сообщено никому. Даже мисс Трелони или ее отцу, когда он поправится.

— Разумеется, если таково условие! — произнес я более сухим тоном.

Уловив перемену в моем голосе, сержант заметно смутился.

— Простите, сэр, но я нарушаю мой долг, говоря с вами на эту тему. Впрочем, я знаю вас давно и чувствую, что могу доверять вам. Не вашему слову, сэр,— в нем я уверен,— но вашему благоразумию!

Я поклонился.

— Продолжайте!

И он не заставил себя ждать.

— Я обдумывал это дело, сэр, до тех пор, пока у меня голова кругом не пошла, но пока что не могу найти для него простой разгадки. Несмотря на нападения, по-видимому, никто не входил в дом и тем более не выходил. На какой вывод это вас наталкивает?

— Что кто-то или что-то уже было в доме,— ответил я, не сдержав улыбки.

— Я думаю так же,— произнес он и с облегчением вздохнул.— Прекрасно! Но кто это может быть?

— «Кто-то или что-то», как я уже сказал.

— Пусть будет «кто-то», мистер Росс! Конечно, кот мог исцарапать или укусить, но вряд ли стянул бы старого джентльмена с постели и попытался бы снять с его руки золотой браслет с ключом. Такие вещи хороши для книжек, где детективы-любители знают все еще до того, как это случилось, и затем подгоняют факты под свои теории, но в Скотленд-Ярде не все идиоты, и обычно мы докапываемся до людей, которые совершают преступления.

— Ради бога, сержант, пусть это будут «люди».

— Мы говорили о «ком-то», сэр.

— Верно. Пусть будет кто-то!

— Давайте восстановим события этих трех ночей — кто первым оказывался около хозяина дома?

— Постойте! В первую ночь мисс Трелони подняла тревогу. Вторую ночь я сам провел в комнате мистера Трелони и крепко заснул, как и сиделка Кеннети. Когда я очнулся, там уже находилось несколько человек, в том числе мисс Трелони и вы. Во время последнего нападения мисс Трелони упала в обморок, я вынес ее из комнаты и вернулся. Кажется, вы вошли следом за мной.

Сержант Доу после небольшого раздумья ответил:

— Не удивило ли вас, сэр, что мисс Трелони присутствовала или была первой в комнате во всех случаях, а ранения были нанесены в первом и во втором?

Как юрист, я всегда считал, что лучший способ в борьбе с выводом — это высказанное вместо него заключение.

— Вы утверждаете, что мисс Трелони была первой, обнаружившей раненого отца, и отсюда следует вывод, что она нанесла ему рану либо как-то была связана с нападением?

— Я не смею выражаться с подобной ясностью, но к этому меня склоняют мои сомнения.— Сержант Доу был храбрым человеком и не боялся делать заключения на основе фактов.

В кабинете повисло многозначительное молчание. У меня не было никаких сомнений по поводу Маргарет и ее действий, но я опасался, что они могут быть поняты превратно. Здесь явно присутствовала тайна, и, если не найти разгадки, тень подозрений будет брошена на кого-то одного. В подобных случаях люди склонны идти по линии наименьшего сопротивления, и если найдутся доказательства чьей-то выгоды от смерти мистера Трелони, если таковая случится, то очень сложно будет доказать свою невиновность перед лицом подозрительных фактов. Сейчас не годилось оспаривать какие-либо теории, выдвинутые детективом, надо было просто выслушать его и попытаться понять. Но когда придет время развеять эти теории в пух и прах, я выступлю во всеоружии.

— Что вы намерены предпринять? — осторожно поинтересовался я.

— Пока еще не имею представления, сэр. Как видите, даже для подозрений еще не время. Скажи мне любой, что эта милая леди замешана в таком деле, я посчитал бы его ненормальным, но я вынужден следовать собственным выводам. Мне хорошо известно, что довольно часто виновными признают самых неподходящих для этой роли людей, когда все (кроме прокурора, знающего факты, и судьи, умеющего ждать) готовы поклясться в их невиновности. Я ни за что на свете не согласился бы причинить вред юной леди, тем более зная о том, что ей пришлось испытать. Можете быть уверены, я не сделаю ни единого намека, который послужил бы уликой против нее. Вот почему я говорю с вами наедине, как мужчина с мужчиной. Вы специалист по доказательствам, это ваша профессия. Моя профессия ограничивается подозрениями и тем, что мы называем своими доказательствами,— по сути, это не что иное, как улики. Вы знаете мисс Трелони лучше меня, и, хотя я разгуливаю по дому, где хочу, у меня нет возможности поближе познакомиться с ее образом жизни, разведать что-либо о ее средствах и вообще обо

всем, что могло бы объяснить ее действия. Попытайся я задать ей подобные вопросы, она тут же заподозрит меня. И тогда, в случае если она виновата, вся надежда на неоспоримые улики пропадет, потому что она с легкостью уничтожит их. Но если она невиновна (а я надеюсь на это), то обвинять ее было бы неоправданной жестокостью. Я знакомлю вас со своей точкой зрения на ситуацию и прошу прощения, если позволил себе при этом лишнее.

— Вас не в чем упрекнуть, Доу,— с воодушевлением произнес я, потому что мужество, честность и рассудительность этого человека внушали уважение.— Рад, что вы были со мной откровенны. Мы оба хотим узнать правду, но в деле этом очень много странностей, и поэтому, чтобы выяснить истину, необходимо прилагать совместные усилия, независимо от наших взглядов и жизненных установок.

Сержант одобрительно кивнул и продолжал:

— На мой взгляд, заподозрив кого-либо, следует по крупицам собирать доказательства. И тогда мы придем к выводу, а возможно, отбросим все другие версии, оставляя лишь самую подозрительную из всех нами рассмотренных. После этого нам нужно...

В эту минуту дверь открылась и вошла мисс Трелони. Едва увидев нас, она сделала шаг назад, воскликнув:

— Ах, простите! Я не знала, что вы здесь.

— Пожалуйста, входите,— предложил я.— Мы с сержантом Доу просто разговаривали.

Неловкая ситуация разрешилась сама собой: появилась экономка и сообщила:

— Пришел доктор Уинчестер и желает видеть хозяйку.

Повинуясь взгляду девушки, я покинул кабинет и последовал за ней.

Осмотрев больного, доктор сказал нам, что видимых перемен не обнаружил. Он добавил, что хотел бы остаться в доме на ночь. Маргарет заметно обрадовалась, услышав это, и приказала экономке приготовить для него комнату. Позже, когда мы остались с ним наедине, он вдруг сказал:

— На самом деле я хотел побеседовать с вами без свидетелей, и, по-моему, лучше всего это будет сделать вечером, когда мисс Трелони отправится дежурить к отцу.

Мы по-прежнему придерживались с Маргарет очередности наблюдения за больным. Вместе мы должны были наблюдать за ним утром, и меня беспокоило то обстоятельство, что детектив также собирался вести свои наблюдения и быть при этом особенно бдительным.

День прошел без каких-либо событий. Мисс Трелони спала днем и после обеда отправилась сменить сиделку. Экономка оставалась с нею, а сержант Доу дежурил в коридоре. Мы с доктором Уинчестером пили кофе в библиотеке. Когда пришла очередь сигар, он спокойным тоном произнес:

— Итак, можно начать разговор. Разумеется, мы связаны обетом молчания по поводу происходящих событий?

— Совершенно верно! — подтвердил я, и мое сердце тревожно застучало при мысли об утреннем разговоре с сержантом. С тех пор гнетущий страх за Маргарет поселился в моем сознании.

Доктор продолжал:

— Этот случай выбил меня из колеи — полагаю, и всех остальных тоже. Чем больше я над ним думаю, тем сложнее мне сохранять беспристрастность, чувствуя, как обе постоянно укрепляющиеся версии тянут нас в противоположные стороны.

— И что это за версии?

Прежде чем ответить, Уинчестер бросил на меня проницательный взгляд. Он мог бы подействовать на меня, будь у меня какая-то личная заинтересованность в этом деле, не считая участия в мисс Трелони. Но мне удалось спокойно выдержать его, и ни один мускул на моем лице не дрогнул, я также не отвел глаза. Теперь я был поверенным в этом деле: с одной стороны — amicus curia*, а с другой — представителем защиты. Сама мысль о наличии у столь умного человека двух равносильных и противоположных версий была достаточно утешительна, чтобы ослабить мое волнение по поводу вероятности новых подозрений. Доктор заговорил, и лицо его постепенно приобрело выражение жесткой угрюмости:

— Две версии: факт и фантазия. По первой это дело о нападении и попытке грабежа и убийства, о каталепсии, указывающей либо на гипноз, либо на яд, неизвестный пока нашей токсикологии. По второй версии действует «влияние», не определенное ни в одном из известных мне научных трудов — не считая романов. Никогда еще не поражала меня столь сильно истина гамлетовских слов: «Есть многое в природе, друг Горацио...» Для начала рассмотрим версию «факта». Перед нами человек в окружении домочадцев; в его доме множество слуг из различных классов, что исключает возможность организованного заговора. Он богат, образован, умен. Судя по его физиономии, несомненно, обладает железной волей и определенными стремлениями. Его юная дочь (единственная, насколько мне известно), бойкая и умная девушка, спит в соседней комнате. Кажется, для каких-либо нападений или неприятностей извне нет ни разумных поводов, ни возможностей. И все же нападение происходит. Оно быстро обнаружено — настолько быстро, что можно заподозрить обдуманное намерение. Нападающего или нападающих спугнули, тем не менее нет следов их побега — ни улик, ни шума, ни-че-го. Нет даже открытой двери или окна. На следующую ночь — новое нападение, хотя дом полон бодрствующими людьми, среди которых наблюдают за комнатой и соседними помещениями офицер-детектив, опытная сиделка, верный друг и собственная дочь жертвы. Сиделку поражает каталепсия, а друга (защищенного респиратором) — глубокий сон. Детектив тоже оказался настолько подвержен ступору, что даже не может вспомнить, в кого он стрелял. Похоже, ваш респиратор — единственное, что относится к стороне «факта». То, что вы сохранили ясность рассудка, указывает на отсутствие гипноза. Но опять-таки есть факт, противоречащий данному. Мисс Трелони, пробывшая в комнате дольше вашего (поскольку она то и дело заходила и выходила из комнаты и сидела там подолгу во время своих дежурств), по-видимому, не подверглась странному воздействию. Следовательно, «влияние» не поражает всех подряд — если не предположить, конечно, что дочь хозяина дома почему-либо не подвержена ему. Если окажется так, что виноват некий загадочный «аромат», исходящий от многих египетских вещиц, то дело проясняется, но тогда мы столкнемся с тем фактом, что мистер Трелони бóльшую часть времени — по сути, полжизни — провел в этой комнате и больше всех был подвержен ему. Какого типа влияние могло вызвать все эти противоречивые последствия? Чем больше я думаю об

* Друг закона (*лат.*).

этом, тем больше запутываюсь! В самом деле, если предположить, что физическое нападение на мистера Трелони совершил некто проживающий в доме и попадающий в круг подозреваемых, выборочность воздействия остается тайной. Погрузить человека в каталепсию нелегко. Насколько известно сейчас науке, подобную цель нельзя осуществить усилием воли. Итак, в центре этого дела остается мисс Трелони, очевидно не подверженная ни одному из влияний или разновидностей одного и того же влияния. Она проходит через все испытания невредимой, не считая одного легкого полуобморока. Крайне странно!

Я слушал доктора, чувствуя, как отчаяние овладевает мной. Хотя он ничем не выказал недоверия Маргарет, его доводы весьма беспокоили меня. Они не были столь же прямыми, как подозрения детектива, но также отделяли мисс Трелони от прочих, а оказаться в одиночестве, когда дело касается тайны, все равно что быть подозреваемой, если не сразу, то в конечном итоге. Я предпочел промолчать; хорошо, что доктор, высказывая свои доводы, не требует ответа от меня — по крайней мере, сейчас.

Обхватив ладонью подбородок, он молчал, уставясь в пространство перед собой и сведя брови. Сигара повисла в его пальцах, очевидно, он забыл про нее. Затем он продолжал ровным голосом, словно подхватывая мысль там, где оставил ее:

— Другая версия касается совершенно иной области, и, вступая в нее, мы должны отмести в сторону все, что имеет отношение к науке или эксперименту. Сознаюсь, многое в ней меня привлекает, хотя каждая новая мысль настолько захватывает своей романтикой, что приходится одергивать себя и строго глядеть фактам в лицо. Иногда я спрашиваю себя, не действует ли временами это влияние или эманация в комнате больного и на меня, как подействовала на прочих, к примеру на детектива. Конечно, в случае, если это было неким химическим веществом, например наркотиком в парообразной форме, его воздействие могло быть проникающим. Но что могло вызвать подобный эффект в этой комнате? Здесь столько вещей из египетских гробниц, не говоря уже о настоящей мумии, на которую бросается Сильвио. Кстати, завтра я собираюсь подвергнуть его испытанию. Я напал на след мумии-кошки и собираюсь завладеть ею завтра утром. Когда я принесу ее сюда, мы узнаем,

будет ли он реагировать на нее так же, как на аналогичную древность, находящуюся в доме. Впрочем, вернемся к делу. Сами по себе запахи мумии возникают от присутствия субстанций или их соединений, найденных египетскими жрецами, которые были образованными и учеными людьми своего времени. На протяжении веков опытным путем они обнаружили, что эти субстанции прекращают природный процесс разложения. Интересно, есть ли подобные знания или хотя бы намеки на них у мисс Трелони?.. Единственное, в чем я твердо уверен: худшую атмосферу для комнаты больного трудно вообразить, и я восхищаюсь мужеством сэра Джеймса Фрере, отказавшегося в этих условиях лечить больного. Инструкции, данные мистером Трелони своей дочери, и то, что, судя по вашим словам, он тщательно защитил их через своего поверенного, показывают, что хозяин дома что-то подозревал и готовился к каким-то событиям. Как интересно было бы узнать об этом хоть что-нибудь! Наверняка в его бумагах может содержаться какой-то намек... Это сложная задача, но она должна быть решена. Его настоящее состояние не может длиться вечно, и если что-то произойдет, будет расследование. В этом случае придется рассмотреть все аспекты до мелочей... По сути, полицейское заключение покажет неоднократную попытку нападения. Поскольку явных улик нет, необходимо будет заняться поводом.

Он смолк. Последние его слова прозвучали совсем тихо, в них чувствовалась безнадежность. У меня не было сомнений, что настал мой черед выяснить наличие у него определенного подозрения, и, словно подчиняясь мысленному приказу, я спросил:

— Вы подозреваете кого-нибудь?

Похоже, мой вопрос больше испугал его, нежели удивил.

— Подозреваю кого-нибудь? Конечно, я подозреваю наличие «влияния» — и все. Позже, если подтвердятся мои выводы или предположения, а подозрения станут более конкретными...

Он вдруг замолчал и посмотрел на дверь: послышался слабый звук, и ручка повернулась. Мне показалось, будто сердце мое остановилось в предчувствии зловещей, неопределенной опасности. В тот же миг я вспомнил об утреннем вторжении во время моего разговора с детективом.

Дверь открылась, и в комнату вошла мисс Трелони.

Увидев нас, девушка замерла на месте, и глубокий румянец залил ее лицо. Несколько долгих секунд длилось молчание, наконец Маргарет заговорила, и напряжение, в котором мы с доктором находились (я это легко заметил), ослабело:

— Прошу прощения, я искала вас, доктор, чтобы спросить, можно ли мне отправиться спать, зная, что вы будете здесь. Я чувствую такую ужасную усталость, что боюсь нервного расстройства, и сегодня явно ни на что не пригожусь.

Уинчестер не медлил с ответом:

— Ступайте к себе и выспитесь как следует! Ей-богу, вам это необходимо, и я весьма рад, что вы сами это предложили, потому что, увидев вас этим вечером, я уже решил, что вы вскоре попадете ко мне в пациенты.

Она с облегчением вздохнула, и усталость, казалось, сошла с ее лица. Никогда не забуду глубину ее больших прекрасных глаз и искренность взгляда, устремленного на меня:

— Вы ведь вместе с доктором будете охранять отца, правда? Я так о нем волнуюсь, что каждая секунда приносит мне все новые опасения. Но я совершенно выбилась из сил... Нынешнюю ночь я проведу в другой комнате: если останусь поблизости от отца, каждый звук стократно умножит мой страх. Но разумеется, вы разбудите меня, если возникнет необходимость. Я займу будуар и спальню возле холла. Эти комнаты я занимала в первые дни, когда переехала жить к отцу, там хорошо спится, и, может быть, я забудусь на несколько часов. Утром я встану бодрой. Спокойной ночи!

Когда я закрыл за ней дверь и вернулся к маленькому столу, за которым мы сидели, доктор Уинчестер сказал:

— Бедная девушка измотана до последней степени. Я рад, что она наконец выспится, ее нервная система на грани срыва. Вы заметили, как она волнуется и как покраснела, войдя сюда и застав нас за разговором? Казалось бы, к чему ей беспокоиться о подобных мелочах в собственном доме и церемониться с приглашенными ею гостями?

Я собрался было рассказать ему о похожести ситуации — когда она застала нас с детективом днем, но вспомнил о строгой конфиденциальности того разговора и промолчал.

Мы направились в комнату Абеля Трелони, и по дороге я не мог избавиться от бесконечных мыслей (они не оставляли меня

еще много дней) о странном совпадении: ведь она перебила нас два раза, едва мы затронули тему подозрений.

Определенно, здесь была странная паутина случайностей, в которой мы все запутались.

Глава VII

ПРОПАЖА У ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Следующая ночь прошла спокойно. Зная, что Маргарет отдыхает, мы с доктором удвоили внимание. Миссис Грант дежурила попеременно с сиделками, и каждые четверть часа в комнату наведывались детективы. Абель Трелони всю ночь пребывал в трансе, его грудь равномерно вздымалась и опускалась. Но он ни разу не пошевелился, и если бы не дыхание, легкое, как у ребенка, его можно было бы принять за мраморное изваяние. Мы с доктором надели респираторы, но в невыносимо жаркую ночь они нам очень досаждали. Между двумя и тремя часами ночи меня внезапно охватила тревога, снова возникло то неприятное ощущение, которое за последние несколько ночей стало почти привычным. Каждый вздох сиделки или шорох ее платья, каждый шаг ноги в мягкой туфле наверху или в коридоре, каждый таинственный звук (мне показалось, что я слышу звон стекла) прибавляли новый импульс охватившему меня напряжению. Однако едва сквозь щели жалюзи стал пробиваться серый свет утренней зари, я испытал неожиданное облегчение. Рассвет принес прохладу и надежду, задышалось свободнее; дом постепенно просыпался. Доктор Уинчестер отправился к себе после того, как сиделка Дорис сменила миссис Грант. Мне показалось, он был слегка разочарован тем, что за всю долгую ночь бодрствования не случилось ничего необычного.

В восемь часов к нам присоединилась мисс Трелони, и я был поражен, увидев, какую пользу ей принес сон. Ее бледные щеки, разительно контрастировавшие с черными бровями и алыми губами, окрасились легким румянцем, в глазах появился блеск. Она живо напомнила мне ту Маргарет, в чьем обществе я провел упоительные часы на пикнике. С еще большей нежно-

стью девушка поправила подушки отцу и расчесала ему волосы, убирая их со лба.

Бессонная ночь давала о себе знать, и теперь, когда Маргарет приступила к дежурству, я мог отправиться спать.

К полудню я проснулся с ясной, отдохнувшей головой и, позавтракав, собрался отправиться к себе домой на Джермин-стрит, но в холле заметил какого-то незнакомца. Лакей по имени Моррис, которого раньше считали чудаковатым, однако после побега остальных слуг повысили в звании до дворецкого, ни на шаг не отходил от высоких двойных дверей, так что посетитель не мог пройти дальше. Его громкий голос разносился по просторному холлу:

— ...Это все очень хорошо, но я должен видеть мистера Трелони! Можете сколько угодно твердить мне, что я не могу, и все-таки я должен. Я пришел в девять часов; вы сказали, что он спит и его нельзя тревожить. Я явился в двенадцать и снова услышал, что он еще не вставал с постели. На мой вопрос о мистере Трелони я не получил вразумительного ответа. Сейчас три часа, и вы снова мне говорите, что он в постели и еще не проснулся. Где его дочь, мисс Трелони? Вы отвечаете: «Она занята, ее нельзя беспокоить!» Но кто-то же должен ее побеспокоить! Я здесь по особому делу, касающемуся мистера Трелони, и приехал из таких мест, где слуги всегда начинают разговор со слова «нет». Три года я провел у дверей зданий, где начинает казаться, что люди внутри не живее, чем мумии, и легче достучаться в могилу. С меня хватит! Когда я прихожу в дом человека, на которого работал, и нахожу его дверь закрытой, а слуги не пускают меня к нему, этого я не понимаю. Разве мистер Трелони распорядился не пускать меня?..

Он прервал свою речь и возбужденно вытер лоб. Моррис был сама любезность:

— Мне очень жаль, сэр, если, выполняя свои обязанности, я каким-то образом обидел вас. Но у меня есть приказы, и я должен им подчиняться. Если вы пожелаете оставить записку, я передам ее мисс Трелони; если же оставите адрес, она сможет связаться с вами.

— К вам лично я ничего не имею, но любой человек разозлится, оказавшись в таком положении. Нельзя терять ни часа — да что там, ни минуты! И все же я торчу здесь, полдня обивая порог и все это время зная, что ваш хозяин рассердится в сто раз больше, когда узнает, как бесцельно пропало столько времени. Его надо разбудить хоть тысячу раз, чтобы он смог поговорить со мной, и пока еще не поздно. Бог ты мой, это так ужасно — видеть, как твои труды пропадают в последнюю секунду: когда ты уже у самой двери, тебя отпихивает тупой лакей! Хоть у кого-нибудь в этом доме есть здравый смысл или хотя бы авторитет, если здравым смыслом он не обладает? Я очень быстро смогу его убедить, что вашего хозяина надо разбудить, даже если он спит, как Спящая Красавица...

В искренности этого человека нельзя было усомниться, так же как и в том, что дело срочное, по крайней мере с его точки зрения. Я обратился к дворецкому:

— Моррис, вам бы следовало известить мисс Трелони, что этот джентльмен хотел бы увидеться с ней. Если она занята, попросите миссис Грант передать ей.

— Очень хорошо, сэр,— с облегчением ответил новоиспеченный дворецкий и поспешно удалился.

Я провел незнакомца в небольшую гостиную. По дороге он спросил меня:

— Вы секретарь?

— Нет, я друг мисс Трелони. Меня зовут Росс.

— Огромное вам спасибо, мистер Росс, за вашу доброту! — воскликнул он.— Меня зовут Корбек. Я дал бы вам свою визитную карточку, но в тех местах, откуда я приехал, ими не принято пользоваться. А если бы они у меня и были, то, полагаю, прошлой ночью тоже бы исчезли...

Он внезапно остановился, оборвав фразу,— очевидно, решил, что сказал слишком много.

Пока мы молча ждали Маргарет, я украдкой рассматривал странного посетителя. Невысокий, загорелый человек; вероятно склонный к полноте, но сейчас крайне исхудавший. Глубокие морщины на его лице и шее не были обязаны своим происхождением времени и солнцу, а безошибочно указывали на то, что кожа потеряла свою упругость. Что касается цвета кожи, то такой загар можно заработать, побывав на Среднем Востоке, в тропиках или в пустыне, но в каждом случае оттенок загара был свой: смуглое сияние, яркий красно-коричневый цвет, темный, близкий к ожогу. У мистера Корбека была массивная го-

лова с косматой темной красно-коричневой гривой волос, высокий и широкий лоб с четко обозначенными лобными пазухами (если использовать термины физиогномики), что свидетельствовало о логическом мышлении и склонности к языкам. Короткий широкий нос, выдающийся вперед подбородок и мощная челюсть говорили об энергичности и решительности.

«Весьма подходящий для пустыни тип»,— почему-то пришло мне в голову.

Мисс Трелони не заставила себя ждать. Увидев ее, мистер Корбек, казалось, был удивлен, хотя его раздражение и возбуждение еще не прошли. По меньшей мере странно, что такое вторичное и чисто внутреннее ощущение, как удивление, проявилось столь заметно. Когда девушка заговорила, он уже не отводил от нее глаз, и я сказал себе, что следует узнать причину его удивления.

Маргарет начала с извинений, чем быстро свела на нет его возмущение:

— Конечно, если бы отец хорошо себя чувствовал и я не дежурила бы у его постели, когда вы приходили в первый раз, вас не заставили бы ждать. Не будете ли вы так любезны сказать, что у вас за срочная причина видеть моего отца?

Взглянув на меня, он заколебался, но девушка поспешно добавила:

— У меня нет никаких секретов от мистера Росса. Я ему полностью доверяю. Он помогает мне стойко переносить мои несчастья. Думаю, вы не совсем понимаете, в каком состоянии находится мой отец. Уже три дня он не приходит в сознание; я очень встревожена. К несчастью, мне очень мало известно о нем. Я живу в его доме только год и не имею представления о том, чем он занимается. Я даже не знаю, кто вы и какое у вас может быть дело к нему.— По ее губам скользнула легкая извиняющаяся улыбка.

Мужчина секунд пятнадцать предавался размышлениям, затем заговорил, сразу же приступив к делу. Он, судя по всему, принял решение, и к нему вернулась прежняя уверенность.

— Меня зовут Юджин Корбек. Я магистр гуманитарных наук, доктор юриспруденции и магистр хирургии в Кембридже; доктор литературы в Оксфорде; доктор естественных наук

и доктор филологии в Лондонском университете; доктор философии в Берлине; доктор восточных языков в Париже. У меня есть и другие степени, титулы и прочее, но не стоит тратить время на их перечисление. В молодости — в соответствии со своими интересами и желаниями, но во вред своему карману — я заинтересовался египтологией. Наверняка меня укусил какой-то ядовитый скарабей. Я был на мели, когда встретил вашего отца, который проводил кое-какие собственные исследования. Он — настоящий специалист; такой свихнувшийся египтолог, как я, и мечтать не станет о лучшем патроне!

Гость говорил с искренним воодушевлением; мне было радостно видеть, что Маргарет порозовела от удовольствия, слушая похвалы в адрес ее отца. Однако с моей точки зрения мистер Корбек в какой-то степени терял время впустую, если только... Возможно, он хотел разведать обстановку и определиться, следует ли ему доверять двум незнакомым людям. Я не мог не заметить, что по мере того, как он говорил, его уверенность росла.

— Несколько раз я возглавлял организованные вашим отцом экспедиции в Египет, и никогда у нас не возникало каких-либо проблем. Многие из своих сокровищ,— а у него, скажу я вам, немало редкостей,— он получил с моей помощью, благодаря этим экспедициям, некоторые я покупал для него... были и другие пути... Ваш отец, мисс Трелони, обладает уникальными познаниями. Иногда ради какой-нибудь редкостной вещицы он может объехать весь мир — настолько велико желание иметь ее в своей коллекции...

Юджин Корбек резко остановился, как будто бы рот его захлопнулся с помощью постороннего вмешательства. Мы ждали. Спустя некоторое время он продолжал, тщательно подбирая слова, как бы стремясь предупредить любые наши вопросы:

— Я не могу упоминать о своем поручении — где был, с какой целью и так далее — без разрешения мистера Трелони. Я обязан хранить тайну.

Он сделал паузу, затем на его лице отразилось замешательство. Его вопрос несказанно удивил нас:

— Мисс Трелони, вы уверены, что ваш отец не в состоянии со мной сегодня увидеться?

Маргарет смутилась лишь на мгновение. Когда она заговорила, в ее голосе не было ничего, кроме любезности и спокойного достоинства:

— Идите и убедитесь сами!

Она вышла из комнаты, гость последовал за ней, а я старался не отставать.

Мистер Корбек уверенно переступил порог комнаты Абеля Трелони, как будто бывал здесь не один раз. Поведение человека всегда безошибочно подскажет, когда он находится в новой или необычной для него обстановке. Наш гость сосредоточил свое внимание на постели. Я не спускал с него глаз, потому что чувствовал, что от Юджина Корбека в значительной степени зависит решение вопроса, которым мы занимались. Нельзя сказать, что он не внушал мне доверия, этот человек обладал кристальной честностью, и именно этого качества нам следовало опасаться. Его действиям была присуща смелая простота, но если бы он счел своей обязанностью хранить тайну, то держался бы до последнего. А наша неосведомленность в этом запутанном деле означала беспомощность. Любые факты из прошлого хозяина дома, возможно, пролили бы свет на причину его столь необычного состояния.

Мои размышления странным образом пытались увести меня в сторону; заставив себя сосредоточиться, я продолжал наблюдать. На загорелом обветренном лице Юджина Корбека отражалось бесконечное сожаление, когда он смотрел на своего сломленного непонятным недугом покровителя. Суровый облик Абеля Трелони, не смягчившийся под действием сна, в сочетании с его беспомощностью выражал собой великое поражение. Для нас уже стало привычным наблюдать за решительным могучим человеком, охваченным непроницаемым сном, но я видел, что Маргарет снова ощутила боль, спровоцированную присутствием незнакомца. Тем временем жалость во взгляде нашего гостя сменилась мрачным обещанием расправы над тем, кто оказался причиной этого поражения. Таким образом, вулканическая энергия исследователя нацелилась на вполне определенную цель. Когда же его глаза остановились на сиделке, брови слегка поднялись. Заметив эту реакцию, женщина обменялась взглядами с мисс Трелони и тихо вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Мистер Корбек посмотрел

сначала на меня — естественное желание мужчины говорить скорее с мужчиной, чем с женщиной; затем, вспомнив о приличиях, он обратился к Маргарет:

— Как и когда это началось?

Девушка посмотрела на меня, и я, подчиняясь ее безмолвной просьбе, коротко, не вдаваясь в подробности, рассказал, что мистера Трелони нашли окровавленного, в состоянии ступора в своем кабинете, что была вызвана полиция, а затем его поверенный, мистер Марвин. Слушая меня, Юджин Корбек никак не выражал свою заинтересованность и лишь слегка оживился в конце моего рассказа — когда речь зашла о визите поверенного. Заметив его посветлевший взгляд, я остановился на деталях договора.

— Отлично! Теперь мне ясны мои дальнейшие действия!

Эта фраза, казалось, лишила меня надежды на догадку.

— Что вы имеете в виду?

Его ответ усилил мои страхи:

— Трелони знает, чего хочет. Все его поступки всегда преследовали определенную цель, и мы не должны вмешиваться. Он, очевидно, ожидал каких-то событий и обезопасился со всех сторон.

— Не со всех! — энергично возразил я.— Где-нибудь, очевидно, было слабое место, иначе он не лежал бы здесь!

Спокойствие мистера Корбека меня удивило. Я ожидал, что он сочтет мою реплику серьезным аргументом, но она его не взволновала — по крайней мере, не до такой степени, как я думал. Что-то похожее на улыбку промелькнуло на его смуглом лице, когда он отвечал:

— Это еще не конец! Трелони не зря обезопасил себя. Несомненно, он предусмотрел и такую возможность.

— Вы знаете, чего он ждал? — спросила Маргарет.

Ответ последовал незамедлительно:

— Нет! Могу лишь предположить...— Он резко оборвал себя.

— Что предположить?

Возбуждение в голосе девушки достигло пика. Черты лица Юджина Корбека, казалось, окаменели, но тем не менее он ответил вежливо и с некоторой сердечностью:

— Поверьте, я сделал бы все возможное, чтобы успокоить вас. Но у меня есть обязательства.

— Какие обязательства?

— Я должен молчать! — спокойно ответил Корбек.

В комнате повисла напряженная тишина, которую спустя некоторое время нарушила мисс Трелони. Я видел, как в ее взгляде появилась ярость, но перед тем, как заговорить, она сумела взять себя в руки.

— И все же каково было то срочное дело, по которому вы хотели видеть отца?

Непоколебимое спокойствие Юджина Корбека быстро, как в пантомиме, сменилось трагической серьезностью.

— Бог ты мой! — воскликнул он и яростно ударил рукой по подлокотнику кресла, в котором сидел. Сдвинув брови, мистер Корбек продолжал: — Меня постигла неудача — именно сейчас, когда до успеха был один шаг! А мистер Трелони лежит здесь абсолютно беспомощный и не может дать мне совета, а я должен держать язык за зубами и к тому же не могу двинуть ни рукой, ни ногой, не зная его желаний!

— В чем же дело? Пожалуйста, скажите нам! Я так тревожусь о своем дорогом отце! Неужели какая-нибудь новая беда? Надеюсь, нет? Не могли бы вы сказать хоть что-нибудь, что могло бы уменьшить эту ужасную тревогу и неуверенность? — Маргарет умоляюще смотрела на него.

Наш гость поднялся с кресла.

— Увы! Не могу, не имею права вам что-то говорить. Это его тайна.— Он указал на кровать.— И тем не менее... тем не менее я пришел сюда за его советом. А он лежит здесь беспомощный... Время летит! Не исключено, что скоро будет слишком поздно!

— Что же это? Что же это...— перебила его девушка с болезненной гримасой на лице.— Говорите же хоть что-нибудь! Такая таинственность убивает меня!

Мистер Корбек, очевидно, призвал на помощь все свое самообладание.

— Я не могу говорить с вами о деталях, но у меня огромная потеря. Моя работа, на которую у меня ушло три года, увенчалась успехом. Я нашел все, что просил мистер Трелони, и более того, я успешно довез это сюда. Сокровища сами по себе бесценны, но вдвойне драгоценны для него, так как я искал их по его желанию. Я прибыл в Лондон вчера вечером, а когда проснулся сегодня утром, то обнаружил, что мой уникальный груз украден, причем каким-то таинственным способом. Ни одна душа в Лондоне не знала о моем приезде. Никому, кроме меня, не было известно, что хранится в старой потертой сумке. В моей комнате — а она находится на пятом этаже, так что никто не мог влезть через окно — только один выход, дверь была заперта на замок и защелку. Опять-таки, я сам закрыл окно и запер его на щеколду, потому что стремился обезопасить себя со всех сторон. Утром оказалось, что к щеколде никто не прикасался. И тем не менее моя сумка была пуста. Светильников там не оказалось!.. Ну вот, проболтался. Итак, я поехал в Египет, чтобы отыскать древние светильники, которыми интересовался мистер Трелони. С неимоверным трудом, пройдя через множество опасностей, я их нашел и к тому же успешно довез их. А теперь!

Махнув рукой, Корбек в огорчении отвернулся. Даже для его крепкой натуры ощущение потери было невыносимым.

Маргарет, подойдя к Юджину Корбеку, коснулась его плеча. Я смотрел на нее в изумлении. Горечь и боль, которые, казалось, овладели ею целиком, неожиданным образом превратились в решимость. Девушка выпрямилась, ее глаза сияли, она вся излучала энергию. Какая сильная натура! Очевидно, мои глаза выдавали восхищение, но я не мог отвести от нее взгляда.

— Мы должны действовать — и немедленно! Желание моего отца должно быть выполнено... если мы можем это сделать. Мистер Росс, вы юрист. У нас в доме человек, которого вы считаете лучшим сыщиком Лондона. Мы, несомненно, обязаны что-нибудь предпринять. Начнем, не медля ни минуты!

Ее энтузиазм заразил и мистера Корбека.

— Отлично! Вы достойная дочь своего отца! — только и сказал он.

Я двинулся к двери, собираясь пригласить сержанта Доу, и по благожелательному взгляду Маргарет понял, что она одобряет мои намерения. Я уже переступил порог, когда мистер Корбек окликнул меня.

— Подождите минуту,— сказал он.— Пока мы не ввели в ситуацию новое лицо, вы обязаны себе уяснить, что он не должен знать известных вам фактов, а именно: светильники — предмет длительного, трудного и опасного поиска. Все, что я

могу ему сказать, и все, что ему следует узнать из любого другого источника, это то, что украдена моя собственность. Я должен буду описать лампы,— кстати, одна из них сделана из золота, и я боюсь, что вор, не подозревая об исторической ценности этого сокровища, расплавит ее, чтобы скрыть следы. Я с удовольствием бы заплатил в десять, двадцать... в тысячу раз больше, чем стоит это золото, лишь бы светильник не превратился в слиток металла. Я расскажу детективу только самое необходимое. Так что, пожалуйста, позвольте *мне* отвечать на все его вопросы, если, конечно, я не попрошу ответить вас.

Мы кивнули. Однако у меня возникла одна идея, которой я поспешил поделиться:

— Кстати, если необходимо держать язык за зубами, лучше обратиться к частному детективу. Если Скотленд-Ярд что-то узнает, то хранить тайну станет невозможным. Я побеседую с сержантом Доу — возможно, он сможет расследовать это дело частным образом и будет молчать.

Мистер Корбек сразу же ответил:

— Тайна — это главное. Мой бог, как я боюсь, что светильники будут уничтожены!

К моему крайнему удивлению, мисс Трелони мгновенно отреагировала на его фразу, сказав тихим, но решительным голосом:

— Они не будут уничтожены, ни один из них!

Наш гость едва ли не открыл рот от изумления.

— Откуда вы можете это знать? — спросил он после небольшой паузы.

Ее ответ был еще более загадочным:

— Не знаю, откуда мне это известно... но тем не менее это так.

Глава VIII

СВЕТИЛЬНИКИ НАШЛИСЬ

Сержант Доу сначала высказал мне все свои сомнения по этому поводу, но наконец согласился проконсультировать нас. Внимательно глядя на меня, он произнес:

— Вам следует помнить, что я могу только дать совет; но если потребуются конкретные действия, очевидно, буду вынужден обратиться к начальству.

Я оставил его в кабинете и отправился за Маргарет и мистером Корбеком. Не успели мы выйти из комнаты, как сиделка заняла свое место у кровати Абеля Трелони.

С какой осторожной и хладнокровной точностью наш гость рассказал детективу о своем деле! Казалось, он ничего не скрывал, но тем не менее подробно не распространялся по поводу пропавших предметов, представив все так, словно речь шла о рядовой краже в отеле. Зная, что единственной целью Юджина Корбека было найти светильники до того, как их могут испортить, я восхищался его редким даром — говорить по существу дела, ловко скрывая детали, и при этом создавая впечатление подробного рассказа. Да, этот человек научился многому на восточных базарах и с помощью западного интеллекта обошел своих учителей!

Детектив, внимательно выслушав его, ненадолго задумался, затем спросил:

— Горшок или весы?

— Что это значит? — Мистер Корбек, сдвинув брови, уставился на него.

— Это старое выражение бирмингемских воров, однако сейчас воровской жаргон многим известен. Прежде в Бирмингеме мастерские по обработке металлов находились чуть ли не на каждой улице, поэтому в небольших количествах металлы можно было купить недорого, если не спрашивать, откуда они взялись. Обычно задавали только один вопрос: нужен ли товар в виде слитка (а горшок для плавки всегда стоял на огне) или требовалось сохранить форму предмета (тогда его взвешивали). Этим делом занимаются и до сих пор, и не только в Бирмингеме. Многое зависит от того, понятно ли вору, что вещь стоит дороже содержащегося в ней металла, и в этом случае он будет иметь дело с человеком, который может переправить ее дальше — в Америку или Францию, например. Кстати, кроме вас, кто-нибудь мог бы определить, что это именно те самые, разыскиваемые вами светильники?

— Кроме меня — никто.

— Существуют ли другие, похожие на них?

— Не знаю,— мистер Корбек пожал плечами,— но, возможно, таковые имеются.

Детектив, помолчав, спросил:

— А смог бы какой-нибудь другой знающий человек — из Британского музея, например, или торговец антиквариатом, или коллекционер, как мистер Трелони,— оценить их художественную ценность и, соответственно, стоимость?

— Конечно! У кого есть голова на плечах, с первого взгляда поймет, что это ценные вещи.

Лицо детектива просветлело.

— Тогда еще есть шанс. Если дверь и окно были заперты, то эти светильники не могли быть украдены случайно, горничной или чистильщиком обуви. Кто бы это ни был, он нацеливался именно на них и не расстанется с добычей, не заполучив за них достойную цену. Нет необходимости сообщать в Скотленд-Ярд, если вы этого не желаете. Мы можем провести расследование частным образом.

После паузы мистер Корбек спросил:

— У вас есть какие-либо предположения о том, как была совершена эта кража?

На губах полицейского появилась улыбка знающего и опытного человека.

— Разумеется, сэр. Все эти таинственные преступления в конце концов оказываются на удивление простыми. Преступник знает свою работу, он постоянно наготове, ожидая удобный случай. Более того, он по опыту знает, каковы могут быть эти удобные случаи и как они обычно возникают. Жертва соблюдает осторожность, но ей не известны все трюки, которые могут быть для нее подготовлены, и, сделав ту или иную малейшую ошибку, она попадает в ловушку. Когда мы узнаем все об этом деле, вы поразитесь, что не заметили вполне очевидных вещей.

Мистер Корбек, казалось, слегка обиделся:

— Послушайте, сэр, в этом деле все не так просто — кроме того, что вещи украдены. В окне нет форточки, и оно было закрыто, камин заложен кирпичами. В комнату вела только одна дверь, которую я запер на замок и задвижку. Ночью из комнаты я не выходил. Перед тем как лечь спать, я все осмотрел и проверил свои вещи еще раз. Когда я проснулся, светильники были украдены. Если вы можете найти здесь признаки простой кражи, то вы умный человек.

Маргарет коснулась его руки, пытаясь успокоить раздосадованного гостя, и тихо сказала:

— Не огорчайтесь понапрасну. Я уверена, что они отыщутся.

Сержант Доу повернулся к ней так резко, что я в это же мгновение вспомнил о его подозрениях насчет нее, и спросил:

— Могу ли я узнать, мисс, на чем основывается ваше мнение?

Я боялся услышать ее ответ, обращенный к человеку, не доверяющему ей, но все равно ее слова отдались во мне новой болью:

— Не могу сказать вам, откуда я это знаю. Но я в этом уверена!

Детектив молча смотрел на нее некоторое время, затем бросил быстрый взгляд на меня. Потом он еще немного поговорил с мистером Корбеком, выясняя всевозможные детали, касающиеся отеля, номера и украденных светильников, и покинул нас. Вслед за ним откланялся и наш гость, пообещав, что после того, как устроит некоторые свои дела, вернется рано утром и остановится в доме мисс Трелони.

Бóльшую часть дня мы провели, разглядывая антикварные редкости, собранные мистером Трелони. Со слов Юджина Корбека я уже получил некоторое представление о масштабах его исследований Египта, и в этом свете все вокруг меня начало приобретать новые краски, а недавнее безразличие сменялось восхищением. Этот дом теперь казался мне настоящим музеем древнего искусства. В дополнение к экспонатам разных размеров, находившимся в огромном кабинете мистера Трелони, в огромном зале, на лестничных площадках и в комнатах было множество других, от огромных саркофагов до крошечных скарабеев. Все это наверняка вызвало бы зависть у любого коллекционера.

Маргарет с растущим интересом осматривала все вокруг. Перебирая изящные статуэтки и таинственные амулеты, рас-

полагавшиеся на полках многочисленных шкафов, девушка заметила:

— Прежде они казались мне частью обстановки. Наверное, так же люди относятся к семейным портретам, воспринимая их как нечто само собой разумеющееся. Вы не поверите, но я совсем недавно стала обращать внимание на эти вещи, и теперь они привлекают меня все больше и больше. Интересно, не проявление ли это родственной связи с коллекционером? Если так, то странно, что раньше я ее не ощущала. Как чудесно мы с вами проведем время, рассматривая коллекцию!

Последняя фраза привела меня в самый настоящий восторг. Итак, мы вместе блуждали по многочисленным комнатам дома, восхищаясь чудесными вещами. Их там было столько, что поначалу мы ограничились беглым осмотром, но потом нам захотелось более подробно ознакомиться с каждым экспонатом и, осматривая их день за днем, постепенно изучить.

В зале располагалось что-то вроде большой стальной рамы, украшенной цветочным орнаментом, которую, по словам Маргарет, ее отец использовал для подъема каменных крышек саркофагов. Сама рама оказалась не слишком тяжелой, так что ее можно было легко передвигать. Мы по очереди поднимали крышки и рассматривали бесконечные ряды рисунков и иероглифов, вырезанных на саркофагах. Несмотря на признание в собственном невежестве, Маргарет было известно о них более чем достаточно из бесед с отцом. Прожитый вместе с ним год способствовал расширению ее кругозора. Мисс Трелони обладала замечательным умом и хорошей памятью, так что ее познаниям могли бы позавидовать многие ученые. Единственное, в чем девушку можно было упрекнуть, так это в наивности и простоте ее высказываний. Ей была присуща такая свежесть во взглядах и мнениях, что в ее компании я снова почувствовал себя юным. А все беды и тайны, обрушившиеся на этот дом, казалось, отступили...

Из саркофагов, на мой взгляд, самыми интересными были, без сомнения, те три, что находились в кабинете мистера Трелони. Два — из темного камня: один — из порфира, а другой из неизвестного мне минерала, похожего на бурый железняк. Что касается третьего, он был сделан из желто-коричневого камня, напомнившего мне мексиканский оникс, но его естественный

рисунок был выражен меньше, причем в некоторых местах камень выглядел почти прозрачным. И нижнюю часть, и крышку покрывали сотни, а может быть, и тысячи мелких иероглифов сине-зеленого цвета. Саркофаг был длинным, футов девять, и, возможно, ярд в ширину. Волнистые края и изящно изогнутые углы радовали глаз, на них было приятно смотреть.

— Поистине,— сказал я,— он, должно быть, предназначался для гиганта.

— Или для великанши,— согласилась со мной Маргарет.

Я обратил внимание на весьма существенную деталь: дно этого саркофага было сделано по форме человеческой фигуры. Все остальные, из какого бы материала они ни были сделаны — гранита, порфира, железняка, базальта, сланца или дерева,— отличались простотой форм. На самом деле саркофаги во многом походили на каменные или мраморные ванны римлян, которые я когда-то видел. У некоторых внутренняя поверхность была чистой, у других ее целиком или частично покрывали иероглифы. Я поинтересовался у Маргарет, что ей известно по этому поводу. В ответ она лишь вздохнула:

— Отец не хотел говорить. Разумеется, странный саркофаг тоже привлек мое внимание; но отец сказал следующее: «Когда-нибудь я расскажу тебе об этом, малышка, если доживу! Но не сейчас! Когда-нибудь, и, возможно, скоро, я узнаю все, и тогда мы вместе этим займемся. Ты убедишься, что это весьма интересная история — от начала и до конца!» Только один раз после этого я ему напомнила, и, боюсь, слегка легкомысленно: «Не расскажешь ли ту историю о саркофаге, отец?» Он покачал головой, посмотрел на меня очень серьезно и ответил: «Еще нет, но это будет — если доживу!» Его слова, надо признаться, меня очень испугали, и я больше не возвращалась к этой теме.

Рассказ Маргарет более чем заинтересовал меня — не знаю почему, но это было похоже на какой-то проблеск надежды. Бывают моменты, когда мышление сразу принимает что-то на веру. До сих пор мы пребывали в полном неведении в отношении мистера Трелони и того странного нападения, которому он подвергся, поэтому сейчас все, что могло навести нас на какой-либо след, даже самый слабый и сомнительный, приобретало оттенок уверенности и определенности. Здесь мы имели дело с двумя моментами. Во-первых, мистер Трелони связывал с

— Конечно! Буду очень рада! — ответила она с улыбкой.— Отец говорил, что его отделка совершенна как внутри, так и снаружи.

Шкафчик был сделан из красного дерева с инкрустацией и отделан позолоченной бронзой. Я начал было вытаскивать один из ящиков, заинтересовавшись внутренней отделкой, но внутри что-то покатилось и загремело. Послышался звук удара металла о металл.

— Ого! — заметил я.— Там что-то есть. Я тогда лучше не буду открывать.

— Насколько я знаю, ящик пуст,— сказала она.— Хотя... может быть, горничная положила туда что-то и забыла предупредить меня. Все равно, открывайте!

Я вытянул ящик, и мы в изумлении отступили. Внутри оказалось семь древних египетских светильников самых различных размеров и форм. Наклонившись, мы стали их внимательно рассматривать. Мое сердце билось, как паровой молот; и по движению груди Маргарет я видел, что она тоже необычайно взволнована.

Пока мы смотрели на светильники, не решаясь к ним прикоснуться, внизу раздался звонок, и спустя некоторое время в будуар вошли мистер Корбек и сержант Доу. Юджин Корбек быстро подошел к нам и мрачным тоном произнес:

— Дорогая мисс Трелони, мы с детективом осмотрели весь мой багаж, и там все на месте.— Затем, еще более помрачнев, добавил: — Если не считать светильников. Светильников, которые стоили в тысячу раз больше всего остального...

Он замолчал, пораженный необычной бледностью ее лица. Затем его глаза остановились на лампах в ящике.

— Мои светильники! Мои светильники! С ними все в порядке! В порядке! Но как, бога ради, ради всех богов, как они здесь очутились?

Мы молчали. Детектив громко вздохнул. Я посмотрел на него, а он, встретившись со мной взглядом, почти мгновенно перевел его на Маргарет. В его глазах виднелась та же самая подозрительность, которая была в них, когда он говорил мне, что мисс Трелони всякий раз первой обнаруживала своего отца после нападений.

Глава IX

НЕДОСТАТОК ЗНАНИЙ

Юджин Корбек почти обезумел от радости — светильники нашлись! Он брал их по одному, с восхищением рассматривал, нежно гладил, шумно дыша от восторга и возбуждения. Сержант Доу наконец заговорил, и его голос прозвучал явным диссонансом:

— Вы вполне уверены, что это те самые светильники, которые были у вас украдены?

— Несомненно! — Мистер Корбек в изумлении уставился на него.— Конечно, я уверен! Другого такого комплекта светильников нет нигде в мире!

— Откуда вам это известно? В Британском музее, несомненно, могут быть подобные им, или эти находились в коллекции у мистера Трелони. Нет ничего нового под солнцем, как вам известно, мистер Корбек, даже в Египте.— Настойчивый тон детектива, казалось, свидетельствовал о том, что у него есть для этого некий повод. Он продолжал: — Возможно, перед нами оригиналы, а у вас были копии. Есть ли какие-то особые признаки, по которым вы можете определить, что светильники ваши?

Мистер Корбек на этот раз не на шутку рассердился. Забыв о сдержанности, он излил свое возмущение в виде потока отрывочных фраз:

— Определить! Копии! Британский музей! Проклятье! Может быть, такой набор есть в Скотленд-Ярде, чтобы преподавать идиотам-полицейским египтологию! Знаю ли я их? Я три месяца нес их по пустыне, спрятав на себе, и ночь за ночью проводил без сна, охраняя их! Да я часами рассматривал их через лупу, пока у меня глаза не начинали болеть, пока каждая мельчайшая царапина, вмятина или пятно не стали мне знакомыми, как карта капитану! Молодой человек, взгляните! — Он поставил семь светильников в ряд на шкафчике.— Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? Посмотрите на них! Вы когда-нибудь видели такие — даже в Скотленд-Ярде, даже на Боу-стрит? Смотрите! На каждом изображена богиня Хатхор в разных ипостасях. Посмотрите, вот фараон в короне двух Египтов,

увенчанной уреем, плывет в царство мертвых рядом с Ра и Осирисом. Вы такое видели в Скотленд-Ярде или на Боу-стрит? Или, может быть, из ваших исследований в музеях Гизы, Парижа, Лейдена и Берлина вам известно, что эта сцена очень популярна среди египтологов? А что означает эта фигура Птаха-Сокара-Осириса, держащего Тота? Вы такое видели раньше, хотя бы в Британском музее или в Скотленд-Ярде?

Внезапно он замолчал и, переведя дух, продолжал уже совершенно другим тоном:

— Послушайте! Какой же я идиот! Я прошу у вас прощения за свою грубость. Я просто потерял контроль над собой, когда услышал ваше предположение о том, что я никогда не видел этих светильников. Но вы не гневаетесь, а?

Детектив добродушно ответил:

— Нет, сэр, только не я. Мне нравится наблюдать, как люди сердятся, когда я имею с ними дело,— тогда я понимаю, на чьей они стороне. Когда люди в гневе, тогда вы и узнаете от них правду. Я держусь спокойно, это моя профессия! Вы знаете, за эти две минуты вы рассказали мне об этих светильниках больше, чем тогда, когда описывали их, чтобы я мог их опознать.

Мистер Корбек крякнул, недовольный тем, что выдал себя. Повернувшись ко мне, он спросил:

— Теперь скажите мне, как вам удалось их заполучить?

Я был так поражен, что ответил не думая:

— Мы тут ни при чем!

Путешественник звонко расхохотался.

— Что вы этим хотите сказать, черт побери? — спросил он.— Мы вас застали за тем, что вы их разглядывали.

К этому времени я справился со своим изумлением и вполне владел собой.

— В этом-то все и дело,— сказал я.— Мы случайно на них наткнулись, именно в тот момент, когда вы вошли!

Юджин Корбек, отстранившись, внимательно смотрел на нас с мисс Трелони, переводя взгляд с одного на другого, затем спросил:

— Вы хотите мне сказать, что никто их сюда не приносил и вы нашли их в шкафчике?

— Думаю, кто-то все же должен был их сюда принести; они не могли здесь очутиться сами по себе. Но кто это был, когда и

как это произошло, мы не знаем. Может, кому-нибудь из слуг известно? — ответила мисс Трелони.

В комнате повисло напряженное молчание. Пауза затягивалась, наконец ее прервал сержант Доу:

— Черт меня побери! Но я ничего не понимаю, извините, мисс,— и он развел руками.

Мы вызывали слуг по одному и спрашивали их, не знают ли они чего-нибудь о предметах, положенных в шкафчик будуара, разумеется не показывая светильников. Этот допрос не дал никаких результатов.

Мистер Корбек, упаковав светильники в вату, поместил их в жестяную коробку, которую, кстати замечу, отнесли в комнату детективов. Специально вызванный полицейский охранял ее всю ночь, вооружась револьвером. На следующий день был доставлен небольшой сейф, и мы поместили светильники в него. Сейф отпирался двумя различными ключами. Один из них я держал при себе, а другой положил в свой сейф в банке. Мы были полны решимости не допустить повторной утраты светильников.

Вечером того дня, когда мы нашли светильники, появился доктор Уинчестер с большой коробкой. Когда он ее открыл, выяснилось, что там мумия кошки. С разрешения мисс Трелони я отнес ее в будуар, и туда впустили Сильвио. К нашему всеобщему удивлению (исключая доктора), кот вообще никак не отреагировал на мумию. Затем, следуя своему плану, Уинчестер, сопровождаемый нами, отнес Сильвио в комнату мистера Трелони. Доктор не пытался скрыть своего возбуждения, а Маргарет — тревоги. Что касается меня, то я тоже волновался, так как начал понимать, в чем состоит идея Уинчестера. Детектив держался с холодным и спокойным высокомерием; мистер Корбек, напротив, был оживлен и полон энтузиазма.

Как только доктор внес кота в комнату, Сильвио громко замяукал и стал выворачиваться из его рук. Наконец его попытки увенчались успехом, кот стрелой понесся к мумии и стал яростно царапать раскрашенный саркофаг. Мисс Трелони с трудом поймала его и поспешила за дверь. Оказавшись за пределами комнаты, Сильвио мгновенно успокоился. Когда Маргарет возвратилась, мы обменялись репликами:

— Я так и думал! — сказал Уинчестер.

— Что это может значить? — спросила мисс Трелони.

— Очень странно! — удивился Юджин Корбек.

— Странно, но ничего не доказывает,— усмехнулся сержант Доу.

— Никаких соображений по этому поводу! — Я пожал плечами: надо было хоть что-то сказать.

Затем, по общему согласию, обсуждение этой темы решили перенести на другое время.

Вечером у себя в комнате я делал некоторые заметки в дневнике о произошедших событиях, когда раздался стук в дверь. Вошел сержант Доу и тщательно закрыл за собой дверь.

— Ну, сержант,— сказал я,— садитесь. В чем дело?

— Я хотел поговорить с вами, сэр, об этих светильниках.

Я кивнул, приготовясь слушать, но он молчал. Наконец детектив прервал затянувшуюся паузу.

— Вы знаете, что комната, в которой их нашли, смежная со спальней мисс Трелони?

— Да.

— Ночью в той части дома открылось и снова закрылось окно. Я почти мгновенно отреагировал на этот звук — обошел вокруг здания,— но ничего не заметил.

— Да, мне тоже показалось, что где-то звенело стекло,— согласился я.

— Вы не думаете, что здесь происходит нечто странное, сэр?

— Странное! — Я покачал головой.— Странное! Это самая поразительная, сводящая с ума вещь, с которой мне приходилось сталкиваться в жизни. Это все настолько необычно, что никто ничему не удивляется и все просто ждут, что же произойдет дальше. Но что кажется странным вам?

Детектив помолчал, подбирая слова, затем нерешительным тоном продолжил:

— Видите ли, я не из тех, кто верит в магию и прочее. Предпочитаю иметь дело с фактами, и в конце концов оказывается, что все можно объяснить. Этот джентльмен утверждает, что светильники были украдены из его комнаты в отеле. Судя по некоторым его словам, я понял, что они на самом деле принадлежат мистеру Трелони. В тот вечер, когда было совершено похищение, мисс Трелони почему-то решает поменять спальню и отправляется спать на первый этаж. Ночью было слышно, как

открывается и закрывается окно. И что же? Мы обнаруживаем украденные вещи в комнате, находящейся рядом с той, в которой она спала!

Он остановился. Тревога и боль за девушку вспыхнули в моем сердце с новой силой. Однако же ситуация требовала разрешения. Это касалось наших отношений с Маргарет, моих чувств к ней, которые, как я теперь прекрасно осознавал, были не чем иным, как любовью и уважением. Я старался говорить по возможности спокойно, зная, что острые глаза сыщика нацелены на меня.

— И какой же здесь вывод?

Он ответил с холодной дерзостью убежденного человека:

— Полагаю, что кражи вообще не было. Кто-то принес эти вещи в дом и передал их кому-то через окно на первом этаже. Их положили в шкафчик с той целью, чтобы они были найдены в подходящее время!

Почему-то я почувствовал облегчение — предположение само по себе было слишком чудовищным. Однако мне не хотелось подавать виду, поэтому я ответил как нельзя более серьезным тоном:

— И кто же, вы думаете, принес их сюда?

— Этот вопрос остается открытым. Возможно, сам мистер Корбек. Доверяться какому-то третьему лицу было бы слишком рискованно.

— Тогда естественным продолжением ваших выводов явится то, что мистер Корбек лжец и у него есть тайные дела с мисс Трелони.

— Ваши слова слишком резки, мистер Росс. Они прямо направлены против конкретных людей, и тогда насчет них возникают новые сомнения. Но я предпочитаю следовать здравому смыслу. Может быть, мисс Трелони здесь и замешана, но насчет Корбека я уверен. Эти светильники не могли быть взяты без его ведома. Мне кажется, опасно оставлять его в доме, где хранится такое количество ценных вещей, но, с другой стороны, это даст нам с напарником возможность за ним наблюдать. Мистер Корбек сейчас в моей комнате, сторожит эти светильники, но и Джонни Райт тоже там. Кстати, мистер Росс, хочу напомнить: все, что я говорил, должно остаться между нами.

— Само собой! Вы можете быть уверены в моем молчании,— сказал я, и Доу отправился следить за египтологом.

Не успел я как следует осмыслить только что закончившийся разговор, как с визитом явился доктор Уинчестер, который, осмотрев своего пациента, собирался идти домой. Расположившись в предложенном ему кресле, он сразу же заговорил:

— Мисс Трелони только что рассказала мне об украденных светильниках и о том, как их нашли в шкафчике. Это, по-видимому, еще более усугубляет тайну, но тем не менее я испытываю облегчение, потому что уже исчерпал все естественные и человеческие объяснения этого дела и начал верить в сверхъестественные и сверхчеловеческие. Здесь происходят такие странные вещи, и если я не сойду с ума, то думаю, что нам уже недалеко до разгадки. Хотелось бы задать несколько вопросов мистеру Корбеку — чтобы не было дальнейших осложнений и проблем. Мне нужна его помощь. Он, по-видимому, необычайно много знает о Египте и обо всем, что с ним связано. Может быть, вы попросите его и он согласится перевести небольшой отрывок иероглифического текста — полагаю, для него это детская игра. Как вы считаете?

Я задумался. Безусловно, мы нуждались в каждой крупице информации. Ни доктор, ни Корбек не вызывали у меня никаких сомнений в плане доверия им обоим, к тому же любое сравнение мнений и взаимопомощь могли бы дать хорошие результаты.

— Обязательно его об этом попрошу. Он производит впечатление человека, сведущего в египтологии, и, я думаю, он хороший парень и энтузиаст. Но постарайтесь, чтобы те сведения, которые вы получите от него, не стали доступны чужим ушам.

— Конечно! — кивнул он.— Я вообще не собираюсь никому об этом говорить, кроме вас. Нужно помнить, что, когда мистер Трелони выздоровеет, ему может не понравиться то, что мы суем нос в его дела.

— Хорошо. Давайте сделаем так: я попрошу Корбека зайти сюда и выкурить с нами трубку. Мы сможем все обсудить.

Уинчестер одобрил мое предложение, и я отправился за Юджином Корбеком. Мне показалось, что детективы были рады, что он уходит. По дороге мистер Корбек заметил:

— Мне совсем не нравится оставлять светильники под охраной только этих полицейских. Они ведь не понимают их истинной ценности!

Едва мистер Корбек и доктор Уинчестер обменялись парой фраз и оценивающе оглядели друг друга, как мне сразу стало понятно, что они понравились друг другу. Наш ученый гость согласился помочь нам, если, добавил он, это не будет нечто такое, о чем он не имеет возможности нам рассказать.

— Мне бы хотелось, чтобы вы перевели небольшой текст.

— Пожалуйста, с большим удовольствием, если смогу. Потому что, должен вам сказать, иероглифическое письмо еще не полностью расшифровано, но мы идем к цели! Да-да, цель близка! Какого рода текст? Надпись?

— Их две,— ответил доктор.— Я принесу одну из них.

Он вышел и через минуту вернулся с мумией кошки, которую раньше показывал Сильвио. Ученый взял ее в руки и после недолгого осмотра сообщил нам:

— Здесь нет ничего особенного. Это воззвание к Баст, Правительнице Бубастиса, с просьбой дать богатые хлеба и молоко. Внутри, может быть, написано еще что-нибудь, и, если вы пожелаете ее распеленать, я опять-таки сделаю, что смогу. Не думаю, однако, что здесь скрывается нечто особенное. По тому, как завернута мумия, можно сделать вывод, что она из Дельты и относится к периоду, когда подобное мумифицирование было дешевым и широко распространенным. Где же другая надпись?

— Надпись на мумии кошки в комнате мистера Трелони.

Лицо Юджина Корбека вытянулось.

— Нет! — энергично тряхнул он головой.— Я не могу этого сделать! Ввиду всех происходящих событий я просто обязан соблюдать тайну в отношении вещей, находящихся в комнате мистера Трелони.

Мы с доктором Уинчестером едва ли не хором воскликнули:

— Обязан соблюдать тайну?

Мистер Корбек пожал плечами:

— Поймите меня правильно: я не давал каких-то определенных обязательств, но уважаю мистера Трелони и ценю доверие, которое он мне оказывает. У него есть определенные цели относительно многих предметов в этой комнате, и мне, его до-

веренному лицу и другу, не подобает говорить об этих намерениях. Мистер Трелони, как вы знаете, ученый, великий ученый. Этот человек в течение долгих лет стремится достигнуть определенных результатов, не жалея ни сил, ни средств, пренебрегает опасностями, не думает о себе. Он на пути к открытию, которое поставит его в один ряд с самыми великими исследователями и первооткрывателями нашего времени. А теперь, именно в тот момент, когда дорог каждый час, я вижу его недвижно лежащим в постели!

Эмоции переполняли его, и он остановился, однако спустя несколько секунд сумел успокоиться и продолжил:

— Опять же, прошу меня правильно понять еще в одном вопросе. Мои слова о том, что мистер Трелони доверял мне, вовсе не означают, что я осведомлен обо всех его планах. Мне известен изучаемый период и вполне конкретное историческое лицо, чьей жизнью он интересовался, а также то, какие записи были им расшифрованы — одна за другой с бесконечным терпением. Но кроме этого, я не знаю ничего. Нисколько не сомневаюсь в том, что у него есть какая-то цель, к которой он придет по завершении этой работы. В чем она состоит — могу только догадываться, но сказать что-либо определенное — увы! Помните, пожалуйста, джентльмены, что я добровольно согласился не претендовать на ваше полное доверие, на то, что вы расскажете мне все о том, что произошло в этом доме. И этот договор я соблюдаю, поэтому должен просить всех своих новых знакомых поступать так же.

Он говорил с большим достоинством, и с каждой минутой мое уважение к нему росло. Я обменялся взглядом с доктором. Судя по всему, Уинчестер разделял мои чувства.

— Я сказал достаточно много и осознаю, что даже такой легкий намек, который содержится в моих словах, может поставить под сомнение... нет, провалить всю его работу. Но я уверен, что вы оба хотите помочь ему... и его дочери,— добавил он, глядя мне прямо в глаза,— сделать все, что в ваших силах, без каких-либо корыстных побуждений. Мой бог! Он лежит не шевелясь, и это настолько таинственно, что нельзя не предполагать — подобное состояние в какой-то мере результат его собственной работы. Нет сомнений, в его расчеты закралась неточность. Бог знает, мне хотелось бы сделать все, что смогу,

использовать все мои знания. Я прибыл в Англию, воодушевленный мыслью, что выполнил его поручение. Мне удалось раздобыть то, что он называл «последними предметами», которые ему надо было найти... Я был уверен, что теперь он сможет начать тот эксперимент, на который часто мне намекал. Это ужасно, что именно сейчас с ним стряслась такая беда. Мистер Уинчестер, вы врач, и если ваши глаза не лгут, а лицо выражает то, кем вы являетесь на самом деле, то я вижу перед собой умного и смелого врача. Нет ли способа, при помощи которого вы могли бы вывести Абеля Трелони из этого неестественного ступора?

После непродолжительной паузы доктор заговорил, тщательно подбирая слова:

— Насколько мне известно, обычных средств не существует. Не исключено, что имеются средства необычные. Но бессмысленно пытаться их найти, если не будет соблюдено одно условие.

— Какое?

— Наличие определенного знания. Я не имею ни малейшего представления о Египте, его языке, письменности, истории, легендах, медицине, ядах, оккультных силах — обо всем, что является сущностью этой таинственной земли. Эта болезнь, или состояние, или... словом, назовите как угодно то, от чего страдает мистер Трелони,— каким-то образом связано с Египтом. Я сразу же заподозрил нечто подобное, и постепенно мое подозрение переросло в уверенность, хотя и бездоказательную. То, что вы рассказали, подтверждает мое предположение и заставляет сделать вывод, что доказательство надо найти. Я думаю, вы не вполне осведомлены о том, что происходило в этом доме, начиная с ночи, когда произошло нападение и нашли мистера Трелони. Теперь, полагаю, нам следует довериться вам. Если мистер Росс не станет возражать, я попрошу его все вам рассказать — он лучше меня умеет излагать факты и сделает самый подробный пересказ того, что он видел своими глазами и слышал от свидетелей, которых опросил,— участников или зрителей произошедшего. Когда вы узнаете все, то вам придется решать, каким образом вы сможете лучше помочь мистеру Трелони в осуществлении его целей — будете продолжать хранить молчание или все-таки заговорите.

Кивком я выразил свое одобрение. Мистер Корбек, вскочив в своей уже привычной нам импульсивной манере, протянул руку каждому из нас.

— Договорились! — воскликнул он.— Вы оказываете мне честь, доверяясь мне; и я в свою очередь обещаю: если решу, что сам мистер Трелони пожелал бы, чтобы я в его интересах нарушил обет молчания, то я буду говорить совершенно свободно.

Итак, я рассказал ему как можно точнее обо всем, что произошло с тех пор, как меня разбудил стук в дверь дома на Джермин-стрит. Единственное, о чем я не стал распространяться,— это мои чувства к мисс Трелони и связанные с этим незначительные детали, а также мои разговоры с сержантом Доу, которые сами по себе носили частный характер и в любом случае должны были оставаться таковыми. Мистер Корбек слушал, затаив дыхание. Иногда наш гость вскакивал и возбужденно шагал по комнате, затем внезапно останавливался и едва ли не падал в кресло. Иногда он порывался что-то сказать, но сдерживал себя. Мне кажется, что этот рассказ помог в том числе и мне самому, так как я уже по прошествии некоторого промежутка времени сумел несколько по-иному оценить ситуацию. Происшествия большие и маленькие, в соответствии с их отношением к этому делу, расположились в определенном порядке. Рассказ стал последовательным, если не считать того, что причина происшедшего нам была неизвестна и казалась еще более таинственной, чем раньше. Однако целый ряд фактов, сомнений, подозрений, предположений превратились в одно убедительное целое, и в этом было несомненное достоинство повествования, составленного из отдельных событий.

Выслушав меня, мистер Корбек не стал заниматься выяснением деталей, а заговорил твердо и решительно, как настоящий мужчина:

— Это меняет дело. Здесь действует некая сила, требующая особого обращения. Если мы будем блуждать в потемках, то начнем путаться друг у друга под ногами и потеряем то направление, в котором могли бы двигаться в поисках правильного решения. Мне кажется, первое, что нам необходимо сделать,— это вывести мистера Трелони из состояния неестественного сна. То, что его можно разбудить, очевидно — выздоровела же сиделка! Хотя неизвестно, какой дополнительный вред ему мог

быть причинен за то время, что он жил в этой комнате. Нам, однако, придется идти на риск. Что же касается вашей просьбы пролить свет на некоторые тайны Египта, то... Мистер Росс, как я понимаю, сегодня ночью вам предстоит дежурить в комнате хозяина дома. Я дам вам книгу, которая поможет с пользой провести время. Мне известна полка, на которой она стояла, когда я был в прошлый раз в библиотеке. Вряд ли она понадобилась мистеру Трелони — он уже давным-давно знаком с тем, что изложено в ней. Но вам необходимо или, по крайней мере, полезно понять некоторые вещи, о которых я сообщу позже. Затем вы сможете рассказать доктору Уинчестеру обо всем, что могло бы ему помочь. Каждый из нас будет решать свою задачу, для чего потребуются время и сообразительность. Кстати, вам необязательно читать всю книгу — только то, что вас заинтересует и, разумеется, поможет разобраться с нашей проблемой. Хотя книга очень занимательна — это описание путешествия по Египту, в то время когда эта страна мало кому была известна. Прочтите предисловие и две-три главы, которые я вам отмечу.

Он тепло пожал руку доктору Уинчестеру, собиравшемуся уходить, и направился в библиотеку.

Пока Юджин Корбек искал книгу, я сидел в одиночестве, предаваясь размышлениям. Мир вокруг представлялся безгранично большим, меня подстерегали неведомые опасности, а та, что являла собой центр моего мироздания... Что ж, ради нее стоило вступить в схватку с таинственным противником, и за нее можно было и умереть!

Не прошло и нескольких минут, как вернулся мистер Корбек с книгой в руках — он нашел ее сразу же, на том же месте, где видел три года назад. Заложив бумажными полосками несколько мест, которые мне следовало прочитать, он вручил ее мне со словами:

— Это то, что чрезвычайно заинтересовало и увлекло мистера Трелони и меня. Считайте эту книгу интересным прологом к особому исследованию — каким бы ни был его эпилог. Если, конечно, кому-нибудь из нас он станет известен.

Задержавшись у двери, он добавил:

— Я хочу взять обратно свои слова насчет детектива. Он отличный парень. То, что вы мне рассказали, в корне изменило

мое отношение к нему. Я сегодня буду спать спокойно, оставив светильники под его присмотром!

Когда он ушел, я захватил с собой книгу и респиратор и отправился выполнять свои обязанности в комнату Абеля Трелони.

Глава X

ДОЛИНА МАГА

Положив книгу на маленький столик, на котором стояла лампа с экраном, я отодвинул экран в сторону. Итак, теперь я мог, отрывая взгляд от книги, видеть и кровать, и сиделку, и дверь. Не могу сказать, что обстановка способствовала возможности сосредоточиться и заняться чтением. Даже беглого взгляда на книгу было достаточно, чтобы понять: она потребует пристального внимания прежде всего еще и потому, что была написана на голландском языке. Кто-то перевел ее, просто написав английские слова под соответствующими голландскими. Поначалу я с трудом разбирал витиеватые буквы двухстолетней давности (книга была издана в Амстердаме в 1650 году), однако через некоторое время обнаружил, что вполне понимаю фразу на английском языке, построенную по синтаксическим правилам голландского. Осталось только привыкнуть к почерку — и тогда чтение не будет вызывать столько затруднений.

Поначалу я слегка тревожился, что мисс Трелони может неожиданно зайти и увидеть книгу у меня в руках. Перед тем как доктор Уинчестер ушел домой, мы договорились между собой, что не будем посвящать ее в детали предстоящего расследования, прежде всего потому, что женское мышление вряд ли сумеет быть объективным перед лицом очевидной тайны. Кроме того, Маргарет как дочь мистера Трелони может оказаться в трудном положении, если станет способствовать нарушению его приказов или даже просто будет знать об этом. Но когда я вспомнил, что она должна сменить сиделку в два часа ночи, мне стало спокойнее: в запасе еще оставалось почти три часа.

В очередной раз оторвав взгляд от ровных строчек, я оглядел комнату. Выздоровевшая сиделка Кеннети находилась на стуле у кровати. Из коридора доносилось тиканье часов — кроме

этих звуков, пожалуй, ничто не нарушало ночную тишину. Свет на страницах книги и успокаивающее зеленое сияние абажура усиливали окружавшую меня темноту. Когда мои глаза вернулись к книге, свет показался ослепительным.

В предисловии автор Николас Ван Хайн из Хорна сообщал о том, что он, увлеченный книгой Джона Гривса под названием «Пирамидография», сам посетил Египет. Его настолько заинтересовали чудеса этой древней страны, что он посвятил несколько лет жизни путешествиям по необычным местам и исследованиям руин многих храмов и захоронений. Николас Ван Хайн из Хорна познакомился со множеством рассказов о том, как строились пирамиды, некоторые из них он записал. Их я читать не стал и сразу перешел к отмеченным страницам.

Однако по мере того, как я углублялся в чтение, во мне стало расти ощущение какого-то тревожного воздействия. Один или два раза я поднимал глаза, чтобы посмотреть, не покинула ли сиделка свое место, так как я чувствовал чье-то присутствие рядом со мной. Мисс Кеннети спокойно сидела на стуле, и я снова возвратился к книге. Путешественник преодолел за несколько дней горы, расположенные к востоку от Асуана, и собирался пересечь долину, простиравшуюся на восток и на запад — вид на нее открывался сразу за широким проходом между скалами. Впрочем, предоставлю слово самому Николасу Ван Хайну — его рассказ я передам, изложив подстрочник на современном английском языке.

«Феллахи решительно отказались входить в долину в такое время, ссылаясь на то, что ночь может застать нас прежде, чем мы пересечем ее. Поначалу они никак не объясняли свой страх, тем более что до сих пор шли куда угодно в любое время, без колебаний. Однако когда я настоял на объяснении, египтяне сообщили, что это место называется Долиной Мага и ночью там никто не смеет появляться. Я попросил их рассказать о маге, но они отказались, утверждая, что ничего о нем не знают. На следующее утро, когда солнце взошло и осветило долину, ночные страхи исчезли. Тогда я услышал рассказ, что в древности — "миллионы миллионов лет назад", по их словам,— здесь был похоронен великий маг, мужчина или женщина, они не знали точно. Что касается имени, то мои спутники утверждали, что

тот, кто осмелится его произнести, исчезнет с лица земли и не сможет снова воскреснуть в Другом Мире. Проходя по долине, они сбились в кучу, стараясь не отстать друг от друга. Они объяснили это тем, что у мага длинные руки, поэтому идти последним опасно. Их слова меня не очень обрадовали, так как мне пришлось оказаться именно на этом почетном месте.

В самой узкой части долины, с южной стороны, возвышалась огромная скала, на одной из ее стен с гладкой и ровной поверхностью, располагавшейся почти отвесно, были высечены кабалистические знаки, фигуры людей и животных, рыб, земноводных и птиц. Среди этих изображений я разглядел солнце, звезды, а также множество причудливых символов, напоминавших человеческие конечности и части лица, например руки и ноги, пальцы, глаза, носы, уши, губы. Скала настолько поразила меня своей необычностью, что я приказал остановиться и почти весь день рассматривал скалу в подзорную трубу. Египтяне были очень напуганы и использовали всевозможные предлоги, чтобы побудить меня идти дальше.

Наступил вечер, но мне так и не удалось найти никакого входа в гробницу, которая, как я подозревал, была скрыта в скале. К этому времени феллахи чуть не взбунтовались, и мне пришлось уйти из долины, так как я не хотел остаться в одиночестве. Но про себя я принял решение вернуться к погребению и исследовать его. С этой целью я пошел дальше в горы, где встретился с арабским шейхом Абу Сома, который пожелал пойти со мной — арабов не связывают суеверные страхи египтян.

Когда я с бедуинами вернулся в долину, мы попытались взобраться по скале. Камень, достаточно плоский и гладкий от природы, был доведен до совершенства людьми. Раньше в скале были сделаны ступеньки, но потом от них решили избавиться — на их месте остались следы пилы, резца и молотка.

Наконец мы оказались на вершине скалы — не стану описывать, сколь замысловатым было это восхождение,— и оттуда спустились на веревках к предполагаемому входу. Он оказался более чем в ста футах от земли, в двух третях высоты скалы, и его закрывала огромная каменная плита. Иероглифы и кабалистические символы, выбитые в скале, были расположены так, чтобы скрыть плиту, она настолько плотно закрывала вход, что

никакой инструмент по камню из тех, что я взял с собой, не входил в зазоры. Я, однако, напрягал все силы и, совершив не один удар, пробил путь к захоронению, поскольку таковым оно и оказалось. Каменная дверь повернулась внутрь, и я прошел в склеп, заметив у входа длинную железную цепь, свешивавшуюся со скобы и сложенную в бухту рядом с дверью.

Гробница была сделана по образцу самых лучших египетских захоронений, с молельной камерой и шахтой, что вела в коридор, заканчивавшийся помещением для мумии. Все стены камеры и проход покрывали странные письмена, ничем не отличавшиеся от тех, что были выбиты на внешней стороне скалы. Огромный каменный гроб, или саркофаг, в глубокой погребальной камере был также сплошь покрыт всевозможными знаками. Материалом для него послужил неизвестный мне редкий по красоте камень. Жаль, что саркофаг нельзя было унести с собой — условия путешествия по пустыне делали это невозможным.

Арабам, которые отважились отправиться со мной, очевидно, были привычны подобные мрачные исследования, поэтому им удалось снять крышку с саркофага, не разбив ее. Внутри саркофага находился деревянный гроб в форме человеческого тела. На его верхней части я увидел в свете факелов изображение прекрасной черноволосой женщины с царскими регалиями. Бедуины удивились: подобная добыча, сказали они, вряд ли стоила таких усилий. Мы вскрыли гроб и увидели мумию, обернутую хлопчатобумажными бинтами, однако одна ее рука покоилась на груди, свободная от покровов. У мумий, которых я видел прежде, ноги и руки были запеленуты...

Я не мог отвести глаз от этой руки, которая в процессе бальзамирования приобрела цвет, напоминавший слоновую кость, которую долго держали на воздухе. Кожа и ногти остались целыми и неповрежденными, причем на руке было семь пальцев — тонких, длинных и очень красивых. Я прикоснулся к руке, пошевелил ее, она оказалась немного гибкой; в это мгновение меня передернуло, и мурашки побежали по телу. Она пролежала без движения столько тысячелетий и все еще походила на живую плоть! Под ладонью, скрытый от посторонних глаз, находился огромный драгоценный камень — рубин не-

обычной величины, потому что рубины обычно бывают мелкими. Его цвет напоминал кровь, освещенную солнцем. Но главное чудо заключалось не в размере или цвете, хотя и они свидетельствовали, как я уже говорил, о необычности камня, а в вырезанных в нем семи звездах, каждая с семью лучами, настолько ясными, как будто небесные светила действительно находились внутри камня.

Этот огромный рубин поразил меня, и я застыл на месте, словно скованный мгновенным параличом. Я стоял, не в силах отвести взгляда и пошевелиться, как и шейх, оказавшийся рядом со мной. Перед нами словно была сказочная голова Медузы Горгоны, вид которой превращал в камень всех, кто на нее смотрел.

Мне внезапно пришло в голову, что я нахожусь в безлюдном месте, с незнакомыми людьми, которые пришли сюда со мной только потому, что не являлись чрезмерно щепетильными. Мы были в тайном склепе мертвеца, в сотне футов над землей, где меня не найдут, да никто и искать не будет. Поэтому про себя я решил вернуться сюда в менее опасном окружении.

Наконец избавившись от наваждения, мы поспешно обследовали захоронение и нашли огромное количество необычных вещей, включая шкатулку странной формы, сделанную из какого-то неведомого камня, в которой, как я думаю, содержались другие драгоценные камни, так как она покоилась внутри большого саркофага. В склепе был также еще один украшенный ларец, более простой формы, но редких пропорций, сделанный из бурого железняка. Крышка его была только слегка прикреплена чем-то вроде смолы, вероятно для того, чтобы внутрь не проникал воздух. Арабы настояли на том, чтобы открыть его, очевидно рассчитывая найти там драгоценности, но их надежды не оправдались. Внутри близко друг к другу располагались четыре сосуда в форме фигурок павиана, шакала, сокола и человека. Мне было известно, что подобные сосуды использовались для хранения внутренностей мумифицированного мертвеца, но когда мы их открыли — это оказалось легко, так как они были запечатаны тонким слоем воска,— то нашли в них только масло. Бедуины, разлив бóльшую часть масла, совали туда руки, надеясь, что там могли быть сокрыты сокровища.

Косые взгляды арабов предупредили меня об опасности. Поэтому, чтобы поторопить их, я постарался возбудить в них суеверные страхи, которые, очевидно, не были чужды и этим грубым людям. Глава бедуинов поднялся из камеры и дал знак тем людям, что были наверху, поднимать нас. Взяв с собой редкостный рубин и несколько амулетов, искусно сделанных из драгоценных камней, я поспешил за ним. Мои спутники не сразу последовали за нами. Полагаю, они снова по собственной воле переворошили весь склеп. Однако я не стал упрекать их в этом. Наконец они пришли.

Первый, кого начали поднимать, оступился, когда достиг верха, и упал вниз. Смерть наступила мгновенно. К счастью, его участь при подъеме не разделил никто из нас. Когда настала моя очередь, то перед уходом я постарался вернуть на место каменную плиту, закрывавшую вход в могилу. Мне хотелось сохранить ее от разграбления, потому что я предполагал вернуться сюда.

Как приятно было видеть яркое солнце и безоблачное небо после тьмы могилы! Я радовался даже тому, что араб, упавший со скалы, нашел свою гибель при солнечном свете, а не в той мрачной пещере, откуда мы вышли. Я предложил найти и похоронить его, и шейх велел двум своим людям сделать это, в то время как мы продолжали свой путь.

Когда мы расположились на ночлег, вернулся только один из посланных и сказал, что львица убила его спутника после того, как они похоронили мертвеца глубоко в песке за пределами долины и навалили сверху много больших камней, чтобы шакалы и другие любители мертвечины не смогли его раскопать.

Позже я заметил, как в свете костра, вокруг которого сидели или лежали люди, он показывал своим приятелям какой-то предмет, который они рассматривали с почтением и благоговением. Тихо подобравшись поближе, я увидел не что иное, как кисть руки мумии! Никакой ошибки: мне удалось разглядеть семь пальцев, а еще — красные пятна на запястье, как будто его опустили в свежую кровь. Я слышал, как бедуин рассказывал, что нашел руку на теле того, кто упал со скалы. Этот человек, должно быть, оторвал ее, когда мы были заняты осмотром гробницы. Судя по благоговению остальных, я не сомневался,

что бедуин надеялся использовать ее в качестве амулета или талисмана. Но если этот талисман и обладал какими-то силами, они наказали того, кто похитил руку у мертвой.

В ту ночь я изо всех сил старался не заснуть, опасаясь, как бы мне не причинили зла, ибо если рука умершей воспринималась как талисман, то какой же ценностью с этой точки зрения обладал редкостный камень, который она охраняла! И хотя о нем знал только шейх, мои сомнения из-за этого были, вероятно, еще сильнее: бедуины безропотно выполняли приказы своего предводителя. При первой же возможности я покину этих людей и отправлюсь сначала к берегам Нила, затем на лодке вниз по течению до Александрии с другими провожатыми, которые не будут знать, что за необычные вещи я везу с собой.

В конце концов я почувствовал, что не могу сопротивляться сну. Опасаясь, что глава бедуинов может обыскать меня спящего и найти драгоценность, я незаметно достал рубин из кармана и, немного полюбовавшись, сжал его в кулаке. Сила свечения камня в отблесках костра и сиянии звезд — так как луны не было — оставалась неизменной; я заметил, что с обратной стороны на нем были вырезаны глубокими штрихами таинственные знаки, похожие на те, что я видел в гробнице. Итак, когда я смежил веки, погружаясь в сон, рубин находился у меня в кулаке.

Разбуженный светом солнечного утра, я сел и огляделся. Костер был потушен, и лагерь обезлюдел, если не считать фигуры, распростершейся неподалеку от меня. Приблизившись к ней, я узнал шейха, который лежал на спине. Лицо его было почти черным, а открытые глаза с ужасом смотрели в небо, как будто бы перед смертью он увидел что-то страшное. Он, очевидно, был задушен, так как на его горле я обнаружил красные следы от пальцев — их было семь. Я задрожал, вспомнив о руке мумии. Существование колдовства не вызывало сомнений!

Когда я наклонился над убитым, кулак моей правой руки, который до этого инстинктивно сжимался, удерживая то, что в нем было, раскрылся. Рубин выпал и ударил мертвеца по рту, откуда сразу хлынула кровь, и красный камень на мгновение затерялся в ее потоке. Я перевернул умершего, чтобы найти драгоценность, и обнаружил, что в его правой руке зажат огромный острый нож — арабы носят такие на поясе. Может быть,

он собирался меня убить и в этот момент его остановили — человек, или Бог, или древние боги, не берусь судить. Я нашел рубин, который сиял, как живая звезда, и, не задерживаясь, поскорее покинул это место. Я шел по жаркой пустыне в одиночестве, пока, по благословению Божьему, не наткнулся на расположившееся у колодца арабское племя. Я не расставался с ними до тех пор, пока не отправился домой. Что стало с рукой мумии, а также с теми, у кого она была, мне не известно. Возможно, какое-нибудь племя пустыни использует ее как талисман силы.

При первой же возможности я исследовал рубин с семью звездами, так как хотел понять, что на нем было вырезано. Символы на нем — их значения я понять не мог — были следующие...»

Дважды, пока мои глаза скользили по строкам этого захватывающего повествования, мне показалось, что я увидел на странице темные полосы, причем разыгравшееся воображение заставило меня принять их за тень от руки. В первый раз, призвав на помощь здравый смысл, я решил, что эта иллюзия возникает из-за бахромы зеленого шелкового абажура на лампе. Однако когда я поднял глаза во второй раз, то невольно уставился на ларец, где хранилась рука мумии; свет звезд, пробивавшийся из-под края занавески, падал на него. Неужели здесь, в этой комнате, рядом со мной действительно находится рука, о которой писал путешественник Ван Хайн?! Я поспешно перевел взгляд на кровать, желая удостовериться, что сиделка все еще спокойно сидит на стуле возле своего подопечного. Ночью, читая подобные истории в окружении таинственных предметов, хорошо иметь поддержку в виде присутствия другого человека.

Я сидел, глядя на книгу перед собой, и от всевозможных мыслей неожиданно закружилась голова. Затем мир и время на мгновение стали неподвижными — на странице лежала настоящая рука! Разумеется, я почти сразу узнал руку, потому что любил ее обладательницу. Тем не менее меня охватило непонятное чувство, которое исчезло еще до того, как голос Маргарет Трелони достиг моего сознания.

— Что с вами? Почему вы так странно смотрите на книгу? Мне показалось, что на вас опять что-то нашло!

Я вскочил с кресла.

— Я читал... старую книгу из библиотеки.— Сказав это, я поспешно закрыл ее и сунул под мышку.— Пойду отнесу ее на место, так как понимаю, что ваш отец желает, чтобы все лежало на своих местах, особенно книги.

Мне не хотелось, чтобы она знала, о чем я читал. Поэтому лучше было не возбуждать ее любопытство, оставив книгу на столе. Я ушел, но не в библиотеку, а к себе в комнату. После того как я высплюсь, у меня будет возможность продолжить чтение.

Когда я вернулся, сиделка Кеннети собиралась идти спать — ее сменила мисс Трелони. Мне не нужны были никакие книги, когда она была со мной. Мы сидели рядом и шепотом болтали — отнюдь не о Египте, легендах, мумиях, мертвецах, пещерах или бедуинах,— а время летело. Края занавесок порозовели в лучах рассвета, и при свете наступающего дня я мог видеть, что на руке Маргарет не семь пальцев, а пять,— ее руку сжимала моя ладонь.

Доктор Уинчестер явился утром. Он нашел меня в столовой. Я сидел, безразлично поглощая пищу (завтрак или ужин, не знаю, как это назвать) перед тем, как лечь спать. Не успели мы обменяться несколькими фразами, как пришел мистер Корбек, и мы возобновили нашу беседу с того момента, на котором остановились вчера вечером. Я сообщил о том, что прочитал отмеченную главу и, по моему мнению, Уинчестеру тоже следовало бы с ней ознакомиться. Доктор попросил разрешения взять книгу с собой до вечера — сейчас ему надо было ехать в Иисуич, так что он мог бы почитать ее в дороге. Я пошел в свою комнату, чтобы принести книгу, но нигде не мог ее найти, хотя точно помнил, что оставил ее на столике у кровати. Это показалось мне странным: книга не такая вещь, которую могли взять слуги,— кому она могла понадобиться? Мне пришлось вернуться ни с чем.

Когда доктор Уинчестер ушел, мистер Корбек, который, казалось, знал текст наизусть, обсудил со мной ряд проблем. Я сказал ему, что остановился на описании того, какие знаки были вырезаны на рубине. Он улыбнулся:

— Ни во времена Ван Хайна, ни на два столетия позже никому не удалось расшифровать, что означает эта надпись. Истинный ее смысл стал понятен благодаря исследованиям Юнга и Шампольона, Лепсиуса и Розелини, Мариетта и Питри, а также других ученых. Позже я расскажу вам об этом подробнее — или мистер Трелони сам вам все объяснит; впрочем, возможно, он позволит это сделать мне.

Я думаю,— продолжал свой рассказ мистер Корбек,— вам лучше было бы узнать, как развивались события дальше, потому что после описания драгоценности и отчета о том, как Ван Хайн привез его в Голландию, его путешествие завершилось, но история камня не закончилась. Главное в этой книге то, что она заставила думать других — думать и действовать. Среди них были мистер Трелони и я. Мистер Трелони хорошо разбирается в восточных языках, но знает не все европейские. Что касается меня, то во время учебы в Лейдене я изучил голландский настолько, что мог легко пользоваться библиотекой. В то самое время, когда Абель Трелони, собирая свою коллекцию работ по Египту, заказал по книготорговому каталогу эту книгу и, получив ее, велел сделать рукописный перевод, я читал точно такую же книгу в Лейдене, на языке оригинала. Нас обоих поразило описание одинокой гробницы, пробитой так высоко в скале, что любопытствующие не могли до нее добраться, так как все ступени, ведущие к ней, были тщательно уничтожены, а поверхность самой скалы выровнена и украшена надписями и символами, как описывал голландский путешественник. Так как за годы, прошедшие со времен Ван Хайна, знания о египетских редкостях и письменах значительно расширились, нас обоих поразило, что в отношении этого захоронения, сооруженного в таком необычном месте, не имелось никаких записей или изображений, указывавших на то, кто в ней лежит. Более того, само название этого места, Долина Мага, заинтриговало нас — и это в наш прозаический век! Когда мистер Трелони искал в помощь себе других египтологов, мы познакомились и решили найти эту таинственную долину.

Пока шла подготовка к путешествию — этим Абель Трелони занимался сам,— я поехал в Голландию, чтобы попытаться найти хоть какие-то следы, подтверждавшие рассказ Ван Хайна.

Я отправился непосредственно в Хорн и терпеливо стал разыскивать дом путешественника или его наследников, если таковые были. Нет нужды утруждать вас деталями моих поисков и находок. Хорн не очень изменился со времен Ван Хайна, если не считать того, что потерял свое значение как торговый город. Пригороды остались такими же, какими были тогда; в таком сонном месте одно-два столетия ничего не значат. Я нашел дом и обнаружил, что никого из наследников в живых не осталось. Затем я стал интересоваться судьбой сокровищ голландца, так как было очевидно, что такой путешественник должен был обладать величайшими ценностями. Я проследил путь многих из них до музеев Лейдена, Утрехта и Амстердама и некоторых — до частных коллекций. Наконец в магазине старого часовщика и ювелира в Хорне я обнаружил то, что Ван Хайн считал своим главным сокровищем: огромный рубин, имевший форму скарабея, с семью звездами и выгравированными снаружи иероглифами. Новый владелец камня не знал иероглифической письменности, а открытия филологии за последние годы не дошли еще до его города. Он ничего не знал о Ван Хайне, кроме того, что такой человек существовал и что его в течение двух столетий местные жители почитали как великого путешественника. Часовщик ценил этот камень только с точки зрения его редкости и считал, что гравировка его портит, и хотя поначалу он не хотел расставаться с уникальным камнем, его удалось убедить благодаря значительной сумме денег. Мой кошелек был полон, поскольку я делал покупки для мистера Трелони, который, полагаю, вам известно, не испытывает недостатка в деньгах. Вскоре я уже был на пути в Лондон — полный безграничной радости и воодушевления, так как вез с собой доказательство чудесного рассказа Ван Хайна.

Камень был спрятан в сейфе, и мы, окрыленные надеждами, отправились в путешествие. Абелю Трелони не хотелось оставлять свою молодую жену, которую он нежно любил, но она, любившая его не меньше, понимала, как сильно он стремится продолжить свои поиски. Поэтому, скрывая про себя — как делают все хорошие женщины — свои тревоги, которые, замечу, в ее случае были особого рода, миссис Трелони призвала его следовать своему влечению.

Глава XI

ГРОБНИЦА ДОЧЕРИ ФАРАОНА

На предстоящее путешествие мистер Трелони возлагал большие надежды — ничуть не меньше, чем я. Ему свойственно большее постоянство, чем мне, и целеустремленность, которая преобразует надежду в веру. По сравнению со мной он не так подвержен взлетам и падениям настроения, резким переходам от радости к отчаянию.

Иногда в душу мне закрадывались сомнения, что таких рубинов может быть два или что приключения Ван Хайна не что иное, как выдумка путешественника, основанная на редкости, приобретенной в Александрии или Каире, Лондоне или Амстердаме. И все же мистер Трелони никогда не колебался, тем более что нам встречалось много такого, что отвлекало наши мысли от веры и неверия.

Египет — место небезопасное для путешественников, особенно если они англичане. Но Абель Трелони — бесстрашный человек, а временами мне казалось, что и я не трус. Мы собрали группу арабов, которых один или другой из нас знал в прежние времена, во время предыдущих поездок в пустыню, то есть им можно было довериться; точнее, мы не настолько им не доверяли, как другим. Нас было достаточно, чтобы защититься от каких-нибудь мародерствующих банд, и мы взяли с собой оружие и боеприпасы, а также заручились согласием и пассивным содействием властей. По поводу последнего обстоятельства вряд ли стоит добавлять, что основную роль сыграло благосостояние мистера Трелони. Добравшись до Асуана, мы наняли у местного шейха несколько арабов, причем его сын Хамаль согласился сопровождать нас, и отправились в пустыню.

После долгих блужданий среди бесконечной череды холмов к вечеру мы наконец подошли именно к такой долине, какую описывал Ван Хайн,— с высокими, крутыми скалами, сужавшейся к середине и расширявшейся к востоку и западу. Днем мы уже стояли перед скалой, на которой достаточно высоко от поверхности земли можно было заметить отверстие; иероглифы и различные изображения рядом с ним явно предназначались для маскировки.

Но символы и знаки, озадачивавшие Ван Хайна и людей его времени, не были загадкой для нас. Целая плеяда ученых, посвятивших этим исследованиям долгие годы, прорвалась в таинственную темницу египетского языка. На отесанной поверхности скалы мы, также изучившие эти тайны, смогли прочесть послание фиванских жрецов, написанное почти пять тысячелетий назад. В том, что его авторами были жрецы, причем враждебно настроенные к погребенному человеку, сомнений не возникало.

«Сюда боги приходят не по всякому призыву. "Безымянная" оскорбила их и навеки будет в одиночестве. Не приближайся, иначе тебя испепелит их месть!»

Использованные символы также добавляли значения тому, что было сказано. «Навеки» с помощью иероглифов выражается как «миллионы лет». Этот символ был повторен девять раз, в трех группах по три, и после каждой группы шли символы Верхнего Мира, Нижнего Мира и Неба. Так что для этой женщины невозможно было воскресение ни в мире солнечного света, ни в мире мертвых, ни в обители богов.

Это предупреждение, должно быть, обладало невероятной силой в те времена, когда оно было написано, и сохранило ее тысячи лет спустя, когда его слова превратились в непостижимую тайну для людей, проживавших теперь на земле Египта.

Ни мистер Трелони, ни я не осмелились перевести текст нашим спутникам. Хотя они и не верили в богов, чья кара могла настигнуть их — по грозному утверждению этой надписи,— но все же были достаточно суеверными и могли покинуть нас, узнав, о чем здесь шла речь. Тем не менее нас оберегали как их невежество, так и наша сдержанность. Мы расположились лагерем неподалеку, но все же за выступом скалы, немного дальше по долине, чтобы эта надпись не была постоянно перед глазами. Что там говорить, даже название этого места — Долина Мага — пугало их и соответственно вселяло в нас некоторую тревогу.

При помощи привезенных с собой досок мы соорудили лестницу; на балке, укрепленной на выступе скалы, располагавшемся почти на самом верху, соорудили блок для поднятия тяжестей. Воспользовавшись лестницей, мы добрались до большой каменной плиты, закрывавшей отверстие. Эта неуклюже поставленная на прежнее место своеобразная дверь была зафиксирована несколькими камнями. Было, однако, много свидетельств того, что плита вращалась на железных петлях и ее предполагалось запирать изнутри. Нам пришлось втолкнуть ее внутрь и пройти рядом с ней. Кстати, у входа действительно находилась большая цепь, которую описывал Ван Хайн.

Я и Абель Трелони прошли в склеп, захватив с собой дюжину фонарей — их предполагалось закреплять на стенах по мере того, как мы будем продвигаться вперед. Сначала нам хотелось бегло осмотреть все, а затем перейти к исследованию деталей убранства склепа. Незабываемое, скажу вам, зрелище! До сих пор мы не видели ничего подобного этому захоронению. Искусно сделанные скульптуры и рисунки свидетельствовали, что гробницу в этой пещере сооружали еще при жизни той, для кого она предназначалась. Усыпальница располагалась высоко над сыростью разливов Нила, и ее убранство поражало яркостью и свежестью — словно художники только что закончили свою работу.

В первой пещере — ее создали и человек, и природа — располагался портик с массивными семигранными колоннами, чего мы не встречали в других египетских усыпальницах. На его архитраве наше внимание привлекла скульптурная группа: лодка Луны, в которой находилась Хатхор с головой, увенчанной рогами коровы, между которыми находился солнечный диск вместе со столь почитаемым древними египтянами собакоголовым Анубисом. Лодка направлялась на север Гор-Па-Хердом, о чем свидетельствовали изображения Полярной звезды и созвездия Большой Медведицы. Звезды, образующие ковш, были сделаны из золота, так что в свете фонарей они сверкали особенно ярко. Пройдя через портик, мы обнаружили две смежные камеры.

Находившаяся на западной стене первого зала стела из лазурита, вся испещренная иероглифами алого цвета, показалась нам настолько примечательной, что мы задержались около нее, вместо того чтобы отправиться на поиски саркофага с мумией. Текст на плите начинался следующими словами: «Тера, Властительница Обеих Земель, дочь Интефа, Царя Верхнего и Ниж-

него Египта, дочь Солнца — Ра, увенчанная коронами Севера и Юга, покровительница искусств».

Дальше излагалась история ее жизни и правления, причем с большим количеством подробностей. Пшент — двойная бело-красная корона Верхнего и Нижнего Египта — была вырезана с особенно изысканной точностью. Как правило, в Древнем Египте ее мог носить только фараон.

Вы даже представить себе не можете, какое впечатление произвела на нас эта надпись. Не мы первыми увидели эти иероглифы, но мы оказались первыми из тех, кто мог их прочитать с тех пор, как эту плиту установили здесь почти четыре тысячи лет назад. Нас избрала судьба (или эта женщина), чтобы мир мог узнать о Тере, которая воевала против древних богов, заявив, что может подчинять их себе, хотя в то время только жрецы считали себя единственными посредниками между людьми и богами. Надписи на стенах обоих залов, кроме надписей на стеле, были окрашены синевато-зеленой краской.

В дальнем зале находился колодец, ведущий к саркофагу.

Мы спустились в колодец с помощью принесенных с собой приспособлений, Трелони отправился первым. Колодец был глубоким, более семидесяти футов, но его никогда не засыпали. Внизу проход шел под уклон к погребальной камере, он был длиннее, чем обычно, и не был замурован.

Не стану описывать саркофаг из желтого камня, вы видели его в комнате Абеля. Его крышка лежала на земле, она не была зацементирована, как это и описывал Ван Хайн. Нет нужды говорить, с каким возбуждением мы открыли деревянный гроб и заглянули внутрь. Зрелище оказалось не менее потрясающим, чем то, что предстало глазам голландца, когда он увидел руку, лежавшую на облачениях мумии. Вдобавок ко всему мы ощутили трепет, которого наверняка не испытывал Ван Хайн. Кисть отсутствовала, а запястье было покрыто высохшей кровью, как будто тело кровоточило — после смерти! Кровь стекала вниз, поэтому мы обнаружили на ткани, в которую была забинтована мумия, пятна цвета ржавчины. Итак, история подтверждалась полностью... Следовательно, мы не могли подвергать сомнению и другие вещи, о которых рассказывал голландец, как, например, отметки от семи пальцев на горле задушенного шейха.

Я не буду утруждать вас деталями всего, что мы увидели и постепенно узнали, прочитав иероглифы и расшифровав изображения на стенах захоронения.

Правительница Тера происходила из Одиннадцатой, или Фиванской, династии фараонов, правившей между 2160 и 2000 годами до Рождества Христова. Она, несомненно, обладала необычайным характером и способностями, в том числе даром художника. Когда умер ее отец, Интеф, Тера была еще достаточно юной, поэтому ее молодость подтолкнула на решительные действия амбициозных жрецов, которые благодаря своему богатству и знаниям сумели достичь огромной власти над всем Египтом. К тому времени они уже тайно подготовились к смелому и давно желанному ими шагу — отобрать власть у фараона и начать править страной. Но Интеф, предвидя такие шаги, обеспечил своей дочери поддержку армии. Он также учил ее управлять государством и даже посвятил в тайны самих жрецов, используя сторонников одного культа против другого. Каждый из них надеялся на выигрыш для себя, заручившись поддержкой фараона, или на какие-либо блага в будущем благодаря влиянию на его дочь. Об этом рассказали нам иероглифы и рисунки на стенах усыпальницы, причем мы пришли к выводу, что многие из изображений были выполнены самой царицей Терой. На стеле она не без причины была названа «Покровительницей искусств».

Желая сделать дочь достаточно сильной, Интеф обучил ее магии, с помощью которой Тера получила покровительство Тота. Это была настоящая магия, в отличие от вполне безобидной храмовой магии жрецов, предназначавшейся скорее для того, чтобы произвести впечатление, а не достичь определенных результатов. Дочь фараона оказалась прилежной ученицей и вскоре превзошла своих учителей. Ее силы дали ей большие возможности, которыми она пользовалась в полной мере. Необычными способами египетская царица познавала тайны природы, однажды даже легла в могилу — ее забинтовали, положили в саркофаг и оставили так на целый месяц. Жрецы хотели воспользоваться моментом и стали распространять слухи, что Тера умерла и что ее заменили другой девушкой, но правительница убедительно доказала, что они ошиблись. Все это мы узнали, рассматривая чудесные иллюстрации к ее деяниям: ве-

роятно, именно в этот период возродилось художественное величие Четвертой династии, которое достигло своего расцвета во времена Хеопса.

В повествовании о Тере подчеркивался тот факт, что она хотя и была женщиной, однако претендовала на все мужские привилегии, а также царственное величие фараона. Нам встретилось ее изображение в мужской одежде и в белой и красной коронах. На следующем Тера предпочла женское платье, но короны Верхнего и Нижнего Египта все еще были на ней, в то время как снятые мужские одежды лежали у ее ног.

Наше внимание привлек сюжет, с помощью символов, необычных по своей образности даже в стране символов и во времена символов, рассказывавший о том, как царица достигла союза с Тотом. Изучая многочисленные изображения, мы заметили две интересные детали: там, где речь шла о надежде, или цели, или воскресении, обязательно присутствовал иероглиф, обозначающий север; и во многих случаях при рассказе о важных событиях, прошлых, настоящих или будущих, присутствовала группа звезд Большой Медведицы. Очевидно, правительница считала, что это созвездие каким-то образом связано с ней.

Вероятно, самым примечательным утверждением, не раз повторявшимся как на стеле, так и в настенных надписях, было то, что Тера обладала властью над богами. Кстати, именно на рубине с семью звездами, изображавшем скарабея, она вырезала заговоры, подчинявшие ей всех богов, как Верхнего, так и Нижнего Миров.

Письмена утверждали, что властительница знала о ненависти жрецов к ней и о том, что после ее смерти они постараются уничтожить ее имя. В соответствии с египетскими поверьями это была ужасная месть, уверяю вас, потому что без имени человек после смерти не может быть представлен богам и за него невозможно молиться. Тера намеревалась воскреснуть через длительное время и в другой стране, в северных широтах, под созвездием, которое управляло ее рождением. Поэтому ее рука должна была быть на воздухе — незавернутой — и держать Камень Семи Звезд, чтобы Ка правительницы имело возможность передвигаться во времени и пространстве.

Упоминание о Ка навело нас с мистером Трелони на мысль об астральном теле царицы. Был еще текст со ссылкой на шка-

тулку с семью сторонами, содержавшую нечто дающее власть над богами. Поэтому мы не слишком удивились, когда в ногах мумии нашли семигранную шкатулку — вы видели ее в комнате хозяина дома. Нас заинтересовали также столик из гелиотропа со странными углублениями (не знаю, обратили ли вы на них внимание), но в то время мы не знали, что они означают. На повязках пятки левой ноги мумии тем же алым цветом, что и на стеле, был изображен иероглиф, обозначавший большое количество воды, на правой пятке — знак земли. Мы решили, что эти символы говорят о том, что ее Ка способно перемещаться по собственному желанию и управляет четырьмя стихиями: землей и водой, а также воздухом и огнем, последний символизировал драгоценный камень.

В саркофаге было еще несколько амулетов, не имеющих большой ценности. Мы подумали, что более ценные украшения можно будет обнаружить между повязок, которыми была забинтована мумия, или, скорее всего, в шкатулке у ее ног. Однако нам не удалось ее открыть — верхняя и нижняя части составляли одно целое. Тонкая линия все же была заметна немного ниже верха, но крышку подогнали так точно, что ее невозможно было снять. Оставалось только предположить, что она каким-то образом укреплена изнутри.

Поймите меня правильно, я рассказываю вам все это для того, чтобы вы имели представление о том, с чем вам, возможно, придется столкнуться позже. Отбросьте в сторону здравомыслящие соображения! С этой мумией и со всем, что с ней связано, происходили такие странные вещи, что здесь необходима какая-то новая система взглядов. А некоторые явления совершенно невозможно совместить с обыденной жизнью и нашими знаниями.

Мы сделали наброски со всех рисунков на стенах, потолке и полу и приблизительный перевод надписей, а затем, взяв с собой стелу, саркофаг с мумией, каменный ларец, столики из гелиотропа, гипса и оникса, различные фигурки и амулеты-символы, покинули усыпальницу. Уходя, мы сняли лестницы и закопали их в песок под скалой на некотором расстоянии, пометив это место, чтобы найти их при необходимости.

Вечером мы покинули Долину Мага и отправились в трудный путь, обратно к берегам Нила. У нас была грубо сделанная

тележка и достаточно людей, чтобы тащить тяжелую ношу, но продвижение вперед казалось невыносимо медлительным при мысли о том, что необходимо как можно быстрее доставить сокровища в безопасное место. Для большей сохранности мы вынули мумию из саркофага и везли ее отдельно. Ночи были тревожными: мы боялись нападения мародеров. Но еще бо́льшие опасения вызывали наши спутники. Эти грубые, коварные, беспринципные люди, разумеется, не понимали истинной цены тех вещей, которые мы вывезли из Долины Мага. Однако они догадывались, что некой стоимостью эти предметы все же обладают. В первую же ночь были предприняты две попытки воровства с тележки, а утром двое людей были найдены мертвыми.

Во вторую ночь началась песчаная буря — один из тех вселяющих ужас самумов, которые заставляют человека ощутить свою беспомощность перед силами природы. Мы были буквально погребены под слоем песка. Некоторые из наших бедуинов сбежали еще до бури, надеясь найти укрытие, остальные завернулись в бурнусы, и терпеливо переносили бедствие. Утром, когда самум прошел, мы сумели отыскать почти весь наш багаж, однако ящик, в котором была мумия, оказался разбитым, а сама мумия исчезла. Поиски ни к чему не привели. Мы прождали весь день в надежде, что сбежавшие бедуины вернутся. Отчего-то у нас возникло предположение, что это они похитили наш бесценный груз с тележки, а теперь, раскаявшись, принесут мумию обратно. В третью ночь перед рассветом мистер Трелони разбудил меня и шепотом сообщил:

«Мы должны вернуться к захоронению в Долине Мага. Не задавайте никаких вопросов утром, когда я буду отдавать приказы! Если вы начнете спрашивать, куда мы идем, это возбудит подозрение и разрушит наши планы».

«Хорошо,— кивнул я.— Но зачем нам туда возвращаться?»

Его ответ привел меня в трепет, словно задев уже настроенные на эту мысль душевные струны:

«Мы найдем мумию там! Я в этом уверен!» Как бы предупреждая сомнения или какие-либо аргументы против своих слов, он добавил: «Вот увидите!» — и снова залез под одеяло.

Утром арабы удивились, когда мистер Трелони приказал повернуть обратно; некоторые из них были недовольны, часть бедуинов покинула нас, так что мы отправились на восток уже в меньшем количестве. Поначалу сын шейха не интересовался

местом нашего назначения, но, когда стало очевидно, что мы движемся в направлении Долины Мага, он тоже забеспокоился. По мере того как мы приближались к долине, его беспокойство росло. В конце концов перед входом в нее Хамаль отказался идти дальше и предложил нам продолжать путь вдвоем. Он сказал, что будет ждать три дня и уйдет, если мы не вернемся в срок. Никакие деньги не могли заставить его изменить решение. Единственная уступка, на которую согласился араб, состояла в том, что он пообещал помочь найти лестницы и подтащить их поближе к скале. Так он и сделал, а затем со своими бедуинами вернулся ко входу в долину.

Мы с мистером Трелони взяли веревки и фонари и снова забрались в гробницу. Было очевидно, что в наше отсутствие здесь кто-то побывал: каменная плита, закрывавшая вход, была повернута внутрь, а с вершины скалы свисала веревка. Мы молча переглянулись и привязали свою собственную веревку; Трелони отправился вниз первым, а я — сразу же за ним. Когда мы уже находились в усыпальнице, мне пришла в голову мысль, что здесь не исключена ловушка и нас могут похоронить заживо. Меня охватил ужас, но слишком поздно было что-то предпринимать, и я ничего не сказал моему спутнику. У нас обоих были фонари, поэтому света было достаточно, когда мы вошли в камеру, где раньше стоял саркофаг. Несмотря на чудесную роспись, склеп казался опустевшим без саркофага, для которого он был вырублен в скале, без ларца и столиков.

Однако та, для кого он был предназначен, вернулась сюда! На том месте, где раньше стоял огромный саркофаг, лежала забинтованная мумия царицы Теры. Рядом с ней в необычных позах, предполагавших насильственную смерть, лежали трое наших бывших спутников-арабов, покинувших лагерь во время песчаной бури. Лица их почернели, руки и шеи были запачканы кровью, брызгавшей из носа, рта и глаз. У каждого на горле были заметны отпечатки, теперь уже чернеющие, руки с семью пальцами. Мы с Трелони, подойдя поближе, прижались друг к другу, охваченные страхом и благоговением.

Самое удивительное — на груди мумифицированной правительницы Теры лежала семипалая рука цвета слоновой кости, запястье охватывал шрам в виде неровной красной линии, на которой выступили капельки крови.

Глава XII

ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА

Оправившись от изумления, которое длилось достаточно долго, мы не стали терять времени и поспешили покинуть усыпальницу, оставив там мертвых арабов. Мы пронесли мумию по коридору, потом я первым поднялся по колодцу, чтобы втащить ее в верхние залы гробницы. Взглянув вниз, я увидел, как мистер Трелони подобрал оторванную руку и спрятал на груди, очевидно не желая, чтобы она оказалась поврежденной или потерялась.

Потом при помощи веревки нам удалось опустить на землю свой драгоценный груз, а затем мы направились к выходу из долины, где нас должны были ждать наши провожатые, и увидели, что они уже уходят. Услышав наши недовольные возгласы, Хамаль в ответ прокричал, что выполнил свое обещание — ждал три дня. Я подумал, что он лжет, чтобы скрыть свое намерение бросить нас в долине (когда мы с Трелони позже сравнивали свои записи, я обнаружил, что он подумал то же самое). Однако уже в Каире выяснилось, что сын шейха был прав. Во второй раз мы переступили порог усыпальницы 3 ноября 1884 года — были причины, чтобы помнить эту дату.

Итак, мы потеряли три дня,— три дня своей жизни,— когда стояли перед распростертыми у наших ног телами арабов и не могли отвести глаз от вернувшейся в свою гробницу мумии. Нет ничего странного в том, что мы с суеверным ужасом и почтением относимся к правительнице Тере и сейчас, когда она находится в доме рядом с нами, ощущаем незримое присутствие некой силы. Что ожидает нас, ограбивших ее могилу! — Немного помолчав, мистер Корбек продолжал: — Мы успешно добрались до Каира, затем до Александрии, откуда нам нужно было плыть морем до Марселя, а уже оттуда следовать в Лондон. Но человек предполагает, а Бог располагает: в пароходной компании Александрии мистера Трелони ждала телеграмма, извещавшая о том, что его жена умерла при рождении дочери. С тех пор я ни разу не видел счастливой улыбки на его лице.

Убитый горем Абель Трелони поспешил в Лондон. Таким образом, мне пришлось везти добытые сокровища в одиночку.

Я успешно добрался до Лондона — сама судьба, казалось, помогала нам. Когда я встретился со своим другом, то был поражен тем, как изменилась его внешность: волосы поседели, черты лица окаменели и ожесточились. Мистер Трелони сообщил мне, что ребенка отдали кормилице, а сам он уже оправился от потрясения и готов продолжать жить и работать.

И действительно, в подобных случаях работа — лучшее лекарство от душевной боли и одиночества; и Абель Трелони полностью посвятил себя своему делу.

Не могу не отметить странное совпадение: роды, закончившиеся смертью роженицы и появлением на свет Маргарет, произошли в то время, когда мы находились в усыпальнице. Эта трагедия оказалась каким-то образом связана с его занятиями египтологией, особенно с тайнами египетской царицы.

Абель Трелони редко говорил о своей дочери, хотя не возникало никаких сомнений в противоречивости и сложности его чувств по отношению к ней. Я видел, что он любил и почти боготворил Маргарет — и все же не мог забыть того, что появление на свет этой девочки стоило жизни ее матери. Было еще одно обстоятельство, которое заставляло моего старшего друга мрачно хмурить брови. Лишь однажды он проговорился о причине своей мрачности:

«Она не похожа на мать. Чертами лица Маргарет необычайно напоминает изображения царицы Теры».

По словам мистера Трелони, его дочь живет у людей, которые заботятся о ней лучше, чем он смог бы это сделать; и пока девочку не следует лишать простых радостей ее возраста. На самом деле меня несколько удивляло его нежелание подробно рассказывать о собственном ребенке, и как-то после моих вопросов о ней я услышал: «Есть причины, по которым мне приходится быть сдержанным. Когда-нибудь вы это узнаете — и поймете!»

Никогда больше я не заговаривал с ним о дочери и увидел Маргарет впервые в вашем присутствии.

Что касается сокровищ, которые мы, э-э, взяли из могилы, то по распоряжению мистера Трелони мумию — кроме оторванной руки — поместили в большой саркофаг из бурого железняка. Его изготовил верховный жрец Уни из Фив, и он весь покрыт призывами к египетским богам. Саркофаг находится в

холле. Прочие предметы из захоронения он предпочел оставить в своей комнате, в том числе и руку мумии — по причинам, одному ему известным. Полагаю, он считает этот предмет самым необыкновенным из всех своих сокровищ... пожалуй, за одним исключением. Я имею в виду рубин, называемый им Сокровище Семи Звезд. Абель Трелони держит его в большом сейфе, снабженном хитроумными охранными устройствами.

Рассказ мой, очевидно, утомил вас, но мне необходимо было объяснить все происшедшее вплоть до настоящего момента.

Через длительное время после возвращения из Египта мистер Трелони снова заговорил со мной о нашем путешествии в Долину Мага. За все это время (почти шестнадцать лет) он никогда не упоминал о Тере, разве что определенная ситуация вынуждала его к этому. Он побывал в Египте еще несколько раз — со мной и самостоятельно, и я тоже отправлялся туда — преследуя свои цели или по его поручениям. И вот однажды утром мистер Трелони спешно послал за мной; в то время я занимался в Британском музее и снимал комнаты на Харт-стрит. Когда я пришел, то он, взволнованный, встретил меня в холле и сразу же провел к себе в кабинет. Ставни были закрыты, и шторы опущены; ни один луч света не проникал в комнату. Верхний свет был включен, но вдоль одной из стен располагалось несколько мощных электрических ламп. Столик из гелиотропа с семигранной шкатулкой был выдвинут на середину комнаты. В свете ламп она выглядела весьма эффектно и, казалось, светилась изнутри.

«Что вы об этом думаете?» — спросил мистер Трелони.

«Шкатулка похожа на драгоценный камень. Ее можно назвать "Волшебной шкатулкой мага"»,— ответил я.

«А вы знаете, почему это вам кажется?»

«Наверное, из-за освещения?»

«Это само собой разумеется,— кивнул он.— Но в большей степени от расположения его источников».

Абель Трелони включил верхний свет и выключил лампы. Эффект был поразительным: шкатулка мгновенно перестала светиться, не потеряв при этом своей красоты, но в ней не было теперь ничего необыкновенного.

«Обратили внимание на то, как располагались лампы?» — поинтересовался он.

«Нет».

«Я разместил их так, как вырезаны углубления в столике из гелиотропа».

Его слова не удивили меня. Не знаю почему, но все относящееся к мумии было столь таинственным, что каждое новое открытие лишь воодушевляло. Трелони продолжал:

«Все шестнадцать лет я непрестанно думаю о том приключении и пытаюсь найти ключ к тайнам, но разгадка пришла ко мне лишь вчера, причем во сне! Я неожиданно проснулся в сильном волнении, вскочил с постели — даже не знаю, что побудило меня сделать это,— и направился к окну. Высоко в небе сиял ковш вместе с Полярной звездой. И в это мгновение все стало на свои места! Помните, в надписях на стенах содержались указания на семь звезд Большой Медведицы и упоминалась "Волшебная шкатулка"? Мы с вами даже заметили странные полупрозрачные участки в камне. Я решил, что свет семи светильников, расположенных в определенном порядке, сможет оказать некое воздействие на шкатулку или ее содержимое. Подвинув столик из гелиотропа к окну, я менял положение шкатулки, пока полупрозрачные участки не оказались в определенном порядке направленными на ковш Большой Медведицы. Шкатулка тут же слабо засветилась. Внезапно небо заволокло тучами, и свечение погасло. Поэтому я решил воспользоваться лампами — вы знаете, иногда я применяю их в опытах. Некоторое время ушло на то, чтобы разместить их, но, как только я это сделал, шкатулка вновь засияла — и вы только что это видели. Впрочем, продвинуться дальше мне не удалось. И тут меня осенило: в захоронении должны находиться светильники, поскольку звезд там быть не могло, а странных углублений, тщательно вырезанных на столике из гелиотропа, на который устанавливается шкатулка, ровно семь и они, вероятно, предназначаются для светильников. Найди мы их, и в постижении тайны был бы сделан еще один шаг».

«Но где они? Как нам отыскать их? И определить, что это именно они, когда мы их найдем? Что, если...»

Он быстро перебил меня:

«Ваш первый вопрос содержит в себе все прочие. Где лампы? Отвечаю: в гробнице!»

«В гробнице! — в изумлении повторил я.— Мы обыскали ее всю и вещи, представлявшие какую-либо ценность, взяли с собой... но никаких светильников там не было!»

Пока я говорил, он развернул листы бумаги, а затем положил их на большой стол и прижал края книгами. Я узнал их сразу: это были сделанные нами копии надписей в гробнице. Закончив все эти приготовления, Абель Трелони медленно произнес:

«Помните, осматривая гробницу, мы удивлялись, что там не было... одной обязательной детали...»

«Да! Там не было сердаба — ниши в стене усыпальницы, в которой помещали изображения тех, кто похоронен в усыпальнице».

Видя, что я понял его, Трелони взволнованно продолжил свою речь:

«Я пришел к выводу, что сердаб там есть, но потайной. Жаль, что мы не подумали об этом раньше. Надо было вспомнить, что создательница этой гробницы — женщина, не чуждая прекрасному и стремящаяся к совершенству, следовательно, она должна была позаботиться о каждой мелочи. Вряд ли Тера стала бы пренебрегать этой деталью. Даже не придавая ей ритуального смысла, царица могла сделать нишу в качестве украшения. Вне всякого сомнения, в гробнице должен быть сердаб и в нем то, что нам нужно,— светильники. Конечно, знай мы о них раньше, мы предположили бы наличие какого-то тайника. Я собираюсь просить вас снова отправиться в Египет, осмотреть гробницу, найти сердаб и привезти светильники!»

«А если я не найду тайника или же в нем не окажется светильников, что тогда?»

Он улыбнулся хмурой, редко появляющейся теперь улыбкой:

«Тогда вам придется потрудиться и все-таки найти их!»

«Хорошо!» — согласился я.

Он указал на один из листов.

«Вот копии надписей с южной и восточной стен. Я снова просмотрел их и в семи местах нашел символы созвездия Большой Медведицы, которое царица Тера считала властителем своего рождения и судьбы. Расположение звезд указывает на Полярную звезду, точку в стене, где располагается сердаб!»

«Браво!» — воскликнул я, поскольку подобные выводы заслуживали похвалы. По-видимому, он был доволен моей реакцией и с воодушевлением продолжал:

«Когда окажетесь там, исследуйте это место. Вероятно, для открытия сердаба служит какой-то потайной механизм, но, думаю, вы с ним справитесь».

Неделю спустя я отправился в Египет и нигде не задерживался, пока снова не оказался в Долине Мага. Я отыскал коекого из прежних наших помощников, так что мог рассчитывать на их поддержку. Ситуация в Египте заметно изменилась за шестнадцать лет, и в вооруженной охране не было необходимости.

Взобраться по скале оказалось несложно даже в одиночку, поскольку благодаря здешнему климату наши лестницы прекрасно сохранились и на них вполне можно было положиться.

Меня не оставляла мысль, заставлявшая больно сжиматься сердце: за прошедшие годы наверняка в гробнице побывали посетители, и кто-то вполне мог наткнуться на тайник. Неужели я зря отправился в это путешествие?

Мои мрачные предчувствия подтвердились, когда я зажег фонари и прошел между семигранными колоннами. Именно там, где мы предполагали его найти, зиял чернотой открытый сердаб. Он был пуст. На полу прямо под ним лежало высохшее тело человека в арабском платье. Я оглядел стены, чтобы проверить, прав ли был Трелони. Действительно, символы ковша указывали на место по левую руку (на южной стороне), где и был сердаб, помеченный единственной золотой звездой. Внутри тайника мое внимание привлекли семь звезд из полированного золота. Я надавил на каждую из них поочередно — никакого результата. Возможно, механизм должен срабатывать от одновременного нажатия на все звезды рукой с семью пальцами. Мне удалось проделать это двумя руками, и каменная плита, медленно повернувшись, вновь встала на место, закрывая вход в сердаб.

Когда плита сдвинулась, она на мгновение приоткрыла каменное изваяние в человеческий рост. Мельком замеченная мною фигурка испугала меня. Она напоминала того мрачного стража, которого, по словам арабского историка аль-Масуди,

король Саурид ибн Саулук поместил в Восточную пирамиду для охраны ее сокровищ: «Мраморная фигурка хранителя с копьем в руке и свернувшейся змеею на голове. При приближении неизвестного змея кусала его, обвившись вокруг шеи и убивая, а затем возвращалась на место».

Разумеется, и эта фигурка была сделана не красоты ради, и мне вовсе не хотелось иметь с ней дело — мертвый араб у моих ног служил прекрасным подтверждением этого! Снова тщательно изучив стену, я нашел следы от ударов молотка. Так вот что произошло! Грабитель, оказавшись более сообразительным, чем мы, заподозрил наличие тайника и постарался его отыскать. В результате он случайно освободил «хранителя», как назвал его арабский историк. Результат говорил сам за себя. Взяв кусок дерева и держась на безопасном расстоянии, я нажал на звезду.

Камень мгновенно отошел назад. Скрытая внутри фигура, выскочив, сделала выпад копьем, а затем мгновенно исчезла. Несколько раз я повторил попытку, но с тем же результатом: «хранитель» мелькал передо мной и скрывался в своем тайном логове.

Я не отказался бы изучить механизм «хранителя», двигавшегося с такой зловещей быстротой, но это было невозможно без инструментов, которых у меня не оказалось под рукой. Предполагаю, что для этого пришлось бы вырубить часть скалы. Я надеюсь, что когда-нибудь вернусь в гробницу и попытаюсь это сделать. Что касается светильников, то, во-первых, они не могли быть большого размера, чем сердаб, а во-вторых, неким образом несомненно символизировали Хатхор — богиню, соответствующую греческой Афродите или римской Венере, воплощению красоты и наслаждения. Символ ее — орел в квадрате, в правом верхнем углу которого расположен квадрат поменьше,— был вырезан внутри тайника и окрашен в ярко-алый цвет, как и надписи на стеле. Насколько мне было известно, существовало семь ипостасей этой богини, в некоторых из них она могла воскресать из мертвых,— так почему бы семи светильникам не соответствовать семи воплощениям богини?

Итак, первый грабитель нашел здесь свою смерть, второй обнаружил содержимое сердаба и унес светильники. Первая

попытка ограбления была совершена много лет назад, на это указывало состояние тела. Когда случилась вторая, я не знал. Что ж! Тем сложнее будут поиски, но искать все равно надо!

Юджин Корбек погрузился в молчание на пару минут, затем продолжил:

— Описываемые мною события произошли почти три года назад, и все это время я, словно герой «Тысячи и одной ночи», разыскивал старые лампы. Я не смел вдаваться в подробности о том, что именно ищу, не пытался их описывать, поскольку это могло все испортить. На самом деле вначале я смутно представлял себе их облик, но постепенно мне становилось все яснее, как они выглядят. Можно написать целый том об испытанных мною разочарованиях и пустой беготне, но я не сдавался. Наконец около двух месяцев назад в Моссуле владелец одной лавки показал мне светильник — именно тот, что был мне нужен. Даже не знаю, как удалось мне скрыть радость, когда я понял, что близок наконец к успеху. Я был знаком с правилами восточного торга, так что этому еврейско-арабско-португальскому торговцу пришлось-таки уступить его мне и заодно показать весь свой товар. Среди всяческого хлама я обнаружил остальные шесть, на каждом из них была символика, относившаяся к Хатхор. Чтобы торговец не догадался о том, что мне нужно, я скупил почти все содержимое его лавки. Он едва не расплакался, говоря, что я разорил его, поскольку теперь ему нечем торговать. Представляю, что произошло бы, если бы владелец лавки узнал, какую сумму можно было выручить за некоторые из его товаров, ценимые им, быть может, не столь высоко. Мне удалось расстаться с большей частью моих покупок еще в Египте (чтобы не возбудить подозрений, я не мог ни дарить, ни даже «потерять» их), причем мне дали за многие безделушки вполне приличные деньги. Я постарался добраться до Англии как можно быстрее — слишком драгоценен был мой груз, так что не следовало подвергать его риску — и наконец прибыл в Лондон со светильниками, с некоторыми безделушками из тех, что полегче весом, и папирусами, собранными во время путешествия. Теперь, мистер Росс, вы знаете все, что знаю я, и вам решать, какие эпизоды из этой истории рассказать мисс Трелони, да и стоит ли ей вообще...

Его прервал звонкий девичий голос, раздавшийся за нашими спинами:

— При чем здесь мисс Трелони? Она здесь!

Мы дружно обернулись. В дверях стояла Маргарет. Мы не знали, давно ли она здесь присутствует и что стало доступно ее ушам.

Глава XIII

ПРОБУЖДЕНИЕ ИЗ ТРАНСА

Неожиданно брошенная фраза ставит в тупик, потому что сразу невозможно оценить ее содержание, а также интонацию. Наша ситуация не была исключением. Однако, справившись с испугом, я уже не сомневался в искренности заданного Маргарет вопроса. Между тем девушка спокойным тоном продолжала:

— О чем вы беседовали здесь все это время, мистер Росс? Полагаю, мистер Корбек рассказывал вам о своих приключениях в поисках светильников. Надеюсь когда-нибудь услышать об этом от вас, мистер Корбек, но не раньше, чем мой бедный отец почувствует себя лучше. Я уверена, что он и сам с удовольствием присутствовал бы при вашем рассказе. Так я права? — Маргарет быстро оглядела каждого из нас и, очевидно, утвердилась в своих предположениях.— Отлично! Надеюсь, долго ждать мне не придется.— Она помолчала, затем, вздохнув, продолжила: — Меня ужасно расстраивает болезнь моего отца. Я чувствую, что нервы у меня сдают, и поэтому решила прогуляться по парку. Может быть, мне станет легче. Если вы не против, мистер Росс, я попросила бы вас побыть с отцом. Тогда я буду спокойна.

Я с готовностью поднялся, радуясь тому, что бедная девушка хотя бы на полчаса выйдет на воздух. Она казалась очень усталой, и у меня даже кольнуло в сердце, когда я взглянул на ее бледные щеки. Я отправился в комнату мистера Трелони, чтобы занять свое обычное место. В это время у его постели дежурила миссис Грант. В свое время мы приняли решение, что днем в комнате достаточно одного человека, и, когда я вошел, экономка воспользовалась случаем и вышла, чтобы заняться своими делами. Шторы были подняты, но окна выходили на север, и жаркие лучи солнца не попадали в помещение.

Я сидел, размышляя над рассказом Корбека, пытаясь найти связь между этими удивительными событиями и тем, что происходило в доме. Подозрения не оставляли меня, я уже начал сомневаться во всех и во всем, даже в собственных чувствах. В моей памяти то и дело всплывали предостережения опытного детектива. Он считал мистера Корбека ловким и умным лжецом, а мисс Трелони его сообщницей. Маргарет — сообщница! Можно ли оставаться наедине с подобным предположением? Я готов был пожертвовать жизнью, лишь бы она оказалась ни при чем! Один лишь ее образ, нежный голос...

Сильный и властный голос прервал мои мечты:

— Кто вы? И что вы здесь делаете?

Несмотря на все ожидания, касающиеся его пробуждения, никому не приходило в голову, что Абель Трелони может проснуться сразу в ясном сознании, полностью владея собой. Я был настолько поражен, что ответил почти машинально:

— Меня зовут Малькольм Росс. Я присматриваю за вами.

Он казался удивленным и тут же забросал меня вопросами:

— За мной? Что вы подразумеваете? Зачем за мной присматривать? — Его взгляд остановился на собственном плотно перевязанном запястье. Тон его смягчился, стал менее напористым и более спокойным, как у человека, смирившегося с фактами.— Вы врач?

Я едва не улыбнулся, испытывая облегчение после долгого беспокойства за его жизнь.

— Нет, сэр.

— Но тогда почему вы здесь? Если не врач, то кто вы? — Его голос вновь посуровел.

Целый ряд аргументов, на которых должен основываться ответ, пронесся в моем мозгу быстрее, чем слова слетели с губ. Маргарет! Я должен помнить о Маргарет! Сейчас передо мной ее отец, ничего обо мне не знавший; естественно, его заинтересует и наверняка обеспокоит тот факт, что дочь предложила мне стать сиделкой у его постели. Обычно отцы с некоторой ревностью относятся к выбору дочерей, и, поскольку я не рас-

сказал ей о своей любви, мне не следовало какими-то своими словами и поступками ставить ее в неловкое положение.

— Я барристер. Но здесь я не в качестве юриста, а просто как друг вашей дочери. Мисс Трелони попросила меня прийти, потому что знала о моей профессии и потому что решила, будто вас пытались убить. Позднее она, видя мое дружеское расположение, позволила мне остаться в соответствии с вашим пожеланием о постоянном дежурстве.

Мой собеседник отличался сообразительностью и, насколько мне было известно, немногословием. Сейчас хозяин дома не сводил с меня внимательного взгляда и, казалось, читал в моем мозгу каждую мысль. К счастью, он, не вдаваясь в подробности, из каких-то своих соображений принял, по-видимому, мои слова на веру. Глаза его блеснули, и губы чуть шевельнулись, следуя собственному ходу мыслей. Неожиданно мистер Трелони спросил:

— Думала, что меня хотели убить? Это случилось вчера вечером?

— Нет! Четыре дня назад.

— Что?!

Пока мы разговаривали, Абель Трелони сел на постели, а теперь, казалось, готов был из нее выскочить. Однако он сумел взять себя в руки и, откинувшись на подушки, тихо проговорил:

— Расскажите мне все — все, что знаете, каждую подробность! Ничего не упускайте. Но погодите: вначале заприте дверь! Прежде чем я кого-либо увижу, мне хочется узнать все детали того, что со мной произошло.

«Кого-либо увижу!» Меня, очевидно, считали исключением. Сочтя это признаком доверия ко мне, я с готовностью подошел к двери и тихо повернул ключ. Когда я вернулся, мистер Трелони уже удобно устроился на постели.

— Говорите! — приказал он.

Я рассказал ему все, что только мог вспомнить, о событиях, имевших место после моего появления в доме. Конечно, я ни словом не обмолвился о моих чувствах к Маргарет, а о Корбеке сообщил, что тот приехал с какими-то лампами, которые разыскивал по его, Абеля Трелони, поручению. Разумеется, я не

стал скрывать от него их пропажу и то обстоятельство, что они неожиданно нашлись в его доме.

Абель Трелони слушал с поразительным в данных обстоятельствах самообладанием, однако нельзя сказать, что он оставался равнодушен, поскольку глаза его иногда загорались, а сильные пальцы здоровой руки сжимали простыню. Это было особенно заметно, когда я говорил о Корбеке и о том, как светильники нашлись в будуаре Маргарет. Иногда он бросал отдельные фразы, словно комментируя мой рассказ. Таинственные события, больше всего интересующие нас, его, казалось, не взволновали; похоже, мистер Трелони уже знал о них. Больше всего его задело сообщение о выстрелах сержанта Доу. Пробормотав: «Тупица», он быстро глянул в сторону поврежденного шкафчика, всем своим видом выражая раздражение. Когда я упомянул о тревоге его дочери, о ее бесконечной заботе и преданности, он, пожалуй, был тронут и с изумлением прошептал: «Маргарет! Маргарет!»

Я закончил рассказ, доведя его до настоящей минуты, когда мисс Трелони отправилась на прогулку (сейчас я не осмелился думать о ней как о Маргарет). Мой внимательный слушатель довольно долго сидел молча — минуты две-три, но мне показалось, что они тянулись бесконечно. Затем он пристально посмотрел на меня и резко бросил:

— Теперь расскажите все о себе!

Это походило на некий намек, и я почувствовал, что краснею. Мистер Трелони не сводил с меня глаз, спокойных и вопрошающих, его взгляд проникал в душу. На его губах появилась легкая улыбка, и это усилило мое замешательство, хотя и принесло некоторое облегчение. Я не люблю витиеватых речей, привык прямо излагать свои мысли и потому твердым голосом произнес:

— Меня зовут, как я уже сказал, Росс, Малькольм Росс. По профессии я — барристер и был назначен на должность королевского адвоката в последний год правления королевы.

— Да, я знаю. Слышал о вас лишь хорошие отзывы. Где и когда вы познакомились с Маргарет?

— Первый раз мы увиделись на балу десять дней назад. Затем на пикнике, который устраивала леди Стратконнел на реке. Мы проплыли от Виндзора до Кукхэма. Мар... мисс Трелони

оказалась в одной лодке со мною. Я немного занимаюсь греблей, и в Виндзоре у меня есть своя лодка. Мы о многом беседовали... Естественно...

— Естественно! — В голосе его промелькнули насмешливые нотки.

Что ж, поскольку я нахожусь в обществе сильного человека, мне следует показать и свою силу. Мои друзья, а иногда и противники признают за мной это качество. В данном случае демонстрация слабости означала проявление скрытности. Я оказался в трудном положении, мне постоянно нужно было следить за своей речью, чтобы неосторожными словами не усложнить отношения дочери и отца. Я продолжал:

— Место, время дня и окружающая природа настолько располагали к доверию между нами, что разговор дал мне возможность ознакомиться с ее внутренней жизнью.

Лицо мистера Трелони помрачнело, но он промолчал. Теперь я должен был придерживаться определенной линии разговора, прикладывая к этому максимальные усилия. Ситуация могла обернуться серьезными последствиями также и для меня.

— Я не мог не заметить, что она чувствует себя одинокой. Думаю, я понял ее состояние, тем более что побуждал ее говорить со мной откровенно и счастлив был преуспеть в этом. Между нами возникло взаимопонимание.

Изменившееся выражение его лица заставило меня быстро добавить:

— Сэр, она не говорила ни о чем, что могло бы показать ее с дурной стороны. Мисс Трелони лишь рассказала о своем желании быть ближе к отцу, которого она любит и понимает, о стремлении больше ему довериться и разделить круг его интересов. Поверьте мне, сэр, о таких чувствах может лишь мечтать сердце отца. Она — ваша достойная дочь и поделилась со мною своими сокровенными мыслями, очевидно, потому, что сочла меня человеком, которому можно довериться...

Я помолчал. Продолжать было не просто, я боялся навредить Маргарет. Абель Трелони сам облегчил мне задачу:

— Ну а вы?

— Сэр, мисс Трелони очень мила и красива. Она молода, и ее разум можно сравнить с горным хрусталем. Что касается меня, то я еще не стар и ни к кому не привязан. До сих пор мне не

приходилось испытывать подобных чувств, могу сказать это вам, хотя вы и являетесь ее отцом!

Здесь я невольно опустил глаза. Подняв же их, увидел, что мистер Трелони по-прежнему внимательно рассматривает меня. Казалось, лицо его осветилось искренней добротой, когда он с улыбкой протянул мне руку и сказал:

— Малькольм Росс, я слышал о вас как о человеке бесстрашном и благородном. Рад, что у моей дочери такой друг. Продолжайте!

Сердце мое дрогнуло. Первый шаг к завоеванию отца Маргарет был сделан. Кстати, я заметил за собой, что, продолжая рассказ, стал более словоохотлив и манеры мои также оживились.

— С годами мы приобретаем опыт, позволяющий пользоваться своим возрастом благоразумно. Могу утверждать, у меня большой жизненный и профессиональный опыт. Я отважился попросить мисс Трелони считать меня своим другом и в случае необходимости согласиться на мою помощь. Она пообещала мне это. У меня даже в мыслях не было, что возможность проявить себя в качестве ее друга не заставит себя ждать. Когда с вами случилось несчастье, ваша дочь послала за мной!

Я замолчал, чувствуя его проницательный взгляд, но спустя мгновение продолжил:

— Когда было обнаружено ваше письмо с инструкциями, я предложил ей свои услуги. Вы знаете, что они были приняты.

— И что вы чувствовали в эти дни?

Интонация его вопроса поразила меня, напомнив о Маргарет и вновь заставив почувствовать себя мужчиной, защитником. Я заговорил более уверенным тоном:

— Эти дни, сэр, несмотря на тревогу и боль, которые я испытывал, видя страдания девушки, любимой мною с каждым часом все сильнее, были самыми счастливыми в моей жизни!

После этих слов мистер Трелони так долго молчал, что я уже забеспокоился, не слишком ли смелыми были мои слова. Наконец он прервал затянувшуюся паузу:

— Ваши слова могли бы обрадовать сердце ее бедной матери.— По лицу его скользнула тень, и он заговорил быстрее: — Вы определенно уверены в этом?

— Я знаю свое сердце, сэр. По крайней мере, думаю, что знаю.

Он покачал головой:

— Нет-нет! Я имею в виду не вас. Здесь все понятно. Но вы говорили о чувствах Маргарет ко мне... она жила здесь, в моем доме, целый год... и жаловалась вам на одиночество. А я за весь год,— грустно сознаться в этом, но это правда,— не заметил ни одного знака ее привязанности ко мне! — Голос его дрогнул, и Абель Трелони смолк, погрузившись в раздумья.

— Так значит, сэр, мне выпала честь за несколько дней увидеть больше, чем вам за весь год!

Мои слова вывели его из задумчивости, и он с удивлением заметил:

— Я не догадывался об этом, мне казалось, что Маргарет ко мне безразлична. По-моему, это наказание за мое пренебрежение к ней, за то, что я полагал ее созданием с холодным сердцем. Как радостно сознавать, что плоть от плоти моей Дженни...— Он в волнении откинулся на подушки.

Как, должно быть, он любил ее мать! Сейчас его воодушевляла скорее любовь к человеку, в котором он видел воплощение своей жены и даже не воспринимал как собственную дочь. Волна симпатии к Абелю Трелони прокатилась по моему сердцу. Я начал постигать чувства этих молчаливых и замкнутых натур, успешно скрывавших горячую жажду любви друг к другу! Меня не удивило, когда он вполголоса пробормотал:

— Маргарет, дитя мое! Нежная, ласковая, сильная и правдивая! Как она похожа на свою мать!

До самых глубин своего сердца я был рад, что говорил с отцом Маргарет искренно.

— Четыре дня! — задумчиво произнес мистер Трелони.— Шестнадцатого! Так значит, сегодня двадцатое июля?

Я кивнул, и он продолжал:

— Итак, я четыре дня пролежал в трансе. Это не первый случай, однажды я провел в трансе три дня при необычных обстоятельствах и даже не подозревал этого, пока мне не сказали. Как-нибудь я вам об этом расскажу, если вам интересно.

На меня волной накатила радость. Отец Маргарет настолько доверяет мне... Неожиданно он объявил спокойным деловым тоном:

— Пожалуй, пора мне встать. Когда дочь придет, скажите ей, что со мной все в порядке. И передайте Корбеку, что, как только смогу, я увижусь с ним. Я хочу видеть эти светильники и все о них узнать!

Я еле сдерживал радость: в его обращении со мной были заметны родственные чувства, разве подобное не может воодушевить? Я поспешно направился к двери, намереваясь выполнить его распоряжения, но он остановил меня на полпути:

— Мистер Росс, вернитесь, пожалуйста!

Мне не понравилось обращение «мистер». Зная о моей дружбе с его дочерью, он уже называл меня Малькольмом, и возвращение к формальному обращению несколько испугало меня. Я внутренне напрягся, но выполнил его просьбу, стараясь внешне ничем не проявить своего душевного состояния. Мистер Трелони, будучи по натуре проницательным, словно прочел мои мысли, и лицо его заметно смягчилось.

— Присядьте на минуту, поскольку лучше поговорить сейчас, нежели потом. Что касается моей дочери — все это новость для меня, и неожиданная, потому мне и хотелось узнать об этом подробнее. Поймите, я, будучи ее отцом, имею некоторые обязательства, которые могут... одним словом...

Его замешательство почему-то возродило мои надежды, и я с волнением ждал продолжения.

— Исходя из того, что вы говорили о моей Маргарет... у вас есть намерение просить ее руки?

— Именно так! После того вечера на реке я собирался найти вас и спросить, могу ли я поговорить с ней об этом. События прошедших дней сблизили нас больше, чем я смел надеяться, но первоначальное намерение неизменно и крепнет с каждым часом.

Лицо его смягчилось. Как видно, мысленно он возвращался к собственной юности.

— По-видимому, Малькольм Росс,— это обращение вновь ободрило меня,— пока что вы еще не говорили с моей дочерью о ваших чувствах?

— Об этом не было сказано ни слова, сэр.

Скрытый смысл моей фразы вызвал серьезную и добрую улыбку на его лице, и он заметил:

— Ни слова! Это хорошо. Слова бывают двусмысленны, порой — лживы, а она могла бы поверить им!

Мое лицо залила краска.

— Я сознавал, насколько затруднительно ее положение, а также испытывал глубокое уважение к вам, хотя мы и не были знакомы, сэр, поэтому не осмелился делать никаких заявлений. Мистер Трелони, клянусь вам: мы с вашей дочерью всего лишь друзья — не более!

Мистер Трелони протянул ко мне руки и с волнением сжал мои. Затем великодушным тоном произнес:

— Я удовлетворен, Малькольм Росс. Конечно, до тех пор, пока мы с ней не увидимся, я не дам вам своего разрешения по поводу каких-либо заявлений — на словах,— с улыбкой добавил он. Внезапно лицо его снова посуровело.— Но мне еще нужно кое-что обдумать. Это касается моей семьи. Именно поэтому я углубился в обсуждение жизненного пути дочери и ее будущего счастья с незнакомым человеком. Мои проблемы столь насущны, что я не могу терять ни минуты.

В его голосе прозвучало достоинство и гордость, что, несомненно, произвело на меня впечатление.

— Не забуду ваших пожеланий, сэр,— пообещал я, открывая дверь, и спустя мгновение услышал, как он запер ее за мной.

Когда я сообщил мистеру Корбеку о том, что Абель Трелони пришел в себя, тот запрыгал от восторга, словно ребенок. Но почти мгновенно его радость сменилась озабоченностью: он попросил меня проявить осторожность и воздержаться от рассказа о его посещении гробницы и о том, как были найдены светильники.

— В случае,— добавил Корбек,— если Трелони заговорит с вами на эту тему, а он это несомненно сделает.

Он бросил на меня косой взгляд, выдающий его осведомленность о моих сердечных делах.

Я кивнул, соглашаясь с ним. Интуиция подсказывала мне, что мой собеседник прав, хотя причина этого осталась для меня не совсем ясной. Однако у меня не возникало сомнений, что Трелони — человек необычный и вести себя с ним надо соответственно. Кстати, скрытность — качество, не всегда почитаемое сильным человеком.

Отмечу, что реакция остальных на выздоровление хозяина дома была весьма разнообразной. Миссис Грант расплакалась от избытка чувств, а затем бросилась хлопотать, желая навести

повсюду небывалый порядок. Лицо сиделки вытянулось: она лишилась больного, который не вызывал особых затруднений в уходе и приносил неплохой доход. Но разочарование длилось не более мгновения, и мисс Кеннети разделила всеобщую радость по поводу того, что беда миновала. Она сообщила нам о готовности прийти к больному по первому зову и занялась упаковкой своей сумки.

Я пригласил сержанта Доу в кабинет, чтобы остаться с ним наедине. Когда он услышал новость, судя по выражению его лица, всегдашнее самообладание на какой-то момент изменило ему. Надо сказать, я тоже удивился, услышав вопрос полицейского:

— А он объяснил хотя бы первое нападение? Ведь он уже был без сознания, когда произошло второе.

Профессиональный инстинкт в этом человеке был столь силен, что подавил все прочие.

Собственно нападение, благодаря которому я оказался в этом доме, уже перестало занимать мои мысли.

— Знаете, мне даже не пришло в голову спросить его об этом!

Детектив выслушал мой ответ с неодобрением.

— Вот почему раскрывают лишь малое количество дел, когда в них не принимают участие наши люди,— заметил он.— Детектив-любитель никогда не доведет дело до конца. Что касается обычных людей, напряжение опасности проходит, и они обо всем забывают. Это похоже на морскую болезнь,— философски добавил он.— Будучи на берегу, вы о ней даже не вспоминаете, а бежите в буфет подкрепиться! И все же, мистер Росс, я рад, что дело закрыто. Полагаю, мистер Трелони сам разберется во всем. Впрочем, не исключаю и такой возможности, что он ничего не будет делать, поскольку, очевидно, ожидал каких-то событий и не обратился в полицию. Я считаю, он хотел, чтобы кто-то избежал наказания... Итак, нам сообщат официально, для соблюдения всех формальностей в отделе регистраций, о несчастном случае или о случае сомнамбулизма. Скажу вам честно, сэр, меня это устраивает. Мне уже порой начинало казаться, что я схожу с ума. Слишком много тайн — а это не моя область, предпочитаю иметь дело либо с фактами, либо с их причинами.

Теперь я могу умыть руки и вернуться к своей обычной работе. Разумеется, сэр, буду рад вас услышать, если вы решите пролить свет на эту загадку. Если не затруднит, пожалуйста, сообщите мне, каким образом человека вытащили из постели, когда именно его поцарапал кот и в чьих руках был нож во второй раз. Ведь наш приятель Сильвио не способен на подобный подвиг. Видите ли, я до сих пор об этом думаю и боюсь, что эти мысли будут отвлекать меня от других дел!..

Когда Маргарет вернулась с прогулки, я встретил ее в холле. Девушка по-прежнему оставалась грустной, и румянец не вернулся на ее щеки, а я, как ни странно, предполагал увидеть ее повеселевшей. Едва она меня увидела, как глаза ее загорелись и она выжидательно уставилась на меня.

— У вас для меня хорошие новости? — спросила она.— Отцу лучше?

— Да! А как вы об этом догадались?

— Поняла по вашему лицу. Я должна пойти к нему.

— Он сказал, что пошлет за вами, как только оденется.

— Сказал, что пошлет? — изумленно повторила она.— Значит, он пришел в себя! А я и не знала, что все столь замечательно! О Малькольм!

Опустившись на стул, она расплакалась. То, что она назвала меня по имени, обещало мне чудесные возможности, и я чувствовал, как сильно бьется мое сердце. Заметив охватившее меня волнение, девушка протянула мне руку. Я крепко сжал ее и поцеловал. Подобные минуты предоставляют удобные возможности влюбленным — поистине, это настоящий дар богов! До этого момента, несмотря на мою любовь к ней, у меня была лишь надежда. Но теперь, когда Маргарет с готовностью позволила мне пожать и даже поцеловать ей руку, ее пылкое ответное пожатие и огонь любви в темных, глубоких глазах красноречиво говорили обо всем, чего только мог пожелать самый нетерпеливый из влюбленных.

Мы не произнесли ни слова — разве они были нужны? Слова показались бы пустыми, ничтожными и не смогли бы выразить наших чувств. Не разъединяя рук, словно дети, мы поднялись по лестнице и у дверей комнаты мистера Трелони стали ожидать его приглашения. Я шепотом рассказывал ей на ухо —

насколько это было приятнее разговора на менее близком расстоянии! — о том, как очнулся ее отец и какой разговор состоялся между нами, разумеется опуская подробности, касавшиеся ее самой.

Вскоре в комнате прозвенел колокольчик, и Маргарет, высвободившись из моих рук, приложила палец к губам. Она подошла к двери и тихо постучала.

— Войдите,— произнес мистер Трелони громким голосом.

— Это я, отец!

Голос девушки дрогнул от волнения. Сколько в ее кратком ответе было любви и надежды!

Послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, и Маргарет бросилась в объятия Абеля Трелони. Мой слух уловил лишь несколько несвязных фраз:

— Отец! Дорогой отец!

— Мое дитя! Маргарет! Мое милое, нежное дитя!

— Ах, отец, отец! Наконец-то, наконец-то!

Отец с дочерью скрылись в комнате, и дверь за ними закрылась.

Глава XIV.
РОДИМОЕ ПЯТНО

В ожидании приглашения в комнату мистера Трелони, в котором я нисколько не сомневался, время тянулось медленно, и мне было очень одиноко. После нескольких первых мгновений эмоционального подъема при виде радости Маргарет чувство обладания, характерное для влюбленного, охватило меня. Но длилось это чувство недолго. Счастье девушки так или иначе зависело и от мистера Трелони, а две гордые, сильные личности, хотя и были связаны очень прочными родственными связями, какие только могут существовать между отцом и дочерью, начали узнавать друг друга только тогда, когда выросла дочь. Гордость и сила натуры каждого из них, а также сдержанность — основная черта их характеров — с самого начала создали барьер в отношениях. Каждый начал уважать скрытность другого довольно поздно, и взаимное непонимание переросло в привыч-

ку. Итак, эти два любящих сердца, страстно жаждущих найти сочувствие, долго находились в разлуке. Но теперь все уладилось, и я был безмерно рад, что наконец Маргарет обрела счастье. Пока я размышлял на эту тему, а также предавался мечтам о своих личных делах, дверь открылась и мистер Трелони пригласил меня войти.

— Пожалуйста, мистер Росс! — сердечно, но не без некоторой формальности, которая несколько охладила мой пыл, произнес он.

Я вошел в комнату, и Абель Трелони протянул мне руку, которую я пожал с удовольствием. Он, не отпуская ее, подвел меня к своей дочери. Маргарет смотрела то на меня, то на него и наконец опустила взгляд. Мы стояли так близко друг к другу, я слышал ее взволнованное дыхание. Мистер Трелони нарушил затянувшееся молчание.

— Если все происходит так, как бы мне этого хотелось, нам не следует что-либо держать в тайне друг от друга. Малькольм Росс уже так много знает о моих делах, что, полагаю, он должен либо забыть о них и молча удалиться, как подобает джентльмену, либо узнать о них еще больше. Маргарет! Не хочешь ли ты, чтобы мистер Росс взглянул на твое запястье?

Девушка вопрошающе посмотрела на него, но, несмотря на ее заметное колебание, было ясно, что она приняла решение. Ничего не говоря, Маргарет подняла правую руку и сдвинула золотой браслет в виде распростертых крыльев вниз, открыв кисть.

Я похолодел от ужаса.

На ее кисти виднелась тонкая зубчатая красная линия, с которой словно стекали красные пятна, похожие на капли крови!

Девушка стояла передо мной — само воплощение гордой терпимости. Сквозь всю присущую ей мягкость и великодушное пренебрежение к собственной личности, которое я ощущал в ней, сквозь пламя огня, который, казалось, сиял из темной глубины ее глаз, освещая душу моей возлюбленной,— яркими искрами сверкала, вне всякого сомнения, гордость. Это чувство, основанное на вере, рожденное чистотой сознания,— гордость истинной королевы из прежних времен, когда принадлежность к королевскому роду требовала обладать величайшей храбростью и быть первым во всех великих деяниях. Так мы простояли несколько секунд, и в глубоком, торжественном голосе ее отца я услышал брошенный мне вызов:

— Что вы скажете теперь?

Не в силах выразить ответ словами, я взял правую руку Маргарет, склонился и чрезвычайно нежно поцеловал ее запястье. Когда, не отпуская руки девушки, я поглядел ей в лицо, то увидел на нем выражение такой радости, о которой мог только мечтать, как о райском блаженстве. Затем я обернулся к мистеру Трелони.

— Вы получили мой ответ, сэр!

Его мужественное лицо осветила гордая улыбка. Абель Трелони произнес единственное слово, когда положил свою руку на наши, сомкнутые, и нагнулся, чтобы поцеловать дочь:

— Хорошо!

Раздался стук в дверь, и в ответ на бесстрастное «Входите!», произнесенное мистером Трелони, появился мистер Корбек. Увидев нас, он в недоумении отшатнулся, и буквально в это же мгновение мистер Трелони поспешил к нему. Когда хозяин дома пожимал ему обе руки, казалось, что весь энтузиазм его молодости, о котором рассказывал нам мистер Корбек, вернулся к нему в одно́ мгновение.

— Итак, вы достали лампы! — едва ли не выкрикнул Абель Трелони.— Мои предположения в конце концов подтвердились. Пройдемте в библиотеку — там нам никто не помешает, и вы расскажете мне об этом! А пока мы беседуем, Росс,— он обернулся ко мне,— будьте добры, в знак нашей дружбы, достаньте ключи от сейфа, чтобы я смог взглянуть на эти лампы!

Когда я вернулся с ключами, они все еще были увлечены разговором; к ним вскоре после моего ухода присоединился Уинчестер. Мистер Трелони, узнав от Маргарет о его постоянном внимании, а также о том, что он, несмотря на большое противостояние, следовал всем инструкциям, попросил доктора остаться и выслушать захватывающую историю: «Это наверняка заинтересует вас».

Мы рано отобедали в тот день. После этого долго сидели вместе, беседуя, затем около шести часов вечера хозяин дома произнес:

— А теперь нам лучше всего расстаться и спокойно лечь спать пораньше. Мы можем продолжить завтра, часов в двенадцать, а сегодня мне хотелось бы все обдумать.

Доктор Уинчестер ушел первым, с любезной предусмотрительностью прихватив с собой мистера Корбека. Когда они ушли, мистер Трелони сказал:

— Думаю, сегодня вы можете переночевать у себя дома. Мне хотелось бы спокойно провести вечер с дочерью; есть многое, о чем мне следовало бы рассказать ей, и только ей. Возможно, уже завтра я смогу сообщить об этом также и вам; но в данный момент было бы лучше, чтобы нас ничего не отвлекало.

Я прекрасно понимал и разделял его чувства; но опыт последних нескольких дней был еще не забыт, и, несколько помедлив, я решил уточнить:

— Это действительно не опасно? Если бы вы знали, как...

К моему удивлению, Маргарет прервала меня:

— Малькольм, опасностей не предвидится. Я же рядом с отцом!

Говоря эти слова, она прильнула к нему, как бы защищая его своим телом. Я не знал, что ей ответить. Абель Трелони сердечно продолжил:

— Приходите как только вам захочется, Росс, например к завтраку. Мы обязательно поговорим.

Потом он тихо вышел из комнаты, оставив нас вдвоем. Я начал целовать руки Маргарет, которые она протянула мне, затем притянул ее к себе, и наши губы встретились — в первый раз.

В ту ночь я никак не мог заснуть — ощущение счастья и одновременно беспокойство прогнали сон прочь. Тем не менее ночь пролетела настолько быстро, что рассвет словно обрушился на меня, не прокрадываясь по своему обыкновению.

Еще не было девяти часов, когда я появился в Кенсингтоне. Все мое беспокойство мгновенно исчезло, как снег под лучами яркого солнца, как только я увидел, что румянец вернулся на бледные щеки Маргарет. Она сказала, что отец спал хорошо и скоро присоединится к нам.

— Я уверена,— прошептала девушка,— что мой отец специально не покидает своей комнаты, чтобы я могла первой встретить тебя и побыть с тобой наедине!

После завтрака мистер Трелони повел нас в кабинет, говоря по дороге:

— Я просил Маргарет присутствовать при нашем разговоре.

Когда мы сели, он серьезно произнес:

— Вчера вечером я сказал, что нам есть о чем побеседовать друг с другом. Осмелюсь предположить, вы думали, что это касается Маргарет и вас. Я прав?

— Именно так.

— Хорошо, мой мальчик, все правильно. Мы говорили с Маргарет, и мне известны желания моей дочери.

Я крепко пожал протянутую им руку, а затем поцеловал Маргарет, подвинувшую свой стул ближе ко мне, чтобы мы смогли держаться за руки во время разговора. Абель Трелони продолжал несколько поспешно, что показалось мне странным:

— Вам известно очень многое о моей охоте за мумией царицы Теры и вещами, ей принадлежавшими; осмелюсь добавить, что вы догадываетесь о многих моих связанных с ней теориях. Об этом, если возникнет необходимость, я могу рассказать позже и ответить на любые вопросы — когда вам будет удобно. Но есть безотлагательное дело, о котором мне надо посоветоваться с вами сейчас, и оно заключается в следующем: Маргарет и я не достигли соглашения по одному вопросу. Я говорю о проведении эксперимента, который смог бы увенчать двадцать лет исследований, жизнь среди подстерегавших меня опасностей и неописуемое количество подготовительной работы. С его помощью нам стало бы известным знание, которое в течение веков было недоступно человечеству. Мне бы не хотелось, чтобы моя дочь присутствовала при нем, так как нельзя не учитывать тот факт, что данный эксперимент может быть сопряжен с риском, причем неизвестной природы. Однако я неоднократно попадал в своей жизни в исключительные обстоятельства, таким же опытом обладает мой бесстрашный ученик мистер Корбек, который помогал мне в работе, поэтому нам не страшно рисковать. Эксперимент пошел бы на пользу науке, истории и философии, и мы смогли бы перевернуть еще одну страницу в книге человеческой мудрости в наш прозаический век. Но повторяю, риск слишком велик, и мне ненавистна даже мысль о том, что моя дочь...— Он на мгновение замолчал, словно у него перехватило дыхание, затем продолжил: — Ее юная счастливая жизнь представляет собой великую ценность, чтобы

можно было обращаться с ней столь легкомысленно, особенно теперь, когда она находится на пороге своего счастья. Я не желаю видеть, как она лишится жизни, как случилось с ее дорогой матерью...

Мистер Трелони прикрыл глаза руками. В одно мгновение Маргарет оказалась возле него, она принялась обнимать и целовать его, тихо нашептывая ласковые слова. Затем, выпрямившись и держа одну руку на его плече, девушка твердым голосом обратилась к нему:

— Отец! Мама не приказывала тебе оставаться возле нее, даже когда ты задумал отправиться в полное опасностей путешествие, когда Египет был целиком охвачен войной. Ты сам рассказывал мне о том, как она уважала твою свободу и твое право ехать туда, куда ты считал нужным. Она беспокоилась о тебе, и вот доказательство! — Девушка приблизила к его глазам свое запястье со шрамом, который, казалось, источал кровь.— Теперь дочь Дженни поступает так, как на ее месте поступила бы она сама! — Затем Маргарет обернулась ко мне: — Малькольм, ты знаешь, что я люблю тебя! Но любовь предполагает доверие, и ты должен доверять мне пред лицом опасности не меньше, чем в радости. Я предлагаю тебе присоединиться к нам с отцом. Вместе мы можем преодолеть опасность или — если не добьемся успеха — умереть. Таково мое желание, мое первое требование, предъявляемое будущему мужу! Как ты думаешь, я права, правда? Скажи отцу, что ты об этом думаешь!

Она была похожа на королеву, обратившуюся с мольбой. Мой бог, я любил ее безмерно! Я встал возле Маргарет, взял ее за руку и произнес:

— Мистер Трелони! Маргарет и я — это одно целое, только смерть разлучит нас.

Он крепко сжал, соединяя, наши руки, затем с глубоким волнением произнес:

— Именно так поступила бы Дженни!

Мистер Корбек и доктор Уинчестер пришли в точно назначенное время и присоединились к нам в библиотеке. Несмотря на состояние безмерного счастья, в котором я пребывал, предчувствия подсказывали мне, что предстоящий разговор будет

иметь весьма важное значение. Мысли о недавних странных событиях, а также о том, что еще более необычное может ждать нас впереди, не оставляли меня, как тяжкий груз на плечах. От моего внимания не ускользнуло, что остальные тоже пребывают в подобном состоянии духа.

Мы расположились вокруг мистера Трелони, который придвинул свое огромное кресло к окну. Маргарет села возле него справа, я — рядом с ней, Юджин Корбек слева, а доктор Уинчестер — напротив. После нескольких секунд молчания хозяин дома обратился к мистеру Корбеку:

— Вы рассказали доктору Уинчестеру обо всем, что произошло до сих пор, как мы условились?

— Да,— кивнул тот.

Мистер Трелони продолжал:

— А я рассказал все Маргарет, так что непосвященных среди нас нет! — Затем последовал вопрос к доктору: — Правильно ли я понял, что вы, будучи в курсе всего, что знаем мы, хотите принять участие в эксперименте, который мы надеемся произвести?

Ответ доктора был искренним и бескомпромиссным:

— Конечно! Даже не владея никакой информацией, я пытался помочь вашей дочери, решив для себя довести дело до конца. Теперь, когда мне многое известно, я тем более увлечен, заинтересован происходящим. Будьте совершенно спокойны в отношении меня. Я — ученый и исследователь, к тому же совершенно одинок и волен делать все, что мне угодно, распоряжаться всем, вплоть до собственной жизни!

Мистер Трелони торжественно поклонился и, повернувшись к мистеру Корбеку, сказал:

— Мы знакомы уже в течение многих лет, старина, так что у меня нет нужды задавать вам подобные вопросы. Что же касается Маргарет и Малькольма Росса, они уже высказали мне свои желания и не сомневаются по поводу принятого решения.

Он сделал паузу, словно приводил в порядок мысли; затем начал излагать свою точку зрения и предполагаемые намерения. Абель Трелони говорил медленно, тщательно подбирая слова, видимо постоянно помня о том, что некоторые из нас, слушавших его, были совершенно невежественны в отношении

природы и происхождения тех явлений, о которых шла речь; он объяснял их по ходу своего рассказа:

— Эксперимент, который предстоит нам произвести, имеет своей целью определить, какой мощью и реальной силой обладает древняя магия. Вероятно, сейчас создались самые удачные условия для проведения этого опыта; я сделаю все возможное, чтобы мое видение, мое оригинальное истолкование оказалось эффективным. В то, что существует некая магическая сила, я твердо верю. Невозможно создать или каким-то образом симулировать подобную мощь в настоящее время; но я полагаю, что если в прежние времена она существовала, то среди своих свойств могла обладать в том числе исключительной долговечностью. Что бы ни говорили, события, описываемые в Библии, не являются мифом, а в ней мы читаем, что солнце остановилось по приказанию человека и что осел — не человек — заговорил. И если колдунья из Аэндора смогла вызвать душу Самуила, почему не допустить, что существовали подобные ей по колдовской силе и, возможно, хотя бы одна из них дожила до сих пор? В самом деле, ведь в Ветхом Завете сказано, что колдунья из Аэндора была одной из многих и то, что именно она помогла Саулу, можно отнести к чисто случайным совпадениям. Он только искал среди многих, кого изгнал из Израиля,— «волшебников и гадателей». Египетская царица Тера, правившая примерно за две тысячи лет до Саула, была колдуньей и тоже имела гадателя. Обратите внимание, как ее современники-жрецы и последующие во времени представители этого сословия пытались уничтожить память о ней — чтобы никто не смог когда-нибудь узнать даже ее имя. И они преуспели в этом настолько, что даже Манефон, историк египетских фараонов, живший в третьем веке до Рождества Христова и располагавший всей совокупностью преданий жречества за тридцать предшествующих столетий — для него были доступны любые записи,— нигде не упомянул ее имени. Кстати, никому из вас не пришло в голову, кто же был ее гадателем?

Тут речь его прервал доктор Уинчестер, который, едва ли не вскочив с места, вскричал:

— Кот! Мумия кота!

Мистер Трелони довольно рассмеялся.

— Вы правы! Имеются все доказательства, что гадателем царицы-колдуньи был кот, которого мумифицировали одновременно с ней, и эту мумию в отдельном саркофаге поместили в гробницу рядом с ее саркофагом. Именно он вцепился мне в кисть, оцарапав своими острыми когтями.

Замечание Маргарет прозвучало по-детски непосредственно:

— Тогда мой бедный Сильвио оправдан! Как я рада!

Отец погладил ее по голове и продолжал:

— Эта женщина, судя по всему, обладала даром предвидения экстраординарной силы. Для царицы не существовало границы времени. Казалось, Тера предвидела последствия, вызванные слабостями собственного правления, и приготовила для себя в случае опасности выход в другой мир. Обращая свой взгляд к созвездию Большой Медведицы, все свои надежды она связывала с севером, откуда дули холодные, бодрящие ветры. На стенах гробницы написано, что при ее рождении на Землю упал огромный метеорит, из середины которого извлекли драгоценный камень — рубин с семью звездами, расположенными точно в соответствии со звездами ковша, определившего время ее рождения, причем каждая звезда этой драгоценности семиконечна, что само по себе является чудом минералогии. Царица Тера придавала этому камню магическое значение, считая его своим талисманом. Необычная семигранная шкатулка, как сообщают те же записи, тоже сделана из метеорита. Число семь было для нее магическим числом, и это неудивительно для женщины с семью пальцами на одной руке и с семью пальцами на одной ноге. Кроме того, как мы знаем из текста стелы на ее гробнице, царица родилась в седьмом месяце, посвященном Хатхор — богине, от которой ведет свое происхождение ее род, то есть Интефы из Фив. Хатхор в своих опять-таки семи воплощениях символизирует в том числе красоту, удовольствие и возрождение. Кроме того, в этом седьмом месяце, который по более позднему египетскому календарю начинался с 28 октября и длился до 27 числа нашего ноября, на седьмой день Большая Медведица как раз поднимается над горизонтом в небе Фив. Именно поэтому используемая в мистических целях магия царицы Теры, в основе которой лежало число семь, возникла именно здесь и именно в это время. Эта женщина владела всеми научными познаниями своего време-

ни. Ее мудрый и предусмотрительный отец позаботился обо всем, зная, что ей предстоит борьба со жрецами. Не забывайте, что в Древнем Египте зародилась такая наука, как астрономия, достигнув невероятных высот; астрология, следуя за астрономией, также добилась больших успехов. Возможно, что в дальнейшем, при изучении световых лучей, мы обнаружим, что астрология также является подлинной наукой. Вспомните, что египтянам были знакомы науки, в отношении которых мы, несмотря на прогресс, не имеем впечатляющих достижений. Я имею в виду акустику, точные данные которой использовали строители храмов Карнака, Луксора или пирамид, а они сегодня кажутся чудом для Белла, Кельвина, Эдисона и Маркони. Древние ученые Египта, возможно, нашли практическое применение и силе света, о чем в настоящее время мы можем только мечтать. Но об этом я буду говорить позже. Обратимся к шкатулке царицы Теры — не исключено, что внутри нее содержатся силы, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Она сделана из твердого камня удивительной прочности, скорее похожего на драгоценный камень, чем на обычный минерал. Как был выбран такой камень, что полупрозрачные пятна на нем соответствуют взаимному расположению семи звезд Большой Медведицы? По какой причине при свете звезд шкатулка начинает светиться изнутри? Почему, когда я подбираю лампы определенной формы, свечение еще больше усиливается и при этом шкатулка никак не реагирует на источник обычного света, независимо от его мощности? Повторяю, что в шкатулке сокрыты великие чудеса науки. Однако ее невозможно открыть. Тем не менее интуиция подсказывает мне, что ее удастся открыть именно с помощью света: или путем облучения светом, выделенным из какого-нибудь вещества, обладающего чувствительностью, скажем, к механическому удару, или благодаря высвобождению некоей энергии. Надеюсь только на то, что при нашей невежественности мы не используем грубые способы, которые могли бы разрушить этот механизм; поэтому не будем пользоваться знаниями нашего времени, а постараемся найти способы, существовавшие более пяти тысяч лет тому назад. Кроме того, в шкатулке могут находиться сведения, которые будут способствовать просвещению человечества. Мы знаем, что в Египте владели искусством составления лекарств,

египтяне изучали свойства трав и минералов для белой и черной магии. Им также было доступно знание гипнотического воздействия, которое в виде искусства или науки родилось на берегах древнего Нила. Не исключено, что в шкатулке может храниться целый арсенал средств, воздействующих на сны: египтяне, эти древние практики, могли управлять сном по своей воле и усмотрению, и не только сном. Некоторые силы, заключенные в шкатулке, может быть, уже воздействовали на мою семью.

Уинчестер решил вмешаться:

— Но если в вашем случае некоторые из заключенных в ларце сил были задействованы, что может освободить их в благоприятное время и каким образом? Кроме того, вы и мистер Корбек однажды уже были погружены в транс на целых три дня. И как я понял из рассказа мистера Корбека, тогда шкатулка в усыпальнице отсутствовала, хотя мумия была на месте. А где же содержалась эта сила? Какой взгляд сформировался у вас на этот вопрос?

Голос доктора вибрировал, отражая степень его волнения; он наклонился вперед, тяжело дыша и уставившись на мистера Трелони неподвижным взглядом. Ответ не заставил себя ждать:

— В мумии царицы Теры! Я догадался об этом совсем недавно. Возможно, нам следует подождать, пока я смогу несколько прояснить ситуацию. Я имею в виду то, что эта шкатулка изготавливалась для специальных целей, так же как и все предметы, находившиеся в усыпальнице. Царица Тера могла не беспокоиться об охране своей мумии от змей и скорпионов, гиен и грабителей, ведь ее тело находилось в этой каменной гробнице, высеченной в скале на расстоянии ста футов от поверхности земли и на уровне пятидесяти футов ниже ее вершины. Меры предосторожности в основном были направлены против действий рук человеческих, против ревности и ненависти жрецов, которые, если бы знали об истинных намерениях царицы, постарались бы расстроить все ее планы. В чем они заключались? Правительница Тера сделала все возможное, чтобы подготовить свое возрождение, когда бы оно ни должно было произойти. При изучении символических рисунков на стенах гробницы я понял, что вера необычной египтянки отличалась от веры ее современников: она, например, ожидала своего воз-

рождения во плоти. Вне всякого сомнения, именно это ее намерение увеличивало ненависть жрецов и оправдывало их действия, направленные на уничтожение самого существования, настоящего и будущего, человека, который отвергал их теории и оскорблял их богов. Итак, все, что могло ей понадобиться при осуществлении возрождения и после него, было собрано в этих почти герметически запечатанных помещениях в скале. В огромном саркофаге, который, как вы знаете, выглядит совершенно необычно в сравнении с саркофагами других царей, находилась мумия ее гадателя, кота, которого из-за его гигантских размеров я склонен считать разновидностью тигрового кота. В гробнице, также в прочной емкости, хранились кувшины-канопы, обычно содержавшие внутренние органы, бальзамировавшиеся отдельно, но в данном случае они оказались пусты. Поэтому я считаю, что при этом захоронении вообще не было традиционного бальзамирования, а все органы были мумифицированы и уложены в тело, каждый на свое место. Если эта догадка соответствует истине, следует также заключить, что мозг царицы или вообще не извлекался обычным способом, или если все же был вынут, то затем его вернули на место. Посмотрите, с какой тщательностью были осуществлены действия с целью сохранить контроль над силами природы! В соответствии с верой царицы Теры открытая рука, не завернутая в ткани для бальзамирования, управляет воздухом, а странный драгоценный камень с сияющими звездами — огнем. Символы, изображенные на подошвах ее ног, дают ей власть над землей и водой. О звездном камне я расскажу вам несколько позже; пока же обратите внимание на то, как царица охраняет свой секрет в случае ограбления могилы или вторжения в нее с иной целью. Огромная крышка саркофага не запечатана, как это бывает обычно, потому что Тера желает контролировать пространство вокруг себя. Никто не может открыть шкатулку без особых светильников, ведь теперь мы уже знаем, что обычный свет в этом случае не эффективен. Но она спрятала светильники, относящиеся к шкатулке, причем в такое место, где их никто не мог найти, за исключением случая, предусмотренного ею, когда глазами мудрого человека руководят специальные указания. И даже в этом случае царица обеспечила их безопасность: если загадка будет разгадана случайно, приготовлен смертельный удар для ничего

не подозревающего человека, занятого поисками. Для этой цели она использовала традиционный способ хранителей сокровищ пирамид, придуманный ее великим предшественником из Четвертой династии, восседавшим на троне Египта. Полагаю, вы заметили, что в устройстве усыпальницы имеются отклонения от обычных правил. Например, шахта, которая обычно наполняется твердыми камнями и мусором, была оставлена открытой. Почему это было сделано? Мне кажется, царица таким образом обеспечила себе выход из гробницы, когда после возрождения она должна превратиться в новую женщину. Все, что было необходимо для ее появления в новом облике, было тщательно продумано, вплоть до железной цепи, с помощью которой царица смогла бы спуститься на землю. То, что Тера ожидала долгого периода небытия, можно определить по выбору ею материала для всех вещей, находившихся в склепе. И тем не менее мы не можем вообразить, каковы были ее намерения, и никогда этого не узнаем, разве что смягчатся ее мертвые губы и она заговорит.

Глава XV

ЦЕЛИ ЦАРИЦЫ ТЕРЫ

— Теперь вернемся к рубину из семи звезд. Правительница Верхнего и Нижнего Египтов открыто провозглашала его величайшей из своих драгоценностей. На нем она выгравировала слова, которые никто из ее современников никогда бы не осмелился произнести. У древних египтян существовало поверье, то есть слова, которые при правильном употреблении (методах произнесения был не менее важен, чем сами слова) могут управлять богами Верхнего и Нижнего Миров. Хекау, или слово власти, было наиболее значимым в целом ряде ритуалов. На драгоценном камне, которому, как вы знаете, была придана форма скарабея, выгравированы два таких хекау, одно под другим. Но вы все поймете лучше, когда увидите рубин! Подождите!

С этими словами Абель Трелони поднялся и вышел из комнаты. Жуткий страх — а вдруг с ним случится что-нибудь ужасное — охватил меня; но, как ни странно, он прошел, стоило

мне взглянуть на Маргарет. Если возникала опасность для жизни ее отца, девушка ощущала это и испытывала огромную тревогу за него; теперь же она была спокойна и безмятежна. Я не стал ничего говорить и терпеливо ждал, как будут развиваться события.

Через две-три минуты хозяин дома вернулся, держа в руке маленький золотой футляр. Он снова опустился в свое кресло и положил изящную вещицу на стол прямо перед собой. Мы все подались вперед, когда Абель Трелони открыл футляр.

На подкладке из белого атласа лежал удивительный рубин огромных размеров, почти такой же большой, как верхний сустав мизинца Маргарет. Он был огранен — вряд ли форму жука можно счесть природной,— но на его поверхности не были различимы следы рабочего инструмента — ни на туловище скарабея со сложенными крыльями, ни на лапках, прижатых к бокам. Внутри камня искрились семь звезд, каждая из которых была семиконечной; их расположение точно воспроизводило форму созвездия Большой Медведицы. На рубине были вырезаны какие-то иероглифы. Совершенство формы камня, а также четкость надписи я смог оценить, когда подошла моя очередь воспользоваться увеличительным стеклом, которое мистер Трелони вынул из кармана и передал нам.

Когда мы разглядели рубин во всех подробностях, Абель Трелони перевернул его. Обратная сторона камня оказалась не менее удивительной, чем верхняя, и напоминала брюшко жука. На ней тоже были вырезаны какие-то иероглифы и символы. Мистер Трелони возобновил свою лекцию, в то время как мы склонились над этим удивительным камнем:

— Как вы видите, здесь написано два слова, одно сверху, другое — снизу. Полагаю, все вы знаете о том, что иероглифы — это древнеегипетское рисунчатое письмо. Первоначально каждому рисунку соответствовало определенное слово, позднее появились также слоговые и согласные знаки; гласные звуки не выражались. Иероглифы могут быть и буквами, и слогами, и сокращенными понятиями; наконец, при окончании слова они могут определять его характер, как, например, здесь внизу. Первый символ — мотыга «мер», его можно прочесть как «долго и упорно трудится», а два заостренных эллипса — дли-

тельный конечный звук «р»: мер-р-р; сидящая фигура с рукой, поднятой к лицу,— его мы назвали бы «определяющий мысль»; а свиток папируса — «документ». Итак, мы получили слово «терпение» в его общем и наиболее полном значении. Это хекау, которое может управлять Нижним Миром.

Лицо Маргарет сияло, когда она произнесла глубоким, звенящим голосом:

— Но ведь это правда! Как мудры эти древние люди!

Румянец залил ее щеки, девушка смущенно опустила глаза. Отец ласково улыбнулся ей и продолжил рассказ:

— Иероглифы на внешней стороне камня оказались проще, хотя общее значение кажется мне более туманным. Первый символ означает «человек», а второй — «аб» — «сердце». Итак, мы получаем «обитатель сердца», или я истолковал бы так: «любовь». И это хекау для управления Верхним Миром!

Он закрыл футляр и, жестом призвав нас оставаться на своих местах, пошел в кабинет, чтобы снова положить рубин в сейф. Когда он вернулся и сел на свое место, рассказ возобновился:

— Эта драгоценность с мистическими символами, которую царица Тера скрывала под своей ладонью, лежа в саркофаге, была важным фактором — возможно, наиболее важным — для ее возрождения. С самого начала я инстинктивно понял это и хранил камень в моем большом сейфе, откуда никто не мог его достать; это не удалось бы даже самой царице Тере, точнее, ее астральному телу.

— Ее астральному телу? Что это означает, отец? Что это означает?

В голосе Маргарет звучала столь сильная заинтересованность, когда она задавала этот вопрос, что меня это немного смутило; но Абель Трелони усмехнулся с отцовской снисходительностью, и эта улыбка несколько разрядила угрюмую торжественность обстановки.

— Астральное тело, о котором рассказали миру буддисты, является признанным фактом в современном мистицизме. Насколько нам известно, в Древнем Египте о его существовании уже знали. Одаренная личность может по своему желанию со скоростью мысли оказаться в любом месте путем расщепления

и возрождения микрочастиц. По древним поверьям египтян, нематериальная основа человеческого существа состоит из нескольких частей. Первой из них является Ка, или «двойник»; его, по утверждению многих египтологов, можно определить как «абстрактную индивидуальность личности», которая обладает всеми характерными атрибутами индивидуальности, но существует абсолютно независимо. Она свободно перелетает с одного места на земле на другое по собственному желанию; она может даже оказаться на небесах и беседовать с богами. Человек и его Ка похожи, как две руки, поэтому иероглиф представляет собой рисунок двух рук, поднятых кверху. Иногда Ка изображают в виде темного, похожего на тень силуэта. К трансцендентным основам также относились: Ба, Аб, Шуит, Кху, Ах и Рин. Ба — чистый дух человека; сокол с человеческой головой. Когда Ба покидает тело, наступает смерть, когда возвращается к мумии — умерший воскресает для вечной жизни в загробном царстве, именно поэтому необходимо бальзамировать мертвое тело. Аб, или сердце, тесно связано с душой и считается источником как животной жизни, так и добра и зла в человеке. Шуит, или тень, тоже тесно связано с Ба. Кху, или дух души, считается эфирной субстанцией, по сути, той самой душой, которая не может умереть ни при каких обстоятельствах; Кху обитает в Ах, или в духовном теле человека. Рин — имя, ради его сохранения египтяне принимали чрезвычайные меры предосторожности, ибо, согласно распространенному в те времена верованию, если человеку не удавалось сохранить имя, он переставал существовать. Можно заметить, что если бы такое разделение функций, духовных и телесных, эфемерных и вещественных, идеальных и реальных, оказалось точным, то существовали бы возможности и способы реального возрождения тела под постоянным руководством и наблюдением свободной воли и разума.

Когда рассказчик остановился, я прошептал пришедшие мне на память строки из «Освобожденного Прометея» Шелли:

— «Встретил собственный образ, входящий в сад».

— Именно так! — одобрил Абель Трелони в своей обычной спокойной манере.— Шелли лучше разбирался в древних религиях, чем любой из наших поэтов.

Лекция — а для некоторых из нас рассказ хозяина дома можно было определить именно так — продолжалась.

— Вы должны иметь в виду, что у древних египтян существовало другое поверье; оно касается «ушебти» — фигурок, которые помещались в захоронение вместе с мертвыми, чтобы выполнять их работу в Нижнем Мире. Расширение этой идеи приводит к тому, что посредством магических формул возможно передавать душу и качества любого живого существа фигуре, повторяющей образ этого живого существа. Представляете, о какой власти того, кто обладает таким магическим даром, может идти речь! Из объединения различных поверий и их природных связей я пришел к заключению: царица Тера была уверена, что сумеет осуществить свое собственное возрождение, как только она этого пожелает и там, где захочет. Она могла отсрочить это событие на неопределенное время с тем, чтобы ее усилия наверняка увенчались успехом. Я не буду останавливать ваше внимание на пояснении этой мысли, а обращусь к ней несколько позже. Душа, беседующая с богами, дух, странствующий по земле по собственной воле, способность к астральным путешествиям — у Теры не было пределов или границ для осуществления своих планов. Все эти сорок столетий она оставалась спящей в своей гробнице — в ожидании. Она обладала терпением, которое может управлять богами Нижнего Мира, и той любовью, посредством которой можно управлять богами Верхнего Мира. О чем она мечтала — нам не дано узнать; но ее мечта разрушилась, когда голландский путешественник вошел в ее усыпальницу, украшенную скульптурами, а его спутники нарушили священное одиночество, украв руку царицы. Эта кража и все, что за ней последовало, доказали нам одну вещь: часть мумии царицы — ее рука — может стать точкой притяжения микрочастиц ее астрального тела. Теперь перейдем к венцу моих аргументов. Цель нападения на меня заключалась в том, чтобы открыть сейф и достать из него священную драгоценность — рубин с семью звездами. Огромная дверь сейфа не смогла удержать ее астральное тело, любая часть которого или все оно целиком могло собраться как внутри сейфа, так и вне его. И я не сомневаюсь, что в темноте ночи рука мумии искала драгоценный талисман и извлекала новый прилив сил от сопри-

косновения с ним. Но астральное тело, несмотря на все его могущество, не может вынуть рубин сквозь стены сейфа. Камень не является астральным предметом, поэтому извлечь его можно только обычным способом, открыв двери. Для этой цели царица использовала свое астральное тело и свирепую силу гадателя, чтобы завладеть ключом от сейфа. Я предполагал возможность подобных событий, более того, верил в их неизбежность и охранял себя от сил Нижнего Мира. Я тоже терпеливо ждал, пока смогу собрать вместе все необходимое для возрождения мумифицированной царицы!

Абель Трелони замолчал, и раздался голос его дочери, ясный и мелодичный:

— Отец, в египетской вере мумифицированное тело может возрождаться много раз в течение веков или только однажды и окончательно?

— Может быть только одно возрождение,— ответил Абель Трелони.— Есть люди, верящие в то, что умершее тело сможет возродиться в реальном мире. Но большинство не верит в это, потому что дух — Ка — находит радость в райских полях, где для него всегда есть пища и он может не страшиться голода. Ведь там всегда есть влага, тростники с глубокими корнями и все те радости, которых жаждут люди из засушливых земель под обжигающим солнцем.

Затем серьезным тоном снова заговорила Маргарет. Казалось, речь ее шла из самого сердца, а голосом говорила сама ее душа. Слушая девушку, мы ощущали небывалый восторг.

— Мне теперь становится понятно, к чему стремилась эта мудрая и благородная женщина, какова была мечта, которая держала ее душу в терпеливом ожидании десятки проходящих столетий. Это была мечта о любви. Только это чувство могло бы пробудить Теру. Любовь — мечта в жизни любой женщины, в древнем и новом мирах, язычницы и христианки, принцессы и нищенки... хотя могут быть и другие боли и радости в жизни женщины. О! Я знаю об этом! Я женщина и знаю женское сердце. Я знаю, что означали для нее недостаток пищи и ее изобилие, чем были для нее праздник и голод, для этой женщины, рожденной во дворце, под сенью корон двух Египтов! Чем были для нее тростниковые болота и звон ручейка, для нее, чьи корабли плыли по всему Великому Нилу от гор до самого моря. Чем были для нее мелкие радости и отсутствие глупого страха, для нее, поднятие руки которой уничтожало целые армии или привлекало к великолепию ее дворцов торговцев со всего мира! По ее слову вырастали храмы, хранящие все сокровища искусства древних времен. Это по ее замыслу и под ее руководством твердая скала превратилась в усыпальницу, построенную по ее велению! Несомненно, у такой женщины были самые благородные мечты! Я ощущаю их в собственном сердце и вижу их стоит мне закрыть глаза!

В то время как она говорила об этом, казалось, ее вело вдохновение; взгляд устремился вдаль, словно ей было дано разглядеть нечто за пределами видения смертных. А затем ее глаза наполнились слезами — такова была сила эмоций!

— Я могу видеть ее в одиночестве и молчании, погруженную в собственные мечты, разительно отличающиеся от фантазий окружающих ее людей. Она мечтала о другой земле, далеко-далеко отсюда, под куполом тихой ночи, освещенной холодным прекрасным светом звезд, земле, лежащей под Полярной звездой, где дули освежающие ветры и жизнь представлялась ей иной. Там не было интриг и злодейства жрецов, устраивающих бесконечные заговоры, стремящихся захватить власть, путь к которой шел через мрачные храмы и еще более мрачные усыпальницы, через нескончаемый ритуал бесконечных смертей. Она мечтала о далекой земле, где любовь не средство для достижения корыстных целей, а божественное сокровище души — возможно, именно здесь существовала некая родственная душа, чья жизнь способна была соединиться с ее жизнью с помощью духовной связи, как их дыхания смешивались бы в окружающем воздухе! Я знаю это чувство, потому что сама испытывала его. Я могу говорить об этом теперь, так как благословение вошло в мою собственную жизнь и дает мне возможность выразить чувства, саму жаждущую душу царицы, поднявшейся над своим временем и так непохожей на свое окружение. О Тера, ты способна была управлять силами Нижнего Мира и всей мощью пантеона высоких богов!

Мы, мужчины, сидели в молчании, пока девушка со всем пылом юности, со страстью, присущей зрелой женщине, излагала

нам свою интерпретацию планов и целей необычной правительницы древней страны. Слова, а также интонация, с которой она их произносила, несли в себе осознание собственной веры Маргарет. Величие ее мыслей, казалось, приподнимало нас над обыденностью. Вдохновенную речь, наполненную огромной силой внутреннего убеждения, можно было сравнить с великим музыкальным произведением, переворачивающим душу.

Лицо мистера Трелони было исполнено блаженного удовольствия. Я знал причину его возникновения и понимал, какое счастье вошло в его жизнь по возвращении в реальную жизнь после временного пребывания в небытии. Найти в своей дочери, чья натура до сегодняшнего дня была ему совершенно неизвестна, богатство эмоций, великолепие духовного прозрения, воображение, оригинальность суждений, достойную серьезного ученого... Остальную часть его чувств составляла надежда!

Что касается меня самого, то, похоже, я пребывал в каком-то трансе. Любовь предоставляет безграничные возможности для сердца и души влюбленного, за его плечами вырастают крылья, и он способен летать, подобно ангелам. И все же... Кем было это новое, излучающее свет существо, добившееся права на существование в тумане и темноте наших опасений? Я знал, что натура моей Маргарет обладала божественными возможностями разного рода. С тех пор как на пикнике под сенью развесистой ивы я впервые заглянул в глубину ее прелестных глаз, меня не оставляла твердая вера в совершенство ее натуры, но этот парящий и все постигающий дух явился, конечно, откровением. Гордость, радость и восторг переполняли меня.

Когда присутствующие снова спустились на землю, каждый — своим путем, мистер Трелони, держа дочь за руку, продолжил свою лекцию:

— Теперь рассмотрим тот период времени, на который царица Тера наметила осуществление своей мечты. Я поддерживаю контакты с самыми квалифицированными астрономами, занимающимися расчетами, связанными с положением звезд. Как вы знаете, звезды изменяют свое относительное расположение на небе, хотя реальные расстояния перемещений находятся за пределами нормального сознания и наблюдаемые изменения невелики. Тем не менее они поддаются измерениям,

конечно, если вычислять перемещение не за годы, а за века. В процессе изменений относительных положений звезд созвездия обретают новую форму, и Большая Медведица в этом смысле представляет прекрасный наглядный пример. Перемещения звезд даже за сорок столетий настолько малы, что практически незаметны для невооруженного взгляда, не имеющего опыта наблюдения за малыми перемещениями, но эти изменения могут быть измерены и проверены. Заметил ли кто-либо из вас, как точно все семь звезд рубина повторяют рисунок ковша или как соответствуют расположению звезд в созвездии прозрачные пятна на шкатулке?

Мы все дружно закивали, подтверждая свое согласие. Абель Трелони улыбнулся:

— Вы совершенно правы, соответствие — точное. И все же когда царица Тера лежала в своей гробнице, ни звезды в драгоценном камне, ни прозрачные пятна на шкатулке не соответствовали положению звезд в созвездии, каким оно было тогда.

Мы переглянулись в изумлении: необычная истина открылась нам. Голос мистера Трелони зазвенел:

— Вам понятно значение этого обстоятельства? Не проливает ли оно свет на намерения царицы? Ведомая предсказаниями, магией и суевериями, она выбрала время для своего возрождения, на которое, казалось, указали ей сами боги, отправлявшие послания на стрелах молний из других миров. Если это время было установлено сверхъестественной мудростью, верх человеческой мудрости — положиться на волю богов...

Он сделал паузу и затем заговорил более спокойным тоном:

— Таким образом, для нас в нашем мире представилась возможность тайного подглядывания в древний мир, мы получили привилегию, недоступную никому другому. Возможно, это единственный шанс за всю историю человечества. От начала и до конца тайнопись и символы необычного захоронения этой удивительной женщины полны направляющего света; а ключ к разгадке многих тайн лежит в драгоценном камне, который она зажала в мертвой руке над своим мертвым сердцем, которое, как она надеялась и верила, вновь забьется в более молодом и достойном ее мире! Маргарет одарила нас истинной интерпретацией чувств царицы!

Говоря эти слова, Абель Трелони с нежностью поглядел на дочь.

— Что касается меня, то искренне надеюсь, что она оказалась права. В таком случае, я уверен в этом, было бы замечательно, если бы мы могли помочь царице Тере в реализации этой надежды. Но мы не должны продвигаться слишком быстро или чрезмерно уверовать в знания, которыми располагаем в настоящее время. Голос, который мы, казалось, слышали, читая надписи на стенах усыпальницы, шел из времен, очень сильно отличающихся от наших, когда человеческая жизнь ничего не стоила, а мораль мало считалась с ценой усилий, прилагаемых для преодоления препятствий на пути к достижению желанной цели. Однако вернемся к шкатулке, которую вполне можно назвать волшебной. Я убежден, что она открывается только при соблюдении определенных световых законов или при использовании некоторых возможностей, которые не известны нам в настоящее время. Здесь перед нами простирается огромное пространство для предположений и экспериментов, так как ученые до сих пор не научились различать виды, мощность и степени освещенности. Не анализируя различные виды лучей, мы можем принять на веру, что существуют различные свойства мощности света; эта огромная область научных исследований представляет собой почти неизведанную страну. Пока мы так мало знаем о силах природы, что наше воображение не нуждается в ограничении пределов в будущем. В течение всего нескольких последних лет ученые произвели такие открытия, за которые несколько столетий назад их могли объявить колдунами и сжечь. Рентгеновские и беккерелевские лучи, открытия в химии: радий, гелий, полоний, аргон, жидкая фракция кислорода. И если мы в конце концов сможем доказать существование различных видов и качеств света, то обнаружим, что, например, сгорание характеризуется различными мощностями процесса, а одни виды пламени имеют свойства, какими не обладают другие. Полагаю, у каждого из нас была возможность заметить, что свет от рапсового масла отличается от света, который дает парафин, или что пламя угольного сгорания и пламя китового жира также различаются. Ученые обнаружили это различие в освещении. Мне пришло в голову, что, возможно, когда открыли гробницу царицы Теры, в масле, сосуды с которым обнаружили в усыпальнице, произошли изменения. Эти сосуды не были использованы для сохранения внутренностей, как это делалось обычно, поэтому можно предположить, что их хранили в гробнице для каких-то специальных целей. Я вспомнил Ван Хайна, он писал о способе запечатывания этих сосудов, легком, но достаточно эффективном. Их можно открывать без особого усилия. Сосуды находились в саркофаге, который, несмотря на огромную прочность и возможность закрываться герметично, открывается так же легко. Итак, я приступил к осмотру сосудов. Очень небольшое количество масла в них все еще сохранилось, но оно загустело за два с половиной столетия, в течение которых сосуды оставались открытыми, и при этом не прогоркло. Исследуя масло, я определил, что оно было кедровым и, кстати, до сих пор источает слабый аромат. Это обстоятельство натолкнуло меня на мысль, что его использовали для заполнения ламп. Кто бы ни заполнял маслом сосуды и укладывал их затем в саркофаг, он знал, что с течением времени возможен процесс усыхания, поэтому каждый сосуд содержал масло на шесть заправок ламп. С сохранившимся маслом я произвел несколько экспериментов, получив при этом интересные результаты. Вы знаете, доктор, что кедровое масло, которое в больших количествах использовали при бальзамировании и исполнении церемониальных ритуалов над мертвыми египтянами, обладает ярко выраженным свойством преломления, не сравнимым по этому параметру с другими маслами? Например, мы используем его в линзах своих микроскопов для получения дополнительной четкости изображений. Прошлой ночью я влил немного такого масла в одну из ламп из гробницы и поместил лампу вблизи просвечивающей части волшебной шкатулки. Результат оказался впечатляющим: свечение внутри было ярче и интенсивнее, чем я мог себе вообразить, в то же время простой электрический свет, источник которого был помещен таким же образом, практически не дал никакого эффекта. Я пытался проделать тот же эксперимент с другими светильниками, но не обнаружил у себя нужного запаса масла. Однако я послал за ним и ожидаю вскоре получить значительное количество кедрового масла. И тогда... наш эксперимент... Мы увидим! Мы увидим!

Доктор Уинчестер, очевидно, следовал за логическими построениями хозяина дома, в связи с чем его комментарий был таков:

— Я надеюсь, что, если только освещение особого рода является эффективным средством воздействия на шкатулку, механизм ее не может быть испорчен или уничтожен.

Надо сказать, что его слова не могли не вселить надежду в наши души.

Глава XVI
ПЕЩЕРА

Вечером мистер Трелони снова собрал нас у себя в кабинете, чтобы поделиться своими планами:

— Я пришел к следующему заключению: для надлежащего осуществления того, что вполне достойно называться «великим экспериментом», нам следует находиться в полной, абсолютной изоляции. Она должна длиться не день или два, но столько времени, сколько нам для этого потребуется. Здесь, в Лондоне, такое мероприятие осуществить невозможно; нужды и привычки, связанные с проживанием в большом городе, а также свойственные ему возможности отвлечения будут раздражать нас. Телеграммы, заказные письма или срочные посланники плюс великое множество тех, которые захотят что-нибудь разузнать, несомненно, разрушат наши намерения. Кроме того, происшествия прошлой недели привлекли внимание полиции к этому дому. Если даже в Скотленд-Ярде не подготовлены специальные инструкции, предусматривающие наблюдение за нами, можете быть уверены, что в полицейском участке проявят рвение и хотя бы один полисмен, совершая свои регулярные осмотры, будет следить за домом с особым старанием. Не следует забывать о том, что слуги, попросившие расчет из-за недавних событий, начнут болтать. Собственно говоря, это нормальное явление: для спасения собственной репутации им необходимо как-то объяснить, почему они отказались от службы в моем доме, которая, смею заметить, считалась почетной в соседних домах. Разумеется, слуги соседей не останутся в стороне от этих

разговоров и, возможно, не удержатся и сами соседи. Затем любопытствующая и вездесущая пресса начнет со свойственным ей пылом просвещать своих читателей относительно событий в нашей семье и для увеличения тиража газет возьмется за нас. Когда здесь появится репортер, у нас практически не останется возможности сохранять изолированность своего существования. Даже если мы закроем все входы и выходы, это не избавит нас от внешнего вмешательства, а возможно, и от вторжения. В любом случае наши планы будут нарушены, поэтому мы должны предпринять меры — безусловно, уехать отсюда, собрав весь необходимый багаж. Я предвидел подобное развитие событий и уже давно занимаюсь необходимой подготовкой. Конечно, я не могу предугадать, что именно может случиться, но предполагал разного рода неожиданности. Когда Корбек отправился на поиски светильников, я подготовил свой дом в Киллионе для того, чтобы разместить все редкости, которые хранятся здесь; здание электрифицировано, есть все необходимые приборы. Надо сказать, что дом недоступен для любопытствующих особ, к тому же защищен от постороннего взгляда благодаря своему расположению на маленьком скалистом мысу позади крутого холма. Таким образом, рассмотреть его можно только со стороны моря. К тому же здание ограждено высокой каменной стеной: мой предок построил его в те дни, когда большой дом вдали от города должен был иметь надежную защиту. Это место вполне соответствует нашим требованиям, осталось проделать кое-какую работу. В чем она будет заключаться, я объясню позже. Марвин нанял специальный поезд, который прибудет на вокзал Паддингтон ночью — чтобы не привлекать лишнего внимания. Кроме того, заказаны телеги и крытые фургоны с достаточным количеством грузчиков и приспособлений, необходимых для доставки нашего багажа в Паддингтон. Сегодня нам необходимо заняться упаковкой, и, осмелюсь надеяться, что к завтрашней ночи все будет готово. Во дворе дома хранятся специальные ящики, которые использовались ранее для вывоза вещей из Египта, и мне кажется, что если им удалось благополучно перенести путешествие через пустыню и вниз по Нилу до Александрии, а затем в Лондон, то они столь же безупречно послужат нам во время переезда отсюда в Киллион. Слуги поедут в Киллион сегодня вместе с миссис Грант. Они

повезут некоторое количество провизии, чтобы мы не привлекали любопытства местных жителей своими повседневными нуждами; в случае необходимости экономке дано распоряжение снабжать нас провизией из Лондона. Благодаря мудрому отношению Маргарет к слугам, которые решили остаться у нас на службе после известных событий, а также ее щедрости мы могли полагаться на нашу прислугу. Люди были уже предупреждены о секретности, так что мы сможем не опасаться сплетен, распространяющихся изнутри.

(И в самом деле, когда слуги возвратились в Лондон после того, как приготовления в Киллионе были закончены, у них не было поводов для сплетен, по крайней мере основательных.)

В соответствии с планом мистера Трелони мы начали приготовления к отъезду. Под его руководством и с помощью слуг мы вытащили из сарая огромные ящики. Некоторые из них отличались чрезвычайной прочностью и были укреплены стальными полосами, уголками и другими подобными им деталями. Мы расставили их по всему дому, каждый вблизи предмета, который затем следовало в него упаковать. Когда эта предварительная работа была закончена, в каждую комнату и холл внесли огромные охапки сена, ваты и бумаги. Ближе к вечеру слуг отпустили, и мы приступили к упаковке.

Честно говоря, трудно было вообразить объем работы, которая нас ожидала. Что касается меня самого, то я имел более чем приблизительное представление о количестве предметов, вывезенных мистером Трелони из Египта и содержащихся в его доме, хотя мы с Маргарет в свое время устроили своеобразную экскурсию по особняку.

Мы трудились до поздней ночи и временами были вынуждены объединять свои усилия для упаковки какого-нибудь громоздкого экспоната; затем снова трудились поодиночке, но всегда под постоянным руководством мистера Трелони. Он сам, с помощью Маргарет, маркировал каждую вещь. И лишь когда мы, почти выбившись из сил, собрались, чтобы наконец поужинать, стало ясно, какая часть работы уже сделана. Однако только несколько ящиков, в каждом из которых находился большой саркофаг, было заколочено; так что предстояло сделать еще больше. Другие ящики, содержавшие по многу предметов,

не следовало закрывать до тех пор, пока все не будет окончательно рассортировано и упаковано.

Я спал эту ночь, как убитый, без всяких сновидений, и утром за завтраком выяснилось, что остальные провели эту ночь точно так же.

К следующему вечеру наша работа была закончена, осталось лишь дождаться носильщиков, которым приказали явиться в полночь. Немного ранее назначенного времени мы услышали грохот тележных колес, затем дом подвергся вторжению армии рабочих, которые, казалось, без всяких усилий, просто благодаря своей многочисленности, организовав почти бесконечную процессию, вынесли все подготовленные нами ящики. Им потребовалось немногим более часа, и, когда телеги укатили, мы были готовы следовать за ними в Паддингтон. (Сильвио, конечно, был принят в нашу команду.)

Перед отъездом мы прошлись по всему дому, который выглядел заброшенным и производил гнетущее впечатление. Из-за отсутствия слуг некому было навести порядок в доме; поэтому всюду, где мы занимались упаковкой вещей, валялись клочья сена, бумаги и ваты и прочий мусор, везде виднелись следы грязных подошв.

Перед тем как покинуть дом, мы присутствовали при процедуре извлечения из большого сейфа золотого футляра, содержащего рубин с семью звездами. Когда Абель Трелони надежно упаковал его в собственное портмоне, Маргарет, которая казалась смертельно усталой и, надо сказать, пугала меня своим измученным видом и напряженным выражением лица, внезапно просияла от радости, как будто драгоценный камень придал ей силы. Подарив отцу одобрительную улыбку, Маргарет сказала:

— Сегодня вечером у нас не будет неприятностей. Она не станет нарушать твои приготовления. Клянусь жизнью.

— Она — или нечто — причинили нам вред в пустыне, когда мы вернулись из Долины Мага! — таков был мрачный комментарий Юджина Корбека, стоявшего с ними рядом.

Маргарет поспешно ответила ему:

— Тера была тогда возле своей гробницы, из которой ее тело не вынимали в течение тысячелетий. Царица знает, что теперь все будет по-другому.

— Откуда она могла узнать об этом? — с улыбкой спросил Корбек.

— Если у царицы есть то астральное тело, о котором говорил отец, конечно, она должна знать. Как Тера может оставаться в неведении с ее способностью невидимого присутствия где-либо и ее интеллектом, которому доступны путешествия во времени и в пространстве, даже к звездам и в другие миры!

Маргарет замолчала, а ее отец торжественно произнес:

— Именно на основании этого предположения мы и надеемся на прогресс в своей работе. Надо иметь мужество придерживаться собственных убеждений и действовать на их основании — до самого конца!

Маргарет взяла его за руку и не выпускала до тех пор, пока мы не вышли из дому. Мистер Трелони закрыл парадную дверь, и мы двинулись по дороге к калитке.

Когда вещи были погружены (наши ящики заняли несколько вагонов), все рабочие сели в поезд. Телеги ожидали нас в Вестертоне — ближайшей станции от Киллиона. Мистер Трелони заказал спальный вагон для нашей группы; как только поезд тронулся, мы все разместились в своих купе.

В ту ночь я не мог пожаловаться на плохой сон, так как впервые за последнее время чувствовал себя в безопасности. Утверждение Маргарет о том, что «сегодня вечером у нас не будет неприятностей», казалось, ограждало от беспокойства. Кстати, по этому поводу я не задавал ей никаких вопросов, как и все остальные, в тот момент, очевидно, не задумавшись, на чем основывается ее уверенность.

Поезд шел медленно, с продолжительными стоянками на маленьких станциях, где рабочие имели возможность подкрепиться. Так как мистер Трелони хотел прибыть в Вестертон с наступлением темноты, не было необходимости спешить.

Весь день — и даже во время завтрака и обеда, провизию для которых мы взяли с собой,— шел разговор о «великом эксперименте», предстоящее событие полностью овладело нашими мыслями. Мистер Трелони проникался все большим энтузиазмом, с течением времени его надежды сменились уверенностью. Доктор Уинчестер разделял его воодушевление, хотя то и дело сообщал некий научный факт, который, казалось, разрушал линию аргументов и действовал на нас охлаждающе. Юджин Корбек хранил молчание, пока сталкивались мнения других, но в конце спора выяснялось, что его отношение к обсуждаемому вопросу было негативным.

Что касается Маргарет, то ее изможденный вид беспокоил меня. Возможно, это была какая-то новая фаза ее мироощущения, или она воспринимала предстоящее событие более серьезно, чем прежде. Девушка старательно искала уединения, однако из этого состояния выходила почти мгновенно. Как правило, это случалось тогда, когда какой-нибудь эпизод, например остановка на станции, прерывал монотонность путешествия или когда поезд с грохотом пересекал виадук, а эхо разносилось среди холмов и скал, окружавших нас. В такие моменты Маргарет принимала участие в разговоре, словно желая показать, что полностью осознает происходящее, как бы далеко ни уносили ее собственные мысли.

Ее отношение ко мне тоже странным образом изменилось. Иногда я чувствовал отстраненность — полузастенчивую, полунадменную; надо сказать, такое между нами было впервые. А порой моя голова кружилась от счастья, и виной тому была нежность, которую излучали ее взгляд, жесты или голос.

Путешествие протекало однообразно, почти без событий, на которые стоило обращать внимание, за исключением одного достаточно неприятного случая. Однако в это время мы спали, поэтому о происшествии стало известно только утром из беседы с охранником. Между Доумишем и Тейнмаусом поезд был остановлен предупредительным сигналом: кто-то стоял прямо на путях с факелом в руке, размахивая им из стороны в сторону. Выйдя из кабины, машинист обнаружил, что прямо перед паровозом находится куча красной земли — очевидно, обрушилась насыпь. Когда ее убрали, выяснилось, что рельсы не повреждены, и спустя некоторое время поезд последовал дальше. По словам охранника, эта вынужденная задержка в пути произошла из-за какого-то любителя пошутить.

Мы прибыли в Вестертон около девяти часов вечера. Телеги с лошадьми уже ждали нас, почти сразу началась разгрузка вагонов. Наблюдать за ее ходом не было необходимости, так как

выполняли ее вполне компетентные люди. Мы сели в предназначенный нам экипаж и спустя некоторое время оказались в Киллионе.

Позади осталась дорога, прорезанная в скале. Мы выехали на плато, и волны, обрушивающиеся на скалы далеко внизу, донесли до нас бодрящее дыхание влажного морского воздуха. На всех нас большое впечатление произвел дом — огромное здание из серого камня, построенное во времена якобитов, располагавшееся на скале над морем.

Внутри все было подготовлено к нашему приезду — миссис Грант и ее подчиненные хорошо потрудились. Мы быстро осмотрели комнаты, сверкавшие чистотой, а затем разошлись, чтобы умыться и сменить одежду после путешествия, длившегося более суток.

Ужин был накрыт в огромной столовой в южной части дома; под шепот волн, который иногда становился тише, но не смолкал, мы вели неторопливую беседу. В широкие окна вдалеке через залив можно было видеть дрожащие огни какого-то замка, а вдоль побережья местами мерцали слабые огоньки — рыбачьи хижины. Море казалось темно-синей равниной, на которой изредка появлялись светлые блики: это волны ловили своими гребнями лунный свет. От остального мира нас закрывали скалы, которые располагались над домом и рядом с ним.

После ужина мы все собрались в комнате, которую Абель Трелони определил в качестве своего кабинета. Первое, что бросалось в глаза,— это большой сейф, похожий на тот, что находился в его доме в Лондоне. Когда все расселись, мистер Трелони подошел к столу и, достав из кармана свое портмоне, положил его на блестящую полированную поверхность. В это мгновение странная бледность залила его лицо.

— Портмоне стало весить заметно меньше. Надеюсь, что ничего серьезного не произошло!

Мы дружно вскочили со своих мест и приблизились к столу — за исключением Маргарет. Она сидела выпрямившись, молчаливая и неподвижная, как статуя, устремив глаза вдаль, словно ее не интересовало то, что происходило вокруг.

Дрожащими пальцами мистер Трелони открыл портмоне. В тишине комнаты, нарушаемой лишь отдаленным шумом моря, раздался его хриплый дрожащий голос:

— Боже мой! Рубин пропал. Без него «великий эксперимент» не может состояться!

Его слова, казалось, вывели Маргарет из оцепенения. На какое-то мгновение ее лицо исказилось, но буквально через секунду она вновь выглядела безмятежно и почти с улыбкой произнесла:

— Отец, камень мог случайно выпасть из портмоне, когда вы переодевались. Давайте посмотрим в вашей спальне.

Не говоря ни слова, мы все поспешили в соседнюю комнату — она была смежной с кабинетом. Там, на туалетном столике, лежал рубин с семью звездами, отливая ярким цветом крови...

Мы неуверенно огляделись вокруг, а затем посмотрели друг на друга. Когда потом мы делились воспоминаниями об этом эпизоде, то каждый говорил о внезапно охватившем его чувстве покоя, подобном легкому облаку. Что касается Маргарет, то спокойствие, более свойственное статуе, покинуло ее, и она сжала руки так сильно, что побелели косточки пальцев.

Не говоря ни слова, мистер Трелони взял драгоценный камень со столика и направился обратно в кабинет. Осторожно, как только мог, он открыл дверь сейфа ключом, прикрепленным к браслету на его руке, и положил рубин внутрь. Только когда массивная дверь сейфа с легким щелчком закрылась и ключ повернулся в замке, его шумное дыхание стало более ровным.

Каким-то образом это событие, хотя и встревожившее всех, казалось, сняло с наших плеч тяжкий груз, и та напряженность, которая почти не оставляла нас с тех пор, как мы выехали из Лондона, исчезла.

Итак, еще один шаг в нашем необычном предприятии был сделан. Возвращение к прежнему состоянию, а также ощущение некой свободы более всего проявилось у Маргарет. Возможно, сказалось то обстоятельство, что она была единственной женщиной среди нас, или другое — ее молодость; не исключено, что повлияли обе причины, каждая по-своему. Так или иначе, но жизнерадостность, нежность, любовь снова засияли в ее глазах. Когда взор отца останавливался на ней, его лицо словно освещалось внутренним светом. Надо ли говорить, каким счастливым я себя почувствовал — впервые за все время путешествия!..

Пока мы ожидали появления багажа, мистер Трелони провел нас по всему дому, объясняя, как будут расставлены предметы из его коллекции — за исключением тех, что имеют отношение к «великому эксперименту». Не знаю почему, но он скрыл от нас свои намерения.

К тому времени когда экскурсия закончилась, начали подъезжать телеги, при этом суета и беспокойство предыдущей ночи возобновились. Мистер Трелони стоял в холле возле массивной, обитой железом двери и давал указания, куда ставить каждый ящик. В невероятно короткое время весь груз был доставлен, и рабочие, получив щедрое вознаграждение, покинули дом. Затем мы с сознанием того, что еще один этап подготовки завершился, разошлись по своим комнатам. Не думаю, чтобы кто-нибудь из нас сомневался в том, что ночь мы проведем спокойно, и утром действительно выяснилось, что посреди этого беспорядка все замечательно выспались.

В течение следующего дня все вещи, кроме тех, которые были необходимы для эксперимента, расставили по местам, заранее для них предназначенным. Миссис Грант со всем штатом прислуги, как было оговорено прежде, должна была отправиться рано утром в Лондон.

Выслушав последние распоряжения, экономка покинула нас. Абель Трелони, убедившись, что двери закрыты, обратился к нам, собравшимся в его кабинете.

— Теперь я хочу сообщить вам один секрет, но должен просить каждого из вас торжественно обещать ни с кем не делиться этими сведениями. Вот уже в течение трехсот лет такое обещание было получено от каждого, кто оказался посвящен в тайну. Не один раз жизнь и безопасность людей были сохранены благодаря порядочности тех, кто не отказался от данного ими обещания. Скажу вам больше: я нарушаю букву этого закона, если не самый его дух, так как имею право разглашать тайну только ближайшим членам своего семейства.

Мы по очереди поклялись молчать. Затем мистер Трелони продолжил:

— Под этим домом есть тайник — пещера, образовавшаяся естественным путем, но усовершенствованная людьми. Безопасное, хорошо укрытое место всегда считалось ценным владением, и так как главы нашего рода всегда настаивали на сохранении тайны, считаю своей честью подчиняться этому требованию. Не стану кривить душой и заявлять, что пещера всегда использовалась в соответствии с законом. Во времена кровавых Ассизских судов довольно большая группа корнуольцев укрывалась в ней от преследований; не сомневаюсь также в том, что пещера служила для хранения контрабандных товаров. Полагаю, вам известно, что в этих местах всегда жили семьи контрабандистов, причем этот род занятий не вызывал презрения у окружающих.

Мистер Трелони поднялся, сделал приглашающий жест, и все мы отправились в холл. Там он покинул нас на несколько минут, а затем, вернувшись, велел следовать за ним.

Как выяснилось, холл сообщался с довольно просторным помещением, в одной из каменных стен которого зиял проход, тускло освещенный изнутри. Когда мы приблизились к нему, то увидели ведущую вниз лестницу, вырубленную в скале. Не теряя времени, мы начали спускаться и, преодолев сорок или пятьдесят ступенек, оказались в огромной пещере, дальний конец которой был погружен во тьму. Слабый свет проникал сюда через несколько неравномерно расположенных в стенах узких щелей. По всей вероятности, это были трещины в скалах. Рядом с каждой такой трещиной находился ставень, который с помощью висящей рядом веревки могли быстро закрыть. Звук нескончаемых ударов волн, несколько приглушенный, доносился откуда-то снизу. Мистер Трелони продолжил свой рассказ.

— Это место я выбрал для «великого эксперимента», потому что оно удовлетворяет тем условиям, которые я посчитал первостепенными для успеха. Здесь, в каменной пещере, мы так же изолированы от внешнего мира, как царица Тера в своей усыпальнице в Долине Мага. Если наш опыт окажется удачным, то современная наука обогатится ценнейшими сведениями из древнего мира, достижениями давно исчезнувших цивилизаций, которые, возможно, изменят в том числе и практическую деятельность людей. Если же мы потерпим неудачу, то даже знание о нашей попытке умрет вместе с нами. Для этого и всего иного, что может случиться, мне кажется, мы вполне готовы!

Он замолчал, и в наступившей тишине мы склонили головы, торжественно с ним соглашаясь. Абель Трелони возобновил свою речь, теперь уже с некоторой поспешностью:

— Если кто-нибудь из вас сомневается или, как оказалось, неправильно представлял свою задачу, ради бога, скажите это сейчас! Еще не слишком поздно, и можно уйти отсюда без промедления!

Мистер Трелони снова сделал паузу и внимательно посмотрел на каждого из нас. Мы тоже переглянулись, но никто не дрогнул и не опустил глаза. Что касается меня самого, то, если в глубине моей души и имелись какие-либо сомнения, один только взгляд на Маргарет мгновенно их рассеял. Ее лицо выражало бесстрашие, силу воли и божественное спокойствие.

Отец моей возлюбленной глубоко вздохнул и более решительным тоном продолжил:

— Эта пещера, как и все остальные помещения в доме, освещается электричеством. Чтобы сохранить в тайне свою деятельность, мы не должны подключаться к общей электромагистрали. Однако здесь имеется кабель, который можно подсоединить к проводке в холле.

Говоря это, он начал подниматься по лестнице, затем вблизи от входа в пещеру взял кабель и подсоединил к выключателю в стене. Под каменным сводом вспыхнуло несколько ламп, и я разглядел укрепленный в стене ворот со множеством всевозможных блоков. Словно отвечая на мой вопрос, мистер Трелони воодушевленно произнес:

— Да, это новинка фирмы «Симпсон». Я установил эту систему с определенной целью, зная, что придется опускать вниз огромные тяжести. Не желая посвящать посторонних в наши тайны, я составил систему блоков, с которыми при необходимости мог бы управиться в одиночку.

Мы сразу принялись за работу и, прежде чем наступила ночь, разместили на местах, указанных хозяином дома, все саркофаги и другие нужные ему предметы, привезенные с собой. Это был необычный и одновременно жуткий процесс перемещения удивительных памятников прошедших веков в подземную пещеру, которая своей архитектурой, современнейшей техникой и электрическим освещением теперь объединяла и

старый, и новый миры. Чем больше углублялся я в работу, тем большее восхищение и признательность вызывал во мне мистер Трелони продуманностью всех деталей и точностью организации.

Не могу не признаться в том, что сильно испугался, когда Сильвио, которого в пещеру принесла на руках его хозяйка, вскочил, когда начали распаковывать саркофаг кота, и набросился на него с такой же яростью, как и прежде. Инцидент позволил увидеть Маргарет с неожиданной стороны, и сердце мое болезненно сжалось, как от удара. Девушка до этого момента стояла совершенно спокойно, опершись на саркофаг, в состоянии некоторой отрешенности, которое теперь часто посещало ее, но, увидев неистовую атаку Сильвио, казалось, сама поддалась приступу неудержимого гнева. Глаза моей возлюбленной сверкнули, а губы искривились в жестоком, недобром выражении — впервые на моей памяти ее лицо так изменилось. Она сделала несколько шагов к Сильвио, как если бы собралась вмешаться в атаку. Но я тоже выступил вперед, и, встретившись со мной взглядом, Маргарет остановилась. Сила ее гнева заставила меня затаить дыхание; я инстинктивно поднял руку, чтобы протереть глаза — настолько нереальным казалось мне происходящее. Заметив мой жест, девушка мгновенно успокоилась, а на лице ее появилось удивление. Со всей присущей ей грацией и красотой она наклонилась и подняла Сильвио, так же как это происходило и прежде в подобных ситуациях, и теперь держала кота на руках, лаская и успокаивая его, как будто имела дело с маленьким расшалившимся ребенком.

Эта сцена навела меня на грустные и беспокойные мысли. Маргарет по неизвестным причинам начала изменяться, и мне ничего не оставалось делать, как только молиться, чтобы это тревожащее меня явление прошло поскорее. Более чем когда-либо раньше я мечтал в этот момент, чтобы наш эксперимент скорее благополучно закончился.

Когда работа в соответствии с планом мистера Трелони была завершена, он дождался, пока наше внимание будет сосредоточено на его особе, и начал говорить:

— Все готово. Нам осталось дождаться определенного времени, чтобы приступить к нашему «великому эксперименту».

Некоторое время мы дружно молчали. Первым заговорил доктор Уинчестер:

— Что за определенное время? О чем идет речь?

Мистер Трелони сразу же ответил:

— После долгих размышлений по этому поводу я решил, что этот день — 31 июля.

— Могу ли я спросить, почему назначена именно эта дата?

— Царица Тера во многом руководствовалась мистицизмом, чему имеется не одно свидетельство, поэтому мне показалось естественным, что она должна была выбрать период правления соответствующего бога. Четвертый месяц сезона наводнений управлялся богом Хепри, олицетворявшим бога солнца Ра, когда речь идет о восходе светила, тем самым ассоциируя восход с пробуждением. Так как этот месяц начинается с нашего 25 июля, его седьмой день приходится на 31 июля, поэтому можете быть уверены, что правительница не выбрала бы никакой другой день, кроме седьмого.

Итак, нас отделяло два дня от главного события, ради которого мы прибыли сюда. Мы прожили их без особых проблем. В доме поддерживался безукоризненный порядок. Предусмотрительность мистера Трелони, приготовившего для нас отдельные комнаты, сделала участие слуг ненужным; мы также были обеспечены солидным запасом еды.

Глава XVII

СОМНЕНИЯ И ОПАСЕНИЯ

История века представляет собой не что иное, как бесконечное повторение истории часа, а история человеческой жизни — многократно повторенная история момента. Ангел, записывающий историю мира в Великую Книгу, не пользуется чернилами всех оттенков радуги; ему достаточно света и тьмы. Все события и явления, все мысли и эмоции, сомнения, надежды, страхи, а также намерения и желания вплоть до самых низменных складываются в итоге из противоположных элементов.

Если бы у кого-то возникло желание записать полную и правдивую историю прожитой жизни, где нашлось место всему, что

может выпасть на долю потомка Адама, его вполне могло бы удовлетворить то, что я испытал в течение сорока восьми часов. Разумеется, записывающему понадобился бы свет солнца и глубина тени, с помощью которых всегда можно выразить Небо и Ад, так как высочайшее Небо есть вера, а сомнение отделяет один шаг от зияющей тьмы Ада.

Конечно, в те два дня бывали моменты, когда, осознавая всю прелесть Маргарет и ее любовь ко мне, я находил в себе силы избавиться от своих сомнений — как рассеивается иногда утренний туман перед восходом солнца. Но чаша весов почти все это время склонялась в пользу мрачных мыслей и ощущений.

Определенный Абелем Трелони день стремительно приближался, и меня охватило чувство неизбежного конца. Исходом, возможно, станет жизнь или смерть одного из нас, но к этому мы все уже были готовы. Этическая сторона эксперимента, основанного на религиозных поверьях, меня не волновала, так как этот опыт не затрагивал моих интересов. Что касается причин и исходов, то они не только не были в моей власти, но вообще находились за пределами моего понимания. Сомнения в успехе «великого эксперимента» были такими же, какие сопровождают любую деятельность, преследующую великие возможности. Для меня, чья профессиональная жизнь протекала в сфере интеллектуальных сражений, такая форма сомнения была скорее стимулом к борьбе, чем средством устрашения. Что же тогда вызывало тревогу, превращаясь в душевную боль, на чем сосредоточивались мои мысли?

Я начал сомневаться в Маргарет!

Вокруг чего сосредоточивались мои сомнения — вокруг ее любви, или честности, или доброты?.. Разумеется, нет. Она сама их вызвала, потому что изменилась.

Временами в течение прошедших нескольких дней я едва узнавал ее. Неужели передо мной та самая девушка, которую я встретил на пикнике и затем помогал ей охранять сраженного странным недугом отца? Тогда, даже в минуты печали, страха или беспокойства, она была сама жизнь, и забота, и спокойное достоинство. Теперь же Маргарет почти всегда держалась отстраненно, иногда пребывала в противоречивом настроении, словно ее разум, а также естество больше не принадлежали ей.

Вплоть до времени, когда мы уехали из Лондона, в моей душе все время присутствовало чувство безопасности, пришедшее вместе с осознанием, что наша любовь взаимна. Но теперь я не знал, была ли рядом со мной моя Маргарет — прежняя Маргарет... Эту девушку я едва понимал, ход ее мыслей создавал между нами невидимую преграду.

Порой Маргарет словно просыпалась и говорила мне нежные и приятные слова, которые я часто слышал от нее прежде,— и все же в такие моменты она казалась мне наиболее непохожей на себя. Это выглядело так, как если бы она повторяла их словно попугай или под чью-то диктовку, подобно человеку, который умеет говорить и играть свою роль, но не имеет собственных мыслей. Постепенно я начал возводить между нами барьер, потому что более не мог разговаривать с ней легко и свободно. Полагаю, Маргарет тоже почувствовала это, так как начала избегать меня. Ранее она изыскивала всякую возможность быть со мной, точно так же как я всегда стремился к ней; а теперь любая попытка одного из нас избежать встречи, уйти от общения причиняла новую боль нам обоим. Час за часом мы все больше отдалялись друг от друга. Если бы не ряд моментов, когда прежняя Маргарет возвращалась ко мне, полная привычного очарования, не знаю, что могло бы произойти. Но к счастью, подобное возвращение как бы давало новый старт нашим отношениям и сохраняло мою любовь к ней.

Я отдал бы весь мир за возможность поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, но это было невозможно. Кому я мог довериться? Как мог я говорить о своих сомнениях по поводу Маргарет с кем-нибудь, даже с ее отцом? Мне оставалось только страдать — и надеяться.

Весь день в доме царила странная тишина. Каждый из нас был занят собственными мыслями, и это ощущалось даже в разговорах во время завтрака и обеда. Вечером я вышел прогуляться — в одиночестве. Сначала я попросил Маргарет присоединиться ко мне. Но девушка пребывала в безразлично-апатичном настроении, и, надо сказать, очарование ее молчаливого присутствия на меня уже не действовало. Рассердившись на самого себя и пытаясь охладить возникшее раздражение, я мерил шагами площадку перед воротами.

Прекрасный вид на море, тишина, нарушаемая лишь ударами волн, доносившимися снизу, и хриплыми вскриками чаек, то и дело взмывавших к серым небесам, придали моим мыслям спокойное течение. И все равно они постоянно возвращались к одной теме — к сомнениям, которые истомили меня. Бессознательно я обнаружил, что задаю себе вопрос, на который не могу найти ответа. Тем не менее здесь, в одиночестве, под влиянием морской стихии и мрачных скал, мой разум вновь заработал четко, в привычном ему ритме, продиктованном моей жизнью, и я начал трезво анализировать факты, тревожащие меня.

Точкой отсчета стало следующее: Маргарет изменилась — каким образом и под влиянием каких сил? Было ли это связано с ее характером, умом или продиктовано ее природой? Ведь физический облик оставался прежним. Я начал группировать все сведения, относящиеся к ней, начиная с самого рождения, обстоятельства которого были более чем странными.

Итак, согласно утверждению Юджина Корбека, рождение Маргарет стоило жизни ее матери и произошло тогда, когда ее отец со своим другом пребывали в трансе в гробнице в районе Асуана. Это состояние предположительно было вызвано женщиной — мумифицированной, но сохранившей, как мы имели разные поводы убедиться в этом даже до эксперимента, свое астральное тело, которым она могла распоряжаться по собственной воле. Таким образом, царица не испытывала затруднений с перемещениями в пространстве, и огромное расстояние между Лондоном и Асуаном превращалось в ничто. А та власть, которую колдуны использовали в некромантии, была направлена на мертвую женщину и ее ребенка, возможно тоже мертвого.

Мертвый ребенок! Допустимо ли, чтобы ребенок был мертв, а потом вернулся к жизни? Значит, в него вселился оживляющий дух — душа? Ка мертвой царицы и ее Кху в состоянии были оживить то, что она выбрала. В таком случае Маргарет вообще могла быть не личностью, а просто вместилищем астрального тела царицы Теры, подчиняющимся ее воле!

Каждая клетка моего существа протестовала против такого вывода. Как мог я верить в то, что не было никакой Маргарет вообще, а рядом со мной оказалось тело, использованное в собственных целях женщиной, умершей сорок веков назад!.. Мои

умозаключения завершились тем, что я отказался следовать логике.

По крайней мере, у меня была Маргарет!

Вновь логический маятник качнулся назад. Ребенок не был мертв, а если это так, имели ли колдовские чары вообще какое-нибудь отношение к ее рождению? Было очевидно (это я также знал от Корбека), что существовало странное сходство между Маргарет и дошедшими до нас изображениями царицы Теры. Как такое могло случиться? Речь не шла о воспроизведении, например, какого-то родимого пятна, которое запечатлелось в памяти ее матери, ведь миссис Трелони никогда не видела ни одного портрета царицы Теры. Даже ее отец не сталкивался с изображениями правительницы, пока не нашел усыпальницу всего за несколько дней до рождения дочери. От этого вопроса мне не удавалось так легко избавиться, как от предыдущего. Сомнение приняло облик непроходимого мрака, в котором, не подчиняясь никакому закону, изредка мерцали крошечные точки света, что, казалось, продлевало существование этой темноты.

Оставалась возможность, почерпнутая из оккультной науки. Она заключалась в том, что существовал какой-то способ, который давал возможность мумифицированной царице заменять собою Маргарет. Эта точка зрения не могла быть отброшена с легкостью. Теперь, когда мое внимание было сосредоточено на ней, в памяти всплывало слишком много подозрительных обстоятельств, подтверждавших такую возможность. Все странные и непонятные события, которые переполнили нашу жизнь в течение нескольких последних дней, сначала перемешались у меня в голове, но аналитический характер ума, свойственный человеку моей профессии, заставил их выстроиться в нужном порядке. Теперь мне было легче управлять собой и сделать какие-то обобщения, произвести некоторую мыслительную работу, хотя она носила довольно печальный характер, так как могла оказаться направленной против Маргарет.

Но ведь цель этого разбирательства — сама Маргарет! Я думал о ней и сражался за нее, а работая в потемках, мог причинить ей вред. Моим главным оружием ее защиты должна стать правда. Мне необходимо было многое узнать и понять; тогда я

смог бы начать действовать — разумеется, имея целостную концепцию и факты. Расположенные по порядку, они выглядели следующим образом. Во-первых, странное сходство царицы Теры и Маргарет, родившейся в другой стране спустя тысячи лет и за тысячу миль от Египта, тем более что ее мать не имела ни малейшего представления о внешности египтянки. Во-вторых, исчезновение из моей комнаты книги Ван Хайна, в которой я прочел описание семизвездного рубина. В-третьих, светильники были обнаружены в комнате Маргарет. Тера — ее астральное тело — могла открыть дверь комнаты Корбека в отеле и запереть ее снова, после того как ушла оттуда с лампами. Таким же образом она могла воспользоваться окном и оставить светильники в доме мистера Трелони. В-четвертых, подозрения детектива и доктора. В-пятых, бывали ситуации, когда Маргарет предсказывала с абсолютной точностью развязку, как будто она знала о намерениях царицы. В-шестых, ее предположение о том, где находится рубин, который потерял ее отец. Когда я вспомнил этот эпизод, то единственным выводом, к которому я пришел, была необходимость всегда исходить из того, что теория об астральной сущности царицы правильна.

Очевидно, беспокоясь о том, чтобы все прошло хорошо по пути из Лондона в Киллион, царица Тера сама похитила драгоценный камень-талисман, считая его необходимым для охраны путешествия. Затем каким-то мистическим способом она через Маргарет помогла найти рубин. И наконец, странное двойное существование, которое Маргарет вела в последнее время,— оно казалось следствием того, что произошло раньше.

Двойное существование! Это действительно было выводом, который преодолевал все противоречия, согласовывая их. Если и вправду Маргарет не свободно действовала, а вынуждена была говорить или вести себя в соответствии с получаемыми указаниями, или если ее существо могло быть заменено другим без вероятности, что кто-нибудь это заметит, тогда все остальное оказывалось возможным и зависело от свойств души той личности, которая направляла таким образом ее действия. Если царица Тера была справедлива, добра и чиста... а если нет? Ужас этой мысли не мог быть выражен словами, и я скрипел зубами в бессильной ярости, воображая леденящие душу последствия.

До сих пор проявления новой сущности Маргарет были немногочисленны и едва заметны, за исключением того, что раз или два ее отношение ко мне не могло не озадачить. Но теперь изменения почти полностью захватили ее самым ужасным образом. Не исключено, что вторая индивидуальность была худшего, а вовсе не лучшего вида... Теперь, когда я раздумывал об этом, у меня появилась причина для страха. В истории мумии со времен Ван Хайна, взломавшего гробницу, список погибших, о которых мы знали, предположительно умерщвленных по ее воле и по ее приказу, был ужасающим. Араб, укравший руку мумии, и другой, который взял ее с тела умершего. Пытавшийся украсть рубин у Ван Хайна арабский шейх, на шее которого нашли следы семи пальцев. Два мертвых тела обнаружены в ту ночь, когда Абель Трелони выбрался из усыпальницы, а три других трупа — по возвращении в гробницу. Араб, который открыл секретный сердаб. Итак, девять мертвецов, один из которых был, очевидно, убит рукой самой царицы! И сверх того несколько нападений на мистера Трелони в его собственной комнате, когда с помощью своего гадателя правительница пыталась открыть сейф, чтобы вынуть оттуда драгоценный талисман.

Если царица, намереваясь возродиться, осуществляла это свое намерение через кровь, что могло остановить ее от совершения любого преступления, которое увеличивало шансы осуществления ее плана? Какой ужасный шаг сделала бы Тера, если бы он увеличивал вероятность исполнения ее желания? Но каковы были ее желания, какое из них являлось сокровенным? До сих пор мы знали обо всем этом только из утверждений Маргарет, наполненных энтузиазмом ее возвышенной души с благородными устремлениями. В этих утверждениях не нашлось места для выражения любви, о которой царица Тера мечтала или которую она нашла. Мы знали наверняка только то, что она поставила выше всего задачу своего возрождения, и в этом событии, по-видимому, особую роль должен был играть север, который она очень любила. Но то, что задуманное возрождение должно было произойти в одинокой гробнице в Долине Мага, не вызывало сомнений. Все было тщательно подготовлено для этого: с саркофага снята крышка, запечатанные

сосуды с маслом достаточно легко открывались; также было предусмотрено, что количество масла за столь большой промежуток времени уменьшится. Внутри усыпальницы имелась цепь, с помощью которой царица могла спуститься на землю. Но каковы были дальнейшие намерения Теры, мы не знали и даже не имели никаких догадок на сей счет. Если она предполагала начать жизнь снова как обычный человек, то в этом желании содержалось нечто благородное, что согревало мое сердце; в таком случае мне хотелось пожелать ей успеха. Мою растревоженную душу успокаивало то, что, возможно, Маргарет помогала правительнице в осуществлении ее добрых намерений. Оставалось только ждать развития событий, над которыми я не имел власти.

Я вернулся в дом в другом настроении и обрадовался, увидев Маргарет — прежнюю Маргарет, ожидавшую меня.

После ужина, оставшись наедине с девушкой и ее отцом, я поделился с ними своими размышлениями:

— Как вы думаете, не было бы разумно предпринять все возможные предосторожности — на случай, если царица не пожелает воспользоваться нашей помощью — и во время, и после ее пробуждения, если оно произойдет?

Маргарет ответила так поспешно, что у меня сложилось впечатление, что ее ответ был подготовлен заранее:

— Но она уже все одобрила! Отец старается претворить в жизнь все то, чего желает великая царица!

— Вряд ли это именно так,— возразил я.— Все, что она приготовила, всеми мыслимыми способами отторожено от всего живого. Сама усыпальница находилась в безлюдной пустыне, далеко от жилья,— мне кажется, она надеялась на эту изолированность, считая, что сможет избежать непредвиденных случаев. Конечно, находясь здесь, в другой стране, в другом времени, в совершенно других условиях, царица Тера может совершать ошибки и невольно угрожать кому-нибудь из нас, как это она делала в отношении других в прошедшие времена. Девять человек, о которых нам известно, были убиты или ее собственной рукой, или по ее повелению. Правительница может быть безжалостна, когда ей это необходимо.

Своим ответом я опасался оскорбить мистера Трелони, но он искренне засмеялся, что несколько успокоило меня.

— Мой дорогой друг, некоторым образом вы совершенно правы. Царица, несомненно, предпочла бы уединение, и, конечно, было бы гораздо лучше, если бы эксперимент произошел в выбранных ею условиях. Однако это стало невозможным, когда голландский путешественник вломился в ее гробницу. Я не виновен в происшедшем, хотя именно записки Ван Хайна заставили меня оказаться в ее усыпальнице. Мною двигало исключительно любопытство, и я взял оттуда вещи, перед которыми не мог устоять как коллекционер и ученый. Вспомните также, что в то время я не имел ни малейшего представления о намерениях правительницы возродиться и не знал о ее подготовке к этому. Все это выяснилось много позже. Но затем я сделал все возможное, чтобы полностью выполнить ее пожелания. Меня пугает только одно: неправильная интерпретация тайнописи царицы. Возможно, я что-нибудь пропустил или не заметил. Однако я не оставил невыполненным ничего из того, что, по моему представлению, должно быть исполнено, и не сделал ничего такого, что послужило бы во вред приготовлениям царицы Теры. Хочу, чтобы «великий эксперимент» завершился успешно. До сего дня я не жалел ни труда, ни времени, ни денег, ни самого себя, преодолевал трудности и смело смотрел в лицо опасности. Все мои силы и знания использованы, используются и будут впредь использоваться до тех пор, пока мы не выиграем или проиграем эту великую ставку.

— Великая ставка? — повторил я.— Вернуть жизнь женщины? Доказательство того, что возрождение возможно посредством применения магии, научного знания или путем использования неких сил, которые мир в настоящее время еще не знает?

И тогда мистер Трелони заговорил о надеждах, которые питали его душу; до этого момента он только намекал на них, не поясняя сущности. Раза два я слышал, как Корбек рассказывал о свойственной его другу неистовой энергии, но, исключая благородные речи Маргарет, когда она рассказывала о надеждах царицы Теры,— ее пыл можно было отнести в каком-то смысле к наследственности,— я никогда не замечал в нем ничего подобного. Однако теперь его слова, подобно потоку, сметали любую противоречивую мысль, и я получил совершенно новое представление об этом человеке.

— «Жизнь женщины!» Что такое жизнь женщины в сравнении с тем, на что мы надеемся? Мы рискуем жизнью моей дочери — самого драгоценного для меня существа на свете. Мы также рискуем жизнями мужчин: вашей, моей собственной, а также жизнями еще двоих, которые завоевали мое полное доверие. «Доказательство того, что возрождение возможно»! Это, пожалуй, самая удивительная вещь в наш век науки и скептицизма. Но истина о жизни и возрождении — лишь крупицы знания, которое мы можем получить в результате проведения нашего эксперимента. Вообразите: если бы кто-то вернулся к нам из прошлого и подарил бы нам знания, накопленные в великой Александрийской библиотеке и утраченные затем в поглотившем их ненасытном пламени, развитие науки пошло бы без ненужных заблуждений и мы смогли бы не только исправить ошибки истории, но выйти на дорогу утраченных искусств, забытых знаний, так что наши ноги двигались бы точно по указанному следу. Эта женщина могла бы поведать нам, что представлял собой наш мир перед тем явлением, которое мы называем Потопом; дать нам сведения о происхождении этого удивительного мифа, обратить наш ум к изучению предметов, которые сейчас нам кажутся первобытными, а на самом деле были древними историями, возникшими до времен Патриархов. Но и это еще не все! Это даже еще и не начало! Если бы история этой женщины доказала, что люди того времени не отличаются от нашего о них представления, это бы означало, что пока мы не достигли уровня их знаний, даже того уровня, которым сегодня может овладеть человек. Если на самом деле это возрождение совершится, исчезнут сомнения относительно прежних знаний, древней магии, старой веры! И если это так, мы должны будем признать, что Ка этой великой и просвещенной царицы завоевало секреты бо́льшие, чем любой смертный из всего окружающего ее звездного мира. Эта женщина в расцвете лет добровольно сошла в могилу и возродилась из нее вновь, она выбрала смерть в молодом возрасте, чтобы при воскрешении в другом веке, после загробного сна в течение колоссального интервала времени выйти из своей гробницы в полном расцвете и блеске юности и власти. О, что за возможности возникают при появлении такого человека среди нас! Человека, чья история началась задолго до того, как написали Библию,

кому были неизвестны греческие боги, человека, который может связать вместе старое и новое, землю и небеса и рассказать о чудесах неизвестного — старого мира его юности и миров из других галактик!

Он замолчал, почти обессилевший. Маргарет взяла его за руку и, пока он говорил, не выпускала ее. В ее лице произошла перемена, которую я так часто наблюдал в последнее время: мистическое сокрытие собственной личности, которое давало мне едва уловимое ощущение отдаленности от нее. В своем неистовстве Абель Трелони ничего не заметил, но, когда он замолчал, его дочь снова стала сама собой за одно мгновение. В ее прекрасных глазах блистали непролитые слезы, она наклонилась и поцеловала ему руку. Затем, повернувшись ко мне, сказала:

— Малькольм, ты говорил мне о смертях, которые последовали по приказу царицы; но, может быть, виновных справедливо наказали за промедление при выполнении ее приказов или за то, что они мешали выполнить поставленную ею цель. Правильно ли так ставить вопрос? Вспомни, ведь она боролась за свою жизнь! За жизнь, за любовь и все великолепные возможности того туманного будущего в неизвестном мире Севера, который был столь привлекателен для нее! Не думаешь ли ты, что она, обладающая всеми знаниями своего времени, со всей великой и несокрушимой мощью своей натуры надеялась распространить их среди нас? Возможно, она хотела привести человечество к завоеванию неизвестных миров и использовать для благоденствия своего народа все, что завоевала во время сна смерти за столько веков. И ее желание могло быть разрушено безжалостной рукой убийцы или вора... Если бы это был ты, разве ты не стал бы сражаться, используя любые средства, чтобы достигнуть своей мечты и цели всей жизни? Можешь ли ты понять, что в то время, как смертное тело, спеленутое защитными тканями, уберегающими от природного воздействия и предписанными религиозными обычаями и наукой ее времени, ждало назначенного часа, ее мозг во время всех этих мрачных столетий находился в покое, а душа свободно летала от одного мира к другому между безграничными пространствами?

Маргарет замолчала, совершенно обессиленная волнением, по ее щекам бежали слезы. Я сам был тронут настолько, что не

мог выразить свои чувства словами. Это в самом деле была моя возлюбленная, и, сознавая ее присутствие, мое сердце забилось сильнее. Мое счастье породило смелость, и я решился высказать предположение о двойном существовании девушки. Взяв руки Маргарет в свои и целуя их, я обратился к ее отцу:

— Что вы думаете, сэр? Она не смогла бы сказать об этом более красноречиво, если бы даже сам дух царицы Теры был с нею, чтобы вдохновить ее и навести на эти мысли!

Ответ мистера Трелони просто ошеломил меня! Оказывается, отец моей Маргарет прошел точно такой же путь размышлений, как и я сам.

— А что, если это так? Я хорошо знаю, что душа ее матери живет в ней. А если в моей дочери живет дух великой и удивительной царицы, то Маргарет станет мне дороже вдвое! Не бойтесь ее, Малькольм Росс; по крайней мере, не остерегайтесь ее в большей степени, чем всех остальных из нашей группы!

Маргарет подхватила тему разговора так быстро, что ее слова казались продолжением слов ее отца.

— Не опасайся меня, Малькольм, царица Тера знает все и не причинит нам вреда. Я так же уверена в этом, как и в том, что совершенно потерялась в глубинах моей собственной любви к тебе!

В ее голосе было нечто настолько странное для меня, что я быстро взглянул ей в глаза. Они были ясными, как всегда, но некая мысль пряталась в них за тончайшей вуалью. А еще они напомнили мне глаза льва, помещенного в клетку.

Глава XVIII

УРОК КА

В тот вечер мы по предложению хозяина дома рано улеглись спать: до «великого эксперимента» оставалось чуть больше суток, и мистер Трелони полагал, что нам следует подкрепить свои силы сном, настолько продолжительным, насколько позволят нам обстоятельства. Конечно, он договорился о вызове дополнительной помощи, в случае если таковая понадобится. Однако никто всерьез не предполагал, что повторится напа-

дение, подобное тому, которого мы боялись в Лондоне, когда пришлось организовывать специальную охрану.

Что касается меня самого, я ощущал странное чувство, близкое к освобождению. Я принял точку зрения мистера Трелони: если Тера в самом деле соответствовала нашим о ней представлениям, то с ее стороны невозможно было ждать никакого противодействия, ведь мы руководствовались исключительно желаниями царицы. Так что у меня было хорошее настроение, я чувствовал себя гораздо лучше, чем прежде, когда предполагал, что в сложившихся обстоятельствах обрести душевный покой невозможно. И все же мысли о странном состоянии Маргарет не оставляли меня. Если ее личность вела двойное существование, что может произойти, когда два этих существа сольются в одно? Снова и снова я перебирал в уме все возможные варианты. Для меня не было утешением то обстоятельство, что саму Маргарет вполне удовлетворяла такая ситуация, а ее отец с ней покорно согласился. Любовь, что ни говори, чувство эгоистическое, она отбрасывает черную тень на все что угодно, если стоит между этим «всем» и светом.

Ночные часы текли, а мои чувства приобрели необыкновенную остроту: мне казалось, что я слышал, как движутся стрелки по циферблату. Между тем тьма уступила место полумраку, а полумрак сменился серым цветом раннего утра, перешедшим в солнечный свет,— и все это без пауз и помех, усиливая печаль, поселившуюся в моей душе. Выйдя из комнаты, я крадучись прошел по коридору, желая убедиться, что все остальные в полном порядке. Накануне мы условились оставить свои двери слегка приоткрытыми, так чтобы любой тревожный звук был бы слышен беспрепятственно и издалека.

Все спали. До меня доносилось ровное дыхание каждого, и мое сердце радовалось, что эта долгая ночь закончилась благополучно. Когда я преклонил колени в порыве благодарственной молитвы в своей комнате, то, прислушиваясь к себе, ощутил наконец меру своего страха. Желая успокоиться, я поспешно покинул дом и спустился к воде по длинной лестнице, вырубленной в скале. Купание в холодных волнах взбодрило меня, привело в некоторый порядок мои нервы, и я был готов встретить новый день.

Когда я поднимался по лестнице, преодолевая крутые каменные ступени, то мог видеть, как лучи солнца, вставшего у меня за спиной, золотили окрестные скалы. Тем не менее в утреннем воздухе ощущалась некоторая тревога, все выглядело слишком ярким, как бывает иногда перед штормом. Я остановился для того, чтобы еще раз насладиться зрелищем открывавшегося передо мной простора, и почувствовал осторожное прикосновение к плечу чьей-то руки. Обернувшись, я увидел, что рядом со мной стоит Маргарет — такая же ясная и сияющая, как утро! Вне всякого сомнения, это была моя возлюбленная — прежняя Маргарет, безо всякого чужого присутствия. Что ж, по крайней мере, день, посвященный последним приготовлениям к «великому эксперименту», а возможно, и не только к нему, начался прекрасно.

Однако радость была недолгой. Когда мы вернулись в дом после прогулки по скалам, день вступил в свои права, возвращая в наши отношения мрачность и беспокойство, надежду и воодушевление, глубокую депрессию, безразличие и утешение.

После завтрака мы собрались в пещере, где мистер Трелони еще раз проверил расположение предметов, объясняя нам, почему каждый из них находится именно здесь, на своем конкретном месте. Он принес с собой огромные рулоны бумаги, на которых были изображены планы помещений гробницы царицы Теры, знаки и рисунки, которые он восстановил, пользуясь набросками, сделанными им самим и Корбеком. Таким образом, мы могли увидеть копии всех иероглифов и символов, покрывавших стены, потолок и пол усыпальницы в Долине Мага.

Мистер Трелони поделился с нами своими наблюдениями по поводу некоторых предметов из захоронения. Так, например, углубление в столе точно соответствовало дну «волшебной шкатулки» — наверняка это было сделано специально. Местоположение ножек стола на полу отмечали уреи различной формы, причем голова каждого из них смотрела в направлении урея, обвивавшего ножку, сделанную в форме лапы шакала. Еще одна немаловажная деталь: мумия лежала на приподнятой части дна саркофага, по форме соответствовавшей ее фигуре, головой к западу, а ногами к востоку, в соответствии с направлениями магнитных потоков Земли.

— Если это было сделано намеренно,— он многозначительно посмотрел на нас,— в чем лично я нисколько не сомневаюсь, использовавшаяся сила имела какое-то отношение к магнетизму или электричеству либо к тому и другому. Возможно, здесь имеет место и неизвестная современной науке энергия, заключенная в этом таинственном веществе, из которого сделана шкатулка. Я, например, подвергал ее воздействию радия — правда, мне удалось достать его только в очень малом количестве, но опыт не дал никаких результатов. Кажется, радий не активен, когда его помещают в смесь дегтя с цинковой обманкой, и, несомненно, в природе существуют другие подобные им субстанции, в которые его можно заключать. Возможно, они принадлежат к классу инертных газов, открытых сэром Вильямом Рамзаем. Ларец может быть сделан из аэролита, в котором могут содержаться и неизвестные нам элементы. Поэтому я допускаю, что в ней заключены некие мощные силы, которые высвобождаются в тот момент, когда шкатулку открывают.

Мистер Трелони замолчал, устремив взгляд на шкатулку. Некоторое время он, очевидно, обдумывал сказанное, затем продолжил:

— Должен признаться, есть кое-какие вопросы, на которые я до сих пор не нашел ответов... Настоящая загадка! Может быть, они не имеют первостепенной важности, но в таком деле, как наше, где столько неизвестного, нельзя не придавать значения любой мелочи. Расстановка предметов в усыпальнице продумана со скрупулезной точностью, поэтому каждая деталь несет в себе определенный смысл. Как вы можете видеть из плана гробницы, саркофаг расположен вдоль ее северной стороны, а «волшебная шкатулка» — на южной. Пространство, примыкающее к нам, совершенно лишено символов или каких-либо орнаментальных украшений. На первый взгляд естественно объяснить этот факт тем, что рисунки делались после размещения саркофага в захоронении, но более внимательный осмотр убеждает: система символических изображений на полу задумана таким образом, чтобы был достигнут совершенно определенный эффект. В чем он заключается — вот что хотелось бы узнать... Обратите внимание на символы на западной и восточной стене по отношению к голове и ногам саркофага. Здесь

продублированы некоторые из тех символов. В каждом случае изображено солнце, будто бы разрезанное пополам линией саркофага, которая служит как бы горизонтом. Рядом можно увидеть изображение вазы, которая в иероглифическом письме означает сердце — Аб, а также иероглиф — пара рук, широко распростертых и поднятых вверх на уровне локтей; это графическое обозначение Ка, или «двойника». Но их относительное положение различно: в изголовье саркофага Ка повернут в сторону Аб, а в ногах распростертые руки направлены в сторону, противоположную иероглифу, изображающему сердцу. Такой порядок символов означает, по-видимому, что во время прохождения солнца с запада на восток, от заката до восхода, Аб — сердце остается активным даже в гробнице, но не может выйти за ее пределы, а Ка — «двойник», перемещается, куда хочет, и днем, и ночью. Если это предположение правильно, нас предупреждают о том, что сознание мумии не отдыхает и с ним следует считаться. Своеобразный сигнал тревоги! Или, может быть, нам внушают, что после ночи возрождения Ка оставит Аб — сердце, таким образом, царица возродится исключительно для физического существования. И наиболее ценная ее нематериальная часть будет утрачена для мира! Что станет с ее памятью, опытом, с ее Ба — удивительной, странствующей душой? Однако не это беспокоит меня. В конце концов, я изложил вам лишь гипотезу, которая, кстати, находится в противоречии с египетской теологией, утверждающей, что Ка — наиболее существенная нематериальная часть человеческой личности.

Он замолчал, и мы все ждали, когда пауза закончится. Тишину нарушил доктор Уинчестер:

— Не говорит ли все это о том, что царица опасалась вторжения в ее гробницу?

Абель Трелони засмеялся в ответ:

— Дорогой сэр, она предполагала подобное развитие событий. Грабитель усыпальниц — отнюдь не современное явление. Они уже существовали во времена ее правления. Тера не только была готова к вторжению, но ожидала его. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что лампы были спрятаны в сердабе, а также фигурка хранителя-копьеносца.

Мы выслушали его молча, одна лишь Маргарет обратилась к нему:

— Отец, ты не мог бы дать мне этот план? Мне хотелось бы как следует изучить его в течение дня.

— Конечно, моя дорогая,— сердечно сказал Абель Трелони, передавая карту дочери.

После этого он предложил нам совершить небольшую экскурсию по дому, во время которой возобновил свой рассказ, в котором уже отсутствовала всякая мистика, уступив место фактам.

— Я хочу ознакомить вас со схемой электрической сети на случай какой-нибудь неполадки,— промолвил мистер Трелони.— Вы, наверное, уже заметили, что дом полностью электрифицирован, так что в нем нет ни одного темного уголка — это я специально предусмотрел. Электрический ток вырабатывается группой турбин, движущихся под воздействием разности уровней воды при приливе и отливе. Надеюсь, такой способ сводит к нулю вероятность неприятных ситуаций с освещением, и мы всегда располагаем запасом необходимой мощности.

Пока мы шли по дому, я вслух восхищался тем, насколько великолепно задумана система и как мистер Трелони оградил себя от любой аварии, которую может вообразить человеческая мысль. Но постепенно восхищение сменилось страхом. В таком предприятии, как наше, границы, к которым возносилась человеческая мысль, были беспредельно широки. Однако за ними находились Божественная мудрость и Божественная власть!

Когда мы вернулись в пещеру, Абель Трелони предложил обсудить еще одну проблему:

— Теперь следует со всей определенностью установить точный час, когда начнется «великий эксперимент». Если для него все готово, мы можем приступить к нему в любое время. Но речь идет о приготовлениях, сделанных женщиной чрезвычайно острого ума, которая полностью доверяет магии. Для нее все имеет тайное значение, поэтому прежде, чем решить этот вопрос, мы должны поставить себя на ее место. Вспомните прежде всего об изображении заката солнца; мы также обнаружили, что число «семь» играло важную роль в жизни царицы. Рассуждая логически, можно прийти к выводу, что время, установленное ею,— седьмой час после заката солнца. В Корнуолле это время определяется как три часа утра!

Мистер Трелони, предлагая нам «рассуждать», тем не менее назвал установленное время вполне категорично, то есть вопрос был решен; но при этом слова его не содержали никакой мистики; его манеры также отличались спокойствием. И все же мы испытали настоящее потрясение — об этом свидетельствовали бледность наших лиц и напряженное молчание. Точное определение часа, казалось, обрекло нас на ожидание стремительно приближавшегося Страшного Суда. Единственный человек, чувствовавший себя при этом спокойно, была Маргарет, которая с безразличной улыбкой наблюдала за происходящим. Абель Трелони, бросив на девушку внимательный взгляд, тоже улыбнулся; для него настроение дочери было прямым подтверждением его теории. Что касается меня самого, то я был вымотан до предела. Когда я теперь вспоминаю об этом, то понимаю, что в тот момент мои чувства были сходны с переживаниями приговоренного к смерти в течение его последнего часа.

Нет пути к отступлению, мы все в руках Господа!

Руки Господа!.. Тем не менее — какие еще силы окружали нас? Что произойдет со всеми нами, земной пылью, клубящейся на ветру... еще один порыв — и разве кто-нибудь вспомнит о нас? Нет, подобная участь не для меня... Маргарет!

Я очнулся при звуках твердого голоса мистера Трелони:

— Теперь займемся светильниками — это последнее, что нам осталось сделать.

Под его наблюдением мы заполнили египетские лампы кедровым маслом, проверили не один раз, должным ли образом отрегулированы в них фитили. Наши старания были направлены в том числе и на то, чтобы зажечь их без промедления и одновременно.

Приготовления заняли довольно много времени. Думаю, все удивились не меньше меня, когда, покидая пещеру, услышали, как часы в холле пробили четыре.

Мы рано поужинали и, руководствуясь советом хозяина дома, разошлись по своим комнатам: каждый должен был по-своему подготовиться к тревогам предстоящей ночи. Маргарет вы-

глядела бледной и изможденной, так что я посоветовал ей лечь в постель и постараться уснуть. Она кивнула, соглашаясь. В этот момент рассеянность, которая словно туманом окутывала ее весь день, исчезла; со свойственными ей очарованием и нежностью она пожелала всем хорошего отдыха и, наклонившись, поцеловала меня! Окрыленный счастьем, я вышел из дому прогуляться по скалам. Мне хотелось ни о чем не думать, а просто любоваться бликами заходящего солнца на воде, вдыхать свежий морской воздух, благодарить Бога за созданную Им красоту... С радостью признаюсь, что все это наилучшим образом укрепило мой дух и подготовило к предстоящим ночным событиям, которые неумолимо приближались.

Когда я вернулся, вся наша компания собралась для вечернего чая — люди, как правило, привязаны к нуждам и привычкам своей обыденной жизни. Я присоединился к ним, воодушевленный прогулкой,— общение с природой всегда восстанавливало мои душевные силы. Мужчины хранили угрюмое молчание; время добровольного заточения в этом доме среди скал, помимо отдыха, одновременно давало пищу для размышлений. Маргарет была весела, но по отношению к себе я чувствовал тень некоторого равнодушия, что снова возвращало меня к мрачным мыслям. Когда чаепитие закончилось, она вышла из комнаты, но через минуту вернулась со свертком рисунков, с которыми, очевидно, не расставалась весь день.

Мы все невольно вздрогнули, когда услышали ее голос, настолько необычны были интонации:

— Отец, я обдумала все то, что вы говорили сегодня о скрытом значении этих солнц, и Аб, и Ка. Я внимательно просмотрела все эти рисунки.

— И каковы же результаты, дитя мое? — заинтересованно спросил мистер Трелони.

— Здесь возможно и другое толкование!

— Какое же именно? — Его голос дрожал от нетерпения и беспокойства.

Маргарет отвечала тем же странным звенящим голосом, и это предупреждало нас: сейчас мы услышим кое-что необычное.

— Это означает, что при закате солнца Ка входит в Аб и только после рассвета Ка покинет Аб.

— Продолжай! — хрипло сказал Абель Трелони.

— В эту ночь «двойник» царицы, всегда свободный, останется с Аб — ее сердцем, ибо оно не может покинуть место своего заключения в усыпальнице мумии. Когда солнце опустится в море, царица Тера перестанет существовать до тех пор, пока «великий эксперимент» не вернет ее из сна к жизни после пробуждения. Вам нечего опасаться ее — беспомощную мертвую женщину, отдавшую все эти столетия за грядущий час, в надежде на новую жизнь в новом мире, о котором она так страстно мечтала!..

Внезапно у Маргарет перехватило дыхание, и она замолчала. Прежде чем девушка отвернулась от нас, я успел заметить слезы в ее глазах.

Судя по всему, сердце отца не откликнулось на чувства дочери. Абель Трелони выглядел возбужденным, однако на его лице отразилась и тень угрюмой властности, так живо напомнившая мне суровость его облика во время транса. Видя искреннее сострадание Маргарет к царице Тере, он лишь сказал:

— Мы должны проверить точность твоего предположения!

Он поднялся из-за стола и, сопровождаемый беспокойным взглядом Маргарет, пошел к себе. Почему-то ее тревога не затронула меня так сильно, как обычно.

В столовой воцарилась глубокая тишина — никому не хотелось высказываться по поводу происходящего. Немного помедлив, Маргарет покинула нас, а я отправился на террасу. Свежий морской ветер и красота пейзажа, окружавшего меня, помогли восстановить хорошее настроение, тем более что я окончательно поверил в то, что опасность, которую я связывал с предстоящей ночью, более нам не угрожает. Меня убедила в этом Маргарет, окончательно и бесповоротно, причем мне даже не пришло в голову проверять логику ее предположений. В прекрасном расположении духа и практически не ощущая беспокойства, угнетавшего меня все последние дни, я вернулся в свою комнату и прилег на софу.

Сквозь сон я услышал голос Корбека:

— Спускайтесь в пещеру, мистер Трелони хочет нас всех видеть — немедленно. Поспешите!

Я едва ли не бегом спустился в пещеру, где все уже собрались, кроме Маргарет; она вошла сразу после меня, крепко прижимая к себе Сильвио. Кот вел себя беспокойно, пытаясь высвободиться из ее рук. Я поглядел на часы — было около восьми вечера.

Увидев дочь, Абель Трелони обратился к ней с настоятельностью, которая была внове для меня:

— Ты веришь, Маргарет, что царица Тера по своей воле решила расстаться со своей свободой и пребывать в состоянии мумии, пока не закончится эксперимент? Быть равнодушной при любых обстоятельствах, лишиться всякой власти до тех пор, пока акт возрождения не будет завершен... а ведь он может закончиться и неудачно?

После паузы Маргарет тихо ответила:

— Да!

За эти несколько мгновений выражение ее лица, голос, манеры — словом, все изменилось. Даже Сильвио почувствовал это и с яростным усилием наконец вывернулся из рук девушки; но она, казалось, даже не заметила произошедшего. Я ожидал, что животное, освободившись, атакует ненавистную ему мумию кошки, но он, осторожно приблизившись к ней, сразу отступил, жалобно мяукая, а затем начал тереться о мои ноги и успокоился только после того, как я взял его на руки. Мистер Трелони заговорил снова:

— Ты уверена в том, что говоришь? Всей своей душой?

Лицо Маргарет утратило рассеянное выражение; сейчас оно казалось освещенным той причастностью, которую ощущает человек, чувствуя необходимость или предназначение говорить о великих вещах. Она ответила дрожащим — но отнюдь не от испуга — голосом:

— Я знаю это! Мое знание превосходит мою веру!

Мистер Трелони продолжал, пристально глядя на нее:

— Будь ты царица Тера, то смогла бы доказать любым возможным способом свое согласие?

— Да, любым способом!

Сколько бесстрашия было в ее голосе!

— Даже отказавшись от своего гадателя, уничтожив его?

Маргарет молчала, и я мог видеть в глазах моей возлюбленной выражение загнанного зверька. Мне так хотелось прервать

этот мучительный разговор, но, когда взгляд мистера Трелони упал на меня, я не мог произнести не слова. Между ними происходило что-то недоступное нашему пониманию.

Большими шагами Абель Трелони направился к стене пещеры и отодвинул ставень, закрывавший узкую щель. Холодный воздух проник в помещение, и солнечный свет озарил их обоих, так как Маргарет теперь стояла рядом со своим отцом. Он указал на солнце, которое погружалось в море в ореоле золотого огня, и его лицо было неподвижно, как камень. Голосом, бескомпромиссные интонации которого я не забуду до самой смерти, он сказал:

— Решай! Говори! Когда солнце целиком погрузится в море, будет слишком поздно!

Великолепие закатных лучей коснулось лица Маргарет и словно зажгло внутри нее священный огонь. Девушка тихо ответила:

— Даже тогда!

Затем, подойдя к маленькому столику, на котором лежала мумия кота, она положила на нее руку и звонко воскликнула:

— Если бы я была Терой, я бы сказала: «Заберите все, чем я обладаю! Эта ночь существует только для одного бога!»

В то время как она произносила эти слова, солнце полностью погрузилось в воду и пещеру заполнили сумерки. Некоторое время мы стояли в полной тишине, которую прервал печальный голос Маргарет:

— Отец, солнце зашло! Увидит ли его снова кто-нибудь из присутствующих здесь? Наступила ночь всех ночей!

Сильвио подбежал к своей хозяйке и остановился рядом с ней, как будто просил, чтобы она взяла его на руки. Он не обращал никакого внимания на мумию кошки.

Глава XIX

«ВЕЛИКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Если требуется свидетельство о том, как каждый из нас и мы все вместе пришли к вере в существование Ка — души египетской царицы, его можно было бы обнаружить в тех измене-

ниях, которые всего за несколько минут произошли в нас после ее добровольного отречения, сделанного через Маргарет. Несмотря на приближение рокового часа, о чем невозможно было забыть, мы выглядели и действовали так, будто на нас снизошла великая благодать. Разве это можно было сравнить с теми днями, когда мистер Трелони находился в трансе? Страх тогда буквально въелся в наши души. Никто не в состоянии представить, пока не испытает сам, что такое находиться в постоянном ожидании неизвестной опасности, которая может настигнуть тебя в любой момент.

Изменения проявились по-разному, в соответствии с натурой каждого. Маргарет была печальна; доктор Уинчестер — оживлен и весьма наблюдателен; мистер Корбек находился в задумчивом настроении. Сам я, можно сказать, склонялся к веселью, так как освободился от беспокойства за Маргарет — по крайней мере, на некоторое время.

Что касается Абеля Трелони, то его меньше всех коснулись перемены. Это было вполне естественно, ведь он в течение многих лет вынашивал планы, которые нам сегодня ночью предстояло воплотить в жизнь. Поэтому любое связанное с этим событие воспринималось им как эпизод, шаг к конечной цели. Его натура обладала огромным зарядом лидерства, он ни разу не выразил сомнения по поводу задуманного дела.

Мистер Трелони попросил мужчин пройти вместе с ним; из холла мы перенесли в пещеру дубовый стол, довольно длинный, но не слишком широкий. Для него было определено место — в центре помещения, прямо под несколькими ярко сиявшими лампами. Маргарет некоторое время наблюдала за нашими действиями, затем внезапно ее лицо побледнело, и она возбужденным от волнения голосом воскликнула:

— Что вы собираетесь делать, отец?

— Развернуть мумию кота. Царице Тере сегодня ночью не понадобится ее гадатель. Если бы она захотела иметь его при себе, это было бы опасным для нас, так что мы хотим обезвредить его. Ты не тревожишься, дорогая?

— О нет! — быстро ответила девушка.— Но я подумала о своем Сильвио... Что бы я почувствовала, если бы он был мумией, которую сейчас начнут распеленывать!

Мистер Трелони приготовил ножи и ножницы и положил мумию кота на стол. Таким образом, начало нашей работы носило мрачный характер; чувство одиночества и ощущение изоляции от всего мира усиливалось от завываний ветра и от биения волн о скалы внизу. Количество бинтов казалось бесчисленным, их слои были склеены чем-то вроде битума или смолы с сильным запахом, и маленькое облачко ароматной красной пыли, поднимавшейся над нами, то и дело заставляло нас чихать и протирать глаза. Когда сняли последний бинт, перед нами предстал огромный кот: его глаза были закрыты, усы свирепо топорщились — как, наверное, и при жизни,— шерсть, зубы и когти полностью сохранились. Пока мы разглядывали это великолепное животное, наше восхищение сменилось страхом, вызвавшим сильную дрожь,— по крайней мере, у меня. Пасть и когти кота покрывали бурые пятна крови, судя по всему пролитой не так давно!

Первым пришел в себя доктор Уинчестер: для него кровь сама по себе была достаточно привычным зрелищем. Он вынул увеличительное стекло и начал рассматривать пятна. Мистер Трелони громко дышал, словно освободившись от какого-то напряжения.

— Это то, чего я ожидал,— сказал он,— и обещает хорошие результаты последующих исследований.

Доктор Уинчестер едва ли не вторил ему:

— Как я и ожидал! У него по семь когтей на каждой лапе!

Открыв свою записную книжку, он вынул листок бумаги с отпечатками когтей Сильвио, на которой также были зарисованы следы царапин с запястья мистера Трелони, и подложил бумагу под лапу мумии. Отметки когтей совпали!

Дальнейший тщательный осмотр животного не дал никаких пугающих результатов, кроме того, что мы еще раз убедились в превосходной сохранности мумии. Когда Абель Трелони поднял кота со стола, Маргарет подскочила к отцу с криком:

— Будь осторожен, отец! Будь осторожен! Мумия может поранить тебя!

— Не бойся, моя дорогая,— ответил он, двигаясь в направлении лестницы.

— Куда ты идешь? — спросила девушка слабеющим от страха голосом.

— На кухню. Мы сожжем мумию. Только тогда этот кот не будет представлять опасности; даже его астральное тело не может материализоваться из пепла.

Он подал нам знак следовать за ним. Маргарет зарыдала, я подошел к ней, желая утешить, но моя возлюбленная развернула меня спиной к себе и, тихонько толкнув вперед, прошептала:

— Нет, нет! Ступай, ты можешь понадобиться отцу. О, это так похоже на убийство! Бедный любимец царицы...

В кухне уже все было готово: мистер Трелони заранее разжег огонь и теперь ждал, когда выровняется пламя. Спустя некоторое время он бросил в него мумию; она лежала темной массой в огненно-красных языках, а комната заполнялась запахом паленой шерсти. Затем огонь охватил сухое тело; вещества, использованные при бальзамировании, обратились в дополнительное горючее, и пламя зарычало с новой силой. Оно свирепствовало еще несколько минут, а затем мы дружно вздохнули. Гадателя царицы Теры более не существовало!

Когда мы вернулись в пещеру, Маргарет выключила электрические лампы, и только едва заметные лучи света проникали сквозь узкие щели в стенах. Отец быстро подошел к ней и обнял, словно защищая. Девушка опустила голову ему на плечо и, казалось, успокоилась. Несколько минут длилось томительное молчание, которое наконец прервал ее голос:

— Малькольм, включи свет!

Я выполнил ее приказ и убедился, что, хотя на нежных щеках девушки виднелись следы слез, ее глаза были уже сухими. Абель Трелони тоже это заметил и явно обрадовался. Обращаясь к нам, он торжественно произнес:

— Теперь ничто не помешает нам!

Маргарет, должно быть, подозревала, что именно сейчас произойдет, так как тихо спросила:

— А что вы собираетесь делать?

Мистер Трелони, видимо понимая ее состояние, так же тихо ответил:

— Распеленать мумию царицы Теры.

Маргарет теснее прижалась к отцу и прошептала умоляющим тоном:

— Отец, ведь вы не станете распеленывать ее! Ведь вы мужчины!.. Она, обнаженная! При ярком свете этих ламп!

— Но... почему бы и нет, дорогая?

— Только подумай, отец, она ведь женщина! В таком виде! В таком месте! О, это жестоко, это так жестоко!

Маргарет была совершенно измучена своими переживаниями. Ее щеки горели ярким румянцем, а глаза вновь наполнились слезами. Я встретился взглядом с мистером Трелони, и он кивнул, очевидно не возражая, чтобы я помог ему. Типичное желание мужчины — переложить на плечи кого-то другого задачу успокоения женщины, находящейся в раздражающем его отчаянии. Однако отец моей возлюбленной все же попытался сделать это сам:

— Дорогая, это же мумия! Царица Тера умерла около четырех тысяч лет назад!

— Что это меняет? Пол не зависит от срока. Женщина остается женщиной, даже если она и умерла сорок столетий назад. К тому же вы ожидаете, что она возродится. Значит, ни о какой смерти и речи быть не может. Ты всегда внушал мне, что царица оживет, если удастся открыть шкатулку!

— Да, именно так, дорогая, и я в это верю. Но если она не умерла, тогда то, что происходило с ней в течение этих лет, невероятно похоже на смерть. Подумай вот о чем: ее ведь бальзамировали мужчины. В Древнем Египте, моя дорогая, женщины этим не занимались. И кроме того,— продолжал он более спокойно, видя, что она принимает его аргументы, если и не соглашается с ним,— мы привыкли к таким вещам. Корбек и я уже распеленали сотни мумий, и среди них было столько же женщин, сколько и мужчин. Даже Росс в своей работе адвоката...— Внезапно он остановился.

— Разве ты собираешься помогать им? — В голосе Маргарет слышалось раздражение.

Я ничего не ответил: в таких случаях лучше промолчать. Мистер Трелони неторопливо продолжал, к счастью отказавшись от аргументов, касавшихся моей должности:

— Дитя мое, ты же сама будешь присутствовать при этом. Неужели мы отважимся сделать то, что могло бы оскорбить тебя или причинить тебе боль? Постарайся вести себя разумно. Мы все — серьезные люди, начинающие весьма важный эксперимент, который может открыть для нас мудрость древних вре-

мен и беспредельно увеличить человеческие знания. Эти новые знания могут направить человеческий разум на неизведанные пути философии и исследований. Предстоящий эксперимент,— Абель Трелони заметно воодушевился, и голос его зазвучал сильнее,— может повлечь смерть любого из нас, да что там — всех нас! Мы знаем из прошлого опыта, что существует или может существовать огромное количество опасностей, угрожающих нам. Пойми, дитя мое, что мы приступаем к нашим действиям не с легкой душой, но со своей серьезностью глубоко заинтересованных в них людей! Кроме того, моя дорогая, какие бы чувства ты или любой из нас ни испытывал по этому поводу, для успеха эксперимента мумию необходимо раскрыть. Мы избавим царицу от этих бинтов, прежде чем она снова вернется к жизни, вместо того чтобы оставаться одухотворенным трупом, обладающим астральным телом. Если будут выполнены ее первоначальные намерения и Тера вступит в новую жизнь, обернутая во все эти пелены... она же умрет, задохнувшись! Теперь, когда она по собственному желанию временно отдает свою астральную власть, не может быть никаких сомнений по поводу наших действий.

Лицо Маргарет прояснилось.

— Хорошо, отец! — сказала она, целуя его.— Но мне все равно кажется, что это величайшее оскорбление для царицы, для женщины.

Я направлялся к лестнице, когда она окликнула меня:

— Куда ты?

Я вернулся к ней, взял ее руку и, целуя тонкие пальцы, ответил:

— Я приду, когда все будет закончено.

Маргарет долго смотрела на меня, и что-то похожее на легкую улыбку появилось на ее лице, когда она наконец заговорила:

— Возможно, тебе следует остаться. Господин адвокат, это может оказаться полезным для вашей практики! — Девушка засмеялась, встретившись со мной глазами, но почти за одно мгновение ее настроение переменилось: на лице появилось серьезное выражение, и она тихо произнесла, заметно побледнев: — Отец прав! Это ужасная ситуация. Необходимо, чтобы все мы отнеслись к ней серьезно. Но все равно... нет, именно по этой причине лучше оставайся с ними, Малькольм!

Пока она говорила, мое сердце остановилось, однако я решил промолчать в ответ: и так достаточно плотная атмосфера страха сгустилась над нами!

К этому времени Абель Трелони с помощью мистера Корбека и доктора Уинчестера сняли крышку с саркофага, сделанного из бурого железняка. Внутри находилась мумия царицы — широкая, длинная и достаточно тяжелая, так что даже для нас, четверых мужчин, поднять ее из саркофага оказалось нелегкой задачей. Под руководством мистера Трелони мы положили ее на стол, где совсем недавно разворачивали мумию кота.

И только тогда весь ужас этого занятия овладел моим сознанием! При ослепительном свете электрических ламп физическая сторона смерти оказалась потрясающе реальной. Наружные пелены, разорванные и стянутые нашими руками, потемневшие либо от пыли, либо от времени, напоминали лохмотья; раскраска сохранилась в виде отдельных пятен, а лак местами откололся. Количество слоев было огромным, тем не менее через них постепенно проступали формы человеческого тела. Весь романтический и таинственный ореол смерти исчезал у нас на глазах. Два более пожилых человека, преданные своему увлечению, не в первый раз в жизни занимались подобными вещами, поэтому сохраняли самообладание и не казались столь сильно выбитыми из колеи; доктор Уинчестер словно склонился над операционным столом и являл собой заинтересованного профессионала. Но я совсем упал духом, мне было стыдно за всех и одновременно жаль присутствующих, самого себя в том числе; кроме того, бледность Маргарет и ее встревоженность заставляли меня мучиться от невозможности ей помочь.

Работа шла медленно. Распеленывание мумии кота, конечно, дало мне некоторый опыт, но эта мумия была намного больше и завернута куда более искусно. К тому же нас не покидало осознание близости смерти в ее неприглядном естестве, а также бесчеловечности вмешательства в «жизнь после смерти» египетской правительницы. Не могу не отметить то обстоятельство, что процесс сам по себе оказался более сложным: животное было забальзамировано с использованием традиционных составов; здесь же даже первые слои полотна источали совсем другие запахи — наверняка лучших смол, трав и специй. Но в воздухе по-прежнему висела красная пыль и раздавался

треск бесконечного количества разрываемых бинтов. Когда мы увидели разрезанными все слои, их толщина превзошла все наши ожидания.

Мое волнение росло вместе с кучей бинтов на полу. Некоторое время спустя я отстранился от стола — и Маргарет посмотрела на меня с благодарностью. Мы сомкнули руки, пальцы девушки тесно переплелись с моими, крепко сжав их.

Грубое полотно сменилось более тонкими тканями, некоторые из них были украшены какими-то символами и картинами, в основном бледно-зеленых оттенков, и даже при многоцветии зеленые тона превалировали. То и дело мистер Трелони или мистер Корбек обращали наше внимание на какой-нибудь особенный рисунок, прежде чем отложить пелену в чудовищных размеров груду на полу.

Процесс близился к завершению. Пропорции лежавшего перед нами тела уже уменьшились до почти нормальных размеров, соответствующих росту царицы, которая, как известно, была выше среднего роста. Я услышал, как учащенно дышит Маргарет, мой тревожный взгляд отметил ее неестественную бледность, напоминавшую мрамор статуи. Как раз в это время Абель Трелони снимал последний бинт; посмотрев на Маргарет, он заметил успокаивающим тоном:

— Не переживай столь сильно, дорогая! Посмотри, царица одета в мантию.

Последняя пелена представляла собой широкий кусок материи, длина которого равнялась длине тела. Когда ее сняли, нашим взорам предстала расточительно широкая мантия из белого полотна, покрывавшая тело от шеи до ступней. Маргарет мгновенно забыла о своих переживаниях и теперь с чисто женским интересом рассматривала прекрасную ткань. Впрочем, все остальные тоже не могли отвести от мантии восхищенных глаз. Незабываемое зрелище! Полотно, напоминавшее тончайший шелк, лежало великолепными, почти скульптурными складками и лишь несколько измялось под верхними слоями ткани, пеленавшими мумию.

Вокруг шеи мантия была искусно расшита нитями из чистого золота, узор дополняли вплетения из веточек смоковницы, внизу вышивка повторялась, только с использованием стеблей

лотоса неравной длины, что вносило в ритм рисунка беспорядочно-естественную красоту натуральных растений.

Поверх мантии, не окружая тело, лежал пояс из драгоценных камней, казалось позаимствовавший свои цвета у радуги, а блеск — у звезд на ночном небосводе.

Пряжкой для пояса служил камень желтого цвета, своей формой напоминавший шар в золотой оправе. Он сиял, как будто внутри него находилось настоящее солнце, освещая все вокруг своим ярким блеском. По бокам от него были укреплены два молочно-белых камня меньших размеров, их мерцание создавало полную иллюзию серебристого лунного света.

Маргарет в экстазе всплеснула руками, затем склонилась над столом, чтобы как следует рассмотреть необыкновенный пояс. После минутного созерцания она выпрямилась во весь свой довольно высокий рост и заговорила с убежденностью абсолютного знания:

— Это не похоронный наряд! Он не мог быть изготовлен для обряжения мертвой царицы! Это свадебный наряд!

Мистер Трелони оттянул складку материи возле шеи, и я догадался по порывистому вздоху, что его что-то удивило. Он приподнял мантию еще выше и произнес:

— Маргарет права! Эта одежда не предназначалась для мертвой. Посмотрите! Мантия просто лежит поверх ее тела.

Он поднял с мумии пояс, переливавшийся блеском драгоценных камней, и передал его Маргарет. Затем приподнял роскошную мантию и положил поперек рук девушки, которые она протянула к нему в порыве неудержимого восторга. Предметы такой редкой красоты не могли не вызвать подобного чувства.

Все мы молча стояли, потрясенные прелестью женской фигуры, которая лежала перед нами полностью обнаженная, за исключением прикрытой пеленами головы. Мистер Трелони наклонился и дрожащими от волнения руками поднял эту пелену, которая была изготовлена из такого же полотна, что и сама мантия. Когда он отступил от стола, перед нами предстала вся прославленная красота царицы. Меня окатила волна стыда: как несправедливо, что нам, простым смертным, дозволено равнодушными глазами смотреть на истинное воплощение мечты о прекрасном! Это было сродни святотатству.

Царица Тера напоминала статую, вырезанную из слоновой кости рукой Праксителя. Кожа поражала своим совершенством, была гладкой, как бархат; никаких следов увядания или тления, окаменевших морщин; изменения коснулись лишь забрызганной кровью руки, которая пролежала обнаженной поверх покровов в течение нескольких десятков веков.

Уголки губ Маргарет дрогнули, на щеках вспыхнул гневный румянец. Импульсивным движением девушка накинула на тело царицы прекрасную мантию, закрыв изуродованную руку. Теперь мы могли любоваться только лицом Теры. Оно было еще восхитительнее, чем тело, потому что производило впечатление живого и одухотворенного. Глаза были закрыты; длинные, черные, загибающиеся вверх ресницы лежали веером на щеках. Ноздри благородной формы хранили покой, казавшийся более абсолютным, чем тот, что приносит смерть. Полные, красные губы приоткрывали тончайшую линию жемчужных зубов. Ее волосы необычайной густоты, черные и блестящие, как вороново крыло, были приподняты прядями над белоснежным лбом, на который выбивалось несколько легких локонов.

Меня потрясло сходство древней правительницы с Маргарет, хотя я уже был подготовлен к нему фразой мистера Корбека, процитировавшего ее отца. Эта женщина — я не мог думать о ней как о мумии или трупе — напомнила мне нашу первую встречу на балу, когда я издали восхищался царственной осанкой мисс Трелони. От моего внимания не ускользнуло то, что украшение из крупного жемчуга с лунным блеском и драгоценных камней, скреплявшее прическу царицы, по своей форме ничем не отличалось от того, что сияло тогда в шелковистых локонах Маргарет.

Мистер Трелони выглядел так, словно злая магия лишила его физических сил. Он был совершенно разбит и едва держался на ногах. И когда Маргарет, успокаивая, обняла его обеими руками, я услышал, как он еле прошептал:

— Дитя мое, мне кажется, что это ты лежишь передо мной!

Некоторое время мы молчали, прислушиваясь к вою ветра, перешедшего в бурю, и неистовому биению волн о скалы далеко внизу. Голос мистера Трелони, прервавшего паузу, уже обрел привычные нам интонации:

— Позже мы попытаемся исследовать процесс бальзамирования. Внешне мумия совсем не похожа на те, которые мне доводилось изучать. Кажется, нет надрезов для извлечения связок и внутренних органов, которые, по всей вероятности, остались нетронутыми. Кроме того, ткани тела совсем не содержат влаги: каким-то очень точным методом через вены ввели воск, или стеарин, или какое-то неизвестное вещество. Я не исключаю парафин, потому что к тому времени древние египтяне могли уже знать о нем.

Маргарет откуда-то достала белую простыню и, накрыв ею тело царицы, попросила нас перенести Теру к ней в комнату.

— Мне не хотелось бы, чтобы до установленного срока она лежала здесь, в этой пещере, одна, совершенно обнаженная, под ярким светом ламп. Может быть, она приготовилась к встрече с женихом, имя которому Смерть.

Мы вышли в почтительном молчании, оставив Маргарет наедине с царицей Терой. Когда спустя некоторое время моя возлюбленная позвала меня к себе, мертвая красавица была одета в свою мантию из тонкого полотна с золотым шитьем, ее украшали принадлежавшие ей великолепные драгоценности, а также белые цветы, которые Маргарет положила на высокую грудь египтянки. Вокруг ложа стояли зажженные свечи.

Рука в руке мы простояли некоторое время возле нее. Затем со вздохом Маргарет отвернулась.

Осторожно прикрыв дверь, мы направились в столовую, где нас ждали остальные. Несколько минут прошло в молчании, затем возобновился разговор о том, что было, и о том, что еще должно произойти.

Время от времени я чувствовал, как беседа едва ли не затухает подобно пламени, которое нечем питать,— как если бы мы утратили уверенность в своих самых важных убеждениях. К тому же долгое ожидание начало сказываться на состоянии наших нервов. От моего внимательного взгляда не укрылось то обстоятельство, что для мистера Трелони перенесенный им транс не был столь безобидным, как мы полагали или как он нашел нужным рассказать нам. Правда, его воля и целеустремленность были столь же сильны, как всегда, но физически он заметно сдал. Конечно, подобное положение вещей казалось

мне вполне объяснимым. Четыре дня совершенного отрицания жизни ослабили бы любой организм.

Время текло все медленнее, и мои собеседники, не сознавая этого, проявляли признаки сонливой усталости. Я, всеми возможными способами желая сохранить ясность сознания, пытался понять, не было ли это гипнотическим влиянием царицы, которому мы уже подвергались.

Что касается Маргарет, тревога ожидания заметно сказалась на ее состоянии, что было естественным для женщины. Бледность не покидала ее лица, глаза утратили живой блеск, и около полуночи я начал серьезно беспокоиться за нее. Я отвел девушку в библиотеку и там долго уговаривал прилечь на софу. «Великий эксперимент» должен был начаться точно через семь часов после захода солнца, это соответствовало трем часам ночи. Даже если выделить час для окончательных приготовлений, нам предстояло еще два часа волнений, и я клятвенно обещал Маргарет, что разбужу ее в любое время, какое она укажет. Однако девушка не хотела и слышать об этом. Улыбнувшись, она поблагодарила меня, заверив, что вполне способна выдержать оставшиеся часы ожидания и совершенно не хочет спать. Я согласился, хотя и через силу, но сознательно потратил на уговоры больше часа; так что, когда Маргарет настояла на том, чтобы мы вернулись в столовую, я шел туда с сознанием того, что по крайней мере помог ей скоротать время ожидания.

Абель Трелони, доктор Уинчестер и Юджин Корбек молчаливо созерцали огонь в камине. С чисто мужской твердостью они пребывали в покое, исполненные сознания выполненного долга. Они сделали все, что было в их власти.

Когда пробило два часа, этот звук заставил нас несколько оживиться. Все тени, казалось кружившие вокруг нас в течение предшествующих часов, мгновенно исчезли, и мы занялись последними приготовлениями. Сначала необходимо было проверить окна и убедиться, что все они закрыты, затем подготовить наши респираторы, чтобы надеть их, когда наступит знаменательный час. Мы решили их использовать, так как не знали, не будут ли выходить какие-нибудь отравляющие газы из шкатулки, когда она откроется. При этом никому из нас почему-то не приходило в голову, что возможно иное развитие событий — например, сумеем ли мы открыть ее вообще.

Под предводительством Маргарет мы перенесли мумифицированное тело царицы Теры в пещеру и положили ее в саркофаг. Поврежденная рука вернулась в прежнее положение — на грудь, и вновь ладонь скрывала рубин с семью звездами, который мистер Трелони заранее вынул из сейфа.

Когда я вспоминаю о прошедших событиях, то иногда мне приходит в голову, что со стороны все это выглядело довольно странно, включая сам опыт, который нельзя было отнести к разряду обычных событий. Мрачные и молчаливые мужчины подняли белую неподвижную фигуру, напоминавшую статую из слоновой кости (во время нашего продвижения с нее соскользнула простыня), и унесли ее прочь от зажженных свечей и белоснежных цветов. Их ждала пещера, где сияние электрических огней было направлено на огромный саркофаг, установленный в центре помещения, готового для окончательного эксперимента, основанного на исследованиях двух ученых-путешественников, посвятивших им свою жизнь. А если вспомнить, что шествие возглавляла девушка, чье поразительное сходство с мумией усиливалось ее необычной бледностью...

Мы уложились в три четверти часа, потому что все действия были тщательно продуманы. Маргарет подозвала меня, и я отправился вместе с ней, чтобы принести Сильвио. Оказавшись у себя в комнате, она передала мне кота, а затем совершила странный поступок, от созерцания которого у меня защемило в груди и я в очередной раз задумался о безнадежности затеянного нами дела. Одну за другой Маргарет старательно гасила свечи и ставила каждую на ее обычное место, говоря при этом:

— Что бы ни наступило — жизнь или смерть,— отныне не будет причин для их использования.

Затем, взяв Сильвио на руки и прижимая его к груди, отчего он начал громко мяукать, Маргарет вышла. Я, покидая комнату, осторожно прикрыл за собой дверь, чувствуя при этом сильное волнение — путей к отступлению уже не оставалось.

«Великий эксперимент» начался. Мы надели респираторы, и каждый занял свое место согласно заранее составленному плану действий. Я должен был стоять возле выключателей у двери и быть готовым включить или выключить свет по указанию мистера Трелони. Доктор Уинчестер расположился позади саркофага, так чтобы не оказаться между мумией и ларцом; он дол-

жен был внимательно следить за тем, что будет происходить с царицей. Маргарет находилась рядом с ним: она держала Сильвио. Мистер Трелони и мистер Корбек должны были зажечь светильники. Они уже стояли наготове, глядя на стрелки часов, приближавшиеся к цифре «три».

Звон серебряного колокольчика часов прозвучал для нас подобно звукам труб перед Страшным Судом. Один! Два! Три!

Едва последний звук растаял в наступившей тишине, фитили египетских ламп были зажжены, и я выключил электрический свет. В полумраке разгорающихся светильников и после выключения ламп пещера мгновенно преобразилась — все предметы в ней приобрели зловещие очертания. Я слышал, как громко стучит мое сердце, и мне казалось, что до меня доносится сердцебиение остальных.

Следующие секунды, наверное, летели на свинцовых крыльях. Фигуры людей в пещере были едва различимы, выделялось лишь белое платье Маргарет и белые же респираторы на наших лицах.

Неужели эти лампы никогда не разгорятся как следует? Наконец на фоне их слабого свечения проступили квадратная челюсть мистера Трелони и смуглое бритое лицо мистера Корбека. Глаза доктора Уинчестера сверкали как звезды, споря своей яркостью с изумрудной зеленью глаз Сильвио.

Прошло несколько секунд, и спокойный, устойчивый свет ламп начал заметно увеличивать свою яркость, одновременно меняя оттенок от синего до хрустально-белого. Так продолжалось в течение двух минут без всяких изменений со стороны шкатулки, пока наконец она тоже не начала слабо светиться. Этот поначалу слабый блеск постепенно усиливался, затем шкатулка превратилась в сверкающий драгоценный камень. А еще она напоминала мне живое существо, главным смыслом существования которого было свечение.

Неожиданно раздался звук, похожий на приглушенный взрыв, и шкатулка поднялась над поверхностью стола на несколько дюймов; в этом не было никаких сомнений, так как всю пещеру залил яркий свет. Крышка медленно сдвинулась в сторону, словно подчиняясь давлению каких-то сил, из шкатулки пополз тонкий зеленоватый дым. Даже через респиратор я ощущал странный острый запах. Затем дым стал сгущаться, по-

валил клубами и в течение нескольких секунд заполнил пещеру, так что наступила почти полная тьма. Мне так хотелось в этот момент броситься к Маргарет, которую я продолжал видеть сквозь дым — она стояла позади саркофага рядом с доктором Уинчестером. Затем я увидел, как доктор Уинчестер упал, но оставался в сознании: он размахивал рукой, как бы запрещая приближаться к себе. Фигуры мистера Трелони и мистера Корбека стали совсем неразличимыми в дыму, и я потерял их из виду. Сильвио был встревожен, его жалкое мяуканье было единственным звуком, слышным в пещере. Шкатулка продолжала светиться, а лампы постепенно затухали. И неудивительно: такого количества яркого пламени не могло хватить надолго.

Я напряженно ждал, когда раздастся команда включить свет, но приказа не поступало. Густые клубы дыма продолжали вырываться из светящейся шкатулки, в то время как лампы гасли одна за другой. В конце концов осталась только одна, испускавшая тускло-голубое, мерцающее свечение, но это не означало, что в комнате стало темно,— свет исходил от сияющего ларца. Я продолжал пристально наблюдать за Маргарет; все мои беспокойные мысли сосредоточились исключительно на ней, однако я мог видеть только ее белое платье за укрытой простыней фигурой, лежавшей в саркофаге. Запах дыма, давно щекотавший мои ноздри, теперь начал действовать и на глаза, и они предательски заслезились. Тем не менее я смог разглядеть, как рядом с саркофагом движется что-то белое. Количество дыма, выходившего из шкатулки, начало уменьшаться, а сам дым стал менее плотным. В этот момент свечение шкатулки начало быстро слабеть. Мяуканье Сильвио раздавалось откуда-то снизу вблизи меня, а затем он начал карабкаться вверх по моей ноге.

Шкатулка больше не светилась, зато вокруг ставен появилась еле заметная светлая линия — наступало утро. Я стащил с головы респиратор и громко спросил:

— Должен ли я включить свет?

Ответа не последовало; кашляя и задыхаясь, я выкрикнул снова:

— Мистер Трелони, должен ли я включить свет?

Он продолжал молчать, но отозвалась Маргарет с другого конца пещеры, ее голос прозвучал, словно колокольчик:

— Да, Малькольм!

Я повернул выключатель, и электрические лампы под потолком вспыхнули. Правда, они казались лишь тусклыми точками света в тумане, среди клубов дыма. Я поспешил к Маргарет, руководствуясь, как ориентиром, ее белым платьем, и мне удалось схватить ее за руку. Она поняла мое беспокойство и сразу же сообщила:

— Со мной все в порядке.

— Слава богу! — ответил я.— А как остальные? Давай быстро откроем ставни и избавимся от этого дыма!

К моему удивлению, она отвечала медленно, как бы нехотя:

— С ними все будет в порядке. Им не причинили никакого вреда.

Я не стал расспрашивать, на чем основывается ее вывод, а решительно распахнул ставни.

Через несколько минут в комнате произошли заметные изменения. Плотный дым устремился наружу под действием сквозняка (я настежь открыл дверь), усилилась яркость электрического света, и моим глазам предстала следующая картина. Все мужчины лежали без движения в странных позах: доктор — на спине возле саркофага, широко раскинув руки и ноги, а у столика со шкатулкой — мистер Трелони и мистер Корбек, скрючившись, подтянув колени к груди. Настроение мое поднялось до неведомых высот, когда я увидел, что все трое тяжело дышат, хотя и находятся в ступоре.

Маргарет стояла неподвижно, и сначала мне показалось, что ее сознание затуманено, но буквально на моих глазах она обретала все больший контроль над собой. Вдвоем с ней мы подтащили сначала мистера Трелони, а затем остальных ближе к щелям в стенах пещеры. Спустя несколько минут мужчины начали приходить в себя. Маргарет поднялась наверх в столовую и принесла бутылку бренди, по рюмке которого мы заставили их принять в качестве лекарства. Все мои мысли и усилия были поглощены их состоянием, но постепенно напряжение уменьшалось. Я огляделся, чтобы понять, каковы были результаты нашего эксперимента. Густой дым почти исчез, но комнату все еще заполнял туман и странный острый запах.

Шкатулка была открыта, и в ней находилась кучка черного пепла. Я подошел к саркофагу. На изголовье лежало украшение, которое поддерживало волосы египетской царицы, и рубин с семью звездами. Белая простыня валялась рядом с саркофагом на полу пещеры, как если бы кто-то недавно встал из него и куда-то удалился. Царица Тера?

Ни единого признака.

Я взял Маргарет за руку. Она с видимой неохотой оставила своего отца, за которым нежно ухаживала, но достаточно послушно последовала за мной. Наклонясь к ней, я прошептал:

— Что случилось с царицей? Скажи мне! Вы с доктором стояли так близко к ней и должны были видеть, что здесь произошло!

Девушка отвечала, спокойно глядя мне в глаза:

— Я ничего не сумела заметить. До тех пор пока дым не стал совсем плотным, я не отрывала взгляда от саркофага — царица оставалась неподвижной. Затем, когда наступила такая темнота, что ничего нельзя было увидеть, я услышала возле себя какое-то движение. Возможно, это был доктор Уинчестер, который упал, лишившись чувств, или, может быть, проснулась царица — не могу утверждать ничего. Кстати, где Сильвио? Я не смогла разглядеть, что произошло с ним, но, очевидно, он сбежал от меня, так как его мяуканье раздается где-то за дверью. Надеюсь, он не обиделся на меня...

Как бы в ответ на слова Маргарет кот вбежал в комнату и начал тереться об ее платье, тянул его на себя, словно требуя, чтобы его приласкали. Девушка наклонилась, осторожно взяла его на руки и стала успокаивать.

Я обошел вокруг саркофага, осматривая его и все вокруг самым тщательным образом. Затем ко мне присоединились мистер Трелони и мистер Корбек — они быстро оправились от потери чувств, а вот доктору Уинчестеру для восстановления сил потребовалось больше времени. Но все, что нам удалось обнаружить,— это остроконечный холмик неосязаемой пыли, от которого исходил странный «мертвый» запах.

Мы так и не сумели найти какие-нибудь следы, которые помогли бы понять то, чем закончился «великий эксперимент». Лишь одна находка подтвердила нашу идею о физическом уничтожении мумии: маленькая кучка точно такого же пепла осталась от мумии кота.

Осенью мы с Маргарет поженились. Ради этого торжественного случая она надела мантию мумии с поясом и украсила свою прическу заколкой из жемчужин и драгоценных камней, которую царица Тера носила в волосах. На груди моей невесты сверкал вставленный в золотое кольцо, сделанное в виде скрученного стебля лотоса, рубин с семью звездами, на чьей поверхности были начертаны слова, повелевающие богами. Во время бракосочетания солнечный луч, проникший сквозь алтарные окна, упал на этот необыкновенный камень, и мы сочли это неплохим предзнаменованием.

Слова, выгравированные на рубине, определили нашу совместную жизнь; Маргарет всегда придерживается их, и на земле не существует более счастливой семьи, чем наша.

Порой мы вспоминаем о великой царице, и разговор наш течет легко и свободно. Однажды в ответ на мое сожаление о том, что она не возродилась к новой жизни в новом мире, жена, устремив на меня мечтательно-отстраненный взгляд, который я иногда замечаю у нее, сказала:

— Не печалься о ней. Кто знает, может быть, она нашла то, что искала? Любовь и терпение — вот из чего можно создать счастье в этом мире живущих или умерших. У нее была мечта, и только об этом каждый из нас может просить...

ЛОГОВО БЕЛОГО ЧЕРВЯ

Глава I

ПРИЕЗД АДАМА СЭЛТОНА

дам Сэлтон зашел, как обычно, пообедать в сиднейский «Эмпайр-клуб» и обнаружил, что там его дожидается новое письмо от его двоюродного деда. Еще год назад Адам и не подозревал о существовании подобного родственника, как вдруг однажды от того пришло письмо, полное изъявлений родственных чувств и горьких сетований на то, что поиски адреса его внучатого племянника потребовали стольких лет. Адам был тронут весточкой из Англии и написал очень теплый ответ; отец не раз ему рассказывал о второй ветви их семейства, от которой он давно уже не получал никаких известий.

Молодой Сэлтон с нетерпением вскрыл конверт: он содержал сердечное приглашение в Лессер-хилл — имение дедушки.

«Надеюсь,— писал Ричард Сэлтон,— что оно станет тебе родным домом. Ведь мы с тобой, дорогой мой мальчик, последние представители нашего славного рода, и потому кому, как не тебе, принять наследство наших предков, когда придет тому время. В нынешнем, благословенном 1860 году мне исполнилось восемьдесят, и, хотя наш род славится долгожителями, человеческая жизнь, увы, имеет свои пределы. Я буду счастлив видеть тебя и постараюсь, как смогу, скрасить тебе жизнь в нашем захолустье. Так что выезжай, как только сможешь (на всякий случай высылаю тебе чек на 200 фунтов). Чем скорее ты

приедешь, тем больше счастливых дней нам достанется. Надеюсь, у тебя найдется не так уж много важных дел, которые помешали бы тебе порадовать меня своим приездом. Только напиши, когда тебя ждать. Обещаю: как только ты прибудешь в Плимут, Саутгемптон или любой другой порт, я уже буду махать тебе с берега».

Адам не стал тянуть с ответом, и его согласие настолько обрадовало старика, что тот немедленно послал к своему старинному приятелю, сэру Натаниэлю де Салису, посыльного с известием, что долгожданный племянник прибывает в Саутгемптон уже двадцатого июля.

Накануне мистер Сэлтон развил бурную деятельность и отдал десятки распоряжений: экипаж, который должен был отвезти его в Стаффорд к поезду в 11.40, должен быть подан к крыльцу с первыми лучами солнца. Далее мистер Сэлтон планировал встретить племянника и заночевать с ним в Саутгемптоне либо на борту судна (что стало бы для старика весьма любопытно — многое было в его жизни, а вот на корабле никогда не спал), либо же в отеле — это уж как дорогой гость пожелает. Утром их уже должен был ожидать экипаж с кучером и свежими лошадьми (красой и гордостью конюшен Лессер-хилла). Мистер Сэлтон надеялся, что его племяннику, выросшему в Австралии, пейзажи старой доброй Англии доставят большое удовольствие, но он считал, что гораздо приятнее любоваться ими не из окна поезда, а из открытой коляски. Пусть по железной дороге трясется багаж — его встретят на станции слуги и доставят в поместье. Хозяевам же предстоит приятная прогулка, которая, как мечталось старому джентльмену, надолго запомнится его юному родственнику.

Утро наступило, и старый мистер Сэлтон, с трудом сдерживая волнение, уселся в вагон. Весь долгий путь до Саутгемптона он гадал: будет ли его племянник так же, как и он, рад их встрече? Наконец, когда он уже весь изнервничался, к его большому облегчению, впереди замаячили огни порта.

Вагон остановился, но не успел мистер Сэлтон собрать вещи, как дверь внезапно отворилась и в купе запрыгнул молодой человек.

— Как доехали, дядюшка? Я вас сразу узнал — вы же мне посылали свою фотографию, помните? Я очень хотел сам встре-

тить вас, но мне в Англии все настолько непривычно и незнакомо, что я поначалу совершенно растерялся. И все же я здесь. Как я рад видеть вас, сэр! Все эти тысячи миль пути я на разные лады представлял нашу с вами встречу, но реальность превзошла все мои ожидания! — Он порывисто схватил дядину руку и сердечно ее пожал.

Но старого джентльмена ждал еще один приятный сюрприз: заметив, с каким интересом он разглядывает корабли, племянник предложил ему заночевать на борту, в его каюте, что отвечало самым заветным чаяниям дядюшки. Этим молодой человек окончательно завоевал симпатию мистера Сэлтона и прочно занял в его сердце то место, которое пустовало уже долгие годы. Через несколько минут они уже беседовали как старые друзья, и старик даже начал называть племянника просто по имени.

Едва ступив на землю своей древней родины, Адам понял, что наконец вернулся домой; что прежняя его жизнь — жизнь скучающего жуира-одиночки — закончилась, а перед ним открывается новая, полная приключений и сулящая исполнение самых смелых мечтаний.

Наговорившись всласть, они поднялись на борт, в каюту Адама. Ричард Сэлтон торжественно возложил руки на плечи юного племянника — хоть тому уже исполнилось двадцать семь, для деда он был, есть и останется мальчиком.

— Я так рад, мальчик мой, что ты оказался именно таким, каким я хотел бы видеть своего сына. Но, увы, сына Господь не дал, и мечтать о нем мне уже поздновато. Но зато мы с тобой наконец встретились, и для нас начинается новая жизнь. Я потому и прошу уделить мне небольшую часть твоей жизни, что она у тебя еще вся впереди. Конечно, я сомневался, уживемся ли мы вместе? Стоит ли тебя, такого молодого, привязывать ко мне — старому грибу, хоть и временно? Потому и откладывал принятие решения до личной встречи и более близкого знакомства. Но как только я увидел тебя — такого похожего на созданный в моем сердце образ страстно желанного сына, которым обделила меня судьба,— я понял, что с легкостью могу тебя попросить разделить мое одиночество, и верю, что моя просьба не найдет отказа.

— Я буду счастлив принять ваше приглашение, сэр!

— Благодарю тебя, Адам.— Голос старика дрогнул, а в глазах блеснули слезы. Наконец, совладав с чувствами, он продолжил: — Узнав, что ты согласен приехать, я написал завещание. Я хочу, чтобы твои интересы были полностью защищены, и потому отдаю его тебе, Адам. Вот оно. Я завещал тебе все, что имею. А если ты к тому же умеешь ценить любовь и заботу или хотя бы память о них, то этим я тебя обеспечу сверх меры. А теперь, мальчик мой, пора ложиться. Завтра нам рано вставать, и предстоит долгое путешествие. Надеюсь, ты не против поездки в коляске? У меня сохранился экипаж, принадлежавший еще моему деду, а твоему двоюродному прапрадеду, в котором он ездил на королевские приемы ко двору Вильяма Четвертого. В те времена умели делать вещи — он до сих пор как новенький, да и обращались с ним всегда бережно. Но тебе я все же решил предложить прогулку в другом — в том, в котором предпочитаю ездить сам. Лошади будут отличные, из моих личных конюшен. Надеюсь, ты любишь лошадей? Некогда я посвятил им огромный кусок жизни.

— Очень люблю, сэр. У меня самого их немало. Отец на восемнадцатилетие подарил мне конюшню. И я настолько увлекся коневодством, что весьма преуспел в этой области. Перед отъездом сюда у меня их было уже больше тысячи. И все — отборные экземпляры.

— Рад слышать, малыш. Вот и еще одна связующая нас ниточка.

— О такой экскурсии по Англии, да еще в вашей компании, сэр, можно было только мечтать!

— Благодарю, мальчик мой. А по дороге я подробно расскажу о твоем будущем доме и его окрестностях. Путешествовать станем по старинке. Мой прадед запрягал четверкой, и мы последуем его примеру.

— Потрясающе, сэр! А можно мне будет самому иногда править?

— Все, что только захочешь, Адам. Это твои лошади. Да-да, все смены лошадей, которые нас повезут, принадлежат тебе.

— Вы слишком щедры, дядя!

— Вовсе нет. Это всего лишь причуда старого джентльмена. Не каждый день последний отпрыск древнего рода возвращается домой. И к тому же... Нет, хватит на сегодня разговоров. Остальное узнаешь завтра.

Глава II

«КАСТРА РЕГИС»

Всю свою жизнь мистер Сэлтон следовал правилу «рано в кровать, рано вставать», но на следующее утро он проснулся даже раньше обычного. Его разбудил пронзительный скрежет заработавших на корабле лебедок; он решил, что поспать больше не удастся, открыл глаза и... встретился взглядом со свесившим голову с верхней койки Адамом. Старый джентльмен, несмотря на то что обладал еще отменным здоровьем и был силен не по годам, все же утомился после вчерашнего долгого путешествия и последовавшей за ним волнующей встречи, поэтому предпочел полежать еще немного, в то время как голова уже начала работать с полной ясностью, несмотря на непривычную обстановку. Адам, всю жизнь проживший на ферме, также привык вставать с первыми лучами солнца и сейчас уже полностью проснулся и был готов следовать за своим старшим спутником куда угодно.

Как только оба поняли, что открыли глаза почти одновременно, они дружески улыбнулись друг другу и принялись за утренний туалет. Стюард, предупрежденный накануне, принес им в каюту завтрак, так что сборы заняли немного времени, и вскоре они уже спускались по мосткам на причал, где их встретил управляющий мистера Сэлтона и проводил к ожидавшему экипажу. Дядя с гордостью продемонстрировал племяннику свою коляску, которая была снабжена всем необходимым для длительного путешествия. Четверка великолепных лошадей нетерпеливо била копытами, причем каждой парой управлял свой форейтор.

— Ты только погляди, как она хорошо приспособлена для такой прогулки: быстрый ход, отличный обзор и в то же время не придется кричать, чтоб услышать друг друга. Я езжу в ней уже с четверть века, но никогда еще не встречал более удобного экипажа. Скоро ты сам в этом убедишься. Наш путь лежит в самое сердце Англии: через Солсбери, Бат, Бристоль, Челтнем, Уорчестер и Стаффорд. Ну, а оттуда до дома уже рукой подать. Времени у нас много, так что я успею рассказать тебе о том, о чем тебе знать просто необходимо.

Несколько минут Адам молчал, не в силах оторвать глаз от открывавшегося ему пейзажа. Но затем спросил:

— Так значит, все-таки мой приезд как-то связан с тем, о чем вы хотите мне рассказать?

— Не впрямую, но безусловно связан.

— Ну так почему бы не приступить к делу? Нас здесь никто не подслушивает. Если не знаете, с чего начать, начинайте хоть с середины — я разберусь.

— Тогда начнем с самого начала, Адам. Ты как-то присылал мне свои заметки «Римляне в Британии», которые не только поведали мне о твоих интересах, но и заставили кое над чем задуматься. Результатом сих размышлений и стало приглашение в гости: раз ты занимаешься историческими изысканиями, тебе здесь самое место, не говоря уж о том, что это дом твоих предков. Если ты сумел так много раскопать о жизни британских римлян, находясь в Австралии, где их нога никогда не ступала, то, находясь под сенью родного крова, ты сможешь узнать намного больше. Мы направляемся в самое сердце древнего королевства Мерсия, где сохранились следы всех культур и народов, позже объединившихся под именем британцев.

— Но мне почему-то кажется, что у вас была более конкретная, более личная причина поторопить меня с отъездом. История умеет ждать, как никто, кроме тех моментов, разумеется, когда ее творят!

— Вот именно, мальчик мой. Как ты уже догадался, торопил я тебя совсем по иной причине. Я хотел, чтобы ты успел к очень важному в нашей местной истории моменту.

— И что же это за момент, могу ли я узнать, сэр?

— Конечно. Дело в том, что самый крупный землевладелец в нашем графстве возвращается к родным пенатам. И событие это, как ты сам увидишь, немаловажное, так как на протяжении более ста с лишним лет все владельцы этого родового поместья, за исключением коротких периодов, предпочитали жить за границей.

— Могу я спросить, сэр, как это вышло?

— «Кастра Регис» — самое большое имение в нашей части графства, и оно испокон веку принадлежало семье Касуоллов. Но последним из его хозяев, живших там, был Эдгар Касуолл —

дед нынешнего его владельца, того самого, что теперь приезжает. Но и тот бывал там лишь по временам и никогда не оставался надолго. Так вот, его дед, которого тоже звали Эдгаром — у них в семье традиция передавать имена по наследству,— поссорился почему-то с семьей и уехал за границу. И больше о нем не было вестей — ни дурных, ни хороших. Дед нынешнего владельца, как я уже говорил, появлялся наездами, а его сын родился, прожил всю жизнь и умер, так и не увидев родного гнезда. Нынешний хозяин также родился за границей. Сейчас ему около тридцати. Таким образом, хозяева «Кастра Регис» предпочитали не появляться в своей вотчине в течение пяти поколений — более ста двадцати лет. Однако там были хорошие управляющие, имение содержалось в полном порядке, и ни арендаторы, ни соседи не имели причин жаловаться на что-либо. Но конечно, все с нетерпением ждут появления нынешнего владельца. Да, его приезд — большое событие для нас. А для меня особенно, так как мое поместье граничит с владениями «Кастра Регис»... Ага, познакомься с Солсбери — вон, видишь, шпиль его собора? А когда мы проедем город, то вступим в границы владений древних римлян; и тут уже гляди во все глаза. О древней Мерсии, конечно, в двух словах не расскажешь, но я подготовил тебе сюрприз. У меня есть старый друг, сэр Натаниэль де Салис. Он, так же как и я, ближайший сосед «Кастра Регис», но со стороны Дербишира. Его поместье «Дум-Тауэр» стоит на скалах Пика. Я пригласил его в гости на время празднеств в честь приезда Эдгара Касуолла. Думаю, он тебе понравится. Он всю жизнь посвятил изучению истории и долгие годы являлся президентом Археологического общества Мерсии. Он знает об истории нашей страны больше, чем кто-либо. Надеюсь, что он приедет раньше нас, так что мы сможем пообедать все вместе, а затем наговориться вдоволь. К тому же он еще геолог и натуралист, поэтому у вас с ним много общего. Он знает наперечет все пещеры Пика и собирает легенды нашего края чуть ли не с каменного века.

На ночь путешественники остановились в Челтнеме, а утром продолжили путешествие в Стаффорд. Адам с восторгом знакомился с новым для себя миром, он без устали любовался окружавшими его пейзажами и даже слегка разочаровался, ког-

да Сэлтон-старший объявил, что путешествие подходит к концу. Однако, вспомнив о встрече с сэром Натаниэлем, он вновь приободрился.

В сумерках они въехали в границы Лессер-хилла — поместья мистера Сэлтона. Было уже слишком темно, чтобы разглядеть его как следует; Адам увидел лишь, что дом стоит на вершине небольшого холма. А на соседней скале виднелись очертания замка с флагом на башне, сверкавшие россыпью движущихся огней,— очевидно, там шли приготовления к завтрашнему празднику. Адам решил отложить знакомство с поместьем до следующего утра.

На парадном крыльце их уже встречал пожилой мужчина с благородной внешностью. Обменявшись с сэром Ричардом теплыми приветствиями, он сказал:

— Я приехал заранее, как вы и просили. Полагаю, это и есть ваш внучатый племянник? Рад познакомиться с вами, мистер Адам Сэлтон. Я — Натаниэль де Салис, один из старейших друзей вашего дяди.

Адам, едва только взглянув на сэра де Салиса, почувствовал себя так, точно встретил еще одного старого друга. И это было еще одним подтверждением тому, что он вернулся домой.

Вскоре они уже беседовали с непринужденностью старых знакомых. Сэр Натаниэль действительно оказался высокообразованным человеком: он много путешествовал и обладал глубокими познаниями в области истории. Кроме того, он некогда был дипломатом и обладал природным даром красноречия. То, с каким вниманием слушал его молодой человек, та жадность, с какой он впитывал новые знания, еще больше воодушевляли сэра де Салиса и укрепляли их взаимную симпатию. «Разговор, начавшийся в теплой дружеской атмосфере, постепенно достиг наивысшей точки кипения» — так выразился сэр Натаниэль на следующий день, обсуждая с сэром Ричардом его племянника. Зная, что его старый друг мечтает о том, чтобы он передал его юному родственнику все свои знания, он заранее по дороге в Лессер-хилл продумал систему обучения. Адаму оставалось только слушать и запоминать.

Когда обед был закончен и слуги удалились, а трое джентльменов с бокалами вина удобно устроились в креслах, сэр Натаниэль начал первый урок:

— Как я понял вашего дядю, он предпочитает называть вас своим племянником, минуя всякие «пра-пра». Но мы с ним настолько старые друзья, что, с вашего позволения, я предлагаю отбросить формальности и отныне буду обращаться к вам просто по имени, как если бы вы были родным сыном моего друга.

— Для меня это высокая честь,— поклонился молодой человек.

Оба старика были растроганы таким вступлением, но все же присущая англичанам сдержанность взяла верх, и беседа приняла новое направление.

— Как я понял, Адам, дядя уже рассказал вам историю замка Касуоллов? — спросил сэр Натаниэль.

— В общих чертах, сэр. Но, как я понял, именно от вас, если вы окажетесь настолько любезны, я узнаю интересующие меня подробности.

— Буду только рад поделиться с вами всем, что знаю. Итак, основателем династии Касуоллов считается тот Эдгар, что появился в наших краях во времена Георга Третьего. У него был единственный сын, с которым, когда тому было двадцать четыре года, они крупно поссорились. Причина этой ссоры осталась тайной для соседей и потомков, но, зная характеры обоих, можно почти с уверенностью предположить, что, несмотря на громкость скандала, причина его была самой банальной. Кончилось дело тем, что сын, так и не помирившись с отцом, уехал, не сообщив никому, куда направляется. Домой он больше не вернулся: через несколько лет он умер за границей, так и не обменявшись с отцом ни строчкой. Однако он успел в своих странствиях жениться и оставить сына, который воспитывался в неведении о своем деде и принадлежавшем ему поместье. Распря была так глубока, что, казалось, родственные отношения прервались навсегда. В свое время внук также женился, и у него родился сын. Но ни радость, ни горе не могли воссоединить рассорившийся клан. Потомки беглеца полностью игнорировали родственников из «Кастра Регис», словно между ними не имелось никакой кровной связи. Причем неприязнь была столь велика, что они даже не интересовались фамильным достоянием. Только благодаря добросовестности адвокатов в замке узнали о рождении наследника. Его пригласили в дом предков, и он провел там несколько месяцев. До этого момента

вопрос о передаче наследства считался открытым. Но так как за все эти годы в семье больше не рождалось детей, то единственным и несомненным наследником был признан правнук патриарха. Вам не мешало бы запомнить, что все члены этой семьи обладали одним и тем же характером, передававшимся из поколения в поколение почти без изменений. Характером, типичным для народа, породившего их: все они эгоистичные и холодные властолюбцы, готовые на все ради достижения собственных целей. Конечно, нельзя сказать, что они совершенно лишены чести и совести, однако об этих качествах они вспоминают лишь тогда, когда им это выгодно. Естественно, за их ошибки всегда должны расплачиваться другие. И расхлебывать последствия тоже. Подобные вещи случались так часто, что можно говорить об устоявшейся позиции членов этой семейки. Поэтому неудивительно, что какие бы изменения ни происходили вокруг, они всегда использовали их в собственных интересах. Эти хладнокровные, черствые, жестокие по натуре люди всегда рвались к власти и стремились как можно больше расширить ее пределы. Ни один из них, насколько нам известно, ни разу не позволил себе пожертвовать выгодой ради пустых сантиментов или смягчиться по велению сердца. Дошедшие до нас портреты свидетельствуют о том, что среди их предков были римляне: глубоко посаженные глаза, черные, как вороново крыло, густые вьющиеся волосы, сильные, массивные торсы. Жесткие завитки на затылке и шее говорят о громадной физической силе и выносливости. Но самая характерная и отличительная черта — это их глаза. Черные, ледяные, словно концентрирующие во взгляде непоколебимую волю, перед которой невозможно устоять. Отчасти это у них в крови, отчасти зависит от индивидуальных особенностей, но все они обладают почти гипнотическим воздействием на людей, одним взглядом лишая их сопротивления... Да что там, даже потуг на сопротивление! Этот взгляд, в сочетании с властным выражением лица, требует от противника немалых сил даже для попытки противостоять несгибаемой воле Касуоллов. Вы можете подумать, Адам, что это лишь игра моей фантазии, учитывая и то, что я никогда не встречал ни одного из них лично. Да, это исключительно теоретические построения, но основаны они на серьезных знаниях. Я изучал всех и каждого, кто имеет хоть малей-

шее отношение к великому народу их предков. Столь специфические отличительные черты, повторяющиеся из рода в род, наводят на мысль о неком демоническом присутствии. А в этом случае не уместно ли предположить, что кто-то из них (и может, не один) некогда продал свою душу дьяволу? Впрочем, пора расходиться и ложиться спать. Завтра у нас очень важный день, и вам нужно иметь ясную голову и свежее восприятие. Кроме того, я приглашаю вас с утра составить мне компанию: я собираюсь ознакомить вас с окрестностями. И так как предмет наблюдения будет для вас нов, мы разглядим все индивидуальные особенности данной местности. Причем не только поместья вашего дяди, но и близлежащих земель. Я уверен, что если мы окажемся достаточно внимательны, то увидим немало поучительного. А чем больше мы знаем, тем больше сможем узнать в дальнейшем.

Глава III

«РОЩА ДИАНЫ»

Любопытство заставило Адама вскочить с постели с рассветом, но, одевшись и спустившись вниз, он обнаружил, что сэр Натаниэль его опередил. Так как пожилой джентльмен был уже полностью готов к дальней прогулке, они незамедлительно отправились в путь.

Не пускаясь в объяснения, мистер де Салис уверенно зашагал на восток, к подножию холма. Спустившись, а затем поднявшись на новую возвышенность, они вдруг оказались на круто уходящем вниз обрыве. Скала, где они стояли, была примерно одной высоты с той, на которой был возведен замок. Остальные же окружающие холмы и взгорки были ниже и усеяны торчавшими выходами горной породы — голыми серыми громадами с изломанными формами. Чреда возвышенностей имела форму сегмента круга, постепенно повышавшегося к западу, где на самой высокой вершине и был выстроен замок. Между скалами виднелись небольшие рощицы, а также строения, очень походившие в неверном утреннем свете на руины. Они были сложены из огромных серых глыб, похожих на грубо обработанный

известняк (если только их вообще обрабатывали). Из-за крутизны обрыва казалось, что скалы и деревья как бы нависают над лежащей далеко внизу равниной, испещренной множеством ручьев.

Сэр Натаниэль остановился на вершине и окинул внимательным взглядом горизонт, стараясь не упустить ни малейшей детали раскинувшейся перед ним панорамы. Солнце медленно поднималось, и с каждой минутой детали пейзажа становились все четче. Старый джентльмен обвел широким жестом открывавшийся вид, словно приглашая Адама присоединиться к его восторгу. Затем он стал указывать на объекты, заслуживающие, по его мнению, особого внимания. Адам оказался старательным и способным учеником и постарался проследить за ходом мысли своего учителя, пытаясь ничего не упустить.

— Я привел вас сюда, Адам, потому что лучшего места для начала наших изысканий не найти. Перед нами раскинулась вся древняя Мерсия. Точнее, почти вся, потому что часть ее закрывают от нас скалы на западе, на границе с Уэльсом. Практически мы видим восточную часть королевства, простирающуюся к югу от реки Хамбер до реки Уош. Я хочу, чтобы вы хорошенько запомнили этот пейзаж и смогли вызвать его в памяти в любую секунду, так как рано или поздно нам это пригодится при изучении древних традиций и обычаев, если мы хотим найти их первопричину. Каждая легенда, каждое местное суеверие, которые мы обнаружим, помогут нам впоследствии в разгадке остальных. Но так как интересующая нас культура имеет местные корни, то и нам, для лучшего ее понимания, следует изучить ту почву, на которой она произросла. И начинать надо с фактов. С геологии. Так, например, материалы, используемые в строительстве в различные века, могут очень многое рассказать пытливому исследователю. А сама форма, высота и составляющие породы этих скал... Да что скалы! Вся эта долина, лежащая между нами и морем, есть неисчерпаемый кладезь познаний.

— А можно пару примеров, сэр? — отважился перебить его Адам.

— Что ж... Взгляните на эти скалы, сгрудившиеся вокруг замка, мудро построенного на самой высокой точке. А теперь вон на те. На каждой из них мы найдем множество этих примеров. И еще они скрывают нечто, чего не увидишь глазами, не пощупаешь, а можно только вообразить.

— И все же? — стоял на своем Адам.

— Для начала я просто перечислю все интересующие нас объекты. Вот там, на востоке, где виднеется купа деревьев, когда-то находился храм, предположительно основанный еще друидами. Если судить по одному из его названий, то дата постройки отодвигается в прошлое, но роща древних дубов свидетельствует все же о более позднем периоде.

— А как он называется?

— Если буквально перевести его название, мы получим «Роща Дианы». А вон то, стоящее неподалеку, но более высокое строение — ферма «Мерси», название которой скорее всего является усеченной формой слова «Мерсия» и в то же время в переводе означает «милосердие, прощение». Как мы обнаружили в древних манускриптах, прежде на ее месте был монастырь Vilula Misericordae*, основанный королевой Бертой, но позже разрушенный королем Мерсии Пендой, впавшим в языческую ересь. Теперь очередь Лессер-хилла — поместья вашего дядюшки. Несмотря на то что оно так близко к замку, никакого отношения к нему оно не имеет. Построено оно довольно давно, но всегда принадлежало лишь вашей семье.

— Теперь остался только замок!

— Именно; но его история тесно связана с историей всех остальных строений и, более того, с историей древней Англии.— Сэр Натаниэль помолчал, собираясь с мыслями, но, заметив нетерпение на лице Адама, продолжил: — Мы не знаем полной истории замка. Во всех, даже древнейших записях, слухах и легендах, которые нам удалось найти, он уже присутствует. Если им доверять, то во времена, когда пришли римляне, на скале уже существовало какое-то строение. Это вполне могло быть святилище древних друидов, если только оно не было построено еще раньше. В любом случае, что бы там ни стояло, римляне приспособили его для своих нужд. Это подтверждается появлением в его названии слова «Castra», то есть «лагерь». Крепость на самой высокой скале как раз подходила для того, чтобы стать их цитаделью в этих местах. А изучив как следует

---

* Дом милосердия (*лат.*).

карту, вы поймете, что оттуда открывается круговой обзор. К тому же оттуда легко защитить подступы с севера и одновременно имеется возможность полностью контролировать побережье. Так же можно было защищать и западные границы с Уэльсом — дикой и опасной по тем временам страной. Кроме того, ее использовали как перевалочный пункт на пути к реке Северн — великому водному пути, по которому римляне начали свое продвижение в глубь Англии (по ее берегам до сих пор сохранились остатки их дорог). Эта крепость находилась на перекрестке всех наиболее удобных в те времена путей. И в конечном счете она послужила штабом, откуда велось завоевание местности, на которой был построен Лондон, и остальных земель, омываемых Темзой. Естественно, что подобная цитадель была необходима во все времена, и каждые новые завоеватели, будь то англы, саксы, датчане или норманны, мгновенно оценивали ее достоинства и стремились закрепиться в ней. В самые древние времена она была ценна лишь как стратегическая точка. Но с приходом римлян, с их высоким уровнем фортификационных строений она была оснащена стенами, неприступными для осадных машин того времени. Сменяющие друг друга хозяева перестраивали и усовершенствовали ее на свой лад до тех пор, пока укрепленный лагерь солдат Цезаря не превратился в королевский замок. Но так как мы до сих пор не знаем имен первых королей Мерсии, то невозможно установить, кто из них сделал эту горную крепость своей резиденцией. И боюсь, так никогда и не узнаем. Время шло, и по мере развития военного искусства росла и крепость. Хотя многие детали безнадежно утрачены, ее историю можно было бы проследить не только по камням, из которых сложены стены, но и по смешению архитектурных стилей. Однако нашествие норманнов полностью уничтожило все следы предыдущих культур в стенах крепости. На сегодня мы можем лишь с уверенностью сказать, что последние изменения в замке были сделаны не позже правления Генриха Первого. И римляне и норманны были опытными воителями и всеми силами пытались удержать столь важный стратегический объект. Потому-то все окружающие скалы также были приспособлены для военных целей и превращены в укрепления. Конечно, на сегодняшний день они

утратили свои преимущества в оборонном отношении, однако мы не должны забывать о том, в какие времена они были созданы, и просто обязаны отдать должное их безымянным строителям. Говорить об этих укреплениях можно бесконечно, но и низины могут рассказать о многом... Однако как быстро пробежало время! Нам надо спешить домой, а то ваш дядюшка уже, верно, волнуется, куда мы могли запропаститься.

И сэр Натаниэль таким стремительным шагом направился в сторону Лессер-хилла, что Адаму пришлось почти бежать, чтобы поспеть за ним.

Глава IV

ЛЕДИ АРАБЕЛЛА МАРЧ

— Времени у нас еще достаточно, но, если вы оба так горите исследовательским пылом, мы можем выехать и пораньше,— объявил во время завтрака мистер Сэлтон.— Тогда я покажу вам по дороге уникальные реликты древней Мерсии, а затем в Ливерпуль мы поедем сквозь так называемый Великий Чеширский дол. Но предупреждаю: как бы вам не пришлось разочароваться. Это я говорю для Адама: не жди там никакой героической романтики. Вы там и дола-то не заметите, если не будете знать о том, что он есть. И то сможете разглядеть его лишь из уважения к моим сединам. Но так или иначе, нам нужно оказаться на побережье к моменту прибытия туда «Вест Африкан» и поймать мистера Касуолла до того, как он сойдет на берег. Я полагаю, что познакомиться с ним, оказав ему прием на родном берегу, будет много достойнее, чем толкаясь среди остальных гостей на приеме в его честь.

Их уже ждал экипаж (тот самый, в котором они путешествовали накануне), однако на сей раз упряжка была еще более великолепна: мистер Сэлтон приказал подать свой лучший выезд — безупречную четверку лошадей, чутких к командам и быстроногих. Быстро покончив с завтраком, джентльмены разместились в коляске, и форейторы, получив приказ трогать, с веселым гиком погнали лошадей рысью.

Затем, повинуясь сигналу мистера Сэлтона, коляска притормозила рядом с огромной грудой камней у обочины.

— Вот то, Адам,— сказал он,— мимо чего тебе ни в коем случае не стоит проходить. Эти камни переносят нас в те времена, когда на территории Англии существовало семь королевств, больше чем на тысячу лет назад. Они сложены здесь в седьмом веке в память о чудовищном убийстве. Здесь король Мерсии Вулфер, племянник Пенды, убил двух своих сыновей за то, что они приняли христианство. По обычаю того времени каждый проходящий мимо клал камень на их могилу. Дело в том, что даже после откровений святого Августина Пенда не принял Христову веру. Сэр Натаниэль может рассказать об этом подробнее и уложить все эти события в стройную хронологическую систему.

Пока они разглядывали могильный курган, на дороге появился еще один экипаж, чья одинокая пассажирка вызвала у джентльменов гораздо больше интереса, нежели древние камни. Коляска была довольно старой, но пышно украшенной. Мужчины немедленно сняли шляпы, а дама, притормозив, чопорно кивнула:

— Как поживаете, сэр Натаниэль? Как ваше здоровье, мистер Сэлтон? Надеюсь, вы остановились не из-за поломки? А вот у меня... вы только взгляните! — И она указала на сломанную рессору.

— О, это легко поправимо! — поспешил с ответом Адам.

— Легко?! Да здесь днем с огнем не найдешь ни одного мастерового!

— Я вам помогу.

— Вы?! — Она недоверчиво вскинула ресницы.— Вы? Это работа не для джентльмена.

— Ничего, я могу быть и мастеровым, если в том есть нужда. Правда, я и при этом остаюсь джентльменом. Я австралиец, а у нас если хочешь быстро ездить, то умей и исправлять разные дорожные поломки, иначе вообще никуда не уедешь. Так что я полностью к вашим услугам.

— Даже не знаю, как вас благодарить за вашу доброту. Право, не знаю, что и решить... я так тороплюсь на встречу мистера Касуолла из «Кастра Регис», который сегодня прибывает из Африки. Это огромное событие для всего нашего графства, и

мы все спешим выразить ему свое почтение...— Тут дама на секунду запнулась: она внезапно поняла, с кем разговаривает.— Вы, должно быть, мистер Адам Сэлтон из Лессер-хилла? Очень приятно. А я — леди Арабелла Марч из «Рощи Дианы».

Говоря, она слегка обернулась к Сэлтону-старшему, который, поняв намек, тут же поспешил ее представить.

Когда все формальности остались позади, Адам достал из дядиного экипажа инструменты и приступил к починке. Так как опыт в подобных делах у него имелся немалый, то неисправность была устранена довольно скоро. Он уже начал собирать разбросанные по дороге в процессе работы инструменты, как вдруг заметил несколько черных змей, выползших из могильного кургана и почему-то собравшихся вокруг него. Его настолько заинтересовало это явление, что он едва не пропустил момент, когда леди Арабелла открыла дверцу и ступила на дорогу совсем рядом с одной из гадких тварей. Он вскрикнул, пытаясь предупредить неосторожную даму, но, как оказалось, в этом не было нужды. Змеи вдруг развернулись и с небывалой поспешностью скрылись в щелях между камнями. Адам беззвучно рассмеялся и пробурчал себе под нос: «Тоже мне переполох! Да они испугались ее больше, чем она их!» И все же на случай, если ядовитые гады снова приползут, он подобрал гибкую ветку. В этот момент он был единственным защитником леди Арабеллы, которая, судя по ее беспечному виду, так и не заметила никакой опасности. Теперь, когда она стояла почти рядом с ним, Адам смог ее полностью разглядеть. Уже одно ее платье стоило того, чтобы смотреть на нее не отрываясь: легкое одеяние из белого шелка подчеркивало каждое движение ее грациозного тела, а на голове красовалось воздушное сооружение, опушенное легким, искрящимся на солнце мехом. Белоснежную шею окольцовывало тяжелое переливающееся колье из изумрудов. Голос у нее был грудной, богатый глубокими обертонами; должно быть, именно такими голосами сивиллы изрекали свои пророчества. Руки у нее тоже казались необычными: гибкие, изящные, с длинными пальцами. В ее жестикуляции было что-то завораживающее.

С милой грацией она поблагодарила Адама за помощь и добавила, что, раз его дядя тоже едет в Ливерпуль, она с удовольствием присоединится к ним.

— Раз уж вы приехали сюда, мистер Сэлтон, то наверняка захотите осмотреть «Рощу Дианы». Прошу вас, не стесняйтесь, захаживайте к нам запросто, как в Лессер-хилл. У нас там прекрасные пейзажи, и, кроме того, есть многое, что может заинтересовать вас как человека, изучающего историю. Особенно историю Англии раннего периода.

Это сердечное приглашение было произнесено столь ледяным официальным тоном, что слегка озадачило Адама. Мистер Сэлтон и сэр Натаниэль в том же тоне поблагодарили даму и выразили сожаление, что не смогут воспользоваться приглашением и составить ей компанию, так как по дороге у них есть еще дела. Адам мог поклясться, что леди Арабелла, хоть и выглядела расстроенной их отказом, в душе облегченно вздохнула. И поэтому, когда он снова сел в коляску и экипаж тронулся, он не особенно удивился словам сэра Натаниэля:

— Мне кажется, она была только рада, что мы не согласились. У нее свои планы; присутствие посторонних свидетелей им только мешает.

— Планы? Какие же? — машинально спросил Адам.

— Да они известны всему графству, мальчик мой. Касуолл безмерно богат. Когда леди Арабелла выходила замуж, ее муж тоже был богат или, по меньшей мере, казался таковым. Но после его самоубийства вдруг выяснилось, что он оставил только долги, а поместье заложено до последней нитки. Единственное, что может ее теперь спасти,— это новое выгодное замужество. Выводы можете сделать и сами.

Адам промолчал и все время, пока они ехали сквозь Великий Чеширский дол, пребывал в крайней задумчивости. Вспомнив все, что он успел увидеть и услышать по приезде в Англию, он пришел к некоторым выводам. Одним из них стало решение, что общаться с леди Арабеллой следует с крайней осторожностью и оглядкой. Ведь он и сам был очень богат. Причем даже его дядя не знал насколько и крайне удивился бы, узнав истинное положение вещей.

Дальнейшая поездка прошла без особых приключений, и они прибыли в Ливерпуль как раз почти в то время, когда в порту пришвартовался «Вест Африкан». Все трое поднялись на борт, где состоялась церемония знакомства: сперва мистер Сэлтон

представился мистеру Касуоллу сам, а затем представил сэра Натаниэля и Адама. Наследник «Кастра Регис» принял их весьма сердечно и выразил радость по поводу своего возвращения в родные пенаты. Адама почему-то удивило такое внезапное радушие, хотя выражение лица Касуолла не давало ни малейшего повода усомниться в его искренности. Молодой человек попытался понять причину смутно возникших сомнений, но в эту минуту появилась леди Арабелла, и все встало на свои места: оба Сэлтона и сэр Натаниэль были потрясены мгновенным изменением выражения лица их радушного хозяина. Теперь перед ними предстал типичный Касуолл — гордый, властный, эгоистичный и жестокий.

«Да поможет Господь тем,— словно пронеслось в головах у всех троих,— кто окажется на пути у этого человека!»

Но тут вошел африканец-слуга, и шок от внезапно озарившего их открытия слегка сгладился. Касуолл все еще казался дикарем, но дикарем цивилизованным. В нем все же чувствовалось облагораживающее влияние многовековой культуры, формирующее высшие качества души хотя бы в зачатке, в то время как лицо слуги — хозяин назвал его Ууланго — было лицом настоящего, не тронутого цивилизацией дикаря, унаследовавшего худшие черты бесконечных поколений диких детей джунглей и болот, выросших в темном язычестве и последних в ряду тех, кто достоин носить имя человека.

Леди Арабелла и Ууланга вошли в каюту одновременно, и Адама поразило, какое впечатление они произвели друг на друга. Дама словно вовсе не заметила колоритную фигуру дикаря, что показалось Адаму довольно странным, тогда как негр повел себя так, что это не могло не привлечь ее внимания: он воззрился на нее с восторгом фанатика, встретившего свое божество во плоти, а затем, воздев руки, опустился перед ней на колени и замер, уткнувшись лбом в пол. Лишь когда леди Арабелла сделала шаг навстречу Касуоллу, негр поднялся и застыл в приличествующей вышколенному слуге позе.

Все это Адам отметил про себя, не прерывая беседы со своим секретарем Девенпортом, следовавшим в эскорте мистера Сэлтона на пони. Но тут в их разговор вмешался сэр Ричард:

— Думаю, нам пора откланяться. У меня в Ливерпуле есть еще кое-какие дела, а мистеру Касуоллу, как и леди Арабелле,

по-видимому, не терпится поскорее отправиться в «Кастра Регис».

— У меня тоже есть кое-какие дела, сэр,— ответил Адам.— Мне нужно разыскать адрес Росса, торговца животными. Я хочу завести себе маленького друга, если вы, конечно, не возражаете. Я говорю о совсем небольшом зверьке. Он не доставит вам никаких хлопот.

— О чем речь, мальчик мой? Что это за зверек?

— Мангуст.

— Мангуст! Да на что он тебе?

— Чтобы убивать змей.

— Согласен!

Похоже, старый джентльмен помнил о происшествии у древней могилы, и дальнейшие объяснения ему уже не потребовались.

Когда Адам нашел Росса и изложил ему свою просьбу, тот поинтересовался:

— Вам нужно животное со специальными навыками или же сгодится обычный мангуст?

— Разумеется, мне нужен лучший. Что же касается специальных навыков... Это не обязательно. Меня устроит обычный здоровый мангуст.

— Могу предложить несколько на выбор. Я спросил только потому, что как раз на днях получил из Непала отлично выдрессированный экземпляр. В его документах говорится, что он убил королевскую кобру в садах раджи. Правда, я сомневаюсь, что в наших северных широтах найдутся столь опасные твари, хотя обычных змей предостаточно.

Когда Адам вернулся в коляску, бережно неся ящик со зверьком, сэр Натаниэль полюбопытствовал:

— Что это там у вас?

— Мангуст.

— Зачем он вам?

— Чтобы убивать змей.

— А-а! Да, я слышал, как леди Арабелла приглашала вас в «Рощу Дианы»,— рассмеялся де Салис.

— При чем тут ее приглашение?

— Насколько мне известно, пока ни при чем. Но поживем — увидим.

Так как Адам счел нужным промолчать, сэр Натаниэль спросил:

— А не известно ли вам случайно, что в древности эта роща имела и второе название?

— Нет, сэр.

— Она называлась... Впрочем, это тема для долгого разговора. Думаю, имеет смысл отложить его до той поры, когда у нас появится время для подобных бесед. Успеем еще наговориться!

— Как скажете, сэр.

И хотя Адама распирало любопытство, он решил не торопить события. Всему свое время.

Узнав, что мистер Касуолл предпочел переночевать в Ливерпуле, хозяин Лессер-хилла и его гости отправились домой.

На следующий день им предстояло посетить «Кастра Регис», и Адам на время выкинул из головы «Рощу Дианы» и все сопутствующие ей тайны.

Прием в честь приезда хозяина замка был в разгаре. В холле толпились гости, а для особо важных персон отвели именные места. Адам искал взглядом Арабеллу, но в пестрой сумятице приглашенных всех возрастов и рангов углядеть ее ему пока не удавалось. Радостные возгласы у входа привлекли его внимание к въезжавшему во двор старинному экипажу — это прибыл долгожданный Эдгар Касуолл. А рядом с ним восседала леди Арабелла — в том же платье, что и накануне. Едва карета остановилась у подножия гигантской лестницы, хозяин замка выпрыгнул из нее и почтительно подал своей спутнице руку.

И всем сразу стало ясно, кто на этом празднике самый важный и уважаемый гость. Места для почетных гостей на помосте в глубине зала быстро заполнились, но арендаторы и прочие гости рангом пониже все еще пытались отыскать места, откуда было лучше видно. Порядок проведения праздника был заранее составлен специальным комитетом. Вначале прозвучало несколько приветственных речей (к счастью, не очень длинных), а затем, до начала угощения, гостей на время предоставили самим себе. Касуолл спустился к гостям и начал знакомство, переходя от группы к группе. Он блистал манерами и прекрасно играл роль гостеприимного хозяина. Остальные важные персоны последовали его примеру и, спустившись с помоста, также смешались с толпой. Тут и там завязывалась непринужденная

беседа, послышался смех, и вскоре прием принял легкий салонный характер.

Глаза Адама внешне рассеянно перебегали с одного гостя на другого, но внутренне он машинально отмечал для себя все, что могло вызвать его интерес в будущем. Он был еще молодым и к тому же приехавшим издалека иностранцем, и потому все здесь было для него непривычным и удивительным: и мужчины, и женщины. Особенно последние, если они выглядели молодо и привлекательно. А в толпе гостей порхало немало прелестных девушек, и Адам, отлично одетый и обладавший довольно красивым лицом, немедленно стал мишенью для заинтересованных взглядов. Это его, однако, нисколько не смутило, и он пока не спешил завязывать новые знакомства. Но тут в поле его зрения попала небольшая группка из трех человек (судя по одежде и украшениям, они принадлежали к арендаторам): крепкий жилистый старик и две девушки — одной было около двадцати, а второй и того меньше. Едва Адам встретился глазами с той, что помладше, между ними словно проскочил электрический разряд — та божественная искра, что порождает мгновенное узнавание и полное принятие друг друга. Короче, то, что люди называют любовью.

Старый Сэлтон и его друг заметили этот обмен взглядами и поспешили рассказать молодому человеку о девушке, столь привлекшей его внимание. При этом оба старались быть предельно щепетильными, чтобы не задеть его чувств.

— Ты заметил эту только что прошедшую троицу? Джентльмена зовут Майкл Уэтфорд, он один из арендаторов мистера Касуолла. Он живет на ферме «Мерси», которую тебе вчера показывал сэр Натаниэль. Девушки приходятся ему внучками. Старшая — Лилла — единственная дочь его старшего сына, который умер, когда ей едва исполнился год. А его жена умерла в тот же день. Она славная девушка, и ее достоинства не уступают ее весьма привлекательной внешности. А вторая — дочь младшего сына Уэтфорда. В двадцать лет парень завербовался в солдаты и был отправлен с полком на континент. Хоть он и любил отца, но писать был не мастак: прислал всего пару писем. А затем пришло извещение от его полковника, что он геройски погиб в Бирме. Также полковник писал, что Уэтфорд женился и что у него осталась годовалая дочь. Старик забрал девочку к

себе и стал растить вместе с Лиллой. Единственное, что ему удалось узнать о малютке и первом годе ее жизни, было то, что ее зовут Мими. Девочки быстро подружились, и по сей день их сестринская любовь не знает границ. И это несмотря на то, что они настолько разные! Аилла — блондинка, типичный отпрыск древних саксов; а Мими несет в себе черты расы ее матери. Лилла кротка, как голубка, а черные глаза Мими вечно полыхают неспокойным огнем. Однако единственное, что может всерьез рассердить ее, это когда ей покажется, что кто-то обижает Лиллу. Тогда она встает на ее защиту с мужественной яростью птички, грудью защищающей своих птенцов.

Глава V

БЕЛЫЙ ЧЕРВЬ

Сэлтон-старший представил Адаму мистера Уэтфорда и его внучек и предложил им прогуляться вместе. Как выяснилось, все ближайшие соседи Лессер-хилла уже знали об Адаме абсолютно все: степень его родства с хозяином, причины его прибытия в Англию и даже... его дальнейшие планы. Поэтому в том, что обе девушки могли иметь на него виды, не было ничего удивительного. В подобных сельских уголках приличные женихи на вес золота, а этот молодой человек не только отвечал всем необходимым для жениха качествам, но и принадлежал к классу, не особо строго относящемуся к нарушению кастовых границ. Как только было замечено, что он предпочитает общество Мими Уэтфорд, остальные слегка поотстали, чтобы не мешать намечающемуся роману. Когда гонги позвали к началу пиршества, Адам проводил свою даму в палатку, где занял места ее дедушка. Мистер Сэлтон и сэр Натаниэль, заметив, что молодой человек пренебрег своим именным местом за столом на помосте, прекрасно поняли причину и по молчаливому соглашению не стали заострять внимание других гостей на его отсутствии.

Леди Арабелла восседала по правую руку Эдгара Касуолла. Она, вне всяких сомнений, была женщиной незаурядной и очень эффектной, поэтому то, что она с первого взгляда покорила наследника замка, ни у кого не вызвало удивления. Есте-

ственно, об этом не было сказано вслух ни слова, но нужны ли слова, когда столько можно выразить многозначительными кивками или улыбками? Так как место хозяйки «Кастра Регис» пока пустовало, мысль о том, что одна из присутствующих здесь вполне может его занять, волновала многие украшенные перьями и драгоценностями головки. Однако, несмотря на весь блеск и очарование леди Арабеллы, ей негласно отводили роль лишь второй претендентки; первой же, по общему мнению, была Лилла Уэтфорд. Между женщинами имелась огромная разница как в типах красоты, так и в сословном отношении; Арабелла была типичной аристократкой, а Лилла — дочерью человека из среднего класса.

Когда начали сгущаться сумерки, мистер Сэлтон и сэр Натаниэль отправились домой пешком (коляску они отослали еще днем), не дожидаясь Адама. Однако тот вернулся в Лессерхилл гораздо скорее, чем они ожидали. И, судя по его виду, был чем-то расстроен. Старики предпочли воздержаться от комментариев. Они выкурили по сигаре, болтая о пустяках, а затем, так как наступало обеденное время, разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться.

Адам спустился в столовую в прежнем состоянии: он был рассеян и задумчив. Дядюшка впервые увидел его таким, но, имея большой жизненный опыт, решил ни о чем не спрашивать, надеясь, что в свое время все объяснится. И ему не пришлось долго ждать: взволнованный Адам, уже несколько раз порывавшийся встать из-за стола, но потом вновь садившийся, наконец взорвался:

— Он, верно, считает себя пупом земли! Похоже, он думает, что стоит ему уронить платок, как любая дама принесет его в зубах, словно верная собачонка!

Уже сам этот взрыв говорил о многом: столь воспитанного молодого человека могло взбесить лишь одно — чье-то поведение, которое он посчитал неприличным. Сэр Натаниэль, как старый дипломат, неплохо разбиравшийся в подобных вещах, как бы невзначай заметил:

— Он приударил за Лиллой?

— Да! И времени даром не терял. Как только их познакомили, он сразу принялся расточать любезности и нашептывать комплименты ее красоте. И, даже не дав ей опомниться, напросился завтра на чай на ферму «Мерси». Самодовольный индюк! Он что, не видит, что эта девушка не для него?! Да их рядом представить невозможно: голубка и коршун!

Сэр Натаниэль и мистер Сэлтоном обменялись многозначительными взглядами.

— Расскажите подробнее, Адам. До обеда еще есть несколько минут, и нам не хотелось бы потерять аппетит, тщетно пытаясь разгадать, что же там произошло.

— Да в общем-то, не о чем и рассказывать, сэр,— это-то и есть худшее. Я вынужден признать, что он не произнес ни единого слова, за которое его можно было бы осудить. Он был безупречно вежлив и в то же время вел себя так, что сразу было видно: вот хозяин замка, а вот дочь его вассала... Ну... Не знаю, не могу понять, что в этом было такого. Но почему-то меня это взбесило.

— А при чем тут коршун и голубка?

Тон сэра Натаниэля был мягким и сочувствующим. В его голосе не было и намека на любопытство, однако он как бы подталкивал Адама к дальнейшей откровенности.

— Я теряюсь... Мне трудно объяснить. Но он действительно выглядел рядом с ней коршуном, а она была похожа на голубку... И сейчас мне кажется, что такова и есть внутренняя сущность обоих.

— Ах даже так! — слегка приободрил его сэр Натаниэль, и Адам продолжил:

— Да еще этот его «романский гипнотизирующий взгляд»! Мне показалось, что она в опасности... И... и захотелось ее защитить.

— Ну, опасность для нее представляет любой молодой человек. Как я заметил, и вы провожали ее отнюдь не невинными взглядами.

— Надеюсь, и ты и он сумеете впредь держать себя в руках,— вмешался мистер Сэлтон.— Ты прекрасно понимаешь, Адам, что просто немыслимо начинать ваше прибытие сюда с ссоры. Мы должны помнить о чувствах и благополучии наших соседей. Разве я не прав?

— Надеюсь, что не подведу вас, сэр. Клянусь, что бы ни случилось, я стану полностью подчиняться вашим требованиям — как в этом случае, так и во всем остальном.

— Тише! — оборвал их сэр Натаниэль, заслышав шаги несущих обед слуг.

После обеда, устроившись в курительной за бокалом вина, сэр Натаниэль вернулся к местным легендам.

— Надеюсь, обсуждение событий, которые произошли давным-давно, а не тех, которые еще грядут, станет для нас менее взрывоопасной темой.

— Согласен с вами, сэр,— кивнул Адам.— Но сейчас вы уже можете затрагивать в моем присутствии любую тему. Даже обсуждать мистера Касуолла. Тем более что я, возможно, завтра с ним встречусь: как я уже говорил, он получил приглашение на ферму «Мерси» на три часа. А я приглашен на два.

— Вижу, ты тоже не терял времени даром,— заметил мистер Сэлтон.

Старые джентльмены вновь обменялись многозначительными взглядами, после чего сэр Натаниэль начал свой рассказ:

— Я не собираюсь пересказывать все легенды древней Мерсии или даже избранные из них. Думаю, вам будет в первую очередь интереснее узнать некоторые факты, как отраженные в летописях, так и оставшиеся только в устном творчестве, напрямую касающемся данной местности. И предлагаю начать с «Рощи Дианы». Она связана с несколькими важными периодами истории Англии, и каждый из них имеет свои особые легенды. Как друиды, так и римляне жили слишком давно, чтобы оставить явные следы своего пребывания в тех местах. Но мне представляется сомнительным, что саксы или англы могли с таким совершенством обрабатывать камень. Доказано, что помимо «Рощи Дианы» это место имело и другое название. Первое — типично для римской культуры (позаимствовавшей много у греческой). Второе же, если его дословно перевести с древнемерсийского, звучит как «Логово Белого Червя». И чтобы вы лучше поняли, позволю себе небольшое отступление. В древние времена слово «червь» (worm) имело значение несколько отличное от ныне общепринятого. Это искаженная версия англосаксонской формы wurm, означавшей «дракон» или «змея». Вариации этой формы можно проследить и в других древних языках: waurms у готов, ormur у исландцев, wurm у германцев. И на всех языках значение одно: змий. Первоначально, по

моим предположениям, смысловое значение этого слова выражало наличие силы и власти. Нынешний Червь ни тем ни другим не обладает. Для того чтобы понять причины этого, нам следует обратиться к древним легендам. Наиболее известные из них — это «Колодец Червя» в замке Лэмбтон и «Червь, затаившийся в Спиндлестон-Хай», записанная в окрестностях Бамборо. В обеих легендах Червь описан как чудовище огромных размеров и силы и очень схож с легендарными драконами и змиями, предпочитавшими обитать в болотах и топях. Взглянув на геологическую карту, мы можем с уверенностью признать, что если подобные твари и существовали в ранние геологические периоды, то места для расселения им было более чем достаточно. В те времена Англия представляла собой обширную равнину, а обилие рек и ручьев, естественно, вело к заболачиванию почвы. В глубоких реках с медленным течением образовывались омуты, в которых прекрасно могли селиться монстры всех видов и размеров. В долине, которую мы видим сейчас в окно, имелись грязевые лужи по сто и более футов глубиной. Кто теперь может поведать, как случилось, что могущество гигантских ящеров пошло на убыль? Но ведь наверняка существовали также и места с условиями, требующими от своих обитателей вырабатывать большую ловкость, рост и силу, чем обычно. И подобные чемпионы вполне могли дожить до встречи с человеком на ранней заре его истории. Да разве и сейчас не попадаются порой существа, обладающие размерами, которые, по современным понятиям, просто невероятны? Даже в наши дни иногда находят следы животных, да и самих животных тоже, небывалых размеров — возможных потомков прежних доисторических чудовищ, невероятным чудом доживших до наших времен, а точнее, сохраненных особенностями среды их обитания. Я помню, как-то один выдающийся индийский шикари — охотник — рассказал мне, что самым великим искушением в его жизни было желание подстрелить гигантскую змею, которую он видел в Терраи, что в Верхней Индии. Он охотился там на тигров. Его слон спокойно переходил ручей, как вдруг внезапно тревожно затрубил. Взглянув вниз, охотник увидел, что слон наступил на тело гигантской змеи, пытавшейся уползти в джунгли. «Мне показалось,— рассказывал он,— что в

длину она была футов восемьдесят, а то и все сто. Слон наступил примерно посередине, и с обеих сторон было футов по сорок—пятьдесят, а толщиной она была с человека. Но думаю, вы знаете, что, когда охотишься на тигра, стрелять в кого-то другого (кроме тех случаев, когда от этого зависит твоя жизнь) у нас не принято. Это вопрос чести охотника. Я легко бы покончил с этим чудищем, но в тот момент я не мог себе этого позволить. Так что, как ни жаль было, но я дал ей уйти». А теперь представьте себе подобную тварь где-нибудь в Англии, и вот вам уже готовый материал для создания легенды о Черве. А в болотных низинах, окружающих устья больших европейских рек, вполне могут отыскаться его «братья».

— Лично я, сэр, не имею ни малейшего сомнения в том, что чудовища, о которых вы говорили, вполне могли дожить до наших времен, а не все поголовно вымерли, как это принято считать,— поддержал его Адам.— И если это так, то здесь им самое место. Я думаю об этом с того самого момента, как вы показали мне вид с обрыва. Но кое-что не стыкуется, сэр. Вы не находите? У меня так сразу возник вопрос: не много ли здесь препятствий?

— То есть?

— Наше предполагаемое чудовище должно было обладать значительным весом, а ландшафт здесь, наверху, крайне неровный. Следовательно, перемещаться на большие расстояния ему было бы затруднительно. Относительно долины, где находились грязевые лужи, мы находимся на высоте нескольких сотен футов, если считать по прямой. А если учесть все изгибы почвы, все скальные выходы... Следовательно, на дорогу в долину и подъем на взгорье ему понадобилось бы изрядное время. Так как же он мог одолеть этот путь (и не раз!), оставаясь при этом никем не замеченным? Да, конечно, у нас есть легенды; но для серьезного научного исследования требуются еще и веские доказательства.

— Мой милый Адам, вы абсолютно правы, и если бы мы предприняли подобное исследование, то, вне всякого сомнения, учли бы отмеченный вами фактор. Однако, дорогой мальчик, вы не должны забывать, что речь идет о событиях, отдаленных от нашего времени на тысячи и тысячи лет. И также вы

должны помнить о том, что письменных источников о тех временах, которые могли бы нам помочь, просто не существует: в ту эпоху здесь не было людей, они заселили эти края много позже. Место, отвечающее нашим требованиям, должно быть полностью обособленным и диким, с настолько густой растительностью, чтобы там не имелось возможности для развития человека. Логово подобного чудовища должно было находиться там, где условия не менялись в течение сотен или даже тысяч лет. Кроме того, оно должно быть недоступным для людей. Змей, чувствующий себя уютно в болоте глубиной в сотню футов, может спрятаться лишь в тех гигантских топях, что ныне уже не существуют. Или же если и существуют, то всего лишь в нескольких точках земного шара. Однако я вовсе не хочу сказать, что в наше прозаическое время подобных вещей быть не может. Условия для их появления создавались тогда, в доисторические времена, когда силы природы были неукротимы, когда борьба за существование была настолько жестокой, что ни одно существо, не обладавшее гигантскими размерами, не имело ни малейшего шанса на выживание. И то, что подобные условия на земле были, доказывают многочисленные ископаемые. Но только они. Нам никогда не раздобыть доказательств того уровня, какого требует современная наука. Мы можем лишь вообразить или мысленно смоделировать те условия и те силы, что одолели этих гигантов.

Глава VI

КОРШУН И ГОЛУБКА

На следующее утро мистер Сэлтон и сэр Натаниэль только собрались приступить к завтраку, как в столовую стремительно вошел Адам.

— Что опять? — всполошился дядюшка.

— Четыре!

— Четыре чего? — полюбопытствовал сэр Натаниэль.

— Змеи! — буркнул молодой человек, накладывая себе в тарелку жареные почки.

— Четыре змеи? Что-то я ничего не понял.

— Мангуст,— объяснил Адам.— Я брал его с собой на прогулку.

— Четыре змеи за одно утро! Никогда не думал, что на обрыве,— так местные называли западную скалу,— их так много. Надеюсь, это никак не связано с нашим вчерашним разговором?

— Увы, связано, сэр. Хоть и не впрямую.

— Боже милостивый! Уж не надеялся ли ты отловить там змею размером с лэмбтоновского Червя? Но ведь тогда и мангуст, способный придушить такое чудовище, должен быть не меньше копны.

— Там были обычные змеи, не длиннее трости.

— Ну, туда им и дорога, и большим и малым. Твой мангуст просто молодчина. Я уверен, что он вскоре очистит все окрестности,— сказал мистер Сэлтон.

Адам не захотел поддерживать разговор и сделал вид, что занят завтраком. В утренней охоте на змей для него не было ничего нового. Покончив с едой, он немедленно удалился в кабинет, который дядя предоставил ему для занятий. Оба старика восприняли это как знак того, что он хотел бы побыть в одиночестве. А точнее, что он хотел избежать различных расспросов и предположений на тему сегодняшнего приглашения на чай к Уэтфордам.

В столовую Адам вернулся лишь за полчаса до обеда. Не застав там никого, он зашел в курительную, где обнаружил обоих джентльменов, уже переодевшихся к столу.

— Думаю, нам нечего ждать. Лучше приступить прямо сейчас,— с порога заявил он.

Дядя, пытаясь ему помочь, решился уточнить:

— Приступить к чему?

Адам прерывисто вздохнул:

— К моему...— но тут он взял себя в руки и закончил фразу довольно твердо: — К моему визиту на ферму «Мерси».

Мистер Сэлтон с нетерпением ждал продолжения. Старый дипломат тонко улыбнулся.

— Как я понял, вы оба еще вчера заметили мой интерес к Уэтфордам?

Ответом ему стали лишь ободряющие улыбки.

— И я хочу, чтобы вы оба были в курсе моих отношений с ними. Вы, дядя, потому, что вы мой ближайший родственник и, более того, уделяете мне столько внимания, тепла и душевной заботы, как если бы были мне родным отцом.

Мистер Сэлтон не нашелся что сказать. Он лишь протянул руку молодому человеку, и тот сердечно ее пожал.

— А вы, сэр,— продолжил Адам,— потому, что раскрыли передо мной такие картины, о которых я дома не смел и помыслить в самых своих дерзновенных мечтаниях...— Тут он запнулся, будучи не в силах выразить свое волнение.

Сэр Натаниэль отечески положил ему руку на плечо и мягко ответил:

— Ты прав, мальчик мой; ты абсолютно прав. Не стесняйся своей искренности. А я в ответ должен тебе признаться, что у нас, стариков, не имеющих собственных детей, становится теплее на сердце, когда мы слышим такие слова.

Адам снова заговорил, на сей раз торопливо, словно желая поскорее покончить с этим разговором:

— Мистер Уэтфорд так и не показался, но Лилла и Мими ждали меня и встретили со всей сердечностью. Они все очень высокого мнения о вас, дядя. Мне это приятно было слышать еще и потому, что они мне очень нравятся. Мы уже пили чай, когда в дверь постучался мистер Касуолл. Он заявился в сопровождении своего негра — окно в гостиной довольно большое, и из него хорошо видно парадное крыльцо. Двери ему открыла Лилла. Мистер Касуолл объяснил, что напросился на приглашение потому, что ему хотелось бы познакомиться со всеми своими арендаторами теснее, чем он мог это сделать вчера, в суматохе праздника. Девушки пригласили его к столу — они очень милы и воспитанны, сэр; любая из них может... когда найдет своего избранника, сделать его счастливейшим человеком на свете.

— И этим избранником можешь стать ты, Адам,— с улыбкой вставил мистер Сэлтон.

Внезапно только что горевшие воодушевлением глаза молодого человека, к удивлению его дяди, погасли, взгляд стал отстраненно-печальным, а голос зазвучал глухо и скорбно.

— Да, это могло бы стать венцом моей жизни. Но боюсь, что этого не случится. А если и случится, то принесет мне лишь боль и страдания.

— Да у тебя все еще впереди! — воскликнул сэр Натаниэль.

Молодой человек повернулся к нему, и старик увидел в его глазах неизбывную скорбь.

— Еще вчера... Еще несколько часов назад... Да, ваши слова могли бы вдохнуть в меня новые силы, дать надежду и мужество; но слишком многое изменилось с тех пор.

Старый дипломат, искушенный в человеческих слабостях, не согласился с ним:

— Ты слишком рано сдался, мальчик мой.

— Я не из тех, кто легко сдается,— упрямо возразил Адам.— Но после всего произошедшего лучше открыто посмотреть правде в глаза. Когда мужчина, особенно молодой, испытывает то, что испытал я, увидев вчера Мими, у него дух захватывает, а сердце скачет, как сумасшедшее. Ему не надо никаких объяснений. Он просто знает. И все.

Наступило долгое молчание. Лишь когда в комнату через окно пополз вечерний сумрак, Адам снова заговорил.

— Дядя, вы не знаете, у нас в роду были ясновидцы?

— Нет. По крайней мере, я о таком не слышал. А почему ты спрашиваешь?

— Дело в том,— осторожно произнес молодой человек,— что моя убежденность в грядущей трагедии основана на ощущениях, слишком схожих с ясновидением.

— И что из этого следует?

— То, что от судьбы не убежишь. На Гебридах и в других местах, где ясновидение возведено в культ, то, что они называют «роком», является для них высшим судом в последней инстанции. И приговор не подлежит обжалованию. Я немало слышал об этом необычном качестве — у нас в Австралии множество выходцев из Западной Шотландии. Но сегодня я вдруг ощутил это на себе и лишь тогда понял, как много правды было в их рассказах. Никогда еще в жизни я ничего подобного не испытывал: в одну секунду передо мной выросла гранитная стена до самых небес. Она была непреодолима и словно вся состояла из мрака. Казалось, сам Господь всемогущий, и тот не смог бы заглянуть поверх нее... Что ж, чему быть, того не миновать. Судьба моя решена, и все свершится в положенное время. Вот и все.

— Да неужели же она столь неодолима? — раздался тихий голос сэра Натаниэля.— Нет почти ничего, что невозможно было бы одолеть.

— Вот именно. Почти. Рок неодолим. Я, конечно, сделаю все, что только в человеческих силах, и наверняка мне придется с этим сразиться. Где, когда и как, я пока не знаю, но битва состоится. Это неизбежно. Но что может сделать один человек?

— Адам, нас здесь трое,— твердо сказал мистер Сэлтон.

Глаза его старого друга задорно блеснули.

— Да, нас трое,— с воодушевлением подтвердил он.

И вновь нависла тишина. Наконец де Салис решил снять накал и перевести разговор на нейтральную почву.

— Расскажи нам обо всем, что там произошло. Мы так или иначе уже с этим связаны, так что лучше, если мы будем в курсе. Это битва без компромиссов, и нас попросту уничтожат, если не воспользуемся хотя бы малейшим шансом. Если он у нас есть.

— Да, мы будем уничтожены, если не учтем каждую деталь, способную нам помочь! — подхватил Адам.— Нас устраивает только победа, так как ставка в этой битве — жизнь. И возможно, не одна. Будущее покажет! — Помолчав с минуту и собравшись с мыслями, он уже более спокойным тоном стал описывать свой визит на ферму Уэтфордов: — Мистер Касуолл вошел в дом, а негр, следовавший за ним на расстоянии, остановился у порога. Я еще подумал, что он хочет все время находиться в пределах видимости своего господина, чтобы по первому зову исполнить любое его приказание. Мими поставила на стол еще одну чашку. Пока заваривался новый чай, завязалась беседа.

— Разговор был дружеским или с самого начала возникла какая-то напряженность? — спросил сэр Натаниэль.

— Все было нормально. Я не заметил ничего особенного, разве что...— В голосе Адама зазвучали металлические нотки.— Он просто не сводил глаз с Лиллы. Подобные взгляды недопустимы для мужчины, уважающего женщину и ее добродетель.

— И что же говорил его взгляд? — поинтересовался сэр Натаниэль.

— В том-то и дело, что придраться было не к чему — внешне это выглядело вполне в рамках пристойности, а заметить в этих взглядах скрытый подтекст было невозможно.

— Но ведь ты же заметил. Мисс Уэтфорд, бывшая в тот момент жертвой этого воздействия, и мистер Касуолл, его осуществлявший, не в счет, но еще кто-нибудь заметил?

— Да. Мими. Ее лицо просто запылало от гнева.

— Так все же что это был за взгляд? Слишком откровенный или же искушающий? Или какой? Это был взгляд влюбленного или же мужчины, имеющего определенные намерения? Понимаешь, о чем я?

— Да, сэр. Я вас понял даже слишком хорошо. Конечно, было и это тоже. В некоторой степени. И мне пришлось потратить огромные усилия, чтобы просто держать себя в руках. Но я хорошо помнил, что мне нельзя терять головы.

— Но если взгляд не был откровенно соблазняющим, то, может, он таил угрозу? Что конкретно заставило тебя так встревожиться?

Адам мрачно улыбнулся:

— Нет, он не просто соблазнял. Если бы это было обычным флиртом светского повесы, то укладывалось бы в рамки обычного... Да я стал был последней тварью на земле, если бы позволил себе подобные методы! Я не только так воспитан — всей моей натуре противна любая борьба, кроме честной и открытой. Я всегда буду терпим и снисходителен к противнику. Того же я ожидаю и от него! Но Касуолл — человек совсем иного сорта. Он безжалостен и не брезгует никакими средствами. Однако пока он держится в рамках приличий, у меня нет ни малейшего повода вмешаться. Вы когда-нибудь смотрели в глаза злобной гончей?

— Когда она спокойна?

— Нет, когда идет на поводу своих инстинктов. Или еще точнее: в глаза хищной птицы, но не тогда, когда она камнем падает на жертву, а когда спокойно ее выслеживает?

— Нет,— подумав, ответил сэр Натаниэль.— Не могу припомнить. И при чем здесь это?

— Вот таким и был этот взгляд. Взгляд не влюбленного, не искусителя, хотя это слегка примешивалось,— нет, все было гораздо опаснее. Опаснее соблазнения.

Вновь наступило молчание. Наконец сэр Натаниэль поднялся:

— Я думаю, теперь нам стоит все это как следует обдумать и лишь затем приступать к обсуждению.

Глава VII

УУЛАНГА

В шесть часов у мистера Сэлтона была назначена встреча в Ливерпуле. Когда он уехал, сэр Натаниэль попросил Адама пройти в кабинет:

— Мне нужно поговорить с тобой кое о чем. Но я не хочу, чтобы твой дядя был в курсе этого дела. И лучше, если он даже не узнает о нашем разговоре. Согласен? Поверь, это не старческая причуда. О нет! Речь пойдет о событиях, в которые мы оказались вовлечены.

— Но разве так уж необходимо скрывать что-то от дяди? Это недостойно по отношению к нему.

— Это разумная необходимость. Я пекусь в первую очередь о нем. Мой друг — человек уже в преклонных годах, а в его возрасте подобные потрясения не просто вредны — они опасны. Клянусь, я меньше всего хотел бы нанести ему обиду, скрывая от него хоть что-то.

Адам был удовлетворен этими объяснениями и предложил перейти к делу:

— Я слушаю вас, сэр.

— Твой дядя действительно очень стар. Я-то это хорошо знаю — мы росли вместе. Но для того, кто всегда вел спокойную и мирную жизнь, почти лишенную событий из внешнего мира, грядущее может стать серьезным потрясением. Старики вообще консервативны и с трудом воспринимают что-то новое. Так что же говорить о вещах сверхъестественных, лежащих за гранью обыденности?! С ними вместе приходят такие заботы и тревоги, что человеку мирному и безобидному их трудно перенести. Твой дядя все еще обладает железным здоровьем, и к тому же он оптимист. Если ничто вокруг не будет нарушать его покоя, он вполне может дотянуть и до ста лет. И поэтому из любви к нему мы оба просто обязаны оградить его, насколько можно, от любых волнений. Думаю, ты согласишься, что нам нужно приложить к этому все усилия. Ну хорошо, мальчик мой, по глазам я вижу, что ты со мной согласен, а значит, мы закроем эту тему и перейдем к следующей. А теперь,— сэр Натаниэль стал необычайно серьезен,— ты расскажешь мне все

до последней мелочи. Грядут необычные события, а мы пока не в состоянии не только догадаться, с чем нам предстоит столкнуться,— мы и вообразить это не в силах. Несомненно, рано или поздно вуаль тайны приподымется и все само собой объяснится, но пока нам ничего не остается, кроме как настойчиво, бесстрашно и терпеливо делать то, что мы находим нужным. Ты дошел в рассказе до того момента, когда Лилла отворила дверь мистеру Касуоллу и его негру. И еще ты упомянул, что Мими была возмущена взглядами, которые мистер Касуолл бросал на ее сестру.

— «Возмущена» — это еще слабо сказано.

— А теперь постарайся как можно подробнее описать взгляд Касуолла, то, как вела себя Лилла и как на все это реагировала Мими. И не забудь про этого африканского слугу — Ууланту.

— Постараюсь, сэр. Взгляд мистера Касуолла был тяжелым и неподвижным. Но не таким, как если б он находился в трансе. Он так сильно сдвинул брови, словно прилагал огромные усилия проникнуть взором в области, обычным глазам недоступные. Его лицо и так-то мало к себе располагает, но в этот момент черты его обострились, и в нем появилось нечто поистине дьявольское. Он перепугал Лиллу так, что бедняжку начала бить дрожь. Она побледнела как полотно, и я испугался, что она лишится чувств. Однако она овладела собой и даже нашла силы не опустить глаз. Но ее ответный взгляд был робким и как бы молил о снисхождении. Мими рванулась к ней и поддержала ее под локоть. Это ободрило ее: в одно мгновение взгляд ее стал прежним — спокойным и доброжелательным, а на щеки вернулся румянец.

— А он?

— Он буквально впился в нее глазами. Чем слабее она становилась, тем сильнее казался он. Словно он высасывал из нее жизненную силу. Внезапно она резко повернулась, будто хотела убежать, но тут силы окончательно ее оставили, и она упала без чувств. Мими, бросившаяся на колени рядом с ней, случайно заслонила от меня ее лицо, оставив меня в неведении, насколько серьезен обморок ее сестры, а тут еще этот негр черной тенью скользнул между нами — в эту секунду как никогда похожий на дьявола из преисподней! Я и так обладаю не самым

сдержанным характером, но при взгляде на эту мерзкую тварь у кого угодно вскипела бы кровь! Увидев мое лицо, он сразу сообразил, чего от меня ждать, и предпочел скрыться: через мгновение его словно ветром сдуло. И я понял, что у меня появился враг.

— Что ж, нас трое против них двоих,— резюмировал сэр Натаниэль.

— Затем Касуолл так же беззвучно, как его слуга, выскользнул из дома, и лишь тогда Лилла пришла в себя.

— Так,— с трудом сдерживая волнение, продолжил сэр Натаниэль,— что еще ты можешь сказать о негре? Мы должны учитывать любую мелочь. Боюсь, что он может оказаться очень опасным противником.

— Да, сэр. Я слышал о нем кое-что — это, конечно, только сплетни, но и они могут дать пищу для размышлений. Вы же видели моего личного секретаря — Девенпорта, который является моим доверенным и правой рукой во всех делах. Этот человек действительно заслуживает полного доверия и предан мне беззаветно. Так вот, я попросил его остаться на борту «Вест Африкан» и разузнать о мистере Касуолле все, что только возможно. И ему это неплохо удалось. Он познакомился с одним из стюардов, уже не первый год ходившим в Южную Африку. За время рейса тот успел хорошо изучить Ууланту. Сам стюард довольно неплохо относится к неграм и потому пользуется их доверием. По их разговорам он понял, что Ууланга — весьма известная фигура среди аборигенов Западного побережья Африки, так как обладает двумя (по их мнению) достоинствами: его все боятся, и он сорит деньгами направо и налево. Чьими — это уже второй вопрос, но на данный момент это не так важно. Короче, негры восхваляют его на все лады, а то, что его достоинства с нашей точки зрения по меньшей мере греховны, это уж пусть остается на их совести. Вкратце его история состоит в следующем: первое время он был охотником на ведьм — профессия довольно типичная для этих дикарей. Затем он поднялся на несколько ступенек по иерархической лестнице, занимаясь шантажом, и венцом его поистине дьявольской карьеры стало принятие сана одного из верховных жрецов вуду — пожалуй, самого жестокого и безбожного из известных нам культов. Девенпорт рассказал мне пару историй из его жизни. Они были

настолько отвратительны, что повергли меня в ужас бессмысленной жестокостью и кровожадностью Ууланги. Уже одного того, что я услышал, хватило бы для жгучего желания отправить этого мерзавца туда, где ему и место,— прямиком в преисподнюю. И если вы хоть попытаетесь измерить всю глубину его падения, то уверяю вас, сэр, это напрасная трата времени — не стоит и пытаться. Он и ему подобные стоят на низшем уровне духовного развития; он хуже варвара, хуже просто язычника. Он по-своему умен, а для негра даже очень, и поэтому еще опаснее. Стюард рассказал, что Ууланга собирает своеобразную коллекцию. И кое-кто из команды даже ее видел. Знали бы вы, сэр, что он коллекционирует! Все, что служит злу у зверей, птиц и даже рыб. Например, птичьи клювы, созданные, чтобы рвать на куски, терзать плоть и долбить кость. Рыб он собирает только хищных. Уже одна эта коллекция есть веское доказательство его жестокосердия. Да достаточно уже просто взглянуть ему в лицо, чтобы самому храброму человеку стало не по себе. Поэтому неудивительно, что один вид этого дьявола поверг бедное дитя в обморок.

Решив, что больше пока обсуждать нечего, друзья разошлись каждый по своим делам.

На следующее утро Адам по привычке встал с рассветом и решил прогуляться на обрыв. Проходя через «Рощу Дианы», он заметил в одной из аллей змей, убитых ночью его мангустом. Прямые, как палки, они лежали одной длинной линией, словно кто-то специально разложил их. Их тела с зияющими ранами и полуободранной кожей покрывал сплошной слой копошащихся муравьев и других насекомых. То было настолько отвратительное зрелище, что Адам отвел глаза и ускорил шаг.

Казалось, ноги сами привели молодого человека ко входу на угодья фермы «Мерси»; он уже собирался направиться к усадьбе, как вдруг заметил осторожно двигавшегося в тени деревьев негра. Через его руку безвольно свисали, словно грязные тряпки, только что увиденные Адамом останки змей.

Во дворе фермы работали несколько крестьян, но Мими среди них не оказалось. Адам побродил какое-то время у ограды, надеясь, что она все же выйдет, но потом, потеряв надежду, медленно направился домой.

Однако его ждала еще одна встреча — на сей раз с леди Арабеллой. Прекрасная дама была чем-то настолько разгневана,

что пролетела мимо молодого человека, даже не заметив его, несмотря на приветственный поклон.

Вернувшись в Лессер-хилл, Адам первым делом направился в сарай, где хранился ящик с мангустом. Он решил продолжить начатую накануне охоту на змей возле древней могилы. На сей раз змей оказалось еще больше: за полчаса зверек убил целых шесть. Затем, подождав немного и убедившись, что новые змеи пока не выползают, Адам счел, что для одного дня и это неплохо, и решил вернуться домой. Мангуст к тому времени уже настолько привык к своему хозяину, что Адам посадил его на плечо. Почти сразу же он увидел идущую ему навстречу даму, в которой тут же узнал леди Арабеллу.

Едва они поравнялись, как мангуст, до этого момента ласковый и добродушный, словно котенок, внезапно пришел в ярость, распушил шерсть, и, прежде чем Адам, ошарашенный странным поведением своего любимца, успел что-либо сделать, зверек соскочил с его плеча и бросился вдогонку за прошедшей мимо леди.

— Берегитесь! — крикнул Адам.— Он может вас покусать!

Леди Арабелла с надменным видом лишь слегка ускорила шаг, и тут мангуст яростно бросился на нее. Сэлтон рванулся к ней на помощь, сжимая трость — единственное оружие, каким располагал. Но не успел он добежать, как леди выхватила револьвер и выстрелила в зверька. Первый же выстрел уложил его наповал, но она продолжала палить в маленькое тельце в упор, пока не израсходовала все патроны. Теперь от прежней холодности и надменности не осталось и следа: лицо леди искажала гримаса слепой ярости и жажда убийства. Адам, не зная, как поступить, ограничился тем, что приподнял шляпу, то ли извиняясь, то ли прощаясь, и поспешно зашагал к Лессер-хиллу.

Глава VIII
ТЕНИ МИНУВШЕГО

За завтраком сэр Натаниэль заметил, что Адам чем-то расстроен, однако не стал его ни о чем расспрашивать. То, что «молчание — золото», старикам известно куда лучше, чем молоде-

жи. Поэтому после трапезы он последовал за Адамом в кабинет, где тот поведал о том, что случилось утром. По мере рассказа де Салис мрачнел все сильнее, и когда молодой человек договорил, старый дипломат несколько минут обдумывал услышанное и лишь затем сказал:

— Ужасно. Я еще не все до конца понял, но уже могу сказать: это намного страшнее даже того, к чему я готовился.

— Отчего, сэр? — удивился Адам.— Неужели смерть обычного мангуста тоже имеет ко всему этому отношение?

Его собеседник не ответил. Снова наступила тишина. Сэр Натаниэль пускал к потолку клубы дыма и что-то сосредоточенно обдумывал. Наконец он нарушил молчание:

— До этого события я приблизительно представлял себе, с чем мы столкнулись, но теперь... Мне кажется, что за всем этим стоит нечто невообразимо жуткое. Нечто, что может повлиять на нашу судьбу. Нечто, от чего зависит вопрос жизни или смерти любого из нас.

— Так поделитесь же со мной своими сомнениями, сэр! — воскликнул Адам.— Если только... если у вас нет каких-то соображений, из-за которых вы пока предпочитаете не высказывать их.

— Нет у меня никаких причин молчать, Адам. Но даже если бы и были, сейчас не время для церемоний. Думаю, что после всех этих событий нам не следует ничего скрывать друг от друга.

— Судя по вашим словам, сэр, наше положение более чем серьезно.

— Да, Адам, боюсь, что так. И потому мы должны быть предельно искренни друг с другом. Скажи, не показалось ли тебе, что происходит что-то необычное, нечто сверхъестественное?

— Да я только об этом и думаю, сэр. Но я никак не могу найти зацепку: где начало этого клубка?

— Начнем его распутывать хотя бы с того, о чем ты мне только что рассказал. Возьмем твоего мангуста: с тобой он был смирным, дружелюбным, ласковым зверьком. Охота на змей не в счет — он лишь следовал своему природному инстинкту.

— Верно!

— Вот потому нам и необходимо постичь причину, по которой он внезапно бросился на леди Арабеллу.

— Но он ведь мог напасть просто так. Следуя своему инстинкту. Он — охотник по натуре и может посчитать дичью любое живое существо.

— Может, и так. Но давай все же разберемся: на кого именно бросаются мангусты? Если некий вид животных в течение тысячелетий воюет только со вторым, вполне конкретным видом животных, то, если представитель первого вида вдруг бросается на животное третьего вида, не следует ли из этого, что он обнаружил в нем некие качества, присущие его извечному врагу?

— Веский аргумент, сэр. Но очень опасный. Если продолжить ваше рассуждение, то напрашивается единственный вывод: что леди Арабелла — змея.

— Прежде чем делать подобные выводы, мы должны полностью удостовериться, что наша цепь рассуждений не имеет ни единого слабого звена. И проверить все возможные объяснения того, что только кажется необъяснимым.

— Начинайте, сэр.

— Предположим, инстинкт мангуста говорит ему, что змея определяется по какому-то конкретному физическому признаку. Допустим, по запаху. И если мангуст нападает, вдруг почувствовав нечто подобное, это объясняет мнимую беспричинность его атаки, не так ли?

— Логично! — кивнул Адам.

— Ты рассказывал мне, что негр унес из «Рощи Дианы» убитых твоим мангустом змей. Разве не мог их запах следовать за ним?

— Конечно, мог. Точнее, так оно и было. Как я раньше об этом не подумал? А есть ли какой-нибудь надежный способ проверить, сколько времени вообще могут держаться запахи? Мне вот что пришло в голову: если, допустим, в каком-то месте запах сохранялся в течение нескольких тысячелетий, он ведь может быть очень устойчивым, верно? И тогда не может ли он пропитать любого — независимо от его внутренней сути, добр он или зол,— кто постоянно находится в подобном месте? Я спрашиваю потому, что леди, на которую бросился мой мангуст, живет в поместье, носившем некогда название «Логово Белого Червя». И если это так, то наши трудности неизмеримо возрастают. Это меняет дело в корне. Если здесь замешаны во-

просы морали и духа, то мы можем оказаться в центре борьбы добра и зла прежде, чем поймем, что происходит.

Сэр Натаниэль угрюмо улыбнулся:

— Что касается твоего вопроса, то отвечу: пока что мы не научились точно определять то время, за которое запах полностью рассеивается, но, во всяком случае, за несколько тысячелетий он определенно выветрится. Что же касается твоего предположения, что физическое явление может стать причиной изменений чьей-то морали, то должен признаться, что никогда не встречал доказательств подобному. К тому же не забывай, что и добро и зло — понятия весьма растяжимые, особенно в масштабах мироздания. Да оно само является следствием их противоборства и взаимодействия. Но я все же вынужден признать, что в свете последних событий считаю допустимой любую гипотезу. До тех пор пока нам не станет понятна малейшая деталь происходящего, мы не можем себе позволить исключить мотива сверхъестественного.

— Тогда у меня к вам еще один вопрос. Если допустить, что из прошлого до наших дней действительно дошли эманации неких сил — условно назовем их «атавизмы»,— то ведь должно же быть какое-то равновесие: например, если запах древнего чудовища может сохраниться в его первозданной силе, то не может ли сохраниться и нечто из того, что было выражением сил добра?

Сэр Натаниэль на минуту задумался.

— Мы должны быть очень осторожны и не путать мораль с физиологией. И хотя ты все время заостряешь внимание на первом, мне думается, нам пока следует опираться на второе. Что касается морали, то у нас есть некоторые доказательства для веры в религиозных высказываниях. Например: «Горячая молитва истинно верующего горами движет». Это к вопросу о добре. А вот о зле не сказано ничего подобного. Но если принять это изречение за основу, то тогда нам не следует бояться никаких «жутких тайн»: они превращаются в цепь вполне одолимых препятствий.

— Простите, сэр, не могу ли я вернуться сейчас к чисто практической стороне нашей проблемы? Точнее, к историческим фактам? — внезапно изменил ход беседы Адам.

Сэр Натаниэль согласно кивнул.

— Мы уже говорили об истории, по крайней мере известной нам, таких мест, как «Кастра Регис» и «Роща Дианы», она же — «Логово Белого Червя». Я хотел бы знать, действительно ли им присуще то, что мы условимся называть эманациями зла? И распространяется ли это на соседние поместья?

— Какие, например?

— Например, на этот дом и ферму «Мерси».

— Вот мы и пришли к обратной стороне вопроса,— улыбнулся сэр Натаниэль.— Его светлой стороне. Для начала разберем ферму «Мерси». Когда Августин был направлен Папой Григорием нести христианство в Англию, он был принят и взят под защиту королем Кента Этельбертом, женатым на дочери короля Парижа, христианина Шариберта. Королева помогала Августину, чем могла: она основала женский монастырь памяти святой Коломбы и назвала его Sedes Misercordioe — «Дом Милосердия». А так как этот край тогда назывался Мерсией, то в названии переплелись оба значения. Поскольку «Коломба» переводится с латыни как «голубка», изображение голубки стало официальным символом монастыря. Увлекшись этой идеей, королева даже решила устроить там голубятню. И начало ей было положено, когда однажды ей подарили дикую лесную голубку с обычными темными перьями, у которой по прихоти природы вокруг шеи и на голове перья были белыми, словно на ней был монашеский капюшон. Монастырь процветал около ста лет, до прихода к власти короля Пенды, который, впав в язычество, приказал его разрушить. Несмотря на это, «голубки» уже были хорошо известны во всех католических общинах и имели там довольно большое влияние, поэтому им удалось сохранить свой устав на долгие годы изгнания. Спустя сто пятьдесят лет король Оффа возродил в Мерсии христианство, и под его покровительством монастырь святой Коломбы был вновь отстроен и вскоре вернулся к прежнему процветанию. Затем, по прошествии времени, он пришел в упадок, а после был закрыт. Но он оставил добрую память об огромном труде «голубок», проделанном ими во славу Господа, и об их искренней набожности. Так что если добрые деяния, молитвы и подвижничество способны оставить какие-то эманации, то ферма «Мерси», можно считать, стоит на святой земле.

— Благодарю вас, сэр,— с особой серьезностью сказал Адам.

Сэр Натаниэль его понял.

После ленча Адам небрежным тоном пригласил старшего друга немного прогуляться вместе. Старый дипломат сразу заподозрил за внешней легкостью приглашения некую подоплеку и дал согласие.

Как только они удалились достаточно далеко от Лессер-хилла, Адам заговорил:

— Боюсь, сэр, в этих местах творится нечто такое, о чем большинство из живущих здесь и не подозревают. Сегодня утром на опушке небольшой рощицы я заметил тело девочки. Сначала мне показалось, что она мертва, я подошел поближе и осмотрел ее: на горле ребенка я нашел раны, выглядевшие как следы зубов.

— Может, на нее напала одичавшая собака? — предположил сэр Натаниэль.

— Возможно, сэр, хотя я так не думаю. Вы послушайте, что было дальше. Я огляделся в поисках помощи и внезапно заметил какую-то белую фигуру, как бы скользившую в тени деревьев. Я осторожно опустил ребенка на землю и поспешил в ту сторону. Но я не нашел никого! Даже следов! Тогда я вернулся к девочке и продолжил осмотр. К моему величайшему облегчению, оказалось, что она жива. Я растирал ей руки, пока она не пришла в себя. Но, увы! Она ничего не помнила. Кто-то тихо подкрался к ней со спины, обхватил за шею и сдавил ее. А потом она потеряла сознание.

— Обхватил за шею! Значит, это не собака.

— Нет, сэр. Это и объясняет все мои сомнения и причину, по которой я привел вас сюда, где нас никто не может подслушать. Вы не могли не заметить особую грацию, с какой двигается леди Арабелла. Так вот, я почти уверен, что белое пятно, которое я заметил среди листвы, и была хозяйка «Рощи Дианы»!

— Боже праведный! Юный друг мой, будьте осторожнее в высказываниях.

— Сэр, я прекрасно понимаю всю тяжесть возведенных мной обвинений, но абсолютно убежден, что следы на горле ребенка оставлены человеческими зубами, а точнее, женскими.

Сэр Натаниэль погрузился в глубокие размышления.

— Адам, мальчик мой,— наконец сказал он,— это все гораздо серьезнее, чем ты даже можешь предположить. Это вынуждает меня скрыть очень многое из рассказанного тобой от моего старого друга — твоего дяди. Но ради его блага я сделаю это. С недавнего времени в нашей округе происходят странные вещи, которые и так очень тревожат твоего дядю: несколько человек бесследно исчезло; на обочине был найден мертвый ребенок без видимых повреждений, так что причину смерти установить не удалось; у выпущенного на пастбище домашнего скота необъяснимым образом появлялись открытые раны, столь большие и глубокие, что животные буквально истекали кровью. Были и другие случаи, но им находили какие-то обыденные объяснения. Мне же ясно, что где-то здесь прячется кровавый убийца. И должен признаться, что я с самого начала подозревал леди Арабеллу. Потому и расспрашивал тебя так подробно о нападении на нее мангуста. Тебе может показаться странным, что мои подозрения пали на хозяйку «Рощи Дианы» — красавицу и аристократку, но я сейчас все объясню. Ее семья жила неподалеку от моего «Дум-Тауэра», и я их всех хорошо знаю. В юности леди Арабелла как-то отправилась прогуляться в лесок рядом со своим домом. И не вернулась. Ее нашли без чувств, в глубокой лихорадке, и осмотревший ее доктор сказал, что ее покусала какая-то ядовитая тварь и что, учитывая переходный возраст и хрупкое сложение девушки, он не может поручиться за ее жизнь. Тогда из Лондона вызвали одного из лучших врачей, но и тот признал, что не в силах ей помочь. Более того, он предрек, что ей не пережить и ближайшей ночи. Близкие уже потеряли всякую надежду, как вдруг, ко всеобщей радости, леди Арабелла пришла в себя, а всего через пару дней уже чувствовала себя абсолютно здоровой! Но, к ужасу родных, у нее вскоре появились новые привычки: ей стало доставлять удовольствие ловить птиц и мелких зверьков и мучить их с невообразимой жестокостью. Ей даже нравилось их убивать! Все это пытались объяснить повышенной нервозностью переходного возраста и возлагали надежды на ее брак с капитаном Марчем, который, как надеялись близкие, уравновесит ее характер. Однако это супружество трудно было назвать счастливым. А затем однажды ее мужа нашли с пулей в виске. Можно было бы подозревать самоубийство, но ведь пистолета так и не обнару-

жили! Возможно, он узнал что-то — один Господь ведает что! — и леди Арабелла, чтобы заставить его замолчать, застрелила его. Сопоставив множество различных фактов, я пришел к заключению, что Белый Червь обрел власть над ее телом, в то время как ее душа оставила свое земное обиталище,— только так можно объяснить ее беспричинные взрывы ярости, странную жажду мучить и убивать и многое другое, перечислением которого я не стану утомлять тебя. Как я уже сказал, один Господь ведает, что обнаружил бедняга Марч, но вынести это было выше человеческих сил. И если моя теория верна, значит, в прекрасном теле леди Арабеллы обитает мерзкий дух Белого Червя.

Адам задумчиво кивнул:

— Но что нам теперь делать, сэр? Все это очень сложно.

— Мы ничего не можем сделать, мальчик мой,— вот что самое главное. Мы не в состоянии предпринять никаких активных действий. Единственное, что нам остается,— держать уши и глаза открытыми. Особенно в отношении леди Арабеллы. И готовиться к вступлению в борьбу, как только предоставится такая возможность.

Адам снова кивнул, и оба джентльмена в глубоком молчании вернулись в Лессер-хилл.

Глава IX

ЗАПАХ СМЕРТИ

Адам Сэлтон не умел просто так сидеть и ждать сложа руки. Его взрывной характер требовал активных действий — особенно в делах, в которых он был кровно заинтересован. Он был согласен с сэром Натаниэлем, что пока у них нет никакой возможности разгадать, почему леди Арабелла так боится мангустов. Но ведь ему ничто не мешало заняться подготовкой к грядущей борьбе! И этому занятию он отдался со всем своим пылом. Адам беспрестанно перебирал в уме различные варианты грядущих событий и пытался найти решение для каждого из них. Убийство мангуста несколько расстраивало его планы, но не рушило их. Мысль о том, что между этой загадочной женщиной и животным может существовать какая-то мистическая связь, полностью захватила его, однако он думал не только о леди Арабелле, не только против нее он должен был вооружаться,— забывать об Ууланге вовсе не следовало. Адам решил, что в данном случае можно воспользоваться порочными наклонностями дикаря и заманить его в ловушку. Прежде всего он решил послать Девенпорта в Ливерпуль, чтобы тот снова разыскал стюарда с «Вест Африкан» и выспросил у него абсолютно все, что тот еще знает о слуге Касуолла. Затем он планировал под каким-нибудь предлогом заманить негра на обрыв (а если не удастся хитростью, то пообещать ему за это щедро заплатить) и там самому побеседовать с ним. Ему казалось, что в личном разговоре он сумеет вытянуть из этого колдуна какую-нибудь полезную информацию. Девенпорт выполнил свою миссию блестяще: он договорился о доставке еще одного мангуста, переговорил со стюардом, узнав от него много нового, и условился с Ууланго, что на следующий день тот навестит Лессер-хилл. Видя усердие своего секретаря, Адам решил отчасти посвятить его в свои планы. Он посчитал, что ему не следует привлекать внимание к своей персоне раньше времени и поэтому все, что по силам Девенпорту (особенно на первых порах), пусть тот и делает. Сам же он выступит на арену чуть позже, когда события начнут развиваться.

Если все, что рассказывал стюард, было правдой, то Ууланга имел редкостный дар. Он мог (если только это не слухи), что называется, чувствовать запах смерти. Он мог «учуять» его как на месте, где кто-то умер, так и у живого человека, которого ждет смерть в ближайшее время. Адам долго раздумывал, как это проверить, и перебрал в уме несколько мест, где это можно было осуществить. Его сжигало нетерпение, но время, как назло, ползло еле-еле. Единственным радостным событием за следующее утро была посылка от Росса. Ключи от ящика Девенпорт забрал еще накануне, и, когда ящик вскрыли, оказалось, что он разделен на две маленькие клетки: в первой содержался обычный зверек — замена убитому леди Арабеллой, а во второй — тот самый дрессированный мангуст, что загрыз королевскую кобру в Непале. Когда обоих зверьков перенесли в специально выделенную для этой цели комнату и оставили там в крепко запертых клетках, Адам впервые за последние дни вздох-

нул с облегчением. Кроме того, им с Девенпортом удалось сохранить пребывание зверьков в доме в полной тайне: об их приезде никто — кроме них двоих — даже не догадывался. Затем Адам объяснил секретарю, что он должен под видом прогулки по окрестностям провести Уулангу по строго установленному маршруту, с остановками в указанных Адамом местах, а затем вернуться на обрыв, где они как бы случайно встретятся с ним самим где-нибудь в районе фермы «Мерси». И Девенпорт должен, опять же как бы случайно, упомянуть в беседе со своим хозяином указанные места и вовлечь в разговор негра.

События дня подтвердили большинство догадок Адама. И на ферме «Мерси», и у «Кастра Регис», и в «Роще Дианы», а также еще в нескольких местах негр останавливался, широко раздувал ноздри и заявлял, что чувствует запах смерти. И всегда уточнял какой: например, на ферме «Мерси» он «почувствовал» множество «маленьких смертей». В «Роще Дианы» он вел себя по-другому: сначала с наслаждением сообщил о многих «великих смертях», но затем озадаченно принюхался, словно гончая, взявшая след, и, никак не комментируя свои действия, устремился в глубину рощи. Там между трухлявыми пнями древних дубов возвышался громадный гранитный подест с небольшим углублением в центре. Негр, увидев его, тут же распростерся перед ним ниц, и это стало единственным местом, где он столь открыто выказал свое почтение. В Замке он также «почувствовал» множество смертей, но говорил о них без малейшего интереса.

Адам не сомневался, что в «Роще Дианы» негритянский колдун столкнулся с чем-то, чего он одновременно вожделел и боялся. Прежде чем уйти оттуда, он еще покружил между деревьев и вдруг, заметив большое дупло, резко изменился в лице. Девенпорту показалось даже, что он сильно испуган. Он несколько раз уходил от этого места, затем возвращался, словно оно его притягивало. Вернувшись в очередной раз, он на минуту застыл, а затем, словно охваченный паническим страхом, вдруг бросился бежать. Добравшись до ближайшей скалы, он торопливо вскарабкался на нее и исчез из виду. Когда Девенпорт догнал его, негр дышал уже спокойней и снова обрел свою обычную дьявольскую невозмутимость.

Адам был полностью удовлетворен результатами своего эксперимента. В Лессер-хилл он вернулся в превосходном настроении. Сэр Натаниэль тут же последовал за ним в кабинет.

— Адам, я как-то позабыл у тебя уточнить: как во время этой наглой выходки Касуолла вела себя Лилла?

— Словно перепуганная до смерти голубка в когтях коршуна или же как птичка, загипнотизированная змеей.

— Благодарю. Я так и думал. В семье Касуоллов уже с давних времен известно, что некоторые из них обладают недюжинным даром гипнотизера. Для опытного наблюдателя и физиономиста прочитать их скрытые наклонности по чертам лица — задача не из сложных. Так что твоя ассоциация с голубкой и коршуном довольно точна. Думаю, что именно с этого мы и начнем расследование.

Как только начало темнеть, Адам повесил на плечо ящик с мангустом (обычным, а не непальским чемпионом) и зашагал в сторону «Рощи Дианы». И почти у самой рощи столкнулся с леди Арабеллой. Она, как обычно, держалась холодно и надменно, а ее хрупкую фигуру, словно перчатка, облегало все то же белое платье.

К несказанному удивлению Адама, на сей раз мангуст не только не бросился на нее, а даже позволил леди взять себя на руки и приласкать. Так как выяснилось, что им по пути, дальше они пошли вместе.

Вдоль дороги, дугой соединявшей «Рощу Дианы» и Лессер-хилл, росли деревья с очень пышными макушками, но довольно редкой листвой на нижних ветвях. В сумерках здесь было весьма темно, а окрестности заслоняли стоявшие сплошной стеной стволы. В неверном свете луны, проникавшем сквозь просветы в листве, в мельтешении теней было что-то завораживающее, и внезапно Адам обнаружил, что идет один. Он быстро огляделся в поисках своей загадочно исчезнувшей спутницы. Она, оказывается, успела уже зайти в ворота своего поместья и теперь смотрела на Адама через частокол, окружавший его границы. Мангуста у нее на руках не было. Сэлтон поискал его глазами, а потом спросил, куда он делся.

— Он вырвался у меня из рук и удрал куда-то под изгородь.

Адам нашел мангуста в месте, где дорога расширялась настолько, что на ней легко могли разъехаться два экипажа. Но

если всего несколько минут назад зверек был игрив и любознателен, то теперь он еле двигался, словно испытал сильнейший шок. Он позволил молодому человеку взять себя на руки, но, увидев леди Арабеллу, стал дрожать и озираться, точно искал возможности сбежать. Адам прижал его к груди, попрощался с леди и поспешил домой, в Лессер-хилл. И вскоре белое платье леди Арабеллы полностью растаяло в быстро сгущавшемся ночном сумраке.

Вернувшись домой, Сэлтон-младший первым делом посадил зверька в клетку. Непальский мангуст, похоже, спал: из его клетки не доносилось ни малейшего звука. Адам запер комнату, где прятал питомцев Росса, и направился в кабинет, а через несколько минут следом за ним вошел сэр Натаниэль и плотно притворил за собою дверь.

— Я пришел,— сообщил он,— чтобы, пока мы еще можем говорить наедине, рассказать тебе о семье Касуоллов то, что может весьма тебя заинтересовать. В наших краях давно уже ходят слухи о том, что Касуоллы наделены странным даром лишать сопротивления любого, кто вздумает противостоять их воле. Об этом не раз упоминается в различных мемуарах и других исторических документах того же рода, но я знаю лишь один источник, где есть подробное описание этого уникума. Это «Мерсия и ее достопримечательности», обзор, составленный Эзрой Томасом более ста лет назад. Так вот, автор подробно описывает поездку Эдгара Касуолла в Париж, где тот встретился со знаменитым Месмером и даже стал его учеником и ассистентом. Уезжая из Франции, Месмер увез и всю свою аппаратуру, использовавшуюся им для опытов в раскрытии тайн электричества и человеческой физиологии. Однако в дальнейшем своей лабораторией он больше никогда не пользовался. Лишь раз он как-то мимоходом упомянул одному из друзей, что оставил все своему ученику. Рассказывая об этом, Томас использует термин «завещал», однако ни о каком завещании Месмера до сих пор не найдено ни малейшего упоминания. В любом случае его аппаратура бесследно исчезла, и нет ни единого свидетельства о ее нынешнем местонахождении.

Их беседу прервал слуга, доложивший мистеру Сэлтону-младшему, что из комнаты, в которую он заходил сразу по приходу, доносится подозрительный шум. Адам с сэром Натаниэлем немедленно бросились туда. Зайдя в комнату, Адам запер дверь изнутри и лишь тогда открыл ящик, в котором стояли клетки. В одной было тихо, зато из второй доносились звуки яростной борьбы. Открыв крышки, они обнаружили, что шум исходил из клетки непальца, который мгновенно успокоился. Второй же мангуст был мертв. И что удивительно, его тельце выглядело так, словно он был задушен!

Глава X
ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

На следующий день Адам сразу после четырех отправился на ферму «Мерси».

Домой он вернулся, когда часы только что пробили шесть. По его бледному лицу и плотно сжатым губам сэр Натаниэль понял, что молодой человек сильно встревожен, но в то же время собран и суров.

— Вижу, ты уже готов к битве,— приветствовал его старый дипломат.— Ну, рассказывай.

Он поудобнее устроился в кресле и приготовился слушать. На его лице было написано напряженное внимание: ему не хотелось упустить ни малейшей детали, ни единого нюанса. Даже интонации Адама, и те имели значение.

— Лилла с Мими были дома, а их дед работал где-то на ферме. Мисс Уэтфорд встретила меня с присущей ей доброжелательностью. Мими также была мне рада. Но почти сразу после моего прихода снова заявился Касуолл, будто он или кто-то из его своры следил за мной. С ним был его вечный спутник. Дыхание негра было сбито, словно он только что пробежал большое расстояние. Подозреваю, что именно он шпионит за мной. Мистер Касуолл держал себя с ледяной вежливостью, и его взгляд был даже жестче обычного. Несмотря на это, мы вступили в обычную светскую беседу и какое-то время болтали на общие темы. Негр же вышел буквально через пару минут после их прихода. Причем так поспешно, словно что-то случилось. Мистер Касуолл по-прежнему смотрел только на Лиллу. Взгляд его был сосредоточен, но в нем не было прежней дьявольской силы

и ничего оскорбительного. И если бы не суровая складка между бровями и едва заметное напряжение скул, я бы, может, и не заподозрил, что вновь творится что-то неладное. Меж тем Лилла стала проявлять признаки смятения, точно такие, как и во время первого визита Касуолла, хотя она изо всех сил крепилась и пыталась сохранить самообладание. И чем больше она нервничала, тем пристальней становился взгляд мистера Касуолла. Я понял, что он готовится произвести гипнотическое внушение. Затем он внезапно остановил атаку, окинул взглядом комнату и незаметно для девушек подал рукой какой-то тайный знак своему негру, уже вернувшемуся и замершему у входной двери. Потом гость вновь обратил свой дьявольский взор на Лиллу, и бедняжка так побледнела, что Мими, заметив это, подошла к ней и встала рядом, словно пытаясь поддержать ее своим дружеским присутствием. Казалось, это создало для мистера Касуолла какое-то препятствие: его воздействие все возрастало, но уже не имело прежней силы. Внезапно каким-то скачком, он перенес свое влияние и на Мими. Но тут ему помешали. Без всякого стука и приглашения дверь открылась, и в комнату вошла леди Арабелла Марч собственной персоной. (Я-то видел, как она подошла к дому через окно.) Не говоря ни слова, она пересекла комнату и остановилась рядом с мистером Касуоллом. Это уже становилось похоже на битву. Конечно, особого рода. И по мере того как она развивалась, росло напряжение в гостиной. Странное сочетание сил: властитель, белая женщина и чернокожий слуга — словно все это происходило не у нас, а в южных штатах Америки. Для англичанина такое сочетание нестерпимо. Но все это еще укладывалось в рамки разумного. Наступила секунда затишья — как бы перерыв перед последней атакой, когда борьба пойдет уже не на жизнь, а на смерть. С Лиллой происходило что-то ужасное. Она стала белее мрамора, казалось, силы окончательно покинули ее. Она вся дрожала и тем не менее еще пыталась сопротивляться, но я видел, что она едва держится на ногах. Несколько раз она чуть было ни лишилась чувств, но, встретившись глазами с дружеским взглядом Мими, словно черпала в нем новые силы. Теперь уже мистер Касуолл не давал себе труда скрывать свои истинные чувства. Его глаза светились, как пылающие угли. То был истинный древний римлянин, непреклонный и несгибаемый. Но ко всему этому примешивалась еще дьявольская сумасшедшинка берсеркера. Он словно подпитывал свою крошечную армию непоколебимой верой в собственные силы. Леди Арабелла казалась рядом с ним бездушной сломанной куклой. Глядя на нее, невольно приходили на ум легенды о людях, лишенных своей сущности и ставших безвольными убийцами по приказу дьявольских сил. Что же касается негра, то о нем я могу сказать немногое: он стоял непоколебимо, как скала. Он был настолько за гранью добра и зла, что любое понятие о чести или благородстве казалось рядом с ним пустой игрой слов. Лилла, погруженная в пучину беспросветного ужаса, казалось, утратила дар речи. Мими же была настолько поглощена битвой за свободу собственной воли и воли ее сестры, что не замечала ничего вокруг. А что касается меня, то я... если сначала меня удерживало от действий чувство приличия, то потом я вдруг почувствовал себя словно скованным по рукам и по ногам: я мог только слушать и смотреть. Мы попали в западню. Я чувствовал — что-то вот-вот должно произойти, хотя и не мог представить себе, что именно. Будто во сне, я видел плавно плывущую по воздуху руку Мими, словно пытающуюся ухватиться за что-то. В своем замедленном движении она мягко опустилась на плечо Лиллы, и в ту же секунду Мими словно перестала быть собой. Ее юность и свежесть сменились безучастной безвозрастной холодностью трупа. Но затем она словно по наитию коснулась креста сестры и сжала его до побеления пальцев. И тотчас же ее лицо осветилось внутренним светом. Она ожила. Она не только обрела силы для борьбы, она обрела их для победы! Воздев правую руку вверх, она шагнула к Касуоллу и легким жестом словно смела сплетенную им гипнотическую паутину. Она продолжала наступать на Касуолла, и руки ее неустанно двигались, очищая пространство от его сетей, и он, не сумев противостоять ее натиску, стал отступать к двери. А она все наступала, с каждым шагом оттесняя его назад. И вдруг как бы ниоткуда возникло воркование голубки, которое росло и множилось с каждой секундой. Этот звук, возникший из неизвестного источника, набирал силу до тех пор, пока не превратился в торжествующий, жизнеутверждающий гимн, и Мими последним резким жестом словно вымела Касуолла на крыльцо, под лучи ясного летнего солнца. В ту же секунду я почувствовал, что вновь абсолют-

но свободен. Теперь я уже не только слепо воспринимал все происходящее вокруг — я мог его осознавать. Но тем не менее всех участников этой сцены я до сих пор видел как сквозь какую-то пелену, завесу из прозрачного сумрака. Я видел Лиллу, еле державшуюся на ногах; я видел сквозь окно Мими, триумфально воздевшую руки на фоне залитых солнцем предгорий; а в небе за ее спиной сновали мириады птиц.

На следующее утро рассвет принес новые заботы. Со всех сторон графства понеслись тревожные сообщения о внеочередной миграции птиц. Все ученые умы Англии всколыхнулись: тут же начались создаваться различные общества, был поднят вопрос в парламенте и предложены на рассмотрение различные версии случившегося, а также методы исправления создавшейся ситуации.

Чем ближе находились газеты к месту, послужившему источником шума, тем скромнее были напечатанные в них отчеты. Постепенно птицы стали разлетаться, но одновременно прибывали все новые и новые стаи, поэтому казалось, что туча птиц, нависшая над графством, никогда не рассеется. Птицы были возбуждены, словно они услышали им одним ведомый сигнал тревоги и как бы пытались передать его людям каждым свистом крыла, каждой пронзительной трелью. Весь воздух над графством был пронизан их криками. Ни стекла окон, ни ставни не могли защитить от него, и вскоре люди привыкли жить под их непрестанный гомон. Но он все равно влезал в уши, будучи настолько отчаянным, настолько печальным, что никому бы и в голову не пришло, что действительность, о которой он предостерегает, много страшнее.

А через несколько дней сообщения из ближайших районов приняли угрожающий характер. Первыми забили тревогу фермеры: они сразу заметили, что с природой происходит что-то не то. Но все это было лишь как бы предупреждением злых сил, решившихся наконец на открытый бой. Поля, луга, леса везде, где садились на ночевку птицы, превращались в голую пустыню.

Эдгар Касуолл, как и все его соседи, был вынужден задуматься о том, как избавиться от прожорливых птиц. И тут ему на память пришла его недавняя поездка в далекий Китай. В верховьях Янцзы, где множество притоков создают естественную

систему ирригации рисовых полей, во время созревания риса также собираются мириады птиц, склевывая зерна в таких количествах, что это наносит серьезный урон урожаю не только в этом районе, но и в масштабах всей страны. Поэтому местные крестьяне вынуждены были научиться бороться с прожорливыми нахлебниками. Чтобы разогнать непрошеных гостей, они запускали прямо в центр стаи огромного воздушного змея в форме коршуна. Как только он поднимался в небо, птицы разлетались в поисках укрытия, и покуда змей реял в небесах над рисовыми полями, птицы боялись приближаться к нему. Таким образом урожай собирался без особых потерь.

Касуолл немедленно отдал слугам приказание сделать подобного змея и придать ему по возможности наибольшее сходство с коршуном. И когда он был готов, хозяин замка самолично запустил его в небо. Китайский способ оказался действенным: как только змей поднялся в небо, птицы немедленно стали разлетаться. На следующее утро змей парил в небесах над угодьями «Кастра Регис» в полном одиночестве — нигде не было видно ни единой пичуги. Но эта победа на деле оказалась поражением: она повлекла за собой еще более горшие несчастья. Да, перепуганные птицы исчезли, и их надоедливый щебет смолк. Наступившая долгожданная тишина, не оживлявшаяся больше ни единой птичьей трелью, казалась даже неестественной. Она и была неестественной: все животные в округе также замолкли.

Панический страх, овладевший обитателями небес, словно распространился на все живое: и скот, и домашние животные затаились и не исторгали из себя ни звука. Всю местность словно окутала тяжелая беззвучная пелена. И это было гораздо страшнее, гораздо безотраднее, чем любой хаос звуков, пусть даже полный отчаяния и тревоги. Она терзала душу, угнетала ее и лишала всякой надежды. Люди обратились к единственному своему прибежищу — к Богу. Они возносили к нему истовые молитвы с просьбой об избавлении от этого жуткого наваждения. Но тишина не отступала, и всюду стали проявляться все более явные признаки беспросветного отчаяния, охватившего жителей земель вокруг «Кастра Регис». Всюду можно было встретить только мрачные глаза, опущенные уголки губ, нахмуренные брови; и — ни малейшего интереса к жизни, ни

следа надежды. Казалось, люди скоро сами разучатся говорить. Навалившееся на них беззвучие угнетало не меньше, чем если бы они оказались в кромешной тьме.

Уже не верилось, что этому кошмару хоть когда-нибудь наступит конец. Из жизни людей исчезла радость, исчез сам смысл жизни, сменившись безысходной тоской. Гигантское темное пятно, парившее в небесах, отбрасывало свою дьявольскую тень на всю округу — тень невидимую, но, словно проказа, исподволь разъедавшую все живое. Черный коршун реял над «Кастра Регис» символом новой ереси, и негде было укрыться от безотрадного мрака, навеваемого его крыльями.

Дни шли, и отчаяние росло. Люди едва решались заговаривать друг с другом; их чувства и желания были словно парализованы. Все это время Эдгар Касуолл, видя, к чему привело его средство избавиться от птиц, искал способ, как исправить создавшееся положение. Он сам был бы рад убрать змея, но беда была в том, что стаи птиц продолжали прибывать и прибывать — вся округа кишела ими, и лишь в окрестностях замка по-прежнему не было ни одной.

Казалось бы, какую угрозу для людей может представлять обычный бумажный змей? Но он не был обычным. Он словно высасывал жизненную силу из всех, кто жил рядом с замком. А для обитателей фермы «Мерси» его воздействие было поистине убийственным. И тяжелее всего приходилось Лилле. Даже будь она настоящей голубкой, испугавшейся воздушного пугала, и то ее сердечко не трепетало бы в смертельном страхе настолько сильно.

Но не все покорно сносили выпавшее на их долю испытание: некоторые все же находили силы и желание обсуждать происходящее, сравнивая свои впечатления и соображения. Многим казалось странным, что легче всего переносил обрушившуюся на них тишину Ууланга, дитя первозданной природы. Да, по натуре он был грубым толстокожим дикарем с низкой душевной организацией, но этого все же было недостаточно, чтобы объяснить, почему он не поддался общей депрессии. Адам попытался разгадать истинную причину и вскоре пришел к выводу, что негр каким-то одному ему доступным образом восполняет запас энергии. И после некоторых размышлений

он даже понял каким: при виде страданий других Ууланга испытывал несказанное удовольствие. А в данный момент источник, из которого он таким извращенным способом черпал все новые и новые силы, был поистине неиссякаемым.

Леди Арабелла также почти не изменилась, но у нее была иная причина: благодаря своей холодной эгоистической натуре она как бы вовсе не замечала страданий других. И Эдгара Касуолла беспокоила только забота об урожае: людские тревоги и печали его нимало не интересовали, что уж там говорить о каких-то птичках и животных! Мистер Уэтфорд, мистер Сэлтон и сэр Натаниэль, напротив, были крайне озабочены происходящим. Частично причина была в их природном мягкосердечии: ни один из них не мог спокойно наблюдать за мучениями живого существа, хотя бы даже и дикой птахи; частично их снедала забота о том, как сохранить свою собственность, так как они прекрасно предвидели возможные последствия происходящего.

Страдания Лиллы привели к тому, что лицо ее совсем осунулось, а глаза потускнели. В любой момент она могла разразиться слезами. Мими же больше всего мучило то, что она не в силах помочь любимой сестре. Ей оставалось одно: запастись мужеством и терпением и ждать, пока не появится хоть малейший проблеск надежды. Адам, зачастивший в последнее время на ферму, как мог, поддерживал ее, и за это Мими была ему очень благодарна.

Глава XI

СУНДУК МЕСМЕРА

Через пару недель Эдгар Касуолл заметил, что змей не так уж ему мешает; наоборот, паривший в вышине над замком коршун словно придал его жизни новый смысл. Теперь он уже откровенно любовался воздушными виражами своего чудовищного создания. Он даже приказал установить на смотровой площадке башни кресло и часами просиживал там, захваченный игрой со змеем, словно ребенок, наконец-то получивший в по-

дарок желанную игрушку. Это, однако, не мешало ему временами наведываться на ферму «Мерси» и терзать своими визитами Лиллу.

Какими бы ни были чувства, которые он испытывал к ней первоначально, теперь их сменило нечто сродни животному инстинкту. Да и сам он сильно изменился: все, что в нем было человеческого и гуманного, постепенно атрофировалось, а эгоизм и жестокость его натуры все больше бросались в глаза. И он даже не давал себе труда поддерживать хотя бы видимость приличий. Однако, как ни странно, одновременно росло и его равнодушие ко всему окружающему. Касуолл замкнулся в себе, стал неразговорчив и угрюм. Соседи даже стали поговаривать, что он слегка помешался на своем воздушном змее: ведь он следил за ним не только все дни напролет, но даже и по ночам. И уже трудно было сказать, кто из них двоих кем управляет.

Казалось, весь смысл жизни Эдгара Касуолла теперь заключался в обеспечении полета змея. Он оборудовал смотровую площадку башни специальным барабаном, на который наматывалась несущая нить из прочнейшей проволоки; запасся резервными катушками с бечевой; установил специальный регулятор натяжения. Кроме того, по его распоряжению на башне днем и ночью дежурил кто-нибудь из слуг, следивший за тем, чтобы со змеем ничего не случилось. Благодаря сильным ветрам, естественным для горного ландшафта, змей мог подниматься на огромную высоту и улетать от замка довольно далеко. В скором времени он стал как бы неотъемлемой частью «Кастра Регис», его символом, в то время как его хозяин, Эдгар Касуолл, начал приписывать созданию своих рук почти человеческие качества и даже моментами каким-то странным образом отождествлять себя с ним. Для него змей-коршун стал как бы персонификацией его собственного «я».

Он не уставал придумывать все новые и новые развлечения, связанные со своим любимцем, и под конец увлекся старой детской игрой в «посланцев», когда нить, удерживающая змея, пропускается сквозь легкие бумажные кружочки, которые, благодаря особому способу натяжения бечевы и умению использовать воздушные потоки, скользят все выше и выше, к самому змею, как бы далеко тот ни улетел, а затем, достигнув максимальной высоты, плавно соскальзывают назад.

Этой забаве Касуолл мог предаваться часами. Сначала он запускал чистую бумагу, а потом начал писать на кружочках различные адресованные змею послания, словно тот мог их прочитать. Он окончательно убедил себя, что эта игрушка обладает свободой воли и разумом и, похоже, уже ждал от него какой-то ответной реакции. Продолжая отправлять сотни «посланцев», он начал разговаривать со змеем вслух и делиться с ним своими самыми сокровенными мыслями. Высота стоявшей на вершине скалы башни, непрерывный вой ветра, одинокое пятнышко в пустынном небе, скользящие с легким шелестом по бечеве «посланцы» — все это усиливало странный самогипноз, в который все глубже и глубже погружался Касуолл. Он почти полностью утратил связь с реальностью и ушел в свой воображаемый мир.

Следующим шагом к надвигающемуся безумию стала осенившая его идея о том, что надо помочь змею пробудить его сознание. И сделать это нетрудно: надо лишь посылать ему побольше вещей, которые уже обладают какой-нибудь магической энергией и силой. В «Кастра Регис» имелась огромная коллекция различных диковинок, которую в течение веков накапливали в соответствии со своими интересами и вкусами многочисленные владельцы замка. Особенно много в ней было различных предметов, так или иначе связанных с культами смерти: мумии и похоронные принадлежности из гробниц Древнего Египта; черепа и ритуальное оружие из Австралии, Новой Зеландии и Южных морей; идолы и маски из Древней Греции, Персии и Индии; орудия пыток американских индейцев; и, кроме того, обширное собрание различного оружия всех времен и народов: китайские ножи с двумя лезвиями, тибетские кинжалы, ужасные кривые «кукри» непальцев, орудия убийства из Италии и Испании, даже ножи работорговцев с Миссисипи. Каждый экспонат этой страшной коллекции нес в себе память о смерти и боли.

Стоит ли говорить, что на Уулангу она произвела неизгладимое впечатление? Он мог часами бродить по расположенному в башне музею и изучил все его экспонаты до мельчайших деталей. Он даже попросил разрешения заняться их реставрацией и, когда получил позволение, воспринял это как высокую честь. С тех пор он немало времени уделял починке, полировке и за-

точке старых, заржавевших от крови клинков. Помимо всего вышеперечисленного, в коллекции были также и другие экспонаты, способные у большинства людей вызывать лишь содрогание и отвращение: засушенные гигантские тропические насекомые; чучела самых опасных и ядовитых змей, хищных рыб и ракообразных, покрытых броней с грозными шипами; чучела гигантских осьминогов и прочих столь же отвратительных созданий природы. В следующем отделе музея помещались засушенные ядовитые грибы, а также различные ловушки, силки и западни, созданные человеческим разумом для поимки животных, рыб и насекомых. Затем шли разнообразные орудия пытки для людей, из которых самыми гуманными были те, что несли скорую смерть.

Касуолл, прежде даже не заходивший в музей и понятия не имевший о том, что там находится (кроме тех редкостей, что привез он сам), теперь необычайно заинтересовался коллекцией своих предков. Он вплотную занялся ее изучением и систематизацией; он разобрался в действии всех смертоносных механизмов и определил их назначение. Не всегда это получалось с первого раза, ему пришлось немало поломать голову над некоторыми хитроумными уловками древних мастеров, но терпения и желания у него было в избытке, и однажды он обнаружил, что для него больше не осталось ни единого секрета. Поскольку аппетит приходит во время еды, Эдгар Касуолл заинтересовался и запасниками музея, то есть чуланами и клетушками, где хранились еще не разобранные (иногда и лет по сто) привезенные из разных стран диковинки. Замок был огромен, и в нем имелось немало потайных местечек. Когда Касуолл стал расспрашивать о них дворню, все в один голос указали ему на Саймона Честера как на единственного человека, знавшего все закоулки старинного здания. Эдгар немедленно послал за ним. Саймон оказался немощным стариком, которому стукнуло никак не меньше девяноста лет. Он родился в замке и с детства служил всем сменявшим друг друга управляющим. Однако когда Касуолл стал расспрашивать старого слугу, нет ли еще где-нибудь в доме того, что могло бы пригодиться для музея, тот необычайно разволновался и, судя по его смущенному виду, попытался притвориться, будто ему ничего не известно. Он настолько неумело отнекивался, что Эдгар, не раздумывая, резким тоном приказал ему немедленно рассказать, что за страшная тайна спрятана в стенах замка и где она сокрыта. Поняв, что отмолчаться не удастся, а секрет так или иначе будет раскрыт, старый слуга рассказал все, что знал. Даже в самых смелых мечтах Эдгар не мог себе представить, что подобное может попасть в его руки.

— Здесь, в башне, собрано все... хозяин. Все, что привозилось в течение всей моей жизни, кроме... Кроме...— Старика затрясло, и он стал запинаться.— Кроме того сундука, что привез мистер Эдгар... То есть тот мистер Эдгар, при котором я поступил на службу. Он вернулся из Франции... Там он познакомился с доктором Месмером. Поначалу этот сундук хранился в моей комнате. Потом я для безопасности снес его в подвал.

— И что же в нем? — резко спросил Эдгар.

— Не знаю. Сундук как сундук. Только замков снаружи никаких. И как открывается — никто не знает.

— Так уж никаких замков?

— С виду так, сэр. Откуда мне знать? Но замочных скважин там точно нет.

— Пусть его доставят сюда. Проследи за этим и возвращайся.

Вскоре двое слуг с трудом втащили в кабинет, расположенный на последнем этаже башни, огромный сундук, окованный железными полосами. На нем действительно не обнаружилось ни одной замочной скважины и даже ничего отдаленно на нее похожего. Следом явился и старый Саймон. Мистер Касуолл самолично запер дверь изнутри и лишь после этого спросил:

— Как он открывается?

— Не имею понятия, сэр.

— Ты хочешь сказать, что никогда не открывал его?

— Именно так, ваша светлость. Да и посмел бы я? Хозяин доверил мне его для сохранности. Ежели бы я его открыл, то оскорбил бы доверие своего хозяина.

— Потрясающая преданность! — фыркнул Касуолл.— Ладно, оставь его здесь, а сам убирайся. И прикрой за собой двери! Стой!.. Может, кто-нибудь хоть что-нибудь тебе о нем рассказывал? Ну, хоть пару слов?

Старик побледнел как мел и умоляюще сложил на груди дрожащие руки:

— Сэр, не открывали бы вы его! В этом сундуке сокрыты тайны, в которые доктор Месмер посвятил моего хозяина. Лучше велите его уничтожить!

— Ты в своем уме? Как это — уничтожить?

— Сэр, он ведь, если верить честным людям, продал душу дьяволу; я-то надеялся, что все уже забыто и прежние времена не вернутся.

— Посмотрим. А теперь уходи. И ни шагу из своей комнаты: в любую минуту ты можешь мне понадобиться.

Старый слуга поклонился и, несмотря на все свое волнение, вышел, ни сказав больше ни слова.

Глава XII

ЧТО ХРАНИЛОСЬ В СУНДУКЕ

Оставшись в комнате один, Эдгар Касуолл заткнул носовым платком замочную скважину, затем проверил, не видно ли происходящее в комнате из других окон замка, и лишь после принятия всех возможных мер предосторожности приступил к обследованию сундука. Он достал большую лупу и с превеликим тщанием обследовал каждый дюйм деревянного ящика. Результат поверг его в уныние: дерево повсюду было цельным, а стальные полосы не прикрывали никаких секретов. Касуолл уселся в кресло напротив таинственного сундука и просидел, разглядывая его, до самого вечера, пока в комнату не начали прокрадываться сумерки. Тогда он встал и удалился в спальню, тщательно заперев за собой дверь на ключ.

Он проснулся ранним утром и тут же возобновил попытки открыть таинственный ящик. Но за целый день он так и не приблизился к решению загадки, а результатами его стараний стали лишь усиливающееся раздражение да начинающаяся мигрень. Кончилось тем, что он, усталый и опустошенный бесплодными попытками, вновь уселся в кресло и угрюмо уставился на упрямый сундук. Когда окончательно стемнело, Касуолл приказал прислать двух слуг покрепче и, как только те явились,

велел доставить сундук в его спальню. Наступила глубокая ночь, и хотя у Касуолла с самого утра еще не было и крошки во рту, он и думать забыл об еде. Им овладело лихорадочное возбуждение, и он заперся от всех в собственной комнате, дав полную волю воображению. Точно охваченный наваждением, он бродил по спальне, не в силах ничего предпринять. Наконец он прилег на кровать в надежде забыться сном, но мысли о запертом сундуке не давали ему покоя.

Он рычал от ярости, проклиная все на свете: и сундук, и ночь, и мертвенную тишину, нависшую за окнами. Постепенно он все же успокоился, и его мысли обрели прежнюю ясность. Теперь уже ничто не раздражало его и не мешало вспоминать и обрабатывать информацию. Тысячи полузабытых разговоров и событий — порою полностью забытых,— обрывки фактов, когда-то и где-то прочитанные теории и гипотезы теперь всплывали в его памяти и кружились в странном калейдоскопе. Внезапно он как бы наяву услышал свист птичьих крыльев, от которого уже несколько недель был избавлен. Он прекрасно понимал, что это лишь продукт его воображения (если только слуховая память не сыграла с ним одну из своих шуток). Но именно воображение, по его мнению, и могло помочь ему отыскать ключ к загадке, с которой он столкнулся. А это значило, что сон может не только принести ему отдых, но, возможно, и приблизить его к решению этой проклятой головоломки. Придя к такому выводу, Эдгар позволил себе расслабиться и дал наконец отдых усталому телу и измученному раздумьями мозгу.

Но и сон не принес ему забытья: ему снилось, что он встал с постели, безо всякого физического напряжения поднял сундук и установил его на столе, с которого перед этим предусмотрительно убрал часть книг. В реальной жизни ему просто не хватило бы на это физических сил, но во сне все оказалось необычайно просто: все легко подчинялось его малейшему жесту. А затем он вдруг осознал — как такое вышло, он так никогда и не сумел припомнить,— что сундук уже открыт. Он отпер дверь спальни (прежде запертую на замок), поднял сундук на плечо и перенес его в кабинет. Его поражала собственная сила, и в то же время она казалась ему совершенно естественной; его сознание отказывалось воспринимать реальный мир: воображение, фантазии затопили все вокруг. Он знал, что сундук так тя-

жел, что его с трудом могут поднять два человека. И тут же его услужливое воображение нарисовало двух слуг, сгорбившихся под весом деревянной махины. Касуолл запер дверь кабинета на ключ, водрузил сундук на стол и в полной темноте стал изучать его содержимое. Большинство предметов, которые он бережно раскладывал на соседнем столе, имели странную непривычную форму и на ощупь казались сделанными из металла или стекла. При всем при том он сознавал, что все это лишь сон и все эти действия являются для него как бы руководством к действию в будущем. Он не знал, кто им управляет, но это его мало беспокоило. Вынув из сундука все, он принялся за сборку неведомой ему конструкции, по большей части состоящей из стеклянных деталей. Его пальцы обрели непривычную для него ловкость: они словно сами знали, что и как им делать. А затем на него как-то сразу навалилась непреодолимая усталость, голова сама собой опустилась на грудь, и все вокруг заволокла непроглядная тьма.

Он проснулся утром в своей постели и первые несколько минут не мог отличить сна от яви: громадный окованный железными полосами сундук стоял, как и во сне, на его столе. Но он был закрыт. Касуолл вскочил и бросился в кабинет: там со вчерашнего вечера ничего не изменилось. Он бросил взгляд в окно на парящего высоко в небе змея, затем отпер дверцу, ведущую к винтовой лесенке на крышу, и поднялся на смотровую площадку. Он осмотрел барабан с бечевой, коснулся натянутой свежим бризом нити и ощутил ее упругий трепет. И здесь также ничего не изменилось.

Касуолл вернулся в комнату и с горечью признался себе, что чудесные события прошлой ночи были всего лишь сном. Тогда он снова лег в постель и заснул так крепко, что проснулся лишь к вечеру. Ощутив голод, он наспех перекусил и снова уснул, а когда в очередной раз проснулся, вокруг была уже полная темнота и ему на секунду показалось, что он находится в море или где-то на побережье. Он поднялся и двинулся на ощупь по комнате в поисках лампы. Случайно задев стол, он смахнул с него на пол какой-то предмет, судя по стеклянному звону разбившийся вдребезги. Когда Касуоллу наконец удалось зажечь свет, он обнаружил на полу осколки большого стеклянного колеса, которое он хорошо помнил по предыдущему сну, так как оно

было одной из основных деталей конструкции, которую он собирал. Эдгар оглянулся на сундук: его крышка была откинута. Он снова каким-то образом открыл его во сне; но как он ни напрягал свою память, вспомнить о том, как это ему удалось, так и не сумел.

В конце концов он сдался и решил, что здесь за него сработало подсознание. Впрочем, ему не стоит особенно давать волю, так как бесконтрольные поступки могут ему и навредить. Поэтому он решил на время отложить обследование сундука и переключить мысли на что-нибудь другое, благо объектов имелось достаточно: в его распоряжении находилась вся огромная коллекция. Он направился в музей и побрел вдоль витрин, лениво разглядывая выставленные в них редкости, машинально продолжая разыскивать нечто, что он смог бы использовать в экспериментах со змеем.

Накануне Эдгар уже пробовал посылать ему вместо обычных кружков «посланцев» и из других материалов, так как был уверен, что такой огромный змей может поднять в воздух и кое-что потяжелее бумажного листка. И первые же эксперименты доказали, что он прав: постепенно увеличивая вес «посланцев», он установил максимальную подъемную силу своего коршуна. Касуолл планировал, что следующим этапом в его экспериментах станет отправка к змею некоторых предметов из таинственного сундука. Открыв его во второй раз во сне, Эдгар из предосторожности вставил под крышку клин, чтобы в любой момент иметь к нему доступ.

Сундук манил и притягивал его, и постепенно он разобрал все, что в нем находилось, и пришел к выводу, что стеклянные детали для его целей не подходят: они слишком легкие и хрупкие.

Поэтому он вновь обратился к коллекции, в надежде подыскать нового «посланца» среди ее экспонатов. Внезапно на глаза ему попался предмет, который идеально подходил его целям. Это была небольшая египетская статуэтка, изображавшая Бэса — бога, охраняющего человека от разрушительных сил природы. Фигурка была вырезана с каким-то мрачным юмором: божок был грозен и эксцентричен одновременно. Взяв ее в руки, Касуолл обнаружил, что она много тяжелее, чем казалась с виду. В кабинете он тщательно ее обследовал, взвесил и пришел

к выводу, что она вырезана из куска магнетита. В голове у него мелькнуло, что он уже где-то читал о другой египетской статуэтке, вырезанной из того же материала, и почти сразу же он вспомнил, где именно: в «Популярных ошибках» сэра Томаса Брауна, написанных в семнадцатом веке. Эдгар направился в библиотеку, достал с полки нужный ему фолиант и, пролистав, нашел интересующую его главу:

«...Ярким примером тому служат исследования нашим ученым другом мистером Грейвзом найденного рядом с мумиями египетского идола, вырезанного целиком из магнитного железняка; магнит все еще не утратил способности притягивать железо, хотя был добыт из земли более двух тысяч лет назад».

Касуоллу понравилась эта странная фигурка, и он даже почувствовал к древнему египетскому божку нечто вроде личной симпатии, как к брату по духу. Он вырезал из тонкой фанеры «посланца», прикрепил в середине тяжелую статуэтку и, нанизав на трепещущий туго натянутый шнур, направил воздушному змею новый подарок.

Глава XIII

ОШИБКА УУЛАНГИ

Что же касается леди Арабеллы, то она в последнее время находилась в состоянии крайнего раздражения: ее долги росли с необычайной скоростью и впереди с ужасающей неотвратимостью уже маячило полное разорение. Единственной ее надеждой было скорое удачное замужество. Однако с тем, кого она наметила себе в мужья, отношения развивались слишком медленно. А точнее сказать, застыли на мертвой точке. Да, Эдгара Касуолла трудно было назвать страстным воздыхателем: если вначале он и увлекся леди Арабеллой, то после сражения в доме Уэтфордов заперся у себя в башне и не проявлял ни малейшего интереса ни к «Роще Дианы», ни к ее хозяйке. А ведь во время этой битвы леди Арабелла, поступившись всякими приличиями, открыто встала на его сторону. Этим она как бы призналась ему в своих чувствах, хотя ее гордость и пострадала; этим она пообещала ему любую помощь и поддержку. Более того, встав

тогда рядом с ним плечом к плечу, она поддалась искреннему порыву, и тем больнее было переносить его нынешнее полное безразличие. Его поведение было просто оскорбительным; женщины ее уровня не прощают, когда их так демонстративно отвергают. Разве мало того, что ради помощи Касуоллу она снизошла даже до общения с этим страшным дикарем, слугой, лакеем, черным рабом? Разве она не скомпрометировала себя, открыто принимая ухаживания хозяина замка во время празднества в честь его приезда? Разве она не... Но леди Арабелле было нелегко заставить отказаться от намеченной цели, и она хладнокровно и расчетливо подготовила план дальнейших действий. Любой ценой — любой! — но она станет хозяйкой «Кастра Регис». И если сейчас она пока не может ничего предпринять, что ж, она затаится и станет ждать. А ждать она умеет. А затем, как бы случайно, их с Касуоллом дорожки вновь пересекутся. Теперь она уже немало о нем знает, в том числе и о его повышенном интересе к Лилле Уэтфорд. А обладание подобным секретом при умелом использовании может оказаться очень мощным оружием, с помощью которого она прижмет-таки Касуолла к стене. Единственным препятствием к осуществлению этого плана было то, что леди Арабелла не имела никакой возможности встретиться с ним наедине. Он по-прежнему безвыходно сидел в башне Замка, а любые попытки проникнуть в «Кастра Регис» без приглашения тут же погубили бы остатки ее репутации. Дни и ночи напролет она изобретала различные планы, один хитроумнее другого, отметала их, строила новые и наконец решила, что ей ничего другого не остается, как открыто явиться с визитом. Ее ранг и положение давали ей на это право, и если действовать разумно и осторожно, то можно обставить все так, чтобы не вызвать ни малейших слухов и кривотолков. В случае чего она потом сама откровенно поделится с соседями своей версией событий.

А как только они останутся наедине с Касуоллом, она применит все свое обаяние и немалый опыт обольщения и сумеет вернуть себе его расположение. В конце концов, он всего лишь обычный мужчина и (как и все они) постарается избежать бурной сцены, а значит, они сумеют договориться. Леди Арабелла была абсолютно уверена, что ее женское начало поможет ей справиться с любыми возникшими на ее пути к спасительному

браку препятствиями. Но вначале следовало предпринять небольшую разведку и подглядеть, чем же Касуолл занят на самом деле.

В «Роще Дианы» гонг, зовущий в «Кастра Регис» к обеду и ужину, был отлично слышен, и поэтому леди Арабелла всегда была осведомлена о том времени, когда слуги заняты сервировкой столов. Именно в это время она сможет незаметно проникнуть в замок и пробраться в апартаменты Эдгара. Она знала, что в башню звуки из замка не доносятся и что слугам строго-настрого запрещено тревожить хозяина, когда он работает в кабинете. Постоянно следя за башней в бинокль, а также подкупив некоторых слуг, она узнала, что не так давно туда был перенесен большой тяжелый сундук. Очевидно, в сундуке было нечто очень интересное, раз уж Эдгар Касуолл ради него забыл обо всем на свете.

Однако в «Кастра Регис» был еще один человек, который тайно от всех вел свою собственную игру. Хозяева часто забывают, что вся их жизнь проходит на глазах их слуг, а Уланга был на свой лад весьма неглуп, хитер и совершенно лишен совести. Когда он оказался в огромном замке в качестве доверенного лица своего хозяина, перед ним открылось необозримое поле деятельности для расширения и укрепления своей власти над людьми. Будучи неразборчивым в средствах, он откровенно подглядывал и подслушивал, выжидая, пока ему предоставится возможность осуществить свои цели. Он прекрасно уяснил, что леди Арабелла насмерть вцепилась в его хозяина, и тщательно собирал любые слухи и сплетни на эту тему, надеясь как-нибудь использовать их в дальнейшем. Все перемещения сундука также не ускользнули от его внимания, и, видя, какими предосторожностями хозяин окружил себя с того дня, когда сундук установили в кабинете, Уланга вообразил, что там находятся несметные сокровища. Надеясь подобраться поближе к сундуку, он часами кружил вокруг кабинета, оставаясь невидимым и неслышимым: как любой истинный дикарь, он в совершенстве владел искусством выслеживать и прятаться.

Поэтому когда леди Арабелла, по ее мнению абсолютно незаметно проникшая в замок, подкралась к дверям кабинета, чтобы подглядеть за Касуоллом, Уланга сидевший в тот момент в тайном укрытии рядышком, тут же насторожился. Он весь превратился в глаза и уши: происходило нечто необычное. Наблюдая, как леди Арабелла поднимается по лестнице, он решил, что ее приход не сулит ничего хорошего и что ему нужно быть начеку.

Дама постояла несколько минут, заглядывая в замочную скважину, но так, видимо, ничего и не увидев, отказалась от своих попыток и на цыпочках спустилась вниз. Как бы Уланга ни был разочарован, что больше ничего пока узнать не удастся, он сдержал свои чувства, чтобы не выдать своего присутствия. Подождав, пока она исчезнет из виду, негр бесшумно выскользнул из укрытия и, крадучись, спустился за ней. Так как он все еще считал, что в сундуке хранятся драгоценности, ему пришло в голову, что леди Арабелла явилась, чтобы украсть хотя бы часть из них. Эта мысль настолько его захватила, что он стал усиленно размышлять, как бы использовать все происходящее себе во благо. В результате он решил проследить за леди, когда она отправится домой.

Благодаря своим дикарским приемам он последовал за ней, оставаясь полностью незамеченным. Увидев, как она подходит к воротам «Рощи Дианы», Уланга побежал в обход, не выпуская даму из вида, а затем, обогнав, вышел к ней навстречу, рассчитав, что встретится с ней в самом густом месте рощи, где их никто не сможет увидеть.

Леди Арабелла была неприятно удивлена этой встречей: негра она уже не видела несколько дней и думать забыла о его существовании. Уланга оказался бы поражен, если бы был способен осознать, как к нему на самом деле относятся белые люди: его самомнение было непомерно раздуто преклонением таких же дикарей, как он. Нередко в своих мечтах он воображал себя богоподобным юным красавцем, окруженным всеобщим восхищением. Настолько неотразимым, что сердца белых женщин таяли как воск при одном его приближении. Он видел себя воплощением всех достоинств (конечно же в соответствии с моральными нормами и обычаями его родной Южной Африки). Он грезил о томных красавицах, шепчущих ему нежные признания в душистых джунглях Золотого Берега.

Очарованный собственными фантазиями, Уланга почтительно приблизился к леди Арабелле и тихим взволнованным голосом признался ей, что давно уже в нее влюблен. Леди Ара-

белла была почти начисто лишена чувства юмора, но, когда до нее дошла абсурдность ситуации, даже она не смогла удержаться от смеха: жалкий отпрыск дикарского племени, уродливый, как черт, посмел вожделеть к белой женщине — красавице и аристократке! В первую секунду она восприняла это исключительно как оскорбление и едва не взорвалась, но затем, сообразив, что выйти из ситуации с честью она сможет, лишь взяв себя в руки, леди заставила себя собраться, и, призвав на помощь все свое хладнокровие, ответила дерзкому лакею взглядом, полным ледяного презрения.

Ууланга, увидев, что его прочувствованные речи не возымели желанного воздействия, пришел в ярость и, будучи дикарем, не стал ее сдерживать. Как дикий зверь, он ощерил зубы и на всех известных ему варварских языках стал осыпать леди Арабеллу всяческими ругательствами и проклятиями.

Молодая женщина тем временем мысленно благодарила всех богов, что это признание состоялось на ее земле, где она могла позвать на помощь, иначе озверевший негр мог бы броситься на нее и даже убить.

— Я правильно тебя поняла,— прервала она его надменно,— что ты предлагаешь мне свою любовь? *Твою* любовь?

Он молча кивнул. Ее холодное презрение ожгло его ударом хлыста.

— Да как ты посмел! Ты — дикарь! Раб! Распоследняя тварь! Берегись же! Да мне твоя жизнь не дороже жизни какой-нибудь крысы или паука! Посмей только еще раз попасться мне на глаза — и я позабочусь, чтобы мир избавился от такой мерзкой гадины!

Она выхватила револьвер и навела его на негра. Перед угрозой смерти Ууланга утратил всю свою спесь: запинаясь, он забормотал слабые оправдания. Но так как он говорил на родном языке, леди Арабелла не поняла ни слова, хотя по интонации и благодаря своей женской интуиции сообразила, что речь идет все о том же: о любви, о свадьбе, о детях. Потом, постепенно снова распаляясь, Ууланга заговорил быстрее: мешая чудовищные комплименты, порожденные грубым животным желанием, с нелепыми угрозами, он настаивал, он требовал, чтобы она ответила на его чувство. В заключение он зловещим тоном предупредил ее, что знает, как она пыталась украсть сокровища его

хозяина, и что видел ее в замке. Если она согласится выйти за него замуж, то они честно поделят сокровища пополам и вместе заживут на славу где-нибудь в африканских джунглях. Но если она откажется, то он все расскажет хозяину и тот выдаст ее полиции, которая сначала будет ее страшно пытать, а потом ее повесят или отрежут ей голову.

Глава XIV

БОРЬБА ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ

Встреча в «Роще Дианы» сыграла отнюдь не последнюю роль в дальнейших событиях, и притом не только для обоих ее участников. Дикая выходка Ууланги была, в сущности, легко объяснима, особенно для тех, кто уже сталкивался с буйным нравом африканских негров. Им двигали в ту минуту лишь его непомерное тщеславие и внезапно овладевшее им чувство животной страсти, которое у этих дикарей принято называть любовью. Из рощи же он ушел, кипя от злости: его любовь была отвергнута, а гордость уязвлена. Сама леди Арабелла отнеслась к этой истории более спокойно и даже с некоторой долей иронии. Но в то же время нелепое объяснение с негром послужило для нее как бы сигналом к действию: как никогда прежде, она возжелала увидеть Эдгара Касуолла простертым у своих ног. Все оскорбления, которым она только что подверглась, все страхи, которые она пережила,— все это послужило топливом для сжигающей ее страсти: отомстить отвергнувшему ее мужчине. И *любой ценой* подчинить его себе!

Вернувшись домой, леди могла думать только об одном: как заставить Касуолла использовать свои сверхъестественные силы в ее интересах. И чем больше она думала, тем яснее ей становилось, что ключ ко всему — это Лилла Уэтфорд.

Заперевшись в будуаре, она принялась за написание письма. Однако ей не сразу удалось сформулировать свои мысли, и к тому моменту, когда наконец был готов окончательный вариант, ее корзинка для бумаг была почти наполовину полна разорванными и смятыми листками. Тщательно переписав письмо набело, она собрала и сожгла все оставшиеся черновики.

Затем леди Арабелла положила свое творение в украшенный гербами конверт, надписала на нем: «Эдгару Касуоллу. "Кастра Регис"» и, позвав слугу, приказала доставить письмо по назначению. В нем было написано следующее:

«Уважаемый мистер Касуолл,

я хотела бы переговорить с вами на некую тему, которая может показаться вам интересной. Если вы согласны встретиться со мной, то сообщите, в какой из дней мы могли бы с вами вместе прогуляться после ланча часа в три-четыре. По дороге я хотела бы вместе с вами навестить Мими и Лиллу Уэтфорд на их ферме "Мерси" и выпить там чашечку чая. Только не берите с собой своего слугу-африканца: я боюсь, как бы он не перепугал девушек. Между нами говоря, не такой уж он красавчик, правда? Надеюсь, что на сей раз этот визит доставит вам удовольствие.

Искренне ваша,

Арабелла Марч».

Ответ из замка пришел на следующий же день в половине третьего. А через час хозяйка «Рощи Дианы» самолично встретила Эдгара Касуолла у ворот своего поместья (она не хотела, чтобы слуги подслушивали их разговор). Затем они вместе направились к ферме «Мерси». По дороге леди Арабелла незаметно поглядывала по сторонам: не видно ли Ууланги или хотя бы каких-то признаков его присутствия. Мстительный африканец конечно же там был, но, как всегда, обнаружить его было невозможно. Дело в том, что он получил от своего хозяина приказ держаться подальше от леди Арабеллы, и это добавило еще одно оскорбление к цепочке уже нанесенных ею обид, которые он поклялся не оставлять безнаказанными.

Лилла и Мими были дома и согласились принять нежданных гостей, хотя и были несколько удивлены их приходу.

Тому, что должно было произойти затем, предстояло стать как бы повторением предыдущего визита, за одним исключением: у Эдгара Касуолла был соратник — леди Арабелла, а Мими осталась без поддержки Адама Сэлтона. Поэтому на сей раз спор о том, чья воля сильнее, мог обостриться настолько, что Касуолл даже подумывал о том, что если ему сразу не удастся взять верх, то лучше будет на время сложить оружие и удалить-

ся. Но тут, пока они поднимались на крыльцо, леди Арабелла тихонько шепнула:

— Сегодня вы победите. Мими всего лишь женщина. Так не давайте же ей пощады! Никакого милосердия! Это глупое словечко придумано теми, у кого никогда ни на что не хватало смелости. Сражайтесь с ней, гните ее, ломайте — даже убейте, если понадобится! Она стоит у вас на дороге, и уже за одно это я ненавижу ее. Сосредоточьте все свое влияние на ней; о Лилле можете не беспокоиться — она и так вас уже панически боится. Вы уже ее хозяин. Возможно, Мими попытается заставить вас перевести глаза на сестру, но помните, это лишь уловка. Не позволяйте ничему отвлечь себя от битвы с ней, и вы победите. А если почувствуете, что перевес на ее стороне, возьмите меня за руку — я поддержу вас, как смогу. Если и тогда она покажется вам сильнее, доверьтесь мне; я сумею повернуть дело так, что вы уйдете хоть и не победителем, но и не побежденным. А теперь — тихо! Они идут.

Девушки вышли встречать гостей вместе. Но как только открылась дверь, с обрыва донеслись какие-то странные звуки: то был громкий шелест сухих тростников и кустарника, в изобилии росшего вдоль его края. А затем из них стали взлетать тысячи и тысячи птиц — большинство из них были голубями с белыми «капюшонами» на головках. Шум их крыльев и воркование, сливаясь в неясный гул, звучал все более явственно и угрожающе, словно предвестник надвигающегося шторма. Уже отвыкшие от птиц, все с удивлением оглянулись на «Кастра Регис», над башней которого по-прежнему гордо реял воздушный змей. И вдруг прямо у них на глазах управляющая бечева лопнула, и змей-коршун, кувыркаясь, заскользил вниз. Ветер оказался слишком сильным, а его собственный вес слишком большим, чтобы веревка смогла выдержать натяжение.

Падение змея придало Мими сил и возродило в ней надежду. Один из ее противников был повержен, и теперь она могла сосредоточить все свои силы на главной битве. Она была глубоко верующим человеком и в этот момент всем сердцем ощутила поддержку Небес. Возвращение птиц укрепило ее веру, придало мужества и новых сил для борьбы. Столь угнетавшее ее прежде кошмарное молчание природы наконец-то оказалось нарушено, и одно это уже виделось ей величайшим благом.

Но на леди Арабеллу шелест крыльев кружившихся вокруг голубей оказал прямо противоположное действие: она смертельно побледнела и, казалось, была близка к обмороку.

— Что же это такое? — выдохнула она.

Мими, выросшей в Сиаме, так поразивший ее противницу звук почему-то напомнил свист заклинателей змей.

Эдгар Касуолл первым пришел в себя после крушения змея. Он воззвал к инстинкту самосохранения и уже через минуту снова смог рассуждать хладнокровно и логично. Мими также не поддалась общей панике: она находилась в состоянии глубокого религиозного экстаза. Ей открылось, что идущая здесь борьба есть часть высшей битвы, извечной битвы между добром и злом. И что победа вновь на стороне добра — вестниками ее были голубки с белоснежными капюшонами святой Коломбы. Касуолл попытался немедленно применить свой гипнотический дар. Он взглянул в упор в глаза Мими, но, ощутив полыхавшую в них нечеловеческую, божественную силу, понял, что не сумеет ей противостоять. Девушка сделала несколько пассов, он попятился, но леди Арабелла поспешно поймала его за руку и сжала ее, пытаясь остановить. Однако всей ее злости не хватило, чтобы выдержать взгляд Мими, и им обоим пришлось сложить оружие и отступить.

Тут же, как по волшебству, шелест и свист крыльев, столь мучивший леди Арабеллу, прекратился. И вновь все обернулись к «Кастра Регис». Оказалось, что змея уже поймали, натянули новую нить и теперь он вновь горделиво вознесся в небеса.

Когда вернувшийся с фермы Майкл Уэтфорд вошел в дом, все уже успели взять в себя в руки и ничто не говорило о том, что всего несколько минут назад здесь кипела жестокая борьба не на жизнь, а на смерть. Заметив, что все еще смотрят на змея, старый фермер хмыкнул:

— Обычное дело. Миграция голубей из Африки. Так что, поверьте моим словам, надолго они здесь не задержатся.

Новая победа этой девчонки сильно разозлила Касуолла. Он не мог смириться с тем, что его знаменитое гипнотическое воздействие может потерпеть поражение. И он поклялся, что обязательно возьмет реванш. Теперь главным объектом его ненависти стала Мими, уже дважды бравшая над ним верх. Но он утешал себя, что в его жизни встречались противники и по-

страшнее, однако он с ними справлялся. Справится и с ней. Следующей в списке была Лилла — нежная, мягкая и терпеливая. Ее доброе сердце пылало состраданием ко всему живому, и в нем не было места ничему низменному. Она была словно голубка святой Коломбы, чьи цвета носила. И несомненно, именно она была причиной появления птичьих стай. Следующим, кого Касуолл хотел подчинить себе, был Адам Сэлтон. И хотя молодой человек до сих пор не подал ни малейшего повода для вражды, уже один его гордый, независимый характер возбуждал большой соблазн сломать его и заставить покориться. Кроме того, Касуолл совершенно не понимал мотивов поведения этого австралийца, а для него любое непонятное явление представлялось в первую очередь угрозой ему самому.

Вернувшись на смотровую площадку и любуясь виражами змея, Касуолл вновь стал думать о своей коллекции и загадочном сундуке Месмера. Открывавшийся с башни вид на его обширные владения вызвал бы у любого владельца прилив гордости — но только не у хозяина «Кастра Регис». Его раздражало то, что, обладая таким богатством и властью, он тем не менее был не в силах исполнить свои заветные желания.

Горько вздохнув, он снова занялся змеем, надеясь, что эта игра хоть немного развеет его дурное настроение. Так прошло несколько недель. Все это время Касуолл упорно уклонялся от встреч с леди Арабеллой, тщетно пытавшейся вновь нарушить его уединение, и даже на время оставил в покое сестер Уэтфорд. Адам Сэлтон терпеливо собирал информацию и выжидал, и все же он уже был полностью готов при малейшей опасности встать на защиту своих друзей. Сразу же после второй битвы Мими пригласила его на ферму и подробно рассказала о случившемся. Тогда он заказал у Росса еще несколько мангустов, а непальского победителя кобр стал носить с собой в ящике, куда бы ни пошел.

Эксперименты мистера Касуолла шли довольно успешно. С каждым днем он все увеличивал вес «посланцев», и казалось, что змей, как живой спортсмен, увеличивает свои силы и возможности именно в результате этих тренировок. Теперь он стал подниматься на такую высоту, что в это с трудом верилось. Так как в эти дни дул постоянный норд, змей всегда улетал в сторону юга. И целыми днями напролет Касуолл слал и слал к

нему «посланцев», постепенно увеличивая их вес. Сначала он запускал кружки из бумаги, затем из картона, затем из кожи и других плотных, но гибких материалов. Нить, удерживающая змея, изгибалась широкой дугой, и все «посланцы», поднявшись по ней, сообщали о своем прибытии тихим хлопком. Держа проволоку в руках, Касуолл ощущал ее трепет, и ритм бега кружочков пронизывал его, словно неслышимый шепот. Теперь, когда он вновь как бы слился со змеем, Эдгар бессознательно чувствовал неуловимое сходство между этим «шепотом» и завораживающим свистом крыльев голубиных стай, летящих сквозь сухие тростники.

Однажды, роясь в сундуке, он нашел то, чего, по его мнению ему недоставало для окончательного опыта с «посланцами». Это была огромная катушка с тонкой, как волосок, но прочной проволокой, которая, не запутываясь, легко разматывалась и сматывалась. Он немедленно испробовал ее, и результат превзошел все его ожидания. И один, и два, и десяток кружков — простые или отягощенные довесками — все исправно, без помех скользили по ней вверх и возвращались вниз. Он развлекался с новой игрушкой целый день, до тех пор пока в постепенно сгущающихся вечерних сумерках следить за бегом «посланцев» стало невозможно. Машинально поискав глазами, чем бы закрепить проволоку, он заметил фанерный кружок с укрепленным на нем древнеегипетским Бэсом. Его он и использовал вместо пресса. И, вернувшись к себе в кабинет, тут же забыл об этом.

Всю ночь Касуолл беспокойно ворочался с боку на бок, не в силах окончательно заснуть и в то же время не в состоянии разогнать тяжелую дремоту. С утра пораньше он первым делом, как обычно, отправился взглянуть на змея. Но на привычном месте его не оказалось. Эдгар огляделся по сторонам и был почти потрясен, найдя-таки в небесах змея-коршуна и тянущуюся за ним нить. Но змей летел в противоположную сторону, на север. Он летел *против ветра*. Касуолл решил никому ничего не говорить, пока сам не доищется до причин этого странного явления.

Во время своих многочисленных путешествий он неплохо научился пользоваться секстантом и другими подобными инструментами. С их помощью он быстро определил нынешнюю

позицию змея. К его удивлению, оказалось, что змей-коршун парит точно над центром «Рощи Дианы». Первым его порывом было тут же послать за леди Арабеллой, чтобы обсудить все это с ней, но, по некотором размышлении, он отказался от этой мысли. Он и сам не мог бы себе объяснить толком, почему он так решил, но на следующее утро, когда оказалось, что теперь змей завис над фермой «Мерси», он искренне поблагодарил себя за сдержанность. Обложившись инструментами, он уселся у окна и погрузился в глубокие раздумья. Обе точки выбора змея смущали его в равной мере; но еще больше его терзал вопрос, почему воздушная игрушка вообще так себя ведет. Он просидел целый день, чувствуя, что почему-то не может покинуть свой кабинет в башне. Более того, ему казалось, что он подпал под власть неких сил, сил ему неведомых, но влекущих в неизвестном направлении, абсолютно не считаясь с его волей. Понимая, что в одиночку ему с этим не справиться, он кликнул слугу и велел найти Уулангу и передать ему, что хозяин немедленно требует его к себе. Но вскоре ему сообщили, что негра никто не видел уже со вчерашнего вечера.

Нервы Касуолла были настолько на пределе, что даже подобная мелочь повергла его в глубочайшее уныние. Ему было необходимо поговорить хоть с кем-нибудь, и он послал за Саймоном Честером. Тот немедленно явился, запыхавшийся от быстрого подъема по лестнице и встревоженный неурочным вызовом. Касуолл предложил ему сесть и, подождав, пока старик немного придет в себя и успокоится, вновь принялся его расспрашивать о сундуке Месмера: что он о нем знает, что слышал, видел ли его содержимое?

Честер признался, что один раз «еще во времена того мистера Эдгара» он видел сундук открытым и что слышал от него кое-что такое, что после некоторых размышлений и догадок его смертельно напугало. Но с тех пор «тот мистер Эдгар» ни разу больше даже не упоминал о проклятом ящике.

Касуолл попросил его описать подробнее то, что он увидел в сундуке, но старик так разволновался, что, как ни старался держать себя в руках, он буквально затрясся от страха, а потом неожиданно лишился чувств. Эдгар позвал слуг, и Саймону оказали обычную в таких случаях помощь, но старик все не приходил в себя. Тогда послали за доктором, но, пока того нашли и привели

в замок, прошло довольно много времени. Врач с первого взгляда понял, что случилось, но все же опустился на колени рядом со стариком и провел более тщательное исследование. Затем он поднялся на ноги и тихо произнес:

— К моему глубокому сожалению, сэр, его душа отлетела.

Глава XV

ПО СЛЕДУ

Со времени своего приезда Эдгар Касуолл зарекомендовал себя среди слуг и соседей человеком надменным, черствым и жестким, поэтому для всех было полной неожиданностью, что смерть старика Честера он принял близко к сердцу. Однако все, кто этому удивлялся, просто не знали истинного положения дел. Им казалось, что Касуолл расстроен уходом старого преданного слуги, служившего нескольким поколениям его предков. Но никому и в голову не могло прийти, что на самом деле он скорбит по безвозвратной утрате ключа к одной из самых страшных семейных тайн. Зная о том, чем занимался один из его предков в Париже, Эдгар не мог не испытывать жгучего интереса ко всему, что сопутствовало этому периоду его жизни. И вот теперь он уже никогда ничего не узнает.

Леди Арабелла с радостью вцепилась в предоставленную ей возможность снова проникнуть в замок под маской утешительницы в скорби и навязать свое общество объекту своих интересов. На следующий же день, как только слухи о смерти старого Честера проникли в людскую «Рощи Дианы», она тут же сообразила, как этим воспользоваться. Она поспешила в «Кастра Регис» и сыграла свою роль столь убедительно, что даже Касуолл ей поверил.

Единственным, на кого представление леди Арабеллы не смогло бы произвести никакого впечатления, был Ууланга. Правда, он оценил бы мастерство, с которым оно было разыграно. Сам он был человеком, относящимся к жизни сугубо практически, и не мог понять, как можно страдать из-за боли, мучений или потери денег, если не испытываешь их сам. Но зато он прекрасно мог понять тех, кто притворялся скорбящим

о других ради какой-то конкретной выгоды. Поэтому он решил, что леди Арабелла заявилась в «Кастра Регис» только для того, чтобы под шумок улучить момент и стянуть-таки что-нибудь из драгоценностей, и поклялся себе, что на этот раз ей не удастся его провести. Он понимал, что ему нужно быть сверхосторожным, чтобы она не почувствовала за собой слежки. Но с той поры как он вообразил, что ее интересуют сокровища из сундука, он постепенно стал подозревать в желании их украсть почти всех и каждого. Поэтому ему приходилось буквально разрываться на части, чтобы успеть проследить почти за всеми.

За хозяйкой «Рощи Дианы» также следил и Адам Сэлтон, хоть и по другим причинам. И совершенно естественно, что в один прекрасный день их пути пересеклись.

Ранним утром Адам направился на прогулку, прихватив по обыкновению ящик с мангустом. Он поравнялся с воротами «Рощи» как раз в тот момент, когда леди Арабелла, собиравшаяся в «Кастра Регис», заканчивала прическу. Заметив в окно будуара, что он предпочитает держаться в тени деревьев, она заподозрила, что он появился здесь неспроста. Поэтому, быстро закончив туалет, она незаметно выскользнула из дома и, таясь под сенью рощи, тихонько последовала за ним.

Ууланга, сидевший в это время в укрытии и наблюдавший за ней, все это прекрасно видел, но, будучи более опытным в слежке, себя заметить ей не дал. Разглядев висящий на плече Адама ящик, с которым молодой человек обращался очень бережно, негр тут же решил, что в нем тоже хранится нечто ценное. А то, что леди Арабелла незаметно направилась следом за ним, еще больше укрепило его в этой мысли. В своих мыслях он давно уже превратил ее в закоренелую воровку и приписал ее нынешнее поведение тому, что она выслеживает новую добычу.

Адам тем временем уже вступил на территорию «Кастра Регис», и Ууланга, наблюдая, как леди Арабелла крадется за ним, стал размышлять, что же ему делать, если они вдруг разделятся. После некоторых колебаний, когда уже стало ясно, что леди Арабелла движется в сторону замка, он все же решил последовать за ней. Но пока он раздумывал, Адам, которого он успел потерять из виду, свернул с дороги на узкую горную тропу.

Эдгар Касуолл плохо провел ночь. Смерть старого слуги не давала ему покоя и, измученный бессонницей, он решил совсем не ложиться. Сразу после раннего завтрака он уселся у окна так, чтобы следить за змеем, и глубоко задумался. Из его комнаты открывался вид на все окрестности, но больше всего его интересовали два места: «Роща Дианы» и ферма «Мерси». Поначалу там не происходило ничего необычного: будничная суета, уборка, работа по дому и на ферме — короче, ничего выходящего за рамки привычного его хозяевам и слугам заведенного дневного распорядка.

Но затем он заметил цепочку из трех человек, явно преследующих друг друга (из башенного окна он видел их как на ладони). Затем цепочка распалась: Адам Сэлтон свернул в гору, а леди Арабелла, с крадущимся за ней след в след негром, направилась к замку. Чуть погодя Ууланга отстал и спрятался в тени небольшой рощицы, но Касуолл был уверен, что африканец не прекратил слежки. Молодая женщина, оглянувшись по сторонам, проскользнула в ворота и также исчезла из поля зрения.

А через несколько минут он услышал тихий стук в дверь, затем дверь отворилась, и в ее проеме появилась леди Арабелла собственной персоной, как всегда затянутая в белый шелк.

Глава XVI

УТЕШИТЕЛЬНИЦА В СКОРБИ

Касуолл был настолько удивлен приходом леди Арабеллы, хотя, казалось бы, должен был подготовиться к нему тем, что он только что видел, что не сумел этого скрыть от своей гостьи. Выражение его лица было настолько красноречивым, что леди, ожидавшая какого угодно приема, но не такого, на секунду даже растерялась и застыла в нерешительности. Все заранее приготовленные и отрепетированные речи вдруг испарились из ее головы, и никакое самообладание не могло помочь ей начать разговор. Зато на помощь пришла самоуверенность, и молодая женщина, понятия не имея, о чем будет говорить дальше, произнесла наконец приличествующим случаю скорбным тоном:

— Я пришла, чтобы выразить свои соболезнования по поводу вашей тяжелой утраты.

—. Моей утраты? Я, наверное, полный болван, но, простите, не понимаю, о чем это вы.

Его ответ снова выбил ее из колеи, но она мужественно продолжала:

— Я говорю о внезапной смерти этого старика — вашего старого... вассала.

Касуолл удивленно приподнял бровь:

— О, то был всего лишь лакей; он и так уже слишком зажился на свете — ему было где-то около девяноста.

— Но все же старый преданный слуга...

— Я не снисхожу до общения со слугами,— надменно процедил Эдгар,— его держали здесь исключительно в память о его прежних заслугах. Думаю, дворецкий попросту не решался его выгнать, чтобы не прослыть в глазах прочей дворни злодеем.

Леди Арабелла была совершенно не готова к подобному повороту и лихорадочно стала соображать, как продолжить разговор, когда все уже, казалось, было сказано. Единственное, что ей оставалось,— переключить внимание на себя.

— Прошу прощения, что потревожила вас. Поверьте, я хоть и не рабыня условностей, но не настолько бесцеремонна... Есть определенные границы... Я понимаю, что вторгаться без приглашения недопустимо, и мне страшно предположить, что вы можете обо мне подумать после моего столь безрассудного поступка.

Эдгар Касуолл был воспитан истинным джентльменом, и потому он почти рефлекторно ответил ей в тон:

— Я подумаю лишь то, что смогу повторить при вас: леди Арабелла, я всегда вам рад, и ваш приход лишь делает честь моему дому.

Леди Арабелла расцвела:

— Как я вам благодарна! Вы сняли камень с моей души. Мое прирожденное желание быть свободной от условностей всегда доставляло мне больше горя, чем радости. Но с вами — я чувствую это — я могу говорить искренне и непринужденно. А это значит, что я могу открыть вам свое сердце и поделиться своими тревогами.

И затем леди, потупившись, пожаловалась на Уулангу и его странные сомнения в ее честности. Ее рассказ так развеселил Касуолла, что он совершенно непочтительно расхохотался, стал выспрашивать подробности и в конце концов заявил:

— Послушайтесь моего совета: если только этот чертов ниггер осмелится еще хоть раз заступить вам дорогу, стреляйте не раздумывая. Башковитый негр да еще с шилом в... одном месте — это серьезный противник и ненадежный соратник. Так что, если вы с ним покончите, то лишь окажете миру услугу.

— Но что на это скажет закон, мистер Касуолл?

— Да какое дело закону до дохлых ниггеров? Одним больше, одним меньше — какая разница? По мне, так только воздух станет чище.

— Вы меня пугаете,— нежным тоном проворковала леди Арабелла, снабдив свое признание чарующей улыбкой.

— Ладно,— усмехнулся он в ответ,— значит, на том и порешили. Так или иначе, от него стоит избавиться.

Леди опустила ресницы, выразив полное согласие и как бы скрепив договор.

— Я люблю ниггеров не больше вашего. Но, в конце концов, что значит один дикарь в той очистке мира, которая нам еще предстоит? — И затем, глубоко вздохнув и придав голосу интимную сердечность, леди Арабелла прошептала: — А теперь, умоляю, скажите мне, что я прощена!

— Конечно же, милая леди. Если только было за что вас прощать.

Не говоря больше ни слова, леди прошествовала к двери, и Эдгар Касуолл оказался настолько любезен, что самолично проводил ее вниз по лестнице и простился только у ворот. Глядя на то, как он возвращается к себе, леди Арабелла спрятала торжествующую улыбку:

— Что ж, все идет отлично. Нельзя сказать, что утро было потрачено даром.

И дама в белом легкой походкой направилась к «Роще Дианы».

Адам Сэлтон все утро пробродил вдоль края обрыва, изучая окрестности, и вернулся в Лессер-хилл, когда сэр Натаниэль уже приступил к ленчу. Мистер Сэлтон уехал по делам в Уолсэлл, так что старый джентльмен сидел за столом в полном одиночестве. Адам присоединился к нему, но предпочел за едой ни о чем серьезном не говорить. После ленча сэр Натаниэль последовал за ним в кабинет и плотно прикрыл за собою двери.

Оба они уютно расположились в креслах и закурили трубки. Немного подождав, сэр Натаниэль сам начал разговор:

— Я тут вспомнил один любопытнейший факт. О «Роще Дианы». С этим поместьем связана одна таинственная история. Кому-то она покажется мистической, кто-то, наоборот, не увидит ничего особенного — это зависит от того угла, под которым на нее посмотреть.

— Так расскажите мне все, что об этом знаете. И то, что думаете, тоже. Но для начала скажите, какого сорта эта тайна: природная, историческая, научная, оккультная — какая? Мне поможет даже слабый намек.

— Хотелось бы. Но я еще сам не настолько разобрался в этой истории, чтобы изложить все события в должной последовательности. А тем более характеризовать их. Надеюсь, ты простишь мне некоторую путаность рассказа. Ты уже видел главное здание поместья в «Роще Дианы»?

— Только снаружи. Но зато оно настолько хорошо запечатлелось в моей памяти, что я вижу его мысленным взором во всех деталях.

— Это очень старый дом. Пожалуй, это первое жилое здание, построенное здесь чуть ли не во времена римлян. Конечно же его потом несколько раз перестраивали, но фасад был сложен еще тогда. В любом случае это здание уже стояло в те времена и когда Мерсия была королевством, и во времена норманнов. Несколько лет назад, когда я еще был президентом «Археологического общества Мерсии», я самым тщательным образом его обследовал — в то время оно принадлежало еще капитану Марчу. Затем в доме был проведен капитальный ремонт, так как ожидали приезда невесты. Фундамент дома сработан настолько крепко и основательно, словно был заложен для небольшой крепости. А в подвале его находится целая анфилада комнат. Одна из них просто поразила меня: размеров она средних, но стены сложены из толстенных блоков. В центре комнаты находится высохший колодец, с окоемом на уровне пола и уходящий глубоко под землю. Но над ним нет ворота! И даже следа нет, что он был когда-то. Нет ни веревки, ни кольца, чтобы ее

привязывать,— ничего. Мы знаем, что римляне умели строить колодцы огромной глубины и доставали из них воду при помощи веревки — так, например, глубина колодца в Вудхолле превышает тысячу футов. Но здесь мы имеем не колодец, а просто ненормально глубокий тоннель в полу. Дверь в комнате тоже необычайно массивная и запирается на засов чуть ли не в фут шириной. Все это говорит о том, что эта комната использовалась как надежное хранилище чего-то или же для *кого-то*. Но до наших дней никакой памяти о том, что там когда-то хранилось и требовало таких необычайных мер предосторожности, не дошло. Да в нее за последние сто лет вообще вряд ли кто заходил. Так вот, по моему скромному рассуждению, этот колодец как раз и являлся ходом, по которому приходил и уходил Белый Червь, кем бы там ни была эта тварь. Я был готов немедленно приступить к исследованиям загадочной комнаты, я даже собирался сам оплатить все расходы по раскопкам, но все мои предложения были встречены хозяином крайне отрицательно. Так эта история и осталась без продолжения. Даже я сам стал подзабывать об этом.

— Каково было убранство комнаты, сэр? Была ли там какая-нибудь мебель или хоть что-нибудь еще, кроме колодца?

— Единственное, что я запомнил, это странный зеленоватый светящийся туман, который клубился над колодцем. Он то сгущался, то истончался... Никогда не видел ничего подобного.

— А вы помните, как вы туда попали? Я имею в виду, ведет ли туда отдельная дверь, или есть какие-то коридоры?

— В нее вела дверь извне. Я помню, как поднимался по каким-то крутым ступенькам, настолько стертым от времени, что было трудно установить ногу. Раз я даже оступился и чуть было не свалился, споткнувшись.

— А было там еще что-нибудь необычное? Скажем, запах или еще что-то такое?

— Странный запах... Да! Как в трюме. Или на болоте. Он был настолько мерзким, что мне стало дурно. Придется мне, видно, посидеть в одиночестве и основательно припомнить поподробнее все, что я там видел и ощущал.

— Тогда, сэр, я надеюсь, что позже, когда вам это удастся, вы мне все расскажете.

— Буду только рад, Адам. Если твой дядя не вернется к обеду, то мы вполне сможем продолжить наш занимательный разговор.

Глава XVII

ТАЙНА «РОЩИ»

Времени до обеда оставалось еще много, и Адам решил побродить вокруг «Рощи Дианы» — вдруг ему удастся увидеть что-нибудь новое. Но когда он только миновал ограду поместья, ему показалось, что между деревьями черной тенью мелькнуло тело африканца. Адам поспешно отступил в глубину рощи и, стараясь двигаться как можно незаметнее, попытался подобраться поближе к дому. Он молил судьбу, чтобы не встретить случайно кого-то из слуг и работников леди Арабеллы, так как ему пришлось бы им объяснять, что он здесь делает. Но судьба, видимо, была к нему благосклонна, и ему удалось, так никого и не встретив, подойти к самому дому. Он тихонько двинулся в обход. Как оказалось, он осторожничал не напрасно: пройдя еще несколько шагов, он заметил у дальнего крыла здания, почти соприкасавшегося со скалистым утесом, огромный пень старого дуба, за которым, скорчившись, прятался Ууланга. Негр был настолько поглощен наблюдением за кем-то, что совершенно забыл о том, что его самого могли обнаружить. Адам решил, что он не зря пришел сегодня в «Рощу».

Дубы в роще были хотя и не очень высоки, но достаточно массивны и с очень пышными кронами. Поэтому с того места, где затаился африканец, разглядеть, что происходит в густой тени под их сенью, было просто невозможно. Молодой человек осторожно продвинулся еще на несколько шагов вперед, и вдруг его дорогу пересек узенький лучик света. Проследив его направление, Адам решил, что теперь его уже ничто не остановит и он пойдет в своих розысках до самого конца. Лучик исходил от потайного фонаря в руках Ууланги, а освещал он небольшую лесенку с истертыми ступеньками, ведущую к массивной железной двери. В памяти молодого человека мгновенно всплыли все загадочные истории сэра Натаниэля и собственные на-

блюдения и догадки. С трудом сдерживая нахлынувшее возбуждение, он заставил себя отступить, спрятаться за стволом одного из дубов и вооружиться терпением для наблюдения за дальнейшими событиями.

В скором времени стало ясно, что негра тоже интересует железная дверь. Но узнать, что за ней находится, было невозможно: она была словно вмурована в массивные глыбы фасада. Лишь наверху прямо над дверью было пробито крохотное оконце, в которое можно было направить луч света, но оно находилось слишком высоко, чтобы с земли можно было заглянуть в него и разглядеть, что видно в этом луче. Ууланга уже подобрался к самой двери и теперь, то вставая на цыпочки, то присаживаясь на корточки, тщательно обследовал ее, пытаясь найти хоть малейший зазор или щелочку. Потерпев неудачу, он принес из кустов длинную доску и, прислонив ее к стене, ловко вскарабкался на самый верх. Однако и это нисколько не приблизило его к желанному оконцу. Негр спрыгнул вниз и спрятал доску снова в кусты, а затем и сам вернулся в прежнее укрытие. Весь его вид говорил о том, что он заслышал чьи-то шаги. И почти тут же из тени деревьев выплыла леди Арабелла и направилась прямиком к двери. Но не успела она шагнуть на лестницу, как Ууланга кинулся наперерез, заступил ей дорогу и зловещим шепотом, прозвучавшим в тишине рощи словно змеиное шипение, произнес:

— У меня дело к мисси. У-у как срочно! У-у тайна!

— Ну, и чего тебе надо?

— Мисси знает. Ууланга говорил мисси.

Ее глаза засверкали от гнева, как два огромных изумруда.

— Сейчас мне не до тебя. Если ты и в самом деле намерен сообщить что-то дельное, мы сможем поговорить об этом позже. Приходи сюда же в семь часов вечера.

Вместо ответа он молитвенно сложил руки и, опустившись перед леди Арабеллой на колени, коснулся лбом земли. Затем, так и не сказав больше ни слова, негр вскочил на ноги и растворился в тени деревьев.

Адам хорошо видел и слышал весь их разговор. Поняв, что пока больше ничего интересного не увидит, он через несколько минут тихонько покинул свое укрытие и вернулся в Лессерхилл. Но он был твердо уверен в том, что в семь часов вечера

снова будет стоять за стволом старого дуба, растущего неподалеку от железной двери.

Когда до назначенного леди Арабеллой свидания оставалось с полчаса, Адам, никому не сказавшись, выскользнул из кабинета и поспешил в «Рощу». Так как время еще оставалось, а вокруг не было видно ни единой живой души, молодой человек решил на сей раз воспользоваться укрытием Ууланги, поскольку оно было ближе к двери. Через некоторое время между деревьями мелькнуло светлое пятно, беззвучно плывущее в сумерках. Адаму не стоило труда догадаться, что это было белым платьем леди Арабеллы. Она подошла к двери и остановилась. И почти тут же с другой стороны так же беззвучно появился Ууланга. Адам едва поверил своим глазам: на плече у негра висел его собственный ящик с непальским мангустом! Но ведь африканец никому не собирался попадаться на глаза этим вечером, а уж тем более тому, чью собственность он присвоил.

Каким бы неслышным шагом дикарь ни шел, леди Арабелла все же почувствовала его присутствие и, обернулась к нему навстречу. В почти сгустившихся сумерках разглядеть негра, одетого по своему обыкновению в черное, было почти невозможно; лишь яркие, словно светящиеся, белые пятна воротничка и манжет давали хоть какую-то возможность следить за его местонахождением и жестикуляцией. Первой заговорила леди Арабелла:

— Так что тебе надо? Ограбить меня? Или, может, убить?

— Нет, любить твоя!

Дама слегка опешила и поспешила сменить тему:

— А это что ты с собой притащил — гроб? Напрасно старался, я в нем не умещусь.

Ууланга, поняв, что она над ним издевается, с трудом сдержал охватившую его ярость, но все моральные барьеры в его сознании рухнули, и на волю вырвался дикарь самого наихудшего толка.

— Это не гроб. Не гроб. Этот ящик для твоя. Там то, что твоя любит. Моя твоя его дарить.

Он заговорил так горячо, что леди Арабелла испугалась, уж не помешался ли он от страсти, и поспешила поскорее направить его мысли в более безопасное русло.

— Так ты из-за этого хотел меня видеть?

Он лишь кивнул.

— Тогда пойдем в дом, но через другую дверь. Да только тихо. Не имею ни малейшего желания, чтобы кто-нибудь застал меня за беседой с таким... с таким... С таким ниггером!

Последнее слово она выбрала умышленно, для того чтобы заставить его вспомнить, кто он такой. Заставить его почувствовать себя рабом. И подчинить своей воле. Она не могла видеть в темноте его лица, но внезапно сверкнувшие оскаленные зубы и расширившиеся, округлившиеся белки его глаз бесспорно свидетельствовали, что негр разъярен. Женщина быстро скользнула за угол дома, находившийся направо от нее. Ууланга рванулся за ней, но она остановила его одним движением руки:

— Нет-нет. Не в эту дверь. Эта не для негров. Для тебя и черный ход хорош!

И леди Арабелла, сняв с цепочки для часов небольшой ключик, направилась к низенькой дверце, находившейся со стороны обрыва, а Ууланга, повинуясь ее приказу, вернулся к железной двери. Адам с радостью отметил, что ящик пока что цел и невредим. Размышляя, что делать дальше, он машинально крутил в руках найденный в жилетном кармане ключик. Задумавшись, он не заметил, куда исчез негр, и тогда он отважился пойти за леди Арабеллой.

Глава XVIII

СМЕРТЬ УУЛАНГИ

Адам поспешил догнать леди и тихонько тронул ее за плечо. Она резко обернулась.

— Выслушайте меня, пока мы одни,— прошептал он.— Я не советую вам доверяться этому негру.

— А я и не доверяюсь,— отрезала она.

— Кто предупрежден, тот вооружен. Но в таком случае не могли бы вы мне сказать (это в ваших же интересах), почему именно вы ему не доверяете?

— Друг мой, вы и представить себе не можете, что это за дикарь. Вам хоть на секунду могло прийти в голову, что он посмеет мечтать о браке со мной?!

— Нет! — кратко ответил Адам, пряча улыбку.

— Да! И он лелеет мечту склонить меня к этому браку, предложив мне честно разделить пополам какие-то мифические сокровища, которые еще к тому же я — по его мнению — украла у мистера Касуолла... А почему не доверяете ему вы, мистер Сэлтон?

— Вы видели ящик, висевший у него на плече? Так вот, этот ящик принадлежит мне. Уходя на обед, я оставил его в оружейной. А этот негр, очевидно, его оттуда стащил. Теперь я думаю, он решил, что и там какие-то сокровища.

— Именно это он и решил.

— А вы откуда знаете?

— Пару минут назад он пытался меня подкупить ими. Ну, чтобы я вышла за него замуж. Ужас! Я вся горю от стыда, рассказывая вам подобные вещи. Это не человек, это какое-то животное!

Во время беседы она вставила ключик в замочную скважину и отперла дверцу, которая, несмотря на свою массивность и старинный вид, на удивление легко и бесшумно двигалась на своих петлях. Внутри царила полная темнота, но леди Арабелла уверенно шагнула вперед, так, словно для нее все здесь было залито ярким светом. Адам же в смутном мерцании льющегося как бы из ниоткуда слабого зеленого свечения смог разглядеть только несколько массивных каменных ступенек уходящей вверх лестницы. Леди Арабелла толкнула дверцу, та мягко и беззвучно захлопнулась за их спинами, и на некоторое время все погрузилось в полную тьму: Адам лишь слышал легкие шаги хозяйки, уже поднимавшейся по ступеням. Но когда его глаза немного привыкли, очертания окружавших его предметов, как бы обведенные мистически светящимся зеленоватым контуром, стали постепенно выступать из мрака. Лестница вела к еще одной железной двери, но гораздо более массивной и высокой, чем первая. Открыв ее, они оказались в большой комнате, стены которой были сложены из огромных каменных блоков, так плотно пригнанных друг к другу, что места соединений были почти не заметны. Похоже было, что некогда эти стены были тщательно отшлифованы. В дальней из них находилась еще одна дверь — на сей раз широкая, но невысокая. Над ней было

небольшое круглое оконце, выходящее наружу, и из него струился слабый лунный свет.

Леди Арабелла сняла со связки еще один ключ и вставила его в массивный замок. Крохотный ключик легко повернулся в скважине, и тяжелая дверь опять-таки совершенно бесшумно распахнулась. Перед ними на ступеньках, бережно прижимая к себе ящик с мангустом, стоял Ууланга. Приняв появление леди Арабеллы за приглашение войти, негр угодливо ей поклонился и шагнул в дверной проем. Но, очутившись внутри, он замер, окинул взглядом стены и вдруг радостно оскалился:

— Много смерти. Большая смерть. Много убитых. Хорошо! Хорошо!

Он жадно втягивал воздух ноздрями, словно слышал одному ему ведомый запах. Он вел себя так странно и был настолько возбужден, что рука Адама сама собой потянулась к револьверу. Лишь нащупав спусковой крючок, Сэлтон почувствовал себя спокойнее — теперь он был готов к любым неожиданностям.

И только сейчас он заметил, что радость Ууланги была вполне объяснима: воздух действительно был пронизан тяжелым запахом, исходившим от круглого колодца в центре комнаты. Вонь была настолько сильна, что Адама замутило, хотя леди Арабелла держалась так, словно ее вовсе не замечала. Нигде и никогда раньше Сэлтон не встречал подобного запаха: ни в перевязочных военных госпиталей, ни на бойне, ни в заброшенных домах. Чтобы получить хоть что-то сравнимое, надо было смешать все эти запахи вместе и добавить к ним еще смрад от химических отходов и еще, пожалуй, то тошнотворное зловоние, что возникает в трюме старого корабля дней через десять после того, как в плещущейся на дне ржавой и гнилой воде утонула пара сотен крыс.

И тут вдруг Ууланга обнаружил, что в комнате находится еще один человек — Адам Сэлтон! Недолго думая, он выхватил пистолет и выстрелил, но, к счастью, промахнулся. Адам был бывалым дуэлянтом, однако на сей раз он, отвлекшись на запах, позволил застать себя врасплох. Но чтобы прийти в себя, ему хватило секунды. А уже в следующее мгновение оба мужчины держали друг друга на мушке; между ними черной дырой зиял колодец, из неведомых глубин которого струился тяжелый смрад.

И у Адама, и у Ууланги были пистолеты; но та, что, пожалуй, была самым опытным стрелком из всех троих, сегодня не взяла с собой револьвера. И леди Арабелла попыталась ошеломить негра внезапностью нападения: она резко метнулась к нему и едва не выбила оружие из его руки, но он отскочил и, случайно ступив на низенький барьерчик колодца, зашатался, балансируя над черным зевом зловещей дыры. Хоть и с трудом, но ему удалось восстановить равновесие, и тут же он, злобно ощерившись и почти не целясь, выстрелил в леди Арабеллу. Адам бросился на него, и мужчины сошлись в смертельной схватке на самом краю колодца.

Леди Арабелла ничуть не пострадала от выстрела. Вскипев от ярости, она бросилась на Ууланга, чтобы придушить его сзади, но клетка, все еще висевшая у него на плече, в пылу борьбы внезапно раскрылась, и оттуда выскочил разъяренный мангуст — победитель кобр. Он стрелой взлетел леди на грудь и уже почти добрался до ее горла, как она, с неожиданной для столь хрупкой женщины силой, оторвала зверька от себя и разорвала пополам с такой легкостью, словно он был бумажным. Поистине в ту минуту она обладала нечеловеческими силой и ловкостью. Не успела еще брызнуть кровь несчастного мангуста, как его тельце полетело в колодец. А уже в следующий момент Арабелла вихрем налетела на Ууланга, ее белые руки обхватили его смертной хваткой и увлекли его за собой — в зияющую черную дыру.

Перед глазами ошеломленного Адама заплясали несущиеся в бешеном хороводе алые и зеленые огни, словно водоворотом утягиваемые в колодец. Последними утонули два сияющих, как изумруды, глаза, опускавшиеся в мрачные глубины с какой-то неспешной, пугающей медлительностью. Но вот погасли и они, и лишь тающий отблеск их сияния еще некоторое время мерцал на краю колодца. А затем раздался такой ужасный вопль, полный безграничного ужаса и боли, что у Адама кровь застыла в жилах.

Никогда в жизни Адам Сэлтон уже не сможет выкинуть из памяти эту кошмарную сцену. Эту кромешную тьму, которая окутывала его, когда совсем рядом из разверстой словно до самого центра земли прорвы доносились звуки, которые можно услышать только в нижних кругах ада. Он не сможет забыть

посеревшее от ужаса лицо негра, когда тот перед падением в колодец заглянул в изумрудные глаза своей ужасной судьбе. Не забыть ему и этот зловещий, светящийся зеленоватый туман, слабо освещавший пятна свежей крови на древних камнях. На фоне этого кошмара бледнела даже ужасная участь бесстрашного мангуста. Она лишь свидетельствовала о том, что здесь пришли в действие уже не человеческие, но воистину дьявольские силы. Адама, никогда прежде не сталкивавшегося с подобным, все происшедшее повергло в состояние панического страха. Единственное, чего он хотел, так это бежать со всех ног как можно дальше из этого проклятого дома. Но зеленоватое свечение, струившееся из колодца, по мере того, как *то, что его излучало,* опускалось все глубже, постепенно меркло, пока молодой человек не оказался уже в полной темноте. И это в столь кошмарном месте, когда все происшедшее еще живо стояло перед глазами!

Нервы Адама не выдержали, и он бросился бежать, но почти тут же поскользнулся на чем-то липком, пахнувшем кровью и, скатившись по ступенькам вниз, растянулся на полу в соседней комнате.

Открыв глаза, он понял, что кошмар продолжается: в дверном проеме четко вырисовывалась фигура леди Арабеллы. Ее белое платье было испятнано кровью. Кровь была и на руках, и даже на шее. Но лицо ее хранило абсолютно спокойное, безмятежное выражение. То же выражение, с каким она несколько минут назад, в сопровождении Адама, входила в эту дверь.

Глава XIX

ВРАГ ВО МРАКЕ

Прежде чем вернуться в Лессер-хилл, Адам долго бродил по обрыву. Ему было необходимо успокоиться после всех этих ужасных событий и привести мысли в порядок для обсуждения происшедшего с сэром Натаниэлем. К тому же ему предстояло решить, стоит ли рассказывать обо всем этом дяде: для старика такие новости могли бы оказаться серьезным потрясением. С другой стороны, мистер Сэлтон все равно мог рано или

поздно узнать об этом и весьма огорчиться тем, что у племянника и старейшего друга завелись от него тайны. Но когда по возвращении Адам узнал у управляющего, что дядя телеграфировал из Уолсэлла, что дела его задерживают там до завтра, у молодого человека словно камень с души свалился.

Так как сэр Натаниэль уже собирался ложиться спать, Адам решил перенести разговор на утро и договорился со старым историком о совместной прогулке после завтрака, на которой он расскажет нечто исключительной важности.

Несмотря на все потрясения, Адам спал довольно крепко, отлично выспался и, проснувшись на рассвете, обнаружил, что голова у него работает с прежней ясностью, а нервы полностью успокоились. Вместе с утренней чашкой чаю ему принесли письмо от леди Арабеллы. В нем леди торопилась изложить свою версию вчерашних событий.

Адам прочел его, а затем перечитал еще несколько раз, тщетно пытаясь разгадать тайные мысли этой странной женщины.

«Уважаемый мистер Сэлтон,

я не смогла спать спокойно, пока не нашла в себе силы написать это письмо. Заранее умоляю о прощении, если потревожу им Вас в неподходящее время. А также за то, что, находясь в смятении чувств, скажу Вам слишком много... или слишком мало. Мне трудно собраться с мыслями; я все еще не совсем пришла в себя после трагических событий вчерашнего вечера. Рука моя дрожит, выводя эти строки, и при одной мысли о тех ужасах, свидетелями которых мы стали, я почти теряю сознание. Мысль о том, что по моей вине Вы подверглись такой страшной опасности, не дает мне покоя. Простите меня, если это возможно, и, умоляю, не думайте обо мне плохо. После того как мы вместе с Вами смотрели в глаза смерти, опасность нас сблизила и мы — я это чувствую! — стали больше чем друзьями. Я знаю, что теперь я во всем могу доверять Вам и опереться на Вас в трудный момент, как и не сомневаюсь в том, что Вы испытываете ко мне должное уважение и симпатию. Позвольте же выразить Вам свою безграничную благодарность за Вашу неоценимую помощь; за то мужество и верность долгу, которые Вы проявили в минуту смертельной опасности. До конца моей

жизни мне суждено видеть в ночных кошмарах этого страшного человека. Его черный лик будет заслонять от меня все, что есть в жизни светлого и радостного. Я никогда уже не смогу забыть его последнего взгляда — взгляда, полного ненависти и бессильной ярости,— которым он ожег меня перед тем, как упал в колодец. Он стал жертвой собственных преступных намерений. Чем больше я об этом думаю, тем больше прихожу к убеждению, что все случившееся было задумано им заранее. Все, кроме его собственной ужасной смерти.

Возможно, Вы помните мое любимое украшение — колье из изумрудов, которое я всегда носила. Это была одна из моих самых ценных безделушек. Я не раз ловила жадные взгляды, которые эта черная тварь на него бросала. К несчастью, вчера оно тоже было на мне. И возможно, именно оно оказалось последним звеном в цепи роковых совпадений, что привела несчастного дикаря к такой страшной кончине. Ведь он бросился на меня, чтобы сорвать драгоценность с моей шеи, но мне удалось вырваться, и я, не помня себя, побежала к выходу. А он потерял равновесие и... Его душераздирающий вопль настиг меня уже на пороге, и я была благодарна всем богам, что глаза мои не стали свидетелями того, как он падал в эту бездонную дыру.

Лишь вырвавшись из его омерзительных лап, я впервые в жизни поняла, что значит свобода. Свобода! Свобода! Не только от этого ужасного дома-тюрьмы, который навеки будет напоминать мне о пережитом ужасе, но и от омерзительных объятий уродливого черного чудовища. Пока я живу, я буду с благоговением произносить Ваше имя — ведь своей свободой я обязана только Вам! Женщине необходимо выражать свою благодарность открыто, в противном случае эта ноша становится слишком тяжела для ее хрупких плеч. Я уже не сентиментальная девочка и хорошо знаю жизнь; я умею отличать добро от зла и знаю цену как любви, так и потерям. И потому прошу Вас: не стоит принимать мои тревоги и печали близко к сердцу. У меня (как было всегда до сих пор) достанет мужества одной пережить все случившееся. Но для этого я как можно скорее должна покинуть "Рощу Дианы". Ранним утром я уеду в город. К сожалению, через неделю я буду вынуждена вернуться, так как здесь меня ждут неотложные дела. Я надеюсь, что шум и

суета Лондона и круговерть светской жизни заставят побледнеть (я не смею надеяться, что навсегда изгонят из моей памяти) ужасные картины вчерашнего вечера. Но лишь тогда, когда меня покинет бессонница и нервы успокоятся, я смогу спокойно вернуться под родной кров и с покорностью принять гнет ноши, которую мне теперь уже суждено нести до самой смерти.

Буду рада видеть Вас у себя по своем приезде. Или же раньше, если судьба будет благосклонна ко мне и Вы по какой-то счастливой для меня оказии окажетесь в ближайшие дни в Лондоне. Тогда Вы всегда меня найдете в отеле "Мэйфэр". В столь людном городе мы сможем хоть на время позабыть о том ужасе, что мы с Вами пережили, и хоть немного развеяться. До свидания. И еще раз спасибо за Вашу доброту и участие.

Арабелла Марч».

Адам был несколько смущен откровенными намеками, которыми пестрело это письмо, и решил не говорить о нем сэру Натаниэлю, пока еще раз все хорошенько не обдумает. И когда оба джентльмена встретились за завтраком, Адам, решив воздержаться от поспешных выводов, еще раз взвесил все известные ему факты, определил свое отношение к ним и наметил возможность различного их истолкования. В результате завтрак прошел в полном молчании. Но как только слуги удалились, сэр Натаниэль обернулся к Адаму и спросил:

— Я вижу, что-то случилось. Тебе есть чем поделиться?

— Есть, сэр. Думаю, что лучше всего было бы рассказать вам все по порядку, начиная с того момента, когда мы расстались с вами вчера. Не возражаете?

И Адам подробнейшим образом стал излагать все события вчерашнего вечера. Он старался сухо излагать факты в той последовательности, как они происходили, по мере сил стараясь избегать какой бы то ни было личностной оценки происходившего. Особенно это касалось тех моментов, которые он сам еще толком не понимал. Поначалу сэр Натаниэль несколько раз хотел было перебить его возникавшими по мере рассказа вопросами, но, видя, что молодой человек излагает события кратко и емко, сдержался и выслушал его молча до самого конца, позволяя себе лишь взглядом или кивком выразить понимание или

же согласие с очередным логическим выводом. Когда же Адам перешел к финальной, самой напряженной и трагической части своего рассказа, старый джентльмен застыл в глубокой задумчивости, из которой его не вывело даже предложение зачитать письмо леди Арабеллы. Прочитав вслух послание хозяйки «Рощи Дианы», Сэлтон сложил его, засунул в конверт и положил вновь в карман, как бы показывая этим, что ему больше нечего сказать. Старый дипломат извлек свой блокнот, сделал в нем пару заметок и лишь тогда заговорил.

— Ты прекрасный рассказчик, Адам. Ты отлично научился не подменять факты своим мнением о них, так что мы сможем вести наше обсуждение на равных. Я предлагаю тебе устроить небольшую мозговую атаку: будем оба задавать вопросы по мере их возникновения и вместе же пытаться на них ответить. Думаю, это приведет нас к некоторым весьма любопытным выводам.

— Тогда, возможно, вы и начнете, сэр? Я не сомневаюсь, что с вашим-то опытом вам будет легче пробраться сквозь туман загадочности, который окутывает некоторые детали этой истории.

— Смею надеяться, мальчик мой, смею надеяться. И для начала скажу, что леди Арабелла в своем письме не только дала свое истолкование событий, но еще кое о чем невольно проговорилась. Но прежде чем я начну свои логические построения, позволь задать тебе еще пару вопросов. Адам, ты уверен в том, что леди Арабелла не привлекает тебя как женщина?

Молодой человек ответил сразу, без малейших колебаний и не опуская глаз:

— Сказать по правде, сэр, леди Арабелла обворожительна. И я почитал бы только за честь, если бы она снизошла до более близких отношений, но... Говоря откровенно, только в пределах небольшого флирта. Но если вас интересует, насколько сильно я мог бы ею увлечься, то могу с твердостью ответить: «Ни насколько». И вы сразу же поймете, что я ни капельки не кривлю душой, как только я приведу вам кое-какой довод. Не говоря уже о прочих, тесно связанных с ней весьма неприглядных историях, о которых вы осведомлены лучше меня.

— Ну, послушаем твой довод. Пойдем от простого к сложному.

— Все очень просто, сэр. Я — и я полностью отвечаю за свои слова — люблю другую.

— Исчерпывающе. Ну что ж, в добрый путь. И как, можно тебя поздравить с успехом?

— Благодарю вас за добрые пожелания, сэр, однако с поздравлениями стоит повременить. Эта юная леди пока и не догадывается о моих к ней чувствах. Честно говоря, я и сам до сего момента не смел себе в этом признаться.

— Ну, надеюсь, Адам, что, когда время придет, мне одному из первых будет позволено узнать имя пленившей тебя очаровательницы.

Молодой человек от души рассмеялся:

— Да что там долго тянуть! Сэр, я буду только рад разделить с вами свой секрет. Леди, которую я люблю и с которой мечтаю разделить счастье долгой совместной жизни, властительница моих снов и дум,— это Мими Уэтфорд!

— В таком случае, мой дорогой, мне не придется долго ждать момента, когда я смогу принести тебе поздравления. Это замечательная девушка. Никогда еще за всю свою долгую жизнь я не встречал столь сильного характера в столь кротком обличье. Поздравляю тебя от всего сердца. Ну что ж, будем считать, что на вопрос о твоих сердечных привязанностях ты ответил исчерпывающе.

— Да, сэр. А теперь позвольте и мне в свою очередь задать вопрос. Почему вы об этом спросили?

— Откровенность за откровенность. Я спросил тебя об этом только потому, что мы в своем расследовании подошли к той границе, где, не будь твое сердце так надежно занято, нам было бы не избежать щекотливых моментов. А возможно, и весьма болезненных для тебя.

— Да, но дело не только в том, что я люблю Мими. У меня есть веские причины считать леди Арабеллу ее врагом,— продолжал Адам.— А значит, и моим.

— Вот как?

— Да. Жестоким, безжалостным и неразборчивым в средствах врагом, который спит и видит, как ее уничтожить.

Сэр Натаниэль поднялся и с особой тщательностью закрыл дверь.

Глава XX

МЕТАБОЛИЗМ

— У меня не слишком мрачный вид? — спросил сэр Натаниэль, снова повернувшись к Адаму.

— Достаточно мрачный, сэр.

— Думали ли мы с тобой, приехав в этот гостеприимный дом, что нам придется столкнуться не только с насилием и убийствами, нет — с тем, что еще во сто, в тысячу крат страшнее и хуже любого преступления? Что мы будем вовлечены в круговорот загадочных событий, который увлечет нас в бездонную пропасть, где властвуют силы, порожденные миром во время оно? Но раз так случилось, то нам сейчас придется мысленно вернуться к тем временам, когда свирепые драконоподобные чудовища в своей первобытной ярости раздирали друг друга на куски. И ни одно, пусть даже самое невероятное, предположение мы не должны обходить своим вниманием, ибо именно оно и может содержать в себе зерно истины. И еще мы обязаны помнить, что от того, насколько мы сможем во всем этом разобраться, зависят не только наши с тобой жизни, но и жизни тех, кого мы любим. А для этого нам необходимо взаимное доверие.

— Я полностью доверяю вам, сэр.

— В таком случае,— продолжал сэр Натаниэль,— давай трезво и непредвзято обсудим все это, как бы ужасно это ни было с виду. Надеюсь, я полностью могу полагаться на достоверность всех деталей твоего рассказа о вчерашних событиях в «Роще Дианы»?

— Надеюсь, что да, сэр. Конечно, я в чем-то мог ошибиться, что-то неправильно понять, но в общих чертах все было именно так, как я рассказывал.

— И ты совершенно уверен в том, что своими глазами видел, как леди Арабелла, обхватив негра, увлекла его в колодец?

— Без всяких сомнений, сэр. Будь все иначе, без моей помощи она с этим дикарем не совладала бы.

— Итак, у нас есть показания одного свидетеля происшедшего, которому мы полностью доверяем, и показания второго — собственноручное письмо леди Арабеллы. Так как во многом они не совпадают, то можно с уверенностью сказать, что один из свидетелей лжет.

— Совершено очевидно, сэр.

— И что лжет именно леди Арабелла.

— Именно. Я сказал правду.

— В таком случае нам нужно установить причину ее вранья. Ууланги ей уже нечего опасаться, так как он мертв. Поэтому единственной причиной подобного письма является желание обелить себя в чьих-то глазах. И этот «кто-то» отнюдь не ты, поскольку ты-то как раз видел все это собственными глазами. Кроме вас, там никого не было, следовательно, имеется в виду кто-то еще, кто не присутствовал, но может иметь прямое отношение ко всему происходившему.

— Согласен, сэр.

— Но есть только один человек, с мнением которого она считается,— это Эдгар Касуолл. И он единственный, кто при этом пострадал. Она лжет для того, чтобы смерть его слуги выглядела как случайность, причем происшедшая по его собственной вине. Очень сомневаюсь, что этим письмом она хотела в чем-то переубедить тебя, поскольку ты был там и все видел воочию. Но так как она опасается, что эта история рано или поздно всплывет, она стремится заручиться твоей поддержкой.

— Похоже.

— Но есть и другие причины для ее лжи. Например, знаменитое изумрудное колье. Благодаря ему можно объяснить все эти зеленые блики, мерцавшие в комнате и особенно в колодце, в который оно якобы упало. В то время как любой непредубежденный свидетель свяжет зеленое свечение с глазами огромной змеи, живущей в колодце. Но леди Арабелла очень хочет, чтобы ни о каких змеях из «Рощи Дианы» и речи не шло. Нет их там, и все тут. Я убежден, что невозможно солгать лишь наполовину — это сразу обнаружится; высшее искусство лжи состоит в том, чтобы базировать свои выдумки на истинных фактах. Но если ты хоть раз поймал человека на лжи, ты не сможешь доверять больше ни единому его слову. Отсюда следует лишь один вывод: если она так стремится увести нас от вопроса о змее, значит, именно он ее и волнует больше всего. А следовательно, нам стоит поискать эту змею, и, я уверен, найти ее не составит труда. Теперь я позволю себе ненадолго отойти от темы. В течение

многих лет я живу в Дербишире, графстве, прославившемся своими пещерами на всю Англию. Я облазил их все вдоль и поперек и знаком с любым их изгибом и ответвлением. Как, впрочем, и с пещерами в Кентукки, во Франции, в Германии и многих других странах. Повсюду на Земле найдутся эти подземные лабиринты, столь запутанные и местами столь узкие и опасные, что далеко не все смельчаки, решившие их исследовать, возвращаются назад. Так вот, исследуя пещеры Пика, я пришел к выводу, что некоторые из его тупичков и каверн в древности использовались гигантскими змеями как норы. Теми самыми чудищами, о которых потом складывались легенды. Часть этих полостей возникла в результате геологических процессов (особо бурно происходивших в юности Земли), часть была промыта подземными реками, но все они со временем обрели жильцов. Теперь мы перейдем к вопросу более сложному для рассмотрения и понимания, а именно: что послужило причиной того, что некоторые из этих тварей необычайно разрослись по сравнению со своими родичами? Когда-нибудь наука в изучении процессов метаболизма шагнет вперед настолько, что мы сможем изучать его влияние и на интеллект, и на нравственность исследуемого объекта. Пока же мы можем заниматься только физиологической стороной этого явления. Поэтому я предлагаю оттолкнуться от версии, что стимулами различных изменений в организме скорее всего являются огромная физическая сила и мощный иммунитет. Но если так, то именно доисторические монстры, обладавшие чудовищной силой, имели все шансы развить в себе качества, способствующие их выживанию на протяжении сотен, а то и тысяч лет. Работа мозга пока еще не изучена до конца, и поэтому на многие наши вопросы по работе механизмов жизнедеятельности мы ответов просто не имеем. В средние века многие искали мифический философский камень, якобы способный изменять структуру металлов. Для живых организмов метаболизм и является таким чудо-снадобьем, перестраивающим живую плоть. В наш просвещенный век, в век науки, мы убедились, что природа щедра на чудеса, и потому мы не имеем права отвергать ни единого факта, каким бы невероятным он нам ни казался. Представим же себе такое первобытное чудовище, какого-нибудь дикого дракона, прожившего уже с тысячу лет и обладающего достаточно разви-

тым мозгом (не будем сейчас углубляться в то, что могло послужить стимулами его развития) для того, чтобы отдать приказ организму для дальнейшего роста. Представим себе это существо, обладающее поистине гигантскими размерами и невообразимой физической силой. Представим себе, что место его обитания достаточно защищено от внешних влияний. Но тогда мы вполне можем предположить, что в результате всех этих факторов в его мозгу могла зародиться искра интеллекта. И у него были века для его развития. Ничего невозможного в этом нет: естественный процесс эволюции. Вначале его разум направлен на реализацию простейших животных инстинктов: питания, самозащиты и продолжения рода. Но постепенно силы и власть его растут, а удовлетворение инстинктов требует все меньшей затраты усилий. До сих пор считалось, что процессы роста касаются в первую очередь изменения в размерах, но матушка-природа неистощима на выдумки, и для нее нет аксиом и запретов. Рост и развитие могут происходить в различных видах и формах. Однако существует закон сохранения энергии: приобретая какие-то новые качества, ты теряешь кое-что из старых. Так почему же тогда не предположить, что рост интеллекта мог потребовать от существа уменьшения массы? Возьмем, к примеру, уже известных нам лэмбтоновского Червя или Змия из Спайдлестон-Хай. Если подобные твари действительно существовали, то их собственный метаболизм привел к тому, что основная жизненная энергия уходила у них на развитие интеллекта в ущерб росту объемов, и они, по происшествии какого-то времени, как бы «сократились в размерах». И вот перед нами предстает существо совершенно нового вида, пожалуй самое опасное из того, что когда-либо создавала Природа,— дикая сила, вооруженная разумом, но при этом не имеющая ни души, ни нравственности, а следовательно, совершенно лишенная чувства ответственности. И змея — животное с холодной кровью, и потому не имеющее многих ограничений, сдерживающих развитие теплокровных животных,— является идеальным материалом для такой твари. Если допустить что лэмбтоновский Червь получил возможность подобного развития, то тогда его можно считать живым олицетворением зла. Такая тварь с легкостью могла терроризировать целую страну. Однако это все общие рассуждения, а нам с тобой требуются точные

факты. Как ты смотришь на то, чтобы на время прерваться и продолжить наш разговор, скажем, после обеда?

— Целиком согласен с вами, сэр. У меня в голове уже полная каша — это все так ново и необычно. Мне нужно как следует все это переварить и разложить для себя по полочкам.

Хорошенько отдохнув и поразмыслив, оба джентльмена снова встретились в кабинете. Сэр Натаниэль заметил, что Адам, более решительный по натуре, нежели он сам, явно настроен на то, чтобы их беседа имела более конкретный характер, и поэтому без всяких предисловий перешел прямо к делу.

— Итак, Адам, какие же выводы ты сделал из нашего утреннего разговора?

— Я начинаю понимать, с чем мы столкнулись. Но это означает, что наш враг намного опаснее, чем я себе раньше представлял. И я даже не могу себе вообразить насколько.

— Так с чем же мы столкнулись? И что за опасность он представляет? Я спрашиваю тебя для того, чтобы договориться о конкретной терминологии. Иначе мы просто запутаемся.

— Я понял вас так,— начал Адам,— что в доисторические времена существовали чудовища столь огромные и сильные, что были способны жить по нескольку тысяч лет. Некоторые из них даже дотянули до нашей эры. В процессе эволюции они могли обрести разум. И если такое действительно произошло, то они стали самыми опасными тварями на Земле. По легендам одно из таких существ, жившее в Восточной топи, перебралось в рощу Дианы, которую после этого стали называть Логовом Белого Червя. Подобные создания научились произвольно изменять свои размеры и даже, возможно, имитировать человеческие формы. Так что леди Арабелла Марч — в действительности есть змея. Как мы знаем, она совершила уже несколько убийств. Кроме того, от прежнего своего воплощения она сохранила часть огромной физической силы и змеиную способность видеть в темноте. Она легко разделалась с негром и утащила его в свою подземную нору. Она — воплощение зла во плоти и является смертельным врагом всех, кого мы любим. Из этого следуют два вывода...

— Да, и каких же?

— Первый: что Мими Уэтфорд необходимо срочно увезти подальше, и второй...

— Ну?

— Что чудовище необходимо уничтожить.

— Браво! Очень смелое решение. И чего бы нам это ни стоило, мы это сделаем. Так что приступим к подготовке.

— Прямо сейчас?

— Во всяком случае, в самом скором времени. Само существование подобной твари представляет постоянную опасность для всех окружающих.

Лицо сэра Натаниэля приобрело суровое выражение: он полностью разделял решимость Адама и был готов отдать все свои силы борьбе с древним монстром. Однако не стоило забывать, что он все же был пожилым человеком и все его оружие заключалось в огромном жизненном опыте и глубоких познаниях в областях истории, законодательства и дипломатии. Поэтому он считал, что легкомысленно и опасно предпринимать что-либо, прежде чем каждый шаг не будет заранее многократно просчитан и как следует подготовлен. К тому же возникало множество чисто юридических вопросов, которые нужно было как следует обдумать: ведь кем бы ни была леди Арабелла — змеей, женщиной или самим дьяволом во плоти, она являлась землевладелицей и по британским законам имела полное право делать на своих землях все, что ей заблагорассудится. А закон очень строг к тем, кто преступает его, пусть даже и из самых благородных побуждений. Но сэр Натаниэль был уверен, что справится со всеми сложностями ради мистера Сэлтона, ради Адама и, конечно же, ради Мими Уэтфорд.

Решив, что кардинальные меры следует отложить до лучших времен, пока все не будет подготовлено как следует, сэр Натаниэль сказал, что в подобных делах не следует спешить. Но на Адама его слова произвели несколько иной эффект, чем он предполагал. Молодому человеку показалось, что старый историк сомневается в своих силах и не решается принять на себя ответственность. Однако его уважение к сэру Натаниэлю было настолько велико, что он и помыслить не мог принимать какие-либо решения или предпринимать какие-либо действия без его одобрения.

Услышав в холле шаги дяди, Адам быстро прошептал:

— Мы разработаем план по уничтожению этого чудовища, когда полностью разберемся со всеми неясными моментами. Но этим мы займемся вечером — вот-вот может зайти дядя.

Сэр Натаниэль лишь кивнул в ответ.

Глава XXI

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Как только мистер Сэлтон-старший отправился на покой, Адам с сэром Натаниэлем вновь собрались в кабинете. Они были уверены, что им никто не помешает, так как жизнь в Лессер-хилле шла по строгому распорядку.

Сэр Натаниэль прикурил сигару и сказал:

— Надеюсь, Адам, ты не считаешь, что я пошел на попятную. Для меня Рубикон перейден, и я собираюсь идти до самого конца, каким бы он ни оказался. И своей первостепенной задачей я полагаю защиту Мими Уэтфорд. Это мой долг и прямая обязанность. Мы все, кто оказался замешанным в эту историю, подвергаемся опасности в равной мере. Это жуткое создание — получеловек-полумонстр — безгранично ненавидит и жаждет уничтожить нас всех: и тебя, и меня, и, не исключено, твоего дядю. Поэтому я хотел обсудить с тобой сегодня еще и вот что: не пришло ли время посвятить мистера Сэлтона в наши открытия? Одно дело, когда просто уберегаешь человека от дурных новостей, и совсем другое, когда узнаешь, что над ним нависла смертельная угроза. Он имеет полное право знать все.

— Совершенно согласен с вами, сэр. Слишком многое изменилось тех пор, как мы договорились держать все это от него в тайне. Теперь наша чрезмерная забота о его чувствах может стоить ему жизни. Рассказать ему обо всем — наш долг, хоть и нелегко на это будет решиться. У меня нет ни тени сомнения, что он захочет сражаться вместе с нами. Но нельзя забывать, что мы только его гости, а его честь и доброе имя не менее важно сохранить, чем его жизнь.

— Иначе и быть не может, мальчик мой. А теперь обсудим, что мы можем предпринять. Убить собственноручно леди Арабеллу мы не имеем никакого права. Это будет приравнено к уголовному преступлению.

— Да, сэр, положение у нас не из легких. Даже не знаешь, с чего начинать. Я и представить себе не мог, что борьба с этим допотопным чудовищем окажется настолько сложной. Как подступиться к женщине, обладающей хитростью и бессердечием кокотки плюс к тому силой и неуязвимостью диплодока?

И можно с уверенностью сказать, что в предстоящей битве она не будет честным и благородным противником и не побрезгует никакими средствами, лишь бы нас уничтожить. Верна она будет только себе!

— Все так, но, будучи женщиной, она склонна переоценивать свои силы. Знаешь, Адам, мне только что пришла в голову забавная мысль: если мы хотим добиться превосходства в этом сражении, нам нужно действовать против ее женственности своей мужественностью. Советую подумать на эту тему перед сном: этот монстр — творение ночи, и потому ночь может подбросить нам какую-нибудь мысль.

И оба джентльмена разошлись по своим комнатам.

Едва начало светать, Адам уже стучался в дверь сэра Натаниэля. Получив разрешение, он вошел и помахал веером писем. Де Салис сел в постели, всем своим видом давая понять, что уже полностью проснулся и весь — внимание:

— Я слушаю.

— Хочу зачитать вам несколько писем. Я не хотел их отсылать, не посоветовавшись с вами.— Молодой человек смущенно улыбнулся.— Я уже продумал некоторые первые шаги, но без вашего одобрения ничего делать не стану.

— Так рассказывай. Ты же знаешь, я полностью на твоей стороне и всегда готов тебе помочь. Если только это будет в моих силах.

— Как вы помните, я решил, что Мими Уэтфорд необходимо защитить как можно надежнее и затем как можно скорее уничтожить это доисторическое чудище.

— Да, я помню.

— Но на практике я вижу лишь один выход, как выполнить хотя бы первую часть этого плана. У Мими должен быть официальный защитник, признанный всеми. И единственный способ ей такого дать — это выдать ее замуж!

Сэр Натаниэль отечески улыбнулся:

— Выдать замуж — это значит дать ей мужа. А этот муж — конечно же, ты!

— Конечно!

— И ваш брак будет скорее всего тайным. Или, по крайней мере, держаться в секрете от большинства соседей. А юная леди пойдет на это?

— Не знаю, сэр!

— И как же нам быть?

— Я думаю, что нам... Что одному из нас надо спросить ее об этом.

— Ты это только сейчас придумал? Не слишком ли скороспелое решение?

— Решение скороспелое, сэр, но думаю я об этом уже давно. И если она согласится, то наша задача во многом облегчится.

— Но ты хочешь проделать все это в большом секрете?

— Да я с удовольствием обошелся бы без секретов, сэр, но я забочусь о Мими. Будь дело только во мне, я кричал бы о своей любви на весь свет! Но мы должны быть осторожны; если наш враг раньше времени узнает об этом, ни к чему хорошему это не приведет.

— И как же ты собираешься совмещать быстроту действий с секретностью?

Адам густо покраснел и, запинаясь, пробормотал:

— Кто-нибудь должен поговорить с ней. И чем скорее, тем лучше.

— И кто же этот «кто-то»?

— Я надеялся, что вы, сэр, окажете мне такую любезность...

— Боже ты мой! За такое дело я берусь впервые в жизни. Но конечно же, Адам, ты полностью можешь положиться на меня: я сделаю все, что в моих силах.

— Я всецело доверяю вам, сэр. Особенно теперь, когда мне приходится принимать столь серьезное решение. Я только хотел бы просить вас,— добавил он нерешительно,— не отказать мне... то есть нам в любезности воспринять эти тяжкие обязанности как чистосердечную помощь в защиту нашей любви.

— «Тяжкие обязанности»!

— Да,— подтвердил Адам.— Тяжкие для вас. Мне же все это принесет только радость.

— Чем мы с тобой занимаемся с утра пораньше! Но жизнь всегда найдет время дать нам свой урок. Нам остается только учиться. И все же я хотел бы, чтобы ты более конкретно объяснил, чего ты от меня хочешь. И чем раньше, тем лучше. Не забудь, что дело касается нежнейших чувств юной леди и мы должны проявить к ним должное уважение. И мы не должны давить на нее, чтобы заставить ее принять решение под тяжестью необходимости, хотя все наши действия и продиктованы исключительно заботой о ее благополучии.

— Сэр Натаниэль, вы настоящий друг. Мы с Мими будем обязаны вам по гроб жизни.

Затем друзья стали обсуждать официальную сторону дела и пришли к решению, что необходимо будет поставить в известность австралийского посла. После десяти сэр Натаниэль собрался и отправился на ферму «Мерси». Адам, едва сдерживая волнение, остался дожидаться результатов его миссии в Лессерхилле.

Даже когда сэр Натаниэль скрылся из глаз, Адам продолжал мысленно следить за ним, от всего сердца желая ему удачи.

Это утро принесло исполнение самых заветных желаний, но события развивались с такой скоростью, что потом они вспоминались всеми, кого они затронули, словно происшедшими во сне. Сэр Натаниэль с трудом мог бы позже восстановить ряд деталей, хотя основные события достаточно прочно осели в его памяти. Что касается Адама Сэлтона, то он вообще был неспособен привести в порядок хаос кружившихся в голове мыслей, надежд, страхов и проклятий в адрес еле ползущего времени. Мими же не могла думать ни о чем, кроме того, что Адам любит ее и что он хочет спасти ее от угрожающей ей страшной опасности. Когда позже она вспоминала об этом утре, то всегда удивлялась, как она могла все это время не догадываться о том, что Адам ее любит и что она сама давно уже отдала ему свое сердце. Ведь это же было так очевидно: любая мелочь, каждое слово, каждый взгляд — все говорило об этом. И как она могла быть так глуха и слепа к своим чувствам? Она тут же написала ответное письмо, в котором призналась Адаму в полной взаимности, и, вручая его сэру Натаниэлю для передачи, в порыве благодарности, не отдавая себе отчета, расцеловала старика. Оставшись одна, она горевала лишь о том, что пока не может поделиться своей радостью с Лиллой.

Но ведь она дала клятвенное обещание, что сохранит все в секрете, пока Адам сам не разрешит ей рассказать все сестре и деду.

Сэр Натаниэль сделал все возможное для того, чтобы женитьба Адама Сэлтона на Мими была подготовлена в полной тайне. Он даже сопроводил Адама в Лондон, где использовал

все свое влияние и связи, чтобы Сэлтон получил у архиепископа Кентерберийского разрешение на тайный брак. Затем он договорился с Сэлтоном-старшим о том, чтобы тот отпустил Адама на пару недель к нему в гости в «Дум-тауэр». Там и сыграли свадьбу. Но это было лишь первой частью их плана. Для того чтобы действовать дальше с развязанными руками, молодой муж собирался отвезти новобрачную на остров Мэн. Ему было как-то спокойнее, когда он знал, что во время медового месяца их и Белого Червя разделяет море. Сэр Натаниэль встретил молодых и отвез в свое поместье, стараясь не попасться на глаза никому из знакомых.

Он позаботился о том, чтобы все двери и окна в доме были заперты, кроме дверей парадного. Все шторы были спущены, а ставни закрыты. Изнутри на окна повесили дополнительно тяжелые занавеси. Заметив удивленный взгляд Адама, сэр Натаниэль прошептал:

— Подожди, пока мы не останемся наедине; я все тебе объясню. А пока на эту тему ни слова. Все узнаешь, когда мы сможем говорить открыто.

После обеда, на котором все эти странные предосторожности не были упомянуты и словом, сэр Натаниэль с Адамом уединились в кабинете ученого, расположенном на верхнем этаже. «Дум-тауэр» стоял на одной из высочайших скал Пика и был довольно высоким замком. С него открывался широкий круговой обзор на лежавшие вокруг земли древней Мерсии и на обрыв, являющийся одной из ее границ. Башня была построена в норманнский период и была всего на столетие младше «Кастра Регис». Окна в кабинете также были заперты и занавешены плотными шторами, благодаря которым наружу не пробивалось ни единого лучика света.

Сэр Натаниэль сообщил Адаму, что уже посвятил своего старого друга мистера Сэлтона во все происходящее и заручился его полной поддержкой.

— Ты должен быть теперь предельно осторожен. Несмотря на все предосторожности, которыми мы пытались сохранить твой брак в секрете, как и твое временное отсутствие, и то и другое уже известны.

— Как? Кому?

— Как, пока не знаю, но догадываюсь.

— Она уже знает? — воскликнул Адам, осененный страшной догадкой.

— Белый Червь? Да!

Кстати, с этого момента сэр Натаниэль стал называть леди Арабеллу только так, и не иначе.

Старый историк выключил свет, взял Адама за руку и в полной темноте подвел его к креслу, стоявшему у окна, выходившего на юг. Затем он слегка отодвинул край занавеси и подтолкнул Сэлтона поближе к окну, предлагая ему выглянуть наружу.

Адам бросил один-единственный взгляд и тут же в ужасе отпрянул. Но сэр Натаниэль успокоил его:

— Все в порядке. Говорить мы можем. Но только тихо. Здесь мы в безопасности. Пока.

После этих слов молодой человек отважился еще раз посмотреть в окно, стараясь, чтобы его самого было трудно заметить снаружи. То, что он увидел, не привлекло бы внимания никого, кто не был посвящен в страшную тайну этого края. Но Адам, вооруженный своими знаниями, понимал, *что* он видит, хотя ночь была очень темной и разглядеть что-либо было непросто.

К западу от башни находилась небольшая роща, скорее даже маленький лесок. Деревья в нем все были довольно старыми и росли на правильных расстояниях друг от друга, словно некогда были кем-то посажены. Их макушки были слабо освещены трепетавшим зеленоватым сиянием — словно отблеск железнодорожного семафора. Когда глаза Адама уже привыкли к темноте, он заметил, что сияние не стоит на месте, а медленно передвигается. И он тут же вспомнил о светящемся зеленоватом тумане, клубившемся над черной дырой колодца в подвалах «Рощи Дианы». В одно мгновение перед его глазами встало как наяву сереющее от ужаса лицо Ууланги, а в ушах снова зазвучал страшный вопль, с которым негр исчез во мраке жуткой норы Белого Червя. Рука Адама машинально потянулась к револьверу. Он вскочил с кресла, полный решимости прямо в эту минуту встать на защиту своей юной жены. Однако, видя, что ничего не происходит и в окрестностях стоит полная тишина, он осторожно задернул окно.

Сэр Натаниэль включил люстру, и оба вздохнули с облегчением, словно свет разогнал какое-то мрачное наваждение.

Глава XXII

РАЗВЕДКА

— Она дьявольски хитра,— нарушил молчание сэр Натаниэль.— Как только ты уехал, она, заподозрив неладное, стала рыскать по обрыву и в тех местах, где ты бывал наиболее часто. Я так и не сумел установить, когда же ей стало известно о твоих перемещениях, и я понятия не имею о том, как ей удалось за ними проследить. Похоже, ей действительно уже известно и о твоей свадьбе, и о твоем отсутствии. Но я склоняюсь к мысли, что она пока не знает ни о твоем возвращении, ни о том, где Мими. Поэтому, как только опускаются сумерки, она выходит на поиски и бродит до самого рассвета, который загоняет ее в пещеры Пика. Истинный облик Белого Червя идеально приспособлен для подобной охоты. Она может заглядывать в окна, и не только на первых этажах. К счастью, моя башня ей не по зубам. По крайней мере, пока она надеется, что ей удастся все вызнать, не показываясь никому на глаза. Но даже и здесь разумнее зашторивать окна, чтобы она по свету не догадалась, здесь мы или нет.

— А знаете, сэр, недурно было бы взглянуть на нее во всей красе поближе. Я готов рискнуть. То есть я уверен, что смогу свести весь риск к минимуму. Хотя сомневаюсь, что кто-то, кто видел ее в этом обличье вблизи, дожил до того момента, когда мог бы кому-то об этом рассказать.

Сэр Натаниэль всплеснул руками:

— Боже правый! Ты хоть соображаешь, что предлагаешь?! Вспомни о своей молодой жене.

— Именно о Мими я и думаю. И ради нее готов пойти на любой риск.

Хотя свежеиспеченная миссис Сэлтон и гордилась отвагой мужа, но при одной мысли о жутком Белом Черве она смертельно побледнела. Адам тут же поспешил ее успокоить:

— До тех пор, пока ее змеиная светлость не знает, где я, я в полной безопасности. Дорогая моя, к сожалению, мы не можем себе позволить прятаться от нее всю жизнь. Пора переходить в наступление.

Сэр Натаниэль согласился с Адамом. При всех своих огромных возможностях Белый Червь все же не обладал даром предвидения, так что, пока он не открыл их убежища, все трое находились в относительной безопасности. После долгих споров было решено, что мужчины пойдут вдвоем.

Быстро собравшись, они осторожно выскользнули за дверь и, крадучись, направились по аллее, ведущей к роще. Ночь была настолько темной, что идти приходилось почти на ощупь, и по пути они то и дело натыкались то на стволы деревьев, то на изгороди. Единственным ориентиром служил мерцающий вдалеке на кронах деревьев слабый зеленый отсвет. Теперь, когда они шли по земле, а не смотрели на рощу из башни, этот свет казался им неизмеримо выше. Когда до Адама наконец дошло, каким опасным и безрассудным было его решение посмотреть на монстра вблизи, сердце его на секунду замерло, но затем вновь забилось с удвоенной силой, воодушевленное охватившим его гневом и таким страстным желанием разделаться с этой тварью, какого он еще не испытывал в своей жизни.

Сэр Натаниэль внезапно остановился и прошептал Адаму на ухо:

— Мы не знаем, насколько хорошо это существо слышит и насколько у него развито обоняние. Хотя я полагаю, что эти способности у него, скорее всего, не гипертрофировались. Чего не скажешь о зрении. Но в любом случае нам лучше держаться в тени деревьев. Малейшая ошибка может стоить нам обоим жизни.

Молодой человек только кивнул в ответ.

Позже Адам так и не сумел сказать, сколько времени заняла эта ночная прогулка, но в конце концов они все же добрались до леска, освещенного вышедшей из-за туч луной. По сравнению с окружавшим их мраком роща казалась залитой дневным светом, достаточным, чтобы видеть все происходящее в ней. Адам взглянул на макушки деревьев и убедился, что световое пятно находится все еще на прежнем месте, но теперь при его свете он разглядел в бинокль и его источник: толстенное белое бревно, на одном из концов которого торчали два отростка, похожие не то на рудиментарные руки, не то на ласты. Исходящее от него свечение не только не меркло в свете звезд, а, наоборот, казалось даже более ярким и приобрело глубокий изумрудный оттенок. Сделав еще несколько осторожных шагов вперед, они ощутили мерзкое зловоние, очень похожее на то, что струилось из колодца в «Роще Дианы».

Один конец этого гигантского тела, снежно-белого оттенка, прятался в листве, но зато второй, увенчанный двумя ярко-зелеными огнями, был виден очень хорошо. И вдруг эта громада шевельнулась и поползла: ее путь отмечался зеленым мерцанием, пробивавшимся сквозь заслонявшие тело ветви.

Не спуская глаз с развернутой к ним в профиль головы, мужчины отважились продвинуться еще на несколько шагов вперед, и теперь им открылась и нижняя часть огромной змеи, свернутая кольцами. И тут тварь повернула голову, мгновенно соскользнула на землю и с необычайной быстротой поползла в их сторону. Мужчины бросились наутек, стараясь, однако, производить как можно меньше шума, и бежали без остановки до самого «Дум-тауэра».

Глава XXIII

В ГОСТЯХ У ВРАГА

На следующее утро после завтрака Адам поднялся в кабинет сэра Натаниэля. В руке он держал только что пришедшее письмо.

— Ее светлость времени не теряет. Она перешла к действиям!

Сэр Натаниэль, сидевший за столом у окна, оторвался от своих записей:

— Что такое?

Вместо ответа Адам протянул ему конверт с гербовой печатью.

— Ха! Привет от Белого Червя! — хмыкнул ученый.— Я ожидал чего-нибудь в этом роде.

— Но как она могла узнать, что мы здесь? Ведь еще вчера ночью она этого не знала!

— Не думаю, что нам стоит ломать голову еще и над этим, мальчик мой. Мы и так слишком многого не понимаем. Одной загадкой больше, одной меньше — какая разница? Прими как данность, что она это узнала. Нам же лучше.

— Как это? — удивился Адам.

— Доверься чистой логике, мальчик мой, и моему громадному опыту в дипломатии. Да, эта тварь безжалостна и жестока, но она и вполовину не так опасна на открытом месте, как под сенью защищающей ее темноты. Кроме того, мы уже знаем, что она по некоторым причинам избегает появляться открыто. Несмотря на огромные размеры и чудовищную силу, она предпочитает нападать исподтишка. И в конце концов, она обыкновенная змея, и мозги у нее змеиные, так что, несмотря на всю свою хитрость, соображает она довольно туго. И не забудь, что она не избавлена от своих природных инстинктов. Поэтому, если у нее есть возможность убежать, она предпочитает ею воспользоваться и бросается в атаку лишь тогда, когда бегство для нее опаснее битвы. Ну, и что она нам пишет?

Сэр Натаниэль был абсолютно спокоен: теперь, когда игра пошла всерьез, к нему вернулось его профессиональное самообладание.

— Она приглашает сегодня нас с Мими в «Рощу Дианы» на чашку чая. И выражает надежду, что вы тоже почтите ее дом своим присутствием.

Сэр Натаниэль улыбнулся:

— Попроси миссис Сэлтон поблагодарить за приглашение и отписать, что мы будем. Все втроем.

— Она затевает какой-то новый подлый трюк. По-моему, мудрее было бы отказаться.

— Адам, это старый трюк. Любой начинающий дипломат это знает: лучше, когда ты сам выбираешь, на чьей земле пойдет сражение. Она хочет навязать нам свое поле боя, не думая о том, что, как только мы примем предложение, оно станет и нашим. К тому же она не в состоянии понять истинных причин нашего согласия, и в таком случае ее нечистая совесть (если она у нее вообще есть), все ее страхи и сомнения сыграют нам только на руку. Так что, мальчик мой, нам ни в коем случае не стоит отказываться.

Вместо ответа Адам протянул старому дипломату руку, который ее с чувством пожал. Все было решено.

Когда подошло время собираться в гости, Мими спросила сэра Натаниэля, как они поедут.

— По-моему, мы должны привлечь к себе как можно больше внимания. Чтобы все знали, куда мы идем.

Глаза Мими выразили вопрос.

— Дорогая ты моя, в данных обстоятельствах это необходимо для нашей безопасности. Так что не очень удивляйся, если

тебя или, возможно, всех нас кто-нибудь начнет разыскивать в «Роще Дианы» как раз в то время, когда мы будем пить там чай.

— Поняла! Вы не хотите оставить ей ни малейшего шанса.

— Ни единого, детка. В течение ближайших нескольких часов все, чему я научился в своих зарубежных поездках да в посольствах различных цивилизованных — и не очень — стран, весьма мне пригодится.

Несмотря на то что сэр Натаниэль улыбался, голос его был предельно серьезен, и Мими поняла, что предстоящее им чаепитие будет необычайно трудным. Усевшись в экипаж, запряженный парой резвых лошадей, они и не заметили, как одним махом проехали несколько миль, разделявших оба поместья. Но прежде чем подойти к воротам, сэр Натаниэль счел нужным предупредить Мими:

— Мы с Адамом разработали систему сигналов на случай чего-нибудь непредвиденного. Тебе в этом участвовать ни к чему, но крепко запомни: если я попрошу тебя или Адама о чем-то, вы должны будете это сделать, ни секунды не тратя на размышление. И при этом вы должны вести себя совершенно естественно, ни жестом, ни словом не давая повода для малейших сомнений. Хотя, скорее всего, я думаю, ничего серьезного сегодня не случится и нам не придется прибегать к неким военным хитростям. Белый Червь не пойдет на открытое применение силы. Если она и попытается нам сегодня навредить, то сделает это каким-то тайным образом. Потом когда-нибудь она, возможно, и применит свою чудовищную силу, но, насколько я могу судить, это произойдет не сегодня. Да и те, кто будет нас там сегодня искать, станут нашими невольными свидетелями и гарантами нашей безопасности.— Сэр Натаниэль замолчал, но, заметив в глазах Мими немой вопрос, продолжил объяснение: — Какого рода опасность уготована нам сегодня, я не знаю. Я даже представить себе этого не могу. Поживем — увидим. Но не так страшен черт, как его малюют. Вот и ворота. Теперь будь предельно собранна и взвешивай каждый поступок. И если не потеряешь самообладания, считай, что половина битвы выиграна.

В холле их встречали несколько ливрейных лакеев. Двери гостиной тут же распахнулись, и в их проеме появилась леди Арабелла. Она сердечно приветствовала гостей и пригласила их в комнату, где был накрыт стол.

Под маской светской учтивости Адам скрывал настороженность и бдительность; он старался не упустить ни малейшей детали происходящего, чтобы не пропустить тайного подвоха. Едва войдя в гостиную, он тут же заметил в дальней стене комнаты железную дверцу точно таких размеров и рисунка, как и та, что вела в ужасную комнату с колодцем, на дне которого нашел свою смерть несчастный негр. Ощутив укол тревоги, он как бы невзначай прошел к самой двери и остановился рядом. Глаза его встретились с глазами сэра Натаниэля, и, как ему показалось, тот понял, что Адам имел в виду. Когда все уселись за стол, Сэлтон выбрал себе место опять-таки поближе к зловещей дверце. Леди Арабелла, обмахиваясь веером, пожаловалась на жару и приказала одному из слуг открыть настежь все двери.

Чаепитие шло своим чередом, завязалась легкая светская беседа, как вдруг Мими с испуганным вскриком вскочила на ноги, и почти сразу же мужчины заметили, что комната начинает быстро заполняться густым удушливым дымом. Лакеи в панике бросились к выходу. Мими, вокруг которой порыв сквозняка на секунду разогнал клубы дыма, побежала туда, где дым казался ей менее густым: к одной из дверей, ведущих во внутренние покои, косяк которой украшало изысканное шелковое драпри. Очередной порыв ветра всколыхнул легкий шелк и бросил его в лицо молодой женщине. Запутавшись в занавеске и потеряв голову от страха, она слепо бросилась вперед. Но в эту минуту Адам, возникший рядом с ней из клубов дыма, крепко схватил ее за руку. Он успел вовремя, так как всего в нескольких шагах от Мими чернела разверстая пасть дьявольского колодца и в своем отчаянном порыве к спасению она бежала прямо к нему. Сделав по инерции еще шаг, молодая женщина вдруг почувствовала, что теряет равновесие: ее туфля поскользнулась на какой-то маслянистой слизи, которой был залит почти весь пол вокруг колодца, а в следующую секунду, не сумев удержаться на ногах, она полетела в зловонную черную дыру.

Адам успел заметить место, где на полу не было проклятой слизи, и, одним рывком вытащив жену из колодца, перебросил ее в безопасное место. И сам, не удержавшись на ногах, упал рядом с ней. Вскочив на ноги, он помог ей подняться, и оба

устремились к двери наружу, навстречу солнечному свету. За ними тут же выскочил и сэр Натаниэль. Лица молодых людей покрывала смертельная бледность, в то время как старый дипломат был абсолютно спокоен. Для Адама и его жены это стало хорошим уроком самообладания. Они тут же постарались взять себя в руки, и это удалось им настолько хорошо, что лакеи буквально остолбенели, увидев возвращающуюся в дом троицу,— все они, несмотря на то что чудом избежали ужасной опасности, смеялись и шутили, словно все происшедшее было не более как милой шуткой хозяйки.

А сама хозяйка ждала их за столом с таким видом, как будто и в самом деле ничего серьезного не произошло. Но побелевшее от ярости лицо все же выдавало ее тайные чувства. Стоявшая рядом полоскательница была почти доверху полна обгоревшими комьями мятой коричневой бумаги, намокшими от заварки, которой был залит этот импровизированный костер.

Сэр Натаниэль, не спускавший глаз с леди Арабеллы, улучил момент, когда она давала какое-то указание слуге, и быстро зашептал Адаму на ухо:

— Вот теперь она готовится к настоящей атаке: заметил, как она сразу присмирела? Как только я подам руку твоей жене и поведу ее к выходу, сразу, не мешкая, иди за нами. Помни: что бы она ни говорила, как бы ни старалась тебя удержать — уходи немедля. А теперь — тсс!

Они вновь заняли свои места вокруг стола, где по приказанию леди Арабеллы был уже наведен полный порядок и разлит свежий чай.

С этого момента Адам, нервы которого были напряжены уже до предела, воспринимал все происходящее как кошмарный сон, в котором невозможно проснуться. Что же касается Мими, то она, наоборот, измученная страхом и все еще не пришедшая в себя после чудесного спасения от страшной гибели, впала в какое-то странное оцепенение. Однако она была уверена: что бы ни ждало их в дальнейшем во время этого милого чаепития, у нее достанет сил это выдержать. Зато сэр Натаниэль находился в отличной форме: все его чувства обострились, он молниеносно замечал мельчайшие изменения в ситуации и реагировал на них мгновенно.

Адам первый заметил, что его жене дурно. Казалось, она с трудом удерживается от обморока: глаза ее затуманились, ее бросало то в жар, то в холод, руки слегка дрожали, а дыхание то учащалось, то на несколько секунд вовсе замирало. Леди Арабелла также заметила это и удвоила свое обаяние и любезность. Со стороны все это выглядело как обычный светский раут, на котором очаровательная хозяйка принимает у себя своих старых друзей, взирая на них с искренней симпатией и уважением.

Когда чай был выпит и слуги начали убирать со стола, леди Арабелла, приобняв Мими за талию, увлекла ее в соседнюю комнату, обещая показать ей свой фотоальбом. Дамы уселись рядышком на диван и стали разглядывать фотографии. Тем временем слуги вновь закрыли все двери, включая и ту, что вела из комнаты с колодцем на улицу. Внезапно, без всякой видимой причины, свет в комнате начал меркнуть. Сэр Натаниэль, сидевший рядом с Мими, схватил ее за руку и с криком: «Быстрей!» — побежал к выходу. Адам подхватил ее под вторую руку, и они буквально вытащили еле державшуюся на ногах молодую женщину на улицу, распихав лакеев, собиравшихся прямо у них перед носом закрыть и входную дверь. Уже наступили сумерки, и темнело буквально на глазах. Адам пронзительно свистнул, и экипаж, дожидавшийся их перед въездом в поместье, устремился на его призыв. Не прошло и нескольких секунд, как все трое уже сидели в коляске. Кучер яростно хлестнул лошадей, они рванули и на огромной скорости пронеслись сквозь ворота «Рощи Дианы». В оставшемся позади доме царил страшный переполох: слуги метались, раздавались какие-то крики, хлопанье дверей, а откуда-то из глубины подвала доносился странный, все усиливающийся гул. Лошади неслись очертя голову, чем-то безумно перепуганные, коляску швыряло из стороны в сторону на ухабах, и мужчины делали все, что могли, чтобы защитить Мими от ушибов. Внезапно на их пути земля стала как-то странно вспучиваться, но ошалевшие лошади, словно не замечая этого, бешеной рысью летели вперед, и странный холмик за секунду до того, как они на него вступили, опал, а дорога вновь стала ровной.

Что и говорить, по возвращении в «Дум-тауэр» наши молодожены с трудом пришли в себя после всех пережитых волнений. Особенно досталось бедняжке Мими, чьи нервы были

много слабее нервов ее мужа. Однако она старалась держать себя в руках, тем более что Адам и сэр Натаниэль окружили ее вниманием и заботой. Оказавшись в кабинете на самом верху башни, она сразу успокоилась, словно все страхи и опасности остались далеко внизу. Правда, к окну она подходить все же не решалась.

Адам выглянул наружу, но не увидел ничего, что могло бы его насторожить. Окрестности были залиты ярким лунным светом, но нигде не было видно ничего похожего на зловещее зеленое свечение.

Это мирное зрелище произвело на молодых людей самый благотворный эффект; казалось, что все опасности уже позади. Даже как-то трудно верилось в то, что все это произошло на самом деле. Утром Адам отправился прогуляться на обрыв и заодно понаблюдать за тем, что происходит в «Кастра Регис». Но по дороге домой, к своему изумлению, он встретил как ни в чем не бывало прогуливающуюся леди Арабеллу, по обыкновению затянутую в белый шелк. Однако на шее у нее уже не было любимого изумрудного колье, его заменял тугой воротничок из меха горностая. Она явно направлялась в замок. Адам задался вопросом, что это означает, но, поскольку ответить на него так и не смог, он лишь решил, что во всяком случае от этого визита ничего хорошего ждать не приходится.

Завтрак начался в полном молчании. Пережитое вчера было еще настолько свежо в памяти, что ни у кого не было ни малейшей охоты это обсуждать. К тому же и сама тема отнюдь не годилась для беседы за столом. Чтобы хоть как-то разрядить напряжение, Адам рассказал о том, как только что видел леди Арабеллу, направлявшуюся в «Кастра Регис». Ее планы в отношении Эдгара Касуолла ни для кого не были секретом. Мими давно уже не могла говорить спокойно об «этой женщине», которой она никогда не сможет простить того, как она обошлась с бедной Лиллой. «Эта женщина» не погнушалась объединиться в борьбе против сестер даже с подлым негром. А ее поведение в замке во время праздника в честь приезда хозяина Мими откровенно шокировало: «Да она ему просто бесстыже вешалась на шею!» Известие о том, что огромный змей по-прежнему парит над «Кастра Регис», заинтересовало ее. Однако на сей раз юная миссис Сэлтон не стала особенно распространяться на

подобные темы. Она лишь заметила, что ее светлость ухитряется творить все свои пакости «на голубом глазу» и почему-то уверена, что все остальные абсолютно слепы и глухи к ее фокусам.

Глава XXIV

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Чем дольше Мими думала о происшедших событиях, тем больше она запутывалась: она не могла понять, что все это значит, что это все может означать и какое это имеет значение вообще. Но ей все же казалось, что в их рассуждениях кроется какая-то ошибка. А вдруг кто-то из них, если не все они вместе, что-то не так понял? А вдруг вообще нет никакого Белого Червя? Но как же нет, если его видели? Неверие в то, что кажется очевидным, способно расшатать основы любой веры во что-либо. Да, в доисторические времена на Земле жили гигантские чудовища. Да, есть люди, которые клянутся, что были свидетелями странных мистических перевоплощений человека в нечто иное. Но все это чересчур уж странно, чересчур необыкновенно. Интересно, а вот как бы отреагировал любой нормальный человек (а особенно какой-нибудь доктор), если бы она ему рассказала, что пила чай с допотопным чудовищем, а вокруг суетились вполне современные лакеи?

Адам, напротив, во время утренней прогулки сумел многое обдумать и привести свои мысли в порядок. Как и его жене, поначалу ему было очень трудно смириться с реальностью всего происходящего. Он также сомневался и не хотел принять очевидного. Но здравый смысл взял верх. Да и забота о юной жене вынуждала его не по-страусиному прятать голову в песок, а открыто взглянуть опасности в лицо и составить о ней полное объективное мнение. Посидев немного с Мими и поболтав о том о сем, чтобы отвлечь ее от горестных мыслей, он затем отправился к сэру Натаниэлю, зная, что у этого умудренного годами пожилого человека он всегда найдет поддержку и разумный совет.

Сэр Натаниэль, обдумав события последних суток, пришел к выводу, что по необъяснимым пока причинам леди Арабелла

сменила гнев на милость и на какое-то время собирается воздерживаться от военных действий. И скорее всего, изменение ее планов связано с ее всевозрастающим влиянием на Эдгара Касуолла, которого она хочет окончательно подчинить себе, обзаведясь таким образом мощным соратником.

Она и на самом деле в то утро встретилась с Касуоллом для того, чтобы предложить ему создать временный союз. И разговор их продолжался довольно долго. Эдгар, выслушавший ее соображения без всякого энтузиазма, однако пошел ей навстречу и вел себя предельно вежливо и учтиво. Короче, леди Арабелла была полностью удовлетворена результатами своего визита и, возвращаясь домой, поздравила себя с новой победой. Затем ее осенила новая идея, и она тут же написала письмо Адаму Сэлтону, наказав слуге передать его немедленно и лично в руки. Вот что она писала:

«Уважаемый мистер Сэлтон,

очень прошу Вас не отказать мне в любезности и помочь слабой женщине в решении одного делового вопроса. С самой смерти моего мужа я собираюсь продать "Рощу Дианы", но все как-то, знаете, откладывала и откладывала это. Но теперь я решилась. Поместье является моей собственностью, и потому я могу распоряжаться им, как хочу. Оно было когда-то куплено моим покойным супругом, капитаном Адольфусом Рэйнджером Марчем, у которого помимо этого была еще одна усадьба в Эпплби. Он откупил эти земли с правом использовать их полностью по своему усмотрению, а также проводить различные геологические разработки. После его смерти все его имущество по завещанию перешло ко мне. Но в этом доме слишком многое рождает для меня тягостные воспоминания, настолько мрачные и даже жуткие, что на фоне их меркнет память о более ранних, счастливых днях, проведенных под его крышей, когда я сразу после свадьбы переехала туда и жизнь моя, согретая любовью мужа, казалась мне бесконечным светлым праздником. Я хотела бы продать поместье как можно скорее и согласна на любую разумную цену, особенно если покупателем будет человек мне симпатичный и которому я полностью доверяю. Простите мне мою смелость, но лучшей кандидатуры, чем Вы, мне не подобрать. Конечно же я не смею и надеяться на подоб-

ную удачу, но вот что я подумала: возможно, кто-то из Ваших австралийских друзей заинтересуется моим предложением и захочет приобрести недвижимость в Старом Свете, да еще в одном из древнейших исторических регионов Англии. Поместье хоть и невелико, но оно в превосходном состоянии и имеет неограниченные возможности для развития. Кроме того, в нем до сих пор соблюдаются некоторые неустановленные законы и обычаи, дошедшие до нас со времен римлян или, точнее, кельтов, которые и пришли на эту землю первыми. В то же время усадьба оборудована всем необходимым по последнему слову техники. Бумаги все в полном порядке, и поэтому продажу можно будет оформить в кратчайшие сроки. Мои адвокаты готовы обсудить с Вами или с тем, кого Вы соблаговолите мне порекомендовать в качестве покупателя, все достоинства этого поместья, его практическую стоимость и историческую ценность. От Вас я жду только принятия решения. Одно лишь слово: "Да" или "Нет". Все остальное мы предоставим нашим поверенным. Простите меня за то, что докучаю вам своими заботами. С нетерпением жду ответа.

Искренне ваша

Арабелла Марч».

Адам прочел это письмо несколько раз подряд, а затем зашел к Мими и спросил, нет ли у нее возражений. Она пришла в некоторое замешательство, но, помедлив, ответила, что в этом, как и в любом другом вопросе она полностью согласна с его мнением.

— Дорогой мой, я уверена, что ты лучше меня знаешь, как поступить. Лишь следуй своим убеждениям и интуиции, а Господь вездесущий всегда поддержит нас и охранит.

Из комнаты своей жены Адам отправился прямиком в кабинет сэра Натаниэля, который обычно проводил там послеобеденные часы. Старый джентльмен был один и на вежливый стук Сэлтона мгновенно отозвался:

— Входи!

Адам прикрыл за собою дверь и сел в кресло.

— Сэр, как вы думаете, стоит ли мне покупать «Рощу Дианы»?

— Боже сохрани! — всплеснул руками старый историк.— С чего это ты вдруг надумал?

— Я дал клятву уничтожить Белого Червя. А если его «Логово» перейдет в мою полную собственность, сделать это будет намного проще.

Сэр Натаниэль помедлил с ответом. После некоторого раздумья он заговорил:

— Да, Адам, пожалуй, ты прав. Это разумно. Хотя ты и перепугал меня своим неожиданным вопросом. Думаю, в любом случае тебе нужно осесть здесь, в Англии, и обзавестись недвижимостью. Да, и, если тебе вдруг понадобится больше денег, чем ты располагаешь на данный момент, не долго думая обращайся ко мне — я с удовольствием тебе ссужу необходимую сумму.

— Благодарю вас от всего сердца, сэр, но денег у меня более чем достаточно. Главным для меня было узнать ваше мнение.

— Это поместье имеет огромную историческую ценность. И с каждым годом она растет. Кроме того, есть еще кое-что (хотя это только мои предположения, но, если они оправдаются, цена его может подскочить неизмеримо!). Ты никогда не задумывался, откуда это странное название: «Логово Белого Червя»? Ну, с «Червем» мы уже разобрались — это доисторическая тварь, но откуда взялось слово «белый»?

— Не знаю, сэр. Как-то не думал об этом. «Белый» — «белый» и есть. Раз сказано, значит...— Адам запнулся и смущенно пожал плечами.

— Я тоже так раньше думал. И довольно долго. Но потом я таки сообразил, откуда оно взялось.

— И откуда же, сэр?

— Ну, первое, конечно, что приходит на ум, и самое простое объяснение этого то, что тот древний червь или змий действительно был белого окраса. Но неподалеку от нас находится Стаффорд, где издавна развито производство фарфора, поскольку в его окрестностях периодически открывают залежи довольно редкой и ценной в гончарной промышленности глины. Правда, за последнее время все известные нам разработки уже почти истощились, и поэтому в наших местах до сих пор находятся люди, которые ищут новые залежи с неменьшим усердием, чем американцы нефть. Любой, на чьей земле найдут месторождение этой глины, может с полным правом считать себя владельцем золотой жилы.

— А это значит...— Молодой человек не решился докончить фразу.

— Что тот самый первый «червь», в честь которого названо поместье, должен был искать наиболее удобные для себя пути, когда он спускался с гор в болота и поднимался назад. И конечно же, легче всего ему было пробивать дорогу в глине. Проложив однажды подобную нору, он стал пользоваться ею постоянно. Но так как тоннель был довольно узок, то эта тварь вылезала из него вся перемазанная белой глиной. Отсюда и его название, которое теперь, при детальном разборе, теряет всякий мистический смысл. И если мои догадки имеют под собой реальное основание, то там имеются огромные залежи этой драгоценной глины.

— Я печенкой чувствую, сэр,— к радости и смущению ученого воскликнул Адам,— что все именно так, как вы говорите!

— Но когда промышленники узнают о твоем открытии, в твоих же интересах будет обладать всеми возможными правами на эту землю. Да и кто заслуживает этого больше, чем ты!

Молодой человек не стал терять времени понапрасну, и вскоре, при помощи сэра Натаниэля, все формальности по проведению сделки были завершены. Зайдя в гости в Лессер-хилл, чтобы проведать своего дядю, он рассказал ему о своей покупке. Старый мистер Сэлтон очень обрадовался, что его юный родственник приобрел такое прекрасное поместье, да еще дающее ему определенный статус в графстве. Однако потом старик буквально засыпал Адама вопросами о здоровье Мими и о последних происках Белого Червя. Молодой человек, как сумел, успокоил его и отправился домой, оставив дядю в самом превосходном расположении духа.

На следующее утро, встретив Адама в курительной, сэр Натаниэль поинтересовался, как он собирается приводить свою клятву в исполнение.

— Ты задумал очень трудное дело. Его по праву можно поставить в один ряд с подвигами Геракла. И дело не только в огромных размерах и чудовищной силе этой твари и не только в том, что она пользуется неизвестными нам потайными путями. Самое сложное и опасное в том, что у этого дела есть своя мистическая, оккультная сторона. Единственное, чего Червь может бояться,— это огонь, но я пока не вижу способа, как мож-

но это использовать в борьбе с ним: он просто удерет в очередную нору. А для того чтобы его поджарить под землей, нам нужны обширные угольные залежи, которых там нет. Впрочем, ты наверняка что-то уже надумал.

— Да, сэр. Но я не уверен, получится ли это у меня.

— Все равно рассказывай.

— Хорошо, слушайте. Я вот что подумал, сэр: помните чартистские волнения, все эти поджоги? Больше всего финансистов тревожило, что восставшие могут покуситься на Центральный банк. Поэтому дирекция банка срочно стала искать способ защитить его сейфы от огня. Вот тогда-то и было решено (путем опроса различных специалистов), что лучшая защита от огня не вода, а песок. Тогда же по всему зданию, особенно в местах наиболее удобных для поджога, были установлены ящики с тончайшим морским песком, таким, знаете, как насыпают в песочные часы. Как только «Роща Дианы» полностью перейдет в мое владение, я тут же распоряжусь доставить туда столько такого же песка, сколько понадобится, чтобы засыпать этот чертов колодец до краев. Таким образом, леди Арабелла, или Белый Червь, лишится своего убежища. Отверстие там довольно узкое и тянется отвесно вниз на несколько сотен футов. Этот песочный столб сам по себе будет весить немало, а если Червю вздумается все же прорваться сквозь него наверх, то это ему будет нелегко: он в нем просто-напросто увязнет.

— Минутку. Ты же собирался уничтожить эту тварь. Так какое отношение к этому имеет песок?

— Никакого. Во всяком случае, напрямую. Но зато он задержит монстра в норе, чтобы он не удрал от моего сюрприза.

— И какого же?

— Помимо песка я могу бросать в колодец и динамит!

— Понятно. Но как же ты собираешься его взорвать? Ведь каждая шашка или бомба нуждается в отдельном бикфордовом шнуре.

— В наши дни уже нет, сэр,— улыбнулся Адам.— В Нью-Йорке был проведен следующий опыт: для взрывных работ под землей было сгружено в одной-единственной шахте несколько тысяч фунтов динамита в запечатанных ящиках. Затем на верхний из них положили гильзу с порохом, запалили его, а дальше динамит сдетонировал и начал последовательно взрываться. Те,

кто не разбирается в устройстве взрывов, боялись, что в результате подобного эксперимента в Нью-Йорке не останется ни одного целого оконного стекла. А на практике оказалось, что все было рассчитано очень точно и на поверхности взрыв не причинил ни малейшего вреда. Зато в скале образовалась полость в шестнадцать акров площадью, и столько же акров твердейшего гранита превратились в мелкий щебень.

— Ну что ж,— с одобрением кивнул сэр Натаниэль,— звучит все это неплохо. Можно даже сказать — замечательно. Вот только когда это все рванет, это здорово переполошит соседей.

— Зато навсегда избавит их от чудовища! — отпарировал Адам и отправился на поиски своей жены.

Глава XXV
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Леди Арабелла по причинам, известным ей одной, сама торопила своих адвокатов с оформлением продажи «Рощи Дианы», так что поместье в самом скором времени перешло в собственность Адама Сэлтона. Еще раз обсудив свой план уничтожения чудовища с сэром Натаниэлем, молодой человек предпринял первые шаги для его реализации. И вскоре прямо за домом стала расти куча мельчайшего морского песка, привозимого специально с побережья Уэльса. Чтобы избежать различных вопросов, Адам выдумал какую-то новейшую систему улучшения почвы, и ни у кого не возникло ни малейших сомнений, что песок завозится именно с этой целью.

Единственная, кто могла заподозрить неладное,— леди Арабелла — в тот момент была слишком занята охмурением Касуолла и была совершенно не способна думать ни о чем ином. Она еще не выехала из дома, хотя формально уже не имела на него никаких прав.

Между тем Адам, практически у нее на глазах, оборудовал на задворках дома металлический сарай для хранения взрывчатки. Наконец все было готово для того, чтобы привести план в действие в любую минуту. Оставалось только ждать подходящего момента. Чтобы ожидание не казалось таким тяжелым,

Адам решил, чтобы как-то отвлечься, вновь заняться научными изысканиями. И тут ему на глаза попался змей Касуолла, все еще гордо реющий над «Кастра Регис».

Выросшая за «Рощей Дианы» огромная песчаная гора все же вызвала пересуды соседей: о ней говорили все фермеры, жившие в районе обрыва, но никто и не подозревал об ее истинном назначении, в то время как трагическая развязка уже приближалась семимильными шагами. Все это время Адам искал приличного повода посетить смотровую площадку на башне замка, однако так ничего и не смог придумать. Наконец, когда однажды утром он встретил леди Арабеллу, направлявшуюся в «Кастра Регис» с обычным визитом, молодой человек набрался храбрости и попросил разрешения составить ей компанию. Леди с большой радостью согласилась, так как это вполне удовлетворяло ее тайным планам. Когда они вместе вошли в кабинет Касуолла, Эдгар был крайне удивлен приходом Сэлтона, однако постарался не подать виду и встретил его с присущей случаю светской любезностью. Он настолько превосходно справился с ролью радушного хозяина, что даже Адам поверил в его искренность. Касуолл пригласил гостей пройти на смотровую площадку и продемонстрировал им свои механизмы по управлению змеем и придуманные им усовершенствования. Он несколько раз опускал и поднимал змея, чтобы показать, как на его появление и исчезновение реагируют все еще кружившиеся в окрестностях стаи птиц.

По дороге домой леди Арабелла попросила Адама оказать ей небольшую услугу. Речь шла о том, что перед тем, как покинуть «Рощу Дианы», в которой она прожила столько лет, ей хотелось бы узнать полную глубину старинного колодца в подвале. Сэлтон был просто в восторге от ее просьбы, так как сам уже давно искал повода проникнуть в лаз Белого Червя, не возбуждая его подозрений. Он тут же привез из Лондона различную необходимую для исследований аппаратуру. Над краем колодца установили ворот, на котором укрепили огромную бобину с прочной толстой проволокой. Теперь оставалось только ждать, когда же ситуация сложится наиболее удачно для проведения последнего эксперимента.

На ферме «Мерси» после отъезда Мими жизнь очень быстро вернулась в свою колею и потекла обычным ходом. Лилла

немного потосковала по кузине, а затем к ней вернулась ее прежняя жизнерадостность. Однако кое-что все же изменилось: пока в доме все шло своим чередом, Лилла не особенно задумывалась о своем будущем и жила, как живется. Но после свадьбы Мими она словно проснулась и поняла, что ей тоже пришла пора искать жениха. Но на самой ферме выбирать было практически не из кого. Эдгар Касуолл, так странно ухаживавший за ней, ей тоже не нравился — Лилла слишком хорошо помнила, как он напугал их с Мими; но, с другой стороны, он был завидным женихом и о лучшей партии мечтать было невозможно. А для женщины ее класса это было слишком заманчивой приманкой. В конце концов она решила не торопить события: пусть все идет своим чередом, а там уж — как судьбе будет угодно.

Время шло, и Лилла стала приходить к убеждению, что все складывается для нее не так уж удачно. И конечно же, она не могла не замечать участившихся визитов в «Кастра Регис» леди Арабеллы и ее все большего сближения с Эдгаром Касуоллом. Равно как и его эгоизма и высокомерия, столь мало сочетаемых с тем идеальным образом, каковой юные девушки обычно создают в своих мечтах о «прекрасном принце». Она боялась и думать о том, что будет, если она все-таки выйдет замуж за владельца замка, и потому тайно горячо молилась по ночам, чтобы какая-нибудь счастливая случайность нарушила весь ход событий и изменила бы уготованную ей страшную судьбу.

Однажды утром Лилла получила письмо. Она вскрыла его, и сердце ее упало: Эдгар Касуолл просил ее соизволения навестить ее завтра на ферме и составить ей компанию за чашкой чая. Она не могла отказать ему ни в какой форме, так как это было бы воспринято как проявление неучтивости. И нельзя было забывать о том, что ее дед всего лишь скромный арендатор. Как ей не хватало в эту минуту Мими! Она так привыкла делиться с сестрой всеми своими радостями и горестями. Никто, как Мими, не умел ее поддержать и ободрить в трудную минуту. Теперь же Мими уехала, а вместе с ней исчезли тысячи приятных мелочей, так украшавших жизнь Лиллы. Только теперь Лилла поняла, что рана от потери сестры не только не зажила, как она думала, но болит еще сильнее.

Весь оставшийся до страшного визита день, вечер и наступившее затем утро Лилла провела в каком-то горестном оцепе-

нении. Только теперь она по-настоящему оценила, что значила для нее Мими. На что бы ни упал ее взгляд, все, любая вещь рождали тысячи нежнейших воспоминаний. А затем она ощутила, как в ней нарождается и с необычайной быстротой растет чувство панического страха: до сих пор она всегда чувствовала себя защищенной и, что бы ни случалось, это всегда было исправимо, но теперь... Ей стало очень страшно и показалось, что она умирает. Или что очень скоро умрет. Но однако, каковы бы ни были ее чувства, она не смела пренебречь своим долгом. Бедняжке оставалось только одно: постараться сдержать свой страх перед владельцем «Кастра Регис» и исполнить все, что надлежит внучке его бедного арендатора.

Все эти душевные переживания не могли не отразиться на ее внешности: лицо ее побледнело, под глазами залегли темные тени, и она ощущала во всем теле странную слабость. Даже усилием воли ей не удавалось сдержать легкую дрожь, схожую с ознобом, но имеющую совсем иную причину. Но верной наперсницы и подруги, оберегавшей и защищавшей ее от всех напастей, к несчастью, не было рядом! Сама Лилла была абсолютно неспособна найти способ избежать нависшей над ней опасности. Вот будь здесь Мими, уже имевшая опыт сражений с Касуоллом, она бы что-нибудь придумала. И уж никак не допустила бы повторения прежних нападений!

Эдгар появился, когда ему было назначено, минута в минуту. Лилла, увидев через окно, как он поднимается на крыльцо, утратила остатки мужества. Она мысленно твердила себе, что обязана встретить гостя как ни в чем не бывало и вести себя совершенно естественно, как и положено хорошо воспитанной девушке. Больше всего она боялась того, что за хозяином, как всегда, будет следовать черной тенью этот мерзкий дикарь, и, увидев, что его нет, она с облегчением вздохнула. И леди Арабеллы, от которой ей ничего хорошего ждать не приходилось, с ним тоже, по счастью, не было.

Сервировку стола Лилла продумала заранее и чисто по-женски сделала это так, чтобы тонко подчеркнуть социальную разницу между собой и своим гостем. Посуду она выбрала самую обычную: вместо серебряного заварного чайника и тонких чашек из китайского фарфора на столе стояли обычные грубые фаянсовые кружки, из которых они пили чай каждый день. Ни

сахарница, ни сливочник также не были парадными. Хлеб был хорошо пропечен, но самого грубого помола. Масло она сама сбивала и поэтому при всем старании уже не могла сделать его хуже. На простом глиняном блюде были разложены фрукты из их сада, а в небольшом кувшинчике золотился мед с их пасеки. Ее старания не пропали даром: гость окинул стол взглядом, в котором скользила легкая брезгливость. И на душе Лиллы сразу стало светлее. А что ей еще оставалось для того, чтобы хоть чуть-чуть скрасить для себя этот столь неприятный визит!

Выражение лица Касуолла стало еще более надменным. Таким она его еще никогда не видела. Его страшные глаза встретились с ее, и с этой секунды он больше не отводил взгляда. Сердце Лиллы испуганно сжалось в комок — ей было страшно подумать, что будет дальше и чем все это может закончиться. Но все только начиналось. В наивной надежде, что ее могут хоть как-то защитить фотографии Мими, дедушки и Адама Сэлтона, на которого она привыкла смотреть как на брата, она еще до прихода гостя вынула их из альбома и спрятала на груди — у самого сердца. Именно к ним инстинктивно и потянулась ее рука в попытке уцепиться хоть за соломинку, когда она начала падать в головокружительную бездну страха и отчаяния.

Если в начале визита Эдгар Касуолл был учтив и даже любезен, то, как только он заметил, что девушка смеет противостоять его чарам, лоск хороших манер осыпался как шелуха и он предстал перед ней в своем истинном обличье — хладнокровного безжалостного хищника. Но для Лиллы это не было сюрпризом, она уже достаточно успела его изучить за время его прежних визитов; это лишь заставило сработать ее инстинкт самосохранения, и она неведомо как сумела не потерять самообладания. Таким образом, оба противника, несмотря на разыгравшуюся между ними ментальную схватку, пока что сохраняли свои позиции.

Но затем внезапно что-то произошло, что-то изменило характер атаки, и перевес стал склоняться в пользу мужчины — слишком слаба, слишком неопытна была его противница, слишком измучена она была страхами и сомнениями. Единственное, что еще ее поддерживало, это память о двух прежних победах. Зато Касуолл был полон сил, полон решимости одержать верх, и, хотя сегодня он был лишен поддержки Ууланги и

леди Арабеллы, он был полностью уверен в себе. А когда он убедился, что его тяжелый взгляд действует на девушку, он без всяких колебаний усилил давление, чтобы окончательно сломить ее волю.

С каждой секундой решимость Лиллы слабела. Она чувствовала, что силы неравны и, как бы она ни сопротивлялась, ей не выстоять. Тем более что, будучи человеком, совершенно лишенным эгоизма, она была неспособна защитить себя так, как, возможно, смогла бы защитить тех, кого любит. Эдгар заметил, что черты лица девушки начинают расслабляться, сердитые складочки между бровями разглаживаются, а веки тяжелеют, словно ею исподволь овладевает сон. Лилла делала героические попытки удержать ускользающее от нее сознание, но это было уже не в ее силах. И в этот момент пришло спасение, правда весьма своеобразное: через окно Лилла уже как сквозь туман заметила направляющуюся к дому леди Арабеллу. Как всегда, ее стройную фигуру обтягивало белое платье.

Появление второго врага вызвало совершенно неожиданный результат: Лилла внезапно пришла в себя, у нее открылось второе дыхание и она ощутила огромный прилив сил. И как раз вовремя, так как ее светлость, по обыкновению зайдя в комнату без стука, тут же присоединилась к Касуоллу и они, теперь уже вдвоем, возобновили прерванную атаку. Прибывшее подкрепление придало взгляду Эдгара такую силу и мощь, что Лилла уже и не помышляла о спасении. Ее лицо поминутно то бледнело, то заливалось краской, ноги уже начали подкашиваться, страшная слабость разлилась по всему телу, и она начала медленно оседать на пол. И в эту последнюю секунду, когда сознание ее уже угасало, она вдруг увидела влетевшую в комнату запыхавшуюся Мими!

Лилла почти упала в ее объятия. И это словно разбудило дремавшие доселе в ее кузине огромные, небывалые силы. Мими улыбнулась, воздела руку и легким пассом заставила Касуолла пошатнуться и отступить на шаг. И затем все теми же мягкими движениями она стала вытеснять его из комнаты. Он пятился до тех пор, пока не споткнулся о порог распахнутой Мими входной двери и не полетел кувырком на лужайку перед домом.

И тут Лиллу окончательно покинули силы, и она беззвучно осела на пол.

Глава XXVI
ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Увидев, что Лилла лежит без движения, Мими сильно встревожилась. Она опустилась возле сестры на колени и всеми известными ей способами постаралась привести ее в чувство. Но ничто не помогало: сколько Мими ни растирала ей руки, сколько ни похлопывала по щекам, девушка не приходила в себя, а лицо ее по-прежнему заливала смертельная бледность. Более того, ей с каждой минутой становилось хуже: дыхание почти не ощущалось, а лоб приобрел мраморный оттенок.

Видя эти ужасные перемены, Мими окончательно перепугалась и с трудом удержалась от слез.

Касуолл тем временем поднялся на ноги, отряхнулся и, слегка хромая, зашагал в сопровождении леди Арабеллы в сторону «Кастра Регис». Мими осталась наедине с Лиллой. И тут она почувствовала, что ей самой как-то нехорошо. Накатившую внезапно дурноту она объяснила переменой погоды: приближалась гроза.

Она прижала голову сестры к своей груди, но и это не помогло. Вглядевшись в застывшие черты лица Лиллы, она вдруг с ужасом поняла, что душа бедняжки уже оставила этот бренный мир.

Наступили сумерки, в комнату вкрался полумрак, но Мими словно и не замечала этого. Она так и сидела на полу, обнимая тело любимой сестрички и баюкая ее голову на своей груди. За окном становилось все темнее и темнее: подступающая ночь и затянувшие небо грозовые облака словно сговорились обрушить на мир холод и мрак. А она все сидела — одна-одинешенька, не способная плакать, не способная думать о чем-либо. Она не знала, сколько она так просидела. Ей казалось, что прошли века, а на самом деле пролетело не более получаса. Наконец к ней вернулась способность мыслить, и первое, о чем она подумала: куда подевался дедушка? Ведь он давно уже должен был прийти. Она сжала пальцы Лиллы, которую все еще держала за руку, и вздрогнула: они все еще были теплыми. В одно мгновение силы вернулись к ней, она вскочила на ноги, зажгла лампу и осве-

тила лицо сестры. Сомнений не было — Лилла была мертва. Но когда свет блеснул в ее широко раскрытых глазах, Мими показалось, что сестра смотрит на нее, словно хочет ей что-то сказать, о чем-то попросить. И тогда юная миссис Сэлтон поняла, что не узнает покоя, пока не встретится с Эдгаром Касуоллом лицом к лицу и не призовет его к ответу за убийство Лиллы — иными словами назвать содеянное им она не могла. И еще, она сама пока не знала как, но и леди Арабеллу, соучастницу этого мерзкого деяния, она тоже заставит заплатить за все.

Приняв это решение, Мими зажгла все лампы в комнате, принесла воду и чистое полотно и приступила к последнему убранству тела своей любимой сестры. Наконец, когда она сделала все, что было в ее силах, она вновь погасила огни и, надев плащ и шляпку, тихо вышла из дома. Но пошла она не в «Думтауэр», а в «Кастра Регис».

Замок был полностью погружен во мрак, светились лишь два окна на самом верху — окна кабинета Касуолла. Убедившись, что хозяин дома, молодая женщина проскользнула в двери, которые никогда не закрывались на ночь, и в полной темноте стала на ощупь подниматься по лестнице. Дверь в кабинет была слегка приоткрыта, и оттуда лился яркий свет. Сквозь щель она увидела Эдгара, в глубоком раздумье расхаживающего взад-вперед по комнате. Она не стала стучать — просто распахнула дверь и вошла. Касуолл застыл на месте и воззрился на нее с несказанным удивлением. Мими остановилась напротив него и, не говоря ни слова, застыла, с ненавистью глядя ему в глаза.

Эта безмолвная дуэль взглядами продолжалась до тех пор, пока Мими, не выдержав напряжения, не бросила ему в лицо:

— Вы убийца! Лилла умерла!

— Умерла? Боже мой! Когда?

— Сегодня вечером, сразу же после вашего ухода.

— Вы... Вы уверены в этом?

— Да! Как, впрочем, и вы! Еще бы вам этого не знать! Ведь это вы ее убили!

— Я ее убил?! Думайте, что говорите!

— Господь не даст мне солгать: это чистая правда. И вы это знаете. Вы пришли на ферму «Мерси» с единственной целью —

уничтожить ее. И ваша соучастница леди Арабелла Марч заявилась туда для того же.

— Поосторожнее, девочка! — взорвался мистер Касуолл.— Если вы будете говорить о таких персонах в подобном тоне, то как бы вам потом не пришлось об этом очень пожалеть.

— Я уже сожалею и всю жизнь буду сожалеть. Но не о том, что сказала вам правду в лицо, а о том, что вы — две бессердечные мрази — сгубили мою дорогую сестричку своими дьявольскими штучками. Нет, мне ничто не угрожает, а вот вы со своей сообщницей понесете наказание за все.

— Поосторожнее! — зловеще прошипел Касуолл.

— Да не боюсь я ни вас, ни вашей ведьмы! — вспылила Мими.— Я готова подписаться под каждым произнесенным мною словом. А кроме того, я верю и в Божий суд. Господь справедлив, и, хоть «божьи мельницы мелют медленно, но верно», я готова сама, если понадобится, вертеть их жернова, чтоб дело пошло скорее. Но вы, конечно, не верите в Бога истинного. Ваш бог — это ваш дурацкий змей, который распугал всех птиц в округе. Но уж будьте уверены, когда Господь воздевает карающую десницу, она опустится в назначенный срок. И Страшного Суда вам не миновать — вы в любую секунду можете предстать перед ним. Пока не поздно, раскайтесь! Ведь когда вы вступите под чистые своды Царства Небесного, одного-единого слова беспристрастного судии хватит на то, чтобы обречь вас на вечные муки.

Внезапная кончина Лиллы ошеломила всех ее друзей. Адам и сэр Натаниэль, занятые борьбой с Белым Червем, ожидали в первую очередь нападения на себя. Но то, что первой жертвой оказалась голубка Лилла, потрясло всех до глубины души.

Оставив Мими оплакивать Лиллу и утешать дедушку, Адам, терпению которого пришел предел, стал методично засыпать лаз Белого Червя песком, заряжая через равные промежутки динамитные бомбы. Для этой тонкой работы он вызвал бригаду рабочих и теперь жил вместе с сэром Натаниэлем в Лессерхилле.

Его дядя также следил за ходом работ, и от его внимательного взгляда не ускользала ни одна мелочь.

С той самой поры как Мими, выйдя замуж за Адама, поселилась в «Дум-Тауэр», она, трепеща от страха перед чудовищ-

ным монстром из «Рощи Дианы», ни минуты не знала покоя. Но смерть Лиллы изменила все. Мими больше не боялась. И теперь у нее уже не было ни малейших сомнений, что древнее чудовище может принимать человеческий облик и является людям под маской леди Арабеллы. Но она не собиралась ей прощать участия в подлом убийстве своей сестры.

Как-то вечером Мими подошла к окну своей комнаты и внимательно оглядела окрестности. Ее очень обрадовало то, что нигде не видно даже следа Белого Червя в его подлинном обличье. Только тогда она позволила себе усесться в кресло и спокойно насладиться открывающимся перед ней чудесным видом. Этого невинного удовольствия она давно уже была лишена из-за своих страхов. И так как служанка сообщила ей, что мистер Сэлтон еще не вернулся, Мими могла полностью отдаться долгожданному отдыху.

И тут она увидела на одной из аллей тоненькую белую фигурку. Испугавшись, что это леди Арабелла, она отпрянула от окна и спряталась за занавеси. Затем, слегка раздвинув их и убедившись, что леди ее не заметила, Мими стала за ней наблюдать. Вся ее ненависть к этому мерзкому оборотню снова ожила в ней. Леди Арабелла шла довольно быстро, но по ее опасливым взглядам по сторонам миссис Сэлтон поняла, что леди боится, не видит ли ее кто-нибудь. А это могло означать только одно: что эта милая дама опять затевает какую-нибудь каверзу. И Мими решила пойти и тайком проследить за ней.

Накинув темный плащ и шляпку, она бегом спустилась по лестнице и побежала к аллее. За это время леди Арабелла успела уйти достаточно далеко. Она дошла уже до молодых дубков, росших у ворот, но благодаря ее знаменитому платью за ней было легко следить. Прячась в тени деревьев, Мими крадась за ней, стараясь не приближаться слишком близко, чтобы самой не быть замеченной. Вскоре стало ясно, что дама направляется в «Кастра Регис».

Миссис Сэлтон, однако, не оставила преследования и, стараясь не упускать из виду белое платье, тихонько перебегала от дерева к дереву. Но лес начал редеть, дорога расширилась и вышла на опушку. Теперь уже нечего было и думать о том, что можно продолжить слежку, оставаясь незамеченной. Пока Ми-

ми медлила в раздумьях, белое платье скрылось за оградой. Казалось бы, она сделала все, что было в ее силах, и теперь оставалось только вернуться домой. Но Мими не так легко смирялась с поражением. Поэтому она приняла решение осторожно подобраться к замку и там, положившись на волю случая, попытаться разузнать еще что-нибудь. И она вновь двинулась вперед, используя по дороге любое укрытие, которое могло как можно дольше скрыть ее присутствие.

Наконец ей удалось подкрасться почти к самой башне, и, выбрав место, с которого были видны окна кабинета, она стала озираться, не видно ли где леди Арабеллы.

На самом же деле леди Арабелла с самого начала слежки за ней заметила Мими и сознательно повела ее за собой. Из дичи она превратилась в охотника. Вначале, когда Мими то отставала, то пряталась, леди слегка понервничала — не потеряется ли ее преследовательница, но, когда дорога повернула к «Кастра Регис», она успокоилась: теперь ее противница так или иначе придет туда, куда ей, леди Арабелле, нужно.

Теперь уже она наблюдала из укрытия, как Мими осторожно поднимается по ступенькам, ведущим к главному входу замка. И в то время пока миссис Сэлтон поднималась по темной лестнице, уверенная, что идет по следам леди Арабеллы, та тихонько шла вслед за ней. И даже когда они достигли холла перед кабинетом, Мими все еще была уверена, что ее никто не заметил.

Эдгар Касуолл, сгорбившись, сидел в полумраке, лишь изредка удивленно поднимая голову, если на его лицо случайно падал солнечный лучик, пробившийся сквозь затянувшие небо грозовые тучи. Он был в полной прострации. С тех пор как он услышал о смерти Лиллы и осознал полную невозможность покаяния, к которому так призывала его Мими, он только еще больше ожесточился и замкнулся в себе настолько, что ничего не замечал вокруг.

Мими тихонько постучалась в двери. Но стук ее был так робок, что он не достиг слуха Касуолла, и тот не ответил. Тогда, собравшись с духом, она толкнула дверь и вошла. Но, увидев то, что она меньше всего готова была увидеть, она растерялась и застыла на пороге.

Глава XXVII

НА СМОТРОВОЙ ПЛОЩАДКЕ

Надвигающаяся гроза сгустила тучи на небосклоне и погрузила во мрак все окрестности. Она томила сердца и кружила головы. Воздух был насыщен электричеством, готовым вот-вот вспыхнуть мощными разрядами, и это не могло не оказывать действия на растения и различных животных, и в особенности на самый восприимчивый их вид — на царя природы. И потому ни хладнокровие, ни самообладание не могли защитить от этого воздействия даже Эдгара Касуолла. Как не могли защитить и Мими ее самоотверженность и преданность тем, кого она любила. Даже леди Арабелла не могла этому противостоять, несмотря на то что была необычайным созданием, обладавшим инстинктами допотопной змеи и причудами и капризами обычной женщины.

Эдгар мельком взглянул на вошедшую и вновь застыл — глухой и безучастный ко всему. Мими присела на краешек кресла у окна. Перед ней раскинулся чудесный вид на все окрестности, и она машинально следила за тем, как изменяется пейзаж, замерший в преддверии грозы. Впервые за долгое время на душе у нее было легко и свободно. Дверь так и осталась приоткрытой, а за ней, притаившись, замерла леди Арабелла.

Гроза подходила все ближе и ближе, тучи продолжали сгущаться, а издалека доносились глухие раскаты грома. Но она пока не пускала в ход свое главное оружие — молнии, и природа застыла в тоскливом ожидании; наступило затишье перед боем. Касуолл чувствовал, как в воздухе накапливается электричество, и им постепенно стало овладевать странное возбуждение, подобное которому он испытывал лишь несколько раз в жизни, когда находился в эпицентре тропических штормов. Он наконец пришел в себя, медленно поднял голову и встретил открытый взгляд Мими. Возбуждение его росло, эмоции вырвались из-под контроля, и его искореженная душа возжелала выплеснуть бурлившую в ней энергию в каком-то диком, невероятном деянии. А перед ним сидела Мими, та самая Мими, что посмела опозорить его — и не один раз! Та, что взяла на себя смелость упрекать его! Ну что ж, теперь она попляшет под

его дудку! Ярость, овладевшая им, заставила его позабыть обо всем на свете, кроме бушевавшей в нем ненависти к этой женщине, которая посягнула на его дар, которая унизила и оскорбила его и которая теперь должна была испытать на себе, как жестоко умеет мстить Эдгар Касуолл! О леди Арабелле он в эту минуту и думать забыл. И уж никак не мог предположить, что она находится где-то рядом.

О нет, Касуолл не сошел с ума! Но был уже очень к этому близок. Мономания* — первая ступень на пути к сумасшествию. Разница лишь в степени погруженности в нее. Даже когда она уже полностью овладела человеком, чаще всего поначалу она выражается почти незаметно для стороннего наблюдателя и выглядит безобидной причудой или чудачеством. Но чем дальше человек погружается в иллюзию величия собственного «я», тем дальше он уходит от реальности. «Я» растет, заслоняя собой все остальное, вытесняя из сознания прежнюю самокритичность и объективность; если булавочную головку поднести к самому зрачку, она закроет для вас весь мир! И чаще всего мономания начинается именно так, как у Эдгара Касуолла: с завышенной самооценки. Психиатры, изучающие это заболевание, знают гораздо больше о человеческом тщеславии, чем обычные люди. Но то, что происходило с Касуоллом, не так уж трудно было бы определить. В любом доме скорби полным-полно подобных больных, чей эгоизм довел их до того, что они искренне полагают: что бы в мире ни происходило, это делается ради них, для них или же против них. И чем глубже заходит заболевание, тем больше больной находит в себе причин для самовозвышения. Чем больше в человеке гордыни, эгоизма и тщеславия, тем быстрее проходит процесс и тем больше он поражает сознание несчастного. В конце концов доходит до того, что они провозглашают себя пророками Всемогущего или даже дерзают обожествить самих себя.

Как только Эдгар заговорил, у Мими сразу же родилось ужасное подозрение, что он не в себе. Это подтверждали и пылающее лицо, и бешеные, налившиеся кровью глаза, и быстрая, запинающаяся речь, более присущая сумасшедшему, чем нормальному человеку. Ее напугали даже не столько его мысли,

* Сильное пристрастие, влечение к чему-либо.

сколько нарастающее возбуждение, с которым он извергал из себя бессвязные обрывки фраз.

Затем он шагнул к дверям, ведущим к лестнице на смотровую площадку, и не терпящим возражений тоном, от которого у нее мороз пробежал по коже, приказал:

— Идем! Ты мне нужна!

Мими инстинктивно отпрянула: она не привыкла, чтобы с ней говорили в подобном тоне.

— Зачем я должна туда идти? С какой стати? — возмутилась она.

Он даже не удостоил ее ответом — еще один показатель его сверхэгоизма. Она повторила вопросы, и на сей раз он ответил. Ответил скорее себе, чем ей, ибо он высказал все то, что созрело в его больном мозгу:

— Ты мне нужна. Будь умницей, пойдем со мной на крышу. Я задумал новый эксперимент со змеем. Не знаю, доставит ли тебе это удовольствие, но новые ощущения ты точно испытаешь. Я покажу тебе такое, чего ты никогда не увидишь без моей помощи.

— Ладно,— согласилась Мими.

Эдгар стал подниматься по лестнице, и она последовала за ним. Она просто боялась оставаться одна в этой ужасной башне, в полной темноте, да еще когда вот-вот должна была разразиться гроза. Его самого она не боялась: после двух побед, которые она с легкостью над ним одержала, она была уверена, что он не посмеет даже пытаться причинить ей вред. Тем более что его последние слова звучали почти разумно, а значит, приступ прошел. Он и внешне казался теперь гораздо спокойнее. Все ее сомнения растаяли, и, поэтому, когда он протянул ей руку, чтобы помочь подняться по узкой темной лесенке, она без колебаний приняла ее.

Леди Арабелла все это время стояла за дверью и слышала каждое слово, произнесенное в комнате. И из всего этого она сделала вывод, что прежние враги заключили между собой перемирие. Этого она уже вынести не могла. Как смеет эта Мими путаться у нее под ногами и вставлять ей палки в колеса! Она считала, что уже полностью завладела Касуоллом, и потому не могла стерпеть ни малейшего посягательства на него. Поэтому, когда он пригласил Мими на крышу и она согласилась, ярость

леди Арабеллы перешла все границы. Все разумные доводы о том, что ей не следовало бы показываться в подобном месте в подобное время, в мгновение ока были вытеснены безумным желанием подкараулить эту парочку. Она бесшумно проскользнула вверх по винтовой лесенке и осторожно ступила на плиты смотровой площадки. Ей в лицо ударил ледяной ветер, завывавший в бойницах стен и яростно трясущий флагшток. Туго натянутая проволочка, управляющая змеем, звенела струной, флаг хлопал, и мачта его трещала. Сплетаясь, все эти звуки казались жуткой, мистической увертюрой какой-то неотвратимой трагедии.

Сердце Мими тревожно билось в груди. В тот момент, когда она шагнула на лесенку, свет из комнаты упал на лицо Эдгара, и она заметила на нем знакомое выражение: он готовился к очередному гипнотическому сеансу. Это напугало и встревожило ее настолько, что она не смогла прийти в себя. Теперь его лицо белело прямо перед ней, и из-под сошедшихся в одну черную линию бровей мрачно сверкали его пронизывающие глаза. Мими поняла, в какой страшной опасности она находится, и попыталась вызвать в себе к жизни те силы, что дважды уже помогли ей одержать победу. Однако она боялась, что и место и обстоятельства против нее, поэтому она приложила все усилия, чтобы подготовиться к атаке, которая могла начаться в любую секунду.

На крыше слегка посветлело как от мерцавших вдали зарниц, так и от насыщавшей тучи мощной энергии, еще не выплеснувшейся в молниях. И это обоих подтолкнуло к действиям. Эдгаром вновь овладело возбуждение, разум пришел в смятение, и мозгом овладела одна-единственная мысль. Последняя граница, отделявшая его от сумасшествия, рухнула.

Мими, старясь держаться от него как можно дальше, медленно отступала вдоль парапета и, заметив черное пятно ниши, мгновенно нырнула в нее. А в соседней — невидимая в тени — уже стояла леди Арабелла.

Эдгар, оставшийся посреди площадки в одиночестве, окончательно обезумел: он знал, что его жертва где-то рядом, но не видел ее! Он стал громко звать ее, и то, что его слова сливались с завываниями ветра, привело его еще в большее возбуждение. В его больном воображении ему представлялось, будто он сам

управляет силами природы и дирижирует грозой. Он достиг пика своего сумасшествия: он вообразил себя богом и верил, что все происходящее подчиняется исключительно его воле и приказам. Он не видел Мими и не знал, где она прячется, но теперь, считая себя всемогущим, он решил, что достаточно приказа:

— Иди ко мне! Ты должна увидеть то, что ты так презираешь и против чего борешься всю жизнь. Все, что ты видишь, подчиняется мне: и тьма и свет. Такой властью еще никто не обладал, не обладает и не будет обладать, кроме меня. Это говорю тебе я! Когда дьявол поднял Христа на гору и показал ему все царства земные, он думал, что никто больше этого сделать не сможет. Но он забыл про меня! Я зажигаю свет, который достигает самих небесных чертогов. Свет, пронзающий черные тучи, клубящиеся вокруг нас. Смотри же! Смотри! По одному мановению моей руки возникнет свет и расколет небо доверху!

Говоря, он подошел к тому углу площадки, на бордюре которого был укреплен механизм управления змеем и откуда он запускал своих «посланцев». Мими осторожно выглянула и спряталась вновь, понимая, что, если она заговорит с ним, это вызовет лишь новый приступ безумия. Стоящая почти рядом с ней леди Арабелла замерла от страха.

Эдгар взял в руки деревянный ящичек, сквозь который проходила проволочка для «посланцев». С еле слышным жужжанием механизм пришел в действие. От ящичка отделилось что-то похожее на жесткую ленту, сразу затрепетавшую на ветру и затем на глазах Мими быстро устремившуюся вверх, к змею. О том, что она достигла цели, возвестил громкий треск, и тут же внутри ящичка вспыхнул ослепительный свет. Язычок пламени лизнул ленту, и она засияла во всю длину так ярко, что осветила все окрестности. Лишь затянутое тучами небо оставалось темным. Она горела несколько секунд, а затем вновь наступила темнота, показавшаяся еще чернее. Это был всего-навсего магний, но Эдгара этот немудрящий фокус привел в такой восторг, что он пустился в какой-то дикий танец, сопровождая его леденящими душу воплями.

Это было чересчур даже для леди Арабеллы. В ее двойственной натуре возобладало ее животное начало — змея победила женщину. Она тут же отказалась от мысли о браке. Осталась лишь непреодолимая, иссушающая жажда мести.

О, как ей хотелось затащить его сейчас к себе в логово! Но как? Она лихорадочно огляделась и быстро составила план: мысли Эдгара сейчас были заняты исключительно змеем, которым он так хотел восхитить ее воображаемую соперницу.

Леди Арабелла тихонько проскользнула в темноте к катушке с проволокой, ловко сняла ее со штырька и, прижимая к груди, устремилась к выходу. Оказавшись на лестнице, она заперла за собой дверь и бегом спустилась вниз.

Постепенно разматывая проволку, она миновала кабинет, затем холл и со всех ног побежала в «Рощу Дианы», остановившись лишь на минуту, чтобы отпереть железную дверцу, ведущую в комнату с колодцем.

Радость переполняла ее: все ее планы осуществились или же были близки к завершению. Хозяин «Кастра Регис» был в ее руках. Девушка, которой она так боялась, Лилла Уэтфорд, умерла. Все шло прекрасно, и теперь она заслужила минутку отдыха. Дрожащими от нетерпения руками она сорвала с себя платье и, наслаждаясь естественной свободой, с чисто животной грацией раскинулась на софе. Осталось только дождаться, когда жертва сама явится в ее пасть. Жизненная сила Эдгара Касуолла — достаточная плата за некоторое ожидание.

Глава XXVIII

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ

После того как леди Арабелла тайно покинула смотровую площадку, там на некоторое время воцарилась тишина: Касуоллу было больше нечего сказать, а Мими как раз хотелось сказать слишком многое, и ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями. Позже она так и не смогла вспомнить, сколько она просидела в темноте, но наконец к ней пришло решение, и она начала действовать.

— Мистер Касуолл! — позвала она, напрягая все силы, чтобы пробиться сквозь завывание ветра и треск молний.

Эдгар пробормотал что-то в ответ, но его слова унесло на крыльях грозы, и Мими их не сумела разобрать, но зато теперь

она знала, где он находится. Она осторожно двинулась в ту сторону и закричала что есть сил:

— Дверь заперта! Откройте ее! Я хочу уйти отсюда!

Она сделала еще несколько шагов, одновременно нащупывая спрятанный на груди револьвер, которым на всякий случай снабдил ее Адам. Она чувствовала себя крысой, угодившей в ловушку, но не собиралась допускать, чтобы ее застигли врасплох. Когда Касуолл понял, что он тоже в ловушке, все его самые низменные качества выплеснулись наружу. С жестокой радостью мужа, колотящего свою жену в кабаке, он зарычал, перекрывая раскаты грома:

— Ты заявилась сюда без моего приглашения! Хочешь — оставайся, хочешь — катись отсюда, как тебе угодно! Но как ты это сделаешь — уже твоя забота. А я пальцем о палец не ударю!

Она постаралась ответить как можно сдержанней:

— Что ж, я ухожу. И если вам не понравится, как я это сделаю, вините в этом только себя. Думаю, что после этого моему мужу, Адаму, будет что вам сказать.

— Пусть болтает, что хочет, черт бы его побрал! И тебя вместе с ним! Я сейчас зажгу тебе свет, чтобы ты потом не трепалась, будто я тебе не помог.

Он тут же поджег еще одну магниевую ленту, в мгновение ока высветившую всю смотровую площадку в малейших деталях. Он и на самом деле помог Мими: прежде чем свет погас, она сумела запомнить точное расположение дверцы и места, где находился замок. Она прицелилась, как смогла, и выстрелила. Пуля угодила точно в замок и разнесла его на куски. К счастью, ни щепки, ни осколки никого не поранили. Толкнув дверцу, она побежала к выходу из замка и, выбравшись из него, все бежала и бежала до тех пор, пока перед ней не показались двери Лессер-хилла. Она позвонила, и ей тут же открыли.

— Мистер Сэлтон уже пришел? — задыхаясь спросила она.

— Да. Всего несколько минут назад. Он поднялся в свой кабинет,— доложил слуга.

Она торопливо взбежала наверх и наконец кинулась в объятия супруга. Увидев ее, он вздохнул с облегчением, но затем слегка отстранил от себя и внимательно посмотрел ей в глаза. Он сразу заметил, что она сильно возбуждена, и, чтобы дать ей

успокоиться и собраться с мыслями, усадил ее на диван, а сам сел рядом.

— А теперь, милая, рассказывай все.

Задыхаясь от волнения, она во всех деталях поведала ему о своих приключениях в замке. Адам выслушал все до конца, не перебив ни единым вопросом. Его молчаливое внимание позволило ей изложить все по порядку, не отвлекаясь на мелочи.

— Придется мне завтра навестить Касуолла и выслушать его извинения.

— Только, дорогой мой, ради меня, не заводи с ним ссоры. У меня и так тревог хватает, чтобы еще переживать за тебя.

— Тебе и не придется, милая, если у меня, с Божьей помощью, все получится,— мягко возразил он и поцеловал ее.

А затем, надеясь ее отвлечь и заставить забыть о всех пережитых страхах и волнениях, он решил рассказать ей о своих исследованиях. Но чтобы плавно перейти к этой теме, он заметил:

— Эдгар Касуолл ведет слишком опасную игру. Сам он этого не замечает, но я со стороны отлично вижу: он несется прямо в пропасть.

— О чем ты, милый? Не понимаю.

— В такую грозу запускать змея, да еще с такой высокой башни, как «Кастра Регис», мягко говоря, небезопасно. Опасность попадания молнии в замок грозит не только ему лично, но и всему зданию. Молнии чаще всего бьют в самые высокие места, и сегодня их много, как никогда. А его парящий в воздухе змей притягивает их еще больше. И проволока, которой он привязан, является отличным проводником электричества. Если в него попадет молния, то взрыв будет сильнее, чем залп целой батареи, и «Кастра Регис» разлетится на кусочки. И везде, где на пути разряда будет металл, там он и пойдет, пока не достигнет земли.

— Если такое начнет творится, то, наверное, на улице оставаться будет небезопасно?

— Напротив, малютка, именно там и будет безопаснее всего. Если ты, конечно, не встанешь на кабель.

— Ну так пошли на улицу. Мне что-то не улыбается рисковать собой и тобой из-за чужой глупости. Если там безопасно, значит, там нам сейчас самое место.

Не тратя лишних слов, она вновь накинула брошенный в кресло плащ и шляпку. Адам надел шляпу, проверил револьвер, подал ей руку, и они вышли из дома.

— Думаю, что нам следует посмотреть поближе, что там и как.

— Я готова, милый. Но, если ты не против, то в первую очередь мы отправимся на ферму «Мерси». Я очень беспокоюсь за дедушку. Мы должны убедиться, что там все в порядке.

Кратчайшая дорога на ферму шла по горной тропе вдоль самого края обрыва. Ветер там дул с необычайной силой, и горное эхо усиливало его завывания до зловещего гула; его рокот даже заглушал шум и треск ломающихся ветвей столетних деревьев, росших вдоль дороги. Мими еле-еле держалась на ногах. Но дело было не в страхе: она с трудом могла противостоять порывам бури и поэтому намертво вцепилась в мужа.

На ферме все, очевидно, спали, так как в окнах не светилось ни единого огонька. Но Мими, хорошо знакомую с порядками в доме, это только успокоило. Лишь на одно окно на первом этаже она до сих пор не могла смотреть без боли. Адам перехватил ее взгляд и все понял: он и сам любил бедную Лиллу как сестру. Ласково обняв жену, он нежно поцеловал ее и, взяв ее руки в свои, крепко их сжал. Постояв с минутку, они отправились дальше. Теперь дорога их лежала к «Кастра Регис».

У ворот замка, несмотря на все предосторожности, Адам споткнулся о проволку, протянутую леди Арабеллой.

Увидев ее, Адам присвистнул и прошептал:

— Не хочу пугать тебя, Мими, но везде, где проходит эта проволка, сегодня очень опасно находиться.

— Но почему?

— Это прямой путь для электричества. В любую секунду, пока мы с тобой тут это обсуждаем, по нему может пойти разряд ужасающей силы. Беги, дорогая. Дорогу ты знаешь. И если где еще заметишь такой провод, ради бога, обходи его десятой дорогой. Я тебя догоню чуть позже.

— Ты хочешь в одиночку проследить, куда ведет проволока?

— Да, милая. Для такого дела и одного человека за глаза хватает. И пока ты здесь, я теряю время.

— Адам, я всегда думала, что мы с тобой должны разделять вместе все радости и опасности. Разве я не права, милый?

— Увы, но ты права. Я счастлив, что ты так считаешь. Хорошо, пошли вдвоем. Все в руке Божьей. И да будет воля Его, чтобы мы с тобой не разлучались до самого конца, где и когда бы он ни наступил.

И они осторожно пошли вдоль протянувшегося через всю аллею провода, стараясь не наступить на него ненароком. И хотя вокруг было темно, проволка четко выделялась на пыльной дороге, так что следовать за нею не составляло никакого труда. Она привела их в «Рощу Дианы».

Увидев, куда направляется черная нить, Адам выпрямился, и лицо его помертвело. Мими не поняла причин его тревоги, так как никакой очевидной опасности вроде бы не было. Дело объяснялось тем, что Адам хранил в тайне от жены свой план по начинению колодца взрывчаткой. Поэтому он попросил Мими вернуться на центральную дорогу и поискать там, не проглядели ли они в темноте каких-нибудь ответвлений от провода, ведущих еще куда-нибудь. Если она что-нибудь обнаружит, пусть предупредит его австралийским кличем «Коу!».

Но не успела она отойти, как высоко в вышине вспыхнул ослепительный свет, на несколько мгновений озаривший все окрестности. Он был первым аккордом небесной элегии, а за ним последовал ряд не менее ярких вспышек, сопровождаемых столь частыми раскатами грома, что они слились в один нескончаемый рокот.

Адам в ужасе крепко прижал жену к себе. Судя по интервалам между молниями и следовавшими за ними раскатами грома, эпицентр грозы все еще был далеко, так что большой опасности в данный момент для них это пока не представляло. Но, учитывая, с какой скоростью он обычно движется, можно было ожидать его прихода с минуты на минуту. Молнии вспыхивали все чаще и все ближе; гром гремел беспрестанно — каждый его новый раскат накладывался на предыдущий. Адам поискал глазами змея, но, полуослепленный молниями, так и не сумел его разглядеть.

И тут небо над их головами раскололось пополам жутким разрядом, осветившим все вокруг мертвенным светом. Молния чудовищным сверкающим разветвленным древом застыла в небе, и несколько бесконечных мгновений казалось, что мир навеки замер, затаив дыхание, и иным уже не станет никогда.

А затем башня «Кастра Регис» полыхнула багровым пламенем, и раздался чудовищный гром. На глазах Адама башня зашаталась, дрогнула и рассыпалась, словно карточный домик. Небо вновь потемнело, и в ночном мраке отчетливо стало видно бегущую со стороны замка дорожку голубого свечения, прорезавшую аллею тонкой голубой жилкой. Она достигла «Рощи Дианы», нырнула в подвал погруженного в темноту дома, и из его окон полыхнуло огнем.

И в тот же момент, перекрывая рев тысячи взметнувшихся в черное небо языков пламени и треск ломающихся балок, раздался такой жуткий вопль, что даже отважное сердце Адама заледенело от ужаса. И хотя вокруг летели обломки камня и горящего дерева, Сэлтоны не могли сдвинуться с места: этот крик, полный муки, словно парализовал их. Здесь, рядом с ними, произошло что-то поистине ужасное! Вопль превратился в отчаянный визг и оборвался. И тут же раздался мощнейший взрыв.

От горящих «Кастра Регис» и «Рощи Дианы» вокруг стало светло как днем. И как только глаза молодоженов привыкли к свету, они смогли разглядеть происходящее во всех деталях. Жар был так велик, что даже железные двери стали плавиться. И вдруг, словно по своей воле, они распахнулись и открыли картину пожара внутри дома. Особенно хорошо была видна подвальная комната, где на месте бывшего колодца теперь была чудовищная воронка. Оттуда все еще доносились агонизирующие стоны и вопли, настолько душераздирающие, что от них кровь леденела в жилах.

Мими застыла как статуя и широко раскрытыми глазами смотрела на то, что казалось ей воплощением самых ужасных ночных кошмаров: вся округа выглядела так, словно на нее низверглось море крови, смешавшейся в жуткую массу с морским песком, выброшенным из колодца взрывом, и с каждым новым подземным взрывом из воронки вылетали огромные куски мяса и обрывки внутренностей. Часть из них разлеталась по комнате, часть падала назад, чтобы с новым взрывом взметнуться в воздух. Все они трепетали и бились, словно продолжали жить какой-то мистической жизнью, даже отторгнутые от тела, которое все еще боролось, о чем свидетельствовали непрекращающиеся вопли. Те отвратительные куски плоти, что были поменьше, кое-где сохранили обрывки белой кожи, похожей на человеческую, но те, что были больших размеров — и таких было гораздо больше — местами покрывала полусодранная чешуя, словно они были частями гигантской змеи. Воронка взбурлила наподобие гейзера и извергла фонтан крови и разорванных внутренностей, на гребне которого Адам разглядел часть торса леди Арабеллы. Постепенно куски, выбрасываемые взрывами, становились все крупнее, и наконец одним из самых мощных взрывов из воронки вышвырнуло уже знакомую им с сэром Натаниэлем голову Белого Червя со сверкающими изумрудными глазами.

Но взрывы все продолжались, а ударная волна, по-видимому, только теперь достигла самого крупного заряда динамита. Результат оказался ужасающим. Земля содрогнулась, заходила ходуном и покрылась быстро расходящимися трещинами, из которых взметались тучи песка или же били фонтаны воды. Дом содрогнулся до самого фундамента, а затем превратился в жерло бушующего вулкана: к небу взмыл огненный столб, и во все стороны полетели огромные камни, некогда отшлифованные человеческими руками, хранившие на себе древние надписи, а теперь чудовищной силой оторванные друг от друга и поднятые в воздух вперемешку с вырванными с корнем деревьями, прежде росшими вокруг дома. Из воронки продолжали извергаться тучи песка и грязи и несло такой страшной вонью, что Адам, чувствуя, что им уже нечем дышать, схватил жену за руку и увлек ее подальше от пылавшего здания.

И тут все прекратилось так же внезапно, как и началось. Лишь земля еще несколько раз содрогнулась, и все успокоилось. Наступила тишина, настолько полная, настолько совершенная, что казалась инкарнацией тьмы. Но для молодых людей после всех ужасов минувшей ночи она показалась Божьим благословением. Они наконец вздохнули с облегчением, разом освободившись от терзавших их последнее время страхов. А на востоке из-за моря уже показался краешек восходящего солнца, несущий в себе надежду на то, что вместе с приходом нового дня их жизнь изменится к лучшему.

Адам и Мими взялись за руки и пошли навстречу восходу. Они поднялись на обрыв и долго стояли там. Им необходимо было прийти в себя и хотя бы на время выбросить из головы

весь только что пережитый кошмар. Утро было тихим и ясным, как бывает порой после ужасной бури. И хотя на горизонте еще клубились тучи, они больше не казались ни мрачными, ни зловещими. Все кругом пробуждалось и радовалось жизни, словно и не было этой ночью жутких взрывов, разрушений и пожаров.

Единственным свидетельством катастрофы остались руины, торчащие безобразными обломками на месте стройной башни «Кастра Регис» и все еще окутанные клубами черного дыма. Что же до «Рощи Дианы», то с обрыва место, где прежде стоял дом, выглядело так, словно его там никогда и не было. Все закрывали древние дубы, устоявшие, несмотря на все катаклизмы, хотя и не без потерь: рощу окутывал легкий дымок, некоторые стволы были расколоты, ветви у многих деревьев были обломаны и перекручены, словно над ними пронесся смерч.

Адам, заметив, что Мими, измученная переживаниями минувшей ночи, еле держится на ногах и буквально засыпает на ходу, поспешил домой. Он отвел жену в спальню, уложил ее в постель и проследил, чтобы комната была ярко освещена не только солнцем, но и лампами. Но, чтобы смягчить солнечный свет, он задернул окно тонкой шелковой занавесью. Затем он сел рядом с постелью Мими, сжимая ее руку в своей: он знал, что его присутствие станет для нее лучшим успокоительным. И, лишь дождавшись, когда сон наконец овладеет ее усталым телом, он тихонько вышел из комнаты. В кабинете он застал своего дядю и сэра Натаниэля, пивших первую утреннюю чашку чая. Адам сообщил им, что собирается вновь посетить пожарище, но что он не сказал об этом жене, так как не хотел ее беспокоить. Он надеялся, что длительный сон приведет в порядок ее нервы и принесет ей наконец долгожданный отдых.

Сэр Натаниэль согласился с ним:

— Мы уже знаем, мальчик мой, что несчастная леди Арабелла мертва и что Червя разорвало на куски. Дай Бог, чтобы ее нечестивая душа больше никогда не выползла из ада.

Первым делом они направились в «Рощу Дианы». Во-первых, она была ближе, а во-вторых, Адам хотел рассказать все, свидетелем чего он стал на том самом месте, где разыгралась трагедия. При дневном свете определить масштабы катастрофы было гораздо легче. Разрушения оказались ужасными. Сэру Натаниэлю достаточно было взгляда, чтобы понять, как все

происходило. Но для Адама, участника событий, было все еще очень трудно сложить свои обрывочные яркие впечатления в стройную картину. Они осмотрели только задний фасад дома, точнее, то место, где он прежде находился. Там, под его обломками, древний кошмар, веками терзавший всю округу, нашел наконец свой последний приют.

Но за время после восхода солнца на пожарище многое успело измениться, как если бы сама Природа восстала против так долго царствовавших здесь сил зла и сделала все возможное, чтобы поскорее скрыть саму память о них. Да, в лучах солнца руины дома выглядели ужасающе, но самые страшные детали были погребены под ними. Повсюду валялись разбросанные каменные глыбы — расколотые, оббитые и исцарапанные. Сохранившаяся местами кладка фасада зияла ужасающими дырами, а в земле так и остались глубокие разверстые трещины. На месте колодца чернела воронка, настолько глубокая, словно она вела к самому центру земли. Но страшная куча останков разорванного на куски монстра, все его зловонные внутренности и кровавые лужи исчезли. Несколько последних взрывов пробили водоупорный слой, и на поверхность вырвался бурный поток подземных вод. Они омыли место катастрофы, затушили пожарище и стекли назад через воронку, унеся с собой все, что могли унести. Все вокруг покрывал слой серой грязи из смешавшегося с сырым песком пепла. Но эта корка, быстро подсыхавшая на солнце, не столько дополняла картину разрушения, сколько скрывала и камуфлировала ее отвратительные детали.

Через несколько минут, проведенных в наблюдениях над воронкой, стало ясно, что процессы, вызванные под землей взрывами, все еще продолжаются: вода, заполнявшая бывший колодец, периодически словно вскипала и начинала бурлить. Она вздымалась и опадала снова и снова, и на ее поверхности плавали ветки, различный мусор и кровавые куски того, что еще день назад было Белым Червем. Ночью они были отвратительны, но сейчас, при дневном свете и омытые водой, они стали омерзительнейшим зрелищем на свете. Плоть любого существа, погибшего от удара молнии, разлагается быстрее обычного. И останки монстра тоже уже начали разлагаться и были сплошь покрыты копошащимися насекомыми и червями. Вкупе с висевшим над воронкой зловонием вид их был просто непереносим. Здесь ви-

тал истинный «запах смерти». И друзья, не сговариваясь, развернулись и зашагали в сторону обрыва, где гулял свежий морской бриз.

Поднявшись наверх и обозрев окрестности, они заметили далеко внизу странно выделявшееся на общем фоне яркое белое пятно. Оно настолько заинтересовало Адама, что он предложил спуститься вниз и осмотреть его подробнее.

— В этом нет необходимости: я знаю, что это такое,— улыбнулся сэр Натаниэль.— Вчерашние взрывы вызвали оползень, и то, что мы видим, есть всего-навсего вышедший на поверхность слой белой глины, сквозь которую Червь некогда пробил ход в свое логово. Это все, что осталось от древних непроходимых топей. Что ж, ее светлость не заслужила ни таких похорон, ни такого монумента.

События последних часов настолько потрясли Мими, что можно было опасаться серьезных последствий для ее нервов. Ей просто необходимы были положительные эмоции и покой.

— Ну, милые мои,— с лукавой усмешкой сказал мистер Сэлтон-старший,— теперь, похоже, у вас начнется настоящий медовый месяц.

Мими потупилась и украдкой бросила на мужа нежный взгляд, в котором было полное подтверждение словам его дяди.

В ГОСТЯХ У ДРАКУЛЫ

От издателя

Этот сборник рассказов, написанных Брэмом Стокером, вышел в свет в 1914 году. Позднее, 14 сентября 1927 года, в ознаменование двадцать пятого представления «Дракулы» на сцене лондонского «Театра Принца Уэльского» было выпущено специальное издание книги количеством в тысячу экземпляров. Каждому зрителю был вручен «колдовской пакет», в котором он обнаруживал свой экземпляр. В тот самый момент, когда книга раскрывалась, из нее вдруг выпархивала летучая мышь, укрепленная под обложкой специальной пружинкой...

Слово вдовы писателя

За несколько месяцев до того скорбного дня, когда скончался мой муж — я могу точно сказать, что все последнее время тень смерти витала над ним,— он задумал опубликовать три серии рассказов. Настоящая книга — одна из этих серий. К первоначальному списку в восемь рассказов я добавила также не публиковавшийся доселе эпизод из «Дракулы». Я надеюсь, что он представит интерес для публики, особенно для тех читателей, которые являются поклонниками самого замечательного произведения моего мужа. Остальные рассказы уже публиковались в английской и американской периодике. Проживи их автор дольше — и он, наверное, многие из них пересмотрел бы и переделал, ведь почти все они относятся к самому началу его творческой, наполненной трудом жизни. Но раз уж судьба позволила мне распорядиться этими произведениями, я нахожу их вполне достойными и выпускаю их в свет такими, какими они вышли из-под пера моего мужа.

Флоренс Брэм Стокер

В ГОСТЯХ У ДРАКУЛЫ

Когда я решил выехать на прогулку, яркое солнце заливало своими лучами весь Мюнхен. Воздух был чист и свеж, как бывает в начале лета, а между тем на дворе стояла зима. Настроение было отличное. Уже в момент отправления показался герр Дельброк, пожилой лысоватый метрдотель гостиницы «Времена года», где я остановился. Пожелав мне счастливой поездки, он обратился к кучеру, который не успел еще занять свое место на облучке и стоял у дверцы коляски:

— Не позабудь, что тебе нужно вернуться до ночи. Пока небо чисто, но северный ветер что-то усиливается — как бы не налетела буря. Впрочем, я знаю, что ты будешь вовремя.— Он улыбнулся и добавил: — Ведь тебе хорошо известно, что такое здешняя ночь.

Иоганн со всей серьезностью воспринял эти слова и кратко ответил:

— Да, мой господин.

Придерживая одной рукой шляпу, чтоб ее не сбросило ветром, он стегнул лошадей, и коляска резко взяла с места. Скоро мы выехали за пределы города, и я дал Иоганну знак притормозить. Там, у гостиницы, они говорили между собой на немецком, и моих скудных познаний в этом языке как раз хватило на то, чтобы уловить суть сказанного. Поэтому я спросил кучера, когда коляска остановилась:

— Скажи-ка, Иоганн, сегодня ожидается что-то неприятное?

— Walpurgis Nacht*,— сказал он, торопливо перекрестившись.

Потом он достал свои карманные часы — известной немецкой марки, старомодные, размерами и формой напоминающие репу с грядки, посмотрел на циферблат нарочито озабоченно, сдвинув брови и передернув плечами, всем своим видом показывая, что очень бы желал поскорее завершить прогулку. Я и сам понял, что эта остановка в пути была не обязательна, и поэтому опять устроился в коляске, дав кучеру знак трогаться. Он погнал так, как будто мы куда-то опаздывали. То и дело я замечал, что лошади воротят морды в разные стороны и обеспокоенно вдыхают воздух расширенными ноздрями. Наконец я и сам стал с подозрением и тревогой оглядывать окрестности.

Дорога в оба конца была пустынна и пробегала по высокому и открытому всем ветрам плато. Через некоторое время я увидел ответвляющуюся от нашей другую дорогу. Она вся поросла высокой травой и вообще имела сильно заброшенный вид. По ней когда-то люди спускались с плато в небольшую долину, зеленеющую аккуратным пятнышком вдали. Почему-то эта дорога очень притягивала меня, и, отдавшись этой манящей силе, я, понимая, что рискую вконец обидеть Иоганна, попросил его остановиться. Когда он выполнил мою просьбу, я выразил желание, чтобы дальше мы ехали по этой дороге. Он на все мои слова только отрицательно качал головой и неистово крестился. Но всеми своими жестами он достиг прямо обратного результата: мое любопытство до крайности возбудилось, и я стал буквально забрасывать его разными вопросами. Он отвечал чрезвычайно путано и поминутно косился на свои часы. Наконец я сказал:

— Как знаешь, Иоганн, а я иду по этой дороге. Я не обязываю тебя сопровождать меня, но скажи мне, пожалуйста, внятно: почему ты не хочешь идти? Это все, что мне хочется от тебя узнать.

Вместо ответа он спрыгнул со своего сиденья на землю и, умоляюще протянув ко мне руки и что-то отчаянно бормоча, старался, видимо, отвадить меня от задуманного предприятия. Добраться до сути его объяснений сквозь невообразимую ме-

* Вальпургиева ночь *(нем.)*.

шанину английских и немецких слов было практически невыполнимой для меня задачей. Ясно было, однако, что он пытается довести до моего сведения мысль, которая самого его повергала в крайний ужас. Но, увы, все его аргументы ограничивались крестными знамениями и словами:

— Walpurgis Nacht!!!

Я попытался было помочь ему наводящими вопросами, но не так-то просто выспрашивать что-то у человека, языка которого практически не знаешь. Наконец он понял, что мы так не найдем общего языка, и, напрягшись, перешел на английский. Впрочем, это мало помогло: такого ужасного акцента и таких изувеченных фраз мне не приходилось слышать нигде и никогда. Кроме того, Иоганн очень волновался и постоянно перескакивал на свой родной язык и при этом беспрестанно косился на свои часы. В довершение всего забеспокоились и забили копытами лошади. Он побледнел, как полотно, подскочил к ним и, сильно натягивая поводья, заставил их отойти с прежнего места футов на двадцать в сторону. Я подошел и спросил, зачем он это сделал. Тот бросил до смерти испуганный взгляд на то место, которое мы покинули, и, осенив его крестом, белыми губами прошептал что-то на немецком, а потом — для меня — сказал на английском:

— Здесь закопан один из них! Один из тех, что покончил жизнь самоубийством!..

Уяснив сказанное, я тут же вспомнил старинный обычай — хоронить самоубийц на перекрестках дорог.

— Ага! Понимаю, самоубийцы! — воскликнул я.— Это же по-настоящему интересно!

Единственно, что мне было абсолютно непонятно, так это почему так разволновались лошади.

Во время нашего разговора издали послышался вдруг странный звук, что-то между рычанием и воем. Из-за удаленности и поднявшегося ветерка слышно было плохо, но лошади просто обезумели, и Иоганн, как ни старался, все не мог их успокоить. Он повернул ко мне бледное лицо и прошептал:

— Похоже на волка... Но в такое время у нас не бывает волков!..

— Не бывает? — переспросил я.— А что, иногда все-таки волки подбираются так близко к городу?

— Да,— ответил он.— Весной и летом. Но со снегом они уходят... Обычно уходят,— поправился он, встревоженно прислушиваясь.

Пока он успокаивал лошадей, на небо надвинулись огромные темные тучи. Солнце ушло, зато задул сильный пронизывающий ветер. Отдельный слабый лучик света пробился было на секунду из-за хмурой завесы, но тут же исчез окончательно. Это выглядело как предупреждение. Иоганн долго вглядывался в сторону северной части горизонта и потом сказал:

— Приближается снежная буря.

Он снова посмотрел на циферблат часов, все еще не отпуская натянутых поводьев, так как лошади до сих пор не хотели стоять смирно, переступая копытами и потряхивая гривами. Затем он быстро взобрался на облучок, показывая этим, что мы слишком задержались с отправлением.

Я решил немного поупрямиться и не спешил занимать свое место в коляске.

— Скажи все-таки, куда ведет эта дорога,— попросил я настойчиво, махнув рукой в сторону долины.

Прежде чем что-либо ответить, он снова перекрестился и пробубнил молитву.

— Это страшное и злое место,— сказал он.

— Какое место?

— Деревня.

— Ага! Значит, там все-таки есть деревня?

— Нет, нет. Уже несколько веков там никто не живет.

Мое любопытство достигло высшей точки.

— Но ты сказал, что это деревня.

— Это была деревня.

— А что там есть сейчас? И куда она подевалась?

Он повел свой рассказ, густо перемешивая немецкие и английские слова, так что я едва-едва мог его понять. Но все-таки мне удалось выудить кое-что.

Давным-давно, несколько сотен лет назад, умерших хоронили прямо в деревне. Земля под могильными плитами шевелилась, и из ее черных глубин до поверхности доносились стоны. Пришел час, и могилы отворились. Мертвые восстали из гробов, и на устах их была кровь. Некоторые в поисках спасения своих душ (тут Иоганн несколько раз подряд осенил себя крестом) отправились туда, где жили живые. А другие остались в деревне мертвых и...

Он тяжело и прерывисто дышал, и страх петлей сжимал его горло, не давая произнести последние слова. По мере продолжения его рассказа он становился все более возбужденным. Казалось, он уже полностью утерял контроль над своим разыгравшимся воображением. Закончил он, сотрясаясь в пароксизме ужаса: с бледным, словно полотно, лицом, весь покрытый испариной, дрожа и оглядываясь поминутно к себе за спину и по сторонам, словно ожидая появления около нас чего-то ужасного. Под конец, когда его отчаяние достигло высшей точки, он крикнул:

— Walpurgis Nacht!!!

Он нервно указал мне на коляску, настаивая на скорейшем отъезде. Когда меня начинают пугать, во мне закипает вся моя английская кровь. Поэтому я спокойно сказал ему:

— Ты трусоват, Иоганн, трусоват. Отправляйся домой, а я вернусь позже один. Прогулка мне на пользу, и я не собираюсь ее прерывать.

Дверца коляски была распахнута. Я вытащил прогулочную дубовую трость, с которой никогда не расставался во время выходных моционов, махнул ею в сторону Мюнхена и повторил:

— Отправляйся домой, Иоганн. Ваша Walpurgis Nacht не принесет вреда истинному англичанину.

Лошади не стояли на месте, и Иоганн, прилагая все усилия к тому, чтобы сдержать их, одновременно умолял меня не совершать задуманной глупости. Мне было искренне жаль беднягу, но все же, глядя на то, как страх преобразил его, я не мог удержаться от смеха. От его корявого английского к той минуте уже не осталось и следа. В приступе ужаса и отчаяния он совсем позабыл о том, что рассчитывать на понимание с моей стороны можно, только говоря на моем языке. Но он даже для вида уже не вставлял в свою речь английских слов. Наконец все это начало утомлять меня. Я в последний раз кивнул ему в сторону Мюнхена и велел идти, а сам стал спускаться по сбегавшей в долину запущенной дороге.

Видя, что ничего другого ему не остается, Иоганн безнадежно качнул головой и стал разворачивать лошадей в обратный путь. Я посмотрел ему вслед, опираясь на трость. Иоганн устро-

ился на облучке и совсем почти не правил. Лошади, почувствовав, что возвращаются в спокойное тихое стойло, шли сами.

Вдруг на гребешке невысокого холма, что был недалеко от дороги, появился человек. Он был очень худощав и высокого роста. Мне было хорошо его видно. Он повернулся в сторону коляски, и в ту же секунду лошади словно взбесились, стали лягаться и рваться в разные стороны. При этом они страдальчески ржали. Иоганн никак не мог справиться с ними, и наконец они сорвались с места и стрелой понеслись в сторону от дороги. Я провожал их взглядом, а потом попытался снова увидеть незнакомца. Однако мне это не удалось — он исчез.

Мне захотелось опять пойти в том направлении, против которого так горячо протестовал Иоганн. Я даже не мог понять толком, почему ему не нравилась эта дорога и эта долина.

Часа два я шагал, совершенно не чувствуя ни времени, ни расстояния и не встречая на своем пути ни дома, ни человека. Места были действительно заброшенные и пустынные. Наконец дорога сделала изгиб, и я оказался на опушке редкого леса. Мне даже нравилось, что я здесь совершенно один, наедине с природой.

Я присел отдохнуть и стал оглядываться окрест. Только сейчас я ощутил, как заметно похолодало. В воздухе над моей головой стоял приглушенный шум, словно бы кто-то тяжело вздыхал. Посмотрев вверх, я отметил быстрые передвижения грозовых облаков в направлении с севера на юг. Вообще не нужно было проявлять острую наблюдательность, чтобы понять, что надвигается буря. Я немного замерз и, решив, что это из-за моей остановки, возобновил движение по заросшей бурьяном дороге.

Вскоре окружавший меня ландшафт стал гораздо более живописным. Каких-то особенно ярких деталей, на которых останавливался бы глаз, не было, но общая, погруженная в молчание красота была несомненна.

Через некоторое время я заметил, что на долину опускаются сумерки, и уже стал подумывать о том, как бы не заблудиться при возвращении. Дневная яркость и свет постепенно и незаметно растворились в воздухе и облаках. Воздух стал очень холодным, и тучи, казалось, спустились ниже к земле. Приход вечера сопровождался отдаленным, но постоянным осязаемым шумом, сквозь который через определенные паузы прорывался мистический вой, который Иоганн отнес на счет волков. Я немного оробел. Но потом сказал себе, что непременно хотел увидеть заброшенную деревню, и пошел дальше.

Скоро я оказался в широкой лощине, окруженной со всех сторон высокими холмами. Их склоны были покрыты деревьями, росшими большими группами в ложбинах. Я посмотрел, куда ведет моя дорога, и обнаружил, что она упирается в одну из таких рощиц и теряется в ней.

Пока я стоял и вглядывался вдаль, воздух заметно отяжелел, и вот уже повалил снег. Я подумал о том расстоянии, которое я преодолел, прежде чем добраться до этой лощины, и решил искать убежища от пурги где-нибудь поблизости. Размышляя так, я направился к густо растущим деревьям.

Небо на глазах чернело, и снегопад усиливался. Скоро вся земля была покрыта плотным белым настилом. Дорога почти совсем исчезла под снегом, и мои ноги, глубоко проваливаясь, едва нащупывали ее. Ветер в течение какой-то минуты превратился в настоящий шквал, и это заставило меня пуститься бегом. Воздух леденил легкие, и, несмотря на то что я был неплохой спортсмен, вскоре я стал задыхаться. Снег валил такой плотный, что можно было едва разлепить глаза, дабы не потерять направления. Удивительно, но небеса то и дело изрыгали самые настоящие молнии! При их неровном свете мне удавалось разглядеть впереди себя густую тень припорошенных снегом деревьев — в основном это были туи, а также гигантские кустарники.

Мне удалось наконец забежать под могучие кроны деревьев, и там, в относительной тишине, я мог слышать завывание ветра на открытом пространстве лощины и вверху, где облака едва не касались верхушек деревьев. Мало-помалу чернота пурги сменилась темнотой ночи. Буря утихла, и только злой ветер гулял еще порывами в вышине. В ту минуту я вновь обратил внимание на отдаленный вой, который, казалось, не прекращался ни на минуту во время всех последних часов.

То и дело в угрюмых облаках мелькала луна, и при ее свете я получал возможность оглядеться. Укрытый за кронами деревьев и тисовых кустарников, я видел, что снегопад почти иссяк. Скоро я уже мог выйти на открытое пространство и оглядеть преображенные бурей окрестности.

Вот, кажется, началась и деревня. Я обходил один за другим разрушенные временем дома и думал найти среди них хоть ка-

кое-нибудь более или менее подходящее прибежище на ночь Через несколько минут я уперся в низкую кирпичную стену опоясывающую какую-то площадку. Немного побродив вокруг я нашел вход. Здесь деревья образовывали своими стволами почти правильной формы аллею, которая вела к темной квадратной громаде, бывшей, по-видимому, каким-то зданием.

В тот самый момент, когда я уже собирался получше рассмотреть строение, тучи закрыли своей массой луну, и мне пришлось продвигаться вперед в кромешной темноте. Ветер опять усилился и холодными струями обтекал меня со всех сторон Я осторожно шел вперед, дрожа от холода. Хотелось думать что это здание надежно укроет меня от всех причуд разгулявшейся природы, а потому я не останавливался, даже если приходилось прокладывать путь в темноте на ощупь.

Вдруг всякие звуки пропали, словно их и не было. Я остановился, прислушиваясь. Буря окончательно утихла. И только тогда я обратил внимание на то, как бешено у меня колотится сердце. Впрочем, вместе со стихией начал успокаиваться и я.

Однако покой мой длился лишь минуту, пока из-за туч не выглянула луна и не осветила пространство передо мной. Я стоял посреди старого заброшенного кладбища, где деревья были вперемежку с могильными плитами и крестами. Впереди возвышалась та самая квадратная громадина, которую я вначале принял за дом. Это был огромный мраморный склеп, белый и сверкающий, как и снег вокруг него.

Буря, как оказалось, не стихла, а только притаилась до поры и теперь возобновилась с новой силой. Ветер с ноющим шумом носился меж могил. Опять донеслись звуки отдаленного рычания или воя. От потрясения я едва держался на ногах, холод сковал мои члены и добрался, казалось, до самого сердца. Я стоял перед скорбным памятником из чистого мрамора, а вокруг бушевала буря, завывал ветер и тускло светила луна...

Завороженно глядя на склеп, я приблизился к нему, чтобы рассмотреть все вблизи. Найдя массивную дверь, я прочел на ней немецкую надпись:

Графиня Долинген Фон Грац из Стирии
после поисков обнаружена мертвой
1801 г.

На крыше склепа — он был сложен из нескольких огромных кусков мрамора — выделялся железный столб или просто острый выступ. На нем я разглядел фразу, начертанную русскими буквами:

Ибо скор у мертвых шаг

Все это казалось настолько жутко и сверхъестественно, что я почувствовал необыкновенную слабость в ногах. В ту минуту я впервые пожалел о том, что не послушался малопонятных, но искренних советов Иоганна. Внезапно меня пронзила мысль, подводящая логический итог всей этой мистике и ужасу. Вот она, Вальпургиева ночь!

Вальпургиева ночь — это когда, согласно преданиям, дьявол покинул свою преисподнюю и поднялся на землю, когда отворились гробы и могилы и мертвые вышли из них... Когда на пир сошлись и слетелись все злые силы земли, воды и неба. Кучер до смерти боится именно этого места! Этой заброшенной неизвестно сколько лет назад деревни! Именно здесь совершались самоубийства, и теперь тут оказался я — совершенно один. Беззащитный, полузанесенный снегом. Дрожу от нестерпимого холода. С тоской смотрю на вновь собирающиеся тучи. Мне потребовалась вся моя вера, все мужество, чтобы не потерять голову от ужаса.

Самый настоящий ураган вновь обрушился с неба. Земля дрожала так, как будто по ней прогоняли табуны лошадей. Однако на этот раз шквальный ледяной ветер сопровождался не снегом, а градом. Увесистые камни бились о землю, словно пущенные из пращи. Деревья уже не могли обеспечить мне безопасность. Я попытался забежать под одну из крон, однако вскоре вынужден был покинуть ее, увешанный сломанными градом ветвями. Камни с шумом ударялись о стены склепа и стволы деревьев и с воем проносились вокруг меня. Убежищем в моем положении мог послужить лишь... склеп. Только за его массивной бронзовой дверью я мог спастись от урагана.

Подбежав к мраморной махине, я изо всех сил толкнул дверь. Она тяжело подалась внутрь, и я смог протиснуться в щель. Определенно, даже могила показалась мне уютней ненадежных деревьев! В последний раз я обернулся на бушевавшее небо, и как раз в тот момент его прорезала гигантская молния. Рассчи-

тывая при ее свете рассмотреть внутренность склепа, я обернулся. В открытом гробу лежала красивая женщина с ярко-красными губами и бледным лицом. В следующее мгновение словно рукой гиганта я был выброшен обратно на улицу, где грохотал гром и сыпался град. Это произошло так быстро и так неожиданно, что я еще долго приходил в себя — физически и духовно,— прежде чем ощутил боль от падавших градин. В тот же момент у меня возникло странное чувство, что я на кладбище не один...

Я снова обернулся к вскрытому мной склепу. Вновь сверкнула молния ужасающих размеров. Она ударила около меня. Я видел, как искра скользнула по железному столбу на крыше склепа — это был, как теперь стало ясно, громоотвод. Мрамор затрещал и в мгновение весь покрылся крупными трещинами. Вокруг стоял невообразимый грохот. Мертвая женщина рывком поднялась из гроба, ее тело сотрясала ужасная агония. По савану поползли языки пламени, и скоро она вся превратилась в гигантский факел. Я услышал ее дикий вопль, который сразу же потонул в шуме бури. Мое сознание помутилось. Рядом раздалось зловещее рычание. Меня как будто опять подхватил какой-то невидимый гигант и потащил прочь. Град, ни на минуту не прекращаясь, обрушивался на меня, причиняя сильную боль, воздух сотрясался от воя и рыка множества адовых существ.

Последнее, что я видел, это колыхавшаяся вокруг моего тела белая пелена, словно бы могилы выпустили на свет покойников в саванах и они медленно обступали меня со всех сторон сквозь темную завесу урагана.

Постепенно сознание возвращалось. Вернее, какие-то проблески сознания. Затем чувство сверхусталости и разбитости во всех членах. Ощущение времени и пространства возвращалось крайне медленно, но оно, несомненно, происходило. Ноги горели адским пламенем от боли, так что нельзя было даже пошевелить ими. Казалось, они окоченели и превратились в ни на что не годные культи. Леденящий холод цепко держал шею, позвоночник, кисти рук. Уши совершенно не чувствовались, словно их и не было. Наверно, они тоже окоченели, как и ноги. Только в области груди ясно ощущалось тепло, необычное, если вспомнить о других частях тела. То был кошмар, кошмар физи-

ческий, если так можно выразиться. Тяжелая масса давила на грудь, и от этого было трудно дышать.

Этот полусонный, полуобморочный ужас продолжался довольно долго, а когда он ушел, появилась тошнота. Совсем как в море. Я ощущал необходимость избавиться от чего-то, но не мог толком сообразить от чего. На меня навалилась гнетущая тишина. Казалось, мир вымер или уснул навеки. Через некоторое время, однако, слух вернулся ко мне, и я явственно различил в общей гамме ночных звуков тяжелое дыхание прямо возле меня, как будто приближалось какое-то животное. Я почувствовал горячее шершавое прикосновение к горлу, и в следующее мгновенье истина открылась мне. Страшная истина! У меня защемило сердце, и кровь застыла в жилах. На моей груди разлегся крупный зверь. То и дело он проводил своим языком по моему горлу. Я боялся открыть глаза, что-то подсказывало мне не показывать вида, что я жив и не сплю. Однако чудовище, кажется, поняло, что во мне произошла какая-то перемена, потому что оно подняло голову. Сквозь ресницы я разглядел очертания огромного волка. Два больших горящих глаза, устремленные на меня, крупные клыки с капельками крови на желтой эмали, ощеренная пасть и тяжелое дыхание, которым он обдавал меня с расстояния всего нескольких дюймов.

Некоторое время я ничего не помнил и не ощущал: видимо, опять потерял сознание. Вдруг сквозь пелену забытья до меня донеслось свирепое рычание и потом почти не прекращающийся визг. Затем до моего слуха донеслись крики нескольких человек, звучавшие в унисон.

— Гоу, гоу!

Повинуясь инстинкту, я поднял голову и стал вглядываться в том направлении, откуда раздавались эти голоса. Мой волк по-прежнему выл, высоко задрав пасть. В роще, которая была поблизости, в ответ замелькали десятки красных огоньков. С приближением людей волк завыл громче и отрывистей. Кладбище разносило эти ужасные звуки на большое расстояние. Я боялся пошевелиться. Белый покров, окружавший меня, вдруг расступился, и показалось красное зарево. В следующее мгновенье из-за деревьев рысью выскочили кавалеристы с факелами в руках. Волк резко соскочил с моей груди и устремился к высоким могилам. Я видел, как один из солдат поднимает карабин и прице-

ливается в меня. Другой быстро ударил его по руке, и пуля просвистела прямо над моей головой. Тот, кто стрелял, очевидно, принял мою распластанную фигуру за тело волка. Наконец пару пуль выпустили по настоящей цели. Группа всадников разделилась надвое. Одни поскакали в мою сторону, другие — за волком, который только что скрылся в полузанесенной снегом роще.

Едва поняв, что меня нашли, я попытался приподняться навстречу, но силы изменили мне, и я не мог даже пошевелиться. Однако я хорошо слышал, что происходит вокруг. Двое или трое солдат спешились и склонились надо мной. Один из них приподнял меня за голову и положил свою руку мне на сердце.

— Мы вовремя, друзья! — воскликнул он.— Его сердце еще бьется!

Я почувствовал прикосновение к своему рту холодного горлышка фляги и в следующее мгновенье проглотил хорошую порцию коньяка. Это придало мне сил, и я открыл глаза. По заснеженным ветвям деревьев гуляли отсветы факелов, что были в руках всадников, и тени могил. Слышалось, как перекликались те, кто бросились в погоню за волком. Постепенно все собрались около меня, обмениваясь тихими фразами. По всему было видно, что их тоже охватил страх. Те, кто были с самого начала возле меня, стали расспрашивать своих товарищей.

— Ну что, нашли его?

— Нет! — ответили спрашивающему довольно резко.— Уйдем отсюда! Как можно быстрее! Нам нельзя здесь больше оставаться!

— Но что это было?

Заговорили все сразу, но почти одновременно запнулись. Страх был силен, и он делал их речь малопонятной, сбивчивой...

— Это было... Это было нечто...— бормотал один, пытаясь справиться с глубочайшим потрясением.

— Как будто волк... Но не волк — это точно! — дрожащим голосом проговорил второй.

— Охотиться за ним без заговоренной пули — бессмысленно! — сказал третий спокойнее, чем остальные.

— Да поможет нам Господь уберечься в эту ночь от зла! Мы уже заработали нашу тысячу марок! Пора убираться отсюда! —

нервно произнес самый молодой из кавалеристов, сдерживая своего беспокойного коня.

— Там, на расколотом мраморе, кровь! — сказал еще кто-то.— Молния тут ни при чем! Осмотрите его — с ним все в порядке? Вы видите, что у него с шеей?! Это тот самый волк! Он пил его кровь!

Кавалерист с пышными усами внимательно оглядел меня и сказал:

— С ним все нормально — на коже ни царапины. Но что все это значит? Ведь если не вой того волка, мы бы его ни за что не нашли!

— Куда пропало это чудовище? — спросил парень, который держал мою голову.

Он менее остальных поддался панике, так как руки его не дрожали. На рукаве у него я разглядел шеврон младшего офицера.

— Он отправился к себе домой,— ответил солдат со смертельно бледным лицом, заикаясь и трясясь от ужаса.— Здесь достаточно могил! Он может сейчас отдыхать в любой из них! Нам нельзя здесь оставаться! Уйдем, прошу вас, уйдем сейчас же! Это проклятое место!

Офицер посадил меня на земле, одновременно отдав короткую команду. Меня взгромоздили на коня, рядом сел и офицер. Одной рукой он взялся за уздечку, а другой крепко схватил меня. Он дал знак своим подчиненным, и мы поехали в сторону от мрачных деревьев.

Ко мне еще не вернулся дар речи, и поэтому я молчал. Должно быть, я заснул, так как, открыв глаза, обнаружил себя уже стоящим на земле. С обеих сторон меня поддерживали сильные руки спешившихся кавалеристов. Время было уже почти рассветное — на севере сверкало красное зарево солнца, словно кровавая тропа на снегу. Как я понял, мы сделали небольшой привал в пути. Офицер, показывая на меня, говорил своим солдатам, чтобы они забыли о том, что видели, и всем потом отвечали только, что нашли в лесу человека, охраняемого большой собакой.

— Собакой?! — воскликнул тот, кто на кладбище проявлял себя наиболее малодушно.— Уж я-то верно говорю, что это был волк! По меньшей мере, волк...

— Я сказал: собака,— твердо ответил на это офицер.

— Собака — это хорошо! — весело произнес другой солдат. С появлением солнца настроение у него заметно поднялось. Но тут он указал на меня: — Посмотрите на его горло! Это, по-вашему, сделала собака?

Инстинктивно я поднял руку и приложил ее к шее. Острая боль ударила мне в голову! Солдаты сгрудились вокруг меня, жадно рассматривали, что я делаю, и озабоченно шептались. Их голоса заглушил вновь голос офицера:

— Вы помните, мы осматривали его на кладбище? Раны не было! Так что я еще раз повторяю: собака. Если мы будем говорить что-либо другое, нас засмеют.

Меня опять посадили на коня, и мы тронулись в дорогу. Скоро уже можно было разглядеть вдали окрестности Мюнхена. В городе меня усадили в коляску и отправили в гостиницу «Времена года». Офицер сопровождал меня туда, а остальные возвратились в казармы.

Когда мы подъезжали, я еще издали заметил, как герр Дельброк со всех ног несется навстречу коляске. Он помог мне выбраться из нее и со всей осторожностью проводил в комнату. Офицер немного постоял в сторонке, потом взял под козырек и уже повернулся было к выходу, но я угадал его намерение и попросил зайти ко мне.

Мы посидели за графином хорошего вина, и я выразил сердечную благодарность ему и его солдатам за свое спасение. Он отвечал просто и был, по-видимому, очень рад со мной побеседовать, а попутно и вкусить плоды гостеприимства герра Дельброка. Когда офицер ушел, метрдотель долго и с уважением смотрел ему вслед.

— Но, герр Дельброк,— спросил я,— как получилось, что меня стали искать?

Он неопределенно пожал плечами, а потом ответил:

— Я служил в этом полку и просто попросил командира набрать добровольцев.

— Но как вы узнали, что я пропал?

— Иоганн пришел домой с остатками коляски, на которой вы уехали... Лошади все разбежались...

— И вы подняли целое отделение солдат, основываясь только на этом факте?

— О нет! — ответил он живо.— Еще до появления кучера я получил телеграмму от господина, в гостях у которого вы были. Вот она,— добавил он, достав из кармана жилета листок бумаги и протянул мне.

Я прочитал следующее:

«МОЛНИЯ. Из Бистрицы.

Позаботьтесь о моем госте — его безопасность для меня дороже всего. Если с ним что-нибудь случится или он пропадет, не теряйте времени и сразу же приступайте к розыскам. Он англичанин и поэтому не может жить без приключений. Ночью все возможно: снежная буря, волки... Еще раз прошу: не теряйте ни секунды и действуйте, как только что-нибудь заподозрите. Ваше рвение будет вознаграждено.

Дракула».

В течение того времени, пока я читал телеграмму, вся комната каруселью кружилась вокруг меня. В один момент, если бы не предупредительный метрдотель, я упал бы на пол. Все это было настолько странно, что я просто не знал, куда деваться. Выходит, я нахожусь под защитой некой ужасной мистической силы?.. Из далекого города мне пришла телеграмма в тот самый момент, когда я спасся от жестокой смерти в ледяной снежной постели и от клыков огромного волка... И именно из этой телеграммы мне стало ясно, кому надо быть обязанным своим спасением...

ДОМ ПРОКУРОРА

Время сдачи экзамена приближалось, и Малькольмсон решил уехать куда-нибудь, где можно было бы спокойно и тщательно подготовиться. Он сразу отверг мысли о морском побережье — слишком много соблазнов. Отказался и от сельской глубинки, поскольку в ней тоже был определенный шарм, а ему необходимы были условия для напряженного труда и ничего, кроме этого. Поэтому он остановился на маленьких городках, тихих и бесцветных, в которых не на чем было бы задержать взгляд. Он не стал просить советов у друзей, так как те обязательно послали бы его в город к своим знакомым, а ему требовалось уединение и покой. Он решил подыскивать место для занятий самостоятельно, но выбор был столь велик, что остановиться на чем-нибудь определенном было почти невозможно. Тогда он собрал свой чемодан, упаковал заказанные в библиотеке книги, отправился на вокзал и взял билет до первого попавшегося города, название которого бросилось ему в глаза при беглом взгляде на расписание движения поездов. Разумеется, раньше он в этом городе никогда не был и даже не слышал о нем.

Сойдя после трех часов езды на платформе Бенчарча, Малькольмсон с удовлетворением отметил про себя, что в этом отдаленном от бурной жизни местечке он без помех сможет посидеть над учебниками. И прямо с вокзала направился в местную крохотную гостиницу, чтобы остановиться в ней на ночь.

Бенчарч, ярмарочный городок, раз в три недели до отказа заполнялся предприимчивой публикой, но в остальное время тише и спокойнее места не сыскать было во всей Англии.

Наутро Малькольмсон отправился в поисках частного дома, сдающегося в наем: гостиница «Добрый странник», в которой он провел ночь, не могла предложить ему необходимого уединения. Он скоро нашел такой дом, который удовлетворял всем его требованиям относительно тишины и покоя. Это было не просто самое глухое место в городке, это слишком мягко сказано!

Дом имел вид пещеры отшельника. Неправильные очертания; тяжеловесность стиля, свойственные постройкам времен короля Якова; старые, поросшие зеленью стены; непомерно высокий фундамент и в то же время низкие потолки; громоздкие фронтоны и грубо врезанные окна... Дом был окружен массивной высокой стеной из крупного кирпича. Своими тяжелыми полукрепостными формами он заметно отличался от остальных жилищ горожан. И все-таки он пришелся студенту по душе. «Это,— думал он,— как раз то, что я искал. Буду счастлив, если мне удастся здесь поселиться». Радость стала еще больше, когда он узнал, что дом пустует.

На почте Малькольмсон навел справки об агенте, в ведении которого находились бумаги на этот дом. Им оказался господин Карнфорд, местный адвокат. Он был несказанно удивлен тем, что нашелся человек, пожелавший занять часть старого особняка.

— Я как лицо, представляющее интересы хозяев дома, естественно, буду только рад, если вы пожелаете поселиться в нем,— сказал он при встрече с Малькольмсоном.— Но вы знаете... Дом довольно долго пустует, и по городку уже стали распространяться недобрые слухи о нем. Народ у нас здесь с предрассудками, знаете ли... Но, впрочем,— он быстро посмотрел на студента,— если вы въедете в дом, это положит конец глупым басням.

Малькольмсон подумал, что совсем не обязательно расспрашивать агента об этих «глупых баснях». В крайнем случае, от других людей он узнает гораздо больше, если захочет. И, не долго думая, отсчитал плату за три месяца, получил взамен квитанцию и адрес женщины, которая могла бы выполнять обязанности экономки и уборщицы. Затем он отправился к хозяйке гостиницы, милой и обходительной с ним, чтобы договориться

о необходимых товарах и продуктах, которые он собирался заказать у нее.

Как только он рассказал ей, где поселился, она в крайнем волнении всплеснула руками и воскликнула:

— Только не в Доме Прокурора!

Он сказал внезапно побледневшей женщине, что даже не знал и не слышал этого названия прежде, что оно кажется ему немного странным.

— О, это самое точное название! — сказала она, все еще не успокоившись.

Студент попросил ее рассказать о доме. Почему он так называется и что это за слухи о нем ходят по городку.

Она поведала, что дом назван так, потому что много лет назад, около ста или даже больше, как ей говорили, когда она сама приехала жить сюда, это было жилище прокурора, известного всей округе своей жестокостью и несправедливыми приговорами в отношении заключенных местной тюрьмы. Что касается дурных слухов о доме, то хозяйка тут ничего определенного сказать не могла. Она часто спрашивала у старожилов, однако толком ничего не узнала. Но, как и все другие горожане, ощущала почти физически, что в доме есть нечто... Она даже готова узнать, что банк, в котором лежат ее последние сбережения, лопнул, но ни за что на свете не останется в этом доме больше часа, если ее кто-нибудь и заставит пойти туда под принуждением.

Потом она опомнилась и извинилась перед Малькольмсоном за свою бессвязную речь.

— Вы уж простите меня за то, что я тут наболтала. Вы будете там жить совсем один, а я пугаю вас. Нехорошо! Но, будь вы моим сыном — простите мне и это,— вы бы не остались в том доме и дня! Даже если бы мне для этого пришлось самой идти туда и изо всех сил бить в пожарный колокол, что подвешен к крыше!

Добрая женщина так искренне переживала за Малькольмсона, что это его тронуло. Прежде чем попрощаться, он сказал, что чрезвычайно ценит ее участие, и добавил:

— Но, дорогая миссис Уитэм! Вам нет нужды беспокоиться обо мне! Человек, который твердо решил на «отлично» сдать математический анализ, будет слишком занят, чтобы поддаваться влиянию этого мистического нечто. Мой предмет настолько точен и прозаичен, что, боюсь, в моей голове не найдется места для тайн и мистики любого рода. Судите сами: геометрическая прогрессия, формулы и таблицы, эллиптические функции! До мистики ли тут?! Вот мои тайны! Я должен во что бы то ни стало постичь их к назначенному сроку.

Миссис Уитэм с удовольствием согласилась выполнить некоторые бытовые заказы студента. После этой встречи Малькольмсон отправился по адресу старушки, которую ему рекомендовал адвокат в экономки. Когда он вместе с ней вернулся к Дому Прокурора, то увидел там миссис Уитэм, руководившую работой нескольких человек, которые заносили в дом всевозможные коробки и узлы. Вскоре подъехал и обойщик мебели с кроватью. Миссис Уитэм объяснила студенту, что мебель в доме может оказаться и в относительном порядке, но молодому человеку вредно для здоровья лежать на кровати, которой не пользовались уже более полувека.

Ей пришлось-таки зачем-то зайти в дом. Она так демонстративно проявляла свой страх перед мистическим нечто, что при малейшем звуке, поскрипывании половиц или мебели сильно прижималась к плечу Малькольмсона и уж, во всяком случае, не отходила от него ни на шаг, пока они снова не вышли на улицу.

Осмотрев дом, Малькольмсон решил выбрать для своего жилья большую столовую. На его взгляд, она почти идеально подходила для проживания и занятий.

Миссис Уитэм с помощью экономки и уборщицы, миссис Демпстер, заканчивала руководство внешним обустройством студента в старом доме. Когда в его новое жилище внесли последние коробки и распечатали их, он с удовольствием отметил среди многих мелких полезных вещей продукты с гостиничного стола на несколько дней. Уходя, миссис Уитэм пожелала студенту приятного времяпрепровождения и успешных занятий и уже у самых дверей, обернувшись, добавила:

— Ваша комната очень большая и холодная, сэр, поэтому, может быть, следовало бы задергивать кровать ширмой: сквозняк — дело нешуточное! Хотя, если честно, я бы умерла от страха, видя, как ночью всякие твари лезут через ширму ко мне в постель!

Она была не на шутку растревожена, и по рукам ее постоянно пробегала легкая дрожь.

Миссис Демпстер насмешливо фыркнула вслед уходящей хозяйке гостиницы, а затем заявила студенту, что она не боится ни привидений, ни домовых, вместе взятых во всем государстве.

— Я вам расскажу о них, сэр,— заверила она Малькольмсона.— Домовые — это крысы и мыши, жуки и сверчки, скрипящие петли дверей и шатающиеся ступеньки лестницы на крыльце. Это разбитые стекла и треснувшие зеркала в уборной. Наконец, это неподатливые ручки ящиков стола и шкафов. Днем вы их не можете открыть, а ночью они шумно отодвигаются и задвигаются. Посмотрите на эти стены! Они обиты деревом. И вы думаете, что за сто лет крысы и жуки не прогрызли там свои норы?! Домовые, повторяю, это прежде всего крысы, а крысы — это прежде всего домовые, вот что я вам скажу! Это я знаю совершенно точно, и даже не пытайтесь в этом усомниться!

— Миссис Демпстер,— серьезно проговорил Малькольмсон, вежливо перебивая старушку,— вы знаете больше любого выпускника-математика Кембриджа! Я высоко ценю и уважаю ваш ум и смекалку. И хотя мне будут надобны ваши услуги в течение первых четырех недель, и только, я предлагаю вам плату и за оставшиеся два месяца после этого, если вы соблаговолите остаться со мной в этом доме.

— Сердечно благодарна вам, сэр,— ответила она.— Но я домоседка и не могу провести и одной ночи вне своей квартиры. Кроме того, у нас строгие правила — ведь я живу в пансионе Гринхау, и, не явись я хоть раз на ночь, боюсь, мне откажут в жилье. Не хочу рисковать, сэр. Если бы не это, не сомневайтесь, я с удовольствием переехала бы сюда на время вашего пребывания.

— Что ж,— сказал Малькольмсон.— Я сам желал уединения. Милая миссис Демпстер, я даже благодарен Гринхау за строгость и дисциплину, о которых вы мне рассказали. Сам святой Антоний не смог бы явить лучшей организации жизни в пансионе. Не буду вас дольше искушать.

Старушка скрипуче засмеялась.

— О эта молодежь! Она ничего не боится! — воскликнула она.— Вы, сэр, найдете здесь то уединение, которое вам нужно, могу вас заверить.

С этими словами она тут же принялась за уборку дома, а Малькольмсон отправился на прогулку. У него было такое правило — прочитывать несколько глав учебника на свежем воздухе. Когда он вернулся в дом, то увидел комнату прибранной, мебель начищенной, а окна протертыми влажной тканью. В старом камине весело потрескивали дрова, на столе стояла зажженная керосиновая лампа, а сам стол был накрыт ужином, приготовленным из отличных продуктов, принесенных миссис Уитэм.

— О, да здесь просто комфортно! — приглушенно воскликнул он, довольно потирая руки.

Покончив с едой, он, не откладывая дела в долгий ящик, перенес посуду на противоположный конец длинного дубового стола, достал свои книги, подбросил в камин новых дров, придвинул поближе ярко горевшую лампу и углубился в работу.

Около одиннадцати часов вечера он прервался, чтобы поддержать в камине огонь и приготовить себе чашку чая. Еще со времен колледжа он был известен как большой любитель крепкого чая, так как часто был вынужден допоздна засиживаться за книгами и ему, конечно же, требовалось время от времени взбадривать себя каким-нибудь средством. За лучший из всех бодрящих напитков он почитал старый добрый чай. Любимое питье стоило довольно дорого для студента, и поэтому каждый раз, сидя у камина за чашкой, он стремился получить двойное удовольствие.

Огонь, подпитанный парой свежих поленьев, разгорелся с новой силой, потрескивая и лопаясь в своем горниле. По старинным стенам комнаты побежали причудливые тени. Держа в руках горячую чашку, молодой человек неподвижно смотрел на язычки пламени и во всей полноте ощущал свое уединение и отдаленность от внешнего мира.

И только через несколько минут он обратил внимание на глухой звук крысиной возни.

— Постой-ка! — удивился он.— Ведь не могли же они шуршать в продолжении тех часов, что я читал! Я бы обратил на это внимание!

Шум усилился, и студент понимающе хмыкнул. Ну, конечно! Поначалу они были напуганы присутствием незнакомца в комнате, а также светом керосинки и огня из камина. Ведь дом долго пустовал, и крысы уже отвыкли от человека, а может быть, и вовсе никогда его не видели. Но время шло, и они становились все смелее, пока наконец не стали вести себя, как обычно, словно никого и не было в комнате.

Крысы подняли такой шум, что, казалось, у них неотложные дела сразу во всех концах комнаты. Вверх и вниз под деревянной обшивкой стен, над потолком и под полом носились они, попискивая и шурша хвостами. Малькольмсон, улыбаясь самому себе, вспомнил слова миссис Демпстер: «Домовые — это, прежде всего, крысы, а крысы — это, прежде всего, домовые». Так, кажется?

Чай понемногу начал оказывать свое стимулирующее действие на нервы и мозг студента. Он с удовольствием отметил, что до утра вполне сможет еще выполнить большую часть учебной работы. А пока — отдых. Наслаждаясь тишиной и покоем — если, конечно, не считать крыс,— он не удержался от небольшой экскурсии по комнате. Держа керосиновую лампу в руке, он пошел вдоль стен столовой, то и дело громко изумляясь тому факту, что такой удивительный и красивый — тяжелой красотой — особняк слишком долго оставался без жильцов. Дубовые доски, которыми были обшиты стены, выглядели крепко, без признаков гниения. Довольно высоко, чуть ли не под самым потолком, висело несколько старых полотен. Правда, они были покрыты таким слоем пыли и так засижены мухами, что, как ни приближал студент лампу, он не мог разобрать, что же все-таки на них изображено. Проходя мимо одного угла, он на секунду случайно осветил его и разглядел в досках небольшую щель. Не успел он пошевелиться, как в темноте, что царила там, появились два горящих крысиных глаза. Они неподвижно уставились на Малькольмсона, и только он хотел приблизиться, как те исчезли и послышались только слабый шорох и тихое попискиванье.

Он продолжил свое знакомство с комнатой, и скоро ему пришлось сильно удивиться. В углу, справа от камина, с потолка свешивался толстый веревочный шнур от пожарного колокола, который был установлен, как он уже знал, на крыше.

Малькольмсон опять присел на дубовый стул с высокой спинкой, поближе к огню, чтобы выпить последнюю чашку чая. Через пять минут он возвратился к столу, на котором его ожидали книги, устроился так, чтобы свет от лампы падал слева, и углубился в работу.

Первое время крысы своей возней досаждали ему, но скоро он уже не замечал этих звуков, как привыкает человек к тиканью настенных часов или шуму падающей воды. Наконец настал момент, когда все звуки и вообще весь внешний мир отошли на второй план перед упражнениями, над которыми он склонился, а затем и вовсе пропали.

Внезапно он поднял голову, оторвавшись от нерешенной задачи, напрягая все свои органы чувств. До рассвета оставалось не больше часа. Время глубокого сна для спящих и тревоги для бодрствующих. Звуки крысиной возни, сопровождавшие его занятия на протяжении всей ночи, исчезли. Тишина стояла гробовая. Он только было собрался поразмышлять на предмет этой перемены, как что-то заставило его инстинктивно вздрогнуть. Огонь в камине совсем ослабел к этому часу, но все еще тлел красным светлячком. Малькольмсон — неожиданно для самого себя — обернулся к камину и обомлел, несмотря на все свойственное ему sang froid*.

Там, на дубовом стуле с высокой спинкой, по правую сторону от огня, сидела огромных размеров крыса. Она буравила студента злобными глазками. Малькольмсон сделал движение ей навстречу, рассчитывая спугнуть, но она даже не пошевелилась. Тогда он рукой имитировал бросок, как будто запустил в нее чем-нибудь. Она и в этот раз не сдвинулась с места, зато обнажила большие бело-желтые клыки, зловеще скалясь, а в ее глазах, отражавших свет керосиновой лампы со стола, горела мстительность, совсем человеческая...

Малькольмсон, подавив отвращение, схватил каминную кочергу и бросился к зверьку, чтобы покончить с ним. Но, прежде чем он достиг стула, где сидела крыса, она с диким шипением, в котором, казалось, сконцентрировалась вся ее ненависть к студенту, спрыгнула на пол, еще одним прыжком покрыла расстояние от стула до шнура пожарного колокола, вскарабкалась по нему и исчезла в темноте — керосиновая лампа освещала лишь малую часть комнаты. Сразу же после этого шуршание десятков крыс возобновилось с большой силой.

Малькольмсон уже не мог настроиться на работу, а кроме того, он услышал, как прокричал на улице петух, возвестив наступление утра. Он встал из-за стола, сложил аккуратно книги в стопку и отправился спать.

Юношеский сон был настолько глубок, что его не разбудила даже уборка миссис Демпстер, пришедшей из своего пансиона

* Sang froid (*фр.*) — хладнокровие.

в Дом Прокурора. Лишь когда она уже закончила свою работу по комнате, приготовила завтрак и откинула ширму, закрывавшую кровать, студент проснулся. Чувствовал он себя неважно, но списал это на вчерашние ночные занятия. Впрочем, чашка крепкого чая освежила его и придала сил, поэтому, едва встав из-за стола, он взял учебник в одну руку, несколько сэндвичей в другую — ровно столько, чтобы не проголодаться до обеда,— и отправился на свою обычную прогулку. Он выбрался из города в живописную рощу вязов, где успешно одолел теорему Лапласа. Возвращаясь, он вспомнил вчерашний вкусный ужин и решил завернуть к миссис Уитэм, чтобы еще раз поблагодарить ее за заботу о нем. Она заметила его из окна и, выйдя навстречу, пригласила войти. Долго оглядывала его, озабоченно качая головой, а потом сказала:

— Уж вы не переутомляйтесь. Сегодня вы бледнее вчерашнего. Тяжелая ночная работа, сэр, не ко здоровью для любого человека! У вас ведь сейчас большая нагрузка на мозг? — Она немного помолчала, словно решаясь что-то спросить, и наконец не выдержала: — Расскажите же, как вы провели эту ночь? Надеюсь, все обошлось? Скажу от чистого сердца, сэр, я была просто счастлива, когда сегодня утром миссис Демпстер сказала мне, что вы в порядке и очень крепко спите.

— О, со мной действительно все было в порядке,— сказал он, улыбаясь.— Это ваше мистическое нечто совсем не беспокоило меня. Только крысы. Они очень непоседливы и беспрестанно бегали по всем своим норкам и переходам, которыми они опоясали весь дом! А одна — сущий дьявол — уселась прямо на моем стуле возле камина и не собиралась убираться, пока мне не пришлось взяться за кочергу. Кстати, она весьма проворно убежала по шнуру от пожарного колокола и скрылась то ли в стене, то ли в потолке — точно не разглядел, так как было темно.

— Спаси нас, Господи! — прошептала испуганно миссис Уитэм.— Крыса, похожая на самого Сатану, сидящая на стуле у камина! Берегитесь, сэр! Берегитесь! Слухи слухами; но не все в них ложь!

— Что вы имеете в виду? Простите, не совсем понимаю.

— Вы сказали: сущий дьявол! Именно! Вы не должны смеяться, сэр! — Она строго посмотрела на улыбавшегося студента.— Вы, молодые, находите возможным смеяться над тем, от

чего пожилых людей бросает в дрожь! Ох, не смейтесь! Боже, он все никак не прекратит!

Добрая леди и сама заулыбалась, глядя на хохочущего студента с оттенком упрека. Все ее страхи мигом прошли.

— Простите меня, прошу вас! — попросил уже успокоившийся Малькольмсон.— Не подумайте, что я издеваюсь над вами, просто эта мысль мне показалась уж чересчур фантастичной: сам старик Сатана грелся у моего камина на моем стуле! — Он опять засмеялся.

Они поговорили еще немного о его заказах, и потом он распрощался и поспешил домой к ужину.

В этот вечер крысы напомнили о себе раньше. Вероятно, они начали копошиться в своих норах еще до его прихода, а он спугнул их, и они на время затихли. После ужина он устроился у камина, чтобы выкурить сигару. Это были его последние минуты отдыха, и он использовал их в полной мере. Потом он убрал посуду и приступил к работе.

К ночи крысы подняли шум, который нельзя было даже сравнить со вчерашним; по стенам мелькали их хвостатые тени, не прекращался шорох и писк. То и дело студент поднимал от учебников голову и при свете огня в камине видел в углах и щелях деревянной обшивки стен горящие жадные глазки. Некоторое время он наблюдал за ними. Вот самая смелая стремительно пронеслась мимо камина в другую нору, затем то же самое проделала другая, потом третья. Малькольмсон цыкал на них, намереваясь вспугнуть, стучал кулаком по столу, и его действия часто имели результаты.

— Кш! Кш! — шипел студент, и очередная крыса, затормозив на полпути, несколько секунд в замешательстве решала, в какую щель она успеет быстрее скрыться.

— Кш! Кш! — не успокаивался он.

Крыса опрометью пускалась в темный угол комнаты, и затем оттуда слышался ее испуганный писк.

В этой борьбе прошел весь вечер. Впрочем, она не столько досаждала Малькольмсону, сколько развлекала его в промежутках между очередными этапами работы. С течением времени он все больше погружался в содержание законов и теорем математики и все меньше обращал внимание на присутствие непрошеных серых гостей.

Но в самый разгар занятий, как и в прошлую ночь, он внезапно осознал, что всякая возня в темных углах и за обшивкой стен прекратилась и наступила тишина. Ему даже казалось, что он слышит биение собственного сердца. Он вспомнил, чем ознаменовалась эта перемена вчера, и заставил себя обернуться к камину. В следующее мгновенье он вздрогнул, словно по нему пропустили сильный ток. Там, на его дубовом стуле с высокой спинкой, где еще два часа назад он курил сигару, сидела та же самая огромная крыса и так же, как вчера, неподвижно и зло смотрела на него маленькими глазками!

Дрожащей рукой он схватил со стола первую попавшуюся книгу — ею оказались логарифмические таблицы — и с силой швырнул в зверька. Он кинул книгу, не целясь, и поэтому она пролетела в футе от крысы. Та не шелохнулась. Тогда ему ничего больше не оставалось, как повторить вчерашний прием с кочергой. Произошло то же самое: в самый последний момент крыса, злобно шипя, соскользнула со стула и скрылась в темноте по шнуру пожарного колокола. Странно, но с исчезновением этой крысы комната опять наполнилась громким шуршанием и писком. Совсем так же, как и вчера. Малькольмсон не мог с точностью определить, куда скрылась дьявольская крыса. Лампа была установлена посреди завала книг на столе, и поэтому верхняя часть столовой оставалась во мраке, а огонь в камине освещал лишь пол.

Посмотрев на часы, он увидел, что время близится к полуночи. Отдавая дань своей привычке, подбросил в огонь свежих поленьев и стал готовить чай. К этому времени он уже хорошо поработал и считал, что заслужил еще одну сигару. Юноша сел на свой высокий дубовый стул перед огнем и позволил себе приятно расслабиться.

Пуская в камин колечки дыма, он задумался о происшедшем и скоро вернулся все к тому же вопросу: где она спряталась? В мозгу проносились разные мысли на этот счет, в том числе и самые невероятные. Наконец он зажег еще одну керосинку и установил ее так, чтобы свет падал в тот угол столовой, что находился справа от камина. Затем он собрал все книги, которые имел, и уложил так, чтобы всегда иметь их под рукой в качестве оружия при возможном новом появлении неприятеля. Этого ему все же показалось недостаточно, он снова задумался, а потом встал и подошел к злосчастному шнуру. Конец его закрепил на столе так, чтобы он хорошо освещался рабочей лампой. Делая это, Малькольмсон не мог не заметить его удивительной гибкости, странной для такого толстого шнура, который к тому же привязан к пожарному колоколу и, следовательно, вряд ли когда использовался. «Такая эластичность впору для висельницы»,— подумал он.

Когда все приготовления были закончены, он осмотрелся кругом и не отказал себе в удовольствии похвалить себя:

— Теперь, мой серый друг, мы сможем познакомиться поближе.

Он вновь приступил к книгам и учебникам, и хоть в первые минуты, уже по привычке, его беспокоила крысиная возня, с течением времени он перестал обращать на нее внимание и весь ушел в решение математических задач.

Но его все-таки не оставили в покое. В отличие от прошлых случаев, на этот раз его насторожила не только внезапно наступившая тишина. Он ясно уловил слабое подергивание шнура. Стараясь делать поменьше движений, он проверил стопку книг, предназначенных для метания во врага, и потом медленно поднял глаза на шнур. Впрочем, он немного опоздал: огромная крыса упала с веревки на дубовый стул у камина и — в который уже раз — с ненавистью уставилась на студента. Затаив дыхание, он поудобнее зажал в руке одну из книг, тщательно прицелился и запустил в крысу. Та быстро отпрыгнула в сторону и увернулась от снаряда. Малькольмсон взял другую книгу и метнул ее, затем третью, четвертую — все безуспешно! Наконец он вскочил из-за стола, приготовившись бросить последний фолиант, и увидел, что шипение и писк крысы из злобных превратились в испуганные. Это придало студенту уверенности, и он с силой запустил книгу. Крыса сделала движение в сторону, но на этот раз не успела, и книга с громким стуком ударилась в нее. Крыса буквально взвыла — если так можно говорить о крысах — и с испепеляющей ненавистью сверкнула глазками на обидчика. Затем она взобралась на спинку стула и оттуда сделала гигантский прыжок к шнуру, по которому в следующее мгновение молниеносно взобралась. Лампа, что прижимала конец шнура, сильно закачалась, но не упала, будучи довольно тяжелой у основания.

Малькольмсон стал осматривать всю верхнюю часть комнаты при свете второй, заранее подготовленной лампы и смог

поймать момент, когда крыса скрылась в норе, прогрызенной прямо в середине большой картины, висевшей высоко на стене. Трудно было что-нибудь на ней разобрать из-за толстого слоя пыли и копоти от камина.

— Утром надо не забыть посмотреть на жилище моего старого серого друга,— успокаивал себя студент дрожащим от ярости голосом.— Третья картина от камина. Отлично! — Он принялся собирать разбросанные книги.— Главное — не позабыть.

Малькольмсон поднимал книги с пола одну за другой в том порядке, в каком бросал их, чтобы потом не запутаться в своих занятиях. «Конические сечения», «Циклические колебания», «Анализ», «Термодинамика»... А вот та, которая не миновала цели! Малькольмсон поднял ее и поднес к огню, чтобы рассмотреть, как и остальные. Разглядев при свете обложку томика, он сильно побледнел, руки его чуть задрожали.

— Библия, которую дала мне мать!.. Вот так совпадение! — тихо и медленно проговорил он.

Немного походив по комнате, чтобы успокоиться, юноша опять сел за работу. Крысы, замолкшие на время сражения, вновь вовсю шуршали и пищали во всех углах, но они уже нисколько не мешали ему, даже наоборот,— с ними он чувствовал себя не таким одиноким, они составляли ему своего рода компанию.

И все-таки работа уже не шла: студент сделал несколько подходов к хитрой теореме, но в конце концов был вынужден со стуком захлопнуть книгу. Некоторое время он сидел, глядя на горевшую лампу, и думал о происшедших событиях, но потом решительно встал и пошел в постель. С рассветом он уснул.

Его сон, не в пример вчерашнему, был тревожным, он часто полудремал и даже открывал глаза. Когда поздно утром его разбудила миссис Демпстер, то первая просьба Малькольмсона показалась ей странной.

— Миссис Демпстер,— обратился он к ней,— прошу вас, когда я буду сегодня гулять, протрите те картины на стене, особенно третью от камина. Я очень хотел бы посмотреть, что же на них такое изображено.

Примерно к полудню Малькольмсон полностью восстановил свои силы после вчерашней ночи. Погода была хорошая, и он за время прогулки успел прочитать много полезного в своих

книгах. Довольно легко он расправился и с теми задачами и теоремами, которые так разозлили его вчера за столом. Когда же он стучался в дверь миссис Уитэм в «Добром Страннике», то уже относился с иронией к случившемуся с ним. В уютной гостиной отеля он обнаружил незнакомца, которого хозяйка представила ему как доктора Торнхилла. Добрая женщина выглядела смущенной, а когда к тому же господин Торнхилл стал задавать студенту бесконечные вопросы, словно в медицинском кабинете, тот понял, что доктор здесь появился не случайно, и без долгих вступлений сразу же обратился к нему.

— Мистер Торнхилл! Я с огромным удовольствием отвечу на любые ваши вопросы, если только сначала вы ответите на мой вопрос.

Доктор несколько помедлил, бросив взгляд на миссис Уитэм, потом улыбнулся и сказал:

— Ну что ж. Давайте ваш вопрос.

— Случайно не миссис ли Уитэм попросила вас прийти сюда и дать обо мне заключение?

Доктор на секунду смутился, а хозяйка покраснела и отвернулась. Малькольмсон, улыбаясь, ждал. Наконец Торнхилл, будучи человеком открытым, рассмеялся и, виновато качая головой, произнес:

— Ваша правда! Но она хотела, чтобы вы ничего не заметили. Моя торопливость вас спугнула. Я узнал от нее, что вы слишком увлекаетесь крепким чаем. Кроме того, ей не нравится, что вы живете в том доме, да к тому же совершенно один. Она хотела, чтобы я вам посоветовал бросить позднюю работу и крепкий чай. Я сам был студентом и поэтому понимаю вас лучше, чем другие. Учитывая это, надеюсь на то, что вы воспримете меня и мои советы правильно.

Малькольмсон с широкой улыбкой пожал ему руку.

— Йи-пп-п-пи-и! Как говорят американские студенты! — воскликнул он.— Благодарю вас за вашу доброту. И вас, миссис Уитэм. А ваше участие, как я понял, предполагает адекватный ответ? Ну что ж, торжественно обещаю вам не пить крепкого чая до тех пор, пока вы мне не разрешите, и сегодня я ложусь спать в час ночи самое позднее! Пойдет?

— Великолепно! — воскликнул доктор.— А теперь расскажите нам обо всем, с чем вы столкнулись в старом Доме Прокурора.

Малькольмсон в немногих словах обрисовал две свои последние ночи, проведенные в этом городке. То и дело его рассказ прерывался вздохами и восклицаниями миссис Уитэм, а когда он дошел в своем повествовании до эпизода с Библией, ее волнение достигло апогея, и она едва не потеряла сознание. Доктор предложил ей стакан коньяка, разбавленного водой. Это привело ее в чувство.

Торнхилл слушал с вниманием и на всем протяжении рассказа был серьезен и ни разу не улыбнулся. Когда же студент закончил, он спросил:

— Скажите, эта крыса... Она всегда скрывалась от вашей кочерги посредством того шнура?

— Всегда.

— Полагаю, вы знаете,— продолжил доктор,— что это за шнур?

— Нет! — удивился Малькольмсон.

— Поздравляю! Этим самым шнуром прокурор посредством палача вершил расправу над заключенными на виселице, что во дворе местной тюрьмы!

Его слова были прерваны истошным вскриком миссис Уитэм. Бедная женщина упала в обморок. Доктор поспешил оказать ей помощь.

Малькольмсон взглянул на часы и обнаружил, что близок час обеда. Он попрощался с еще не вполне пришедшей в себя хозяйкой гостиницы и доктором и ушел к себе.

Едва за ним закрылась дверь, как миссис Уитэм стала упрекать Торнхилла за то, что он наговорил бедному молодому человеку насчет шнура.

— Вы видели, он и без этого был бледный! Что же с ним станет сейчас, когда он узнал эту страшную вещь?!

Доктор Торнхилл ответил на это:

— Добрейшая миссис Уитэм! Я нарочно стремился обратить его внимание на этот шнур! Все-таки, несмотря на то, что я редко видел столь здорового телесно и душевно человека, он очень много занимается и от этого его психика может подвергнуться срыву. Вы помните: эти его крысы, которых он уподобляет порождениям самого дьявола? — Доктор покачал головой и продолжал: — Конечно, нужно было не оставлять его одного с самой первой ночи, и даже сейчас я бы очень хотел пойти с

ним. Но, вы сами понимаете, он воспринял бы это как обиду. Предстоящей ночью у него могут случиться галлюцинации и различного рода миражи, поэтому я очень желал бы, чтобы он помнил о шнуре и в самую трудную минуту — вольно или невольно — дернул за него. Это будет нам знаком, и мы можем тотчас же прибыть на место для оказания необходимой помощи. Я сегодня не засну и буду держать ухо востро. Так что не удивляйтесь, если сегодня ночью старый добрый Бенчарч будет разбужен.

— О, доктор, ради бога, что вы имеете в виду?!

— Я имею в виду, что не исключено, а вернее, очень даже возможно, что этой ночью мы услышим с вами звон пожарного колокола, что висит на крыше Дома Прокурора.

С этими словами доктор надел шляпу и вышел.

На этот раз Малькольмсон пришел домой позже обычного и уже не застал миссис Демпстер: правила пансиона Гринхау были не из тех, которыми можно было пренебрегать.

Он с удовольствием отметил, что его комната чисто прибрана, настольная лампа была протерта от копоти и смотрелась как новенькая, в камине потрескивали свежие дрова. Вечер был холоднее, чем обычно в апреле, ветер порывами бился в окна, и по всему было видно, что ночью следует ожидать настоящей бури.

Едва он вошел в дом, крысиная возня прекратилась, но минут через двадцать — грызуны привыкли к присутствию студента — шум возобновился. Он был этому даже рад: шум их возни стал частью его домашнего уюта. Мысленно он возвратился к тому странному явлению, когда крысы замолкали, едва на стуле показывалась самая огромная из них, и вновь начинали бегать и копошиться, как только он прогонял неприятеля кочергой. Его рабочая лампа по-прежнему освещала только стол и пол, верхняя же часть комнаты вместе с потолком была погружена во мрак. Это придавало столовой интимность, что нравилось студенту. Он приступил к ужину с большим аппетитом.

Поев и выкурив сигару, он решил засесть поскорее за работу и — раз уж он обещал доктору не работать до рассвета — употребить оставшееся до часа ночи время с наибольшей пользой. Он дал себе клятву не отвлекаться ни на какие провокации со стороны крыс или чего бы то ни было другого.

Примерно около часа он работал весьма плодотворно, но потом его мысли стали все больше отдаляться от науки. Он чувствовал, как внутри его растет тревога. Ветер, он так и подозревал, постепенно перерос в настоящий шквал, завывал в трубах старого дома и с щемящим душу свистом гулял по пустым комнатам и коридорам, подбираясь мало-помалу к столовой. Даже тяжеленный пожарный колокол на крыше покачивался, и Малькольмсон наблюдал за все более заметными колебаниями шнура, который спускался в его комнату. Скоро шнур уже с глухим стуком стал ударять об пол в такт маятниковым раскачиваниям.

Студент завороженно смотрел на это и вспоминал слова, сказанные днем доктором.

— Поздравляю! Этим самым шнуром прокурор вершил расправу с заключенными на виселице...— произнес он вслух.

Малькольмсон наконец не выдержал, вышел из-за стола и, поймав конец шнура в руки, стал его рассматривать. Орудие убийства или пытки всегда вызывает болезненный интерес обывателя, и скоро студент поймал себя на том, что думает о жертвах этого шнура, о том, кем они были, о прокуроре и его нездоровой выдумке — держать веревку с виселицы постоянно у себя перед глазами. Шнур выскальзывал из его рук под воздействием качающегося колокола, но, кроме этого, Малькольмсону показалось, что это происходит еще и от того, что что-то двигается по нему...

Подняв глаза наверх, он увидел, как к нему медленно по шнуру подбирается огромная крыса, не спуская с него горящих ненавидящих глаз.

Он выпустил шнур из рук и отскочил назад, хрипло произнося проклятия. Крыса тоже испугалась, она повернула обратно наверх и скрылась. В ту же секунду студент услышал возобновившийся шорох сотен лапок и хвостов и громкий, в унисон, писк.

Постояв в задумчивости некоторое время у камина, Малькольмсон вдруг вспомнил, что он не видел еще вымытых миссис Демпстер картин. Он зажег вторую лампу и, держа ее в руке, подошел к третьей справа от камина картине, в которой или за которой, как он помнил, скрылась огромная крыса в прошлую ночь.

Едва взглянув на изображение, он страшно побледнел и резко отступил назад, чуть не уронив на пол лампу. В ногах обнаружилась сильная слабость, пот крупными каплями стекал со лба, и весь он дрожал, словно после приступа лихорадки. Все-таки он был молод и здоров, поэтому нашел в себе силы собраться и вновь подойти к картине. Собравшись с духом, он направил на нее свет лампы и стал внимательно рассматривать. Картина была чисто протерта, и поэтому на ней были видны даже мелкие детали.

В центре полотна был изображен сам прокурор в своей темно-красной мантии. В его лице — квадратном и волевом — отражались коварство, злоба, мстительность и беспощадность. У него был чувственный рот, красноватый крючковатый нос, словно клюв стервятника. Остальная часть лица имела мертвенно-бледный цвет. Глаза были на редкость пронзительны и излучали зло. Глянув на них, Малькольмсон опять был вынужден в ужасе отшатнуться: это были глаза той огромной крысы!..

В следующее мгновенье лампа у него едва не упала на пол: из угла картины на него смотрела огромная крыса, полувысунувшись из своей норы. Остальные крысы в доме опять притихли. Однако Малькольмсон смог взять себя в руки и не ушел от картины. Крыса опять исчезла, а он продолжил осмотр полотна.

Прокурор сидел на стуле из дуба с высокой спинкой справа от большого каменного камина, а в углу был виден свисавший с потолка шнур, конец которого касался пола. Не в силах пошевелиться, Малькольмсон смотрел на работу художника и узнавал свою столовую все больше и больше. Он стал сравнивать реальность с тем, что было изображено кистью живописца. Взгляд его скользнул по углу столовой, и... он дико вскрикнул и уронил лампу на пол.

Там, на прокурорском стуле у камина, прижав лапой конец шнура, сидела огромная крыса и неподвижно смотрела на студента прокурорскими дьявольскими глазами. Если не считать завывания бури за окном, то в самом доме стояла мертвая тишина.

Непроизвольно коснувшись ногой упавшей лампы, Малькольмсон пришел в себя. К счастью, керосин не успел пролиться. Студент поднял ее и привел в порядок, не спуская глаз с крысы, затем сказал вслух:

— Это у тебя не пройдет! Если мне все принимать близко к сердцу, то утром меня можно будет уже везти в психиатрический госпиталь. Пора с этим покончить! Ведь я обещал доктору

не пить крепкого чая. Он был прав! Я пил его слишком много, и у меня возбуждены нервы. Как же я не замечал этого раньше? Наоборот, мне казалось, что я еще никогда в жизни не чувствовал себя так хорошо... Но сейчас уже все в порядке, и никому не удастся сделать из меня сумасшедшего!

Он решительными шагами направился к своему столу, выпил коньяка с водой и сел работать.

Примерно через час он поднял голову от книг, поскольку внезапно в комнате воцарилась тишина. В трубах, правда, выл ветер, который стал еще злее; в окна стучал дождь; но града не было. Появилось ощущение, что стекла вот-вот рассыпятся на мелкие осколки; некоторые капли попали на стол, тем самым лишний раз напоминая, что дом уже обветшал. Огонь под внезапным порывом ветра погас и тлел теперь красным светлячком. Малькольмсон весь превратился в слух, положив стиснутые кулаки на стол и напрягшись всем телом. Некоторое время в комнате стояла тишина, а потом он уловил едва слышный скрип.

Звук определенно исходил из того конца комнаты, где свисал с потолка шнур. Студент подумал, что его издает сам шнур, который шевелился от качающегося колокола. Уверив себя в этом, он для перестраховки поднял глаза в полумрак потолка и... О ужас! Огромная крыса, все та же огромная крыса, медленно спускалась, как ему показалось, по шнуру к стулу! В темноте было плохо видно, но он не смел подойти ближе.

Прошло несколько секунд, и Малькольмсон с изумлением отметил, что это предположение не оправдалось. Крыса, несомненно, была, но она не спускалась по шнуру, а грызла его! Скоро студент уже видел, что тот остаток шнура, который свешивался в комнату, болтается на нескольких тонких нитях. Когда работа была закончена, конец шнура тяжело шлепнулся на пол, а сама крыса осталась висеть на другом конце под самым потолком. Малькольмсон осознал, что последняя возможность связи с внешним миром посредством пожарного колокола теперь утеряна. Ему, может быть, впервые стало по-настоящему страшно. Подавив в себе это чувство или, по крайней мере, приглушив его, он весь затрясся от гнева, схватил приготовленную заранее книгу и с силой метнул ее в крысу. Бросок был произведен великолепно, но, прежде чем снаряд успел поразить цель, крыса отпустила шнур и стукнулась об пол с неприятным всхлипом.

Студент с криком бросился к ней, но она опередила его и скрылась в закоулках полупогруженной в темноту комнаты. Он понял, что больше в эту ночь ему поработать не удастся, и поэтому твердо решил употребить все силы на охоту за крысой. Он увеличил свет керосинки, насколько было возможно. Благодаря этому верхняя часть комнаты впервые за три ночи осветилась, и из тени выступили картины, что были укреплены высоко на стенах. Прямо перед собой Малькольмсон увидел третью справа от камина картину. Что-то привлекло его внимание в ней: он прищурил глаза, вглядываясь в темный холст, и вдруг его глаза округлились и ужас стальными обручами охватил все его члены...

В центре картины была сделана бесформенная заплата из коричневой ткани. Она имела такой вид, будто существовала там еще со времен создания самого полотна. Картина воспроизводила почти такое же изображение, которое студент видел накануне на основном холсте: высокий дубовый стул, камин, шнур, свисавший с потолка, но... Но там исчез прокурор!..

Малькольмсон, боясь дышать, медленно повернулся в сторону от картины и в следующую секунду задрожал всем телом, словно разбитый параличом человек, которого поставили на ноги и отпустили. Вся его молодая энергия покинула его, он не мог сделать и шага, не мог двинуть ни рукой, ни головой. Единственное, что осталось ему, это видеть и слышать.

Там, на дубовом стуле с высокой спинкой, справа от камина, сидел сам прокурор в своей красной мантии. Его глаза излучали дьявольскую ненависть и жажду мщения, на губах гуляла улыбка триумфа, в руках он держал черный судейский колпак. Малькольмсон почувствовал, как кровь отливает от сердца. В ушах поднялся нудный свист. Сквозь него в сознание врывался звон колокольчиков, раскачиваемых бурей на торговой площади. Примерно с минуту — она показалась вечностью — он стоял, не в силах пошевелиться, с широко раскрытыми и наполненными ужасом глазами, боясь дышать. Часы стали бить полночь.

При первом ударе лицо прокурора застыло, улыбка исчезла с тонких губ, а при последнем — он водрузил колпак себе на голову и, встав со стула, поднял с пола отгрызенную часть шнура. Было видно, что ему приятна его тяжесть.

Натянув шнур несколько раз руками, прокурор убедился, что веревка достаточно прочная, и неторопливо стал делать на одном конце петлю. Потом он долго проверял, насколько легко

она затягивается. Наконец покончил с этим и, кажется, остался доволен результатом. Без всякой паузы он медленными шагами направился вокруг стола к Малькольмсону, не спуская с него своих остановившихся горящих глаз.

Студент не смел пошевелиться и только взглядом наблюдал за движениями прокурора, который прошел мимо Малькольмсона, едва не задев его плечом, и остановился перед дверью. Студент понял, что оказался в ловушке, и стал думать, что можно предпринять.

Прокурор не спускал с него глаз, и Малькольмсон поневоле тоже следил за ним, дабы не пропустить момент нападения. Бывший хозяин дома начал медленно двигаться к нему. Приблизившись на несколько шагов, он резко выбросил руку со шнуром в сторону Малькольмсона. Преодолев себя, тот, насколько мог, быстро отклонился в сторону и только услышал, как петля гулко стукнулась об пол позади него. Не спуская зловещего взгляда со своей жертвы, прокурор не спеша подтянул петлю обратно к себе и, размахнувшись, бросил во второй раз. Студент снова увернулся.

Так продолжалось много раз. И раз за разом Малькольмсон, находясь в почти бессознательном состоянии от шока, все-таки избегал смерти. А прокурор продолжал свое дело с завидным терпением. Со стороны это походило на то, как кошка забавляется с мышью прежде, чем сожрать ее. Наконец в отчаянии, которое достигло высшей точки, студент стал осматриваться вокруг в поисках спасения, хотя бы надежды на спасение!

Лампа светила необычно ярко, и почти вся комната выступила из мрака. Из бесчисленного множества норок и щелей в полу, стенах и потолке на него неподвижно уставились десятки горящих глаз. Странно, но это придало ему бодрости — все-таки не один!.. Он посмотрел на остаток шнура, болтавшийся под потолком, и увидел, что он превратился в толстый серый копошащийся ком: крысы так густо усеяли его, что не было видно ни дюйма веревки. Под тяжестью зверьков шнур, а за ним и колокол стали раскачиваться.

Бонннн! Густо прозвучал голос колокола. Звук был хорошо слышен только здесь и еще слаб для того, чтобы разбудить людей в близлежащих домах. За первым ударом колокола вскоре последовал второй. Этот раздался уже громче. Затем третий, четвертый...

При каждом ударе лицо прокурора искажалось звериным гневом. После особенно сильного колокольного звона он издал хриплый звук, глаза его сверкнули дьявольским огнем, и он топнул ногой по полу так, что, казалось, закачался весь дом.

Колокол прозвучал еще раз, и петля, пущенная рукой прокурора, вновь взвилась в воздух. Крысы лихорадочно перебирали лапками, чтобы удержаться на маленьком клочке шнура и не упасть с большой высоты на пол, при этом колокол стал раскачиваться с еще большей силой. Студент опять увернулся и с мольбой во взгляде оглянулся на шнур, облепленный крысами. В ту же секунду прокурор, по лицу которого разлилась мертвенная бледность, приблизился к жертве, крепко сжимая в руках петлю. Их взгляды встретились. Малькольмсон почувствовал, что все члены сразу отказали ему, и остался на месте, будучи не в состоянии отвести обреченного взгляда от прокурора. Он стоял, словно статуя, и ощущал ледяные прикосновения пальцев прокурора к своему горлу. Петля была наброшена и теперь медленно затягивалась. Затем прокурор, обхватив двумя руками безвольного полузадушенного студента, потащил его по комнате. Он поставил его на высокий дубовый стул, что находился рядом с камином, обошел сзади и, поймал болтающийся под потолком остаток шнура. Прокурор сбросил оттуда крыс и привязал к веревке тот кусок, который держал в руке. Потом он отпустил застывшего бедного юношу и выбил из-под него стул.

В ту же секунду изо всех нор и щелей в комнату полезли серые тени...

На звон колокола, доносившийся от Дома Прокурора, стали сбегаться люди, и скоро образовалась порядочная толпа. Мужчины держали в руках большие факелы. В дом стали стучать, но ответа не было. Затем доктор выбрал нескольких здоровяков, и они сделали пролом в двери, которая тут же разлетелась. Все бросились, как указывал доктор, в столовую.

Там, на конце шнура от пожарного колокола, покачивалось тело студента. Керосиновая лампа бросала свет на третью справа от камина картину — там на стуле сидел прокурор, и лицо его кривилось удовлетворенной усмешкой.

СКВО

В то время Нюрнберг еще не был так известен, как сейчас. Ирвинг еще не сыграл своего Фауста, а само название старинного города мало о чем говорило многочисленным любителям путешествий.

Наш с женой медовый месяц длился уже вторую неделю, и нам очень хотелось, чтобы к этим странствиям по историческим местам присоединился еще кто-нибудь. Тутто и повстречался он, иностранец, который поразил нас, людей, в общем-то, довольно жизнерадостных, какой-то особой энергией и бодростью. Элиас П. Хатчисон был родом из города Истмейн, что находится в благодатной, но истерзанной войной белых и индейцев Стране кленового листа. Он приехал в Европу — мы познакомились с ним во Франкфурте, на вокзале,— дабы насладиться красотами древних городов. Мы бы не осмелились подступиться к нему с нашей просьбой, если бы он сам не обронил как-то фразу о том, что путешествие в одиночку превращает даже самого живого и активного человека в мрачного меланхолика, которому самое место в психиатрической лечебнице.

Мы с женой задумали подвести его к сути дела исподволь, потихоньку, поэтому сначала сильно скромничали и тушевались, боясь спугнуть его. Наконец заговорили одновременно и с горячностью, перебивая друг друга. Смешались, замолчали. Потом я решил продолжить, думая, что жена уже не заговорит, но — вот как бывает без репетиции — мой голос опять был перекрыт ее голосом!

Как бы то ни было, а уговаривать Элиаса П. Хатчисона долго не пришлось. Он стал нашим спутником, и выгоды этого события для нас обнаружились весьма скоро. Если, будучи предоставленными самим себе, мы частенько ссорились, то с появлением сдерживающего момента в лице американца мы, наоборот, стали использовать малейшую возможность, чтобы украдкой полюбезничать. Амелия говорила тогда, что впредь она будет советовать всем знакомым молодоженам брать с собой в свадебное путешествие третьего.

Итак, мы вместе отправились в Нюрнберг, по достоинству оценивая путевые впечатления нашего нового друга и изумляясь его вкусу к приключениям, благодаря которому он казался нам порой выходцем из авантюрных романов. Кроме того, нас забавлял его североамериканский вариант английского языка. Иногда нам приходилось по душе то или иное нововведение, но в другой раз мы просто поражались тому, с какой легкостью он уродовал дивный язык Шекспира.

В плане осмотра достопримечательностей Нюрнберга мы оставили напоследок самый любопытный объект — старый город, окруженный крепостными сооружениями. В день, назначенный для знакомства с ним, мы встретились на восточной стороне внешней стены и оттуда начали свой путь.

Старая крепость находилась на скале и возвышалась над городом, защищенная с севера глубокими искусственными рвами. Нюрнбергу посчастливилось — как, кстати, мало какому еще европейскому городу — ни разу не стать добычей вражеских орд. Его никогда никому не отдавали на разграбление и никогда не предавали огню. Поэтому он имел такой чистый первозданный вид. Фортификационные сооружения на протяжении столетий почти не использовались, рвы со временем заросли фруктовыми садами, причем некоторые деревья достигли уже весьма внушительной высоты.

Жарясь под немилосердным июльским солнцем, мы прохаживались вдоль крепостной стены и часто останавливались, чтобы полюбоваться на восхитительный ландшафт, который отсюда весь открывался нашим взорам. Особенно поэтично смотрелась внизу зеленая равнина с голубыми пятнами холмов, на которой тут и там были живописно разбросаны деревеньки со

вспаханными полями и выгонами для скота. Совсем как на пейзажах Клода Лоррена.

Удивительно привлекательным выглядел с крепостной стены и сам город с его причудливыми старинными фронтонами, красными крышами шириной в акр, с расположенными по ярусам мансардными окнами. Справа от нас виднелись башни старого города. Ближе всего возвышалась мрачная Башня пыток, которая считалась самой известной среди памятников города. Из века в век передавались рассказы о знаменитой нюрнбергской Железной Деве как примере наиболее утонченной жестокости, на которую только способен человек. Мы с самого первого дня здесь заинтересовались этой ужасной историей, и вот — дом Девы перед нами.

Во время одного из наших коротеньких привалов мы перегнулись через перила и заглянули в глубину рва. Перед нами раскрылась пропасть в пятьдесят—шестьдесят футов, на дне которой, залитый солнцем, благоухал сад. Жара была, как в духовке, воздух плавился, и от этого сад словно плыл перед нами. По ту сторону рва в небо поднималась мрачная высоченная стена из серого камня. Справа и слева на углах она упиралась в бастионы. Там же, соперничая в высоте с вековыми деревьями, возвышались и старинные дома, которые обычно безжалостное время лишь еще более облагородило.

Нас разморило, и уже не хотелось никуда уходить с этого места. Мы неподвижно застыли, перегнувшись вниз через земляную стену, на краю рва. Нам доставляло истинное удовольствие смотреть на идиллическую картинку: там, внизу, нежась на солнце, лежала огромная черная кошка, а вокруг нее, играя, прыгал крохотный и очень симпатичный котенок. Мать вертела в воздухе хвостом, а котенок пытался поймать его лапками; когда ему это удавалось, она отталкивала его, и все начиналось сначала. С высоты наших пятидесяти футов это смотрелось на редкость забавно. Чтобы разнообразить игру котенка, Элиас П. Хатчисон взял в руку небольшой камень.

— Смотрите! — сказал он весело.— Я кину камешек, и они будут думать, уж не с луны ли он свалился? Вот увидите: будет потеха!

— Осторожней! — предупредила его моя жена.— Вы можете угодить прямо в малышку!

— Только не я, мэм,— уверенно ответил Элиас.— В меткости мне позавидовал бы сам Робин Гуд. Клянусь, котенок даже не заметит. Хотите пари? Нет? Ладно, смотрите.

Несколько секунд он прицеливался, взвешивая камень на руке, и потом, сильно размахнувшись, послал его вниз. Кошка с котенком в тот момент были у самого подножия стены рва, и поэтому мы не могли видеть, куда приземлился камень, поскольку для этого пришлось бы слишком рискованно перегибаться вниз. Мы не видели места падения камня, но по хлюпающему звуку, долетевшему до нас, с ужасом поняли, что снаряд попал прямо котенку в голову!.. Под ударом череп малыша раскололся, как орех, и из него на свет брызнули маленькие мозги... Черная кошка прыжком выскочила на место, откуда можно было посмотреть наверх, и сверкнула на Хатчисона огнем своих зеленых глаз. Затем она бросилась к котенку, который лежал на земле неподвижно, если не считать подрагивания его маленьких лапок. Из огромной раны струей растекалась кровь. С пронзительным воплем — так кричат люди — кошка стала вылизывать рану. Нам было слышно, как ужасно она стонет. Поняв наконец, что котенок умер, она, вся измазанная мозгами и кровью, опять подняла на нас свои наполненные болью и ненавистью глаза. Я никогда не забуду этих глаз и этих взглядов — столько в них было чувства!.. Неподвижно глядя на нас, она то и дело оскаливалась своими белыми зубами, на которых виднелась кровь убитого котенка. До нас долетел неприятный звук — она царапала землю длинными когтями. Вдруг кошка совершила отчаянный прыжок вверх по стене рва — видимо, с целью достать до нас,— но высота была большая, и, на миг зависнув в воздухе, животное упало вниз. К ужасному облику кошки добавилось еще и то, что она упала прямо на котенка и измазалась еще больше.

Амелия едва не упала в обморок, и я был вынужден подхватить ее за плечи и отвести от стены. Поблизости, под сенью раскидистого платана, стояла скамейка, на которую я усадил жену, чтобы она пришла в себя. Затем я вернулся к Хатчисону. Он стоял, не двигаясь, на краю рва и не мог оторвать глаз от завораживающего зрелища разъяренной кошки.

Когда я подошел, он, не глядя в мою сторону, заговорил:

— Вряд ли я когда-либо еще видел столь свирепое существо. Может быть, только...— Он поморщился и продолжил, нисколь-

ко не заботясь и не уважая чистоту истинного английского языка: — У апачей была скво, а у меня — приятель. Индейцы звали его — Заноза. Он был полукровка, хоть внешне выглядел совсем как белый. Однажды во время набега он выкрал у этой скво ее ребенка. Ее саму пытали на огне, а ублюдка он... Он убил его. На ее глазах. Она тогда еще как-то странно на него посмотрела. Нет, она не выла от горя! Она только посмотрела на него... Всего один взгляд!.. Ведьма три года охотилась за Занозой, а когда индейцы сграбастали его и передали ей... Знаете, никто так ловко не пытает, как апачи... Человек умирает долго... Я видел ее лицо, когда убивали ее сына — вот точно такое же, как и у этой кошки. А потом я видел, как она улыбалась. Я поспел в их лагерь как раз в тот момент, когда Заноза испускал дух. Она стояла рядом и улыбалась! Я его не оправдываю. То, что он сделал с ее ребенком... После этого я ни разу не сел с ним за один стол. Но в когтях той скво он искупил свою вину на тысячу процентов! Я взял на память кусочек его кожи... Там их много валялось. Вот он!

С этими словами он запустил руку внутрь своего жилета и извлек оттуда небольшой бумажник из темной высушенной кожи.

Пока он говорил, кошка все не оставляла попыток добраться до нас. Но стена для нее была слишком высока, и она каждый раз, на миг повиснув в воздухе, падала вниз. Поначалу она просто прыгала с места, но потом стала разбегаться несколько футов по ровной поверхности и пыталась вскарабкаться по стене. Ей было, наверно, больно падать, но после каждой неудачи она с удвоенной силой повторяла прыжок. Скоро на нее уже невыносимо было смотреть — так ужасно она выглядела.

Хатчисон был, в общем-то, добрым человеком. Мы с женой несколько раз имели случай убедиться в этом. Он всегда помогал людям и животным и, чувствовалось, тоже тяжело переживал случившееся. Он сочувствовал кошке, если так можно говорить об убийце ее котенка.

— Эй! — крикнул он.— Ты обезумела, бедняжка! Пойми: это произошло случайно! Твоего малыша все равно уже не вернуть, сколько бы ты ни бесилась! Я не хотел, как ты не понимаешь! Ни за что не сделал бы этого нарочно! — Он повернул свое лицо ко мне и обронил: — Этот случай лишний раз доказывает, до каких глупостей можно дойти, когда человек решает поиграть.

Будь я проклят, что взял тот камень! Послушайте, полковник,— сказал он, глядя на меня. Он постоянно наделял меня какими-то высокими титулами, каких я не имел. Наверно, у них в Америке все так делают.— Надеюсь, ваша жена не обиделась на меня за это? Я не хотел, ведь вы понимаете.

Он подошел к Амелии и стал извиняться, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Моя жена была женщина очень добрая, поэтому она заверила Элиаса П. Хатчисона, что понимает,— он действительно сделал это случайно. Затем мы все вместе снова подошли к краю рва.

Кошка сидела, готовая к очередному прыжку, и, видимо, поджидала, пока Элиас опять покажется в поле ее зрения. В самом деле, как только мы показались на краю рва, она тут же высоко прыгнула, издав при этом ужасающий звук. Ее ненависть казалась бы смешной в силу своей гротескности, если бы не была искренней. Она уже не пыталась взобраться вверх по стене, а только прыгала, рассчитывая, видимо, что от ненависти к людям у нее вырастут крыльями. Амелия некоторое время широко раскрытыми от ужаса глазами неподвижно смотрела на кошку, а потом сказала, обращаясь к Элиасу:

— О! Остерегайтесь! Это существо непременно убило бы вас, окажись оно здесь. Посмотрите на ее глаза — это глаза убийцы!..

Наш приятель заставил себя рассмеяться, но мы уловили в его смехе некоторую принужденность.

— Простите меня, конечно, мэм,— сказал он,— но я не мог удержаться от смеха при ваших словах. Человек, который за свою жизнь завалил не одного медведя и прикончил не одного краснокожего, должен остерегаться кошки!

Как только кошка услышала смех Элиаса, ее поведение изменилось. Она перестала пытаться достать нас своими отчаянными прыжками, отошла к неподвижно лежавшему котенку и стала вылизывать и ласкать его, словно он был еще жив.

— Смотрите,— сказал я.— Стоило нашему другу показать себя настоящим мужчиной, как кошка, несмотря на всю звериную злобу, подчинилась ему и поняла бесплодность своих устремлений!

— Как та скво,— сказал Элиас П. Хатчисон, когда мы наконец тронулись и пошли дальше вдоль внешней крепостной сте-

ны.— Когда я пришел отомстить за Занозу, она смирилась со своей судьбой.

Время от времени я подходил к краю рва и видел, что кошка следует за нами. Поначалу она постоянно возвращалась к мертвому котенку, но мы все дальше удалялись от того печального места, и кошке пришло время выбирать между нами и котенком. Тогда она взяла его в зубы и уже не отставала от нас. Некоторое время мы не обращали на нее внимания, а потом вдруг заметили, что котенка больше с ней нет. Видимо, она спрятала его в какой-нибудь норке, каких было множество в стене рва.

Тревога Амелии росла с каждой минутой — упорство кошки приводило ее в отчаяние. Она еще не раз предупреждала Элиаса, но тот все смеялся и наконец произнес:

— Я скажу вам так, мэм! Нечего беспокоиться об этой кошке. Меня не так-то просто взять! — С этими словами он выхватил из жилета пистолет.— Если она вам мешает, я пристрелю ее прямо здесь! Прямо сейчас! Полиция не посмеет косо взглянуть на гражданина Соединенных Штатов!

Хотчисон перегнулся через край стены рва, но кошка, заметив что-то в его руках, тут же отступила подальше, скалясь и тихо рыча, а потом и вовсе скрылась в огромной клумбе с пышными цветами. Он повернулся к нам.

— Если эта кошка не поймет наконец, на кого она лезет, я клянусь, что солнце для нее сегодня погаснет навсегда! Самое лучшее для нее сейчас — вернуться к своему мертвому малышу и отпеть его, как это полагается!

Амелия больше не разговаривала с Элиасом на эту тему, неприятно пораженная после своих слов о кошке его угрозами убить несчастное животное. Мы продолжили свой путь и вскоре перешли ров по маленькому деревянному мостику, сразу за которым начиналась неровная мощеная дорога, которая вела прямиком к пятиугольной Башне Пыток.

Переходя по мосту, мы не могли не посмотреть вниз и, если откровенно, очень надеялись, что кошка больше не преследует нас... Увы! Она шла за нами по пятам. Увидев, что мы заметили ее, она вновь оскалилась и несколько раз попыталась достать нас прыжками на мосту, который был несколько ниже, чем стена рва. Однако ей это не удалось, а Хатчисон, глядя на нее, все смеялся.

— До свидания, девочка,— сказал он, махнув ей рукой.— Прости, что я так разозлил тебя сегодня, но ничего! Скоро ты придешь в себя. Всего!

Спустя минуту мы прошли под сводами высокой арки и вступили через массивные ворота на территорию старого города.

Когда мы оказались в этом сказочно красивом, дышащем историей месте — правда, там находились и совсем новые постройки, которые, впрочем, не заслоняли старой доброй готики,— мы почти забыли о неприятном утреннем происшествии. Чего стоила одна только древняя липа, стоявшая у ворот! Ее возраст, по самым скромным подсчетам, был равен девяти столетиям. Этот грубый и огромный ствол знавал не один десяток поколений жителей Нюрнберга. Вид, который открывался отсюда на город, его разнообразные звуки и разноликие образы заставили нас преисполниться особым чувством причастности к красоте и совсем позабыть о бедной кошке и ее котенке. Каждые четверть часа жаркий воздух сотрясался боем курантов. Эти стены видели сотни пленников, которых Железная Дева навсегда лишала жизни...

Мы в тот день были первыми туристами, пожелавшими осмотреть Башню Пыток. Во всяком случае, так нам сказал хранитель музея. Мы имели в своем распоряжении кучу времени, чтобы насладиться осмотром этого диковинного и легендарного места. Никто нас не подгонял и не торопил, как это было бы непременно, окажись мы в Башне в составе туристической группы. Старик-хранитель рассматривал нас как источник единственного своего дохода на сегодня и всячески предупреждал все наши желания.

Башня Пыток действительно выглядела на редкость угрюмо, несмотря на то что к тому времени в ней побывали уже тысячи людей в качестве обычных туристов, наслаждающихся жизнью, а не несчастных заключенных, единственной мыслью которых было вымолить у Бога легкую смерть и не попасть в объятия Железной Девы. На всем лежала пыль веков, а в темных уголках скрывались тайны жестокостей и зверств, что творились здесь.

Первая комната на самом нижнем ярусе Башни, куда мы сначала зашли, не производила, в общем, жуткого впечатления, как ожидалось. Она была почти полностью погружена в темно-

ту. Даже солнце, ворвавшееся было туда через открытую дверь, потерялось в толщине стен и монументальности потолка, осветив лишь грубый каменный пол и огромную деревянную тумбу посередине, всю покрытую пылью и едва различимыми бурыми пятнами. Если бы стены умели говорить, они многое смогли бы рассказать о происхождении этих пятен, о воплях ужаса и боли, раздававшихся здесь на протяжении столетий.

Мы были рады покинуть эту комнату и подняться вверх по узкой деревянной лестнице. Впереди шел хранитель. Он вскоре открыл перед нами какую-то дверь, откуда показался довольно тусклый свет. Мы прошли мимо зловонного факела, воткнутого в специальную подставку в стене, и через арочный вход оказались в другой комнате. Амелия прижалась ко мне настолько сильно, что, мне казалось, можно было ощутить биение ее сердца. Я не удивился тому, что она так испугалась: комната располагала к этому. Здесь света было несколько больше, чем внизу, и мы смогли хорошо рассмотреть ужасную обстановку, которая свидетельствовала о средневековой жестокости. Пожалуй, единственными людьми, кто мог порадоваться этой комнате, были ее строители. Они потрудились на славу, и ни один палач не мог бы пожаловаться на то, что ему чего-то не хватает здесь. Окна были высокие и очень узкие, наподобие бойниц — такие были и во всей крепости. Мы, хоть и знали, что это было характерно для средневековья, все же подивились, как жили люди при таком освещении. Впрочем, в этой башне не жили — в ней умирали. Щели-бойницы были прорублены настолько высоко и в таких толстых стенах, что, как бы мы ни старались, не смогли бы увидеть и клочка неба.

На подставках и просто на полу в относительном беспорядке размещались всевозможные средства палача. Короткие мечи, в том числе и двуручные с широкими лезвиями. Рядом находились блоки — на них подвешивали несчастных. Специальное приспособление, куда клали осужденного, связывали его, а через отверстия в деревянной крышке прокалывали его тело иглами или спицами. Вдоль стен располагались такие предметы и инструменты, при одном виде которых уже становилось жутко. Стулья с шипами — на них заключенные медленно умирали от невыносимой боли; на стульях и кушетках с тупыми выпуклостями пытка продолжалась еще дольше: боль не была острой

и нарастала в истерзанном теле постепенно, сводя человека с ума.

Пыточные блоки, пояса, башмаки, перчатки, воротники — все было рассчитано на утонченные истязания. Стальные шлемы, половинки которых имели возможность сжиматься, миллиметр за миллиметром раздавливая череп. Огромные шестерни, наподобие часовых, с противоположным ходом, между которых ставился несчастный; гильотинные ножи, цепи, колодки, железные обручи и так далее. С помощью всех этих приспособлений нюрнбергская власть решала свои уголовные и политические проблемы.

Амелия была бледнее смерти, но, к счастью, еще держалась на ногах. Немного забывшись, она присела было на пыточный табурет, чтобы передохнуть, но сразу же с диким вскриком вскочила. Мы с Хатчисоном притворно погоревали о том, что пытка удалась в отношении платья моей жены — оно было испачкано пылью. Американец подкрепил шутку звонким смехом.

Наконец мы прошли в главную комнату — жилище Железной Девы. Там мы и увидели этот пыточный станок, установленный в центре комнаты, в которой больше ничего не было.

Это была грубо сработанная женская фигура, похожая формами на виолончель. Чтобы стало понятней, я сравнил бы эту фигуру с фигурой жены знаменитого Ноя, пережившего потоп на своем ковчеге. Правда, Железная Дева не могла похвастаться — в этом было неоспоримое преимущество миссис Ной — ни тонкой талией, ни rondeur* бедер. Мастер, отливавший Деву, видно, не очень-то старался придать ей привлекательный вид. Особенно это можно отнести к лицу, которое весьма отдаленно напоминало женское. Станок снаружи густо покрылся ржавчиной и пылью. На передней стороне туловища было укреплено кольцо, от которого тянулся шнур к блоку, а тот, в свою очередь, был прикреплен к деревянному столбу, удерживавшему всю фигуру в положении стоя. Натянув шнур, хранитель продемонстрировал, что передняя часть туловища Девы может открываться, как дверь. Он открыл ее, и мы заглянули внутрь.

Металлические стенки оказались весьма толстыми, и в чреве Девы оставалось еще достаточно места, чтобы поместить

---

* Rondeur *(фр.)* — округлость.

туда пытаемого. Сама дверь также была очень массивна, и хранителю пришлось приложить все силы для того, чтобы открыть ее. Дверь, видно, и была задумана такой, чтобы, как только натяжение шнура ослабнет, она сама собой — под тяжестью своего веса — захлопнулась.

Внутренность Девы была покрыта ржавыми пятнами, но мы не поверили, что они появились сами собой. И мы оказались правы! Со слов хранителя мы узнали, что они — часть дьявольской жестокости, которую олицетворяла эта махина. Предполагалось, что, закрываясь, дверь увлечет за собой установленные на ее внутренней стороне острые толстые иглы, которые проколят жертве глаза, а затем сердце и внутренние органы! После этих объяснений хватило моей бедной жене, чтобы она упала в обморок. Я едва успел подхватить ее на руки и отнес вниз на скамейку. Амелия была крайне потрясена, а когда вскоре сти у нас родился сын, то мы обнаружили у него на груди большое родимое пятно неправильной формы. Мы были уверены, что это напоминание о том дне, когда мы познакомились с нюрнбергской Железной Девой.

Жена моя скоро пришла в себя, и мы вернулись в комнату Железной Девы. Там стоял наш друг Хатчисон, с философическим видом глядя на пыточный станок. Он обернулся к нам и выдал плод своих размышлений, снабдив его витиеватым вступлением.

— Я тут думал, пока мадам приходила в себя от испуга,— заговорил он.— Люди привыкли выпивать, и от этого их чувства сильно притупились. Мы уже перестали переживать сильные ощущения. Даже стоя у столба пыток в лагере апачей и зная, что сейчас придет конец, мы перестаем бояться. Это неинтересно. У Занозы была возможность проверить свои эмоции, когда он попал в лапы той скво. Я видел это из кустов. Я даже где-то завидовал ему. Сейчас вот вы, мадам, тоже показали нам, что такое нервы. А терять чувствительность человеку непозволительно, ведь во многом от этого он и человек, а? Так вот. Я, пожалуй, залезу на пару минут в эту красавицу... Только чтобы испытать на себе, что ощущали те, кто окончил в ней свои денечки.

— О нет! Нет! — вскрикнула Амелия.— Ни в коем случае! Это ужасно!

— На самом деле, мэм, для пытливого ума в этом нет ничего ужасного. В свое время я побывал в различных переделках. Однажды в Монтане я провалялся целую ночь, придавленный убитой лошадью, а вокруг меня бушевал пожар. Пожар в прериях, когда вы вынуждены жариться в настоящем пекле,— это, скажу я вам, испытание! В другой раз я заблудился на земле команчей; они тогда как раз вышли с белыми на тропу войны. Меня заваливало в туннеле Билли Бронхо на золотых приисках в Нью-Мексико. Я и еще трое ребят ремонтировали фундамент моста Буффало, и кессон, в котором мы сидели, порвал канаты и поплыл, куда захотел,— еле нашли. Так что я не боюсь острых ощущений, а что касается этой дамочки, она мне даже нравится.

Мы видели, что он настроен решительно и отговаривать его было бы бесполезно, поэтому я сказал:

— Хорошо, но поспешите с вашим экспериментом.

— Отлично, генерал! — воскликнул он.— Но думаю, не все еще готово. Те джентльмены, которых подводили к этой девочке, шли, вероятно, в ее объятия не по своей воле, а? И наверное, их связывали перед потехой. Хочу соблюсти все в точности, так что, может, этот старикан обмотает меня веревкой, как это положено?

Эти слова были произнесены вопросительным тоном, а последние из них явно адресовались старику-хранителю. Он понял основное из того, о чем говорил американец, хотя, скорее всего, не оценил всей прелести его акцента и выбранной лексики, и покачал головой. Впрочем, его несогласие было чисто формальным, и старика можно было без большого труда сломить. Американец достал из кармана золотую монету и сказал, протягивая ее хранителю:

— Возьми, приятель, и не бойся ничего. Слава богу, тебя здесь никто не заставляет никого вешать.

Не говоря ни слова, старик достал сильно потертый шнур и связал им нашего друга с неожиданной крепостью. Когда старик приступил к связыванию ног американца, тот сказал:

— Минуточку, прокурор. Сдается мне, что я буду тяжел для тебя. Давай-ка я сам туда войду.

С этими словами он протиснулся в дверцу Девы. Размеры внутренней камеры подошли ему как нельзя лучше. Амелия наблюдала за процедурой со страхом, однако предпочитала боль-

ше не вступать в разговор. Потом хранитель нагнулся и связал вместе ноги Хатчисона так, что тот стал совершенно беспомощным в этой добровольной тюрьме. Видимо, он наслаждался своим состоянием, поскольку с лица у него не сходила улыбка, к которой мы с женой уже привыкли. Он оживленно болтал:

— Не правда ли, я смахиваю на зародыша? Не скажу, что здесь достаточно места для гражданина Соединенных Штатов, чтобы развернуться как следует. Мы гробы себе делаем и то просторнее. Теперь слушай, прокурор. Ты будешь задвигать дверь на меня медленно, очень медленно. Хочу продлить удовольствие и хорошенько прочувствовать ощущение, когда эти ржавые иглы лезут тебе в глаза.

— О нет, нет! — истерично выкрикнула Амелия.— Это ужасно! Я не могу на это смотреть! Не могу!!!

Американец прервал ее спокойно, но одновременно твердо и с оттенком раздражения:

— Полковник,— обратился он ко мне, при этом глядя на Амелию.— Почему бы мадам не прогуляться? Я очень дорожу ее спокойствием, но я проделал восемь тысяч миль и не желаю упускать возможность посидеть внутри Девы! Хочу знать, что ощущает лосось, когда его запечатывают в консервную банку, и я это, черт побери, узнаю! А когда она вернется, мы с мадам посмеемся вместе.

Американца нельзя было переспорить, и Амелия, подрагивая всем телом и сильно стиснув мою руку, молча смотрела на то, как хранитель медленно, дюйм за дюймом, ослаблял натяжение веревки, державшей дверь станка открытой. Лицо Хатчисона просто засияло, когда он заметил первое движение шипов и игл ему навстречу.

— Глядите! — вскрикнул он.— Клянусь, у меня не было ощущения сильнее с тех пор, как я покинул Нью-Йорк! Последний раз, я находился в таком состоянии, когда дрался с французским матросом в одном баре, но я не думал, что на этом чертовом континенте, где нет ни баров, ни краснокожих, возможны настоящие наслаждения! Эй, прокурор, помедленнее! Не гони лошадей! Я хочу хорошенько порезвиться за мои денежки!

Было такое впечатление, что, подойдя к станку, хранитель почерпнул в ржавом железе и прогнивших веревках умение и

знания тех, кто служили в этой башне многие столетия палачами. В течение целых пяти минут он чрезвычайно медленно и в то же время неумолимо ослаблял веревку, сдерживавшую дверь. Амелия с ужасом смотрела на его действия, и губы ее белели все больше, а пальцы сжимали мою руку все судорожней. Я стал оглядываться в поисках места, куда бы можно было отвести жену, если она опять начнет терять сознание.

Потом я посмотрел на нее и заметил: она что-то разглядывала в темном углу комнаты вблизи от станка. Это настолько поразило ее, что она едва держалась на ногах и не могла произнести ни слова. Проследив за ее взглядом, я увидел огромную черную кошку, выгнувшую свою длинную спину. Ее зеленые глаза зловеще и неподвижно светили из темноты. На миг она выступила из мрака, и я заметил, что она вся измазана кровью своего котенка, которая местами уже засохла и вздыбила ее шерсть клочками. Это придавало ей еще более ужасный вид. Я вскрикнул:

— Кошка! Смотрите сюда! Кошка!

При моих словах зверь вновь скрылся в темноте. Я успел разглядеть торжество в ее зеленых демонических глазах. Шерсть на спине торчала в разные стороны, всклокоченная, и от этого кошка казалась крупнее раза в два, чем была на самом деле. Хвост стоял торчком, а спина хищно выгнута. Элиас П. Хатчисон, увидев ее, изумился, но она не испугала его. Наоборот, он воскликнул со смехом:

— Пусть она не воображает себя той скво! Тресните ее по загривку, если она попытается выкинуть какую-нибудь штуку! Старик превратил меня в куколку жука, и я не могу, наверно, даже плюнуть в нее! Помедленней, прокурор! И смотри не выпусти шнурок из рук, а то мне не поздоровится!

В эту минуту Амелия тихо вскрикнула, я был вынужден подхватить ее на руки, иначе она упала бы на пол. Помогая жене, я бросил взгляд в тот угол, где пряталась кошка, и увидел ее изготовившейся к прыжку. В следующую секунду она прыгнула.

Однако, как оказалось, ее целью был не Хатчисон, а старик-хранитель. Я видел все словно в замедленном темпе. Кошка выпустила когти из-под шерсти на всю длину и направила их вперед, прямо как у сказочных драконов на китайских гравюрах. Она упала хранителю на грудь, при этом один из ее ужасных

когтей попал ему в глаз, пробил его насквозь и вышел наружу через щеку. По лицу несчастного заструились густые потоки крови. С ужасным криком — еще, верно, не успев почувствовать боль,— он отшатнулся назад и выпустил из рук шнур, который сдерживал тяжесть двери пыточного станка. Я прыгнул к станку, чтобы подхватить упавший шнур, но было поздно: уже более ничем не удерживаемая дверь всей своей тяжестью стала надвигаться на связанного американца, ощерясь шипами и иглами.

Во всем этом кошмаре передо мной на секунду промелькнуло лицо бедного Хатчисона. Оно помертвело от ужаса. Глаза его были широко раскрыты и неподвижно уставились на приближающуюся смерть. Ни одного звука не донеслось до нас из его плотно сжатых губ.

А потом шипы и иглы сделали свое дело. Конец наступил быстро. Когда я открыл дверь, то оказалось, что иглы прошили тело Хатчисона очень глубоко и застряли в костях, поэтому его труп «приклеился» к двери. Когда я открыл ее, он был ею выволочен наконец из своей ужасной тюрьмы. Немного повисев на иглах и шипах, тело американца мягко сползло на холодный пол, издав последний тихий хрип. Это, видимо, уже был не голос нашего друга, а звук падающего истерзанного тела и треск разрываемых тканей.

Я увидел, что моя жена без движения лежит на полу, взял ее на руки и вынес на воздух. Я боялся, что она придет в себя и увидит эту ужасную сцену. На лестнице, возвращаясь обратно, я увидел хранителя, который прикладывал к зияющей ране на лице окровавленный платок и стонал от ужасной боли. Перед тем как оказать ему помощь, я заглянул в комнату, где стоял страшный станок. На голове мертвого американца сидела кошка; она громко мяукала и вылизывала изуродованные глаза трупа.

Думаю, никто не назовет меня жестоким за то, что я схватил первый попавшийся тесак, каких здесь было много, и одним ударом разрубил черную тварь пополам.

ТАЙНА ЗОЛОТИСТЫХ ПРЯДЕЙ

Стоило Маргарет Диландер переехать жить в Брент-Рок, как соседи начали довольно потирать руки, и вообще вся округа оживилась в предвкушении нового скандала. Распри между Диландерами и Брентами возникали часто и славились остротой развития. И если кто-нибудь взялся бы написать полную историю графства, он был бы вынужден посвятить отдельную главу отношениям между этими двумя семействами. Между тем по своему социальному положению они так далеко отстояли друг от друга, что, казалось, принадлежали к двум разным мирам, к тому же находившихся в противоположных концах вселенной.

Бренты по своему происхождению вправе были относить себя к высшей касте общества. Собственно, они так и делали и держались по отношению к фермерскому сословию, к которому принадлежала Маргарет Диландер, примерно так же, как высокородные испанские идальго к обычным крестьянам, постоянно копошащимся в земле.

Диландеры помнили предков своих во многих коленах и гордились древностью своего рода не меньше Брентов. Увы, фермерами они были всегда и ступить на более высокую ступень социальной лестницы не имели средств. Впрочем, во времена протекционизма и внешних войн их дела стали было поправляться... К сожалению, ненадолго. Политика свободной

торговли нанесла по благосостоянию семьи первый жестокий удар, а воцарение мира добило окончательно. Старики говорили, что их «словно гвоздями к земле прибили».

И это было действительно так: фермерскому труду Диландеры отдавались полностью, душой и телом. Других перспектив в жизни им Господь не дал. Они сами были будто те овощи, что росли в их хозяйстве: цвели и распускались в хорошую погоду, чахли — в плохую. Однако с каждым новым годом становилось все более очевидно, что их ферма Дандеркрофт уже обветшала и хозяева выжали из нее все, что возможно. Впрочем, зная о доходах Диландеров, никто этому не удивлялся.

Семья хирела вместе со своим домом, из года в год, из поколения в поколение. Многие ее члены, разочаровавшись в крестьянском труде, уходили в армию и на флот. Как правило, их образование заканчивалось в школе минеров, а гибли они до смешного глупо. Один — из-за неуемной и неоправданной храбрости в бою, другие — из-за того, что по небрежности не насыпали бруствер уставной высоты или, по мальчишеской привычке к озорству и похвальбе, высовывали свою голову из окопов в моменты наиболее сильного огня.

Так, мало-помалу, Диландеры опускались все ниже. Мужчины проживали жизнь в тяжких заботах и раздражении и в конце концов спивались. Женщины загибались на работе по хозяйству, вступали в неравные браки, а некоторые из них — и того хуже...

И вот настал час, когда все Диландеры, один за другим, сошли в могилу, и жить в Дандеркрофте остались только двое: Уайхем Диландер и его сестра Маргарет. Эти осколки некогда большого семейства, казалось, унаследовали по мужской и женской линиям все мрачные признаки своего рода, начиная со склонности к дерзким отчаянным поступкам и заканчивая угрюмой страстностью и сластолюбием. Брат и сестра широко применяли в жизни этот своеобразный генетический багаж, правда каждый на свой лад.

История рода Брентов была во многом схожей, однако нельзя забывать той огромной сословной и имущественной дистанции, которая была между ними и Диландерами. Если последние были бедняками и плебеями и в отношении их можно сказать, что они хирели и угасали, расшвыривая без всякой

пользы и отдачи свою жизненную энергию, то к аристократам Брент-Рока лучше всего подошло бы слово «упадок» или даже «декаданс». Военная служба и их не обошла стороной, но Диландеры были солдатами, а Бренты — офицерами. Многие из них снискали себе боевую славу и были награждены за доблесть, прежде чем растратили свое здоровье и душевные силы в распутстве и кутежах.

Нынешним главой семьи — если вообще это еще можно было назвать семьей — оставался единственный представитель прямой линии Брентов — Джеффри Брент. Он, отпрыск истощившегося рода, в одних случаях был способен проявлять наиблагороднейшие качества, унаследованные от предков, в других — являл собой живой пример аристократического упадка и деградации.

Его вполне можно было сравнить с увековеченными кистью художника представителями средневековой итальянской знати. То же мужество и та же неразборчивость в средствах, выраженные в тяжелых чертах лица. Утонченное сластолюбие и коварство, скользящие во взгляде. Жестокость во взлете бровей... Он был, бесспорно, красив. Красив той суровой орлиной красотой, которая дает ее обладателю право приказывать и перед которой так преклоняются женщины.

С мужчинами он был холоден, в общении держал их от себя на расстоянии. Другое дело — женщины. С ними он вел себя абсолютно иначе. Впрочем, законы отношений человеческих полов загадочны, и даже самая робкая и застенчивая женщина не боится высокомерного или неистового поклонника. Так что все без исключения женщины, жившие вблизи Брент-Рока — молодые и пожилые, бедные и обеспеченные, полные и худощавые,— каждая на свой манер, преклонялась перед красивым хозяином этого поместья, несмотря на то что он был венцом упадка в своем роду. А женщин там было много, так как Брент-Рок всей своей махиной высился посередине огромной равнины и на сто миль вокруг можно было увидеть на горизонте его величественные древние башни и строения, которым леса и окрестные деревеньки служили лишь декорацией.

Пока Джеффри Брент кутил и гулял в Лондоне, Париже или Вене, то есть вдали от дома, общественное мнение молчало. Всегда легче не наблюдать лично те или иные поступки, а слушать,

что доносит о них эхо. Так удобней. Можно надсмеяться над эхом, можно ему не поверить, наконец, можно сделать вид, что это вас совсем не касается и что вам, по большому счету, на это наплевать.

Существует тысяча способов, как относиться к слухам, которые к тому же содержат нелестные известия о вашем аристократе-соседе. Но когда скандал подбирается поближе к дому, дело другое. Тут уж приговор должен быть произнесен: люди любят выносить вердикты одним, чтобы неповадно было другим. Однако Брента никто не смел обвинять, поскольку уехать-то он уехал, но осталась Маргарет Диландер. А в последнее время она так благожелательно отзывалась о своих с ним отношениях, да и со стороны это было так заметно, что никто не рисковал подолгу судачить на предмет похождений аристократа, чтобы не заполучить Маргарет во враги. И то немногое, что позволялось людям, так это шептаться о том, что, наверно, Маргарет и Джеффри состоят в тайном браке.

Единственный человек, который мог бы на равных вмешаться во все это дело, не боясь ничего, в силу некоторых обстоятельств был лишен этого права. Дело в том, что Уайхем Диландер постоянно ссорился и ругался с сестрой. Впрочем, правильней было бы сказать, что сестра постоянно ссорилась и ругалась с братом, так что их взаимоотношения никогда даже не приближались к состоянию вооруженного нейтралитета, выражаясь языком военных учебников. Диландеры всегда были в состоянии острейшей взаимной неприязни. Последняя их распря между собой как раз предшествовала переезду Маргарет в Брент-Рок. В тот раз она с Уайхемом чуть не подралась на ножах. Они долго обменивались оскорблениями и угрозами, наконец Уайхем, чувствуя, что скоро уже не сдержится, приказал сестре убираться из дома. Она сразу же вскочила с дивана, на котором сидела, и, не захватив даже с собой свои вещи, ушла. Уайхем видел через окно, как она остановилась у ворот и, обернув к нему разъяренное лицо, крикнула, что он будет жалеть о том, что случилось, до последней своей «поганой минуты».

С того дня прошло несколько недель, и в округе пронеслась весть, что Маргарет видели в Лондоне вместе с Джеффри Брентом. А еще через несколько дней уже все знали, что она переезжает жить в Брент-Рок.

Никто не удивился внезапному приезду Джеффри, ибо такова была его привычка — появляться дома вдруг, никого заранее не уведомляя. Даже его собственные слуги никогда не знали, когда ожидать своего господина. У Джеффри в доме была дверь, ключи от которой были сделаны в единственном экземпляре. Для него, разумеется. Так что очень часто его домашние, полагая, что хозяин сейчас где-то между Парижем и Льежем, сталкивались с ним нос к носу в самом доме. Причем для него это не было забавой. Таков был образ жизни аристократа из Брент-Рока.

Уайхем Диландер пришел в бешенство, узнав о новом месте жительства своей сестры. Он замыслил отомстить, а чтобы легче думалось, запил сильнее обычного. Несколько раз он предпринимал действия, чтобы увидеться с Маргарет, но та категорически отказывалась от встреч. Тогда он стал подстерегать Джеффри на дороге и однажды попытался его остановить. Но владелец Брент-Рока был не из тех, кого можно к чему-либо принудить. Между мужчинами произошло несколько стычек. О постоянных угрозах и оскорблениях даже нечего и говорить. Наконец Уайхем Диландер понял, что в задуманном успеха ему не добиться, и замкнулся в угрюмом одиночестве.

Нет нужды долго разбирать и характер Маргарет — достаточно вспомнить ее предков. А что касается Джеффри, то у него нрав был тоже нелегкий. Поэтому неудивительно, что скоро разгорелись ссоры и в древних стенах Брент-Рока. Разногласия наслаивались одно на другое. Стычки с каждым днем становились одна другой ожесточеннее, угрозы произносились так оглушительно громко и такими словами, что домашние по-настоящему пугались. Но почти всегда скандалы заканчивались примирением, так как становилось ясно, что силы соперников примерно равны и никому из них нечего и думать перекричать другого. Они ссорились тем не менее и в следующий раз, ибо так уж принято у таких людей, живущих под одной крышей.

Довольно часто Джеффри и Маргарет покидали Брент-Рок. Сразу же после их отъезда уезжал и Диландер из своего Дандеркрофта. К сожалению, перемены обстановки никак не отражались на нем, и он возвращался из отлучки, будучи настроен еще мрачнее прежнего.

В последний раз Брент-Рок жил без хозяина и Маргарет дольше обычного. Накануне отъезда между ними произошла ссора, превосходившая по накалу страстей все предыдущие. Но, видимо, она, как и всегда, закончилась примирением, и слугам было объявлено о поездке хозяина на континент.

Через несколько дней уехал со своей фермы и Диландер. Около двух месяцев прошло, прежде чем он вернулся. Соседи заметили в нем перемену. Казалось, он был чем-то удовлетворен, и то, чем он был удовлетворен, волновало его. Прямо с дороги, не заезжая к себе, он повернул в Брент-Рок и потребовал свидания с Джеффри. Когда же слуга уведомил его о том, что хозяин в отъезде, он заметно помрачнел, но тут же взял себя в руки и сказал с хмурой решительностью во взгляде:

— Я приду еще. Новости, которые я ему привез, таковы, что могут и подождать.

С этими словами он круто развернулся на каблуках и удалился.

Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем... Все было по-прежнему, пока наконец не долетели слухи о том — впоследствии они несколько раз уточнялись,— что в Цермамской долине произошло несчастье. Во время движения по узкому участку пути, прямо вдоль края высокого и крутого берега Роны, экипаж занесло на заледенелой дороге, и он опрокинулся в пропасть. Погибли английская леди и кучер. Третий невольный участник катастрофы, господин Джеффри Брент, чудом уцелел, так как не находился в экипаже, а шел рядом, подбадривая лошадей на этом опасном участке. О происшедшем он заявил в полицию, и было проведено компетентное расследование. Сломанная изгородь у края обрыва, глубокие вмятины от колес экипажа, следы лошадиных копыт — все это ясно говорило о том, что несчастные животные до конца боролись за свою жизнь, вытягивая накренившийся экипаж... Все свидетельствовало о том, что здесь действительно разыгралась ужасная драма.

В то время таяли снега, и Рона, ломая лед, стремительным и шумным потоком неслась на дне пропасти. После тщательных поисков были найдены отдельные части экипажа и труп одной из лошадей. Позднее рыбаки в Тоше извлекли из воды труп кучера. Течение реки в период половодья было очень сильное, и этим объясняется тот факт, что беднягу отнесло так далеко от

места катастрофы. К сожалению, разыскать погибшую англичанку и труп второй лошади не удалось. Вероятно, их останки стремительные воды Роны отнесли в Женевское озеро.

Уайхем Диландер, со своей стороны, предпринял всевозможные розыски, но узнать что-либо о пропавшей женщине ему не удалось. Единственное, чем он располагал, это регистрационные записи в отелях: «Мистер и миссис Джеффри Брент». В Цермаме ему показали камень, установленный у края пропасти в память о его сестре, а в Бреттене, в церкви прихода, в который входили Брент-Рок и Дандеркрофт, он увидел табличку с вырезанной на ней фамилией своей сестры по мужу.

Прошло около года, пока вся округа успокоилась. Соседи перестали поминать в своих разговорах о случившемся на берегах Роны несчастье и вернулись к своему обычному, тихому образу жизни. Брент еще не возвратился, а Диландер все больше пил, мрачнел, в его мозгу витали мстительные замыслы, один кровожаднее другого.

А потом пришла еще одна новость, взбудоражившая всю округу. Брент-Рок готовился к приему в свои стены новой хозяйки. Об этом сообщил сам Джеффри в письме к викарию. Он писал, что несколько месяцев назад женился на итальянке и теперь направляется с женой домой. Через несколько дней после письма в Брент-Рок заявилась бригада рабочих. Из старинного дома с утра до вечера доносились звуки молотков и рубанков, в воздухе пахло краской. Одно крыло дома — южное — было полностью переделано. После этого основная часть людей получила расчет — они все закончили, если не считать старинного холла. Рабочие оставили там материалы и отложили все до приезда Джеффри, согласно его распоряжению о том, что отделка холла должна осуществляться в его присутствии. Он говорил, что везет с собой портрет своего отца и другие картины, и вообще он хочет, чтобы его жене было приятно посмотреть на весь дом и холл в частности.

Сюда были подвезены стропила и доски для лесов, в углу стоял чан для замешивания в нем извести, а сама известь была тут же в больших мешках.

Когда новая хозяйка подъезжала к Брент-Року, звонили все колокола приходской церкви и вообще было полное ликование. Она была очень красива, полна поэзии, огня и южной страсти.

Ее английский ограничивался пока лишь несколькими словами, но это не помешало ей завоевать сердца всех мужчин в округе. Они были потрясены ее удивительно мягким голосом не меньше, чем томной красотой ее карих глаз.

Сам Джеффри Брент выглядел заметно свежее обычного, его счастье так бросалось в глаза!.. Однако временами он вдруг начинал тревожно оглядываться по сторонам, вздрагивать, словно от какого-то тихого стука, который не был слышен никому, кроме него. Определенно его что-то тяготило.

Шло время, и скоро поползли слухи о том, что в Брент-Роке ожидают появления на свет наследника. Джеффри очень нежно относился к своей жене, а ее беременность сблизила их еще больше. Ему трудно было скрыть свою радость. Впервые он проявил интерес к жизни своих слуг, стал уделять им знаки внимания. Дошло даже до того, что он и его молодая жена начали оказывать им различные благотворительные услуги. Когда он думал о ребенке, с которым были связаны все его надежды, печаль, иногда делавшаяся особенно глубокой, исчезала вовсе.

Все это время Уайхем Диландер вынашивал планы своей мести. Его ненависть затаилась возле сердца, и нужен был только предлог для того, чтобы она вылилась наружу в ужасном преступлении. Его мысли вертелись главным образом вокруг жены Брента, так как он чувствовал, что удар по тем, кого Джеффри так любит, придется ему больнее всего. Он только ждал удобного случая, хотя перед страхом неудачи все же оттягивал свою акцию.

Однажды Уайхем засиделся в гостиной до поздней ночи. Когда-то эта комната была красивой, но время и пыль сделали свое дело, и теперь она больше походила на старые развалины, лишенные всякого лоска и просто пристойного вида. В последнее время владелец старой фермы пил больше обычного и теперь тоже склонился над кружкой в пьяной полудреме. Вдруг он приподнял голову: ему почудился какой-то шорох за дверью. На его громкий окрик и удар кулаком по столу никто не ответил. Чертыхаясь вполголоса, он продолжил свое нехитрое занятие. Через минуту машинально бросил взгляд назад через плечо и... обомлел. Дрожь пробила все его тело, он застыл в обернувшейся позе, не смея отвести потрясенного взгляда от существа,

стоявшего перед ним. Оно выглядело как страшное мертвенно-бледное подобие его погибшей сестры. Ужас начал сковывать его, что неудивительно: женщина, возникшая перед ним, вообще мало была похожа на человека. Горящие воспаленные глаза... Перекошенное лицо... Единственно, что указывало ему на то, что уродливое привидение — его сестра, это пышные золотистые волосы, спускавшиеся по тощим плечам.

Маргарет тоже не отрывала глаз от брата. И взгляд ее дышал ненавистью.

Когда Уайхем Диландер пришел в себя от шока, вызванного столь мистическим появлением, то почувствовал, как в его сердце также поднимается былая вражда к сестре. Губы его задрожали, и, не скрывая злобы и насмешки, он спросил:

— Какого черта ты здесь делаешь? Ты погибла и похоронена под вонючим речным илом!

— Я здесь, Уайхем, вовсе не из большой любви к тебе. Я здесь потому, что ненавижу одного ублюдка еще больше, чем тебя.— Ее глаза грозно сверкнули.

— Его? — прошептал он с такой ненавистью в голосе, что даже она содрогнулась при этом слове.

— Да, его! — крикнула она.— Но не тешь себя надеждой насчет своей жалкой мести ему! Мстить буду я! А тебя я только использую в этом!

Уайхем быстро спросил:

— Он тогда женился на тебе?

Ее лицо исказилось при этих словах подобием улыбки. Это была отвратительная гримаса. Свет падал на нее косо, и от этого она казалась исчадием ада. На лбу собрались глубокие складки, а левая половина лица была покрыта шрамами и рубцами. Они побелели, и казалось, что ее лицо исполосовано множеством бледных линий.

— А! Так тебе хочется знать это! Чтобы потешить свое самолюбие? Как же! Его сестра — и вдруг замужем за настоящим аристократом! Ну так вот: ты ничего об этом не узнаешь! Никогда! И это будет моя маленькая месть за все! Я пришла сюда сейчас только для того, чтоб ты знал: я жива и иду туда.

— Зачем? — быстро спросил он.

— Это мое дело! У меня нет ни малейшего желания рассказывать тебе об этом!

Уайхем треснул кулаком по столу и резко встал. Кровь бросилась ему в голову, в глазах поплыли круги, он зашатался и тяжело повалился на пол. Он делал неудачные попытки подняться и хрипло кричал, что пойдет вместе с ней. Она мрачно усмехнулась при мысли, что, пожалуй, он и впрямь найдет дорогу в темноте, ориентируясь на ее отливающие золотом волосы — жалкие остатки былой красоты. Еще она подумала, что кое-кому сегодня придется вспомнить, что она была когда-то красивой...

— Он увидит мои волосы,— прошипела она.— Они всегда ему будут напоминать о том, что у него была я! Они всегда будут стоять у него перед глазами! Когда он столкнул меня в пропасть, он мало думал о моей красоте. Она бесследно исчезла после того, как я провела целую неделю на непрерывно ломающемся льду Роны! Его красота тоже исчезнет! Я устрою ему такие же ощущения! Близится его время!

С этими словами она резким движением распахнула дверь и вышла наружу, в непроглядную тьму ночи...

Той же ночью миссис Брент долго не могла заснуть. Вдруг она встревоженно подняла голову и зашептала:

— Джеффри! Кажется, звякнул замок под окном?..

Но муж, несмотря на то что тоже обратил внимание на звук и встрепенулся при странном звуке, глаз тем не менее не открывал и вообще делал вид, что спит крепким сном. И это не осталось незамеченным ею. Правда, он не мог скрыть учащенного дыхания.

Прошло около часа, и миссис Брент встревожилась вновь. На сей раз оттого, что увидела, как муж поднялся и стал одеваться. Он был смертельно бледен, а когда повернулся так, что свет лампы упал ему на лицо, она ужаснулась выражению его глаз.

— Что случилось, Джеффри?! — спросила она испуганно.— Что ты делаешь?!

— Тс-с! Тихо, малышка! — ответил он каким-то странным хриплым шепотом.— Спи, а мне что-то не хочется. Я пойду поработаю немного... Днем не все успел...

— Принеси свою работу сюда, дорогой,— попросила она.— Мне будет одиноко. Я боюсь. Не уходи...

Вместо ответа он поцеловал ее и быстро ушел из спальни, плотно притворив за собой дверь.

Несколько минут миссис Брент лежала, вся насторожившись, но затем природа взяла свое, и она наконец уснула.

Внезапно она решительно откинула одеяло и, боясь пошевелиться, стала вглядываться в темноту спальни. Ей послышался далекий сдавленный вскрик. Она вскочила с кровати и, подойдя на цыпочках к двери, прислушалась. Однако больше никаких звуков не раздавалось. Она испытала тревогу за мужа и громко позвала:

— Джеффри! Джеффри!

Она вышла из спальни и стала ждать. Через несколько минут дверь холла открылась, и в ней показался муж. Правда, без лампы.

— Тсс! — прошептал он, прикладывая палец к губам. Она еще раз подивилась перемене в его голосе.— Тсс! Иди в кровать! Я работаю и не хочу, чтобы мне мешали. Иди спать и не буди дом!

Сердитый тон мужа кольнул ее в самое сердце. Так он с ней до этой ночи никогда не разговаривал. Она молча вернулась в спальню, легла и, дрожа и не разжимая напряженных губ, стала прислушиваться к малейшему звуку в доме. Довольно долго стояла полная тишина, но вдруг она с ужасом расслышала, как будто чем-то со скрежетом провели по железной поверхности и затем раздался глухой удар! Через минуту с грохотом упал какой-то предмет и послышались приглушенные проклятия. Потом словно что-то тяжелое протащили по полу и стали заваливать камнями. Звуки слышались отчетливо, и нетрудно было догадаться об их происхождении. Все это время она лежала в кровати, не шевелясь, скованная страхом, сердце бешено колотилось. Последнее, что слышала миссис Брент, был странный звук, как будто что-то откуда-то с усердием соскребали.

Потом наступила тишина, а вскоре дверь тихо отворилась и показался Джеффри. Жена притворилась спящей, но сквозь ресницы она видела, как он вытирает полотенцем с рук что-то белое, похожее на известь...

Утром он вел себя как ни в чем не бывало и ни словом не упомянул о событиях вчерашней ночи, а она боялась тревожить или, боже упаси, сердить его своими расспросами.

С того времени Джеффри сильно изменился. Его постоянно мучили какие-то мысли, настроение у него было плохое, он почти всегда был мрачен и угрюм. У него резко ухудшились сон и аппетит, а давняя привычка неожиданно оборачиваться назад, словно бы кто-нибудь за ним стоял, опять вернулась. Старый холл как-то дурно воздействовал на него. И тем не менее он заходил туда по нескольку раз в день и раздражался, если кто-то еще хотел заглянуть туда же.

Вскоре в Брент-Роке появился бригадир тех рабочих, которые делали в доме ремонт. Он собирался испросить у хозяина разрешение на отделку холла, но его не было дома. Тогда бригадир направился к месту работы, попросив слугу передать хозяину, как только тот вернется с прогулки, что он, бригадир, просит разрешения продолжить работы, и сообщить, что он будет находиться в холле. Слуга исполнил просьбу и был изумлен выражением лица Джеффри, когда он говорил ему о том, куда пошел бригадир. Хозяин оттолкнул беднягу в сторону и бегом устремился в холл. Он опоздал, потому что, когда подбежал к нужной двери, она отворилась и оттуда вышел озадаченный бригадир.

— Прошу прощения, сэр... Я только хотел спросить... Я посылал вам дюжину мешков извести, а здесь увидел только десять...

— К черту ваши десять мешков! И дюжину — туда же! — был ответ разгневанного Джеффри.

Бригадир удивленно посмотрел на него и постарался изменить тему разговора.

— Я понимаю вас, сэр. Просто нам осталось совсем немного, и поскольку уж мы начинали это дело...

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, сэр, сами видите, что происходит, когда вы доверяете начатое нами другим. Какой-то идиот разлил известь. Да бог с ней, с известью! Но ведь здесь мрамор, ценный материал. Что, если он расколет его?..

Джеффри слушал бригадира, и выражение его лица смягчалось. Потом он сказал уже нормальным тоном:

— Скажите своим людям, что в настоящее время я не нуждаюсь в ремонте холла. Пусть там все останется как есть. Пока.

— Отлично, сэр. Я пошлю пару ребят забрать доски и известь. Потом надо бы почистить там немного...

— Нет! — мгновенно прервал его Джеффри.— Оставьте там все как есть. Я пошлю за вами, когда решу продолжить работы.

Бригадир ушел.

Диландер вновь стал ловить Брента на дороге и наконец, когда их коляски столкнулись, он крикнул:

— Эй, что случилось с моей сестрой и твоей женой?

Джеффри быстро расцепил коляски и, не глядя на испуганную жену, затаившуюся в самом темном углу экипажа, изо всех сил стал нахлестывать лошадей. Вслед ему неслся злой хохот.

Той ночью Джеффри, как обычно, зашел в холл. Он подошел было к камину... и вдруг отскочил назад со сдавленным возгласом. Взяв себя в руки, он вернулся к тому месту, но уже с лампой. Он решил проверить, уж не ввел ли его в заблуждение лунный свет, и наклонился над сломанной каминной плитой. В следующее мгновенье он вскрикнул, словно от внезапной боли, и упал на колени.

Там, сквозь трещину в расколотой плите, желтым ручейком пробивались несколько прядей золотистых волос! Приглядевшись, он заметил несколько тонких седых локонов.

От ужасного зрелища его отвлек звук открываемой двери. Он оглянулся и увидел входящую жену. Чтобы она не заметила ничего подозрительного, он опрокинул на каминную плиту свою лампу и сжег проросшие сквозь камень золотистые волосы. Затем поднялся с колен и изобразил удивление при виде жены.

Всю следующую неделю Джеффри Брент был мрачен как никогда, поскольку никак не мог выгадать хотя бы полчаса уединения для того, чтобы без помех побыть в холле. Когда ему все же удавалось забежать туда, он со страхом убеждался в том, что волосы растут и растут сквозь трещины в камине. Он боялся подойти к ним или, не дай бог, постараться приподнять плиту — а вдруг откроется страшная тайна растущих волос?..

Это было в минуты полузабытья.

В остальное же время он лихорадочно размышлял над тем, куда спрятать тело убитой. Конечно, это нужно было сделать вне дома, так как по непонятной причине ее волосы росли и после смерти. Но ему все время кто-нибудь мешал вынести труп. Однажды, когда он входил в свою личную дверь, рядом

оказалась жена и выразила удивление тем, что он что-то скрывает от нее. Брент весьма неохотно показал ей единственный ключ от этой двери. Он нежно любил свою жену и исключал всякую возможность того, чтобы она узнала его жуткие тайны или даже просто начала подозревать его. А через пару дней он, к ужасу своему, столкнулся с тем, что ей все-таки что-то известно.

В тот вечер, вернувшись с прогулки, она прошла сразу же в холл, где и застала мужа сидящим неподвижно с мрачным выражением лица перед расколотым камином. Она решительно приблизилась к нему и твердым голосом заговорила:

— Джеффри, я разговаривала с этим Диландером. Он рассказывает ужасные вещи! Он сказал, например, что неделю назад его сестра вернулась домой. Она была в ужасном состоянии и страшно грозилась. Диландер пытался выпытать у меня, где она! Джеффри! Она же мертва! Мертва! Он говорил, что она выглядела как привидение и только золотистые волосы не дали ему сойти с ума от страха! Но скажи мне, как она могла вернуться?! Ты понимаешь, что я не нахожу себе места от этих рассказов?!

Вместо ответа Джеффри разразился ужасными проклятиями. Она вся задрожала, а он все не останавливался, изрыгая ругательства по адресу Диландера и его сестры. Особенно он чествил ее золотистые волосы.

— Хватит! Хватит! — закричала она и тут же осеклась. Взгляды, которые метал то на нее, то на камин ее муж, были ужасны!

Почти не контролируя себя, он вскочил и направился было к выходу из холла, но тут же остановился, увидев, как внезапно испугалась его жена. Он посмотрел туда же, куда и она, то есть на каминную плиту, и содрогнулся: сквозь трещины в камне упорно лезли на свет золотистые волосы...

— Смотри! Смотри! — шептала она побелевшими губами.— Это мертвая! Это ее призрак! Уйдем отсюда. Господи, я прошу тебя!

С этими словами она схватила мужа за руку и потащила из холла прочь, ее лицо было искажено величайшим страхом.

В ту ночь ей стало плохо, она металась по кровати, и временами ее речь теряла связность и осмысленность. Брент-Рок навестил местный доктор и оказал кое-какую помощь. Понимая

все-таки ограниченность своих возможностей, он рекомендовал Джеффри телеграфировать врачам в Лондон. Брент был в отчаянии. В тревоге о жене он почти полностью забыл о своем преступлении и его последствиях. Скоро доктор вынужден был уйти, так как его ждали другие пациенты. Он оставил Джеффри сиделкой у кровати жены. Его последние слова были:

— Запомните, вам нельзя отходить от ее кровати, пока не приду утром я или пока не приедет доктор из Лондона. Настаиваю на том, чтобы ей был обеспечен полный покой. Не дай бог, произойдет еще один взрыв эмоций! Сейчас она лежит в тепле, и больше ей ничего пока не потребуется. Но не лишайте ее этого!

Поздно вечером, когда дом опустел — Джеффри отпускал на ночь слуг,— его жена неожиданно поднялась с постели и позвала мужа.

— Пойдем! — торжественно сказала она, когда он пришел.— Пойдем в старый холл! Я знаю, откуда тянутся эти золотистые локоны! Я хочу посмотреть еще раз, как они растут!

Джеффри сначала попытался отговорить ее от этой затеи, так как очень боялся за нее. Но потом он увидел, что останавливать ее попросту бесполезно. Он шел за ней, завернутой в махровое покрывало, и не смел даже слова сказать, боясь, что сгоряча она выскажет вслух все свои подозрения. Когда они зашли в холл, она сразу же повернулась к двери, плотно притворила ее и закрыла на ключ.

— Лучше будет, если нам троим никто не помешает,— сказала она с улыбкой, обернув к мужу смертельно-бледное лицо.

— Нам троим?! Но ведь мы только двое...— прошептал Джеффри, пытаясь унять дрожь в теле и не осмеливаясь говорить дальше.

— Сядь там,— сказала она, выключив свет, который он включил.— Сядь у камина и смотри на этот золотой ручеек! Серебряный лунный свет завидует ему! Смотри, он стелется по полу к этому ослепительному золоту! Нашему золоту!

Джеффри с ужасом стал смотреть туда, куда ему указывала жена, и убедился в том, что за те часы, что он не был здесь, золотистые локоны опять проросли сквозь камень, и их уже при всем желании невозможно было скрыть от постороннего глаза. И все же он попытался это сделать, наступив на них. Его жена

придвинула другой стул поближе, села и положила голову на плечо мужу.

— Не шевелись теперь, милый,— прошептала она.— Давай просто сидеть и смотреть. Мы разгадаем тайну золотистых прядей!

Он обнял ее за талию одной рукой и полностью расслабился. Когда весь пол был залит лунным светом, она заснула.

Он боялся убрать руку, чтобы не потревожить ее сон, и сидел неподвижно возле нее. Время шло, и печаль все больше овладевала им.

Он скосил глаза на каминную плиту и весь содрогнулся от ужаса: золотистые волосы росли прямо на глазах. Он смотрел на них широко раскрытыми застывшими глазами, не в силах оторваться. Волосы росли с каждой минутой все больше и больше, а его сердце с каждой минутой становилось все холоднее и холоднее, пока в его взгляде не погасла наконец последняя искра жизни и не остался лишь мертвый ужас.

Наутро явился доктор из Лондона, но ни Джеффри, ни его жены никак не могли разыскать. Слуги осмотрели все комнаты без исключения, но безуспешно! Наконец их внимание привлекла массивная дверь старого холла. Они выломали ее, вошли внутрь, и их взорам предстала печальная и страшная картина. Там, у самого камина, сидели на стульях Брент и его молодая жена. Окоченевшие. Сидели, как будто спящие, но на самом деле — мертвые... Ее лицо было совершенно спокойно, и казалось, она продолжает видеть какой-то интересный сон. Но выражение лица ее мужа было таково, что заставило всех вошедших невольно содрогнуться. В его неподвижных, широко раскрытых глазах застыл предсмертный ужас, непередаваемый и безотчетный страх... Его ноги купались в золотистых кружевах женских волос, подернутых сединой. Волосы нежными ручейками вытекали из трещины в каминной плите.

Они росли.

ЦЫГАНСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО

— Я решительно предлагаю,— сказал доктор,— одному из нас проверить на себе, обман все это или же нет.

— Отлично! — ответил бодро Консидайн.— Сразу же после обеда приготовим сигары и навестимся в табор.

Как и было условлено, едва отложив в сторону обеденные приборы и покончив с бутылкой французского вина, Джошуа Консидайн и его друг доктор Бэли вышли к пустоши и направились на восток, в ту сторону, где располагался цыганский табор. Мэри Консидайн подошла к калитке, за которой заканчивался сад и начиналась тропинка к пустоши, и напутствовала мужа:

— Не трать на них деньги, Джошуа, они нагадают тебе бог знает что. И не вздумай приударить за какой-нибудь смазливой цыганочкой, я все равно узнаю! Да не давай воли Джеральду — он тебе такое предложит, что до беды недолго! Следи за ним!

Джошуа поднял руку, показывая, что он все слышал и обещает следовать советам жены, и громко запел старую веселую песенку «Цыганская принцесса». Джеральд сразу же подхватил несложную мелодию, и они, оборачиваясь время от времени, чтобы отвесить Мэри шутливый поклон, зашагали дальше. Она смотрела им вслед, облокотившись на калитку. Был уже вечер, и небо потемнело, но в воздухе еще сохранилась дневная

свежесть. Одним словом, идиллическая обстановка, особенно для молодых супружеских пар.

Консидайн был молод, но прожил уже достаточно, чтобы порой с неудовольствием констатировать, что его жизнь не богата большими и интересными событиями. Единственное, из-за чего он волновался так, как об этом пишут в книгах, это терпеливое ухаживание за Мэри Уинстон и многочисленные отказы ее амбициозных родителей, которые были согласны выдать свою единственную дочь только за сказочного принца. Вот почему едва мистеру и миссис Уинстон стали известны намерения молодого адвоката, они постарались развести его с дочерью, отправив ее к родственникам в другой город и взяв с нее обещание не предпринимать попыток связаться с любимым.

Но любовь молодых людей выдержала это испытание. Ни разлука, ни отношения с родителями Мэри не охладили страсти Джошуа, а чувство ревности ему, человеку на редкость жизнерадостному, вообще не было знакомо. Таким образом, после долгого ожидания со стороны молодого человека и столь же долгих отказов со стороны родителей девушки последние признали свое поражение, и Джошуа и Мэри поженились.

В этом доме они успели прожить пока только несколько месяцев, но уже почти привыкли к нему и считали своим. Супруги пригласили к себе погостить Джеральда Бэли, старого товарища Джошуа еще по колледжу и безответного воздыхателя по красоте его жены. Он приехал неделю назад и решил устроиться здесь довольно основательно, поскольку дела звали его обратно в Лондон еще не скоро.

Как только Джошуа и Джеральд окончательно скрылись из виду, Мэри вернулась в дом, села за пианино и решила следующий час уделить музыке Мендельсона, которую она боготворила.

Прогулка до табора оказалась приятной и весьма недолгой, так что не успели Джошуа и его друг выкурить по сигаре, как перед ними раскинулись цыганские шатры во всем своем экзотическом великолепии. У большого костра в центре табора стояли несколько человек. Они предлагали цыганам деньги на гадание. Гораздо больше людей стояло поодаль, но не настолько далеко, чтобы не видеть сам процесс появления на свет удивительных предсказаний. Это были те люди, которые не могли позволить себе расходовать деньги на колдовство,— одни по бед-

ности, другие из-за скупости. Но никто не мог запретить им стоять в сторонке и внимательно наблюдать за всем происходящим у костра...

Как только двое джентльменов приблизились к общей группе и их поприветствовали те, кто знал Джошуа как соседа, к ним тут же подбежала молоденькая большеглазая цыганка и предложила погадать на счастье. Джошуа с улыбкой протянул ей руку, как делали остальные, но она проигнорировала его движение и продолжала невинно смотреть на него. Джеральд нагнулся к другу и прошептал ему на ухо:

— Дайте ей несколько монет. Это едва ли не самая важная часть гадания. Во всяком случае, для самих гадалок.

Джошуа достал из кошелька два шиллинга и протянул цыганке. Она едва скосила взгляд на монеты и сказала:

— Что ты мне даешь, красавец писаный? Я не нищая. Ты позолоти мне ручку, всю правду скажу.

Джеральд расхохотался.

— Ничего не поделаешь, дружище! Придется быть пощедрей.

Джошуа был скромен, в некоторых ситуациях просто удивительно скромен и даже застенчив. А в этой ситуации он не мог с бесстрастным видом долго выдерживать лукавый взгляд красивой цыганки и поэтому сказал:

— Ну хорошо. Вот, держи, милая девочка. Но прошу: за такие деньги я нуждаюсь в большом счастье!

И, улыбаясь, подал ей монету в полсоверена. Она ловко подхватила ее и быстро заговорила:

— Я не могу сама давать людям счастье. Ни большое, ни маленькое. Я могу только читать его по звездам.

С этими словами она развернула правую руку Джошуа ладонью вверх. Но стоило ей бросить взгляд на характерные бороздки на коже, по которым гадают все цыганки, как глаза ее наполнились испугом и она, выпустив руку испытуемого, убежала прочь. Юная ворожея остановилась у порога самой крупной палатки во всем таборе, подняла покрывало, закрывавшее вход, и юркнула внутрь.

— Надули! — с притворным гневом вскрикнул Джеральд и хлопнул в ладоши.

А Джошуа стоял рядом с ним и все не мог прийти в себя от удивления, к которому примешивалась изрядная доля раздражения. Оба они не спускали глаз с той большой палатки. И их ожидание было вознаграждено: покрывало вновь откинулось, но на этот раз они увидели не девчонку, что убежала от них, а статную, с величавой осанкой цыганку средних лет. Она начальственным взглядом оглядела весь табор. Всякий шум в ту минуту, как она вышла из палатки, полностью прекратился. Разговоры, смех, даже гадания на какие-то секунды словно испарились в воздухе, и все, кто сидел или лежал на траве у костра, как по команде, встали, приветствуя свою королеву.

— Это ее величество,— прошептал Джеральд, улыбаясь.— Нам повезло сегодня.

Цыганская королева вновь окинула табор изучающим взглядом и потом, не колеблясь, сразу направилась в сторону двух недавно прибывших джентльменов и остановилась напротив Джошуа, как бы показывая этим, что именно он ей и нужен.

— Протяни мне свою руку,— потребовала она в приказном тоне.

Джеральд, скосившись на друга, прошептал:

— Последний раз лично со мной так разговаривали еще в школе. Боюсь, вам придется выложить еще полсоверена.

Джошуа протянул цыганке монету. Она развернула его ладонь и мельком посмотрела на них. Потом она сказала:

— Тебя любят, и в глазах того человека ты — верх совершенства. Ты тот, кому он безгранично и слепо доверяет.

— Надеюсь, что это именно так,— произнес Джошуа.— Но скромность не позволяет мне это утверждать с уверенностью.

— Слушай, всю правду тебе скажу. Я вижу в твоем лице все. Все, ты слышишь? Это горе, которое предначертано тебе судьбой, и этого уже не изменить. У тебя есть жена. Ты ее любишь.

— Да,— проговорил он спокойно, давая понять своим тоном, что об этом не так-то трудно было догадаться.

— Тогда тебе нужно уйти от нее немедля! Тебе больше нельзя видеться с ней! Уйди от нее сейчас, пока в тебе горит любовь к ней и еще не народились черные мысли! Покинь ее навсегда!

Джошуа, не дослушав цыганку до конца, выдернул свою руку и сказал:

— Спасибо за интересные советы.

Затем он, сдерживая свое негодование, круто развернулся и пошел прочь.

— Эй! — крикнул Джеральд.— Подождите! Не принимайте близко к сердцу, дружище! Смешно обижаться на звезды, ну в самом деле! По крайней мере, дослушайте до конца!

— Замолчи! — приказала доктору цыганка.— Пусть идет. Пусть он ничего не знает; не надо его предостерегать.

Джошуа тем не менее быстро вернулся.

— Так или иначе, но я дослушаю этот бред,— сказал он.— Кстати, мадам. Вы тут дали мне совет, а между тем я платил вам деньги за гадание на счастье. На счастье, улавливаете?

— Я предостерегу тебя,— сказала цыганка, проигнорировав слова Джошуа.— Звезды долго молчали. Не проси меня снимать завесу, покрывающую их тайну. Пусть все останется как было.

— Мадам,— обратился к ней вновь Джошуа.— Образ моей жизни таков, что я мало имею дела с тайнами и весьма об этом сожалею. Я к вам и пришел, чтобы наконец приобщиться к тайнам. Я заплатил деньги и хочу уйти отсюда обогащенным знанием, которым через вас соизволят снабдить меня звезды. Или вы хотите, чтобы я ушел отсюда с тем, с чем и пришел, только без денег? Нет уж, увольте.

Джеральд похвалил его.

— А вот и я не уйду, пока мой друг не узнает правды! — весело сказал он.

Цыганская королева сурово оглядела обоих и сказала:

— Как хочешь. Ты сам выбрал. Только отбрось свои насмешки и легкомыслие. Грядет печальная судьба, и злой рок витает у тебя над головой.

— Аминь,— сказал Джеральд, весело поглядывая на внимательно слушавшего цыганку Джошуа.

Она вновь взяла руку Джошуа и повернула ладонью к своему лицу.

— Я вижу хлынувшую кровь,— начала она.— Она течет уже давно. Я вижу ее, катящуюся быстрыми ручейками. Она льется через сломанный ободок кольца!

— Дальше,— сказал, улыбаясь, Джошуа.

Джеральд молчал.

— Тебе недостаточно? Ты хочешь, чтоб я говорила откровенней?

— Конечно. Мы, простые смертные, хотим, чтобы нам пояснили туманные речи. Звезды от нас очень далеко, и я вижу, что на пути ко мне их пророчества теряют ясность.

Цыганка вздрогнула от этих слов и затем продолжала с чувством:

— Твоя рука — рука убийцы. Убийцы своей жены!

Сказав это, она отпустила руку Джошуа и уже повернулась, чтобы уйти.

Джошуа засмеялся.

— Знаете,— весело заговорил он,— будь я цыганкой-гадалкой, я все-таки привнес бы в свою систему немного юриспруденции. Вот вы сказали: «Твоя рука — рука убийцы». Ну что ж... Мы сейчас не будем говорить о будущем. Но пока я свою жену не убил. А ведь вы так употребляете слова, словно убийство уже имело место. Вам следовало бы сказать... ну, хотя бы так: «Твоя рука будет рукой убийцы» или: «Рука того, кто будет убийцей своей жены». Как видно, звезды не очень-то заботятся о точности изложения.

Цыганка на это только покачала головой. Выражение ее лица было печально. Она направилась к своему шатру и скрылась в нем.

Делать в таборе Джошуа и доктору больше было нечего, поэтому они молча развернулись и стали возвращаться через пустошь домой. Некоторое время они хранили молчание, но потом Джеральд подал голос:

— Послушайте, дружище. Все это, конечно, было шуткой. Мрачной, согласен, но тем не менее шуткой. Я... Знаете, не лучше ли было бы все-таки сделать так, чтобы это осталось между нами?

— Что вы имеете в виду?

— Ничего не рассказывать вашей жене. Это может ее встревожить.

— Встревожить ее? Мой дорогой Джеральд, о чем вы, право? Да она не встревожится и не испугается, даже если сюда из Богемии заявятся все без исключения гадалки и прорицательницы бродячего племени и объявят ей, что я убью ее! Она прекрасно знает, что я даже подумать о таком не в состоянии!

Джеральд возразил:

— И вы никогда не слыхали о том, насколько глубоко распространено среди женщин суеверие? Суеверность мужчин вошла в пословицы, а женщины подвержены этому еще больше! Они все поголовно склонны к нервным расстройствам на этой почве, а нам оно не знакомо. Я слишком часто встречался с этим в своей врачебной практике, чтобы закрывать на это глаза. Последуйте моему совету и не проговоритесь о гадании, иначе вы просто напугаете свою жену.

Лицо Джошуа напряглось, и губы чуть побелели. Он сказал:

— Дорогой мой друг, я не имею секретов от жены и не желаю их иметь. К чему вводить новшества в наши отношения? Если бы у нас было заведено скрывать друг от друга некоторые вещи, то вы первый сказали бы, что для супругов это, по меньшей мере, странно.

— И все же,— не унимался Джеральд.— Во избежание нежелательных осложнений я повторюсь: не рассказывайте ей об этом. Я просто остерегаю вас...

— Вы заговорили прямо как та цыганская королева,— прервал его Джошуа.— Вообще такое впечатление, что вы договорились с ней напугать меня. Может, это розыгрыш? Признайтесь! Ведь вы же меня пригласили в табор? А до того перебросились парой слов с ее величеством? — Слова эти были произнесены тоном доброй шутки.

Джеральд стал уверять друга, что о самом существовании табора он услышал только сегодня утром, но Джошуа не переставал подшучивать над ним, и, развлекаясь таким образом, они проделали весь путь и подошли к дому, где их ждала жена адвоката.

Мэри сидела за пианино, но не играла. Хороший тихий вечер и мягкие сумерки навеяли ей лирическое настроение. В глазах ее стояли слезы. Едва увидев входящих мужчин, она поднялась со своего места, подошла к мужу и поцеловала его. Джошуа изобразил трагизм на лице и глубоким низким голосом сказал:

— Мэри, прежде чем показывать свою ко мне нежность, выслушай приговор судьбы! Звезды сказали свое слово и скрепили его мрачной печатью.

— Что такое, милый? Говори, что у тебя на уме, только не пугай меня.

— Не буду, дорогая. Но то, что я тебе собираюсь сказать, эту ужасную правду, ты должна знать. Только приготовься сначала: тебе тяжело будет это выслушивать.

— Говори, милый, я готова.

— Вам не позавидуешь, Мэри Консидайн,— заговорил он торжественным голосом.— Малоискушенные в тонкостях употребления языка звезды сообщили свою жестокую новость. Посмотрите на мою руку. На ней кровь. Ваша кровь!.. Мэри! Мэри, что с тобой? Боже! — Он бросился к ней, но не успел ее подхватить, и она упала на пол без сознания.

— Ведь я предупреждал вас,— укоризненно сказал Джеральд.— Вы не знаете женщин так, как их знаю я.

Через несколько минут Мэри пришла в себя, но, как оказалось, только для того, чтобы сразу же впасть в истерику. Она то рыдала, то смеялась, то бредила...

— Уберите его от меня! Уберите! Джошуа! Убери его, Джошуа, муж мой! — кричала она, то складывая в мольбе руки на груди, то отшатываясь в безотчетном страхе.

Джошуа Консидайн был в отчаянии и не знал, что делать. Когда наконец жена успокоилась, он упал перед ней на колени, стал целовать ее ноги, руки, волосы, произносил самые нежные слова, которые только мог изобрести в те минуты. Всю ночь он просидел возле Мэри, не выпуская ее рук из своих. Ближе к утру она проснулась и долго кричала и плакала в страхе, пока не убедилась, что рядом с ней муж, который не даст ее никому в обиду.

Завтрак состоялся непривычно поздно. Джошуа принесли телеграмму, в которой его просили приехать в Уайтеринг, что находился в двадцати милях от дома. Он не хотел ехать, но Мэри чувствовала себя уже хорошо и просила его не беспокоиться за нее. Таким образом, еще до полудня он запряг лошадь в свой двухколесный легкий экипаж и отбыл в указанном телеграммой направлении.

Когда он уехал, Мэри, проводившая его до калитки, вернулась в свою комнату. К обеду она не вышла, но, когда пришло время пить дневной чай — это происходило всегда на живописной лужайке у ручья, под плакучей ивой,— она присоединилась к доктору, чтобы ему не было скучно. Выглядела она отлично, от вчерашней болезни не осталось и следа. После нескольких обычных фраз она сказала Джеральду:

— Конечно, со стороны это все, наверное, выглядело глупо. Я имею в виду вчерашнее. Но знаете, я действительно чуть с ума не сошла от страха! Даже сейчас не могу об этом думать равнодушно! Мне... Я не хочу это так оставлять, поймите. Я должна убедиться, что предсказание — не более чем фальшивка, и сама проверю все. Это ведь все неправда?..— спросила она с мольбой в голосе у Джеральда, который еще раз имел случай подивиться легковерности женщин и их суевериям.

— Каков ваш план? — спросил он.

— Я сама пойду в табор и попрошу ту цыганку погадать мне.

— Великолепно! Решено. Я, конечно, пойду с вами?

— О нет! Это испортит все дело. Она узнает вас и расскажет мне ту же чепуху, что и мужу. Я пойду одна. Сейчас.

И действительно, вскоре она собралась и пошла по пустоши к табору. Джеральд проводил ее немного, затем вернулся в дом и стал ждать.

Не прошло и двух часов, как Мэри вернулась. Она нашла Джеральда в гостиной, где тот читал, лежа на софе. Молодая женщина была смертельно бледна и находилась в состоянии крайнего возбуждения. Едва переступив порог комнаты, она в изнеможении опустилась прямо на ковер. Закрыв лицо руками, Мэри лишь тихонько постанывала. Джеральд сразу же вскочил и пришел к ней на помощь. Ему потребовалось приложить огромные усилия для того, чтобы хоть как-то успокоить ее. Но она была еще не в состоянии говорить, и поэтому он вернулся к софе и стал терпеливо ждать. Прошло несколько минут, и стало видно, что Мэри наконец-то более или менее оправилась от своих переживаний. Она присела рядом с ним и стала рассказывать, что с ней произошло.

— Когда я пришла в табор,— начала она тихим голосом,— мне показалось, что там нет ни души — так было тихо. Я вышла к самому центру лагеря и вдруг увидела высокую женщину, неслышно подошедшую ко мне сбоку. «Звезды подсказали мне, что я тебе потребуюсь»,— сказала она. Я протянула ей свою руку и не забыла вложить в нее серебряную монетку. Она сняла с шеи какую-то позолоченную безделушку и положила ее рядом с монетой. Потом взяла ту и другую и выбросила их в ручей, вы видели его? Опять взяла мою руку и сказала: «Не вижу ничего, кроме крови, пролитой в результате злодейского преступле-

ния». Она захотела сразу же уйти, но я догнала ее и умоляла сказать мне больше. Она некоторое время подумала и потом продолжила: «Увы! Увы! Я вижу, как ты лежишь в ногах своего мужа, и его руки обагрены кровью!»

Джеральду после этих слов стало сильно не по себе, но все же он попытался рассмеяться.

— Да уж,— сказал он, неестественно улыбаясь.— Эта женщина помешалась на убийствах.

— Не смейтесь,— печально сказала Мэри.— Я не могу вот так просто сидеть сложа руки.— С этими словами она вдруг решительно поднялась с софы и вышла из комнаты.

Вскоре после этого разговора вернулся из поездки Джошуа. Он сделал свои дела и поэтому был весел и бодр. Ко всему прочему он проголодался, словно охотник после долгой засады на звериной тропе. Его настроение передалось жене, и она ни словом не упомянула о своем визите в табор. Джеральд также решил ничего не говорить. Словно по какому-то молчаливому договору они вообще не поднимали эту тему вплоть до вечера.

Мэри действительно стало лучше, она заметно приободрилась после возвращения мужа, но от Джеральда все-таки не ускользнуло временами появлявшееся на ее лице печальное выражение.

Наутро Джошуа проснулся необычно поздно и спустился к завтраку, когда у стола уже находились Мэри и Джеральд. Мэри встала рано и все утро работала по дому. Ее что-то волновало, и она то и дело бросала по сторонам тревожные взгляды.

Джеральд не мог не отметить, что за завтраком все немного нервничали. И дело вовсе не в том, что мясо было жесткое, а в том, что все ножи почему-то оказались совсем тупыми. Доктор был гостем в доме и потому считал нескромным говорить об этом вслух, но заметил, как и сам Джошуа с недоумением провел кончиком пальца по лезвию своего ножа. При этом его движении Мэри так побледнела, что, казалось, готова была упасть в обморок.

После завтрака все вышли на лужайку. Мэри задумала сделать красивый букет и попросила мужа:

— Нарви мне несколько чайных роз, милый.

Джошуа подошел к ближайшему кусту, который рос прямо у дома. Он попробовал сломать ветку розы, но она уже застарела, и ему это не удалось. Он опустил руку в карман, где всегда лежал перочинный нож, но, к своему удивлению, его там не обнаружил.

— Дайте мне ваш нож, Джеральд,— попросил он.

Но и у его друга не было при себе ножа, поэтому Джошуа вошел в дом и взял тот нож, что лежал неубранным после завтрака на столе в столовой. Джеральд наблюдал за Мэри, а та со страхом ожидала возвращения мужа из дома. Наконец тот появился на крыльце, раздраженно проводя лезвием столового ножа по ладони.

— Да что, в самом деле, приключилось со всеми нашими ножами? Они никуда не годятся!

Мэри быстро проскользнула мимо него в дом.

Джошуа стал пытаться срезать ветку с розой, как это делают деревенские повара с головами дичи или как школьники разрезают бечевку на куски. С большим трудом он все-таки справился со своей задачей, но только наполовину. Самые красивые розы цвели на прочных толстых стеблях, и он никак не мог тупым лезвием срезать их.

Чертыхаясь и проклиная вполголоса розовые кусты, он опять стал искать острый нож по дому. Безуспешные поиски вскоре надоели ему, и он позвал Мэри, а когда та пришла, объяснил суть проблемы. Вдруг он увидел, что с ней опять делается плохо, и неожиданная мысль появилась у него в голове.

— Ты хочешь сказать, что это ты сделала?..— спросил он взволнованно.

Она не выдержала и вскрикнула в отчаянии:

— О Джошуа! Я так боялась!..

Он побледнел и некоторое время стоял на месте, устремив на жену неподвижный недоуменный взгляд.

— Мэри! — воскликнул он наконец.— И это так ты мне доверяешь, мне?! Не могу представить себе...

— О Джошуа, Джошуа! — вскрикнула она с отчаянием в голосе.— Прости меня!..

Джошуа снова некоторое время молчал и затем сказал:

— Я тебя понимаю, Мэри. Давай покончим с этим сразу, а то мы скоро все сойдем с ума.

Он быстро ушел в гостиную.

— Куда ты?! — почти взвизгнула Мэри.

Джеральд знал, что Джошуа не верит ни на грош в суеверия жены и не может понять ее поступка с ножами, поэтому он не удивился, увидев, как Джошуа появился в дверях с огромным тесаком, который обычно лежал на столе у камина и который был прислан ему его братом из Северной Индии. Это был великолепный образчик холодного охотничьего оружия. Пакистанцы нередко пускали его в ход во время своих внутренних мятежей и бунтов. Разрушительная сила тесака была ужасной. Лезвие — бритва. Рукоять сделана большим мастером, так что при общей массивности оружие казалось легким в руке и удобным в бою. Умелый владелец с одного удара сносил им голову взрослой овцы.

Едва завидев появившегося в дверях дома мужа, вооруженного ножом, Мэри страшно закричала и снова вернулась в состояние, близкое к истерике.

Джошуа бросился к ней на помощь, а увидев, что она падает, бросил свое оружие на землю и протянул к ней руки.

...Он опоздал всего лишь на секунду. Оба мужчины в ужасе вскрикнули, увидев, что Мэри, уже потерявшая сознание, упала прямо на открытое и страшное лезвие.

Подойдя ближе, Джеральд увидел, что, падая, Мэри инстинктивно все-таки закрыла свое тело от ножа, выставив вперед левую руку. Видимо, была задета вена, потому что кровь хлестала из раны свободным потоком. Перевязывая руку женщины, Джеральд обратил внимание все еще не пришедшего в себя Джошуа на то, что, кроме разреза на руке, от удара о лезвие сломалось обручальное кольцо.

Мэри сильно ослабела от потери крови и переживаний, и ее аккуратно перенесли в дом. Через некоторое время она встала и, оберегая перевязанную руку, вышла к мужчинам. Она улыбалась, и видно было, что все тревоги наконец-то покинули ее. Она подошла к мужу и сказала:

— Цыганка была необычайно близка к правде! Я бы никогда не поверила, если бы не испытала на себе!

Джошуа обнял ее и прикоснулся губами к повязке на ее руке.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АБЕЛЯ БЕГЕННЫ

Маленькая корнуолльская гавань Пенкасла вся сверкала под раннеапрельским солнцем, которое, казалось, теперь навсегда останется на небосклоне, оправдываясь за постоянный полумрак прошедшей зимы. Над туманной синевой неба и моря черной обрывистой махиной возвышалась скала. Вдали едва-едва виднелась полоска горизонта, разделявшая воду и воздух. Море было настоящего корнуолльского цвета: голубой сапфир, переходящий постепенно в синие тона, а под утесами, в смутно угадываемых бездонных глубинах,— в изумрудные. В крутых обрывах каменными пастями зияли пещеры и выбоины в скалах.

На склонах — пожухлая трава грязно-коричневого цвета. Кусты дрока с желтыми светляками цветов отливали пепельно-серым оттенком. Но зелень густым ковром уже покрыла холмы, утесы и скалы. На тех участках склона, где свободно гуляет штормовой ветер, кусты были подрезаны словно ножницами садовника. Вообще эта местность, скалы, склон холма — темно-серая масса с желтыми пятнами — похожа на огромное доисторическое животное, спящее у моря вечным сном.

Маленькая гавань выходила в море заливом, зажатым между высокими утесами. В глубине его высилась одинокая скала, изрытая пещерками и норками, продутыми ветрами. Это здесь море в штормовое время с грохотом выбрасывает фонтаны пены. Это здесь страшно воет ветер.

Неподалеку начинается река, вход в которую защищен справа и слева изгибающимися волнорезами. Они грубо сработаны из заросших водорослями плит, глубоко врезавшихся в море. Во время отлива вода здесь резко понижается, и со дна выступают обломки скалы, усеянные трещинами и норками, в которых прячутся крабы и омары.

На утесах и окрестных скалах установлены крепкие столбы, указывающие дорогу в гавань тем небольшим кораблям, которым приходится заходить сюда.

На расстоянии четверти мили в глубь суши поток реки слабел, и даже во время прилива, который достигал все-таки и этих мест, ничем нельзя было скрыть поднимающиеся со дна обломки скал. Здесь-то и были сооружены причалы для рыбацких баркасов.

По берегам реки, на уровне высшей точки прилива, выстроились дома местных жителей. Прочно и надолго поставленные коттеджи были окружены аккуратными и красивыми садами с редкими растениями, цветущей смородиной и красочным первоцветом. По стенам вьется плющ. Рамы окон и двери выкрашены в белое, к крыльцу ведут узенькие дорожки, мощенные светлым камнем. Перед входом стоят простоватые скамейки, вырезанные из местных пород деревьев, или просто бочки. Почти все окна заставлены горшочками и коробочками с декоративными цветами и луком.

По разные стороны речки, в домах, стоящих друг против друга, жили двое молодых людей. Двое молодых, привлекательных, с небольшим достатком мужчин, которые с самого детства десятки раз и дружили, и враждовали. Абель Бегенна был по-цыгански смуглым, в его лице проглядывали черты древней финикийской нации. Эрик Сансон был полной противоположностью своему другу — светловолос и румян, отпрыск скандинавских кровей. С детства они всегда были вместе, во всех переделках и потасовках стояли друг за друга; работа, если они делали ее сообща, спорилась у них в руках.

Но большая трещина пролегла между ними, когда оба они полюбили одну девушку. Сара Трефьюзис, и верно, могла внушить к себе большие чувства: первая красавица во всем Пенкасле, руки которой мучительно жаждали и все же не рисковали добиваться все без исключения молодые люди в округе. Ведь ее любили Абель и Эрик — самые заметные и достойные женихи, равных которым не было. Одним словом, соперников у них не было... кроме них самих.

По всем законам человеческих отношений Саре нелегко должно было бы жить, ведь окрестные девушки, не обладающие ее достоинствами, всегда смотрели ей вслед недружелюбно и завидовали. Двум молодым людям тоже пришлось много пострадать и потерзаться: ведь процесс ухаживания, даже если он по-деревенски простоват,— дело долгое.

Прошел год, и обнаружилось, что два друга в равной степени сблизились с Сарой. Теперь их всегда можно было встретить на прогулке втроем. Саре это нравилось, так как она была тщеславна и очень легкомысленна. Она обожала мстить своим недоброжелательницам следующим образом: выходила на прогулку, опершись справа на руку Абеля, слева — на руку Эрика. Проходящие мимо них парочки смотрелись бледно. Девушки готовы были лопнуть от зависти, видя, как их кавалеры вовсю смотрят на красавицу, шествующую в сопровождении сразу двух обожателей, да еще самых достойных во всей округе.

Наконец настала минута, которой Сара больше всего боялась и которую оттягивала до последнего,— минута, когда она должна была все-таки сделать окончательный выбор между своими двумя поклонниками. Они нравились ей оба и могли составить счастье и более взыскательной девушки. Но у нее был такой характер, что она больше жалела о потерях, чем радовалась приобретениям. Сара мучилась необходимостью выбрать из них кого-то одного. Когда она думала о том, что расстанется с одним из них ради другого, тот сразу представал перед ней в совершенно новом свете: его многочисленные достоинства так и бросались в глаза. Она сообщила каждому отдельно, что ответ даст в день своего рождения.

И вот день этот, одиннадцатое апреля, настал. Обещания давались юношам по отдельности и задолго до срока, но она говорила это людям, которые имели хорошую память и одиннадцатое апреля считали решающим днем в своей жизни. Так что ранним утром, в день рождения, она заметила обоих, нетерпеливо прогуливающихся перед дверью. Они не разговаривали между собой и не доверяли друг другу свои надежды, а только каждый выгадывал момент получить ответ раньше другого, а при необходимости и поскорее закончить все приготовления к свадьбе.

Когда началась любовь, дружба закончилась. Это был тот редкий момент, когда друзья страстно желали друг другу неудачи. Они смотрели друг на друга с явным недоброжелательством. Сара имела все основания считать себя счастливой, что ее так любят, но на деле ее раздражало, что оба они так неугомонны и настойчивы. Единственным ее утешением в те минуты было то, что она видела сквозь туманные насмешливые взгляды проходивших мимо девушек острую ревность, которая наполняла их сердца при виде дома Сары, охраняемого двумя самыми желанными для любой невесты молодыми людьми во всем Пенкасле.

Мать Сары по-своему смотрела на успех дочери. Это была самая обычная мещанка, исповедующая старые как мир корыстные идеи и цели. Свои выводы, которые она извлекала из ухаживаний за Сарой и которые высказывала ей при любом удобном случае в самых откровенных выражениях, заключались в следующем: Сара должна получить максимальную выгоду от обоих поклонников, при том, что выйдет замуж она, естественно, за кого-то одного из них. До поры до времени мать девушки держалась в тени, и ее планы были не известны женихам. Сама дочь вначале была возмущена замыслами матери, однако Сара была девушкой хоть и своенравной, но безвольной и слабой, поэтому через некоторое время она согласилась с тем, что предлагала ее родительница. Она не удивилась, когда услышала за своей спиной шепот матери:

— Пойди прогуляйся к берегу пока. Я хочу поговорить с этими двумя. Они без ума от тебя, и теперь пришло время уладить дело!

Сара стала возражать, но мать резко ее прервала:

— Я тебе вот что скажу, моя девочка: как решила, так и будет! Они оба хотят вести тебя в церковь, но поведет только один из них! И, прежде чем ты его выберешь, я сделаю так, что мы заполучим их обоих, а вернее, то, что лежит у них в кошельках! Не спорь со мной, моя девочка! Иди погуляй на склоне холма, а когда вернешься, все уже будет сделано, как надо! Я все продумала.

Сара ушла по узенькой тропинке между кустами дрока, а миссис Трефьюзис присоединилась к молодым людям, томящимся в гостиной в ожидании появления любимой. Она сразу пошла в атаку, как делают все матери, когда дело касается их детей.

— Вы, двое, любите мою Сару!

Их молчание было подтверждением ее реплики, и она устремилась дальше:

— Вы оба не можете похвастаться большим состоянием.

И опять они тактично промолчали, что означало согласие со справедливостью слов миссис Трефьюзис.

— Не уверена, что кто-нибудь из вас двоих сможет содержать жену!

Хотя молодые люди и на сей раз не подали голоса, их взгляды выражали явное недовольство замечанием миссис Трефьюзис, а та тем временем продолжала:

— Но если вы сложите все, что имеете, в одно целое, то как раз и можно будет поговорить о свадьбе Сары с одним из вас!

Говоря эти удивительные вещи, она, хитро прищурившись, не спускала глаз с обоих кавалеров. Не заметив в первую минуту явных возражений и желая предотвратить их впредь, она быстро повела свое наступление дальше:

— Девчонка говорит, что вы ей оба по душе и ей трудно выбрать. Почему бы вам не бросить жребий? Но для начала сложите ваши денежки вместе. Думаю, у вас у каждого наберется немного, а? Тот, кто вытянет выигрыш, возьмет это добро и отправится с ним торговать, а когда как следует подзаработает, вернется и женится на Саре. Что же вы молчите? Боитесь? Ну! Я думаю, вы славные молодые люди и не из робкого десятка, а? Вы ведь не откажетесь сложить свое добро в кучу? Это же для Сары, которую вы без памяти любите оба!

Абель наконец сказал:

— Мне кажется, нечестно кидать фишки на женитьбу. Нечестно по отношению к Саре. Ей это не понравится. Это же неуважительно...

— Боишься — скажи сразу! — прервал его Эрик.

Он подозревал, что в случае свободного выбора между ними Абель будет иметь ряд преимуществ.

— Ничуть! — резко ответил Абель.

Трефьюзис, убедившись, что ее идея начинает работать, поспешила закрепить свою удачу:

— Главное мы уже решили: вы складываете свои состояния вместе, чтоб Саре и ее мужу жилось хорошо. А остальное — ваше дело. Ну так что вы решаете: дать ей право выбора или бросить жребий?

— Бросить жребий,— быстро произнес Эрик.

Абель неохотно кивнул головой в знак согласия. Маленькие глазки миссис Трефьюзис сверкнули довольством. Она услышала звук шагов возвращавшейся с прогулки Сары и сказала:

— Ну что ж, вот она идет, одну проблему мы решили, а теперь решайте с ней другую.— С этими словами она быстро вышла из комнаты.

Во время прогулки Сара — в который уже раз — пыталась принять решение в отношении кандидатуры будущего мужа. Она была почти зла на бедняг из-за того, что они стали причиной ее затруднений, и поэтому, едва войдя в комнату, быстро сказала:

— Мне надо поговорить с вами обоими. Пойдемте на скалу, там нам никто не помешает.

С этими словами она взяла шляпку и по узкой мощеной дорожке, продуваемой всеми морскими ветрами, повела ухажеров к высокой скале, на которой был установлен флагшток и где два года назад горел костер потерпевших кораблекрушение рыбаков. Эта скала с севера замыкала гавань Пенкасла. На дорожке хватало места только двоим, и, по какому-то молчаливому уговору, Сара пошла впереди, а женихи, плечом к плечу, мрачно поглядывая друг на друга, шли вслед. К той минуте сердца обоих мужчин бешено колотились, изнывая от ревности.

Когда они взобрались на самый верх скалы, Сара встала у высокого и крепкого флагштока, а молодые люди остановились напротив нее. Она смотрела на них, они — на нее. Девушка так выбрала свое место у флагштока, что никто другой не уместился бы рядом с ней. Женихи подавленно молчали: строгость возлюбленной поколебала их страстные надежды и мечты. Наконец она засмеялась и стала говорить:

— Я обещала вам обоим, что сегодня дам окончательный ответ. Я думала, думала, думала... Я только и делала, что думала. Под конец меня стало злить, что вы задали мне такую работу! И вот сейчас я могу сказать, что нахожусь не ближе к ответу, чем месяц или два назад.

Эрик сказал нервно:

— Дай нам бросить жребий, любимая.

Сара не выразила и тени возмущения при этом предложении. Ее мать каждое утро говорила ей об этом, и постепенно

Сара свыклась с мыслью о жребии. Ее слабая натура требовала только одного: найти поскорее выход из затруднения. Каким образом — неважно. Она стояла у флагштока, полузакрыв глаза и спрятав их за длинными ресницами, всем своим видом выражая согласие на предложение Эрика. Тот сразу же достал из кармана монету, высоко подбросил ее в воздухе и, поймав в ладонь, закрыл ее сверху другой. Оба выжидательно смотрели на свою любимую, затем Абель, как человек, вначале отнесшийся скептически к такому методу выбора мужа, спросил ее:

— Сара, ты этого хотела?

Эрик медленно открыл ладонь, посмотрел на монету и потом положил ее обратно в карман. Сара явно нервничала.

— Этого, не этого!..— воскликнула она.— По-другому не получается! Бросайте, а не хотите, так не бросайте, мне все равно!

На это Абель ответил:

— Ну что ты, любимая! Все, что касается тебя, мне небезразлично! Я просто думал, что это тебе будет неприятно... Я думал так: если ты любишь Эрика больше, чем меня, то у меня хватит мужества не роптать. Но если монета выпадет ему, а ты любишь меня, то мы обрекаем себя на вечные муки, пойми!

На лице Сары отразилось отчаяние, она закрыла его руками и, заплакав, дрожащим голосом произнесла:

— Это моя мать! Это она мне внушила!

На некоторое время воцарилась тишина, но скоро ее прервал взволнованный голос Эрика, обращавшегося к Абелю:

— Оставь ее в покое! Если она хочет, чтобы мы бросили монету, мы ее бросим! Меня лично это устраивает, да и тебя тоже! Хватит тянуть время!

Сара резко обернулась к нему и вскрикнула:

— Придержи свой язык! Как ты вообще можешь?! — И снова ударилась в слезы.

Эрик так был напуган этой немилостью любимой, что весь так и застыл с открытым ртом и раскинутыми в разные стороны руками.

Прошло еще несколько минут в таком затруднительном положении, прежде чем Сара отняла руки от заплаканного лица и, почти истерично смеясь, сказала:

— Поскольку вы оба так ничего и не решили, я иду домой.— Она гневно встряхнула головой и направилась было вниз по тропинке.

— Стоп! — тоном приказа остановил ее Абель.— Эрик, доставай монету, а я загадаю. Но прежде чем кинуть жребий, нужно до конца понять, что после этого произойдет. Тот, кто выигрывает, берет все деньги, которые есть у нас обоих, едет с ними в Бристоль, фрахтует там корабль и отправляется торговать. Так? Затем он возвращается, женится на Саре, и они живут на все, что он смог заработать в путешествии. Так?

— Да,— коротко сказал Эрик.

— Я выйду за него замуж в мой следующий день рождения,— сказала успокоившаяся Сара.

Она отвернулась к морю, как бы давая этим знак к началу. В глазах обоих молодых людей загорелись азартные огоньки. Эрик сказал:

— Значит, через год. Пусть будет так! Человек, который вытянет удачу, будет иметь год!

— Монету! — крикнул Абель, и в следующую минуту в воздухе блеснул серебряный кружочек. Эрик поймал его и тут же закрыл сверху ладонью.

— Решка! — крикнул Абель.

Страшная бледность разлилась по его лицу. Он наклонился поближе, чтобы видеть, и Сара, не выдержав, наклонилась тоже. Их головы почти соприкоснулись. Он почувствовал прикосновение к своей щеке одного ее локона, и это наполнило его огнем страсти. Эрик сдвинул ладонь. Монета лежала вверх решкой!

Абель вскрикнул, подбежал к Саре и заключил ее в свои объятия. Сильно размахнувшись, Эрик выбросил монету далеко в море. Затем он облокотился на флагшток и неподвижно уставился на счастливую пару, засунув руки глубоко в карманы. Абель, не переставая, шептал слова любви Саре на ухо. Она слушала, и ей стало казаться, что фортуна правильно поняла ее чувства, в которых она сама была не в силах разобраться, и правильно определила мужа. Ей стало казаться, что именно Абеля она любила больше. Больше всех на свете.

Абель посмотрел на Эрика, лицо которого осветилось вышедшим из-за облаков солнцем. Природный красноватый оттенок его скул стал еще заметней, и создалось впечатление, как будто кровь бросилась ему в голову, Абель спокойно выдержал его свирепый взгляд — радость переполняла его сердце, но он

не мог до конца забыть, что для его друга это печальный день в жизни. Абель выступил вперед, дружески протянул Эрику руку и сказал:

— Мне повезло, старик. Не злись. Я постараюсь сделать так, чтобы Сара была счастлива. Ты будешь нам братом...

— К черту! К черту брата! — вскрикнул тот резко.

Он развернулся и пошел прочь. Абель смотрел ему вслед сочувственным взглядом. Эрик уже спустился немного по тропе, но вдруг оглянулся и быстро вернулся к флагштоку, у которого, обнявшись, стояли Абель и Сара. Остановившись напротив них, широко расставив ноги, он твердо сказал:

— У тебя есть ровно год. Тебе предстоит сделать за это время очень много. Вернувшись по окончании срока, ты сможешь заполучить свою жену. Но прежде чем одиннадцатого апреля обменяться обручальными кольцами и сыграть свадьбу, не забывай, ты должен объявить в церкви твое имя и имя твоей невесты. Я тебя предупреждаю: если ты не поспеешь, то в церкви объявят мое имя вместо твоего. Не опоздай!

— Что ты хочешь этим сказать, Эрик? Ты с ума сошел!

— Не больше, чем ты, Абель Бегенна! Ты уезжаешь торговать — это твой шанс. Я остаюсь — это мой! Я не собираюсь сидеть здесь сложа руки. Пять минут назад Сара питала к тебе чувства не сильнее, чем ко мне, и она может отсчитать это время назад, как только ты уедешь! Ты выиграл первый раунд, но вся игра еще впереди!

— Никакой игры впереди нет! — крикнул Абель.— Сара, ты ведь будешь верна мне? Ты не выйдешь замуж до моего возвращения?

— А ты вернешься через год! — быстро добавил Эрик.— Таковы условия сделки!

— Я обещаю ждать год,— сказала Сара.

При этих ее расчетливых словах лицо Абеля покрылось красными пятнами, он уже хотел что-то сказать, но потом передумал и улыбнулся.

— Мне не стоит огорчаться сегодня из-за чего бы то ни было! Послушай, Эрик. Мы сыграли свою игру. Я ее выиграл честно. Когда мы только ухаживали за Сарой, я тоже все делал честно! Тебе это известно не хуже, чем мне. И теперь, когда я уезжаю, прошу у тебя, своего старого друга, помощи. Если кто-нибудь будет подходить к Саре...

— Никакой помощи тебе от меня не будет,— резко сказал Эрик.— Это мне нужна помощь. Помощь Бога.

— Мы кинули жребий, и Бог помог мне,— кротко сказал Абель.

— Хорошо. Пусть он помогает тебе и дальше! — в раздражении вскрикнул Эрик.— А я буду надеяться на дьявола!

С этими словами он круто развернулся и быстро пошел прочь от Абеля и Сары по узкой тропинке, спускавшейся со скалы.

Едва он скрылся за уступами скалы, Абель снова обернулся с выражениями страсти к Саре, но первая же ее реплика остудила его:

— Как скучно и одиноко стало без Эрика!

Эту фразу она повторила еще в тот день не раз.

На следующее утро Абель услышал какой-то звук под своей дверью. Выйдя на крыльцо, он увидел быстро удалявшегося Эрика. На пороге лежала оставленная им полотняная сумка с золотом и серебром. Записка, приколотая к ней, гласила:

«Забирай деньги и уезжай. Тебе опорой — Бог, мне — дьявол! Помни — одиннадцатое апреля.

Эрик Сансон».

В тот же день Абель отправился в Бристоль, а спустя неделю отплыл оттуда на судне «Морская Звезда» к берегам Паганга. Его деньги — включая и деньги Эрика — находились на борту в виде дешевых безделушек, которые так нравятся туземцам. Обратить золото в такой рискованный и сомнительный товар ему предложил его знакомый моряк из Бристоля. Он пообещал Абелю, что каждое пенни, вложенное в те побрякушки, обернется шиллингом, а каждый шиллинг — фунтом.

Время шло, и Сару все больше мучили раздумья относительно того вечера у флагштока на скале, когда из-за нее бросали жребий. Эрик всегда находился под рукой и не оставлял своих ухаживаний, на которые был прирожденный мастер и от которых избалованной девушке невозможно было отказаться. От Абеля пришло всего одно письмо, в котором он сообщал, что его предприятие продвигается весьма успешно и что он уже отослал двести фунтов в банк Бристоля и сейчас торгует оставшимися товарами, пока «Морская Звезда» готовится к обратному плаванию. Он писал также, что было бы честно вернуть Эрику его деньги да впридачу еще и ту долю прибыли, которая была за них выручена. Это предложение вызвало у Эрика лютый гнев, да и у матери Сары тоже.

Больше полугода прошло со времени получения этого письма, но других не было. Надежды Эрика, затуманившиеся было при виде той весточки из далекого Паганга, вновь стали проясняться и приобретать видимые очертания. Он просто не отставал от Сары со своими «А если?». А если Абель не вернется, согласится ли она выйти замуж за него, Эрика? А если наступит одиннадцатое апреля, а судно Абеля не будет стоять на причале в гавани Пенкасла, она бросит его? А если Абель полюбит и женится за это время на другой, выйдет ли она замуж за него, Эрика, как только новость дойдет до Пенкасла? И так далее, с неистощимым запасом вариантов.

Сильная воля и направленное воздействие на слабую натуру изо дня в день стали наконец приносить свои плоды. Сара начала чувствовать, что от долгой разлуки с Абелем она постепенно охладевает к нему и временами видит Эрика уже в роли своего будущего мужа. А человек, которого девушка начинает рассматривать в качестве своего будущего или хотя бы возможного мужа, становится в ее глазах лучше всех остальных. Вот и общение с Эриком давало Саре новые переживания, при встречах с ним ее сердце начинало учащенно биться, грудь вздымалась. А его ухаживания, не прекращавшиеся со времени отъезда Абеля ни на один день, усугубляли перемены, происходившие в душе девушки.

Вскоре воспоминания об Абеле стали напоминанием о препятствии, неожиданно вставшем на пути ее счастья. И если бы не мать, которая постоянно твердила о деньгах, которые он уже перевел в бристольский банк, Сара вообще закрыла бы глаза на существование Абеля.

Одиннадцатое апреля было субботой, и таким образом, для того, чтобы свадьба состоялась в этот день, совершенно необходимо было, чтобы жених и невеста объявили свои имена в церкви в воскресенье, двадцать второго марта. С первых же чисел этого месяца в разговорах с Сарой Эрик неизменно напоминал ей об отсутствии Абеля, и мысль о том, что он, наверно, умер или женился на другой, постепенно проникала в ее сознание и

утверждалась в нем. Дни истекали один за другим, и за неделю до срока, пятнадцатого марта, после церкви ликующий Эрик пригласил любимую на скалу с флагштоком, где когда-то он с Абелем бросал роковой жребий. В словах он был напорист с девушкой:

— Я говорил Абелю, и ты слышала, что, если он не поспеет заявить свое имя так, чтобы свадьба состоялась одиннадцатого апреля, я тогда заявлю свое, так, чтобы она состоялась двенадцатого! И теперь, по-моему, настает время выполнить задуманное. Он не держит свое слово!

Сара в ту секунду переборола в себе неуверенность и слабость духа и резко заявила Эрику:

— Но он еще его не нарушил!

Тот при ее словах стиснул кулаки и скрипнул зубами.

— Ты защищаешь его! — вскрикнул он, так резко ухватившись руками за флагшток, что тот закачался.— Хорошо! Отлично! Со своей стороны я не нарушу условия игры! Но в воскресенье, двадцать второго числа, я объявлю в церкви свое имя, а если ты хочешь, ты можешь отвергнуть мою заявку. Если одиннадцатого апреля в Пенкасле объявится Абель, он будет иметь полное право вычеркнуть мое имя и вставить свое. Но до этих пор я веду игру и не пощажу всякого, кто станет у меня на пути!

С этими словами он бегом бросился вниз со скалы по узкой тропинке, а Саре ничего не оставалось, как любоваться силой и духом этого викинга. Она видела, что ее второй жених пересек холм и, минуя утес за утесом, направился к Бьюду.

Всю неделю об Абеле ничего не было слышно, и поэтому в воскресенье в церкви были объявлены имена Сары и Эрика. Священник воспротивился было этому, так как, будучи соседом Абеля, знал о том, что на мисс Саре намеревался жениться именно Абель, но Эрик был неодолим.

— Это и для меня самого очень болезненный вопрос,— говорил он с такой твердостью, что это не могло не тронуть святого отца, тем более что он сам был молод и энергичен.— Между мной и Сарой нет никого и ничего. Так почему бы нам не объявить наши имена?

Священник больше ничего не сказал, но когда на следующий день он огласил перед прихожанами имена молодых людей, в церкви был ясно слышен недовольный гул и ропот. Про-

тив обычая Сара присутствовала на церемонии, и хоть она сильно покраснела при зачитывании имен, все-таки это был ее триумф. Триумф перед десятками девушек, имена которых еще не объявлялись женихами. Сразу же после церемонии она стала готовить себе свадебное платье. Эрик часто приходил посмотреть, как она работает, и румянец ликования заливал ему лицо. Он шептал ей на ухо самые нежные слова, какие только мог придумать, их встречи всегда теперь проходили под знаком выражения неистового чувства молодого человека.

Вторично имена жениха и невесты были оглашены двадцать девятого числа, и надежда, скрытая в сердце Эрика, стала еще заметнее. Правда, иногда на него находило самое настоящее отчаяние при мысли о том, что в любой момент его мечта может быть растоптана появлением соперника. В такие минуты он приходил в бешенство, почти терял рассудок, кулаки его судорожно сжимались и разжимались, зубы скрежетали, и казалось, в нем просыпается дух и воинственность свирепых предков-варягов.

В четверг он, как обычно, пришел к своей возлюбленной и застал ее у широко распахнутого окна, через которое струилось тепло весеннего солнца, с почти готовой белой фатой на коленях. В тот день его не покидало чувство радости, а мысль о том, что эта девушка скоро станет его женой, переполняла его счастьем и едва не мутила сознание. В такие минуты он даже чувствовал некоторую слабость в себе. Наклонившись к невесте, он поцеловал ее в губы и прошептал в розовое ушко:

— Твое свадебное платье, Сара! Для меня!

Едва он отошел, чтобы вдоволь налюбоваться фатой, она повернула к нему спокойное лицо и резко сказала:

— Может быть, и не для тебя. У Абеля в запасе еще целая неделя!..

Она прервалась и в страхе вскрикнула, так как после ее слов Эрик, буквально взревев, выбежал из комнаты, с треском захлопнув за собой и без того слабенькую дверь.

Это происшествие сильно взволновало Сару и всколыхнуло все ее былые сомнения и нерешительность. Она немного поплакала, а потом, чтобы прийти в себя окончательно, решила посидеть на скале у флагштока в одиночестве, наедине с солнцем и морем. Придя туда, она обнаружила там группу людей,

озабоченно обсуждавших погоду. Море было совершенно спокойно, а солнце светило ровно и ярко, но было видно, что по поверхности воды пробегают какие-то полосы — темные и светлые, а прибрежные скалы покрыты хлопьями пены, приносимыми сюда небольшими волнами. Воздух посвежел и обдавал тело уже довольно холодным ветерком. Было видно, как под скалой проходят косяки рыб, удаляясь из гавани; над входом в порт летали чайки, и по их крикам можно было догадаться, что они сильно обеспокоены.

— Плохие признаки,— услышала она, как какой-то старик-рыбак говорил солдату из береговой охраны.— Я видел такое только однажды. Тогда еще здесь разбился «Коромандель» из Индии.

Сара не стала слушать дальше. Она не была любительницей острых ощущений и не выносила, когда при ней рассказывали о крушениях и бедствиях. Она вернулась домой и опять занялась свадебным нарядом. Сара сильно переживала сегодняшний инцидент с Эриком и поэтому теперь работала так, чтобы порадовать его своим платьем. У нее уже оставалось очень мало сомнений в том, что он станет ее законным мужем.

Опасения старого рыбака насчет погоды полностью подтвердились. Когда сумерки опустились на Пенкасл, на море начался шторм. Море вздыбилось и бросилось на западные берега Великобритании от островов Силли до Ская, и везде стихия принесла много зла. В Пенкасле все скалы и утесы были усеяны моряками и рыбаками, которые наблюдали за бурей и оживленно обменивались мнениями. Вдруг люди вскрикнули: всего в полумиле от берега по неярким проблескам в тучах и волнах бортовых огней был замечен какой-то двухмачтовик. Все глаза и бинокли напряженно шарили по темнеющей морской дали, ожидая каждого нового появления судна. Блеснула молния, и все ахнули: несомненно, это была «Красотка Элис»! Эта посудина торговала между Бристолем и Пензансом, включая все порты и стоянки на своем пути.

— Да поможет им Господь! — воскликнул кто-то из администрации гавани.— Ибо, кроме этого, уже ничто не спасет их на всем промежутке от Бьюда и Тинтэйгела, когда ветер дует на берег...

Солдаты береговой охраны, напрягая все силы, взгромоздили на скалу с флагштоком ракетное устройство. Они запустили голубые ракеты, рассчитывая на то, что при их свете с судна разглядят вход в гавань, если, конечно, еще оставалась возможность управлять кораблем. При вспышках молний было ясно видно, что моряки на судне изо всех сил пытаются бороться со штормом, но казалось, никакая человеческая сила тут уже поделать ничего не может. На глазах у всех, кто наблюдал за драмой с берега, «Красотка Элис» врезалась носовой частью в огромную скалу, что венчала гавань с севера. Шум бури заглушал истошные крики тех, кто был на борту. Многие из них — в последней надежде спастись — прыгали в пенящуюся бурунами воду. Ракеты пускать не прекращали, надеясь на то, что из мутных глубин покажется на поверхности хоть одна голова. Уже были приготовлены канаты для того, чтобы кидать их в воду. Но как ни вглядывались — никого не было видно, руки с готовыми для броска канатами немели.

Среди собравшихся был и Эрик. Его горячая натура викинга требовала присутствия там, где есть риск для жизни. Поэтому он томился, стоя на одном месте. Наконец он не выдержал и крикнул хозяину гавани:

— Я пойду вниз! К той скале, в которой есть пещеры! Сейчас прилив, и, может, кому-то удалось зацепиться!

— Остановись, парень! — ответили ему.— Ты, верно, с ума сошел? Хватит одной волны, чтобы смыть тебя с той скалы в море. Никому не по силам устоять на такой поверхности, да еще в такую погоду!

— Пустяки! — ответил Эрик, уже удаляясь.— Ты помнишь, как меня спас там Абель Бегенна? Когда моя лодка разбилась у скалы Чаек? Тогда была такая же погода. Он высунулся наполовину из пещеры и выловил меня из воды, как котенка! Я тоже хочу спасти так кого-нибудь!

С этими словами Эрик скрылся в темноте. Ракеты освещали только узкую полоску моря, но он был уверен, что не заблудится на пути к выбранной скале. Наконец он достиг цели и выбрал себе позицию, где мог считать себя в относительной безопасности. Козырек скалы, нависший над ним, разбивал волны, как самый настоящий волнорез, и они доходили до Эрика в основном в виде крупных брызг.

Он свесился вниз к воде, бурлившей, как лава во время землетрясения, и стал вглядываться в пенную поверхность. Скала заглушала рев шторма, а там, где находился Эрик, было относительно спокойно. Он стоял теперь с оттянутой назад для броска рукой, сжимавшей прочный канат, и слушал. Вдруг ему показалось, что сквозь шум ревущей воды донесся слабый человеческий крик. Эрик, еще не будучи уверенным в том, что крик действительно был, сам закричал в темные несущиеся воды. Он подождал, пока блеснет молния, и при ее свете увидел лицо, то показывающееся над пенными потоками, то скрывающееся в них. Недолго думая, Эрик бросил утопающему веревку. Канат был пойман, так как Эрик ощутил, что он резко натянулся. Сердце наполнилось гордостью и радостью, и он во всю мощь своего сильного голоса крикнул утопающему:

— Обвяжись вокруг пояса, и я тебя вытащу!

Как только он почувствовал, что его указание выполнено, Эрик стал продвигаться вместе с сильно натянувшимся канатом в глубь пещеры, стараясь сделать так, чтобы утопающий попал в небольшой вход, своего рода гавань в пещере, где вода была заметно спокойнее. Потом он стал тянуть канат из воды. Утопающий был тяжел, а кроме того, его постоянно кидало в бушующих потоках, поэтому тянуть было очень трудно. Наконец Эрик собрал силы для последнего рывка и уже наполовину сделал его, как вдруг блеснула молния, и оба мужчины — спаситель и спасаемый — взглянули друг на друга.

Эрик Сансон и Абель Бегенна не могли оторвать друг от друга глаз, и об этом их свидании не знал никто, кроме них самих. И Господа Бога...

На секунду сердце Эрика сжалось от острой боли. Все его надежды и мечты рушились, в его взгляде не было ничего, кроме лютой ненависти, он не контролировал себя. В глазах же Абеля он увидел огромную признательность и радость от того, что именно он, Эрик, ближайший друг, спасает его. Это усилило злость последнего. Он отступил назад, и канат, быстро раскручиваясь, выскользнул из его рук. Момент помешательства сменился пробуждением совести, и он попытался исправить дело, но было уже поздно.

Прежде чем он сумел прийти в себя, в воздухе мелькнули руки потерявшего опору Абеля, и с ужасным криком он опять скрылся в бушующих волнах.

Эрик побежал от того места прочь, не думая о том, что в любую минуту может сорваться в пучину вслед за Абелем. В его ушах стоял ужасный крик погибающего друга. Едва он добрел до скалы с флагштоком, как был окружен людьми. Перекрывая грохот бури, хозяин гавани кричал ему в ухо:

— Мы подумали, что ты погиб, когда услышали тот страшный крик! Как ты бледен! Где твоя веревка? Ты кого-нибудь вытащил?

— Нет! — хрипло прокричал он в ответ. Он почувствовал, что никогда и никому не сможет объяснить, почему он позволил своему старому другу упасть обратно в свирепые волны, выпустив из рук канат. И главное: ведь он, Эрик, по сути, утопил Абеля именно в том месте и при тех же обстоятельствах, при которых два года назад Абель спас его, Эрика... Он надеялся, что одной смелой ложью положит конец всем расспросам, покончит с этим делом раз и навсегда. Свидетелей его преступления не было, и если уж ему суждено до конца дней своих видеть перед глазами то бледное, измученное лицо и слышать в ушах тот предсмертный крик, то, по крайней мере, никто другой об этом никогда не узнает.

— Нет! — повторил он еще громче, чем в первый раз.— Когда я карабкался на скалу, канат выскользнул у меня из рук и упал в море!

Он поднялся и, шатаясь, устремился вниз со скалы по тропинке к своему дому, где заперся в одиночестве.

Оставшуюся часть ночи он провел, лежа на кровати, во всей одежде, боясь пошевелиться, глядя в потолок. Ему казалось, что в темноте комнаты сверкают молнии и при их неровном свете он видит бледное мокрое лицо... Сначала Абель радуется, что его спасают и что спасает его друг, но радость тут же исчезает, и на лице на мгновение появляется отчаяние. Потом лицо исчезает, но долго еще слышится ужасный крик... Он не умирает, но всегда будет эхом жить в глубинах его души.

Наутро шторм прекратился, и погода на берегу установилась спокойная и даже мягкая. Только по морю еще бегали карликовые, но все еще злые волны. К берегу не переставало прибивать остатки кораблекрушения. На причалы в гавани море выбросило два трупа — хозяина судна, потерпевшего крушение, и моряка, которого в Пенкасле никто не смог опознать.

Сара в тот день не видела Эрика до самого вечера, а в сумерках он пришел сам. Окно на ночь было распахнуто, и Эрик не стал входить в дом, а разговаривал со своей невестой, облокотившись на подоконник, наполовину перевесившись в комнату.

— Ну что, Сара,— громко позвал он ее. Почему-то голос его прозвучал необычно тихо и хрипло.— Готово ли свадебное платье? В воскресенье, двенадцатого апреля, не забудь! В воскресенье, двенадцатого!

Сара была рада, что их маленькая ссора так быстро прошла, но, как всякая женщина, которая видит, что все ее страхи были напрасны и что пришло примирение, она тут же повторила то, чем так оскорбился Эрик накануне:

— В воскресенье так в воскресенье,— сказала она, не глядя на него.— Если только в субботу не явится Абель!

Она взглянула на окно испуганно, уже раскаиваясь в том, что сказала, втайне надеясь на то, что на этот раз ее гордый возлюбленный не обидится. Но Эрика там уже не было. Со вздохом она вновь принялась за работу.

Сара не видела своего жениха до самого воскресенья, когда их имена были зачитаны в церкви в третий раз. Он явился к ней во главе большой процессии людей с видом собственника, который наполовину обрадовал ее, наполовину разозлил.

— Не торопитесь, сэр! — сказала она, отталкивая его под общее хихиканье всех присутствовавших девушек.— До двенадцатого апреля еще целая неделя! Имей терпение! Воскресенье, двенадцатое, если ты забыл, наступает после субботы, одиннадцатого! Имей терпение!

При этих словах девушки опять захихикали, а молодые люди, никого не стесняясь, заржали, словно лошади, перекрывая своим хохотом все на свете. Через минуту, однако, все замолчали, удивленно глядя на Эрика. Его обычно румяное лицо в одну секунду побледнело словно полотно. Он круто развернулся и зашагал прочь. Сара не так испугалась, как остальные, и она даже сумела разглядеть за этой смертельно-бледной маской признаки триумфа. Она засмеялась.

Вся неделя прошла спокойно, без событий. В субботу Сара несколько раз испытывала приступы тревоги, к вечеру усилившиеся. Эрик был мрачен, но спокоен. Всю неделю по ночам он ходил к скалам и кричал там что-то. Казалось, у него на сердце

была какая-то тяжесть, и он пытался облегчить ее таким способом. В субботу он весь день не выходил из дому. Соседи знали, что на следующий день у него свадьба, и, думая, что он готовится к этому важному шагу в жизни, не беспокоили его. Только один раз его потревожили. Пришел старик-лодочник и сказал Эрику:

— Эрик, вчера я ездил в Бристоль. Был у канатного мастера и заказал ему веревку взамен той, что ты потерял в ту ночь. Так вот, повстречался мне там Майкл Хивенс, тамошний торговец. Он сказал, что неделю назад на «Морской Звезде» прибыл из плавания Абель Бегенна. Он положил в бристольский банк кучу денег на имя Сары Бегенны. Об этом Майкл узнал из его собственных уст. Вот. А потом Абель пересел на «Красотку Элис», идущую в Пенкасл. Мужайся, парень.— Последние слова лодочник сказал при виде того, как Эрик со стоном закрыл голову руками.— Он был твоим старинным товарищем, я знаю. Но ему уже не поможешь. Всего вероятней, он пошел ко дну вместе с остальными в ту проклятую ночь. Я думал, будет правильней сказать тебе все, а то как бы это все иначе не вышло. Ты успокой Сару. Он был ей тоже большим другом, а женщины, ты знаешь, всегда принимают такое близко к сердцу. Будет очень плохо, если она узнает об этом в самый день свадьбы.

Сказав все, он поднялся со стула и вышел из дома, оставив Эрика в позе отчаяния, с закрытым ладонями лицом.

— Бедняга! — пробормотал лодочник, спускаясь по крыльцу.— Он все принял близко к сердцу. Да что тут говорить! Ведь они были такими друзьями-приятелями! А кроме того, Абель как-то спас его от верной смерти!

В тот день школьники освободились раньше от занятий и, как обычно в такие дни, все скопом помчались к пристани и ближайшим утесам, чтобы вдоволь порезвиться там.

В гавани несколько мужчин разгружали двухмачтовик с углем, а огромная толпа зевак давала им руководящие указания. Вдруг кто-то из мальчишек крикнул в большом волнении:

— Глядите! Там, на входе в гавань! Бешеный дельфин! Мы видели с ребятами, как он выплывал из-под скалы! У него такой хвост!..

— Нет, парень! Это был не дельфин,— сказал рабочий.— Это обыкновенный тюлень. Но у него и вправду здоровенный хвостище!

После этих слов ребят словно прорвало: перебивая друг друга, они стали выдавать свои замечания по поводу животного, одно невероятнее другого. Но в двух вещах они все как один сходились: кто бы это ни был, но он вынырнул из-под скалы и имел огромный хвост. Мальчишек с удовольствием поддразнивали рабочие, а потом смеялись. Но поскольку никто не сомневался, что они действительно что-то видели, мало-помалу многие из слушателей, молодые и пожилые, мужчины и женщины, потянулись по берегу ко входу в гавань, чтобы своими собственными глазами увидеть животное, ставшее, судя по всему, дополнением к местной фауне.

Начинался прилив. Поддувал довольно свежий бриз, и поверхность воды исходила рябью, так что было довольно трудно рассмотреть что-нибудь в глубине. Все напряженно и молча вглядывались в темные воды, и вдруг одна женщина пронзительно вскрикнула. Когда к ней подбежали люди, она стала уверять, что видела что-то длинное и темное, проскользнувшее в воде прямо около того места, где она стояла. Все как один стремглав бросились к тому месту, на которое она показывала, но, как только собралась толпа, ветер резко посвежел и стало невозможно увидеть под непрекращающейся рябью признаки какого-либо существа. Женщину стали расспрашивать, и наконец она попыталась описать то, что видела. Но, к сожалению, она говорила столь бессвязно, что многие сочли, что ей все привиделось. Однако ей поверили мальчишки, которые увидели животное первыми. Она — полуистеричным и срывающимся голосом — говорила следующее:

— ...как будто свинья с выпущенными кишками!

Кроме ребят ее словами заинтересовался один пожилой солдат из береговой охраны. В тот день его постоянно видели торчащим у того места. Он долго смотрел в воду и порой даже вздрагивал, словно видел что-то, но в следующую минуту разочарованно качал головой.

Эрик встал в воскресенье с рассветом. Всю ночь он не сомкнул глаз, но вместе с солнцем пришло облегчение. Он побрился и с удовольствием отметил, что руки не дрожат. Надел свадебный костюм. У него был измученный вид и круги под глазами. Казалось, что за последние дни он прожил целые годы. А все же то и дело по губам у него пробегала улыбка триумфа, и он все бормотал вполголоса для себя:

— Это мой день и моя свадьба! Абелю теперь не вести ее под венец... Живому или мертвому. Живому или мертвому! Живому или мертвому!

Он сел в кресло осторожно, чтобы не измять костюма, и стал ждать назначенного часа, одновременно пытаясь найти душевное равновесие. Когда в церкви пробил колокол, он поднялся, вышел из дома и плотно притворил за собой дверь. Он посмотрел на реку и увидел, что прилив только что кончился. В церкви он сидел рядом с Сарой и ее матерью, не выпуская из своих рук ладонь невесты, будто боялся потерять ее в самую последнюю минуту. По окончании церемонии они поднялись со своих мест, и священник перед всеми прихожанами объявил их мужем и женой. Эрик вел себя вызывающе, словно хотел кому-то невидимому что-то доказать. Из церкви они шли под руку. Парни и девушки слегка похлопывали их по плечам в качестве поздравлений.

Вся процессия направлялась к дому Эрика. Когда все шли уже по тропинке между его коттеджем и соседским, люди были остановлены диким вскриком, вырвавшимся из уст новобрачной. Все расступились и увидели ее у двери дома Эрика. Наполненными ужасом глазами она неподвижно глядела на неглубокое дно реки.

Отлив обнажил обломки скал и застрявшее в них тело Абеля Бегенны. Канат, одним концом завязанный на его поясе, другим обвился вокруг причальной стойки. Правый локоть был полностью скрыт в узкой щели между двумя скальными обломками, и рука застыла в удивительном положении: она тянулась к Саре с обращенной вверх ладонью. Казалось, Абель хотел, чтобы она подала ему свою руку. Пальцы трупа, застывшие в судороге, были широко растопырены.

Все, что случилось вслед за этим, Сара Сансон помнила плохо. Она делала тщетные попытки прийти в себя, но в ушах поднимался ужасный свист, в глазах темнело, невыносимо кружилась голова. Единственное, что она запомнила — и это осталось с ней на всю жизнь,— это тяжелое хриплое дыхание Эрика за ее спиной, крик кого-то из толпы: «Муж-то бледнее мертвеца!» и его бормотание у нее над ухом:

— Это дьявол! Его помощь! Его цена!

КРЫСЫ-МОГИЛЬЩИКИ

Если вы выедете из Парижа по орлеанской дороге, пересечете Энсент, а затем повернете направо, то окажетесь в очень запущенном и крайне неприятном местечке французской земли. Справа и слева от вас, впереди и сзади будут подниматься гигантские холмы мусора и всевозможных отходов, спрессованных с течением времени в одну липкую массу.

У Парижа, как и у всякого другого города, есть жизнь не только дневная, но и ночная. Если путешественник поздним вечером будет искать себе пристанище на улице Де-Риволи или на улице Сент-Оноре или ранним утром будет проходить вблизи Монтруж, то ему нетрудно будет догадаться о назначении больших фургонов, похожих на паровые котлы на колесах, которые останавливаются тут и там на еще пустынных или уже опустевших мостовых.

У каждого города имеются свои особенные службы, которые он создает ради удовлетворения своих насущных нужд. В Париже одной из таких служб являются команда мусорщиков и примыкающая к ней команда городских тряпичников и старьевщиков. С самого утра, а парижская жизнь начинается очень рано, на многих улицах, в проулках, во дворах и аллеях, у черных ходов можно увидеть — кстати, это сохранилось и доныне в некоторых городках Америки, даже в Нью-Йорке,— большие деревянные фургоны и тележки, куда слуги и владельцы доходных домов сваливают накопившийся за прошедший день мусор.

Возле фургонов постоянно шатаются весьма потрепанные, с голодным блеском в глазах мужчины и женщины. Все их состояние — дорожная сумка или пакет, перекинутый через плечо, и небольшая крючковатая палка, которой они выволакивают из фургонов и осматривают всякую дрянь. Теми же палками они засовывают понравившуюся вещицу к себе в сумку и делают это так ловко, что, пожалуй, не уступают китайцам с их привычкой есть рис маленькими палочками.

Париж — это город, в котором сосредоточивается и классифицируется очень многое. Можно сказать, что сбор и сортировка — символы французской столицы. Все, что имеет сходство между собой, соединяется и группируется. Этот процесс не бесконечен, так как венцом группирования является рождение отдельного целого. Если представить это все абстрактно, то получится некий фантасмагорический организм, состоящий из множества рук, тянущихся бесчисленными пальцами в разные стороны, а венчает все гигантская голова с острыми глазами, чтобы далеко видеть, тонкими ушами, чтобы чутко слышать, и огромным ртом, чтобы все пожирать.

Другие города напоминают тех птиц, животных или рыб, аппетиты которых умеренны или нормальны. Париж же — это настоящий сказочный ненасытный спрут. Париж — это свалка вещей, дьявольская склонность к пожиранию всего и вся, доведенная до абсурда.

Интеллигентные — а значит, слабохарактерные — туристы в первую же свою минуту пребывания здесь отдаются на съедение многочисленным хозяевам ресторанов и бюро гидов-путеводителей. «Обязательная программа» знакомства с Парижем занимает обычно не больше трех дней, и иностранцы, главным образом англичане, уезжая, изумляются: как это может быть, чтобы обед в Лондоне стоил около шести шиллингов, а в Париже, в кафе Пале-Рояль, всего три франка? Им неинтересна такая особенность парижской жизни, как всеобщая сортировка вещей и предметов. Им неинтересно, откуда пошло слово «шифоньер». Это — «шкаф для белья», но также и — «тряпичник».

Париж 1850 года был совсем не похож на Париж сегодняшний, так же как и на Париж времен Наполеона.

Кое-что за полвека осталось совсем таким же и ничуть не изменилось. В первую очередь, те места, куда испокон веку сваливали городской мусор. Свалка есть свалка, при всех королях и республиках она остается свалкой, а кучи мусора девятнадцатого века вряд ли уж очень отличаются от куч мусора восемнадцатого. Поэтому путешественник, минуя Монтруж, сегодня без труда сможет мысленно перенестись на несколько десятилетий назад, в Париж 1850 года.

В тот год я как раз надолго остановился в этом замечательном городе. Дело в том, что мною овладело большое чувство к молоденькой леди, которая, хоть и отвечала мне взаимностью, настолько слушалась своих родителей, что обещала им не видеться и никак не интересоваться мною в течение года. Это был испытательный срок нашим чувствам. Мне тоже ничего не оставалось, как принять эти тяжкие условия, храня надежду на то, что родители любимой вскоре смягчатся. Я им также дал обещание, что удалюсь на установленный срок из страны и не буду писать их дочери любовных да и просто никаких писем.

Время для меня шло ужасно медленно. Со мной не было никого из моей семьи или дружеского круга, кто мог бы дать мне весточку о милой Элис. Неудобно делать упреки, но из ее родственников также ни один человек не удосужился уведомить меня даже о ее здоровье. Полгода я блуждал по Европе, и, надо признаться сразу, путешествие мне не понравилось. Я вообще не любитель долгих поездок, поэтому оставшееся время решил провести в Париже, где я по, крайней мере, буду в относительной близости от дома и смогу, в случае чего, быстро вернуться.

«Несбывшиеся надежды повергают в уныние». Увы! Никто меня в Лондон не звал, и я страшно терзался тем, что не имею права увидеть лицо, которое любил больше всего на свете. Я боялся, что с ней может случиться какое-нибудь несчастье и я даже не узнаю об этом. Боялся, что что-нибудь помешает мне увидеться с ней и по истечении срока. В том, что наша любовь без большого труда выдержит год разлуки, я не сомневался. Тем не менее я не мог отказать себе в таком удовольствии, как приключения. Наоборот, подвергая себя им, я испытывал даже больше переживаний, чем если бы у меня не было Элис и предстоящей встречи с ней.

Как и любой путешественник, я осмотрел все достопримечательности Парижа довольно быстро. После этого мне уже пришлось находить развлечения самому. Я нанес визиты в известные всему миру предместья и вскоре обнаружил, что даже в пределах территории, охватываемой путеводителем, есть настоящая неизвестная земля, плохо освоенные места, привлекательные как раз своей дикостью и необжитостью. Я стал исследовать их с педантичностью ученого, каждый день начиная свой путь с того места, где остановился накануне.

Странствуя таким образом, в один прекрасный день я добрался до окрестностей Монтруж, этого «края света» цивилизации — области настолько же мало исследованной, как и Белый Нил. Здесь обитали все парижские мусорщики, старьевщики и тряпичники. Я решил философским взглядом окинуть их жизнь, места обитания и прочее в том же роде.

Работа, затеянная мною, прямо сказать, была не из приятных и не из благородных. Но мое упрямство широко известно, и оно взяло верх. Я приступил к задуманному изучению с решительностью, которая была гораздо заметней, чем при моих предыдущих изысканиях.

И вот однажды солнечным днем, в конце сентября, я переступил порог святая царства мусора. Здесь, несомненно, проживало довольно много мусорщиков, так как между высокими холмами мусора и отходов я заметил протоптанную тропинку и даже что-то вроде низких лачуг. Я медленно шел среди куч, которые возвышались тут и там, словно часовые.

Проходя по этой мрачной местности, я вскоре стал замечать за собой слежку: неясные тени перемещались за мусорными холмами, проявляя заметный интерес к чужаку, вторгнувшемуся в их владения. Это место было подобно крошечной Швейцарии, где налицо перенаселение; я шел по извилистой тропинке вперед, а за мной тропинка уже занималась здешними обитателями.

Наконец я вступил в пределы, если можно так выразиться, города тряпичников. Тут и там виднелись хижины и лачуги. Совсем такие, какие можно встретить в отдаленных уголках Аллановых болот: запущенные строения с плетеными стенами, обляпанными грязью; крыши, покрытые соломой, украденной из конюшен и хлевов. Это были дома, в которые не было никакого

желания войти, и даже на рисунках, изображенные в ярких акварелях, они не производили бы положительного впечатления.

Посреди этой убогости стояла конструкция — у меня язык не поворачивается назвать сие жилищем,— ничего похожего на которую мне видеть ранее не приходилось. Это был огромный дряхлый платяной шкаф, может быть вынесенный в свое время из будуара Карла Девятого или Генриха Третьего. И в этой развалюхе жили! Дверцы его были распахнуты, и внутренняя «обстановка» просматривалась очень отчетливо. В левой половине шкафа была устроена своего рода гостиная. Четыре фута в глубину, шесть в ширину. И в этой конуре, сидя вокруг угольной жаровни, попыхивали трубками шестеро стариков, одетых в заношенные мундиры солдат Первой Республики!

С первого взгляда было видно, что все они принадлежали к классу никудышних людей, а проще — оборванцев. Мутные глаза и трясущиеся головы указывали на их пристрастие к полынной водке. В их изможденных блестящих взорах застыла дремлющая злоба и жестокость, часто возникающая в похмельном состоянии. Во второй половине шкафа полки для одежды и белья сохранились еще с тех времен, когда шкаф использовался по прямому назначению. Правда, они были подпилены по ширине ровно наполовину. На них было набросано всякое тряпье и солома, и, отметив под конец, что их было тоже шесть, как и стариков-солдат, можно было смело предполагать, что они служили им постелями.

Старики — все шестеро — с любопытством наблюдали за мной, пока я подходил. Приблизившись, я заметил, что они склонили головы друг к другу и шепчутся о чем-то. Впрочем, ясно было о чем. Мне это не понравилось: местность была пустынная, а смотрели ветераны на меня зловеще. Однако оснований для страха явно недоставало, и поэтому я бодро зашагал дальше по тропе, постепенно углубляясь в эту помойную Сахару. Дорога была очень извилистая, и я в буквальном смысле слова петлял. Меня поймут те, кто катался на коньках на голландских катках. Скоро мне это стало надоедать.

Я завернул за недостроенный холм мусора и лицом к лицу столкнулся с еще одним солдатом времен юного Наполеона,

сидящим на небольшом стожке из прошлогодней соломы в оборванном во многих местах пальто.

— Здравствуйте! Приехали! — подшучивал я над собой вслух.— Да здесь, как я погляжу, квартируется армия Первой Республики! Вот так музей!

Проходя мимо старика, я отметил, что он даже не смотрит на меня. Его взгляд был устремлен на землю в футе от его ног. Я снова сказал вслух для себя:

— Да... Не позавидуешь их жизни. Даже любопытство уже угасло в их сердцах!

Однако, пройдя несколько шагов вперед, я обернулся и убедился, что ветеран смотрит мне вслед довольно подозрительным взглядом. Он мне не понравился так же, как и те солдаты, которые сидели в шкафу. Как только я посмотрел на него, он тут же опять уронил голову и вперил мутный взгляд в свои ноги. Не задерживаясь там дольше, я пошел вперед, думая о том, что все эти старики так похожи между собой.

Скоро я натолкнулся еще на одного старика в форме солдата революции. Он, как и все предыдущие, сделал вид, что не заметил меня.

Тут я обратил внимание на то, что солнце потихоньку начало клониться к закату, и стал размышлять о возвращении. Наконец я повернулся, чтобы идти назад, но увидел впереди себя множество тропок, бегущих между совершенно одинаковых куч мусора. Я долго думал, по какой из них идти, но никак не мог выбрать правильный путь. Я стоял посреди этой необъятной свалки, в смущении оглядываясь по сторонам и гадая, куда двинуться. Хорошо бы, конечно, встретить кого-нибудь, кто бы подсказал дорогу, но я больше никого не видел. В конце концов я решился продолжать путь вперед, вдоль высоких холмов отбросов, пока не найду кого-нибудь. Кроме ветеранов...

Через две сотни ярдов мне, кажется, удалось отыскать кое-что. Это была одиноко стоявшая хибара, наподобие тех, что я уже видел здесь, но с тем, однако же, различием, что в строении этом — крыша да три стены вместо четырех — жить было ни при каких условиях невозможно, и, исходя из того, что я находился на свалке, я решил, что это место для сортировки мусора. В этой хибаре я и увидел древнюю старуху. «Вот кто мне укажет дорогу!» — радостно подумал я.

Старуха сидела на каком-то тюфяке неопределенных очертаний, но при моем приближении поднялась. Я спросил ее о дороге. Она сразу же затеяла разговор, и мне пришло в голову, что здесь, в самом центре царства мусора, была сосредоточена вся история парижских тряпичников и мусорщиков. Шепелявившая старуха, выглядевшая самым древним жителем этого «города», своим бормотанием подтверждала мои догадки.

Я стал расспрашивать ее о молодости, и она поведала мне интереснейшие вещи из жизни Парижа полувековой давности. Например, о том, как во времена революции она каждый день проводила у гильотины, на которой совершались казни, и вообще была активной участницей самых изощренных зверств, имевших место в то смутное время.

Я слушал ее с большим интересом, и вдруг она спросила:

— Месье, верно, устали стоять? — С этими словами она пододвинула ко мне низкую расшатанную табуретку, чтобы я мог присесть. Я не хотел этого делать по многим причинам, но старуха казалась такой вежливой, что я не посмел оскорбить ее отказом и сел в ожидании рассказов человека, который присутствовал при взятии Бастилии.

Пока мы разговаривали, из хибары показался старик. Он был еще больше покрыт морщинами и, казалось, прошел еще больше испытаний временем, чем старуха.

— Это Пьер,— сказала она.— Если месье угодно, он может послушать еще много удивительных историй, так как Пьер был свидетелем всего, начиная со взятия Бастилии и заканчивая Ватерлоо.

По моей просьбе старик взял другой табурет, и мы углубились в перипетии революционной Франции начала века. Пожилой джентльмен был одет, словно пугало на огороде, и мало чем отличался от ветеранов, которых мне пришлось видеть в шкафу.

Я сидел в середине единственной комнатки этой хибары. Хозяйка была от меня слева, а хозяин справа. Помещение, не имеющее фасадной стены, было завалено всевозможной рухлядью и тряпьем. Некоторые вещи неприятно поразили меня, и я искренне желал бы, чтобы их здесь не было. В одном из углов лежала куча тряпья, которая, казалось, шевелилась из-за переполнявших ее блох и клопов. В другом углу высилась горка костей, от которой шел нестерпимо гадкий запах. То и дело бросая взгляды на эти «достопримечательности», я с отвращением замечал огоньки крысиных глаз. Серые твари кишели во всех темных углах.

Все это было неприятно, отвратительно, но и только. А вот к стене, что была справа от меня, был прислонен огромный мясницкий топор с железной ручкой и следами крови на лезвии. Его вид заставил меня вздрогнуть и насторожиться. Я сказал себе, что все эти вещи не имеют ко мне ни малейшего отношения и я не должен обращать на них внимания. Кажется, вскоре мне это удалось, так как рассказы обоих стариков были настолько увлекательными, что я все никак не мог попрощаться с ними и двинуться в обратный путь.

Наступил вечер, и горы мусора и отходов стали отбрасывать повсюду огромные и зловещие тени.

Неожиданно для себя я обнаружил, что мне как-то не по себе. Не могу сказать, чем это было вызвано конкретно, но чувство тревоги и неудовлетворенности с каждой минутой становилось все ощутимей. Неудовлетворенность — это инстинкт и, как всякий инстинкт, означает предупреждение. Психика — часовой ума, и, когда она встревожена, ум начинает лихорадочно действовать. Хотя и не всегда осознанно.

Так было и со мной. Я вспомнил, где нахожусь и кем окружен. Задумался над тем, как вести себя, если вдруг будет предпринята попытка нападения. Я вдруг ясно осознал — хотя для этого были весьма смутные основания,— что нахожусь в опасности. Осторожный внутренний голос подсказывал: «Не делай резких движений и не показывай вида, что чего-то боишься». Я не делал резких движений и старался выглядеть внешне спокойным, поскольку знал, что старики не спускают с меня хитрых глаз. «И только ли старики?» — подумалось мне. Господи, какая страшная мысль! Откуда мне знать, что за этими тремя стенами не прячутся десятки негодяев?! Может быть, я нахожусь в самом логове банды таких головорезов, каких могла произвести на свет и взрастить только революция?!

Вместе с чувством опасности резко обострилась работа мозга. Я стал гораздо более чувствителен и наблюдателен, чем обычно. В частности, я отметил про себя, что старуха не отрывает глаз от моих рук. Мне даже не потребовалось опустить на

них свой взгляд, ясно и без того — мои кольца. На мизинце левой руки у меня была большая печатка, на правой руке — красивый алмаз.

Я понял, что самое разумное сейчас, если подозрения мои имеют под собой реальную почву, отвести возможную угрозу, самому сделав первый ход и тем разрядив обстановку. Я завел разговор о профессии старьевщика, о канализационных трубах и о том, какие красивые и удивительные вещицы там иногда находят. Все это я делал для того, чтобы незаметно подойти к теме драгоценностей.

Улучив благоприятный момент, я спросил у старухи, знает ли она что-нибудь о находках дорогих камней в самых неожиданных местах. Она ответила, что немного знает. Тогда я протянул к ней свою правую руку и, указывая на алмаз, попросил сказать, что она о нем думает. Она ответила, что глаза у нее с возрастом стали совсем слабые, и оттолкнула мою руку. Тогда я предложил ей самым безразличным тоном, на который был только способен:

— Пардон! Вот! Так вам, вероятно, лучше будет рассмотреть его.

С этими словами я снял кольцо с пальца и подал ей. Страшный мимолетный румянец появился на иссушенном старческом лице, едва она взяла в руки кольцо. При этом она бросила на меня быстрый взгляд, сверкающий и острый, как молния.

На минуту она поднесла кольцо к самому своему лицу, делая вид, что изучает его. Старик стоял на том месте, где должна была быть четвертая стена лачуги. Он шарил у себя в карманах, пока наконец не извлек оттуда грубой работы трубку. И сразу же стал набивать ее табаком, который также выуживал щепотками из кармана.

Я получил небольшую передышку, так как старуха все что-то выглядывала в моем камне, а старик был занят трубкой. Они наконец не смотрели на меня своими злыми глазами, и я осторожно стал оглядываться вокруг. Солнце уже село, и в сумерках все казалось мрачным и зловещим. Во всех углах так же темными тенями застыли груды вонючих отходов, к одной из стен был прислонен все тот же ужасный окровавленный топор, и всюду крысы, крысы!.. Их горящие глазки не давали покоя. Я видел их даже через широкие трещины между гнилыми досками, которые служили здесь полом. Казалось даже, что твари, взиравшие на меня своими красноватыми глазками из-под пола, были крупнее своих сородичей, сновавших меж куч костей и тряпья в самой лачуге!

На миг сердце мое остановилось, стало совсем жутко. Все эти мерзкие запахи вдруг обострились, сумерки опустились еще ниже, старики затряслись мелкой предсмертной дрожью... От обморока меня удержало только сознание того, что это, скорее всего, было бы для меня погибелью. Я взял себя в руки и понял, что все ужасы мне привиделись. Стало холодно, но это было даже хорошо, ибо скрывало то волнение, что бурлило внутри меня, просясь наружу. Все чувства мои обострились, мышцы напряглись, я сидел на табурете, готовый ко всем неожиданностям.

Я понял, насколько велика была реальная опасность: за мной следили, окружив лачугу плотным кольцом, все эти негодяи, весь местный сброд! Я не имел представления о том, сколько их сейчас залегло вокруг стариковской хибары в ожидании мига атаки.

Я знал, что молод и силен. Они это тоже знали. Они не могли не знать и того, что я англичанин и, следовательно, буду защищаться до конца. Я выжидал. Выжидали и они. Мне казалось, что у меня уже есть некоторое преимущество перед ними, ведь я осознаю меру опасности и уже начинаю делать выводы. Теперь наступает время моего испытания на терпение. Испытание на мои бойцовские качества, вполне вероятно, также будет иметь место...

Старуха подняла глаза на меня и сказала удовлетворенно:

— Очень хорошее кольцо. Правда. Очень красивое. О! Когда-то у меня было много таких колец! И браслетов, и сережек! В те славные дни я преподавала в городе танцы. Но сейчас Париж обо мне забыл! Забыли меня! Нынешние? Они же никогда не слышали обо мне! Меня помнят, наверно, только их деды и прадеды!..

Тут она скрипуче и очень неприятно засмеялась. А потом заставила меня изумиться, протянув обратно кольцо с такой старомодной жеманностью, что в пору было забыть о том, где находишься и кем окружен.

Старик посмотрел на нее с внезапной злостью, приподнявшись с табурета, на котором набивал свою трубку, а потом обернулся ко мне и неожиданно грубо сказал:

— Дай его мне... посмотреть!

Я уже собрался было передать ему кольцо, как старуха остановила меня:

— Нет! Не вздумай дать его Пьеру! Он чудак и растеряха. А у тебя такое кольцо!

— Замолчи ты! — крикнул старик злобно.

Вдруг старуха сказала — громче, чем это требовалось:

— Подожди! Я расскажу тебе кое-что о кольце.

Меня почему-то очень насторожили ее слова. Может быть, тут давала о себе знать моя обострившаяся психика, но мне показалось, что первая часть фразы была адресована не мне... Я огляделся и тотчас же увидел в углу около груды костей десятки горящих глаз. Едва же я бросил взгляд на саму свалку сквозь огромную дыру — там, где должна была стоять четвертая стена,— я увидел десятки теней, передвигающихся около хибары. Это ее «подожди» отсрочило мою погибель, и тени успокоились, залегли поблизости от нас.

— Однажды я потеряла кольцо... Великолепное колечко с бриллиантом! Оно принадлежало королеве, а мне было подарено налоговым чиновником, который потом перерезал себе горло из-за того, что я бросила его. Я думала, что кольцо украли у меня и продали, но никаких следов найти не могла. Полиция, прибывшая вскоре после того, как я обнаружила пропажу, предположила, что оно ушло через водосливные трубы в канализацию. Мы спустились туда. Я — прямо в своем великолепном платье, потому что не верила полиции ни на грош. Ведь дело касалось такого чудесного колечка!.. С тех пор я имею очень ясное представление о канализации. И о крысах — тоже. Никогда не забуду этого ужаса!.. Все было облеплено этими тварями! Стенки шевелились и буравили нас мерзкими глазками!.. Они боялись наших факелов, но мы не могли осветить там многое. Света не хватало, а везде, где его не было... стены шевелились!.. Мы искали в трубе прямо под моим домом. Стали шарить в стоке и там-то, в дерьме и всякой мерзости, отыскали мое кольцо. Потом мы ушли оттуда... Ах да, забыла! Прежде чем уйти, мы нашли там еще кое-что! Пока мы продвигались к выходу из трубы, к нам подошло очень много «канализационных крыс». На этот раз я имею в виду рабочих канализации. Они сообщили полиции, что один из них ушел ремонтировать что-то далеко в трубы и до сих пор не вернулся. Это было недавно, и он едва ли мог потеряться. Они очень просили нас помочь им найти его, и мы повернули назад. Полицейские хотели, чтобы я не ходила с ними, ведь кольцо мое нашли, но я настояла! Я любила приключения. Мы отошли от выхода не так далеко, как я почувствовала по шедшим впереди полицейским, что мы на что-то набрели. Там была вода, и мы перескакивали с кирпича на кирпич, которые были там специально положены, чтобы не замочить ног. Мы увидели, что в воде валяется факел пропавшего. Он боролся, это тоже было видно. Но тварей было слишком много на него одного! Им не пришлось с ним долго возиться. Кости были еще теплые, но на них не было уже ни клочка мяса! Я уже говорила, что он боролся за свою жизнь до последнего и успел укокошить немало тварей. Так вот, их тоже съели: маленькие косточки, дочиста обглоданные, валялись повсюду. А те рабочие, которые нас завели туда, они даже смеялись над своим беднягой-товарищем! Сами они крысы паршивые! Я тогда много думала о жизни и смерти...

— И вы совсем не испугались тогда? — спросил я.

— Испугалась?! — переспросила она со смехом.— Я испугалась?! Спроси Пьера! Да, я была тогда моложе, и, когда шла вдоль тех шевелящихся вонючих стен канализации, по которым скользил тусклый свет факелов, мне было не по себе! Но больше половины пути я прошла впереди всех! Впереди мужчин! Я всегда была такая! Не позволяла мужчинам обходить меня хоть в чем-нибудь! Все, что мне нужно было,— это острые ощущения. Они сожрали беднягу и не оставили от него ни следа, если не считать сухих теплых косточек. И никто не узнал этого, потому что он не успел издать и звука!

Тут она сорвалась на мелкий истеричный смех, а лицо ее при этом было словно у призрака! Никогда мне не приходилось слышать и видеть такое!.. Одна поэтесса писала о своей героине: «Слышать ли, видеть ли ее пение! Никто не скажет, что удивительней!»

То же было и со мной. Едва ли я мог определить, что ужасней было в старухе: ее хриплый, злобный и ужасный смех или

коварный оскал, страшная морщинистая улыбка, искривившийся рот — беззубая черная дыра... Трагичная маска юродивого... По этому смеху, по этой улыбочке и по этому хрипу я понял так же ясно, как если бы мне кто-нибудь сказал об этом, что моя смерть — дело решенное. Просто убийцы дожидаются благоприятного момента для нападения... Я чувствовал, что в ее страшных рассказах незаметно для меня проскальзывали слова команды тем негодяям, что залегли в мусорных кучах вокруг лачуги. «Подождите! — словно говорила она им.— Еще не время. Первый удар я нанесу сама. Дайте мне оружие, и я не упущу своего шанса! Ему не убежать! Вы примете его после меня и кинете им! Он не успеет и пикнуть! Крысы делают свое дело моментально!..»

Становилось все темнее и темнее; опускалась ночь. Я окинул взглядом хибару: все то же! Окровавленный топор у стены, кучи мусора и костей по углам, горящие глазки серых тварей около них и под настилом пола...

Пьер наконец закончил набивать трубку. Он высек огонь и через несколько мгновений с довольной гримасой пускал в потолок дым. Старуха сказала мне:

— Сердечко мое! Тебе темно? Пьер, будь хорошим мальчиком, зажги лампу.

Пьер встал с табурета и с зажженной спичкой направился к лампе, что висела у самого входа в лачугу. Он едва дотянулся до фитиля, и лампа вспыхнула, осветив всю округу и спины головорезов, лежащих тут и там.

— Стой, дурак! Не эту! Фонарь, я сказала! — хрипло прокричала она.

Загасив лампу, старик пробормотал угрюмо:

— Хорошо, мама. Но его надо поискать.— Он ушел куда-то в левый угол комнаты, а старуха из темноты сказала:

— Фонарь! Фонарь, я сказала! О! Фонарь — это все, что мы можем себе позволить, милочек.— Эти слова адресовались, несомненно, мне.— Свет фонаря нам очень подходит. Фонарь — друг революции! Это и друг тряпичника! Он помогает нам, когда все средства уже использованы.

Едва она произнесла последние слова, как раздался громкий скрип и затем такой звук, как будто что-то протащили по крыше. И опять мне показалось, что ее слова были сказаны не для меня, а для ее подручных.

— Кто-то из ваших залез на крышу, да, видно, сам попался в капкан, который готовил другому.

Я выглянул наружу и увидел обрывок веревки, спускавшейся с крыши. Ночное небо чернело. Итак, я в осаде!

Старик что-то очень уж долго возился с поисками фонаря. Я не спускал глаз со старухи. Пьер чиркнул где-то в углу спичкой, фонарь осветил убогую комнату, и я увидел при его свете, что старуха быстро подняла с пола неизвестно как появившийся там длинный острый нож или тесак и спрятала его в свои лохмотья. «Да здесь какая-то мясницкая!»

Фонарь горел неровно, чадил.

— Принеси фонарь сюда, поближе, Пьер,— приказала старуха.— Поставь его между нами и выходом; вот так! Смотрика, он отделяет нас от ночи на дворе! Хорошо!

Хорошо для нее и для ее мерзких замыслов! Свет теперь бил мне в лицо и оставлял в тени лица двух стариков и все, что было на улице перед хибарой.

Я чувствовал, что близится время действовать, но также знал, что сигнал к атаке будет исходить от старухи, и поэтому внимательно следил за ней, стремясь не упустить ни одного ее движения.

Я был безоружен, но умирать без боя не собирался и лихорадочно соображал, как поступить. Первым же моим действием, решил я, будет захват мясницкого топора у стены. С ним будет легче пробивать себе дорогу отсюда. По крайней мере, смогу дорого продать свою жизнь. Я еще раз посмотрел в ту сторону, где он был прислонен к стене, чтобы не ошибиться и сразу завладеть им... Боже! Он исчез! Весь ужас ситуации только сейчас, кажется, дошел до меня.

Я подумал о том, что, если мне не удастся спастись, бедная Элис будет очень страдать, а она такая хрупкая... А если она поверит в то, что я забыл ее ради другой?! Каждый человек, кто хоть раз в жизни любил, знает, насколько страшно и даже трагично такое подозрение... Или того хуже: она будет продолжать любить меня и после того, как я буду потерян для нее и всего мира. От этого всю жизнь ей придется терзаться и страдать, отчаянию ее не будет предела, и оно будет сопровождать ее все время, до самой последней минуты...

Меня скрутили жестокая душевная боль и тревога, я даже на минуту забыл о заговорщиках и их гнусных планах против меня.

Все же у меня хватило воли не выдавать себя. Старуха смотрела на меня, как кошка смотрит на мышь. Ее правая рука, сжимавшая рукоять ножа, до половины была скрыта под лохмотьями. Но я уже знал об этом источнике опасности. Главное — не теряться. Если она увидит на моем лице малейшие признаки смущения или неуверенности, она тут же набросится на меня, как тигрица.

Я глянул на выход, где чернела ночь, и увидел новую опасность. Впрочем, и об этих негодяях я уже знал. Они лежали неподвижно, и мне были видны лишь смутные очертания их корявых фигур, но я чувствовал, что они напряжены и только ждут сигнала к драке. Трудновато будет пробиваться через них...

И снова — в который уж раз — я окинул взглядом все вокруг меня. В минуты крайней опасности и возбуждения, которое порождается этой опасностью, мозг работает быстро и четко, все чувства обостряются, и человек становится чутким, словно зверь. Я ощутил это на себе. За какие-то секунды я проанализировал обстановку и стал разрабатывать план побега. Я понял, что топор был утащен сквозь дыру в прогнившей доске стены. И сделано все было без шума. Насколько же гнилыми были доски, если в них можно было за короткое время и совершенно бесшумно проделать довольно большую дыру?!

Лачуга была незаметно превращена в ловушку и со всех сторон снаружи охранялась. Вешатель сидел на крыше и был готов в любую минуту захлестнуть мне горло своей петлей, пока я буду возиться со старой ведьмой, отнимая у нее кинжал. Четвертой стены в доме не было, и оттуда внутрь заглядывало черное небо, но я знал, что выход охраняется лучше всего. Одному Богу было известно, сколько там залегло головорезов! И, как оказалось, под полом за мной следили глаза не крыс, а все тех же мерзавцев. После сигнала им ничего не будет стоить сломать гнилые доски пола и вылезти из подвала наверх.

С самым безразличным видом, на который был способен, я повернулся слегка на своем табурете так, чтобы в нужную минуту сразу вскочить. В следующую секунду я мгновенно встал на ноги, прикрыл голову руками, по старинному обычаю прошептал имя дамы моего сердца и бросился всем телом прямо на заднюю стену лачуги.

Несмотря на бдительность, которую проявляли последние минуты старуха и старик, мое движение застало их врасплох. Выламывая гнилые доски стены, я успел заметить, что старуха тоже вскочила со своего места, размахивает руками и хрипит в безудержном гневе. Наконец я оказался под открытым небом и сразу же наступил на что-то живое и шевелившееся. Я отпрыгнул назад. Оказалось, это был один из тех мерзавцев, что поджидали меня около лачуги. Я весь был утыкан занозами и оцарапан, но в общем не очень пострадал в результате осуществления первого этапа моего побега из этого гиблого места. На моем пути стоял высокий мусорный курган, и я бросился по нему наверх. Позади отчетливо слышался хруст и треск: старуха и Пьер ломились наружу.

Это было кошмарное восхождение! Холм был не очень скользкий, но крутой, и поэтому каждый шаг давался с неимоверным трудом. Ноги вместе с мусором и тряпками неуклонно соскальзывали вниз, и меня спасала только скорость. В воздухе стоял отвратительнейший запах, было нестерпимо гадко лезть вверх по этой помойной куче, но я понимал, что речь идет о жизни и смерти, и поэтому лез, лез, лез... Боролся! Секунды казались часами. Я был молод, силен, и это сразу же дало мне огромное преимущество перед врагами. Они преследовали меня, карабкаясь по кургану вслед за мной. Тишина стояла мертвая. Они не кричали, не ругались... Ползли вверх молча, и это было страшнее всего!

Скоро я достиг вершины кургана. Теперь, когда прошло уже много лет с того времени, всякий раз, когда мне приходится куда-нибудь подниматься, в моей памяти оживают ужасные образы той ночи близ Монтруж, и мне становится не по себе...

Курган, на вершину которого я взобрался, был одним из самых высоких на всей свалке. Я пытался сдержать тяжелое дыхание и успокоиться — сердце колотилось, словно кузнечный молот. Я стал оглядываться по сторонам и увидел по левую руку от себя в багрово-черной плазме неба множество огней. Слава богу! Теперь я знал, где примерно нахожусь и где дорога на Париж!

Для того чтобы прийти в себя, мне понадобилось всего несколько секунд. Я посмотрел вниз — преследователи были еще далеко от вершины холма, но они отчаянно лезли и лезли вверх,

соблюдая эту свою страшную тишину. Та хибара, из которой мне посчастливилось чудом вырваться, была разрушена, и даже в тот момент, когда я смотрел на нее, из-под груды гнилых досок еще выбирались мерзавцы, подстерегавшие меня в засаде под полом. Мне было все отлично видно, так как фонарь, видимо, опрокинулся и разлившееся горящее масло достигло куч тряпья. Начался пожар. И над всем этим — тишина! Мертвая тишина! Ни окрика, ни шепота!.. На некоторых горели их жалкие лохмотья, но они не звали никого на помощь, не кричали!..

У меня не было времени любоваться этим зрелище. Бросив взгляд на противоположный склон кургана в поисках удобного спуска, я заметил внизу метавшиеся тени врагов, желающих отрезать мне этот путь. Мне предстояла жестокая и отчаянная борьба за жизнь! Они пытались пресечь мою попытку добраться до дороги на Париж, я это понял и, повинуясь инстинктивному чувству, бросился вниз с правой стороны кургана. Я успел скатиться как раз вовремя, так как за мной сразу же раздался топот ног. Я вскочил и бросился в проход между двумя другими курганами мусора, и сзади, прямо около моего уха, просвистел в воздухе тот самый окровавленный мясницкий топор, который я видел в лачуге у той ведьмы. Я на бегу обернулся и увидел, что за мной гонятся несколько ветеранов в грязных и оборванных мундирах солдат времен первой Французской революции.

Затем началась самая настоящая охота на меня. Я легко бежал впереди этих седых стариков, и даже когда к погоне присоединились несколько солдат помоложе и женщины, я без особого труда сохранил дистанцию между нами. Но я не знал этих мест и даже не мог сориентироваться по огням города, поскольку они теперь были позади и я вынужден был убегать в сторону от них.

Говорят, все охотники, помимо своей воли и незаметно для самих себя, все время держат немного влево. Теперь я убедился в этом на себе. Думаю, о том же догадывались и мои преследователи, ибо это были больше звери, нежели люди. Они-то и придумали сыграть со мной в связи с этим злую шутку. Когда я хотел уже немного сбавить темп, чтобы отдышаться, из-за ближайшего мусорного холма выскочили трое преследователей! Оказывается, я невольно бежал по дуге, каждый шаг делая чуть левее предыдущего. Они воспользовались этим и срезали свой путь.

Меня загнали, как волка! Но вместе с осознанием этой новой опасности ко мне пришла на помощь вся моя сообразительность, и я устремился в первый же поворот направо, пытаясь оторваться сразу и от тех, кто несся за мной по пятам сзади, и от тех, кто хотел перехватить меня сбоку. Я бежал в этом направлении несколько сот ярдов, а потом свернул налево и понял, что, во всяком случае, мое окружение им не удалось, а там — поглядим.

И все же я слышал за собой топот ног целой толпы. Непрекращающийся, незатихающий, упорный, неумолимый. И все это в полной тишине!

В опустившейся темноте горы мусора казались несколько меньше своих действительных размеров, но мне это мало помогало, так же, как и то, что ночь близилась к концу, хотя тьма не расступалась. Преследователи были далеко позади, и поэтому я позволил себе устремиться на вершину одного из курганов. Я мчался, как молния, и поэтому без особого труда, на высокой скорости взлетел наверх.

О Боже! Слава тебе! С высоты кургана я рассмотрел, что мне удалось добежать наконец до границы этой гнусной свалки! Позади меня сверкал в ночи Париж, высились крыши Монмартра, неясный свет городских огней, таких недосягаемых!..

Осознание того, что свалка почти вся позади, прибавило мне сил, и я на одном дыхании, бегом преодолел несколько оставшихся мусорных куч и оказался на ровной пустынной местности. Увы, пейзаж был ненамного веселей и безопасней, чем позади. Впереди меня все еще окружала тьма и мрак безмолвия. Без всякого сомнения, я оказался на одной из тех сырых, низинных территорий, которых в достатке вокруг любого большого города. Влажная и унылая равнина, где воздух вреден для здоровья, а земля настолько бедна и не приспособлена ни для чего, что невозможно и думать о том, чтобы заселить эти места.

Глядя вперед на открытое пространство, можно было видеть гораздо больше и четче, чем на узких тропках между теми ужасными и гниющими мусорными кучами. В стороне горизонт светился огнями, и можно было предположить, что это какое-то предместье Парижа, хотя до самого города было очень далеко. Во всяком случае, мне придало уверенности то обстоя-

тельство, что теперь мне под силу разглядеть моих молчаливых преследователей за несколько десятков ярдов до меня.

Впереди открывалась лишенная растительности плоская пустошь с мерцавшими тут и там в ночи стоячими водоемами. По правую руку, на большой удаленности, среди целого роя огней возвышалась гигантская масса крепости Монтруж, а слева, на неясном расстоянии, смутными лунными бликами на окнах домов открывался Бисетр. После быстрого раздумья я решил попробовать повернуть вправо и достичь Монтруж. Там, по крайней мере, есть надежда обрести надежное убежище и безопасность, а кроме того, я бывал в крепости на туристической экскурсии и запомнил подходы к ней. Кстати, именно там должна пролегать большая дорога, соединяющая всю цепь крепостных сооружений Монтруж с Парижем.

Я оглянулся назад. По последним мусорным кучам свалки передвигались четко обозначенные на фоне огней Парижа черные силуэты, несколько теней метнулись также вправо, туда, куда я намеревался идти, явно с целью перерезать мне путь. Это заставило меня изменить свои планы. Оставалось два выхода: прямо или влево.

Я лег на землю так, чтобы было лучше разглядеть фигуры врагов на фоне горизонта. Я понял: раз они не потрудились отрезать от меня этот путь, даже не пытались этого делать, значит, там существовала для меня опасность и без них. Поэтому я решил продолжить путь к спасению прямо, по чавкающей под ногами земле.

Дороги не было никакой, а почва была просто ужасной и становилась хуже и ненадежней с каждым шагом. Жижа, хлюпающая под сапогами, вызывала отвращение. Вскоре я почувствовал, что уровень почвы стал понижаться, словно я спускался по очень пологому склону. Ориентиры становились все выше и выше и вместе с ними поднимался горизонт. Я огляделся — преследователей не было ни сзади, ни с боков. Мне это показалось странным, так как до сих пор они продвигались по моим следам сквозь кромешную тьму, словно при ярком солнечном свете.

Сколько раз уже за последние полчаса я корил себя за то, что надел сегодня свой светлый твидовый костюм! Мной овладел ужас, когда я понял, что не вижу своих врагов, которые, при-

таившись в своей мертвой тишине, спокойно наблюдали за мной. В надежде, что я буду услышан кем-нибудь, исключая этих призраков, я несколько раз прокричал, призывая на помощь. Ответом мне была только тишина, которая давно стала союзником моих недругов. Даже эхо, что могло обмануть меня и подтолкнуть к спасению, не раздалось. Какое-то время я стоял на месте, не двигаясь и всматриваясь в одном направлении. Сначала смутно, а потом довольно отчетливо я разглядел чей-то силуэт, двигавшийся влево от меня. Скоро к нему присоединилось еще несколько смутных фигур. Не было сомнения: меня вновь пытаются отсечь от верного пути!

Я был уверен, что и теперь смогу избежать западни и обыграю противника. Собравшись с силами, я рванулся вперед...

Шш-у-ххх!!!

Ноги поскользнулись на какой-то ерунде, и я головой вперед полетел в дымящийся зловонными парами стоячий водоем. Я ушел под теплую воду по локти и не смог удержаться от вскрика ужаса. Никогда не забуду те мгновения, когда я стоял в отвратительной жиже, теряя сознание от мерзкого запаха и задыхаясь в белом тумане испарений. Но самое ужасное было то — теперь мне легко войти в положение загнанного зверя, у которого не остается почти никакой надежды,— что я увидел зловещие тени моих врагов, мелькающие не так далеко и обходящие меня со всех сторон.

Странно все-таки, как мобилизуется работа человеческого мозга, когда все тело и нервы парализованы предсмертными инстинктами и паникой. Но не менее удивительно то, что порой в самых безнадежных ситуациях людям приходят на ум мысли, абсолютно не связанные с его спасением. Так было и со мной. Я понимал, что моя жизнь висит на волоске и все зависит от быстроты предпринимаемых мною действий. Я видел, что с приближением врагов шансов у меня остается все меньше. И тем не менее я почти с восторгом думал о неутомимости противника. Ведь они все почти сплошь старики! Их молчаливое упорство даже заслуживало некоторого уважения. Каковы же они были в молодости?! И каковы же были Веллингтон и Блюхер, если им удалось поразить этих наполеоновских гвардейцев при Ватерлоо?!

Произвольная работа мозгов иногда полезна даже в таких ситуациях. К счастью, она не помешала одновременно взвесить и шансы на мое спасение.

Мне хватило мужества признаться самому себе, что пока я проигрываю, а мои противники в выигрыше. Они успешно продолжали окружать меня с трех сторон и тем самым заставляли идти к движению налево, где они не поставили засады и где, значит, мне угрожало что-то и помимо них. К этому времени, уже почти освободившийся от пут трясины, я принял это их предложение и устремился налево.

Я бежал по более низкому месту, чем мои противники. Почва под ногами была липкая и скользкая, но я знал, что им приходится не легче, и это придавало мне сил. А молодость и крепость организма давали мне дополнительные шансы. Так что мне не только удалось снова избежать неминуемой гибели, но и создать между собой и ветеранами приличную дистанцию. Это укрепило меня, я с радостью ощущал свой тренированный организм, и в те же минуты ко мне пришло второе дыхание — работа легких стала ровной и мощной и бег заметно ускорился.

Теперь уровень почвы постепенно повышался. Я стремительно взбежал по склону и оказался на ровной местности с болотистой почвой. Впереди темной тенью возвышалась то ли дамба, то ли насыпь. Я понял, что если мне удастся беспрепятственно достичь этого сооружения, то я окажусь почти в безопасности, так как за ним наверняка начинается твердая земля и, может быть, даже есть какая-то дорога Я на бегу посмотрел по сторонам, но никого не увидел. По болоту пришлось бежать несколько минут, но я не останавливался. Прежде чем я добрался наконец до насыпи, я почувствовал сильную усталость: топкая земля под ногами безжалостно отнимала у меня силы, которые были еще так нужны! Я взобрался на насыпь, помогая себе руками...

Увы, там, где я ожидал увидеть спасение или хотя бы надежду на спасение, меня ждало новое испытание. Прямо передо мной с земли поднялись несколько темных фигур! Справа и слева они бросились на меня. У каждого негодяя в руке раскачивался канат с петлей.

Я был почти в полном окружении. Мне некуда было бежать, и конец мой был близок.

К спасению открывался всего лишь единственный путь, и я воспользовался им. За насыпью был еще один стоячий водоем, а вовсе не твердая земля с дорогой. Мне ничего не оставалось, как, уворачиваясь от веревок, пробежать вперед оставшиеся до воды ярды и броситься вниз головой.

В другое время я бы сильно страдал от грязи и вони, что окружила меня в воде, но теперь я погрузился в болото так, словно это был кристально чистый горный ручей. Путь к спасению — вот главное!

Мои преследователи, не долго думая, бросились за мной. Если бы хоть один из них не оставил на берегу свою петлю, мне быстро пришел бы конец: веревка настигла бы меня после первых же двух-трех взмахов. Но они кинули в меня свои канаты с берега, прежде чем броситься за мной, и я услышал всплески воды далеко позади себя.

Несколько минут отчаянной работы рук и ног — и я преодолел этот водоем. На насыпь противоположного берега я вылезал уже в относительно бодром расположении духа.

Я оглянулся назад — преследователи неуклонно приближались. Значит, охота не завершена! Мне вновь пришлось лихорадочно соображать, какой путь выбрать. За насыпью открывалась туманная болотистая местность, очень похожая на ту, что я только что пересек. Я решил впредь остерегаться и избегать подобных мест. Пока я раздумывал, расхаживая по насыпи взад-вперед, вдруг послышался далекий всплеск весел о воду. Я прислушался, а когда убедился в том, что не ошибся, закричал и стал размахивать руками.

Ответа не последовало, да и звуки прекратились. Понятно! Моим врагам удалось раздобыть лодку! Едва они показались вблизи слева, я побежал вправо. Я ринулся вдоль насыпи и вдруг услышал характерные всплески, как будто крысы плюхнулись в воду. Правда, эти всплески были гораздо громче. Вслед за ними вновь послышались удары весел. Итак, ясно: меня преследуют по воде. Я прибавил шагу. Через некоторое время, оглянувшись, увидел, как погоня причалила к той насыпи, вдоль которой я бежал.

Поднялся сильный ветер, вода быстро взволновалась и стала биться небольшими волнами о насыпь. Я не смотрел никуда, как только перед собой, потому что поскользнуться для меня

значило погибнуть. Через несколько минут я опять оглянулся: вдоль насыпи бежало всего несколько человек, гораздо больше их выбралось на болотистую почву, которую я отверг. Какую новую опасность это таило для меня, я не знал и мог только догадываться.

На бегу я обратил внимание на то, что насыпь слегка поворачивает вправо. Кроме того, водоем, который я недавно преодолел, вышел из берегов и превратился в бурный поток. Насыпь теперь часто захлестывало. С противоположной стороны бушевал другой поток, к которому тоже подбирались мои преследователи. Итак, я оказался на своего рода островке.

Положение мое было поистине отчаянным, так как я опять оказался в кольце окруживших меня со всех сторон врагов. Судя по звукам весел, лодка стремительно нагоняла меня. Как будто негодяи знали, что мой конец близок. Впереди не было никакой надежды: ни крыши, ни света в окне. Далеко с правой стороны в ночном небе возвышалась какая-то махина, но я не имел понятия о том, что это может быть. На минуту остановился, чтобы обдумать дальнейшие действия. Но враги не ждали, они быстро приближались.

Наконец мне показалось, что я нашел выход. Я соскользнул по насыпи вниз и вошел в воду. Быстро загребая руками, я стал приближаться к течению, которое, как я предполагал, окажется настолько сильным, что сможет отнести меня куда-нибудь. Тучи наконец закрыли собой луну, и все в округе погрузилось в полнейшую тьму. Я снял с себя шляпу и бросил ее плыть по течению, а сам устремился в другую сторону, прилагая максимум усилий. Сначала я глубоко поднырнул и постарался проплыть под водой как можно дальше. Показавшись снова на поверхности, я оглянулся назад. Моя шляпа преспокойно уносилась течением прочь от меня. Ее быстро нагоняла неустойчивая старенькая лодка, управляемая мощными взмахами двух весел. Из-за туч вновь показался серп луны, и при его свете я увидел на носу лодки стоящего мужчину. В руках у него был тот самый мясницкий топор, удара которого я избежал на свалке. Мерзавец стоял наготове, занеся свое оружие для удара. Лодка быстро приближалась к моей шляпе, и наконец я увидел, как топор с размаху опустился на нее. Шляпа ушла под воду; убийца по инерции наклонился вперед и вниз, едва не перевернув

лодку. Сообщники удержали его, но топор канул на дно. Я изо всех сил поплыл к уже видневшейся очередной насыпи и услышал позади себя крик гнева и досады и хриплое ругательство:

— Sacre!!!

Первый человеческий звук, который мне довелось услышать в продолжение всей этой охоты. Несмотря на то что это был крик угрозы в мой адрес, я воспринял его почти с благодарностью, потому что он наконец вспорол страшную тишину, которая окружала меня в эту ночь. По крайней мере, я теперь не сомневался, что передо мной не призраки, а живые люди. Против людей, даже если их много, я еще мог как-то бороться.

Но раз уж тишина нарушилась, они не стали больше придерживаться своей молчаливой тактики. С лодки на берег и с берега на лодку обменялись несколькими быстрыми репликами, произнесенными хриплыми приглушенными голосами. Я обернулся опять назад,— какая ошибка! — и один из них заметил лунный отблеск на моем лице и вскрикнул. Он показал в мою сторону руками, и через несколько секунд лодку развернули и погнали за мной.

До берега мне оставалось совсем немного, но лодка неслась ко мне гораздо быстрее, чем я плыл к земле. Еще несколько взмахов рук — и я был бы на берегу, как вдруг почувствовал, что на меня накатывается нос лодки, и уже ожидал, когда на мою голову обрушится тяжелое весло или какое-нибудь другое орудие. Но несколькими минутами раньше я собственными глазами видел, как канул в воду топор, и это несказанно взбодрило меня. Теперь я отчетливо услышал тяжелое дыхание гребцов и хриплый гомон остальных. Неимоверным усилием я достиг берега раньше лодки и сразу же выскочил из воды. У меня не было ни секунды на промедление, так как вслед за мной в берег тяжело врезался нос лодки и оттуда высыпали преследователи. Я вскарабкался наверх и бросился бежать влево. В лодке осталось еще двое или трое. Высадив «десант», они отчалили от берега и поплыли вдоль насыпи в том же направлении, в каком спасался я. Увидев это, я решил изменить курс, сбежал вниз по насыпи, на противоположную ее сторону, преодолел несколько ярдов топкой почвы и наконец оказался на твердой земле. Передо мной расстилалась равнина, и я бросился по ней вперед.

Вскоре через насыпь перебрались и мои преследователи; они никак не желали отставать. Вдали высилась все та же темная громадина, только сейчас она казалась больше и ближе. Мое сердце радостно забилось: теперь я понял, что это, скорее всего, крепость Бисетр. С новыми силами я устремился к возвышавшимся в небе башням.

Я слышал, что все крепостные укрепления вокруг Парижа соединены стратегическими дорогами, предназначенными для передвижения войск в войну и затопленными в обычное время, чтобы их не обнаружил противник. Я понимал: выйди на одну из таких дорог — и ты спасен. Но, к сожалению, я не знал местности, и не было ни одного ориентира, который бы указывал мне на наличие дороги. Кроме того, по-прежнему стояла кромешная тьма. Оставалось только бежать вперед по направлению к крепости, что я и сделал.

Вдруг я оказался на краю рва. Внизу пролегала дорога, с обеих сторон защищенная канавами с водой и довольно высокими кирпичными стенами.

Собрав последние силы, я опять бросился бежать. На этот раз — вниз по склону. Земля под ногами стала неровной, и я то и дело спотыкался, падал, но каждый раз поднимался и продолжал бежать. Трезвый расчет уже покинул меня, и я руководствовался лишь слепым инстинктом самосохранения. Среди роя бессвязных мыслей выделялась одна — об Элис. Я не погибну, и она не будет страдать, я буду бороться за жизнь до последнего! Я сбежал на дно рва и, подпрыгнув, уцепился за край стены. Карабкаясь, словно дикая кошка, я взобрался на самый верх. Внизу кто-то ухватил меня за ногу, но я вырвался. Впереди я увидел тусклый свет. Обессиленный и изможденный, покрытый грязью, царапинами и кровью, я из последних сил устремился вперед.

— Стой! — крикнули из темноты по-французски.

Эти слова показались мне гласом Божьим! Луч света от фонаря брызнул мне в лицо, и я не смог удержаться от крика радости.

— Кто идет? — требовательно спросил тот же голос.

Я услышал, как прямо около меня щелкнул затвор мушкета и холодный ствол уперся мне в грудь. Я остановился, хотя не знал, остановятся ли те, кто гнался за мной.

В следующую минуту я отвыкшими от света глазами увидел, как распахнулись ворота и оттуда посыпались фигуры в красно-синих мундирах. Все вокруг меня закипело жизнью и блеском: оружие, лезвия клинков, щелканье затворов и звон холодного оружия, громкие отрывистые команды. А я стал падать, потому что силы оставили меня, и один из солдат еле успел поддержать меня. Я бросил взгляд на стену, за которой были враги, и потерял сознание.

Пришел я в себя в комнате охраны. Меня угостили коньяком, а некоторое время спустя я уже мог рассказать то, что произошло со мной в эту ночь. Затем я внезапно увидел перед собой комиссара полиции. Он появился неожиданно, как будто из воздуха. Впрочем, это стиль парижских полицейских. Он меня внимательно выслушал, а потом перекинулся несколькими словами с офицером, который был начальником охраны крепости. Они о чем-то быстро договорились между собой и спросили меня, смогу ли я идти вместе с ними.

— Куда? — спросил я их в свою очередь, приподнимаясь.

— На свалку. Может, нам удастся поймать их там.

— Согласен!

Они сочувственно оглядели меня, а потом комиссар спросил меня:

— Не хотите подождать до утра, смелый англичанин?

Эти слова задели меня за живое, и я бодро вскочил с кушетки, куда они меня уложили.

— Идем сейчас! — сказал я.— Сейчас! Это мой долг, а англичанин всегда готов к исполнению долга!

Комиссар был добр настолько же, насколько и умен. Он потрепал меня по плечу.

— Brave garson! — сказал он.— Простите. Я знал, что вы так скажете. Солдаты ждут. Идем!

Из комнаты охраны мы завернули в длинный коридор и, пройдя по нему, вышли на улицу. Вокруг царила еще глухая ночь. У солдат, что пошли с нами, в руках были мощные фонари. Мы прошли высокую арку и оказались на широкой дороге, проходящей во рву, той самой, которую я заметил за несколько минут до своего спасения. По приказу солдаты построились в колонну по двое и короткими перебежками быстро двинулись

в путь. Я почувствовал новый прилив сил — такова разница между положением охотника и дичи.

Мы скоро дошли до понтонного моста через разлившуюся водную гладь. Час назад я переплывал здесь несколько выше по течению и моста не заметил. Нам пришлось на некоторое время задержаться, так как канаты были перерезаны все до единого и, кроме того, сломана одна из цепей. Я услышал слова офицера, обращенные к комиссару:

— Мы как раз вовремя. Еще немного — и им удалось бы окончательно вывести мост из строя. Вперед, быстрее!

Мы переправились, перебежали насыпь и вновь оказались у понтонов. На другом берегу раздавался звон цепей — негодяи пытались сломать и второй мост. Прозвучала команда, и солдаты подняли свои ружья.

— Огонь!

Раздался залп. На том берегу кто-то сдавленно вскрикнул, и темные фигуры исчезли. Но зло уже было не поправить: цепи, крепившие мост, были сломаны и дальний от нас конец понтона уплывал вниз по течению. Это была уже основательная задержка, и нам потребовалось никак не меньше часа, чтобы привести мост в порядок, по крайней мере, на время переправы.

Мы возобновили погоню. Скоро вдали показались мусорные курганы, а это значило, что мы почти у цели.

Я уже свободно ориентировался, поскольку пошли знакомые места. Мы наткнулись на остатки костра. Небольшая кучка углей и дотлевающих досок. Я понял: это все, что осталось от лачуги, в которой я провел прошедший вечер. Крысы бегали по обгоревшим доскам и бросали на нас злобные взгляды. Комиссар что-то шепнул офицеру и тот крикнул:

— Стой!

Солдатам был отдан приказ растянуться в цепь, и после этого мы стали исследовать руины. Комиссар расшвыривал ногами в разные стороны гнилое дерево и тряпье. Солдаты складывали их в сторонке в одну кучу. Вдруг комиссар остановился, отступил назад в волнении, затем оглянулся и кивнул мне, чтобы я подошел.

— Глядите! — сказал он мне.

Это было мрачное зрелище. Я увидел останки человека. Чистый скелет. Повернутый лицом вниз. Судя по линиям — женщина; по изношенности костей — старуха. Между позвонками торчал огромный мясницкий нож.

— Посмотрите,— сказал комиссар мне и офицеру, доставая из кармана свой блокнот.— Видимо, она неосторожно упала на нож. Здесь много крыс — вон как они сверкают своими глазками на нас из-за груды костей!

Он нагнулся и руками стал исследовать скелет.

Я содрогнулся от этого зрелища.

— И еще заметьте,— продолжал комиссар.— Кости еще теплые! Так что крысы работают здесь на совесть! У них было не так уж много времени...

Поблизости мы не видели больше никого, ни живого, ни мертвого, поэтому солдаты опять построились в цепь, и мы пошли по гигантской свалке дальше. Через некоторое время мы дошли до жилища, сделанного из старинного бельевого шкафа. Осмотрелись. Всего было шесть спальных полок, как я имел возможность убедиться еще прошлым днем, но теперь заняты были только пять. Старики-ветераны спали так крепко, что их не разбудил даже ослепительный свет фонарей. Старые, обрюзгшие, мрачные. Серо-бронзовые лица да седые усы.

Офицер рявкнул во все горло команду, и через несколько секунд все ветераны стояли перед ним в линию по стойке «смирно».

— Что вы здесь делаете?

— Спим,— был ответ.

— Где остальные? — спросил комиссар.

— Ушли на работу.

— А вы?

— Мы охраняем.

— Peste! — захохотал офицер мрачно.

Он оглядел всех стариков по очереди с ног до головы и потом медленно и безжалостно заявил:

— Дрыхнуть в охранении! И это старая гвардия?! Теперь понятно, почему нам надавали под Ватерлоо!

При свете фонаря я рассмотрел, что после слов офицера лица ветеранов покрылись мертвенной бледностью, а когда солдаты, сопровождавшие нас, весело загоготали шутке своего командира, по лицам стариков прошла судорога.

В ту минуту я подумал, что в какой-то мере отомщен за все переживания.

С минуту старики смотрели на нас так, словно едва сдерживались, чтобы не наброситься на насмешников, но жизнь многому научила их, и они не двинулись с места.

— Вас только пятеро,— сказал комиссар.— А где шестой?

Скрипуче посмеиваясь, ветераны ответили:

— А он там! — И показали на днище шкафа.— Он умер в прошлую ночь. Вы мало чего найдете. Крысы хоронят быстро!

Комиссар нагнулся и стал вглядываться, куда ему показывали. Затем он повернулся к офицеру и спокойно сказал:

— Ну что ж, мы можем возвращаться. Здесь почти ничего не осталось. Во всяком случае, уже не установить, этот ли мужчина был ранен у моста вашими солдатами. Допускаю, что это они,— он кивнул в сторону стариков,— и убили его, чтобы скрыть следы. Глядите.— Он снова нагнулся и дотронулся рукой до скелета.— Крысы работают быстро, а кроме того, их здесь много. Кости еще теплые.

Я невольно вздрогнул. И то же самое произошло со многими солдатами.

— Стройся! — крикнул офицер, и спустя несколько минут мы двинулись в обратный путь: фонари у головных солдат, чтобы освещать дорогу, в середине процессии — ветераны в наручниках. Вскоре мы вышли за пределы свалки и взяли направление на Бисетр.

Мой годичный испытательный срок давно окончился, и Элис стала моей женой. Но когда я начинаю вспоминать те наполненные событиями двенадцать месяцев, в памяти в первую очередь всплывает все, что было связано с моим визитом в Город Мусора.

ОКРОВАВЛЕННЫЕ РУКИ

Первое мнение относительно личности Джейкоба Сэттла, которое я услышал, было коротким описательным штрихом: «Это погруженный в себя, унылый малый». Эти слова принадлежали его товарищам по работе, и хоть, по-видимому, они действительно выражали их мысли, мне такое мнение показалось субъективным. Уж слишком мало в этой характеристике было терпимости, отсутствовал малейший положительный намек, я уж не говорю об исчерпывающей обрисовке личности сослуживца. Коллеги обычно четко отводят человеку ту нишу, которую он занимает в общественном мнении. Кроме того, я увидел заметное несоответствие между полученной лаконичной характеристикой и внешностью Джейкоба.

Я много думал об этом человеке, а постепенно, ближе знакомясь с его окружением и образом жизни, по-настоящему заинтересовался им. Он был очень добр, жил крайне скромно и не позволял себе больших денежных расходов сверх своих необходимых потребностей. Его отличали такие добродетели, как неприхотливость в жизненных запросах, расчетливость, экономность и спокойствие, по крайней мере внешнее. Дети и женщины доверяли ему без малейших колебаний, но, странно, он избегал их всегда, кроме тех случаев, когда речь шла о болезни. Если он чувствовал, что может помочь, он всегда приходил.

Он был несколько неуклюж, но это не вредило ему. Жизнь его протекала вдали от всех, в крохотном коттедже, скорее да-

же в хибарке, состоявшей всего из одной комнаты и выходившей окнами на мрачные, заросшие вереском торфяники. Образ его жизни казался мне таким одиноким и безрадостным, что я захотел непременно оживить его. Однажды, когда мы сидели с ним у кровати ребенка, который случайно пострадал из-за меня, я предложил ему взять у меня из книг что-нибудь почитать. Он с радостью принял мое предложение, а когда мы расходились на заре по домам, я почувствовал, что между нами установилось взаимное доверие.

Книги возвращались всегда в целости и аккуратно в сроки, и через некоторое время мы с Джейкобом Сэттлом стали настоящими друзьями. Раз или два в воскресенье я пересекал торфяники и заглядывал к нему домой. Правда, в таких случаях он был на удивление скован и смущен, так что я даже стал сомневаться в правильности того, что я его навещаю. Зайти ко мне он неизменно и под разными предлогами отказывался.

Однажды в воскресенье я возвращался с долгой прогулки по торфяникам и, проходя мимо дома Джейкоба, решил проведать, как у него идут дела. Дверь была заперта, и я уже подумал было, что хозяина нет дома. Все-таки я постучал. Чисто машинально, по привычке, не ожидая услышать никакого ответа. К моему удивлению, из-за двери раздался слабый голос. К сожалению, звуки были настолько нечеткие, что мне не удалось разобрать смысл произнесенных слов. Я открыл дверь ключом, выданным мне как-то самим хозяином, и вошел в дом.

Я нашел Джейкоба лежащим на кровати и полураздетым. Он был мертвенно-бледен, со лба ручьями стекал пот. Его руки беспрестанно тянули куда-то простыни, совсем как утопающий тянет за собой вниз все, что ни ухватит. Едва я вошел, он вскинулся на кровати, глядя в мою сторону дикими загнанными глазами. С первого взгляда было ясно — с ним происходит что-то ужасное. Узнав меня, он бессильно повалился обратно на подушки, закрыл глаза и только тихонько постанывал. Я постоял у изголовья его кровати несколько минут, пока он приходил в себя и восстанавливал дыхание. Он открыл глаза и посмотрел на меня. В его взгляде застыли такое отчаяние и скорбь, каких я, будучи человеком бывалым, признаюсь, никогда не видел. Я присел рядом с ним на кровати и спросил, как он себя чувствует. Он несколько раз повторил, что не болен, но потом, изучив меня долгим внимательным взглядом, приподнялся на локте и сказал:

— Благодарю вас за вашу доброту, сэр. Поверьте, я говорю вам правду. Я не болен с той точки зрения, с какой это принято рассматривать. Но только Богу ведомо, не является ли мое состояние ужасной порчей, о которой врачи даже не слышали никогда. Я скажу вам, сэр, но, доверяясь вам, требую, чтобы вы не рассказывали об этом ни одной живой душе, так как это может только усугубить мои страдания. Итак, я говорю: меня преследует дурной сон.

— Дурной сон? — переспросил я с улыбкой, надеясь этим ободрить его.— Но сны испаряются с первым лучом солнца. Даже больше того — с пробуждением.

Тут я замолчал, так как еще прежде, чем он заговорил, увидел ответ на его скорбном лице.

— Нет! Нет! Все это так лишь для тех людей, которые окружены комфортом и близкими, которые любят их. Но нестерпимой пыткой это становится для тех, кто живет в одиночестве и, главное, вынужден жить в одиночестве! Какое облегчение принесет мне пробуждение здесь, в ночной тишине, на торфяниках, полных голосов и теней, которые наводят на меня ужас, еще больший, чем во сне?! О юноша! У вас нет прошлого, которое бы насылало на тихий мрак ночи рой звуков и на пустое пространство — десятки зловещих силуэтов! Дай вам Бог не иметь такого прошлого!

В его голосе слышалась такая убежденность, что мне ничего не оставалось, как только снять свои возражения по поводу его отшельнического образа жизни. Мне казалось, что я присутствую при действии какой-то загадочной силы, которую не могу ни постичь, ни измерить. Я не знал, что говорить, и почувствовал облегчение, когда он продолжил сам:

— Мне снится это две последние ночи. В первую ночь было очень тяжело, но я выдержал. А вчера само ожидание повторения сна стало ужасней, чем сам сон. Во всяком случае, мне так казалось. Но я заснул — и опять явился тот злой сон. И все страдания, которые я пережил вечером в ожидании его, показались мне развлечением! Проснулся и крепился, чтобы не заснуть до самого рассвета, а потом не вытерпел и снова забылся. Сон навалился на меня с новой силой, и, я уверен, те ощущения, которые мне пришлось претерпеть, сравнимы разве что с предсмертной агонией. И вот сейчас опять вечер...

Я выслушал его до конца и постарался впредь говорить с ним легким беззаботным тоном.

— Попробуйте заснуть сегодня пораньше. Пока на дворе еще вечер. Сон освежит вас, и, смею надеяться, дурные видения отныне вас посещать не будут.

На это он только обреченно покачал головой. Я еще посидел у него некоторое время, а потом распрощался.

Придя домой, я тут же стал делать приготовления к тому, чтобы провести ночь вне своей спальни. Дело в том, что я решил разделить вместе с Джейкобом Сэттлом его ночные тревоги в маленьком домике на торфяниках. Я рассудил, что если он последовал моему совету и заснул до захода солнца, то около полуночи можно ожидать его пробуждения. Поэтому, едва городские куранты пробили одиннадцать, я стоял перед его дверью с сумкой в руках, в которой был мой ужин, огромная фляга с вином, пара свечей и книга. Лунный свет в тот раз был необычайно ярок и заливал всю округу. Но от горизонта уже ползли черные гигантские тучи, и вскоре почти дневной свет, который давала луна, сменился плотнейшим мраком.

Я вошел в дом, решив не будить Джейкоба, который лежал на кровати все с тем же бледным лицом. Он лежал неподвижно, и с него градом катился пот. Я попытался представить, что же за видения проносятся перед этими закрытыми глазами, которые приносят с собой только горе и страдания, отпечатанные на лице Джейкоба. У меня ничего не получилось — воображение изменило мне, и я стал ждать пробуждения друга. Оно наступило внезапно, поразив меня своими признаками. Джейкоб со страдальческим стоном резко приподнялся на кровати и тут же бессильно упал назад. Губы, побелевшие словно мел, что-то беззвучно шептали, в глазах стоял неприкрытый ужас.

— Если таковы сны,— пробормотал я вполголоса,— значит, они основаны на страшной реальности. О каком прошлом он говорил?..

В ту же минуту он увидел и узнал меня. Я удивился, что он воспринял мое появление как должное. Обычно только что проснувшиеся люди еще витают в грезах сновидений и не сразу различают реальность. Он издал радостный крик и пожал мне руку своими влажными дрожащими руками. Этот наивно-искренний, почти детский жест тронул меня. Я предпринял попытки успокоить его:

— Будет, будет. Все хорошо. Я пришел, чтобы провести ночь вместе с вами, и, уверен, сообща мы победим ваш злой сон.

Он выпустил мою руку неожиданно и резко, откинулся на подушки и закрыл себе лицо руками.

— Победим? Злой сон?! О нет! Нет, сэр, нет! Человеку не под силу справиться с этим кошмаром, ибо он идет от Господа! Он является и весь выгорает вот здесь! — С этими словами Джейкоб несколько раз ударил себя ладонью по лбу. Затем продолжал: — Это все тот же сон! Тот же самый! С каждым разом он становится все страшней!

— Что это за сон все-таки? — спросил я, рассчитывая на то, что рассказ принесет моему другу облегчение. Но он резко отпрянул от меня и после долгой паузы сказал:

— Нет, лучше не говорить о нем! Может, он больше не будет меня мучить...

Было ясно, что у него есть что скрывать от меня. Что-то помимо самого сна...

— Хорошо. Надеюсь, вы видели ваш кошмар в последний раз. Но если вдруг он явится вновь, вы мне все расскажете? Ведь расскажете? Я прошу не из любопытства, но потому, что, думаю, это принесет вам облегчение.

Он ответил мне, как показалось, даже торжественно:

— Если он явится снова, я все расскажу вам.

Затем я попытался переключить его внимание от этого страшного сна на более прозаические вещи. Достал ужин и пригласил его разделить со мной еду, включая и содержимое фляги. Пища взбодрила его. Затем я предложил ему сигару, и мы целый час пускали в потолок клубы дыма, беседуя на отвлеченные темы. Мало-помалу его разморило и стало клонить в сон. Он понял это и сказал мне, что теперь чувствует себя прекрасно и я могу идти к себе домой. Но я возразил на это, уж не знаю теперь, правильно или нет, сказав, что хочу посмотреть на восход солнца. Я зажег свечу и к тому времени, как он заснул, погрузился в чтение.

Книга захватила меня, но человек есть человек, и я едва успел подхватить ее, когда она стала выскальзывать из моих рук. Это пробудило меня от дремы. Я посмотрел на Джейкоба — он спал. Я с удовольствием отметил, что выражение лица его было безмятежное, если не сказать счастливое, губы едва шевелились, произнося какие-то невнятные слова. Я снова вернулся к книге

и снова стал дремать, как вдруг был приведен в чувство голосом, раздававшимся со стороны кровати Джейкоба:

— Нельзя с окровавленными руками! Никогда! Никогда!

Посмотрев на него, я убедился в том, что он не просыпается. Однако не минуло и минуты, как наступило пробуждение. Он опять не выразил удивления, увидев меня. Как и в прошлый раз, мне показалось, что при выходе из спящего состояния им овладевает сильная апатия ко всему окружающему.

— Сэтт, расскажите же мне ваш сон. Вы можете ничего не опасаться и говорить совершенно свободно, так как я сохраню конфиденциальность нашего разговора. Пока мы оба живы, я ни словом не упомяну при посторонних обо всем, что вы мне пожелаете доверить.

Он ответил:

— Я сделаю, как обещал. Но прежде вам нужно узнать кое-что помимо сна. Так вам будет легче понять его. В молодости я был школьным учителем. Это была церковно-приходская школа в небольшом городке в западной части страны. Не буду называть имен: к чему это? Я был помолвлен с одной девушкой. Я ее не просто любил — боготворил! Ну, это старая история. И вот, пока мы ждали часа, чтобы соединить наши оба дома в один, появился другой... Он был примерно одних со мной лет. Красив. Джентльмен. Одним словом, обладал всеми качествами, которые притягивают девушек среднего сословия. Моя невеста познакомилась с ним, когда я был на работе в школе. Я часто говорил с ней о нем, умолял бросить его, предлагал пожениться как можно скорее, уехать и начинать жизнь в другой стране. Но она не слушала меня, что бы я ни говорил ей! Мне стало ясно, что она увлечена им сверх меры. И тогда я решил познакомиться с ним сам и уговорить его обращаться с девушкой великодушно. Я думал, что у него по отношению к ней серьезные намерения. Я пришел туда, где его можно было застать, и мы познакомились.

На этом месте своего рассказа Джейкоб Сэтт был вынужден прерваться, так как видно было, что у него поднялся ком к горлу, дыхание участилось, стало прерывистым. Немного успокоившись, он продолжал:

— Сэр, Бог свидетель, в тот день я не думал о себе. Я любил мою Мейбл! И уже смирился с тем, что она любит его. Да, смирился и желал ей только счастья. Но этот человек вел себя со

мной нагло, оскорбительно! Вам, сэр, как джентльмену, вероятно, не понять, каково это — терпеть оскорбительное отношение к себе со стороны человека, который занимает более высокое положение в обществе. Но я снес это. Я умолял его относиться к девушке бережно, так как понимал: то, что может быть для него часом развлечения, ей сломает всю жизнь. Ее разбитое сердце пугало меня больше всего, ничего другого я не боялся! Когда я спросил его о времени их женитьбы, он так расхохотался, что я потерял всю свою вежливость и терпение и заявил, что я не намерен стоять в стороне и смотреть на то, как Мейбл делают несчастной. Он пришел в бешенство при моих словах и стал оскорблять бедную девушку. И тогда я поклялся, что он больше не принесет ей вреда. Бог знает, как это все произошло дальше!.. Очень трудно потом вспоминать те минуты и... вряд ли кому дано четко зафиксировать тот момент, когда прозвучало последнее слово и последовал удар. Одним словом, когда я пришел в себя, он был уже мертв и его бездыханное тело лежало у моих ног. Руки у меня были забрызганы кровью, которая лилась из его растерзанного горла. Мы были одни, да к тому же он был пришлым, и никто из его близких не наводил никаких справок. Одним словом, убийство сошло мне с рук. Его кости, может быть, и до сих пор белеют на дне реки, куда я сбросил его тело. Никто никогда не интересовался его исчезновением. Никто, кроме моей бедной Мейбл. Но она не смела никому рассказывать. Оказалось, все было напрасно! Вскоре после случившегося я уехал на несколько месяцев, поскольку мне невыносимо было там оставаться. А когда вернулся, то узнал, что бесчестье Мейбл открылось и, не вынеся его тяжести, она умерла. Мне долго не давала покоя мысль о том, что, не соверши я своего злого дела, и она была бы жива! Но теперь, когда я узнал, что это убийство было бесполезно, так как он опозорил ее еще раньше, оно легло на меня еще большим бременем. Ах, сэр! Вы, человек, который не совершал ничего подобного в жизни, не можете себе представить, как тяжко нести такой грех в душе! Вы, наверно, думаете, что я привык уже к этой ноше. Ничего подобного! Этот грех с каждой минутой все растет и растет. А вместе с ним растет и осознание того, что тебе навсегда закрыт путь на Небо. От вас это так далеко, что вы даже не можете это понять, и я молю Бога, чтобы никогда не оказались в моем положении. Обычно люди не задумываются об этих вещах, потому что у них нет се-

рьезных грехов за душой. Небо для них — всего лишь слово. Они рады бесконечно ждать и пустить ход событий их жизни на самотек. Но вы не можете даже представить себе всю величину страстного желания других увидеть врата Неба и присоединиться к тем, кто в белых одеждах переступает их порог! Под «другими» я имею в виду тех, кто обречен вечно оставаться за этим порогом! Тех, для кого врата Неба будут навсегда заперты! И все это воплотилось в моем сне. Передо мной — главный вход небесных врат. Два столба, от которых в разные стороны отходят стены из закаленной стали, а сами они настолько высоки, что упираются в облака. Между ними проем очень мал: мне виден только отблеск хрустального грота, что открывается по ту сторону ворот. Сверкают прозрачные стены грота, и у них — люди в белых одеждах. Они прошли через врата Неба — и их лица светятся улыбками радости! Я стою у самых ворот, мое сердце восторженно бьется, дух захватывает от нетерпения дождаться своей очереди и от страстного желания пройти. В воротах два ангела с раскинутыми крыльями... О боже, как суровы выражения их лиц! У каждого в одной руке по огненному мечу, в другой — ключи от врат Неба. Рядом стоят фигуры во всем черном, одежды покрывают их почти полностью — видны только глаза. Каждому жаждущему пройти через ворота они подают белые одежды. Совсем такие, в которые одеты ангелы! В воздухе носится тихий шепот, словно шелест листвы, который говорит, что люди должны быть одеты в свою одежду и чтобы она была чиста. В противном случае ангелы не пропустят их в ворота, но поразят огненными мечами! Я набрасываю на себя свою одежду и выхожу вперед, ко входу... Но... Ангелы прячут за спинами ключи от врат Неба. Они сурово смотрят на мою одежду. Я сам опускаю на нее взгляд... Боже! Все мое платье запачкано кровью! С моих рук кровь стекает совсем так же, как она стекала там, на берегу реки!.. В воздухе сверкают огненные мечи, все готово для того, чтобы низвергнуть меня, мой ужас безграничен!.. Тут я просыпаюсь. Этот страшный сон приходит ко мне снова и снова. В нем нет ужаса зла, в нем благородный гнев. Я знаю, этот сон навещает меня не из тьмы, где живут все сновидения. Он послан мне Господом как наказание! Никогда, никогда не суждено мне пройти в ворота! Потому что и белые ангельские одеяния покроются мерзкими пятнами, едва до них дотронутся мои окровавленные руки!

Я внимательно слушал все, что рассказывал Джейкоб Сэтта, но, признаюсь, временами с трудом понимал сказанное. В его голосе было столько потустороннего, грезящего; в глазах было столько мистического, что порой мне казалось: он смотрит сквозь меня как сквозь пустое место. В самой его манере произносить слова было столько величественного и так это все контрастировало с его поношенной рабочей одеждой и убогой обстановкой комнаты, что я даже подумал: «А не сон ли все это?..»

Мы довольно долго сидели молча. Я смотрел на этого человека со всевозрастающим изумлением. Теперь его исповедь была изложена, его дух, казалось навечно низвергнувшийся, воспрял вновь, словно молодой стройный стебель. Я должен был бы ужаснуться его рассказом и им самим, но, странно, этого не произошло!

Конечно, мало приятного в том, чтобы оказаться в роли доверительного лица убийцы, но бедняга пошел на свое кровавое дело, будучи спровоцирован и с такими благородными целями, что я не считал себя вправе осуждать его. Я должен был успокоить Джейкоба и поэтому заговорил с максимальным спокойствием, на которое был способен, несмотря на то что сердце мое сжималось под тяжестью услышанного.

— Вам не следует отчаиваться, Сэтта. Господь милосерден, и его добрая воля безгранична. Живите и работайте с надеждой, что наступит день, когда вы ощутите, что искупили грех прошлого.— Здесь я сделал паузу, поскольку увидел, как его сморил сон. Обыкновенный сон.— Что ж, спите. Я буду возле вас, и дурные сны на сей раз обойдут вас стороной.

Он сделал усилие над собой, чтобы не заснуть сразу, и ответил:

— Не знаю, как и благодарить вас за вашу доброту сегодня. Но думаю, вам будет лучше возвратиться сейчас домой. Я постараюсь уснуть спокойно. У меня такая тяжесть с души свалилась, как только я вам все рассказал!.. Если во мне еще осталось что-нибудь от мужчины, то я должен попытаться бороться за жизнь самостоятельно.

— Я ухожу, раз вам этого хочется. Но послушайтесь моего совета и выходите в люди из своей берлоги. Живите среди людей! Делите с ними все их радости и печали, и это поможет вам забыть наконец собственную беду. Одиночество превратит вас в меланхолика или, того хуже, в сумасшедшего.

— Я все сделаю,— сказал он, находясь уже в полузабытьи, ибо сон уже прочно овладел им.

Я повернулся, чтобы идти, и он, с трудом разлепив веки, посмотрел мне вслед. Уже взявшись за ручку двери, я быстро вернулся к нему и протянул руку. Он крепко пожал ее и присел на кровати. Я пожелал ему доброй ночи самым веселым тоном, на который был способен в тот вечер.

— Мужайтесь, мужайтесь! В мире людей у вас найдется много работы, Джейкоб Сэттл! Вы еще наденете белые одежды и непременно пройдете в те ворота!

Через неделю я обнаружил его дом пустующим. На мои расспросы по его месту работы мне ответили, что он уехал куда-то на север. Никто не мог сказать точно, куда именно.

С того времени прошло два года. Я гостил в Глазго у своего друга доктора Монро. Это был очень занятой человек, и при всем желании он не мог уделить мне много времени для того, чтобы показать город. Поэтому я проводил дни в самостоятельных экскурсиях: в Троссакс, на озеро Екатерины, вниз по течению Клайда. В предпоследний вечер своего пребывания в городе я вернулся домой позднее обычного, но обнаружил, что мой хозяин тоже задерживается. Служанка сказала, что его вызвали в госпиталь — несчастный случай на газовом заводе. Ужин был отсрочен ровно на час. Я сказал служанке, что пойду навстречу хозяину и к ужину мы придем вместе. Я направился в госпиталь и застал доктора моющим руки в операционной перед уходом домой. Мне захотелось узнать, что это был за случай, с которым ему пришлось иметь дело на сей раз.

— О, обычная вещь! Прогнивший трос — и человеческая жизнь уже не стоит ни гроша! Двое рабочих чинили газометр, как вдруг трос, что поддерживал леса, на которых они стояли, оборвался. Время было к ужину, и никто их первое время не искал. В газометре около семи футов воды, так что весь ужин бедняги отчаянно боролись за жизнь. В живых остался только один. Ну и потрудились же мы, доставая его! Похоже, он был обязан жизнью своему приятелю. Мне не приходилось еще встречаться с таким героизмом! Они держались на поверхности воды, покуда хватало сил. Но в конце концов так изнемогли, что их не в состоянии был поддержать уже ни свет фонарей сверху, ни рабочие, обвязанные веревками и спускавшиеся им на помощь. Тогда один из них встал на дно — вода покрыла его с головой — и дал своему товарищу взобраться к нему на плечи. Вот эти несколько глотков воздуха и решили, кто останется жить, а кто погибнет. Когда их вытащили, у них был ужасный вид! Вода ведь от времени перемешалась с газолином и дегтем и стала ярко-красного цвета! Тот, что был наверху, на плечах товарища, оказался словно кровью весь вымазанным! Ужасно!

— А другой?

— О, тот еще хуже! Но это, скажу я вам, редкий человек! Эта борьба за жизнь под водой, без капли воздуха... Ужасно, должно быть. Хотя бы по тому сужу, что у него из конечностей в воде хлестала кровь. Смахивает на кровотечения статуй святых и Христа на местах стигматов. Вывод невероятен, но кто знает?.. Образно выражаясь, бедняге открыты врата Рая! Посмотрите на него — конечно, это не очень приятная приправа к ужину, но вы ведь писатель, вам должно быть интересно. Поверьте мне, это воистину что-то такое, чего бы вам не хотелось упустить. При всем разнообразии человеческой природы я уверен, вам такого раньше видеть не доводилось!

И доктор отвел меня в мертвецкую госпиталя.

На столе лежал человек, обернутый белой простыней.

— Словно куколка, не правда ли? Если бы в каком-нибудь древнем мифе души людей уподоблялись бабочкам, я бы сказал, что эта куколка была одной из самых красивых, собравшей весь солнечный свет на своих крылышках. Смотрите!

С этими словами доктор открыл умершему лицо. Оно было страшно искажено предсмертной судорогой и покрыто кровью, но я узнал его сразу же! Джейкоб Сэттл!

Доктор откинул простыню и дальше, обнажив тело умершего. Руки были сложены на груди. Едва я посмотрел на них, как мое сердце дрогнуло. В ту минуту я вспомнил ужасный сон, преследовавший бедного Джейкоба. Теперь на руках не было ни кровинки. Эти руки мужественного человека были белы, как снег!

Я понял, глядя на них, что злой сон больше не властен над беднягой. Эта возвышенная душа наконец пробила себе путь в ворота Неба! Белые одежды теперь не будут запачканы от рук, коснувшихся их.

КРУКЕНСКИЕ ПЕСКИ

Мистер Артур Фэнли Мэкам, уроженец лондонского Ист-Энда, ставший впоследствии преуспевающим торговцем, собрался провести летний отдых в Шотландии, для чего снял близ городка Мэйнс-Крукен имение, известное в округе как «Красный дом». Перед отъездом он посчитал необходимым заказать полный наряд вождя шотландских горцев. Совсем такой же, как на многочисленных хромолитографиях или на сценах мюзик-холлов.

Как-то ему довелось посетить «Империю Великого Принца». Давали «Макслогана из Слогана». Зрителям понравился весь спектакль, но главные аплодисменты были сорваны на шотландской песенке: «Нам глотку заткнет только хаггиса* кусок!» С тех пор он живо сохранил в памяти «правдивый» образ шотландского горца. Обилие красок! Воинственность!

Почему мистер Мэкам выбрал именно Абердиншир? Да просто потому, что на его фоне воображение эксцентричного лондонца наиболее ярко рисовало себе многокрасочную фигуру Макслогана из Слогана. Конечно, при своем выборе он также руководствовался реальным положением вещей, в частности внешней красотой места своего будущего отдыха. И вот он окончательно остановился на Крукенской бухте.

* Хаггис — шотландское национальное блюдо: телячий рубец с потрохами и приправой.

Поистине это было райское местечко! Находится между Абердином и Питерхедом. Очаровательный каменистый мыс, скалы, длинные ряды опасных рифов, прозванных в народе Шпорами, Северное море... Между мысом и Мэйнс-Крукеном — городком, защищенным с севера от штормов высокими скалами и утесами,— лежит глубокая бухта, заросшая по берегам густыми дюнами, в которых тысячами шныряют кролики. Здесь же маленький каменистый мыс, небольшие скалы из красного сиенита.

Закаты и восходы в этой бухте — великолепнейшее зрелище! Берега низкие и образуют песчаные пляжи, во время прилива вода растекается на огромные пространства, а когда сходит, то оставляет в напоминание о себе ровную гладь тяжелого, жесткого песка, на которой тут и там виднеются развешанные на стойках сети местных рыбаков. Здесь ловят семгу.

Немного в стороне — группа невысоких скал и утесов, которые во время прилива обычно едва возвышаются над поверхностью воды. Кроме тех случаев, когда плохая погода,— тогда даже не очень высокие волны полностью захлестывают их. Порой же, при малом приливе, эти скалы обнажаются целиком. Расстояние между ними небольшое, футов пятьдесят, и устлано легким песком. Опасное место для прогулок по берегу бухты, особенно во время прилива, когда песок становится зыбучим. Он совсем не похож на тот, на котором рыбаки развешивают сети.

Сразу же за дюнами возвышается холм, и там, между Шпорами слева и Крукенским портом справа, стоит «Красный дом». С трех сторон его обступают мощные пихты, и только вид на море остается открытым. Аккуратный старомодный сад тянется вдоль дороги, спускающейся по склону холма. Дорогу пересекает заросшая травой тропинка, достаточно широкая для того, чтобы ехать по ней в легкой коляске. Она ведет к берегу через песчаные барханы, нанесенные сюда ветром и штормами.

Семья Мэкама на пути сюда перенесла многочасовые приступы морской болезни на борту абердинского парохода «Бен Рай», отплывшего из Блэкволла, последующий переезд в Йеллон на поезде и наконец десяток миль по плохой дороге в тряском экипаже. Но когда Мэкамы добрались-таки до места назначения, они не могли не признать, что никогда раньше им не приходилось видеть такое восхитительное местечко.

Общее удовольствие усиливалось еще и тем, что никто в семье не надеялся найти что-нибудь приятное для себя в шотландской стороне. Несмотря на то что семья была многочисленная, успехи в торговых сделках Мэкама-старшего позволяли жить в роскоши. В частности, каждый член семьи мог похвастаться отменным гардеробом. Частота, с которой дочери Мэкама меняли свои платья, была предметом гордости с их стороны, во-первых, и предметом лютой зависти со стороны знакомых и подруг, во-вторых.

Артур Фэнли Мэкам не поставил своих близких в известность о намерении приобрести новый костюм. Он не был уверен, что первое время будет избавлен от насмешек или, по крайней мере, от саркастических ухмылок. Поскольку он был очень чувствителен в этих вопросах, то решил дождаться благоприятного случая и обстановки, чтобы, облачившись во всю красоту наряда, поразить всех сразу и наповал. Он приложил немало трудов, чтобы выяснить каждую деталь, касающуюся одеяния шотландского горца. Для этого он нанес не один визит в салон одежды «Шотландки чистошерстяные» — предприятие, недавно учрежденное в Коптхолл-Корте господами Макаллумом Мором и Родериком Макду.

Мэкам имел несколько волнительных и долгожданных консультаций с главой фирмы Маккаллумом. Сам он предпочитал называть себя просто по фамилии, с негодованием отвергая всякие приставки типа «мистер» или «эсквайр». Критическому и детальному обсуждению подверглись пряжки, пуговицы, пояса, броши и украшения всех видов и всех оттенков. И наконец, когда господин Мэкам самолично выбрал себе на шляпу огромных размеров орлиное перо, можно было считать, что костюм составлен окончательно.

Он окинул его придирчивым взором, особенно любуясь многокрасочностью и брошками из дымчатого топаза, и после этого заявил, что полностью удовлетворен. Вначале он хотел выбрать для себя костюм типа «Ройял Стюарт», но его отговорил Маккаллум. Он сказал, что, если господину Мэкаму доведется случайно посетить в этом костюме окрестности Балморала, могут возникнуть осложнения, и стал предлагать другие типы. Но раз уж заговорили об «осложнениях», господин Мэкам всерьез подумал о том, что случится, если он окажется вдруг на отдыхе

в месте проживания как раз того шотландского клана, цвета которого он узурпировал для костюма...

Под конец Маккаллум обязался пошить такой костюм, который не походил бы в точности ни на один из реально существующих в шотландских кланах, но имел бы достоинства многих из них. Он был задуман на основе «Ройял Стюарт», но упрощен по пути традиций кланов Макалистера и Огилви, нейтрален в красках, как у кланов Бьюкенена, Макбета, Чиф-Макинтоша и Маклойда.

Когда сшитое платье предстало перед взором Мэкама, он поначалу немного испугался: а не сочтут ли его семейные насмешники этот наряд слишком вычурным и цветастым? Но Родерик Макду заверил его, что он просто в экстазе от его нового платья, и после этого Мэкам подавил в зародыше все свои возражения. Он думал, и думал справедливо, что, если такой истый шотландец, каким был Родерик Макду, восхищается его костюмом, значит, он заслуживает того. Оценка Макду была важна еще и тем, что он сам любил приодеться и знал в этом толк.

Получая от клиента чек на весьма кругленькую сумму, Маккаллум заметил:

— Я работал с тем расчетом, чтобы остался еще материал. Так что если вы или кто-нибудь из ваших друзей пожелаете...

Мэкам был признателен и сказал в ответ, что очень рассчитывает на этот костюм, который они в кропотливых трудах создавали вместе, и думает, что в скором времени клетчатая шотландка станет его любимым материалом и он всегда будет заказывать из него одежду у Маккаллума и Макду.

Однажды на работе, когда все служащие разошлись уже по домам, Мэкам впервые примерил костюм. Показавшись в зеркале, он не смог удержать довольной улыбки, хотя одновременно и немного испугался. Маккаллум работал на совесть и ничего не пропустил из того, что можно было бы добавить к бравому и воинственному облику горца.

— Конечно, в обычных случаях я не буду носить палаш и пистолеты,— сказал Мэкам своему отражению в зеркале и стал переодеваться обратно в свое обычное одеяние.

Он дал себе слово, что наденет новое платье, как только пересечет границу Шотландии. И вот, согласно данному самому себе обещанию, едва только «Бен Рай» отвалил от маяка Гэдл-Несс, где он дожидался прилива, чтобы спокойно войти в абер-

динский порт, Мэкам появился из своей каюты во всем разноцветном величии нового костюма. Первый отзыв он услышал от одного из своих сыновей, который даже не узнал его в первую минуту:

— Вот это парень! Большой шотландец! Хозяин! — С этими словами мальчик бросился стремглав в салон, где, зарывшись в подушки, раскиданные на диване, дал волю своему смеху.

Мэкам был прирожденным мореплавателем и нисколько не страдал от качки, поэтому его от природы румяное лицо стало еще румяней — краска так и играла на щеках, когда он понял, что на него обращены все взгляды. Правда, он корил себя за то, что слишком браво захлестнул шотландскую шапочку на бок. Холодный ветер немилосердно трепал его наполовину открытую голову. Несмотря на это неудобство, он со смелым взглядом встретил гуляющих по палубе пассажиров. Он даже внешне никак не реагировал на некоторые из реплик, что стали долетать до его ушей.

— Эта красноролая башка что-то не вяжется с одеянием,— проговорил лондонец, кутаясь от ветра в огромный плед.

— Какой дурак! Боже, какой же он дурак! — шептал долговязый и худой янки, смертельно бледный от качки. Он по делам направлялся в Балморал.

— Давайте-ка выпьем по этому случаю! — предложил веселый студент из Оксфорда, плывущий на каникулы домой в Инвернесс.

Тут господин Мэкам услыхал голос своей старшей дочери:

— Где он? Да где же он?!

Она бегала по всей палубе, и ленточки шляпки трепались ветром в разные стороны за ее спиной. Девушка была крайне возбуждена: она только что узнала от матери, в каком виде появился сегодня отец. Наконец она увидела его, и не успел он полностью развернуться к ней, чтобы показать все достоинства костюма, как она зашлась в диком смехе, который через минуту уже напоминал истерику.

Примерно так же отреагировали на новый отцовский костюм и остальные дети. Когда Мэкам выслушал издевательские замечания последнего из них, он спустился к себе в каюту и попросил служанку жены передать всем членам семьи, что он желает их видеть, и немедленно. Через несколько минут они явились, подавляя свои эмоции, кто как умел. Отец дождался, пока все усядутся, и очень спокойно заговорил.

— Дорогие мои! Обеспечил ли я вас всем, что вы ни пожелаете?

— Да, отец! — хором ответили дети.— Никто бы не смог проявить подобной щедрости!

— Позволил ли я вам одеваться так, как вам нравится?

— Да, отец,— робко ответили они.

— В таком случае, мои дорогие, не думаете ли вы, что с вашей стороны лучше было бы терпимее и с большей добротой относиться ко мне? Пусть даже я допускаю в своей одежде что-то вызывающее у вас смех. Кстати, с юмором все в порядке в той стране, где мы собираемся провести отдых!

Ответом было молчание. Дети, все как один, потупились. Мэкам был хорошим отцом, и они знали это. Он удовлетворился достигнутым и закончил:

— А теперь бегите наверх и развлекайтесь, как вам захочется! Больше мы не вернемся к этой теме.

После этого разговора он снова вышел на палубу и смело стоял под градом насмешек, из которых, впрочем, ни одна не достигла его слуха.

Изумление и восторг, вызванные костюмом Мэкама на борту «Бен Рай», превратились в бледные тени в сравнении с эффектом, произведенным им в самом Абердине. Дети, женщины с грудными младенцами и просто зеваки, слонявшиеся по пристани, все дружно решили сопроводить семью Мэкама по их дороге к железнодорожной станции. Даже носильщики, с их старомодными бантами и новейших конструкций тележками, поджидавшие клиентов, бросили все и, не скрывая своих чувств, присоединились к общей процессии. К счастью, питерхедский поезд был уже готов к отправлению и мучения жены и дочерей Мэкама продолжались недолго.

От Йеллона, куда прибыл состав, до места назначения было еще около десятка миль, и Мэкамы взяли экипаж. Слава богу, в нем костюм главы семьи был скрыт от любопытных глаз, и те немногие, кто были на станции Йеллона, не получили удовольствия, которое обещало им одеяние англичанина. Когда же экипаж проезжал по Мэйнс-Крукен, местные рыбаки вышли посмотреть, кто это едет.

Вот тут общее возбуждение перешло все границы! Дети, как один, повинуясь общему импульсу веселья, размахивали над головами панамками и вовсю кричали, бегом преследуя экипаж. Не отставали и рыбачки, прижимая к груди младенцев. Даже мужчины отложили ремонт сетей и насаживание наживок.

Лошади устали, ведь им пришлось бежать сначала в Йеллон на станцию, а теперь — обратно. Кроме того, экипаж поднимался по довольно крутому холму. Так что любопытствующие могли не только без труда сопровождать медленно двигавшийся экипаж, но и даже обгонять его.

Миссис Мэкам и ее дочери очень хотели бы выразить свой протест или сделать что-нибудь, что хоть как-то взбодрило бы их при виде этих широких улыбок и вульгарного смеха, окружавшего их экипаж всю дорогу. Но на лице «горца» было выражение такой непреклонности, что они молчали.

Орлиное перо, возвышавшееся над плешивой головой... Брошь из дымчатого топаза, приколотая к мясистому плечу... Палаш, кинжал и пистолеты, болтавшиеся на поясе или вылезавшие рукоятками из кожаных гольфов... Все это должно было придавать обладателю костюма неприступный и воинственный вид.

У ворот «Красного дома», к которому наконец подъехала карета, ее ожидала целая толпа крукенских обитателей. Шапки были сняты, и все немного склонились в уважительном приветствии. Некоторые, желая насладиться зрелищем во всей его полноте, царапая кожу на ладонях, карабкались вверх по склону холма. В общей тишине вдруг раздался грубоватый голос:

— Ба! Да ему только волынки не хватает!

Слуги прибыли на место на несколько дней раньше хозяев, поэтому к приезду последних все в доме было готово. Великолепный обед заставил позабыть обо всех тяготах, связанных с путешествием и привыканием к необычному костюму.

В тот же день Мэкам, все еще при полном параде, вышел на прогулку по Мэйнс-Крукен. Он шагал в одиночестве, так как, по странному стечению обстоятельств, его жена и обе дочери мучились головной болью и, как ему сказали, лежали в своих спальнях, приходя в себя после трудного переезда Старший сын, красивый юноша, еще раньше ушел из дому на разведку окрестностей. Так что его было не дозваться. Второй сын, едва узнав от слуги о том, что отец вызывает его с ним на прогулку,

умудрился — случайно, конечно,— упасть в бочку с водой и теперь сушился. Ему нужна была новая одежда, а она была еще не распакована. На распаковку требовалось время, поэтому о прогулке не могло быть и речи.

Мистер Мэкам остался несколько не удовлетворенным прогулкой. Он никак не мог встретить никого из своих новых соседей. И это вместе с тем, что все окрестные дома, казалось, были полны людей. Да, он замечал их. Но они либо передвигались в полумраке своих домов, либо возникали на той же дороге, по которой он шел, но только на приличном расстоянии.

На своем пути Мэкам, скосив взгляд по сторонам, то и дело ловил встречные взоры из окон или из-за приотворенных дверей. Только один-единственный разговор удалось ему затеять за время этой прогулки, да и то его никак нельзя было назвать приятным. Это произошло у него с довольно странного вида стариком, от которого никто и никогда не слышал ни единого произнесенного слова, кроме молитв в церкви. Работа его заключалась в том, чтобы сидеть у окна почтового отделения с восьми утра в ожидании корреспонденции, которая обычно поступала к часу дня. Тогда он брал сумку с письмами и относил их в замок одного барона, стоявший по соседству. Остальную часть дня он обычно проводил, сидя в самом неприглядном уголке побережья, там, куда выбрасывают рыбью требуху и остатки от наживок и где по вечерам пьянствуют местные молодцы.

Заметив Мэкама, Сафт Тамми, так звали старика, вскинул перед собой руки, словно ему в глаза, обычно неподвижно остановленные на несколько футов перед собой, брызнуло солнце. Одну руку он оставил у лица наподобие козырька, а другую вознес над головой. Поза у него была такая, будто он собрался обличать Мэкама во всех смертных грехах. Хриплым голосом, на шотландском диалекте, он стал выкрикивать остановившемуся Мэкаму:

— Суета сует, говорит святой причетник! Все в этом мире суета и тщеславие! Человек! Да будь предостережен! Узрите эти лилии, эти краски! Он не работал тяжко и не ткал их, но даже Соломон во времена своей высшей славы не был так наряжен! Человек! Человек! Твое тщеславие — зыбучий песок, который пожирает все, что ни попадется к нему в лапы! Остерегайся тщеславия! Остерегайся зыбучего песка, что ждет тебя! Он пожрет тебя! Посмотри на себя! Узри свое тщеславие! Да встре-

титься тебе с самим собой и да узнать всю пагубную силу тщеславия! Да познать тебе ее и да раскаяться! А песку — да пожрать тебя!

Разговор, если это так можно назвать, происходил вечером как раз на том месте, где проводил вторую половину дня старик. Сказав весь этот бред, он молча вернулся к своему стулу и утвердился на нем неподвижно. Лицо его разгладилось, и на нем уже нельзя было прочесть никаких эмоций.

Мэкама эта тирада сбила с толку. С одной стороны, правда, она была произнесена, по внешнему виду, сумасшедшим. С другой стороны, он склонен был отнести все это к разновидности шотландского юмора и наглости. И все же он не мог просто так забыть сие послание — а выглядело оно именно как послание — из-за серьезности его содержания. Он не стал смеяться над тем, что услышал от старика. Думая уже о другом, он вдруг отметил про себя, что не видел еще на местных жителях ни одной шотландской юбки.

— А костюм я носить буду! — сказал он вслух твердо и повернул к дому.

Дорога отняла у него полтора часа. Вернувшись, он обнаружил, что, несмотря на головную боль, все члены семьи отсутствовали, они были на прогулке. Воспользовавшись тем, что ему некому помешать, он заперся в гардеробной, стянул с себя неудобное одеяние горца, надел домашний фланелевый костюм, зажег сигару и погрузился в легкую дремоту. Его разбудил шум, который подняли в доме возвратившиеся с прогулки дети. Мгновенно напялив на себя юбку и прочие регалии, он появился в гостиной, где был накрыт стол для чая.

...Днем он больше не выходил из дому, но после ужина вновь надел костюм горца — на ужине он был в своей обычной одежде — и вышел на короткую прогулку по берегу. Он решил сначала приноровиться к новому костюму вдали от людей, а потом, когда ему станет в нем привычно и легко, показываться при всех. Луна светила ярко, и он без труда спустился по тропинке, лавировавшей меж песчаных барханов, а через некоторое время уже вышел на берег. Был отлив, и обнажившийся пляж был тверд, как камень. Мэкам направился к южной стороне побережья бухты. Там он залюбовался двумя скалами, одиноко стоявшими неподалеку от дюн. Подойдя к ближайшей, он не удержался от желания взобраться на нее, благо она

была невысока. Сидя на вершине, занесенной песком, он любовался вечерним морским пейзажем.

Луна, заслоненная отсюда холмом, только показалась, осветив далекий мыс Пеннифолд и вершину самой удаленной от бухты скалы Шпор — где-то около трех четвертей мили расстояния. Другие скалы были пока скрыты в тени. Прошло совсем немного времени, и луна, выкатившись высоко в небо, залила светом и скалы Шпор, и большую часть побережья.

Мэкаму некуда было спешить, и он с удовольствием наблюдал восхождение ночного светила и то, как под действием света из тьмы выступают все новые участки пляжа. Он повернулся к морской глади и, поставив руку у лба наподобие козырька, стал обозревать окрестные дали, любуясь покоем, красотой и свободой шотландской природы. Шум, вечерний туманный мрак, раздоры и скука Лондона, казалось, исчезли из его жизни навсегда. В эти минуты он переживал духовный и физический подъем. Дух его раскрепостился, и им овладел возвышенный настрой. Он, не отрываясь, смотрел на поблескивающую водную гладь, постепенно, ярд за ярдом, накатывавшуюся на пески пляжа — начался прилив. Его слух уловил далекий, почти рассеявшийся в воздухе крик.

— Рыбаки перекликаются,— сказал он вслух и огляделся по сторонам.

В то же мгновение он вздрогнул, глаза его остекленели. Несмотря на то что тучи почти закрыли луну и на побережье и бухту опустилась тьма, он сумел увидеть... самого себя! Всего лишь несколько секунд широко раскрытыми, неподвижными глазами он наблюдал на вершине соседней скалы плешивый затылок, лихо заломленную набок шотландскую шапочку с огромным орлиным пером, которое он так старательно подбирал в торговом салоне...

Он инстинктивно подался назад, но ноги поскользнулись на гладком песке, и он стал медленно сползать в песчаную впадину между скалой, на которой стоял он сам, и той, на которой стояло... Он не боялся, что может упасть, так как скала была маленькая, а песчаное дно открывалось всего в нескольких футах внизу. Его мысли были о двойнике, который к тому времени уже успел скрыться. Чтобы побыстрее достичь terra firma*, он

---

* Terra firma *(лат.)* — твердая земля.

решил просто спрыгнуть вниз. Это решение отняло у него всего секунду, но мозг работает быстро, и поэтому, уже приготовившись к прыжку, он заметил, что песок, ровным полотном раскинувшийся под скалой, как-то подозрительно шевелится и перекатывается.

Внезапный страх охватил его, ноги подкосились, и вместо прыжка он неуклюже сполз со скалы вниз, ободрав в кровь колени, незащищенные брюками. Юбка же некрасиво задралась. Едва коснувшись поверхности песка, его ноги плавно прошли сквозь него, как нож сквозь масло, и не прошло и десяти секунд, как он уже стоял в песке, погрузившись в него выше колен.

Продолжая медленно проваливаться, он с ужасом осознал, что это зыбучие пески. Мэкам стал лихорадочно шарить руками по неровной поверхности скалы, отчаянно пытаясь отыскать что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. На счастье, рука нащупала какой-то острый выступ и инстинктивно вцепилась в него.

Он попытался подать голос, но в горле застрял ком. Наконец, преодолев сопротивление парализованного в страхе организма, он дико заорал. Через мгновение вскрикнул вновь, на этот раз увереннее и громче. Звук собственного голоса, казалось, придал ему сил, так как ему удалось продержаться за выступ в камне дольше, чем это ему самому казалось возможным. Слепое отчаяние правило им и его действиями. Вскоре, однако, он почувствовал, что, несмотря ни на какие усилия, хватка его слабеет. И в ту минуту — о радость! — на его зов помощи раздался ответ. Кто-то грубовато по-шотландски крикнул:

— Слава тебе, Господи! Я вовремя!

Это был рыбак в высоченных, до бедер, сапогах. Он взобрался на скалу, с которой несколько минут назад скатился Мэкам, и в одну секунду оценил всю опасность ситуации.

— Держись, парень! Я иду! — ободряюще крикнул он и попытался спуститься пониже к Мэкаму, нащупывая твердый камень под ногами. Затем он нагнулся всем телом вниз и, одной рукой крепко держась за скалу, другой стал ловить кисть Мэкама. Ему это удалось, и он крикнул опять: — Держись за меня, парень! Держись за мою лапу!

Он поднатужился и очень медленно, но уверенно стал вытаскивать погибающего из объятий прожорливого песка. Минута — и Мэкам, распластавшись, лежал на холодном камне.

Не дав ему прийти в себя, рыбак стал тормошить его за плечи и поскорее стащил его со скалы на безопасный пляжный песок. Мэкам дрожал всем телом, переживая весь ужас произошедшего с ним. А его спаситель между тем говорил на непривычном для англичанина шотландском диалекте:

— Вот что, парень! Я поспел вовремя. Побежал сразу, как ты только провалился. Вулли Бигри думал, что ты — привидение, а Том Макфейл клялся, что ты что-то вроде гоблина. «Нет! — сказал я им.— Это просто помешанный англичанин! Сбежал из паноптикума!» Я подумал: «И что это его понесло на зыбучий песок?» Мы видели с ребятами, как ты карабкался на эту скалу. Я крикнул, чтобы предупредить тебя, но и побежал на всякий случай. Слава Господу! Не знаю уж, полный ты дурачина или только помешанный из-за своего тщеславия, но я поспел вовремя! — С этими словами он почтительно снял перед спасенным шляпу.

Мистер Мэкам был очень тронут и полон благодарности за то, что его избавили от ужасной смерти, но упоминание о тщеславии — второе за сегодняшний день — задело его за живое, Он уже готовил гневный ответ, как вдруг страшное воспоминание пронзило его. Те слова!.. Те самые слова, что наболтал ему на дороге старик-разносчик! «Да встретиться тебе с самим собой!.. Да раскаяться! А песку — да пожрать тебя!»

И он припомнил своего двойника, которого увидел на соседней скале, а потом то, как провалился в зыбучий песок. Ужасная смерть... Он долго молчал и наконец сказал:

— Дружище! Я обязан тебе жизнью!

— Нет! Нет! — ответил рыбак с почтением в голосе.— Ты обязан жизнью Господу. А что до меня, я был рад служить простым инструментом Его Благодати!

— Но ты позволишь мне отблагодарить тебя? — С этими словами Мэкам взял огромные руки своего избавителя в свои и крепко стиснул их.— Мое сердце все еще сильно колотится, да и нервам пока нет покою, так что я не могу сказать больше. Но поверь мне: я очень и очень признателен!

Совершенно очевидно, что рыбак был до крайности тронут этим — в глазах у него даже появились слезы.

Он сказал с грубоватой, но искренней почтительностью:

— О сэр, вы благодарите меня и продолжайте в том же духе, если это на пользу вашему бедному сердцу. Но я вам так

скажу: будь я на вашем месте, я бы тоже благодарил! Но, сэр, мне не нужны благодарности. Я рад и тем, что я есть.

То, что Артур Фэнли Мэкам был искренен в своей признательности, проявилось позже. Прошла неделя, и в Крукенский порт зашел рыболовный одномачтовик. Такого отличного судна никто и никогда еще не видел в гавани Питерхеда. Посудина была вся забита парусами и горами такелажа, не говоря уж о рыбацких сетях всевозможного калибра. Не прошло и получаса, как нашли жену избавителя Мэкама и, недолго думая, подписали бумаги о вступлении ее мужа во владение судном и всем его товаром.

Но это произойдет потом, а пока же рыбак гулял с Мэкамом по берегу. Последний просил своего нового товарища не упоминать нигде об истории, участниками которой поневоле они оказались оба. Мэкам обещал, что сам расскажет все семье и предупредит насчет опасного места на побережье. Он подробно расспрашивал рыбака об этих песках, чтобы больше не попасться самому или его домашним. Потом он, как бы невзначай, спросил, не видел ли рыбак на соседней скале случайно еще и второго человека, одетого так же, как Мэкам? В те самые минуты, когда сам Мэкам погибал в песке?

— Нет! Нет! — отвечал рыбак.— Другого такого дурака в наших местах не найдешь, я извиняюсь. Со времен Джимми Флимана. Он был шутом у одного помещика из Адни. Эй, парень! Такого языческого наряда, который ты носишь, не знали в наших местах несколько веков! И я думаю, что в этой одежде предки не сидели на холодных скалах, как это сделал ты. Послушай! А ты не боишься прихватить ревматизм или простре́л? Мы с тобой вдоволь навалялись на холодных камнях! Я сразу понял, что ты немного не в себе, как только увидел тебя в то первое утро в гавани...

Мэкам не стал спорить с человеком, который спас ему жизнь. Они подошли к «Красному дому», и хозяин пригласил рыбака на стаканчик виски. Тот не отказался, а после угощения распрощался.

Мэкам тщательно подготовился и рассказал семье об опасностях, которые их могут подстерегать в зыбучих песках. Он даже признался, что и сам попал в небольшую передрягу.

В ту ночь он не спал. Он слышал, как часы в гостиной бьют час за часом, но, несмотря на все усилия, заснуть не мог. Снова и

снова перед его глазами возникал тот эпизод в зыбучих песках и Сафт Тамми, который нарушил свой обет молчания ради того, чтобы настращать Мэкама на дороге и предостеречь его. Не отступал вопрос: «Неужели я так одержим собственной гордыней, что прослыл уже дураком?!» Ответ на этот вопрос звучал в его ушах хрипловатым вскриком полоумного разносчика писем: «Суета сует!.. Все в этом мире суета... Да встретиться тебе с самим собой!.. Да раскаяться! А песку — да пожрать тебя!»

Ему стало страшно, едва он только подумал о том, что встреча с самим собой состоялась и теперь нужно ждать, пока песок все-таки пожрет его!..

К утру он задремал. Было очевидно, что в его голове продолжают носиться мысли о зыбучих песках. Окончательно он был разбужен женой, которая сказала:

— Неужели так трудно на отдыхе спать спокойно? Это все твой шотландский костюм! Можно, по крайней мере, не кричать во сне?

Мэкам раскрыл глаза, увидел свой дом, жену — и какое-то смутно-радостное чувство охватило его. Он чувствовал, словно с его плеч свалилась ужасная тяжесть, но не мог понять причину своих ощущений. Он стал расспрашивать жену о том, что он болтал во сне, и она отвечала:

— Ты говорил постоянно одно и то же, точно урок зубрил: «Только не с самим собой! Я видел у него орлиное перо на шапочке. Шапочка у него была на голове, а у меня в руках! Есть еще надежда! Только не с самим собой!» Вот что говорил, а теперь давай спать. Спать!

После разговора с женой он легко уснул, так как понял, что предсказание старика насчет встречи с самим собой осуществилось не вполне. Он встретился не с самим собой — между ним и его двойником были различия!

Его разбудила служанка, которая передала ему, что пришел рыбак и ждет его в дверях. Он одевался как мог быстро, но шотландский костюм был ему еще непривычен, и он провозился довольно долго. Бегом он спустился вниз, так как не хотел заставлять ждать своего избавителя. Каково же было его изумление и досада, когда он увидел вместо рыбака Сафта Тамми! Старик с ходу открыл огонь по хозяину «Красного дома»:

— Мне нужно идти на мой пост, но я не пожалел часа, чтобы повидать тебя. Я думал: «Неужели и сегодня он вырядится

таким же тщеславным олухом, как вчера? И это после прошедшей-то ночки!» И я теперь вижу, что тебе урок не пошел на пользу. Хорошо! Время приближается! Это я тебе говорю! Все утро я на работе и очень устаю, но все равно я приду посмотреть, как ты подыхаешь в песках! Ухожу! Работа не ждет!

Он развернулся и, не говоря больше ни слова, ушел из «Красного дома», оставив за спиной разгневанного Мэкама. Тот был сердит, кроме прочего, еще и от хихиканья служанок, которые стояли под дверью и подслушивали весь разговор.

Вставая с постели, он решил было надеть обычный костюм, но визит старика Тамми заставил изменить решение. Он покажет всем им, что не трус, и опять наденет юбку и шляпу с орлиным пером, и — будь что будет!

Он вышел к завтраку при полном параде и доспехах, не оставив в гардеробе даже палаша. Как только Мэкам появился в столовой, все дети, один за другим, опустили носы к самым тарелкам, и видно было, что они едва сдерживаются от смеха. Все же он не мог их ни в чем упрекнуть, так как никто даже не проронил ни звука. Правда, Титьюс, самый младший в семье, подавился куском тоста и издал какой-то истеричный всхлип. Его тут же выгнали из-за стола.

Все как будто было хорошо, но вот когда миссис Мэкам подавала мужу чашку с чаем, одна из пуговиц на его средневековых размеров рукаве зацепилась за шнурок на ее утреннем платье, в результате чего весь обжигающе-горячий напиток оказался на его голых коленях. Он не сдержался и с досады отпустил крепкое словечко. Уязвленная жена встала в позу и стала выговаривать:

— Послушай, Артур! Если тебе нравится делать из себя последнего идиота, то делай! Но непонятно, на что ты рассердился, ведь на тебе этот смехотворный наряд — что тебе еще ждать от него? Ты не привык к нему и ни-ког-да не привыкнешь!

В ответ Мэкам заготовил пылкую речь, но едва он произнес с уничтожающей вежливостью: «Мадам...» — как жена его прервала. Начался крупный семейный скандал. Миссис Мэкам теперь ничто не могло удержать от того, чтобы высказать все, что она думает о шотландских горцах. Это была не очень подходящая тема, и освещалась она ею, надо сказать прямо, куда как не изысканно. Вообще трудно ожидать от жены корректных замечаний, когда ей вдруг взбредет в голову высказать своему мужу

все то, что она считает «правдой». В результате мистер Мэкам, трясясь от ярости, заявил, что, пока он находится в Шотландии, он будет носить именно тот костюм, который вызвал у нее поток ругани и оскорблений.

И все-таки последнее слово в таких случаях всегда остается за женщиной. Миссис Мэкам, демонстрируя свои слезы, проговорила:

— Очень хорошо, Артур! Конечно, тебе никто не помешает носить то, что ты захочешь! Тебе никто не помешает наслаждаться тем, как надо мной все смеются! Тебе никто не помешает лишить будущего наших дочерей! Кому же из молодых людей захочется, чтобы тесть у них был полным идиотом?! Но я должна предупредить тебя! Твое тщеславие рано или поздно приведет тебя к печальному концу! Если, конечно, раньше ты не окажешься в сумасшедшем доме!

Результатом этого разговора стало то, что мистеру Мэкаму отныне нечего было надеяться на то, что жена или кто-нибудь из детей пожелают сопровождать его в прогулках по окрестностям в светлое время дня. Дочери охотно гуляли с ним на заре или когда на землю опускалась непроглядная темень. В лучшем случае в дождливую погоду, когда даже собаку хозяин на двор не выпускает. На словах они обещали сопровождать отца в любое время, но всякий раз, когда доходило до дела, что-то непременно мешало им. Сыновей никогда нельзя было поймать, а что касается миссис Мэкам, то она прямо заявила мужу, что не выйдет с ним за порог, пока он не кончит валять дурака.

В воскресенье он надел свой обычный коричневый костюм, так как считал, что церковь — не то место, где надо доказывать всем, что он не трус. Но не успела жена порадоваться этому событию, как наступил понедельник — и муж опять стал греметь по дому палашом. Много раз ему приходила в голову мысль бросить эту комедию с костюмом, но он был англичанином, а следовательно, упрямым как осел, и поэтому неизменно натягивал на себя клетчатую юбку.

Сафт Тамми повадился к «Красному дому» каждое утро. Не имея возможности добиться встречи с хозяином или передать ему свое сообщение, он стал приходить сюда и днем, когда все письма были уже разнесены по адресам, и подстерегал каждый выход мистера Мэкама. Когда ему удавалось зажать англичанина у ворот или где-нибудь на тропинке, он никогда не упускал

возможности, чтобы еще раз не предостеречь Мэкама от последствий его гордыни. И причем в тех же самых словах, которые он употребил при самой первой их встрече.

Неделя проходила в некотором одиночестве, постоянной печали и непрекращающихся размышлениях. Все это вкупе привело к тому, что мистер Мэкам почувствовал себя нездоровым. Он был слишком горд, чтобы поставить об этом в известность семью. К тому же они все над ним потихоньку смеялись. Он не спал ночами, а если и спал, то его донимали тревожные сны.

Только для того, чтобы уверить себя в том, что происшедший с ним драматичный случай — чепуха, он взял себе в привычку по крайней мере раз в день посещать зыбучие пески. Последние дни он навещал их поздно вечером. Дело в том, что во сне ему всегда снилось, что он ходит к пескам именно ночью. Сны были настолько яркими и осязаемыми, что порой, просыпаясь, он с трудом верил в то, что лежит в кровати, а не тонет в белой смерти. Временами ему казалось, что независимо от своей воли и сознания он встает по ночам и будто бы ходит на берег.

Однажды видения были столь реальны, что, проснувшись, он никак не мог поверить, что это было всего лишь сновидение. Едва он начинал закрывать глаза, как перед ним с пугающей правдивостью разворачивался все тот же сюжет.

Луна светила ярко, и, направляемый ее лучами, он приближался к ужасной впадине с зыбучим песком. Ровная желтая гладь, ярко освещенная, волновалась и шевелилась, затихая лишь на краткие мгновения. Он подходил к этой мраморной чаше, а с противоположной стороны к ней приближался еще кто-то, в точности повторяя его собственные шаги и движения. Мэкам видел в этом человеке самого себя и, поддавшись неведомым чарам, словно птичка, завороженная змеей, стал подходить еще ближе, желая непременно встретиться с двойником.

Песок уже накатывался на носки его сапог, заставляя сердце вырываться из груди, а нервы — сковать все тело ужасом. В ушах раздавался хриплый крик сумасшедшего старика: «Суета сует!.. Все в этом мире суета!.. Да встретиться тебе с самим собой!.. Да раскаяться! А песку — да пожрать тебя!»

В ту ночь, не смея сомневаться в том, что это был не сон, Мэкам поднялся затемно и, стараясь не разбудить спящую жену, оделся и выбрался по тропинке на берег.

Его сердце едва не остановилось, когда он наткнулся взглядом на следы человеческих ног, а вернее, сапог на пляже. Ему не нужно было долго в них всматриваться — сразу стало ясно, что это его следы. Та же крупная задняя часть с каблуком, та же квадратная кромка носка. Он перестал сомневаться, что уже был здесь этой ночью. Затаив от страха дыхание и находясь в дремотном оцепенении, он пошел по следам вперед и скоро обнаружил, что они теряются во впадине с зыбучим песком. Но больше всего ужаснуло его то, что следы не возвращались из этой чаши смерти! Он почувствовал, что во всем этом есть какая-то страшная тайна, в которую невозможно проникнуть. Да он и не пытался этого сделать, так как понимал, что это может погубить его окончательно.

После этого случая он совершил две ошибки. Во-первых, он так и не поставил в известность семью о своих переживаниях, а хранил их глубоко в себе. Жена и дети, ни о чем не догадываясь, порой самым невинным словом или даже выражением лица поневоле подливали масла в огонь его возбужденного воображения. Во-вторых, он стал читать книги, специально посвященные вопросам трактования мистических снов и прочим феноменам человеческого сознания. Результат был тот, что Мэкам со своим и так уже никуда не годным сознанием стал принимать за чистую монету дикие фантазии чудаковатых или просто помешанных философов; семена бредовых «толкований» падали на хорошо удобренную почву растревоженной психики англичанина. Не последнюю роль во всем этом сыграл Сафт Тамми, который превратился в последнее время в форменного часового у ворот «Красного дома». Заинтересовавшись этой личностью всерьез, Мэкам навел справки о нем и вот что узнал.

В народе говорили, что Сафт Тамми — сын одного из помещиков соседнего графства. Его прочили в духовное звание и соответствующим образом воспитывали. И вот вдруг, без какой-либо ясной причины, он бросил все и отправился в Питэрхед, который в то время богател от китобойного промысла. Он нанялся как раз на такое судно. Там он оставался в течение нескольких лет, постепенно превращаясь в человека нелюдимого и мрачного. Так бы все шло и дальше, но скоро китобои восстали против такого странного товарища, и ему пришлось искать работу в другом месте.

Он нашел ее в северной рыболовной флотилии, где ходил в плавание в продолжении многих лет и также снискал себе репутацию «слегка чокнутого». Со временем он перебрался в Крукен, где местный помещик — наверняка наслышанный о прошлом Сафта Тамми и, главным образом, о его происхождении — устроил его на работу почтальона, что делало его почти готовым пенсионером. Человек, который рассказал обо всем этом Мэкаму, закончил так:

— Все это очень странно, но, кажется, у старика есть некий необычный дар. Может, это так называемое «второе зрение», в которое мы, шотландцы, так свято верим, или какая-нибудь другая оккультная форма знания, я боюсь судить об этом с определенностью. Но доведись у нас случиться какой-нибудь беде, те рыбаки, кто живут по соседству с ним, могут вспомнить некоторые его изречения, которые, как ни круги, предсказывали это событие. Когда дыхание смерти носится в воздухе, выбирая жертву, он как-то неспокоен, возбужден, просыпается от вечного своего полудремотного существования.

Конечно, этот разговор не способствовал уменьшению тревог мистера Мэкама, и даже наоборот: мрачное предсказание о тщеславии и песках засело в его голову еще глубже.

Из всех книг, прочитанных им по вопросам мистики и толкования снов, ни одна не заинтересовала его так, как немецкий трактат «Die Doppelgänger», автором которого был некий доктор Генрих фон Ашенберг из Бонна. Оттуда он вычитал, что бывают случаи, когда личность раздваивается и обе ее половинки существуют совершенно отдельно — как телесно, так и духовно. Не надо и говорить, что мистер Мэкам приобрел твердое убеждение в том, что эта теория в точности описывает его собственный случай.

Свой затылок, отражающий свет луны, который он видел в ту драматичную ночь у кромки зыбучих песков, следы подошв его сапог, ведущие в гибельную впадину и не возвращающиеся обратно, предсказание Сафта Тамми о том, что ему суждено встретить самого себя и погибнуть в зыбучих песках,— все подталкивало мистера Мэкама к мысли о том, что он ведет двойное существование и временами его сознание поселяется в оболочке его двойника. Убедив себя в том, что он имеет двойника, Мэкам предпринял шаги к практической проверке этого умозаключения. Это нужно было ему для того, чтобы наконец

хоть немного успокоиться. С намеченной целью однажды, прежде чем отправиться спать, он незаметно для всех начертал мелом свое имя на подошвах своих сапог.

Ему опять снились зыбучие пески и то, как он разгуливает по ним. Сон, как и всегда, был почти физически ощутим, так что, бродя по туманному берегу вокруг впадины, он никак не мог представить себе, что на самом деле лежит в эти минуты в своей кровати. Открыв глаза, он первым делом проверил сапоги — меловая надпись была нетронута!

Он оделся и вышел из дома. Был прилив, поэтому он подошел к впадине с зыбучим песком не со стороны берега и пляжа, а со стороны дюн. Приблизившись, он вскрикнул. О ужас! Опять те же следы! И опять они тонут в песке, не возвращаясь обратно!

Домой он пришел изможденным не столько физически, сколько духовно. Ему казалось невероятным, что он, взрослый человек, коммерсант, проведший всю жизнь среди гама и возни Лондона, вдруг оказался втянутым в какую-то мистику и ужас и вынужден жить с сознанием того, что рядом по земле ходит еще один такой же мистер Мэкам... Ему нельзя рассказать о своей беде даже собственной жене, так как он отлично знал, что, узнав о его «двуличности», она доймет его расспросами о той, «второй жизни» и в результате обвинит его во всех видах неверности и измены.

Мысли роились в голове, и он запутывался в них все больше и больше.

Однажды вечером — на море был как раз отлив, и уже показалась луна — он сидел в ожидании ужина в гостиной, как вдруг вошедшая служанка сообщила, что Сафт Тамми, дежуривший, как обычно, у ворот «Красного дома», затевает скандал, так как его не хотят пускать к хозяину. Мэкам был разгневан, но, чтобы служанка не подумала, чего доброго, что он боится какого-то там полоумного старика, велел ей привести его.

Тамми вошел сразу же. Движения его были необычно резки и живы, голова чуть приподнята, и взгляд был устремлен, против обыкновения, не на свои ноги, а прямо перед собой. Он заговорил с ходу:

— Я пришел, чтобы посмотреть на тебя еще раз. Еще раз! И вот я вижу тебя! Ты все тот же попугай! Хорошо, человек! Я прощаю тебя! Ты запомни эти слова: я прощаю тебя! — И, не

говоря больше ни слова, старик быстро покинул дом, оставив хозяина в молчаливом возмущении.

После ужина Мэкам решил еще раз навестить зыбучие пески. Он не признавался даже самому себе в том, что боится идти туда. В девять часов он надел свой шотландский костюм, спустился на берег и, направившись ко впадине, уселся над нею, на вершине все той же невысокой скалы. Полная луна уже выкатилась в небо, и ее яркий свет залил бухту, хлопья пены у кромки берегов, темную полоску мыса и расставленные на просушку сети. Все смотрелось как-то особенно отчетливо. В желтой пелене мерцали огоньки крукенского порта и окна замка местного помещика.

В течение довольно долгого времени Мэкам тихо наслаждался ночной природой, в душе его поселился покой, которого он не знал вот уже много дней. Досада и раздражение, нелепые страхи последнего времени, казалось, наконец-то оставили его. Их место тут же заняло умиротворение. Святое умиротворение.

Находясь во власти торжественного настроения, он по-другому посмотрел на свой отдых в Шотландии. Ему стало стыдно за свое упрямство. И он решил, что этот вечер будет последним, когда он надевал этот костюм, который отдалил его от близких и любимых им людей, который доставил ему так много горя, раздражения и нервотрепки.

Но едва он пришел к этим заключениям, как внутри него проснулся другой Мэкам. Этот его второй, внутренний Мэкам насмешливо спросил: неужели он больше не наденет свой шотландский костюм, когда он из-за него столько вытерпел? Теперь уж слишком поздно, говорил вкрадчиво этот голос. Надо продолжать так же, как было до этой минуты.

«Нет, еще не поздно!» — быстро ответила лучшая, трезвая половина Мэкама. Погруженный в свои мысли, он поднялся со своего места и решил тут же пойти домой и избавиться от ненавистного костюма. Он бросил последний взгляд на окрестности, словно застывшие в ночной красоте. Свет луны побледнел, зато обрел мягкость. Глаза Мэкама проскользили по вершинам далеких скал, верхушкам деревьев на холме, крыше своего дома, затем он вновь посмотрел на море. Оно погрузилось в тень, и только видно было, как медленно, но неуклонно набегает вода на пляж — начался прилив. Мэкам спрыгнул со скалы и пошел по берегу.

Однако едва он сделал несколько шагов, как ужас свел судорогой его ноги. Кровь бросилась в голову и заслонила от него свет луны. Он увидел двойника! Тот стоял на противоположной стороне впадины. Ужас, охвативший англичанина, был тем сильнее, что контрастировал с красотой и покоем природы, которыми он только что любовался, сидя на скале. А теперь, парализованный страхом, он недвижно стоял на месте и смотрел на фатальный облик самого себя всего в нескольких футах. Их разделяла смертная чаша зыбучего песка. Он шевелился и морщился, как бы зазывая жертву в свои объятия.

Ошибки быть не могло! И хотя луна не осветила лицо двойника, Мэкам со страхом — словно в зеркале — увидел свои одутловатые щеки, маленькие двухнедельные усики... Лунный свет ласкал красочный шотландский костюм и орлиное перо на шапочке. Последняя была лихо сдвинута набок, и из-за нее выглядывала мэкамская лысина. На плече поблескивала брошь из дымчатого топаза, на животе — серебряные пуговицы.

Завороженно глядя на самого себя, Мэкам вдруг почувствовал, что его ноги стали потихоньку сползать. Он опустил взгляд вниз и с ужасом обнаружил, что стоит у самой кромки впадины с зыбучим песком. Вскрикнув, он отскочил назад, поднял взгляд на двойника и заметил, что тот придвинулся со своей стороны ко впадине. Так что расстояние между ними опять восстановилось.

Мэкам и его двойник стояли друг перед другом и разделявшей их смертью, замершие словно в каком-то роковом оцепенении. Сквозь удары сердца и шум крови в голове Мэкаму ему вдруг показалось, что он слышит слова предсказания: «Да встретиться тебе с самим собой!.. Да раскаяться! А песку — да пожрать тебя!» Теперь он встретился с самим собой. Раскаялся. Что ждет его? Смерть в зыбучем песке?! Слова сумасшедшего старика начинают сбываться.

Над его головой слышались крики чаек, стремительно пикирующих к пенной кромке воды в поисках пищи. Эти звуки готовили его к самому худшему. Неведомым образом его сапоги опять стали засасываться песком, он в страхе сделал несколько быстрых шажков назад. Едва он остановился, как тот, другой, также сделал несколько шагов. Только не назад, а вперед. Его ноги до лодыжек погрузились в смертоносный песок, и он стал медленно тонуть.

Глядя на эту сцену, Мэкам чувствовал стеснение в груди, которое наконец нашло выход в исполненном ужаса крике. В ту же секунду вопль, в котором соединились страх и предчувствие смерти, раздался и из уст его двойника. Мэкам в отчаянии вскинул вверх руки, то же сделал и его двойник. Завороженно глядя на то, как тонет в песке его двойник, Мэкам, повинуясь мистической силе, сам устремился вперед ко впадине. Но едва его нога ступила в ложе смерти, крики чаек вернули ему самообладание.

Неимоверным усилием воли он заставил себя отступить в безопасное место. В следующее мгновение Мэкам повернулся и побежал. Силы изменили ему уже далеко от берега, и он упал лицом вниз на тропинку и остался лежать, приходя в себя, окруженный песчаными барханами.

Артур Мэкам решил не сообщать семье о случившемся ночью ужасном приключении. По крайней мере, до тех пор, пока он окончательно не будет контролировать собственную психику и расшатанные нервы. Двойник, в котором он видел теперь олицетворение своей худшей половины, погиб в песке, и Мэкам ощутил прилив прежних сил и покоя.

В ту ночь он спал крепко и не видел снов, а наутро почувствовал себя прекрасно, как в старые добрые времена. Он был убежден, что все его терзания погибли вместе со второй половиной его личности. Удивительно, но Сафт Тамми не пришел утром на свой пост у ворот «Красного дома» и не появился больше никогда. Он сидел на своем старом стуле на берегу бухты, как всегда устремив потухший взгляд на свои ноги.

В соответствии с принятым накануне решением Мэкам не надел в этот день шотландский костюм, а, улучив удобную минуту, завязал его вместе с палашом и пистолетами в узел, снес на берег и бросил во впадину с зыбучим песком. Он с огромным удовольствием смотрел на то, как костюм тонет и как смыкается над ним мраморный безжалостный песок. Затем Мэкам вернулся домой. Настроение у него было прекрасное. Он нашел свою семью всю в сборе для вечерней молитвы и сделал свое торжественное сообщение:

— Теперь, дорогие мои, я рад сказать вам, а вы рады будете услышать то, что я оставил наконец мысль привыкнуть к шотландскому костюму. Только сейчас я понял, каким старым, упрямым дураком я был и насколько смешно выставлял себя перед

людьми! Этого костюма вы больше не увидите. Ни на мне, ни вообще.

— Но где же он, папа? — спросила одна из дочерей только для того, чтобы хоть как-то отреагировать на столь самоотверженное признание отца.

Он ответил ей спокойно и весело, а она подбежала к нему и поцеловала. Вот что он сказал:

— Он на дне впадины с зыбучим песком! И я надеюсь, что моя вторая половина — худшая и мрачная — похоронена там вместе с ним. Навечно!

Оставшаяся часть летнего отдыха в Крукене прошла прекрасно, и по возвращении в Лондон мистер Мэкам почти совсем забыл обо всех неприятностях, связанных для него с зыбучими песками. Но, как оказалось, ничто не проходит бесследно. Однажды он получил письмо от Маккаллума, которое заставило его серьезно задуматься. Он не обмолвился ни словом семье об этом послании и оставил его, по некоторым причинам, без ответа. В нем говорилось следующее:

«Торговый салон "Одежда"
Шотландки чистошерстяные
от гг. Маккаллума Мора и Родерика Макду
Коптхолл-Корт, Соед. Кор-во.
30 сентября 1892 г.

Дорогой сэр!

Смею надеяться, что вы извините мне мою дерзость писать вам, но мне крайне необходимо получить кое-какую информацию. Я извещен о том, что вы провели летний отдых в Абердиншире (Шотландия). Мой компаньон, господин Родерик Макду (по деловым соображениям и в рекламе он подписывался этим именем, но в действительности его зовут Иммануил Мозес Маркс), в начале прошлого месяца отправился также в Шотландию. Я получил от него всего лишь одну весточку, и это было вскоре после его отъезда. Я сильно встревожен: как бы с ним не произошло какое-нибудь несчастье. И поскольку мне не удалось получить ровно никакой информации о нем, куда бы я ни обращался и какие бы усилия ни прикладывал, я рискнул отправить это письмо вам.

В том его единственном послании, о котором я писал выше, он сообщал (находясь, по всей видимости, в крайне подавленном расположении духа), что опасается беды, которая-де нависла над ним из-за того, что он пожелал уважить традиции Шотландии и появиться в ее пределах в шотландском национальном костюме. Он писал, что однажды ночью ему довелось увидеть свое "зеркальное отражение".

Дело в том, что перед отъездом он обеспечил себя одеянием, подобным тому, что мы имели честь сшить для вас. Оно понравилось бедному Иммануилу так же, как и вам. Я отговаривал его от этой затеи, признаюсь откровенно. Но он был так же неумолим, как и вы. В конце концов он дал обещание, что сначала проверит его на себе поздним вечером или рано утром, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. И даже где-нибудь в пустынной местности. Он надеялся со временем привыкнуть к новому костюму.

К сожалению, он не сообщил о маршруте своих передвижений по Шотландии, так что я нахожусь в полном неведении относительно его настоящего местопребывания. Поэтому-то я и рискую обратиться к вам с просьбой припомнить: не видели ли вы или не слышали от кого-нибудь в Шотландии о точно таком же одеянии, какое было у вас? По соседству с тем поместьем, что вы приобрели для отдыха?

Не смею настаивать на ответе, особенно если вы ничего не сможете мне сообщить о моем бедном товарище. И все-таки смею думать, он остановился где-то действительно по соседству с вами. Дело в том, что на конверте с письмом, которое я получил от него, хоть и не было даты отправления, зато стоял штамп почтового отделения — "Йеллон". А это как раз в Эбердиншире и не так далеко от Мэйнс-Крукена.

Остаюсь вашим покорным слугой

С наилучшими пожеланиями

Иешуа Шини Коган Бенджамен
(Маккаллум Мор)»

Примечания

ДРАКУЛА
(1897)

С. 6. *Хомми-Бег.*— Б. Стокер посвятил роман своему близкому другу, английскому писателю Холлу Кейну (1853–1931). Хомми-Бег — его прозвище.

...точку зрения и меру понимания участников событий.— Манера написания романа — стилизация под дневниковые записи и переписку — заимствована Стокером у У. Коллинза, который использовал ее в своем произведении «Женщина в белом» (1860).

...самый западный из великолепных мостов, перекинутых через Дунай...— Имеется в виду мост, соединяющий Буду и Пешт, находящиеся на разных берегах реки.

С. 8. *Британский музей* — один из крупнейших музеев мира; основан в 1753 году. Имеет коллекции памятников первобытной и античной культуры, культуры Древнего Востока, богатейшее собрание гравюр, рисунков, керамики, монет; до 1973 года включал Библиотеку Британского музея. Современное здание построено в 1823–1852 годах. Во времена Б. Стокера количество посетителей доходило до 450 человек в день.

...секеи на востоке и севере — народ, близкий к венграм.

...ведут свой род от Аттилы и гуннов.— Аттила (?–453) — знаменитый полководец, царь, объединивший кочевой народ гуннов, сложившийся из тюркоязычных хунну, приуральских

угров и сарматов. Массовое передвижение гуннов на запад в конце IV века дало толчок Великому переселению народов.

С. 8. *Трансильвания* — историческая область на севере Румынии; в период описываемых событий находилась под властью Венгрии.

С. 11. *Сегодня канун Святого Георгия...*— День памяти Георгия Победоносца, христианского святого, отмечается 23 апреля (6 мая). Согласно легенде, Георгий родился в 285 году в знатной семье в Каппадокии (Восточная Анатолия). Прославился как отважный воин. Будучи приближенным римского императора Диоклетиана, отказался участвовать в гонениях на христиан. Был схвачен и после зверских пыток умерщвлен в 303 году. Считается, что в канун дня Св. Георгия сила вампиров, ведьм и прочей нечисти максимальна.

С. 12. *...принадлежа к англиканской церкви...*— Протестантская церковь, возникшая в XVI веке; является государственной церковью в Великобритании.

Медиаш — город в Венгрии.

С. 14. *В давние времена господари...*— титул правителей Валахии и Молдовы с XIV века по 1866 год.

С. 15. *...скирды сена на деревьях.*— По сей день крестьяне в Трансильвании сооружают копны сена вокруг жердей, воткнутых в землю. Именно эти живописно торчащие из сена жерди навели Стокера на образ «скирда на деревьях».

С. 17. *...прошептал своему соседу строку из «Леноры»...*— Баллада немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747—1794) рассказывает о девушке Леноре, ждущей своего возлюбленного Вильгельма из крестового похода. Однажды ночью Вильгельм возвращается и забирает Ленору с собой. Они вместе скачут на коне, и тут девушка понимает, что Вильгельм — мертвец.

С. 23. *Войдите в него свободно и по доброй воле.*— Согласно европейским поверьям, дьявол (и вообще нечистая сила) вступает в контакт только с людьми, добровольно идущими на него.

С. 27. *Хэмптон-корт* — величественный дворец с парком на берегу р. Темзы близ Лондона, памятник английской дворцовой архитектуры. Построен в 1515—1520 годах. Королевская резиденция до 1760 года.

...«Красная» и «Синяя» книги, «Уитакер»...— «Красная книга» — ежегодный биографический справочник. «Синяя книга» — парламентские документы и отчеты, переплетаемые традиционно в синюю обложку. «Уитакер» — ежегодный справочник, который включает сведения и о зарубежных странах; назван по имени первого издателя.

С. 28. *...чужестранец на чужбине...*— Цитата из Библии. Исход, 2, 22.

С. 30. *...со справочником «Брадшо»...*— подробный справочник расписания движения на британских железных дорогах.

С. 37. *...выделилось племя угров...*— обобщающее название западносибирских манси и хантов и дунайских венгров, народов, родственных по языку.

...которым их наделил Тор и Один...— Тор — бог грома, бури и плодородия, один из главных богов скандинавской мифологии. Один — верховный бог скандинавов и бог войны.

Берсеркеры — древнескандинавские воины, прославившиеся бесстрашием и жестокостью; считалось, что во время битвы они могут обернуться в медведя или волка.

Арпад, передвигаясь со своими легионами...— Арпад — преемник Аттилы, родоначальник династии, правившей Венгрией вплоть до 1301 года.

Гонфоглалас — в переводе с венгерского обозначает «завоевание родины».

Кто из Четырех Наций...— подразумеваются скорее всего мадьяры, секеи, германцы и валахи.

...великий позор моего народа — позор Косова...— Первая битва на Косовом поле в 1389 году была выиграна турецким султаном Мурадом I. Во второй битве в 1448 году войска венгерского регента Яноша Хуньяди тоже потерпели сокрушительное поражение от турок.

С. 38. *...переправился через Дунай и разбил турок на их же земле?* — В 1456 году, когда Янош Хуньяди нанес поражение османским войскам в Белградской битве, в числе его военачальников был Влад Цепеш (?—1476), господарь Валахии, настоящая фамилия которого — Дракул. Получил прозвище Цепеш от румынского слова «tеара» — «кол» за то, что сажал своих противников-бояр на кол.

...его недостойный родной брат...— брат Влада по имени Раду, прославившийся любовью к роскоши и разврату.

А когда после битвы при Мохаче...— Битва у города Мохач в 1526 году между войсками турецкого султана Сулеймана I и венгерского короля Лайоша II окончилась победой турок, и

часть Венгерского королевства попала в зависимость от Османской империи.

...во время обучения в «Линкольнз инн».— Учебное заведение, которое готовит преимущественно адвокатов, выступающих в судах высшей инстанции. Названо по имени первого владельца здания.

С. 39. *...Ньюкасл, или Дарем, или Харидж, или Дувр...*— Во всех упомянутых городах есть старинные замки, к которым Дракула может проявлять повышенный интерес.

С. 44. *...ни из кулеврины...*— Вероятно, здесь имеется в виду ручное огнестрельное оружие типа мушкета, применявшееся во Франции с XIV по XVI век.

С. 45. *Мои таблички...*— Шекспир. «Гамлет», акт I, сцена 5. Перевод М. Лозинского.

С. 61. *...взгляд василиска.*— Чудовище с телом петуха и хвостом змеи. Взглядом василиск парализует свою жертву.

С. 67. *...сочувствую бедняжке Дездемоне...*— Имеется в виду эпизод из пьесы Шекспира «Отелло», акт I, сцена 3, где Отелло рассказывает Дездемоне о своих приключениях.

С. 68. *...к семерым евангельским невестам со светильниками.*— В евангельской притче дев было десять (От Матфея, 25, 1–10): «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взявши светильники свои, вышли на встречу жениху; из них пять было мудрых и пять неразумных; неразумные, взявши светильники свои, не взяли с собою масла; мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих; и как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: "вот, жених идет, выходите на встречу ему". Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: "дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут". А мудрые отвечали: "чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе". Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились».

С. 71. *...высадиться на Маркизских островах...*— Острова в Тихом океане.

...на берегах Титикаки.— Величайшее высокогорное озеро, находится в Андах.

С. 73. *Аббатство Уитби.*— Монастырь, положивший начало аббатству, был заложен в 658 году. Датчане разорили аббатство Уитби в 867 году.

...и где разворачивается действие той части «Мармиона»...— Поэма Вальтера Скотта, написанная в 1807 году, рассказывает о том, как из-за любви к рыцарю Мармиону героиня поэмы Констанция нарушила монашеский обет, но рыцарь предал девушку, и ее замуровали в стену аббатства Уитби.

...легенда о Белой даме...— Белая дама — призрак дочери основателя монастыря. Призрак, несущий фонарь, появляется в северном окне аббатства в штормовые ночи, чтобы помочь морякам благополучно добраться до берега.

С. 75. *...собрались члены Армии спасения.*— Имеется в виду протестантская религиозная организация, основанная в Лондоне в 1865 году в филантропических целях.

С. 78. *Вивисекцию порицали...*— Операции на животных, проводившиеся с научными целями, долго вызывали всеобщее осуждение.

...физиология Бердон-Сандерсона и учение о мозге Феррьера...— Упоминаются Бердон-Сандерсон (1828–1905) — физиолог, впервые измеривший электрические импульсы, исходящие от сердца, и Джеймс Фредерик Феррьер (1808–1864) — шотландский философ-метафизик.

С. 84. *Иль нарисован океан и нарисован бриг?* — Строки из поэмы С. Т. Кольриджа (1772–1834) «Сказание о Старом Мореходе».

С. 87. *...право собственности входит в противоречие с правом «мертвой руки», поскольку румпель, как символ, если и не как доказательство принадлежности имущества, держит рука мертвеца.*— Игра слов, построенная на юридическом понятии «право мертвой руки», закрепляющем неотчуждаемое право собственности на недвижимость, которая принадлежит Церкви.

...твердость духа, под стать юному Касабьянке...— Герой стихотворения Ф. Хеманс, написанного в 1827 году, молодой моряк погиб, но не ушел с палубы горящего корабля.

С. 88. *«Деметра».*— Выбор названия судна, на котором вампир прибыл в Англию, не случаен: Деметра, греческая богиня плодородия, связана узами родства с Аидом, повелителем царства мертвых.

С. 89. *Бакшиш* — слово, пришедшее со Среднего Востока, означает «подарок, взятка на чай».

С. 90. *...вахту на левом борту до восьми склянок...*— то есть до четырех часов: на флоте «склянка» обозначает полчаса.

...берется рассеять все их тревоги при помощи гандшпуга.— Гандшпуг — деревянный или металлический рычаг, который на корабле используют для подъема и передвижения тяжестей.

С. 96. *«Новые женщины»* — суфражистки, участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав.

С. 98. *Церковь Святой Марии* — построена в XII веке, сохранилась до наших дней.

С. 101. *...слушали хорошую музыку Шпора и Маккензи...*— Людвиг Шпор (1784–1859) — немецкий композитор, скрипач, дирижер, Александр Кэмпбелл Маккензи (1847–1935) — английский композитор, скрипач.

С. 104. *Кингс-Кросс* — вокзал в северной части Лондона.

С. 109. *...хлорал, современный Морфей...*— Морфей — бог сновидений в греческой мифологии.

С. 110. *...о хлебах и рыбах...*— «...Здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, раздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел» (От Иоанна, 6, 9–11).

С. 111. *Сам Джек Шеппард не смог бы освободиться...*— Джек Шеппард (1702–1724), английский преступник, приговоренный к смерти, бежал из тюрьмы с помощью возлюбленной. Был пойман, но сбежал вторично, по дымоходу вылез на крышу и перебрался в соседний дом. Но в конце концов его арестовали и казнили.

С. 116. *Как замечательно Дизраэли знал жизнь!* — Бенджамин Дизраэли (1804–1881) — английский писатель и политик. Известен своими афоризмами.

С. 141. *...цветы лотоса...*— древние египтяне и греки считали, что цветы лотоса дарят забвение.

Они пахнут, как воды Леты...— В греческой мифологии — река забвения в подземном царстве. Души умерших, выпив воду из Леты, забывали о своей земной жизни.

С. 143. *...как Офелия в пьесе, с венком на голове и вся в цветах.*— Шекспир. «Гамлет», акт V, сцена 1 (сцена похорон Офелии).

С. 155. *Лауданум* — настойка опия, успокоительное, широко распространенное в XIX веке.

С. 172. *«Уснула, и кажется нам — умерла; Скончалась, мы думаем — спит».*— Строки из стихотворения английского поэта Томаса Гуда (1799–1845) «У смертного одра» даны в переводе М. Л. Михайлова.

С. 188. *...даже Эллен Терри не столь очаровательна...*— Эллен Терри (1847–1928) — друг Б. Стокера, одна из самых известных английских актрис, прославившаяся главным образом игрой в шекспировских пьесах. Сценическая партнерша Генри Ирвинга.

С. 201. *...Шарко это довольно убедительно доказал.*— Жан Мартен Шарко (1825–1893) — врач-невропатолог и психиатр, изучал заболевания нервной системы.

Почему это Мафусаил прожил девятьсот лет...— Библейский персонаж, чье долголетие вошло в поговорку, прожил 969 лет. Бытие, 5, 21, 25–27.

...старый Парр — сто шестьдесят девять...— Имеется в виду легендарный англичанин Томас Парр. Существует предположение, что это были два разных человека, полные тезки, у одного из которых заимствовали дату рождения (1484), а у другого — дату смерти (1635).

С. 203. *...от одного американца...*— Имеется в виду Марк Твен, с которым Стокер встречался в Лондоне в 1896 году.

С. 204. *И убедиться в том, чего страшишься знать.*— Строка из романа в стихах «Дон Жуан» Байрона.

С. 207. *...дело рук похитителя трупов...*— Похищение трупов, в частности для продажи их медикам, было в те времена достаточно распространенным явлением.

С. 222. *...изгибы тела напоминали кольца змей Медузы...*— У Горгон, чудовищ из греческой мифологии, вместо волос были змеи; взглядом Горгоны превращали живое в камень. Из трех Горгон единственной смертной была Медуза.

С. 225. *Он был подобен Тору...*— См. примечание к с. 37.

С. 250. *...друга Арминия...*— Имеется в виду Арминий Вамбери (1840–1912), выдающийся ориенталист, лингвист и путешественник, друживший со Стокером и вдохновивший его на написание «Дракулы».

С. 254. *...в ночь перед дерби.*— Дерби — ипподромные состязания трехлетних скаковых лошадей, названные так в честь организатора лорда Дерби. Первый раз проведены в 1780 году.

С. 270. *...слова Писания: «столп облачный днем, и столп огненный ночью».*— Исход, 13, 21–22.

С. 279. *Мальволио* — персонаж комедии Шекспира «Двенадцатая ночь».

...духовного состояния Еноха.— Персонаж из Ветхого Завета: «Енох жил шестьдесят пять (165) лет, и родил Мафусала. И ходил Енох пред Богом, по рождении Мафусала, триста лет (200), и родил сынов и дочерей. Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Бытие, 5, 21–24).

С. 280. *...быть «жестоким во благо».*— Шекспир. «Гамлет», акт III, сцена 4.

С. 281. *...«мышек, крыс и прочую живность»...*— Шекспир. «Король Лир», акт III, сцена 4.

С. 318. *Нож «кукри»* — боевое оружие одного из племен, живущих в Непале.

С. 327. *...начертала это огнем на стене.*— Имеется в виду эпизод из Ветхого Завета, где рассказывается о пророчестве, которое Бог дал царю Валтасару: «В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампады на извести стен чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала. <...> И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот — и значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ— ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС— разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Даниил, 5, 5, 25–28).

С. 356. *Так бы определили его Нордау и Ломброзо...*— Макс Нордау (1849–1923) — немецкий врач и литератор, написавший книгу «Дегенерация», в которой попытался показать связь между гениальностью и моральным разложением человека. Чезаре Ломброзо (1835–1909) — итальянский психиатр и криминалист.

С. 357. *...как говорит великий псалмопевец.*— «...Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил» (Псалом 7, 16); «Обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их» (Псалом 9, 16).

СОКРОВИЩЕ СЕМИ ЗВЕЗД (1903)

С. 397. *Барристер* — адвокат, практикующий в верховных судах.

С. 398. *Найтсбридж* — фешенебельный район Лондона, известен своими ювелирными и антикварными магазинами.

Кенсингтон-Палас-Гарденз — улица, на которой расположены роскошные особняки.

Ноттинг-Хилл — район в западной части Лондона. В XIX веке был населен в основном бедняками.

Кенсингтонский дворец — один из королевских дворцов, место рождения королевы Виктории (1819–1901).

С. 404. *Боу-стрит* — названный по имени улицы главный уголовный полицейский суд в Лондоне.

С. 406. *Битум* — горная смола.

Нард — душистое вещество, добытое из корневищ кустарника с одноименным названием, произрастающего в Гималаях.

С. 411. *Джон Ди* (1527–1608) — математик, придворный алхимик Марии и Елизаветы Тюдор. В начале 1580-х годов Ди совершил многолетнее путешествие по Европе. Он посещал дворы крупнейших европейских монархов, где устраивал сеансы волшебства и магии.

С. 413. *...саркофаг с мумией кошки.*— Кошка — священное животное богини радости и веселья Баст. В центре культа Баст, городе Бубастисе, существовал некрополь, где были захоронены мумии кошек.

С. 422. *Тацца (ит.).* — плоский сосуд, напоминающий блюдо, зачастую помещавшийся на подставку.

Скарабей.— Для древних египтян скарабей являлся символом жизни и солнца.

...фигурки павиана, шакала, сокола и человека...— Фигуры изображают сыновей бога Гора — Амсета, Хапи, Кебексенуфа и Дуамутефа, которые считались астральными богами, спутниками созвездия «Бедра коровы» (Большая Медведица) на Северном небе. В мистериях Осириса (см. примеч. к с. 466) их главной функцией была охрана Осириса, защита его от врагов. Ту же роль эти боги выполняли по отношению к умершему человеку, который назывался «Осирис имярек». Эти боги участву-

ют в бальзамировании умершего и хранят его внутренности в канопах — хранилищах внутренностей умершего. Крышки канопов изображают каждого из сыновей Гора. В канопе с головой павиана — Дуамутефа — хранится желудок; с головой шакала — Хапи — легкие; с головой сокола — Кебексенуфа — кишки; с головой человека — Амсета — печень. Каждый из богов считался выражением сущности одной из душ человека: Амсет — Ка (см. примеч. к с. 492), Дуамутеф — Ба, Кебексенуф — Сах (мумия), Хапи — сердце.

...бога с головой сокола...— Гор — божество, воплощенное в соколе. Гор изображался в виде сокола, человека с головой сокола или крылатого солнца. Его символ — солнечный диск с распростертыми крыльями. Существуют две тесно связанные между собой ипостаси Гора: Гор — сын Исиды (Гор-са-Исет) и Гор Бехдетский.

Гор — сын Исиды действует прежде всего как мститель за своего отца Осириса. Согласно мифу о Горе — сыне Исиды, она зачала его от мертвого Осириса, коварно убитого Сетом, богом пустыни. Удалившись в болота Дельты, Исида воспитала сына. Возмужав, Гор на суде богов в споре с Сетом добивается признания себя единственным наследником Осириса. В битве с Сетом Гор сначала терпит поражение, Сет вырывает у него глаз — чудесное око, но затем в долгой борьбе Гор побеждает Сета. Свое око Гор дает проглотить Осирису, и тот оживает. Воскресший Осирис передает свой трон в Египте Гору, а сам становится царем загробного мира.

Гор Бехдетский, муж Хатхор (см. примеч. к с. 465), отец Гора Сематауи, в основном выступает как борющийся с силами мрака бог света, его глаза — луна и солнце. Гор Бехдетский сопровождает ладью своего отца, бога Ра, плывущую по Нилу, и поражает врагов Ра, принявших облик крокодилов и гиппопотамов. Гор Бехдетский изображен стоящим на ладье впереди Ра, в руках у него гарпун, которым он поражает крокодила.

И тот и другой покровительствуют царской власти. Фараоны являются служителями Гора, преемниками его власти над Египтом. Своими крыльями Гор охраняет царя.

Еще одна ипостась Гора — Гор-Сематауи, Гор — объединитель Обеих Земель (Верхнего и Нижнего Египта).

С. 433. *Больница Святого Фомы* — одна из старейших больниц в Англии, основанная в 1552 году.

С. 438. *...в виде двух крыльев из золота, между которыми был укреплен круглый желтый самоцвет, обвитый серебряными змеями.*— Браслет сделан в виде символа Гора (см. примеч. к с. 422).

С. 461. *...тысячи мелких иероглифов сине-зеленого цвета.*— Цвета красок, применявшихся в гробницах, символизировали: синий — небо и тела небесных богов, красный — огонь и кровь, зеленый — возрождение.

С. 465. *Хатхор* — богиня неба. В древнейший период почиталась как небесная корова, родившая солнце. Впоследствии изображалась женщиной с рогами и иногда ушами коровы, но в некоторых местностях сохранила облик коровы. Хатхор почиталась также как богиня любви, веселья, музыки, пляски. Иногда отождествлялась с Баст, чьим символом была кошка. Хатхор охраняет фараона, дарует плодородие. Встречает умерших на пороге подземного царства.

...в короне двух Египтов...— После объединения Верхнего и Нижнего Египтов около 3000 года до н. э. фараоны, правившие страной, возлагали на свою голову двойную бело-красную корону.

С. 466. *Урей* — священная кобра, символ непобедимости и могущества фараона.

Ра — бог солнца. Как и многие другие солнечные божества, воплощался в образе сокола или громадного кота. Его считают создателем мира и людей (возникших из его слез), отцом богов и отцом царя. Фараон называет себя «сыном Ра».

Осирис — царь загробного мира, бог плодородия и производительных сил природы. Осирис считается богом земных глубин, на его плечах покоится вся вселенная, из пота его рук вытекает Нил.

Птах — бог-творец. Птах изображался в виде человека в одеянии, плотно облегающем и закрывающем его, кроме кистей рук, держащих посох. Птах создал первых восемь богов, мир и все в нем сущее. Он творил «языком и сердцем», задумав творение в сердце своем и назвав задуманное языком.

Сокар — бог плодородия и покровитель мертвых. Отождествлялся с Птахом (Птах-Сокар), Осирисом (Осирис-Сокар) и считался его душой Ба и мумией (см. примеч. к с. 492). Культ Осириса оттеснил почитание Сокара в Мемфисе.

Тот — бог мудрости, счета и письма. Тоту приписывалось создание всей интеллектуальной жизни Египта. Как бог луны он вел счет дням, месяцам, году. Он разделил время на месяцы и годы, его называли «владыкой времени». Он записывал дни рождений и смертей, вел летописи. Тот создал письменность и научил людей счету и письму. Писцы считали его своим покровителем и перед началом работы совершали ему возлияния. Тот «управлял всеми языками» и считался языком бога Птаха. Тоту приписывалось создание священных книг. В культе мертвых Тоту принадлежала ведущая роль.

С. 471. *Баст* — см. примечание к с. 413.

С. 477. *Джон Гривс.*— Джон Гривс (1601–1656) — путешественник, профессор астрономии Оксфордского университета. В 1638 году побывал в Египте, изучал пирамиды и погребальные обряды египтян. В 1646 году опубликовал книгу «Пирамидография, или Рассуждение о пирамидах в Египте».

С. 485. *Юнг.*— Томас Юнг (1773–1829) — врач, физик, египтолог. Автор трудов по акустике и астрономии, занимался расшифровкой иероглифов.

Шампольон.— Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) — филолог, археолог. Первым расшифровал иероглифы. Автор первой грамматики и словаря древнеегипетского языка.

Лепсиус.— Карл Рихард Лепсиус (1810–1884) — египтолог, археолог, языковед, искусствовед. Его находки лежат в основе египетской коллекции Государственного музея в Берлине. Написал двухтомный труд «Памятники Египта и Эфиопии».

Розелини — итальянский археолог, одним из первых начавший раскопки захоронений фараонов в Долине Царей.

Мариетт.— Огюст Мариетт (1821–1881) — египтолог, археолог, основатель Египетского музея.

Питри.— Уильям Мэтью Флиндерс Питри (1853–1942) провел в Египте сорок шесть лет, в течение двадцати лет профессор Лондонского университета, универсальный специалист по истории Египта.

С. 487. *Египет — место небезопасное для путешественников, особенно если они англичане.*— В 1882 году англичане оккупировали Египет под предлогом неспособности правительства Египта контролировать судоходство по Суэцкому каналу.

С. 489. *Анубис* — покровитель умерших, почитался в образе лежащего шакала черного цвета или в виде человека с головой шакала или собаки. Анубис играет исключительную роль в погребальном ритуале. Одной из важнейших функций Анубиса была подготовка тела покойного к бальзамированию и превращение его в мумию. Анубис расставляет вокруг умершего в погребальной камере сыновей Гора и дает каждому канопу с внутренностями покойного для их охраны.

...на север...— Б. Стокер подчеркивает необычное направление погребальной процессии, так как всех мертвецов в Древнем Египте хоронили на западе, на западном берегу Нила.

Гор-Па-Херд — Гор-ребенок, одна из ипостасей Гора — сына Исиды. Изображался в виде мальчика, держащего палец у рта. Древние египтяне истолковывали этот жест как знак молчания.

С. 492. *Хеопс* — фараон IV династии (2723–2563 до н. э.), прославившийся строительством самой большой пирамиды.

...Ка правительницы...— Посмертное существование тела являлось, по древнеегипетским понятиям, непременным условием вечной жизни. Это и привело к появлению обряда мумификации. Тело умершего после этого обряда считалось божественным. В заупокойных текстах его называли словом «сах», что являлось равнозначным понятию «мумия» («священные останки»).

В человеке существовал нематериальный двойник его физического тела — Ка. Ка представлялось вещественным, обладающим плотью и способностью потреблять пищу. С этим связывалось одно из условий жертвенных воздаяний. Ка мыслилось как некая субстанция, живущая вечной жизнью вне человека. Сущность человека представлялась египтянам состоящей из ряда материальных и нематериальных компонентов. Воплощением человеческой (и божественной) жизненной силы помимо Ка являлись также Ба — «проявление», приходившее на суд Осириса и державшее ответ за прижизненные деяния человека, Ах (Просветленный), Шуит (Тень) и Рин (Имя).

С. 502. *Мраморная фигурка хранителя...*— Аль-Масуди, человека, давшего описание «хранителя», называют «арабским Геродотом», он родился в конце IX века и умер в 956 году. Приведенная цитата взята из книги «Промывание золота и россыпи драгоценных камней».

С. 507. *...последний год правления королевы.*— Имеется в виду королева Виктория, умершая в 1901 году.

С. 522. *...«волшебников и гадателей».*— Цитата из Библии. Первая книга Царств, 28, 7–9.

Гадатель — по поверьям древних египтян и иудеев — прирученное колдуном животное, в которое вселяется при гадании дух колдуна.

С. 527. *...великим предшественником из Четвертой династии...*— имеется в виду Хеопс.

С. 531. *«Ушебти»* — символический слуга умершего.

С. 544. *...построенное во времена якобитов...*— Якобиты — сторонники короля Якова II, правившего с 1685 по 1688 годы, и его наследников.

С. 547. *Ассизские суды* — выездные сессии суда присяжных, созывались в каждом графстве не меньше трех раз в год.

...корнуоллцев...— Корнуолл — графство на юго-западе Великобритании, имеет живописное побережье. Коренные жители — кельты.

С. 550. *Хепри* — один из древнейших богов. Во многих текстах он назван утренним, восходящим солнцем. Воплощался в образе навозного жука — скарабея.

С. 559. *Александрийская библиотека* — основана в III веке до н. э., насчитывала 700 000 томов на многих языках древнего мира. Сожжена в 391 году фанатиками-христианами.

С. 564. *Вильям Рамзай* — английский химик и физик (1852–1916), удостоенный в 1904 году Нобелевской премии за открытие пяти новых химических элементов, составивших группу инертных газов.

Аэролит — устаревшее название каменного метеорита.

С. 580. *Праксителъ* (ок. 390 — ок. 330 до н. э.) — древнегреческий скульптор. Мраморным статуям Праксителя присуща чувственная красота.

ЛОГОВО БЕЛОГО ЧЕРВЯ (1911)

С. 591. *Лессер-хилл.*— Название поместья можно перевести с английского как «Меньший холм».

С. 594. *...ко двору Вильяма Четвертого.*— Вильям IV (1765–1837) — король Англии, отец королевы Виктории.

С. 595. *«Кастра Регис».*— По-латыни Castra regis — «Царский лагерь».

С. 596. *«Римляне в Британии».*— Британские острова в первом тысячелетии до н. э. населяли кельтские племена — бритты. В 55 году до н. э. в Британии высадились солдаты Юлия Цезаря, а в I веке н. э. большая часть острова была завоевана римлянами. Более четырех столетий Британия являлась частью Римской империи. Римляне строили дороги и возводили города. Именно ими были заложены Лондон, Йорк и Уинчестер.

Мерсия — После ухода римлян Британия в V–VI веках была завоевана англосаксами, и на ее территории образовались семь враждующих между собой языческих королевств: Эссекс, Восточная Англия, Кент, Мерсия, Нортумбрия, Сассекс и Уэссекс. Мерсия находилась в самом центре Британии.

С. 597. *«Дум-Тауэр».*— Название поместья можно перевести с английского как «Башня судьбы».

С. 599. *...во времена Георга Третьего.*— Георг III (1738–1820) — английский король.

С. 603. *Друиды* — жрецы древних кельтов, являлись также прорицателями, судьями, врачами и учителями.

С. 604. *...границы с Уэльсом — дикой и опасной...*— Римляне оттеснили не принявшие их владычество враждебные племена кельтов в Шотландию, Корнуолл и Уэльс.

...нашествие норманнов...— Имеется в виду вторжение в Британию во главе с Вильгельмом Завоевателем в 1066 году.

...правления Генриха Первого...— Генрих I (1068–1135) — младший сын Вильгельма Завоевателя. Считался мудрым правителем, за что получил прозвища «Ученый» и «Лев справедливости».

С. 606. *Августин* — монах, посланный в начале VII века из Рима Папой Григорием для того, чтобы обратить в христианство язычников в Британии. Основатель и первый настоятель Кентерберийского собора. Канонизирован.

С. 640. *...со знаменитым Месмером.*— Франсуа Месмер — врач, ввел понятие о «животном магнетизме», с помощью которого якобы можно излечивать болезни.

С. 655. *Бэс* — божество, охраняющее человека от бедствий, покровитель семьи. Египтяне верили, что Бэс изгоняет злых духов и помогает при родах. Изображался в виде человека-карлика, кривоногого, с широким уродливым бородатым лицом, искаженным гримасой. Считалось, что уродство Бэса отпугивает

злых духов. На голове Бэса обычно большая тиара из перьев или листьев. Иногда он изображался с ножом в руках или танцующим, с музыкальным инструментом (танцующий Бэс считался богом веселья). Нож и музыкальный инструмент должны были устрашать врагов. Сохранилось огромное количество амулетов в виде Бэса, имевших защитный характер.

С. 714. *...чартистские волнения.*— Чартизм — первое массовое рабочее движение в Великобритании (1830–1850 гг.).

В ГОСТЯХ У ДРАКУЛЫ (1914)

С. 743. Предисловие к лондонскому изданию 1966 года.

С. 753. *«Ибо скор у мертвых шаг».*— См. примечание к с. 28.

С. 782. *Ирвинг еще не сыграл своего Фауста...*— Имеется в виду Генри Ирвинг (1838–1905) — знаменитый английский актер, друг Б. Стокера. Одной из лучших его ролей был Фауст из одноименной трагедии К. Марло (1564–1593). Действие пьесы происходит в Нюрнберге.

С. 784. *Клод Лоррен* (1600–1682) — французский живописец и график, автор пейзажей, проникнутых мечтательно-элегическим настроением.

С. 850. *Первая Республика.*— Первая Французская Республика была провозглашена в 1792 году и просуществовала до установления военной диктатуры Наполеона в 1799 году.

С. 865. *Артур Веллингтон* (1769–1852) — английский фельдмаршал, участник войн с Наполеоном, командующий союзными войсками при Ватерлоо. *Гебхард Блюхер* (1742–1819) — прусский генерал-фельдмаршал. В 1815 году командовал прусской армией, участвовавший в сражениях при Ватерлоо.

Владимир Иванов

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАКУЛА (*Перевод Н. Сандровой*) 5

СОКРОВИЩЕ СЕМИ ЗВЕЗД (*Перевод Н. Докучаевой*) 393

ЛОГОВО БЕЛОГО ЧЕРВЯ (*Перевод О. Васант*) 589

В ГОСТЯХ У ДРАКУЛЫ (*Перевод В. Смирнова*) 741

От издателя 743

Слово вдовы писателя 744

В гостях у Дракулы 745

Дом Прокурора 760

Скво 782

Тайна золотистых прядей 797

Цыганское пророчество 813

Возвращение Абеля Бегенны 825

Крысы-могильщики 846

Окровавленные руки 875

Крукенские пески 886

Примечания 911

Литературно-художественное издание

Брэм Стокер

ГРАФ ДРАКУЛА, ВАМПИР

Ответственный редактор *В. Иванов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректор *Е. Гуляева*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Доджа*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург,
ул. Блохина, 20/7. Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых монтажей 16.02.2006.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 48,72.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ 1530.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат",170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@ tverpk.ru

БРЭМ

СТОКЕР

Bram Stoker